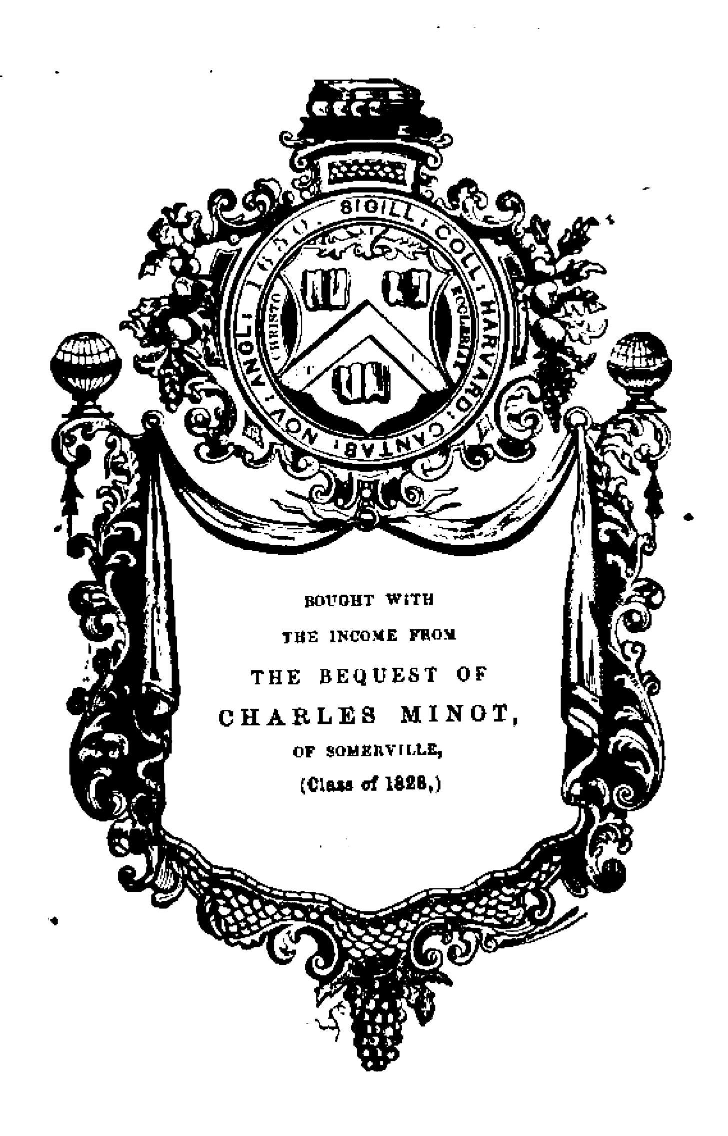
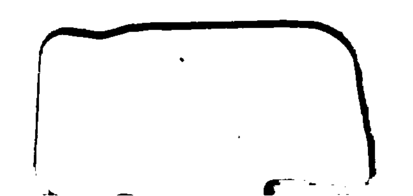
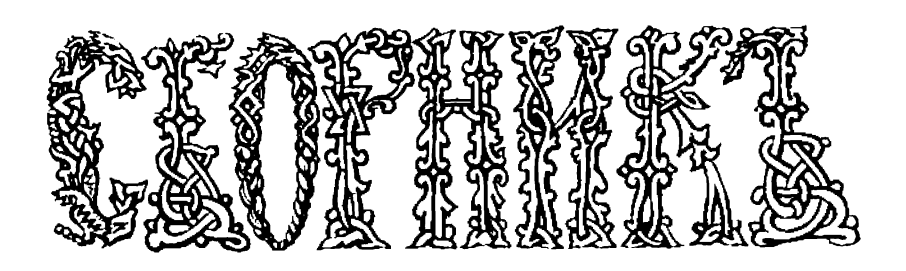

SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650
CHRISTO
ECCLESIAE
BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
CHARLES MINOT,
OF SOMERVILLE,
(Class of 1828,)

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

Stich u. Druck v. A. Weger in Leipzig

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

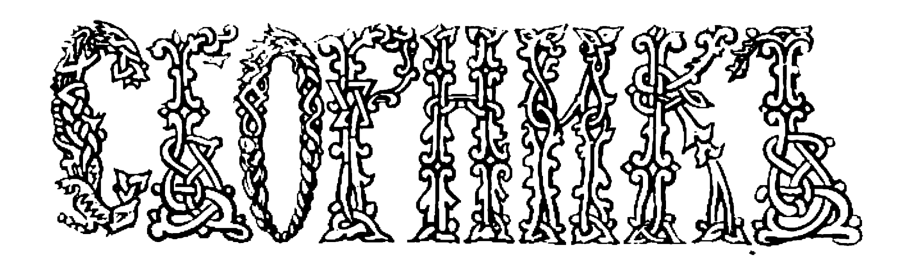
ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1881

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1881

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества, Сенатора, А. А. Половцова.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

Въ составъ втораго тома изслѣдованія моего: «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени» вошли послѣднія четырнадцать главъ біографіи, примѣчанія и приложенія къ этимъ главамъ.

Второй томъ, обнимающій періодъ жизни князя Безбородки, съ 1788 по 1799 годъ, дополненъ извѣстіями, которыя появились въ литературѣ во время печатанія этого тома, а также и неизданными весьма важными историческими документами, а именно:

1, подлинными бумагами барона О. А. Игельстрома, о Верельскомъ мирѣ, сообщенными мнѣ по распоряженію Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, сенатора А. А. Половцова,

2, копіями съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу, о Шведской войнѣ, а также и Записками Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, доставленными и указанными мнѣ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ,

3, подлинными письмами князя А. А. Безбородки къ графу Н. П. Панину, за 1797 и 1798 годы царствованія императора Павла I, доставленными мнѣ отъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, посла нашего въ Лондонѣ, Предсѣдателемъ Общества А. А. Половцовымъ и

4, копіею стиховъ, будто-бы написанныхъ графомъ А. А. Безбородкою: «Епиграмма сочинителю исторіи Петра Великаго Ивану Ивановичу Голикову», сохранившейся въ Остафьевскомъ архивѣ князя П. П. Вяземскаго

Второй томъ о князѣ Безбородкѣ занялъ двадцать девятый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, напечатаннаго подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества, А. А. Половцова.

Къ тому этому приложены: двѣ гравюры, на стали, работанныя въ Лейпцигѣ, Августомъ Вегеромъ: 1, портрета князя Безбородки, въ парадномъ мундирѣ и 2, памятника, поставленнаго на могилѣ его въ палаткѣ Александро-Невской лавры, а также и 3, планъ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, съ малою ризницею и и палаткою, для указанія мѣста погребенія тѣла князя Безбородки, съ объясненіемъ плана

Въ заключеніе считаю для себя пріятнѣйшимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность мою лицамъ, столь обязательно и радушно оказавшимъ свое просвѣщенное содѣйствіе многолѣтнему труду моему; фамиліи ихъ поименованы въ біографіи, примѣчаніяхъ приложеніяхъ и указателѣ.

Николай Григоровичъ.

С.-Петербургъ.
Январь 1881 года.

XI.

Война съ Турціею и Швеціею. Проектъ В. В. Капниста. Дѣло И. В. Якобія. Отношенія къ А. М. Дмитріеву-Мамонову. Появленіе П. А. Зубова.

Въ исходѣ 1787-го года, когда война съ Турціею только что разгоралась, новая невзгода посѣтила Россію: 4-го ноября Совѣту при ея величествѣ доложено было письмо посла нашего въ Стокгольмѣ къ вице-канцлеру „о непріязненныхъ видахъ короля Шведскаго на Лифляндію". Густавъ III мечталъ о возможности возвратить Финскіе берега и Балтійскія провинціи, отнятыя отъ Швеціи Петромъ Великимъ. Совѣтъ, „соображая сіе извѣстіе съ безпокойнымъ нравомъ и легкомысліемъ этого сосѣда нашего, признавалъ за нужное, въ осторожность, укомплектовать гарнизонные батальоны въ Ревелѣ и Аренсбургѣ" [1]).

О „легкомысліи" короля Шведскаго относительно видовъ его на Россію, еще въ маѣ 1785-го года, Датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ Сенъ-Сафоренъ намекалъ вице-канцлеру въ разговорѣ съ нимъ. Посолъ сообщилъ графу Остерману, „что, по извѣстіямъ двора его, въ Швеціи разныя военныя пріуготовленія продолжаются, и что положено быть лагерю въ Финляндіи, куда и самъ король намѣренъ ѣхать. Что онъ за долгъ почитаетъ подать повторительное увѣреніе, что дворъ его намѣренъ твердо держаться обязательствъ своихъ со дворомъ здѣшнимъ". Въ 1786 году, 1-го апрѣля, посолъ Великобританіи Фицгербертъ, на конференціи еще яснѣе высказался графу Остерману о видахъ короля Густава III. Онъ ему сообщилъ, „что Голландскій посланникъ въ Стокгольмѣ доносилъ объ отзывахъ короля Шведскаго, что онъ не токмо не имѣетъ причины опасаться Россіи, но

можетъ еще и заставить себя почитать, имѣя въ готовности 15 кораблей и 15,000 войска, которое въ случаѣ нужды не трудно ему и удвоить". Для увѣренія вице-канцлера въ подлинности сего извѣстія, посланникъ объявилъ, что „объ ономъ увѣдомился онъ отъ кавалера Гарриса, который имѣлъ случай самое письмо Голландскаго въ Швеціи посланника видѣть и читать. Впрочемъ,—присовокупилъ Фицгербертъ,—что сіе извѣстіе сообщилъ онъ и Сенъ-Сафорену" [2]).

На извѣстіе это Петербургскій кабинетъ едвали обратилъ должное вниманіе, бывъ занятъ, главнымъ образомъ, начавшеюся войною съ Турціей, и, какъ извѣстно, наши первые шаги въ этой войнѣ были неудачны. Предстояло употребить всѣ средства, всѣ усилія къ тому, чтобы „можно было,—какъ выразился Безбородко въ одномъ изъ своихъ писемъ,—только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами" [3]).

Въ самомъ началѣ 1788-го года наше правительство озаботилось прежде всего объ увеличеніи дѣйствующихъ войскъ. Секретнымъ высочайшимъ указомъ на имя Военной Коллегіи, отъ 18-го января, препровожденнымъ графомъ Безбородкою адмиралу Грейгу, при особомъ письмѣ своемъ, повелѣвалось: составить „сухопутную военную силу при той части флота", которая предназначалась къ отправленію въ Средиземное море „для дѣйствій противъ непріятеля" [4]).

Между тѣмъ, слухи и сообщенія о намѣреніяхъ Шведскаго короля относительно начатія имъ войны съ Россіею не переставали доходить до Русскаго правительства. Такъ, 2-го февраля Датскій посланникъ Сенъ-Сафоренъ извѣстилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что „король старается составить союзъ противъ насъ съ дворами Прусскимъ и Лондонскимъ, и съ неосторожностію показываетъ желаніе свое воспользоваться войною, которою мы заняты. Въ Амстердамѣ производится вновь заемъ 600 тысячъ рейхсталеровъ на 10 лѣтъ по 4 процента" [5]).

Но и это сообщеніе, при всей видимой его правдоподобности, прошло какъ будто незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что въ это именно время высшее правительство и даже сама императрица Екатерина II чревычайно интересовались тѣмъ, какъ поведетъ себя дружественный Россіи Вѣнскій кабинетъ въ дѣлахъ нашихъ съ Турціею. 29-го января [9 февраля] 1788 года императоръ Іосифъ объявилъ Портѣ войну. „Такъ какъ императрица Всероссійская, — сказано было, между прочимъ, въ этомъ объявленіи, — подверглась враждебному нападенію Турокъ, то онъ, какъ вѣрный союзникъ ея, считаетъ себя вынужденнымъ помогать ей всѣми своими силами" [6]).

Извѣстіе объ этомъ въ Петербургѣ было получено 10-го февраля. При чемъ императоръ писалъ: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ вашихъ слугъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, будучи также вашимъ слугою, посылаю въ походъ всѣ мои войска“. Императорскій же посолъ, графъ Кобенцель, еще въ прошломъ году завѣрялъ вице-канцлера, что государь его „пріемлетъ происшествіе сіе за casus foederis“ [случай, когда надо исполнить обязательство договора союза] [7]).

Съ полученіемъ извѣстія, что Іосифъ II принимаетъ участіе въ войнѣ съ Турціею, Прусскій посланникъ, баронъ Келлеръ, на конференціи 19-го февраля, заявилъ, что дворъ его „изъявилъ сожалѣніе, что дѣла дошли до такой крайности и присовокупилъ желаніе, чтобъ сей подвигъ его величества императора послужилъ къ скорѣйшему окончанію военнаго пламени. За симъ, посланникъ изъявлялъ сожалѣніе, что ея императорское величество не соизволила еще, относительно до возобновленія союза, открыть своихъ мыслей, которыя его Прусское величество тѣмъ болѣе узнать желалъ, что срокъ тому союзу толь близокъ, и наконецъ объявилъ, что, по его письмамъ, Гданское мѣщанство не сдѣлало двору его никакого предложенія о принятіи его въ подданство“.

Вице-канцлеръ отвѣчалъ посланнику, „что дѣла по Гданску находятся въ одинаковомъ положеніи, и что весьма сожалѣтельно былобъ, если мѣщанство онаго города поступило на такую крайность, для упрежденія которой и сдѣлано было двору Прусскому внушеніе объ изъявленіи чрезъ его резидента тамошнему городу своего несогласія, на принятіе онаго въ подданство“ [8]).

Посолъ нашъ въ Англіи, графъ Воронцовъ, въ доношеніи коллегіи, отъ 18 [29-го февраля, а въ Петербургѣ полученномъ 6-го марта] писалъ, что онъ „объявилъ маркизу Кармартену, что до него дошли слухи, будто дворъ Французскій съ Англійскимъ имѣетъ тайныя сношенія, и оба сіи двора предпринимаютъ какія-то мѣры относительно настоящей войны Россіи съ Портою, однакожъ, кажется ему, министру, невѣроятнымъ, чтобы маркизъ Кармартенъ, изъяснявшійся въ своемъ письмѣ къ повѣренному въ дѣлахъ г. Фразеру о Франціи, какъ о державѣ не чистосердечной, на которую Россія не можетъ полагаться, въ самое то время полагался на ту же Францію; онъ, министръ, показалъ также ему, г. Кармартену, отвѣтное письмо вице-канцлера къ помянутому Фразеру, и примѣтилъ, что ея императорское величество весьма удивилась оказываемому Англіею равенству дружбы къ Россіи и къ Портѣ, что однакожъ ея величество не имѣетъ никакихъ непріятельскихъ видовъ противъ Англіи, развѣ она сама къ тому подастъ поводъ. Сверхъ

1*

того онъ, министръ, объявилъ маркизу Кармартену о другомъ рескриптѣ, коимъ ея величество проситъ о впускѣ въ Англійскіе порты здѣшняго флота, назначеннаго въ Средиземное море, въ случаѣ надобности къ починкѣ, или за припасами, или же за противными вѣтрами; на сіе послѣднее отозвался маркизъ Кармартенъ, что о семъ донесетъ королю, своему государю. Г. Питъ, съ которымъ онъ, министръ, видѣвшись послѣ, и которому онъ вышесказанное то же повторилъ, отвѣчалъ, что въ прошлую войну Англія, окружена будучи четырьмя непріятелями безъ всякой отъ дружескихъ державъ помощи, много претерпѣла отъ Французской въ Голландіи партіи, ссылавшейся отъ имени ея императорскаго величества на нейтральныя ея правила, что Англія не имѣла участія въ объявленіи Портою войны Россіи и постарается то доказать, не давая помощи Туркамъ, которые имѣли бы право требовать оной, еслибы они, по наущенію ея, нарушили миръ; что нѣтъ никакого согласія съ Франціею; но какъ сей послѣдній дворъ намѣренъ помогать Россіи и Австріи, дабы присвоить себѣ нѣкоторыя Турецкія владѣнія, то Англія никакъ не будетъ препятствовать завоеваніямъ, какія можетъ учинить Россія, однако не будетъ терпѣть пріумноженія владѣній Франціи въ Турціи“ [9]). Черезъ день по полученіи этого донесенія, 8-го марта, Испанскій посолъ Нормандесъ заявилъ вице-канцлеру о „двоякости въ поведеніи Англіи“; но, за заявленіе свое, онъ названъ былъ иностранными дипломатами въ Петербургѣ умалишеннымъ и, по ходатайству ихъ, отозванъ отъ Петербургскаго двора [10]). Министръ Нормандесъ сообщилъ, „что какъ во время объявленія войны здѣшней имперіею отъ Порты Оттоманской, прибылъ сюда изъ Англіи нарочный курьеръ, то дворъ его почиталъ, что оный присланъ былъ съ предложеніями, о учиненіи Россіи всякаго вспомоществованія и снабженіи ея по требованіямъ морскими офицерами, а поелику возгорѣніе сей войны приписываемо было внушеніямъ Англійскаго въ Царьградѣ посла Енслія, то Испанскій посланникъ въ Константинополѣ примѣтилъ тамошнему министерству о сей двоякости по поведенію Англійскаго двора; вслѣдствіе чего оное министерство не преминуло потребовать въ томъ изъясненій отъ г. Енслія, который въ оправданіе свое сказалъ, что вышепомянутое предложеніе сдѣлано для того, чтобы дворъ его могъ тѣмъ лучше узнать всѣ обстоятельства, касающіяся до отправленія Россійскаго флота, и что, для надзиранія надъ движеніями онаго и другихъ флотовъ, намѣренъ онъ послать въ Средиземное море собственную свою эскадру, для чего означенный посолъ и просилъ о назначеніи двухъ портовъ въ Архипелагѣ,

именно же Кайдискаго [Кандійскаго], куда бы та эскадра свободно входить могла".

Вице-канцлеръ сказалъ министру, „что вышеизображенное извѣстіе о предметѣ прибытія сюда Англійскаго курьера не имѣетъ никакого основанія; ибо оный присланъ былъ съ предписаніями объ опроверженіи приписываемыхъ послу Енслію подвиговъ къ побужденію Турковъ на разрывъ мира съ здѣшнею имперіею" [11]).

Объявленіе Іосифомъ II войны Турціи, хотя и доставило „удовольствіе императрицѣ", какъ говоритъ секретарь ея Храповицкій; но, въ это же время, извѣстія отъ Выборгскаго намѣстника причиняли ей величайшую заботу. Война съ Швеціею была неизбѣжна. Генералъ-поручикъ Гинцель репортовалъ „о примѣчаемомъ на Шведской сторонѣ необычайномъ тщаніи обучать расположенныя въ сосѣдствѣ къ границамъ нашимъ войска". Эти извѣстія указывали, что со стороны Швеціи собирается гроза, и потому въ засѣданіи Совѣта, 20-го марта 1788 года, графъ Безбородко предложилъ какъ соображенія свои о нужныхъ мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію границъ нашихъ, Лифляндскихъ и Финляндскихъ, такъ и выписку изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны Шведской. „Осторожности пограничныя,—говорилъ онъ въ началѣ своей записки,—въ здѣшней части приняты быть должны такія, чтобъ оную обезпечить не токмо противу Шведскаго нечаяннаго нападенія, но и на случай какихъ либо покушеній со стороны короля Прусскаго. Хотя многія изъ мѣръ, тутъ представляемыхъ, требуютъ времени, но необходимо за нихъ приняться и по крайней мѣрѣ впредь отвратить подобные недостатки, каковы нынѣ встрѣчаются". Далѣе записка признаетъ нужнымъ сдѣлать распоряженія по тремъ частямъ: морской, сухопутной и политической. По первой, или по части морской, графъ Безбородко признавалъ необходимымъ восполнить, привести въ порядокъ и подчинить одному адмиралу разныя эскадры, назначенныя для наблюденія надъ Швеціею, и исправить порты Кронштадтскій, Ревельскій, который находился въ „самомъ худомъ" состояніи, и Балтійскій. По части сухопутной записка рекомендуетъ привести Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія крѣпости, „колико возможно, въ оборонительное состояніе", т. е. снабдить ихъ артиллеріею и людьми. Здѣсь, въ числѣ средствъ для пополненія арміи людьми, графъ Безбородко указываетъ, во первыхъ, на „укомплектованіе пограничныхъ гарнизоновъ излишними церковниками", въ Астрахани и Сибири даже семейными, и во вторыхъ, „на формированіе хоругвъ Бѣлорусскихъ изъ мелкой шляхты". Соображенія по сухопутной части Безбородко оканчиваетъ словами: „Нужно послать генерала

въ Финляндію для осмотра всего поправленія что надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и не оказывая безпокойства и опасенія". По части политической графъ Безбородко въ запискѣ своей говоритъ: „Съ Датскимъ дворомъ заранѣе о всемъ снестися и согласиться о дѣйстіяхъ ихъ въ пользу нашу на сухомъ пути и на морѣ. Графа Разумовскаго наставить, какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ случаѣ покушеній и возможности, стараться возбудить въ Финляндіи и въ Швеціи волненіе, чего ради онъ долженъ будетъ, при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ, употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей сторонѣ, умножать число ихъ пріобрѣтеніемъ новыхъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противу Швеціи замыслы, что мы желаемъ ей покоя и возстановленія ея вольности, и что собственная отечества ихъ польза наилучшимъ для нихъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную короля ихъ рѣшимость на какое либо предпріятіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ бѣдствій и тягостей, съ войною сопряженныхъ, послѣдованія ея, конечно, самыя вредныя, для Швеціи быть могутъ" [12]).

При столь неопредѣленныхъ и въ тоже время тревожныхъ событіяхъ, нельзя было не обратить вниманія на то важное обстоятельство, что для веденія войны одновременно съ двумя государствами необходимо располагать усиленнымъ войскомъ при опытныхъ, знающихъ свое дѣло офицерахъ, какъ въ арміи, такъ и во флотѣ. Тогдашніе-же государственные дѣятели и истинные патріоты ясно сознавали недостатокъ въ „потребныхъ" военныхъ людяхъ, на что, какъ сказано, графъ Безбородко и указывалъ Совѣту. Необходимо было прибѣгнуть къ усиленнымъ наборамъ, изыскать тѣ или другія мѣропріятія, которыя клонились бы къ устраненію этого недостатка. Не говоря о наборахъ, къ которымъ правительство вынуждено прибѣгать въ крайнихъ обстоятельствахъ, въ это время возникли двѣ мысли для восполненія недостатка въ военныхъ людяхъ: это—проектъ, или „Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ" надворнаго совѣтника В. В. Капниста, автора извѣстной комедіи: „Ябеда", и привлеченіе въ Русскую службу опытныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ.

„Положеніе" Капниста составлено въ началѣ 1788-го года; по высочайшему повелѣнію было передано на разсмотрѣніе графу Безбородкѣ, который и представилъ о немъ свое особое „мнѣніе". По „Положенію" каждый казакъ, поступившій въ „охочіе" со своею лошадью и аммуни-

ціею, долженъ былъ прослужить „дѣйствительно 10 походовъ“, за что ему назначалось 12 рублей жалованья, провіантъ и фуражъ; а семейство его освобождалось отъ платежа подушнаго оклада и отъ отбыванія рекрутской повинности. Въ Малороссіи насчитывалось тогда около полмилліона казаковъ. „Если по плану г. Капниста,—говоритъ въ своемъ „мнѣніи“ Безбородко,—навербовать изъ нихъ до 5,000 человѣкъ, то, по его же расчету, убудетъ изъ податей 25,000 душъ, деньгами же 30,500 руб.; рекрутъ примѣрно по мирному времени, полагая до 200 человѣкъ“. Но этотъ „ущербъ“ въ людяхъ, при предполагавшейся реформѣ, удобно могъ быть устраненъ привлеченіемъ, „для укомплектованія войскъ“ [мѣстныхъ], разнаго званія людей, неотбывающихъ рекрутской повинности, а недоборъ въ податяхъ могъ быть восполненъ уравненіемъ всѣхъ казаковъ въ платежѣ существующаго оклада съ прочими казенными поселянами, т. е. вмѣсто 1 руб. 20 коп. они, наравнѣ съ послѣдними, должны платить 1 руб. 70 коп. Высказавъ, за тѣмъ, еще нѣкоторыя „примѣчанія“ и, какъ видно, соглашаясь съ проектомъ, графъ Безбородко, однакоже, находилъ необходимымъ спросить мнѣніе князя Потемкина. „Князь Григорій Александровичъ,—говоритъ въ заключеніе своего „мнѣнія“ Безбородко,—формируя какъ регулярные казачьи полки изъ разныхъ нерегулярныхъ войскъ, такъ и изъ разныхъ поселянъ на подобіе Донскихъ казаковъ, а потому и дабы сохранить возможное единообразіе, не повелѣно ли будетъ планъ г. Капниста съ сими примѣчаніями и съ вѣдомостями о числѣ людей послать къ нему на разсмотрѣніе, увѣдомя о соизволеніи вашего императорскаго величества знать его мнѣніе, и положить штатъ для сего войска“ [13]).

Потемкинъ, съ своей стороны, согласно съ „мнѣніемъ“ графа Безбородки, находилъ, что „наборъ казаковъ“, по проекту Капниста, „полезенъ“ и полагалъ „быть ему по образцу Донскихъ казаковъ“.

Какая судьба постигла проектъ Капниста—я не доискался. Замѣчу только, что императрица интересовалась этимъ проектомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по слѣдующей запискѣ государыни на имя графа Безбородки: „О семъ прошу мнѣ доложить завтра и прочесть сей проектъ предо мною, чтобъ можно было дать Капнисту рѣшительный отвѣтъ. Вложенная записка, рукою Попова писанная, есть мнѣніе князя Пот[емкина]“ [14]).

Другой вопросъ, занимавшій въ это время правительство Екатерины II—это привлеченіе въ Русскую службу опытныхъ и способныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ. Безбородко, принимавшій участіе во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ текущихъ событіяхъ, не разъ касался этого

предмета въ письмахъ своихъ къ князю Потемкину, какъ сказано будетъ ниже.

Одновременно съ проектомъ Капниста возникло или, по крайней мѣрѣ, стало извѣстнымъ одно обстоятельство, о которомъ необходимо сказать здѣсь,—обстоятельство, представляющееся довольно темнымъ и загадочнымъ. Я разумѣю дѣло по доносу на Иркутскаго генералъ-губернатора И. В. Якобія, въ которомъ, будто-бы, замѣшанъ былъ, вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, и графъ Безбородко. Подлиннаго дѣла я не могъ отыскать. По свидѣтельствамъ же современниковъ дѣло это заключается въ слѣдующемъ:

Гарновскій въ „Запискахъ" своихъ говоритъ, что доносъ сдѣланъ былъ въ началѣ января 1788-го года не только на одного Якобія, но вмѣстѣ и на графа Безбородку съ графомъ А. Р. Воронцовымъ. Подъ 9—11 числами Гарновскій пишетъ: „Въ концѣ прошедшія недѣли, нѣкто, находившійся при дѣлахъ въ Иркутской губерніи, коллежскій ассессоръ Парфеньевъ [въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что это Трифоновъ] подалъ государынѣ, посредствомъ дежурнаго генералъ-адъютанта графа Брюса, запечатанное письмо, въ которомъ объявя, что онъ имѣетъ донести ея императорскому величеству нѣкоторое важное дѣло, просилъ, чтобъ оное приказано было разсмотрѣть тому, кому ея императорское величество заблагоразсудить изволитъ, исключая только графа Безбородку и графа Воронцова, яко людей, преступленіями въ доносѣ уличаемыхъ.

„Графу Брюсу поручено было учинить екстрактъ изъ сего доноса, въ которомъ, какъ меня увѣрялъ тотъ, кто сочинялъ екстрактъ, находятся неоспоримыя доказательства, что прекращеніе нашихъ съ Китайцами торговъ произошло отъ причиненныхъ Китайцамъ разныхъ притѣсненій, которыя, по желанію обоихъ графовъ, производилъ въ дѣйство г. Якобій. При доносѣ приложены копіи съ писемъ, между Якобіемъ и обоими графами по сей части производившихся, и если подлинники окажутся съ копіями сходны, то, по мнѣнію сочинителя екстракта, будетъ худо помянутой троицѣ". Сказавъ, за тѣмъ, что государыня, узнавши о доносѣ, „находилась въ превеликомъ смущеніи, не говоря объ ономъ никому ни слова", исключая А. М. Дмитріева-Мамонова, Гарновскій продолжаетъ: „Вчерась его превосходительство [Мамоновъ] разговаривалъ о семъ съ государынею, которая доносителя почитать изволитъ за съумасшедшаго человѣка. Но какъ заключеніе сіе не сходно съ заключеніями сочинителя екстракта, то я думаю, что государыня и отъ Александра Матвѣевича мысли свои въ семъ случаѣ скрываетъ. Впрочемъ, быть

можетъ и то, что доносителя назовутъ съумасшедшимъ, а особливо, если удастся графу Александру Андреевичу [Безбородкѣ] женить одного изъ Кочубеевъ на княжнѣ, дочери генералъ-прокурора“ [15]). Изъ этихъ словъ Гарновскаго не видно, въ чемъ собственно были прикосновенны Безбородко съ Воронцовымъ къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя взводилъ доносчикъ на Якобія. Не яснѣе станетъ дѣло, если обратить вниманіе и на письмо Осунскаго, служившаго секретаремъ при Якобіѣ, къ нѣкоему Ладыженскому, приложенное, будто-бы, къ доносу. Письмо это приведено Гарновскимъ же. „Дворъ,—говорится въ немъ,—получа извѣстіе о прекращеніи съ Китайцами торговъ, крайне досадовалъ. Но... подателя сего проситъ Иванъ Варфоломеевичъ (Якобій) употребить къ уговариванію Китайцевъ, чтобъ они учинили на границы наши нападеніе. Если Китайцы произведутъ сіе въ дѣйство, тогда и паки донесено будетъ двору, который принужденъ будетъ прислать къ намъ войско. Извѣстные вамъ при дворѣ многомогущіе люди тако сего желаютъ. Тогда-то достигнемъ мы до намѣреній нашихъ“ [16]). Если сопоставить это письмо съ обвиненіями доноса, то нельзя не придти къ мысли, что у „троицы“, будто-бы, „намѣреніе было вымучить отъ Китайцевъ знатную сумму денегъ“; средствомъ же для этого придуманы „притѣсненія“ Китайцевъ и то, „чтобъ они учинили на границы наши нападеніе“. Пришлется войско. „Тогда-то достигнемъ мы [Якобій и др.] до намѣреній нашихъ“. Трудно допустить, чтобы смѣтливый, умный, дальновидный царедворецъ, какимъ былъ графъ Безбородко, раздѣлялъ такую несообразность и способствовалъ ея осуществленію. Думать надобно, что Гарновскій передалъ что нибудь не такъ. Дѣйствительно, если обратить вниманіе на два письма графа Безбородки, отъ 4-го апрѣля 1788 года—къ графу С. Р. Воронцову и князю Потемкину, приведенныя ниже, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ о разныхъ взводимыхъ на него „клеветахъ“ и интригахъ,—и особенно на письмо изъ Лондона графа С. Р. Воронцова къ брату своему Александру Романовичу, отъ 2-го мая, которое сейчасъ приведу, то станетъ ясно, въ чемъ именно подозрѣвался въ это время графъ Безбородко съ графомъ Воронцовымъ.

Другой современникъ, секретарь императрицы Екатерины II, Храповицкій, въ „Дневникѣ“ своемъ, подъ 3-мъ февраля, отмѣтилъ: „Сказывали, что чрезъ графа Брюса надворный совѣтникъ Парфеньевъ сдѣлалъ доносъ на Якобія; читалъ тѣ бумаги и отдалъ Шешковскому“. А подъ 18-мъ числомъ того же февраля въ „Дневникѣ“ упоминается еще „прошеніе Еналеева на Якобія“, которое было передано тому же Шешковскому [17]).

Наконецъ, извѣстный поэтъ нашъ Г. Р. Державинъ въ „Запискахъ“

своихъ разсказываетъ слѣдующее: „Въ 1785-мъ году нѣкто, помнится, титулярный или надворный совѣтникъ Парфентьевъ, бывшій у Якобія въ канцеляріи и, по неудовольствію отъ него, вышедшій въ отставку, прислалъ доносъ на Иркутскаго генералъ-губернатора, въ которомъ взводилъ на него многія вины, какъ-то: самовластіе въ переводѣ съ мѣста на мѣсто чиновниковъ, въ отдачѣ ихъ несправедливо подъ судъ и прочіе пристрастные поступки, кромѣ взятокъ и корыстолюбія. Но главнѣйшія и важнѣйшія изъ нихъ были два дѣла подъ названіемъ Иркутскаго и Баргузинскаго; первое—въ томъ, что, якобы, желалъ онъ возмутить противъ Россіи Китайцевъ, дабы, заведши войну, пріобрѣсть къ себѣ больше отъ императрицы уваженія, и сіе доказывалъ онъ письмомъ секретаря Якобіева Осинина къ пограничному Петропавловской крѣпости коменданту Алексѣеву; второе—въ закупкѣ, съ ущербомъ казны, на Сибирскій корпусъ провіанта“ [18]).

Такимъ образомъ, оказывается, что ни Храповицкій, ни Державинъ вовсе не упоминаютъ о томъ, чтобъ въ дѣлѣ Якобія какъ нибудь были замѣшаны графы Безбородко и Воронцовъ. Не слѣдуетъ также забывать, что Державинъ, по повелѣнію государыни, спеціально занимался этимъ дѣломъ цѣлый годъ, и, слѣдовательно, ему извѣстно было много такого, что не могло быть доступно для другихъ.

По доносу Парфеньева началось строгое разслѣдованіе, порученное извѣстному Шешковскому. Якобій и „другіе изъ отдаленныхъ мѣстъ, къ сему дѣлу причастные“, были вызваны въ Петербургъ [19]). Шешковскій, по словамъ Державина, „доносителя Парфентьева и прочихъ допрашивалъ, а Якобію задавалъ противъ доносовъ вопросные пункты“. Императрица Екатерина II очень интересовалась дѣломъ Якобія и внимательно слѣдила за ходомъ его. Въ 20-хъ числахъ февраля Гарновскій записалъ: „Государыня грозитъ сдѣлать по сему дѣлу примѣрное наказаніе. Не могу оставить безъ примѣрнаго наказанія людей, мною облагодѣтельствованныхъ, довѣренность же мою во зло употребляющихъ“ [20]). А подъ 13-мъ апрѣля Храповицкій въ „Дневникѣ“ своемъ отмѣтилъ: „Изъясняясь о дѣлахъ Якобія, сказали, что, бывъ гордъ, ежели имѣетъ сердце, то теперь уже зарѣзался. До войны Турецкой близки были, чтобъ начать дѣло съ Китайцами, и 6 полковъ готовы были. Во всеобщую войну насъ не заведутъ, разумѣя дѣла европейскія по связи съ императоромъ. Сіе произошло отъ чтенія переписки генералъ-маіора Николая Алексѣевича Ладыженскаго съ ассессоромъ Асининымъ по дѣламъ Иркутскимъ; тутъ похваленъ Ладыженскій“ [21]). Слѣдствіе по дѣлу, однако, продолжалось. Въ это-то время, именно 2(13)-го мая графъ С. Р. Воронцовъ написалъ, изъ

Лондона, брату своему Александру Романовичу въ высшей степени замѣчательное письмо. „Я былъ изумленъ,—писалъ графъ Воронцовъ къ брату,—и въ тоже время возмущенъ, узнавъ отъ тебя и графа Безбородки, какимъ низкимъ образомъ отплачиваютъ вамъ за ваши услуги. Гнусное подозрѣніе во взяточничествѣ до того возмутительно, что я не нахожу словъ, способныхъ выразить мои чувства. Я много потеряю, ежели вы оставите службу; но я далекъ отъ того, чтобы порицать васъ за ваше удаленіе отъ дѣлъ, а, напротивъ, одобряю это и самъ бы тоже сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ, такъ какъ нѣтъ ничего дороже чести. Графъ Безбородко извѣщаетъ, что подозрѣніе и разслѣдованія относительно васъ обоихъ сдѣлались всѣмъ извѣстны; тѣмъ не менѣе впослѣдствіи вы не получили никакого удовлетворенія. Изъ письма графа Безбородки я усматриваю, что онъ полагаетъ, что Потемкинъ держитъ его сторону; но въ виду того, что князь состоитъ въ тѣсной дружбѣ съ Вяземскимъ, я не думаю, чтобы онъ былъ непричастенъ въ этихъ интригахъ: оказываемое имъ графу довѣріе, простирающееся до того, что онъ ему препоручаетъ даже свои собственныя дѣла, ничего еще не доказываетъ главное, чтобъ онъ успѣлъ пошатнуть и окончательно погубить его. Для него ничего не значитъ прикидываться его другомъ до самаго момента его паденія; тогда онъ сниметъ маску, и, ежели бы даже ему не удалось погубить его, онъ будетъ довольствоваться и охлажденіемъ къ нему довѣрія государыни“ [22]).

Послѣдующія событія покажутъ, что графъ Безбородко стоялъ твердо во мнѣніи императрицы и никакія „интриги“ не могли пошатнуть его

Между тѣмъ, дѣло Якобія было направлено въ Сенатъ. Въ августѣ 1788 года, подъ 9-мъ числомъ, Храповицкій въ своемъ „Дневникѣ“ записалъ: „Данъ заготовленный мною указъ Колокольцеву, чтобъ сочинить изъ дѣлъ вопросные пункты, противъ коихъ взять отвѣты съ Якобія и предоставить съ мнѣніемъ Сената“ [23]). Дѣло оказалось не легкимъ и для Сената. „2-ой Сената департаментъ,—говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ Державинъ,—занимался имъ по утру и послѣ обѣда, оставя прочія производства, всего болѣе 7 лѣтъ“. Результатомъ этихъ занятій явился экстрактъ изъ дѣла въ 3,000 листовъ, при чемъ единогласнаго рѣшенія ни во 2-мъ департаментѣ, ни въ общемъ собраніи не послѣдовало. Вслѣдствіе этого все дѣло было „внесено къ императрицѣ“; оно „привезено въ Царское Село въ трехъ кибиткахъ, нагруженныхъ съ верха до низу бумагами“. Черезъ годъ, государыня приказала Державину доложить дѣло и „весьма удивилась, когда цѣлая шеренга гайдуковъ и лакеевъ внесли ей въ кабинетъ превеликія кипы бумагъ. Что такое? спросила она, зачѣмъ

сюда такую бездну?—и приказала прочесть ей весь экстрактъ сенатскій". Императрица, по свидѣтельству Державина, признала Якобія „невиннымъ" въ желаніи возмутить противъ Россіи Китайцевъ и „въ корыстованіи его при закупкѣ въ Баргузинѣ провіанта; резолюцію свою собственною своей рукою написала и какими именно словами начать укорительный указъ Сенату: что онъ занимался столько лѣтъ сущими и ничего незначащими сплетнями.

„Вотъ чѣмъ кончилось,—заключаетъ Державинъ свой разсказъ о дѣлѣ Якобія,—сіе огромное, или лучше сказать—по пусту шумное дѣло" [24]).

Выше было сказано о предосторожности и предусмотрительности нашего правительства по отношенію къ Швеціи; послѣдующія событія не замедлили оправдать это. Не далѣе, какъ 23-го марта получено было извѣстіе изъ Швеціи отъ графа А. К. Разумовскаго „о слухахъ, что въ Карлскронѣ вооружаютъ 12-ть кораблей и нѣсколько фрегатовъ, что, вмѣсто августа, будутъ уже въ іюнѣ лагери въ Финляндіи, и что дворъ Шведскій старается о займѣ денегъ внѣ государства" [25]).

На ряду съ этими тревожными извѣстіями съ сѣвера, Русское правительство должно было безпокоиться ходомъ военныхъ дѣйствій на югѣ Россіи, противъ Турокъ. Предстояло неизбѣжнымъ соображать распоряженія, предпринимаемыя для войны съ Швеціею, съ свѣдѣніями изъ южной арміи. Эти свѣдѣнія получались медленно, не аккуратно, вообще не исправно. Еще въ минувшемъ году, въ одномъ изъ писемъ своихъ въ Лондонъ, графъ Безбородко жаловался посланнику Воронцову на князя Потемкина, который не аккуратно доставлялъ извѣстія ко двору: „Трудно себѣ представить мои заботы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ не доставало, но то, что о многомъ надобно брать ad referendum въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьемся не скораго, но уже и никакого отвѣта" [26]).

Для устраненія этого важнаго неудобства, графъ Безбородко, по высочайшему повелѣнію, озаботился учредить „Полевую Почту", исключительно предназначенную для сношеній съ арміею, дѣйствующей противъ Турокъ, о чемъ Безбородко, 24-го марта, писалъ князю Потемкину: „А какъ приходъ писемъ и отправленій изъ арміи сопряженъ со многими уваженіями и осторожностями, то осмѣливаюсь представить вашей свѣтлости: 1, нужно, чтобъ полевой почтъ-мейстеръ назначенъ былъ по соизволенію вашей свѣтлости, человѣкъ надежный и способный и языки знающій; 2, чтобы онъ наставленъ былъ секретнѣйшимъ наставленіемъ относительно перелюстраціи или осмотру писемъ, тому подлежащихъ, наипаче же отъ иностранныхъ, доставляя копіи или экстракты оныхъ вашей

свѣтлости, или кому отъ васъ поручено будетъ; 3, чтобъ, для отправленія изъ арміи почты, назначаемы были дни, какъ разсудите за благо, по одному ли въ недѣлю или по два, и о томъ полевой почтъ-мейстеръ далъ знать почтъ-директору Малороссійскому г. Селецкому, дабы онъ могъ согласить свои дни съ прибытіемъ почтъ по той же дорогѣ, отъ разныхъ мѣстъ приходящихъ" [27]).

Въ началѣ апрѣля, а именно 3-го числа, Шведскій посланникъ, баронъ Нолькенъ, „навѣдывался партикулярнымъ образомъ о причинѣ носящихся здѣсь въ городѣ слуховъ, будто война предстоитъ со Швеціею. Вице-канцлеръ отвѣчалъ ему, что не можетъ такого слуха приписать ни къ чему иному, какъ развѣ полученному здѣсь извѣстію о дѣлаемыхъ въ Карлекронѣ вооруженіяхъ, о наполненіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Шведской Финляндіи и о назначенномъ тамъ собраніи лагеря". На что „посланникъ отвѣчалъ, что онъ почитаетъ тѣ извѣстія неосновательными и увеличенными". Ему возразилъ вице-канцлеръ, „что поелику сіе извѣстіе дошло сюда изъ разныхъ мѣстъ и не можетъ быть не справедливо, и что какъ государыня императрица утружнена войною противу Турокъ, то Шведскія военныя приготовленія и не могутъ признаваемы быть соотвѣтствующими дружбѣ и доброму сосѣдству обоихъ дворовъ, тѣмъ паче, что здравомыслящему человѣку и вообразить нельзя, чтобъ настоящія здѣшнія вооруженія могли безпокоить Швецію, что когда ея величество прежде въ свободное время не только не предпринимала противу короля ничего непріязненнаго, но и всегдашніе опыты своего доброжелательства къ Шведской націи подавала, снабжая ее, въ случаѣ нужды, и хлѣбомъ; но теперь, конечно, еще менѣе его Шведскому величеству можно опасаться какого-либо противнаго съ здѣшней стороны подвига. Баронъ Нолькенъ отвѣчалъ, что онъ сіи доводы не оставитъ государю своему представить, и ласкается надеждою, что доброе согласіе между обоими дворами ненарушимо сохранено будетъ. Сіе зависитъ отъ собственной воли его Шведскаго величества,—отвѣчалъ вице-канцлеръ,—и коль скоро сей государь разсудитъ за благо пресѣчь военныя приготовленія, то и всякое недоразумѣніе истребится; впрочемъ же,—присовокупилъ вице-канцлеръ,—долженъ онъ примѣтить, что въ сіе подробное изъясненіе вступилъ, только соотвѣтствуя оказанной отъ барона Нолькена откровенности, а не по повелѣнію своей монархини, которая довольно способовъ имѣетъ къ огражденію себя отъ всякихъ противныхъ миролюбивому ея намѣренію предпріятій" [28]).

Съ открытіемъ Шведскихъ приготовленій къ войнѣ съ Россіею, на графа Безбородку легла новая тяжесть, и 4-го апрѣля 1788 года онъ пи-

салъ графу С. Р. Воронцову: „Краткость времени и скорость непріятнаго настоящаго отправленія не дозволяютъ мнѣ написать многое, а при томъ еще подоспѣли отправленія и въ обѣ арміи, кои меня весьма заняли. Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, коему вы были свидѣтелемъ въ 1783 году. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ инаго пути пріобрѣсть и имя значущее, и благосостояніе не послѣднее, я теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ [Воронцовымъ], образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали; но клевета на насъ была явная, а оправданіе, безъ явной репараціи, можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны, и тѣмъ кончивъ время свое, не втунѣ употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ.

„Признаюся, что я былъ радъ, когда князь Потемкинъ вздумалъ было сюда пріѣхать и армію графу Румянцову оставить. Я тутъ предвидѣлъ, что и дѣла военныя пошли-бы своимъ порядкомъ, и здѣсь многое скорѣе и рѣшительнѣе потекло-бы его содѣйствіемъ, да и своимъ искусствомъ обуздалъ-бы онъ многихъ неистовство; но я подозрѣваю, что тутъ-то и была интрига, чтобъ его тамъ удержать: какъ бы то ни было, время покажетъ людей. Кампанію положено начать осадою Очакова и до того времени дѣйствіемъ арміи графа Румянцова къ сторонѣ Бендеръ, стараяся, привлекши тутъ силы Турецкія, разбить ихъ, потомъ и далѣе распространить поиски, а къ сторонѣ Хотина отдѣленъ у насъ корпусъ въ соединеніи съ принцемъ Кобургскимъ. Между тѣмъ, генералъ Фабрисъ изъ Трансильваніи потщится занять Баннатъ Краіовскій; главная же армія Австрійская начнетъ осадою Бѣлграда. Ваше сіятельство не вѣрили, что флотъ нашъ на Черномъ морѣ въ 40-ка судахъ. Для собственнаго вашего знанія прилагаю записку оному. Надобно было только имѣть хорошихъ адмираловъ и офицеровъ, чтобъ начать что нибудь и успѣть сдѣлать. Мы приняли контръ-адмираломъ туда славнаго Пауль-Жонеса“ [29]).

Объ „усиліи людей случайныхъ“ и о „клеветахъ“ на Безбородку, послѣдній въ тотъ-же день, 4-го апрѣля, писалъ и къ князю Потемкину,

выражая ему увѣренность въ его къ нему „благоволеніи“: „Съ какимъ обрадованіемъ получилъ я милостивое письмо вашей свѣтлости, отъ 17-го марта, изъяснить я не въ силахъ. Я былъ всегда увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ благоволеніи и теперь вяще утверждаюсь, что никакія клеветы не возбудятъ въ васъ на меня малѣйшаго нареканія или подозрѣнія, и что ваша свѣтлость во всякомъ случаѣ не отречется воздать справедливости моей нелицемѣрной къ вамъ преданности. Въ настоящее время многіе хотятъ являться на сценѣ и показать въ публикѣ, что они значатъ не мало въ дѣлахъ государственныхъ“.

Далѣе, въ томъ-же письмѣ, графъ Безбородко сообщалъ князю Потемкину весьма важныя политическія извѣстія: „Въ Англіи сдѣлано затрудненіе въ наймѣ тамошнихъ купеческихъ судовъ для переправы войскъ и воинскихъ снарядовъ при флотѣ нашемъ. Сутерландъ и другіе затрудняются замѣнить сіе затрудненіе наймомъ судовъ въ Даніи, Данцигѣ, Гамбургѣ и Любекѣ, зачѣмъ и посланы нарочные. Вѣсть сія произвела было сильную досаду и готовились писать многія непріятности, кои, не поправя дѣла, лишь-бы къ новымъ хлопотамъ могли дать поводъ. Я предуспѣлъ моимъ представленіемъ, чтобы принять сіе съ холодностію, не доводить Англію обнажить иногда и далѣе какія-либо вопреки флоту нашему препятствія, и дать коммиссію графу Воронцову дружески изъясниться съ министерствомъ о томъ, чтобъ закупка и перевозъ съѣстныхъ припасовъ на Англійскихъ судахъ не подвержены были такому же запрещенію. Графъ Штакельбергъ пишетъ, что при сближеніи времени къ ординарному сейму весьма нужно, дабы мы рѣшились на сконфедерованіе контръ - проекта союзнаго договора съ Польшею, въ надеждѣ коего вся ферментація успокоивается, и безъ совершенія котораго не предвидитъ онъ удобности въ сохраненіи покоя. Какъ онъ, такъ и Деболи, сообщая о тягостномъ для Польши условіи между императоромъ и королемъ Прусскимъ о перепродажѣ соли, предполагаетъ: не можно ли въ семъ артикулѣ подать Польшѣ облегченіе доставленіемъ Россійской соли для ея продовольствія. Ваша свѣтлость о семъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, лучшія и вѣрнѣйшія извѣстія получить можете отъ графа Браницкаго. А ея императорское величество соизволяетъ, чтобы вы, милостивый государь, разсмотрѣли, не можно ли дать Полякамъ облегченіе и пособіе доставленіемъ имъ Крымской соли, и по лучшему вашему усмотрѣнію, распоряженія свои сдѣлаете“ [30]).

Слухи о военныхъ приготовленіяхъ Швеціи и неизбѣжности войны съ нею Россіи продолжали упорно держаться въ Русскомъ обществѣ.

Притязанія короля Шведскаго на возвращеніе земель, отвоеванныхъ Россіею, обнаруживались болѣе и болѣе. Датскій посланникъ, на конференціяхъ, 5, 9 и 26 апрѣля, сообщилъ вице-канцлеру, „что дворъ его подтверждаетъ извѣстія о дѣлаемыхъ въ Швеціи сильныхъ военныхъ приготовленіяхъ“; что „король Шведскій при всѣхъ почти дворахъ дѣлаетъ внушенія о надобности противоборствовать подвигамъ обоихъ императорскихъ дворовъ въ настоящей войнѣ“ и что „государь его не оставитъ на самомъ дѣлѣ Шведскому монарху доказать, что всякое противъ Россіи предпріятіе почтетъ онъ за сдѣланное самой Даніи“. Въ виду этихъ заявленій, вице-канцлеръ нашелъ нужнымъ пристойнымъ образомъ дать „выразумѣть“ посланнику, „что для лучшаго обузданія Шведской затѣи нужно, чтобы его Датское величество, по мѣрѣ производимыхъ въ Швеціи военныхъ приготовленій умножилъ и свои морскія вооруженія, на основаніи существующаго между обоими нашими дворами союза“, и что онъ „надѣется, что Данія непоколебимо соблюдетъ обязательства свои къ Россіи“. Посолъ нашъ въ Стокгольмѣ, гр. Разумовскій, съ своей стороны, доносилъ коллегіи, въ продолженіи мая и іюня мѣсяцевъ, о дѣйствіяхъ короля Густава III. Въ депешѣ, отъ 24-го мая, посолъ писалъ: „Король, въ чрезвычайномъ собраніи. говорилъ рѣчь и изъяснялся, будто ея императорское величество не соотвѣтствуетъ ея дружелюбнымъ расположеніямъ, и будто требовала отъ Шведскаго министра, барона Нолькена раззоруженія въ Швеціи. А что изъ Кронштадта отправляется флотъ только для нападенія на его владѣніи, король показалъ въ подтвержденіе отъ своего министра въ С.-Петербургѣ донесеніе, и что для отвращенія такого бѣдствія, намѣренъ онъ съ возможною поспѣшностію привести свое государство въ оборонительное состояніе“. Въ депешѣ, отъ 25-го мая, графъ Разумовскій доносилъ, что въ Швеціи „утверждаютъ, будто Россія ищетъ войны съ Швеціею, сколько онъ, министръ, не старается опровергать таковую молву. Шпіонство тамъ чрезвычайно увеличилось и онъ, министръ, подозрѣваетъ, что его письма перехватываютъ“. Извѣстія, сообщенныя графомъ Разумовскимъ, вынуждали Россію быть готовой для встрѣчи непріятелей. Тяжесть заботъ при этихъ обстоятельствахъ ложилась на ближайшаго секретаря Екатерины II. Храповицкій, подъ 27 мая, записалъ: „Графъ Безбородко, выбѣжавъ во время доклада по своимъ бумагамъ, поручилъ написать и поднесть указъ Грейгу, чтобы, по доходящимъ извѣстіямъ о Шведскомъ вооруженіи, орядить скорѣе 3 легкія судна, для нужнаго примѣчанія тамошнихъ приготовленій, назначá одному изъ нихъ идди противъ Свеаборга, дру-

гому противъ Калрскроны, а третьему крейсировать въ Ботническомъ заливѣ, съ тѣмъ, чтобъ скорѣйшее и достовѣрное могли привезти свѣдѣніе" [32]).

Обстоятельства о вооруженіи Швеціи Безбородко изложилъ въ письмѣ князю Потемкину, 5-го іюня, 1788 года: „Дѣла Шведскія",—писалъ онъ,—„дошли до нѣкотораго кризиса и что они весьма скоро рѣшиться должны. Король самымъ неправеднымъ образомъ возводитъ, будто ему дѣланы были угрозы со стороны нашей, когда съ министромъ его здѣсь ни слова о томъ говорено не было, выжидая отзыва съ ихъ стороны, въ чемъ могли бы заключаться ихъ неудовольствія. Нолькенъ не говорилъ инако, какъ отъ себя, и ему вице-канцлеръ также партикулярно внушалъ, что если мы не имѣли противъ нихъ никакихъ умысловъ въ свободное время, то возможно ли, чтобъ, бывъ заняты войною, хотѣли мы прибавить новыя заботы? Какъ министерство Шведское сдѣлало о семъ сообщеніе Датскому посланнику, то и посылается завтра курьеръ въ Стокгольмъ къ помянутому посланнику, съ тѣмъ, чтобъ онъ, объясняя всю неосновательность и подозрѣнія, или лучше сказать сущихъ клеветъ Шведскихъ, подалъ къ успокоенію двора тамошняго увѣренія о намѣреніи ея императорскаго величества сохранить покой и сосѣднее согласіе ненарушимо, развѣ бы она сама къ противному тому поступками ея сосѣдей провокирована была. Когда Датскій посланникъ откроетъ путь графу Разумовскому вступить въ изъясненія, тогда сей министръ подтвердитъ съ полнымъ достоинствомъ всѣ тѣ же увѣренія. Между тѣмъ, отъ Датскаго двора требуемъ мы сильнаго представленія королю Шведскому, что онъ приметъ дѣятельное участіе во всякомъ происшествіи, несогласномъ съ миромъ и тишиною, и сверхъ того умноженія морскаго вооруженія, сближенія собранныхъ у нихъ для лагеря въ Норвегіи войскъ къ Шведской границѣ и нѣкотораго движенія къ сторонѣ Сканіи". Обѣщавъ, за тѣмъ, съ первымъ курьеромъ прислать копіи съ плановъ этихъ экспедицій, Безбородко продолжаетъ: „Посланы легкія суда для развѣданія и вскорѣ узнаемъ движеніе флота и войскъ Шведскихъ. Флотъ, назначенный въ Средиземное море, прежде 10-го іюня отсюда отправиться не можетъ; но изъ него три сто-пушечные корабля завтра уйдутъ въ Копенгагенскій рейдъ, дабы имѣть время, при проходѣ Зунда, перегрузиться и не задержать флота. Имѣются достовѣрныя извѣстія, что черезъ Гамбургъ до 700.000 гульденовъ переведено въ Швецію и что въ Готенбургѣ немалая сумма въ натурѣ привезена посредствомъ Англійскихъ конторъ, почему и думаютъ, что тутъ сдѣланы переводы Турецкихъ субсидій" [33]).

Въ депешѣ, отъ 10-го іюня, графъ Разумовскій вновь увѣдомлялъ

Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что „Шведская эскадра изъ Карлскроны частію вышла въ море 9-го іюня и пристанетъ въ Финляндіи у Гельсингфорса. Поводъ къ сему скороспѣшному выходу подалъ нѣкоторый крестьянинъ, разсказавъ, что онъ въ морѣ видѣлъ вдали Россійскую эскадру, состоящую изъ 15 или 16-ти большихъ кораблей, и что землякъ его проѣхалъ на своемъ суднѣ посреди сей эскадры. Оба сіи прозорливые Финляндца, будучи допрошены при главномъ губернаторѣ, объявили, что тѣ корабли были подъ желтыми флагами съ черными орлами, почему онъ, министръ, думаетъ, что то были многія Прусскія суда, шедшія вмѣстѣ. Сія тревога сходствуетъ съ нетерпѣливымъ расположеніемъ короля, который чрезвычайно озабоченъ и въ такихъ великихъ хлопотахъ, что благоразумнѣйшіе не безъ основанія опасаются, чтобы не сбылось бѣдственное предсказаніе сему государю въ его младенчествѣ, сдѣланное нѣкоторымъ искуснымъ докторомъ. Какъ изъ Карлскроны, такъ и изъ Копенгагена увѣдомляютъ, что, исключая 5 или 6-ть кораблей, снова построенныхъ, прочіе всѣ ветхи и снасти на оныхъ старыя, а сухопутныя войска, отправленныя на галерахъ, не въ лучшемъ порядкѣ. Между прочимъ, ни въ одномъ [полку] изъ назначенныхъ въ Финляндію, нѣтъ лошадей. Сначала велѣно было оныхъ закупить, а потомъ сіе отложено въ разсужденіи дороговизны тамъ фуражу, почему заключаютъ нѣкоторые, что сіи вооруженія производятся королемъ не для войны, но только для того, чтобы созвать въ Абовѣ сеймъ". При помощи же сейма король „могъ пріобрѣсть неограниченное самодержавіе, котораго издавна старается достигнуть"[34]). Предположенія „нѣкоторыхъ", по выраженію графа Разумовскаго, что вооруженія въ Швеціи дѣлались не для войны съ Россіею, разсѣялись тотчасъ по отправленіи приведеннаго письма. 12-го іюня, по словамъ Храповицкаго, императрица „дѣлала замѣчанія по Шведскимъ дѣламъ: 1, Король всѣмъ сообщилъ о своемъ вооруженіи, кромѣ насъ. 2, Когда и въ лагерь выходилъ, то прислалъ сказывать. 3, Пришлетъ ли при входѣ въ Финляндію съ войсками. Велѣно сказать о семъ графу Безбородкѣ, и чтобъ поговорить съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ о прибавкѣ войскъ, для обезпеченія границъ Выборгской губерніи"[35]). Въ письмѣ, отъ 14-го іюня, полученномъ въ иностранной коллегіи 20-го іюня, посолъ нашъ подробно описалъ какъ онъ изгнанъ королемъ изъ столицы. Графъ Разумовскій, 18-го іюня, вручилъ графу Оксенштіерну записку слѣдующаго содержанія: „Что ея императорское величество во все свое царствованіе сохраняла съ королемъ и націею Шведскою доброе согласіе и миръ, постановленный въ Абовѣ, не подавъ никакого подозрѣнія къ нарушенію, и теперь желаетъ продолженія онаго, тѣмъ болѣе, что занята

весьма важною войною съ Портою. Что, въ засвидѣтельствованіе того, ея императорское величество сообщила всѣмъ дружественнымъ державамъ, а равномѣрно и его Шведскому величеству о предметѣ посылки въ Средиземное море Россійскаго флота. Въ разсужденіе же разнесеннаго по поводу сего слуха о производимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, съ Россійской стороны не для вызову, но изъ единой предосторожности, отряжено было въ Финляндію весьма посредственное число войскъ и въ Балтійское море отправлена, по ежегодному обыкновенію, эскадра для обученія мореходцевъ, къ чему Швеція никогда не показывала никакого подозрѣнія, ниже малѣйшаго вниманія, да и ея императорское величество взирала спокойно на великія вооруженія, производимыя въ Швеціи, и наблюдала совершенное молчаніе, пока движенія заключалися внутри королевства; но какъ графъ Оксенштіернъ, королевскимъ именемъ, объявилъ,— что сіи вооруженія обращены противъ Россіи, подъ предлогомъ, будто она намѣрена наступательно дѣйствовать противъ Швеціи,—министру двора, состоящаго въ тѣснѣйшемъ съ Россіею союзѣ, и который, конечно, не могъ того скрыть отъ него, графа Разумовскаго, то ея императорское величество не можетъ болѣе отлагать объявленія своимъ императорскимъ словомъ его величеству королю и всѣмъ изъ Шведской націи, участвующимъ въ правленіи, о несправедливости сихъ его подозрѣній и увѣряетъ о миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ къ нимъ всѣмъ. Но если таковое торжественное увѣреніе сочтется не довольнымъ, то ея императорское величество рѣшилась ожидать всякаго происшествія съ тою надежностію, какову внушаетъ, какъ непорочность ея предпріятій, такъ и довольство ея средствъ, предоставленныхъ ей Богомъ, и которыя всегда обращала она къ славѣ своей имперіи и къ благоденствію своихъ подданныхъ". Недѣлю спустя послѣ подачи этого заявленія „въ которое время,— прибавилъ Разумовскій,—т. е. съ 18-го числа, ничего не обнаружилось, а только разглашено было, что король на оную записку самъ, по прибытіи въ Финляндію, будетъ отвѣтствовать. 14-го(25) іюня повѣщенъ былъ куртагъ". Въ день этотъ графъ Оксенштіернъ сообщилъ послу на письмѣ, „что церемонимейстеръ Бедуаръ отъ короля будетъ къ нему, графу Разумовскому, присланъ въ 5 часовъ пополудни". На это министръ отвѣчалъ запискою же, что „не преминетъ быть дома въ назначенное время. Г. Бедуаръ пріѣхалъ къ нему,—доносилъ министръ,—и изъявя свое сожалѣніе, что назначенъ къ сообщенію непріятной ему вѣсти, прочелъ бумагу, которую будто взялъ для облегченія своей памяти, и съ коей, послѣ убѣдительнѣйшихъ увѣреній, что онъ не будетъ компрометированъ, едва могъ онъ, министръ, выпросить копію, имъ прилагаемую". Изъ копіи этой

*

видно, что „въ запискѣ, поданной 13-го іюня, его величество король, къ своему удивленію, усмотрѣлъ, что, упоминая о расположеніяхъ къ миру ея императорскаго величества, употреблены при томъ изреченія, клонящіяся къ отдѣленію его величества отъ его націи, почему его величество и приписываетъ оныя токмо ему, министру, не думая, чтобы имѣлъ онъ на то повелѣніе отъ своего двора, и по поводу сего не признаетъ его, графа Разумовскаго, въ качествѣ уполномоченнаго министра и чрезвычайнаго посланника при своемъ дворѣ, требуя при томъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Стокгольма чрезъ недѣлю, что также Шведскому министерству запрещается имѣть съ нимъ сообщеніе, какъ съ нарушителемъ надлежащаго уваженія къ священной особѣ королевской“. Въ отвѣтъ на это, графъ Разумовскій сказалъ г. Бедуару, что „его величество могъ предвидѣть, что не можетъ ему ни въ чемъ повелѣвать, почему онъ и не тронется изъ Стокгольма, пока не получитъ увѣдомленія ея императорскаго величества, коей не преминетъ о всемъ съ поспѣшностію донести, а на сей случай проситъ изустно, его г. Бедуара, доставить ему курьерскій паспортъ для подполковника Языкова. Г. Бедуаръ просилъ отдать извѣстительныя грамоты отъ ея императорскаго величества и его императорскаго высочества, о рожденіи великой княжны Екатерины Павловны; но онъ, министръ, на сіе отозвался, что тѣ грамоты надлежитъ ему самому вручить королю или графу Оксенштіерну, а не ему, г. Бедуару, для чего онъ ихъ у себя и удерживаетъ. Въ тотъ же день, въ 9-мъ часу, король, при великомъ торжествѣ, въ препровожденіи всей своей фамиліи, сѣлъ на свою шлюпку и отправился на корабль „Амфіонъ“ [36]).

Къ концу іюня 1788-го года выяснилось окончательно, что война съ Швеціею неминуема. 20-го іюня графъ Безбородко объявилъ Совѣту полученное отъ графа Разумовскаго извѣстіе, что король, по причинамъ, ниже изложеннымъ Безбородкою въ письмѣ къ Потемкину, объявилъ, чрезъ церемоніймейстера, что не признаетъ графа Разумовскаго болѣе министромъ и назначаетъ для выѣзда его семидневный срокъ. Совѣтъ призналъ это явнымъ нарушеніемъ дружественныхъ отношеній, или лучше прямымъ объявленіемъ войны и, чтобы надежнѣе приготовиться къ ней и къ защитѣ государства, постановилъ просить императрицу о назначеніи главнокомандующаго, который бы, по своему усмотрѣнію, приступилъ къ надлежащимъ военнымъ распоряженіямъ противъ Шведскаго вторженія. Съ своей стороны, графъ Безбородко предложилъ Совѣту записку, съ обозначеніемъ, какимъ образомъ должны быть расположены и ведены наши военныя дѣйствія и съ росписаніемъ находящихся здѣсь войскъ. Записка предлагаетъ атаковать съ моря Шведскій флотъ и высадить на

Шведскій берегъ сухопутное войско, чтобы отвлечь короля Густава отъ Финляндіи, въ которой онъ усилился. Далѣе въ запискѣ излагаются распоряженія относительно укомплектованія сухопутнаго войска, относительно патентовъ для захватыванія Шведскихъ судовъ, касательно манифестовъ, декларацій къ иностраннымъ дворамъ и военныхъ мѣръ внутри страны. По предмету патентовъ, въ запискѣ, напримѣръ, любопытно мнѣніе Совѣта, что „для нашей торговли Шведскіе арматоры никакого почти вреда или, по крайней мѣрѣ, весьма малый вредъ сдѣлать могутъ, поелику наша торговля не есть активная, а производится другими народами". А въ пунктѣ о декларацiяхъ къ иностраннымъ дворамъ предположено „съ Вѣнскимъ и Бурбонскими дворами изъясниться искреннимъ образомъ и ихъ интересовать въ дѣлѣ семъ, наипаче же съ послѣднимъ, буде бы Англія рѣшилася вмѣшаться въ оное дѣятельно". Совѣтъ, сообразуя эти предположенія съ „обстоятельствами нынѣшними, признаʌъ ихъ приличными и удобнѣйшими" [37]).

Черезъ день, 22-го іюня, графъ Безбородко извѣщалъ князя Потемкина о мѣрахъ, предпринимаемыхъ Россіею на случай могущей быть новой войны и объ отношеніяхъ къ этому событію иностранныхъ кабинетовъ: „Мы ожидали, что повелѣнное графу Разумовскому объясненіе съ Шведскимъ министерствомъ, подкрѣпляемое Датскимъ посланникомъ произведетъ добрый успѣхъ; но, во первыхъ, Датскій посланникъ отъ сего подкрѣпленія уклонился, а король Шведскій, ища только придирки, вступился; для чего въ изъясненіи графа Разумовскаго говорено было о дружественныхъ расположеніяхъ здѣшняго двора къ королю и прочимъ чинамъ правленія и націи, почитая сіе за намѣреніе опровергнуть форму правленія его, приказалъ графу Разумовскому чрезъ недѣлю выѣхать изъ Стокгольма, относя, будто бы онъ собственно собою сіе учинилъ изъясненіе и, конечно, не по повелѣнію двора, давъ знать, что онъ о прочемъ изъяснится чрезъ своего министра по прибытіи въ Финляндію. Происшествіе сіе объяснилъ онъ циркулярною нотою. Здѣсь положено выслать Нолькена, равнымъ образомъ, и будучи въ готовности, сколько возможно, не начинать дѣйствій. Флотъ его состоитъ изъ 12-ти кораблей и 4-хъ фрегатовъ, да армейскій [т. е. арматорскій] изъ 10-ти новыхъ судовъ и 22-хъ галеръ. Все вооруженіе его простирается до 30,000 человѣкъ. Границы съ Даніи отъ Норвегіи совсѣмъ обнажены. Въ Сканіи остался одинъ полкъ и въ Готенбургѣ три невооруженныхъ фрегата. Ея величество удержала до окончанія дѣла флотъ свой, въ Средиземное море назначенный, который, за отдаленіемъ трехъ сто-пушечныхъ, впередъ посланныхъ, и уже, конечно, оконопаченъ; при бывшихъ [флотъ], состоитъ

при соединеніи со здѣшнею эскадрою, въ 17-ти линейныхъ корабляхъ, 11-ти фрегатахъ и 4-хъ бомбардирскихъ, да 2-хъ катерахъ, кромѣ вооруженныхъ транспортовъ. Сто-пушечные корабли посылаемъ мы въ соединеніе съ 6-ю Датскими кораблями, ежели они составятъ общее дѣло и учинить поискъ на Готенбургъ, а большому флоту, когда сдѣлается разрывъ, идти отъ Ревеля атаковать Шведскій флотъ. Чрезъ двѣ недѣли прибавится у насъ еще три корабля изъ Кронштадта, да въ августѣ придутъ Архангельскіе 5-ть кораблей и 2-ва фрегата. Въ Финляндіи [на лицо] корпусъ, по учиненному вашею свѣтлостію росписанію въ 1784 году; но людей весьма мало, и дай Богъ, чтобъ довольно было на оборону, ежели Датскій дворъ не согласится на планъ нашъ, чтобъ милиціею Норвежскою, въ лагерь собранною, нынѣ сдѣлать впаденіе въ прилегающую тамъ, открытую Шведскую землю. Такожъ сдѣлать демонстрацію въ Сканіи, оттуда и запасъ привозится въ Финляндію, гдѣ почти голодъ.

„Ваша свѣтлость изволите вопрошать о Гишпанцахъ. Сей дворъ, при сообщеніи имъ о нашемъ флотѣ, учинилъ отвѣтъ самый дружескій, позволяя входъ эскадрамъ нашимъ въ ихъ порты, на основаніи имѣющихся у нихъ съ другими дворами трактатовъ, и при томъ о Шведскихъ вооруженіяхъ отозвался тѣмъ же образомъ, какъ и Французскій, считая сіе за намѣреніе короля Шведскаго, безпокойству его сродное, и отъ Порты, Англіи и, можетъ быть, и Пруссіи одобряемое. Что касается до ноты данной, я не говорю, что она основана на имѣющихся уже обстоятельствахъ, всѣмъ ясныхъ, а донесу только вашей свѣтлости, что когда послѣ перваго о томъ требованія сдѣланъ былъ имъ отвѣтъ, весьма положительнымъ образомъ отъ двора Вѣнскаго графу Кобенцелю сказано было, что дворъ ихъ безъ его обезпеченія ни на что рѣшительно пуститься не можетъ; а приращеніе короля Прусскаго не оставитъ въ конпенсацію ни съ какими своими пріобрѣтеніями; но до сихъ послѣднихъ и дѣло едвали дойдетъ, ибо они столько же усильно желаютъ мира, какъ и мы. Съ королемъ же Прусскимъ тѣмъ меньше ссориться и насъ ссорить похотятъ, что даже и границы свои Богемскія обнажили, да и министръ ихъ въ Берлинѣ ведетъ себя не такъ, какъ нашъ, а скромно и осторожно; впрочемъ, въ помянутой нотѣ сказано, что мѣры будутъ приняты, поколику возможность и собственная наша безопасность дозволятъ. Слѣдовательно, въ исполненіи того мы и будемъ съ симъ, возможностью и безопасностью, соразмѣрно поступать. Примиреніе съ Турками, конечно, нужно и желательно, и для того послѣ первыхъ успѣховъ мы сообщимъ наши условія Вѣнскому двору, и потомъ

будемъ интересовать и другія державы; но и тутъ мнѣ нужны ваши наставленія, наипаче же въ разсужденіи народовъ Азіатскихъ и Грузіи, такожъ и дѣлъ Персидскихъ, чего требовать и отъ чего уклоняться, я потому и прошу милостиво меня оными удостоить.

„Окончивъ толь великую матерію, донесу вашей свѣтлости о странномъ происшествіи. Съ объявленіемъ войны Турками, графъ Ангальтъ перестал носить мундиръ армейскій и даже при смотрѣ войскъ, на флотъ назначенныхъ, былъ въ кадетскомъ. Когда велѣно было армію противъ Шведовъ расписать по вашей репортиціи, государыня назначила главный корпусъ въ 8 пѣхотныхъ полковъ, 3 кавалеріи и 1 башкирскомъ въ его команду, то онъ отозвался, что могъ онъ быть два года назадъ полнымъ генераломъ въ Сканіи и годъ потомъ въ Пруссіи, не можетъ идти на войну здѣсь, какъ съ чиномъ генералъ-аншефа и ни подъ чьею командою, кромѣ двухъ фельдмаршаловъ. Ея величество думаетъ, что его кто либо сбиваетъ, но я увѣренъ, что онъ тутъ самъ рѣшился, видя иногда удачу и нескладныя претензіи“ [38]). Въ этотъ же день, 22-го іюня, графъ Безбородко писалъ адмиралу Грейгу: „Г. генералъ-маіоръ баронъ Спренгпортенъ, по высочайшему соизволенію ея императорскаго величества отправляется къ вашему превосходительству, съ тѣмъ, дабы вамъ сообщить его идеи относительно поисковъ на Швецію. Ея величество весьма желала бы, чтобъ мысль его сдѣлать таковый поискъ на Стокгольмъ, когда главнѣйшія силы короля приведены въ Финляндію, произведена была въ дѣйство, и для того указала ему поѣхать къ вамъ и съ вашимъ превосходительствомъ о всемъ положить на мѣрѣ. Ея величество полагаетъ, что дать ему до 2,500 войска изъ имѣющагося въ командѣ вашей, подъ надежнымъ прикрытіемъ, по усмотрѣнію вашему, онъ можетъ все оное исполнить подъ руководствомъ вашимъ, и потомъ, отдавъ войска, самъ поспѣшить, гдѣ будетъ надобенъ. Ваше превосходительство не оставьте съ нимъ о всемъ изъясниться, положить на мѣрѣ и прислать мнѣніе ваше. Впрочемъ, человѣкъ сей, по его преданности къ ея величеству, по благонамѣренности и по усердію возставить свободу отечества, удостоенъ отличнаго монаршаго уваженія, и я его въ вашу милость поручаю.

„Войска сухопутныя государыня рѣшилася у васъ оставить, не снимая, хотя бы вы до глубокой осени въ здѣшнемъ морѣ осталися, дабы вы удобнѣе ими распоряжать могли. Все сіе разумѣется, буде Шведы начнутъ дѣйствія, а не мы прежде. Нолькена выслать отсюда велѣно, и завтра сіе исполнится. По возвращеніи сего подателя, отправлю я къ вамъ заготовляемыя дополненія къ инструкціи“ [39]).

Рѣзкій поступокъ короля Шведскаго Густава III-го съ Русскимъ министромъ, сдѣлавшись извѣстнымъ дипломатическому міру въ Петербургѣ, произвелъ замѣчательное разногласіе въ мнѣніяхъ представителей державъ. По этому поводу, 23-го іюня, на конференціи, произошелъ любопытный разговоръ вице-канцлера съ послами Австріи и Даніи. Разговоръ этотъ вполнѣ обрисовалъ политическія стремленія обоихъ дворовъ. „Цесарскій посолъ, графъ Кобенцель,—читаемъ въ „запискахъ коллегіи“,—навѣдывался о резолюціи ея величества по случаю страннаго поступка короля Шведскаго противъ графа Разумовскаго. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что ея величество рѣшилась употребить въ семъ случаѣ совершенное взаимство, почему онъ, вице-канцлеръ, послалъ къ барону Нолькену статскаго совѣтника Коха для прочтенія предъ нимъ составленной отъ здѣшняго двора записки, изъявляющей соизволеніе ея величества, дабы оный посланникъ въ 8-ми дневный срокъ изъ имперіи здѣшней выѣхалъ. Графъ Кобенцель сказалъ, что поступокъ короля Шведскаго тѣмъ вящія заслуживаетъ уваженія, если справедливы дошедшіе слухи, будто король Прусскій дѣлаетъ разныя военныя приготовленія и заключилъ союзный договоръ съ Англійскимъ дворомъ. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что здѣсь имѣются извѣстія изъ Курляндіи о скрытыхъ въ Пруссіи приготовленіяхъ и о собраніи до 2,000 человѣкъ войска въ Самогиціи. О точномъ же заключеніи союзнаго договора между Пруссіею и Англіею увѣдомилъ изъ Голландіи пребывающій тамъ здѣшній посланникъ, котораго договора главнѣйшій предметъ есть сохраненіе системы Штатовъ Соединенныхъ Нидерландовъ.

„Датскій министръ, Сенъ-Сафоренъ объявилъ, что баронъ Нолькенъ сообщилъ ему, какъ ноту, поданную въ Стокгольмѣ графомъ Розумовскимъ, такъ и послѣдовавшее рѣшеніе отъ короля, которому, будто, весьма оскорбительными показались выраженія, въ той нотѣ употребленныя, и отдѣляющія его отъ народа и, хотя, онъ, Сенъ-Сафоренъ, старался убѣдить посланника, что въ той нотѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго достоинству королевскому, ибо, въ дружескихъ сообщеніяхъ между двумя государями, весьма обыкновенны увѣренія о добромъ расположеніи одного къ другому, относя оныя не токмо къ государю самому, но и къ націи; баронъ Нолькенъ, однако, сказалъ, что сіи возраженія не могутъ быть вредительны ни какому иному государству, кромѣ Швеціи, въ которой между частными лицами понынѣ скрывается алчность къ возстановленію прежняго правленія. На что онъ, Сенъ-Сафоренъ, наконецъ, возразилъ, что обыкновенно министру, подавшему ноту, въ коей найдется что либо оскорбительное, оная возвращается, да и тогда, когда онъ ее назадъ при-

нять не захочетъ, не обходятся съ нимъ какъ поступили съ графомъ Разумовскимъ въ Стокгольмѣ, а приносится единственно двору его жалоба съ требованіемъ о его отзывѣ.

„Вице-канцлеръ изъявилъ свое желаніе г. Сенъ-Сафорену, чтобы дворъ его изъяснился такимъ образомъ съ Шведскимъ и, по просьбѣ его, разсказавъ содержаніе бумагъ, изъ Стокгольма полученныхъ, о извѣстномъ съ графомъ Разумовскимъ происшествіи, примѣтилъ ему, посланнику, что графъ Ревентлау, въ семъ дѣлѣ, въ противность намѣреніямъ здѣшняго двора, чтобъ графъ Разумовскій не изъяснялся съ Шведскимъ министромъ прежде, нежели сей Датскій министръ предварить о дружелюбныхъ государыни императрицы къ королю расположеніяхъ, побудилъ его ко врученію означенной ноты безъ всякаго почти съ своей стороны подкрѣпленія. Оный посланникъ отвѣчалъ, что не имѣетъ о семъ отъ своего двора извѣстія, но можетъ увѣрить, что король государь свято сохранитъ обязательства свои съ Россіею, насколько позволятъ то его силы. За тѣмъ, прочелъ депешу графа Бернсдорфа о присланныхъ къ Шведскому королю, чрезъ Марсель и Голландію, изъ Турціи 2.000,000 піастровъ, объ отъѣздѣ кронъ-принца Датскаго въ Норвегію, для осмотра и приведенія въ лучшее состояніе тамошняго войска, изъ чего онъ, г. Сенъ-Сафоренъ, дѣлалъ собственное примѣчаніе, что Данія, хотя принимаетъ мѣры къ исполненію своихъ обязательствъ съ Россіею, однако, при разрывѣ мира между Швеціею и Россіею, не можетъ въ сей войнѣ принимать участія, ибо, по разнесшимся слухамъ, Англія беретъ ее отъ того удержать, и уже со Шведскимъ королемъ заключила договоръ о платежѣ ею ежегодно по 100,000 фунтовъ стерлинговъ, и обязывается дать ему 7 линейныхъ кораблей, въ случаѣ нечаяннаго на него нападенія. Вице-канцлеръ отозвался, что если бы Данія, по данному графомъ Бернсдорфомъ барону Криднеру обѣщанію, вывела Шведскаго короля изъ заблужденія, въ которомъ онъ находится, полагая себя обезпеченнымъ со стороны Даніи, то, конечно бы, сей государь не обнажилъ своихъ границъ со стороны Даніи. Въ разсужденіи же войны съ Портою оборонительныя мѣры здѣшнія были расположены согласно существующимъ съ Датскимъ дворомъ договоровъ и данныхъ онымъ здѣсь неоднократныхъ обѣщаній о непремѣнномъ оныхъ сохраненіи, и что какъ съ здѣшней стороны не только не помышляютъ о начатіи съ Швеціею войны, но и всячески оную стараются отвратить, то государыня императрица, надѣется, что его Датское величество не преминетъ исполнить своихъ обязательствъ.

„Сенъ-Сафоренъ заключительно, партикулярнымъ образомъ, примѣтилъ, что всѣ дѣла въ Даніи производятся теперь съ великою мѣшкот-

ностію, потому что кронъ-принцъ еще не самовластенъ и министерство должно наблюдать всевозможную осторожность въ совѣтныхъ рѣшеніяхъ, дабы не подвергнуть себя худымъ слѣдствіямъ и отчету. На что вице-канцлеръ, дружескимъ образомъ, возразилъ, что гдѣ дѣло настоитъ о точномъ исполненіи постановленныхъ обязательствъ, тутъ не можно требовать нималаго отчета" [40]).

Таковы были причины войны съ Швеціею, изложенныя оффиціально; „по слухамъ же было извѣстно,—доносилъ министръ нашъ въ Парижѣ Симолинъ, отъ 2 [13]-го іюня, 1788 года, — что Шведскій король рѣшился на производимое имъ противъ насъ вооруженіе, въ разсужденіи того, что Порта обѣщала ему три милліона піастровъ, если онъ воспрепятствуетъ нашему флоту выдти въ нынѣшнемъ году изъ Балтійскаго моря. Шведскій тамъ посолъ баронъ Сталь получилъ изъ Царьграда большой пакетъ для препровожденія къ своему двору" [41]).

Затруднительное положеніе Россіи, въ виду предстоящей близкой войны съ Швеціею, какъ видно, весьма тревожило графа Безбородку. Желая воспользоваться совѣтомъ или указаніемъ князя Потемкина, Безбородко чистосердечно и подробно писалъ князю, какъ о предварительныхъ распоряженіяхъ и военныхъ приготовленіяхъ противъ Швеціи, такъ и о сношеніяхъ по этому поводу съ иностранными дворами. Россія, сознавая себя недостаточно сильною воевать только собственными средствами съ Густавомъ III, при войнѣ въ то же время съ Турціею, имѣла необходимость въ союзникѣ, и при томъ такомъ, который, по своимъ дипломатическимъ отношеніямъ и географическому положенію, былъ бы близко заинтересованъ въ союзѣ съ Россіей противъ Шведскаго короля. Необходимымъ также представлялось, чтобы надежному союзнику не связывали руки другія державы. Найти скоро такого союзника для Россіи было не легко, и это было почти главною причиною, что Россія медлила формальнымъ объявленіемъ войны Швеціи. По поводу этихъ обстоятельствъ графъ Безбородко, 24-го іюня, писалъ князю Потемкину: „Послѣ извѣстія о высылкѣ графа Разумовскаго изъ Стокгольма, ничего не получено новаго и короля Шведскаго, съ галернымъ флотомъ ожидали къ 25-му іюня, т. е. къ завтрашнему дню, въ Гельсингфорсъ; тамъ пріуготовлено 12-ть орудій осадной артиллеріи и 30-ть пушекъ полевыхъ, а на прошедшей недѣлѣ прибыли канониры изъ Стокгольма. Король Прусскій на сдѣланное ему предложеніе отъ Датскаго двора объ опасности, чтобы въ Сѣверѣ не возмущенъ былъ покой разрывомъ между нами и Шведами, отвѣтствовалъ, что какъ всѣ возмущенія сіи произошли отъ недоразумѣній между сосѣдними дворами, то и надлежитъ ожидать, чтобъ они сами прежде

открыли между собою объясненіе; но если бы нечаянно произошелъ разрывъ, не преминетъ онъ употребить къ примиренію свои усильныя старанія, обстоятельствамъ сходствующія, согласно съ Датскимъ дворомъ, и для того теперь же даетъ позволеніе министрамъ своимъ въ Петербургѣ и Стокгольмѣ, въ своё время, сдѣлать общія представленія. У насъ положено принять дружески медіацію или добрыя услуги въ семъ дѣлѣ, если только со стороны Прусской не станутъ предлагать или подкрѣплять кондицій Шведскихъ, для насъ предосудительныхъ; оныя полагаются за невмѣстныя, если: 1, король Шведскій будетъ настоять, чтобъ мы признали законною форму правленія, имъ установленную; 2, или утверждать что великій князь не имѣетъ права перенести владѣнія Гольштинскаго на меньшую линію сего дома, и 3, ежели въ замѣну тому требовать будутъ для герцога Сюдерманландскаго уступки герцогства Курляндскаго. Сіе послѣднее весьма вѣроятно, потому что помянутый герцогъ завелъ переписку съ нѣкоторыми дворами, и открыто, что онъ научаетъ ихъ зачать явную ссору съ герцогомъ Бирономъ, внушая, что Россія ничѣмъ далѣе помѣшать не можетъ. Онъ засылалъ отъ флота своего легкіе фрегаты въ Либаву и Виндаву для осмотру, подъ видомъ закупки провизіи; впрочемъ, у насъ, конечно, не сдѣлаютъ затрудненія, чтобъ все въ прежнемъ, какъ до сего было, осталось состояніи. Графъ Нессельродъ скоро поѣдетъ занять мѣсто министра [въ Берлинѣ], но надобно, чтобъ онъ постарался смѣнить и Келлера [Прусскаго посла въ Петербургѣ], который здѣсь не меньше нашего досадилъ всѣмъ. Я думаю, они не затруднятся. Адмиралъ Грейгъ вчера пошолъ съ тѣмъ, чтобъ, взявъ позицію противъ Ревеля, ожидать рѣшенія дѣла не задирая, а буде Шведы начнутъ дѣйствія, онъ пойдетъ на ихъ флотъ.

„Часть его вооружена такъ, какъ ваша свѣтлость предлагать изволите, но присоединенные къ нему корабли и фрегаты эскадры Балтійской не всѣ по тому правилу пушками снабжены, а иные съ уменьшеніемъ калибра. Поелику три сто-пушечные корабля уже въ Зундѣ, адмиралъ считаетъ возвращать ихъ затруднительнымъ, а представляетъ, что, имѣя на нихъ 500 человѣкъ сухопутнаго войска, два мѣдью обшитые и каронадами вооруженные катера и четыре транспортныя суда, снабженныя 16-ти и 12-ти фунтовыми пушками, соединяя съ Датскою, хотя малою, эскадрою, или безъ нея, послать скоропостижно, по разрывѣ, на Готенбургъ, гдѣ только три фрегата, съ тѣмъ, чтобы сей торговый флотъ раззорить и, буде можно, вовсе испортить, тоже сдѣлать и съ близъ лежащимъ портомъ Марштрандомъ; а потомъ кораблямъ остаться до окончанія дѣлъ съ Датскою эскадрою; катерамъ же—въ Зундѣ и около онаго

истреблять Шведскую купеческую навигацію. Самъ онъ располагается пуститься къ Карлскронѣ. Спренгпортенъ совѣтуетъ, когда нынѣ по извѣстіямъ въ Стокгольмѣ останется только полтора полка, сдѣлать попытку легкимъ судамъ къ тому мѣсту" [42]).

Вскорѣ политическія обстоятельства разъяснились, въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи. Данія вооружалась, хотя правительству нашему не было положительно извѣстно, что она будетъ дѣйствовать совмѣстно съ Россіей. Объ успѣхахъ дипломатическихъ переговоровъ графъ Безбородко, 27-го іюня, писалъ князю Потемкину: „Послѣ отправленнаго отъ меня третьяго дня, ничего не произошло новаго, кромѣ что, по полученнымъ отъ графа Бернсдорфа къ г. Сенъ-Сафореню письмамъ, оказывается, что Датскій флотъ усилилъ на границахъ Зеландіи и Норвегіи свои магазины для войскъ, приготовилъ артиллерію и снаряды и уже вооружилъ совсѣмъ свои шесть кораблей и два фрегата. Онъ сообщилъ дворамъ Версальскому, Лондонскому, Берлинскому и Мадридскому, что не можетъ не исполнить своихъ обязательствъ съ Россіею. Отъ Версальскаго двора на сіе предварительное сообщеніе имѣетъ онъ отвѣтъ, что Франція будетъ стараться употребить свои старанія къ прекращенію несогласія на Сѣверѣ, а намъ внушила она, что король Шведскій, предъявляя опасность, отъ Россіи ему грозящую, требуетъ пособія по трактату отъ Франціи, что она толь безстыдное требованіе отвергла, сказавъ ему ясно, что ему опасаться отъ насъ нѣтъ никакой причины, ибо Франція знаетъ, что всѣ наши силы къ тому единственно обращены, чтобы кончить войну нашу съ Турками. Она отправила посла своего, указавъ ему ѣхать въ Финляндію и всѣ способы употребить къ вразумленію короля Шведскаго. Лордъ Кармантенъ еще формальнаго отвѣта не сдѣлалъ, а сказалъ предварительно, что дворъ Лондонскій не имѣетъ никакого интереса желать войны между Россіей и Швеціею, тѣмъ болѣе, что въ сихъ безпокойствахъ торговля въ Балтикѣ подвергнется убытку и что, не взирая на холодность между Англіею и Россіею, первая никогда не удалена сблизиться съ послѣднею. Отъ двора Берлинскаго были отзывы также дружественные, ничего, хотя, ни на одну сторону не указующіе; но болѣе мы то увидимъ, когда получимъ отповѣдь на учиненное ему самое непріязненное о сихъ происшествіяхъ сообщеніе. Курьеръ изъ Даніи прежде двухъ недѣль еще не возвратится. Король по сіе время еще на галерахъ, или, лучше, сказать въ Гельсингфорсѣ. Адмиралъ Грейгъ скоро отправится къ той сторонѣ съ флотомъ" [43]).

Въ виду столь благопріятныхъ извѣстій о настроеніи Европейскихъ

кабинетовъ, Русскому правительству не представлялось надобности медлить объявленіемъ войны Швеціи, тѣмъ болѣе, что дѣйствія Густава III принимали, очевидно, угрожающій характеръ. 30-го іюня 1788 г., манифестъ, написанный Безбородкою, объявилъ „о вѣроломствѣ и наглости новаго непріятеля, побуждающаго насъ поднять оружіе въ свою защиту".

Если вѣрить тогдашнему сообщенію Прусскаго двора, война Швеціи противъ Россіи произошла единственно по желанію Густава III, который, будто бы, былъ вовлеченъ въ нее „недоразумѣніемъ, и весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги и, въ надеждѣ получать оныя, рѣшился напасть на Россію" [44]). Но едвали бы Швеція, или Густавъ III согласились принять подкупъ Турціи, засвидѣтельствованный Пруссіею, едвали бы и Турція рѣшилась предложить свой подкупъ Швеціи, если бы этимъ подкупомъ, и, слѣдовательно, возбужденіемъ Шведской войны противъ Россіи въ 1788-мъ году, не руководили великія Европейскія державы. Мы видѣли уже, что по дѣлу тогдашней Турецкой войны на сторонѣ Россіи былъ только Вѣнскій кабинетъ съ своимъ благороднымъ и честнымъ Іосифомъ II: Франція лицемѣрила и выжидала, Пруссія и Англія интриговали и вредили. Всего естественнѣе происхожденіе Шведской войны объяснить указаннымъ отношеніемъ къ Россіи Пруссіи, Англіи и Франціи, тревожившихся усиленіемъ Россіи и расширеніемъ ея границъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что самыя отношенія Густава III къ Екатеринѣ II въ это время отличались какимъ-то страннымъ, вызывающимъ свойствомъ. Такъ, въ „дневныхъ запискахъ коллегіи", подъ 1-мъ числомъ іюля, мы находимъ ноту или „записку, расчитанную,—по словамъ одного историка,—на то, чтобы чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбить императрицу". „Шведскій секретарь посольства Шлаффъ,—говорится въ ней,—вручилъ вице-канцлеру, по повелѣнію короля, государя своего, записку въ отвѣтъ на поданную здѣшнимъ министромъ въ Стокгольмѣ графомъ Разумовскимъ, въ коей король Шведскій дѣлаетъ сумасбродныя и несправедливыя нареканія на Россію, якобы министры ея всегда старались возмущать его народъ и посѣвать въ немъ духъ раздора и безначалія, а особливо графъ Разумовскій, подавая притворныя увѣренія о дружественныхъ ея императорскаго величества къ королю расположеніяхъ, дерзнулъ даже отдѣлить его, короля, отъ націи, которой оказалъ свое великодушіе, не воспользовавшись случаями напасть на Россію, когда она была занята войною съ Турками и внутренними замѣшательствами, и претерпѣвала недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ заключеніе же сей записки представляетъ онъ нелѣпыя условія, на коихъ хочетъ

заключить съ Россіею миръ, ожидая рѣшительнаго отвѣта: да или нѣтъ. Условія короля Шведскаго состоятъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1, „чтобъ министръ, графъ Разумовскій примѣрно наказанъ былъ; 2, чтобъ ея императорское величество, въ награжденіе убытковъ, напрасно имъ понесенныхъ на вооруженіе, уступила ему всю часть Финляндіи и Кареліи съ уѣздомъ и городомъ Кексгольмскимъ, поставляя границу у Систербека; 3, чтобъ государыня императрица приняла его медіацію для доставленія ей мира съ Портою, и чтобъ позволила ему предлагать Портѣ уступку всего Крыма; въ случаѣ же неудачи его склонить симъ Порту на миръ, предложить сей державѣ возстановленіе границъ, каковыя были до начатія войны 1768 г.; а для безопасности его предложеній, чтобъ государыня разоружила свой флотъ и отозвала войска свои съ границъ, а ему позволила бъ остаться вооруженнымъ до заключенія мира между Россіею и Портою“ [45]).

Приведя вкратцѣ эту, замѣчательную въ своемъ родѣ, ноту, Фридрихъ фонъ-Смитъ говоритъ: „Къ такому языку не привыкла императрица; гордость ея была оскорблена, негодованіе и гнѣвъ пробудились, и Шлаффъ получилъ приказаніе тотчасъ выѣхать изъ Петербурга. Когда при этомъ замѣтили императрицѣ, что король говоритъ такимъ языкомъ, какъ будто уже одержалъ три побѣды и можетъ предписывать условія мира, она съ пылкостію возразила: „Еслибъ онъ и выигралъ три большія побѣды и даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я все-таки показала бы ему, на что способна женщина съ рѣшительнымъ характеромъ, стоящая во главѣ храбраго и преданнаго ей народа, и непоколебимая на развалинахъ великаго государства“ [46]).

Когда эту ноту или „записку“ Шведскаго короля вице-канцлеръ передалъ Датскому посланнику Сенъ-Сафорену, то послѣдній „отозвался, что сіе твореніе можетъ происходить только отъ помѣшательства въ умѣ, и что вообще поступки короля Шведскаго неслыханные и предъ всѣмъ свѣтомъ обнажаютъ злые его замыслы противъ Россіи“. Прусскій посланникъ, баронъ Келлеръ, которому вице-канцлеръ далъ прочесть ноту Шведскаго короля, „при чтеніи, дѣлая свои примѣчанія, находилъ вездѣ неистовства, нелѣпости и клеветы.... Заключилъ же баронъ Келлеръ тѣмъ, что сія записка сочинена, конечно, въ замѣшательствѣ ума“ [47]).

Объявленная война требовала, не отлагая, изыскивать средства вести ее; между тѣмъ, средствъ въ наличности оказывалось недостаточно. Это обстоятельство сильно тревожило графа Безбородку, который 8-го іюля, писалъ князю Потемкину: „Заботы наши умножились безпокойствомъ сосѣда, который, видимо, счелъ время нынѣшнее для себя благопріятнымъ;

не знаемъ еще точно, можно ли надѣяться на пособіе Даніи, которая, конечно бы, все бы дѣло облегчила, сдѣлавъ диверсію подъ Норвегію готовыми войсками и малою частицею къ Сканіи. Дней черезъ нѣсколько будетъ оттуда курьеръ, который все дѣло объяснитъ. Флотъ нашъ силенъ и хорошо вооруженъ. Но въ Финляндіи войска мало; когда у короля Шведскаго почитается до 30,000, то у насъ и съ назначенными на флотъ не болѣе 18,000, включая: Ригу, Ревель, Петербургъ и Кронштадтъ. Сіе одно только насъ и заботитъ.

„Письмо мое васъ, конечно, застанетъ въ большихъ дѣлахъ, въ которыхъ дай Богъ успѣховъ. Графъ Петръ Александровичъ [Румянцовъ] пречудную прислалъ реляцію. Ему сказано было, что флотъ Турецкій пришелъ къ Очакову и что симъ, натурально, затрудняется предпріятіе на оный городъ, но что и болѣе затруднится еще, буде непріятель найдетъ способъ послать туда новыя силы, и для того онъ поспѣшилъ бы перейти за Днѣстръ, и прочее. На сіе онъ отвѣчаетъ, что движеніе его между Днѣстра и лѣваго берега Прута, даже до Дуная, конечно, озаботитъ Бендеры и, очищая сіе пространство земли, успокоитъ союзныя войска, но что онъ не можетъ привлечь на себя вниманіе отъ флота, ниже заставить визиря обратить большія силы въ землю, гдѣ ничего нѣтъ завиднаго, а крѣпости сами по себѣ хорошо снабжены. Никто и не думалъ, чтобъ онъ флотъ на себя привлекъ, ибо ему по сухому пути ходить нельзя, а объ императорѣ и слова не было, чтобъ его облегчить диверсіею нашею. Какъ бы то ни было, лишь бы дѣла шли“ [48]).

Вечеромъ, 10-го іюля, въ Петербургѣ получена была отъ адмирала Грейга реляція, что 6-го іюля онъ одержалъ побѣду надъ Шведскимъ флотомъ, бывшимъ подъ предводительствомъ герцога Сюдерманландскаго. Русскіе взяли 70-ти пушечный корабль, „Prince Gustave“, со всѣмъ экипажемъ [49]).

О радостномъ событіи этомъ графъ Безбородко въ тотъ же вечеръ сообщилъ Потемкину, а также копію съ реляціи адмирала Грейга и, между прочимъ, писалъ ему: „Дворъ Датскій послѣ происшедшаго съ графомъ Разумовскимъ, не отчаяваяся, что до разрыва не дойдетъ, предварительныя учинилъ увѣренія, что онъ свои обязательства исполнитъ, и, хотя, болѣе 6-ти кораблей и 2-хъ фрегатовъ вооружить на сей годъ не можетъ, но съ сухопутной стороны приготовитъ войска свои. Въ концѣ сего мѣсяца надѣемся получить рѣшительный отвѣтъ и принятіе нашего плана. Берлинскому двору сообщено все происшествіе на ряду съ самыми дружескими дворами. Графъ Нессельродъ упражняется теперь въ чтеніи инструкціи и переписки, а на будущей недѣлѣ ѣдетъ заступить мѣсто

графа Разумовскаго. Алопеусъ имѣлъ съ королемъ разговоръ по дѣламъ, но не писалъ изъ Берлина, для отвращенія разныхъ неудобствъ, а исполнить то изъ своего посту, и я тогда донесу вашей свѣтлости" [50]).

Вечеромъ, 12-го іюля, въ столицѣ было получено отъ князя Потемкина извѣстіе, о новой, четвертой, побѣдѣ на Лиманѣ, объ истребленіи Турецкаго флота и объ очищеніи всего Лимана отъ непріятельскихъ судовъ [51]). Такая радостная вѣсть умалилась вѣстями обратнаго свойства съ театра войны Шведской. Въ этой войнѣ дѣла шли затруднительнѣе и не переставали тревожить дѣятельнаго Безбородку, который писалъ въ это время, именно 14-го іюля, князю Потемкину: „Не можно болѣе обрадовать, какъ ваша свѣтлость обрадовали преславною побѣдою надъ всѣми морскими силами Турецкими и никто, конечно, оспаривать не можетъ, что мы на водахъ не имѣемъ столь важнаго дѣла. Дай Богъ вамъ и впредь столь знаменитые успѣхи. Мы на сихъ дняхъ поѣдемъ въ городъ, чтобъ въ крѣпости принести Всемогущему благодареніе, и какъ для сего назначается пятница, то къ тому времени, можетъ быть, получимъ флагъ, у васъ въ добычу полученный, чтобы имъ украсить гробъ основателя Россійской морской силы.

„Послѣ отправленія вчерашняго получено извѣстіе, что Шведы схватили таможенную заставу и готовятся на Нейшлотъ.

„Сегодня дошла вѣсть, что они схватили судно съ провіантомъ и съ мундирами для Нейшлотскаго войска, вошли въ городъ и облегли замокъ, да и зачали двигаться къ границѣ. Король сего дня долженъ быть въ Левизѣ. Въ Нейшлотѣ захватили людей. Сейчасъ послано къ адмиралу Грейгу повелѣніе, чтобъ онъ шелъ съ 18-ю короблями, 10-ю фрегатами, двумя бомбардами и тремя брандерами искать Шведскаго флота и оный атаковать. Датчане принимаются за мѣры, хотя, отчасти, и поздно; они уже велѣли сдѣлать королю Шведскому представленіе, а кронъ-принцъ отвѣчалъ ему, что онъ сожалѣетъ, что дѣла дошли до такой степени, тѣмъ болѣе, что у нихъ съ нами существуютъ обязательства, которыхъ исполнять они не могутъ и не хотятъ. Войска у нихъ въ Норвегіи до 16,000, которое могутъ, буде пожелаютъ, ввести въ Швецію. Въ Копенгагенѣ имѣютъ также до 10,000 и болѣе, которыми не трудно имъ сдѣлать диверсію въ Сканію, гдѣ Шведы никого не оставили. Вооруженіе морское полагаютъ они умножить, а какъ мы имѣемъ уже въ Копенгагенѣ три сто-пушечные коробля, четыре вооруженные транспорта съ 500 войска сухопутнаго и два катера, вооруженные каронадами, то мы и предлагаемъ Датскому двору соединить ихъ съ ихъ эскадрою и сдѣлать поискъ на Готенбургъ и Марштрандъ, а потомъ, возвратясь въ Балтійское море и дождався

эскадры контръ-адмирала Повалишина изъ города Архангельска, соединенно обратиться къ берегамъ Шведскимъ, блокируя ихъ порты. Все зависитъ отъ успѣха адмирала Грейга; но болѣе всего заботитъ насъ состояніе Финляндіи, которую оборонить весьма трудно, ибо если и снимаемыя теперь съ транспортовъ Архангельскихъ войска туда поспѣютъ, будетъ всего 10,000 человѣкъ, а непріятеля, кромѣ галеръ и армейскаго флота, 20,000 человѣкъ; артиллерія многочисленная и сильная. Тобольскій полкъ и карабинеры не скоро поспѣютъ.

„Французскій дворъ велѣлъ своему послу скорѣе ѣхать въ Стокгольмъ и тамъ употребить стараніе въ отвращеніе войны. Берлинскій дворъ оказываетъ свою наклонность къ посредничеству, и мы отправимъ наши отзывы къ симъ дворамъ въ самыхъ простыхъ изъясненіяхъ, открывая имъ дорогу къ подобнымъ дружескимъ стараніямъ. Хотя Англія одна пребываетъ въ молчаніи, но и туда такой же отзывъ посланъ. Трудно, однако, короля Шведскаго унять, ибо его голова воспалена сею войною; что онъ всѣ усилія на оную обратилъ. По сіе время еще отъ него не было никакого объясненія.

„Послѣ отправленія вчерашняго, получено извѣстіе, что Шведы и въ другихъ ближнихъ мѣстахъ забрали наши заставы, а 23-го іюня застрѣлили при Нейшлотѣ офицера и двухъ рядовыхъ, посланныхъ принять лѣсную команду съ дровами. Въ ту же ночь открыли канонаду по Нейшлоту, которая ночь и на другой день продолжалась“ [52]).

Шведскія дѣла, въ это именно время въ Русской политикѣ, стояли на первомъ планѣ; распоряженія, относящіяся до войны съ Швеціею и дипломатическія сношенія по ней съ иностранными державами составляли исключительный, главный и преимущественный предметъ заботливости графа Безбородки; онъ не уставалъ зорко слѣдить за событіями и принималъ вòвремя соотвѣтствующія мѣры, и дѣятельно заботился о приведеніи ихъ въ исполненіе. Въ письмѣ, 28-го іюля, Безбородко писалъ къ Потемкину: „По дѣламъ Шведскимъ не упускалъ я ни одного случая безъ увѣдомленія вашей свѣтлости, и сей мой долгъ не премину всегда исполнять въ точности, вслѣдствіе того подношу записку, что здѣсь учинено и въ чемъ ваши совѣты и наставленія необходимо намъ нужны.

„Король Прусскій какимъ образомъ изъяснился на дружественное сообщеніе ему по Шведскимъ дѣламъ, ваша свѣтлость усмотрите изъ копіи письма его къ барону Келлеру и отвѣту, графу Разумовскому данному. Посылка Алопеуса имѣла весьма добрый успѣхъ. Приложенныя копіи его депешъ объясняютъ образъ мыслей двора Берлинскаго. Министръ, на мѣсто Келлера назначенный, маркизъ Лукезини, съ большимъ

просвѣщеніемъ, соединяетъ людскость, скромность и всѣ добрыя свойства, по какимъ онъ пріятнѣе своего предмѣстника будетъ. Графъ Нессельродъ на сихъ дняхъ къ своему посту ѣдетъ, а какъ онъ въ здоровьѣ своемъ весьма мало надеженъ, то, на случай смерти его, Алопеусъ употребленъ будетъ. Датскій дворъ готовится къ дѣйствіямъ, но проситъ денегъ, не знаю, будетъ-ли онъ доволенъ обѣщанными полмилліонами гульденовъ за нынѣшній годъ.

„Около 5-го августа мы ожидаемъ курьера оттуда. Вице-адмиралу Фонъ-Дезину, какъ онъ уже давно за Зундомъ, въ самомъ началѣ, велѣно было съ тремя кораблями, двумя фрегатами, четырьмя вооруженными транспортами, на коихъ сухопутнаго войска 500 человѣкъ, и двумя катерами, въ ожиданіи Архангельской эскадры, покуситься на Готенбургъ и Марштрандъ и стараться сіи два мѣста раззорить, порты же ихъ повредить. Недавно послано къ нему повелѣніе, какъ ваша свѣтлость въ запискѣ усмотрите. Отъ адмирала Грейга получено сей-часъ извѣстіе, что онъ съ 18-ю кораблями пошелъ искать непріятельскаго флота, чтобъ вновь съ онымъ сразиться. Предполагаемая непріятелю диверсія со стороны сѣверной части Ладожскаго озера посредствомъ Бѣлозерскаго полка, одного коннаго эскадрона, набираемыхъ тамъ земскихъ стрѣлковъ и казаковъ, въ половинѣ августа, кажется, навѣрное начнется“ [53]).

Только что графъ Безбородко сообщилъ Потемкину, что адмиралъ Грейгъ отправился искать непріятельскій флотъ, какъ получено было извѣстіе о взятіи имъ, 29-го числа, Шведскаго корабля „съ его экипажемъ и судна съ припасами въ виду порта и цѣлаго флота Шведскаго“. Счастливыя вѣсти стали приходить и изъ другихъ мѣстъ района Шведской войны. Король Шведскій, расположенный съ войсками подъ Фридрихсгамомъ, поспѣшно отступилъ. „Причиною тому,—писала императрица въ одномъ изъ рескриптовъ, отъ 2-го августа, адмиралу Грейгу,—было волненіе, происшедшее со стороны Финскихъ войскъ, которыя объявили, что они въ своихъ границахъ защищаться готовы, но не пойдутъ на войну наступательную, королемъ безъ согласія чиновъ государственныхъ начатую. Сіе, и въ одно почти время, сдѣлалось какъ въ той части, которая учинила высадку, такъ и въ самой королевской арміи. Духъ таковый отъ часу далѣе распространяется, а, по извѣстіямъ, и въ Сканіи равное неудовольствіе въ народѣ не скрыто“.

Съ своей стороны, графъ Безбородко, 2-го же августа, писалъ адмиралу Грейгу: „Ссылаясь на письмо ея императорскаго величества, въ коемъ ваше превосходительство извѣщены о всемъ по дѣламъ нашимъ, въ дополненіе къ тому по откровенности моей предъ вами, милостивый

государь мой, сообщу вамъ объ одномъ обстоятельствѣ, съ условіемъ, чтобъ оно между нами осталося: графъ Бернсдорфъ пишетъ къ г. Сенъ-Сафорену сими точно словами: г. адмиралъ Фонъ-Дезинъ есть пречестной и весьма любезной человѣкъ, но слишкомъ нерѣшительный; а сей недостатокъ, по мнѣнію моему, есть самый важный, и я бы желалъ, чтобъ онъ скорѣе имѣлъ какой другой въ обстоятельствахъ, гдѣ нужна поспѣшность въ предпріятіяхъ и самомъ исполненіи оныхъ. Сіе, конечно, ихъ затрудняетъ, ибо они на сей годъ, вооруживъ только 8 кораблей, 4 фрегата и 2 бомбардирскихъ и, назначивъ на сей эскадрѣ контръ-адмирала Кригера, считаютъ, что г. Фонъ-Дезинъ будетъ имѣть главное начальство. Ваше превосходительство скажите мнѣ искренно ваши мысли, кого бы лучше можно было употребить, если и не теперь, то впредь, при случаѣ соединенія эскадръ. На будущій годъ Данія вооружитъ 15, а, по крайней мѣрѣ 12 кораблей, и слышно, что принцъ Августенбургскій, зять королевскій, будетъ начальствовать, такъ какъ на сухомъ пути станутъ командовать въ Сканіи самъ кронъ-принцъ, а со стороны Норвегіи принцъ Гессенкассельскій.

„Дворъ Берлинскій продолжаетъ стараться доказать намъ свое доброхотство по дѣламъ Шведскимъ, увѣряя, что онъ нынѣшнюю его связь съ Англіею употребитъ на отвращеніе всякихъ недоразумѣній и поводовъ къ холодности. Дѣла наши въ Финляндіи, при осторожномъ поведеніи со стороны нашей, могутъ взять весьма полезный конецъ и кажется, что королю тамъ долго остаться нельзя“.

На третій день послѣ отправленія этого письма, т. е. 5-го августа графъ Безбородко вновь писалъ Грейгу: „Два корабля, въ подкрѣпленіе ваше изготовленные, посылаются. Графъ Иванъ Григорьевичъ [Чернышовъ] докладывалъ, не отправить ли на нихъ къ вашему превосходительству г. вице-адмирала Крюйза, ибо онъ на одномъ изъ нихъ поднялъ свой флагъ; но ея императорское величество указать изволила послать корабли теперь одни, и какъ наискорѣе, а мнѣ—снестися съ вашимъ превосходительствомъ, угодно ли вамъ, чтобъ г. Крюйзъ къ вамъ присланъ былъ, что̀ и можно будетъ исполнить при отправленіи впредь „Іезекіиля“ и „Европы“, о чемъ и буду ожидать я дружеской откровенности вашей отповѣди.

„Г. Фонъ-Дезинъ пошелъ къ Готенбургу искать трехъ крейсирующихъ тамъ Шведскихъ фрегатовъ. Датскій дворъ взялъ мѣры къ недопущенію Шведовъ проходить Зунда. Неудовольствіе Финновъ дошло уже до Стокгольма и тамъ надѣются немалой тревоги“.

Такимъ образомъ, казалось, обстоятельства складывались въ нашу

пользу и къ явной невыгодѣ для непріятеля. Императрица Екатерина II и ея главные сподвижники не только не унывали, но напротивъ—употребляли еще бóльшія усилія на борьбу съ Шведами. Адмиралъ Грейгъ высказалъ мысль, что, для обезпеченія отъ непріятеля нашихъ Финляндскихъ береговъ, необходимо раззорить Свеаборгскій портъ. Прекрасная мысль, но трудно выполнимая, по мнѣнію графа Безбородки; онъ по этому поводу, 19-го августа, писалъ Грейгу: „Мысль ваша, чтобъ раззорить портъ Свеаборгскій, не могла инако быть принята, какъ проистекающая отъ усердія вашего и основанная на самомъ благоразумномъ соображеніи всего, что можетъ только относиться къ главнѣйшимъ интересамъ нашимъ. А какъ ваше превосходительство предполагаете удобность произвесть не прежде наступленія зимы, то и примемся за пріуготовленія, лишь бы только знать мы могли, что по мнѣнію вашему нужно. Между тѣмъ, здѣсь постараемся запастись шубами и теплою одеждою на десять тысячъ человѣкъ, и зимнимъ экипажемъ подъ пушки и необходимо нужные снаряды. Не безъ трудности будетъ найти искуснаго предводителя для такого важнаго предпріятія.

„Дѣла на сухомъ пути остаются въ недѣйствіи. Король, сказываютъ, навѣрное уѣхалъ изъ лагеря; но остановится ли въ Левизѣ, или въ Гельсингфорсѣ, или же пустится прямо въ Стокгольмъ—не извѣстно. Между тѣмъ, утверждаютъ, что начальство надъ арміею на Кимени отдается принцу Карлу, и теперь начинаютъ войска къ усиленію сея арміи собираться. Я считаю, что поводомъ къ сему служитъ движеніе главнѣйшихъ силъ нашихъ къ той сторонѣ, опасаяся отъ насъ атаки. Командующій арміею переѣхалъ въ Фридрихсгамъ,—и надобно думать, что прежде окончанія кампàніи произойдетъ что-либо значущее. Не упущу я и впредь сообщать вашему превосходительству о всемъ, произойти могущемъ“.

Положеніе непріятеля становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, такъ что къ концу августа стали слѣдовать со стороны Шведовъ одно за другимъ предложенія о перемиріи, и даже о мирѣ. Но императрица Екатерина II и слышать объ этомъ не хотѣла; напротивъ того, государыня предписывала и неоднократно подтверждала Грейгу, чтобы начальники, посылаемые послѣднимъ противъ непріятеля, „отнюдь не внимали и не вѣрили подобнымъ лжамъ, обыкновенно отъ Шведовъ распускаемымъ, но чтобы каждый старался, по даннымъ ему наставленіямъ, непріятеля нашего утѣснять и всевозможный вредъ ему причинять, наблюдая, впрочемъ, правила человѣколюбія, войску христіанской и просвѣщенной державы свойственныя; да вообще, гдѣ только представится слу-

чай, поражать врага нашего". Тоже предписывалось и графу Мусину-Пушкину, командующему сухопутными войсками въ Финляндіи. Мало того. Правительство Екатерины II уже озабочено было не только настоящимъ ходомъ дѣйствій, но старалось предусмотрѣть и ближайшее будущее, особенно относительно расположенія нашего флота на зиму. Это видно изъ письма графа Безбородки къ адмиралу Грейгу, отъ 2-го сентября: „Прежде, нежели я что либо могу формальное сказать о будущей зимѣ и операціяхъ на слѣдующую весну, имѣю честь сообщить предварительно здѣшнія усмотрѣнія, прося ваше превосходительство въ откровенности сообщить мнѣ ваши по сему мысли, которыя дадутъ намъ вящее просвѣщеніе.

„Не извѣстно еще, какой конецъ восприметъ негоціація съ Финнами, ибо мы, конечно, не согласимся соединить оную съ королемъ; но ежели они отдѣлятся, то и наши дѣйствія тогда иной оборотъ примутъ. Со всѣмъ тѣмъ, однакожъ, мы такъ войски расположимъ въ квартиры, чтобъ, во 1-хъ, охранить наши границы, и 2-е, чтобъ имѣть корпусъ готовый на атаку зимою Свенбурга, и на всякое Финнамъ подкрѣпленіе. Между тѣмъ, при наступленіи глубокой осени, введемъ въ Ревель такую часть флота, которую вы, милостивый государь мой, сами назначите. Съ наступленіемъ весны расположимъ мы наши вооруженія и дѣйствія слѣдующимъ образомъ:

„Весь флотъ долженъ быть въ командѣ вашей; раздѣлить же оный на части, первую—что останется въ Нордзеѣ и близъ береговъ Датскихъ—въ 8-ми корабляхъ и 3-хъ или 4-хъ фрегатахъ, для соединеннаго съ Датскимъ флотомъ дѣйствія; вторую и главную—въ 20-ти корабляхъ, въ томъ числѣ 4 сто-пушечные, которая подъ собственнымъ вашимъ предводительствомъ пойдетъ къ Готланду, съ тѣмъ, чтобъ овладѣть симъ островомъ; тутъ устроить свой главный станъ, и такимъ образомъ господствуя надъ заливомъ Ботническимъ и Балтійскимъ моремъ, да и закрывая Финскій заливъ, туда обратить свои дѣйствія, гдѣ польза наша будетъ указывать; при сей главной части имѣетъ быть до пяти тысячъ сухопутнаго войска, помѣщеннаго на корабляхъ, фрегатахъ и транспортныхъ судахъ, и сіи войска заранѣе расположатся въ Ревелѣ, Балтійскомъ портѣ и Гапсалѣ.

„Третія часть, или резервъ, въ 8-ми корабляхъ и нѣсколькихъ фрегатахъ останется въ Финскомъ заливѣ, для охраненія его, подкрѣпленія гребнаго флота, въ немъ дѣйствующаго, и для посылки къ вамъ, въ случаѣ нужды, пособія. Крейсированіе ея можетъ положено быть до Гангута и далѣе, какъ вы за лучшее признаете.

„Флотъ гребной составится изъ 4-хъ шебекъ, 30-ти канонирскихъ судовъ, 6-ти катеровъ и 30-ти галеръ, и будетъ раздѣленъ на двѣ части: первая—въ заливѣ Финскомъ, наипаче, ежели непріятель еще будетъ въ Финляндіи силенъ, другая—въ заливѣ Ботническомъ, для чего и приложено будетъ стараніе овладѣть берегами до Абова. Хотя сей гребной флотъ и долженъ будетъ состоять подъ начальствомъ предводителя сухопутной арміи, но не меньше часть онаго, по требованіямъ вашимъ, имѣетъ быть отдѣляема вездѣ, куда ваше превосходительство оную обратить на поиски заблагоразсудите, наипаче поискъ на Стокгольмъ, Норкепингъ и тому подобныя мѣста, къ Весту лежащія, конечно, къ вашему начальству и руководству относятся. А если непріятель приведенъ будетъ въ несостояніе дѣйствовать во вредъ береговъ нашихъ и мы въ Финляндіи будемъ безопасны довольно, то изъ сего гребнаго флота будетъ къ вамъ отряжена та часть, которая вамъ потребна и достаточна окажется.

„Удѣля до 5,000 для главной части, да до десяти тысячъ на гребной флотъ войска сухопутнаго, сверхъ стражи въ столицѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Олонецкой губерніи, остается еще не менѣе двадцати тысячъ полеваго войска для дѣйствія на сухомъ пути, а сего, конечно, и довольно, когда крѣпости гарнизонами до того снабжены будутъ, что никакое полевое войско въ нихъ не востребуется. Ваше превосходительство много меня обяжете, если въ дружеской откровенности сообщите мнѣ ваши мысли, поколику находите удобнымъ сей предварительный планъ, или же что въ немъ отмѣнить и дополнить нужно“ [54]).

О текущихъ событіяхъ на театрѣ Шведской войны графъ Безбородко въ письмѣ, отъ 13-го сентября, сообщалъ князю Потемкину: „О рекрутскомъ наборѣ указъ данъ, и ваша свѣтлость усмотрите, что ея императорское величество не соизволила на убавку мѣры, ибо, по ея мнѣнію, согласному съ вашимъ, и такъ уже рослаго человѣка нигдѣ почти увидѣть не можно; не меньше и то признано невмѣстимымъ, чтобъ беззубые и тому подобные принимаемы были. Весьма желательно было бы, чтобъ, для пользы государства и вѣрнѣйшей его обороны, планъ вашъ о службѣ военной произведенъ былъ въ дѣйство и чтобъ, хотя, по окончаніи войны сіе сдѣлалось. Возобновленіе Липецкихъ заводовъ становится теперь тѣмъ важнѣе и необходимѣе, что изъ Англіи пушекъ, покуда настоящая война продлится, нѣтъ способовъ [получать]. Корреспонденты наши пишутъ, что ни одно нейтральное судно за перевозъ заповѣдныхъ товаровъ не возмется, опасаясь Шведскихъ арматеровъ, а намъ инако возить нельзя, какъ развѣ съ конвоемъ. Мы теперь въ затрудненіи для строющихся у города Архангельскаго пяти кораблей и двухъ фрегатовъ,

не зная, какъ для нихъ доставить орудія; а Олонецкіе заводы едва и для здѣшняго вооруженія достаточны.

„Изъ Даніи имѣемъ извѣстіе, что къ Карлскронѣ отправился соединенный флотъ подъ командою вице-адмирала Фонъ-Дезина, состоящій въ трехъ сто-пушечныхъ и четырехъ 74-хъ и 66-ти пушечныхъ нашихъ и трехъ Датскихъ кораблей и трехъ фрегатовъ съ нѣсколько мелкими судами, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить непріятеля, если онъ изъ Свеаборга ускользнетъ. Адмиралъ, въ такомъ случаѣ, положилъ оставить 5-ть кораблей для блокированія гребнаго флота и для подкрѣпленія нашей гребной флотиліи, самому идти по слѣдамъ непріятеля, хотя до самой Карлскроны, и тутъ поставить его между двумя огнями. Предъ Копенгагеномъ, для защиты, осталось три Датскіе корабля, а за Зундомъ, для подкрѣпленія нашихъ мѣлкихъ судовъ и арматеровъ, одинъ нашъ и два ихъ корабля съ фрегатомъ. Число призовъ нашихъ въ Зундѣ простирается до 27-ми судовъ, въ томъ числѣ одно изъ Америки съ сахаромъ, кофеемъ и хлопчатою бумагою.

„Въ разсужденіи Шведовъ, мы, конечно, держимъ тотъ голосъ, который ваша свѣтлость въ запискѣ своей почитаете пристойнымъ. Главнѣйшая забота наша состоитъ въ томъ, что мы съ королемъ Шведскимъ не можемъ трактовать, а развѣ съ чинами государственными, въ сеймѣ собранными, и что не можемъ не требовать себѣ удовлетворенія за обиды, причиненныя его несправедливымъ нападеніемъ.

„Не угодно ли будетъ вашей свѣтлости прислать сюда чертежи новыхъ легкихъ фрегатовъ, галеръ и батарей, дабы мы успѣли нѣсколько построить къ веснѣ. Здѣсь кончены и въ походъ пошли: 1, шебека, по чертежу, который мы достали изъ Шведскаго флота; 2, удама или галера, которой борты откидываются и которая имѣетъ 22 осьмнадцати-фунтовыя пушки, а на носу и двадцати-четырехъ фунтовыя; 3, фрегатъ о 16-ти пушкахъ осьмнадцати-фунтовыхъ; 4, бомбардирскія суда, противу вашихъ чертежей построенныя. Вся артиллерія теперь употребляется здѣсь самыхъ большихъ калибровъ; но съ фрегатами не безъ труда будетъ; ибо много изъ нихъ весьма худаго лѣса съ тонкими бортами; однакожъ, около 10-ти передѣлано будетъ по совѣту вашему“ [55]).

На другой день, т. е. 14-го сентября Безбородко писалъ адмиралу Грейгу: „Всѣ письма ваши, съ приложеніемъ, имѣлъ я честь представить ея императорскому величеству и могу увѣрить ваше превосходительство, что содержаніе оныхъ было весьма пріятно ея величеству. Она особливо тронута была предложеніемъ особы вашей на извѣстное предпріятіе, къ которому всѣ пріуготовленія дѣлаются самымъ секретнымъ образомъ.

Весьма основательны разсужденія ваши, что недѣйствіе войскъ на сухомъ пути можетъ имѣть слѣдствія неполезныя. Сама политика весьма ошибается, если думаетъ тутъ въ чемъ-либо успѣть, вмѣсто того, что скоропостижностію операцій поспѣшнѣе достигли бы мы конца дѣла и прежде, нежели иная посторонняя держава могла бы осмотрѣться, съ котораго конца войти въ дѣло; но теперь, кажется, начинаемъ отъ сна пробужаться, и хотя поздно, можно, однакожъ, успѣть отчасти.

„Жаль мнѣ, что гребныя суда не посланы къ вамъ, ибо, можетъ быть, ваше превосходительство ими бы воспользовалися въ сторонѣ Абова для поиска надъ полугалерами и тому подобными. Отсюда послано на 6-ти галерахъ, одной удамѣ, разной величины бомбардирскихъ и канонирскихъ лодкахъ 800 человѣкъ изъ гвардіи, да до 500 изъ полевыхъ полковъ. Здѣсь еще снаряжены — новая шебека, фрегатъ на Шведскій манеръ съ Мазиніева передѣланный, четыре галеры, передѣланныя на Шведскій же манеръ, четыре канонирскія лодки, дубельшлюпка, съ большими орудіями, и двѣ кайки. Хотя мы и полагаемъ послать ихъ къ Фридрихсгаму, но ежели бы для васъ они, или часть ихъ были надобны, ваше превосходительство не оставьте меня увѣдомить.

„Оставляю писать пространнѣе при отправленіи Датскаго курьера“[56]).

Но въ это именно время, когда дѣлались приготовленія, очевидно, свидѣтельствующія о серьезномъ намѣреніи Россіи продолжать войну съ Швеціею во что бы то ни стало, Шведскій король уже думалъ о мирѣ и искалъ небезуспѣшно у иностранныхъ дворовъ мирнаго посредничества для прекращенія войны съ Россіею, конечно, безъ существенныхъ для себя потерь. Графъ Безбородко, сообщая объ этомъ князю Потемкину отъ 20-го сентября, писалъ: „Изъ приложенныхъ у сего бумагъ, ваша свѣтлость, усмотрите, что король Шведскій повсюду отвѣдываетъ заговаривать о мирѣ и столько, по крайней мѣрѣ, успѣваетъ, что многія державы входятъ за него съ предложеніями медіаціи и добрыхъ услугъ. Мы, конечно, не въ малой заботѣ, чтобъ каждому по разнымъ его отношеніямъ отвѣтствовать; впрочемъ, постараемся самымъ дружественнымъ образомъ изъяснять, сколько мало можемъ мы полагаться на договоры съ королемъ Шведскимъ и сколь невозможно есть дѣло кончить съ нимъ, поставя вещи въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ до разрыва были, какъ Берлинскій дворъ внушаетъ. Надобно знать, что первый отзывъ Берлинскаго двора писанъ, когда еще король Прусскій не сносился съ Англіею, а послѣдній, уже отчасти непристойный, по полученіи курьера изъ Лондона. Что касается до Финновъ и Шведовъ, ихъ, сколько можно, ласкаютъ, и теперь ожидаютъ возвращенія отъ границъ барона

Стренгпортена, который увѣряетъ, что они сеймъ созовутъ къ зимѣ, а тутъ и можно дѣло приблизить къ концу" [57]).

Главная задача Россіи, въ виду заявленій о мирномъ посредничествѣ, состояла въ томъ, чтобы въ сношеніяхъ съ иностранными дворами выяснить интересы и стремленія каждаго изъ нихъ. Интересы же державъ такъ соприкасались между собою, что имѣлись въ виду не только дѣла Шведскія, но и Турецкія и Польскія, которыя были слишкомъ близки Россіи. Въ виду этихъ событій, при сношеніяхъ съ иностранными дворами, представлялась необходимость вести переговоры крайне осмотрительно и обдуманно; нужно было, по выраженію Безбородки, „каждому по разнымъ его отношеніямъ отвѣтствовать". Графъ Безбородко, отвѣчая на требованія иностранныхъ кабинетовъ и въ тоже время стараясь предусмотрѣть всевозможныя обстоятельства и случайности, могущія встрѣтиться при переговорахъ, совѣтовался о нихъ съ княземъ Потемкинымъ. Въ концѣ сентября, 30-го числа, въ день имянинъ князя, Безбородко написалъ ему два письма. Въ первомъ, поздравивъ князя, онъ писалъ: „На сихъ дняхъ ожидаемъ мы курьера изъ Вѣны къ графу Кобенцелю съ точными извѣстіями, какъ объяснился Версальскій дворъ съ посломъ Мерси по случаю признанія императоромъ случая союза въ войнѣ нашей. Хотя г. Симолинъ и увѣряетъ о добрыхъ расположеніяхъ Франціи, но я отлагаю до перваго за симъ курьера донести вашей свѣтлости о сей матеріи подробно". Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го же сентября, Безбородко писалъ къ Потемкину о намѣреніяхъ Берлинскаго двора, начинавшихъ теперь выясняться: „Отвѣтъ, который данъ будетъ Берлинскому двору, на предложеніе имъ обще съ Англіею по Шведскимъ и Турецкимъ дѣламъ медіаціи завтра будетъ конченъ, и я поспѣшу его доставить вашей свѣтлости съ нарочнымъ. Если король Прусскій не рѣшился, чтобъ искать случаевъ насъ задирать, то содержаніе нашего отвѣта будетъ, конечно, достаточно его успокоить. Онъ приказалъ здѣсь сдѣлать наусильнѣйшія представленія къ отвращенію насъ отъ составленія съ Польшею союза и присовокупилъ увѣренія, что цѣлость ея неприкосновенна, но при томъ не скрылъ, что и онъ будетъ настоять на союзъ свой съ республикою. Вѣнскій дворъ не только не поджигаетъ въ томъ, но, съ своей стороны, совѣтуетъ истощить всю скрытность и силу хожденія, чтобъ не навлечь, безъ крайней нужды, новые хлопоты. Посланъ отъ Берлинскаго двора тайный совѣтникъ Боркъ уговаривать, чтобъ наступательно на Шведовъ не дѣйствовали. Войска Датскія 13-го сентября нашего стиля вошли въ Шведскую провинцію" [58]).

Съ большею откровенностію, чѣмъ къ князю Потемкину, 1-го октября,

Безбородко писалъ къ графу С. Р. Воронцову о Шведскихъ дѣлахъ: „Благодарю вашему сіятельству за ваши дружескія примѣчанія о войнѣ Шведской. Наши мысли, конечно, сходны съ вашими, лишь бы только посороннія дѣйствія не заставили иногда убавить желаній. Король Прусскій начинаетъ брать тонъ диктатора. У насъ не станетъ дѣло за твердостію; но желать надобно, чтобъ и распоряженія тому соотвѣтствовали. Ваше сіятельство знаете, что тутъ одной нашей доброй воли не довольно. Мы, конечно, не жалѣемъ ни труда, ни старанія, чтобъ все нужное оказать и придумать. Жертва съ нашей стороны не мала, когда мы, презирая всякую собственность и любочестивыя убѣжденія отъ всего [пропущено слово, вѣроятно — сердце] не мыслимъ ни о чемъ иномъ, кромѣ сохраненія чести и цѣлости отечества, оставляя намѣренія наши до конца всего дѣла. Но сверхъ сего надобно и въ толь важныхъ дѣлахъ бороться съ коварствомъ и завистію, и добра общаго неуважающими. Какъ ни есть, поведеніе наше и слѣдствія оправдаютъ насъ лучше всего.

„Адмиралъ Грейгъ думаетъ справедливо, что, во что ни станетъ, надобно стараться истребить мореходство и порты Шведскіе, не считая безъ того надолго прочнымъ никакое иное распоряженіе.

„Онъ прямо большой военачальникъ, и ежели бы мы здѣсь имѣли такого на сухомъ пути, и думать было бы не о чемъ. Шведскіе флоты, большой и гребной, заперты". Упомянувъ, за тѣмъ, что онъ посылаетъ росписаніе арміи и флота, подъ главною командою адмирала Грейга, заключилъ письмо такъ: „У насъ изъ Очакова ничего не слышно достойнаго примѣчанія. Графъ Румянцовъ, по взятіи Хотина, удвоилъ свои шаги. 17-го сентября былъ у Цецеры. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Яссы не въѣдетъ, покуда не раздѣлается съ непріятелемъ, у Рябой могилы стоящимъ. У него при генеральномъ штабѣ генералъ-маіоръ Бердяевъ, а у князя Потемкина полковникъ Писторъ" [59]).

Прусскій дворъ своею выжидательною политикою безпокоилъ Безбородку. Посолъ нашъ при немъ, графъ С. П. Румянцовъ, въ депешѣ своей, полученной въ Петербургѣ 12-го октября, увѣдомлялъ, „что точно Прусскій дворъ велѣлъ объявить въ Копенгагенѣ, что вступитъ въ Голштинію съ войсками, буде Датчане войдутъ въ Швецію" [60]). Въ тотъ же день Безбородко писалъ о рѣшимости на то Пруссіи князю Потемкину: „По запечатаніи моего пакета къ вашей свѣтлости на прошедшей почтѣ, получено изъ Берлина письмо весьма важнаго содержанія. Оно доказываетъ Прусскую рѣшимость и уже теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Берлинскій дворъ сильныя употребитъ мѣры не только по дѣламъ Шведскимъ, но и по Турецкимъ. Сіе служитъ доказательствомъ,

что его планъ не отнынѣ сдѣланъ, и что его отвратить отъ того было невозможно. Надобно ожидать извѣстій изъ Копенгагена и отвѣта на нашъ отвѣтъ отъ Берлинскаго двора“ [61]).

Пруссія, заинтересованная въ Польскихъ дѣлахъ, старалась, какъ это легко замѣтить изъ донесенія графа С. П. Румянцова, устрашительно повліять на Данію, и отвлечь ее отъ союза съ Россіею противъ Швеціи. Австрія хотя и находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Россіею, но мало помогала успѣхамъ нашимъ въ войнѣ съ Турціею. Франція и Испанія хлопотали о томъ, чтобы Россія заключила миръ съ Швеціею на условіяхъ statu quo ante bellum. Наконецъ, Англія, едвали не самая могущественная держава того времени, то заискивала у Россіи, то потворствовала домогательствамъ Пруссіи. Сама Екатерина II видимо желала мира, что и выразила своему преданному секретарю: „Предъ волосочесаніемъ, — записалъ Храповицкій, въ „Дневникѣ“ своемъ, 18-го октября, — прохаживаясь въ Эрмитажѣ, пришло на мысль и мнѣ приказано сказать графу А. А. Безбородкѣ, чтобъ, для достиженія скорѣйшаго мира съ Швеціею, поспѣшилъ совершеніемъ зимней кампаніи; ибо, войдя съ двухъ сторонъ въ Шведскую Финляндію, можно Финновъ привесть въ рѣшимость къ составленію сейма или особеннаго постановленія, повелѣвъ уже тогда пригласить и Шведовъ для утвержденія мира на общемъ національномъ сеймѣ. Время терять не должно, дабы не дать усилиться королевской партіи, тѣмъ болѣе, что обнаруженный поступокъ двора Прусскаго противъ Даніи, обязываетъ насъ къ защищенію союзника, намъ помогающаго. Тутъ надобно противоборствовать всѣмъ мѣрамъ, отъ Прусскаго двора предпріемлемымъ, и ежели бы положиться на медіацію иностранной державы для мира съ Швеціею, то отнестись къ медіаціи двора Версальскаго“ [62]).

Дѣйствительно, Берлинскій дворъ особенно озабочивалъ Екатерину II, которая рѣшилась высказать ему всю правду. Храповицкій въ „Дневникѣ“ своемъ, подъ 19-мъ октября, записалъ: „Доставилъ къ графу Безбородкѣ собственноручное письмо къ Нессельроду съ тѣмъ, дабы, снесясь съ вице-канцлеромъ, рѣшились, посылать ли оное или нѣтъ, ибо въ немъ сказана вся правда, къ Прусскому двору относящаяся“ [63]).

Въ тотъ же день, 19-го октября, Безбородко сообщилъ князю Потемкину, какъ о письмѣ императрицы къ Нессельроду, такъ и объ отношеніяхъ иностранныхъ дворовъ къ Россіи. „Берлинскій дворъ дѣйствительно учинилъ тотъ шагъ, о которомъ графъ Румянцовъ предувѣдомлялъ. Сообщенія, при семъ влагаемыя, откроютъ содержаніе сдѣланной въ Копенгагенѣ деклараціи. Мы положили оставить сіе сообщеніе безъ

отвѣта, какъ единственно для свѣдѣнія учиненное, въ ожиданіи, какое дѣйствіе произведетъ податливость ея императорскаго величества по Польскимъ дѣламъ, а потомъ искреннее по Шведскимъ дѣламъ объясненіе. По узнаніи, хотя малѣйшей наклонности въ Берлинскомъ дворѣ къ отвращенію явной между нами остуды, нужно будетъ собственною ея величества депешею къ графу Нессельроду изъяснить образъ мыслей нашихъ и дружескія расположенія, сохраняя при томъ всякую пристойность и уваженіе къ достоинству государыни, съ тѣмъ, чтобъ графъ Нессельродъ могъ оную дать для прочтенія не только министерству, но и королю. Франція и Гишпанія показали теперь крайнія [условія], на которыхъ мы съ нею въ связь вступить готовы. Но первая также помышляетъ, что нужно миръ со Швеціею сдѣлать, даруя королю Шведскому великодушное забвеніе всего прошедшаго и оставляя вещи въ прежнемъ положеніи. Если она и на новое наше откровеніе тоже отвѣчать будетъ, то настанетъ, конечно, необходимость внушить Англіи, что мы готовы сблизиться, сообща искренно нашъ ультиматъ по Шведскимъ дѣламъ и требуя, чтобы онѣ съ Турками не были смѣшиваемы. Впрочемъ, отдѣляетъ войну нашу съ Турками отъ Шведской и полагаетъ, что дальше объ мирѣ дѣлать одинъ отъ другаго независимо“ [64]).

Среди тревожныхъ политическихъ и военныхъ событій, получено было, въ послѣднихъ числахъ октября, въ Петербургѣ, печальное извѣстіе о смерти талантливаго и усерднаго слуги Россіи, адмирала Грейга. Все это привело графа Безбородку къ тревожнымъ мыслямъ, которыя онъ и передалъ другу своему. Въ письмѣ, отъ 25-го октября, къ графу С. Р. Воронцову, Безбородко, поручая „благоразумному руководству“ племянника своего В. П. Кочубея, писалъ ему: „Безъ сомнѣнія, къ вамъ скоро дошла вѣдомость о смерти адмирала Грейга. Сей почтенный мужъ сдѣлался жертвою своего усердія къ государынѣ и имперіи. Съ слабымъ здаровьемъ усиливался онъ и противу времени, и противу стихіи. Хотѣлъ держаться въ морѣ до самой крайности, и довершить истребленіемъ Шведскаго флота свою кампанію. Нельзя не чувствовать потери толь важной для государства. Память свою онъ оставилъ для насъ въ планахъ, имъ дѣланныхъ на будущую кампанію; но надобно, чтобъ онъ самъ былъ для исполненія ихъ; ибо куда не глянешъ, кромѣ вертопрашества, невѣжества, лѣни и оплошности не увидишь, и Богъ знаетъ чѣмъ наши огромныя вооруженія кончатся.

„Времена трудныя и для общества, и для частныхъ людей, кои заниматься должны дѣлами государственными; но я прошу Бога, чтобъ онъ пособилъ только благополучно выйти изъ общихъ дѣлъ; не забочуся

о собственныхъ непріятностяхъ, и, по приведеніи всего къ лучшему концу, ничего инаго не желаю, кромѣ отдохновенія“ [65]).

Къ ноябрю 1788-го года обнаружились, наконецъ, весьма ясно стремленія Берлинскаго кабинета, который не только старался вредить Даніи, какъ союзницѣ Россіи, но рѣшился помогать Швеціи войскомъ и внушалъ Полякамъ о „заявленіи имѣть имъ 100 тысячъ войска отъ короля независимаго“ и препятствовалъ союзу ея съ Россіею. Между тѣмъ, переговоры нашего правительства съ Финнами принимали благопріятный оборотъ. Интересы Россіи, за это время, графъ Безбородко изложилъ въ письмѣ своемъ къ князю Потемкину, 23-го ноября: „Берлинскій дворъ предуспѣлъ удержать Датскія операціи, съ того времени по Шведскимъ дѣламъ не показывался, и въ депешѣ къ Келлеру говоритъ, что хотя отвѣтъ нашъ относительно медіаціи не требуетъ никакой новой отповѣди, со всѣмъ тѣмъ предоставляетъ король Прусскій, въ теченіи времени и по обстоятельствамъ, съ нами изъясниться; всѣ его дѣйствія главно устремлены къ сторонѣ Польши, о чемъ посолъ, безъ сомнѣнія, къ вашей свѣтлости сообщаетъ.

„Флотъ Шведскій, въ 14-ти корабляхъ и 6-ти фрегатахъ, 10-го ноября ушелъ изъ Свеаборга въ Карлскрону. Нашъ вице-адмиралъ Фонъ-Дезинъ, имѣвъ въ своей командѣ три сто-пушечные корабля, шесть другихъ ранговъ и три Датскіе корабля съ 4-мя фрегатами и снабдѣнъ бывъ точнымъ повелѣніемъ противиться непріятельскому входу въ Карлскрону, по первымъ извѣстіямъ, что принцъ Карлъ собирается отправить Шведскій флотъ, учиня консиліумъ, рѣшился заранѣе убраться въ Датскіе порты. Къ г. Сенъ-Сафорену пишутъ о слухахъ, что Прусскія войска до десяти тысячъ, будто-бы, вступятъ завременно въ Шведскую Померанію, что въ Транзундѣ пріуготовлены будутъ транспортныя суда, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ, кои перевезутъ Прусскія войска въ помощь Шведамъ, или въ околичности Стокгольма, для обороны береговъ Шведскихъ, или же и въ Финляндію, смотря по надобности, для дѣйствія.

„Третьяго дня пріѣхалъ сюда бывшій отъ Финскихъ начальниковъ депутатомъ маіоръ Егергорнъ съ новыми просьбами отъ генерала, Финскимъ войскомъ командующаго, Армфельда, и отъ прочихъ воинскихъ начальниковъ и дворянъ, чтобъ постановить съ ними о будущемъ ихъ жребіи, начать теперь же дѣйствовать противу Шведовъ. Условія ихъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1, сдѣлать съ ними запасное постановленіе о независимости Финляндіи и обнадежить ихъ гарантіею и пособіемъ; 2, дать имъ обнадеживаніе гарантіею на капиталы ихъ, въ банкѣ Стокгольмскомъ имѣющіеся, что и въ случаѣ неудачи сего предположенія

выговорены будутъ цѣлость ихъ денегъ и полная для всѣхъ амнистія; 3, составленіе съ ними субсиднаго трактата, по которому Россія обяжется четыре года давать имъ по сту тысячъ рублевъ, а они будутъ держать, для пособія Россіи, шесть кораблей и шесть тысячъ войска, но съ тѣмъ, чтобъ не употреблять того далѣе Балтійскаго моря, и 4, начать зимою операціи, дабы вытѣснить Шведовъ теперь же изъ Финляндіи, требуя, чтобъ для соединенія съ ихъ войсками назначенъ былъ особый корпусъ Россійскій, зависимый отъ шефа арміи, подъ командою Шпренгпортена, которому они и свои войска ввѣряютъ.

„Они обнадеживаютъ, что и сами Шведы, когда имъ сказано будетъ, что у насъ желаютъ миръ сдѣлать на сеймѣ, предпочтутъ дракѣ возвратиться во свояси, и принцъ Карлъ не имѣетъ у нихъ никакой довѣренности. Вслѣдствіе сихъ представленій приготовляются здѣсь, съ должною осторожностію, всякія распоряженія, о которыхъ, въ свое время, не премину донести вашей свѣтлости“ [66]).

Пруссія въ переговорахъ съ Россіею несомнѣнно придерживалась взглядовъ Лондонскаго кабинета, который имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, отношенія нашего отечества къ Портѣ. Усердный секретарь Екатерины, графъ Безбородко, тонко понимавшій настроеніе иностранныхъ кабинетовъ того времени, не замедлилъ объ этомъ сообщить князю Потемкину, 27-го ноября, свои соображенія: „Новыхъ отзывовъ со стороны короля Прусскаго теперь скоро ожидать нельзя, ибо онъ не сдѣлаетъ ничего рѣшительнаго безъ сношенія съ Англіею, а настоящая тягостная болѣзнь короля Англійскаго задерживаетъ всю тамошнюю политику въ бездѣйствіи. По письмамъ графа Бернсдорфа къ г. Сенъ-Сафорену должно ожидать, что присланный для мирныхъ дѣлъ изъ Берлина Боркъ скоро въ Копенгагенъ изъ Швеціи возвратится и, конечно, привезетъ какія либо объясненія, въ чемъ король Шведскій полагаетъ мирныя условія. Если тутъ не будетъ только неистовыхъ предложеній объ уступкѣ чего либо изъ Финляндіи нашей, или о соединеніи мира Шведскаго съ Турецкимъ, мы положили настоять, хотя бы, впрочемъ, на первый разъ и никакой дальней податливости онъ не оказалъ, открыть и нашъ ультиматъ королю Прусскому, въ терминахъ самыхъ умѣренныхъ, и требовать его добрыхъ услугъ по негоціаціи. Сіи уваженія заставляютъ насъ не спѣшить отвѣтомъ на прошеніе Финновъ, съ ихъ депутатомъ присланное. Между тѣмъ, пошлемъ наставленіе графу Воронцову, на случай смерти короля Англійскаго, стараться внушить принцу Валлійскому, Фоку и прочей патріотической партіи о нашей искренней наклонности не только быть съ ними въ ладу, но и связать систему политическую съ сохране-

ніемъ нашей нынѣшней съ Вѣнскимъ дворомъ. Въ задатокъ тому я предполагаю планъ заключенія прелиминарной торговой конвенціи, которою возобновится наша по коммерціи связь, менажируя ихъ деликатность въ разсужденіи нейтральныхъ правилъ. Если бы король и живъ остался, сей послѣдній способъ можетъ насъ отчасти сблизить и тѣмъ болѣе, что навѣрное, кажется, Франція на тѣсную связь съ нами, наипаче по Шведскимъ дѣламъ, не согласится. Увѣряютъ, для однихъ видовъ Берлинскаго двора не рѣшатся на сильныя вооруженія, и г. Питъ говоритъ, что ежели захотятъ войну начать не по дѣламъ, до ихъ собственно касающимся, онъ не допуститъ, да и скорѣе мѣсто оставитъ" [67]).

Соображенія, изложенныя графомъ Безбородкою въ приведенномъ письмѣ къ князю Потемкину, надо думать, были доведены до свѣдѣнія императрицы, которая соглашалась съ мнѣніемъ своего секретаря. На другой день послѣ отправленія письма, 28-го ноября, по утру: „При волосочесаніи Екатерина написала карандашомъ записку къ графу Безбородкѣ, дабы графъ Воронцовъ сдѣлалъ внушеніе новому министерству, сколь не полезно для Англіи слѣдовать Герцбергу и затѣямъ мартинистовъ, принцомъ Генрихомъ описаннымъ" [68]).

Какъ ни тягостно было положеніе Россіи, переживавшей двѣ войны, Екатерина II не сознавала и не видѣла всей затруднительности своего положенія. Она вела и теперь свои политическія сношенія съ другими державами честно и благородно, и даже въ то время, когда нѣкоторыя изъ нихъ явно интриговали и старались подорвать ея вліяніе и значеніе, она предоставляла имъ полное право дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится. Что же касается дружественныхъ, единомысленныхъ или изъявившихъ расположеніе къ единомыслію съ Россіею державъ, то въ отношеніи къ нимъ Екатерина была даже предупредительною. Мало того, въ отношеніи къ побѣжденному непріятелю государыня была человѣколюбивою и внимательною. А взгляды Екатерины II были взглядами графа Безбородки, какъ увидимъ ниже.

Война съ Турціей шла счастливо для Россіи: 6-го декабря, 1788 года, палъ Очаковъ. Съ паденіемъ его начались новыя заботы для графа Безбородки по проложенію „вѣрной стези къ достиженію мира съ Турціею", о чемъ онъ спѣшилъ сообщить князю Потемкину въ письмѣ, отъ 16-го декабря: „Сколь всѣ обрадованы были извѣстіемъ о взятіи Очакова, ваша свѣтлость легко сами представить можете. Я тутъ сугубое пріемлю участіе и по общему долгу, и по той преданности, которую посвятилъ я вамъ на всю жизнь мою. Дай Богъ, чтобъ славный сей успѣхъ былъ вѣрною стезею къ достиженію мира. Относительно сего послѣдняго

готовимъ мы всѣ потребные матеріалы; но ежели не успѣютъ съ Боуромъ [адъютантомъ Потемкина, который привезъ извѣстіе о взятіи Очакова] отправлены быть разныя, касающіяся до сего, свѣдѣнія, то я чрезъ три дни пошлю къ вашей свѣтлости нарочнаго“ [69]).

Въ день отправленія этого письма, 16-го декабря, въ Совѣтѣ была доложена „предложенная отъ вице-канцлера, графа Остермана и гофмейстера, графа Безбородки, записка, изъясняющая мнѣніе ихъ по содержанію учиненнаго нынѣ отъ Вѣнскаго двора сообщенія, и проектъ договора вѣчнаго мира и дружбы между имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою“. Въ „запискѣ“ или „мнѣніи“, говорилось, „что миръ съ Турками и по внутреннимъ, и по внѣшнимъ обстоятельствамъ Всероссійской имперіи есть необходимо нуженъ, и что тѣ самыя обстоятельства требуютъ со стороны нашей и усерднаго старанія, и всевозможной податливости, о томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; что поспѣшность и сокровенность нужны тутъ въ самой вышней степени. Податливость и снисхожденіе всего вѣрнѣе обнадежить могутъ успѣхомъ“. Условія договора были слѣдующія: „Первая часть онаго долженствуетъ содержать въ себѣ кондиціи sine qua non, заключающіяся подъ симъ единымъ оглавленіемъ, чтобъ намъ ничего не потерять и не уступить изъ того, что мы дѣйствительно имѣли и имѣемъ“. Вторая часть договора должна была „заключать въ себѣ статьи, касающіяся до удовлетворенія за нанесенное оскорбленіе и награжденія убытковъ, съ войною сопряженныхъ“, освобожденіе министра Булгакова и препровожденіе его до границы, съ обычными церемоніями. Въ третью часть договора должны были войти „артикулы, служащіе къ прекращенію происшедшихъ“ между Россіею и Портою „недоразумѣній, нынѣшнюю войну воспричинствовавшихъ, и къ упрежденію подобныхъ на времена будущія“. Не касаясь въ подробностяхъ требованій Россіи, по заключенію мира съ Турціею, о которыхъ будетъ говорено ниже, обратимъ вниманіе на заключительную часть „записки“, которая посвящена графомъ Безбородкою политикѣ, по отношенію къ Пруссіи. „Если миръ, на условіяхъ выше изложенныхъ,—читаемъ въ запискѣ,—съ Портою заключенъ будетъ, то по нынѣшнему внутреннему и внѣшнему положенію мы довольно выгодно изъ настоящихъ заботъ выйдемъ; ибо, освободяся сильнаго непріятеля, можемъ, въ случаѣ нужды, главнѣйшія силы наши, совокупно съ Австрійскими, обратить противъ короля Прусскаго. Отнюдь не разумѣемъ мы, чтобъ желать или искать войны съ симъ государемъ; но вниманіе наше долженствуетъ устремиться на окончаніе со славою и пользою войны Шведской и на возвращеніе инфлюенціи нашей въ Польшѣ, недавно уменьшенной. Король

Прусскій унизитъ тогда тонъ свой, а со стороны Порты отнюдь не подлежитъ опасаться диверсіи; ибо Турки, по образу ихъ умствованія, сдѣлавъ одинъ разъ миръ, за чужія дѣла не разорвутъ его скоро. Но какъ весьма случиться можетъ, что Порта на условія, вышеозначенныя отнюдь не согласится, а продолженіе войны съ Турками, Шведами и Польскія дѣла могутъ послужить королю Прусскому къ умноженію съ его стороны непристойныхъ и оскорбительныхъ поступковъ, да и къ принятію на дѣлѣ участія въ войнѣ настоящей, то, для упрежденія подобнаго событія и удобнѣйшаго обузданія короля Прусскаго, представляется еще и другое средство, чтобъ императору оставить свободу сдѣлать особенный миръ съ Турками, дабы онъ, облегча себя отъ войны съ сими последними, былъ, такъ сказать, на стражѣ противъ короля Прусскаго, по примѣру, какъ покойный дядя сего послѣдняго, по его съ нами бывшимъ союзнымъ обязательствамъ, долженствовалъ быть во время прежней войны Турецкой противъ Вѣнскаго двора, и чтобъ, въ случаѣ вредныхъ Берлинскаго двора покушеній, могъ обратить силы свои на обереженіе общихъ союзничьихъ интересовъ. Какъ скоро императоръ предъуспѣетъ заключить особенный миръ съ Портой, то война съ нею на насъ однихъ останется. Правда, что судя по славнымъ успѣхамъ, которые оружіе Россійское имѣло въ прошедшую войну съ Турками, по умноженію войска и по усиліямъ и иждивеніямъ, на сооруженіе флота Черноморскаго употребленнымъ, имѣя уже Крымъ въ рукахъ нашихъ, въ самой же близости къ границѣ города и крѣпости, служащія хранилищемъ всѣхъ снарядовъ и запасовъ, надлежало бы ласкаться надеждою, что мы въ состояніи пріобрѣсть и теперь поверхность надъ непріятелемъ нашимъ; но дабы, въ столь важномъ обстоятельствѣ, въ которомъ честь и благосостояніе имперіи интересованы въ высочайшей степени, не учинить обманчивыхъ расчетовъ, необходимо нужно:

„Во 1-хъ, представить себѣ, что слѣдующая кампанія не будетъ сходствовать съ нынѣшнею. Мы имѣли противу себя сильный Турецкій флотъ, стѣны Очаковскія, многолюднымъ гарнизономъ защищаемыя, и нѣсколько толпъ Турецкихъ, Татарскихъ и Запорожскихъ при Рябой-Могилѣ. Императоръ, ведя свои дѣла подлинно неудачно и не большимъ его силамъ несоразмѣрно, приносилъ намъ, однакожъ, ту пользу, что держалъ всю визирскую армію противъ себя. Въ будущемъ году всѣ силы Турецкія уже противу насъ однихъ обратятся.

„Во 2-хъ, для сего нужно написать обоимъ фельдмаршаламъ, изъясняя настоящее положеніе наше и требуя отъ нихъ подробнаго объясненія, что каждый изъ нихъ подъ начальствомъ своимъ имѣетъ, достаточно

ли, по ихъ мнѣнію, того на отпоръ и пораженіе непріятеля, всѣмъ ли снабдѣны, или же нужно имъ пособіе и какое именно?

„Въ 3-хъ, истребовать отъ нихъ планъ, по которому полагаютъ они употребить силы, имъ ввѣренныя противу непріятеля.

„Въ 4-хъ, принять во уваженіе настоящее расположеніе арміи Украинской, дабы оная, въ случаѣ особеннаго мира императорскаго, при обращеніи со стороны визиря всей его арміи, не была притѣснена; а потомъ и съ Вѣнскимъ дворомъ изъясниться, что если Хотинъ не можетъ одержанъ быть императоромъ, то не удобнѣе ли его оставить на нашу стражу, дабы Турки, по возвращеніи имъ сея крѣпости, не воспользовалися тѣмъ къ притѣсненію арміи нашей.

„Въ 5-хъ, взять мѣры на границѣ нашей, дабы оная отъ набѣговъ Польскихъ могла быть предохранена.

„Въ 6-хъ, не упустить способовъ, какіе могутъ открыться къ прекращенію войны Шведской, образомъ, сходнымъ съ достоинствомъ и безопасностію нашими, хотя употребить добрыя услуги постороннихъ державъ.

„Что касается до связи съ Бурбонскими дворами, о которой Вѣнскій дворъ въ сообщеніи своемъ намъ настоянія свои подтверждаетъ, оная, для обезпеченія обоихъ императорскихъ дворовъ, весьма полезна и нужна; ибо, имѣя съ императоромъ систему на сухомъ пути, надобно свое равенство или преимущество утвердить и на водахъ. Не можно остаться безъ союза съ одною или другою изъ первѣйшихъ морскихъ державъ. На настоящее время соединеніе морскихъ нашихъ силъ, съ таковыми же Франціи и Гишпаніи, доставитъ намъ рѣшительную поверхность. Исключить ли Англію изъ случая союза, или не исключить, зависитъ отъ собственнаго ея поведенія. Если оная свое единомысліе съ королемъ Прусскимъ не распространитъ такъ далеко, чтобъ ему способствовать дѣйствіями, противу насъ посредственными или безпосредственными, то мы не можемъ постановить союзъ нашъ съ исключеніемъ ея. Противное тому ставитъ и насъ отложить на сторону всякое уваженіе, наблюдая, съ одной стороны, взаимство въ разсужденіи Франціи, съ другой, осторожность, чтобъ Американскія и Остъ-Индскія дѣла поставлены были наравнѣ съ нашими Азіатскими, внѣ всякаго союза“ [70]).

„Совѣтъ, признавая,—какъ записано въ его протоколѣ,— совершенную надобность въ скорѣйшемъ примиреніи съ Портою, былъ согласенъ на изображенныя въ оныхъ бумагахъ мысли, относящіяся до открытія негоціаціи, образа производства ея и условій, на каковыхъ должно быть основано то перемиріе; но сдѣлалъ нѣсколько разъясненій, какъ по отно-

шенію условій мира, такъ и по отношенію предполагаемаго союза съ Франціею и Англіею. Относительно же связи,— читаемъ въ протоколѣ, — со дворами Бурбонскими, о которой Вѣнскій дворъ въ сообщеніи своемъ подтверждаетъ намъ свои настоянія, о которой потому въ реченномъ мнѣніи графа Остермана и графа Безбородки упоминается, Совѣтъ разсуждалъ, что можно сказать въ отвѣтъ графу Кобенцелю, что расположеніе и податливость наша по сему пункту извѣстны уже его величеству императору изъ здѣшнихъ неоднократныхъ отзывовъ и сообщеній, и что ожидаемъ мы теперь рѣшительныхъ отвѣтовъ на отправленныя въ Версаль и Мадридъ объясненія наши, а включеніе или невключеніе Англіи, въ случаѣ таковаго союза, зависѣть будетъ отъ собственнаго ея дальнѣйшаго поведенія“ [71]).

На союзъ съ Франціею не соглашались графы: Воронцовъ, Чернышовъ и Шуваловъ. А впослѣдствіи отказался отъ этой мысли и графъ Безбородко, въ виду „собственныхъ ея дѣлъ“.

Съ наступленіемъ 1789-го года, Россія пыталась окончить разомъ свои затрудненія какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ, кромѣ собственно войны съ Швеціею, императрицу озабочивали дѣла Финновъ, которые, какъ сказано выше, изъявили готовность Россіи „отторгнуться отъ короны Шведской“ [72]). На югѣ же Россіи условія къ миру представляли еще болѣе затрудненій. Всѣ эти обстоятельства графъ Безбородко изложилъ въ письмѣ къ князю Потемкину, 2-го января 1789 года, сказавъ въ немъ предварительно, что онъ „съ крайнею нетерпѣливостію“ ожидаетъ пріѣзда его въ Петербургъ: „Вѣнскому двору сказано, что мы охотно желаемъ сдѣлать миръ съ Турками; но что не имѣемъ начать формальной негоціаціи прежде, покуда г. Булгаковъ не будетъ освобожденъ. Если императоръ имѣетъ способы директно или индиректно довесть ихъ до сего перваго шага и до изъявленія готовности ихъ трактовать, то не оставилъ бы внушить, что отъ нихъ зависитъ послать полномочнаго или полномочныхъ въ главную квартиру, или предварительно съ вами снестись, ибо ваша свѣтлость на заключеніе мира уполномочены. Во взаимство откровенности Вѣнскаго двора, что онъ хочетъ миръ свой сдѣлать на uti possidetis, сказано, что мы свои кондиціи ограничиваемъ: 1, во утвержденіе прежнихъ трактатовъ; 2, въ удержаніи Очакова съ уѣздомъ, и 3, въ удовлетвореніи убытковъ нашихъ, кои хотя до 30-ти милліоновъ простираются, но мы готовы сію сумму ограничить, или же положить ей замѣны. Заключить общій миръ предоставлено императору право негоцировать свой собственный миръ на такихъ для насъ условіяхъ, чтобы: 1, буде онъ въ томъ успѣетъ, а мы принуждены будемъ

одни остаться въ войнѣ противу Порты, въ такомъ случаѣ, чтобъ онъ съ силами своими остался на стражѣ противу короля Прусскаго, еслибъ онъ усиливался сдѣлать намъ пакости; 2, чтобы, буде Хотинъ за нимъ не останется, онъ отдалъ его нашимъ войскамъ, дабы не было непріятельской крѣпости позади арміи нашей; 3, само по себѣ разумѣется, что равную свободу особеннаго мира и себѣ выговариваемъ. Между тѣмъ, присланъ отъ императора курьеръ съ сообщеніями, что, по извѣстнымъ худымъ расположеніямъ визиря и отъ мира отвращенію, находя безпосредственную съ нимъ негоціацію неудобною, полагаетъ онъ произвесть ее и сдѣлать прелиминарные договоры, чрезъ посла Французскаго, въ Константинополѣ, вслѣдствіе чего онъ представляетъ и намъ свое мнѣніе: не разсудимъ ли за благо ввѣрить наши условія тому же послу. На сіе у насъ положено отвѣтствовать, сославшись на прежнее наше сообщеніе, что его величество весьма хорошо сдѣлаетъ, если учиненныя наши внушенія объ освобожденіи Булгакова и о посылкѣ въ главную вашу квартиру Турецкаго полномочнаго поручитъ старанію означеннаго посла, но инако мы трактовать не можемъ. Императоръ думалъ, что сими средствами успѣетъ онъ помириться съ Портою прежде, чѣмъ король Прусскій то узнаетъ; но вчера получили мы отъ графа Нессельрода депешу, въ которой онъ доноситъ, что графъ Герцбергъ сдѣлалъ ему притворную конфиденцію объ исканіи императора съ Турками заключить миръ, примолвивъ, что буде онъ, по достиженіи сего, вздумаетъ обратить войска свои къ Польской границѣ, чтобъ задрать короля Прусскаго и начать съ нимъ войну, то и его государь отъ того не уклонится. Мы имѣемъ въ рукахъ одно письмо сего министра, гдѣ онъ хвалится, что Данію отвелъ отъ войны угрозами, говоритъ, что въ Россіи угрозы ничего не сдѣлаютъ, а надобно повременить и сдѣлать сюрпризъ, и что онъ надѣется, что король не отступитъ отъ намѣренія, имъ въ него поселеннаго, дѣйствовать съ твердостію“ [73]).

Въ то время, когда возникъ вопросъ о предварительныхъ переговорахъ для заключенія мира съ Турціею, на сцену выдвинулись дѣла Польскія, заключеніе торговаго союза съ Англіею и революція во Франціи. Для Россіи ближе и важнѣе были первыя, нежели вторыя; но и послѣднихъ нельзя было игнорировать. 3-го января, графъ Безбородко писалъ князю Потемкину объ этихъ событіяхъ: „Наконецъ возвратился курьеръ нашъ изъ Варшавы съ донесеніями посла, по извѣстной матеріи, изъ коихъ ваша свѣтлость усмотрите, что требованія и затѣи Польскія превосходятъ наше чаяніе. Но я надѣюсь, что твердостію противъ всякихъ затрудненій, добрыми аргументами и разными уловками можно будетъ опровергнуть не-

складныя притязанія, а вмѣсто того Польшу присоединить къ намъ другими способами, изъ коихъ главнѣйшіе указаны въ вашей секретной запискѣ. Я осмѣливаюсь приложить на усмотрѣніе ваше мои по симъ бумагамъ примѣчанія [74]), прося вашу свѣтлость, по особливому вашему благоволенію, подать мнѣ въ семъ случаѣ совѣты и наставленія, дабы, ими руководствуяся, могъ я пособствовать и въ дальнѣйшихъ графу Штакельбергу предписаніяхъ" [75]).

По вопросу о заключеніи торговаго союза съ Англіею, графъ Безбородко, 7-го марта 1789 года, писалъ къ графу С. Р. Воронцову: „Неужели и теперь господа Англичане не сдѣлаютъ съ нами акта коммерческаго и не сблизятся до того, чтобъ, по крайней мѣрѣ, съ Герцбергомъ на ряду, намъ не вредить. Въ актѣ срокъ написанъ длинный для ратификаціи, даже до того, что три мѣсяца вставлены, но вы прибавьте au plutôt se faire si peut, тогда мы вамъ какъ наискорѣе пришлемъ" [76]).

Война съ Швеціею началась, какъ мы видѣли, счастливымъ для Россіи морскимъ пораженіемъ непріятеля при Гохландѣ. Гохландская побѣда надъ Шведами имѣла для Русскихъ весьма важное значеніе, хотя потери, съ обѣихъ сторонъ были одинаковы; она, во первыхъ, обнаружила искуство Русскаго флота и Русской артиллеріи, которая была въ полтора раза слабѣе Шведской, и, во вторыхъ, заперла Густаву III-му входъ въ Петербургъ съ его южной, вовсе незащищенной, стороны [77]). Сухопутныя дѣйствія Шведской арміи въ Финляндіи были столь же неудачны. Привязанность Финляндцевъ къ Россіи и готовность Даніи, „въ слѣдствіе тѣсной дружбы и союза" съ Россіею, принять участіе въ войнѣ нашей съ Швеціею принудили Густава III-го искать поддержки, какъ упомянуто выше, у великихъ европейскихъ державъ и просить ихъ посредничества къ заключенію мира. Тогда Пруссія, Англія и Голландія заключили между собою союзъ для помощи Швеціи и заставили Данію отказаться отъ содѣйствія Россіи. Интригамъ же Пруссіи Россія была обязана и тѣмъ, что въ Польшѣ не только отвергли нашъ союзъ, но стали обнаруживать явное расположеніе къ Пруссіи. Пруссія помышляла присоединить къ своимъ владѣніямъ Данцигъ и Торнъ. Объ этомъ было сообщено Вѣнскимъ дворомъ, который, съ своей стороны, совѣтовалъ Петербургскому кабинету вооружить противъ Пруссіи Польшу, предложивъ ей возвратъ земель, уступленныхъ Пруссіи по первому раздѣлу. Но Екатерина II и ея секретарь не раздѣляли убѣжденій Вѣнскаго двора, какъ и прежде стремленій князя Потемкина къ союзу съ Польшею, хотя императрица употребляла всѣ средства отклонить войну съ нею, по крайней мѣрѣ, на время [78]). Состояніе тогдашнихъ политичетkихъ дѣлъ меж-

ду великими державами Европы какъ нельзя лучше раскрывается въ запискѣ графа Безбородки, поданной имъ Екатеринѣ II. Въ ней сказано: „Въ условіяхъ съ Австріей было постановлено, что Россія подастъ помощь Австріи, если Пруссія или Франція нападутъ на нее. Но Вѣнскій дворъ, сверхъ диверсіи отъ короля Прусскаго, предполагаетъ другой случай, тотъ, если бы сей государь рѣшился, воспользуясь войною нашею съ Портою, сдѣлать безъ обнаженія меча пріобрѣтеніе на счетъ Польши, или гдѣ индѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній Польскихъ предохранена ручательствомъ ея императорскаго величества. Отъ рѣшенія ея величества зависитъ, слѣдуетъ ли принять покушеніе короля Прусскаго присвоить Данцигъ [79]), и какую нибудь часть земли Польской за нарушеніе мира, и потому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе дало бы королю Прусскому гораздо выгоды болѣе, нежели намъ, кои долженствуемъ нести убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ Вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали имъ достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля Прусскаго; что, относительно подозрѣнія въ завладѣніи частію изъ Польши, святость и сила разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утвердившихъ, да и самые интересы наши могутъ совершеннымъ образомъ Вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поелику возможность дозволитъ, тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактатъ съ Польшею, внушаетъ о представленіи Полякамъ перспективы на возвращеніе отъ короля Прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ негоцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно прежде настоянія случая дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы— совершенно-непріязненныя намѣренія и вызовъ короля Прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдалять должны“ [80]).

Нельзя не замѣтить, что не въ пользу союза съ Франціею былъ князь Потемкинъ. При этомъ князь Таврическій произнесъ объ этой державѣ такія слова, которымъ никто и никогда не придалъ бы серьезнаго, а тѣмъ болѣе политически-проницательнаго, значенія, если бы въ недавніе годы предъ нашими глазами не пронесся надъ нею рядъ неожиданныхъ событій. Названная держава, какъ произнесъ Потемкинъ, est en délire [81]) и никогда не поправится, а будетъ у нихъ хуже и хуже“ [82]).

Скоро обнаружилось, что союзъ съ Франціею невозможенъ. Въ ней

совершился переворотъ: королевская власть была уничтожена. Посланникъ нашъ въ Парижѣ, И. М. Симолинъ, доносилъ, 8-го іюля, министерству, что: „возстаніе сопровождалось потрясающими сценами убійства, коего многія жертвы оказываются невинными". Жестокость Французскаго народа, посланникъ нашъ сравнивалъ съ ужасами, которыя читаются „въ описаніяхъ Варѳоломеевской ночи, съ тою разницею, что, вмѣсто изступленія религіознаго, умы" были одержимы „политическимъ изувѣрствомъ, которое порождено войною и революціею въ Америкѣ". Со дня возмущенія, съ понедѣльника, было запрещено всякое сообщеніе съ иностранными государствами рѣшительно для всѣхъ. По отношенію къ Россіи, Французская революція имѣла, кромѣ общаго историческаго значенія, еще важность особенную, на что и указывалъ нашъ посланникъ въ депешахъ своихъ: „Было бы мечтаніемъ разсчитывать теперь на союзъ и еще менѣе на политическое значеніе Франціи. Какъ бы новое министерство ни было склонно въ пользу союза, предположеннаго ея императорскимъ величествомъ, оно не въ состояніи долго занять ея онымъ. Въ дѣлахъ, которыя теперь у насъ на плечахъ, — война съ Турціею и Швеціею, — Францію надо считать не существующею. Я не смѣю подавать совѣты, однако считаю обязанностію предъявлять то, что вижу, и потому скажу, что какъ бы хорошо ни была расположена къ намъ Франція, но она не будетъ въ состояніи оказать намъ какую либо услугу, и что ея союзъ съ Россійскою имперіею надо считать мечтою. Кромѣ того, Французскій народъ, какъ видно, исполненъ отвращенія къ союзу съ Австрійскимъ домомъ, ради королевы, и если бы даже заключить намъ такой союзъ, онъ не будетъ имѣть значенія, такъ какъ министры обязаны теперь слѣдовать превозмогающему направленію и внушеніямъ третьяго сословія (tiers d'état). Если государынѣ нужны посредники, чтобы удобнѣе окончить обѣ войны, которыя она ведетъ, то необходимо обратиться за ними куда нибудь въ другую сторону. Нельзя не поразиться удивленіемъ при видѣ того, какъ въ продолженіе 36-ти часовъ уничтожилась Французская монархія, и представителю ея пришлось подписать все, что дерзко и повелительно потребовано отъ него разнузданнымъ, жестокимъ и варварскимъ народомъ. И онъ еще счастливъ, что народъ соблаговолилъ удовольствоваться этимъ принесеніемъ себѣ въ жертву королевскихъ правъ и власти" [83]).

Извѣстіе это привезъ въ Петербургъ Павловъ, и оно, повидимому, не возмутило Екатерину II. Она сказала: „Le pourquoi est roi? Онъ всякій вечеръ пьянъ, и имъ управляетъ, кто хочетъ" [84]).

По полученіи депеши Симолина, о революціи во Франціи, графъ

Безбородко писалъ объ этомъ къ графу А. Р. Воронцову: „Благодарю вашему сіятельству за присланное вами наставленіе и представляю на свиданьи, въ понедѣльникъ, пространно изъясниться.

„Сего дня пріѣхалъ курьеръ изъ Парижа съ извѣстіемъ о революціи, тамъ происшедшей, три дни послѣ первой перемѣны. Король былъ на пунктѣ детронизаціи и, наконецъ, старое министерство выслано; я разумѣю Бретеля съ товарищи. Король принужденъ былъ на все согласиться. Бастилія разрушена, и велѣно тамъ воздвигнуть монументъ. Губернаторъ Лоне изрубленъ съ сыномъ. Лафайетъ сдѣланъ начальникомъ конницы національной, гвардія названа королевскою и народною. Мальи объявленъ меромъ Парижа, и уже не будетъ полиційместера. Вся власть королевская низвержена. На все онъ согласился, даже (противъ) брата своего, графа д'Артуа и г-жи Полиньякъ. Противу Австрійскаго дома ненависть страшная. За Неккеромъ послали, тоже и прочихъ министровъ прежнихъ опредѣляютъ. Симолинъ совѣтуетъ не думать о союзѣ, а обращаться на другую сторону.

„Отъ Нассау получили мы извѣстіе, что онъ готовъ, и за удачу плана ручается; но вѣтры противные мѣшали Крюйзу. Сего дня, думаю и онъ поспѣетъ. Прислалъ письмо Винтера, описующее посланную отсюда флотилію, Голландецъ говоритъ, что сіи суда вооружены d'une manière vrement pendable [на скорую руку], и что жаль, что государыня теряетъ много и заботъ и денегъ, дая то на волю des faits éventés [случая]. Вотъ развѣ величаніе графу Ивану Григорьевичу [Чернышову]“ [35]).

Пока шли разсужденія о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки. Зоркій Храповицкій, 19-го іюня 1789 года, въ „Дневникѣ“ своемъ назвалъ имя 22-лѣтняго караульнаго секундъ-ротмистра Платона Александровича Зубова съ подозрѣніемъ въ будущихъ близкихъ отношеніяхъ его къ императрицѣ, которыя улаживала старая подруга еще великокняжескихъ забавъ Екатерины, Анна Никитишна Нарышкина: ей Зубовъ подарилъ часы въ двѣ тысячи рублей [36]). Объ этомъ событіи не замедлилъ и графъ Безбородко сообщить своему другу С. Р. Воронцову, отъ 9-го іюля 1789 года: „Происшедшую у насъ перемѣну не описываю пространно, считая, что графъ Александръ Романовичъ объ ней васъ извѣщаетъ. Она, конечно, была нечаянна, ибо Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая князя Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ на зло, а не на добро людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ.

Онъ имѣлъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, о многихъ старался; а сей ни самимъ пріятелямъ своимъ, ни кому ни въ чемъ помочь не хотѣлъ. Я не забочуся о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично; но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобъ только мнѣ причинить досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренный, продавалъ и его, и насъ Пруссакамъ, и что Келлеръ чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши Прусскія служили намъ самымъ лучшимъ аттестатомъ, что насъ купить нельзя; они тѣмъ наполнены были, что и мы однихъ мыслей съ государынею, а ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перенесено было великодушно, а мы только были жертвою усердія своего и страдали за то, что насъ не любилъ Мамоновъ.

„Свадьба его совершилася въ Воскресенье, 1-го іюля, въ присутствіи немногихъ. Невѣста обрана была по обычаю у государыни, но сама ея величество на бракѣ не присутствовала. Третьяго дня, ночью, они уѣхали въ подмосковную. Объ немъ записанъ указъ объ отпускѣ на годъ. Всѣмъ онъ твердилъ, что еще служить и дѣлами править возвратится; но не такъ, кажется, разстался. Здѣсь умѣлъ онъ увѣрить всю публику, что онъ все самъ распоряжаетъ; а я божуся, что онъ, кромѣ пакостей, ничего не дѣлалъ, и я тотъ же трудъ, съ тою только разностію, что безъ всякой благодарности и уваженія, исправлялъ, перенося то для блага отечества въ дурномъ его положеніи и имѣя твердое намѣреніе, конча хлопоты настоящіе, на себя употребить остатокъ времени своего. Вице-канцлеръ доказалъ при семъ случаѣ, что онъ презлой скотъ: искалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуяся на меня, и иногда успѣвалъ; но то бѣда, что, когда за руль брался, худо правилъ, и надобно было всегда ко мнѣ же обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ une tête de paille. Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ, можно сказать, изо всего города, который вообще не хвалами превозноситъ уѣхавшаго.

„О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ.

„Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо. Король перешелъ Кимень въ немалыхъ силахъ. Галеры наши теперь только дошли до Фридрисгама. Цѣлый годъ ихъ вооружали, и то неисправно. Ни знанія, ни доб-

рой воли ни у кого не было, и Богъ знаетъ какъ все съ рукъ сойдетъ. Посадили на нихъ болѣе десяти тысячъ войска, кромѣ морскихъ и артиллеристовъ. Однихъ пушекъ 600, кромѣ фальконетъ. Но жаль, что не много шебекъ и другихъ сильныхъ судовъ. Командиръ ихъ, принцъ Нассау, при неисправности вооруженія, больше еще затѣваетъ и всего требуетъ, а между тѣмъ дѣло медлится. На сухомъ пути Михельсонъ и Раутенфельдъ надѣлали довольно дурачествъ. Одинъ только корабельный флотъ вооруженъ хорошо. Съ помощію вашею, полученными Англичанами и отборными капитанами изъ Русскихъ, онъ наполненъ, и ежели Чичаговъ инаго не сдѣлаетъ, то хотя за то спасибо, что плохихъ выкурилъ; а Чернышова ни во что ставитъ, о всемъ прямо къ государынѣ адресуяся.

„Я настоялъ, чтобъ кромѣ главнаго флота, и кромѣ Датской нашей эскадры, составлена была резервная эскадра для охраненія Финскаго залива. Ее составили въ 5-ти линейныхъ корабляхъ, 3-хъ фрегатахъ, 4-хъ большихъ шебекахъ, 10-ти полушебекахъ и 5-ти катерахъ. На нее взяли одинъ мушкетерскій и два егерскіе полные баталіоны. Планъ, отъ меня предложенный, былъ принятъ, чтобъ ей главную станцію назначить при Гангутѣ, для пресѣченія гребнымъ судамъ Шведскимъ сообщенія отъ Стокгольма съ Свеаборгомъ, производя предпріятія легкія d'un coup de main къ сторонѣ Абова, гдѣ у непріятеля мало что есть, на острова Аландскіе и въ Ботническій заливъ; а когда Богъ дастъ гребному флоту отъ Остовой стороны наступить къ Свеаборгу, при сближеніи и сухопутнаго войска, сдѣлать движеніе и съ Вестовой стороны отъ сей эскадры шебеками и другими легкими судами. Боюся, однакожъ, что начальникъ на такія легкія предпріятія тяжелъ. Вы знаете вице-адмирала Крюйза.

„Въ Турецкой сторонѣ все не въ дѣйствіи, и флотъ ихъ пришелъ въ Очаковскія воды, когда у насъ 4 корабля и нѣсколько фрегатовъ стоятъ на Севастопольскомъ рейдѣ; 3 корабля и 2 фрегата на Очаковскую еще не проведены, 3 фрегата еще въ Азовскомъ морѣ; судите же объ исправности. Одна гребная флотилія только вытянулася“ [87]). Въ этотъ же день, 9-го іюля, графъ Безбородко написалъ и къ племяннику своему Кочубею, о придворной перемѣнѣ: „Происшедшая у насъ перемѣна вамъ, конечно, извѣстна: Мамоновъ женился на Щербатовой. Интрига ихъ, довольно скрытная, сдѣлалась ясною. Большая Шкурина была предводительницею свиданій, однакожъ, милостиво прощена; а въ старые годы не обошлось бы безъ пристрастнаго распроса. Жениху дано при отпускѣ сто тысячъ рублей, да 2,500 душъ Русскихъ, и они ночью вчера поѣхали

на годъ въ подмосковную. Чтобы ни было, но новые хуже не будутъ. А впрочемъ мнѣ ни до чего и дѣла нѣтъ" [88]).

Графъ Безбородко и прежде не разъ выражалъ графу Воронцову свое неудовольствіе на Мамонова, когда намекалъ на недоброжелателей и ихъ интриги. Кстати замѣтить здѣсь, что отношенія Мамонова къ графу Безбородкѣ были вообще непріязненны. Трудно отыскать источникъ, изъ котораго проистекали такія отношенія. Быть можетъ, что милости, оказанныя императрицею Екатериною II, еще во время путешествія въ Крымъ, роднѣ Безбородки, особенно Милорадовичу и Миклашевскому, которые слыли за красавцевъ, встревожили подозрительность фаворита государыни. Несомнѣнно только, что вскорѣ послѣ возвращенія двора изъ путешествія въ Петербургъ, насталъ рядъ непріятныхъ выходокъ Мамонова противъ Безбородки. 26-го августа 1787 года, Гарновскій пишетъ: „Говорятъ, что Александръ Матвѣевичъ [Мамоновъ] и довольно силенъ, и опасенъ графу Александру Андреевичу, и что послѣдній много бы лишился довѣренности, еслибы не былъ теперь подкрѣпляемъ его свѣтлостію". На другой день Гарновскій писалъ: „Александръ Матвѣевичъ имѣетъ къ графу-докладчику врожденную антипатію и даже имени графскаго не терпитъ; напротивъ того, графъ усильно старается пріобрѣсти дружбу его превосходительства. Графъ-докладчикъ хотя самъ собою и не кажется быть опаснымъ, однакожъ въ хитрости рѣдко кому уступитъ, и при томъ связанъ тѣсною дружбою съ такими людьми, которые всегда были, суть и пребудутъ его свѣтлости вредны".

Въ доказательство нерасположенія Мамонова къ графу Безбородкѣ, Гарновскій разсказываетъ, за тѣмъ, такой случай. На мѣсто покойнаго Бибикова, бывшаго при театрѣ, государынѣ рекомендовалъ Безбородко Н. А. Львова. „Львову было то обѣщано, о чемъ и въ городѣ уже знали; но коль скоро узналъ о томъ Александръ Матвѣевичъ, то отозвался, что, кромѣ людей партіи графской, пусть кому хотятъ дадутъ то мѣсто. И дѣйствительно, Львову теперь отказано".

Мало того. Непріязненное расположеніе къ графу Безбородкѣ самонадѣянный фаворитъ высказалъ даже передъ самой государыней, и притомъ въ крейне грубой формѣ. Дѣло, какъ передаетъ Гарновскій 22-го сентября, заключалось въ слѣдующемъ: „Императрица еще въ прошломъ [1786] году, желая очистить капралу Зайцеву вахмистрское, въ кавалергардскомъ полку, мѣсто, предполагала онаго корпуса капраловъ Ломана и Исаева отставить; но неумѣренность просимаго ими при отставкѣ награжденія произвела въ рѣшеніи дѣла этого остановку. Мамоновъ, убѣждаемъ будучи, между тѣмъ, неотступною ихъ просьбою, возоб-

новилъ на прошедшей недѣлѣ дѣло ихъ при дворѣ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ отставили съ выгодами, хотя не съ такими, каковыхъ просили. Сіе, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, подало поводъ къ слѣдующему происшествію: „Я отдамъ дѣло сіе графу Александру Андреевичу,—сказала государыня,—чтобы онъ выправился, какъ подобные имъ награждались?“— „Какъ? Кому?—возразилъ Мамоновъ. Я вамъ сказывалъ уже сто разъ и теперь подтверждаю, что я съ Безбородкою не только никакого дѣла имѣть, но и говорить не хочу. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ отдавать человѣку дѣла, разсмотрѣнію его не подлежащія. Не угодно ли вамъ, надѣвъ на него шишакъ и нарядивъ въ кавалергардское платье, пожаловать его шефомъ сего корпуса? Очень кстати. Однакоже и въ то время я ему кланяться не намѣренъ. Я знаю, кто я таковъ, а онъ—такой, сякой.... Я лучше пойду въ отставку“.—„Ну, ну.... на что же сердиться,—утѣшала государыня фаворита. Я Храповицкому отдамъ, или ты самъ отдай, кому хочешь“.—„И Храповицкому,—возразилъ Мамоновъ,—не прилично входить въ дѣла вѣдомства военнаго начальства“. Сей споръ кончился тотчасъ миромъ.

„Два дни спустя, вздумалось Мамонову взять прошенія кавалергардовъ назадъ, но какъ онъ не нашелъ ихъ на томъ столѣ, на которомъ онѣ лежали,—спросилъ: „Куда бумаги мои дѣвались?“—Императрица отвѣчала ему: „Я думаю, что графъ Безбородко прибралъ ихъ съ прочими бумагами. Скажи, пожалуй, что тебѣ графъ сдѣлалъ? И для чего же не отдать справедливости, достоинству его и заслугамъ?“—„Хотѣлъ я наплевать,—сказалъ фаворитъ,—на его достоинства, на него самаго и на всю его злодѣйскую шайку“.

„Я стыжусь описать всѣ ругательства,—добавляетъ Гарновскій,—на счетъ графскій и партіи его произнесенныя. Словомъ сказать, прежестокая была ссора. Дворъ принужденъ былъ, наконецъ, присвоить графу имя без . . . . ., бумаги о кавалергардахъ тотчасъ отъ него отобрать и цѣлую ночь проплакать.

„Примиреніе, о коемъ дворъ весьма сильно старался, насилу воспослѣдовало, послѣ ссоры три дня спустя. Видно,—заключилъ Гарновскій,— хотя любовь и имѣетъ свое могущество, но довѣренность къ тріумвирату не совсѣмъ еще погибла; однакоже тріумвиратъ уступаетъ могуществу, и уступитъ совершенно, если только надобно будетъ“.

Графъ Безбородко, прекрасно понимая глубокое нерасположеніе къ себѣ Мамонова, избѣгалъ послѣдняго даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, съ сознаніемъ, впрочемъ, своего достоинства,—что видно изъ словъ Гарновскаго, писанныхъ въ концѣ октября 1787-го года: „Графъ—докладчикъ

бываетъ весьма рѣдко у государыни, и старается, при томъ, бывать только тогда, когда Мамоновъ не бываетъ. Если же случится ему придти къ государынѣ въ то время, когда графъ докладываетъ, то графъ, тревожась присутствіемъ Мамонова, всегда уходитъ. Недавно случилось слѣдующее происшествіе: графъ, пришедъ къ государынѣ въ такое время послѣ обѣда, когда Мамоновъ бываетъ обыкновенно дома, велѣлъ доложить о себѣ. Взошедъ потомъ къ ея императорскому величеству, гдѣ засталъ Александра Матвѣевича, пришелъ онъ въ такую робость, что на чтеніе дѣлъ, о которыхъ онъ хотѣлъ докладывать, и голосу не хватало. Извинясь болью въ горлѣ, просилъ онъ государыню, чтобъ ея величество изволила прочесть сама принесенныя имъ бумаги, которыя онъ, оставя у ея величества, возвратился во свояси".

Не „робость", а иное чувство руководило въ этомъ случаѣ Безбородкою. Онъ не сробѣлъ передъ императрицею даже тогда, когда на замѣчанія ея, что „сенатскіе доклады выходятъ весьма медленно",— отвѣчалъ: „Я никогда къ вамъ не вхожу и не выхожу отъ васъ безъ дѣлъ, государыня. Отъ васъ зависитъ оныя слушать".

Сначала слѣдующаго 1788-го года отношенія графа Безбородки къ Мамонову, повидимому, измѣнились, и при томъ въ пользу графа,—о чемъ можно заключить, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ Гарновскаго, отъ 11-го января: „Въ теченіи многихъ дѣлъ наблюдается старая система. Графъ Воронцовъ диктуетъ. Графъ Безбородко пишетъ и къ подписанію подноситъ. Александръ Матвѣевичъ, будучи, впрочемъ, сильнѣе всѣхъ ихъ, не входитъ ни въ какія почти дѣла".

Непріязненныя отношенія Мамонова къ графу Безбородкѣ продолжали существовать, при чемъ, какъ видно, Мамоновъ употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы „сбыть съ рукъ" графа, его „недоброхота", а „на мѣсто" послѣдняго „возвести изъ своихъ". Такъ прошло полгода, когда, государыня, наконецъ, вынуждена была однажды справедливо сказать своему любимцу: „Ты видишь, что князь пишетъ Александру Андреевичу дружески. Это неправда, чтобъ они князю были злодѣи. Какъ бы то ни было, и князь уважаетъ ихъ, какъ людей умныхъ, государству полезныхъ и мнѣ необходимо нужныхъ. Для чего же и тебѣ себя такъ не вести?".

Вскорѣ послѣ этого „стали повсемѣстно твердить, что графъ Безбородко сдѣлался по комнатѣ по прежнему силенъ", а 22-го октября Гарновскій писалъ: „Графъ Александръ Андреевичъ опять немножко поправился, для того, что дѣлъ исправлять некому; а Храповицкій хотя и моденъ, но съ Бахусомъ не перестаетъ своего знакомства, да и способностей къ дѣламъ такихъ, какія графъ имѣетъ, не имѣетъ".

Наконецъ, подъ 7-мъ ноября, у Гарновскаго читаемъ: „По мнѣнію Мамонова, нельзя было избрать къ употребленію въ государственныя дѣла вреднѣйшихъ людей, какъ графа Воронцова, Завадовскаго и графа Безбородку“ [89]).

Но не прошло послѣ этого и полгода, какъ появилось при дворѣ Екатерины II новое лице, которое не только поколебало вліяніе Мамонова, но и совершенно уничтожило его. Я разумѣю П. А. Зубова. Значеніе, какое уже въ началѣ іюля 1789-го года получилъ при дворѣ юный Зубовъ, Безбородко или не понималъ, или не желалъ пока объяснять своимъ друзьямъ. Но возвышеніе Зубова росло съ каждымъ днемъ и, подобно Мамонову, было неблагопріятно для графа Безбородки. На это ясно указываетъ въ своихъ письмахъ Михаилъ Гарновскій, который 15-го іюля писалъ Попову: „Графъ Александръ Андреевичъ противъ того, что былъ при графѣ Александрѣ Матвѣевичѣ [Мамоновѣ], гораздо сильнѣе, но еще отнюдь не въ первомъ кредитѣ“; въ силу этого кредита, Гарновскій боялся „лишиться взаимной его откровенности“, которая была для него необходима, какъ сознавался онъ Попову недѣлею раньше. Съ каждымъ часомъ авторитетъ юнаго Зубова росъ и даже возвышеніе его императрица признавала заслугою своею предъ Россіею. „Я дѣлаю и государству не малую пользу, воспитывая молодыхъ людей“, говорила она Салтыкову про Зубова. Трудно предполагать, чтобы графъ Безбородко не зналъ роли, которая дана была Зубову; но тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ упомянуть, что именно въ это время, т. е. 5-го августа, Гарновскій извѣстилъ Попова: „Милорадовичъ, молодой гвардіи офицеръ, что прежде льстилъ себя надеждою, выписанъ опять сюда и живетъ у графа Александра Андреевича“. Въ появленіи Милорадовича въ столицѣ, вблизи двора, Зубовъ не могъ не видѣть сильнаго соперника себѣ при поддержкѣ и вліяніи Безбородки. Это, естественно, не могло не раздражать и не страшить за свою судьбу неутвердившагося еще на своемъ постѣ юнаго Зубова. „Сколько я могъ примѣтить,—писалъ, 17-го августа, Гарновскій,—то Безбородко не доволенъ, что господина Зубова употребляютъ къ пересылкѣ къ вашей свѣтлости писемъ, и что его вообще пріучаютъ къ дѣламъ, по которымъ и Храповицкій употребляется. Но понеже я обхожусь съ его сіятельствомъ, сколько позволяютъ осторожность и обстоятельства, довольно откровенно, то сія обида не столько ему чувствительна, сколько при Мамоновѣ была. Онъ вамъ преданъ и увѣренъ, что вы его любите“ [90]).

Нельзя здѣсь не припомнить разсказа о томъ, что Безбородко, будто бы, хлопоталъ, по удаленіи Мамонова, о „предоставленіи случая“

своему племяннику, Григорію Петровичу Милорадовичу, еще въ Нѣжинѣ; Милорадовичъ, какъ свидѣтельствуетъ портретъ его, былъ красавцемъ. Это обстоятельство, будто бы, и послужило одною изъ главнѣйшихъ причинъ ненависти Зубова къ Безбородкѣ. Какъ эта ненависть отозвалась въ судьбѣ графа Безбородки, увидимъ далѣе.

XII.

Верельскій миръ.

Интриги двора императрицы Екатерины II и политическія событія шли своимъ чередомъ. Миръ съ враждебными державами представлялся необходимымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что Вѣнскій и Берлинскій дворы существенно затрогивали интересы наши въ Польшѣ, дѣла въ которой, казалось, принимали тревожное для Россіи направленіе. Въ это, вѣроятно, время графъ Безбородко подалъ двѣ записки императрицѣ. Въ первой онъ указывалъ на возможность заключить миръ съ Швеціею и Турціею, при посредствѣ Берлинскаго двора, а союзъ съ Франціею отвергалъ [91]). Въ другой запискѣ Безбородко высказываетъ, какимъ путемъ должны быть ведены переговоры съ Берлинскимъ дворомъ относительно прекращенія войны [92]).

Политическія событія Россіи, какъ сказано, находились въ крайне напряженномъ состояніи. Безбородко слѣдилъ за ходомъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ европейскія державы были весьма заинтересованы въ этомъ. Не удивительно потому, что бдительный секретарь императрицы старался выдти изъ затруднительнаго положенія, а потому и ревностно извѣщалъ графа Воронцова и князя Потемкина о положеніи дѣлъ, и въ частности о дипломатическихъ видахъ европейскихъ кабинетовъ. Въ письмѣ, къ князю Потемкину, отъ 2-го сентября 1789 года, Безбородко сообщалъ: „Съ послѣднимъ Вѣнскимъ курьеромъ получено отъ князя Кауница увѣдомленіе, что негоціація Бишофсвердера кончена тѣмъ, что Вѣнскій дворъ размѣнялъ съ нимъ актъ, въ которомъ обѣщаетъ, по заключеніи мира съ Турками, постановить съ королемъ Прусскимъ оборонительный союзъ съ приступленіемъ къ тому нашимъ, а съ Прусской

стороны—Англійскимъ. Жаль только, что они тутъ впутали и артикулъ о Польшѣ, въ которомъ заранѣе говорятъ, чтобы въ дѣла тамошнія не мѣшаться всѣмъ тремъ сосѣднимъ державамъ, безъ общаго ихъ согласія. Могли бы они сей артикулъ, не включая, предоставить его на предварительное съ нами изъясненіе, хотя и то правда, что они давно у насъ требовали мнѣнія, какъ мы располагаемся въ разсужденіи новой Польской конституціи и вообще тамошнихъ дѣлъ, на что мы и по сіе время еще не отвѣчали. По дѣламъ Французскимъ, Берлинскій дворъ являетъ свою готовность приступить ко всѣмъ дѣятельнымъ мѣрамъ, условяся о нихъ прежде, не совѣтуя спѣшить деклараціями, покуда способы ихъ подкрѣплять не будутъ пріуготовлены. У насъ, кажется, весьма усильно за сіи дѣла принимаются" [93]).

Особенно ярко Безбородко обрисовываетъ тогдашнія настроенія европейскихъ кабинетовъ, въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову. Въ первомъ изъ нихъ, полученномъ въ Лондонѣ 1-го (12-го) ноября, Безбородко писалъ: „Прямая причина отправленія сего нарочнаго была надобность для нашего галернаго флота и для той эскадры, которая на будущій годъ, подъ командою капитана Тревенена, назначается въ Ботническій заливъ, удобныхъ къ рекогносцированію и къ другимъ легкимъ употребленіямъ четырехъ катеровъ, каковыхъ, по мнѣнію г. Тревенена и полковника Феншa, кромѣ Англіи, не умѣютъ нигдѣ строить, да и тамъ, какъ они говорятъ, не легко. Воспользовавшися сею посылкою, государыня указала отправить къ вамъ другое письмо, которое весьма сомнѣваюся, чтобъ въ нынѣшнее время могло что либо подѣйствовать, если судить по поведенію министра Англійскаго здѣсь. Онъ совсѣмъ въ зависимости у Гольца, хотя сей послѣдній ведетъ себя довольно тихо и пристойно. Считаю потому, что, для усыпленія ненавиствующихъ намъ дворовъ, надобно главнѣйше негоцировать въ Берлинѣ. И такъ, зная, что Алопеусъ тамъ персона самая пріятная и знакомецъ Бишофсвельдеру, съ которымъ онъ уже сюда ѣдучи, а посредствомъ его и съ самимъ королемъ говорилъ много, далъ ему коммисію сдѣлать разныя внушенія къ успокоенію короля Прусскаго. Я вамъ признаюся, что между разговорами, которые мы имѣли съ Алопеусомъ, была съ моей стороны та разность, что я съ нимъ изъяснялся, какъ съ министромъ Прусскимъ, котораго, на ряду съ Герцбергомъ, поневолѣ обманывать должно, вмѣсто того, что вице-канцлеръ съ полною доброю вѣрою тутъ поступалъ; но одно тутъ насъ обоихъ деконсетрировало, что когда онъ дважды секретно къ государынѣ допущенъ былъ, ея величество, имѣя непреодолимое отвращеніе къ сближенію съ королемъ Прусскимъ и убѣжденіе въ

пользу связи съ императоромъ (въ чемъ даже и князь Потемкинъ, противною партіею прежде поджигаемый, принужденъ былъ ей уступить), не могла скрыть, какъ должно было, своихъ расположеній, и намъ послѣ трудно было успокоить и увѣрить сію оставшуюся отъ завода покойнаго Панина отрасль, чтобъ онъ свое дѣло продолжалъ благонадежнымъ образомъ. Покуда вся негоціація будетъ состоять въ словахъ и обѣщаніяхъ, мы скрывать станемъ наши сношенія; но какъ скоро пришло бы говорить далѣе, не сдѣлаемъ никакого рѣшительнаго шага, не условившись напередъ съ нынѣшнимъ нашимъ союзникомъ, который, въ концѣ прошедшаго года, самъ намъ сказалъ, что надобно всѣми силами успокаивать короля Прусскаго, и что покуда война съ Турками у насъ и у него на рукахъ, и думать нельзя противиться Берлинскому двору. Главнѣйшее изъясненіе намъ съ императоромъ предлежитъ, какъ поступать съ королемъ Прусскимъ, ежели онъ рѣшится на присвоеніе Данцига съ товарищи. У насъ думаютъ, что сему теперь нѣтъ возможности прекословить; но, поворотя дѣло въ негоціацію, намъ и Вѣнскому двору настоять на равномѣріе на счетъ Польши и Порты. Государыня и императоръ или, лучше сказать, вмѣсто его Кауницъ, наклонны, чтобы на сіе не идти, но силою не допускать, стараясь вооружить самихъ Поляковъ. Я не вижу ни способа, ни времени, когда онъ еще въ Польшѣ и самъ сильнѣе насъ партію имѣетъ. Нашъ интересъ теперь въ томъ состоитъ, чтобъ скорѣе сдѣлать миръ, хотя нѣсколько честный, ибо мочи уже нѣтъ продолжать войну. Отъ неурожая хлѣбнаго и возвышенія цѣнъ, и отъ худой экономіи въ войскахъ, такъ возрасли расходы, что намъ нынѣшній годъ станетъ на войну тридцать слишкомъ милліоновъ, и чтобъ быть въ состояніи протянуть будущую кампанію, дошло дѣло до наложенія новыхъ податей. Сеголѣтняя противу Шведовъ кампанія, не смотря па побѣду, галернымъ флотомъ одержанную, не принесла никакой пользы по крайней неспособности графа Пушкина, человѣка нерѣшимаго, непроворнаго и водимаго всякимъ, кто хочетъ, а особливо, кто умѣетъ говорить, ничего не дѣлая. Правда, что рѣшено его смѣнить и съ нимъ нѣсколько генераловъ малоспособныхъ; но кѣмъ и замѣнять? Особливо я боюся, чтобъ, вопреки кандидатовъ къ тому предложенныхъ (графа Салтыкова, который также не Евгеній и не Вилларъ, и барона Меллера), не предпочтенъ былъ храбрый вашъ бывшій за Дунаемъ предводитель князь Юрій Долгоруковъ. На флотѣ много есть хорошихъ капитановъ, но ни одного флагмана. Чичаговъ думаетъ, что поступать по регламенту довольно Отъ кампаніи до кампаніи, Крюизъ былъ бы лучше, но для отряда, а не цѣлаго флота; ибо горячъ слишкомъ, тяжелъ и не проворенъ. Вы-

писываютъ теперь или, лучше сказать, берутъ по собственной просьбѣ Бугенвиля, чтобъ служить подъ начальствомъ Чичагова; но и тутъ, кажется, не большое пріобрѣтеніе. Крюизъ будетъ командовать резервною эскадрою; и я въ немъ то похвальное нахожу, что онъ любитъ Тревенена и другихъ хорошихъ офицеровъ, вмѣсто того, что адмиралъ всѣхъ иностранцевъ радъ съ рукъ сжить. На будущій годъ, мы здѣсь сильнѣе прежняго вооружаемся; но ежели не будетъ хорошихъ предводителей, все тщетно, и далѣе не пойдемъ, какъ зашли теперь, то есть, что на квартирахъ у себя же стали.

„Я вамъ не пишу о дѣлахъ нашихъ съ Турками. Отъ множества войскъ и отъ того, что тамъ офицеры—лучшіе люди, тамъ успѣваютъ; да еще есть надежда, что и далеко, хотя поздно, успѣхи прострутся. Фельдмаршалъ нынѣшній имѣетъ въ рукахъ полную мочь, которою при первомъ случаѣ можетъ воспользоваться, чтобъ намъ доставить миръ, что и всего для насъ лучше. Австрійцы отъ сна возстали; но уже и загордилися успѣхами, величая дѣло, бывшее съ визиремъ на Рымникѣ, равнымъ баталіямъ при Центѣ и Кагулѣ. Не спорятъ, однакожъ, что Суворовъ рѣшилъ принца Кобургскаго атаковать Турокъ, а то было уже стали на оборонительную ногу“ [94]).

Упомянувъ, за тѣмъ, о пожалованіи А. В. Суворову „графа Рымникскаго“, Безбородко заключилъ письмо: „Ожидаемъ теперь извѣстія о флотахъ нашихъ на Черномъ морѣ, большомъ и гребномъ. По занятіи Аджибея, они тутъ ожидали окончанія равноденствія, и самъ фельдмаршалъ поѣхалъ въ Аджибей, чтобъ быть ближе къ флоту, окружа, между тѣмъ, войсками Бендеры. По двору тихо и смирно, и новаго ничего нѣтъ“ [95]).

Въ другомъ письмѣ, отъ 9-го декабря, графъ Безбородко высказываетъ о видахъ нашего правительства по отношенію къ Англіи, воюющимъ съ Россіею державамъ и къ Прусскому королю. „Ваше сіятельство удивитеся,—писалъ графъ Безбородко,—содержанію настоящаго отправленія. Письмо Французское списано съ чернаго своеручнаго, да и самый рескриптъ не извѣстенъ ни министрамъ Совѣта, ни министрамъ нашего департамента. Вице - канцлеръ, графъ Александръ Романовичъ [Воронцовъ] и Петръ Васильевичъ [Завадовскій] знаютъ отъ меня приватно сію матерію; почему и нужно, чтобъ вы министеріальныя ваши донесенія присылали объ оной прямо въ собственныя руки ея величества. Меня спрашивали о вашихъ въ разсужденіи сея связи расположеніяхъ; я отвѣчалъ, что вы всякое приказаніе ревностно исполните, и что вы всегда были того мнѣнія, что связь сія прочнѣе могла бы для насъ быть

другой. Признаюся, однакожъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ сомнителенъ успѣхъ въ семъ, и боюся, чтобъ нынѣшнее Англо-Ганноверское министерство насъ не поссорили съ Бурбонскимъ дворомъ безвременно; и для того вамъ сказано имѣть осторожность, и удаляться письменныхъ внушеній. Другое нужно, чтобъ скорѣе мы знали и рѣшительно, чего изъ Англіи ожидать можно, ибо натурально, что весною придуть всѣ дѣла къ открытію, и мы въ нерѣшимости можемъ остаться безъ союзниковъ и въ предосудительной нуждѣ принять законы Прусскіе. Мы теперь мыслимъ, чтобъ ускорить миромъ съ Турками, и тѣмъ развязать себѣ руки противъ Шведовъ и Прусскаго короля. Но сей последній на все рѣшился, и въ нашемъ образѣ веденія дѣлъ, Богъ знаетъ что выйдетъ. Велятъ спѣшить отправленіемъ курьера, и для того не могу болѣе писать“ [96]).

Въ письмѣ, отъ 20-го декабря, графъ Безбородко вновь возвращается къ политическимъ комбинаціямъ европейскихъ кабинетовъ, коснувшись предварительно вопроса о предполагавшемся заключеніи торговаго трактата съ Англіею: „Въ письмахъ моихъ чрезъ Трипольскаго [посланныхъ], я отчасти предсказывалъ вашему сіятельству, что теперь на дѣлѣ сбывается; но я боюсь, чтобъ не поздно все было, и чтобъ съ нынѣшнимъ министерствомъ, преданнымъ Берлинскому двору, въ чемъ либо успѣть можно было. Какъ ни есть, однакожъ, способы, ежели они только мѣсто имѣть могутъ, теперь въ вашихъ рукахъ, и ежели вамъ удастся заключить торговую конвенцію, да и къ союзному договору положить начало, то ваше сіятельство превеликую услугу окажете. Мы ждемъ только первыхъ отъ васъ извѣстій, чтобъ, смотря по пріему, послать вамъ полную мочь и проектъ трактата. Между тѣмъ, уже открылися прямыя намѣренія короля Прусскаго. Мы имѣемъ, секретнымъ образомъ, копіи переписки короля и Герцберга съ Дицомъ, изъ коихъ видно, что они предложили Портѣ оборонительный союзъ, гарантируя цѣлость ея за Дунаемъ, и полагая дѣйствовать, если бы мы перенесли оружіе за помянутую рѣку; начавъ же тогда дѣйствія, продолжать оныя, покуда Порта предуспѣетъ возвратить потерянныя ею земли и сдѣлаетъ для себя полезный миръ, со включеніемъ въономъ Польши и Швеціи. Герцбергъ тутъ о Польшѣ разумѣетъ точно возвращеніе ей Галиціи на основаніи извѣстнаго своего плана, о которомъ вы чрезъ Трипольскаго увѣдомлены. Сей вредный человѣкъ ведетъ свои виды даже на то, чтобъ, дая пособіе королю Шведскому денежное, а можеть быть и войскомъ, въ замѣнъ онаго, достать Шведскую Померанію; Густаву же доставить въ удовлетвореніе то, что Швеція потеряла Абовскимъ трактатомъ. Порта, хотя, не подавалась

[illegible]

[illegible] въ [illegible] что [illegible] за войну [illegible] [illegible] что на слѣдующій годъ [illegible] Безъ налоговъ обойтися трудно. [illegible] [illegible] наклалъ податей самыхъ [illegible] и народу тягостныхъ.

Но мы въ Совѣтѣ предлагали только три способа: 1, прибавку на войну 30-ть копѣекъ къ семигривенному сбору; 2, необходимую накладку по рублю на ведро вина, ибо оно уже и въ вольныхъ губерніяхъ, по дороговизнѣ хлѣба, продается по 3 рубля, и 3, внутренній заемъ. Сего было бы довольно безъ Прусскихъ затѣй, а когда и въ ту сторону придетъ обратиться, то и сего весьма мало будетъ. Между средствами для усмиренія Поляковъ, натурально съ войскомъ Прусскимъ дѣйствовать имѣющихъ, было бы самое надежное возбудить Польскую Украйну, гдѣ народъ недоволенъ и храбръ; но тутъ надобны деньги, коихъ у насъ нѣтъ. Вашъ успѣхъ въ соединеніи насъ съ Англіею много насъ облегчитъ и умалитъ заботъ нашихъ.

„О войнѣ Шведской и говорить скучно. Что пользы, что на сей годъ выдетъ 30-ть линейныхъ кораблей, галернаго флота до 150 судовъ сильныхъ и хорошо вооруженныхъ? Флотилія, подъ командою г. Тревенена, назначается между Гангутомъ и Свеаборгомъ, и на водѣ 15.000 войска, кромѣ арміи сухопутной; но ежели и новоназначаемый начальникъ, графъ Салтыковъ, коего скоро ожидаемъ, таковъ же будетъ, какъ графъ Пушкинъ, а флотомъ станетъ командовать Чичаговъ съ Пушкинымъ и Козляниновымъ, ничего добраго не выдетъ. Изъ всѣхъ морскихъ. Крюизъ еще рѣшительнѣе и храбрѣе, хотя лѣнивъ до крайности, спѣсивъ и запосчивъ. Съ Тревененомъ и прочими Англичанами онъ друженъ; но что касается до Чичагова, то онъ ненавидитъ чужестранцевъ. Мы весьма великую сдѣлали потерю въ капитанѣ Винтерѣ, который былъ преискусный, храбрый и весьма въ дѣлахъ твердый человѣкъ. Тревененъ получилъ золотую шпагу, и, кажется, доволенъ. Изъ генераловъ сухопутныхъ здѣсь очень мало путныхъ. Всѣхъ лучше Нумсенъ изъ Датской службы, исключая только, что, терпися около Бернсдорфа, слишкомъ набрался плутовства и интригъ. Фонъ-Сухтеленъ — Голландецъ, въ инженерной наукѣ человѣкъ искусный, да Рекъ, котораго вы знаете. Прочіе всѣ, зачиная съ бывшаго Бахуса-Волкова, вамъ знакомы. Съ подобными не далеко зайдешь. Ваше сіятельство извините длинное маранье,.... и письмо мое, прочтя, сожгите, по примѣру, какъ я съ вашими поступаю.

„Я видѣлъ, что васъ безпокоилъ слухъ о переводѣ васъ въ Парижъ; но сему не вѣрьте. Мы всегда считали, что [вамъ] и въ Вѣну перейти не сходно; а всего лучше, когда удастся намъ соединиться съ Англіею, васъ облечь характеромъ посла въ Лондонѣ.

„Забылъ сказать въ письмѣ къ вашему сіятельству, что съ Шведами мы намѣрены непремѣнно помириться, хотя in statu quo, съ соблюденіемъ только decorum, и для того мы съ графомъ Александромъ Романовичемъ весьма

не хотѣли вносить пункта о несвободѣ королю начинать войну безъ сейма. Сей пунктъ самый пустой и ненадежный, и для того я, въ осторожность вашу, напишу, что онъ оставленъ тутъ по настоянію моего старшаго товарища [графа Остермана]; но могу при томъ увѣрить, что государыня на него настоять не хочетъ, ежели встрѣтятся затрудненія. Бога ради, старайтесь связать насъ съ Англіею и по торгу, и по политикѣ. Вамъ великое спасибо и слава будетъ за толь важную услугу" [97]).

Надежды графа Безбородки действительно сбылись: графъ Воронцовъ оказалъ эту услугу Россіи, какъ будетъ сказано ниже, въ связи съ событіями времени.

Тогдашнія политическія обстоятельства вызвали графа Безбородку, 11-го февраля 1790 года, представить Совѣту новую записку. Въ запискѣ Безбородко указывалъ „главные предметы для военныхъ дѣйствій нашего корабельнаго и галернаго флотовъ, съ надлежащею къ первому резервною эскадрою, и нашей сухопутной арміи въ наступающую кампанію противъ Шведовъ". Семь пунктовъ записки опредѣляли мѣры къ дальнѣйшему подкрѣпленію нашего мореходнаго вооруженія [98]). „Совѣтъ, соображая мѣстное положеніе и прочія, до войны сей касающіяся, обстоятельства, находилъ расположеніе и производство военныхъ дѣйствій по тому плану весьма приличными" [99]).

Съ наступившимъ 1790-мъ годомъ, начались, по свидѣтельству графа А. Р. Воронцова, энергическіе переговоры по заключенію мира съ Швеціею. Въ автобіографическомъ показаніи своемъ графъ Воронцовъ разсказываетъ, что въ „началѣ 1790-го года начались секретные переговоры касательно заключенія мира съ Швеціею. Къ участію въ нихъ были допущены только Н. И. Салтыковъ, графъ Остерманъ, графъ Безбородко и я". Гельбихъ же свидѣтельствуетъ, что тайна эта была извѣстна только: императрицѣ, Безбородкѣ, Зубову и Моркову [100]). Между тѣмъ, документы, относящіеся къ этому событію, представляютъ, что въ секретныхъ переговорахъ о мирѣ съ Швеціею принималъ еще участіе, и, какъ увидимъ ниже, самое дѣятельное, баронъ Игельстромъ. Онъ былъ назначенъ императрицею Екатериною II главноуполномоченнымъ по заключенію мира съ Густавомъ III. Вѣсть о назначеніи сообщилъ ему, 6-го апрѣля 1790 года, графъ Безбородко. „По моей искренней къ вамъ привязанности,—писалъ Безбородко,—долгомъ поставляю изъясниться здѣсь съ вашимъ превосходительствомъ, что, по нѣкоторымъ признакамъ, наклонности короля Шведскаго обратиться на умъ и кончить войну для него еще болѣе, нежели для насъ, тягостную. Гишпанскій посланникъ, кавалеръ Гальвецъ, рѣшился сдѣлать ему безпосредственное внушеніе, имѣя отъ двора своего сильныя приказанія стараться о мирѣ. Ежели его совѣты пойдутъ въ дѣло, то намѣреніе ея императорскаго ве-

личества есть кончить всю негоціацію скоро и тихо, уполномоча васъ, да съ вами еще кого либо заключить и подписать трактатъ. Сего довольно, чтобы ваше превосходительство по тому свои поступки размѣряли; но, впрочемъ, государыня увѣрена, что операціи военныя за переговорами и пересылками не остановятся, и непріятель не выиграетъ времени. О письмѣ ея величества къ вамъ, кромѣ г. вице-канцлера и меня, никто не знаетъ, и потому я буду просить васъ, милостивый государь мой, о мирномъ дѣлѣ, запечатанную реляцію и впредь слѣдующіяся, присылать при письмахъ ко мнѣ, подъ видомъ донесеній вашихъ по губерніямъ.

„Весьма бы хорошо было, ежели бы можно такъ успѣть, чтобъ наши завистники и потаенные непріяте... тогда узнали, когда вы миръ подпишете.

„Курьеръ Гишпанскій, хотя и сказано въ письмѣ, что ѣдетъ съ симъ, но я разсудилъ, въ отнятіе подозрѣнія, послать къ вамъ съ письмомъ ея величества, тутъ вложеннымъ, другаго отъ себя“ [101]). Въ письмѣ, отъ 13-го числа, графъ Безбородко сообщалъ Игельстрому: „Не умедлилъ я нимало представить ея императорскому величеству письмо вашего превосходительства. Оставляя въ силѣ прочіе резоны, удерживающіе васъ отъ атаки, какъ и дѣйствительно основанные на осторожности, необходимо нужной, ея величество отозваться изволила, что посылка извѣстнаго Гишпанскаго курьера и ожиданіе отвѣта не должно отнюдь останавливать теченіе дѣлъ воинскихъ, и исполненія предпріятій вашихъ, ибо, зная короля Шведскаго, можно судить навѣрное, что онъ послѣ удара, ему нанесеннаго, еще податливѣе окажется.

„Ваше превосходительство, въ перепискѣ по сему дѣлу, можете сами употреблять Французскій языкъ, можете и директору своей канцеляріи приказать писать по-русски ваши депеши. Словомъ, остается все то въ полной вашей волѣ“ [102]).

Наклонность короля Шведскаго Густава III, повидимому, была искренняя, чтобы „обратиться на умъ и кончить войну“, но интриги Пруссіи, въ видахъ ослабленія Россіи, достигли своей цѣли и оттянули заключеніе мира на нѣсколько только мѣсяцевъ,—благодаря единственно прозорливости мудрой государыни, вести переговоры тайно. Въ защиту отъ нападеній войскъ Пруссіи на границы Австріи или Россіи, назначена была третья армія. Обстоятельства этого дѣла графъ Безбородко подробно изложилъ въ письмѣ, отъ 30-го апрѣля, къ графу С. Р. Воронцову: „Состояніе дѣлъ политическихъ вашему сіятельству извѣстно во всемъ пространствѣ, и теперь оно много зависитъ отъ дальнѣйшаго Англіи поведенія. Ежели она отвѣтъ нашъ и Вѣнскаго двора за благо приметъ,

не станетъ настоять на медіацію и добрыя ея услуги употребитъ у Порты, чтобы наши самыя умѣренныя требованія удовлетворены были: то кажется, что г. Герцбергъ долженъ будетъ отложить всѣ свои заботы, хотя онъ вредныя его намѣренія не престаетъ распространять, какъ то имѣемъ вѣрное извѣстіе, что въ Варшавѣ, подъ покровительствомъ Лукезини, дѣлается подписка конфедераціи шляхты, въ Галиціи посессіи имѣющей, на возмущеніе противу короля Венгерскаго. Мѣры наши на дѣйствія противу Берлинскаго двора приняты и Вѣнскому сообщены, о которыхъ я васъ, по неограниченной дружеской откровенности, ниже увѣдомлю. Между тѣмъ, положено у насъ, если Англія, говоря о медіаціи, будетъ тутъ примѣшивать и Пруссію, или сія послѣдняя вновь вызовется начисто изъясниться, что государыня охотно ввѣряетъ о своихъ интересахъ попеченіе такимъ державамъ, кои не имѣютъ обязательствъ съ ея непріятелями. Вѣнскимъ дворомъ мы весьма довольны, и я радуюся, видя событіе того, что вы всегда предвѣщали о нынѣшнемъ королѣ Венгерскомъ. Я думаю, что его контенансъ много пособитъ намъ съ честію выпутаться изъ настоящихъ обстоятельствъ, въ коихъ главнѣйше погрузила насъ недѣятельность, или медленность военная, и многое постороннее; но увѣренъ, что впредь онъ не такъ охотно и слѣпо на затѣи наши подаваться станетъ, какъ покойникъ, котораго можно было считать за нашего намѣстника и генерала.

„Для дѣйствія противу короля Прусскаго, назначена у насъ армія, простирающаяся отъ 40 до 50 баталіоновъ пѣхоты, и до 100 эскадроновъ конницы, съ довольнымъ числомъ нерегулярныхъ войскъ. Положено, какъ скоро Поляки или Прусаки откроютъ свои непріязненныя дѣйствія противу Австрійцевъ, или противу насъ, армія наша вступитъ въ Польшу отъ Днѣстра, Буга и Днѣпра, и займетъ три воеводства: Кіевское, Волынское и Брацлавское, протянувъ линію отъ границы Могилевской губерніи до Заславля или Бродовъ, чтобъ схватиться рука за руку съ Австрійскимъ корпусомъ въ Галиціи, который, по требованію нашему, и самъ долженъ занять часть Волыни и другія земли подручныя, дабы не только закрывать Галицію и занимаемыя мѣста, но и быть въ мѣрахъ дѣйствовать далѣе. Корпусъ Австрійскій будетъ, по ихъ обнадеженію, въ тѣсной связи съ арміею Моравскою. Въ Украйнѣ Польской мы сдѣлаемъ конфедерацію нашихъ единовѣрныхъ, примѣрную той, которая гетманомъ Хмельницкимъ была сдѣлана, и тѣмъ поставимъ столько войска, что займемъ всю Польскую армію. Казалося бы, что успѣхи долженствовали быть добрые; но меня одно только безпокоитъ, что кордонъ по всей границѣ отъ Риги до Могилева такъ малъ, что едва для Польскихъ набѣговъ станетъ, а

на случай сильнаго Прусскаго нападенія, что и дѣлать—ке знаемъ. Весь онъ состоитъ въ 7-ми пѣхотныхъ полкахъ, въ 4-хъ карабинерныхъ, одномъ драгунскомъ и двухъ легко-конныхъ полкахъ, въ двухъ тысячахъ казаковъ, 1.500 разныхъ Оренбургскихъ войскахъ, да 6.000 казакахъ формируемыхъ въ Малороссіи. Можно было бы взять половину ненужной Кавказской арміи, что и составило бы изрядный резервный корпусъ около Риги; но и дальнее разстояніе, и многое въ томъ мѣшаетъ. А ежели бы можно было снять съ шеи Шведскую войну, то, оставя половину арміи тамошней, поворотя другую, могли бы мы много сдѣлать.

„Операціи наши противу Шведовъ сначала взяли было худой оборотъ, но теперь весьма поправилися. Васъ увѣдомилъ гр[афъ] Алекс[андръ] Ром[ановичъ Воронцовъ] на почтѣ о происшествіяхъ. Мы сдѣлали весьма хорошее пріобрѣтеніе въ генералъ-поручикѣ Нумсенѣ. Будучи всю зиму въ Фридрихсгамѣ, онъ прилежно старался узнать все у непріятеля. Какъ скоро время дозволило, онъ началъ дѣлать у себя укрѣпленія и пріуготовленія къ переходу за Кимень, считая, что онъ или оттянетъ отъ Саволакса скопившагося тамъ непріятеля, и дастъ способъ нашему корпусу отъ Вильманстранда дѣйствовать, или же успѣетъ и самъ пойти за рѣку. Непріятель, усилившися въ Саволаксѣ, ворвался въ наши границы и, оплошностію нашихъ, занялъ постъ крѣпкій въ Пардакоски. Попытка на оный намъ была неудачна, и стоила намъ принца Бернбургскаго, да 198 убитыхъ и 305 раненыхъ. Король, перешедъ Кимень близъ Ковалы, сталъ въ Валкеала, и началъ утѣснять деташаментъ генералъ-маіора Денисова, который, отступивъ въ порядкѣ до Утти, получилъ тутъ подкрѣпленіе и готовился наступить на короля. Нумсенъ, опасаяся, что король Денисова сильнѣе, и что имѣетъ связь съ фаворитомъ Армфельдомъ, въ Пардакоски командующимъ, рѣшился, вопреки трусливыхъ предписаній Игельстрома, перейти Кимень. Онъ симъ не только побѣдилъ непріятеля, но заставилъ короля струсить и за рѣку убраться, а Денисову [далъ] способъ его атаковать и гнать съ урономъ, а потомъ по слѣдамъ и самому за рѣку же перебраться. Оба наши генерала дѣйствуютъ согласно, укрѣпили себя, производятъ поиски частные и ждутъ случая къ истребленію непріятельскихъ магазиновъ. Нумсенъ стоитъ въ 45-ти верстахъ отъ Луизы. Должно надѣяться, что постъ Пардакоски упадетъ или уйдетъ. Непріятель потерялъ уже сначала кампаніи противу одной части Нумсеновой 17 пушекъ и до 200 плѣнныхъ, а противу Денисова – весь обозъ свой. Флотъ галерный еще не можетъ плавать, ибо льды и теперь продолжаются. Эскадра Ревельская въ морѣ, а Кронштадтская, хотя и готова, но не скоро выйдетъ, причиною льда.

„Капитанъ Тревененъ имѣетъ отличную команду, три корабля, два линейные и два гребные фрегата, четыре большія шебеки, четыре шкуны, двѣ бомбарды, два полупрама и 20 канонирскихъ лодокъ. Онъ назначенъ къ Гангуту и на его эскадрѣ посаженъ храбрый генералъ Паленъ, съ полкомъ пѣхотнымъ, двумя баталіонами егерей и баталіономъ морскихъ солдатъ. Капитанъ Кроунъ имѣетъ также отрядъ въ 3 фрегатахъ, 2 катерахъ и 6 шкунахъ, съ 400 войска,—къ Аландгафу и въ Ботническій заливъ. Что выйдетъ изъ всѣхъ сихъ сильныхъ пріуготовленій—Богъ знаетъ". Въ припискѣ къ письму графъ Безбородко просилъ передать Виктору Павловичу [Кочубею], „что не пишетъ къ нему за недосугомъ, имѣя множество дѣлъ", и просилъ сжечь письмо его [103]).

Пока шли разсужденія о способѣ веденія войны со Шведами, въ кампанію 1790 года, пушечный громъ сраженія при островѣ Сексарѣ, слышанный въ самомъ Петербургѣ, не могъ не повліять на императрицу. Секретарь ея Храповицкій свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины II и ея ближайшаго секретаря, графа Безбородки, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. „Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ. Таятся и не веселы". Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, „чтобъ взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ" [104]).

Надежда на сближеніе и дружбу съ Англіею, чрезъ заключеніе союзнаго и торговаго договоровъ, не сбылась. Это можно заключать изъ донесенія графа Воронцова къ вице-канцлеру и письма къ графу Безбородкѣ. Къ послѣднему Воронцовъ писалъ, „что нечего уже считать на пособіе Англіи въ развязкѣ нынѣшнихъ дѣлъ. Король совсѣмъ преданъ двору Берлинскому. Но какъ сей послѣдній, желая насъ изнурить, надѣясь при томъ на увѣренія, что у насъ никогда ничего не потребуютъ отъ Швеціи, будетъ ободрять короля Шведскаго къ продолженію войны". Это извѣстіе вынуждало Россію заботиться объ увеличеніи своихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ противъ Шведскаго короля, не смотря на желаніе его покончить для Швеціи тягостную войну. По поводу этого, 8-го іюля, графъ Безбородко предложилъ Совѣту „составленную имъ записку о расположеніяхъ, потребныхъ для новой атаки", которую предложилъ принцъ Нассау. Совѣтъ находилъ, что таковыя распоряженія „весьма приличны и нужны" [105]).

Для достиженія же скорѣйшаго заключенія мира съ Швеціею, въ секретнѣйшемъ рескриптѣ, отъ 9-го іюля 1790 года, на имя графа И. П. Салтыкова, императрица, препровождая къ графу проектъ отвѣта барона О. А. Игельстрома къ Шведскому генералу, барону Армфельду,

вмѣняла въ обязанность Игельстрому, на случай свиданія его съ Армфельдомъ, „прямо и ясно сказать, что касательно оставленія границъ на такомъ основаніи, какъ онѣ въ Абовскомъ договорѣ положены, условія наши суть крайнія, съ которыми ни малѣйшая перемѣна вмѣстна быть не можетъ, и что мы, конечно, ни пяди земли изъ того не уступимъ". Въ томъ же случаѣ, если бы Шведы стали настаивать, требуя какихъ либо уступокъ, то прекратить всякую переписку и переговоры [106]). Въ проектѣ, препровождаемаго при рескриптѣ отвѣтнаго письма отъ барона Игельстрома къ барону Армфельду, говорилось, что прекращеніе рѣзни, на которую жалуется король, зависитъ прямо отъ него; что въ уничтоженіи Швеціи государыня не видитъ ни особой славы для себя, ни блага для своихъ подданныхъ, и не смотря на несправедливое нападеніе короля, готова возстановить прежнія отношенія на основаніи statu quo ante bellum [107]). По отправленіи этихъ бумагъ, на другой день, 10-го іюля, императрица Екатерина II, весьма удачно сравнивала миръ съ бракомъ— „какъ при бракѣ, надобно согласіе съ обѣихъ сторонъ" [108]).

Для болѣе скорѣйшаго достиженія согласія, 17-го іюля, государыня сообщила въ секретномъ рескриптѣ графу И. П. Салтыкову безусловно точныя условія, на основаніи которыхъ могли бы быть начаты переговоры о мирѣ, написанные графомъ Безбородкою, а именно: „1, чтобы миръ, спокойствіе, доброе согласіе и дружба пребывали вѣчно на твердой землѣ и на водахъ, и потому всѣ дѣйствія вездѣ прекращены быть долженствуютъ; 2, границы обѣихъ державъ имѣютъ навсегда остаться какъ оныя, по силѣ Абовскаго договора, до разрыву и начатія настоящей войны были; 3, вслѣдствіе того, войска долженствуютъ выведены быть каждою изъ воюющихъ державъ, буде имѣются въ сторонѣ другой державы, въ полагаемый къ тому срокъ; 4, плѣнные размѣнены и отпущены быть должны безъ выкупа и расчета за ихъ содержаніе, а каждый только собственные долги частнымъ людямъ заплатить обязанъ; 5, артикулъ Абовскаго договора о салютѣ, между кораблями и судами взаимными, свято исполняемъ быть долженъ, и 6, ратификаціи государскія въ теченіи двухъ недѣль или и скорѣе, размѣнены быть должны" [109]).

Барону Игельстрому разрѣшалось сообщить эти условія барону Армфельду, какъ ультиматумъ, „но,—съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ,— буде король Шведскій думаетъ тутъ настоять на какія либо уступки земли, или же на другія требованія, нашему достоинству не согласныя, и именно примѣшивать войну съ Турками; въ такомъ случаѣ всякое сношеніе и переговоры будутъ излишніе, и мы, съ прискорбіемъ, должны будемъ, въ охраненіе чести и безопасности нашей и государства нашего,

положася на промыслъ Божій, ожидать рѣшенія всему отъ жребія оружія. Сіе точно баронъ Игельстромъ долженъ будетъ объявить учтивымъ, скромнымъ и искреннимъ образомъ барону Армфельду, стараяся, впрочемъ, интересовать его къ успѣху дѣла славою участія въ ономъ, и всѣмъ, что личность его поощрять къ тому можетъ" [110]).

Не смотря, однако, на „скромность, искренность и стараніе" барона Игельстрома уладить дѣло, въ угодность государынѣ, король Шведскій не соглашался на миръ. Секретарь Екатерины II, Храповицкій, свидѣтельствуетъ, что, 22-го іюля, императрица была „сердита", что Густавъ III „безъ уступки изъ Финляндіи мириться не хочетъ", какъ это высказалъ король въ письмѣ къ вице-канцлеру, препровождая ему списокъ плѣнныхъ Русскихъ офицеровъ. Не дальше, какъ на другой день, 23-го іюля, баронъ Игельстромъ извѣстилъ императрицу, о бывшемъ, 21-го іюля, свиданіи его съ Армфельдомъ и обнадеживалъ, что „къ миру надежда есть" [111]). Извѣщеніе барона Игельстрома дало поводъ императрицѣ, 25-го іюля, отправить на его имя рескриптъ съ дополнительными наставленіями по негоціаціи. Главнѣйше обращалось вниманіе его на двадцатую статью Абовскаго договора, что „о выдачѣ бѣглыхъ, кои впредь на обѣ стороны окажутся, неудобно отнюдь возобновлять" и что „предлагаемая королемъ Шведскимъ медіація въ Турецкой войнѣ также не вмѣстна". Въ концѣ рескрипта императрица собственноручно приписала: „Si malgré tout ce que je fais pour accélerer la Paix, le Roy de Suède se refusera à y accéder, je prend [s] le ciel à témoin qu'il sera lui seul responsable du nouveau Carnage qui va recommencer". [Если, не смотря на все, что мною сдѣлано для ускоренія мира, Шведскій король откажетъ въ своемъ согласіи на оный, беру Бога во свидѣтели, что онъ одинъ останется виновнымъ въ кровопролитіи, которое возобновится] [112]). Съ своей стороны, вице-канцлеръ послалъ Шведскому королю письмо и убѣждалъ Густава III, что обязательства его по отношенію къ своей союзницѣ-Турціи—можно считать прекратившимися, въ виду того, что государыня готова заключить съ ней миръ и предлагаетъ ей справедливыя и крайне умѣренныя условія [113]).

Въ то же время въ помощь барону Игельстрому, по дипломатической части, былъ командированъ чиновникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Кудеръ. Отправляя Кудера къ барону Игельстрому, графъ Безбородко, 26-го іюля, писалъ ему о причинахъ замедленія отправки рескрипта императрицы и другихъ бумагъ. „По случившимся со стороны Шведской перемѣнамъ замедлилося наше отправленіе по сей день. Оное теперь ваше превосходительство получите чрезъ г. ассесора Кудера, котораго ея императорское величество указала отправить къ вамъ, для исправленія дѣлъ и пе-

реписки по ввѣренной вамъ негоціаціи. Посылка его сдѣлана, сколько можно, секретнѣе и подъ видомъ обыкновеннаго курьера, дабы скрыть дѣло отъ всѣхъ, наипаче же отъ достойныхъ союзниковъ короля Шведскаго. Ваше превосходительство найдете всѣ пособія въ доставляемыхъ вамъ бумагахъ къ благополучному окончанію служенія важнаго, на васъ возложеннаго, естьли только податливость на то будетъ, хотя нѣсколько искренная со стороны Шведской. Осталося мнѣ сказать еще здѣсь, въ дополненіе, что касательно настроенія барона Армфельда о коммерческомъ трактатѣ, тоже и о союзѣ, вы, милостивый государь мой, искуснымъ образомъ можете отвести его къ тому, что подобныя связи, по обсылкѣ посольствомъ взаимнымъ, удобнѣе распоряжены будутъ; какъ отчасти то въ актѣ и сказано.

„Копію Абовскаго трактата при семъ посылаю. Вручителя сего, какъ человѣка весьма дѣльнаго и умнаго, и у насъ въ самыя важнѣйшія исправленія допущеннаго, поручаю въ милость вашу. Полную мочь, поелику нужно было заготовить и запечатать секретно, то мы съ г. вице-канцлеромъ и поручили г. Кудеру то самолично исполнить и вашему превосходительству вручить особо“ [114]).

Въ виду сохраненія наибольшей тайны, съ которою предполагалось вести переговоры съ Густавомъ III, а, быть можетъ, и иныя соображенія вызвали графа Безбородку, въ день отправленія бумагъ, по заключенію мира, какъ сообщаетъ Храповицкій, высказать „сомнѣніе объ успѣхѣ мира“, какъ въ виду „требуемой“ королемъ Шведскимъ „уступки, такъ и предлагаемой отъ него медіаціи по Турецкимъ дѣламъ“ [115]).

Рескриптъ Екатерины II, письмо графа Остермана, полномочіе и другія бумаги были получены съ Кудеромъ 28-го іюля [116]), и въ тотъ же день начались и переговоры [117]). Изъ замѣтокъ Игельстрома видимъ, что король твердо стоялъ на своемъ посредничествѣ въ заключеніи мира между Россіей и Турціей, и на включеніи въ договоръ 20-й статьи Абовскаго договора о выдачѣ бѣглыхъ. Это обстоятельство побудило Игельстрома обратиться за инструкціями, отправивъ письмо къ вице-канцлеру [118]). Переговоры, между тѣмъ, продолжались, для обсужденія остальныхъ статей договора. Вскорѣ былъ полученъ и ожидаемый отвѣтъ—рескриптъ государыни, отъ 25-го іюля. Имъ барону Игельстрому предписывалось прекратить переговоры, въ случаѣ несогласія короля на послѣдній Русскій проектъ [119]). При этомъ случаѣ, графъ Безбородко писалъ барону Игельстрому: „Ссылаяся на содержаніе указа ея императорскаго величества, къ вашему превосходительству посылаемаго, я считаю, по надменности короля Шведскаго, что ваша негоціація на сей часъ остановится безъ дѣйствія; но, какъ легко случиться

можетъ. что силою оружія или другими способами король образумленъ будетъ, то ваше превосходительство неизволите ли г. Кудера при себѣ удержать, подъ видомъ надобности въ немъ. для переписки иностранной, какъ то и при многихъ изъ высшаго генералитета опредѣлены изъ нашего департамента люди.

„Въ Рейхенбахѣ, кажется. дѣло кончено. Вѣнскій дворъ принялъ за основаніе своего мира съ Портою statum in quo ante bellum, и, вслѣдствіе того. обѣщалъ при мирѣ возвратить Портѣ всѣ почти свои завоеванія, кромѣ Хотина. который онъ у себя удержитъ, покуда наша война съ Турками продолжится. а тамъ, по заключеніи нашего мира, и его возвратитъ. Такимъ образомъ. на сей разъ отвращенъ вопросъ о присвоеніи части Галиціи къ Польшѣ, и о взятіи королемъ Прусскимъ Данцига и Торна. Польша ни на сію уступку. ниже на участіе въ войнѣ не пошла, и еще министру своему въ Царьградѣ, Потоцкому, послала строгій выговоръ, что онъ былъ завязанъ съ Портою обѣщаніями союза. Она все то велѣла дезавуировать, имѣя намѣреніе пребыть нейтральною и дурачиться по своему манеру.

„Наши кондиціи съ Портою извѣстны уже союзникамъ, и въ той чертѣ, изъ коей, конечно, нечего упускать. Судите же, о чемъ шалунъ сосѣдъ нашъ заботится. Миръ будетъ и безъ его участія. Пускай мы не удержимъ завоеваній, на его счетъ дѣлаемыхъ, но то уже онъ не возвратитъ , что раззорено или истреблено будетъ. Англія и Пруссія ему предлагаютъ миръ на основаніи, какъ до войны было. Какъ скоро онъ на сепаратную раздѣлку не согласится, мы опубликуемъ наши условія, и сообщимъ другимъ державамъ, кои, конечно, за него не вступятся. Благодарю за милостивый пріемъ г. Кудера“ [120]).

Подоспѣвшія вовремя письма: графа Безбородки и вице-канцлера къ Игельстрому, которыя послѣдній сообщилъ Армфельду, внезапно дали дѣлу другой оборотъ. Графъ Остерманъ писалъ Игельстрому о возможности близкаго мира съ Турціей, что, повидимому, и склонило короля на уступку. На другой же день состоялась оффиціальная и единственная конференція въ Верельской долинѣ, на берегахъ рѣки Кимени, 3-го (14-го) августа; на ней и были подписаны окончательныя условія мира, какъ видно изъ протокола конференціи [121]).

Извѣстіе о заключеніи мира съ Густавомъ III, надо думать, было получено въ Петербургѣ не 4-го августа, какъ сообщаетъ Гельбихъ [122]), а 6-го августа. Потому что, день этотъ долженъ былъ вызвать лихорадочную дѣятельность приближеннѣйшаго секретаря императрицы Екатерины II. И дѣйствительно, 6-го августа графъ Безбородко отправилъ

барону О. А. Игельстрому 6-ть писемъ. При 1-мъ онъ препровождалъ отвѣтное письмо императрицы Екатерины II къ Шведскому королю, съ просьбою, „по размѣнѣ ратификацій, вручить“ его „барону Армфельду для доставленія его величеству, сказавъ, что оное получено съ другимъ курьеромъ“ [123]). При 2-мъ посылалъ „полную мочь, за малою печатью Шведскою, и росписку Армфельда“, для того, что если бы Игельстромъ получилъ „другую, за большею печатью“, эту бы возвратилъ, равно какъ и переводъ ратификаціи. По поводу послѣдней Безбородко разъяснялъ ему, что если бы „у Шведовъ и не было печати, висячей на ратификаціи, а, по нуждѣ, хотя бы она, по лагерному пребыванію, и не на пергаминѣ написана была, нѣтъ нужды“ [124]). Разъясненіе это потребовалось въ виду того, что полномочіе, данное Армфельду на веденіе переговоровъ о мирѣ, было за королевскою малою печатью; поэтому, Игельстромъ и обратился за инструкціями. Росписка же была дана Армфельдомъ въ томъ, что, въ теченіи 2-хъ дней, будетъ доставлена большая печать. Въ 3-мъ письмѣ графъ Безбородко писалъ по поводу секретнаго векселя на имя Армфельда. „Упоминаемый въ секретномъ письмѣ ея императорскаго величества къ вашему превосходительству вексель на десять тысячъ червонныхъ сдѣланъ на Амстердамъ на имя господъ Гопе и компаніи, отъ нашего придворнаго банкира, барона Сутерланда. При извѣстномъ употребленіи онаго, можете, ваше превосходительство, сказать барону Армфельду, что оный отъ него или и отъ васъ можетъ адресованъ быть къ банкиру въ Стокгольмѣ г. Шону, который наши дѣла дѣлаетъ по надобностямъ плѣнныхъ и по переводу жалованья министерскаго; но ежели онъ найдетъ за лучшее избрать и вамъ указать другой каналъ, которымъ сію сумму получить, въ томъ безъ затрудненія будетъ сдѣлано; и вы только, возвращая вексель, скажите мнѣ, что и какъ учинить“ [125]). Между тѣмъ, въ отправленномъ векселѣ, за болѣзнію барона Сутерланда, „учинилась ошибка“: онъ не былъ андоссированъ графомъ Безбородкою. Поэтому, графъ Безбородко, 7-го августа, просилъ Игельстрома возвратить ему съ нарочнымъ посланный вексель, а, въ замѣнъ его, принять новый, „писанный на имя подателя того векселя“ [126]). Въ 4-мъ письмѣ, по повелѣнію императрицы Екатерины II, Безбородко сообщалъ Игельстрому на случай награды, которая могла быть дана ему Шведскимъ королемъ. „По случаю назначенія барону Армфельду ордена св. Апостола Андрея, ея императорское величество указать изволила дать знать вашему превосходительству, что если бы, по принятіи означеннымъ барономъ того ордена, его величество, король Шведскій, собственнымъ своимъ подвигомъ восхотѣлъ почтить васъ своимъ первымъ орденомъ Серафимовъ, ея императорское ве-

личество вамъ оный принять дозволяетъ"[127]). Въ 5-мъ письмѣ сообщалъ графъ Безбородко списокъ лицъ, удостоенныхъ наградъ за участіе въ дѣлѣ по заключенію мира, и препровождалъ при немъ подарки для Шведскихъ чиновниковъ. Относительно подарковъ графъ Безбородко писалъ: „При отдачѣ господамъ Шведскимъ чиновникамъ подарковъ, я прошу ваше превосходительство приказать вынуть ярлыки, чтобъ они отнюдь не знали цѣны вещей, и тѣ ярлыки послѣ ко мнѣ доставить для отсылки въ Кабинетъ" [128]). Наконецъ, въ 6-мъ письмѣ, графъ Безбородко, поздравивъ барона съ заключеніемъ мира, высказываетъ въ немъ свои мысли о важности сего мира. „Поздравляю отъ искренняго сердца ваше превосходительство добрымъ окончаніемъ мирнаго дѣла, которымъ вы превеликую оказали государству услугу. Чѣмъ болѣе сообразишь настоящее дѣлъ положеніе, тѣмъ паче усматривается важность сего мира. Какіе бы ни были съ нашей стороны успѣхи, болѣе желать ничего не оставалося, а только наступило бы неудобство постороннихъ медіацій, кои и не замедлили бы по окончаніи нынѣ Рейхенбахскихъ переговоровъ. Правда, что для Швеціи миръ еще нашего нужнѣе, но король, одинъ разъ запутавшись, съ новымъ союзникомъ запуталъ бы и дѣло на долгое время. Теперь въ томъ состоитъ надобность, чтобъ въ первыхъ минутахъ ничего не упустить удобнаго къ утвержденію мира, дружбы и добраго согласія. Ваше превосходительство хорошее положили начало внушеніями вашими, что отъ нихъ зависитъ пріобрѣсть привязанное расположеніе ея императорскаго величества. Постарайтеся утвердить оное вяще, обнадеживая, что время только потребно къ прочнѣйшему всего укрѣпленію.

„По 7-му артикулу, мы сперва думали, что король рѣшится, дабы оба двора обослались взаимными послами, и въ такомъ случаѣ полагали, что отъ него наименована будетъ знаменитаго чина особа; такъ и со стороны здѣшней государыня назначала васъ, буде бы вамъ то было не въ тягость; но какъ онъ теперь предполагаетъ отправить сюда генералъ-маіора Стединга, то и мы, хотя, еще ненавѣрное, располагаемъ взаимно послать г. генералъ-маіора, барона Палёна, котораго честность, скромность и многія другія добрыя качества, порукою, что онъ не сдѣлаетъ ничего, кромѣ должнаго старанія къ утвержденію дружбы. Ваше превосходительство, говоря партикулярно съ Армфельдомъ, и какъ отъ себя собственно, не оставьте сдѣлать увѣреніе, что и на пребываніе въ Стокгольмѣ присланъ будетъ министръ, который бы личнымъ свойствомъ тому же соотвѣтствовалъ, да и главнымъ пунктомъ его наставленія будетъ искать всѣми пристойными способами споспѣшествовать откровенности къ наилучшему согласію между государями. Наименованіе министровъ не замедлитъ.

„Бархату кусокъ посылаю, изъ котораго можете послать королю сколько надобно.

„Привѣтствуя вамъ, наконецъ, милостивый государь мой, пожалованіемъ вамъ ордена св. Андрея, могу увѣрить, что милость монаршая къ вамъ не на семъ остановится, и что вы, конечно, удостоитесь и вящихъ знаковъ ея благоволенія“ [129]).

По свойственной императрицѣ Екатеринѣ II щедрости, главные участники заключенія Верельскаго мира получили щедрыя награды. Оба барона, Игельстромъ и Армфельдъ, получили по ордену св. Андрея, а послѣднему дано еще и 10.000 червонцевъ. Съ своей стороны, король Густавъ III прислалъ Игельстрому „обычный посольскій подарокъ“ и портретъ свой [130]). Щедрость государыни ясно указываетъ, что она была довольна, какъ миромъ, такъ и совершителями его. Иное чувство, надо думать, испытывалъ Шведскій король, Густавъ III. Извѣстно, что Игельстрому, при началѣ переговоровъ съ Армфельдомъ, поручено было завѣрить его, что съ заключеніемъ Верельскаго мира, какъ только король приступитъ къ союзу, императрица Екатерина II не преминетъ выдать королю Густаву III денежную субсидію, чтобы дать ему возможность развязаться съ тягостными обязательствами, принятыми имъ на себя относительно Пруссіи [131]). Чтобы выполнить завѣреніе, данное Армфельду, Игельстромъ, тотчасъ по подписаніи Верельскаго мира, представилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ проектъ письма своего къ Армфельду по поводу разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ заключеніемъ вновь мира съ Швеціею. Письмо это было представлено императрицѣ Екатеринѣ II и собственноручно исправлено ею. Въ началѣ его, гдѣ говорится, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ искренности чувствъ государыни, она приписала, что „ne demande pas mieux que de resserer d'avantage les noeuds de l'amitié qui vient d'être rétablie“ [ничего такъ не желаетъ, какъ укрѣпить еще болѣе узы дружбы, которая снова возстановлена] [132]). Относительно вопроса о послахъ, Игельстромъ выразилъ, что государыня находитъ необходимымъ, чтобы таковые были назначены; надлежитъ лишь условиться въ срокѣ, и лучше всего, если назначеніе состоится 24 ноября стараго стиля, - въ день тезоименитства государыни. Во избѣжаніе всякаго повода къ спорамъ и неудовольствіямъ, государыня изъявляетъ свое согласіе на исправленіе границъ. Къ рѣшенію этого вопроса предполагалось приступить съ назначеніемъ пословъ. Чтоже касается до денежной субсидіи Шведскому королю, то вся эта статья перечеркнута и взамѣнъ ея Екатерина собственноручно написала: „Pour ce qui regarde les souhaits du Roy de ré-

çevoir quelques secours pecuniers, vous pouvez compter, mon cher Baron, que l'Impératrice se fera un vrai plaisir de venir au devant des désirs de Sa Majésté, aussi bien dans cette occasion que dans toute autre ou Elle Lui pourra prouver Son amitié". [Относительно желанія короля получить денежную субсидію, можете быть увѣрены, любезный баронъ, что императрицѣ доставитъ истинное удовольствіе предупредить желанія его величества, какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, когда ей представится возможность доказать свою дружбу] [133]). Затѣмъ, говорилось въ проектѣ письма, что государыня вполнѣ согласна въ томъ, что союзъ Швеціи съ Россіей не только выгоденъ для обоихъ государствъ, но и необходимъ для обоюднаго ихъ спокойствія и, что онъ можетъ быть заключенъ посланниками обоихъ государствъ, когда имъ будутъ даны надлежащія полномочія. Конецъ письма посвященъ Шведскому посланнику въ Варшавѣ, который не переставалъ относиться враждебно къ Россіи. Въ дополненіе къ этому разсужденію императрица приложила собственноручную замѣтку: „Le ministre Suédois Engenstrom [Engstrom] à Varsovie continue sous main à mettre en usage des insinuation [s] ennèmie [s]; il aura de la peine à changer de ton et de conduite en ayant trop fait contre nous. A la suite de sa conduite on fait courir le bruit ici que la Paix avec Son Maître sera de courte duré[e] et qu'il recommencera la Guerre avec la Russie". [Шведскій посланникъ въ Варшавѣ, Энгштремъ, продолжаетъ тайно распространять враждебныя инсинуаціи; для него будетъ трудно перемѣнить тонъ и свой образъ дѣйствій, такъ какъ онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своей враждѣ къ намъ. Вслѣдствіе его образа дѣйствій, здѣсь распространился слухъ, что миръ съ его государемъ не будетъ продолжителенъ, и что онъ снова начнетъ войну съ Россіей] [134]).

Графъ Безбородко, отправляя проектъ письма съ собственноручными замѣтками императрицы въ Игельстрому, и, надписавъ на немъ что „государыня сіе письмо опробовать изволила, 28-го августа 1790 г.", въ этотъ же день писалъ ему: „J'ai l'honneur d'envoyer à Votre Excellence ci-joint le projet de lettre tel que l'Impératrice a corrigé. Excepté ce qui est écrit de sa propre main et effacé par Elle-même, le reste doit être conservé comme vous l'avez arrangé. Quant à la petite note de S. M. I., sa volonté est que Votre Excellence fasse un petit apostille à m-r d'Armfeld. Le terme de 24. Novembre paraissant bien court à l'Impératrice, S. M. I croit nécessaire que Votre Excellence dise à M-r. d'Armfeld, qu'il dépend de S. M. Suédoise de choisir et fixer tel autre jour qu'il lui plaira pour la nomination respective des ambassadeurs. Je vous enverrai l'argent par le courier et ma réponse pour M-r. d'Armfeld". [Имѣю честь препроводить вашему

превосходительству прилагаемый при семъ проектъ письма въ томъ видѣ, какъ онъ былъ исправленъ государынею. За исключеніемъ того, что написано, или зачеркнуто, ею собственноручно, все прочее должно остаться какъ вы составили. Что касается маленькой замѣтки ея императорскаго величества, то государынѣ угодно, чтобы ваше превосходительство сдѣлали маленькую приписку въ письмѣ къ г-ну Армфельду. Такъ какъ срокъ 24 ноября государынѣ кажется слишкомъ короткимъ, е. и. в. находитъ необходимымъ, чтобы ваше превосходительство сообщили г-ну Армфельду, что отъ его величества Шведскаго короля зависитъ избрать и назначить какой угодно срокъ для обоюднаго назначенія пословъ. Деньги отправлю вамъ съ курьеромъ, равно какъ и мой отвѣтъ г-ну Армфельду] [135]).

Письма графа Безбородки къ барону Армфельду я не отыскалъ. Сохранилось только отвѣтное письмо Армфельда къ барону Игельстрому, отъ 4-го октября, о чемъ скажемъ ниже, согласно ходу событій.

За труды по Шведской войнѣ Екатерина II наградила графа Безбородку, подобно другимъ лицамъ, учавствовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, со свойственною ей щедростью. Въ росписи наградъ, подписанной Екатериною, 8-го сентября 1790 года, между прочимъ, сказано: „Гофмейстеру графу Безбородкѣ, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему отъ ея императорскаго величества дѣлъ, ея величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и оставаться ему при его должностяхъ“ [136]).

Сообщая матери своей объ этой наградѣ, Безбородко, 8-го сентября, писалъ: „Сегодня отправлено было съ большимъ великолѣпіемъ торжество мира, съ королемъ Шведскимъ заключеннаго. Милость, мнѣ тутъ сдѣланная, тѣмъ знаменитѣе, что никто почти изъ генераловъ-поручиковъ въ генералъ-аншефскій чинъ не поступалъ менѣе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ, вмѣсто того, что я получаю оный, бывъ въ прежнемъ только шесть лѣтъ съ половиною, пріобрѣтая весьма надъ многими старшинство и вступая уже, такъ сказать, на послѣднюю степень статской службы. При томъ ласкательна была для меня честь, что изъ всѣхъ министровъ Совѣта трое насъ только были, которыхъ имена читаны въ росписи публично съ трона, въ день большой аудіенціи, и именно: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, получившій тутъ крестъ и звѣзду бриллiантовые ордена Святаго Андрея, Николай Ивановичъ Салтыковъ, пожалованный графомъ, и я. Прочіе наши сотоварищи получили отъ ея величества, по возвращеніи уже во внутренніе покои, табакерки богатыя съ портретами“ [137]). Въ письмѣ племяннику, Г. П. Милорадовичу, препровождая списокъ наградъ, Безбородко писалъ къ нему въ тотъ же день,

8-го сентября: „Вѣдая вашу къ себѣ дружбу, увѣренъ и въ участіи, которое вы примете по случаю возведенія моего на степень по статской службѣ non plus ultra“ [138]).

Между тѣмъ, переписка съ Швеціею, по поводу отпразднованнаго мира, продолжалась. 4-го октября 1790 г., Армфельдъ на вышеупомянутое письмо графа Безбородки, отъ 28-го августа, писалъ барону Игельстрому: „Письмо графа Безбородки любезно и лестно, но оно не даетъ мнѣ никакого права обращаться въ важныхъ дѣлахъ непосредственно къ нему, согласно нашего желанія. Я думаю, что онъ заваленъ дѣлами и полагаетъ, что бездѣйствіе, наступающее послѣ сильныхъ потрясеній, будетъ соотвѣчать нашимъ кажущимся средствамъ и нашимъ дѣйствительнымъ потерямъ. Такое мнѣніе справедливо“. Попросивъ, за тѣмъ, разъясненія: 1, о посланникахъ; 2, объ исправленіи границъ; 3, о денежной субсидіи, и 4, о возможности заключить съ Россіей союзъ, и изъявивъ, при томъ, надежду получить отвѣтъ отъ Игельстрома или отъ графа Безбородки, Армфельдъ заключилъ письмо такъ: „О Нолькенѣ, который, желая снискать оправданіе въ мнѣніи государыни, просилъ письменно меня ходатайствовать за него“ [139](

Вопросъ о посланникахъ, какъ извѣстно, былъ скоро разрѣшенъ. Паленъ, въ званіи посланника, прибылъ въ Стокгольмъ въ половинѣ ноября 1790-го года, а въ Петербургѣ остался Стедингъ, который умѣлъ заслужить одобреніе императрицы Екатерины II [140]). Относительно 2-го вопроса, объ исправленіи границъ, Армфельдъ, недальше 20-го ноября, жаловался Игельстрому, что дѣло это „двигается туго“ [141]). Что же касается 3-го вопроса, денежной субсидіи, то онъ значительно усложнился.

Финансовое положеніе Швеціи было тогда далеко не блестяще, и король Густавъ III сильно нуждался въ деньгахъ; не получая удовлетворенія и подозрѣвая въ этомъ интриги окружающихъ государыню лицъ, онъ отправилъ курьера къ Стедингу, который тогда завѣдывалъ дѣлами миссіи при нашемъ дворѣ, предписывая ему обратиться непосредственно къ государынѣ и узнать ея личное настроеніе въ этомъ дѣлѣ.

Однако, раньше прибытія этого курьера, графомъ Безбородкомъ были даны инструкціи Палену, относительно заключенія союза и вопроса о субсидіи. Это произвело, повидимому, хорошее дѣйствіе; тѣмъ не менѣе Стедингъ настаивалъ, чтобы вопросъ о субсидіи привести какъ можно скорѣе въ исполненіе, въ виду затруднительнаго положенія короля, тѣмъ болѣе, что Англія обѣщалась не только заставить Пруссію отказаться отъ своей претензіи, но обѣщала производить Шведскому королю ежегодную субсидію въ 600.000 гиней, въ продолженіе Турецкой войны, а также на случай войны между Россіей и Пруссіей, хотя бы король и не

принималъ въ ней активнаго участія, а ограничился только одними вооруженіями. О денежной субсидіи, мнѣнія при нашемъ дворѣ, повидимому, были раздѣлены: Остерманъ высказывался противъ ея выдачи, какъ видно изъ черноваго письма Игельстрома къ князю Потемкину. Это, вѣроятно, и склонило его писать къ князю, изъ опасенія, чтобы мнѣніе вице-канцлера не одержало перевѣса. Въ письмѣ своемъ Игельстромъ старается доказать, что было бы гораздо раціональнѣе дать 3—4 милліона субсидіи, чѣмъ, въ случаѣ отказа, потратить впятеро болѣе, вслѣдствіе необходимости морскихъ и сухопутныхъ вооруженій, не говоря уже о томъ, что входъ въ Балтійское море былъ бы тогда вполнѣ открытъ для непріятеля. Гельбихъ же разсказываетъ, что императрица Екатерина II будто-бы уплатила королю Густаву III 2.000.000 руб., чтобы избавить его отъ долговъ, которыхъ насчитывалось до 3.000.000 талеровъ [142]).

Наконецъ послѣдній вопросъ, о Нолькенѣ, былъ разрѣшенъ самой императрицей.

Въ проектѣ отвѣта барону Армфельду, представленномъ на утвержденіе государыни, Игельстромъ, между прочимъ, высказывалъ, что, хотя баронъ Нолькенъ и провелъ 17 лѣтъ въ Петербургѣ, въ качествѣ посланника Шведскаго короля, но государыня приписываетъ его вліянію перемѣну, происшедшую въ отношеніяхъ короля. Поэтому она не можетъ награждать Нолькена: это значило бы одобрять его образъ дѣйствій, послужившій поводомъ къ войнѣ. Притомъ, еслибы Нолькену была дана награда, королю пришлось бы наградить и Разумовскаго, чего, вѣроятно, король не желаетъ.

Екатерина вычеркнула почти весь этотъ параграфъ, замѣнивъ его слѣдующей замѣткой: «Comment ont elles été terminées! Outre cela en pareille [pareil] cas la reçiproçité est usité [e]. Le Roy seroit-il determiné à faire parvenir au Comte Rasoumovsky le présent d'usage?" [Чѣмъ они кончились [т. е. послѣдніе годы пребыванія Нолькена въ Петербургѣ]? Кромѣ того, въ подобныхъ случаяхъ соблюдается обоюдность. Рѣшился ли бы король дать графу Разумовскому обычную награду?] [143]). Графъ Безбородко, посылая письмо съ исправленіями Екатерины II, писалъ Игельстрому: „J'ai l'honneur d'envoyer à Votre Excellence les projets de lettre que l'Impératrice a lu, et qu'Elle approuve ayant fait un petit changement à ce qui regarde M-r. de Nolken. S. M. veut bien que Votre Excellence montre ces lettres à Monsieur le Vice-chancelier, pour connaitre ses idées s'il ne trouve quelque chose à changer ou à y ajouter". [Имѣю честь препроводить вашему превосходительству проекты писемъ, которыя государыня читала и одобряетъ, сдѣлавъ лишь маленькое измѣненіе касательно

г-на Нолькена. Ея величеству угодно, чтобы ваше превосходительство представили эти письма господину вице-канцлеру, чтобы узнать его мнѣніе и не найдетъ ли онъ нужнымъ что нибудь измѣнить въ нихъ, или прибавить] [144]).

Такъ кончилась переписка по заключенію мира съ Швеціею, и Безбородко, по этому поводу могъ сказать: „Мы свое кончили; пусть князь Потемкинъ свое кончитъ" [145]).

Въ концѣ 1790 года, 29-го декабря, въ Петербургѣ было получено извѣстіе о взятіи крѣпости Измаила. Съ извѣстіемъ этимъ являлась прочная надежда на скорый миръ и съ Турціею.

Какъ ни радостно было заключеніе мира съ Швеціей, но оно омрачалось, въ высшей степени, печальнымъ положеніемъ нашего отечества какъ внутри, такъ и извнѣ. Въ особенной запискѣ, представленной, въ это время, императрицѣ, графомъ Бозбородкомъ, читаемъ: „Что война съ Портою и понынѣ продолжающаяся, и другая, недавно съ Шведскимъ королемъ оконченная, привели государство въ большое истощеніе какъ и людьми, такъ и деньгами,—въ томъ не можетъ быть ни малѣйшее сомнѣніе. Число рекрутъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ взятыхъ изъ всякихъ состояній народныхъ, простирается за 400.000 человѣкъ. Что же касается до денегъ, недостатокъ въ нихъ такъ великъ, что и самые налоги не могутъ удовлетворить нуждамъ нашимъ. Вексельный курсъ съ начала Турецкой войны и по сю пору упадать продолжаетъ. Займы внѣшніе отъ часу становятся затруднительнѣе. Въ такомъ положеніи не можно не признаться, чтобы не было опасно и бѣдственно отважиться на новую войну, прибавляя противъ себя столь сильныхъ непріятелей, каковы король Прусскій и его союзники. Ко внутреннему положенію надлежитъ присовокупить и внѣшнее. Мы теперь не имѣемъ союзниковъ. Король Прусскій воспользовался разстройствомъ Австрійской монархіи, и слабостью нынѣ владѣющаго императора, поставилъ его въ совершенное недѣйствіе, которое, по видимому и по собственнымъ изъясненіямъ Вѣнскаго двора, не прервется и при самомъ на насъ нападеніи, по крайней мѣрѣ на первый годъ. Между тѣмъ, никто ручаться не можетъ, что если дѣйствія Прусскія въ теченіи сего года будутъ сильны и успѣхомъ сопровождаемы, императоръ отважился бы вмѣшаться въ войну. Данія на дѣлѣ совсѣмъ выведена изъ системы нашей и отъ нея никакой помочи ожидать нельзя. Союзъ съ Швеціею еще сомнителенъ" [146]).

Всѣ собранные, такимъ образомъ, документы по Верельскому миру убѣждаютъ, что императрица Екатерина II не могла не заявить передъ Россіею, что „ежедневно сама видитъ труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ дѣлъ" графу Безбородкѣ.

XIII.

Отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію.

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго труда графъ Безбородко являлся предъ читателями какъ писатель-дипломатъ и какъ писатель-историкъ. Въ письмахъ, запискахъ и другихъ документахъ мы его видимъ человѣкомъ, который мыслитъ основательно и проницательно, и излагаетъ мысли ясно, точно, а иногда и съ увлекательною живостью. Таковъ же онъ и въ „Краткой Лѣтописи Малыя Россіи", какъ историкъ. Слова Рубана, который въ предисловіи къ „Лѣтописи" называетъ Безбородку „мужемъ, въ знаніи отечественной исторіи извѣданнымъ и способностію къ дѣеписанію одареннымъ достаточно", оказываются не преувеличенными [147]). Можно думать, что еслибы Безбородко вступилъ на литературное поприще, изъ него вышелъ бы замѣчательный писатель своего времени. Но и оставшись писателемъ-дипломатомъ, государственнымъ человѣкомъ, Безбородко примыкаетъ къ литераторамъ и ученымъ своего времени. Оттого-то ему естественно было оказывать писателямъ той эпохи и вообще просвѣщенію болѣе чѣмъ обыкновенное вниманіе. По крайней мѣрѣ, имѣется рядъ указаній на то, что Безбородко благоволилъ и покровительствовалъ Русскимъ писателямъ, и содѣйствовалъ общему ходу просвѣщенія въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ дружба Безбородки съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ. Львовъ, непріобрѣтшій особенной извѣстности въ свое время, былъ однако однимъ изъ замѣчательныхъ писателей. Поэтъ и прозаикъ, переводчикъ Анакреона, проницательный критикъ произведеній литературы и знатокъ изящныхъ искусствъ, онъ, какъ свидѣтельствуетъ академикъ Я. К. Гротъ, слылъ въ кругу своихъ близкихъ „Русскимъ Шапеллемъ" [148]).

По службѣ въ иностранной коллегіи, Львовъ сблизился съ П. В. Бакунинымъ, у котораго и жилъ. Чрезъ Бакунина съ нимъ познакомился Безбородко. Любовь къ литературѣ сдружила ихъ, такъ что Львовъ отъ Бакунина переселился къ Безбородкѣ и сдѣлался пріятнымъ для него компаньономъ, его совѣтникомъ въ дѣлахъ мысли и вкуса и украшеніемъ его гостинной. Львовъ, совершивъ путешествіе по Европѣ и по

Россіи [въ Крымъ, въ свитѣ Екатерины], находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ образованными людьми того времени, живо соприкасался со взглядами и понятіями этихъ людей, лучшія изъ нихъ вносилъ въ оборотъ своей литературно-критической дѣятельности и, такимъ образомъ, имѣлъ благотворное вліяніе на эстетическую сторону тогдашнихъ произведеній нашей литературы. Подъ вліяніемъ сходства въ воззрѣніяхъ и глубокаго взаимнаго уваженія, близость между Безбородкою и Львовымъ перешла въ искреннюю и тѣсную дружбу. На такую именно дружбу указываютъ письма знаменитаго дипломата къ Львову, обязательно доставленныя мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ. Эти письма будутъ приведены по времени, въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь достаточно ограничиться заключеніемъ, что, пользуясь своими дружественными отношеніями съ Безбородкою, Львовъ усердно открывалъ доступъ къ покровительству Безбородки и своимъ друзьямъ-писателямъ того времени: Державину, Хемницеру, Новикову, Фонъ-Визину, Радищеву, а можетъ быть и Капнисту.

Общій характеръ покровительства, какимъ Державинъ пользовался со стороны Безбородки, онъ самъ опредѣляетъ въ своихъ письмахъ къ Львову и Капнисту. „Александръ Андреевичъ,—говоритъ Державинъ въ одномъ письмѣ къ Львову,—мой ангелъ-благотворитель, а ты—его помощникъ во всѣхъ случаяхъ, счастіе мое устраивающихъ и несчастія мои избавляющихъ“. Капниста Державинъ проситъ передать Безбородкѣ благодарное письмо „за его покровительство“, поблагодарить его словесно и сказать, „что я больше чувствую, нежели изъясняю“.

Знакомство Державина съ Безбородкою началось около того времени, когда Безбородко поступилъ ко двору. Въ письмѣ къ послѣднему, отъ 9-го марта 1786 года, поэтъ выражается, „что онъ болѣе 10-ти лѣтъ непрестанно осыпаемъ его благодѣяніями“. Державинъ просилъ тогда Безбородку исходатайствовать ему награду за участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта.

Въ знаменитомъ академическомъ изданіи, „Сочиненія Державина“, напечатано 9-ть писемъ поэта къ Безбородкѣ. Во всѣхъ нихъ Державинъ высказываетъ просьбы о разныхъ своихъ дѣлахъ. Считая Безбородку своимъ „единственнымъ, милостивѣйшимъ, особливымъ благодѣтелемъ и покровителемъ“, подъ защиту котораго онъ „привыкъ прибѣгать для изведенія изъ темницы души своей“, Державинъ проситъ „даровать ему новую жизнь“ ходатайствомъ за него предъ императрицей, что̀ „поселитъ благодарность въ его сердцѣ, которое живо чувствуетъ благодѣяніе его“. Просьбы Державина къ Безбородкѣ были весьма часты, такъ что, по собственнымъ его словамъ, онъ, „едва только проходило нѣсколько

часовъ по полученіи монаршей милости, вновь просилъ Безбородку о какомъ либо новомъ дѣлѣ". Эти просьбы Безбородко исполнялъ охотно и успѣшно. Такъ онъ выпросилъ Державину, для поправленія его домашнихъ обстоятельствъ, 4.000 рублей; конечно, по содѣйствію же Безбородки, Екатерина приказала отпечатать, на счетъ Кабинета, представленныя ей сочиненія Державина. Во время распри Державина съ Тутолминымъ Безбородко держалъ сторону перваго и выразился передъ Львовымъ объ этой распрѣ такъ: „Кто ихъ теперь судить станетъ? А если до меня дойдетъ, то я тебѣ [Львову] скажу, и потомъ увидимъ, что дѣлать надобно". Извѣщая Державина о слѣдствіяхъ доноса на него Михаила Иларіоновича Сатина, Львовъ писалъ, „что сего ложнаго доносу безъ взысканія, а тебя безъ удовлетворенія, конечно, не оставятъ. Графъ Александръ Андреевичъ сегодня тоже мнѣ сказалъ, говоря еще къ тому, что дѣло сіе сдѣлало тебѣ больше добра, нежели зла, вслѣдствіе донесенія Ивана Васильевича [Гудовича] государынѣ". Когда враги Державина очернили его за оду „Властителямъ и Судіямъ" [149]), внушивъ императрицѣ, что псаломъ 81-й, переложенный въ одѣ, былъ пѣтъ Французскими Якобинцами, какъ гимнъ революціи, и когда Державину угрожала опасность подвергнуться гнѣву Екатерины, онъ обратился съ оправданіемъ [съ анекдотомъ о Даріѣ и его оклеветанномъ врачѣ] къ тремъ приближеннымъ императрицы, и въ числѣ ихъ къ Безбородкѣ, и не потерялъ императрицыной благосклонности. Вообще покровительство Безбородки Державину было всѣмъ извѣстно, даже государынѣ, такъ что, когда Державину поручено было разсмотрѣть дѣло бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора Якобія, обвиняемаго въ разныхъ злоупотребленіяхъ, какъ сказано выше, и Державинъ оправдывалъ Якобія, то Екатерина, по чьимъ-то навѣтамъ, подозрѣвала Державина въ пристрастіи къ Якобію подъ вліяніемъ Безбородки, Воронцова и Трощинскаго, будто бы получившихъ отъ подсудимаго дорогіе мѣха въ подарокъ.

Что касается Державина, то онъ при всѣхъ случаяхъ высказываетъ своему покровителю чувство искренней благодарности, хотя и считалъ его человѣкомъ неискреннимъ [150]). Выше представлены выраженія этого чувства, извлеченныя изъ собственныхъ писемъ Державина. Кромѣ того, обращеніе въ „Приглашеніи на обѣдъ" къ „благодѣтелю давнему", по собственнымъ объясненіямъ поэта, направлено, между прочимъ, и къ Безбородкѣ [151]). Извѣстно, что Державинъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ изображаетъ слабости и недостатки вельможъ Екатерининскаго вѣка, „вѣка изысканной роскоши и прихоти". Нѣкоторые отрывки изъ такихъ стихотвореній, относящіеся къ Безбородкѣ, будутъ приведены

нами въ своихъ мѣстахъ, согласно связи событій; здѣсь же мы представимъ лишь тѣ отзывы подобнаго рода, въ коихъ болѣе или менѣе обозначается взглядъ поэта на своего покровителя. Такъ, въ одѣ „На счастіе“ Державинъ даетъ чувствовать, что своимъ возвышеніемъ и вліяніемъ на дѣла Безбородко обязанъ не только способностямъ, но и счастію:

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце, какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы,
И вьется локономъ хохолъ [152]).

Въ одѣ „Вельможа“ Державинъ описываетъ сибаритство Екатерининскихъ сановниковъ, ихъ недоступность и невнимательность даже къ своимъ бывшимъ начальникамъ:

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На толь, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На толь тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани:
Токай густое льетъ вино,
Левантъ съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И съ шумомъ, вверхъ стремясь, сверкаютъ,
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ.
На толь, чтобы на все взиралъ

Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?
Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ,
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней спокойно спишь... а тамъ?
А тамъ—израненный герой,
Какъ лунь во бранихъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ.

Самъ поэтъ говоритъ, что эти стихи относятся къ Безбородкѣ и Потемкину, у которыхъ „многіе заслуженные генералы сиживали по нѣскольку часовъ", ожидая, пока они проснутся и выйдутъ къ просителямъ [153]).

У Безбородки была превосходной работы мраморная статуя Эрота, окруженная мѣдными стрѣлами вмѣсто рѣшетки. Вдохновленный видомъ этой статуи, Державинъ написалъ „Крезова Эрота".

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.
Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.
Что, сказалъ я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?
Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! Нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

Очевидно, въ этомъ стихотвореніи поэтъ подшучиваетъ надъ истощенностью Безбородки и надъ неспособностью старѣющагося холостяка къ восторгамъ любви [154]).

Третьимъ писателемъ, который пользовался покровительствомъ графа Безбородки, былъ И. И. Хемницеръ, нашъ первый, въ европейскомъ смыслѣ, даровитый баснописецъ, предшественникъ геніальнаго Крылова, сынъ Петербургскаго врача, выѣхавшаго изъ Саксоніи. Онъ служилъ сначала въ военномъ, потомъ въ горномъ и наконецъ въ иностранномъ вѣдомствѣ. Какъ баснописецъ, сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ своей смерти. И онъ попалъ подъ покровительство Безбородки чрезъ Львова; а съ Львовымъ Хемницера сблизило сходство занятій. Львовъ, при содѣйствіи княгини Дашковой, доставилъ Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ, такъ какъ ему „очень легко было заинтересовать“ въ пользу Хемницера графа Безбородку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Львову Хемницеръ обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Вотъ къ Петру Васильевичу [Бакунину], да и къ Александру Андреевичу пишучи, можетъ быть, и вздумаю пошутить, или, лучше сказать, буду писать, какъ думаю. Петръ Васильевичъ тебя одного знаетъ коротко; а что тебя коротко знаетъ, мнѣ и легче“. Кромѣ того, въ своихъ письмахъ къ Львову Хемницеръ нерѣдко выражалъ радость по тому поводу, что Безбородко и Бакунинъ „благосклонно“ принимаютъ его донесенія и письма, и нерѣдко просилъ Львова, въ трудныхъ служебныхъ обстоятельствахъ, обращаться за совѣтомъ къ Безбородкѣ и Бакунину. Разъ даже генеральный консулъ-баснописецъ прислалъ Безбородкѣ въ подарокъ „боченокъ Смирнскаго мушкату“. Но недолго пользовался покровительствомъ Безбородки И. И. Хемницеръ, этотъ „добровольный изгнанникъ“: онъ скончался въ мартѣ 1784-го года, сорока лѣтъ отъ роду [155]).

Въ 1782-мъ году, находясь въ Петербургѣ, поступилъ на службу подъ начальство самого Безбородки, можетъ быть, при посредствѣ же Львова, и Василій Васильевичъ Капнистъ, авторъ знаменитой въ свое время комедіи „Ябеда“. Онъ былъ опредѣленъ на должность контролера по почтовому вѣдомству [156]). Въ послѣдствіи, въ 1786-мъ году, онъ занималъ должность губернскаго предводителя Кіевскаго намѣстничества, а въ 1788-мъ году, при посредствѣ графа Безбородки, представилъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ было говорено, „Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ“.

Есть свидѣтельство, что графъ Безбородко привлекалъ къ себѣ и Якова Борисовича Княжнина, но Княжнинъ отказался „отъ всѣхъ лест-

ныхъ предложеній Безбородки“ и не измѣнилъ своему другу и благодѣтелю Бецкому [157]).

Нашелся документъ, который даетъ основаніе предполагать, что графъ Безбородко ходатайствовалъ у Екатерины II и за автора „Недоросля“. Мы разумѣемъ написанный рукою Безбородки рескриптъ, данный на имя Безбородки-же и касающійся Д. И. Фонъ-Визина [158]), по назначенію ему пенсіи.

Извѣстный Новиковъ, Николай Ивановичъ, въ своихъ „крайнихъ обстоятельствахъ“, въ 1786-мъ году, когда была запечатана книжная лавка его, нашелъ болѣе вѣрнымъ обратиться къ Безбородкѣ и просить его письменно о „покровительствѣ и заступленіи“. Ходатайство сильнаго вельможи не осталось неудовлетвореннымъ. Чрезъ двѣ недѣли по отправкѣ письма, Екатерина приказала Брюсу дозволить снова продажу книгъ Новикову, за исключеніемъ только 6-ти изданій [159]).

Но особенно интересны отношенія Безбородки къ Радищеву и къ Мартинистамъ.

Когда во Франціи открылась революція, Екатерина II начала самымъ пристальнымъ образомъ всматриваться въ событія Франціи и въ отношенія къ этимъ событіямъ своихъ подданныхъ. Между прочимъ, получивъ отъ нашего министра въ Парижѣ, Ивана Матвѣевича Симолина, депешу отъ 16 [27]-го іюля 1790 года, она отправила ее Безбородкѣ съ такою собственноручною запискою: „Читая вчерашнія реляціи Симолина, изъ Парижа полученныя чрезъ Вѣну, о Россійскихъ подданныхъ, за нужное нахожу сказать, чтобъ оныя непремѣнно читаны были въ Совѣтѣ сегодня [26-го августа], и чтобъ генералу [Якову Александровичу] Брюсу поручено было сказать графу Строгонову, что учитель его сына, Ромъ, сего человѣка молодаго, ему порученнаго, водитъ въ клубъ Жакобеновъ и пропаганды, учрежденный для взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей; и чтобъ онъ, Строгоновъ, сына своего изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободилъ: ибо онъ, графъ Брюсъ, того Рома въ Петербургъ не впуститъ. Положите сей листъ къ реляціи Симолина, дабы вѣдали въ Совѣтѣ мое мнѣніе“.

Слѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что молодыхъ людей изъ Академіи Художествъ стали посылать для усовершенствованія не въ Парижъ, а въ „Италію или другія мѣста“ [160]), какъ постановилъ Совѣтъ.

Тревога, произведенная въ государынѣ извѣстіями изъ за-границы, по всей вѣроятности, имѣла сильное вліяніе на крутой исходъ возникшаго въ это время дѣла о Радищевѣ. Въ письмахъ графа Безбородки къ графу А. Р. Воронцову и къ правителю канцеляріи князя Потемкина,

В. С. Попову, сохранился взглядъ на Радищева и его книгу, принадлежавшій Безбородкѣ. Къ первому, какъ покровителю Радищева, Безбородко, въ одинъ день, 27-го іюня 1790 года, послалъ три письма, которыя рисуютъ тревогу государыни по поводу сочиненія Радищева. Первое и послѣднее письма Безбородко писалъ по повелѣнію императрицы Екатерины II. „Ея императорское величество,—читаемъ въ первомъ изъ этихъ писемъ, — свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ, подъ заглавіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, оную читать изволила и, нашедъ ее наполненную разными дерзостными израженіями, влекущими за собою развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ, достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ; почему, прежде формальнаго о томъ слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ вы, милостивый государь мой, призвали предъ себя помянутаго г. Радищева и, сказавъ ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его, вопросили его: онъ ли сочинитель или участникъ въ составленіи сея книги, кто ему въ томъ способствовалъ, гдѣ онъ ее печаталъ, есть ли у него домовая типографія, была ли та книга представлена на цензуру Управы Благочинія, или же напечатанное въ концѣ книги съ дозволенія Управы Благочинія есть несправедливо; при чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, естьли при упорномъ несправедливо отрицаніи дѣло слѣдствіемъ откроется. Ея величество будетъ ожидать, что онъ покажетъ“. Въ другомъ письмѣ, на адресѣ котораго графъ Безбородко написалъ „въ собственныя руки“, писалъ онъ: „Я весьма сожалѣю, что на ваше сіятельство столь непріятная налагается коммисія. По слѣдствію, порученному оберъ-полицiймейстеру, а болѣе, думаю, по слухамъ, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги господа Радищевъ и Челищевъ, и что ее печатали въ домовой типографіи того или другаго изъ нихъ. Дѣло сіе весьма въ дурномъ положеніи. Хотя ея величество, узнавъ имя перваго, кажется, болѣе расположена умягчить свое негодованіе; но все, впрочемъ, не лучшій конецъ оно имѣть можетъ. Сіе пишу единствено для васъ“. Третьей записочкой, на адресѣ которой написано: „нужное“, графъ Безбородко извѣщалъ: „Спѣшу предувѣдомить ваше сіятельство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали, для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ“ [161]). Въ письмѣ къ Попову графъ Безбородко выразился о Радищевѣ такъ: „Здѣсь по Уголовной Палатѣ произво-

дится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, не смотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу **Путешествіе изъ Петербурга въ Москву**, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго и, наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ [оберъ-полицимейстеръ въ С.-Петербургѣ] цензировалъ сію книгу, не читавъ, а, удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ" [162]). Но когда Безбородко, 11-го августа, подносилъ государынѣ сенатскій докладъ, по дѣлу Радищева, надо думать, что онъ старался смягчить вину подсудимаго. Къ этому убѣжденію приводитъ то обстоятельство, что Екатерина II не рѣшилась сама утвердить доклада, а поручила Безбородкѣ разсмотрѣть его въ Совѣтѣ и сказала: „Дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю" [163]). 19-го августа, Безбородко, докладывая Совѣту сенатскій докладъ, предъявилъ отъ себя, помѣченную имъ 12-го августа, записку слѣдующаго содержанія: „Ея императорское величество высочайше указать изволила поданный отъ Правительствующаго Сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить Совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился, при чемъ объявить, что ея величество презираетъ все, чтò въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея величества сказано" [164]).

Совѣтъ, подобно Сенату, присудилъ Радищева къ смертной казни; но государыня смягчила наказаніе, приговоривъ Радищева къ ссылкѣ въ Илимскій острогъ [165]), гдѣ онъ прожилъ до кончины Екатерины. Сынъ Радищева свидѣтельствуетъ, что Безбородко ходатайствовалъ о помилованіи отца у императора Павла [166]).

Назвавъ Радищева за его книгу „Мартинистомъ", Екатерина II показала, что она признаетъ „Мартинистовъ" вредными членами государства. Главнымъ притономъ для тогдашнихъ Русскихъ Мартинистовъ была Москва. Между тамошними Мартинистами составилось убѣжденіе, что, въ

началѣ 1791-го года, императрица посылала Безбородку въ Москву разслѣдовать ихъ ученіе и поступки. Такъ И. В. Лопухинъ разсказываетъ, что князь Безбородко, бывшій тогда графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву съ Н. П. Архаровымъ для того, чтобы произвести слѣдствіе надъ Мартинистами, съ секретнымъ указомъ о томъ къ князю Прозоровскому, какъ главнокомандующему въ Москвѣ. Государыня, будто бы, предоставила графу Безбородкѣ право, освѣдомившись о положеніи дѣлъ на мѣстѣ, объявить этотъ указъ формально главнокомандующему, или привезти его къ ней обратно, судя по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію графа. Безбородко прожилъ въ Москвѣ недѣли три и не далъ хода указу, какъ по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ, такъ и по врожденному мягкосердечію, къ крайнему неудовольствію князя Прозоровскаго [167]).

Въ концѣ того же 1791 года, именно 15-го ноября, графъ Безбородко писалъ князю Прозоровскому о Новиковѣ и вообще о Мартинистахъ слѣдующее: „Все, что̀ ваше сіятельство писать изволите по извѣстной матеріи, я представлялъ государынѣ, и ея величество апробуетъ вашу осторожность. Мы употребимъ всѣ способы къ открытію путей, коими переписка сихъ, не знаю, опасныхъ-ли, но скучныхъ, ханжей производится; да и ничего не упустимъ, что̀ сколько можетъ быть нужно къ уничтоженію сея шалости, поколику только удобно согласить съ вольностью и безопасностью, закономъ даруемою. Ея величество считаетъ, что ваше сіятельство хорошо бы сдѣлали, если бы послали кого подъ рукою навѣдаться у Новикова въ деревнѣ, что̀ за строенія, что̀ за заведенія и что̀ за образъ жизни и упражненія? Все, что у насъ объяснится, я вамъ донесу, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію“ [168]).

Всего болѣе вредили Московскимъ Мартинистамъ, въ глазахъ императрицы, ихъ сношенія съ наслѣдникомъ престола, Павломъ Петровичемъ, который терпѣлъ большія непріятности при дворѣ и жилъ почти постоянно и уединенно въ Гатчинѣ. Естественно, поэтому, заключить, что императрица зорко слѣдила за дѣйствіями Московскихъ Мартинистовъ. Извѣстно, что еще въ 1785-мъ году, архіепископу Московскому Платону предписано было произвести цензуру книгамъ, которыя напечатаны и изданы Новиковымъ, и его самаго испытать въ исповѣданіи вѣры. Чѣмъ далѣе, тѣмъ предубѣжденія противъ Мартинистовъ росли болѣе, такъ что императрица стала считать ихъ способными на все худое, и мы уже знаемъ, какъ о Радищевѣ она съ сердцемъ говорила, что онъ „Мартинистъ и бунтовщикъ, хуже Пугачева“. Можемъ къ этому прибавить, что Новикова она называла „Мартинистомъ хуже Радищева“.

Къ изложеннымъ обстоятельствамъ Мартинисты и пріурочивали умышленную, но замаскированную поѣздку Безбородки съ Архаровымъ въ Москву, а его бездѣятельность по обнаруженію Мартинистскихъ порядковъ объясняли предусмотрительностію и личными убѣжденіями графа: въ Мартинизмѣ былъ замѣшанъ наслѣдникъ престола, и производить слѣдствіе надъ Мартинистами значило со стороны Безбородки возбуждать противъ себя Павла Петровича и рисковать своею дальнѣйшею карьерою. Кромѣ того, Безбородко самъ говоритъ, что не раздѣлялъ строгихъ мѣръ правительства противъ Мартинистовъ и дѣло это считалъ несоотвѣтствующимъ славѣ императрицы. Вслѣдствіе этого, будто Безбородко, во время своего пребыванія въ Москвѣ, ни къ чему не приступалъ и не отдалъ князю Прозоровскому врученнаго ему высочайшаго указа [169]). Обезпечивъ такъ удачно свои отношенія къ наслѣднику престола, Безбородко, само собою разумѣется, долженъ былъ заручиться и достаточнымъ основаніемъ своей бездѣятельности въ Москвѣ для успокоенія императрицы. Для этого, будто бы, онъ пустилъ въ оборотъ ходившій по Москвѣ слухъ, что И. В. Лопухинъ, во время перемѣщенія изъ одной квартиры въ другую, сжегъ свои лишнія и ненужныя бумаги [170]). Онъ именно, будто бы, представилъ императрицѣ, что указаннымъ истребленіемъ бумагъ скрыты всѣ слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію Мартинистскаго дѣла.

Нельзя не согласиться, что еслибы дѣйствительно Безбородкѣ было дано настоящее, оффиціальное порученіе разслѣдовать Мартинизмъ, то приведенный слухъ не могъ быть не только уважительнымъ, но и благовиднымъ предлогомъ къ уклоненію отъ исполнительности, какъ въ глазахъ императрицы, такъ и въ глазахъ Безбородки, даже въ глазахъ всякаго посторонняго служащаго лица.

Гельбихъ, въ своихъ депешахъ, указываетъ другую цѣль поѣздки графа Безбородки въ Москву. „Проживавшій въ Москвѣ,—пишетъ онъ,—графъ Алексѣй Орловъ изъ за чего-то поссорился съ княземъ Прозоровскимъ и едва не поколотилъ его палкой. Узнавъ объ этомъ, императрица послала Орлову выговоръ, но въ отвѣтъ на свой выговоръ получила отъ Орлова странное письмо. Онъ, будто бы, напоминалъ государынѣ о событіяхъ 1762-го года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ думалъ найти въ ней только опекуншу ея сына. Такой тонъ, будто бы, встревожилъ императрицу, и она отправила въ Москву графа Безбородку, чтобы успокоить Орлова и, кромѣ того, поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россію, обойтись съ Орловымъ самымъ друже-

скимъ образомъ. Оба они успѣшно исполнили порученія, и графъ Орловъ, по прежнему, сталъ показывать преданность императрицѣ“ [171]).

Въ письмѣ къ племяннику своему Г. А. Милорадовичу, отъ 25-го сентября 1790 года, слѣдовательно за три мѣсяца до своего отъѣзда въ Москву, графъ Безбородко говоритъ: „Долго я сбирался сдѣлать походъ въ Москву покурьерски; но ожиданіе Василія Степановича Попова съ обстоятельною реляціею объ Измаилѣ меня удерживало. Теперь жду его съ минуты на минуту, а между тѣмъ имѣю уже дозволеніе ея величества, учиня отвѣты на бумаги, кои онъ привезетъ, слетать на двѣ недѣли въ древнюю столицу, гдѣ я себѣ на старости уготовляю преогромный и превыгодный домъ. Вояжъ мой будетъ весной. Генералъ [Василій Ивановичъ] Левашевъ, мой добрый сосѣдъ и старинный пріятель и камарадъ, Осипъ Степановичъ [Судіенко], Николай Матвѣевичъ Карадыкинъ и Кокушкинъ со мною скачутъ на крыльяхъ вѣтренныхъ, такъ что меньше 3-хъ дней мы доѣдемъ. Къ 15-му февраля надѣюся возвратиться въ Петербургъ“ [172]). Туже мысль графъ Безбородко высказалъ и въ письмѣ къ матери, отъ 25-го января 1791 года: „Для отдохновенія моего отъ бремени трудовъ и чтобы хотя нѣсколько собраться съ силами на хлопоты, которые обыкновенно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій весною сопряжены, выпросилъ я у государыни дозволеніе съѣздить на двѣ недѣли въ Москву. Я надѣюся возвратиться въ Петербургъ къ 15-му февраля непремѣнно“ [173]).

Въ Москвѣ графъ Безбородко пробылъ, дѣйствительно, не больше двухъ недѣль и вынесъ изъ нея пріятныя воспоминанія. Древняя столица приняла его „ласково“, о чемъ онъ, 8-го февраля 1791 года, писалъ Г. А. Милорадовичу: „Уже съ недѣлю какъ я здѣсь отдыхаю, а послѣ завтра и паки на работу возвращаюсь въ Петербургъ. Я еще не помню, когда такъ спокойно и весело прожилъ, какъ сіи короткіе дни. Публика здѣшняя меня приняла ласково. Всѣ лучшіе дали для меня званые обѣды, а графъ Кирила Григорьевичъ [Разумовскій]—нарядный балъ. Въ дворянскомъ клубѣ было собраніе до двухъ тысячъ обоего пола особъ. Дѣла свои по дому и деревнямъ учредилъ и теперь ѣду мира дожидаться въ депешахъ Петербургскихъ и Цареградскихъ“ [174]).

Если сопоставить отзывы въ собственныхъ письмахъ Безбородки съ разсказами Лопухина и Гельбиха, то само собою устраняется документальный поводъ признать эти разсказы справедливыми. Оффиціальные источники обязываютъ придать имъ только условное значеніе—отголосковъ молвы. Бумаги, хранящіяся въ государственныхъ архивахъ, не представляютъ никакихъ указаній, которыми бы росказни Лопухина и

Гельбиха подтверждались. Единственный документъ, найденный мною по разсматриваемому предмету, есть отпускъ, данный изъ канцеляріи графа Безбородки Николаю Петровичу Архарову; но и этотъ отпускъ свидѣтельствуетъ, что и Архаровъ ѣздилъ въ Москву „по собственному желанію и домашнимъ нуждамъ" [175]), а не по порученію императрицы. Разумѣется, естественно допустить, что императрица, въ разговорахъ съ графомъ Безбородкою, а равно и съ Архаровымъ, какъ съ людьми довѣренными, по поводу предпринимаемой ими поѣздки въ Москву, могла коснуться Мартинистовъ, могла даже поручить имъ приглядѣться къ Мартинистамъ и прислушаться къ толкамъ о нихъ; но это была уже побочная цѣль поѣздки, а не главная. Естественно также допустить, что молва объясняла поѣздку довѣренныхъ лицъ императрицы изъ сѣверной столицы въ первопрестольную исключительно побужденіями, близкими къ интересамъ общественныхъ кружковъ, изъ которыхъ молва выходила: Лопухинъ объяснялъ поѣздку дѣлами Мартинизма, Гельбихъ вспышкою графа Алексѣя Орлова. Всѣ эти соображенія позволяютъ заключать, что графъ Безбородко ѣздилъ въ Москву не съ цѣлію преслѣдовать Мартинистовъ, а главнымъ образомъ „для отдохновенія и для устройства своего дома", пожалованнаго ему въ 1787-мъ году императрицею. Затѣмъ, остается допустить, что графъ Безбородко покровительствовалъ и Мартинистамъ, или, вѣрнѣе сказать, Масонамъ, такъ какъ если бы этого покровительства не было, то при взглядѣ на нихъ Екатерины II и особенно при отношеніи къ нимъ князя Прозоровскаго, онъ, графъ Безбородко, непремѣнно причинилъ бы имъ много вреда собственнымъ своимъ вліяніемъ; и съ другой стороны, въ случаѣ противномъ, онъ не заслужилъ бы вышеприведенныхъ упрековъ со стороны князя Прозоровскаго въ сочувствіи Мартинистамъ, въ мягкосердечіи къ нимъ. О Прозоровскомъ Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ" замѣчаетъ, что онъ „отмѣнный былъ неохотникъ до морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками" [176]).

Графъ Безбородко умѣлъ и любилъ оказывать добро и защиту не только Русской наукѣ и литературѣ своего времени въ частномъ смыслѣ, но и вообще Русскому просвѣщенію; и при томъ даже и тѣмъ Русскимъ людямъ, которые искали знанія и истины въ обрядахъ и дѣйствіяхъ выработанныхъ тогдашнимъ Масонствомъ.

Уваженіе, какое графъ Безбородко оказывалъ наукѣ и литературѣ, поспѣшность, съ какою онъ готовъ былъ сдѣлать добро писателю, были извѣстны всѣмъ, кто только зналъ Безбородку не по слуху. Люди, стѣснявшіеся прямо обратиться къ Безбородкѣ, являлись къ нему съ

стихотворенiемъ и были къ нему допускаемы, находили дверь къ нему „отверсту". Въ сборникѣ рукописныхъ и печатныхъ статей, принадлежавшемъ библiотекѣ Д. П. Трощинскаго и купленномъ мною у Кiевскаго книгопродавца Е. Я. Өедорова, есть рукописная: „Ода его сiятельству, высокопочтеннѣйшему г. тайному совѣтнику, Римской имперiи графу, и кавалеру Александру Андреевичу Безбородкѣ, на всерадоснѣйшее сего достоинства пожалованiе, всеусерднѣйше поднесенная и посвященная бывшимъ камеръ-шталмейстерской конторы регистраторомъ Михайломъ Михайловымъ". Восхваливъ въ одѣ героя графа и даже пожаловавъ ему, въ послѣдней строфѣ „вѣчнаго блаженства за добродѣтель", авторъ, въ заключенiи, проситъ прощенiя за „третичное дерзновенiе", но „чаетъ быть обрадованнымъ" графомъ Безбородкою, „колико днесь несчастенъ", и приводитъ Бога въ свидѣтели, что онъ не забылъ своего благодѣтеля. Такимъ образомъ, авторъ самъ объяснилъ, что онъ—отставной чиновникъ, уже два раза пользовавшiйся милостями графа Безбородки и теперь, съ одою на полученiе Безбородкою графскаго достоинства, являющiйся къ своему благодѣтелю за третьею милостiю [177]).

Есть документы, правда, съ сильнымъ панегиристическимъ оттѣнкомъ, свойственнымъ духу того времени, которые свидѣтельствуютъ, что Безбородко оказывалъ вниманiе и школьному образованiю въ отечествѣ.

Въ 1786-мъ году, въ журналѣ „Растущiй Виноградъ" [178]), напечатаны два стихотворенiя, обращенныя къ Безбородкѣ. Авторомъ этихъ стихотворенiй былъ студентъ главнаго народнаго училища, А. Фiалковскiй. Онъ восхваляетъ Безбородку, какъ министра, который желаетъ блаженства своему отечеству, оказываетъ добро ближнимъ, внимателенъ къ ихъ просьбамъ и нуждамъ и не скрываетъ этихъ просьбъ и нуждъ предъ государыней; самъ свято храня законъ, строго преслѣдуетъ нарушителей его и притѣснителей народа, любитъ науки, видитъ въ нихъ пользу и старается распространить ихъ между народомъ. Первое изъ стихотворенiй Фiалковскаго озаглавлено: „Письмо его сiятельству, тайному совѣтнику, графу Александру Андреевичу Безбородку, отъ главнаго народнаго училища", коимъ завѣдывалъ другъ его графъ П. В. Завадовскiй.

Въ томъ, Безбородко, нѣтъ отечеству блаженства,
Нѣтъ сладкой тишины, порядка, благоденства,
Гдѣ мы премудраго правленiя не зримъ,
Гдѣ всякiй вслѣдъ течетъ желанiямъ своимъ,
Гдѣ отъ монаршаго народъ не видитъ трона

Такого, какъ у насъ, премудраго закона;
Гдѣ точно не хранятъ благихъ царевыхъ словъ,
Гдѣ правды нѣтъ въ властяхъ и вѣрности слѣдовъ,
И гдѣ министръ, взойдя на верхъ высокой чести,
Въ себѣ скрываетъ ядъ подъ видомъ сладкой лести,
О благѣ общества усердно не радитъ,
На низки званія надменнымъ окомъ зритъ,
Слезамъ вдовицъ, сиротъ нимало не внимаетъ,
Подъ игомъ золъ страдать невинныхъ оставляетъ;
Имѣя способы другимъ благотворить,
Не хочетъ къ счастію имъ двери отворить.
Но ты противное въ дѣлахъ своихъ являешь:
Блаженства своему отечеству желаешь,
Достоинства твои и честь за средства чтишь,
Чрезъ кои ты другимъ добро всегда творишь;
Къ прошеніямъ другихъ весь слухъ свой преклоняешь
И скоро оныя царицѣ предлагаешь;
Законъ ея хранишь и служишь правдой ей,
Не хочешь утаить по совѣсти своей,
Кто сильною рукой безсильныхъ угнетаетъ
И общій тѣмъ союзъ блаженства разрываетъ;
О благѣ общества чрезъ дни и ночи бдишь.
О внутреннемъ людей устройствѣ такъ ты мнишь:
Гдѣ свой министры долгъ въ забавахъ забываютъ,
Но только лишь царя изъ лести окружаютъ,
Несчастенъ тамъ народъ, хотя онъ тишиной
Снаружи огражденъ, какъ твердою стѣной.
Подобенъ онъ тогда такому точно граду,
Который съ внѣшняго красивымъ зрится взгляду,
Снаружи только твердъ, стѣнами окруженъ,
Внутри безсиленъ, слабъ, въ ровъ бѣдства погруженъ.
Такое мнѣніе дѣла твои являютъ,
Что мудраго въ тебѣ министра представляютъ.
Когда жъ желаетъ всѣмъ твой духъ благотворить,
То къ Музамъ можешь-ли неблагосклоннымъ быть?
Науки любишь ты, въ нихъ пользу созерцаешь,
Колико Россамъ знать ихъ нужно, самъ внимаешь.
Къ чему Монархиня ихъ тщится расширить
И подданныхъ умы желаетъ просвѣтить,
Тебѣ извѣстно все, и понимаешь ясно:
То ты ли не горишь желаньемъ, чтобъ прекрасно
Растущій Виноградъ съ успѣхомъ процвѣталъ

И Россовъ доброю надеждою питалъ?
Желаешь ты сего. Не презри же прошенья:
Простри на нашихъ Музъ свой взоръ благоволенья;
Онѣ желаютъ всѣ, чтобъ слухъ свой преклонилъ
И съ Завадовскимъ ты ихъ меценатомъ былъ.

Другре стихотвореніе Фіалковскаго, озаглавлено: „Эпистола его сіятельству, графу Александру Андреевичу Безбородку“.

Министръ, котораго велики дарованья
Достойнымъ сдѣлали Монархини избранья,
Ты, коего дѣлъ цѣль—блаженство Россіянъ,
Спокойство селъ, градовъ и счастіе граждан
Екатерининыхъ законовъ изъяснитель,
О Безбородко! дней златыхъ въ Россіи блюститель,
Текущихъ изо устъ богини Росскихъ странъ,
Позволь рещи къ тебѣ устами Россіянъ
Герои коль за то бываютъ хвалъ достойны,
Что дѣлаютъ они предѣлы царствъ спокойны:
То меньше-ли министръ достоинъ быть хвалимъ,
Что внутренній покой бываетъ имъ хранимъ?
Что онъ, посредствуя межъ истины и трона,
Въ счасливыхъ держитъ всѣхъ объятіяхъ закона,
И собственныя всѣхъ права блюдя равно,
Имѣя въ мысляхъ лишь спокойствіе одно,
Заслуги подданныхъ Монарху представляетъ
И со погрѣшностьми преступки раздѣляетъ,
Совѣтами одни искореняетъ онъ,
Имъ подвергаются другіе подъ законъ:
Но больше истребить ихъ изъ сердецъ желаетъ,
Художества когда, науки ободряетъ,
Державъ которы суть богатство, сила честь.
Но истина гласитъ святая, а не лесть
Россіяне, тобой довольные, вѣщаютъ,
О Безбородко, то, они что ощушаютъ,
Что съ трона сводишь ты на нихъ златые дни,
Предстательствомъ твоимъ, что счастливы они.
Ихъ разными ведешь къ блаженству ты путями,
Блюдешь спокойство ихъ, не дорожа трудами.
Намѣреній и словъ монархиныхъ предметъ
Ненарушимъ всегда въ умѣ твоемъ живетъ
Рекла: да будутъ всѣ счастливы человѣки!

Съ словами оными лились златыя рѣки.
Неизсыхаемы теперь уже они,
Текущи твоего министерства во дни.
Кѣмъ могутъ лучше быть науки ободренны,
Чьимъ покровительствомъ быть могутъ возвышенны,
Какъ не любезнѣйшимъ въ Россіи министромъ тѣмъ,
Кой любитъ и любить совѣтуетъ ихъ всѣмъ?
Питомцамъ же наукъ, о графъ, ты—ободренье;
Во мзду за то тебѣ приносятъ прославленье.
Сколь долженъ счастливъ быть блаженный тотъ народъ,
Предстательствъ кой твоихъ о немъ вкушаетъ плодъ!
Вотъ чувствія, о графъ, Россіянъ о тебѣ;
Они благодарятъ и небу и судьбѣ,
Что покровителемъ тебя своимъ имѣютъ
И молятъ небеса, да дни твои продлѣютъ. [179])

Приведенныя стихотворенія, правда, не талантливы, но основная мысль ихъ, что Безбородко любитъ науки и всѣмъ совѣтуетъ любить ихъ, одобряетъ ихъ и благотворитъ имъ,—эта мысль проникаетъ въ нихъ такъ искренне, что нельзя не согласиться съ авторомъ, что его устами „истина гласитъ святая, а не лесть".

Подобнымъ характеромъ отличается и стихотвореніе, поднесенное Безбородкѣ Козьмою Дараганомъ, вѣроятно, также студентомъ главнаго народнаго училища [180]).

Въ письмѣ, при которомъ представлено графу стихотвореніе или точнѣе, ода, авторъ указываетъ, какъ на общественный фактъ, что Безбородко „принимаетъ всякаго съ отмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ, а особливо любителей ученія". Затѣмъ, въ одѣ Дараганъ посвящаетъ изображенію Безбородки 21-ну строфу, изъ которыхъ 15-ть таковы:

Въ слѣдъ подвигамъ монаршимъ славнымъ
Ты первый Безбородко течешь,
Почетный именемъ, избранный
Едино правило блюдешь.
Чтобъ бѣднымъ счастіе доставить,
Блаженство дать и въ нихъ возстановить
Науки, тишину, покой.
Для благодѣнственной судьбины,
Обходишь неудобствъ стремнины,
Водя своею ихъ рукой... [181])

Сохранилось еще стихотвореніе, посвященное Безбородкѣ тогдашними кадетами артиллерійскаго и инженернаго корпуса и, вѣроятно, поднесенное ему „лѣтомъ 1791 года, предъ выступленіемъ кадетъ ихъ лагеря, когда князь Потемкинъ дѣлалъ имъ смотръ, кончившійся великолѣпнымъ праздникомъ“. Безбородко, по словамъ автора „Историческаго обозрѣнія 2-го кадетскаго корпуса“, и всегда оказывалъ корпусу свое покровительство и ходатайствовалъ у престола о нуждахъ его; онъ ежегодно присутствовалъ при кадетскихъ смотрахъ и, кромѣ того, нерѣдко посѣщалъ корпусъ. По его именно ходатайству, въ 1787 году, пожаловано было кадетамъ, выпущеннымъ въ армію офицерами, на обмундировку по 100 рублей каждому изъ Кабинета“, а въ 1791 году, чрезъ его же посредство были утверждены новые штаты корпуса и отпущены значительныя суммы на построеніе новаго каменнаго зданія для него, доселѣ существующаго на Петербургской сторонѣ [182]).

Вѣроятно, въ благодарность за попеченія его о корпусѣ ему и было поднесено стихотвореніе, на поднесенномъ экземплярѣ котораго, принадлежащемъ П. А. Ефремову, находится такое посвященіе: „Его сіятельству, графу Александру Андреевичу Безбородкѣ отъ кадетъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса усерднѣйшее приношеніе“:

Пермескимъ жаромъ напоенный
Въ восторгѣ духъ на Пиндъ летитъ,
Сердечнымъ чувствіемъ возженный
Велика мужа пѣть спѣшитъ.
Но что въ сей часъ мой духъ дерзаетъ?
Воспѣть его онъ уповаетъ?
Но слабый умъ мой то забылъ,
Чтобъ превосходное представить,
Чтобъ имя съ честію прославить,
Потребно больше смертныхъ силъ.

О дерзскій умъ самолюбивый!
Ещель намѣренъ пѣть теперь?
Оставь, піита горделивый,
Оставь, ты слабъ къ тому, повѣрь:
Ты тщетно здѣсь предпринимаешь
Или еще досель не знаешь,
Сколь графъ въ дѣлахъ своихъ великъ?
И безъ тебя предъ свѣтлымъ трономъ
Соборъ сестеръ предъ Аполлономъ
Поетъ его парнасскій ликъ.

Иль думаешь ты съ нимъ сравниться?
Или возмнилъ, что превзойдешь?
Колеблешся остановиться
Дерзай, спѣши и упадешь.
Но что за шумъ мой слухъ пронзаетъ!
Не Пиндъ ли самъ мя подвизаетъ
Ко предпріятію сему!
Ужель разрушены препоны!
Се, слышу я парнасски тоны,
Се—путь успѣху моему.

Но нѣтъ, изчезло все мечтанье:
Не слышу пѣнья музъ сей часъ.
Едино слышу восклицанье,
Единый слышу смертныхъ гласъ.
Стократно всюду раздается,
Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ несется
И слабый духъ смущаетъ мой.
«Оставь свои безплодны мысли,
«Ты графа пѣть безъ насъ не числи,
«Оставь сей замыселъ пустой.

«Не нужны здѣсь парнасски боги,
«Не нуженъ самый Аполлонъ:
«Иной ты не найдешь дороги,
«Въ сердцахъ у насъ для графа тронъ.
«Они ему на вѣкъ подвластны:
«Они не льстивы, безпристрастны,
«И ими истина речетъ.
«Ты силы пѣть не обрѣтаешь!
«Проникни въ нихъ, и ты познаешь,
«Что благодарность насъ влечетъ.

«Мы ею графа прославляемъ,
«Питаемъ ею мы сердца,
«Всякъ часъ ее возобновляемъ
«И графа чтимъ мы, какъ отца.
«Огни, искуствомъ обрѣтенны,
«Изобразя сердца возженны,
«Приносимъ знакомъ мы любви.

«Ахъ, если можешь ты сильнѣе
«Здѣсь изъяснить въ словахъ яснѣе,
«Что чувствуемъ: въ сей часъ яви.

«Ахъ, нѣтъ, не смертному удобно
«Всѣ наши мысли показать,
«О нашихъ чувствіяхъ подробно
«Знать свѣту можетъ-ли кто дать?
«То Богъ лишь намъ предоставляетъ,
«И доказать повелѣваетъ
«Единымъ только намъ самимъ.
«Любовь къ отечеству безмѣрну,
«Явимъ мы ревность безпримѣрну
«И тѣмъ лишь графу воздадимъ.

«Но мы, конечно, въ томъ успѣемъ,
«Успѣемъ вѣрно безъ труда:
«Его въ глазахъ своихъ имѣемъ
«Тому примѣромъ навсегда.
«Пространный міръ тому свидѣтель,
«Что нашъ прямой онъ благодѣтель,
«И нами онъ превознесенъ.
«Доколѣ свѣтъ мы видѣть будемъ
«Конечно графа не забудемъ
«Въ сердцахъ на вѣкъ онъ впечатлѣнъ.

На особомъ листѣ къ стихотворенію приложено изображеніе фейерверка, сожженнаго кадетами въ честь графа Безбородки, какъ на это указываютъ слова стихотворенія:

Огни искуствомъ обрѣтенны,
Изобразя сердца возженны,
Приносимъ знакомъ мы любви.

Фейерверочное изображеніе при стихотвореніи представляетъ павильонъ, окруженный деревьями и зеленью: вверху подъ крышею, помѣщенъ вензель императрицы Екатерины II тогдашней формы, а въ самой срединѣ, подъ графскою короною, сдѣлана надпись C A B, т. е. Comte Alexander Besborodko [183]).

Кадетское стихотвореніе отзывается свѣжею, юношескою, почти дѣтскою работою того времени: взрослая рука прошла по нему едва замѣтно. Но все оно проникнуто горячею благодарностію къ графу,

соединенною съ восторженнымъ благоговѣніемъ. „Навѣкъ подвластныя, нельстивыя и безпристрастныя сердца" кадетовъ устами автора-товарища говорятъ о Безбородкѣ:

Пространный міръ тому свидѣтель,
Что намъ прямой онъ благодѣтель.

Нашлось указаніе, что графъ Безбородко и самъ писалъ стихи. Въ архивѣ князя П. П. Вяземскаго хранится „Епиграмма сочинителю исторіи Петра Великаго Ивану Ивановичу Голикову", будто бы, написанная графомъ Безбородкою. Копія съ епиграммы передана мнѣ съ обязательнымъ дозволеніемъ князя Павла Петровича напечатать ее.

Воспитанникъ дьяковъ, безграмотный творецъ!
Скажи чьей властію [ты] сдѣлался писецъ,
Когда вскарапкался на трудную столь гору?
Иль Марко умнаго бывъ непричастенъ вздору.
Свершилъ желаніе отечества сыновъ
Тѣмъ Голиковъ къ нему открылъ свою любовь.
Великаго Петра дѣянія чудесны
Труды, старанія столь были намъ полезны
Явилъ трудами ты толико многихъ лѣтъ.
Творенію его давно дивится свѣтъ!
Но кто жъ достойно то изобразить потщился?
Судьбой былъ избранъ ты—съ усердіемъ стремился.
Покрывъ лѣнящихся ученыхъ всѣхъ стыдомъ
Безсмертія достигъ всехвальнымъ столь трудомъ.

Подъ епиграммой подписаны буквы: „Г. Б.", которыя переписчикъ стиховъ объясняетъ титуломъ и фамиліею Безбородки, т. е. „Графъ Безбородко". Въ низу же стиховъ помѣта: „Копія съ печатной".

Кромѣ приведенныхъ стихотвореній существуетъ также нѣсколько изданій, посвященныхъ графу Александру Андреевичу Безбородкѣ. Изъ нихъ мнѣ извѣстны слѣдущія:

1, Манжурскаго и Китайскаго Хана-Шунь-Джія книга нужнѣйшихъ разсужденій, ко благополучію поощряющихъ. Съ Манжурскаго переведена Алексѣемъ Агафоновымъ. Санктпетербургъ, 1788 года, въ 1/8 долю листа, 48 страницъ.

На второмъ листѣ посвященіе графу Безбородѣ, въ письмѣ къ которому переводчикъ выразилъ причину посвященія въ такихъ выраженіяхъ: „Высокія вашего сіятельства добродѣтели возжигаютъ и умножаютъ такой въ сердцѣ моемъ пламень, каковымъ всегда воспламеняются

сердца малыхъ къ высокимъ благодѣтелямъ ихъ: ибо отмѣнными ваше сіятельство украшены добродѣтелями, испущаете изобильно милости лучи. Таковые убо милости вашея лучею согрѣто имѣя сердцъ“ [184]).

2, Размышленія Додда и сѣтованія его въ темницѣ. Изд. П. Богд. 2-ое тисненіе. С.-Петербургъ, 1789 года, въ 8-ю долю листа, XXII + 309 стр. На оборотѣ полнаго заглавнаго листа, выписка изъ соч. Мильтона. На слѣдующемъ листѣ посвященіе: „Его сіятельству, милостивому государю, графу Александру Андреевичу Безбородку“.

3, Полезное описаніе употребленія Гарлемскихъ капель или бальзама, называемаго gratia probatum. Изданное самимъ изобрѣтателемъ оныхъ г. фонъ-Тилліемъ. С.-Петербургъ при Академіи Наукъ, 1789 года. Въ 1/16 долю листа, 85 страницъ [2-е и 3-е изданіе этой брошюры вышли въ 1790 и 1793 годахъ].

На слѣдующей страницѣ книги посвященіе „графу Александру Андреевичу Безбородку“, съ подробнымъ титуломъ его. Въ напечатанномъ письмѣ переводчика, Якима Данилевскаго, говорится, что онъ, „сохраняя въ душѣ“ своей „оказанныя“ ему отъ графа „благотворенія поставлялъ всегда пріятнѣйшимъ долгомъ ту признательность, коею сердце“ его „и мысли преисполнены“, и что „доселѣ не имѣлъ счастія изъявить“ ему „во всей полнотѣ таковыхъ“ его „чувствованій“.

4, Краткое описаніе микроскопическихъ изслѣдованій о существѣ яду язвенное, которыя производилъ въ Кременчугѣ Данило Самойловичъ, коллежскій совѣтникъ, медицины докторъ, Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, иностранныхъ академій: Дижонской, Нимской, Марсельской, Ліонской, Тулизской, Майянской, Мангеймской, Туринской, Падуйской, Парижской хирургической, тамошняго же Вольнаго Ученаго Собранія и Нансійской Медицинской Коллегіи членъ. С.-Петербургъ, 1792 года. Типографія П. Б. 67 стр., въ 8-ю долю листа. На слѣдующемъ листѣ посвященіе: „Его сіятельству, графу Александру Андреевичу Безбородку“ съ подробнѣйшимъ титуломъ графа. Въ письмѣ, обращенномъ къ графу Безбородкѣ, напечатанномъ на особомъ листѣ, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что „описаніе это представляетъ“ ему „яко знакъ совершенной“ его „къ особѣ“ графа „преданности и высокопочитанія, съ которыми не престанетъ быть“.

5, Начертаніе жизни Іосифа II, императора Римскаго, заключающее въ себѣ: родъ и происхожденіе императора

Іосифа II, различіе качествъ его въ отроческихъ и зрѣлыхъ лѣтахъ; образъ воспитанія его; любопытныя происшествія, случавшіяся при путешествіи императора какъ въ свои, такъ и иностранныя земли; достопамятныя преобразованія, учиненныя онымъ касательно имперіи его, политическаго положенія, военнаго искуства и религіи; чрезвычайное путешествіе папы Пія VI, въ Вѣну, для посѣщенія императора, и любопытнѣйшія при томъ происшествія; переписка императора съ разными государями и прочими знаменитыми особами, съ присовокупленіемъ описанія послѣдней войны императора съ Оттоманскою Портою и всѣхъ достопамятнѣйшихъ дѣяній и происшествій, случившихся въ теченіи жизни императора Іосифа II по самую его кончину. Во градѣ Святаго Петра, 1792 года. Въ 8-ю долю, 235 стр. На слѣдующемъ листѣ посвященіе: „Графу Безбородкѣ", съ подробнымъ титуломъ графа. Въ письмѣ, обращенномъ къ графу Безбородкѣ, авторъ, Иванъ Стрѣлевскій, говоритъ, что „императоръ Іосифъ II при жизни явилъ свое вниманіе" къ Безбородкѣ, а потому онъ, „побуждаясь такою важною причиною", посвящаетъ имени его книгу.

Такимъ образомъ, всѣ уцѣлѣвшія извѣстія объ отношеніяхъ графа Безбородки къ современной ему отечественной интеллигенціи, за время царствованія Екатерины II, свидѣтельствуютъ, что онъ оказывалъ живое участіе и постоянное покровительство писателямъ, просвѣщенію и школьному образованію.

XIV.

Яccкій миръ.

Въ январѣ 1791-го года ожидали пріѣзда въ Петербургъ князя Таврическаго, и въ тоже самое время Безбородко собирался ѣхать въ Москву „для отдохновенія". Объ отъѣздѣ своемъ изъ сѣверной столицы графъ Безбородко увѣдомилъ князя Потемкина, которому писалъ: „Не могши прежде получить себѣ отпуска по причинѣ ожиданія Василія Степановича [Попова], я теперь имѣю отъ ея императорскаго величества дозволеніе, какъ скоро онъ пріѣдетъ и надлежащій отвѣтъ на бумаги, съ нимъ привезенныя, учиненъ будетъ, отлучиться недѣли на двѣ въ Москву.

Съ пріѣздомъ, можетъ быть, я буду столько счастливъ, что встрѣчу вашу свѣтлость въ Москвѣ, радуяся, впрочемъ, несказанно, что вы рѣшились сюда прибыть и тѣмъ великую пользу и пособіе дѣламъ принесть“ [185]).

Дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ января, какъ было говорено въ предъидующей главѣ, графъ Безбородко уѣхалъ въ Москву и возвратился въ Петербургъ чрезъ двѣ недѣли, именно 13-го февраля [186]). Князь Потемкинъ не пріѣзжалъ, а дѣла требовали усиленныхъ заботъ и скораго рѣшенія. О нихъ 15-го февраля Безбородко писалъ къ Потемкину; „Третьяго дня возвратился я изъ Москвы и нашелъ здѣсь государыню во ожиданіи со дня на день вашего благополучнаго въ здѣшнюю столицу прибытія.

„Посолъ, графъ Кобенцель, сообщилъ намъ, по повелѣнію двора своего, что союзныя державы внушаютъ его государю желаніе ихъ, дабы завоеванныя у Турковъ мѣста и особливо часть Молдавіи, ими занятой, и Валахія даже и по заключеніи мира осталися во владѣніи Австрійскомъ до окончанія войны съ нами, на такомъ точно основаніи, какъ о Хотинѣ въ Рейхенбахской конвенціи сказано, яко нейтральныя. Вѣнскій дворъ, сообщая сіе, изъясняетъ, что онъ въ отвѣтѣ его будетъ сообразжаться желанію и интересамъ ея императорскаго величества и потому требуетъ отъ насъ скораго отвѣта. Въ Совѣтѣ представлено ея величеству, какъ матерія сія инако не можетъ быть расположена, какъ сообразно плану дѣйствій на будущее время противу Турокъ и другихъ державъ подлежащихъ, то и нельзя отсюда рѣшительно и тотчасъ отвѣтствовать Вѣнскому двору, а всего удобнѣе представить вашей свѣтлости положить примѣчанія ваши и мысли: оставить ли сіи завоеванія у Австрійцевъ до окончанія нашей войны, или дать имъ свободу испразднить ихъ, чтобъ намъ занять, какъ лучше и сходнѣе съ планомъ вашимъ находите? Ея величество указала мнѣ донести вашей свѣтлости и просить, чтобъ вы увѣдомили, если бы еще на нѣсколько дней пріѣздъ вашъ сюда замедлился,—какъ изволите разсуждать о сей матеріи, дабы мы, сходно тому, и послу отповѣдь дать нашлись въ состояніи. Впрочемъ, я далъ ему чувствовать, что дѣло сіе по вашемъ прибытіи гораздо удобнѣе рѣшено будетъ“ [187]).

Въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ князь Потемкинъ 28-го февраля 1791 года [188]). Графъ Безбородко не замедлилъ сообщить объ этомъ графу С. Р. Воронцову, 7-го марта: „Всѣ тѣ наставленія, коихъ ваше сіятельство отсюда требовали, при семъ вамъ доставляются. Дай Богъ вамъ добрый успѣхъ, а онъ намъ очень нуженъ въ запутанномъ нашемъ состояніи, и при явной неудобности войти въ связь противную, когда Гишпанія

отъ нея уклонилася; на одну же Францію, конечно, полагаться нельзя. Совершеніемъ негоціаціи сея такъ, чтобы дѣйствіе ея началося уже съ открытіемъ у насъ негоціаціи, вы сдѣлаете великую угодность государынѣ. Дѣло сіе ведено у меня въ канцеляріи, и, по волѣ ея величества, кромѣ вице-канцлера, графа Александра Романовича и Аркадія Ивановича, въ оное никто не введенъ. Князь Григорій Александровичъ, по извѣстной его предилекціи къ Англіи, сильно настоялъ, чтобъ всѣ трудности были совлечены съ пути, и насилу успѣлъ: ибо у насъ никакого дѣла сполна дѣлать не хотятъ, и думаютъ, что добрыми словами можно остановлять арміи и флоты.

„Изъ Берлина давно нѣтъ вѣрныхъ извѣстій. Нессельродъ и старъ, и столько же въ другомъ родѣ неспособенъ тамъ, сколько его предмѣстникъ былъ со стороны неудобо-исправляемой заносчивости. Онъ вѣритъ всѣмъ обманамъ Герцберга, и выдаетъ за истину всякіе ложные слухи. Что происходитъ въ Швеціи и Даніи, вамъ, конечно, извѣстно, не меньше и то, что намъ ни на расположеніе духовъ первой, ниже на пособіе послѣдней отнюдь считать нельзя, а надобно опираться на собственныя силы. Вы знаете, что на морѣ были бы онѣ весьма превосходны, если бы мы хотя одного имѣли флагмана, который, по соединеніи флота, могъ бы командовать; но на нашихъ считать трудно. Хорошо было бы, если бы вы предуспѣли прислать одного изъ Англіи. Я думаю, что не постоятъ за то, чтобъ и настоящимъ адмираломъ сдѣлать, и главную ввѣрить команду, а о прочихъ выгодахъ еще меньше затрудняться станутъ. На сухомъ пути, вы имѣете отъ меня присланныя свѣдѣнія. Къ арміи нашей Финляндской нѣтъ иной прибавки, кромѣ 1.500 Крымскихъ Татаръ, немножко по регулярному устроенныхъ. Начальникъ арміи остался тотъ же; подъ нимъ генералъ-поручики: Волковъ, Михельсонъ, Гинцель и Левашовъ; генералъ-маіоры: Шульцъ, Нумсенъ, Спренгпортенъ, Рекъ, Берхманъ, Боуверъ, Раутенфельдъ, Татищевъ и Кноррингъ, да при артиллеріи Бригманъ. Вы многихъ изъ нихъ знаете. Нумсенъ изъ Датской службы на время принятый, человѣкъ весьма искусный, какъ въ ремеслѣ, такъ и вообще въ дѣлахъ, братъ ихъ оберъ-маршала, и служившій въ семилѣтнюю войну во Французской арміи. Галернымъ флотомъ командовать будетъ принцъ Нассау, и подъ нимъ по морской части Мальтійскій командоръ, графъ Литта, отъ гросмейстера присланный, и съ чиномъ капитана генералъ-маіорскаго ранга принятый, а надъ войсками генералъ-маіоръ Боуръ. Планъ операціи хотя покойнымъ адмираломъ установленъ былъ весьма обширный и дальновидный, но теперь князь Потемкинъ настоитъ на его сокращеніе, и сіе уже принято.

„Король Прусскій весьма легко насъ сюпренировать можетъ. Правда, что въ Польшѣ духи немножко становятся спокойнѣе, и кромѣ Браницкаго и Сапѣги съ ихъ единомышленными, самыя жаркія головы отъ нихъ отходятъ; но немного надобно, чтобъ насъ испугать; ибо у насъ ни въ Лифляндіи, ни въ Бѣлоруссіи, кромѣ трехъ карабинерныхъ, двухъ кирасирскихъ и одного пѣхотнаго полка, на сей разъ ничего нѣтъ. Къ іюню только еще прибавится четыре полка пѣхоты, четыре баталіона егерей, 10 эскадроновъ драгунъ, 5 эскадроновъ регулярныхъ казаковъ, 500 Донскихъ да 1,000 Башкиръ и Мещеряковъ. Конницы и всякой дряни много, а пѣхоты и вдвое еще будетъ мало. Надежда та, что ежели у васъ не рѣшатся, то король Прусскій будетъ смирнѣе, а мы станемъ ладить, сколько можно, бывъ развязаны тѣмъ, что и союзникъ нашъ намъ сей же совѣтъ даетъ; и я теперь увѣренъ, что Прусскому королю нѣтъ причины опасаться своего натуральнаго соперника, который и въ Турецкой войнѣ немного чудесъ надѣлалъ, да и радъ будетъ, выйдя изъ нея, посидѣть тихо, что и намъ нужно. Фельдмаршалъ не могъ сладить никакъ съ его генераломъ. Первое, потому, что онъ Цесарцевъ не любитъ; второе, что они спѣсивы. Когда дѣло дойдетъ до боя, рады насъ пускать впередъ, говоря, что мы partie principale belligérante; а послѣ сказываютъ, что императоръ ни съ кѣмъ не имѣетъ альтернативы, и потому ихъ генералъ равнаго чина долженъ командовать надъ нашимъ. Не жаль было бы, если бы хотя искусство давало имъ сіе право; но и въ семъ пунктѣ они наши братья. Теперь онъ требовалъ нелѣпаго плана со стороны нашей, чтобъ фельдмаршалъ шелъ съ арміею за Олту въ Краіовъ, дабы прикрыть ихъ флангъ. Я на васъ ссылаюся, дѣльно ли было сіе требованіе. Когда мы говоримъ имъ, чтобы ихъ корпусъ въ части Молдавіи, подъ командою принца Кобургскаго шелъ къ Фокшанамъ, и потомъ, по сближеніи нашихъ, къ Бухаресту, а другой, предводимый княземъ Гогенлоэ, изъ Трансильваніи къ Олтѣ, то они отвѣчаютъ, что то неудобно, ибо въ первомъ отъ 10-ти до 12-ти тысячъ, а въ послѣднемъ только 8,000 подъ ружьемъ. На смѣхъ нашъ, что сего числа и для визиря по нуждѣ станетъ, говорятъ, что они не привыкли къ толь несоразмѣрному противу непріятеля расчету, а можетъ быть и забыли образъ войны съ Турками.

„Готовя сіе письмо, я долженъ былъ прервать отправленіе его важными упражненіями, коими меня дня два или три заняли. Фельдмаршалъ отозванъ ко двору, подъ видомъ, что на случай разрыва съ Пруссіею, никто лучше его употребленъ быть не можетъ. Обѣ арміи соединены въ одну, подъ командою князя Потемкина, а на Кубани составляется дру-

гая, подъ командою графа Салтыкова. Вотъ большое происшествіе. Теперь снаряжаемъ армію Турецкую, какъ можно сильнѣе, но лишь бы пошло въ прокъ. Князь Потемкинъ жаловался, что у него генераловъ мало для дѣла, и просилъ о Гудовичѣ и Бальменѣ. Оба они командированы, и сверхъ того Кречетниковъ. Государыня начала было говорить мнѣ, что, зная и вашу ревность къ военной службѣ, она бы довольна была, если бы вы приняли намѣреніе на сію войну послужить въ арміи. Я ей сказалъ все, что было пристойно, почерпнувъ изъ вашихъ изъясненій, по случаю намѣренія, прежде бывшаго, послать васъ на флотѣ. Она и сама вошла въ резоны ваши, и при томъ говорила, что нынѣшній вашъ постъ теперь весьма важенъ, такъ, что она не знаетъ, кѣмъ бы, до возвращенія вашего, оный наполнить.

„Прибытіе князя Потемкина, если не принесло пособія намъ большаго въ публичныхъ дѣлахъ, ежели позволено иногда и личное свое рядомъ за тѣмъ полагать, для меня, по крайней мѣрѣ, доставило, хотя можетъ быть, минутное облегченіе. Уже ненавидящій меня [князь П. А. Зубовъ], до того простиралъ свои происки, чтобъ меня привести въ ничтожество и по части политической. Колобродства, нерѣдко выходившія, и недоумѣнія въ трудныхъ случаяхъ заставили по необходимости за насъ браться; а я, рѣшившись трудное нынѣшнее для государства время перенести, не уважая никакими особенными огорченіями, и потомъ все бросить, никогда ни отъ чего не отказывался и противу всѣхъ нападеній твердо и смѣло воевалъ. Князь Потемкинъ, пріѣхавъ, не инако, какъ со мною по дѣламъ работалъ и чрезъ меня во всемъ относился и, по крайней мѣрѣ, я имъ лично доволенъ, зная, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость во всякомъ случаѣ. Знаю, что, по отъѣздѣ его, и паки за меня примутся; но никто же имъ такъ тяжелъ не былъ, какъ я; ибо я, конечно, не нагнуся и никому больше цѣны, какъ онъ стоитъ, не дамъ. Въ дѣлахъ я, въ очищеніе свое, завелъ, когда вижу, что добрые совѣты не внемлются, подавать на письмѣ мнѣніе; и часто бываетъ, что вице-канцлеръ, а иногда и цѣлый Совѣтъ, къ оному пристаетъ. Сіе нужно, дабы послѣ не сказали, что мы виною всего, хотя знающіе отдадутъ справедливость, что нынѣшніе хлопоты не наше дѣло, но послѣдствіе d'inconséquence, лѣни и прочее. Не въ силахъ болѣе писать. Прошу сіе огню предать, а мнѣ вѣрить, что я всегда вамъ искренно преданъ [189]).

Черезъ два дня, именно 9-го марта 1791 года, графъ Безбородко почти тоже писалъ въ Англію же, племяннику своему Виктору Павловичу Кочубею: „Мы живемъ весело, и ежели пребываніе князя Григорія Александровича облегчаетъ насъ въ дѣлахъ публичныхъ, то для меня

оно еще другую особенную выгоду приноситъ, что я облегченъ и со стороны нападокъ злыхъ людей. По крайней мѣрѣ, хотя сіи мѣсяцы, что онъ тутъ проживаетъ, отдохнуть удастся; между тѣмъ, время пройдетъ, дѣло къ миру придетъ, и я достигну своей цѣли, то есть, отдохновенія.

„Князь у Льва Александровича [Нарышкина] всякій вечеръ провождаетъ. Въ городѣ увѣрены, что онъ женится на Марьѣ Львовнѣ. Принимаютъ туда теперь людей съ разборомъ, а вашу братью, молодежъ, исключаютъ. Илья Андреевичъ одинъ изъ васъ въ чести и всегда приглашается“ [190]).

Былъ слухъ, что князь Потемкинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ „вырвать зубъ“ и вообще „раздавить своихъ враговъ“. Приведенныя письма даютъ чувствовать, что онъ сразу достигъ этой цѣли и поставилъ себя передъ императрицею такъ, что даже графъ Безбородко, силою его авторитета, на все время пребыванія его въ Петербургѣ, былъ „облегченъ со стороны нападокъ злыхъ людей“. Безбородко уважалъ Потемкина, сознавая, „что онъ отдаетъ справедливость во всякомъ случаѣ“. Если эти слова связать съ признаніемъ графа Безбородки, что онъ „конечно не нагнулся и никому больше цѣны, какъ онъ стоитъ, не далъ“, то можно составить вѣрное понятіе о благородной гордости, отличавшей Безбородку. Къ чести Потемкина слѣдуетъ отнести, что и онъ считалъ графа Безбородку своимъ доброхотомъ. „Я справедливъ, - говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ,—отнюдь графа Безбородку не почитаю себѣ недоброхотомъ, но напротивъ; а есть много другихъ“ [191]).

По предмету „публичныхъ дѣлъ“ графу Безбородкѣ съ княземъ Потемкинымъ было надъ чѣмъ поработать. Не даромъ первый изъ нихъ называлъ то время „труднымъ для государства временемъ“. Политическое положеніе тогдашней Россіи было небезопасно: Пруссія двинула свои войска къ предѣламъ Курляндіи, Польша грозила возмущеніемъ, флотъ Англіи готовился идти въ Балтійское море. Особыми бѣдствіями грозила Россіи война съ Англіею въ союзѣ съ Пруссіею, которая была уже рѣшена. Питтъ открыто объявилъ парламенту, что снаряженныя огромныя морскія силы предназначены противъ Россіи, и что онъ ясно выразилъ мнѣніе о необходимости положить предѣлъ неумѣренному властолюбію Россіи и спасти Турцію отъ гибели. Встрѣтивъ оппозицію въ Чарльсѣ-Джемсѣ Фоксѣ, Питтъ все же не терялъ надежды запугать Россію вооруженнымъ флотомъ, который уже стоялъ на якорѣ въ Портсмутѣ, и надѣялся, что нашъ дворъ откажется отъ большей части своихъ требованій, а именно отъ обладанія Очаковомъ. Россія уже склонялась на уступки и князь Потемкинъ первый считалъ это нужнымъ; но Екатерина II,

говоря о трудныхъ обстоятельствахъ и упоминая о графѣ Воронцовѣ, который совѣтовалъ не уступать, сказала о немъ: „только онъ одинъ мыслитъ также, какъ и я". Воронцовъ же, съ своей стороны, чтобы скорѣй разрѣшить вопросъ и принудить Питта къ разоруженію, употребилъ вліяніе на Англійскую націю. Онъ составлялъ историческія записки, въ которыхъ доказывалъ, что страну влекутъ къ раззоренію чрезъ уничтоженіе ея торговли, и что все это дѣлается ради интересовъ, ей чуждыхъ. Записки эти переводились на Англійскій языкъ, по напечатаніи, разсылались во всѣ провинціи. Онѣ произвели въ публикѣ ожидаемую тревогу и особенно въ мануфактурныхъ городахъ, гдѣ составились митинги и народныя собранія, постановленія которыхъ клонились къ подачѣ прошеній парламенту, противъ дѣйствій министерства относительно Россіи. Въ Лондонѣ, на стѣнахъ многихъ домовъ простой народъ мѣломъ писалъ: „Не хотимъ войны противъ Россіи". Всѣ газеты, издававшіяся въ Лондонѣ, были наполнены убѣдительными статьями графа Воронцова, и доказывали публикѣ, со дня на день, все сильнѣе негодовавшей на министерство, невыгодность войны. Усилія посла нашего увѣнчались успѣхомъ: Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ и послалъ въ Россію Факнера [Fawkener], секретаря Англійскаго королевскаго кабинета, съ наставленіемъ уступить во всемъ волѣ императрицы. Флотъ былъ разоруженъ, а въ Швецію отправленъ къ Листону, Англійскому послу въ Стокгольмѣ, курьеръ для прекращенія переговоровъ о субсидіи королю, который желалъ взять деньги и возобновить войну съ Россіею при поддержкѣ Пруссіи и Англіи" [192]).

Пока графъ Воронцовъ защищалъ интересы Россіи въ Англіи, въ Петербургѣ Екатерина II, хотя и шутила, говоря: „что пива и портера не будетъ", но тѣмъ не менѣе, когда опасность миновалась, она, видимо, была обрадована, чего и не хотѣла скрывать. Подъ 9-мъ апрѣля 1791 г., Храповицкій записалъ: „Сего же утра князь [Потемкинъ] съ графомъ Безбородкомъ составили какую-то записку для отклоненія отъ войны", а 17-го апрѣля вновь отмѣтилъ: „Съ примѣтнымъ на лицѣ удовольствіемъ [говорила Екатерина], что въ парламентѣ спорили очень жарко противъ Питта о войнѣ съ нами". Затѣмъ „позванъ" былъ графъ Безбородко и ему поручено, „чтобъ скорѣе сообщилъ графу Воронцову всѣ бумаги, до дѣлъ съ Англіею касающіяся" [193]).

Отправка бумагъ въ Лондонъ до дѣлъ, касающихся съ Англіею, была причиною того, что 14-го мая пріѣхалъ въ Петербургъ секретарь королевскаго совѣта Факнеръ для трактованія о мирѣ. При отъѣздѣ его изъ столицы, 16-го іюня, Безбородко въ письмѣ въ Лондонъ, сказавъ предварительно, что императрица „въ полной мѣрѣ признаетъ труды" Во-

ронцова „и желаетъ при первомъ случаѣ оказать на дѣлѣ знаки особаго благоволенія“, говоритъ: „Г. Факнера здѣсь всѣ нашли точно такимъ, какъ вы объ немъ предварили, и онъ отъѣзжаетъ отсюда, пріобрѣвъ всеобщее къ нему почтеніе. Надлежало бы желать, чтобы и всегда дѣла трактованы были людьми его качествъ, и мы очень жалѣемъ, что пребываніе его было кратковременное. Я не пишу о прочихъ здѣсь происшествіяхъ, бывъ занятъ на сей разъ отправленіемъ въ армію, дабы и съ той стороны споспѣшествуемо было оканчанію всего и возстановленію спокойствія, лишь бы Турки были столь разсудительны, чтобы, по первымъ совѣтамъ, Лондонскаго и Берлинскаго дворовъ подкрѣпляемымъ и отъ насъ сильными аргументами на сухомъ пути и водахъ, согласилися принять миръ, толь великодушно имъ даруемый“ [194]).

Краснорѣчіе Фокса, въ свою очередь, не ускользнуло отъ вниманія императрицы Екатерины II. Она, запиской, посланной къ графу Безбородкѣ, 16-го іюня 1791 года, просила его написать графу С. Р. Воронцову, чтобы онъ прислалъ ей бюстъ Фокса, который, будто бы краснорѣчіемъ своимъ не допустилъ Англію до войны съ Россіею. Императрица писала графу: „Ecrivez au comte Woronzow, qu'il me fasse avoir en marbre blance le buste ressemblant de Charles Fox. Le veux le mettre sur ma colonnade entre ceux de Demosthène et Ciceron.

„Il a delivré par son éloquence sa partie et la Russie d'une guerre à laquelle il n'y avait ni justice ni raison“. [Напишите къ графу Воронцову, чтобы онъ досталъ мнѣ похожій бюстъ Чарльса Фокса, изъ бѣлаго мрамора. Я желаю помѣстить его на моей колоннадѣ, среди бюстовъ Демосѳена и Цицерона. Своимъ краснорѣчіемъ онъ спасъ свое отечество и Россію отъ войны несправедливой и безпричинной] [195]).

Давая записку свою Храповицкому, для передачи графу Безбородкѣ, императрица спрашивала у перваго: „Не смѣялся ли Безбородко“? Кромѣ записки императрицы къ Безбородкѣ о бюстѣ Фокса, въ дѣлахъ Кабинета сохранился драгоцѣнный рескриптъ Екатерины къ ея посланнику въ Лондонѣ. Этотъ рескриптъ свидѣтельствуетъ, что въ дѣлѣ устраненія войны съ Англіею императрица не менѣе Фоксова краснорѣчія цѣнила и труды графа Воронцова. Упомянувъ въ рескриптѣ о „неутомимыхъ трудахъ, понесенныхъ въ важныхъ возлагаемыхъ порученіяхъ, особливо же ревностными подвигами въ пособіе благо-полученной и славной развязки съ Англіею и Пруссіею по настоящей войнѣ съ Турками, къ концу приближающейся“, Екатерина въ „доказательство своего къ онымъ признанія“, пожаловала ему Владимірскую ленту и по 6.000 руб. ежегодно тсоловыхъ денегъ [196]).

Съ театра военныхъ дѣйствій противъ Турокъ начали приходить благопріятныя извѣстія, о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, а это предвѣщало скорое окончаніе войны и близость мира, какъ можно, по крайней мѣрѣ, заключить изъ письма графа Безбородки къ другу его А. Н. Львову, которому онъ писалъ: „Ты, конечно, насъ и не вспомнишь, и на мысль тебѣ не придетъ увѣдомить насъ о какихъ либо оказіяхъ Новоторжскихъ, а мы тебѣ, напротивъ того, всѣ наши сообщимъ in extenso. Начнемъ съ политики: Обрезковъ упражняется въ иностранныхъ дѣлахъ съ великимъ успѣхомъ и въ самыхъ секретныхъ, такъ что уже дважды успѣлъ списать ноты Факнера et compania, по дѣламъ съ Турками, которыя скоро и напечатаны будутъ; но, впрочемъ, шутки въ сторону. Сіи господа весьма уже мягко стелютъ и, кажется, только ради après tous les effort et après une cacade, finir leur besogne par une sorte d'escapade. Стихъ, достойный Бригольціевой музы! Потомъ, скажемъ о дѣлахъ военныхъ. За Дунаемъ зачали драться, а Гудовичъ уже перешелъ Кубань и идетъ къ Анапѣ, а оттуда далѣе. Кажется, все клонится къ миру, и вотъ для сего то я спѣшу съ моимъ Московскимъ домомъ. A propos de se домъ. Ты помнишь, что мнѣ купленъ фарфоръ и въ Копенгагенѣ и въ Голландіи. Ты очень ошибался, считая, что первый лучше. Копенгагенскій, правда, имѣетъ хорошія піесы, но много и большая часть мелочи, вмѣсто того, что Голландскій превосходитъ и въ величинѣ, и во вкусѣ. Тутъ есть вазы разноцвѣтныя: бѣлая съ золотомъ и живописью, величиною съ мой синій, двѣ голубыя, немного меньше, три страшныя голубыя—jattes, изъ коихъ 2 по 12 ведеръ, а одна въ 6; два боченка превеликіе или вазы для парфюмовъ; нѣсколько преогромныхъ и древнихъ гарнитуровъ, сплошь золоченыхъ, съ барельефами; множество и большихъ, и среднихъ, и малыхъ вещей отличнаго вкуса. Словомъ, обоего фарфора имѣю я триста штукъ. Гора будетъ преогромная.

„Посылаю тебѣ рисунки Маліотіевы, съ тѣмъ, чтобы ты ихъ опять мнѣ возвратилъ, но при томъ дай мнѣ, любезный другъ, добрый и правдивый совѣтъ. Всѣ мебели его, въ сихъ рисункахъ означенныя, для меня дороги и не всѣ надобны; но я не прочь достать тѣ, на которыхъ поставлены карандашомъ большіе осьмиконечные кресты. 26,000 ливровъ составляютъ восемь тысячъ рублей. Я бы столъ des pierres rapportées поставилъ противу портрета, въ гостинной камерѣ, два мебля de Boulle въ спальнѣ, вмѣсто консолей, тамъ же и секретарь, противъ часовъ, на боковой стѣнѣ. Скажи мнѣ искренно, такъ ли думаешь, хорошо ли и стоитъ ли денегъ и труда. Я здѣсь купилъ за двѣ тысячи

рублей престрашныя двѣ пары бра, за кои годъ тому назадъ и трехъ тысячъ не взяли.

„Осипъ Степановичъ [Судіенко] отъѣзжаетъ на хозяйство. Въ Державинскомъ комитетѣ положено въ Нѣжинѣ построить домъ, по твоему большому плану, и сей же годъ начать, для того, что есть уже около милліона кирпича и нѣсколько извести; но тутъ меня обидѣли упрямствомъ, снявъ твой мезонинный этажъ и оставя только погреба, да два полные этажа; а залу большую возвесть въ кровлю. Быть такъ, и я радъ, что будетъ у меня хорошее зданіе, въ которое я остатки уборовъ своихъ помѣщу.

„На проѣздъ въ Петергофъ будетъ у меня открытіе трактира на дачѣ обѣдомъ общей братіи. Въ церемоніалѣ написано, чтобъ Шррей, съ видомъ обыкновенной его претензіи на beau et sublime призвалъ въ помощь обыкновенный его духъ краснорѣчія, изъ элегій заимствованный, велегласно, въ качествѣ мастигофура, провозгласилъ: да именуется домъ сей градъ остеръ, на память многихъ и полезныхъ тамъ заведеній; правленіе же сего вручается Христофору Ульрику Ильденштубу. Прощай, вотъ тебѣ все, что на умъ пришло. Пиши хотя изрѣдка“ [197]).

Когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о Мачинской побѣдѣ, бывшей 1-го іюня, о взятіи Анапы, 22-го іюня, а за тѣмъ о разбитіи визиря за Дунаемъ, 28-го іюня, княземъ Репнинымъ, графъ Безбородко писалъ, 13-го іюля, къ графу А. Р. Воронцову о положеніи дѣлъ съ Портою: „Не знаю, извѣстно ли вашему сіятельству, что господа высокіе союзники [Пруссія и Англія] вчера вручили вице-канцлеру свой отвѣтъ, пріемля нашъ во всей его силѣ и говоря во многихъ комплиментахъ, что, когда они представляли о недѣланіи укрѣпленій въ пріобрѣтаемой отъ Турковъ землѣ, то сіе отнюдь не въ томъ видѣ, чтобъ у насъ отымать способы къ защитѣ и безопасности, а чтобъ предохранить свободное по Днѣстру плаваніе. Теперь, когда угодно ея величеству дать толь вѣрное обнадеживаніе о свободѣ сего плаванія, и что оное еще воспользуется покровительствомъ ея, подобное постановленіе о небытіи крѣпостей сдѣлается вовсе не нужно. Далѣе положительно говорятъ, что короли ихъ предложатъ примиреніе Портѣ, уступая Россіи землю между Буга и Днѣстра en pleine possession et souveraineté [въ полное владѣніе и управленіе], говоря, что они и отъ Порты о свободѣ плаванія по Днѣстру востребуютъ такого же обнадеживанія; изъясняютъ, что ежели она не согласится на таковыя резонабельныя постановленія, то они оставятъ ее жребію войны, бывъ увѣрены, что государыня, при всѣхъ успѣхахъ оружія, останется

при тѣхъ же терминахъ умѣренности, полагая послать курьеровъ въ Царьградъ чрезъ армію; требуютъ на такой случай, буде Порта согласится на сіи предлагаемыя ей основанія, унять дѣйствіе оружія, дабы могли полномочные обѣихъ сторонъ воюющихъ собраться и дѣло кончить. Теперь уже все съ сей стороны рѣшено, и осталося только фельдмаршалу скорѣе ѣхать и совершить. Вы знаете также и разбитіе визиря за Дунаемъ въ 28-й день отъ князя Репнина, которое есть довольно знатное дѣло. Теперь съ минуты на минуту жду извѣстія о взятіи Гудовичемъ Суджукъ-Кале, о чемъ съ рапортомъ его пріѣхалъ въ 11 часу, поутру, сегодня бригадиръ Поликарповъ къ фельдмаршалу; но здѣсь мы то вѣдаемъ по секрету, покуда онъ пришлетъ сказать отъ себя. Завтра дворъ будетъ въ Казанской церкви къ молебну; обѣдаетъ въ лѣтнемъ дворцѣ. Факнеръ проситъ уже отпуска“ [198]).

Блестящія побѣды Русскихъ войскъ надъ Турецкими предвѣщали скорый миръ. Князю Потемкину, находившемуся еще въ столицѣ, 18-го іюля, данъ былъ секретнѣйшій рескриптъ съ любопытнѣйшими политическими разоблаченіями и съ подробнѣйшими наставленіями касательно веденія возложенныхъ на него мирныхъ переговоровъ. „Король обѣихъ Сицилій [199]), — говорилось въ этомъ рескриптѣ,—и съ самаго того времени, когда между нами открыта безпосредственная дружеская переписка, не переставалъ подавать намъ во всякомъ случаѣ опыты своей пріязни и искренняго желанія утвердить оную распространеніемъ торговой и политической связи, поколику удобность оныя дозволяетъ. Въ таковомъ благонамѣренномъ расположеніи, наипаче же во время пребыванія его въ областяхъ союзника нашего, императора Римскаго, онъ предложилъ намъ добрыя свои услуги и готовность стараться о наклоненіи Турковъ къ миру. Всѣ предписанія, отъ него посланныя въ Константинополь къ министру его, графу Лудольфу, основаны были на совершенномъ безпристрастіи, и ежели бы другіе дворы столь искренно поступали, давно бы уже Порта образумилася, не подвергая себя новымъ потерямъ и напрягая свои подвиги къ достиженію покоя. Послѣднія донесенія графа Лудольфа, по повелѣнію двора Неапольскаго намъ сообщенныя, заслуживаютъ главнѣйше въ томъ примѣчанія, что Порта приняла добрыя услуги короля Сицилійскаго, что она оказала наклонность къ миру и что, вѣдая отъ министра Неапольскаго наши условія, не вступила въ опроверженіе ихъ и ниже отъ себя не предложила прежнихъ ея нелѣпыхъ требованій; но, бывъ, однакожъ, ослѣплена надеждою на помощь Пруссіи, единое сомнѣніе свое представляетъ, что, имѣя наступательный и оборонительный союзъ съ королемъ Прусскимъ, не знаетъ, какимъ образомъ

вступить въ мирные переговоры безъ его соучастія и потому спрашиваетъ совѣта и мыслей двора Неапольскаго. Полагая, что таковое уваженіе Порты къ ея союзнику наибольше удерживаетъ ее отъ начатія негоціаціи мирной съ нами прямо, встрѣчаемъ мы самое вѣрное средство вывести ее изъ заблужденія, когда ей въ полномъ свѣтѣ открыто будетъ поведеніе короля Прусскаго, который, вмѣсто дѣятельной помощи, доселѣ ограничивалъ всѣ подвиги свои въ пользу Турковъ въ однихъ переговорахъ съ видами, при томъ, для себя корыстными на Данцигъ и другія въ Польшѣ пріобрѣтенія; теперь же, при усмотрѣніи непреоборимой нашей твердости, гдѣ идетъ дѣло о нашемъ достоинствѣ [200]), сей государь и его союзники, не бывъ отъ Порты уполномочены, въ лицѣ ея хотятъ производить негоціацію, предлагая намъ тѣже самыя границы, которыя и мы въ ультиматѣ нашемъ назначили. Доказательствомъ тому служатъ ноты, поданныя 18-го іюня и 11-го іюля Англійскимъ и Прусскимъ министрами. Какъ вся сія негоціація производилась явно и подъ глазами свѣта, который видитъ, съ одной стороны, справедливость нашего дѣла и нашу твердость противъ всѣхъ горделивыхъ видовъ союзниковъ, съ другой же—двоякіе поступки короля Прусскаго и слѣпо ему повинующагося Англійскаго министерства вопреки гласу всея націи, усердствующей сохранить съ нами дружбу, для торговли ихъ необходимую: то мы приказали сообщить министру короля Сицилійскаго дюку Серро-Капріола всѣ сіи бумаги, какъ средства, которыми дворъ Неапольскій можетъ вывести Порту изъ ослѣпленія и суетной надежды на пособіе Пруссіи и Англіи, и утвердить ее въ начатіи и окончаніи мирной негоціаціи прямо съ нами, безъ всякаго посторонняго участія".

Затѣмъ, въ рескриптѣ излагаются наставленія касательно веденія мирныхъ переговоровъ. Этими наставленіями князю Потемкину предписывалось, не прекращая военныхъ дѣйствій, какъ самыхъ вѣрнѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ для Турокъ аргументовъ, завести переписку съ верховнымъ визиремъ, открыть ему поведеніе Берлинскаго двора и склонить его къ „безпосредственнымъ" переговорамъ о мирѣ. Трактованіе о мирѣ предписывалось производить въ Русской главной квартирѣ, съ подтвержденіемъ, „что условія, предложенныя въ нашемъ ультиматѣ, таковы до тѣхъ поръ, покуда Турки ихъ примутъ по первому со стороны нашей предложенію; но коль скоро они отвергнутъ ихъ, то, при дальнѣйшемъ продолженіи войны, мы себя въ полномъ правѣ находимъ распространить требованія наши соразмѣрно убыткамъ нашимъ и успѣхамъ, каковыми промыслъ Божій увѣнчаетъ наше праведное оружіе". Предписывалось, за тѣмъ, склонить Турцію къ признанію народовъ, обитающихъ на

нашихъ Азіатскихъ границахъ съ нею, независимыми, а для привлеченія ихъ къ Россіи дозволить имъ брать соль изъ нашихъ озеръ, а на Тамани устроить хорошую крѣпость и учредить ярмарки и торговлю; стараться объ удержаніи нашихъ завоеваній за рѣкою Кубанью, опираясь на актѣ 28-го декабря 1783 года, заключенномъ по случаю присоединенія къ Россійской имперіи Крыма, Тамани и Кубани, и статью о варварскихъ кантонахъ составить такъ, чтобъ Порта отвѣчала за убытки, причиняемые отъ захвата сими разбойниками Русскихъ судовъ; артикулъ о Грузіи составить „въ приличныхъ и сходныхъ для насъ изъясненіяхъ“, а Молдавцамъ „исходатайствовать какія либо пользы и облегченія по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію“. Во вниманіе „къ худой вѣрѣ Турецкой“, предписывалось произвести размѣнъ государскихъ ратификацій „на мѣстѣ негоціаціи“, въ шестинедѣльный срокъ, назначенный для выхода изъ Турціи Русскихъ войскъ по заключеніи мира. Такъ какъ союзникъ Екатерины, императоръ Австрійскій Іосифъ II „во всѣхъ отзывахъ и изъясненіяхъ на коварныя и отвратительныя внушенія короля Прусскаго и покорствующаго ему Англійскаго министерства явилъ свое единодушіе съ императрицею Россіи“, то рескриптомъ повелѣвалось князю Потемкину,—въ случаѣ заключенія имъ мира съ Турціею прежде завершенія продолжавшихся въ то время Систовскихъ переговоровъ съ нею Іосифа,—не только заблаговременно предупредить объ этомъ Австрійскаго императора, но и въ сепаратномъ артикулѣ выговорить, что, до окончанія негоціаціи съ императоромъ, войска наши останутся въ Бессарабіи и Молдавіи, дабы онъ инако не претерпѣлъ тягости отъ нападенія на него всѣхъ силъ Турецкихъ и не учинился жертвою своего союза съ нами.

Кромѣ того, въ рескриптѣ сообщалось князю Потемкину, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ графа Лудольфа, султанъ уже далъ своему визирю полную мочь для веденія мирныхъ переговоровъ съ Россіею, и что нашъ ультиматъ извѣстенъ Туркамъ во всемъ его пространствѣ, „отъ котораго мы ниже черты убавить не намѣрены“ [201]).

По полученіи рескрипта, отъ 18-го іюля, князь Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 24-го іюля.

О пріѣздѣ князя въ армію и о новостяхъ, сообщенныхъ съ театра войны, графъ Безбородко не замедлилъ подѣлиться съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, которому, въ первой половинѣ августа, писалъ: „Отъ фельдмаршала пріѣхалъ курьеромъ маіоръ Драшковскій. Онъ привезъ извѣстіе, что, при первомъ появленіи фельдмаршала на берегу Дунайскомъ, присланы были отъ визиря драгоманъ Порты и одинъ чиновникъ съ комплиментами, и что они было стали говорить, что визирь, будто бы, въ великой опас-

ности, и что султанъ его поступковъ не апробовалъ. Князь имъ далъ окрикъ, сказавъ, что въ ихъ волѣ разорвать положенное, но съ той минуты уже кондицій нѣтъ. Послѣ прислалъ визирь другаго чиновника и далъ знать, что полномочные отъ него назначены: нишанжи или хранитель печати, воинскій судья и одинъ еще изъ диванскихъ чиновниковъ, отправлены въ Браиловъ и ожидаютъ назначенія фельдмаршаломъ мѣста съѣзда. Тутъ же прислано требованіе, чтобъ флоту нашему дано было приказаніе отступить отъ канала Цареградскаго, и что сего султанъ визирю велѣлъ домогаться. Въ самое то время получилъ князь отъ адмирала Ушакова рапортъ, что онъ, съ добрымъ вѣтромъ, вышедъ 28-го изъ рейды, 29-го іюля увидѣлъ предъ собою флотъ Турецкій, былъ уже ниже Варны или, такъ сказать, между Варною и Цареградомъ. Дѣло послѣ открылось съ Турецкой стороны. 30-го іюля флотъ нашъ, предъ самымъ каналомъ, атаковалъ Турецкій, разбилъ его, вогналъ въ каналъ и разбилъ много судовъ. Пальба и огонь были слышны и видны въ самой столицѣ, куда множество разбитыхъ и раненыхъ прибѣжало. Отъ адмирала нѣтъ еще рапортовъ; но дѣло пошло на ладъ. Фельдмаршалъ, спѣша къ концу привести, назначилъ полномочными Самойлова, Рибаса и Лошкарева. Правда, что чинами больше и не слѣдовало опредѣлять; но уже вмѣсто Рибаса и Лошкарева приличнѣе было назначить Попова и Билера; но сами они опоздали. Конгрессъ будетъ въ Гущѣ, позади арміи нашей, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Прутскій миръ сдѣланъ. Въ арміи отъ жару много болѣзней, но не язва. По секрету вамъ скажу, что принцъ Виртембергскій скончался отъ горячки въ 11-ть дней своей болѣзни. Фельдмаршалъ самъ боленъ лихорадкою и, оставя на Дунаѣ князя Репнина, поѣхалъ въ Гущъ, гдѣ архіерейскій домъ и гдѣ будетъ конгрессъ. Послали къ графу Николаю Ивановичу сказать о смерти принца“ [202]).

Паденіе Анапы и пораженіе Турецкихъ войскъ княземъ Репнинымъ, подъ предводительствомъ визиря, принудили султана вступить съ Россіею въ переговоры о перемиріи. Князь Потемкинъ ввѣрилъ веденіе этихъ переговоровъ тому же князю Репнину. Въ основаніе переговоровъ положенъ былъ Русскій ультиматъ, и 31-го іюля 1791 года между княземъ Репнинымъ и великимъ визиремъ заключено перемиріе, при чемъ уполномоченными той и другой стороны подписаны „прелиминарные мирные артикулы“.

Когда извѣстіе о томъ дошло до императрицы, Потемкину посланъ былъ новый рескриптъ, отъ 12-го августа.

„Одно токмо встрѣчаемъ неудобство касательно перемирія,—пи-

сала Екатерина,—что толь долговременный срокъ онаго назначенъ. Гораздо было бы сходнѣе, если бы онъ былъ неточно опредѣленный, но ограниченный, покуда мирные переговоры для дефинитивнаго или рѣшительнаго договора продолжатся. Симъ воздержаны были бы всякія, Туркамъ свойственныя, замашки по разнымъ артикуламъ, которые еще распорядить осталось и которые для насъ довольно важны: ибо непріятель принужденъ былъ бы бояться всякій разъ, что, съ разрывомъ переговоровъ, вдругъ кончится и перемиріе, и что ему надобно готовиться выдержать новые удары. Вамъ извѣстно, что и самые доброхотствовавшіе Портѣ дворы не настояли на долговременное перемиріе, а только, требуя унятія оружія на случай соглашенія Порты на главные артикулы нашего ультимата, предлагали четырехмѣсячный срокъ, какъ нужный для съѣзда полномочныхъ и распоряженія дѣла, оставляя ихъ, по окончаніи онаго (буде бы Турки не согласилися на наши условія) собственному ихъ жребію. Чтобъ не быть съ нашей стороны въ двоякомъ затрудненіи, (и именно: или, потерявъ всю настоящую кампанію при упорствѣ Турецкомъ, готовиться къ будущей съ новыми убытками, или же согласиться на разныя облегченія по переговорамъ мирнымъ), мы находимъ нужнымъ и желаемъ, чтобъ вы сей артикулъ распорядили на пользу дѣла однимъ или другимъ образомъ, т. е., или предъуспѣвъ неотлагательно одержать отъ Турковъ и самый окончательный трактатъ, такъ, какъ вы въ реляціи вашей намъ и сами изъясняете, или же, въ случаѣ нерѣшимости визиря и отговорокъ, что онъ долженъ представить султану, давъ необходимо нужное время для таковаго отношенія, ограничить срокъ перемирія, покуда переговоры продолжаться будутъ, такъ что, въ случаѣ непреодолимаго упорства Турецкаго, съ разрывомъ негоціаціи, разорвано было бы и унятіе оружія“.

О Турецкихъ „укрѣпленіяхъ“ императрица писала: „Въ прелиминарномъ 5-мъ артикулѣ предоставлено соглашенію назначаемыхъ обоюдныхъ полномочныхъ постановить объ укрѣпленіяхъ въ части земли, намъ отъ Порты уступаемой, простирающейся отъ Буга до Днѣстра. Какъ вамъ извѣстно, наше непремѣнное намѣреніе, чтобъ свобода строить крѣпости и учреждать свои границы, въ Кайнарджійскомъ договорѣ постановленныя, осталося въ силѣ и для сего новаго нашего пріобрѣтенія; и какъ не меньше того, что дворы, Туркамъ благопріятствующіе, и сами отстали отъ противнаго тому требованія, то всякое о томъ со стороны Порты домогательство долженствуетъ быть на отрѣзъ не принято, убѣждая ее тѣми же доводами, которыми предъуспѣли мы убѣдить помянутые дворы въ неосновательности таковыхъ требованій“.

Въ концѣ рескрипта излагаются наставленія объ Алжирцахъ, употребляемыхъ Турціею въ службѣ „на Бѣломъ [такъ называлось Мраморное море до Петра Великаго] и Черномъ морѣ" и о Грузіи, совершенно сходныя съ наставленіями предыдущаго рескрипта, отъ 18-го іюля.

Съ курьеромъ, который повезъ князю Потемкину этотъ рескриптъ Екатерины II, графъ Безбородко сообщалъ ему, въ особомъ письмѣ, о Польскихъ дѣлахъ, которыя очень безпокоили тогда Россію, потому что тутъ сталкивались наши интересы съ видами Вѣнскаго и Прусскаго кабинетовъ: „Ваша свѣтлость,—писалъ Безбородко,—наполнили и дворъ, и городъ радостію доставленіемъ извѣстія о подписаніи мирныхъ прелиминаровъ. Преданные вамъ искренно, въ числѣ коихъ я себя изъ первыхъ почитаю, сугубое въ томъ прилагаютъ участіе, какъ въ событіи, которое съ толикою славою вѣнчаетъ ваши подвиги.

„Новый Саксонскій министръ отозвался отъ имени своего государя, что онъ желалъ бы знать, какъ мы взираемъ на избраніе его королемъ Польскимъ; во ожиданіи развязки рукъ, мы станемъ отлагать отповѣдь нашу, но, при томъ, казалось бы, время снестись съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами по дѣламъ Польскимъ, и потому себя учредить. Опасность главнѣйшая въ томъ предлежитъ, что императоръ и король Прусскій на будущемъ ихъ свиданіи не постановили бы касательно Польши чего либо такого, чтобъ ихъ завязало такъ, что намъ трудно успѣть, имѣя ихъ не на сторонѣ своей. Сомнѣніе сіе тѣмъ больше я имѣю, что при означенномъ свиданіи будетъ и курфирстъ Саксонскій, для удержанія котораго въ своихъ видахъ каждый, можетъ быть, согласится ему способствовать въ утвержденіи его выбора и конституціи послѣдней. Ваша свѣтлость не оставьте по сей матеріи просвѣщать меня вашимъ совѣтомъ, дабы можно было сообразить дѣла сіи съ планомъ извѣстнымъ, и по всей удобности отвращать затрудненія посторонныя".

На ряду съ дѣлами Польскими событія во Франціи принимали весьма серьезный и тревожный характеръ. Въ началѣ сентября 1791-го года графъ Безбородко писалъ о нихъ князю Потемкину: „Обрадованъ я чрезвычайно извѣстіемъ, что болѣзнь, васъ одержавшая, уменьшилась. Дай Богъ, чтобы ваша свѣтлость совершили наше обрадованіе полнымъ вашимъ выздоровленіемъ. Императоръ на свиданіи съ королемъ Польскимъ ничего рѣшительнаго по Польскимъ дѣламъ не постановили, а по Французскимъ положили дѣйствовать, и для того пріуготовить войска къ ихъ движенію. Они дали, за подписаніемъ своимъ, декларацію графу д'Артоа, тутъ же бывшему, и намъ сообщили. Отъ братьевъ королевскихъ пріѣхалъ сюда аккредитованный генералъ-маіоръ Эстергази для сношенія о мѣрахъ въ

пособіи возстановленію монархіи Французской, и мы со дня на день ожидаемъ курьера изъ Праги, императоромъ обѣщаннаго, по прибытіи коего я представлю вашей свѣтлости въ подробности сіе дѣло" [203]).

Дѣла Франціи вызвали графа Безбородку, 3-го сентября написать письмо къ В. П. Кочубею, которому онъ разъяснялъ въ немъ взгляды Екатерины II на событія Франціи и запрещалъ ему ѣхать туда: „Вы напрасно на меня пеняете за молчаніе по содержанію письма вашего, гдѣ вы требовали моихъ рекомендацій въ Парижъ. Молчаніе мое было основано на томъ соображеніи, что вояжъ вашъ въ сей городъ весьма былъ некстати. Давно запрещено нашихъ отпускать въ землю, толь развращенными началами управляемую, и дано приказаніе г. Симолину всѣхъ оттуда выслать. Письмо ваше дошло въ такое время, когда уже у насъ помышляемо было о средствахъ къ пособію государю и его семейству, угнетеннымъ взбунтовавшимися его подданными. Съ прекращеніемъ нашихъ хлопотъ съ Пруссіею и Англіею, и закончаніемъ прелиминарій съ Портою идетъ дѣло между нами, Вѣнскимъ, Берлинскимъ, Стокгольмскимъ, Туринскимъ, Неапольскимъ и Мадритскимъ дворами о принятіи мѣръ прекратить зло во Франціи, и законное правленіе монарха возставить. Кстати ли было бы вамъ туда ѣхать? Ежели вы рѣшитеся вояжировать въ Италію, внутрь Германіи, я письма пришлю; а во Францію вы ѣхать не можете и не должны, ибо инако вы подвергнете себя опасности не только не употреблену быть никогда въ дѣло, но иногда и секвестру имѣнія. Я столько добрыхъ имѣю о васъ мыслей, что и думать не смѣю, чтобы вы хотя малѣйше заразились духомъ разврата Французскаго; и потому увѣренъ, что вы, зная положеніе дѣлъ, теперь планъ путешествія вашего перемѣните...

„Женету [Французскому повѣренному въ С.-Петербургѣ] объявлено, чтобы онъ у двора не являлся, ибо здѣсь имѣютъ дѣло съ королемъ, а не съ собраніемъ, законную власть своевольно уничтожившимъ. Въ Швеціи, Вѣнѣ и Неаполѣ тоже учинено" [204]).

Относительно Французскаго повѣреннаго при нашемъ дворѣ, Женета, сохранилась собственноручная записка графа Безбородки, для государыни, въ которой онъ доказываетъ, вопреки мнѣнію вице-канцлера, необходимость дипломатическаго шокированія представителя Французскаго двора, во имя попранія народныхъ прерогативъ королевской власти во Франціи [205]).

Графу Безбородкѣ, 16-го сентября, пришлось въ послѣдній разъ заочно бесѣдовать съ княземъ Потемкинымъ относительно политическихъ обстоятельствъ: „Усердно желаю, чтобъ мое письмо нашло васъ

въ совершенномъ выздоровленіи къ обрадованію вамъ благодарныхъ и нелицемѣрно привязанныхъ. Мы еще и по сіе время не имѣемъ обѣщаннаго императорскаго курьера, по видимому, изъ Праги отправленнаго чрезъ Вѣну, гдѣ его князь Кауницъ задержитъ непремѣнно. Берлинскій дворъ ведетъ себя изрядно, и по Французскимъ дѣламъ весьма дружески объясняется. Мы знаемъ, что Лукезини писалъ къ Гольцу, сюда, нарекая, что онъ не удерживалъ модификацій въ пользу Порты, особливо же по пункту неукрѣпленія земли, намъ уступленной, на что, будто бы, отъ князя Репнина соглашеность было sub spe rati [въ надеждѣ утвержденія]. Гольцъ тѣмъ очень тронутъ былъ, а болѣе еще Витвортъ, которому, или лучше сказать, его двору тутъ сдѣланы угрозы, будто бы они причиною, что король Прусскій пожертвовалъ своими союзниками—Турками. Нельзя довольно пересказать вашей свѣтлости неистовыхъ поступковъ Деболіевыхъ. Онъ на Россію и лично на васъ, а изъ своихъ на графа Браницкаго, всякую злость изъявляетъ. Въ безпрерывномъ коммеражѣ съ своимъ великимъ государемъ другъ друга учатъ, что писать. Но я прошу вашу свѣтлость сохранить сіе для себя однихъ. Довольно, что мы вѣдаемъ, какіе они оба, и что на короля особливо отнюдь никто ни малой надежды полагать не долженъ. Да, кажется, что государыня и весьма теперь видитъ всю неблагодарность королевскую" [206]).

Черезъ мѣсяцъ, именно 11-го октября, графъ Безбородко сообщилъ графу С. Р. Воронцову, какъ о политикѣ нашей за это время, такъ и о себѣ, по отношенію къ тогдашнимъ событіямъ: „По сію пору не имѣемъ еще извѣстія объ открытіи конференціи въ Яссахъ, куда еще 20-го сентября пріѣхали Турецкіе полномочные. Двое изъ нашихъ были еще въ постели, то есть Самойловъ и Рибасъ, да и за болѣзнію князя Потемкина, Турки еще не были у него на визитѣ. Первый самый курьеръ откроетъ наклонность негоціаціи, которая, дай Богъ, чтобы имѣла добрый оборотъ.

„Болѣе 2-хъ лѣтъ мы держали въ Берлинѣ Алопеуса. Онъ намъ не пособилъ ничѣмъ и вмѣсто нашего эмиссара, кажется, служитъ, агентомъ Пруссіи. Все случившееся прежде вы сами знаете, но вотъ новое доказательство его надежности! Алопеусъ прислалъ къ ея величеству письмо герцогини Курляндской, которая сообщаетъ за конфиденцію планъ, ей предлагаемый, выдать дочь свою за принца втораго Оранскаго, avec une succession éventuelle du duché de Courlande, и требуетъ на то согласія государыни. Чухонецъ, видно, присовѣтовалъ герцогинѣ и меня интересовать преласковымъ ея письмомъ, которое онъ же препроводилъ съ своимъ. Государыня даетъ ей отвѣтъ, отъ всѣхъ безпристрастныхъ одобряемый, и который большому мужу, Пруссіею обладающему, не полю-

бится. Я учтиво ея свѣтлости отвѣчаю, ссылаяся на письмо государыни а Алопеусу дѣлаю свой комментарь, за который его протекторъ весьма на меня гнѣвается. Ваше сіятельство представить не можете, какую конфузію, коммеражъ и непріятности сей мой старшій товарищъ въ дѣлѣ мѣшаетъ. Если бы я въ дѣлѣ не рѣшился дождаться только мира и потомъ или вовсе отъ службы отстать, или, по крайней мѣрѣ, какъ [Салтыкъ] говаривалъ, изъ гусаръ въ карабинеры на рекреацію, то есть: быть оберъ-гофмейстеромъ и титулярнымъ министромъ въ Совѣтѣ, или, лучше сказать, пóчту читать; то бы я уже отъ одного сего убрался, отъ иностраннаго департамента. Утѣшеніемъ мнѣ служитъ, что государыня сама видитъ изъ сокровенныхъ особливо каналовъ, что чужеземцы многое знаютъ отъ какихъ либо у него невѣрныхъ людей, и жалуются, что члены моей канцеляріи дики, неприступны и въ особой сферѣ обращаются“ [207]).

И такъ, графъ Безбородко нетерпѣливо ожидалъ мира съ Турціею и готовился, воспользовавшись имъ, какъ завершеніемъ своихъ трудовъ, оставить службу.

Вдали отъ двора, на театрѣ войны, гдѣ властвовалъ всесильный Потемкинъ, совершилось событіе, заставившее графа Безбородку отказаться отъ своихъ намѣреній оставить службу.

Въ концѣ сентября мѣсяца скончался въ Галацѣ принцъ Виртембергскій, отъ желчной лихорадки; князь Потемкинъ, суевѣрный, мнительный и пораженный мыслію о неожиданной смерти принца, въ Галацѣ, на похоронахъ принца, вмѣсто своихъ дрожекъ, ошибкою сѣлъ на дроги, привезшія тѣло принца, захворалъ и поселился въ окрестностяхъ Яссъ. Скоро, поправившись, онъ возвратился въ городъ и вновь заболѣлъ, послѣ обѣда. 4-го октября, онъ выѣхалъ изъ Яссъ, а 5-го, не доѣзжая до Николаева, „выпрыгнулъ“ изъ кареты „съ босыми ногами, крича, что умираетъ и ничего уже не видитъ, а чрезъ пять минутъ предсмертнаго томленія испустилъ духъ, на большой дорогѣ“ [208]).

По отзыву же графа Безбородки, который будетъ приведенъ ниже, князь Потемкинъ умеръ отъ геммороя и необычайнаго разлитія желчи, раздраженной разными непріятностями въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ.

Вѣсть о кончинѣ князя Потемкина достигла столицы 12-го октября, въ 5 часовъ пополудни, а къ 8-ми часамъ вечера члены Совѣта приглашались повѣстками собраться во дворецъ. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія графъ Безбородко объявилъ, что императрица въ этотъ самый вечеръ „получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генералъ-фельдмаршала князя Г. А. По-

темкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміей, такъ и по мирной съ Турками негоціаціи". Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генералъ-аншефу Каховскому и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, „осмѣлился представить ея величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе ея величество и изволила принять за благо". Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки, въ третьемъ пунктѣ протокола, опредѣлилъ слѣдующее: „Что̀ принадлежитъ до отправленія графа Безбородка, то возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ ея императорскаго величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры сходно достоинству ея императорскаго величества и благу государства завременно принять надлежитъ" [209]).

Данный, по этому случаю, графу Безбородкѣ рескриптъ поименовываетъ прежніе рескрипты [210]) по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирные переговоры съ удержаніемъ въ пользу императрицы „всего возможнаго на основаніи ультимата" и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла, для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ. Сообщая, за тѣмъ, о распоряженіяхъ, данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ „надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами", рескриптъ заканчивается словами: „Да управитъ Всевышній путь вашъ и да поможетъ вамъ свершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро отечеству".

Въ тотъ же день, т. е. 13-го октября, генералъ-маіору Попову, правителю канцеляріи покойнаго князя Потемкина, посланъ указъ съ извѣстіемъ о назначеніи графа Безбородки преемникомъ Потемкину по веденію мирныхъ переговоровъ; а самъ Безбородко отправилъ Самойлову,—главному изъ уполномоченныхъ,—письмо съ предписаніемъ „производить негоціацію".

На поѣздку и на издержки императрица собственноручно назначила Безбородкѣ „десять тысячъ золотою и серебрянною монетою".

14-го октября Екатерина II подписала ему „полномочіе", при этомъ назвала Безбородку „нашъ любезновѣрный"; а 16-го октября 1791 года, передъ полуднемъ [211]), преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга.

Заготовленіе бумагъ по дѣламъ, которыми такъ блистательно управлялъ графъ Безбородко, Екатерина II немедленно поручила Трощинскому, а докладъ бумагъ и дѣлъ возложила на П. А. Зубова. 18-го октября, въ письмѣ къ князю Вяземскому, Зубовъ извѣщалъ, что „ея императорское величество, за отсутствіемъ г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа А. А. Безбородки, дѣла, имъ производимыя, ввѣрить мнѣ соизволила" [212]). Д. Б. Мертваго, просившійся въ то время въ секретари къ Зубову, указываетъ на это: „Молодой человѣкъ, бывшій тогда весьма важнымъ при дворѣ, по случаю отъѣзда правителя кабинетскихъ дѣлъ на конгрессъ, назначенъ былъ исправлять его должность" [213]).

Какъ ни поспѣшенъ былъ отъѣздъ графа Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвиняли его въ медлительности и провозглашали его „тяжелымъ и безполезнымъ" [214]). Не такъ судила Екатерина II. Вскорѣ по отъѣздѣ его, 19-го октября, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: „О содержаніи Турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лашкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, что тутъ ничего не будетъ проронено" [215]).

Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ-де-Серра-Капріола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 [12]-го ноября, ласкаетъ себя надеждою, „что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ [Безбородко] соединяетъ въ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ томужъ, чрезъ его руки, проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи".

Съ отъѣздомъ графа Безбородки въ Яссы, между нимъ и императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины II, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря.

Первое донесеніе императрицѣ Екатеринѣ II графъ Безбородко отправилъ, изъ Заполья, 17-го октября [216]).Государыня отвѣчала ему двумя довольно длинными рескриптами, отъ 19 и 20-го октября. Въ первомъ, собственноручномъ, увѣдомивъ Безбородку о полученіи „на другой день" письма̀ его „со всѣми приложеніями" Екатерина II, между прочимъ, писала: „Шалости господина Каменскаго несносны, сказываютъ. Одна бѣда не бываетъ, но всегда два несчастія вмѣстѣ: такъ то потеря князя, да Каменскій взялъ своевольно команду, ему ни отъ кого не порученную, къ вящему огорченію всѣхъ.

Я опасаюсь, чтобъ, при прибытіи Каховскаго до моего курьера, новыхъ комедій не было отъ него". Сказавъ, за тѣмъ, что она „Васильемъ Степановичемъ Поповымъ весьма довольна, что онъ нашелся совершенно посреди горести и отчаянія", императрица касается переговоровъ по заключенію мира: „Весьма нужно, ежели миръ пойдетъ въ ладъ, чтобъ соображены были выходъ войскъ и возвращеніе флотиліи изъ Дуная, со возможностію. Старайтеся при мирѣ, по плану фельдмаршала, привести, буде возможность только, Средиземную флотилію съ Греками, и продолжайте Грековъ ласкать и принимать съ своими наравнѣ, также духовенство и самыхъ Молдаванъ не давайте въ раззореніе ни своихъ, ни чужихъ. Отъ Потоцкаго и Ржевусскаго я получила письмо и планъ; я къ нимъ отвѣтствую, что вы отъ меня уполномочены съ ними условиться въ пользѣ дѣлъ ихъ. Къ полномочнымъ нашимъ отвѣтствую, одобряя ихъ и ссылаясь на данныя вамъ повелѣнія". Далѣе приказано озаботиться обезпеченіемъ „въ содержаніи войска и полномочныхъ".

Рескриптомъ, отъ 20-го числа, графу Безбородкѣ повелѣвалось собрать подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ Азіатскихъ посланцовъ, находившихся при покойномъ князѣ, и „купно съ мнѣніемъ его, кого изъ нихъ (по соображеніи обстоятельствъ, относящихся до связей съ тѣми народами и могущей быть отъ дальнѣйшаго утвержденія оныхъ пользы для Россіи) препроводить въ С.-Петербургъ".

Рескриптомъ, отъ того же числа, императрица увѣряла полномочныхъ, черезъ которыхъ велись переговоры съ Турками при Потемкинѣ, именно Самойлова, Рибаса и Лашкарева, что она сохраняетъ „въ незабвенной памяти заслуги покойнаго князя Потемкина и не оставляетъ безъ особаго уваженія и тѣхъ, кои подъ его руководствомъ служили", и увѣдомляла ихъ, что дальнѣйшія приказанія сообщитъ имъ графъ Безбородко, который уже въ дорогѣ и скоро прибудетъ.

27-го октября, полномочные, съ своей стороны, отправили къ графу Безбородкѣ донесеніе, въ которомъ сообщили, что Турки не согласились сначала на „приступленіе къ начатію конференцій" безъ „новыхъ полныхъ мочей" [217]), за смертію Потемкина; но съ присылкою высочайшаго повелѣнія о продолженіи мирныхъ переговоровъ, а равно письма Безбородки, и съ полученіемъ, по ихъ желанію, означеннаго повелѣнія въ переводѣ на Французскій языкъ, Турки потребовали только для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности по особой Русской копіи съ него, и обѣщали начать конференціи, но не съ 29-го октября, какъ назначили Русскіе полномочные, а съ 30-го, такъ какъ 29-е число „случилось въ среду, а, по суевѣрію Турокъ, оный день считается у нихъ неблагополучнымъ въ начатію какого

ни есть дѣла, особливо столь спасительнаго, каково есть примиреніе двухъ имперій. Всѣ мусульмане не предпринимаютъ никакого дѣла, особенно, въ среду, когда она приходится въ послѣдній день четверти луны, называемой у арабовъ Акрэбъ—день тяжелый" [218]).

Письмо съ донесеніемъ уполномоченныхъ графъ Безбородко отправилъ къ императрицѣ 1-го ноября, изъ Ольвіополя. Увѣдомивъ, что онъ приближается къ Яссамъ съ великимъ трудомъ, по причинѣ чрезвычайно худой дороги, Безбородко испрашивалъ, въ запасъ, особой полной мочи для нашихъ уполномоченныхъ, которую обѣщался употребить, съ соблюденіемъ полнаго приличія, только въ случаѣ настоянія Турецкаго, чтобъ, за однѣми пустыми формами, не продолжить дѣло.

Между тѣмъ, императрица, отъ 4-го ноября, вновь писала графу Безбородкѣ: „Почитая васъ уже теперь прибывшимъ въ Яссы, ожидаю отъ васъ нетерпѣливо увѣдомленія о возложенномъ на васъ дѣлѣ, не имѣя отъ васъ съ дороги, кромѣ того письма, при которомъ приложены были Польскія письма, на которыя я немѣшкотно отвѣтствовала".

Вечеромъ, 4-го ноября, графъ Безбородко прибылъ въ Яссы, и при этомъ „выказалъ, по словамъ Гельбиха, роскошь владѣтельнаго восточнаго сибарита" [219]).

Роскошь могла только облегчить графу Безбородкѣ успѣшный приступъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла, и несомнѣнно, что она нисколько не помѣшала ему сразу приняться за дѣло со всею энергіею и со всею основательностію.

Два первыхъ дня, по пріѣздѣ въ Яссы, графъ Безбородко посвятилъ именно на изученіе дѣла и на узнаніе ближайшихъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. За тѣмъ, 5-го ноября, онъ отправилъ письмо къ визирю, повѣстку къ Турецкимъ уполномоченнымъ, обстоятельное донесеніе императрицѣ, въ которомъ представляетъ замѣчательныя характеристики Турецкихъ уполномоченныхъ и любопытное письмо графу А. Р. Воронцову. Императрицѣ онъ доносилъ: „Первый изъ нихъ—Абдуллахъ-рейсъ-эфенди, человѣкъ, по ихъ образу понятія, въ дѣлахъ искусный, скромный и вѣжливый, но слывущій у нихъ за самаго хитраго и дѣльнаго человѣка. Опасаясь потерять голову, будетъ онъ искать протянуть дѣло, въ ожиданіи перемѣны какой либо въ обстоятельствахъ. Но, впрочемъ, робкій и тихій: когда увидитъ, что не допустятъ его продолжать время, то непремѣнно, въ отвращеніе разрыва и возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, согласится на всѣ пристойныя и удобныя къ тому средства. Второй—Изметъ-бей, воинскій судья, сынъ извѣстнаго Рейсъ-эфендія Измаилъ-бея, бывъ отцемъ своимъ посвященъ въ число улемовъ, отличается

между ними ненавистью къ христіанамъ и сильнымъ фанатизмомъ. Онъ не любитъ войны и боится, чтобы продолженіе ея не обратилося къ разрушенію имперіи ихъ, особливо послѣ опытовъ, что нельзя имъ надѣяться на защиту и пособіе Англіи и Пруссіи; желаетъ окончанія сей войны, но думаетъ, чтобъ сдѣлать миръ сколько можно для себя выгоднѣйшій. Товарищи его весьма боятся. Третій—Дурри-Заде-Рузнабеджи, или генералъ-контролеръ, военный, человѣкъ въ разныхъ дѣлахъ употребляемый, великій пріятель Рейсъ-эфендію, весьма миролюбивый и, въ бытность его при Портѣ, отъ миссіи нашей съ пользою по разнымъ надобностямъ употребленный. Драгоманъ Порты настоящій заслуживаетъ особое примѣчаніе. Онъ старшій сынъ господаря Мурузи и самъ имѣющій уже запасный хатышерифъ на господство Молдавское. Понеже отецъ его, вступивъ на мѣсто Гики, котораго и смерти онъ способствовалъ, не былъ инако со стороны нашей трактованъ, какъ человѣкъ злой и сущій Турокъ; то, по мнѣнію всѣхъ, скрываетъ онъ въ себѣ огорченіе противу Россіи. Впрочемъ, интересованъ онъ, однакожъ, въ скорѣйшемъ совершеніи мира тѣмъ, чтобъ скорѣе пользоваться господарствомъ, ему даннымъ. Человѣкъ вида пріятнаго и съ немалымъ разумомъ изъясняющійся. Вообще, всѣ они для Турковъ довольно искусные люди. Сіе доказываетъ то осторожное поведеніе, которое наблюдали и наблюдаютъ они касательно бывшей у насъ съ союзными дворами негоціаціи. Сколько ни старались довести ихъ до какихъ либо откровеній по сей матеріи и до того, чтобы они полюбопытствовали увидѣть и прочесть ноты Англійскія и Прусскія, Рейсъ-эфендій умѣлъ отъ того отдѣлаться, говоря, что баронъ Гербертъ сказывалъ имъ нѣчто подобное, но что они о томъ оффиціально ничего не вѣдаютъ, да и не знаютъ, чтобы тутъ могло быть общее съ мирными переговорами, безпосредственно между двумя великими имперіями производимыми. По таковомъ краткомъ начертаніи свойствъ Турецкихъ полномочныхъ, ваше императорское величество усмотрѣть соизволите, что небезтрудный предлежитъ подвигъ въ окончаніи съ ними дѣла; но я надѣюсь на помощь Божію и на добрые успѣхи, сопровождавшіе ваши намѣренія и дѣла, что при скоромъ поворотѣ сихъ переговоровъ, при оказаніи твердости въ настояніяхъ и при удостовѣреніи Турковъ, что, въ случаѣ несоглашенія ихъ, готовы мы на брань, уже иныя будутъ предстоять условія, и всѣ увертки ихъ вотще обратятся“.

Въ письмѣ къ графу Воронцову онъ описалъ встрѣчу, сдѣланную ему главнымъ командиромъ арміи, при въѣздѣ въ Яссы: „Ежели невыгоды и безпокойства, по службѣ терпимыя, стоятъ какого либо уваженія, то тѣ, что я перенесъ въ дорогѣ, не малой цѣны стоятъ. Я наѣхалъ

три зимы [?], спалъ во всю дорогу двѣ ночи, въ Стольномъ [у матери], да въ Кременчукѣ. Но, слава Богу, доѣхалъ я сюда вчера предъ захожденіемъ солнца. Главный командиръ арміи, считая, что качество du suprême ou principal plénipotentiaire требуютъ большихъ оказательствъ, особливо въ виду Турковъ, сдѣлалъ мнѣ преогромный пріемъ. Кромѣ разныхъ пособій въ дорогѣ, при въѣздѣ моемъ въ Яссы, въ 4-хъ верстахъ отъ города, высланы были противу меня конвойный гусарскій эскадронъ, сто казаковъ Донскихъ и Молдавскій гетманъ, съ его командою и знаменами. Наши полномочные тутъ же меня ожидали, всѣ трое съ шестимѣстною каретою покойнаго фельдмаршала, въ которую пересѣлъ я съ В. С. Поповымъ и Билеромъ. Подъѣзжая къ городу, встрѣтили меня бояре диванскіе съ прочимъ дворянствомъ. Въ то же время началася пушечная пальба и колокольный звонъ. Всѣ окна по домамъ и улицы наполнены были многочисленнымъ народомъ. Въ квартирѣ моей поставленъ караулъ, рота съ знаменами. По принятіи меня у подъѣзда разными чинами, нашелъ я въ залѣ главнаго командира арміи со всѣмъ генералитетомъ. На другой день ѣздилъ я къ нему и имѣлъ разговоръ по дѣламъ, потомъ въ монастырь Голь, гдѣ живетъ архіепископъ и стоитъ тѣло фельдмаршала. Архіепископъ, знавъ, что я пойду прямо въ церковь къ гробу покойника, встрѣтилъ меня въ дверяхъ со всѣмъ духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ, и потомъ принялъ меня у себя; а когда я, по сдѣланіи визиты знатнѣйшимъ дамамъ фамиліи князя Потемкина, возвратился, то архіерей со всѣми епископами навѣстилъ меня. Симъ образомъ отдѣлался я отъ суетныхъ церемоній, пославъ карты всѣмъ генераламъ и полковникамъ.

„О дѣлахъ изволите усмотрѣть изъ моей реляціи къ государынѣ. Завтра буду я имѣть визиту у Турецкихъ полномочныхъ. А между тѣмъ, послалъ уже я къ визирю. Сего дня я длинный имѣлъ совѣтъ съ своими министрами. Они вовсе въ дѣлахъ несвѣдущи, и кромѣ Рибаса, который, при плутовствѣ, довольно понятливъ, никакого понятія, какъ и съ кѣмъ негоцировать, не имѣютъ; а Турки, въ своемъ родѣ, довольно удалые и хорошіе пріятели Лукезинію. Я имъ, на первой конференціи [220]), положилъ дать всѣ пункты, чтобъ разомъ обдумали. Вы помните, что, по вашему совѣту, удалось намъ таковымъ образомъ скоро кончить торговый съ ними трактатъ. Я имъ долженъ всѣ претензіи, хотя и пустыя, предложить; ибо, если ихъ умолчу, то скажутъ, что я небрегъ о томъ, что покойникъ навѣрное бы сдѣлалъ. Но послѣ сладимъ, какъ можно и прилично. Увидятъ, что я не съ горячкою, но съ нѣкоторымъ жаромъ подкрѣплю свои требованія и доведу ихъ до необходимости скоро кончить, такъ или инако.

Дѣло, можетъ быть, дойдетъ до угрозъ, но и сіи я употреблю своимъ манеромъ; скажу, напримѣръ, что останется окончать негоціацію дѣйствіемъ военнымъ; но чтобъ они знали, что условія, теперь предлагаемыя, недостаточны уже будутъ, а станемъ требоватѣ новыхъ жертвъ. Употреблю сіе же внушеніе и у визиря; а можетъ быть, подъ видомъ посылки денегъ къ плѣннымъ, что здѣсь Турки дѣлаютъ, пошлю курьера въ Царьградъ къ Лудольфу, дабы онъ тамъ сообщилъ образъ мыслей нашихъ. Но я боюся, чтобъ злые люди у васъ мнѣ не вредили. Подумайте, какіе есть они, когда знаете, что Михайло Потемкинъ, которому я кромѣ ласки и вѣжливости ничего не показалъ, пріхавъ сюда, старался натолковать Самойлову и Рибасу, чтобъ они меня не уважали, не поддавалися мнѣ ни въ чемъ, дѣлали сами, чтобъ писали прямо ко двору и чтобъ первый отозвался къ Платону Александровичу; порочилъ почести, мнѣ сдѣланныя отъ главнаго командира арміи. Теперь лежитъ онъ боленъ, а въ существѣ не хочетъ, думаю, вести себя противу меня наравнѣ съ другими. Я надѣюся на дружбу вашу, что вы меня противу навѣтовъ коварныхъ охраните. Впрочемъ, всѣмъ прочимъ я здѣсь очень доволенъ.

„Народъ здѣсь празденъ. Я имъ оставилъ на диспозицію всѣ антикамеры, а самъ держуся одной комнаты, чтобъ писать и успѣвать съ дѣломъ; вѣрьте, что я не теряю ни минуты и всѣмъ весьма на скоро поворачиваю; да и дай Богъ отсюда уѣхать! Здѣсь очень дорого. Вы знаете, что меня отправили на посольство небогатою рукою; а я принужденъ держать столъ на 24 куверта всякій день, и особливо для офицеровъ на ордонансѣ и секретарей на 12; освѣщать домъ большой, поить множество народа чаемъ и кофеемъ, давать порціонныя деньги караулу и прочее. Но мнѣ не жаль будетъ издержки, лишь бы дѣло благополучно кончилось.

„Спѣша нàскоро отправить перваго курьера, я надѣюся съ будущимъ написать вамъ болѣе и особливо пообжившися и пооглядѣвся въ арміи и землѣ. Посылаю, для вашего свѣдѣнія, письмо извѣстнаго нашего корреспондента и прошу все сіе сообщить Петру Васильевичу [Завадовскому] и Аркадію Ивановичу [Моркову]. Не оставьте подкрѣплять Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго], чтобъ онъ не покидалъ дѣла. Кончимъ вмѣстѣ, а, впрочемъ, я безъ него какъ на льду останусь, хотя при добромъ успѣхѣ въ моей миссіи, мнѣ надобно помышлять объ иномъ себя устройствѣ. Будьте, впрочемъ, увѣрены, что моя къ вамъ преданность и благодарность кончатся съ жизнію“ [221]).

Ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состоявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самой-

ловымъ, Рибасомъ и Лашкаревымъ, графъ Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. „Метода негоціаціи,—доносилъ императрицѣ графъ Безбородко,—тутъ употребленная, совсѣмъ ненадежна для поспѣшнѣйшаго ея окончанія. Сообщая Туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо, ежели они, по трусости своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы и, по крайней мѣрѣ, до срока перемирія будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподалъ я имъ ту самую методу, которая уже не одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ Туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей, въ субботу [т. е. 8-го ноября], конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оные. Тутъ, хотя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получать, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныя примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ. Первое, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегалися касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно покойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ вашего величества, не было утверждено; слѣдовательно, намъ должно и оставить себя господами рѣшиться въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства, такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать неполезно. Второе, чтобъ держалися основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая Туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгрессахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если Турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представятъ визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія и на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Бароцци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы конференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ

быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ".

Свое донесеніе графъ Безбородко оканчиваетъ извѣстіями о наклонности Турокъ къ окончанію войны. Извѣстія эти получены были отъ визирскаго курьера Агассы-Абдула-аги подполковникомъ Ибрагимовичемъ, лично извѣстнымъ императрицѣ, котораго и покойный князь Потемкинъ неоднократно употреблялъ для важныхъ дипломатическихъ порученій и графъ Безбородко отправлялъ съ извѣстительнымъ письмомъ къ великому визирю въ Шумлу. Агассы-Абдулъ-ага сообщилъ Ибрагимовичу, что „визирь остался въ Шумлѣ, и Санджакъ-Шерифъ положенъ въ ящикъ, что̀ у Азіатскихъ народовъ означаетъ точное и рѣшительное прекращеніе войны"; что „когда великій визирь, чрезъ курьера, отправленнаго къ нему изъ Яссъ Турецкими уполномоченными, услышалъ о смерти свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, онъ съ горестію произнесъ слова: „Ахмедетъ! [ахъ, помощникъ]. Кончина твоя воспрепятствовала скорѣйшему совершенію начатаго нами спасительнаго дѣла"; что онъ, Агассы-Абдулъ-ага, „видѣлъ во многихъ мѣстахъ крайнюю бѣдность и разореніе, слышалъ всюду великое роптаніе на несчастіе войны и общее мнѣніе Турокъ въ томъ, что изъ всѣхъ Масульманъ нѣтъ благополучнѣе Крымцевъ, которые, не бывъ причастны къ войнѣ и пагубнымъ ея слѣдствіямъ, благоденствуютъ подъ державою Россійской императрицы"; и что „Турецкій народъ о своемъ султанѣ такого мнѣнія: хотя къ титулу его приписывается названіе милосерднаго [адиль], однако жестокость его и упрямство не кончается съ молодыми его лѣтами, по пословицѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку" [232]).

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ графъ Безбородко препроводилъ къ императрицѣ и другое секретное, о прибывшихъ въ Яссы Польскихъ графахъ— Потоцкомъ и Ржевусскомъ: „По прибытіи моемъ въ Яссы, свѣдавъ отъ генералъ-маіора Попова и статскаго совѣтника барона Билера, что графъ Потоцкій и графъ Ржевусскій находятся въ Буковинѣ, въ 170-ти верстахъ отъ Яссъ, ожидая высочайшей вашей отповѣди на письма ихъ, послалъ я къ нимъ нарочнаго съ письмами вашего императорскаго величества. Дабы скрыть мое съ ними свиданіе, предложилъ я имъ для онаго лежащую отъ Яссъ въ 6-ти верстахъ деревню Чердакъ, гдѣ иногда покойный фельдмаршалъ имѣлъ свое пребываніе; и туда я, подъ видомъ прогулки и охоты, на сутки или двое отлучуся съ помянутыми генералъ-маіоромъ и статскимъ совѣтникомъ. Въ проѣздѣ моемъ отъ многихъ я слышалъ, что бытности Ржевусскаго и Потоцкаго даются разные толки. Я, однакожъ, видѣвъ въ пути моемъ, близъ Могилева, генералъ-поручика, князя Любомирскаго, и

узнавъ, что было намѣреніе у покойнаго фельдмаршала купить Гуманъ [?], стараюся внушать, что пріѣзду Потоцкаго не иное что, какъ подобная спекуляція была причиною. Ржевусскій же оставался въ Галиціи".

Третья бумага, отправленная графомъ Безбородкою, по пріѣздѣ въ Яссы была письмо его къ П. А. Зубову, который постоянно писалъ изъ Петербурга къ Безбородкѣ съ курьерами, отвозившими въ Яссы бумаги, посылаемыя императрицею или канцеляріею. Въ первомъ письмѣ своемъ, отъ 20-го октября, Зубовъ выражалъ Безбородкѣ „пожеланіе благополучія" и сообщалъ „дворскія новости". Въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 5-го ноября, Безбородко излагаетъ установленный имъ планъ для продолженія мирныхъ переговоровъ и описываетъ предшествовавшіе его пріѣзду въ Яссы труды по переговорамъ нашихъ уполномоченныхъ. „Ссылаяся на донесеніе мое ея императорскому величеству, не повторяю я содержаніе онаго, а присовокупляю только, что, какъ мы надѣемся, къ слѣдующей субботѣ, буде же не успѣютъ переводами (ибо ничто еще не было готово до моего пріѣзда), по крайней мѣрѣ, въ понедѣльникъ, вручить Туркамъ полный проэктъ трактата, въ которомъ внесутся задачи о Закубанскихъ народахъ и о пропускѣ судовъ нашихъ изъ Бѣлаго моря чрезъ каналъ въ Черное, разумѣя тѣ, что̀ были подъ командою полковника Качони и флота капитана Гилельма, и о денежномъ удовлетвореніи за издержки [223]): то первыя, послѣ той конференціи, натурально, будутъ съ большимъ шумомъ. Мы станемъ располагать сами артикулами, на основаніи данныхъ отъ ея величества наставленій, такъ, чтобы не прежде спускать оные, какъ въ случаѣ крайняго упорства, и то въ облегченіе другихъ, для насъ существенныхъ. Полагая непремѣнно, что Турецкіе полномочные отнесутся къ визирю и отъ него отвѣтъ въ первыхъ числахъ декабря получатъ, можно, кажется, надѣяться, что прежде исхода того мѣсяца негоціація однимъ или другимъ образомъ окончена будетъ. Что̀ же касается до намѣренія ихъ, о коемъ я отъ многихъ здѣсь слышу, предложить и съ своей стороны разныя требованія, въ нихъ на отрѣзъ имъ отказать надобно, сославшися на прежніе договоры, нынѣ возобновляемые. О полныхъ мочахъ настоитъ не малое затрудненіе. Они приняли мнѣ данную и отъ меня возобновленный листъ нашимъ, и сказали только, что поелику вступили они въ переговоры до моего прибытія по полномочію умершаго, взявъ за поводъ къ тому указъ ея величества на имя Александра Николаевича Самойлова, то и должны удержать съ тѣхъ копіи, нашими засвидѣтельствованныя, въ свое оправданіе".

Не получивъ еще депешъ съ только-что приведенными извѣстіями, императрица, въ отвѣтъ на письмо, писанное графомъ Безбородкою изъ

Ольвіополя 1-го ноября и полученное ею въ Петербургѣ 8-го, собственноручно сообщала своему главноуполномоченному въ Яссахъ, отъ 11-го ноября, слѣдующее: „По представленію вашему, требуемыя полномочія, вдвойнѣ заготовленныя, одни за моимъ подписомъ, а другія съ одной государственной печатью, къ вамъ сего дня посылаются. Изъ присланныхъ ко мнѣ дневныхъ записокъ мирной негоціаціи вижу я, что визирь всячески домогался бичевника на пядень имѣть по сю сторону Днѣстра; но князь [Потемкинъ] ему сей никакъ не давалъ; да и дать не должно, понеже когда уже Днѣстръ не граница будетъ, чего мы однако и союзнымъ державамъ, и Туркамъ, и всей Европѣ объявили. Да за пяднемъ пядень бы послѣдовалъ. И такъ, Бога для, ни вершка не давайте имъ по сю сторону Днѣстра, а бичевникъ могутъ заводить на свою сторону, ежели похотятъ“ [224]).

Приведенныя строки Екатерины II очень живо рисуютъ характеръ ея политическихъ взглядовъ и въ тоже время невольно заставляютъ чувствовать, какою она умѣла быть руководительницею даже для тѣхъ опытныхъ лицъ, которымъ поручала наши международныя сношенія. Эти строки показываютъ, что она слѣдила за всѣми подробностями мирныхъ переговоровъ, которые происходили въ Яссахъ, оцѣнивала и помнила дѣйствія и мысли покойнаго князя Потемкина. Внимательно разсматривала она и отчетливо обсуждала мѣры и соображенія, внесенныя въ это дѣло Безбородкою, и была ими вполнѣ довольна. Опредѣленное указаніе на такія чувства Екатерины II въ отношеніи къ началу мирныхъ дѣйствій Безбородки въ Яссахъ находится въ письмѣ Зубова, полученномъ Безбородкою съ тѣмъ же курьеромъ, которымъ было привезено письмо императрицы отъ 11-го ноября. „Донесеніе ваше,—писалъ Зубовъ,—государынѣ весьма было пріятно; съ удовольствіемъ изволила видѣть разумное распоряженіе ваше, какимъ образомъ трактовать мирное дѣло, совершенно одобрила рѣшительную методу вашу и въ твердой надеждѣ пребываетъ, что вскорѣ столь желаемый миръ воспослѣдуетъ“.

Между тѣмъ, 10-го ноября, состоялась первая въ присутствіи Безбородки [по общему счету третья] конференція нашихъ уполномоченныхъ съ Турецкими, а черезъ день послѣ конференціи, 12-го ноября, Безбородко отправилъ императрицѣ два донесенія. Въ первомъ изъ нихъ, Безбородко описывалъ заслуги умершаго князя Матвѣя Кантакузина. „Изъ всѣхъ бояръ Молдавскихъ и Волосскихъ фамилія князей Кантакузиныхъ, — писалъ Безбородко, — издавна отличалася усердіемъ и преданностію къ Россіи. Великій вистіарій сего княжества Иванъ Кантакузинъ еще до войны бывшей, обще съ умершимъ логофетомъ Палла-

діемъ, подавалъ разныя нужныя свѣдѣнія и способствовалъ переселенію людей изъ Молдавіи въ Новороссійскую губернію и въ Малороссію. Сохранилъ онъ во все время свою приверженность, и если бы не обольстило его возведеніе на господарство Молдавское шурина его, покойнаго князя Гики, то онъ тогда же бы въ Россію переселился. Не избѣжалъ онъ гоненія Турецкаго, и если бы смерть естественная отъ болѣзни не ускорила, то пострадалъ бы онъ насильственною: ибо три дни, по кончинѣ его, присланъ былъ изъ Царьграда нарочный, за головою его. Сынъ его, великій же вистіарій, князь Матвѣй Кантакузинъ, зять господаря Григорія Калимаха, казненнаго въ 1769-мъ году у Рябой-Могилы, по подозрѣнію въ доброжелательствѣ къ Россіи, наслѣдовалъ отцовское усердіе. Онъ былъ самый вѣрный корреспондентъ нашихъ консулей. Генералы-фельдмаршалы, графъ Румянцовъ-Задунайскій и покойный князь Потемкинъ-Таврическій отдавали ему полную справедливость. Послѣдній освободилъ домъ его отъ постоевъ, оказывалъ ему разныя пособія, пристроилъ дѣтей его въ Греческій кадетскій корпусъ, опредѣляя отъ себя выгоднѣйшее предъ другими имъ содержаніе, и наконецъ, когда сей вѣрный имперіи вашей человѣкъ рѣшился, не смотря на тяжкую свою паралитичную болѣзнь, переселиться въ Россію, далъ ему дозволеніе ѣхать, обѣщавъ предстательствовать у вашего императорскаго величества о пожалованіи ему чина заслугамъ его, по роду и степени сообразнаго, съ выгоднымъ пристроеніемъ, по примѣру одноземцевъ и однородцевъ его [225]). Вѣрность и усердіе суть лучшіе у вашего величества ходатаи за всякаго; великодушіе же и покровительство, котораго обыкли вы удостоивать всѣхъ, единственнымъ служатъ одобреніемъ для всѣхъ добронамѣренныхъ изъ здѣшняго народа“.

Во второмъ донесеніи графъ Безбородко сообщалъ о своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Турецкими полномочными: „Послѣ отправленія моей всеподданнѣйшей реляціи, отъ 5-го сего ноября, на другой день Турецкіе полномочные сдѣлали мнѣ визиту, въ присутствіи трехъ уполномоченныхъ со стороны вашего императорскаго величества, генералитета и многихъ другихъ чиновъ. Вѣдая, что, при жизни покойнаго генералъ-фельдмаршала, когда настояло дѣло о пріѣздѣ ихъ къ нему и о взаимномъ отъ него посѣщеніи, онъ сказалъ, что сдѣлаетъ то безъ всякой церемоніи, и видѣвъ примѣръ при Кайнарджійскомъ мирѣ, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій навѣстилъ бывшихъ тогда Турецкихъ министровъ, внушилъ я имъ, чрезъ перваго драгомана, что, хотя качество, въ каковомъ я отъ вашего величества присланъ, и поставляетъ для меня особыя уваженія: со всѣмъ тѣмъ я намѣренъ, для утвержденія знакомства и пріязни, прі-

ѣхать къ нимъ безъ всякихъ обрядовъ. Они были довольны симъ; но Рейсъ-эфендій не упустилъ тутъ изъяснить, что онъ знаетъ, что у насъ и у другихъ дворовъ не въ обычаѣ статскимъ министрамъ отдавать визиты посланникамъ или полномочнымъ министрамъ; что онъ дружески примѣчаетъ, чтобъ его не смѣшивали съ тѣми, которыхъ обыкновенно у нихъ посылаютъ, употребляя тамъ большею частью изъ самыхъ малыхъ чиновъ, а иногда и такихъ, что̀ весьма недавно слугами были, и что онъ и его товарищи отнюдь не такіе, но люди въ знатныхъ мѣстахъ находящіеся; просилъ, при томъ, драгомана оставить сіе безъ всякаго послѣдованія. 8-го ноября я былъ у нихъ, не взявъ съ собою никакой свиты, кромѣ перваго драгомана Яковлева и подполковника Бароцци, принятъ былъ съ особеннымъ уваженіемъ и ни малѣйше не примѣтилъ замашки къ какой либо съ ихъ стороны гордости, или грубости. Между тѣмъ, чрезъ драгомана, дано имъ знать, что какъ общее добро обѣихъ державъ требуетъ скорѣйшаго окончанія мирныхъ переговоровъ, то и положено у насъ на слѣдующей конференціи вручить имъ всѣ артикулы мирнаго договора. Хотя и отвѣтствовали они на сіе сообщеніе дружественно, похваляя нашъ планъ, яко надежнѣйшій для скорѣйшаго окончанія, но, по всѣмъ вѣрнымъ извѣстіямъ, оный былъ не по ихъ вкусу. Они желали, по обычаю своему, протянуть дѣло и отъ времени выжидать облегченій.

„Узнавъ, что они сепаратный артикулѣ о денежномъ удовлетвореніи оставили на столѣ конференціи, внушилъ я имъ, что непринятіе сего артикула даетъ и намъ поводъ не принять отъ нихъ никакого примѣчанія и, словомъ, никакой бумаги. Драгоманъ Порты, по выходѣ изъ дома Рейсъ-эфендія, сказалъ, что они его оставили въ общей залѣ и на общемъ столѣ, куда и паки они будутъ, и что они на все учинятъ дружескій отвѣтъ; что относительно артикуловъ о независимости народовъ Закубанскихъ и сепаратнаго о денежномъ удовлетвореніи (какъ совсѣмъ новыхъ и въ прелиминаріяхъ не поставеленныхъ) они никакъ сами рѣшительно изъясниться не могутъ, а представятъ визирю, дабы онъ со мною о томъ имѣлъ сношеніе; но что̀ до другихъ артикуловъ касается, то они рады о нихъ трактовать. Я на таковое партикулярное объясненіе и самъ объяснилъ, что касательно всѣхъ другихъ артикуловъ, которые основаны на прелиминаріяхъ, не трактовать, но подписать ихъ должно, и о сихъ я не оставлю снестися съ визиремъ и далъ п очувствовать наше на то право, и сущую необходимость (для прочности самаго мира и для обезпеченія границъ нашихъ) сдѣлать пристойное о Закубанскимъ пародахъ распоряженіе, каковое, конечно, къ обоюдной

выгодѣ и спокойству отъ насъ предложено. Оба сіи дни заняты Турки совѣтомъ между собою и письмомъ, сочиняя, какъ видно, отвѣтъ и готовя отправленіе курьеровъ къ визирю или въ Царьградъ, куда они иногда и прямо относятся; а какъ между обосторонними полномочными условлено, чтобъ быть конференціямъ, по крайней мѣрѣ, трижды въ недѣлю, то и пошлютъ наши сегодня, приглашая ихъ на завтра, дабы отнюдь дѣла не пустить въ даль. Осмѣливаюся всеподданнѣйше удостовѣрить ваше императорское величество, что, по полученіи ихъ отповѣди на артикулы, отъ насъ предложенные, не упущу я имъ отвѣчать съ твердостію, стараяся одержать все возможное, и ежели бы, паче чаянія, сверхъ ультимата, не удалося одержать что либо полезное, то, по крайней мѣрѣ, ничего изъ ультимата упущено не будетъ. Турецкіе полномочные стараются приводить меня въ замѣшательство, что, будто, при употребленіи приватномъ, во время прелиминарій, генералъ-маіора Рибаса и статскаго совѣтника Лашкарева, они въ разговорахъ своихъ увѣрили, что мы, сверхъ прелиминарій, ничего не спросимъ, что окажемъ всякую податливость, что, будто бы, Васыфи-эфендію сказалъ статскій совѣтникъ Лашкаревъ (а послѣ и у визиря подтвердилось), что мы никакого денежнаго удовлетворенія не требуемъ, а еще и болѣе имъ покажемъ свою дружбу. Но я, зная, что никто изъ нихъ не былъ отъ покойнаго фельдмаршала уполномоченъ на подобныя увѣренія, и что онъ, услыхавъ отъ Лашкарева, что онъ, сходно тому, нѣсколько въ приватныхъ разговорахъ съ визирскимъ докторомъ Жуліани отозвался, весьма не одобрилъ сего поступка. Посему внушено Туркамъ, что подобныя сказки ни къ чему не служатъ, что сіи особы не имѣли тогда никакой полной мочи и что дѣло наше долженствуетъ рѣшено быть скоро и дружескимъ соглашеніемъ".

Обѣщавъ, за тѣмъ, своевременно донести о послѣдующемъ и упомянувъ о подносимыхъ при депешѣ Варшавскихъ извѣстіяхъ и другихъ приложеніяхъ [226]) Безбородко заключаетъ свое донесеніе похвалою Попову, какъ „наилучшему своему помощнику".

Историкъ фонъ - Смиттъ разсказываетъ, что графъ Безбородко разомъ положилъ конецъ всѣмъ затрудненіямъ, при первомъ свиданіи съ Турецкими уполномоченными, спросивъ у нихъ съ Римскимъ лаконизмомъ: „Хотите ли войны, или мира? Можете имѣть и то, и другое. Миръ по Галацкимъ предварительнымъ статьямъ, или войну до конечной гибели. Выбирайте. Знакъ, поданный начальникомъ войскъ, подкрѣпилъ его слова, и они двинули войска съ ихъ квартиръ" [227]). Къ этой мѣрѣ, какъ увидимъ ниже, графъ Безбородко

прибѣгнулъ не тотчасъ по пріѣздѣ въ Яссы и не при первой встрѣчѣ съ уполномоченными Порты.

Въ письмахъ къ П. А. Зубову и къ П. В. Завадовскому, отправленныхъ съ курьеромъ, который везъ донесеніе императрицѣ, отъ 12-го ноября, Безбородко выразилъ всю трудность веденія переговоровъ съ Турками. Къ Зубову онъ писалъ: „Начало нашихъ переговоровъ довольно было шумно. Господа полномочные Турецкіе, довольно Лукезиніевымъ духомъ наполненные, попытываются вести себя и здѣсь, какъ въ Систовѣ съ Гербертомъ и товарищи. По несчастію, болѣзнь фельдмаршала препятствовала открыть тогда конференцію, и чтобы они хотя одинъ разъ выпалку выдержали. Я надѣюся, однакожъ, не дать имъ удержать Систовскаго тона и довести ихъ до увѣренія, что ежели мы мира желаемъ, то и войны отнюдь не боимся. Когда имъ сія конференція, 10-го ноября [по счету третья], не полюбилася, то стали ихъ приближенные твердить, что Богъ знаетъ, будетъ ли миръ и не надобно ли заранѣе посылать въ Багдадъ и другія Азіатскія мѣста за войсками. Я чрезъ такихъ, что̀ имъ, конечно, перескажутъ, выговорилъ, что намъ такъ далеко посылать не достанется; да и подлинно: армія прекрасная, какой я не видалъ, стотысячная почти, въ одной Молдавіи съ Бессарабіею. Думаю, однакожъ, что сладимъ, и ежели ничего изъ двухъ спорныхъ артикуловъ, которые и не были у насъ въ ультиматѣ, не удастся одержать, то, по крайней мѣрѣ, прочіе пункты въ полномъ вѣсѣ и силѣ, не перемѣня ничего, получимъ. Денежное удовлетвореніе я для того предложилъ, что и покойный фельдмаршалъ намѣренъ былъ оное употребить, въ сугубомъ намѣреніи: или что нибудь получить, или обратить уступку его въ облегченіе другихъ требованій. Тоже самое и артикулъ Закубанскій, хотя онъ не сходенъ съ обнадеживаніями, другимъ дворамъ данными (что претензію имѣть Днѣстръ границею, другіе предали, а мы оставляемъ по старому). Я буду опираться на рескриптѣ, покойному князю данномъ, въ 30-й день іюня 1789 года, спрашивая, чѣмъ же насъ Порта облегчитъ противу набѣговъ сихъ ордъ и приметъ-ли на себя удовлетвореніе убытковъ, ими причиняемыхъ? Когда станутъ медлить отвѣтомъ, я скажу имъ, что наши условія были ограничены въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, а при разрывѣ негоціаціи инако уже будетъ. Тогда же я имъ скажу волю государыни и о перемиріи, о чемъ князю ихъ драгоманъ истолковывалъ. Они и сами нѣсколько догадываются, что перемиріе не было утверждено ни ея величествомъ, ни главнымъ ея полномочнымъ. Изъ сего изволите видѣть, милостивый государь мой,

сколько въ окончаніи дѣла предстоитъ труда и заботъ; но я ихъ и себя на сіе не пощажу, по мѣрѣ всего моего понятія".

Въ письмѣ къ П. В. Завадовскому Безбородко высказался болѣе откровенно, и подробно, чѣмъ Зубову, 12-го ноября, о трудахъ своихъ по мирной негоціаціи и описалъ, по желанію друга своего, послѣднія минуты жизни князя Потемкина, прося, „по прочтеніи, предать письмо огню".

„Вчера получилъ я, мой любезный другъ, письмо твое о графѣ [Николаѣ Николаевичѣ] Головинѣ, и вмѣстѣ съ нимъ такія же отъ супруги его [Варвары Николаевны, урожденной княжны Голицыной] и отъ Аркадія Ивановича [Моркова]. Не имѣя никого изъ своихъ, кого бы я назначить могъ въ посылку съ извѣстіемъ пріятнымъ, рѣшился я, на случай, буде дѣло кончится благополучно, отправить Ираклія Ивановича [Моркова], и тѣмъ уже поставилъ себя въ несостояніе удовлетворить всякому иному желанію. Но далекъ еще сей случай. Покойникъ оставилъ дѣло совсѣмъ не начатое. Велѣно было, и меня не дожидая, нашимъ вступить въ переговоры; тутъ вышли только вздоры, и дѣло до моего пріѣзда было какъ бы не существующее. Теперь поведено оно съ жаромъ и усильно, но на всякомъ шагу надобно бороться съ упрямствомъ. Какъ бы то ни было, Турки, однакожъ, изъ проекта, имъ врученнаго, изъ моего разговора съ ихъ секретаремъ, изъ письма моего къ нимъ, и изъ внушеній, которыя дѣлаю я чрезъ третьи руки, употребляя часто, можетъ быть, и такихъ, на кого я накладываю сіе, вѣдая, что они обоюдны, и имъ больше, чѣмъ намъ преданы (но тѣмъ лучше, ибо я говорю то, что̀ не угрозы пустыя, а дѣло значитъ), Турки наши приведены въ крайнее замѣшательство. Они говорятъ, что видятъ для себя самую худую альтернативу: или согласиться на требованія наши и подвергнуть за то свои головы потерѣ, или же, въ случаѣ несоглашенія, навлечь новыя бѣдствія и потери ихъ государству, а чрезъ тоже головъ лишиться. Имъ надобно получить резолюцію, да и не отъ визиря, но и отъ самого султана, который не даетъ теперь той полной мочи своему первому министру, какую прежній имѣлъ; но срокъ сему недальній: мы ихъ пристрюнимъ и не дадимъ отнюдь тянуть дѣло.

„Должно признаться, что оно въ самомъ началѣ было испорчено. Князь Репнинъ, или по слабости своей, а болѣе еще и по незнанію прямыхъ высочайшихъ намѣреній, водимъ будучи Рибасомъ и Лашкаревымъ, столь странно велъ сію негоціацію, что не одними темными мѣстами прелиминарій, но многими словесными объясненіями, на которыя Турки шлются, далъ имъ поводъ во всякомъ пунктѣ чего нибудь для себя тре-

бовать. Мой cheval de bátaille [конекъ] противъ нихъ есть протоколъ разговоровъ фельдмаршала съ присланными отъ визиря, которые, по счастью, отчасти баронъ Билеръ, а отчасти и самъ Рибасъ въ очистку свою собралъ. Я не знаю, какъ вы пришлете сюда Репнина командовать и въ случаѣ самаго разрыва, когда покойникъ то и твердилъ, что онъ не имѣлъ полной мочи, кромѣ самыхъ ограниченныхъ наставленій, что ни онъ, фельдмаршалъ, ни дворъ не утверждаетъ срока перемирія; и когда и мы, въ живыхъ послѣ него оставшіеся, тѣмъ же оружіемъ поражаемъ господъ Османліевъ. Не теряю еще я надежды, что миръ можетъ сдѣлаться: ибо когда у насъ все исправно и готово, у нихъ ничего нѣтъ. Думаютъ, можетъ быть, у васъ, что имя покойниково страшило ихъ. Сколько въ томъ ошибаются! Я тебѣ скажу, что̀ четвертаго дня случилось. Драгоманъ нашъ первый, отнесши мой отвѣтъ къ Рейсъ-ефендію, получилъ отъ него приказаніе зайти и къ прочимъ министрамъ, покуда онъ успѣетъ, прочтя мое письмо, къ нимъ послать. Второй полномочный, который, при знатности породы и при суевѣрствѣ, духовному свойственномъ, человѣкъ довольно неглупый, началъ съ нимъ говорить о покойномъ. „Сожалѣю,—сказалъ онъ,—что я не видалъ сего страннаго человѣка, который всѣ дѣла дѣлалъ языкомъ; да и подлинно онъ думалъ, что ѣдкій и бранчивый его языкъ, такъ какъ и обычай его грозить, надъ всѣми дѣйствовать могъ. Впрочемъ, гдѣ его храбрость видна была? Гдѣ случалася драка въ равныхъ или меньшихъ съ вашей стороны силахъ, тамъ не онъ присутствовалъ. Взялъ Акерманъ и Бендеры, приведши съ собою восемьдесятъ тысячъ одной пѣхоты, и многія сотни пушекъ. Люди испугалися и сами отдалися". Они и то чувствуютъ, что ежели конгрессъ рушится, то теперь могутъ скорѣе начать и сильнѣе дѣйствовать. Въ Царьградѣ, однакожъ, вышла непристойность. Когда получено было извѣстіе о смерти покойника, то подлецы наши, европейскіе министры, не выключая и Герберта, послали своихъ драгомановъ къ Портѣ съ изъявленіемъ, что они сіе происшествіе пріемлютъ за доброе предзнаменованіе къ миру. Я не пишу ни тебѣ, ни графу Александру Романовичу о подробностяхъ негоціаціи; вы видите, конечно, мои реляціи; а прошу васъ обоихъ, защищайте меня противу зависти и вражды, дайте знать, довольны-ли у васъ моимъ поведеніемъ, и наставляйте меня. Вѣрьте, что я, кромѣ обѣда и трехъ или четырехъ часовъ, на пустую репрезентацію употребляемыхъ, покою не имѣю, въ письмѣ, посылкахъ или разговорахъ съ своими полномочными безпрерывно упражняяся. Всякій разъ наставлялъ ихъ, что̀ говорить, дая имъ на каждый пунктъ записки. Надобно отдать справедливость Итальянцу [Рибасу], что онъ, при полной своей

фурберіи, человѣкъ отличныхъ способностей и понятія въ дѣлахъ. Онъ все и дѣлаетъ. Самойловъ, однакожъ, не въ тягость; но всѣхъ тутъ излишнѣе и непристойнѣе Лашкаревъ. Онъ идей человѣческихъ о дѣлѣ не имѣетъ, ни на одномъ языкѣ не умѣетъ говорить и служитъ посмѣшищемъ для Турковъ. Когда сіи, какъ вы увидите изъ сегодняшняго отправленія, и со мною, верховнымъ полномочнымъ, дѣлаютъ столько церемоній: то прилично-ли ему, равному имъ, таскаться къ нимъ, говоря мнѣ, что онъ по своему станетъ имъ толковать въ пользу негоціаціи, и что ему такъ отъ князя было приказано? Тутъ уже мое запрещеніе было бы суетно; да и у васъ бы его не апробовали, считая, что покойникъ зналъ лучше и дѣла, и людей.

„Ну, ежели миръ не состоится, что̀ вы тогда дѣлать полагаете? Если у меня спросите мнѣнія, такъ я вамъ скажу: или пришлютъ пусть фельдмаршала Румянцова, отдавъ ему уже и мирную негоціацію; или же, когда не его присылать, то никого лучше не назначать, а оставить нынѣшняго командира, который сохранитъ, конечно, порядокъ, и самъ пойдетъ, и другихъ пошлетъ, куда велятъ или надобно. Онъ и теперь готовится, ежели Турки станутъ упрямиться вдаль, сдѣлать демонстраціи, которыя значить будутъ много, а никакихъ хлопотъ не принесутъ, и еще послужатъ на случай разрыва вдаль на пользу. Двинетъ войска впередъ по квартирамъ, при нынѣшней теплой и пріятной погодѣ; пошлетъ артиллерію и тѣмъ очиститъ городъ отъ тѣсноты, усилитъ передовые магазины, и прочее тому подобное. Оставьте ему тогда главную команду. Мы съ нимъ часто говоримъ, что ежели ея величество позволитъ, по разрывѣ конгресса, тотчасъ и дѣйствія начать, то, буде такое же время останется, и въ январѣ произвесть coup de main на Бранловъ и, обезпеча, такимъ образомъ, правый нашъ флангъ, при занятіи пяти цынтовъ, отъ Цезарцовъ Туркамъ уже возвращенныхъ, протянуть краткую линію за Серетомъ, не занимая Валахіи; зимою же, буде можно, послать за Дунай до 20-ти баталіоновъ добрыхъ и комплетныхъ прямо къ Шумлѣ навѣстить визиря, отрядя отъ Измаила къ Бабадамъ и далѣе маленькій корпусъ, чтобъ не допустить отъ побережья собраться сильному корпусу. Въ Браиловѣ отъ 3-хъ до 5 тысячъ и всего войска, у визиря не болѣе пяти или шести. Можетъ быть, и миръ сдѣлается тутъ, и я не прочь не только дождаться сего времени, но самъ инкогнито быть тамъ и совѣтами своими во всемъ пособствовать. Всѣ здѣсь полны доброй воли. А, мой другъ, какая армія! Нельзя безъ негодованія вспомнить, что силы, достаточныя стать (противъ) всякой лучшей европейской державы, оставлены были почти безъ дѣйствія. Я обра-

щаюся къ своему плану. Но буде бы и сія операція не произвела дѣйствія надъ Турками, тогда, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что въ маѣ или іюнѣ все кончится. Флотъ нашъ, конечно, рано выдетъ; сверхъ того, былъ у покойника расположенъ на Бугѣ, подъ командою генерала Дерфельдена, корпусъ изрядный. Есть и суда легкія въ Херсонѣ и другихъ мѣстахъ. Пославъ флотъ впередъ, чтобъ онъ шелъ далѣе Варны, и поближе къ каналу послать часть хорошую сего корпуса, чтобъ онъ, гдѣ удобнѣе и ближе къ каналу, произвелъ также coup de main на берегъ. Вѣрьте, что, сжегши мѣстечко или деревню на берегѣ, болѣе Царьградъ испугается, нежели всякимъ здѣсь дѣломъ. Полезно бы тогда было, чтобъ и Донская флотилія при движеніи корпуса Ивана Васильевича [Гудовича] сдѣлала какое либо предпріятіе на берега Азіатскіе: миръ тогда не сомнителенъ бы былъ, да, можетъ быть, и поважнѣе нынѣшняго. Я желаю, чтобъ до сего не дошло; но и касательно денегъ, вѣрьте, не тѣ будутъ уже издержки. Провіантъ станетъ дешевле. Чины сего департамента, конечно, себя не забудутъ, но не будетъ уже тѣхъ сильныхъ поставщиковъ, которые драли казну изъ всей мочи. Я все сіе оставляю на твое дружеское свѣдѣніе, обще съ графомъ Александромъ Романовичемъ [Воронцовымъ] и на употребленіе, какое вы разсудите за благо дѣлать, не показывая только моего письма и, по прочтеніи, предавъ его огню.

„Ты желаешь знать о подробностяхъ болѣзни и смерти покойнаго. Ни въ той, ни въ другой не было ничего особливаго, кромѣ самаго обыкновеннаго. Склонность его къ желчи при гемороидахъ, раздраженная разными непріятностями, въ послѣднюю его у васъ бытность случившимися, при сильномъ движеніи отъ непонятно-скорой дороги, увеличила въ немъ силу обыкновенной болѣзни здѣшней, которая и у пользующихся не скоро проходитъ, а при рецидивахъ и совершенно опасною становится. По обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживаяся въ пищѣ и не принимая лекарствъ, еще въ Гущѣ дошелъ было онъ до крайности, исповѣдывался и причащался. Натура преодолѣла болѣзнь; но, пріѣхавъ въ Чердакъ близъ Яссъ, съѣлъ онъ цѣлаго гуся и впалъ въ рецидиву. Тутъ еще болѣе отрекся онъ отъ лекарствъ, и когда одолѣвалъ его внутренній жаръ, то не только питьемъ холоднаго, но, растворяя окна по ночамъ и имѣя при себѣ готовыхъ людей, велѣлъ лить себѣ eau de cologne на голову, опрыскивать себя кропиломъ съ холодною водою и тѣмъ, мѣшая всякой транспираціи, концентрировалъ весь жаръ во внутренности своей. Находили на него минуты, что онъ серьезно предвидѣлъ смерть, и для того въ концѣ сентября, вторично исполняя обряды христіанскіе, спрашивалъ у Браницкой, не въ опасности ли? Она его

ободряла, а тѣмъ и дала ему поводъ шутить съ своимъ здоровьемъ. Маллетъ, одинъ изъ докторовъ его, рѣшительно сказалъ, что надобно быть чуду, когда онъ выздоровѣетъ, что поѣздка его ускоритъ смерть, которая, однакожъ, уже неизбѣжна. Въ такомъ состояніи, когда 2-го октября, при сильномъ обморокѣ, гдѣ онъ былъ бездыхаиенъ и безъ пульса нѣсколько часовъ, рѣшился онъ ѣхать. Самъ столько еще имѣлъ крѣпости, что 4-го октября, доѣхавъ до станціи Розина, съ помощію одного гусара вышелъ изъ кареты, взошелъ въ домъ, сидѣлъ и лежалъ спокойно, но ночью почувствовалъ жаръ и тоску. Медики, пришедъ, увидѣли большіе признаки конвульсій. Имѣя, однакожъ, поминутно облегченіе, пожелалъ на разсвѣтѣ ѣхать, и лишь версты двѣ отдалился, велѣлъ себя перенести въ большую постельную коляску. Верстъ пять проѣхавъ, при конвульсіяхъ уже, остановилъ всѣхъ и требовалъ, чтобъ его вынули изъ коляски и положили на землю, говоря, что онъ умираетъ, и чтобъ ему не дали въ коляскѣ жизни кончить. На увѣщаніе, чтобъ былъ спокоенъ, отвѣчалъ, что уже померкъ въ его глазахъ свѣтъ, онъ никого не видитъ, а разбираетъ только голосъ, и весь сей разговоръ препровожденъ былъ стономъ. Примолвилъ, когда его положили на тюфякъ въ полѣ, не доѣзжая лѣсовъ большихъ съ версту: теперь чѣмъ его лечить станутъ? Докторъ Санковскій отвѣчалъ ему, чтобъ онъ, кромѣ Бога, ни на кого не надѣялся, и подалъ ему образъ, съ которымъ онъ всегда ѣзжалъ. Имѣлъ онъ еще столько крѣпости, что поцѣловалъ самъ образъ и, вынувъ потомъ руку, которую племянница его держала, мгновенно испустилъ духъ. По вскрытіи тѣла его, найдено необычайное разлитіе желчи, даже, что части ея, прильнувъ къ нѣкіимъ внутренностямъ, затвердѣли; ни бальзамированіе, ни накуриваніе наружности не могли отвратить сильнаго духа отъ тѣла, столь сыраго. Наслѣдники его будутъ много хлопотать. Они уже изрядной опытъ своего серебролюбія оказали, когда при пріуготовленіяхъ къ погребенію, жаловались Браницкая и Энгельгардъ, что много издержано понапрасну. Никто еще не знаетъ точно достатка покойникова. Много онъ долженъ казнѣ, но много и на казнѣ считаетъ. Сегодня распечатаютъ его пожитки и станутъ дѣлать опись. Я усталъ пишучи. Прощай, мой другъ любезный, не лишай меня удовольствія твоей переписки и вѣрь моей нелицемѣрной къ тебѣ преданности“ [227]).

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ графу А. Р. Воронцову, графъ Безбородко сообщалъ: „Ваше сіятельство легко себѣ представить можете, какъ заботливо мое настоящее положеніе. Время многое потеряно, да тутъ же еще и хлопоты лишніе оставлены артикуломъ о Закубанцахъ, которыхъ вѣкъ мы не удержимъ и права на то не имѣемъ;

но сказано стараться, коль можно. Господа негоціаторы наврали, какъ имъ удобно, а мнѣ все то очищать пришло. Они изъ князя Репнина дѣлали что̀ имъ угодно было. Богъ еще знаетъ, какъ все кончится; но ежели бы не Закубанскій артикулъ, такъ я бы все дѣло инако поворотилъ; а то надобно осматриваться, когда не на нашей сторонѣ справедливость. Вспомните, что мы негоціацію съ союзниками вершили, когда уже знали, что Анапа и Суджукъ наши, и что Закубанцы намъ присягали. Хотя я, при настояніи невозможности, и самъ откину сей артикулъ, но старайтесь, чтобъ меня не опутали новымъ приказаніемъ удержать оный; развѣ вамъ разрывъ надобенъ, я тогда до него доведу. Кажется, однакожъ, не таково ни намѣреніе, ни положеніе наше. У меня къ вамъ есть заготовлено письмо, но не кончено; а я вамъ пришлю его съ первымъ послѣ сего курьеромъ, съ условіемъ, чтобъ дѣло осталось между вами и Петромъ Васильевичемъ [Завадовскимъ], которому кланяюсь усердно; писать же не въ состояніи, занятъ будучи недовольно своими хлопотами, но еще жду и Поляковъ, которые безвременно на меня наступаютъ. Мнѣ трудно изразить свои заботы. Минуты свободной не имѣю между бумагами, пересылками, переговорами и репрезантаціею. Ну, какъ еще, въ добавокъ къ сему, да и у васъ меня худо трактовать станутъ! Не имѣю давно никакихъ извѣстій отъ Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго] и боюсь, не боленъ ли, или не угнетенъ ли своимъ положеніемъ. Не оставляйте меня вашими дружескими извѣщеніями и вѣрьте, что я къ вамъ искренно и навсегда преданъ. Здѣсь сто тысячъ войска въ Молдавіи и Бессарабіи. Какъ бы, кажется, Туркамъ не осмотрѣться" [228]).

Рескриптомъ, отъ 19-го ноября, императрица одобрила все, что̀ сдѣлалъ графъ Безбородко по пріѣздѣ въ Яссы и о чемъ онъ доносилъ ей 5-го ноября. „Умоначертаніе Турецкихъ уполномоченныхъ, вами сдѣланное, и двѣ первыя конференціи,—писала государыня,—ничего незначущія, менѣе подавали бы надежду къ скорому заключенію мира по нашему желанію, ежели бы не настоящая нужда, и такъ то сказать, существованіе Турецкой имперіи на свѣтѣ требовало оной въ нынѣшнихъ ея худыхъ обстоятельствахъ. Когда при потерѣ Мекки и Медины и лишается Порта также Египта бунтомъ, а въ Альбаніи ея ни который начальникъ не слушается, всѣ умы отъ нея отвратились, и она насилу сыскала тысячу человѣкъ нанять въ Бѣлградѣ и оставляла крѣпости по Дунаю, кои ей императоръ добровольно возвратилъ: то всеконечно, дать или не дать ей, Портѣ, побѣдоноснымъ морскимъ и сухопутнымъ ополченіемъ послѣдній ударъ, ежели продолжать излишно либо коварно конференціи, за истеченіе перемирія, и нашу терпѣливость исчерпаютъ и не воспользуются на-

шей естественной склонностію къ миру и не примутъ щедростію нашею единою предписанныя статьи онаго. Изъ сего слѣдуетъ, что весьма разумно располагаете перемѣнить образъ негоціаціи и не статью за статьею предлагать, но вдругъ всѣ статьи мира имъ отдать на размышленіе; и ежели возмутъ на донесеніе къ визирю, оному письмомъ вашимъ объяснить дѣло. Все сіе сходственнѣе съ поведеніемъ, употребленнымъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ и принятымъ имъ правиламъ въ негоціаціи съ визиремъ, и чрезъ что Турки увидятъ, что и послѣ фельдмаршала тонъ не перемѣнился. Я надѣюсь, что вы не оставите сильными и приличными доводами убѣдить визиря, дабы дѣло скорѣй объяснилось, и мы бы знали къ чему готовиться, къ мирнымъ ли, или военнымъ мѣрамъ. О сихъ послѣднихъ, если демонстраціи нужны будутъ, то увѣдомьте заранѣе генерала Каховскаго, дабы расположиться могъ по локальному положенію. О драгоманѣ Мурузіи имѣю вамъ сказать, что ежели онъ Молдавцамъ не милъ, либо дѣламъ нашимъ вреденъ и къ намъ недоброжелателенъ, то, думаю, чтобъ вы приказали внушить визирю, что сей человѣкъ, подъ видомъ пріятнаго, хотя и уменъ, но скрываетъ огорченіе и злобу противу насъ и не радѣетъ о добромъ согласіи обѣихъ имперій, и что лучше было его смѣнить и прислать другаго; или напугайте его самого, что вы, при малѣйшей кривизнѣ, не стерпите его господарства въ Молдавіи, а будете требовать другаго до вакуаціи. Изъ письма вашего понимаю, что онъ не столько будетъ миру препятствовать, какъ послѣ мира изъ него выльется дурной и намъ недоброжелательный господарь, чего выводить изъ того можно, что погубилъ господаря Гику своими происками. Освѣдомьтесь, какія князь имѣлъ о немъ намѣренія также. Впрочемъ, кажется, вообще, что Порта выбрала для конгресса въ Яссахъ людей довольно умныхъ, а можетъ статься, что у нихъ и лучше ихъ нѣтъ".

Въ тотъ же самый день, 19-го ноября, Екатерина II отправила къ графу Безбородкѣ и другой рескриптъ, касающійся Польскихъ дѣлъ. Здѣсь, сказавъ, что она ожидаетъ извѣстія, на чемъ графъ Безбородко условится съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ во время предположеннаго свиданія, она продолжаетъ: „Но какъ вы ни слова не упоминаете о графѣ Браницкомъ, то заключаю я, что онъ, пріѣхавъ въ Яссы, ухватя жену, увезъ ее въ Польшу, не имѣя съ вами свиданья. Пожалуй отпишите ко мнѣ, видѣлся ли онъ съ кѣмъ изъ нашихъ, и каково было его поведеніе. Я думала, что онъ, воспользуясь удобнымъ симъ случаемъ, останется, ежели не въ Яссахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Бѣлоцеркви. Вѣдь онъ князю все писалъ, что сеймъ сѣчетъ головы въ три дни, и для того къ нему ѣхать

не можетъ; но теперь добровольно голову паки наклонилъ, ежели поѣхалъ въ Варшаву. Объясните мнѣ все сіе. Василій Степановичъ писалъ ко мнѣ, что̀ при пріѣздѣ Браницкій говорилъ, а объ отъѣздѣ его, либо графини, никто ко мнѣ ни строки не написалъ" [229]).

14-го ноября уполномоченные прислали графу Безбородкѣ письмо съ возраженіями на полученный отъ него полный проектъ мирнаго трактата. Начало письма̀ состоитъ изъ комплиментовъ. Турецкіе полномочные говорятъ, что они, при первомъ свиданіи, „подтвердили въ воображеніи" своемъ все, о чемъ они по славѣ и слуху были увѣрены касательно рѣдкихъ качествъ графа Безбородки и, желая окончанія „спасительнаго дѣла", рѣшились препроводить потому на его разсмотрѣніе „возраженія на проектъ Ясскаго мира".

Въ отвѣтъ на это письмо, графъ Безбородко, 17-го числа того же мѣсяца, препроводилъ къ Турецкимъ уполномоченнымъ свое письмо, въ которомъ подвергъ откровенному и обстоятельному разбору требованія, заявленныя ими въ возраженіяхъ. Приводимъ здѣсь всю существенную часть этого отвѣтнаго письма графа Безбородки, въ которой живо рисуются и дипломатическій умъ графа, и основные вопросы Ясскихъ переговоровъ о мирѣ.

„Съ помощію Божіею, первый и второй артикулы мирнаго договора ихъ превосходительствами уже совершены [230]). Слѣдуетъ, за симъ, артикулъ третій опредѣляющій, чтобъ отнынѣ впредь рѣка Днѣстръ была границею между имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою такимъ образомъ, чтобъ вся земля, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки Днѣстра, осталася на вѣчныя времена въ полномъ и безпрекословномъ владѣніи ея императорскаго величества и ея высокихъ наслѣдниковъ и преемниковъ Всероссійскаго императорскаго престола; а земля, лежащая на правомъ берегу помянутой рѣки, осталася на вѣчныя времена въ полномъ и безпрекословномъ его величества императора Оттоманскаго и его наслѣдниковъ и преемниковъ престоловладѣніи. Сими точно краткими, но ясными словами расположенъ помянутый артикулъ въ нашемъ проектѣ, вашимъ превосходительствамъ врученномъ. Оный уже принятъ со стороны блистательной Порты въ основаніе мира, при соглашеніи о прелиминарныхъ пунктахъ, и я долженъ сказать вамъ, что сей артикулъ составляетъ одинъ изъ тѣхъ, которые ея императорское величество сущимъ ультиматомъ своимъ предложить изволила. Извѣстно всему свѣту, что, не взирая на представленія со стороны державъ, Портѣ доброжелательныхъ, ея императорское величество, поставя оный за непремѣнное условіе, не разсудила за благо принять никакихъ ограниченій ни касательно

берега, ниже укрѣпленій, которыя каждая изъ высокихъ договаривающихся имперій, по силѣ и разуму трактата Кайнарджійскаго, властна у себя строить и починять. Дружественныя Портѣ державы, отдавъ справедливость умѣренности, съ каковою ея величество рѣшилась возвратить Портѣ всѣ прочія, побѣдоносньмъ ея оружіемъ учиненныя, завоеванія, признали справедливость тробованій ея и излишность всякаго въ томъ ограниченія, и предъявили готовность свою споспѣшествовать таковому окончанію дѣла, полагая, между прочимъ, токмо, что ежели Порта отвергнетъ толь умѣренныя требованія, въ такомъ случаѣ оставляютъ они продолженіе войны собственному ея жребію, требуя токмо, дабы четырехмѣсячный срокъ, какъ нужный къ собранію полномочныхъ и къ распоряженію мирныхъ переговоровъ, ея императорскимъ величествомъ былъ принятъ. Если ея величество для сего условія готова была стать противу всѣхъ силъ державъ, Портѣ благопріятствующихъ, то уже явно, что какъ отъ сего, такъ и отъ другихъ пунктовъ, крайнюю черту ея кондицій содержащихъ, конечно и никогда отступить не согласится.

„Ваши превосходительства, между прочимъ, упоминать изволите, что о дружественномъ распоряженіи означеннаго пункта предложено было покойному генералъ-фельдмаршалу, князю Г. А. Потемкину-Таврическому, отъ его сіятельства господина верховнаго визиря; но ни покойный генералъ-фельдмаршалъ не могъ, ни я, на мѣсто его къ мирной негоціаціи главноуполномоченный, не могу принять никакого инаго распоряженія по пунктамъ, ультиматъ отъ всемилостивѣйшей государыни моей предписанный составляющимъ. Сверхъ того, извѣстно мнѣ изъ протоколовъ, что помянутый генералъ-фельдмаршалъ, въ разговорахъ своихъ съ присланнымъ, при жизни его (послѣ соглашенія о прелиминаріяхъ) вторымъ переводчикомъ Мурузи и другими, твердилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что такого рода пункты не новому разбору, но окончанію подписаніемъ чрезъ обоюдныхъ полномочныхъ подлежатъ.

„Артикулъ четвертый, о земляхъ, оружіемъ ея императорскаго величества завоеванныхъ и Портѣ возвращенныхъ, содержитъ въ себѣ условія, основанныя на точной силѣ трактата вѣчнаго мира, въ Кайнарджи заключеннаго, изъяснительной конвенціи и акта, верховнымъ визиремъ, въ 1783 году, отъ имени блистательной Порты даннаго. Расположенъ онъ согласно съ тѣмъ, что относительно сея матеріи положено при соглашеніи о прелиминаріяхъ. Оный содержитъ двоякаго рода постановленія: одни вѣчныя на времена будущія (таково есть отдѣленіе первое сего артикула, подтверждающее наблюдать и свято исполнять все, что въ пользу княжествъ Молдавіи и Валахіи постановлено въ трактатѣ

1774 года, въ изъяснительной конвенціи 1779 и въ актѣ, верховнымъ визиремъ отъ имени блистательной Порты данномъ 1783 г.); другія, относящіяся на настоящее время: напримѣръ, нетребованіе и невзысканіе съ Молдавіи никакого платежа за старые счеты, какого бы существа они ни были, нетребованіе отъ сего княжества никакой контрибуціи, ни платежа за все время войны; увольненіе его на два года отъ всякой дани и тягости за многія его претерпѣнія и, наконецъ, постановленіе безпрепятственнаго выхода тѣмъ фамиліямъ, кои пожелаютъ переселиться отсюда, съ свободою продать или распорядить движимыя и недвижимыя ихъ имущества въ теченіи дозволяемаго имъ для того двухмѣсячнаго срока. Когда, такимъ образомъ, ясно, что сей артикулъ основанъ на разумѣ прежнихъ договоровъ и когда, при соглашеніи о прелиминаріяхъ, положено было распорядить сходно съ трактатомъ Кайнарджійскимъ и другими ему послѣдующими актами: то какое можетъ встрѣтиться препятствіе принять оный такъ, какъ въ проектѣ нашемъ написано? Не могу притомъ не сказать, что сей артикулъ есть также одинъ изъ составляющихъ крайнюю черту требованія ея императорскаго величества, какъ то видно было при соглашеніи о прелиминаріяхъ между ихъ сіятельствами господиномъ генералъ-аншефомъ Репнинымъ и верховнымъ визиремъ. Столь же важны и сущій ультиматъ ея императорскаго величества содержащіе суть артикулы: одинъ о посылкѣ указовъ къ пашѣ Ахалцыхскому и другимъ пограничнымъ начальникамъ съ строжайшимъ прещеніемъ, чтобъ они не безпокоили земель, владѣемыхъ царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, ни сами собой, ниже чрезъ подсылку Лезгинъ и другихъ тѣмъ подобныхъ народовъ, и чтобъ нигдѣ они добраго согласія сосѣдняго не нарушали; а другой—о корсарахъ Алжирскихъ, Тунисскихъ и Трипольскихъ.

„Относительно перваго, расположенъ онъ съ полнымъ наблюденіемъ дружественнаго къ Портѣ уваженія и въ намѣреніи отдалить всякій поводъ къ ссорѣ и остудѣ. Передъ началомъ нынѣшней войны блистательная Порта не затруднялась послать въ такой силѣ фирманъ къ помянутому пашѣ. Тоже самое отъ нея и нынѣ требуется. Надобно токмо, чтобы онъ въ приличныхъ израженіяхъ былъ составленъ, не заключая въ себѣ ничего противнаго достоинству обѣихъ имперій и дружеству, между ними поставляемому. Что же касается до примѣчанія, что сей артикулъ не внесенъ въ трактатѣ Кайнарджійскомъ, то не настоялъ тогда ни случай, ни надобность, а, напротиву того, уже послѣ оказалося, что и по сей матеріи разныя выходили непріятности и безпокойства.

„Не меньше нужно объяснить въ трактатѣ будущемъ и артикулъ

о корсарахъ Алжирскихъ, Тунисскихъ и Трипольскихъ. Постановленное о нихъ въ договорѣ Кайнарджійскомъ и изъясненное въ коммерческомъ трактатѣ не могло предохранить Россійскій купеческій флагъ отъ прикосновенія сихъ варваровъ, купцовъ и мореходцевъ нашихъ отъ узъ неволи и собственности ихъ отъ хищенія оныхъ разбойниковъ. Жалобы наши не были удовлетворены. Блистательная Порта Оттоманская учинила ясныя и точныя о томъ постановленія съ Вѣнскимъ дворомъ, давъ даже право репрессалій въ случаѣ медленія. Съ другой стороны, доказала она власть свою надъ оными кантонами, когда могла употребить изъ нихъ Алжирцевъ съ судами ихъ въ службу свою, не токмо на Бѣломъ, но и на Черномъ моряхъ. Мы требуемъ, чтобъ она туже власть свою употребила къ обузданію сихъ разбойниковъ касаться флагу и собственности Россійскимъ. Впрочемъ, ваши превосходительства видѣть изволите, съ какимъ уваженіемъ и деликатностью сей артикулъ расположенъ въ проектѣ нашемъ въ сравненіи постановленнаго таковаго же съ Вѣнскимъ дворомъ. Ея императорское величество полагается тутъ на добрую вѣру Порты и точность ея въ сохраненіи обязательствъ, на себя пріемлемыхъ.

„Артикулъ шестой нашего проекта о народахъ Закубанскихъ требуетъ также истолкованія. Народы сіи, по сосѣдству съ нами, производили безпрерывные набѣги на границы наши и разныя хищничества. Сколько ни принесено было на нихъ жалобъ, не могли одержать ни удовлетворенія за оныя, ниже укрощенія своевольныхъ. Война застала дѣла въ такомъ положеніи. Покоривъ оружіемъ сіи народы, могли мы ихъ истребить или разсѣять въ неволю, по крайней мѣрѣ, знатную часть ихъ, еслибы ея императорское величество, по сродному ей человѣколюбію, не обыкла прибѣгать къ способамъ самымъ кроткимъ. Въ семъ точно видѣ ея величество освободила ихъ отъ присяги, ей учиненной, и даровала имъ свободу, въ чаяніи, что и блистательная Порта примѣру ея послѣдуетъ для отдаленія на времена будущія безпокойствъ: ибо тогда бы сіи народы, пребывая въ независимости, равно остерегалися бы наносить вредъ обѣимъ державамъ, опасаяся отъ нихъ наказанія и служа, такимъ образомъ, между ними барьеромъ. Ея императорское величество не присвоила себѣ тутъ собственно ничего далѣе рѣки Кубани, границею ея владѣній въ томъ краѣ положенной. Если со стороны Порты встрѣчаются средства къ предохраненію границъ нашихъ отъ набѣговъ и воровства сихъ людей, то какія обезпеченія подастъ она къ нашему въ томъ краѣ спокойствію? Сіе требуетъ ближайшаго и дружественнаго изъясненія.

„Вмѣстѣ съ проектомъ артикуловъ мирнаго договора сообщенъ вашимъ превосходительствамъ и сепаратный артикулъ, содержащій требованіе со стороны Россійско-императорскаго двора денежнаго удовлетворенія за убытки, войною ему нанесенные. Несоразмѣрно нимало тѣмъ убыткамъ назначена въ помянутомъ артикулѣ сумма, но и тутъ наблюдена умѣренность, явно видимая вообще въ условіяхъ, отъ ея императорскаго величества предлагаемыхъ, среди побѣдъ и успѣховъ, которыми Всевышній благословилъ ея оружіе [231]). Сообщивъ, такимъ образомъ, вашимъ превосходительствамъ мои примѣчанія относительно мирныхъ переговоровъ, удовлетворилъ я моей искренной къ вамъ пріязни. Впрочемъ, долгомъ будетъ господъ уполномоченныхъ со стороны Россійской императорской съ вами свершить всѣ сіи артикулы, одинъ за другимъ по порядку. Добрую имѣю надежду, что ваши превосходительства возмете въ уваженіе основательность моихъ примѣчаній и, принося духъ миролюбія въ мѣсто собранія вашего, поспѣшите благополучнымъ окончаніемъ спасительнаго дѣла, на васъ возложеннаго. Да отвратитъ Всевышній Богъ мира всякое тому препятствіе! Но я не могу, по моей откровенности, умолчать предъ вами, что несовмѣстно и съ данными мнѣ наставленіями несообразно продолженіе въ даль сихъ переговоровъ; такъ равно не скрою завременно предъ вами и ту истину, что кроткія и свѣтъ умѣренностію удивляющія условія всемилостивѣйшей моей государыни, въ ультиматѣ предложенныя, имѣютъ себѣ предѣломъ самую же сію негоціацію. Съ разрывомъ ея и съ возобновленіемъ дѣйствій непріязненныхъ, нынѣшнія снисхожденія наши учинятся какъ уже не существующія, и ея императорское величество будетъ тогда въ полномъ правѣ другія предположить условія миру, какія Промыслъ Божій и успѣхъ ея оружія устроятъ. Повторяю еще одинъ разъ мое нелицемѣрное желаніе, чтобъ общіе труды наши преуспѣли неотлагательно совершить дѣло, намъ отъ высокихъ государей нашихъ ввѣренное, къ отвращенію дальнаго пролитія крови человѣческой".

Въ тотъ же день, 17-го ноября, препроводивъ Турецкимъ уполномоченнымъ возраженія свои на заявленныя ими требованія, графъ Безбородко, отправилъ письмо и къ графу А. Р. Воронцову, въ которомъ откровенно коснулся состоянія Русской арміи и другихъ дѣлъ, бывшихъ въ управленіи князя Потемкина и предупреждалъ графа Воронцова, чтобы письмо его осталось между имъ и Завадовскимъ въ тайнѣ. „Удосуживишися по приведеніи въ порядокъ дѣлъ, до мирныхъ переговоровъ касающихся, почелъ я долгомъ дружбы сообщить вамъ все, что я могъ собрать здѣсь касающагося до арміи и другихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ

сообщаемое вамъ осталося между вами и Петромъ Васильевичемъ. Ваше сіятельство знаете меня, что я скорѣе привыкъ всякую вещь, какъ Стедингъ [баронъ, чрезвычайный посолъ Швеціи въ Петербургѣ] на своего государя говаривалъ, видѣть въ розовомъ цвѣтѣ; сверхъ того, знаете, что я много обязанъ покойнику, не скажу, конечно, лишняго, да притомъ и справедливость ему дамъ, что онъ былъ, конечно, рѣдкій и отличный человѣкъ, особливо на выдумки, лишь бы только они не на его исполненіе оставлялися. Извините, что письмо мое будетъ очень разсѣянно, по мѣрѣ какъ что на мысль пришло, или могъ я на вѣрное свѣдать.

„Я начну съ путешествія моего. Сколько ни малъ урожай хлѣбный въ Малороссіи, особливо по причинѣ худаго умолота, столь напротиву того Екатеринославская губернія и прошедшій, а еще болѣе нынѣшній годъ, изобилуетъ хлѣбомъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы рожь дороже 130 коп., а овесъ 60 коп. продовался. Всѣ житницы съ излишествомъ наполнены, и бѣдные обыватели рады сживать съ рукъ свой хлѣбъ; да и охотно бы нашлися поставщики въ Крымъ, въ надеждѣ на фурахъ своихъ обратно взять оттуда соль; но о семъ, кажется, и не мыслятъ. Магазины по Бугу наполнены, а прочее доставленіе все на подрядахъ. Графиня **** [Браницкая], Энгельгардъ, князь Сергій Голицынъ, графъ Витъ и тому подобные, которые набрали еще премножество прислужниковъ, дерутъ съ казны цѣны пребольшія. Напримѣръ, графиня **** [Браницкая] подрядилася поставить хлѣбъ въ Таврическіе магазины четверть по 7 рублей 50 коп., имѣла уже на семъ подрядѣ барыша до ста осьмидесяти тысячъ рублей, кромѣ что фуры ея на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну, то есть за пудъ по 10 коп.; но симъ не удовольствовалась: требовала еще, чтобъ платежъ учиненъ былъ за все червонцами, полагая каждый по три рубля, когда они гораздо выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходятъ. Отъ сего вышла у нея ссора съ Поповымъ, а смертію княжою дѣло такъ осталося. Теперь не трудно вамъ судить, отъ чего такое множество досталося намъ сюда переводить денегъ; да ихъ и нѣтъ здѣсь. Михайло Васильевичъ [Каховскій] мнѣ говорилъ, что ему полтора милліона надобны на флотъ, а безъ того и думать ни о чемъ нельзя; не имѣвъ ихъ, онъ намѣренъ былъ представить. Постарайтеся, чтобъ были ассигнованы, дабы можно было поранѣе флотъ изготовить на случай неудачи мирной негоціаціи.

„Послѣ пропитанія войскъ, скажу вамъ о землѣ. Никто ея не узнаетъ, кто видалъ прежде. Столь разорена, что безъ жалости ни на что взглянуть нельзя. Веселость народа здѣшняго превратилася въ уныніе; нѣтъ уже ни малѣйшей привязанности, которою, можно сказать,

*

они отличалися къ Россіи противу всѣхъ другихъ единовѣрныхъ народовъ, и они желаютъ, чтобъ поскорѣе только миръ сдѣлался. Дамы убралися. Лашкаревъ и Селунскій правятъ деспотически. Большая часть сборовъ на откупу за ними. Лашкаревъ сдѣлалъ при смерти князя постыдную проказу. Покойникъ забралъ въ долгъ множество товаровъ, которыми дарилъ онъ Петербургскихъ дамъ и прочихъ, тысячъ до двухъ сотъ рублей. Лашкаревъ вырвалъ у него ордеръ на свое имя собрать контрибуцію за недоставленный будто провіантъ для войскъ; ордеръ сей подписанъ 4-го октября, а объявленъ 19-го того мѣсяца. Когда я дружески совѣтовалъ удержаться съ исполненіемъ, то онъ мнѣ сказалъ, что сіе у нихъ съ покойникомъ положено обратить на уплату помянутыхъ долговъ его. Я не знаю, остановится ли онъ; но мнѣ государыня пишетъ своеручно, чтобъ, ласкал Грековъ и Молдаванъ, и трактуя ихъ наравнѣ съ своими, не допускалъ я отнюдь ни своихъ, ни чужихъ ихъ грабить. Сверхъ того, мы теперь съ Турками трактуемъ о ихъ облегченіяхъ, настоя на уничтоженіе старыхъ счетовъ или увольненіе двухлѣтнее отъ дани. Прилично ли намъ обремѣнять ихъ контрибуціями; да и тогда, когда въ ихъ землѣ третью меньше противу прежняго расположено, и обывателями довольствуются войска—третью же больше противу того, что графъ Румянцовъ имѣлъ въ баннатѣ Краіовскомъ, Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи и части Польши? Всѣ бояре почти изъ домовъ выгнаны; обиды и раззоренія жителямъ неслыханныя. Вся Молдавія не благословитъ память умершаго, видя опустошеніе, всякое воображеніе превосходящее, и безпорядокъ выше мѣры. Надобно, чтобы я тутъ же вамъ сказалъ о народѣ, переводимомъ на новое наше пріобрѣтеніе, которое дѣйствительно состоитъ въ завидной и плодоносной землѣ. Перегоняютъ людей насильно, не изготовя никакого для нихъ запаса, ни для ихъ обстроенія, ниже осѣмененія, а на первое время и пропитанія. Люди съ семьями и имуществомъ на фурахъ приходятъ на лѣвый берегъ Днѣстра, но, не встрѣтя никого, паки назадъ идутъ, какъ то я самъ наѣхалъ не мало такихъ возвращающихся. Насилія, при томъ употребляемыя, заставляютъ ихъ жаловаться, и только что слушаешь непріятное.

„Что до войскъ касается, они въ весьма хорошемъ состояніи. Отнюдь не изнурены, не босые и не нагіе; ибо полковникамъ даются вещи, и они принуждены ихъ обшивать; а тутъ также бываютъ большіе подряды. Имѣя пищу у обывателей, или лучше сказать, послѣдній кусокъ у нихъ отъемля, получаютъ исправно провіантъ, но въ жалованьѣ всѣ почти двѣ трети назади остаются. Полковники не о барышахъ уже думаютъ, а о

способахъ, какъ послѣ выпутаться изъ долговъ; ибо на прочее, кромѣ одежды, да и на фуражъ ничего не получаютъ. Сіятельные и превосходительные подрядчики берутъ изъ казны за овесъ по три рубля и болѣе, дѣлаютъ композиціи съ полковниками что меньше они возьмутъ, да и то неисправно платятъ, и никакой управы никто еще не имѣлъ. Впрочемъ, войско въ духѣ, но и въ своеволіи. Оно не очень высоко ставитъ своихъ офицеровъ. Сіи послѣдніе довольно хороши. Но признаться надобно, что, нарядивъ ихъ въ куртки простаго солдатскаго сукна, чего нигдѣ нѣтъ, поставили ихъ въ такой видъ, что ихъ никакъ отъ нижнихъ чиновъ не распознаешь. Солдаты весьма хвалятъ покойника и о немъ сожалѣютъ. Когда ихъ спросишь, трудно ли имъ было перенести нужды подъ Очаковымъ и прочая, они, обыкновенно, отвѣчаютъ: Ну тогда такъ нужда велѣла; да за то и городъ взяли; а послѣ тѣмъ хорошо, что насъ за ученья не бьютъ, какъ прежде били, и лишней чистоты не спрашиваютъ. Случалось, что офицеры, видя непослушаніе и своевольство, жаловалися покойнику; но онъ любилъ всегда править подчиненныхъ, а винить начальниковъ. Съ другой стороны, и офицерство чувствуетъ, что уже у него не будетъ такого сильнаго предводителя, по котораго словамъ производили и награждали всякаго. Впрочемъ, строй упалъ во многомъ, и все, что составляло основаніе тактики, совершенно пренебрежено. Жаль, смотря на сію прекрасную армію, что она въ сей части толико упущена. Не надобно судить по Лифляндской арміи о здѣшней: первая сущій гарнизонъ въ сравненіи послѣдней. Судите же, не жаль ли, что такое войско было большею частію мертвымъ капиталомъ.

„Я не знаю, какъ графъ Николай Ивановичъ [Салтыковъ] выдетъ изъ всего нынѣшняго воинскаго хаоса. Названія полковъ и вооруженіе ихъ, все не то, что мы знаемъ, и ни на что нѣтъ почти государевой конфирмаціи. Страннѣе всего, что покойникова страсть къ казакамъ до того простиралася, что онъ все видимое превращалъ въ сіе названіе. Въ Екатеринославской губерніи мѣщанинъ, однодворецъ, Грекъ, раскольникъ, Сербъ и Волохъ преображенъ въ казака. Но тяжелѣе всѣхъ, такъ называемые, Черноморцы. Они отпускаются по билетамъ своихъ начальниковъ, шатаются по губерніи, грабятъ, разбойничаютъ и людей убиваютъ. Въ самомъ Кременчукѣ по ночамъ опасно выдти на улицы, и были примѣры, что домы ограблены. Недовольно, что сіи разные народы и состоянія народныя учинилися казаками: покойникъ хотѣлъ всю почти регулярную конницу тѣми же сдѣлать и, составя полки казачьи, хотя и регулярные, опредѣлить въ нихъ Донскихъ старшинъ полковниками. Такимъ-то образомъ изъ бывшаго Полтавскаго легко-коннаго полка учинилъ онъ

казачій великой булавы, и гдѣ были прежде полковники Измайловъ и Шереметевъ, тутъ на мѣсто послѣдняго опредѣлилъ Иловайскаго. Херсонскій и Александрійскій полки сдѣлалъ также казачьими; а, наконецъ, положилъ было тому же жребію подвергнуть и Малороссійскіе карабинерные полки. Другое у него пристрастіе было къ названію Екатеринославскаго: имѣя и кирасиръ, и егарей сего имени, учредилъ онъ полкъ гренадеръ Екатеринославскихъ въ десяти баталіонахъ, то есть однихъ рядовыхъ до девяти тысячъ. Возможно ли тутъ управиться полковнику, котораго изъ городничихъ взялъ? Равная нелѣпость сдѣлана и съ кирасирами, которыхъ 24 эскадрона въ одинъ полкъ втащилъ и которые приносятъ только пользу Энгельгарду.

„Легкія войска казачьи, надобно отдать справедливость, въ весьма хорошемъ состояніи. Начальники ихъ люди предостойные; бригадиры— Орловъ и Платовъ и полковникъ Исаевъ люди знающіе, скромные и такіе, что нигдѣ ихъ показать нестыдно. Какъ ихъ равнять съ Денисовымъ, который прямо ничто передъ ними?

„Корабельный флотъ нашъ въ весьма почтительномъ количествѣ судовъ. Я думаю, что вы имѣете о томъ вѣдомости, каковыя нынѣшній начальникъ арміи послалъ къ государынѣ. Флотилія довольно также хороша. Она хуже нашей, устроена въ родѣ судовъ, но люди дѣйствовать ими лучше нашихъ пріучены. Здѣсь въ Молдавіи дѣйствительно подъ ружьемъ сто тысячъ войска, не считая въ запасѣ конницы, а сверхъ того и пѣхоты въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ. Дѣйствовать чѣмъ есть, ежели миръ не сдѣлается; но что̀ вы будете дѣлать съ начальниками? Каховскій человѣкъ добрый; однакожъ, дай Богъ, чтобы силъ его стало двигать такою машиною. Князь Репнинъ ни Туркамъ не страшенъ, ни своими за предпріимчиваго не почитается; почти, что кромѣ Румянцова некому начальствовать. Но я думаю, о семъ и заикнуться нельзя. Въ другомъ письмѣ я пишу вамъ о негоціаціи и о прочемъ, до того касающемся. Запуталъ меня артикулъ о Закубанцахъ, особливо что къ Попову писано, что мое дѣло будетъ стараться сдержать его, колико можно. Безъ того я бы скорѣе во всемъ успѣлъ. По несчастью, Рибасъ и Лашкаревъ перепакостили все при князѣ Репнинѣ, и теперь нельзя безъ того сказать Туркамъ, чтобъ они не возразили: но о семъ уже ваши нынѣшніе полномочные въ Галацахъ и въ Мачинѣ изъяснялися и отъ сихъ ихъ предложеній отстали. Я твержу имъ, что они тогда не были полномочные, и слова ихъ ничего нестоятъ, такъ какъ я знаю, что и фельдмаршалъ ихъ иногда бранилъ за нескромность. Я начинаю

ихъ пугать, чтобъ скорѣе кончили и какъ на сей недѣлѣ не увижу отвѣта, то пришлемъ къ вамъ представленіе о дальнѣйшемъ.

„Забылъ я сказать о наслѣдникахъ покойнаго. Энгельгардъ и сестра его теперь только и думаютъ, какъ побольше захватить имущества. Самойловъ уклоняется отъ раздѣла, какъ я и прежде писалъ; но сколько онъ хорошъ между наслѣдниками, столь плохъ въ полномочныхъ. Я принужденъ давать имъ записки, что̀ говорить на конференціяхъ, и сидѣть въ другой комнатѣ запершися, чтобъ имъ пособлять совѣтомъ и резолюціею. Прощайте и вѣрьте, что моя преданность къ вамъ непоколебима“ [232]).

Другое письмо, посвященное графомъ Безбородкою негоціаціи, упоминаемое имъ въ только что приведенномъ, было отправлено имъ къ графу А. Р. Воронцову, 18-го ноября, изъ Яссъ. Въ немъ онъ писалъ: „Благодарю вашему сіятельству за дружеское письмо ваше отъ 4-го ноября. Радуюсь, что у васъ живутъ смирно et sans tracasserie. Меня сіе тѣмъ болѣе ободряетъ, что отлучному человѣку, какъ бы онъ ни былъ обезпеченъ, нельзя быть безъ заботъ, чтобъ сплетни и тому подобное ему не повредили. Впрочемъ, что касается до моего поведенія, вы меня и дѣло вообще знаете, а потому лучше судить можете. Легко теперь сказать могутъ, что я началъ такъ управляться, какъ покойникъ; но время оправдаетъ всякія происшествія. Не оставляйте только меня вашимъ заступленіемъ, вашими совѣтами и увѣдомленіями, и подкрѣпляйте Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго] со всею его канцеляріею.

„Вы увидите, что мы дѣламъ дѣло, а оно не идетъ на ладъ; но я ни времени, ни способовъ не теряю. Скажу вамъ, какъ я располагаюся оное продолжать. Дождавшись на сихъ дняхъ отвѣта отъ визиря на мое письмо, пошлю я другаго курьера съ письмомъ къ нему, содержащее наше предложеніе, требуя отъ него рѣшительныхъ наставленій полномочнымъ и дая чувствовать, что дѣло такъ въ даль идти не будетъ; затѣмъ, приступимъ къ непремѣнному окончанію договора. Вы знаете, что Днѣстръ одинъ составляетъ нашъ ультиматъ; но я настою на сей пунктъ, такъ какъ и на выгоды Молдавіи. Когда же увижу, что они никакъ не соглашаются (какъ и будетъ навѣрное) на независимость Закубанцевъ, тогда предложу имъ, чтобъ постановить въ корпусѣ договора или сепаратно артикулъ: „Какъ обѣ стороны искренно желаютъ отдалить все, причиняющее на границахъ безпокойства и споры, то мы соглашаемся, если бы народы, за Кубанью обитающіе, сдѣлали набѣги въ границы имперіи Россійской, предупреждать ихъ хищничество; Россійская имперія имѣетъ право ихъ наказать и возвратить похищенное, не присвояя себѣ земель далѣе границы, въ трактатахъ положенной“, и прочее тому подоб-

ное. Въ случаѣ же затрудненія въ томъ, общими словами требовать буду ручательства отъ Порты, что никакіе ея подданные безъ наказанія и удовлетворенія не сдѣлають зла намъ и предѣламъ нашимъ. О деньгахъ поторгуемся: ежели много я запросилъ, пускай хотя то дадуть, что въ Кайнарджи дали. Меня затрудняетъ проектъ о Грузіи. Онъ ничего незначитъ. Я былъ мнѣнія, чтобъ его не упоминать, а самому послѣ съ собою рѣшиться по здравому разсудку и пользѣ. Хорошо бы, если бы его не внесли, или же бы дозволили вонъ выставить. Насъ бы сіе ничѣмъ не обязывало. Надобно будетъ, чтобъ мнѣ заранѣе прислали рескриптъ, равно какъ и генералу относительно перемирія, разрѣшая, ежели конгрессъ рушится, дѣйствовать. Порта знаетъ по разговорамъ покойнаго и по письму Витворта къ Енсли, что государыня перемирія не утвердила. Скажу вамъ, какое имѣютъ они мнѣніе о графѣ Румянцовѣ. Свѣдая, что я при немъ былъ и во время мира Кайнарджійскаго, одинъ изъ нихъ говорилъ, что трудно ждать облегченія, когда я былъ при семъ фельдмаршалѣ, который имъ много зла сдѣлалъ. Они у меня спрашивали, здоровъ ли и сколько ему лѣтъ, и я восхвалялъ его крѣпость силъ. Третій изъ полномочныхъ, человѣкъ скромный, смѣется надъ своими первыми товарищами, что они и тутъ думаютъ такъ работать, какъ въ Систовѣ, но Русскіе не Нѣмцы.

„Я теперь дополню то, что покойный и безъ нужды говаривалъ: надобно беречься, чтобъ опять союзники на насъ не возстали. Ласкайте ихъ, особливо Пруссаковъ. Съ Поляками я изрядно веду дѣла. Отсылаю ихъ до миру и до способу снестись съ другими дворами. Прочтите мое письмо Петру Васильевичу и посмотрите, какъ быть далѣе“ [233]).

Нѣкоторыя дополнительныя подробности къ приведеннымъ фактамъ и часть дальнѣйшаго хода конференцій обстоятельно разсказываются графомъ Безбородкою во всеподданнѣйшемъ донесеніи, отъ 21-го ноября, посланномъ въ отвѣтъ на высочайшій рескриптъ императрицы отъ 4-го ноября. Здѣсь Безбородко сообщаетъ о принятіи всѣми уполномоченными на четвертой конференціи, 13-го ноября, двухъ первыхъ артикуловъ мирнаго проекта и говоритъ: „Турки тутъ сдѣлали было затѣю, чтобъ актъ 28-го декабря 1783 года такимъ только названіемъ упомянутъ былъ; но мы одержали, что они именно согласилися сказать о немъ сими точно словами: Актъ, касающійся до присоединенія къ имперіи Россійской Крыма и Тамана, и что граница ея есть рѣка Кубань“. Сказазавъ далѣе о письмѣ Турецкихъ полномочныхъ съ возраженіями на артикулы Русскаго мирно-договорнаго проекта, привезенномъ къ нему, „по предварительномъ испрошеніи“, вторымъ

секретаремъ Мушибъ-эфендіемъ и драгоманомъ Порты Мурузи, графъ Безбородко излагаетъ свои переговоры съ ними. „На сдѣланную въ письмѣ Турецкихъ уполномоченныхъ задачу о границѣ по Днѣстру, я возразилъ имъ всѣми доводами сущей невозможности поступить хотя на малѣйшую перемѣну. Подобнымъ тому образомъ толковалъ я имъ и по другимъ пунктамъ, отъ нихъ замѣченнымъ; но когда увидѣлъ я, что и артикулъ о Барбарескахъ они оспариваютъ, принужденнымъ себя нашелъ сказать драгоману Порты, что, повидимому, хотятъ они весь трактатъ составить въ свою единственную пользу; что, конечно, великодушіе и умѣренность вашему императорскому величеству во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ вашихъ сопутствуютъ, но что имъ не надобно забывать, что война воздвигнута не нами, но ими самими неправеднымъ образомъ, съ большимъ для двора вашего оскорбленіемъ и съ нарушеніемъ тѣхъ постановленій, кои въ коммерческомъ договорѣ на подобные непріятные случаи точно означены и которые по всенароднымъ правамъ сохраняются; что въ продолженіи сея войны побѣды и успѣхи сопровождали наше оружіе; что не они пришли на Волгу или Оку, но мы на Дунай и за оный, и что потому справедливо, чтобъ мы одержали нѣкоторыя выгоды предъ тѣми, которыя до того имѣли, возвращая имъ множество завоеваній; что инако вышелъ бы почти status in quo, который друзья ихъ предлагали и коего ваше величество не токмо не приняли, но для отраженія достоинству и пользѣ вашей предосудительныхъ предложеній готовы были стать противу съ ополченіями вашими на сушѣ и морѣ. Драгоманъ Порты, въ крайнее изумленіе симъ приведенный, не сталъ было переводить словъ моихъ, говоря кратко секретарю Турецкому, что онъ скажетъ полномочнымъ отвѣтъ мой; но находившійся тутъ же при мнѣ нашъ первый драгоманъ Яковлевъ сказалъ мнѣ, что Мурузи не то переводитъ, заставивъ его отъ слова въ слово пересказать Мушибъ-эфендію. Въ дополненіе къ тому присовокупилъ я, что сколько ни желателенъ миръ для человѣколюбиваго сердца вашего, но не меньше нужно знать скоро, чего отъ настоящихъ переговоровъ ожидать, дабы по тому мы дальнѣйшія наши мѣры взять могли. Оба они отвѣчали, изъявляя надежду добраго конца; а я обѣщалъ имъ отвѣтъ мой, который въ прошедшее воскресенье имъ доставленъ.

„На другой день, то есть 17-го ноября, была пятая конференція. Надлежало тутъ выдержать все упрямство Турковъ, которые, отставъ отъ требованія части земли на лѣвомъ берегу Днѣстра, затѣяли новое домогательство о неимѣніи съ нашей стороны въ уступаемой намъ землѣ укрѣпленій, основывая оное отчасти на поводѣ къ тому, въ прелимина-

ріяхъ поданномъ, отчасти же на кривомъ толкованіи условія въ Айналиковакской конвенціи внесеннаго по случаю переведенія права на сію землю отъ Татаръ на Порту, а болѣе требуя того, будто бы, въ единый знакъ дружбы, по настоятельнымъ отъ визиря къ нимъ предписаніямъ. Хотя они по сему пункту отъ домогательства своего не отступили, въ ожиданіи отповѣди визирской; но имъ дано чувствовать, чтобъ не ждали они ни малѣйшаго снисхожденія, какъ въ дѣлѣ, сущій ультиматъ вашего величества составляющемъ; да и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, чтобъ они до крайности довели въ семъ артикулѣ свое упорство.

„Между тѣмъ, собирая съ крайнимъ тщаніемъ, точностію, а притомъ и большою осторожностію разныя извѣстія, узналъ я, что они, пораженные сперва проектомъ нашимъ, старалися разсѣвать внушенія, что мы, повидимому, хочемъ войны, и она, конечно, будетъ. Потомъ увидѣли они, съ одной стороны, что, не смотря на всѣ ихъ внушенія, мы твердымъ образомъ поступаемъ; съ другой, отъ командующаго арміею генерала Каховскаго, вслѣдствіе учиненнаго имъ росписанія, отправляются всѣ чины по мѣстамъ своимъ, происходятъ разныя въ землѣ распоряженія, до надобностей военныхъ относящіяся, и наконецъ, полкамъ и командирамъ даны приказанія быть въ полной исправности и готовности въ 24 часа выступить въ походъ; вѣдая же при томъ, что когда главная визирская квартира и разныя ихъ крѣпости обнажены въ войскахъ, въ то время у насъ ими вся земля наполнена, зачали говорить инымъ голосомъ, ссылаясь на невозможность кончить дѣло, не подвергая головъ своихъ опасности и на необходимость дожидаться отвѣта отъ визиря, который, по словамъ ихъ, въ скорости полученъ быть можетъ. Отвращая, однакожъ, чтобъ они, по привычкѣ ихъ выигрывать время и для спасенія головъ своихъ, не стали тянуть въ даль и о каждомъ спорномъ артикулѣ брать порознь на доношеніе, приказалъ я генералъ-поручику Самойлову, генералъ-маіору Рибасу и статскому совѣтнику Лашкареву послать къ Турецкимъ полномочнымъ перваго драгомана съ словеснымъ изъясненіемъ, что какъ они по поводу наканунѣ бывшей конференціи отзывалися о необходимости своей послать къ визирю и ожидать его рѣшенія, то и желательно было бы, чтобъ они, имѣя въ рукахъ своихъ нашъ проектъ и вѣдая, такъ сказать, крайнюю черту нашихъ требованій, однимъ уже разомъ на все испросили наставленія своего верховнаго министра, дабы отвращено было медленіе, тутъ ни мало несовмѣстное. Отвѣтъ ихъ словесный состоитъ въ томъ, что они на прочіе пункты имѣютъ достаточныя инструкціи, по которымъ готовы приступить къ распоряженію ихъ, а только касательно Днѣстра, гдѣ визирь имъ поручилъ дру-

жески стараться, также совсѣмъ новыхъ для нихъ предложеній (разумѣя о дѣлахъ Закубанскихъ и о денежномъ удовлетвореніи) писали они къ своему начальству".

Затѣмъ, упомянувъ о письмѣ, которое привезъ изъ Шумлы отъ великаго визиря подполковникъ Ибрагимовичъ и о запискѣ этого подполковника, подробно излагающей обстоятельства его пребыванія въ Шумлѣ [234]), графъ Безбородко переходитъ къ шестой конференціи, состоявшейся 20-го ноября. Время не позволило ему приготовить для отправленія къ императрицѣ протоколъ этого засѣданія, и онъ доноситъ только вкратцѣ, что на сей конференціи, съ помощію Божіею, два изъ важныхъ артикуловъ, а именно: о выгодахъ Молдавіи, и другой по дѣламъ, до царя Карталинскаго касающимся, кончены и согласно положены. „О первомъ, о Молдавіи, одержаны противу Кайнарджійскаго трактата тѣ преимущественныя выгоды, что послѣ бывшей войны бѣдные жители здѣшніе уволены были на два года отъ дани. Сія дань Портѣ менѣе ста тысячъ левковъ составляетъ, но за то подвергалися они разнымъ тягостямъ другимъ; нынѣ же точно сказано, что они на два года освобождаются отъ дани и тягостей. Второе, что вмѣсто года сроку для переселяющихся положенъ оный тремя мѣсяцами болѣе прежняго, да и ясными словами выговорена свобода продажи недвижимыхъ имѣній, переселенцами оставляемыхъ". При этомъ, графъ Безбородко выражаетъ надежду, что на 7-й конференціи, назначенной 29-го ноября, „ультиматъ" императрицы „въ полной мѣрѣ удовлетворенъ будетъ", и что, затѣмъ, останутся только два не помѣщенные въ ультиматѣ артикула, именно артикулы о дѣлахъ Закубанскихъ и о денежномъ удовлетвореніи. „Сіе послѣднее даже не именовано въ инструкціяхъ (данныхъ князю Потемкину), но мною извлечено по поводу того, что, между прочимъ, отъ вашего императорскаго величества поручено стараться одержать все, что̀ полезно или выгодно въ сторону нашу быть можетъ. Я употреблю всѣ силы и старанія мои къ соглашенію Турковъ на сходственнѣйшія, колико можно, распоряженія сихъ двухъ пунктовъ и не отступлю отъ нихъ, какъ въ случаѣ непреоборимаго съ противной стороны упорства и неизбѣжной опасности разрыва негоціаціи; да и то пойду по степенямъ, особливо по дѣламъ Закубанскимъ. Высочайшій рескриптъ вашего величества, отъ 30-го іюня 1789 года, предписуетъ средства къ обузданію тамошнихъ народовъ въ томъ, чтобы или Порта сняла на себя отвѣтъ и удовлетвореніе за набѣги и воровства, въ границахъ нашихъ сими людьми причиняемые, или же бы не зазрѣла намъ, если мы, въ случаѣ предъявленія ея въ томъ невозможности, станемъ сами наказывать своевольныхъ. Репрессаліи во

многихъ случаяхъ употребительны. Конечно, ни для чего Порта не согласится признать сіи народы независимыми, и тѣмъ болѣе, что тутъ потребно знать ихъ именованія, обстоятельства и границы земель, ими обитаемыхъ. Безчисленные и безконечные предлежали тутъ хлопоты. Дальнѣйшее настояніе наше по пункту сему противорѣчило бы въ существѣ съ актомъ о Крымѣ, гдѣ точное положеніе о рѣкѣ Кубанѣ, что она есть граница между имперіею Россійскою и Портою и гдѣ сказано, что земля, на которой крѣпость Суджакъ построена, признается собственностію Порты; вмѣсто того, что, съ одной стороны, лаская помянутые народы, на основаніи данныхъ отъ генералъ-фельдмаршала покойнаго генералу Гудовичу повелѣній открытіемъ для нихъ торговли и дозволеніемъ брать соль изъ озеръ на Таманѣ, съ другой—содержа ихъ въ страхѣ наказанія за воровства и набѣги, всего надежнѣйшимъ образомъ обезпечены будутъ наши предѣлы. Впрочемъ, имѣя въ насъ нужду и опасаясь насъ, они скорѣе ослабѣютъ въ своей приверженности къ Портѣ и дѣломъ самимъ независимы учинятся".

Представивъ послѣднія приложенія съ свѣжими политическими извѣстіями [235]), касавшимися Россіи, и сообщивъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ, совмѣстно съ главнокомандующимъ, въ обезпеченіе арміи отъ моровой язвы, о которой носились „мало-основательные слухи", графъ Безбородко оканчиваетъ свое донесеніе сообщеніемъ, что, между прочимъ, „наши полномочные, по его приказанію, внушили Туркамъ о надобности спѣшить окончаніемъ переговоровъ и ясно намекнули имъ о нашемъ намѣреніи положить имъ срокъ для этого окончанія", и что онъ самъ, устраняя домогательство великаго визиря о снисхожденіи по артикуламъ, готовится отправить къ нему депеши съ настойчивымъ приглашеніемъ дать приказанія „о поспѣшеніи окончаніемъ негоціаціи", а къ министру обѣихъ Сицилій, графу Лудольфу—пакетъ [236]), присланный вице-канцлеромъ отъ дюка Серра-Капріола.

Отправка графомъ Безбородкою пакета графу Лудольфу показываетъ, что прежнія сношенія Екатерины II съ Сицилійскимъ королемъ для разумныхъ вліяній на Турцію велись и теперь, въ самый разгаръ Ясскихъ мирныхъ переговоровъ.

Въ день отправленія приведенныхъ бумагъ, 21-го ноября, графъ Безбородко послалъ письмо и графу А. Р. Воронцову, которому онъ писалъ: „Трудно что нибудь заранѣе угадывать; но кажется, что негоціація беретъ лучшій оборотъ. Я надѣюся, что Турки не поспорятъ объ артикулѣ, касающемся до уступки по Днѣстръ, гдѣ наши прелиминаріи, весьма не искусно сдѣланныя, дали поводъ къ настоянію о крѣпостяхъ.

Вся трудность будетъ въ артикулахъ о народахъ Закубанскихъ и о деньгахъ; но вы знаете, что о нихъ въ самую крайнюю черту полагается. Удастся, хорошо; а нѣтъ, кончимъ и безъ того. Хорошо было бы достать денегъ, чтобъ отправить торжество и посольство. Если бы дали то, что въ Кайнарджи, то и довольно. Посмотримъ. Мы имѣемъ каналъ, которымъ знаемъ отчасти, что они пишутъ къ визирю. Обо мнѣ писали они, что я пріѣхалъ хотя и безъ воинскаго мундира, но будто бы съ полною мочью на все; что отъ меня зависитъ война или миръ, и что въ случаѣ разрыва, я остануся управлять всѣми движеніями и операціями. Они очень не хотятъ войны по всѣмъ признакамъ. Ваше сіятельство дайте мнѣ знать искренно, довольны ли моими дѣлами, или уже теперь жребій всякаго, что никто такъ не угодитъ, какъ покойникъ, который все одинъ зналъ и умѣлъ“ [237]).

Содѣйствіе Сицилійскаго двора, одобреніе и поощреніе Екатерины II, знаніе исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ другими державами вообще и съ Турціею въ частности, служили для графа Безбородки твердою опорою. Кромѣ того: изучивъ характеры Ясско-Турецкихъ уполномоченныхъ, онъ, въ самомъ началѣ переговоровъ, позаботился заручиться средствами къ тому, чтобы получать постоянныя свѣдѣнія и о самыхъ частныхъ воззрѣніяхъ Турецкихъ уполномоченныхъ по разнымъ предметамъ совѣщаній. Въ секретномъ донесеніи, отъ 21-го ноября 1791 года, графъ Безбородко, писалъ слѣдующія любопытныя строки: „Генералъ-маіоръ Рибасъ пріобрѣлъ знакомство живущаго здѣсь доктора Филадельфи, долгое время въ Константинополѣ находившагося, посредствомъ котораго заведено сношеніе съ Турецкимъ первымъ секретаремъ конференціи Аввы-эфендіемъ, который, бывъ у Порты при Россійской экспедиціи, за разныя оказываемыя намъ услуги, получалъ отъ министра Россійскаго подарки, и который, по давнему знакомству съ первымъ драгоманомъ, Яковлевымъ, оставшися однажды съ нимъ наединѣ, сказалъ, что онъ помнитъ хлѣбъ и соль Русскую и готовъ и впередъ служить и, бывъ издавна въ связи съ помянутымъ докторомъ, сдѣлалъ такое же и чрезъ него внушеніе. Когда для поощренія его предложенъ былъ ему денежный подарокъ, то онъ просилъ, чтобы на сей разъ замѣнить его какою либо вещію и впредь не оставить его, такъ какъ, будто бы, тайный совѣтникъ Булгаковъ, въ свое время, предлагалъ ему намѣреніе пособить въ строеніи дому его на каналѣ. Я послалъ ему изъ вещей кабинетскихъ табакерку въ 850 руб. и перстень въ ней въ 1,600 руб., чѣмъ онъ весьма былъ доволенъ. Онъ сообщаетъ намъ чрезъ доктора, на словахъ, о происходящихъ между полномочными совѣтахъ о томъ, что бываетъ у нихъ положено говорить

на завтрешней конференціи, о посылкѣ курьеровъ и о прочемъ. Увѣряетъ, что они имѣютъ точныя приказанія стараться окончить дѣло, чтобы мы стояли крѣпко въ нашихъ предложеніяхъ, и что онъ только не ручается за два новые пункта, и именно о независимости Закубанцевъ, чего они принять не могутъ, и о денежномъ удовлетвореніи, въ коемъ, будто бы по собственнымъ нашимъ изъясненіямъ (разными людьми при заключеніи прелиминарій сдѣланнымъ) имѣли они надежду, что мы отстанемъ; но и тутъ онъ думаетъ, что, при настояніи нашемъ, сіи пункты, съ помощію взаимной податливости, распоряжены будутъ. Онъ говоритъ, что Порта хочетъ не токмо себя съ нашей стороны обезпечить миромъ, но и предложить такія вещи, которыя удивятъ постороннихъ, о коихъ онъ тогда изъяснится, когда сближится къ тому время. По многимъ стараніямъ и вопросамъ нашего конфидента, изъ темныхъ отвѣтовъ Аввы-эфендія проникнуть было можно, что, при жизни покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, для приласканія, повидимому, министерства Турецкаго, внушаемо было иногда о пользѣ прочной дружбы и тѣснаго согласія между имперіями Всероссійскою и Оттоманскою. Турки часто смѣшиваютъ сіи слова съ союзомъ. Было нѣчто подобное и въ представленіяхъ его, во время визиря Гассанъ-паши присланныхъ. При отзывѣ о томъ, я отклоню вновь оный изъясненіемъ, что мое назначеніе и полная мочь, мнѣ данная, до того пункта не простираются, что удобнѣе о сихъ дѣлахъ трактовать тогда, когда установлена будетъ миссія наша въ Константинополѣ; но что касается до дружбы и добраго согласія, всякъ изъ министровъ вашего императорскаго величества поставитъ себѣ въ обязательство, по заключеніи мира, употреблять всѣ способы, отъ него зависящіе, къ сохраненію ихъ и отвращенію повода къ раздорамъ и коварствамъ. Я чувствую, всемилостивѣйшая государыня, все то отвращеніе, каковое свойственно государю прямо христіанскому имѣть отъ союза съ державою, коей первое правило закона и политики есть ненависть къ христіанамъ. По словамъ его, третій ихъ секретарь есть совершенно наполненъ Прусскимъ духомъ; но что у нихъ знаютъ всю суетность союза ихъ съ Пруссіею. Впрочемъ, сей первый секретарь, будучи въ милости у рейсъ-эфендія Рашида, который при султанѣ ту должность исправляетъ, пишетъ прямо къ сему министру, а потому здѣшній рейсъ-эфендій его ненавидитъ.

„Другой каналъ къ полученію также разныхъ свѣдѣній есть входъ того же доктора къ третьему полномочному Дурри-Заде. Онъ былъ мехтунчи или первый комми при Портѣ и служилъ намъ, также получая подарки. Сей полномочный есть человѣкъ веселый и болѣе другихъ вѣж-

ливый. Онъ признается, что твердость, со стороны нашей оказанная, и готовность на дѣйствія, въ случаѣ разрыва (котораго, какъ онъ думаетъ, будто бы мы желаемъ) въ крайнее приводитъ ихъ смущеніе. Ему были весьма примѣчательны слова мои, что, будучи побѣдителями, имѣемъ право требовать какихъ либо отъ нихъ для себя выгодъ. „Хотятъ (онъ говоритъ) давать намъ законы; да мы, по несчастію, и принимать ихъ должны; дай Богъ, чтобъ только не превзошли мѣры"! Смѣется часто надъ своими старшими товарищами, что они теперь сами видятъ, что не въ Систовѣ и не съ Нѣмцами имѣютъ дѣло. Однажды высказался онъ, что султану надобно непремѣнно кончить здѣшній миръ, обезпечить себя съ Россіею и потомъ доставить себѣ славу болѣе предковъ своихъ, приведя въ тишину свою имперію, т. е. внявъ совѣту самыхъ вѣрныхъ ему: послать флотъ къ берегамъ Сиріи и Египта, самому идти къ Меккѣ и тамъ возстановить тишину и порядокъ, а посредствомъ такого похода обуздать и всѣ Азіатскія области; но признается, что на духъ султана не надѣется, посылкою же нашей лишь только новыя неистовства и бунты родятся. Часто изъясняетъ онъ скорбь свою, что столь опасное возложено на нихъ служеніе. „Ежели мы (говоритъ онъ) сдѣлаемъ миръ невыгодный, потеряемъ головы; а буде не сдѣлаемъ, и война паки начнется отъ которой добра не ожидать, то также лишимся головъ". О друзьяхъ своихъ отзывается съ крайнимъ презрѣніемъ, что отъ нихъ требовали и ждали объявленія намъ войны, а помириться, уступя все, и безъ нихъ бы умѣли.

„Третій каналъ нашъ есть здѣшній великій верникъ и вистіарій Стурдза. Онъ всегда казался преданнымъ Россіи и былъ обнадеженъ покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ, что съ выгодою можетъ переселиться въ имперію вашего величества. Будучи женатъ на сестрѣ драгомана Порты Мурузи, сомнительно теперь, чтобы онъ переселился, когда сей драгоманъ назначенъ уже господаремъ, хотя онъ и теперь продолжаетъ увѣрять въ своемъ намѣреніи. Получая отъ сего боярина извѣстія посредствомъ подполковника Бароцци, я то только ему пересказывать велю, что̀ прилично для впечатлѣнія въ Туркахъ страха и охоты скорѣе кончить. Впрочемъ, драгоманъ Порты есть сущій Турокъ, какъ и большая часть Цареградскихъ Грековъ. Онъ не облегчалъ дѣла, но затруднялъ своими внушеніями, особливо артикулъ о Молдавіи, увѣряя Турецкихъ полномочныхъ, что теперь имъ года два нельзя помышлять о починкѣ крѣпостей, ибо привяжутся къ слову тягостей; а ежели и подъ видомъ найма пошлютъ, то уже теперь Россія владѣетъ на Днѣстрѣ — легко обольстить работниковъ и переселить ихъ на свою

сторону, въ чемъ и помѣшать трудно. Онъ началъ было на конференціяхъ самъ мѣшаться въ споры, но наши полномочные точно ему сказали, чтобъ онъ переводилъ рѣчи взаимныя, а инако ихъ сторона будетъ сильнѣе: тогда противу нашихъ трехъ четверо отъ нихъ говорить станутъ".

Въ особомъ денесеніи, отъ того же 21-го ноября 1791 года, графъ Безбородко извѣщалъ Екатерину II о ходѣ своихъ переговоровъ по Польскимъ дѣламъ: „Съ 8-го ноября находятся здѣсь Польскіе: польный гетманъ Ржевусскій и артиллеріи генералъ Потоцкій. Я отдавалъ имъ на волю, хотятъ ли они оставаться здѣсь инкогнито, или же инако; но они сочли, что какъ великій гетманъ графъ Браницкій, здѣсь уже находившійся, зналъ о пріѣздѣ ихъ, да они же не скрываютъ ни образа мыслей ихъ, ни того, что они единственно полагаютъ надежду на высочайшее покровительство вашего императорскаго величества, то и нѣтъ препятствія имъ жить въ Яссахъ. Должно имъ отдать справедливость, что ведутъ себя тихо и скромно, не любопытствуя ни сами, ни чрезъ другихъ о теченіи дѣлъ. Часто пріѣзжаютъ ко мнѣ обѣдать и провожать вечеръ; а между тѣмъ имѣлъ я случай говорить съ ними о дѣлахъ ихъ. Сообщая имъ, что̀ именно сказано было въ рескриптѣ 18-го іюля сего года покойному генералъ-фельдмаршалу, князю Потемкину-Таврическому, объявить имъ, я, однакожъ, не говорилъ имъ тутъ упомянутаго, между прочимъ, въ концѣ резолюціи высочайшей на 9-мъ пунктѣ представленій Потоцкаго, что „если недовольные нынѣшнею формою правленія откроютъ на дѣлѣ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не должно уже будетъ отлагать вашего дѣятельнаго пособія": опасался, чтобъ они, взявъ за поводъ такое израженіе, не затѣяли хлопотъ преждевременно и для того ограничилъ мою конференцію, во первыхъ, въ общихъ увѣреніяхъ въ особливомъ благоволеніи вашемъ къ нимъ и ко всѣмъ добрымъ патріотамъ и въ одобреніи ихъ образа мыслей касательно произведенной въ Польшѣ революціи; объ осторожности, съ каковою ваше императорское величество уклонилися отвѣтствовать курфирсту Саксонскому, что̀ и держитъ дѣло неконченнымъ; о препятствіяхъ на настоящее время дѣятельно за нихъ вступиться сильнымъ образомъ, покуда не будутъ у насъ развязаны руки миромъ съ Портою; что, по достиженіи сего случая, удобность откроется сдѣлать ближайшія съ ними постановленія, а между тѣмъ чтобы они составили свой подробный планъ, который я бы могъ съ ними искренно уважить и потомъ внести на всемилостивѣйшее ваше разсмотрѣніе. Ничего я не упустилъ къ убѣжденію ихъ въ доброхотствѣ вашего величества къ націи Польской. Они были довольны моими изъясненіями и обѣ-

щали дать свой проектъ. Ржевусскій мнѣ сказалъ, что намѣреніе ихъ есть, дабы Потоцкій былъ шефомъ конфедераціи; ибо, по твердости его и по способамъ, всѣхъ онъ надежнѣе. Оба они рѣшилися явно противиться нынѣшнему насильствомъ установленному правленію. Гетманъ Браницкій разговаривалъ со мною также часто о дѣлахъ своего отечества, изъявляя свою благонамѣренность. Я не открывалъ ему ничего, о чемъ съ Ржевусскимъ и Потоцкимъ объяснялся, а твердилъ только о милостивомъ расположеніи вашего величества къ нему и къ дому его. Тутъ онъ просилъ меня засвидѣтельствовать предъ вашимъ императорскимъ величествомъ его нелицемѣрную преданность и готовность (если вы въ Польскія дѣла вступиться изволите) собою жертвовать. Онъ думаетъ, что какъ Ржевусскій и Потоцкій суть самые ревнительные и надежные люди для дѣйствія въ Польшѣ и Украйнѣ, то онъ себя на тоже представляетъ въ Литвѣ, гдѣ онъ можетъ съ генералъ-поручикомъ Косаковскимъ во многомъ успѣть; требуетъ токмо, чтобы, когда настанетъ часъ къ открытію дѣла, былъ онъ за нѣсколько дней извѣщенъ отъ тайнаго совѣтника Булгакова [посла нашего въ Варшавѣ], дабы могъ онъ уѣхать безвредно, отправя теперь же, завременно, жену и дѣтей въ С.-Петербургъ. Ржевусскій и Потоцкій отдаютъ справедливость его патріотическимъ расположеніямъ и способностямъ, приписывая только ему нѣсколько вѣтренности. Но когда они мнѣ сообщили свое сомнѣніе, чтобы въ настоящую бытность графини [Александры Васильевны] Браницкой въ Варшавѣ король не обольстилъ ее своими хитростями, то я имъ совѣтовалъ сего отнюдь не опасаться и навѣрное считать, что она, по породѣ, по благородности и по преданности къ вашему императорскому величеству, никогда не поддастся ни на что, общему нашему дѣлу противное, и что ея поступки были точно такіе во все теченіе нынѣшняго сейма. Впрочемъ, они обходилися весьма дружественно съ гетманомъ Браницкимъ, видѣвся всякій день, хотя, впрочемъ, наблюдая скромность относительно своего плана“.

Къ донесенію этому были приложены письма къ императрицѣ отъ Ржевусскаго и Потоцкаго. Безбородко оканчиваетъ его извѣщеніемъ, что „произведетъ съ ними конференцію“, пока Турецкіе уполномоченные будутъ ожидать инструкціи великаго визиря по предмету твердо направленныхъ Безбородкою мирныхъ переговоровъ, и представитъ императрицѣ желанія, какія на конференціи сообщены ему будутъ Польскими уполномоченными, которые „полагаютъ ѣхать въ Австрійскія земли, чтобы тамъ ожидать рѣшительной отповѣди“ [238]).

Вслѣдъ за тѣмъ, препровождая къ императрицѣ три записки бывшихъ

съ 20-го числа конференцій [239]), Безбородко, отъ 30-го ноября, доносилъ ей, что „на послѣдней изъ этихъ конференцій, видя неприличныя со стороны Турецкой затѣи", онъ принужденъ былъ совѣтовать нашимъ полномочнымъ взять съ ними тонъ сухой. Наши, встрѣтивъ разные не дѣльные споры, прекратили первые конференцію и первые вышли изъ залы, чѣмъ Турки приведены были въ крайнее замѣшательство, да и по всему городу разнесся слухъ, будто негоціація со стороны нашей рушилася. Мы не обослалися съ ними наканунѣ Четвертка, дня, для переговоровъ назначеннаго; но въ Пятницу, 28-го ноября, Турецкіе полномочные первые прислали къ нашимъ сообщить, что, получивъ отъ визиря отповѣдь на артикулъ, до Днѣстра касающійся, желаютъ объ ономъ и о другихъ переговорить и окончить. Конференція нами была принята, и я далъ рѣшительное предписаніе, чтобы, какъ сей пунктъ есть самый главнѣйшій, то въ случаѣ дальнихъ и скучныхъ настояній, однажды пресѣчь оныя, сказавъ, что споры и непринятіе онаго въ такой точно силѣ, какъ отъ насъ предложенъ, конечно заставятъ насъ рушить негоціацію. Полномочные наши сіе исполнили, и Турки, пораженные страхомъ, по изъявленіи сожалѣнія, что визирское дружеское домогательство осталося безъ всякаго уваженія, сказали, что они согласны. Во мгновеніе былъ оный артикулъ приведенъ въ порядокъ, подписанъ и размѣненъ. По достиженіи, такимъ образомъ, сего верховной важности артикула во всей его силѣ, отвергнувъ всѣ попытки, простиравшіяся до неукрѣпленія земли и до одержанія какой нибудь частицы на берегу, нѣтъ уже, повидимому, сомнѣнія, что миръ въ рукахъ нашихъ: ибо Турецкіе полномочные весьма ясно даютъ разумѣть, что они не поспорятъ объ артикулѣ противу Барбаресковъ, если токмо мы отстанемъ отъ требованія нашего, касающагося до Закубанцевъ, коихъ никогда они не согласятся признать независимыми. Я, однакожъ, не токмо не подаю имъ вида, что мы на семъ основаніи все кончить готовы, но и показываю, что и у визиря, и въ Царьградѣ произведу свои настоянія о расположеніи, сходномъ съ нашими желаніями, пунктовъ о помянутыхъ Закубанскихъ народахъ и о денежномъ удовлетвореніи. Въ такомъ намѣреніи послалъ я въ сію ночь курьерами въ Константинополь, подъ видомъ посылки денегъ отъ генерала Каховскаго къ нашимъ плѣннымъ, маіора Кирѣева и переводчика Кирико съ письмомъ моимъ къ министру короля обѣихъ Сицилій, графу Лудольфу, въ которомъ просто увѣдомилъ я его о положеніи нашихъ переговоровъ, и два оставшіеся пункты неоконченными препоручаю дружескому его старанію и добрымъ услугамъ, на случай, буде визирь съ ними отнесется къ султану. Въ самую же сію минуту отправляю подполковника Бароцци съ письмомъ моимъ къ визирю

и съ инструкціею, сему полковнику данною отъ меня, какія онъ на словахъ долженъ учинить визирю внушенія къ окончанію дѣла, колико можно, сходственнѣйшимъ образомъ съ пользою вашего императорскаго величества. Не могъ я никакимъ образомъ успѣть, чтобы къ сей реляціи приложить копіи помянутыхъ писемъ и инструкцій [240]), оставя то исполнить съ будущимъ курьеромъ. Донесу только кратко, что желая попытаться, не можно-ли будетъ убѣдить визиря принять отъ насъ декларацію, посредствомъ которой мы предохранимъ право (въ случаѣ набѣговъ Закубанскихъ народовъ и при неполученіи управы) употребить самимъ намъ репрессаліи для наказанія и укромленія своевольныхъ, а сверхъ того одержать и нѣкоторое денежное удовлетвореніе; счастливымъ себя почту, если Богъ мнѣ поможетъ превзойти такимъ образомъ требованія со стороны вашего императорскаго величества. Впрочемъ же, время не будетъ потеряно; ибо на основаніи ультиматума, да и съ одержаніемъ артикула противу Алжирцевъ въ три дня трактатъ подписанъ будетъ. Для приданія серьезнаго вида нашимъ требованіямъ дѣлаются всѣ демонстраціи и, можно сказать, весьма убѣдительныя. Я долженъ похвалиться передъ вашимъ императорскимъ величествомъ откровенностію и доброю волею генерала Каховскаго. Сообщая другъ другу все, что для пользы службы вашей потребно, мы стараемся оказывать взаимное пособіе. По увѣдомленію моему, что нужны доказательства, велѣлъ онъ двинуть на флотилію четыре баталіона, усилить магазейны, собрать подводы для перевозки разныхъ тягостей и, словомъ, все поставить въ готовность. Завтра пройдутъ мимо квартиръ Турецкихъ уполномоченныхъ 200 орудій полевой артиллеріи, и они чувствуютъ, что срокъ перемирія ни вашимъ величествомъ, ни покойнымъ главнымъ уполномоченнымъ отъ васъ не принятъ за благо и не утвержденъ. Всѣ сіи демонстраціи не растраиваютъ ни выгодъ, ни порядка войскъ, а будь такого свойства, что, Боже сохрани, разрывъ, то при продолженіи нынѣшней теплой и сухой погоды, могутъ, ежели бы по необходимости началися дѣйствія военныя, къ тому послужить, что миръ въ полѣ и подъ звукомъ оружій совершился бы и прежде, чѣмъ визирь успѣетъ созвать свое многочисленное войско. Повторяю, однакожъ, что до сего не дойдетъ, и что мы надѣемся окончить все, не доводя дѣлъ до такой крайности. Въ теченіи прошедшихъ временъ (великій визирь) прислалъ ко мнѣ своего секретаря церемоніальнаго департамента съ письмомъ, въ переводѣ при семъ прилагаемомъ, и съ подарками [241]). Упоминаемый тутъ эгретъ алмазный стоитъ, по мнѣнію здѣшнихъ ювелировъ, до четырехъ тысячъ рублей. Матеріи же оставлены на нѣсколько дней въ карантинѣ для провѣтренія и окуренія. Сказываютъ, что состоятъ въ

разныхъ и одинъ на другой непохожихъ малыхъ кускахъ. Во взаимность послалъ я ему съ подполковникомъ Ширяемъ, при письмѣ, въ копіи у сего слѣдующемъ, часы бриллiантовые въ 8,000 р., мѣхъ соболій въ 3,000 р. и 40 соболей Камчатскихъ въ 600 рублей".

Безбородко окончилъ это донесеніе извѣстіемъ объ удовольствіи совѣтника посольства Мошкова, согласно волѣ государыни [242]), переѣхать на службу въ Парижъ.

„Онъ трудился здѣсь много, – продолжаетъ Безбородко свое донесеніе,—бывъ отъ меня представленъ для управленія протоколами конференцій и счастливымъ себя почитаетъ, что вашему величеству благоугодно обратить на него вниманіе избраніемъ его къ служенію въ самомъ нынѣ трудномъ мѣстѣ; во вторыхъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ дождался здѣсь того времени, въ которое мирная негоціація стоитъ уже при дверяхъ благополучной развязки. Способности и усердіе его къ службѣ видны во всякомъ случаѣ, гдѣ онъ употребленъ былъ [243]).

„Сказавъ выше о стеченіи дѣлъ многихъ въ одно время по мирной негоціаціи, я долженъ присовокупить, что никакъ успѣть не могу донести вашему величеству по дѣламъ Польскимъ. Чѣмъ далѣе вхожу я въ нихъ, тѣмъ съ бо́льшимъ убѣжденіемъ предусматриваю, что съ окончаніемъ мирной съ Портою негоціаціи и сіи дѣла доброе воспріимутъ теченіе. Благоразуміе, твердость и честность двухъ начальниковъ нашей партіи, особливо же Потоцкаго, много обѣщаютъ. Они трудятся въ составленіи плана, внемля совѣтамъ моимъ, чтобъ терпѣливо ожидать, покуда руки наши развязаны будутъ".

Въ этотъ же день, 30-го ноября, вмѣстѣ съ приведеннымъ донесеніемъ императрицѣ, Безбородко отправилъ письмо къ Зубову. „Сегодништнее мое донесеніе докажетъ вамъ, милостивый государь мой, что миръ въ карманѣ; но, имѣя его въ рукахъ, для чего же не попытаться вытянуть что-либо и лишнее сверхъ ультиматума? Покуда я получу отвѣтъ отъ визиря, станемъ приводить въ порядокъ уже весь трактатъ, чтобъ, за пріѣздомъ курьера, тотчасъ и подписать было можно. Я забылъ въ реляціи ея величеству донести, сколько трудно съ Турками дѣла дѣлать, что, при гордости и трусости, они же еще и плутишки: составляя артикулъ о свободѣ плѣнныхъ, выскоблили въ своемъ экземплярѣ между именованіями христіанъ Грузинцевъ. Я завелъ съ ними шумъ чрезъ посылку нарочныхъ къ рейсъ-эфендію съ товарищи, что, когда положено сей артикулъ сдѣлать по тому, какъ въ Кайнарджи сдѣланъ, то на что они выключили? Они сперва поспорили, говоря, что ежели отдавать имъ обоего пола невольниковъ Грузинскихъ, то станутъ осматривать и обирать ихъ,

а можетъ быть и султанскіе гаремы, и что для сего при Петерсонѣ и Стахіевѣ на подобные случаи, по взаимному соглашенію, положено было Грузинъ не отдавать. Я сказалъ имъ, что сему теперь быть нельзя и, по многимъ спорамъ, принудилъ ихъ поставить Грузинцевъ. Рейсъ-эфендій послѣ говорилъ, чтобъ меня просить, дабы я не писалъ къ визирю, который за все къ нимъ привязывается. Отправивъ теперь къ визирю, покуда буду имѣть отвѣтъ, займусь разборомъ Горскихъ и Персидскихъ посланцевъ, которыхъ здѣсь много. Объ архіереѣ Екатеринославскомъ прошу доложить, что викарій его уѣхалъ съ тѣломъ княжимъ; а какъ ему поручена по именному указу митрополія здѣшняя отъ князя, то не лучше-ли ему остаться до вывода войскъ? А, между тѣмъ, онъ думаетъ, что теперь время исполнить указъ, 1789 г. отъ ея величества данный, о посвященіи здѣсь весьма вѣрнаго Сербскаго архимандрита Гавріила сперва епископомъ, а потомъ и митрополитомъ, дабы намъ своего здѣсь оставить. Бояре его весьма любятъ, и покойникъ только не исполнилъ тогда указа, по его представленію даннаго, отчасти за своими поѣздками, а отчасти за приборами къ посвященію, съ дня въ день отлагая. При отправленіи сего, получилъ я курьера отъ 20-го ноября изъ С.-Петербурга [244]). Писавъ двое сутокъ не переставая, не въ силахъ отвѣчать по содержанію писемъ, мною полученныхъ. Я прошу повергнуть къ стопамъ монаршимъ должную благодарность мою за всемилостивѣйшее одобреніе моего поведенія. Сколько силъ и понятія станетъ, радъ истощить ихъ къ заслуженію благоволенія государыни".

Не смотря на усталость отъ обильной переписки съ императрицею и Зубовымъ, графъ Безбородко не отказывался дѣлиться новостями съ друзьями своими; одному изъ нихъ, графу А. Р. Воронцову, 3-го декабря онъ писалъ: „Не успѣлъ я написать къ вашему сіятельству чрезъ г. Мошкова; но надѣюся, что Петръ Васильевичъ [Завадовскій] о всемъ обстоятельно вамъ скажетъ; сверхъ того, вы знаете и по моей реляціи состояніе дѣлъ. Надобно, однакожъ, чтобъ, сживая съ рукъ одни хлопоты, пуститься въ другіе. При моемъ отъѣздѣ полагалъ я отдѣлаться комплиментами отъ Польскихъ господъ, même par des promesses vagues [съ неопредѣленными при томъ обѣщаніями]. Я и теперь того же держуся; но вдругъ и я, и Василій Степановичъ [Поповъ] получаемъ рѣшительныя приказанія помышлять о сихъ дѣйствіяхъ. И такъ, вся моя теперь забота, чтобъ скорѣе дѣла Турецкія кончивъ до размѣны ратификацій государскихъ ни малѣйше не пошевелиться, а между тѣмъ, принявъ планы отъ Ржевусскаго и Потоцкаго и учиня имъ отвѣтъ въ весьма общихъ израженіяхъ, сказать, что я для

подробнаго распоряженія и для крайняго рѣшенія представлю все то ко двору. Они и сами туда ѣхать сбираются, да и лучше; ибо у васъ на мѣстѣ многое лучше сообразить можно. Инако я опасаюся, что при Польскомъ и Прусскомъ дворахъ, увидѣвъ наши замыслы, пошлютъ въ Царьградъ теперь же, чтобъ не кончили мира, и все опять завяжется. Посолъ Польскій хотѣлъ скоро оттуда выѣхать; тѣмъ и лучше, особливо же естьли нашъ министръ тамъ будетъ досужій, и ежели мы послѣ мира станемъ ладить съ Турками, какъ лучше и покуда намъ надобно. Срокъ выхода войскъ полагается отсюда въ маѣ, до того же времени весьма успѣть можно ко входу ихъ предварить Польшу и съ дворами сосѣдними снестися. Я очень, очень желаю, чтобъ Ржевусскому и Потоцкому дозволили пріѣхать въ Петербургъ. Ихъ намѣренія хороши, для насъ полезны и, можетъ быть, не такъ затруднительны, какъ думаютъ. Я имъ прямо твержу, что, покуда не развязаны у насъ руки, до тѣхъ поръ намъ и думать нельзя тронуться.

„За возвращеніемъ Бароцци постараюся непремѣнно окончить дѣло мирное. Все, кажется, одержано и поправлено, что прелиминаріями безтолковыми и медленностію потомъ запутано было. Днѣстровская часть утверждена за нами безъ всякихъ рестрикцій, даже о навигаціи свободной Турки ни слова не сказывали; а драгоманъ, говоря со мною, смѣялся требованію союзниковъ и Поляковъ, о которомъ онъ говоритъ, что такъ огромно, какъ бы дѣло шло о Дунаѣ или Черномъ морѣ, когда кромѣ весною малые струга да плоты только тутъ ходятъ. Молдавіи доставлено что было можно. О Грузіи хотя я боялся, но и тутъ спасена наша честь, а остается съ собою рѣшиться, какъ быть. Объ Алжирцахъ навѣрное сдѣлается по нашему. Турки хотѣли было занести претензіи по нѣкоторымъ артикуламъ коммерческаго трактата и о консулахъ. На первое я наотрѣзъ имъ велѣлъ внушить, чтобъ и домой убиралися, а о консулахъ сказалъ, что тутъ станутъ только смотрѣть на торговыя надобности. Я бы доставилъ и Закубанскій артикулъ, ежели бы велѣно держаться старыхъ приказаній, то есть, чтобъ Порта ихъ воздерживала и за нихъ отвѣчала своимъ; но, по несчастью, вышла тутъ новая система, та, что дать имъ нелѣпую независимость положено, буде Турки не согласятся оставить въ молчаніи, мня очень неосновательно, что сіи народы сами свою вольность оборонять будутъ; вы знаете, что по ихъ вольность есть право грабить наши границы. И такъ, я теперь долженъ буду удовольствоваться тѣмъ, что декларацією ли, или письмомъ къ визирю, или инымъ манеромъ, заявлю право репрессалій нашихъ въ случаѣ неполученія управы отъ сихъ народовъ. Что до денегъ, ваше сіятельство

знаете, что сіе есть только запросъ: удастся, хорошо; а не удастся, то не разорву негоціаціи, а, заставя только полномочныхъ поговорить о сей матеріи, скажу, что сіе оставляется въ доказательство дружбы и великодушія. И такъ, прежде конца декабря, естьли Богъ поможетъ, миръ подписанъ будетъ, развѣ султанъ взбѣсится и многое изъ соглашеннаго откинетъ. Тогда кинемся прямо на визирскій станъ. Они уже чувствуютъ, что мы перемирія срокъ неутвержденнымъ почитаемъ. Писалъ ко мнѣ Петръ Вас[ильевичъ Завадовскій], что, можетъ быть, князь Репнинъ будетъ полнымъ на весь тотъ край полководцемъ. Для Польскихъ, однакожъ, дѣлъ онъ неспособенъ, и Поляки его боятся. Они говорятъ, что много еще простой шляхты помнятъ его тогдашнее поведеніе. Надобно также и въ генералахъ на тотъ случай учинить разборъ. Здѣсь много есть хорошихъ, но много и незначущихъ, а иные еще и дурные люди. Какъ ни есть, но дай Богъ мнѣ, конча миръ и размѣнявъ ратификаціи, въ концѣ генваря или въ началѣ февраля отсюда убраться, а дѣла Польскія лучше съ вами вмѣстѣ рѣшить" [245]).

4-го декабря Безбородко получилъ два новые рескрипта отъ Екатерины: одинъ собственноручный, а другой за ея подписью. Въ послѣднемъ императрица отвѣчала ему на реляцію отъ 12-го ноября и какъ бы соглашалась отказаться отъ денежнаго удовлетворенія и отъ артикула о Закубанцахъ. „Изъ послѣдней реляціи вашей,—писала государыня,—отъ 12-го минувшаго ноября, видимъ мы, что къ совершенію мира встрѣчаются съ Турецкой стороны затрудненія главнѣйше по двумъ статьямъ: 1, о независимости Закубанскихъ народовъ и 2, о денежномъ удовлетвореніи за убытки, войною понесенные. Пріемля за благо все то, что̀ по сю пору учинено вами при мирной негоціаціи, мы находимъ нужнымъ по означеннымъ только двумъ артикуламъ изъяснить вамъ мысли наши. По первому: въ случаѣ непреодолимой упорности къ одержанію онаго, полезно бы было, еслибъ, по крайней мѣрѣ, можно довести Турецкихъ полномочныхъ на постановленіе въ договорѣ, чтобъ или Порта отвѣчала за всѣ неустройства и набѣги, которые отъ тѣхъ народовъ могутъ иногда намъ причинены быть, или (бы Турки) предоставили намъ самимъ право обуздывать и усмирять ихъ, не почитая таковаго наказанія за нарушеніе съ нею мирнаго трактата. Относительно втораго, то есть удовлетворенія денежнаго, оное не упоминалось въ негоціаціи нашей съ Англіею и ея союзными дворами или, лучше сказать, въ нашемъ ультиматѣ, не только тѣмъ дворамъ, но всей Европѣ торжественно объявленномъ; и хотя сіе Туркамъ предложено, конечно, въ облегченіе другихъ артикуловъ и для низложенія разныхъ Турецкихъ затѣй, но тѣмъ не меньше подаетъ при-

чину недоброхотствующимъ намъ оглашать насъ съ худой вѣры, аки бы мы въ словѣ не устояли. Не смотря, однакожъ, на сіе, мы одобряемъ поведеніе ваше въ производствѣ сей негоціаціи, приписывая оное усердному желанію кончить скорѣе мирное дѣло, въ которомъ, не связывая вамъ рукъ, мы совершенно надѣемся на ревность вашу къ славѣ и пользѣ нашей и на дознанное нами искусство ваше, что, при сохраненіи въ полной и ненарушимой силѣ ультимата нашего, не упустите вы воспользоваться, если только окажется возможность, къ одержанію и сверхъ онаго чего либо выгоднаго для государства нашего, и что труды къ трудамъ приложите для скорѣйшаго совершенія вожделѣннаго мира, въ чемъ Всемогущій Богъ, вѣдающій искреннія наши желанія и справедливыя намѣренія, да подастъ вамъ благополучный успѣхъ".

Въ другомъ рескриптѣ, Екатерина уже выражала „опасность" относительно требованія уплаты 12 милліоновъ. „Письма ваши, отъ 12-го ноября, до меня доставлены, изъ которыхъ видѣла все производство мирной негоціаціи до того дня и что, по предложеніи всѣхъ статей, Турецкіе полномочные отправили курьеровъ къ визирю и въ Царьградъ, можетъ быть. Признаюсь, что я, опасаясь, что недоброжелатели наши, по случаю предложеній о удовлетвореніи въ 12 милліоновъ, скажутъ, что мы, сказавъ два года, что болѣе не требуемъ, нежели всей Европѣ объявили, теперь перемѣнили свой голосъ, требуя великую сумму, о коей прежде вовсе не упоминали; но чрезъ сіе думать надобно, что Турки убавятъ прихотей о бичевникѣ по Днѣстру, да и независимость Закубанскихъ народовъ обдержимъ".

Сказавъ, затѣмъ, о посылкѣ креста [246]), императрица продолжаетъ: „Усердіе генералъ-маіора Попова соотвѣтствуетъ и въ семъ случаѣ моему о немъ мнѣнію. Я бы желала, чтобъ, отдѣлавшись скорѣе тамо, онъ бы возвратился сюда: понеже мы здѣсь такъ занесены дѣлами, что нерѣдко въ сутки часовъ по пятнадцати насилу сквозь чтеніе пройдетъ. Скажите мнѣ, что у васъ съ Поляками происходитъ и имѣете-ли вы съ ними переговоры? Кой часъ миръ заключится, ихъ дѣла важны становятся. А у короля проектъ за проектомъ родится. Видя, что курфирстъ съ трудомъ приметъ корону, уже поговариваетъ выбрать кого инаго. Я приказала къ вамъ отправить копію отъ Булгакова привезенныхъ депешъ. Марковъ говоритъ, чтобъ заготовить партію въ Польшѣ и дѣлать внушеніе дворамъ; а я говорю, чтобъ дворамъ не сказать слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобы не было людей, кои бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ старостъ и о уничтоженіи гетмановъ. Папа отсовѣтываетъ вводить Греческихъ епископовъ въ

Польшѣ и подчинить ихъ Цареградскому патріарху; ему надо унію. Вѣдь кажется тутъ, въ Волыніи и Подоліи, много разныхъ предлоговъ; лишь выбрать. Я приказала сдѣлать выпись изъ поведенія Польши въ разсужденіи насъ отъ 1787 года. Кто-бы думалъ, что Бецкій и князь Вяземскій переживутъ князя Потемкина и графа Брюса? А сей, по десятидневной болѣзни, скончался, въ Андреевъ день, по утру, къ всеобщему прискорбію всего города. Онъ былъ дежурный, когда занемогъ, и прислалъ ко мнѣ трость, а предъ тѣмъ за три дни обѣдалъ у Стрекалова, откудова, садясь въ карету, ушибъ ногу; къ сему пристала рожа и подагра. Смѣнясь изъ дворца, поѣхалъ домой и началъ бредить; доктора, бывъ призваны, нашли, что ниже ушибленнаго мѣста уже антоновъ огонь, а подагра въ желудокъ. Вѣнскій дворъ, въ отвѣтѣ своемъ, всѣ возможныя непріятныя намъ дѣла упоминаетъ, даже женитьбу принца Оранскаго на дочери герцога Курляндскаго: симъ хотѣлъ, кажется, мстить за то, что къ оному послана была копія съ письма моего къ королю Прусскому, гдѣ хваленъ поступокъ короля Прусскаго въ Голландіи, по дѣлу его сестры. А по дѣламъ Французскимъ Вѣнскій дворъ пишетъ и дѣлаетъ такія противорѣчія, которыя ни на что не похожи. Рѣчамъ же императора впредь мало вѣры дать можно. По его домогательству и предложенію, мы вошли въ сіи дѣла; ни противорѣчить, ни перемѣнить наше поведеніе я не нахожу пристойно; еще менѣе плясать по перемѣнчивой Итальянской махіавелизмѣ, которая, сдѣлавъ шагъ впередъ, поворачивается искось, не смотря на то, теряетъ ли достоинство и пристойности. Разумовскій пишетъ въ одномъ письмѣ изъ Вѣны сюда: les mots de magnanimité et de grandeur d'âme sont ignorés ici. [Слова—великодушіе и возвышенность чувствъ здѣсь неизвѣстны]. Я васъ спрашиваю, то-ли объ насъ донынѣ говорили? И тѣмъ-ли наша братія кредитъ въ людяхъ, въ своихъ и чужихъ, пріобрѣтаютъ? Стопы бы я написала къ вамъ, ежели бы я вамъ все то сказала, что я думаю о семъ Вѣнскомъ отвѣтѣ. Читавъ оный, я двѣнадцать страницъ своею рукою написала. Сказываютъ, самъ посолъ стыдится и безотвѣтенъ, а только сказываетъ: quel intérêt si pressant avez-vous de prendre si fort à coeur les affaires de France? A ceci je réponds: C'est d'après la réquisition de la cour de Vienne, que je m'y suis engagée. Je ne saurais changer d'avis tous les quinze jours, comme une girouette; et plus encore, quand je prévois que dans quinze autre jours vous changerez derechef d'avis: car il est impossible que le roi et la reine de France ne s'enfuyent de nouveau de Paris, parce que leurs jours sont plus menacés que jamais par les républicains, qui ne veulent pas de roi dutout et qui prennent parfaitement le-dessus à Paris.

Alors que fera l'empereur? Les ferat-il gouverneurs des Pays-Bas". [Какая вамъ особенная нужда принимать такъ сильно къ сердцу дѣла Франціи? На это я отвѣчаю, что вошла въ эти дѣла вслѣдствіе требованія Вѣнскаго двора. Я не въ состояніи, какъ флюгеръ, мѣнять убѣжденія каждыя двѣ недѣли, тѣмъ болѣе, что предвижу, что чрезъ другія двѣ недѣли вы измѣните убѣжденія: ибо невозможно, чтобы король и королева Французскіе не бѣжали опять изъ Парижа, такъ какъ ихъ жизнь, болѣе чѣмъ когда либо, въ опасности отъ республиканцевъ, которые не хотятъ совсѣмъ короля и вполнѣ преобладаютъ въ Парижѣ. Что будетъ дѣлать тогда императоръ? Или онъ назначитъ ихъ правителями въ Нидерланды?].

„Платонъ Александровичъ дней пять или шесть лежитъ въ постели; жаръ, и голова опухла; однако, надѣюсь, что опасности никакой нѣтъ. Я здорова, но желаю, чтобъ сіе тяжелое время скорѣй прошло. У насъ донынѣ прямой зимы нѣту. Рѣка вскрылась и закрывалась безсчетные разы, и попеременно таетъ и мерзнетъ; градусъ одинъ, а много когда два или три. Прощайте. Когда миръ созрѣетъ, я надѣюсь, что не пропустите минуту оный заключить.

„P. S. Что ранѣе не отвѣтствовала, тому причины праздники и другія помѣшательства разныя".

Не получивъ еще этихъ рескриптовъ, Безбородко, 8-го декабря, отправилъ къ своему другу, графу А. Р. Воронцову, письмо, проникнутое тревожнымъ опасеніемъ за свою репутацію, по поводу розысканій экстраординарной суммы, произведенныхъ Михаиломъ Потемкинымъ. Сказавъ въ началѣ письма, что онъ ожидаетъ возвращенія лицъ, посланныхъ къ великому визирю и занимается разборомъ „навезеннаго изъ Дагестана народа, который тѣмъ труднѣе разобрать, что по два отъ разныхъ одного народа владѣтелей наслано, изъ коихъ одинъ другаго именуетъ самозванцемъ", Безбородко продолжаетъ: „Между тѣмъ, былъ я свидѣтелемъ сценъ которыя, хотя, для меня постороннія, но изъ осторожности, чтобъ злость Михаила Потемкина не нашла тутъ чего нибудь къ моему предосужденію, принужденъ я безпокоить ваше сіятельство, въ случаѣ надобности, за меня вступиться и графа Николая Ивановича [Салтыкова] заранѣе предварить. Потемкинъ требовалъ отъ Василія Степановича [Попова] поденныхъ вѣдомостей объ экстраординарной суммѣ. По многимъ между ними спорамъ и непріятнымъ перепискамъ, Василій Степановичъ доставилъ ему многочисленныя вѣдомости съ тѣмъ самымъ подполковникомъ Ягузенковымъ, который имѣлъ на рукахъ счеты. Потемкинъ тутъ сдѣлалъ великую непристойность: нашедъ въ двухъ, что написана заплата за поставленное мною для госпиталей и на порціи вино, сказалъ: Гдѣ

оно? Я чаю, ничего не бывало. Конечно, онъ (говоря обо мнѣ) затѣялъ дружбу съ Поповымъ. Быть можетъ, что сей коварный человѣкъ зачнетъ меня марать. Но вы знаете, что я пользовался прибылью, какая всякому помѣщику и всякому частному хозяину, или частному человѣку позволена и свойственна. Ставилъ я продуктъ свой изъ выслуженныхъ своихъ имѣній и гораздо совѣстнѣе тѣхъ барышей, которыми родня его за подряды провіантскіе корыстовалися. Неужли тутъ найдутъ чѣмъ меня упрекать? Пусть спросятъ отъ меня объясненія, а не спрося не винятъ. Надобно, чтобъ было уже что нибудь закинуто подобное и до моего отъѣзду, потому что крѣпко приказано было Потемкину прежде меня въ Яссы выѣхать скорѣе; второе, въ своеручномъ указѣ, ему данномъ, сказано, чтобъ онъ старался исполнить ему порученное и не давалъ себя никому сбивать. Хорошо бы было очень, ежели бы мнѣ за мой подвигъ, отъ усердія проистекшій, заплатили подозрѣніемъ или обвиненіемъ въ дѣлѣ, гдѣ никто въ моемъ состояніи виннымъ быть не можетъ. Я сіе дѣло поручаю вашей дружбѣ, зная, что вы сами лучше все знаете, какъ сдѣлать. Поповъ скоро ѣдетъ, и тамъ все лучше объяснить можетъ. Вы не повѣрите, сколько сей негодяй мнѣ пакостей дѣлалъ, увидѣвъ, что не могъ отвратить отъ повиновенія мнѣ ни Самойлова, ни Рибаса, и что они оба его негодные поступки мнѣ открыли. Пересталъ говорить съ послѣднимъ, а первому выговаривалъ, что онъ ему открывалъ все по родству и зная положеніе вещей, да и бывъ удостовѣренъ при отъѣздѣ, что тому такъ и быть слѣдовало. Хотѣлъ даже внушить, что ему свыше то разумѣть дали. При всемъ томъ, ко мнѣ ѣздилъ и вездѣ, гдѣ меня звали, старался быть. Ваше сіятельство сами судить изволите, сколько мнѣ подобныя пакости чувствительны быть должны. Но я ни о чемъ, кромѣ о благополучномъ дѣла моего окончаніи, не забочусь; а положилъ, по окончаніи его, написать прямо, сколько мнѣ было помѣшательствъ и досадъ отъ подобной твари. Прощайте и не оставьте меня увѣдомленіемъ о полученіи сего письма“.

Письмо это наводитъ на мысль, что интрига противъ графа Безбородки, начатая еще при жизни князя Потемкина, не давала ему покоя и въ Яссахъ, и что даже одного изъ ближайшихъ своихъ пособниковъ по заключенію мира съ Турками онъ долженъ былъ считать сторонникомъ своихъ недоброжелателей. Какъ ни осторожно выражался Безбородко, но нельзя не замѣтить, что въ интригѣ противъ него, еще до выѣзда изъ Петербурга въ Яссы, императрица принимала уже дѣятельное участіе, снабдивъ Потемкина указомъ, съ крѣпкимъ предписаніемъ никому не давать себя сбивать. Естественно, что интрига породила и клевету; а гдѣ

клевета, тамъ и преувеличеніе и искаженіе фактовъ. Въ приведенномъ письмѣ есть несомнѣнное указаніе на добросовѣстность Безбородкинскихъ поставокъ для арміи; въ противномъ случаѣ не достало бы у него присутствія духа говорить Воронцову о своихъ болѣе совѣстливыхъ барышахъ сравнительно съ барышами Потемкинской родни. Но во имя справедливости нельзя не замѣтить, что молва о денежныхъ захватахъ Безбородки въ Крыму ходила даже между иностранцами [247]). Всего вѣроятнѣе думать, что соленыя озера и поставка продуктовъ въ армію были въ рукахъ Безбородки предметомъ умной и честной коммерціи, такъ какъ не имѣемъ никакого документальнаго основанія утверждать противное или даже хоть отчасти заподозривать добросовѣстность его по отношенію къ упомянутымъ предметамъ.

Чтò думала объ этомъ императрица, она даже и намеками не высказывала въ своихъ письмахъ, которыми продолжала удостоивать Безбородку. Въ тотъ же самый день, въ который Безбородко отправлялъ письмо къ графу Воронцову, т. е. 8-го декабря, Екатерина въ отвѣтъ на донесеніе его, отъ 21-го ноября, собственноручно писала ему слѣдующее: „Лишь только что написано было мое письмо отъ 4-го декабря, когда и курьеръ вашъ съ письмами отъ 21-го ноября прибылъ, по которымъ кажется, что надежда есть, что вашъ трудъ увѣнчанъ будетъ успѣхомъ, къ чему, конечно, твердые и рѣшительные ваши отзывы много способствуютъ. Мнѣ кажется, Турки вяще упрямятся на всѣ тѣ нелѣпые артикулы, которые Англія и Пруссія выдумали: дификультеты, кои нами уже опровергнуты всякій разъ, когда объ оныхъ рѣчь настояла. Изъ сего я заключаю, что Турки, хотя со вредомъ своимъ, спознать могли, каковы имъ коварные совѣты тѣхъ дворовъ, но однако, все еще оные въ нихъ дѣйствительнѣе, нежели чувство нужды скораго мира; а можетъ статься, что часто спорятъ лишь для сбереженія своихъ головъ. Благоразумнымъ вашимъ поведеніемъ и отчетомъ, мнѣ даннымъ, я весьма довольна. Продолжайте, какъ начали, и я надѣюсь, что Богъ увѣнчаетъ дѣло ваше успѣхомъ. Съ удовольствіемъ вижу, что въ шестой конференціи одержаны облегченія тягостей Молдавіи и что срокъ переселяющимся для продажи имѣній назначенъ. Барбарейцы нынѣ объявили войну Шведамъ и Французамъ въ самое то время, когда у насъ о нихъ идетъ условіе съ Турками. Касательно двухъ пунктовъ Закубанскихъ народовъ я инаго не скажу, какъ только то вамъ напомню, что я люблю, для сохраненія довѣрія къ Россіи и ко мнѣ, колико возможно точнѣе сохранить данное единожды обѣщаніе; и такъ, стараться надлежитъ и симъ народамъ доставить обѣщанное. Объ удовлетвореніи денежномъ мои мысли изъяснены въ преды-

дущемъ письмѣ, отъ 4-го декабря, и я вижу, что вы сами обѣщаете, елико возможно, паче же по дѣламъ Закубанскихъ народовъ, одержать сходственное моимъ предположеніямъ. Когда Порта не умѣетъ Закубанцевъ удержать отъ шалостей и шаткости, ни оборонить ихъ во время войны, то тѣмъ самымъ не потеряла-ли она права требовать подданства ихъ? И можетъ-ли она препятствовать намъ наказать ихъ, когда они предъ нами виноваты будутъ въ набѣгахъ и нарушеніи сосѣдственнаго покоя? И не лучше-ли ей не компрометироваться съ нами всякій разъ и тѣмъ свѣту показать естественную ея нынѣшнюю слабость? А конечно лучше, чтобъ тѣ народы остались барьеромъ между обѣихъ имперій, не причитая ихъ ни къ которой; а Суджакъ пусть останется по силѣ акта о Крымѣ, либо положится въ барьеръ же. По случаю вѣстей о язвѣ надлежитъ взять всѣ возможныя осторожности; какъ вы о томъ дали знать генералу Коховскому, то надѣюсь, что взятыхъ мѣръ достаточно будетъ для предохраненія отъ заразы. Опасность сія, по крайней мѣрѣ, та, которая отъ частаго сообщенія съ визиремъ родиться можетъ, предохранится скорымъ заключеніемъ мира, котораго вы поспѣшить старались, поставляя срокомъ десятое или одиннадцатое декабря, и отвѣтъ Турецкихъ полномочныхъ былъ довольно разумный и доказываетъ, что они не отдалены отъ дѣйствительнаго заключенія. Посылка къ визирю Бароцци сіе болѣе объяснитъ, паче же добра ожидаю отъ посылки вашего курьера къ графу Лудольфу, Неаполитанскому министру. Сей дворъ намъ оказывалъ въ нынѣшнее время болѣе прочихъ дружбы и чистосердечія“.

При донесеніи отъ 9-го декабря Безбородко препроводилъ къ императрицѣ протоколы четырехъ конференцій и выразилъ увѣренность, что пунктъ объ Африканскихъ морскихъ разбойникахъ „кончится къ пользѣ и безопасности торговли вѣрныхъ подданныхъ“ ея величества, ссылаясь на протоколы, какъ на свидѣтельство того, „что все мирное дѣло приведено уже въ полную готовность къ окончанію“, и что, „по прибытіи отповѣди отъ визиря, немного дней надобно будетъ, чтобы подписать договоръ“, и потомъ сообщаетъ; „Между тѣмъ, продолжаемыя военныя пріуготовленія съ большою дѣятельностію содержатъ ихъ въ великомъ страхѣ. Визирь писалъ къ нимъ (Турецкимъ уполномоченнымъ), что, слыша отвсюду о движеніи войскъ и артиллеріи нашей, подвозѣ провіанта и совершенной къ походу исправности, принужденъ и самъ употреблять всѣ способы, хотя и трудные поностоящему времени, къ собранію околичныхъ войскъ, поручая имъ стараться проникать прямыя намѣренія наши. По увѣренію извѣстнаго канала нашего, они отвѣтствовали, что, по всѣмъ словамъ и отзывамъ нашимъ, заключаютъ они, что мы упорно

стоять будемъ въ остальныхъ трехъ пунктахъ, и что однимъ посредствомъ рѣшительныхъ имъ наставленій можно окончить дѣло; да и, можетъ быть, найдется способъ къ умягченію хотя нѣсколько нашихъ требованій. Сей самый каналъ сообщалъ намъ, что съ послѣднимъ курьеромъ имѣли они изъ Константинополя письма о присылкѣ къ Портѣ депутата или, какъ они называютъ, посла отъ царя Карталинскаго. Ваше императорское величество видѣть изволили изъ рапортовъ, въ свое время къ покойному генералу-фельдмаршалу, князю Потемкину-Таврическому, отъ генерала Гудовича присланныхъ, что сей владѣтель намѣренъ былъ отозваться къ Портѣ о запрещеніи безпокоить его области. Мы таковое откровеніе его приняли безъ всякаго уваженія".

Обратившись, затѣмъ, въ донесеніи къ дѣламъ Польскимъ и сказавъ, что Ржевусскій и Потоцкій занимаются составленіемъ подробныхъ плановъ для своей послѣдующей дѣятельности, Безбородко пишетъ: „Оба они получили позывъ на 14 [25] генваря въ Варшаву; но, положивъ непремѣнно не токмо не присягать новой конституціи, напротивъ того, искать всѣми способами ее отвергнуть, намѣрены они остаться здѣсь до подписанія мира, а за тѣмъ ѣхать ко двору вашего императорскаго величества въ образѣ простыхъ путешественниковъ и тамъ просить всемилостивѣйшаго покровительства. Между тѣмъ, пріѣзжають къ нимъ ихъ друзья, коимъ они поручаютъ стараться располагать умы людскіе.

„Благоугодно было вашему величеству изъяснить мысли ваши касательно драгомана Марузи. Я не упустилъ чрезъ зятя его, вистіарія Стурдзу, сдѣлать всѣ тѣ внушенія, которыми только страхъ на него навести можно. Назначеніе его извѣстно было покойному генералу-фельдмаршалу, но никто не знаетъ, какія его о томъ были мнѣнія; а только вѣдаю, что когда живущій въ Елисаветградѣ господарь Маврокордато прислалъ къ нему письмо, требуя его ходатайства къ доставленію ему у Турокъ княжества Молдавскаго, покойный фельдмаршалъ весьма осердился, почитая сіе прошеніе безразсуднымъ, отъ одной жадности, къ деньгамъ проистекающимъ; сказалъ, что, при неизвѣстности удачи сего исканія, то только вѣрное, что ему отрубили бы голову, или бы онъ къ намъ ушелъ, и новые намъ нанесъ хлопоты. Таковую же просьбу возобновлялъ онъ и въ проѣздъ мой чрезъ Елисаветградъ. Совсѣмъ инако думаетъ другой, ушедшій къ намъ господарь Еммануилъ Россети, извѣстный инако подъ именемъ Манойла-Воды. Онъ какъ къ покойному фельдмаршалу отозвался, такъ и ко мнѣ пишетъ, что, достигши глубокой старости, вкушая покой подъ державою вашего императорскаго величества, при изобильномъ опредѣленномъ ему содержаніи, ничего инаго не хочетъ, какъ, оставшися въ

такомъ благополучномъ состояніи до конца дней своихъ, молить Всевышняго о долгоденственномъ и славномъ вашемъ царствованіи. Пребываніе свое онъ имѣетъ въ Херсонѣ".

Съ курьеромъ, везшимъ реляцію къ императрицѣ, отъ 9-го декабря, Безбородко послалъ письмо и къ Зубову. „Хотя въ ожиданіи возвращенія курьера моего, за Дунай посланнаго, и отлагалъ я мое всеподданнѣйшее ея императорскому величеству донесеніе; считаю, однакожъ, что по дорогамъ, кои, при продолженіи дождей, начали сильно портиться, пройдетъ нѣсколько дней, а свѣдавъ при томъ, что Михаилъ Васильевичъ [Потемкинъ] и Василій Степановичъ [Поповъ] отправляютъ курьера, посылаю и я съ нимъ мою реляцію, съ пріобщеніемъ (протоколовъ), бывшихъ конференцій. Между посылкою къ визирю и возвращеніемъ, я было думалъ дней нѣсколько отдохнуть, уставши отъ письма; но вмѣсто того Персидское и Горское посольства, къ покойному князю прибывшія, болѣе меня замучили, нежели Турецкая негоціація. Есть такіе, что надобно доискаться, отъ кого они присланы; есть опять такіе, что изъ одного мѣста двое прибыли, и надобно разобрать, кто законный или не законный; есть опять и наслѣдники послѣ умершихъ здѣсь, и именно изъ Имеретіи. Собираю всѣ рапорты и съ Василіемъ Степановичемъ [Поповымъ] на будущей недѣлѣ доставлю мое мнѣніе. А между тѣмъ, какъ многіе не получали нѣсколько времени кормовыхъ денегъ, стараемся имъ доставить опредѣленное. Не могъ я прежде успѣть въ дѣлѣ семъ для того, что вся эта Азіатская чудь не въ одномъ городѣ Яссахъ, но въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Кременчукѣ; я всѣ способы употребляю тамъ ихъ и удержать до полученія высочайшихъ приказаній".

Черезъ два дня, именно 12-го декабря, Безбородко вновь писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Въ ожиданіи возвращенія изъ главной квартиры Турецкой посланныхъ отъ меня, удерживался я утруждать ваше императорское величество всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніемъ. Но какъ по причинѣ продолжающихся съ 1-го декабря и по сіе время непрерывныхъ теплыхъ дождей, дороги учинились почти вовсе непроѣзжими, сверхъ того, можетъ быть, и по важности дѣла, даже и полномочные Турецкіе болѣе недѣли не получали отъ визиря курьеровъ, долгомъ почелъ я отправить сіе съ приложеніемъ извѣстій Варшавскихъ. По словамъ нашего канала, послѣдній курьеръ, изъ Шумлы 9-го декабря сюда прибывшій, доставилъ имъ полныя наставленія по пункту о корсарахъ Барбаресскихъ. Визирь пишетъ имъ, чтобъ они на конференціи старались съ нами объясниться о причинахъ, для чего у насъ происходитъ движеніе войскъ и знатное усиленіе флотиліи и передовыхъ постовъ, когда, по пе-

ремпрію, до срока его, можно было бы довольствоваться только одними малыми оберегательными постами? Но поелику онъ тутъ же говоритъ имъ, что оставляетъ на ихъ разсмотрѣніе по обстоятельствамъ сдѣлать изъ сего приказанія употребленіе, то и отвѣтствовано ему, что никакого полезнаго дѣйствія не предвидятъ они на сей разъ изъ подобнаго объясненія, отлагая оное до крайняго случая. Между прочимъ, изражаетъ (будто бы) визирь, что, при дальнемъ настояніи съ нашей стороны на независимость Закубанцевъ и [денежное] удовлетвореніе, нужно будетъ ему приказать въ Константинополѣ находящемуся рейсъ-эфендію заготовить и вручить ноту для посла Англійскаго и министровъ Гишпанскаго и Прусскаго, изъясняя виды наши на вредъ По́рты, наипаче касательно независимости Горскихъ народовъ. Но каналъ нашъ думаетъ, что уже по первымъ ихъ представленіямъ изъ Царьграда весьма скоро рѣшеніе придетъ; да я и не сомнѣваюсь, что, дождався отъ визиря отповѣди на его посылку, тотчасъ къ окончанію дѣло приведено будетъ. Написавъ сіе, получаю извѣстіе, что полномочнымъ Турецкимъ присланы отъ визиря курьерами два его чегодаря, которые, выѣхавъ, въ пятницу, 12-го декабря, по утру, были почти цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Они сказали приставу при Туркахъ, полковнику Лесли, что чрезъ сутки послѣ нихъ имѣло послѣдовать и отправленіе подполковника Бароцци изъ Шумлы и что курьеръ, отъ меня въ Константинополь посланный, выѣхалъ туда за день передъ ними. Безпрепятственное отправленіе моего курьера въ Царьградъ, кажется, служитъ добрымъ признакомъ къ скорому окончанію дѣла. Я далъ коммисію конфиденту нашему развѣдать, буде можно, у канала о содержаніи депешъ, а по прибытіи Бароцци, отправлю и своего нарочнаго со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, если хотя нѣсколько дней еще дѣло замедлиться должно. Но буде окажется удобность приступить тотчасъ къ совершенію мирнаго договора, въ такомъ случаѣ я уже пошлю курьера по окончаніи всего".

Между тѣмъ, отъ великаго визиря возвратился давно ожидаемый графомъ Безбородкою подполковникъ Бароцци. Съ его возвращеніемъ, одинъ изъ Турецкихъ полномочныхъ, Дурри-Заде-Магметъ-эфенди-Рузнамеджи-Эвель, вступилъ въ отправленіе особо возложеннаго на него великимъ визиремъ порученія къ главнокомандующему со стороны Россіи. „По предварительному испрошенію часа", Дурри-эфенди, 23-го декабря, пріѣхалъ къ графу Безбородкѣ съ драгоманомъ Порты Мурузи „для изъясненія повелѣній отъ верховнаго визиря, данныхъ Турецкимъ полномочнымъ" и имѣлъ съ нашимъ главноуполномоченнымъ весьма продолжительный и чрезвычайно интересный разговоръ, вполнѣ сохранившійся

въ подлинной дневной запискѣ. Разговоръ этотъ живо рисуетъ дипломатическія силы графа Безбородки и его оппонентовъ, и вмѣстѣ изображаетъ Ясское мирное дѣло въ напряженномъ и въ самомъ любопытномъ его положеніи.

„Дурри-эфенди началъ сообщеніемъ, что визирь, видѣвъ добрый успѣхъ негоціаціи и желая распространить оный, предписалъ имъ окончить артикулъ седьмой, касающійся до корсаровъ Африканскихъ, хотя, впрочемъ, сей артикулъ не былъ включенъ въ прелиминаріи и хотя въ трактатахъ Кайнарджійскомъ и коммерческомъ, нынѣ вновь утверждаемыхъ, имѣются точныя между Россіею и Портою о томъ постановленія.

„Графъ Безбородко на сіе сказалъ, что онъ радуется, что господинъ верховный визирь рѣшился на окончаніе такого артикула, который есть одинъ изъ составляющихъ ультиматъ ея величества, и что весьма бы надобно было сожалѣть, если бы сіе дѣло не такъ кончилось; ибо навѣрное напрасны были бы всѣ труды, въ мирной негоціаціи понесенные; что ссылка на прелиминаріи тутъ ни къ чему не служитъ. Если бы прелиминаріи столь достаточными почиталися, что кромѣ написаннаго въ нихъ ни о чемъ иномъ, при составленіи дефинитивнаго договора, и говорить не слѣдуетъ: то какая была бы нужда и заключать дефинитивные договоры? Прелиминаріи бы тогда мѣсто ихъ заняли, вмѣсто того, что они служатъ только основаніемъ къ примиренію и обыкновенно касаются до такихъ артикуловъ, безъ которыхъ ни переговоры начаты, ниже дѣйствія военныя уняты быть не могутъ. Что же принадлежитъ до упоминанія о корсарахъ Барбаресскихъ въ трактатахъ Кайнарджійскомъ и торговомъ, опыты доказали, что, не смотря на обнадеживанія, къ обезпеченію нашему тутъ поданныя, все оное, на однихъ словахъ оставалося, и мы еще и теперь имѣемъ судно съ грузомъ и людей въ рукахъ сихъ разбойниковъ отъ 1785 года. Слѣдовательно необходимы постановленія, которыя точнымъ образомъ обезпечили бы насъ отъ убытка и вреда, тѣми корсарами причиняемаго.

„Дурри-эфенди сказалъ, что сіе дѣло къ нашему желанію будетъ кончено, внеся прибавку, нами требуемую, что въ случаѣ неисполненія кантонами Африканскими даваемыхъ отъ Порты фирмановъ, Порта заплатитъ въ мѣсяцъ послѣ рекламаціи министрамъ изъ своей собственной казны. Проситъ онъ только приказать полномочнымъ Россійскимъ вновь пересмотрѣть сей артикулъ и съ ними о совершеніи его согласиться.

„Обѣщавъ то исполнить, графъ Безбородко примѣтилъ, что онъ,

однакожъ, надѣется, что тутъ вновь никакихъ перемѣнъ не будетъ учинено: ибо не можетъ онъ умолчать, что ему весьма странно казалося, когда почти во всякомъ артикулѣ съ ихъ стороны требовали наипаче въ переводахъ перемѣны въ стилѣ и въ израженіяхъ, даже и самыхъ незначущихъ; что, можетъ быть, то приписать должно превосходному знанію господина драгомана Порты въ языкахъ, а нашихъ незнанію, или же vice versa. Драгоманъ Мурузи тутъ изъяснялся, что, настоявъ иногда на перемѣны въ переводахъ, онъ принужденъ то дѣлать для лучшаго соображенія съ Турецкимъ, хотя и самъ онъ вѣдаетъ, что почти и невозможно слово въ слово согласить переводы Французскіе съ оригиналами Турецкими.

„По окончаніи, такимъ образомъ, пункта о корсарахъ Барбарессскихъ, Дурри-эфенди отозвался, что касательно VI артикула о народахъ Закубанскихъ верховный визирь поручаетъ имъ кончить во взаимной безопасности границъ; что, исключая требованную съ нашей стороны независимость помянутыхъ народовъ, на которую никогда Порта не согласится, и тому подобное, они рады подать всѣ способы къ отвращенію споровъ и жалобъ, и что визирь, сдѣлавъ нѣкоторыя прибавки въ проектѣ артикула, полномочными составленномъ, для насъ выгодныя, желаетъ, чтобъ и графъ Безбородко, если что къ вящему взаимному обезпеченію найдетъ сходнымъ, присовокупилъ тутъ же, и такимъ образомъ окончилъ мирное дѣло.

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ: Проектъ, господами полномочными Оттоманскими составленный, и прибавки, господиномъ верховнымъ визиремъ тутъ сдѣланныя, столь далеки отъ какого либо существеннаго насъ въ той сторонѣ обезпеченія, что я принялъ бы ихъ за чистый отказъ, если бы визирь не присовокупилъ, что онъ сдѣлаетъ все, отъ него зависящее къ распоряженію сего дѣла. Прежде, нежели войду въ раздробленіе его, я принужденъ сказать, что непристойно вовсе тутъ полагать какое либо взаимство съ нашей стороны, когда всѣ знаютъ, что у насъ тамъ нѣтъ иныхъ людей, какъ или войскà, въ пòдчиненности и добромъ порядкѣ содержимыя, или спокойные и никакимъ шалостямъ непричастные поселяне, въ весьма маломъ количествѣ. Какъ же можно ихъ равнять съ ордами варварскими, или, лучше сказать, съ ворами и разбойниками, которыхъ ничѣмъ инымъ, кромѣ страхомъ наказанія неизбѣжнаго, не удержать? Я предложилъ господину верховному визирю единственный способъ учредить сей артикулъ подъ условіемъ, чтобъ модификація, мною предлагаемая, рядомъ шла съ принятіемъ артикула о денежномъ удовлетвореніи; подъ тѣмъ же условіемъ предложу я на будущей, въ Субботу,

конференціи, чрезъ полномочныхъ Россійскихъ, господамъ полномочнымъ Оттоманскимъ проектъ сего артикула, въ которомъ истощу все, что, сходно съ волею моей всемилостивѣйшей государыни, могу употребить для единаго обезпеченія нашихъ предѣловъ; но заранѣе говорю, что то будетъ мое послѣднее слово.

„Дурри-эфенди началъ защищать свой артикулъ; но графъ Безбородко на разъясненія его отвѣчалъ, что нѣтъ никакой надобности распространять его упоминаніемъ крѣпостей Анапы и Суджака.

„— Для чего же, спросилъ Дурри-эфенди, не именовать сихъ мѣстъ?

„— Для того, сказалъ графъ Безбородко, что когда не одинъ разъ въ трактатѣ повторяется, что между обѣими имперіями есть границею рѣка Кубань, когда вновь подтверждается актъ о Крымѣ, Тамани и Кубани во всей его силѣ, и когда независимость Закубанцевъ не входитъ въ новый договоръ: тогда вещи всѣ вступаютъ, послѣ мира, въ прежнее положеніе. Порта согласилась на утвержденіе границею рѣки Днѣстра между ею и Россіею. Всѣ земли на лѣвомъ берегу той рѣки учинилися собственностію имперіи Всероссійской; но была ли нужда говорить тутъ, что Порта уступаетъ Россіи — Очаковъ, Гаджибей, Дубоссары и тому подобное? Другую причину и ту еще можно предъявить, что Анапа и Суджакъ болѣе на свѣтѣ семъ не существуютъ, бывъ тотчасъ, по взятіи ихъ, разрушены до основанія.

„Сіе послѣднее привело въ крайнее изумленіе Дурри-эфендія, такъ что онъ весьма не скоро собрался съ отвѣтомъ. Графъ Безбородко продолжалъ, что ежели въ четвертомъ артикулѣ и упоминаются по именамъ возвращенныя крѣпости, то сіе сдѣлано для того, что таковое возвращеніе замѣнено особыми выгодами: выговоренными землями, въ которыхъ оныя крѣпости построены. Что̀ же касается до̀ обузданія Закубанцевъ, положимъ, что Порта возметъ на себя ручательство и удовлетвореніе за украденные или захваченные скотъ и вещи, за сожженіе и разрушеніе жительствъ и за подобные тому убытки, но не можно такимъ образомъ наградить захвата людей въ неволю, въ случаѣ неотдачи ихъ; слѣдовательно, нѣтъ инаго средства, какъ положить условіе: если въ опредѣленный срокъ, по жалобамъ на сихъ воровъ, не будутъ отысканы увезенные ими наши люди, въ такомъ случаѣ, по предварительномъ дружественномъ сообщеніи министра нашего въ Константинополѣ, мы можемъ сами захватить ихъ людей и не отдавать прежде, покуда наши не будутъ возвращены; и Порта таковое средство, производимое въ дѣйство надъ Закубанцами, не приметъ за нарушеніе дружбы и тишины. Можно навѣрное надѣяться, что коль скоро будутъ знать Закубанскіе народы,

что ихъ воровства и разбои такъ наказаны будутъ, воздержатся, конечно, отъ прикосновенія нашимъ предѣламъ, и до подобныхъ репрессалій и дѣло не дойдетъ. А инако, хотя нельзя сего артикула оставить безъ надлежащаго распоряженія, какъ выше сказано (положа на примѣръ, чтобъ вещи осталися въ прежнемъ состояніи), извѣстно, какія трудности до войны встрѣчалися въ одержаніи справедливости за набѣги и хищенія сихъ своевольниковъ; тѣже самыя встрѣтятся, конечно, и въ будущее время. Имперія Россійская не потерпитъ того и, видя, что дружественнымъ образомъ нельзя получить скорой управы, принуждена будетъ сама себѣ оную доставить. Тутъ и родятся новыя къ войнѣ причины, которыя отвращать завременно есть долгъ всякой державы.

„Всѣ сіи разсужденія не нравилися Дурри-эфендію, и онъ, представляя невозможность согласиться на какія либо репрессаліи, обратился, наконецъ, къ послѣднему пункту его коммисіи, и именно къ артикулу сепаратному, говоря, что онъ ссылается на всѣ переговоры, въ Шумлѣ съ подполковникомъ Бароцци бывшіе, считая, что графъ Безбородко доводы ихъ, вопреки сего артикула, уважитъ и изъятіемъ онаго изъ негоціаціи облегчитъ окончаніе оной.

„Графъ Безбородко на сіе отвѣтствовалъ: Прежде, нежели вступимъ въ самую сію матерію, скажу я не обинуясь, что поступокъ господъ полномочныхъ Оттоманскихъ въ непринятіи артикула сепаратнаго и оставленіи его на столѣ въ залѣ конференціи ни кѣмъ одобренъ быть не можетъ. Въ цѣломъ свѣтѣ есть обычай принимать предложенія, разбирать ихъ и отвѣчать, что̀ должно; такимъ точно образомъ поступилъ господинъ верховный визирь, принявъ дѣло сіе, изъяснився сперва съ подполковникомъ Бароцци самолично, а потомъ и чрезъ подчиненныхъ ему особо и, наконецъ, сдѣлавъ мнѣ отвѣтъ какъ въ письмѣ своемъ, такъ и запискѣ, подполковнику Бароцци данной. Вѣжливость и благопристойность требуютъ, чтобъ всему предварительно господа полномочные Оттоманскіе приняли сей артикулъ, который велѣлъ я господамъ полномочнымъ Россійскимъ отдать имъ на первой конференціи, или чтобъ они сами послали одного изъ секретарей своихъ съ нашимъ взять его. Безъ сего ничего говорить нельзя. Отъ нихъ зависитъ отвѣчать, что̀ отъ верховнаго визиря имъ предписано, или что̀ они могутъ по своимъ инструкціямъ, такъ какъ будетъ мое дѣло рѣшительно изъясниться по сему пункту на основаніи полной мочи и инструкцій, отъ моей всемилостивѣйшей государыни мнѣ данныхъ.

„На сіе сказалъ Дурри-эфенди, что непринятіе ими сего артикула произошло ни отъ гордости, ни отъ желанія досадить графу Безбородкѣ,

или ихъ товарищамъ, нашимъ полномочнымъ, но единственно отъ того, что сія матерія и въ инструкціи ихъ не входила. Теперь же, видя, что верховный визирь самъ объ оной трактовалъ, бумагу оную принять не отрекутся на первой конференціи, о чемъ онъ съ товарищами своими условится, разумѣя, однакожъ, подъ оговоркою, чтобъ не сочли таковое ими сея бумаги принятіе за какое либо со стороны ихъ обязательство согласиться на оную.

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ, что принять проектъ не значитъ, конечно, соглашенія на оный, а дѣломъ будетъ взаимныхъ полномочныхъ имѣть о томъ переговоры.

„Дурри-эфенди молвилъ, что они будутъ отвѣтсвовать на сей артикулъ, какъ имъ отъ верховнаго ихъ начальника приказано; но что до него собственно касается, то онъ, вслѣдствіе коммисіи, отъ визиря на него положенной, приноситъ со стороны его просьбу объ отложеніи всякаго требованія объ удовлетвореніи (денежномъ), тѣмъ болѣе, что оно не токмо въ прелиминаріи не положено, но еще и дружескимъ объясненіемъ между генераломъ княземъ Репнинымъ и отъ нихъ употребленными людьми заранѣе предостережено было.

„Графъ Безбородко возразилъ касательно прелиминарій, ссылаясь на сказанное имъ прежде, прибавя, что князь Репнинъ ни на какія точныя постановленія не былъ снабженъ полною мочью, а имѣлъ препорученіе отъ покойнаго генерала-фельдмаршала, князя Потемкина-Таврическаго, въ случаѣ отзыва со стороны Турецкой о мирѣ и унятія оружія, не согласиться на сіе послѣднее инако, какъ по принятіи верховнымъ визиремъ извѣстныхъ трехъ главныхъ артикуловъ ультимата ея императорскаго величества. Сверхъ того, самъ визирь и другіе министры въ разговорахъ своихъ съ подполковникомъ Бароцци говорятъ, что князь Репнинъ на внушеніе ему объ удовлетвореніи отвѣтствовалъ только, что онъ на то не уполномоченъ, слѣдовательно и отъ него даже никакого обѣщанія не было.

„Дурри-эфенди сказалъ, что они считали князя Репнина полномочнымъ, какъ начальствующаго арміею.

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ, что онъ командовалъ арміею по случаю временнаго отсутствія покойнаго фельдмаршала, что онъ одинъ былъ на то время главный полномочный ея императорскаго величества, что видѣли они, при первомъ ихъ съѣздѣ, особую полную мочь, на мирное дѣло ему данную; что, по прибытіи графа Безбородки, онъ на первой же конференціи сообщилъ свою полную мочь для того, что, не предъявя ея, никакихъ точныхъ и рѣшительныхъ постановленій дѣлать не можно;

при чемъ прибавилъ, что какъ препорученіе, отъ фельдмаршала князю Репнину сдѣланное, было ограничено, то, при полученіи извѣстія о заключеніи прелиминарій, ея императорское величество рескриптомъ къ покойному фельдмаршалу не изволила апробовать срока осьмимѣсячнаго, для перемирія положеннаго, назначая не иной предѣлъ унятію оружія, какъ окончаніе самой негоціаціи однимъ или другимъ образомъ; и что сіе извѣстно было всѣмъ, такъ что Англійскій министръ въ С.-Петербургѣ писалъ тогда же къ послу Англійскому въ Константинополѣ, увѣдомляя его о неодобреніи у насъ помянутаго срока. Да мы и дѣйствительно онаго не признаемъ.

„Дурри-эфенди тутъ вызвался, что они всегда были въ доброй вѣрѣ на продолженіе перемирія до 1-го апрѣля. Но графъ Безбородко рѣшительно повторилъ, что означенный срокъ не былъ ратификованъ, да и не нуженъ: ибо, при добромъ расположеніи обѣихъ сторонъ, негоціація скорѣе можетъ окончиться, а ежели не могутъ сблизить своихъ намѣреній, то лучше скорѣе испытать иныя къ тому средства.

„Дурри-эфенди паки началъ рѣчь о сепаратномъ артикулѣ, что онъ излишнимъ почитаетъ повторить все, говоренное на конференціи министровъ съ Бароцци, но только прибавить, что сей артикулъ не столь важенъ, чтобъ могъ прибавить что либо къ величію и силѣ Россійской имперіи.

„На что графъ Безбородко ему возразилъ, что когда почитаютъ себя стороною правою, атакованною несправедливо и при томъ побѣдоносною, тогда обыкновенно требуютъ какихъ либо жертвъ, или уступокъ.

„Дурри-эфенди сказалъ, что они уже и уступки и жертвы сдѣлали во многихъ артикулахъ, особливо же границею на Днѣстрѣ.

„Несоразмѣрно все то, сказалъ графъ Безбородко, ни нашимъ убыткамъ, ни нашимъ успѣхамъ. Ежели умѣренность и великодушіе ея императорскаго величества были причиной, что въ замѣну толь многихъ завоеваній, нынѣ возвращаемыхъ, удерживается толь малая и ненаселенная частица земли, то, по крайней мѣрѣ, надобно, чтобъ одна выгода больше оное дополняла. Въ Кайнарджійскомъ мирѣ, гдѣ мы одержали премногія выгоды, прибавлено было и денежное удовлетвореніе. Для чего же ге присовокупить его и при нынѣшнемъ трактатѣ? Что же касается до многихъ другихъ артикуловъ, они хотя и полезны для Россіи, но не меньше выгодны и для Порты, когда служатъ или къ обезпеченію торговли, взаимно полезной, или къ содѣланію мира прочнымъ, слѣдовательно и

къ отвращенію отъ самой Порты на будущія времена, подобныхъ нынѣшней войнѣ, потерь.

„Видя, что всѣ попытки неудачны къ одержанію со стороны графа Безбородки соглашенія на изъятіе изъ негоціаціи артикула сепаратнаго, просилъ Дурри-эфенди именемъ верховнаго визиря представить сіе дѣло ея императорскому величеству и ожидать ея высочайшаго рѣшенія.

„Графъ Безбородко и тутъ изразилъ невозможность отлагать на долгое время окончаніе дѣла, говоря, что всѣ артикулы, имъ сообщенные, не собственнымъ его хотѣніемъ изобрѣтены, а основаны на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ; что онъ взнесъ проекты къ ея императорскому величеству и, не имѣя отъ нея никакихъ вопреки тому предписаній, вѣдая же, что его поведеніе по негоціаціи апробовано, считаетъ, что иной пользы быть не можетъ отъ новаго его представленія, какъ только потеря времени. Наконецъ, Дурри-эфенди просилъ, чтобъ хотя, по крайней мѣрѣ, графъ Безбородко съ точною отповѣдью своею отправилъ къ верховному визирю подполковника Бароцци. На сіе сказалъ графъ Безбородко, что онъ тотчасъ послѣ конференціи, если увидитъ, что господа полномочные еще не въ состояніи будутъ совершить заключеніе трактата, въ послѣдній разъ пошлетъ помянутаго подполковника къ визирю съ отвѣтомъ своимъ, назнача крайній срокъ по вычету времени на оба пути и трехъ дней на пребываніе его въ Шумлѣ; что его въ семъ нельзя будетъ упрекнуть, тѣмъ болѣе, что самъ господинъ верховный визирь, въ послѣднюю бытность у него подполковника Бароцци, напоминалъ ему, какимъ образомъ онъ для упрежденія разрыва предъ настоящею войною назначалъ г. Булгакову срокъ довольный на испрошеніе изъ С.-Петербурга резолюцій по тогдашнимъ спорамъ; что отъ нихъ будетъ тогда зависѣть окончить въ одинъ день всѣ мирные переговоры; что ему прискорбно будетъ видѣть худой конецъ; что онъ бы предпочелъ лучше договоръ мирный подписать въ Яссахъ, нежели иногда имѣть нужду ѣхать далѣе впередъ для совершенія онаго, и что онъ не повторяетъ тутъ того, что̀ онъ уже достаточно далъ разумѣть относительно случая разрыва и возобновленія военныхъ дѣйствій.

„Потомъ взаимно кончили привѣтствіями и желаніями, дабы дѣло мирное могло окончено быть добрымъ успѣхомъ въ мѣстѣ нынѣшнихъ переговоровъ“.

Твердый тонъ, который держалъ Безбородко въ разговорѣ съ Дурри-эфендіемъ, долженъ былъ убѣдить Турецкихъ полномочныхъ, что уступки со стороны Россіи ожидать нечего. Для нихъ оставалось одно изъ двухъ: или согласиться на предложенныя условія, или прекратить переговоры.

Нельзя не замѣтить, что разговоръ Турецкаго уполномоченнаго съ Русскимъ главно-уполномоченнымъ объ уступкахъ былъ только попыткою со стороны визиря, который, вѣроятно, и сознавалъ безуспѣшность ея. Настояніе же Безбородки и его неуступчивость легко объяснить поддержкою императрицы. Она и теперь, 25-го декабря, въ отвѣтъ на донесенія графа отъ 30-го ноября и 9-го декабря, писала ему: „Крайнее ощущаемъ удовольствіе, видя изъ оныхъ (донесеній), что ввѣренная вамъ негоціація идетъ благоуспѣшно, и что сближается минута къ совершенію желаемаго нами мира. Отдавая достойную справедливость трудамъ вашимъ въ семъ дѣлѣ, мы въ полной остаемся надеждѣ на усердіе ваше къ намъ, на ревность къ славѣ государства нашего и на искусство ваше, многими опытами доказанное, что вы не только ускорите заключеніе мирнаго договора, но и предуспѣете одержать въ ономъ, безъ разрыва негоціаціи, все то, что только служить можетъ къ пользѣ имперіи здѣшней" [248]).

Лица же, находящіяся въ Яссахъ, были вполнѣ увѣрены въ скоромъ окончаніи переговоровъ по желанію Россіи. Сослуживцы графа Безбородки справедливо отзывались объ его усердіи и знаніи дѣла. Одинъ изъ почитателей графа, молодой дипломатъ, впослѣдствіи графъ Ростопчинъ, съ чрезвычайною живостію, въ письмѣ въ Лондонъ, къ посланнику нашему, отъ 25-го декабря, писалъ о трудахъ Безбородки: „По вѣроятностямъ, миръ будетъ подписанъ недѣли черезъ три или ранѣе, если не представится къ тому совершенно неожиданныхъ препятствій. Бароцци, посланный отъ графа Безбородки къ великому визирю, возвратился, повидимому, исполнилъ свое порученіе удачно. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ переговоры затянулись: ибо графъ Безбородко, пріѣхавъ сюда, послалъ Турецкимъ уполномоченнымъ письмо (исполненное убѣдительнаго краснорѣчія), въ которомъ открыто изъяснилъ свое намѣреніе не терять времени и потребовалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ. Если теперь можетъ возникнуть какое нибудь затрудненіе, то единственно съ нашей стороны. Съ посланниками высокой Порты обращаются строго и часто даютъ имъ чувствовать, что конгрессъ въ Яссахъ не похожъ на конгрессъ въ Систовѣ, и что переговоры между нами ведутся безъ посредниковъ" [249]).

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи Турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго ими на столѣ конференціи, графъ Безбородко не считалъ, однако, денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ разсчитанною цѣлію—сосредоточить на немъ все упорство Турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ.

Въ такомъ смыслѣ онъ доносилъ императрицѣ, отъ 29-го декабря, въ отвѣтъ на высочайшіе рескрипты отъ 4-го и 8-го того же декабря. По ходу переговоровъ, кромѣ вопроса о денежномъ удовлетвореніи, оставался нерѣшеннымъ вопросъ о нашихъ Азіатскихъ или, какъ онѣ называются въ тогдашнихъ документахъ, „Кубанскихъ" границахъ съ Турціею. Намѣреваясь непремѣнно привести переговоры къ концу устраненіемъ всякаго повода къ ихъ затяжкѣ со стороны неблагопріятныхъ Россіи Европейскихъ дворовъ, графъ Безбородко сказалъ уполномоченнымъ, что конференція и не начнется, если Турки „формально не примутъ со стола оставленнаго ими сепаратнаго артикула о денежномъ удовлетвореніи для дружескаго трактованія объ ономъ" и чрезъ третьи руки внушилъ Туркамъ, „что изъ непринятія артикула Кубанскаго, конечно, выдетъ разрывъ". Но конференція началась тѣмъ, что Турки взяли со стола сепаратный артикулъ о денежномъ удовлетвореніи, и уполномоченными было докончено рѣшеніе вопроса о срокѣ уплаты Турецкимъ правительствомъ убытковъ, наносимыхъ подданнымъ Россійской имперіи Африканскими корсарами. По поводу же сепаратнаго артикула положено было предоставить рѣшеніе дѣла главноуполномоченнымъ, между которыми по этому вопросу шла переписка. Когда, наконецъ, уполномоченные приступили къ рѣшенію статьи договорнаго проекта, которою отъ Порты требовалось торжественное обязательство обуздать Закубанскіе народы и положить преграду ихъ посягательствамъ, взявъ всякую отвѣтственность на себя, „Турки изъявили желаніе,—записано по этому поводу въ протоколѣ конференціи,—перейти въ другую комнату для совѣщаній". Возвратясь, они предложили занести въ статью, что изысканіе и употребленіе средствъ предупреждать хищничество вышеупомянутыхъ народовъ должны быть сдѣланы обѣими сторонами и обоюдно соблюдаемы. Наши отвѣчали, что такой обоюдности дѣйствій нельзя допустить въ данномъ случаѣ; что согласиться на это можно было бы только тогда, когда пограничнымъ съ нами народомъ были бы Турки; народы же, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ идетъ дѣло, не имѣютъ никакого понятія о дисциплинѣ, незнакомы ни съ какой формой правленія и представляютъ собою не больше, какъ хищниковъ. Между тѣмъ, наши береговые жители занимаются обработкой земли и стараются жить какъ можно покойнѣе. Графъ Безбородко заявилъ третьему уполномоченному Порты, что именно эта разница и служитъ препятствіемъ къ согласію на требуемую обоюдность дѣйствій. И какимъ же образомъ можно поставить на одну доску земледѣльцевъ или правильно организованное войско съ разбойниками большой дороги? Турки отвѣчали, что имъ хорошо извѣстно, что между под-

данными Русскихъ нѣтъ такихъ, но очень можетъ случиться, что какія нибудь злонамѣренныя личности, перейдя рѣку, станутъ тревожить спокойствіе жителей и торговлю. Наши отвѣчали, что въ такомъ случаѣ ихъ примѣрно накажутъ на мѣстѣ преступленія. Турки замѣтили, что какъ населеніе нашихъ береговъ состоитъ только изъ солдатъ и земледѣльцевъ, то это тѣмъ болѣе служитъ основаніемъ для включенія требуемаго условія въ статью. Наши отвѣчали, что вышеупомянутые народы такъ низко стоятъ въ ихъ глазахъ, что даже Турокъ побрезгалъ бы поставить себя съ ними подъ одинъ уровень. Турки возразили, что во владѣніяхъ императрицы живутъ Татарскія племена, которыя, въ свою очередь, могутъ нарушать порядокъ во владѣніяхъ, принадлежащихъ Портѣ. Наши замѣтили, что племена эти слишкомъ далеко отъ Оттоманскихъ границъ, и имъ пришлось бы, чтобы достичь до нихъ, переходить очень большія разстоянія, слѣдуя по мѣстностямъ, въ которыхъ правительство постоянно заботится о порядкѣ и безопасности жителей; что аргументы основываются всегда на прошломъ, а высокой Портѣ никогда не приходилось жаловаться на подданныхъ императрицы, тогда какъ Россіи не разъ случалось жаловаться на подданныхъ Порты. Турки признали справедливость аргумента; но просили ограниченія, въ случаѣ, если бы виновными пришлось быть Русскимъ подданнымъ. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что обѣщали уже дать полное удовлетвореніе, но хотѣли только оградить жителей пограничныхъ владѣній отъ хищниковъ, которые, переходя рѣку, проникаютъ въ центръ страны и иногда грабятъ цѣлыя селенія. Они прибавили, что это требованіе должно считать ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ гарантировать безопасность границъ, служащую основаніемъ взаимнаго мира, но что Россію нельзя заподозривать при этомъ въ какомъ нибудь честолюбивомъ замыслѣ относительно Оттоманскихъ владѣній. Они просили, наконецъ, уполномоченныхъ принять во вниманіе, что статья шестая, оставаясь безъ всякихъ ограниченій и безъ малѣйшихъ измѣненій въ ея выраженіяхъ, значительно приблизитъ переговоры къ желаемому концу. Турки согласились принять статью и приготовить къ обмѣну на завтрашней конференціи.

„Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ Турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята-ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и возвратясь объявилъ, что сейчасъ придетъ графъ Безбородко“.

Съ этого момента зала конференціи обращается для графа Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и оффиціально записаны въ протоколѣ, а графъ Безбородко ожив-

ленно передаетъ ихъ въ донесеніи къ императрицѣ, отъ 29-го декабря. „Какъ скоро мнѣ донесено было (что Турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ Русскими артикулъ о Кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождалися меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при растворенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ, въ изумленіи на ногахъ бывшимъ [250]), что я радуюся, видя благоразумное ихъ соглашеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ ваше величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя ваши намѣренія были одержать пункты, необходимо нужные для безопасности предѣловъ вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, вашу и Оттоманскую имперіи населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные Турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе ваше. Присовокупивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ товарищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29-го декабря трактатъ, испросили у меня дозволеніе войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями, сказалъ, что ваше величество велики въ войнѣ и мирѣ, и во всѣхъ вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе“.

Объ этомъ дипломатическомъ торжествѣ графъ Ростопчинъ не преминулъ сообщить графу Воронцову, въ день подписанія мира, нѣсколько иначе: „Письмо мое осталось не отправленнымъ, вслѣдствіе сегодняшняго счастливаго событія. Прибавляю это дополненіе, болѣе достойное вниманія, чѣмъ все, что я имѣлъ честь говорить вамъ выше. По пріѣздѣ Бароцци, была 27-го числа конференція, на которой Турки согласились безусловно принять двѣ статьи, вызвавшія возраженія съ ихъ стороны. Въ силу одной изъ этихъ статей, Порта дѣлается отвѣтственною за всѣ безпорядки, могущіе произойти отъ Закубанскихъ племенъ; по другой, она обязуется вознаградить изъ своей казны всѣ убытки, нанесенные корсарами подданнымъ Россійской имперіи. По принятіи этихъ двухъ статей, оставалась только статья о денежномъ вознагражденіи за военныя издержки, которая не входила въ текстъ договора, а составляла особое приложеніе,

и которую Турки никакъ не рѣшались взять со стола, гдѣ она была оставлена ими въ день ея предъявленія. Однакоже, они, взявши ее, наконецъ, согласились имѣть на другой день конференцію для ея обсужденія; но графъ Безбородко избавилъ ихъ отъ этого труда неожиданнымъ сообщеніемъ: вошедши въ залу конференціи онъ объявилъ, что ея императорское величество, желая установить безопасность своихъ границъ и видя готовность, съ какою господа уполномоченные высокой Порты удовлетворили ея требованіямъ, отказывается отъ вознагражденія за военные расходы и даруетъ миръ. Турки едва могли этому повѣрить: такъ велика была ихъ радость. Благодаренія ихъ соотвѣтствовали признательности, которую должно было внушить имъ подобное великодушіе. Подчеркнутыя мною строки выписаны изъ протокола. Я хотѣлъ послать вамъ копію со всѣхъ статей мирнаго договора, но графъ Безбородко совѣтовалъ мнѣ этого не дѣлать, такъ какъ мое письмо пойдетъ по почтѣ на Варшаву" [251]).

Торжество, устроенное дипломатическимъ талантомъ графа Безбородки, 26-го декабря, не отвлекло его отъ обычной разнообразной дѣятельности. Въ этотъ самый день онъ отправилъ письмо къ Булгакову, занимавшему мѣсто нашего посла въ Варшавѣ, и въ немъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Вчера получилъ я ваше письмо о принятомъ намѣреніи правительствомъ Польскимъ сдѣлать нотификацію о перемѣнѣ 3-го мая, въ дѣйство произоеденной. Видѣлъ я тутъ же и записку сеймовую, въ которой король безъ нужды и безъ пристойности коснулся выраженіями ига и опеки до насъ. Неужили они думаютъ, что насъ застращаютъ тѣмъ множествомъ рукъ, которыя его величество упоминаетъ въ рѣчи своей, какъ довольныя для защищенія работы его и единомышленниковъ его? Инфлюенцію нашу ему бы всѣхъ менѣе повторять слѣдовало, когда извѣстно, что безъ нея и вѣкъ бы ему быть на престолѣ не удалося. Молчавъ восемь мѣсяцевъ о перемѣнѣ и говоря, что всѣмъ державамъ сдѣлано обвѣщеніе, кромѣ Россіи, неужели они думаютъ, что и Россія прежде осьми же мѣсяцевъ имъ отвѣчать станетъ? Или, что она также, скорѣе и сама другимъ державамъ, кромѣ Польши, не скажетъ свои разсужденія? Ежели миръ нашъ съ Турками имъ не по вкусу, то никогда имъ лопаться съ досады не должно, какъ теперь, когда онъ безсомнителенъ и къ самому концу сближается. Въ одномъ письмѣ видѣлъ я, что Лукезини [Прусскій посолъ въ Варшавѣ] отзывался о вашемъ равнодушномъ поведеніи въ разсужденіи всѣхъ шалостей Польскихъ, которое болѣе разстроиваетъ сіи горячія головы, нежели лишняя живость и охота къ интригамъ Итальянская, примолвивъ, что развѣ онъ заставилъ

васъ говорить и дѣйствовать. Тутъ наши политики заключили разное: иные, что онъ тутъ разумѣлъ, что оба двора наши согласятся и станутъ говорить за одно; иные, что паки жадность на Торнъ и Данцигъ возобновится; иные же, послѣ вчерашняго извѣстія, считаютъ, не научилъ ли Итальянецъ ихъ приступить съ подобною нотификаціею, чтобъ у насъ вытянуть отвѣтъ или для нихъ полезный, или, по крайней мѣрѣ, опять запутать всѣхъ съ нами. Они весьма ошибаются, если надѣются или застращать насъ, или привесть въ замѣшательство. Высокіе союзники Порты и не имъ чета, а однако въ началѣ нынѣшняго года истрясли многіе милліоны на вооруженіе и, пождавъ во время переговоровъ Факнеровыхъ не одинъ Русскій мѣсяцъ, дѣло тѣмъ кончили, что пожелали счастливаго успѣха обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ ихъ войнѣ и переговорахъ" [252]).

На конференціи 27-го декабря статьи 6 и 7-я были сличены, подписаны и обмѣнены. Русскіе уполномоченные показали Туркамъ вступленіе мирнаго трактата и ратификацію высочайшаго уполномоченнаго, которую надлежало обмѣнять на ратификацію великаго визиря. Драгоманъ Порты прочелъ обѣ бумаги. Согласно волѣ высочайшаго уполномоченнаго, условлено было, тотчасъ по обмѣнѣ ратификацій ея императорскаго величества и султана, дать знать великому визирю о назначеніи Русскаго посланника въ великую Порту. Назначенія обѣихъ сторонъ должны были находиться въ запечатанныхъ конвертахъ и быть обмѣненными послѣ ратификацій ихъ величествъ.

Турецкіе уполномоченные просили нашихъ устроить такъ, чтобъ все было готово къ Понедѣльнику, т. е. къ 29-му числу, и на конференціи въ это число оставалось бы только подписать миръ [253]).

По окончаніи этой 14 конференціи, графъ Безбородко отправилъ къ верховному визирю письмо съ извѣстнымъ Бароцци. Извѣстивъ визиря обо всемъ происшедшемъ, графъ Безбородко, между прочимъ, заключаетъ свое письмо слѣдующими словами: „Такимъ образомъ, съ помощію Всевышняго, предуспѣли мы въ служеніи, отъ августѣйшихъ государей нашихъ на насъ возложенномъ; и я, раздѣляя съ вашимъ сіятельствомъ труды въ ономъ, раздѣляю и удовольствіе, оттуда проистекающее. Въ слѣдствіе сего, поспѣшаю отправить съ онымъ къ вашему сіятельству помянутаго выше подполковника Бароцци, для предварительнаго извѣщенія васъ о семъ происшествіи, надѣясь, что послѣ завтра и самое подписаніе мирнаго трактата учинится".

На другой день, 28-го декабря, графъ Безбородко отправилъ къ императрицѣ два донесенія: одно о выѣхавшемъ изъ Яссъ въ Петербургъ

Поповѣ и о Польскихъ дѣлахъ, другое—о Молдавскихъ боярахъ, преданныхъ Россіи.

Въ первомъ графъ Безбородко доносилъ: „Генералъ-маіоръ Поповъ отъѣзжаетъ къ высочайшему двору вашего императорскаго величества наканунѣ подписанія мирнаго договора съ Турками; но какъ курьеръ съ извѣстіемъ о томъ предваритъ, по крайней мѣрѣ, двумя днями прибытіе означеннаго генералъ-маіора, то не обремѣняю ваше величество какими либо донесеніями, до мирной негоціаціи касающимися. Впрочемъ, онъ былъ свидѣтелемъ всего происходившаго и потому найдется въ состояніи о всемъ подать надлежащія изъясненія. Ваше императорское величество справедливую изволите давать цѣну поступкамъ Вѣнскаго двора, наипаче же по дѣламъ Польскимъ, въ которыхъ, кажется, нельзя имъ не знать, что мы не можемъ быть одного мнѣнія съ тѣми, кои одобряютъ настоящую форму правленія въ Польшѣ. Совершеніе мира здѣшняго откроетъ свободу рѣшиться, какъ того ваши интересы потребуютъ, и смѣлѣе изъясниться съ сосѣдними дворами о вашихъ намѣреніяхъ Всякую почту я получаю увѣдомленіе отъ тайнаго совѣтника Булгакова изъ Варшавы о тамошнихъ происшествіяхъ. 25-го сего мѣсяца прислалъ онъ мнѣ письмо съ израженіемъ, что на сеймѣ положено сдѣлать высочайшему двору вашему нотификацію о перемѣнѣ 3-го мая и прочая, и что нота о томъ составлена въ почтительныхъ израженіяхъ. Я видѣлъ тутъ, всемилостивѣйшая государыня, изъ сеймоваго журнала, съ какою непристойностью король Польскій говорилъ, что они избавилися отъ ига, отъ посторонней инфлюенціи и тому подобное, что всѣмъ дворамъ уже сдѣлано обвѣщеніе, кромѣ Россіи. Отвѣтствуя тайному совѣтнику Булгакову чрезъ подполковника Жермангена, въ Варшаву отправившагося, я сдѣлалъ ему партикулярное отъ себя примѣчаніе, что королю всѣхъ меньше слѣдовало бы говорить о семъ мнимомъ игѣ, ибо безъ нашей инфлюенціи не былъ бы онъ и на престолѣ; а ежели она нашими министрами иногда кому въ тягость обращена была, то и тутъ, конечно, выходило оное болѣе въ угожденіе его величеству; что когда они восемь мѣсяцевъ ждали, дабы сдѣлать Россіи нотификацію, то и у насъ, можетъ быть, не меньше надобно будетъ времени одуматься, въ какой силѣ отвѣчать; а при томъ, когда Польша сама признается, что она прежде всѣмъ другимъ державамъ сдѣлала сообщеніе, кромѣ одной Россіи, то, можетъ быть, взаимно Россія должна прежде же всѣмъ другимъ державамъ сдѣлать сообщеніе. Извѣстіе о мирѣ я тотчасъ пошлю въ Варшаву, какъ скоро къ вашему императорскому величеству курьеръ отправленъ будетъ.

„По прибытіи моемъ въ Яссы,—писалъ графъ Безбородко во вто-

ромъ изъ своихъ донесеній, — вѣдая, что изъ бояръ Молдавскихъ были такіе, кои, оказавъ на дѣлѣ ихъ преданность къ Россіи и пользовався потому особливымъ уваженіемъ покойнаго генерала-фельдмаршала, князя Потемкина-Таврическаго, не пожелаютъ остаться въ Турецкомъ подданствѣ, и что были уже они отъ покойнаго фельдмаршала обнадежены монаршимъ благоволеніемъ, съ каковымъ ваше императорское величество обыкли принимать всѣхъ, вамъ приверженныхъ; а при томъ, имѣвъ повелѣніе вашего величества, чтобъ Молдавцевъ и прочихъ нашихъ единовѣрныхъ всячески ласкать, старался я собрать достовѣрныя свѣдѣнія отъ генерала-маіора Попова и статскихъ совѣтниковъ Лашкарева и барона Билеракакія по сей матеріи были предположенія покойнаго князя Потемкина, Таврическаго, и въ какой силѣ учинены обнадеживанія? По симъ свѣдѣніямъ оказалося, что когда нѣкоторые изъ помянутыхъ бояръ открыли фельдмаршалу намѣреніе ихъ уклониться изъ подъ ига Турецкаго подъ державу государыни, защитницы вѣры православной, въ то время помянутый фельдмаршалъ обнадежилъ ихъ, что таковымъ будетъ онъ ходатайствовать чины Россійскіе, и именно: великимъ логофетамъ четвертаго класса, великимъ ворникамъ, гетману и вистіаріямъ—пятаго класса; кто же отличныя заслуги окажетъ, тѣмъ выще; прочимъ же шестаго и ниже классовъ, сообразно старшинству и степенямъ ихъ, для чего и взято было имъ объясненіе чиновъ Молдавскихъ въ приложенной при семъ выпискѣ изъ узаконенія ихъ, именуемаго кондика [254]). Всѣмъ переселяющимся въ Россію чиновникамъ ихъ обѣщаны были порозжія земли въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ, наипаче же въ близости границъ Молдавскихъ, для удобнѣйшаго населенія; а тѣмъ, которые съ усердіемъ служили, обѣщано просить и пожалованія нѣкотораго количества крестьянъ въ Бѣлоруссіи. А какъ въ Молдавіи Цыгане суть точно крѣпостные люди боярскіе, то фельдмаршалъ обнадеживалъ ихъ точно, что, по переселеніи ихъ въ Россію, выводимые ихъ собственные Цыгане останутся ихъ крѣпостными, и что онъ на то испроситъ монаршее повелѣніе. Обѣщаны имъ были сроки, достаточные къ продажѣ ихъ имѣній, что и наблюдено въ заключаемомъ завтра трактатѣ. Сказано было, что если кто изъ вышедшихъ бояръ пожелаетъ вступить въ военную или гражданскую службу, таковые, по принятіи ихъ въ оную, по способности ихъ, будутъ имѣть и жалованье по чинамъ. Сіи самыя обѣщанія подтверждены были и по возвращеніи его въ послѣдній разъ изъ Санктпетербурга. По прибытіи моемъ, тѣже самые бояре, которые и при жизни фельдмаршала объявляли свое желаніе, повторили оное и предо мною, прося повергнуть оное къ стопамъ вашего императорскаго величества. Подноси списокъ ихъ съ

моими всеподданнѣйшими примѣчаніями на высочайшее усмотрѣніе ваше, осмѣливаюся представить, не благоугодно ли будетъ вашему величеству дать рескриптъ на имя командующаго арміею, дабы онъ всякому изъ просящихъ объявилъ то, что щедрота ваша опредѣлитъ, разумѣя, что каждый таковою монаршею милостію воспользуется не инако, какъ при дѣйствительномъ его переселеніи въ Россію, дабы иногда не вздумалъ иной продать деревню, ему жалуемую, и только умножить свой достатокъ, оставаяся здѣсь съ нимъ подъ властію Турецкою" [255]).

29-го числа, до открытія Ясской конференціи [15-й], графъ Безбородко доносилъ императрицѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Настоящій день назначенъ для подписанія мирнаго договора, по совершеніи котораго идемъ принести Всевышнему жертву благодаренія, сопровождаемаго усердными къ Нему моленіями и обѣтами о сохраненіи на должайшія времена дражайшаго здравія вашего и продолженія славнаго вашего царствованія. Формальное обвѣщеніе мира исполнимъ по размѣнѣ государскихъ ратификацій. Въ Варшаву и Вѣну посылаю я нарочныхъ, сообщая послу и министрамъ, чтобъ они копіи трактата держали для собственнаго ихъ свѣдѣнія, покуда отъ вашего императорскаго величества оный утвержденъ будетъ. Подношу при семъ записку, содержащую нѣкоторые пункты, по коимъ мнѣ нужно высочайшее разрѣшеніе. Краткость времени не позволяетъ мнѣ отдать теперь справедливость полномочнымъ вашего императорскаго величества, съ какимъ усердіемъ исполняли они на нихъ возложеннее; ниже представить о прочихъ чинахъ, въ мирномъ дѣлѣ трудившихся ревностно. При доставленіи ратификаціи султанской осмѣлюся я внесть всеподданнѣйшій списокъ имъ, съ означеніемъ, кто къ чему былъ употребленъ".

Къ донесѣнію этому Безбородко приложилъ собственноручную записку, въ которой испрашивалъ разрѣшенія Екатерины II на отправленіе подарковъ Турецкимъ чинамъ, съ свойственною ей щедростію.

„Не благоугодно ли будетъ приказать тотчасъ прислать ратификацію на трактатъ, которую и скорѣе намъ размѣнять можно, ибо Цареградская вѣрно около 25-го января поспѣетъ? При размѣнѣ, учинить надлежитъ подарки здѣшнимъ полномочнымъ Турецкимъ, ихъ секретарямъ и драгоману. Вещи для того здѣсь имѣются, кромѣ мѣховъ, коихъ ожидаю. Примѣръ заимствованъ будетъ изъ происходившаго при заключеніи Кайнарджійскаго трактата. Но какъ при Систовскомъ конгрессѣ Турки подарили Герберту и Эстергазію по двадцати мѣшковъ сверхъ вещей, подъ видомъ, что, бывъ гостьми въ ихъ землѣ, имѣютъ надобность на вояжъ: не позволено ли будетъ дать имъ, тремъ полномочнымъ, каждому

по 2,000 червонныхъ, да на свиты ихъ по 400 червонныхъ, секретарямъ: первому 600, второму 500, третьему 400 червонныхъ, сказавъ, что сіи деньги даются имъ на ихъ дорожнія издержки при возвращеніи во свояси. Сверхъ того, извѣстному изъ моей реляціи каналу полезно бы было дать секретно тысячи двѣ червонныхъ. Онъ можетъ у нихъ и весьма значущимъ сдѣлаться. Къ визирю отправлю я, по размѣнѣ ратификацій, кинжалъ или богатую табакерку, соболій мѣхъ, два сорока соболей и два горностаевыхъ мѣха; такожъ Кегаю-бею, Нишанжи и двумъ первымъ секретарямъ, Мехтунчи и Бейликчи по вещи, да особо въ Царьградъ рейсъ-эфендію Рашиду, который самый миролюбивый и у султана сильный человѣкъ, часы или табакерку, тысячи въ двѣ или три рублей, и соболій мѣхъ. Не благоугодно ли будетъ приказать сдѣлать подарокъ обоимъ графамъ Лудольфамъ, старому перстень тысячи въ три или до четырехъ, а молодому, яко настоящему министру, прислать табакерку хорошую съ вензелемъ вашего императорскаго величества, и притомъ по мѣху въ тысячу рублей каждый; а драгоману ихъ Шаберу можно послать перстень или табакерку, сотъ въ восемь рублей, имѣющійся здѣсь".

Въ заключеніе записки Безбородко касается вопроса о послахъ и о размѣнѣ ратификацій. „Въ трактатѣ положено,—говоритъ онъ,—пословъ наименовать обоимъ дворамъ въ одно время. Соглашенося между полномочными, чтобъ въ день размѣны государскихъ ратификацій произвесть въ дѣйство сіе такимъ образомъ, что каждый главноуполномоченный, то есть я и визирь, получивъ высочайшее назначеніе, заготовимъ письма взаимныя и чрезъ полномочныхъ другъ другу доставимъ, по размѣнѣ ратификацій".

Послѣдняя Ясская конференція, 29-го декабря, происходила слѣдующимъ порядкомъ. „Послѣ того, какъ переводчикъ конгресса и драгоманъ Порты провѣрили и сличили мирный трактатъ, и въ слѣдъ за тѣмъ въ залу конференціи вошли уполномоченные обѣихъ сторонъ, наши спросили: будетъ-ли въ тоже время сдѣланъ и обмѣнъ полномочій? Турки отвѣчали, что предоставляютъ это вполнѣ ихъ усмотрѣнію, сами же не находятъ въ этомъ никакой разницы. Тогда сначала прочли трактатъ порусски, а затѣмъ драгоманъ Порты прочелъ потурецки. Когда это было кончено, уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали трактатъ и приложили къ нему свои печати [256]); потомъ открылась зала конференціи и, въ присутствіи многочисленной публики [257]), генералъ Самойловъ обмѣнялся трактатомъ съ рейсъ-эфендіемъ и произнесъ слѣдующую рѣчь: Наконецъ мы достигли счастливой минуты, когда съ помощью Всемогущаго, подъ руководствомъ нашего вождя, графа Безбородки, окончательно выполнили

высочайшую волю нашей всемилостивѣйшей государыни, подписавъ вѣчный миръ между ея имперіей и Оттоманской Портой. Содержаніе мирнаго трактата ручается за его прочность и неизмѣнность. Мы считаемъ себя высоко осчастливленными тѣмъ, что ея императорскому величеству угодно было выбрать насъ для совершенія этого полезнаго дѣла, и поздравляемъ ваши превосходительства, какъ друзей нашихъ, съ событіемъ одинаково важнымъ и полезнымъ для обѣихъ столь могущественныхъ имперій; оно увеличитъ вашу славу и блескъ вашихъ трудовъ. Турки отвѣчали, что радость не позволяетъ имъ выразить, до какой степени это счастливое событіе наполняетъ ихъ удивленіемъ къ августѣйшей особѣ императрицы; что они глубоко цѣнятъ высокоблагородный образъ дѣйствій графа Безбородки и уполномоченныхъ. Русскіе уполномоченные отнесли трактатъ къ высочайшему уполномоченному, который немедленно отправилъ его къ ея императорскому величеству съ маіоромъ гвардіи Морковымъ. Турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи своихъ секретарей, явились къ графу Безбородкѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе и повторить выраженія благодарности".

Лишь только конференція кончилась, графъ Безбородко писалъ императрицѣ: „Въ сей самый часъ, въ который Промыслъ Божій увѣнчалъ желанія ваши возстановленіемъ мира, поспѣшаю о томъ донести всеподданнѣйше вашему императорскому величеству, прилагая здѣсь и самый договоръ, подписанный и обосторонне размѣненный. Подносителемъ сего будетъ бригадиръ, гвардіи Преображенскаго полка секундъ-маіоръ, Морковъ. Я призналъ, всемилостивѣйшая государыня, справедливымъ, чтобъ онъ удостоился быть предъ вашимъ императорскимъ величествомъ вѣстникомъ о прекращеніи войны, въ которой отличился онъ усердіемъ и храбростію, и въ коей онъ отъ покойнаго главнаго начальника своего не одинъ разъ толь отмѣнныя заслужилъ одобренія". Послѣднія строки этого донесенія Безбородко заключилъ: „Счастливымъ почитаю себя, что былъ избранъ орудіемъ къ окончательному исполненію высочайшихъ намѣреній вашихъ и повергаю къ священнѣйшимъ стопамъ вашимъ поздравленіе".

Въ тотъ же день и съ тѣмъ же маіоромъ Морковымъ, который везъ императрицѣ Ясскій трактатъ, Безбородко писалъ о заключеніи мира къ своей матери, къ братьямъ Воронцовымъ и Моркову. Въ письмѣ къ матери онъ лаконично извѣщалъ о радостномъ событіи: „Богъ благословилъ насъ миромъ; сегодня договоръ мирный подписанъ, и я отправляю его къ ея императорскому величеству. Я долженъ еще остаться недѣль на пять, дабы сперва размѣнять мою и визирскую ратификаціи и обоихъ

государей. И такъ считаю, что въ февралѣ, около 15-го, буду имѣть честь васъ увидѣть, на возвратномъ пути" [258]). Къ братьямъ, графамъ Воронцовымъ, графъ Безбородко писалъ болѣе подробно; къ старшему: „Въ послѣднихъ трехъ письмахъ ваше сіятельство показали свое неудовольствіе, что я артикулы о Закубанскихъ народахъ и о деньгахъ настоятельно велъ, и опасеніе, чтобъ отъ сего негоціація не пошла въ даль. Но вы послѣ видѣли, что я ихъ и самъ не крайними почиталъ. У Турковъ ничего взять нельзя, не запросивъ много и не показавъ пушекъ. Слава Богу, дѣло кончилося. Миръ подписанъ, и артикулъ Закубанскій такъ сдѣланъ, что я его лучше всякаго считаю; ибо Турки взяли на свой отчетъ безопасность границъ нашихъ, даже обѣщавъ платить изъ казны за всѣ воровства и раззоренія, воровъ же наказывать на границѣ при нашихъ коммисарахъ, и сіе безъ взаимства. Ихъ, конечно, не станутъ слушать Черкесы, и время само ихъ независимыми сдѣлаетъ. Когда я сказалъ третьему полномочному, во время бытности его у меня, что нѣтъ уже Анапы и Суджака, онъ былъ до крайности пораженъ; а ввечеру второй ихъ, духовный человѣкъ, выговорилъ, что не можно было имъ болѣе непріятности сказать, какъ сіе разрушеніе крѣпостей. Здѣсь, сказалъ онъ, пройдутъ два льготные годы, такъ мы все сдѣлаемъ Молдаванами; а тамъ мы строили войсками, горцевъ же никто не заставитъ и никого не послушаютъ. Увидѣвъ, что они съ сей стороны насъ успокоили и что артикулъ о Барбарескахъ по нашему точно рѣшили, я отступился отъ денегъ съ большимъ достоинствомъ, какъ то вамъ донесетъ Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій]. Поздравляю васъ симъ пріятнымъ событіемъ, вѣдая, что вы особенное по дружбѣ ко мнѣ пріемлете участіе. Не успѣваю написать болѣе, ни послать конференцій моихъ и Бароцціевыхъ, а съ первымъ курьеромъ то исполню. Прощайте, дай Богъ васъ скоро увидѣть здоровыхъ и изустно увѣрить о моей преданности къ вамъ нелицемѣрной". Въ припискѣ, Безбородко просилъ кланяться Завадовскому и сообщилъ: „Полагаю путь свой взять чрезъ Москву, однакожъ, предваряю о томъ чрезъ Платона Александровича [Зубова] въ извѣстіе". Въ Лондонъ, къ графу С. Р. Воронцову, графъ Безбородко, поблагодаривъ его за письма, далѣе писалъ: „Миръ нашъ съ Турками конченъ и въ самый сей часъ трактатъ подписанъ. Скорость отправленія курьеровъ препятствуетъ мнѣ описать тутъ разныя обстоятельства, а только скажу, что, слава Богу, все кончилося по нашему желанію и съ полнымъ авантажемъ съ нашей стороны.

„Визирь просилъ у меня какъ нищій, чтобъ я отъ требованія денегъ отсталъ; а я, когда онъ согласился принять на себя артикулы о Бар-

барескахъ и о Кубанскихъ народахъ avec toute la responsabilité et obligation de nous rembourser tous les torts et ravages du propre trésor—de la sublime Porte Ottomane [со всею отвѣтственностью и обязательствомъ платить намъ за всѣ убытки и опустошенія изъ собственной казны Высокой Оттоманской Порты], возвѣстилъ имъ торжественно, вошедъ въ залу конференціи, при открытыхъ дверяхъ и при собраніи многочисленныхъ Русскихъ и Турокъ, что государыня ихъ отъ денежнаго платежа избавляетъ. Я имѣлъ тутъ самую пріятную минуту и видѣлъ, какъ сіи на Систовскомъ конгрессѣ избалованные господа, пришедъ въ восторгъ и крича въ одинъ голосъ, прославляли миролюбіе и великодушіе государыни. По выходѣ моемъ, просилъ онъ дозволенія взойти въ мою камеру для благодаренія, что̀ исполнилъ съ великою чувствительностію.

„Поздравляю васъ усердно. Я знаю, что вы, и какъ добрый гражданинъ, и какъ другъ истинный мнѣ, сорадуетеся успѣху, которымъ Богъ увѣнчалъ мои малые труды. Посылаю Ираклія Ивановича Моркова вѣстникомъ ко двору“. Въ письмѣ къ Моркову, графъ Безбородко болѣе подробно разсказалъ о послѣдней конференціи и о подписаніи договора. „Вотъ вамъ и миръ, Богу слава! Я не могъ имѣть въ жизни пріятнѣйшей минуты, какъ въ прошедшую Пятницу въ 3-мъ часу пополудни. Вы знаете, что я артикулы, Кубанскій и денежный, трактовалъ неразрывно, зная, что одинъ облегчаетъ другой. По возвращеніи Бароцци, получилъ я отъ визиря письмо, что онъ, кромѣ независимости и тому подобнаго, радъ расположить артикулъ, до народовъ Закубанскихъ касающійся, и для того принялъ проектъ, а сверхъ того приказалъ онъ быть у меня третьему ихъ полномочному. Въ дѣлѣ денежномъ представлялися великія медленности и затрудненія; правда, что и проектъ Кубанскаго артикула составленъ былъ у нихъ ничего незначущій. Я принялъ хотя учтиво, но съ крайнею твердостію дурри-эфендія, какъ то увидите послѣ изъ протокола моей конференціи, и сказалъ, что я имъ на первой конференціи скажу крайнее мое слово по сему артикулу. Я тѣмъ началъ, что заставилъ ихъ принять сепаратный артикулъ, на столѣ лежащій, при чемъ они сказали, что какъ о сей матеріи трактуется между двумя верховными полномочными, то они и полагаютъ дождаться рѣшительныхъ приказаній отъ своего начальника. Потомъ кончили артикулъ о Барбарескахъ, къ полному нашему удовольствію; наконецъ, предложили имъ новый проектъ, до Закубанцевъ касающійся. Надобно знать, что я за два дня внушилъ второму и третьему полномочному, что ежели они будутъ резонабельны и мой артикулъ примутъ, увидятъ, какую я податливость окажу къ окончанію дѣла. Принявъ, вышли они въ другую камеру и два часа слиш-

комъ его читали. Тутъ, первый изъ нихъ, то есть рейсъ-эфендій, который болѣе всѣхъ въ Систовѣ избалованъ, зачалъ было дѣлать перемѣны; но оба другіе и самъ драгоманъ Порты настояли на то, чтобъ онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ; однакожъ они, замѣтивъ на особой бумажкѣ, просили, чтобъ мнѣ показали. Полномочные наши просили ихъ не уѣзжать, для того, что я самъ хочу ихъ видѣть, что̀ ихъ весьма удивило. Я вошелъ въ камеру конференціи при растворенныхъ дверяхъ и при множествѣ нашихъ и Турковъ. Вопреки гордости Магометанской, стояли они на ногахъ, покуда я, сѣвъ, просилъ ихъ сѣсть, и потомъ чрезъ драгомана Порты сказалъ я имъ, что, окончивъ теперь два послѣдніе артикулы, безъ которыхъ и мира заключить, и его прочнымъ учинить не было способа, въ доказательство великодушія, съ какимъ государыня поступаетъ во всѣхъ дѣлахъ, я пришелъ имъ сказать, что ея величество не настоитъ въ денежномъ удовлетвореніи, сколь ни имѣла бы къ тому сильнаго права; что они теперь видятъ, что мы ничего инаго отъ нихъ не требовали, кромѣ такихъ вещей, кои необходимы были, дая безопасности границъ нашихъ и для отвращенія новаго повода къ войнѣ. Не успѣлъ драгоманъ пересказать имъ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали, прославляя человѣколюбіе и умѣренность государыни и благодаря за мои въ окончаніи дѣла старанія. Объявивъ имъ, чтобъ они приступили къ подписанію трактата, вышелъ я въ свою комнату. Чрезъ минуту прислали они просить дозволенія придти ко мнѣ повторить ихъ благодареніе и, можно сказать, съ восторгомъ то исполнили въ присутствіи многочисленнаго народа. Возвращаяся домой, всѣ они, гдѣ ни увидѣли на улицѣ Русскихъ, знаками и словами поздравляли съ миромъ, такъ что въ два часа уже весь городъ былъ въ движеніи. Сегодня совершаю торжественно подписаніе мирнаго трактата, и Ираклій Ивановичъ [Морковъ] ѣдетъ вѣстникомъ ко двору. Занятъ будучи, я не успѣваю всѣ подробности сообщить графу Александру Романовичу [Воронцову], а пишу къ нему кратко, васъ же прошу ему обстоятельства пересказать. Съ другимъ курьеромъ пришлю всѣ конференціи. Постарайтесь, чтобъ ратификація скорѣе была прислана“ [259]).

На другой день, 30-го декабря, въ дополненіе къ приведенному письму, графъ Безбородко писалъ Моркову: „Дополню вчерашнее извѣстіе, что подписаніе трактата и размѣна его происходили при пальбѣ изъ осадныхъ орудій и въ присутствіи безчисленнаго народа. Все шло съ великою огромностію. По принесеніи ко мнѣ актовъ и по отправленіи брата Ираклія [Ивановича Моркова], пришли ко мнѣ Турки въ весьма почтительномъ видѣ и, посидя минуты двѣ, домой уѣхали. Они удиви-

лися, видѣвъ въ числѣ генералитета, мнѣ ассистовающаго, Польскаго гетмана и другаго Польскаго пребогатаго вельможу. Мы отправилися понтификально въ монастырь св. Спиридона, гдѣ архіерей, по вступленіи нашемъ въ церковь, отпотчивалъ насъ краткимъ, но весьма неважнымъ словомъ, а потомъ молебномъ. Обѣдали у меня съ пушками, которыя перебили много оконъ. Сегодня обѣдъ у Самойлова, въ Четвергъ я дамъ балъ; а тамъ пожалуйте скорѣе ратификацію, ибо время отсюда убираться. Слава Богу, что запасаются людьми дѣловыми, лишь бы они не костили своими личностями и не заносилися далѣе своихъ талантовъ и состоянія".

Въ припискѣ къ письму графъ Безбородко просилъ Моркова: „Прошу сказать графу Александру Романовичу [Воронцову], что я писалъ къ Мизенцову о приготовленіи мнѣ квартиры въ его домѣ, надѣяся на милость его и дружбу" [260]). Въ этотъ день, вѣроятно, графъ Безбородко писалъ и къ графу А. Р. Воронцову, что главною ему наградою за труды его по заключенію мира составляетъ то обстоятельство, что онъ угодилъ публикѣ. Сказавъ въ началѣ письма о пріѣздѣ курьера отъ Трощинскаго „съ разными извѣстіями", онъ писалъ: „Радуюся, что я, по крайней мѣрѣ, угодилъ публикѣ совершеніемъ дѣла, которое я для добра ея на себя самъ взвалилъ добровольно. Ваше одобреніе меня ободряетъ и утверждаетъ въ томъ убѣжденіи, что инаго и лучшаго на сей разъ ничего было сдѣлать нельзя, и что оно не само пришло, но многими трудами и пружинами было подвинуто. Сіе-то убѣжденіе внутреннее, съ мыслями искреннихъ моихъ друзей согласное, составляетъ главную мою награду, такъ что вѣрьте, что я очень мало, или почти ничего не безпокоюся, что мнѣ, при настоящемъ первомъ времени, никакого наружнаго доказательства не сдѣлаютъ. И дѣло самое, и качество, въ какомъ я производилъ его, и многое другое, есть признаки, что я бы не очень за ласкательное для себя счелъ, естьли бы одинъ только примѣръ, съ г. Игельстромомъ случившійся [т. е. онъ заключалъ миръ, въ 1790 году, въ Верелѣ, съ Швеціею], доставилъ мнѣ подобную почесть. Но примѣръ графа Румянцова также нейдетъ на меня съ другой стороны. Онъ уже былъ фельдмаршалъ и перваго ордена Россійскаго кавалеръ; слѣдовательно, ему почестью подобною настоялъ и случай оказать благоволеніе. Сверхъ того, большія его военныя заслуги, которыми онъ миръ въ нѣсколько дней доставилъ, выводятъ его изъ всякаго для другихъ обычайнаго примѣра; ибо надобно было выдумывать, что свойственно и прилично для него сдѣлать. Впрочемъ, наружное украшеніе я издавно цѣню не высоко; пускай я получу его съ Михайломъ Васильевичемъ [Каховскимъ],

Александромъ Николаевичемъ [Самойловымъ], Григоріемъ Николаевичемъ [Тепловымъ] и тому подобными, или пускай я его и вовсе не буду имѣть; въ томъ самая малая для меня зобота.

„Ваше сіятельство, графъ Николай Ивановичъ [Салтыковъ] и другіе, мнѣ доброжелательствующіе, твердятъ мнѣ, чтобъ я скорѣе возвратился; но зачѣмъ бы я спѣшилъ, и что я стану у васъ дѣлать? Дѣлить работу съ Державинымъ или, лучше сказать, ничего почти не дѣлать, все считаяся на раду съ товарищами его, для меня ни сходно, ни желательно, послѣ того, какъ я отправлялъ часть служенія, какову имѣли на себѣ графъ Румянцовъ и князь Потемкинъ. Я признаюся, что мое намѣреніе есть отойти отъ подобнаго состоянія; но буде, по обстоятельствамъ, не знаю, удастся ли мнѣ произвесть въ дѣйство, одно только, что лежитъ у меня на сердцѣ, болѣе всякаго особеннаго интереса, и именно пристроить людей, мнѣ усердныхъ, начиная съ Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго]. Благодарю васъ за попеченіе о моей квартирѣ въ Москвѣ. По размѣнѣ ратификацій и по распоряженіи разныхъ необходимостей, надѣюся около 8-го февраля отсюда выѣхать, быть въ Москвѣ прежде 10-го марта и между 15-мъ и 20-мъ того мѣсяца у васъ явиться. Прощайте, и будьте увѣрены въ моей привязанности, такъ какъ я нимало не сомнѣваюся въ вашей ко мнѣ дружбѣ. О бѣдномъ Бароцци, который много трудился, я пишу теперь, не зная, однакожъ, уважатъ ли справедливое о немъ ходатайство“ [261]).

Еще не зная, чѣмъ кончится происходившее въ Яссахъ, Екатерина II, отъ 31-го декабря, отправила къ Безбородкѣ два собственноручныхъ рескрипта. Въ первомъ она писала: „Третьяго дня я получила письмо ваше, отъ 12-го декабря, со всѣми приложеніями. Вы пишете ко мнѣ, что непрестанные теплые дожди съ перваго декабря мѣшаютъ поспѣшной ѣздѣ курьеровъ; а я опасаюсь, чтобъ сей не замерзъ въ дорогѣ, понеже пишу къ вамъ во время 25-ти градуснаго мороза, который, однако, мира не столько останавляетъ, какъ ваши дожди и отъ того происшедшія распутья. Мы считаемъ теперь минуты, паче съ тѣхъ поръ, что мнѣ извѣстна стала готовность всѣхъ пунктовъ, кромѣ Барбаренскаго, независимости Закубанцевъ и удовлетворенія. Ежели не скоро отъ васъ курьеръ пріѣдетъ, то почтемъ за добрый знакъ. Да поможетъ вамъ Богъ, а спасибо послѣ скажемъ“.

Во второмъ рескриптѣ императрица даетъ Безбородкѣ наставленія по Польскимъ дѣламъ: „Письмо гетмана графа Ржевускаго изъ Яссъ и со включеннымъ рескриптомъ королевскимъ призывнымъ,—сообщала Екатерина II,—я получила, о чемъ прошу его извѣстить. И какъ онъ у меня

требуетъ совѣта, что ему отвѣтствовать, то скажите ему, что мое мнѣніе есть, дабы отвѣтъ отложилъ до тѣхъ поръ, что планъ ихъ порядочно составленъ будетъ, и о семъ съ нашей стороны съ ними соглашеносъ будетъ; тогда, либо манифестомъ, по ихъ стариннымъ республиканскимъ обрядамъ поступать могутъ; а теперь всякій отвѣтъ прежде времени разбудитъ снова злобу противу ихъ. Обо мнѣ же скажите ему, что гетманъ Ржевусскій и всѣ привязанные къ старому ихъ образу правленія найдутъ истиннаго друга республики, въ чемъ я и трактатами обязана. Поклонитесь ему отъ меня и графу Потоцкому, генералу артиллеріи. Я ихъ почитаю истинными патріотами, борющимися за законы и вольности".

Поздравительное письмо свое къ визирю Безбородко отправилъ 4-го января 1792 г., съ подполковникомъ Ширяемъ въ Шумлу. Вмѣстѣ съ нимъ въ Шумлу прибылъ и лейбъ-гвардіи ея императорскаго величества офицеръ Татищевъ, которому было поручено доставить самолично въ Константинополь письмо Безбородки къ посланнику короля обѣихъ Сицилій, графу Лудольфу, „извѣщающее о благомъ окончаніи мирнаго дѣла, въ которомъ дворъ его толь искреннее и толь безпристрастное принималъ участіе, что, по всей справедливости, обѣ державы наши оный за самый дружественный почитать могутъ". Безбородко просилъ визиря препроводить Татищева по назначенію.

Вечеромъ 4-го же января, графъ Безбородко, отправляя къ императрицѣ Екатеринѣ II „всѣ бумаги, къ Бароцціевой посылкѣ принадлежащія", писалъ графу А. Р. Воронцову; „Увидя ихъ, ваше сіятельство сами лучше можете судить о способности сего человѣка. Я бы не всему повѣрилъ, ежели бы не взялъ осторожности послать съ нимъ сына Панаіодисова, человѣка вѣрнаго и недальше какъ отецъ, а притомъ весьма честолюбиваго. Онъ былъ на всѣхъ конференціяхъ и все переводилъ. Сверхъ того, подполковникъ Ширяй, живя вмѣстѣ, не могъ надивиться смѣлости Бароцція противъ Турковъ самыхъ именитыхъ и драгомана ихъ, и слышалъ многія истины, которыя мой посланный имъ говорилъ. Связь у него великая съ Кегаемъ-беемъ, фаворитомъ султанскимъ, ненавидимымъ отъ визиря, но который, по мнѣнію всѣхъ, при паденіи сего перваго министра, заступитъ его мѣсто. Премножество знакомыхъ, также и по разнымъ департаментамъ; и такъ все, что онъ говорилъ, или что написалъ, есть вѣрное. Я, по дружбѣ съ вами скажу, что я смягчалъ изъ его приватныхъ конференцій; напримѣръ, драгоманъ второй именно ему давалъ чувствовать, какъ дѣло о прелиминаріяхъ происходило, и такія вещи, что я и теперь твержу: слава Богу, что я скоро отъ такой честной братіи

избавлюся. Вы помните дѣло еще въ бытность мою въ Петербургѣ по письмамъ Бароцци. Другое: онъ имъ пригрaживалъ иногда, твердилъ, что теперь дѣла не такъ медленно пойдутъ какъ прежде, и тому подобное, въ томъ числѣ касающееся до меня лично. Вотъ вамъ чистая исповѣдь, и я увѣренъ, что вы мою деликатность и осторожность апробуете. Г. Ростопчина въ милость вашу рекомендую. Онъ много трудился и много имѣетъ способностей. Я бы лучше всякаго послалъ его въ Царьградъ повѣреннымъ въ дѣлахъ; но съ Турками, что съ Китайцами, надобно слѣдовать примѣру, и для того выбралъ я полковника Хвостова, который одинъ знаетъ грамотѣ. Сверхъ того, съ Ростопчинымъ мнѣ нельзя было послать драгомана Яковлева чиномъ выше его. Инструкціи Хвостову дамъ въ родѣ Ивана Ивановича Бецкаго, то есть positives [положительныя], чтобъ далѣе ни шагу. Намѣренъ я и съ Поляками раздѣлаться, прислàвъ сперва пристава ихъ Бакунина съ бумагами, а потомъ и самихъ ихъ въ оригиналѣ. Пусть тамъ съ ними повозятся. Здѣсь все будетъ исполнено; а мнѣ покой надобно дать, чтобъ къ вамъ безъ устали доѣхать и имѣть удовольствіе васъ обнять". На слѣдующій день, 5-го января, Безбородко вновь писалъ графу А. Р. Воронцову о Бароцци: „По написаніи моего къ вашему сіятельству, я свѣдалъ отъ пріѣхавшаго ко мнѣ надворнаго совѣтника Руновскаго, что извѣстное вамъ письмо Бароцціево, въ которомъ онъ описывалъ поведеніе двухъ нашихъ меньшихъ полномочныхъ во время прелиминарій, взято къ государынѣ. Я удивляюся, что Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] о томъ меня не извѣстилъ, и не знаю, что бы могло дать поводъ къ требованію сего письма; ибо хотя я въ реляціи моей, отъ 12-го ноября и упоминалъ, что Турки ссылаются на обнадеживанія, Рибасомъ и Лашкаревымъ, имъ данныя въ нетребованіи удовлетворенія, но тутъ о Бароцци ни слова не было говорено. Когда вамъ достанется читать приложенія при моей реляціи, отправляемой нынѣ, то примѣчайте, что, въ разговорѣ втораго драгомана Мурузи съ Бароцціемъ, сей драгоманъ вездѣ именовалъ Рибаса; а сверхъ того, говорилъ, что онъ не хочетъ faire rougir ces messieurs [заставить краснѣть этихъ господъ], и разсказывать все подробно. Прошу мнѣ дать знать, какъ все сіе случилося, и не сердятся ли за то, что я не сообщилъ сего письма; но вы знаете, что я его получилъ при жизни покойника, слѣдовательно можно ли было тогда подобное дѣлать? А при отъѣздѣ сочли бы еще въ интригу. Впрочемъ, надобно вспомнить правило милорда Честерфильда, что половинѣ сказываемаго только вѣрить; а и половины, кажется, довольно. Между прочимъ, въ Бароцціевомъ разговорѣ съ драгоманомъ, сей послѣдній сказалъ ему, что Рибасъ обѣщалъ d' employer tout son crédit et toute son influence auprès du maréchal, pour

éloigner toute ideé quelconque de l'indemnisation [употребить все свое вліяніе на фельдмаршала, чтобы отклонить всякую мысль объ индемнизаціи]. Одинъ изъ тефтердарскаго департамента ему сказывалъ, что въ концѣ іюля визирь истребовалъ шестидесяти трехъ тысячъ Турецкихъ червонныхъ, которые, по скудости казны ихъ, насилу набрали и внесли къ визирю. Нашъ второй полномочный пересылалъ деньги въ Вѣну чрезъ Бухарестъ, употребляя въ томъ третія руки. Пусть одинъ разъ задернута будетъ завѣса на весь сей срамъ; а я только сожалѣю, что не пріѣхалъ мѣсяцемъ прежде; такъ навѣрное ручаюся, что я досталъ бы казнѣ хорошее удовлетворніе; а то такъ близко было къ перемирію, что и съ Царемъ-градомъ два раза списаться было нельзя. Лашкаревъ тутъ дѣйствовалъ мало, не столько, можетъ быть, по своей вѣрности, сколько по крайней неспособности ни къ какому дѣлу. Повторяю мое самъ себѣ поздравленіе, что вырвался изъ честной кампаніи. Прошу не оставить меня подробнымъ на все сіе отвѣтомъ“ 262).

6-го января 1792 года въ Петербургъ прибылъ маіоръ Морковъ. Велика была радость Екатерины II, давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшей этого событія. Она пожаловала Моркову чинъ генералъ-маіора и 2000 червонныхъ 263), а графу Безбородкѣ, отъ 10-го января, писала: „Съ крайнимъ удовольствіемъ получили мы донесеніе ваше, отъ 29-го декабря, о подписаніи взаимными полномочными мирнаго договора, между нами и Портою Оттоманскою заключеннаго. Труды и искуство, какое вы оказали, руководствуя сею негоціаціею, благополучнымъ успѣхомъ увѣнчанною, а равно и усердіе полномочныхъ нашихъ суть такія дѣянія, коими вы оправдали въ полной мѣрѣ нашу къ себѣ довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее наше къ себѣ благоволеніе, котораго несумнѣнные доводы на дѣлѣ увидите. Повелѣваемъ вамъ объявить монаршее благоволеніе наше всѣмъ трудившимся въ производствѣ сего дѣла. Ратификація наша на заключенный договоръ, по изготовленіи ея, чрезъ нѣсколько дней къ вамъ доставлена будетъ, а въ то время не оставимъ назначить и посла къ Портѣ Оттоманской, апробуя образъ, какимъ вы предполагаете ознаменовать его чрезъ взаимныя съ верховнымъ визиремъ письма. Равнымъ образомъ пріемлемъ за благо распоряженіе ваше касательно учиненія подарковъ при размѣнѣ ратификацій, чего ради доставлено къ вамъ будетъ изъ кабинета 264) нашего двѣнадцать тысячъ червонныхъ, и тогда же получите вы для обоихъ графовъ Лудольфовъ перстень и табакерку. Прочія вещи и мѣха позволяемъ вамъ употребить изъ тѣхъ, которыя для сего

случая посланы были къ покойному генералъ-фельдмаршалу, князю Потемкину-Таврическому, и тамъ находятся" [265]).

Не получивъ еще рескрипта отъ императрицы Екатерины II, съ изъявленіемъ благоволенія за труды по заключенію мира, графъ Безбородко послалъ, 8-го января, письмо къ графу А. Р. Воронцову: „Снарядивши графа Ростопчина, вдругъ получаю своего курьера изъ Царьграда. Когда увидите всѣ бумаги, отъ меня посылаемыя, то еще больше утвердитеся, что нельзя болѣе и лучше успѣть, какъ мы сдѣлали, и въ чемъ я вашему совѣту послѣдовалъ, не гоняяся за деньгами попусту и не пуская мира въ неизвѣстность". На слѣдующій день, 9-го января, онъ вновь послалъ два письма: къ графу А. Р. Воронцову и А. И. Моркову. Къ первому, въ дополненіе къ сообщенію, посланному 8-го января, графъ Безбородко писалъ: „Лишь только вчера успѣлъ я послать къ вамъ курьера, какъ вдругъ сего дня случилася и паки надобность отправить другаго, дабы не упустить времени, и чрезъ то не забыть всего того, что̀ я изъ вѣрныхъ рукъ зналъ о самыхъ дурныхъ интригахъ бывшаго здѣсь висѣльника Станислава Потоцкаго. Они уже теперь не могутъ намъ нанести вреда, для того, что дѣло кончилося наше благополучно, и я теперь еще болѣе себя ласкаю, что впору и кстати я послалъ вамъ миръ, послѣдовавъ вашему доброму совѣту. Я надѣюся, что вы или мою реляцію увидите, или отъ графа Николая Ивановича [Салтыкова] услышите о содержаніи ея. За дурною дорогою не бывали еще курьеры, отъ насъ къ визирю посланные. Но лишь бы все пріѣхало, я ни дня не потеряю". Къ А. И. Моркову графъ Безбородко сообщалъ: „Съ 30-го декабря здѣсь не было вашего курьера; не запретили-ль, паче чаянія, посылать? А мнѣ досадно, что я ни отъ васъ, ни отъ графа Александра Романовича [Воронцова] не имѣю никакихъ извѣстій. Со мною было третьяго дня сдѣлался страшный припадокъ, какого я въ жизни не имѣлъ. Я веду себя воздержно, ѣмъ мало, для того, что провизіи даже до говядины худы; но по несчастію при геморроидахъ простудился, и по причинѣ невѣроятной грязи и поврежденія дорогъ, всякое воображеніе превосходящихъ, имѣя при томъ великое множество дѣла, засидѣлся въ комнатѣ безъ движенія. Начали оказываться запоры, отъ коихъ обыкновенными порошками я освобождался. Вдругъ съ 5-го и до 7-го продолжавшійся, довелъ было меня до крайности, такъ, что я насилу съ помощію сильнаго клистира освободился, и потомъ открытіемъ геморроидовъ получилъ облегченіе. Вѣрьте, что выдти никакъ нельзя. Новаго ничего нѣтъ, а съ симъ я досадляю только нѣкоторыя нужныя открытія. Прощайте, усталъ отъ вчерашняго письма. Поклонитесь отъ меня нашимъ домашнимъ".

Описанная болѣзнь графа Безбородки оставила замѣтный слѣдъ и въ бумагахъ его; съ 9-го по 12-е января посылокъ изъ Яссъ не было. Оправившись, графъ Безбородко, 13-го января, написалъ письма: къ П. В. Завадовскому и графу А. Р. Воронцову. Первому онъ откровенно описалъ о побужденіяхъ, которыя вызвали его принять на себя званіе главноуполномоченнаго по заключенію Ясскаго мира: „Письмо твое съ Мошковымъ я получилъ. Благодарю тебя, любезный другъ, за всѣ израженія, доказующія истинную и неизмѣнную дружбу. Когда сообразишь всѣ обстоятельства, то не станешь винить меня, будто бы я перемудрилъ при отправленіи моемъ сюда, въ минуту, что̀ получена была вѣсть о смерти всемочнаго. Я, зная, что трудно было чаять добраго и скораго конца отъ негоціаторовъ или неискусныхъ, или ты знаешь какихъ, рѣшился оффирировать себя на сію службу. Тутъ вся голова моя воспалилася двумя пунктами: первое оказать услугу отечеству, и второе, особенно для себя, придать большую знать своей карьерѣ. На другой же день оказалися было сильныя въ томъ затрудненія; но я, для достиженія толь честнаго предмета, радъ былъ на все пойти. Сверхъ того, дошедъ до моей степени, мѣстъ и состоянія, многое мнѣ казалося уже съ ними несообразное; итакъ, успокоившися по наименованіи, думалъ я, что нельзя будетъ честнѣе изъ дворскихъ переднихъ выбраться, какъ возвратяся миротворцемъ. Слава Богу, что я исполнилъ на меня возложенное и жду только, чтобъ у васъ сказали, что тѣмъ довольны: вотъ и все. Возвратяся, буде пожелаютъ, чтобъ я несъ прежнюю нелегкою службу, тутъ рѣшитъ меня благодарность государыни; а не пожелаютъ, я не скучу и не подосадую, да еще и радъ буду поставить себя на ногу свободную. Ты знаешь, что я не любилъ никогда тѣхъ оказательствъ, коими у насъ именемъ только знатные господа веселятся. Я не любилъ, чтобъ моя передняя наполнялася людьми изъ коихъ иные желали бы завтра меня у себя въ такомъ же положеніи видѣть. Кромѣ самыхъ общенародныхъ веселій, я любилъ самое приватное общество. Я и впредь такъ себя поведу. А ежели, что́ случится трудное и для государства полезное, котораго случайные или происками до всего добивающіеся раскусить не могутъ и не хочутъ, радъ я тутъ собою пожертвовать. Готовъ я былъ въ нынѣшнемъ моемъ служеніи, въ случаѣ разрыва, буде бы меня не отозвали, таскаться за Дунай и зѣвать на баталіи и прочее, куда не всякій охотно ѣздитъ. И такъ, моя теперь забота вся въ томъ, чтобъ здѣсь скорѣе кончить и потомъ васъ увидѣть; но скоро не ждите. Я ѣду чрезъ Бурсмай, Тешинъ, Кіевъ, Стольное, Новгородъ-Сѣверскій и Москву. 15-го или 16-го марта я вашъ, коли живъ буду.

Прощай. Дай Богъ тебя найти здороваго. Я теперь здоровъ". Въ приписке къ письму графъ Безбородко сообщилъ: „Я получаю премилостивыя письма своеручныя. Цѣну комплиментамъ я знаю; но вся моя цѣль, чтобъ были только довольны дѣлами". Слѣды болѣзни, которую перенесъ графъ Безбородко, видимо отразились въ письмѣ его къ Завадовскому; тѣ же слѣды замѣтны и въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, которому онъ писалъ: „Зильбергарнишъ (для умноженія штата сильнаго, полковникъ) четвертаго дня, а г. Мошковъ, въ провожаніи Милорадовича—третьяго дня къ намъ пріѣхали. Благодарю за извѣстія и прошу вѣрить, что я ничего не желаю, какъ скорѣе отсюда выбраться, а потомъ къ вамъ доѣхать. Я не говорю ни о чемъ другомъ, но и въ томъ не сомнѣвайтеся, что я вашего жребія не отдѣлю отъ своего. Прошу отдать вложенное Петру Васильевичу [Завадовскому]. Дурновъ былъ хорошъ въ генералъ-кригсъ-комиссарахъ, но тогда еще не все было изъ корня вонъ. Теперь дѣла много и для молодаго человѣка, а онъ очень постарѣлъ. Всѣхъ лучше былъ Беклешовъ, и, конечно, такого еще и не было въ семъ мѣстѣ, и онъ бы далеко не шелъ. Ежели же не онъ, то Архаровъ и Тутолминъ были бы многихъ лучше. Прощайте, желаю вамъ всякаго добра. Миръ кончился, а дѣло для меня не кончилося: такъ его много, что я бы желалъ видѣть его въ рукахъ уже тѣхъ дѣльцовъ. Домашнимъ кланяюся" [266]).

Черезъ недѣлю, 14-го января, графъ Безбородко, извѣщая Булгакова о полученномъ отъ визиря наканунѣ „подтвердительномъ актѣ" на мирный договоръ, и о томъ, что визирскій подтвердительный актъ „сего дня при пушечной пальбѣ, съ таковымъ же актомъ", отъ него графа Безбородки даннымъ, размѣненъ, и что онъ ожидаетъ черезъ двѣ недѣли непремѣнной размѣны „государскихъ ратификацій", сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о настроеніи Турковъ по поводу заключенія ими мира съ Россіею и объ обстоятельствахъ, касающихся пріѣзжавшаго въ Яссы генералъ-маіора Потоцкаго, родственника проживавшему тамъ однофамильцу его, представителю части Польскаго общества, преданной Россіи. „Ночью минувшей возвратился оттуда же (изъ Шумлы),—пишетъ графъ Безбородко,—извѣстный вашему превосходительству подполковникъ Бароцци, посыланный отъ меня къ визирю съ извѣщеніемъ, коимъ образомъ, по сродному ея императорскому величеству великодушію и миролюбію, преподаны были самыя надежныя средства къ возстановленію мира и тишины между обѣими имперіями. Онъ принятъ былъ съ оказаніемъ крайняго восторга радости и съ отличными почестями отъ визиря, всего министерства и вообще отъ всего ихъ лагеря, или главной квартиры. Они теперь сами видятъ и познаютъ въ полномъ свѣтѣ, что для спокой-

ствія и благоденствія ихъ всего надежнѣе сохранять съ нами искреннюю дружбу и тѣсное согласіе, и что другія державы употребляють ихъ по своимъ видамъ для ихъ имперіи. Съ большею готовностію визирь сдѣлалъ разныя, по нашимъ требованіямъ, распоряженія, въ такихъ матеріяхъ, которыя не могли войти въ постановленія трактата, а могли оставлять нѣкоторый поводъ къ притязаніямъ. Коль много ошибаются тѣ, кои надѣюся интригами своими предуспѣть въ чемъ либо для насъ предосудительномъ. Россія столь велика, столь сильна, что подобное покушеніе менѣе ей чувствительно, нежели укусить человѣка муха. Я жалѣю только по человѣчеству, если люди въ томъ заблуждаются, и не горюю, ежели между ними находятся неблагодарные, которые безъ могущественной руки нашей едва были бы въ свѣтѣ и мало извѣстны.

„На сей разъ я хотѣлъ бы кончить письмо мое; но не могу упустить, чтобъ не увѣдомить ваше превосходительство объ одномъ, здѣсь случившемся, происшествіи. Польской службы г. генералъ-маіоръ Станиславъ Потоцкій пріѣхалъ сюда дни два спустя по подписаніи мира. Онъ былъ мнѣ представленъ г. генераломъ артиллеріи Потоцкимъ, его родственникомъ, и я принялъ его съ надлежащимъ уваженіемъ въ сугубомъ видѣ, какъ человѣка породы знаменитой, и какъ ближняго родственника господъ гетмана Ржевусскаго и Потоцкаго, мною отлично почитаемыхъ. Вдругъ услышалъ я, что г. генералъ-маіоръ Потоцкій, не соображая, что онъ пріѣхалъ въ землю, ея императорскимъ величествомъ владѣемую, слѣдовательно, гдѣ иностанцу прилично и должно размѣрять шаги свои противъ другихъ иностранныхъ съ крайнею осторожностію, наибольше когда тутъ дѣйствують порядокъ и полиція воинскіе, поѣхалъ на свиданія сперва съ драгоманомъ Порты Мурузи, а потомъ и съ Рейсъ-эфендіемъ, которыя были долговременныя. Я вспомнилъ тутъ, что во время мира Кайнарджійскаго г. генералъ-фельдмаршалъ, графъ Румянцовъ, учинилъ строгій выговоръ Римско-императорскому генералу, барону Барку, который при немъ былъ аккредитованъ, за то, что онъ хотѣлъ ѣхать къ Турецкимъ полномочнымъ того времени. Я могу васъ увѣрить, что и изъ нашихъ никто къ нимъ не ѣздитъ, не сказавшися мнѣ и командующему арміею. Съ нимъ посовѣтовавъ, нашли мы, что ежели г. Потоцкій хотѣлъ видѣть Турецкихъ полномочныхъ, то долженъ былъ сказаться начальству и арміи и земли, куда онъ пріѣхалъ. Впрочемъ, Яссы, покуда мы здѣсь, могутъ быть убѣжищемъ утѣсняемыхъ, въ сѣнь оружія ея величества притекающихъ, а отнюдь не должны служить.... [267]). Въ иное время, ежели бы онъ пріѣхалъ, напримѣръ, до заключенія мира, да вздумалъ соваться по министрамъ державы, съ нами еще войну и не-

совершенно прекратившей, мы бы его подъ честнымъ присмотромъ въ самый Петербургъ препроводили, какъ эмиссара, непозволеннымъ образомъ поступающаго, но въ разсужденіи, что дѣло благополучно и славно на досаду завистникамъ нашимъ, конечно, подали мы ему consilium... [268]) и какъ можно скорѣе, вруча ему въ ту же минуту паспортъ. Сего требовала военная и полицейская осторожность, и онъ внушенію нашему послѣдовалъ. Вотъ вамъ всѣ подробности происшествія, кои для того сообщаю вамъ, чтобъ вы, милостивый государь мой, были въ состояніи возражать на всякія несклонныя толкованія" [269]).

Въ слѣдъ за тѣмъ, 30-го января, графъ Безбородко отправилъ изъ Яссъ письма: въ Москву, къ князю А. А. Прозоровскому и къ Н. А. Львову. Извѣстивъ перваго о заключеніи мира съ Турками, Безбородко выразилъ желаніе на возвратномъ пути въ Петербургъ посѣтить Москву. „Мы все то одержали, — говоритъ Безбородко, — чего хотѣли, и теперь остается пользоваться покоемъ на приведеніе внутренности нашей въ цвѣтущее состояніе. Я должень остаться здѣсь еще до 1-го февраля, для размѣны государскихъ ратификацій и прочаго, а потомъ, если получу дозволеніе, учрежу путь свой обратный на Москву, и тамъ буду имѣть честь самолично васъ увѣрить въ истинной преданности и совершенномъ почтеніи" [270]).

Вѣроятно прежнее пребываніе въ Москвѣ, о которомъ графъ Безбородко такъ лестно отзывался въ свое время, манило его въ первопрестольную, гдѣ онъ съ исполненіемъ важнѣйшихъ государственныхъ трудовъ умѣлъ соединять заботу о своихъ домашнихъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ дѣлахъ.

Къ пріятелю своему Н. А. Львову, графъ Безбородко писалъ: „Недосугъ мнѣ здѣсь и послѣ мира, столько еще осталось хлопотъ, что и не вижу, когда отъ нихъ отдѣлаюсь для отдохновенія. A propos: ежели бы я генералъ былъ, то бы надобно сказать me reposer sur les lauriers [мнѣ почивать на лаврахъ]; а мнѣ развѣ sur mes oliviers [на моихъ масличныхъ деревьяхъ]; но, кажется, жирно. Итакъ, мы станемъ лучше кушать des olives, зеленые и черные, особливо же въ постъ, котораго первая недѣля будетъ въ дорогѣ. Прощай, и напиши, чтò говоритъ Гваренги о мирѣ. О домѣ [Московскомъ] онъ мнѣ уже прислалъ мораль, что много поваровъ портятъ обѣдъ, e poi cabale. Другое à propos для меня корыстное. Разумовскій изъ Вѣны пишетъ, что рѣзчикъ не принялся еще за работу багетовъ и креселъ для того, что по его требованію не добавлено денегъ на начало, гульденовъ тысячи; а я, давъ разомъ 2,000 рублей на задатокъ, далъ и другія 2,000 ему же на люстры, на-

канунѣ отъѣзда моего въ Яссы. Sono perdute i miei poveri rubetti, ed io resterò senza mobili e senza denari. Trum, trum addio" [потерялъ свои бѣдные рублики и остаюсь безъ мебели и безъ денегъ. Трумъ, трумъ, прощай] [271]).

Черезъ день, 1-го февраля, въ письмѣ къ Я. И. Булгакову, графъ Безбородко извѣщалъ, что размѣнъ взаимныхъ государскихъ ратификацій учиненъ 29-го минувшаго января. „Дней черезъ десять,—продолжаетъ графъ Безбородко,—отправляюся въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву; но по дурной дорогѣ, я, кончивши благополучно здѣшнее мое служеніе, намѣренъ путь свой учредить прохладно, тѣмъ паче, что и силы уже съ курьерскою ѣздою не согласуютъ; не прежде 10-го, а можетъ быть и 15-го марта, у двора явиться располагаюся. Всѣ письма ваши съ курьеромъ получилъ я исправно. Въ краткое время жизни моей, проводивъ ея большую часть на службѣ, столько я шалостей видѣлъ, что описываемыя вами нимало меня не удивляютъ, и особливо, когда извѣстны люди. Что до вашихъ собственныхъ дѣлъ касается, вѣрьте, что я не упущу ни времени, ни способовъ къ изъявленію искренней привязанности къ вамъ и почтенія".

Къ этому письму графъ Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми Русскіе размѣнялися въ Турками. „Отъ визиря именемъ Порты присланы мнѣ: перстень бриллiантовый солитеръ, тысячъ до 25 рублей, табакерка въ 8,000 и часы тысячъ въ семь, лошадь съ богатымъ уборомъ, палатка шитая, но весьма ветхая, коверъ Салоникскій, полъ-ока-адатоту [sic], 37 пудъ слишкомъ кофею, множество бальзаму, Индѣйскаго и Меккскаго, табаку, мыла, губки, трубки, амбра и 24 куска матерій и шалей, все мелкіе и разные. Я ему послалъ: прекрасный кинжалъ въ 9,000 рублей, соболій мѣхъ въ 6,000 рублей и до сорока соболей въ 4,000 рублей съ чаемъ и ревенемъ. Не забылъ я подарить, какъ видите, все министерство, и съ обѣихъ сторонъ были подарки великолѣпные. Турки теперь употребляли все бриллiанты вмѣсто розовъ" [272]).

Пока графъ Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30-го января въ Петербургъ изъ Яссъ пріѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. „Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали",—записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ [273]). Въ этотъ же самый день государыня наградила графа Безбородку 50-ю тысячами рублей денегъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ рескриптѣ по этому поводу Екатерина II выражалась: „Донесенія ваши, отъ 16-го минувшаго января съ генераломъ-поручикомъ Самойловымъ, мы получили. Изъявивъ вамъ

признательность нашу за труды и подвиги, понесенные вами въ мирной негоціаціи, пріобщеніемъ васъ въ число кавалеровъ перваго нашего ордена святаго Андрея; сверхъ того, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ пятьдесятъ тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго, данъ отъ насъ указъ дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору, князю Вяземскому. Воздавъ должное собственнымъ вашимъ заслугамъ, не оставили мы наградить и перваго изъ полномочныхъ нашихъ, мирный договоръ подписавшихъ, помянутаго генералъ-поручика Самойлова [274]) пожалованіемъ ему тогда же ордена и тридцати тысячъ рублей, а подполковника Раевскаго, съ нимъ присланнаго, въ полковники. Другимъ же полномочнымъ, какъ и всѣмъ прочимъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ и, по свидѣтельству вашему, заслужившимъ монаршую нашу милость, не преминемъ мы явить опыты оные по мѣрѣ достоинства каждаго, въ чемъ вы ихъ обнадежить можете. Обращаясь къ содержанію донесеній вашихъ, не находимъ ничего нужнаго къ разрѣшенію по онымъ, видя съ удовольствіемъ благоразумные мѣры и поступки ваши во всемъ томъ, чтò предлежало еще въ настоящемъ служеніи вашемъ къ мѣстному вашему распоряженію, которое во всѣхъ частяхъ мы апробуемъ, соглашаясь и на замѣну въ свое время купцамъ нашимъ убытковъ, арестованіемъ судовъ ихъ при началѣ войны понесенныхъ, тѣми средствами, о коихъ вы представляете относительно облегченія ихъ въ пошлинѣ. Что касается до времени и мѣста размѣны взаимныхъ чрезвычайныхъ посольствъ, мы предоставляемъ также на собственное ваше благоусмотрѣніе и соглашеніемъ съ верховнымъ визиремъ назначить то и другое, располагая только первое такимъ образомъ, чтобъ можно было успѣть нужными къ сему случаю приготовленіями. Считая, что по сю пору и султанская ратификація получена и уже размѣнена, мы ожидаемъ ее вскорѣ, а затѣмъ и самихъ васъ незамедлительно видѣть желаемъ, пребывая всегда вамъ императорскою нашею милостію благосклонны“ [275]).

9-го февраля, „въ вечеру пріѣхалъ въ Петербургъ камергеръ графъ Григорій Ивановичъ Чернышовъ съ султанской ратификаціею“ [276]), а 13-го февраля императрица почтила графа Безбородку новымъ рескриптомъ, въ которомъ читаемъ: „Получивъ присланную отъ васъ съ камергеромъ графомъ Чернышовымъ и полковникомъ Ширяемъ султанскую ратификацію на миръ, съ Портою Оттоманскою заключенный, повторяю вамъ благоволеніе и признательность къ вашимъ усерднымъ трудамъ въ полезномъ семъ дѣлѣ. Теперь не осталось мнѣ болѣе желать, какъ скорѣе

самихъ васъ здѣсь видѣть, и для того вы новую угодность мнѣ сдѣлаете, поспѣшивъ сюда пріѣздомъ вашимъ“ [277]).

Въ письмѣ отъ того же числа Зубовъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ Безбородкѣ причину, почему императрица желала скорѣе видѣть его въ Петербургѣ: „Изъ вложеннаго при семъ письма усмотрите, что угодно ея императорскому величеству, чтобъ вы поскорѣй сюда возвратились. Польскіе вельможи, надѣюсь, пріѣдутъ на сихъ дняхъ. Нужно бы учинить съ ними рѣшительное положеніе, къ чему и ваши свѣдѣнія необходимо нужны“.

Въ отвѣтъ на письмо Зубова, графъ Безбородко, отъ 2-го марта, писалъ А. И. Моркову: „Измаилъ-бей къ вамъ поѣхалъ съ 8-го на 9-ое февраля съ моими реляціями Персидскими и другими. Гдѣ онъ? Не ушелъ ли въ Кабарду? Но зачѣмъ у васъ о Полякахъ перетревожилися? Ихъ никто бы не унесъ, да они же люди такіе осторожные, что взяли путь направо къ Николаеву, потомъ въ Херсонъ, къ обожаемой ими графинѣ Витъ. Теперь они у васъ, а мнѣ вчерашняя присылка стоитъ много непріятности и желчи, когда я принужденъ отложить мою поѣздку въ Москву и пуститься отъ Новгорода на Смоленскъ. Поклонитеся графу Александру Романовичу [Воронцову] и скажите, что писать не успѣлъ. Онъ говоритъ, что для службы надобно отложить забавы; я такъ и дѣлалъ; но, кажется, и то заслужилъ, чтобъ не гнать меня покурьерски и дать хотя спокойно и прохладно путь совершить. Я же и теперь съ кашлемъ и насморкомъ. Я въ крайней досадѣ, что разбился съ планомъ своимъ и обозомъ, и ѣду со всѣми невыгодами въ кибиткахъ“ [278]).

По волѣ же императрицы былъ посланъ къ графу Безбородкѣ и курьеръ отъ А. И. Моркова, по дѣламъ Турціи, и съ увѣдомленіемъ, что государыня желаетъ, чтобы графъ возвращался скорѣй, какъ видно это изъ письма Безбородки къ графу А. Р. Воронцову, изъ Москвы, отъ 16-го марта. Въ немъ Безбородко писалъ: „Вчера прискакалъ ко мнѣ курьеръ отъ Моркова съ письмомъ его, содержащимъ государыни приказаніе, чтобъ я отвѣтствовалъ отъ имени моего Рейсъ-эфендію, который отозвался ко мнѣ по тарифу не столько въ министеріальномъ, сколько въ приватномъ дружескомъ видѣ, и чтобъ, отвергая ихъ притязанія, воспользовался я сею откровенною перепискою на сдѣланіе разныхъ внушеній по Французскимъ дѣламъ; при томъ сказано, что государыня желала бы, дабы я скорѣе возвратился; но ежели въ томъ встрѣчаются препятствія, то, сочиня и подписавъ мои отвѣты, прислалъ бы я съ курьеромъ для отправленія къ Портѣ. Ваше сіятельство признаете, что по распутицѣ не такъ скоро можно мнѣ самому доѣхать, какъ отповѣдь составить, и по-

тому я послѣднее предпочелъ первому, и въ Субботу посылаю мое письмо къ государынѣ, съ бланкетомъ въ ея диспозицію, мною подписаннымъ на случай перемѣны. Письмо Рейсъ-эфендія прислано было дюку Серра-Капріолѣ съ тѣми Молдавскими курьерами, которыхъ братъ мой послалъ въ Петербургъ и коихъ онъ подозрѣвалъ, что имѣютъ у себя какія нибудь значущія письма; а я болѣе ихъ почиталъ или ѣдущими за моими дѣлами, или за глупыхъ Турецкихъ шпіоновъ. Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] пишетъ ко мнѣ, что о княжествѣ и графствѣ дѣло въ глубокомъ молчаніи; а Морковъ по дѣламъ увѣдомляетъ, что Витвортъ, настоя на отмѣну запрещеній, даетъ знать, что въ случаѣ отказа велѣно ему остановить негоціацію о союзѣ; но все сіе у насъ не пріемлется. Императоръ отвергнулъ требованія Прусскія о субсидіяхъ, настоя на помощь по трактату и по имперіи, въ которой положено для обороны ея собрать армію подъ командою герцога Саксенъ-Тешенскаго. Въ Среду я ѣду отсюда и надѣюсь еще одинъ разъ, при отъѣздѣ, къ вамъ писать, пребывая вамъ всегда преданнымъ“ [279]).

Пока Безбородко держалъ изъ Яссъ свой „прохладный“ путь въ Петербургъ, отдыхая отъ чрезвычайныхъ, почти полугодовыхъ, трудовъ, 25-го февраля въ столицѣ былъ обнародованъ манифестъ о заключеніи Ясскаго мира. Въ этомъ манифестѣ императрица, сказавъ о тяжкихъ ударахъ, нанесенныхъ Турціи силами и храбростію Русскихъ войскъ на сушѣ и на водахъ, въ Европѣ и Азіи, и изложивъ ходъ мирныхъ переговоровъ, всенародно извѣщала своихъ подданныхъ о важныхъ выгодахъ имперіи и частныхъ пользахъ, доставленныхъ Россіи Ясскимъ мирнымъ трактатомъ: „Ибо, 1-ое, всѣ пріобрѣтенія въ безопасности предѣловъ государства, мореплаваніе и торговля на всѣхъ водахъ Турецкихъ, которыя доставили мы имперіи Россійской Кайнарджійскимъ миромъ и послѣдовавшими за нимъ постановленіями, подтверждены и при семъ замиреніи во всей ихъ силѣ; а сверхъ того 2, вся Турецкая земля, съ населеніями на оной между рѣкъ Буга и Днѣстра, уступлена нашей державѣ. Подвинувъ предѣлы Россіи на рѣку Днѣстръ, которая отнынѣ есть границею обоюдно нашей и Турецкой имперій, получаемъ мы чрезъ свободное водоходство по сей рѣкѣ новыя способности къ распространенію нашей торговли. 3, Селенія нашихъ подданныхъ къ рѣкѣ Кубани подвергалися доселѣ набѣгамъ и грабительству горскихъ сосѣднихъ народовъ. Во пресѣченіе таковыхъ наглостей и къ полной безпечности нашихъ въ той странѣ селеній, Порта дала новыя обязательства удержать тѣ народы отъ всякихъ въ нашъ край своевольствъ и обязуется по жалобамъ съ нашей стороны доставлять скорое удовлетвореніе съ тѣмъ, что въ случаѣ полученія онаго

чрезъ полгода, сама платитъ убытки изъ казны своей. Такимъ образомъ, преграда хищнымъ, а безопасность въ той странѣ живущимъ нашимъ подданнымъ содѣлана. 4, Производимое подъ флагомъ нашимъ торговое плаваніе по Средиземному морю не имѣло донынѣ полной безопасности, будучи нерѣдко обезпокоивано нападеніями отъ грабительствующихъ варварскихъ кантоновъ Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго; но и въ семъ важномъ пунктѣ храненіе чести и выгодъ нашего флага настоящимъ трактатомъ Оттоманская Порта переняла на себя, обязуяся властію своею обуздать хищниковъ, и ежели они преступили бы когда о томъ повелѣнія ея, вознаграждать отъ себя причиненные убытки" [280]).

Нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатеринѣ и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Предложенный возможно-подробный разсказъ о ходѣ мирныхъ переговоровъ, веденныхъ Безбородкою въ Яссахъ, наглядно свидѣтельствуетъ, что онъ, съ одной стороны, вполнѣ зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ отношеній и потребностей, а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неусыпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Безбородкою во время заключенія Ясскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноминувшихъ событій. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающеюся, мѣстами, къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. „Труды и искусство", оказанные Безбородкою при заключеніи Ясскаго мира, говоря словами Екатерины, „въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему" императрицы [281]). Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполнѣ принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки. Съ этимъ мнѣніемъ сходились лица, работавшія съ графомъ Безбородкою въ Яссахъ, и лица близко стоявшія къ политичечкимъ интересамъ нашего отечества. Графъ Ростопчинъ, въ письмѣ, отъ 13-го февраля 1792 г., къ графу С. Р. Воронцову, съ жаромъ говоря о своей признательности къ Безбородкѣ, продолжаетъ: „Вы вполнѣ справедливо говорите, что графъ Безбородко покрылъ себя славою. Препятствія, которыя онъ долженъ былъ преодо-

лѣть, отсутсвіе самыхъ необходимыхъ средствъ для переговоровъ съ Турками, извѣстныя свойства ихъ уполномоченныхъ, все было соединено, чтобъ выставить въ яркомъ свѣтѣ его великія дарованія. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на его труды, тѣмъ болѣе удивлялся его генію. Для успѣха въ самомъ трудномъ дѣлѣ ему стоитъ только приняться за работу. Онъ оказалъ Россіи самую важную услугу, какую только можно было сдѣлать" [282]).

XV.

Ссора съ П. А. Зубовымъ. Награды за Ясскій миръ.

Императрица, Русское общество, друзья и сослуживцы графа Безбородки, вполнѣ цѣнили услуги, оказанныя имъ отечеству заключеніемъ мира съ Турками. Они понимали всю силу препятствій, устраненныхъ при заключеніи этого мира, его „геніемъ", и на пути отдавали ему должную дань хваленій. Возвратъ графа Безбородки изъ Яссъ походилъ на тріумфальный поѣздъ мирнаго побѣдителя. Въ письмѣ, отъ 13 февраля, 1792 года, графъ Ростопчинъ о Безбородкѣ говоритъ: „Онъ теперь собираетъ на пути должную дань хваленій, и предполагаетъ быть здѣсь [въ Петербургѣ] около 20-го числа; но думаютъ, что онъ ускоритъ свой пріѣздъ вслѣдствіе послѣдняго письма императрицы, гдѣ она говоритъ ему, что онъ окажетъ ей новую услугу, если прибудетъ къ ней какъ можно скорѣе" [283]). Безбородко возвратился въ Петербургъ 10-го марта 1792 года. На другой же день императрица поручаетъ ему написать указъ о производствѣ П. А. Зубова въ чинъ генералъ-поручика и генералъ-адъютанта. Храповицкій объяснялъ это порученіе „дѣйствіемъ графскаго пріѣзда" [284]). И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полнаго и притомъ окрѣпшаго соперника по вліянію при дворѣ. Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдатся

въ веденіи дѣлъ чьему-нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Морковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ графа Безбородки по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Одинъ изъ друзей графа Безбородки, П. В. Завадовскій, въ откровенномъ письмѣ въ Лондонъ, къ графу С. Р. Воронцову, когда еще графъ Безбородко находился въ Яссахъ, 27-го января 1792 года, обвинялъ его, что онъ сдѣлалъ Зубова „могущественнымъ во всѣхъ дѣлахъ". По отзыву его: „Графъ Безбородко, разжигаясь честолюбіемъ, равно и легкомысленностію захватить весь кредитъ, когда не стало князя, кинулся въ Яссы. При отъѣздѣ, изъ трусости врожденной, поручилъ внутренній портфель Зубову, а иностранныхъ дѣлъ—Моркову. Послѣдняго разумѣлъ себѣ первымъ другомъ; а у перваго думалъ тѣмъ найтить связь. Возвратившемуся послѣ мира въ голубой лентѣ, при первой встрѣчѣ, дано почувствовать, что дѣла уже не въ его рукахъ. И такъ, съ тѣхъ поръ безъ изъятія Зубовъ управляетъ всѣми внутренними дѣлами, Моркова имѣя подъ собою, для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ фаворитовъ, даже и самъ всемогущій князь Потемкинъ не имѣлъ столько обширной сферы; ибо владычество его простиралося только на одинъ департаментъ, а къ настоящему всѣ придвинуты... Александра Андреевича роль препостыдная. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавши доходу 150 тысячъ, удалился бы; но онъ еще пресмыкается въ чаяніи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойной. Низкимъ терпѣніемъ и гибкостію многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ сему правилу. Развѣ вытолкаютъ въ зашеи. Безъ того не уклонится, чуждъ бывъ нравственныхъ побужденій" [285]). Не тѣ побужденія, о которыхъ говоритъ Завадовскій, удерживали при дворѣ графа Безбородку; послѣдующій разсказъ, основанный на фактахъ совершившихся, откроетъ эти побужденія, и при томъ побужденія высокія, и докажетъ, что пророчество Завадовскаго было ложно. О роли же Моркова, за это время, графъ Ростопчинъ, писалъ тому же Воронцову, въ Лондонъ. „Вы, безъ сомнѣнія, уже наслышаны о важномъ значеніи, какое пріобрѣлъ г. Морковъ. Вы достаточно знаете этого человѣка, чтобы имѣть вѣрное понятіе о его способностяхъ и о возможности для него, заручившись довѣріемъ императрицы, подняться на необыкновенную высоту. Зубовъ избралъ его своимъ совѣтникомъ, необходимымъ для прикрытія его невѣжества, довольно, впрочемъ, извинительнаго. Предполагается, что они трудятся вмѣстѣ, и послѣдній курьеръ получилъ свои депеши отъ г. Моркова, безъ вѣдома графа Безбородки и вице-канцлера. Всѣ дѣла въ его рукахъ, и онъ идетъ быстрыми шагами къ высокому положенію. Теперь

онъ домогается должности посланника въ Варшаву. Если его честолюбіе на время удовлетворится этимъ посольствомъ (въ коемъ нѣкогда онъ былъ секретаремъ при князѣ Репнинѣ), то онъ, навѣрное, лишится доли своего вліянія, и примѣръ графа Безбородки достаточно показываетъ, какъ много при дворѣ теряютъ отсутствующіе. Всѣ дѣла распредѣлены между Морковымъ и Поповымъ. Зубовъ считается главнымъ руководителемъ всего и заявляетъ свое всемогущество возмутительнымъ образомъ. Онъ по природѣ не далекъ, но ему память замѣняетъ разсудокъ. Его изреченія, то ученыя, то таинственныя, и техническія выраженія, которыя онъ произноситъ, прикрываютъ его бездарность. Онъ выказываетъ грубую и возмутительную гордость; всѣ поступки его свидѣтельствуютъ о дурномъ воспитаніи, и бывать у него значитъ подвергаться униженію" [286]). Разумѣется, въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружились колебанія и противорѣчія. Такъ, по Польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью графъ Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы „учинить съ Польскими вельможами рѣшительное положеніе", у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самаго Моркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его никого не опредѣлялъ ко двору. Соображенія эти, идущія въ разрѣзъ съ словами Ростопчина, какъ нельзя лучше подтверждаются разсказомъ князя Ѳ. Н. Голицына, который говоритъ что когда онъ явился къ Зубову съ просьбою объ опредѣленіи ко двору, то послѣдній спросилъ: „для чего не чрезъ графа Безбородку просите?" и добавилъ, что только графъ Безбородко могъ „предоставить ему отличіе представиться императрицѣ" [287]). Подобныя отношенія, естественно должно объяснять тѣмъ, что сама императрица продолжала обращаться къ Безбородкѣ по важнымъ государственнымъ дѣламъ. Такъ, когда вице-канцлеръ прислалъ ей извѣстіе о проѣхавшемъ черезъ Кенигсбергъ, 22-го марта, „французѣ съ злымъ умысломъ на здравіе ея величества", Екатерина, при собственноручной запискѣ, отправила пакетъ съ извѣстіемъ не къ кому иному, а именно къ графу Безбородкѣ [288]).

Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого графъ Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться, въ важнѣйшихъ случаяхъ, къ государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ тоже время допустить,

что графъ Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ, естественно, должны были выдвинуться при дворѣ и новые люди, которые не раздѣляли воззрѣній графа Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и не могло не производить въ немъ неприязни къ сопернику. Сдержанная, довольно старая вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ графу Безбородкѣ. Безбородко, въ свою очередь, считалъ для себя унизительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастія, когда и къ покойному князю Потемкину „не учащалъ", даже во время „самаго тѣснаго согласія съ нимъ". Между тѣмъ, Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодаго близкаго къ ней царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата; она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ, о другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Положеніе при дворѣ Безбородки и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Екатерины, живо обрисовано въ письмѣ графа А. Р. Воронцова, отъ 14-го мая 1792 года, къ его брату тогдашнему нашему посланнику въ Лондонѣ. Сказавъ, въ началѣ письма, что онъ „провождаетъ послѣдній кварталъ" своего „вѣка съ удовольствіемъ", графъ пишетъ: „Про дѣла общественныя помѣщаю краткій разговоръ. Изъ войны Турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пробудемъ въ голяхъ. Власть и расточительность покойника [князя Г. А. Потемкина] изрыла ямы. Его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде. Губерніи его приняла государыня подъ собственное управленіе. Все, имъ сдѣланное, покрывается властію. Поповъ, человѣкъ безъ просвѣщенія и безъ талантовъ, вступилъ на постъ особливой довѣренности отъ единаго удостовѣренія, что онъ былъ душа всѣхъ дѣйствій покойника, чего отнюдь не было; ибо умершій ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣлительныхъ ни на что не имѣлъ, а колобродилъ, какъ всякая минута вносила въ голову новую мысль, одна другую опровергающую. Для поглощенія Польши идутъ два новые Россійскіе Сципіона: Каховскій и Кречетниковъ. Правда, нѣтъ намъ тутъ опасности, ибо другія державы отступаются и въ новый союзъ съ нами входятъ; но муху бія обухомъ, натурально прибавляемъ истощенія,

и что могло бы сдѣлаться чрезъ единицы, то дѣлаемъ чрезъ десятки. Безбородко отсутствіемъ своимъ пріобрѣлъ славу имени, но сей случай лишилъ его прежней мочи въ дѣлахъ; ибо господинъ Зубовъ, въ его отлучку, вступя во всѣ экспедиціи, удерживаетъ ихъ въ своихъ рукахъ, а на удѣлъ Александру Андреевичу мало что остается, и то почти для одной формы. Морковъ, войдя безпосредственно въ доклады по иностраннымъ дѣламъ, пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность молодаго человѣка и сталъ пружиною въ томъ, совращающею участіе вице-канцлера и Безбородки. Департаментъ политическій влечется теперь противоборствами. О Зубовѣ имѣй мысль, что онъ—человѣкъ очень хорошій, весьма прилежитъ къ дѣламъ и, опричь оныхъ, чуждъ всякихъ забавъ; но еще новъ и потому бремя выше настоящихъ его силъ. При своемъ случаѣ, онъ еще не взялъ поверхности надъ волею, что можетъ придти отъ времени, а въ разсужденіи отличности въ степеняхъ онъ вѣсокъ будетъ. Благоправіе и правдивость въ немъ ощутительны. По сію пору нельзя его не хвалить, но счастіе обыкновенно людей портитъ, наипаче въ молодости, къ чему являются признаки. Фельдмаршалъ [графъ Румянцовъ] совершенно выздоровѣвшимъ себя кажетъ, но въ своей Переяславской деревнѣ безысходенъ и вовсе забытъ. Надобно случиться несчастливой нуждѣ, чтобъ его вспомнили: столько не благоволятъ о немъ. Михайла Гудовичъ здравствуетъ и теперь въ арміи Кречетникова, что идетъ въ Литву. Другъ нашъ Иванъ Васильевичъ [Гудовичъ] получилъ въ прибавокъ своимъ трудамъ генералъ-губернаторство Кавказское, которое долженъ населить и устроить. Онъ служилъ отлично въ нынѣшнюю войну, не смотря, что Потемкинъ его ненавидѣлъ за любовь къ порядку. Дали ему крестъ на ряду съ другими, которые или за которыхъ умѣли лгать. По союзу мы должны помогать противъ Французовъ; опредѣляется вести вспомогательный корпусъ князю Репнину; но когда то будетъ! Нельзя больше страдать малодушіемъ, какъ сей генералъ, впрочемъ у насъ теперь первый. Всякое низкое искательство онъ подъемлетъ; совсѣмъ тѣмъ мало удачи“ [289]).

Въ тоже самое время, и именно 15-го мая 1792 г., самъ графъ Безбородко извѣщалъ своего друга, нашего Лондонскаго посланника, о своемъ тревожномъ состояніи и объ интригахъ Зубова. Предшествовавшее письмо графа А. Р. Воронцова, вѣроятно, было извѣстно графу Безбородкѣ, потому что онъ въ началѣ своего письма говоритъ: „Я надѣюся, что графъ Александръ Романовичъ васъ о всемъ извѣщаетъ, и что онъ тутъ же не преминулъ упомянуть, хотя отчасти, и о всемъ, до меня касающемся“, и затѣмъ продолжаетъ: „Когда я, изъ единаго, конечно, усердія ко отечеству напросился на поѣздку въ армію, и я тогда думалъ,

что моя отлучка дастъ поводъ къ раздѣленію дѣлъ многочисленныхъ и силы человѣческія, паче же въ моихъ лѣтахъ и здоровьѣ, превышающихъ; но былъ спокоенъ, полагая, что успѣхъ моей коммиссіи дастъ мнѣ способъ поставить себя такъ, что, ежели угодно, я буду отправлять самыя только важнѣйшія дѣла и найду для себя превеликое облегченіе, сходное съ чиномъ, состояніемъ и службою моими. По заключеніи мира, зачали оказывать нетерпѣливость, чтобъ я скорѣе ѣхалъ, и такимъ лестнымъ для меня образомъ, что сама государыня нѣсколько писемъ самыхъ убѣдительныхъ мнѣ прислала, и когда меня дорогою здоровье медлить принудило, неудовольствіе оказала. Я, однакожъ, пожертвовалъ всѣмъ и прямымъ путемъ поспѣшилъ исполнить ея волю. Но что сдѣлалося? Нашелъ я идею изъ Зубова сдѣлать въ глазахъ публики дѣловаго человѣка. Хотѣли, чтобъ я съ нимъ по дѣламъ сносился; намѣкали чтобъ я съ нимъ о томъ и другомъ поговорилъ, то есть, чтобъ я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойнику не учащалъ, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку, что вся дрянь, какъ-то сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать, все непріятное, заботы требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее, на меня взвалено, а, напримѣръ, дѣла нынѣшнія Польскія, которыя имѣютъ съ собою связанныя распоряженія по арміямъ, достались г. Зубову. Зачали, было, по симъ дѣламъ туда же присвоять исключительно, и Аркадій Ивановичъ [Морковъ] обратилъ къ тому перо свое. Привели, было, Совѣтъ въ совершенное всѣхъ дѣлъ отчужденіе, и только государыня не хотѣла ни на что рѣшиться, не консультируя вицеканцлера и меня [290]). Я, однакожъ, изъяснилъ ей, что гдѣ идетъ дѣло о войнѣ, тутъ никто на себя одного не возьметъ и, наконецъ, предуспѣлъ поставить Совѣтъ въ активитетъ. Вы не можете повѣрить, сколько колобродно шло сіе Польское дѣло. Изъ арміи прислалъ я мнѣніе мое и результатъ моихъ разговоровъ съ Поляками. Графъ Александръ Романовичъ [Воронцовъ], графъ Николай Ивановичъ [Салтыковъ] и вице-канцлеръ [графъ А. И. Остерманъ] его одобрили, и государыня приняла за благо, чтобъ сему плану слѣдовать; но когда дѣло дошло до исполненія, то Поповъ продуцировалъ какой-то планъ покойника. Аркадій Ивановичъ [Морковъ] далъ волю своей головѣ, а не искусный дѣлецъ пошолъ за ними въ слѣдъ, выдавая будто за свое [291]). Все исковеркано, и ежели тутъ выходятъ хлопоты, то ихъ сущая вина. Много я потерпѣлъ непріятностей, борясь съ сею конфузіею, и много надобно было выдержать баталій, чтобъ хотя нѣсколько дѣло исправить, не зная еще, какъ кончится.

„Другая непріятность есть та, что когда князь Потемкинъ умеръ, мы

тогда съ графомъ Александромъ Романовичемъ [Воронцовымъ], съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ [Салтыковымъ] и съ Петромъ Васильевичемъ [Заводовскимъ] полагали, что можно будетъ скоро поправить вредъ, имъ причиненный, возстановить порядокъ въ войскѣ и въ губерніяхъ его, и прочая; но тутъ и вышло противное. Губерніи отданы Попову въ вѣдѣніе, такъ что дѣлаетъ онъ все, чтò хочетъ [292]). Боятся нарушать тестаменты покойника, которые Поповъ выдаетъ, и словомъ перспектива той же конфузіи, а для насъ развѣ брани: ибо всякое зло на счетъ нашъ станутъ ставить, какъ я видѣлъ примѣръ, что, говоря о безденежьяхъ, не приписываютъ ихъ тому, что болѣе 60 милліоновъ употребилъ и долги оставилъ, но намъ, будто мы не остерегали въ издержкахъ внутреннихъ. Когда дѣло коснется до прежней администраціи, Поповъ идетъ прямо докладывать, что хотятъ трогать память княжую, а тутъ и выходитъ амбарго на всѣ слѣдствія и изъясненія. Ваше сіятельство, судите сами, можно-ли тутъ располагать собою на дальную службу? И не согласиться-ли со мною, что самое лучшее есть, отпраздновавъ миръ, мною сдѣланный, пожить для своего здоровья и удовольствія? Говоря о мирѣ, сколько я съ одной стороны похваляюся добрымъ мнѣніемъ публики о моемъ въ немъ участіи, столько долженъ признаться, что мало примѣтна при дворѣ моя заслуга. Кажется, что, не смотря на ее и не смотря на всѣ почести, изъ коихъ каждую я получилъ, по крайней мѣрѣ, не въ праздникъ, а при какомъ-либо полезномъ государству событіи, участвовавъ въ немъ лично, не прочь отъ того, чтобъ вести меня съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ, у которыхъ еще и дѣла никакого нѣтъ.

„Вотъ вамъ состояніе наше. Но, впрочемъ, повторяю, что ни о чемъ такъ не забочуся, какъ только избавить себя отъ того, чтò мнѣ уже имѣть на рукахъ неприлично, и привести себя хотя въ праздное, но болѣе выгодное положеніе. Къ Виктору Павловичу [Кочубею] не пишу, а съ почтою пришлю ему письмо, а можетъ быть, въ запасъ, выпрошу ему дозволеніе ѣхать въ Царьградъ. Теперь ждемъ оттуда извѣстія о перемѣнѣ посла. Онъ прежде не можетъ быть съ нашимъ размѣненъ, какъ черезъ пять или шесть мѣсяцевъ. Коммисаромъ для размѣны назначается генералъ-аншефъ Пассекъ, а приставомъ къ Турецкому послу братъ мой. Я думаю, что Виктору Павловичу не худо было бы посмотрѣть сію столицу, а другія мѣста увидить и послѣ. Если только будетъ способъ, я объ немъ не упущу стараться.

„Какъ бы вы думали ваше сіятельство? По пріѣздѣ моемъ государыня назначала васъ посломъ въ Польшу, но какъ графъ Александръ Романовичъ [Воронцовъ] находилъ то съ вашими желаніями несходно, то

и сдѣлалъ отвѣтъ отклонительный. Ей показалося, будто бы я не ясно тутъ отвѣчалъ, и не прошу ли я для себя сей коммиссіи? Зубовъ и Морковъ меня зачали сондировать и уже было стали внушать о важности сего поста; но я на отрѣзъ и весьма рѣшительно то отвергнулъ. Я нашелъ уже было обычай, что г. Морковъ напишетъ депешу и, не показавъ ни мнѣ, ни моему товарищу, поднесетъ государынѣ, а она, подписавъ „быть по сему", отдастъ ему, послѣ чего онъ изволитъ прислать вице-канцлеру и мнѣ ее для подписанія. Я, однакожъ, отвратилъ сію непристойность" [293]).

Понятно, что такая сильная борьба, поведенная графомъ Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла быть пріятною Екатеринѣ. Какъ ни скроменъ и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ графа Воронцова, былъ Зубовъ; но при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ и при своей враждѣ къ вліятельному царедворцу, значеніе котораго ему предоставлялось государыней, Зубовъ едвали воздерживался отъ наговоровъ на графа Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и, безъ сомнѣнія, чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря. Подъ 20-мъ мая 1792 года, Храповицкій отмѣтилъ слѣдующій, весьма характеристическій въ сказанномъ отношеніи фактъ: „По окончаніи разбора почты спросили, нѣтъ ли еще чего? Догадало меня нелегкое сказать, что есть доклады, графомъ Безбородкою оставленные. Tourmentez moi, si vous avez envie [мучьте меня, коли вамъ хочется]. А по выслушаніи трехъ докладовъ, Екатерина отозвалась: c'est bien ennuyeux, mais il faut passer par là" [очень скучно, но нечего дѣлать] [294]).

Не смотря на эти отзывы, вызванные быть можетъ, случайными обстоятельствами, графъ Безбородко не былъ лишенъ довѣрія императрицы. Доказательствомъ тому можетъ служить секретное письмо, отъ іюня 5-го 1792 года, секретаря ея къ графу А. Р. Воронцову объ Іезуитахъ, о которыхъ онъ писалъ: „Ея императорское величество, прочитавъ записку вашего сіятельства объ извѣстныхъ Полоцкихъ Іезуитахъ, соглашается съ мнѣніемъ вашимъ, чтобъ ихъ теперь отпустить въ Полоцкъ; но желаетъ при томъ, чтобъ они до отъѣзда своего составили здѣсь на Латинскомъ языкѣ проектъ письма къ высочайшему усмотрѣнію, на осно-

ваніяхъ, вами изъясняемыхъ; послѣ чего и могутъ они отправиться сперва въ Полоцкъ, а потомъ въ Иркутскъ и тамъ дождаться, какое дѣйствіе имѣть будетъ письмо сіе, о чемъ даны будутъ, въ свое время, надлежащія предписанія, какъ Бѣлорусскому генералъ-губернатору, такъ и правящему должность въ Иркутскомъ намѣстничествѣ" [295]).

Не смотря на это довѣріе государыни, графъ Безбородко не могъ не видѣть своего положенія, и въ этомъ самъ сознавался. Такъ, Храповицкій записалъ усебя въ „Дневникѣ", что графъ Безбородко признавался ему, 6-го іюля 1792 г., что „примѣтно во всемъ недовѣріе, стараются всѣхъ ссорить: его бумаги отдаютъ Попову, а по которымъ докладывалъ Поповъ, отданы графу". Но 11-го сентября, Екатерина совѣтовалась уже съ графомъ Безбородкою: кого назначить на генералъ-губернаторсвую должность? Графъ назвалъ Храповицкаго; но ему отвѣчали, что бы хорошъ былъ Поповъ, человѣкъ довольно дальновидный и съ открытою головой, ежели бы ей самой не былъ нуженъ". Разсказавъ объ этомъ Храповицкому, „графъ смѣялся и просилъ о секретѣ" [296]), т. е. ясно давалъ разумѣть Храповицкому, что нынѣ императрица смотритъ на людей уже не его глазами.

Еще яснѣе расказываетъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, въ письмѣ своемъ графу С. Р. Воронцову, отъ 28-го сентября 1792 года, объ отношеніяхъ Екатерины къ графу Безбородкѣ за это время: „Я долженъ сообщить вамъ о случаѣ, который былъ съ Безбородкою въ Царскомъ Селѣ у императрицы, и который извѣстенъ лишь немногимъ. Явившись однажды со множествомъ дѣлъ для поднесенія къ подписи, Безбородко при докладѣ замѣтилъ на лицѣ императрицы выраженіе неудовольствія и тотчасъ взялъ назадъ бумаги. Удивленная этимъ, она спросила о причинѣ; на это онъ отвѣчалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаетъ неодобреніе его работы императрицею и предполагаетъ удалиться, опасаясь ее прогнѣвить. Это подало поводъ къ объясненію, въ которомъ высказано было множество завѣреній и обѣщаній. Слѣдуетъ признаться, что графъ Безбородко имѣетъ рѣдкія достоинства: его можно упрекать развѣ за лѣность и за лицъ, терпимыхъ имъ около себя. Я не надивлюсь этимъ людямъ, которыхъ Трощинскій называетъ дикій народъ: они ровно ничего не дѣлаютъ, а только пьютъ, ѣдятъ и постоянно торчатъ на глазахъ у графа, который привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою домовую мебель. Многіе своею неотступностью навязали публикѣ убѣжденіе, что они пользуются самымъ близкимъ довѣріемъ графа, и это доставило имъ поддержку вліятельныхъ лицъ".

Сообщая въ этомъ же письмѣ мысль, что графъ Безбородко „въ не-

милости", Ростопчинъ вполнѣ раздѣляетъ убѣжденіе, что онъ скоро, по прежнему, займетъ мѣсто у престола: „Вы предусмотрѣли вѣрно, что вновь обратятся къ графу Безбородкѣ; и если считали, что онъ впалъ въ немилость, то поводомъ къ тому мнѣнію было добровольное удаленіе его отъ дѣлъ. Правда, его безпечность необъяснима, и образъ жизни его достаточно доказывалъ, что онъ ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться. Тонкіе политики увѣряли, что, потерпѣвъ неудачу въ честолюбивомъ замыслѣ захватить всю власть въ свои руки, онъ выжидалъ болѣе удобнаго случая для достиженія своихъ цѣлей. Другіе говорятъ, что онъ небрежно относился ко всему, предполагая скоро выдти въ отставку, и этотъ слухъ подтверждался высказаннымъ желаніемъ продать свой домъ, что̀ было принято за ловкій намекъ съ его стороны, чтобы получить увольненіе. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что графъ Безбородко, видя большую часть дѣлъ въ рукахъ у Зубова, счелъ за лучшее предоставить ему свободу дѣйствій, сохраняя при томъ свое вліяніе" [297]). Съ послѣдними словами Ростопчина нельзя не согласиться.

Наступавшій 1793 годъ графъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ.

Извѣщая племянника Г. П. Милорадовича о своемъ отъѣздѣ въ Москву, назначенномъ на 20-е декабря, графъ Безбородко говоритъ: „Въ Москвѣ насъ будетъ много. Со мною ѣдутъ: Василій Ивановичъ Левашевъ, Петръ и Терентій Петровичи [?], и Львовъ, а Осипъ Степановичъ [Судіенко] съ царскимъ старымъ войтомъ. Ратификаціи по Польскому раздѣлу размѣнены. Сверхъ 4,000 червонныхъ каждому полномочному, наградили насъ Пруссаки табакерками съ огромною и широкою своею персоною, такими, что, положа въ сравненіи съ Вѣнскими, онѣ сущія курфирстскія, а не королевскій подарокъ. Дюваль [придворный брилліанщикъ] оцѣнилъ графа Остермана въ 5,300 рублей, мою 4,900, Моркова 3,500, а Кобенцелеву въ 3,800. Не разшибся же его величество! Послѣ завтра мѣняемъ мы ратификаціи на тройной союзъ съ императоромъ и Англіею. Говорятъ, и тутъ будутъ денежные подарки, а послѣ и вещи, но не табакерки. Я бы всего лучше счелъ картины; но все хорошо" [298]).

Пока графъ Безбородко ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что онъ намѣренъ уѣхать за границу. Храповицкій, отмѣтивъ подъ 23-мъ декабря о заграничномъ отпускѣ, данномъ на годъ графу А. Р. Воронцову, продолжаетъ: „Графъ Безбородко мнѣ сказывалъ, что онъ [Воронцовъ] уже не возвратится, да и самъ онъ [Безбородко] поѣдетъ къ водамъ, коль скоро тамошнія мѣста очистятся, т. е. посмотря что̀ сдѣлаетъ будущая кампанія противъ Французовъ" [299]).

Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для графа Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжкой болѣзни, отъ которой едва оправился и о которой писалъ Милорадовичу 20-го января 1793 г.: „Завтра рано возвращаюсь въ Петербургъ, проживъ больной четыре недѣли и на силу оправившися“ [300]).

По возвращеніи въ Петербургъ, графъ Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, выражаясь его словами, „въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ въ публикѣ“.

Положеніе свое за это время, Безбородко очертилъ подробно въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, 27-го января 1793 года: „Ваше сіятельство съ настоящимъ курьеромъ получите, по крайней мѣрѣ, полное разрѣшеніе какъ на случай дѣлъ Французскихъ, такъ и на случай искренняго расположенія Лондонскаго двора съ нами сблизиться. Заранѣе мы увѣрены, что коли только есть способъ и удобность, вы ничего не упустите и, конечно, достигнете связи, такъ давно желаемой и, по истинѣ, для насъ нужной и полезной; но заранѣе мы предвидимъ тѣ трудности, которыя вамъ встрѣтятся по случаю заключенной уже съ Пруссіею конвенціи о раздѣлѣ Польскомъ. Я знаю, что ваши мысли не вовсе одобряютъ сію мѣру, и что усиленіе короля Прусскаго главнѣйше опорочиваетъ предъ вами сей планъ; но вѣрьте, что въ состояніи, до котораго дѣла доведены, не было способа распутать инако всѣ замѣшательства и что, по крайней мѣрѣ мы такъ свой удѣлъ расположили, что наша вещественная сила несравненный перевѣсъ передъ Прусаками дѣлаетъ. Землю вы знаете; такъ извольте взглянуть на карту. Черта наша есть отъ угла Семигаліи или отъ Друи на Двинѣ на Несвижъ, Пинскъ, Куніовъ, на уголъ Цесарской границы межъ Вышгородка и Новой Гробли, такъ что часть воеводствъ Новогродскаго, Виленскаго, Брецскаго и Волынскаго, весь повѣтъ Мозырскій, Речицкій, остальныя воеводства Полоцкое и Минское, Кіевское, Брацлавское и Подольское намъ достаются. Тутъ три милліона слишкомъ жителей; а въ части Прусской отъ Ченстохова чрезъ Раву на Солдау милліонъ съ небольшимъ, кромѣ Данцига, который чего-либо стоитъ. Дѣло невозвратное, но будетъ хорошее, если мы только умѣть будемъ имъ править. Мѣры наши взяты къ оборонѣ со стороны Порты, хотя бы и Французы, ее принудя, сами тутъ же вошли. Викторъ Павловичъ [Кочубей] уже поѣхалъ, а посолъ не прежде апрѣля на Днѣстрѣ будетъ.

„Все прочее вы, конечно, знаете по письмамъ графа Александра Романовича [Воронцова] и Аркадія Ивановича [Моркова]. Рѣшимость перваго удалиться весьма мнѣ чувствительна. Я знаю, что онъ для себя

то долженъ былъ сдѣлать; но служба и добро государства весьма отъ того потерпѣли. Совѣтъ, который иногда и при князѣ Потемкинѣ болѣе, чѣмъ прежній значилъ, сдѣлался теперь совершеннымъ пустыремъ. Ничто не дѣлается, ибо никто не оспоритъ, что графъ Александръ Романовичъ тутъ двигалъ всѣми дѣлами. О внутреннихъ и говорить нечего. Мы всѣ ихъ мало знаемъ, а каковъ нашъ министръ de justice et de finance [юстиціи и финансовъ, Александръ Николаевичъ Самойловъ], вы то вѣдаете. Хотятъ, чтобъ мы работали, но чтобъ въ публикѣ считали, что одинъ юный человѣкъ все самъ дѣлаетъ; и я могу вамъ признаться, что въ пущее время силы князя Потемкина, онъ меньше нынѣшняго, а я уже несравненно болѣе нынѣшняго значилъ. Сколько я лично теряю въ графѣ Александрѣ Романовичѣ, о томъ мнѣ вамъ и говорить излишнее есть. Но я взялъ свое намѣреніе дождаться конца Польскихъ дѣлъ и торжества мирнаго, а затѣмъ и по своей немощи, которой сильныя дѣйствія испыталъ я цѣлую осень, пролежавъ три мѣсяца съ ранами на ногахъ, поѣхать лѣчиться и, наконецъ, отдалить себя отъ весьма непристойной роли, которую я теперь представляю въ публикѣ. На справедливость вашу надѣюсь, что вы мое намѣреніе одобрите“ [301]).

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ отправленія этого письма въ Лондонъ, какъ труды посла нашего въ немъ по устройству сближенія Россіи съ Англіею увѣнчались успѣхомъ. 14-го (25-го) марта 1793 года, были заключены графомъ Воронцовымъ въ Лондонѣ двѣ конвенціи: одна торговая, а другая политическая о совмѣстномъ дѣйствіи Россіи и Англіи противъ Франціи. Съ мнѣніемъ о нихъ Екатерины II, вѣроятно, по ея порученію, графъ Безбородко писалъ къ послу 6-го апрѣля: „Третьяго дня по утру прибылъ курьеръ Львовъ и привезъ ваши депеши, отъ 15-го (26-го) марта. Я могу увѣрить ваше сіятельство, что государыня весьма довольна обѣими конвенціями, вами заключенными, что она искренно желаетъ, дабы соединеніе между имперіею ея и Англіею укрѣпилось самымъ тѣснѣйшимъ образомъ, и что отдаетъ полную справедливость вашимъ трудамъ и искуству. Все, чтò вы пишете о лордѣ Гренвилѣ, образѣ мыслей его и вообще о возвышенныхъ его качествахъ, отмѣнно принято за благо и потому болѣе, что большія и взаимно полезныя дѣла удобно съ такими только министрами и дѣлаются. Ратификаціи скоро посланы будутъ съ нарочнымъ; но не знаю, успѣютъ ли васъ извѣстить по тѣмъ пунктамъ, которые предлагаются г. Витвортомъ. Мы, конечно, не удалены по содержанію ихъ въ вопросѣ an? разнствуемъ же только въ quo modo? Но и тутъ постараемся соглашать обстоятельства нашего положенія и разныя уваженія съ тѣми чтò представляются съ другой стороны.

Вся наша публика очень обрадовалась сближенію нашему съ Англіею, и тутъ-то прямо открылась разность, съ каковою всѣ отъ мала до велика пріемлютъ участіе въ связи самой естественной“ [302]).

Черезъ недѣлю, 12-го апрѣля, курьеръ повезъ въ Лондонъ новое письмо графа Безбородки о политическихъ и придворныхъ дѣлахъ. „Курьеръ сей доставляетъ вашему сіятельству ратификаціи на заключенные вами два акта, но въ тоже время везетъ и самую трудную для васъ коммиссію, въ которой дай Богъ вамъ успѣть, хотя есть надежда, что при настоящемъ оборотѣ дѣлъ не дойдетъ до употребленія нашихъ войскъ на берегахъ Французкихъ. Графъ д'Артоа ѣдетъ, въ Пятницу, въ Ревель и намѣренъ скоро поплыть въ Англію. . . .

„Занятіе Польскихъ областей совершилось благополучно, и теперъ ожидаемъ только извѣстія изъ Каменца. Сей разъ всѣ почти магнаты сами усильно на присягу напрашиваются, и сомнительно, чтобъ кто-нибудь рѣшился не вступить въ подданство. Отъ графа Александра Романовича [Воронцова] имѣю вѣсть, что онъ здоровъ. Ожидаю нетерпѣливо послѣднихъ [чиселъ] мая, чтобъ во время поѣздки моей въ Москву навѣстить его въ деревнѣ.

„Положеніе мое точно таково, какъ я описывалъ вамъ и прежде. Я весьма желалъ бы, чтобъ меня въ покоѣ оставили при моихъ департаментахъ, а не обременяли-бы бездѣлицами, которыя ни съ чиномъ, ни со службою моею не согласуются, и которыя мнѣ только непріятности наносятъ. Все, что значитъ важное дѣло внутреннее идетъ чрезъ нововыдавшаго себя человѣка. Но какъ идетъ? Недвижимо, или же, буде выходитъ, то, по истинѣ, мнѣ иногда жаль изъ самой благодарности къ государынѣ и изъ привязанности къ отечеству. Что за выборъ людей! Напримѣръ, новой нашъ генералъ-прокуроръ. Другой—князь Юсуповъ, сговоренный теперь на вдовѣ Михаила Потемкина, которому навязали дѣлъ премного на шею, и теперь поручили ему съ Минихомъ и гр. Артеміемъ Ивановичемъ [Воронцовымъ] войти въ разсмотрѣніе о курсѣ и стараться его поправить. Сочиненія издаваемыхъ указовъ вы увидите изъ двухъ манифестовъ: одинъ отъ имени государева, а другой отъ имени Кречетникова. Я ручаюся, что еще государыня никогда подобныхъ не подписывала. Эти господа, не надѣяся на таланты свои, нашли другое средство себя необходимыми поставить, и именно дискредитировать прочихъ и представить нѣкоторый родъ опасности или сомнѣнія употребленія ихъ. Одинъ еще только иностранный департаментъ держится, что меньше изъ него выходитъ подобнаго, и что стиль и образъ веденія дѣлъ продолжаются тѣ самые, которые всегда служили къ чести нашего кабинета.

Графъ Николай Ивавовичь Салтыковъ, человѣкъ добрый, дѣятельный и ревнительный къ тому, чтобъ поправить разстроенное наше военное управленіе, не имѣетъ довольной твердости противу всякихъ дворскихъ явленій; онъ же и не пользуется никакимъ кредитомъ, да кажется и въ упадкѣ сего кредита немалое имѣла вліяніе его дружба съ нами. Быть можетъ что цѣлятъ [его] на мѣсто военнаго министра. Впрочемъ, ваше сіятельство, конечно, слышите о всѣхъ безпорядкахъ по сей части. Верте, что не иного рода мотовства, которыя въ существѣ мало значущи, а народу еще и пользу циркуляціею принесли, но расходы армейскіе и нынѣ подъ именемъ превышенныхъ и чрезвычайныхъ суммъ привели всю казну въ крайнѣйшее истощеніе.

„Курсъ нашъ очень низокъ, именно 22 или 22½ штивера. Банкрутства привели въ сомнѣніе многіе домы, и для сего-то пишетъ вице-канцлеръ, чтобъ вы взяли у банкира сумму, а на меня выслали вексель. Сей вексель въ туже минуту будетъ заплаченъ, ибо у насъ на почтѣ денегъ много. При мнѣ ихъ скопилось до того, что имѣемъ полмилліона въ банкѣ на свои пенсіи изъ процентовъ, построили преогромныя зданія въ столицахъ и во многихъ городахъ, употребляемъ на разныя дачи по коллегіи [Иностранныхъ Дѣлъ] до пятидесяти тысячъ, дали сто тысячъ червонныхъ на Польскія дѣла, да всѣ подарки за прошедшіе трактаты и еще ежегодно до трехъ сотъ тысячъ имѣемъ въ остаткахъ. Но все это не въ честь, и дай Богъ скорѣе убраться. Прощайте, живите благополучно и преуспѣвайте въ вашихъ подвигахъ, какъ до сего вы то дѣлали къ вашей славѣ и къ добру отечества. Вѣрьте, что моя къ вамъ преданность столь искренна, сколь и непоколебима“ [303]).

Приведенное письмо указываетъ на новый видъ интриги, употребленный для низверженія Безбородки. Это—„дискредитированіе“. Сдержанные тайные наговоры, перешли въ открытые; вѣроятно, если не самъ Зубовъ, то его приверженцы начали распускать молву о неспособности Безбородки вести дѣла и о допущенныхъ имъ, будто-бы громадныхъ промахахъ, въ родѣ не предохраненія отъ истощенія казны и т. п. До сихъ поръ Безбородко только наблюдалъ и противодѣйствовалъ интригамъ пассивно, осторожно. Друзья даже обвиняли его въ безпечности. Ростопчинъ 14-го апрѣля, 1793 года, писалъ въ Лондонъ: „Не знаю, на сколько графъ Безбородко заботится, или нѣтъ, о сохраненіи своего вліянія; но онъ обнаруживаетъ рѣдкую безпечность и, хотя, облеченъ первою ролью въ дѣлахъ, а кажется простымъ зрителемъ. Онъ устраняется, сколь возможно, и не покидая двора, ищетъ спокойствія. Онъ достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ; если бы ему возвратили власть, которую онъ имѣлъ то онъ

сдѣлалъ-бы во сто разъ болѣе добра, чѣмъ всѣ эти люди которые только стараются унизить весь родъ человѣческій и полагаютъ великое счастіе въ надменности и нахальствѣ“ [804]).

Самъ Безбородко тяготяся своимъ положніемъ при дворѣ и жалуяся, что на него взваливаютъ только “всякую дрянь и все, что влечетъ за собою непріятности“, въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, какъ надо думать, наканунѣ празднованія дня восшествія на престолъ императрицы, то есть 27-го іюня, 1793 года, въ день раздачи великихъ и богатыхъ милостей писалъ: „Вчера велѣно Попову заготовить о себѣ указъ, чтобъ до возвращенія Степана Ѳедоровича [Стрекалова] имѣть ему въ своемъ вѣдомствѣ всю комнатную сумму; но что всего страннѣе, государыня тутъ же ему сказала, что онъ тутъ войдетъ и въ дѣла заводскія. Я не знаю, какъ сообразить указы о кабинетѣ по горной его части, Сойմонову ввѣренной.

„Указы и росписи о награжденіяхъ выдутъ сказываютъ, завтра, и большая часть изъ нихъ подписана. Подобныхъ награжденій едва ли и при покойномъ было столько. Оба генералы получатъ по голубой лентѣ, тоже и Ржевускій. Генералъ-поручики: графъ Мелинъ, Ферзенъ и Косаковскій—Александра, Морковъ второй классъ военнаго ордена и бриліантовую шпагу, Буксгевденъ бриліантовую шпагу, Зубовъ чинъ генералъ-маіора и 3-й классъ военнаго ордена, Орловъ генералъ-маіоромъ, другой Зубовъ Николай, 3-й классъ военнаго ордена, тоже и бригадиръ Бенигсенъ. Полковники изъ городничихъ: Булгаковъ тотъ же классъ и потомственно 200 душъ; Грохольскій, экономіи директоръ Калужскій, курьеромъ присланный, 213 душъ и Салтыковъ маленькій крестъ и шпагу. Множество другихъ крестовъ одного и другаго орденовъ, сабли и чины не выше подполковника. Надобно знать, что въ прошедшій вторникъ я вскользь сказалъ, что награждать надобно людей и особливо, чтобъ они не думали что по смерти князя и ловкость къ тому и размѣръ были потеряны. Сіе весьма за благо принято, и мнѣ тогда же сказано, что по сему то правилу старалися выпустить и Анапское и Мачинское дѣла. Дай Богъ, чтобъ сего размѣра и правилъ держались и при мирномъ торжествѣ.

„Впрочемъ нельзя мнѣ похвалиться моимъ пребываніемъ. Все, что есть прямое дѣло, легко и съ удовольствіемъ дѣлается, отдается въ руки другихъ; всякая дрянь и все, что влечетъ за собою неприличности, на меня взваливается. Вѣритель, что, ища дѣла, часто я не нахожу съ чѣмъ идти? Да и когда вхожу, то нерѣдко примѣчаю, что одно нѣкоторое, можетъ быть, къ степени моей уваженіе удерживаетъ, что меня такъ какъ Храповицкаго не высылаютъ, хотя скука ясно видна. Курьера нѣтъ изъ

арміи. Драма еже случиться можетъ; ибо мѣста отъ Заславля до Дубна весьма лѣсисты, дефилями наполнены и къ оборонѣ способны. Тамъ уже далѣе чисто и открыто. Грохольскій привезъ актъ Литовской конфедераціи, по которому выбраны канцлеръ Сапѣга маршаломъ, а Касаковскій полнымъ гетманомъ. Первый и бискупъ князь Масальскій скоро въ Вильну будутъ, а теперь тамъ бискупъ Касаковскій" [305]).

Интрига враговъ Безбородки дошла до крайнихъ предѣловъ: „дискредитированіе" пыталось навести тѣнь на честное имя Безбородки, на его свѣтлый умъ и на его извѣданную добросовѣстность. Безбородко вообще былъ не изъ тѣхъ людей, которые молчать въ такія времена. Въ частности, всякаго бы на его мѣстѣ постигло опасеніе, какъ-бы „дискредитированіе" не привилось къ мыслямъ императрицы, которой мнѣніемъ и расположеніемъ Безбородко дорожилъ всего болѣе. Въ такомъ критическомъ положеніи графъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія отношеній, которыя появились между Екатериною и ея старѣйшимъ секретаремъ. Онъ рѣшился чистосердо изложить государынѣ свои мысли по поводу „тѣсно ограниченной сферы дѣлъ", въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: „Къ собственному вашего императорскаго величества прочтенію" Вотъ эта исповѣдь.

„Осьмнадцать почти лѣтъ продолжая службу мою при лицѣ вашего императорскаго величества, бывъ удостоенъ отличной вашей довѣренности, имѣвъ участіе въ исполненіи многихъ важныхъ и государству полезныхъ вашихъ намѣреній и получивъ толь отличные знаки монаршаго благоволенія, поставлялъ я себѣ за правило идти путемъ правымъ и быть во всемъ предъ вами откровеннымъ. Въ совѣсти моей убѣжденъ я, что не сдѣлалъ ничего вреднаго службѣ вашей или предосудительнаго чести моей. Время открыло, да и болѣе еще откроетъ, что всякое на счетъ мой порицаніе было только клевета, завистію и злостію на меня воздвигнутая. Въ таковомъ совѣсти моей спокойствіи, осмѣливаюся предстать предъ ваше величество съ чистосердечнымъ израженіемъ настоящаго моего положенія.

„Послѣ мира со Швеціею, возведенъ будучи вами на одну изъ первыхъ степеней, могъ я спокойно оставаться при лицѣ вашемъ, пользоваться довѣренностію вашею и трудами моими подъ вашимъ руководствомъ продолжаемы, споспѣшествовать исполненію дальнѣйшихъ вашихъ предположеній. Зная справедливость и щедроту вамъ сродныя, былъ я несомнителенъ, что, по заключеніи мира съ Портою и по совершеніи многаго,

что и тогда уже было предвидѣно, усердіе и труды мои не осталися бы тщетны. Въ семъ положеніи застигла вѣсть о смерти фельдмаршала князя Потемкина. Въ минуту полученія ея, вѣдая, сколько заботы она принесетъ вашему величеству и знавъ, что мирная съ Турками негоціація, въ самыхъ прелиминаріяхъ испорченная долговременнымъ срокомъ перемирія, новыми же по Кубанскимъ дѣламъ затрудненіями въ замѣшательство приведенная, не токмо продлиться, но и рушиться легко могла, рѣшился я представить мою готовность отправиться въ Яссы для руководства мирными переговорами. Ни безпокойства труднаго пути, для здоровья моего вредныя, ни неизбѣжность большихъ издержекъ, со званіемъ главнаго полномочнаго сопряженныхъ, ниже уваженіе, что, отлучаяся отъ двора, подвергаю себя жребію отсутствующихъ, кои часто теряютъ, не превозмогли надъ моимъ рвеніемъ угодить вамъ доставленіемъ отечеству мира, толико для него нужнаго. По пріѣздѣ моемъ, нашелъ я дѣло безъ начала и путеводства. Полномочные, имѣвшіе болѣе доброй воли, чѣмъ въ дѣлахъ пріобычки, ниже плана не сдѣлали, какъ трактовать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего, получивъ указъ объ открытіи переговоровъ, вступили они съ однимъ ультиматомъ въ рукахъ. По двумъ первымъ и ничего незначущимъ ихъ конференціямъ можно было предвидѣть и медленность, и малую надежду успѣха. По прибытіи моемъ негоціація взяла иное теченіе; но подробности ея извѣстны вашему величеству, и не одинъ разъ осчастливленъ я былъ изъявленіями вашего удовольствія. Случалися иногда въ теченіи дѣла сего критическія минуты, которыя предвѣщали возможность разрыва. Я и тутъ готовился, если бы только вамъ угодно было, остаться среди военныхъ дѣйствій, раздѣляя съ другими всѣ опасности, способствовать имъ, по мѣрѣ усердія и смысла моихъ и терпѣливо ждать времени къ совершенію возложеннаго на меня служенія.

„Сверхъ мирной негоціаціи, имѣлъ я отъ вашего императорскаго величества препорученіе по дѣламъ Польскимъ, которыя, при жизни князя Потемкина, ведены были чрезъ мои руки. Много мнѣ стоило труда удерживать пылкость и неосновательность Поляковъ, ко мнѣ тогда прибывшихъ, покуда успѣлъ я одержать миръ, безъ котораго и помышлять о Польшѣ было нельзя. Наконецъ, совершенъ сей миръ на томъ основаніи, какъ желали. Сверхъ прочнаго спокойства, имъ установленнаго, пользы, отъ него проистекшія, ощутительны. Какъ присоединеніе подъ державу вашу Крыма, Тамани и части Кубани было слѣдствіе мира Кайнарджійскаго: такъ, по истинѣ, настоящее, гораздо важнѣйшее того, пріобрѣтеніе можетъ почесться слѣдствіемъ Ясскаго мира.

„По милостивому пріему оконченной мною негоціаціи и по настоя-

тельному образу повелѣній, отъ вашего величества ко мнѣ присланныхъ о поспѣшеніи пріѣздомъ въ Петербургъ, имѣлъ я причину ласкать себя надеждою, что довѣренность ваша ко мнѣ не умалилася. По возвращеніи моемъ, я и паче удостовѣрился, что подвигъ мой вамъ былъ угоденъ. Ваше величество желали, чтобъ я паки за дѣла принялся; требовали, чтобъ я былъ точно на томъ же основаніи, какъ и прежде, чтобы не обинуяся о всемъ представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сему монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго, и по долгу благодарности. Я ссылаюся на все, чтò я докладывалъ по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и на мнѣніе мое, поданное о пользѣ и необходимости пріобрѣтенія Украйны и другихъ земель отъ Польши, какъ только первая къ тому удобность открываться начала. Если мнѣ казалося, что мои представленія не въ томъ уже видѣ и цѣнѣ принимались, какъ прежде я былъ осчастливленъ: то служило мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ, что я исполнялъ мою предъ вами обязанность, и что дѣла, о коихъ я писалъ, или говорилъ, производимыя въ исполненіе, приносили свою пользу. Не могу, однако, скрыть предъ вашимъ величествомъ, пользуяся дозволеніемъ вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ, толь тѣсно ограниченной, что я предаюся на собственное ваше правосудіе: сходствуетъ-ли она и съ степенью, отъ васъ мнѣ пожалованною и съ довѣренностью, каковой я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ многихъ дѣлъ уклоняться. Въ самомъ иностранномъ департаментѣ, гдѣ я, по высочайшей волѣ вашей, десятый годъ занимаю мѣсто втораго министра, встрѣчаются дѣла, которыя узнаю совсѣмъ посторонннимъ образомъ, какъ, напримѣръ, теченіе нынѣшняго сейма въ Гроднѣ—по Варшавскимъ газетамъ, а замѣшательства и затрудненія, тамъ происходящія, по запискѣ конференціи Прусскаго министра, хотя я знаю, съ другой стороны, что воля ваша была, дабы я оставался въ полномъ свѣдѣніи связи всѣхъ дѣлъ, и что при многихъ случаяхъ, ваше величество вопрошали о бумагахъ, на апробацію вашу взносимыхъ: видѣли-ли ихъ графъ Остерманъ и я?

„Всемилостивѣйшая государыня! Если служба моя вамъ уже неугодна, и ежели, по несчастію, лишился я довѣренности вашей, которую вяще заслужить послѣднимъ подвигомъ моимъ уповалъ, то, повинуяся достодолжно волѣ вашей, готовъ отъ всего удалиться; но если я не навлекъ на себя таковаго неблаговоленія, то льщу себя, что сильнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго уничиженія, и что будучи членомъ Совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ начальствомъ моимъ департаментъ почтъ и нося при томъ на себѣ

одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я, впрочемъ, всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самаго себя.

„Что до жребія моего по мирной негоціаціи и по слѣдствіямъ, изъ нея съ толикою пользою для государства проистекшимъ, касается, оный равно какъ и участь трудившихся въ той негоціаціи и прочихъ, подъ моимъ начальствомъ усердно и радѣтельно дѣла исправлявшихъ, осмѣливаюся препоручить монаршему правосудію и милости“ [306]).

Эту записку графъ Безбородко подалъ 30-го іюня 1793 года, въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Захара Константиновича Зотова. На другой день, 1-го іюля, Храповицкій записалъ: „По утру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана и къ графу Безбородкѣ возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ“.

Отвѣтъ Екатерины не отысканъ мною; но къ счастію, существенное содержаніе его вполнѣ занесено Храповицкимъ въ Дневникъ его подъ 5 іюля 1793 года: „Нездоровы“,—пишетъ Храповицкій. „Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать упомянутый на записку его собственноручный ея величества отвѣтъ. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія. Писано въ видѣ оправданія противъ графской записки со включеніемъ слѣдующаго: „Всѣ дѣла вамъ открыты; Польскій сеймъ отправляется публично и отвѣты къ Сиверсу или у васъ заготовляютъ, или вамъ и вице-канцлеру показываютъ, и я, при подписаніи, всегда о томъ спрашиваю. Но что̀ я сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана. Вы сами говорили о слабости здоровья своего и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ отклонялись, челобитчиковыми же, думаю, никто не занимается; ибо всѣ просьбы присылаются ко мнѣ чрезъ почтамтъ, какъ и вамъ извѣстно. Конечно тѣмъ, что когда вы не столь много обременены дѣлами, то можете имѣть время смотрѣть, чтобъ исполнились мои повелѣнія“. „Графъ мнѣ сказалъ, что послѣ сего никакого съ нимъ разговора не было“ [307]).

Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку графа Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его государыня вполнѣ понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ-же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей графа

Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и можно и стоитъ оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу графа Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтѣ также ясно просвѣчивается намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, императрица имѣетъ еще ближе его человѣка. Записка графа Безбородки и отвѣтъ ему Екатерины, надо думать, служили для него предметомъ глубочайшаго секрета, извѣстнаго лишь двумъ постороннимъ лицамъ: Храповицкому и Зотову. Неудивительно, потому, что друзья графа Безбородки не могли видѣть никакой перемѣны въ отношеніяхъ его къ императрицѣ. Въ этомъ именно смыслѣ графъ Ростопчинъ, извѣщая графа Воронцова, 6-го іюля 1793 года, о предпринимаемой графомъ Безбородкою поѣздкѣ въ Москву, писалъ: „Графъ Безбородко уѣзжаетъ послѣ завтра; его отсутствіе продлится мѣсяцъ, и онъ предполагаетъ посѣтить вашего брата. Ему поручено изготовить всѣ бумаги, относящіяся къ наградамъ по случаю празднованія мира. Онѣ до сихъ поръ не подписаны, и даже у императрицы никто не знаетъ, когда будетъ это празднованіе; нѣкоторые думаютъ, что послѣ свадьбы; а другіе, что прежде. Я вижу съ крайнимъ огорченіемъ, что графъ Безбородко удаляется отъ дѣлъ, и что единственно страсть и привычка къ пышности его удерживаютъ: онъ ничего болѣе не дѣлаетъ и ни о чемъ не говоритъ. Это я слышалъ отъ графа Завадовскаго. Когда я сообщилъ ему о моемъ ,намѣреніи ѣхать къ вамъ и о моемъ объясненіи по этому поводу съ графомъ Безбородкой, который ободрилъ меня и обѣщалъ уладить все въ два дня, графъ Завадовскій сказалъ мнѣ, что этого не будетъ, что графъ Безбородко, конечно, ничего не можетъ сдѣлать и ничего не сдѣлаетъ, и потому совѣтывалъ мнѣ обратиться къ г-ну Зубову. Нѣсколько жалкихъ людей злобно отзываются о графѣ Безбородкѣ, но его можно упрекать развѣ за излишнюю доброту. Все, что онъ сдѣлалъ хорошаго, уже забыли, а помнятъ только нѣкоторыя слабости, и еще выдумываютъ ихъ“ [308]).

7-го іюля графъ Безбородко отправился въ Москву, гдѣ строился у него громадный домъ, на который онъ полагалъ и свои досуги и лишнія деньги, гдѣ онъ легче, быть можетъ, переживалъ въ сообществѣ друга, графа А. Р. Воронцова, ослабленное значеніе, которыхъ въ недавнюю пору онъ пользовался у престола. Пріѣхавъ въ Москву, 10-го іюля, а 13-го іюля графъ Безбородко собрался ѣхать къ Воронцову и предварительно написалъ ему о своей поѣздкѣ: „Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву. Осмотрясь съ моими дѣлами и дождавшися будущей почты изъ

Петербурга, положилъ я въ Понедѣльникъ, то есть 18-го числа, отправится къ вашему сіятельству, и съ искреннею нетерпѣливостію спѣшить буду увидѣть васъ. Я не сдѣлалъ употребленія изъ матеріаловъ графа Семена Романовича [Воронцова], знавъ заранѣе, что поступилъ въ томъ согласно съ мыслями вашими, такъ какъ думалъ сходно тому и общій нашъ другъ Петръ Васильевичъ [Завадовскій]; не знаетъ про нихъ ничего Аркадій Ивановичъ [Морковъ]. Объ немъ и о всемъ прочемъ поговорить предоставляю до того часа, когда буду имѣть удовольствіе самолично удостовѣрить васъ о моей непоколебимой преданности" [309]). Княгиня Дашкова писала брату своему, по поводу поѣздки къ нему друга своего: „Я думаю, ты пріятно проводишь время, вслѣдствіе пріѣзда къ тебѣ графа Безбородки" [310]).

Освѣжившись путешествіемъ и отдохнувши отъ придворныхъ заботъ графъ Безбородко, 22-го іюля, изъ Москвы, писалъ къ графу А. Р. Воронцову, у котораго онъ побывалъ въ гостяхъ въ его помѣстьѣ подъ Владиміромъ, въ селѣ Андреевскомъ. „Возвратный мой путь былъ покойнѣе гораздо отъ того, что я выигралъ цѣлую ночь и передъ полуднемъ въ Москву пріѣхалъ. Не считая такъ скоро имѣть удовольствіе видѣть ваше сіятельство, я ласкаю, по крайней мѣрѣ, часто получать извѣстія о вашемъ здоровье и пользоваться вашими совѣтами, которыми всегда я, и къ лучшему, какъ по службѣ, такъ и собственно для себя, руководствовался. Въ исторіи, которая въ письмѣ А. Я. [Протасова] упоминается касательно брата моего, много смѣшано стараго, о чемъ я забылъ вамъ разсказать. Еще въ началѣ іюня, получены отъ него два представленія. Въ одномъ описывалъ онъ свои распоряженія о разныхъ для посла [Турецкаго] заготовленіяхъ, въ другомъ требовалъ онъ присылки десяти или пятнадцати тысячъ рублей бумаги для того, что сумма у него большею частію серебромъ, изъ коей велѣно давать тайно деньгами послу. Бумаги сіи посланы отъ капитула [графа И. А. Остермана], въ мое на дачѣ пребываніе, вмѣстѣ съ почтою. Не разумѣя ни дѣла, ни порядка, вдругъ заключили, что лошадей набрали много, а ихъ меньше, чѣмъ было у Игельстрома; что издержки могутъ быть очень велики, а онѣ условлены между двумя послами, то есть: что нашему тамъ, тоже и ихъ послу у насъ дается. Государыня мнѣ, по выходѣ великаго князя, сама о томъ сказала. Я сдѣлалъ сцену съ жаромъ крайнимъ, изъяснивъ прискорбіе, что она такъ худо о людяхъ думаетъ; что братъ мой—человѣкъ честный и, конечно, возвышеннѣе мыслями всякаго, кто могъ-бы ей дѣлать внушенія, для чести его поносительныя; что онъ не въ состояніи поползнуться на корысть; что онъ уклонялся отъ сей коммиссіи, переходя изъ дивизіи въ дивизію, и всегда

гдѣ дѣла чаялъ; что я на своей совѣсти имѣю, что не избавилъ его отъ сего дѣла, для котораго и онъ и я на пріуготовленія и остантаціи употребили мы своего вдвое болѣе противу того, что ея величеству угодно было ему пожаловать на подъемъ, и что она великую милость ему окажетъ, если теперь же освободитъ его отъ сего служенія; а онъ радъ во всякой арміи или дивизіи быть, покуда опять случай имѣть будетъ; что онъ служитъ не такъ, какъ многіе другіе, изъявивъ тому доводомъ охоту его къ службѣ, когда онъ, при Измаилѣ, сложивъ дежурство, пошелъ на штурмъ и тамъ получилъ рану претяжелую, отъ которой вынуто у него около сорока костей. Меня ласково унимали, чтобъ я не горячился и не толковалъ того въ худо; но я не вышелъ, не изъяснивъ по пунктамъ неосновательности всякаго тутъ сомнѣнія. Да и подлинно: нельзя лучше вести дѣла, какъ онъ его ведетъ, попавшися, по несчастію, подъ сіе иго. Симъ неудовольствовавшись, послалъ я съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ [Трощинскимъ] къ Зубову весьма сильное и горячее письмо. Онъ принялъ его ласково и обѣщалъ прочесть предъ государынею. Не знаю, сдѣлалъ ли то, ибо она ни слова мнѣ не сказала; а Самойловъ, имѣвъ письмо отъ брата моего объ ассигнаціяхъ же, не уступилъ ей толковать, что тутъ нѣтъ малѣйшей причины подозрѣвать, что онъ съ нимъ служилъ и зналъ его всегда, какъ благороднаго человѣка. Вы знаете, что въ мысляхъ ея трудно передѣлать взятыя однажды предубѣжденія. Съ того времени и не было ничто говорено; а я только внушалъ Моркову, чтобъ онъ добился, какой отвѣтъ сказанъ по моему изъясненію; но напрасно и ничего не могъ извѣдать. Послѣ того, два раза брали у меня объясненія по сему посольству: одинъ разъ чрезъ губернатора, который получилъ циркулярное письмо о лошадяхъ, на что ихъ такъ много; въ другой разъ — не поняли въ рапортѣ, сказано-ли о лошадяхъ-же, что марши не ускорены для того, дабы походомъ не изнурены были артиллерійскія, не перемѣняемыя до С.-Петербурга. Тутъ сочли, что это сказано о людяхъ, а не о коняхъ, и что ихъ пѣшкомъ ведутъ. Смѣшно, по истинѣ, что, не читая и не внимая, такъ оскорбляютъ людей; а братъ мой вздумалъ щеголять перепискою, извѣщая о всѣхъ подробностяхъ и всякую недѣлю присылая рапорты о людяхъ и деньгахъ. Кажется, однакожъ, что сія исторія при моемъ отъѣздѣ, не существовала. Съ половины іюня стали со мною обходиться получше въ наружности и подтверждали о скорѣйшемъ возвращеніи. Попову въ тотъ же день сказано, какъ я поѣхалъ, что я Богъ знаетъ за чѣмъ сію поѣздку предпріялъ, но что черезъ двѣ или три недѣли возвращуся. Храповицкій пишетъ ко мнѣ, что, за день до изданія манифеста она его спросила: когда я возвращуся? А какъ онъ от-

вѣчалъ: 3 или 4 Авгуса, то она молвила ему: Онъ меня оставилъ въ такую пору, когда весьма нужно было ему здѣсь быть и самъ то зналъ; а вотъ дѣла, которыя у меня на шеѣ, указывая бумаги о мирномъ торжествѣ и о прибавкѣ по кабинету облигацій. Ни Храповицкій, ни Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] не пишутъ, что выше говорено было въ письмѣ А. Я. Не смотря на отзывъ, я прежде своего сроку, то есть 31-го іюля или 1, либо 2 августа, отсюда не поѣду, развѣ точное получу приказаніе. Радуюсь я, между тѣмъ, что назначеніемъ торжества прибавится и мнѣ. Поповъ ко мнѣ пишетъ, что дѣлается въ политикѣ, отъ насъ сокрыто; а мои корресподенты пишутъ, что дѣла въ Польшѣ берутъ лучшій оборотъ. Делегація съ обоими дворами назначена, и инструкціи делегатамъ апробованы неограниченныя. Ни отъ Моркова, ни изъ канцеляріи графа Остермана экстрактовъ мнѣ не присылали изъ депешей, кои, по письму Храповицкаго, Вейдемейеръ отдаетъ въ канцелярію Зубову, такъ что онъ уже, то есть Храповицкій, дважды выбраненъ былъ, за тѣмъ поздно доставилъ почту для чтенія, которое производитъ самъ великій князь. Вотъ и мое письмо походитъ на такое же А. Я." [311]).

Слова, сказанныя о графѣ Безбородкѣ Храповицкому императрицею, показываютъ, что она считала графа необходимымъ для себя помощникомъ, отсутствіе опытности котораго составляло для нея чувствительный недостатокъ. Произнесенныя заочно и интимно, слова эти даютъ чувствовать, что императрица, въ это время, смотрѣла уже на графа Безбородку тѣми же глазами, какими смотрѣла на него въ минуты, когда писала ему отвѣтъ, т. е. считала его умнѣйшимъ и заслуженнѣйшимъ изъ всѣхъ царедворцевъ.

Возвратившись изъ Москвы ко двору, графъ Безбородко по прежнему вступаетъ въ отправленіе дѣлъ, которыя были близки императрицы; дѣлъ—по назначенію наградъ за Ясскій миръ и Польши. „Вчера,—писалъ онъ графу А. Р. Воронцову,—то есть въ Субботу, 19-го августа, я дѣйствительно дѣло о нашихъ деревняхъ кончилъ. Сколько краткость времени позволяетъ прилагаю вашему сіятельству записку примѣчательнѣйшихъ раздачахъ. Мой удѣлъ довольно огроменъ. Кромѣ того, число душъ по дѣлающейся нынѣ ревизіи гораздо превосходитъ въ росписи назначенное, ибо съ чиншевою шляхтою и жидами почти семь тысячъ составляетъ; доходъ показанъ хорошій, около сорока тысячъ рублей, да и въ 205-ти верстахъ отъ Кіева. Моркову досталося имѣніе очень хорошее, особливо лѣсами и мельницами; но онъ весьма золъ, что не дали ему просимыхъ имъ 4,800 душъ, ниже въ

Курляндіи огромныхъ деревень. Надобно знать, что государыня первоначально назначила мнѣ тоже, что опредѣлила было вице-канцлеру только 3,500 душъ, а Моркову 2,300 душъ, и надобны были большія усилія со стороны графа Зубова, чтобъ тутъ доставить перемѣну. Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] тѣмъ паче долженъ былъ быть доволенъ, что когда онъ и всего не болѣе 700 или 800 душъ желалъ, ея величество сама назначила ему 1,700 душъ, оставивъ ему выбрать, въ чемъ онъ и не ошибся, ибо его деревни приносятъ болѣе двѣнадцати тысячъ рублей. Всего имѣнія роздано 110,000 душъ. Рѣдко кому изъ государей удается въ одинъ день подарить капиталъ одинадцати милліоновъ; еще остается въ Литвѣ и староства, кои мало по малу въ казну посупаютъ, до 250,000 душъ; а сверхъ того, положено и у архіереевъ уніатскихъ восемь деревень для раздачи, наипаче малыми частями. Я весьма доволенъ своимъ жребіемъ.

„Дѣла наши съ королемъ Прусскимъ берутъ хорошій оборотъ. Наши на границѣ пріуготовленія и сообщеніе акта, съ Вѣнскимъ дворомъ заключеннаго, произвели доброе дѣйствіе. Король пишетъ государынѣ своеручно, предлагая свое желаніе отступиться отъ всего Сендомирскаго воеводства, оставляя только себѣ Краковъ съ нѣкоторою частію воеводства сего имени, да уголокъ не болѣе трехъ миль между Вислы и Буга, гдѣ Прага, для закрытія Варшавы. Мы настоимъ съ города Кракова и надѣемся, что, онъ спуститъ, а тамъ примемся убѣждать императора удовольствоваться тѣмъ, что Краковъ съ большею частію ему достанется. Дай Богъ сіе кончить и потомъ остаться въ покоѣ. Кажется и со стороны Персидской начинающіяся хлопоты отъ хана, котораго посланника покойный князь Потемкинъ такъ притѣснилъ, могутъ иной оборотъ сдѣлать; ибо сей ханъ, овладѣвъ большею частію Персіи, прислалъ къ Ивану Васильевичу [Гудовичу] чиновныхъ людей отъ своего визиря для объясненія по разнымъ его претензіямъ. Тутъ можно, искусно оказать и твердость и наклонность съ нимъ сблизиться, все успокоить и тѣмъ болѣе, что Турки, не желая видѣть настоящаго въ Персіи шаха, весьма удалены отъ связи съ нимъ, и самою разностію закона неповволяемаго. Въ Царьградѣ спокойно. Кочубей новую заслугу сдѣлалъ, выходивъ фирманъ у Порты, чтобъ подданные новыхъ нашихъ областей въ пошлинахъ трактовали, не яко Поляковъ, но по тарифу Россійскому“ [312]).

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатеринѣ II къ графу Безбородкѣ обнаружилось 2-го сентября 1793 года въ день, когда, совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго графомъ Безбородкою съ Турками Ясскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ

по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: „Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуется: похвальная грамота и масличная вѣтвь, да при томъ деревня“ [313]).

Въ самый день празднованія Ясскаго мира, графъ Безбородко, препровождая графу А. Р. Воронцову пожалованный ему въ этотъ день перстень, писалъ о проискахъ Моркова. „Скорость времени не дозволяетъ мнѣ распространиться въ моей съ вашимъ сіятельствомъ бесѣдѣ. Я предоставляю Дмитрію Прокофьевичу [Трощинскому], котораго государыня взяла къ себѣ въ секретари, и наградила деревнею, о всѣхъ милостяхъ публичныхъ вамъ сообщить, а самъ скажу только, что пристойность въ разсужденіи меня соблюдена, да и всѣ мои подчиненные почти пережалованы. Есть ли бы я не зналъ образа мыслей вашихъ, я бы представлялъ, что вамъ долженствуетъ быть чувствительно, что не отдали вамъ справедливости; всѣ отъ мала до велика такъ судятъ и удивляются.

„Морковъ обнаружилъ сего дня себя явно противу меня. Государыня, сдѣлавъ роспись и подписавъ ее, сама составила изъ нея экстрактъ дабы не обременить себя долгимъ стояніемъ. Хотя графу Николаю Ивановичу [Салтыкову], вице-канцлеру [графу Остерману] и Стрекалову даны деревни, также какъ и Моркову, но изъ всего штатскаго служенія оставила одного меня, въ экстрактѣ для провозглашенія съ трона. Морковъ три дни неистовствовалъ, чтобъ его не ровняли съ графами Салтыковымъ, Остерманомъ и другими, а на меня указывалъ, но тщетно и когда меня увидѣлъ то оказалъ мнѣ глупость, то есть, что мнѣ не поклонился, вздумалъ еще самымъ подлымъ образомъ Осипу Степановичу [Судіенко] и другимъ во дворцѣ съ крикомъ ругательно о мнѣ отзываться; твердить, что онъ мнѣ теперь явный непріятель и что онъ себя покажетъ. Вспомнилъ бы, кто вывелъ его изъ состоянія меньше чѣмъ Алопеусово и тому подобныхъ. Извините, что не могу болѣе писать отъ устали, а съ первою почтою то исполню, и вѣрьте моей привязанности и благодарности къ вамъ безконечнымъ“.

Обѣщаніе прислать съ первою почтою подробности о праздновании Ясскаго мира, графъ Безбородко исполнилъ на другой день, 3-го сентября. „Полагая на вѣрное,—писалъ онъ графу А. Р. Воронцову,—что Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] доставилъ вашему сіятельству роспись и всякія свѣдѣнія о пожалованіяхъ въ день мирнаго торжества, я ничего изъ того не повторяю; а только, зная, сколько вы по дружбѣ ко мнѣ

интересуетеся во всемъ, что меня касается, обременю васъ разсказомъ, заранѣе извиняясь въ скукѣ, вамъ нанесенной.

„Морковъ обнажилъ себя явнымъ мнѣ злодѣемъ, сопроводя такое обнаженіе самыми подлѣйшими поступками. Увѣряю васъ всею моею совѣстью, да вы и знаете, съ какою охотою я облегчаю дѣло всякое, относящееся до чьего либо удовольствія или суетности. Сколько ни настоялъ я, чтобъ полнѣе роспись была читана съ трона, потомъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, имена нашихъ товарищей графа Николая Ивановича, вице-канцлера и Стрекалова, а при томъ и Моркова самого, почтены были: государыня никакъ не согласилася; сама поставила знакъ, гдѣ значатся армейскіе генералъ-маіоры, означила крестомъ мое имя и потомъ наличные изъ кавалеровъ двухъ первыхъ орденовъ. Морковъ бѣгалъ къ графу Зубову; по соглашенію сего послѣдняго и по собственному моему желанію Державинъ докладывалъ по утру ея величеству; но она, принявъ съ серцемъ, велѣла Державину читать по сокращенной росписи, промолвивъ, что инако она не выдержитъ. Тутъ Морковъ Осипу Степановичу при нѣсколько стороннихъ во дворцѣ самымъ злоязычнымъ образомъ ругалъ меня, твердилъ, что его труды и заслуги то прямо значатъ, и, конечно, болѣе моихъ мнимыхъ; грозилъ, что онъ взячески платить старàться будетъ; и многое еще сіи люди и пересказывать мнѣ уклонилися. По прочтеніи росписи, когда услышалъ онъ, что братъ мой между своею братіею армейскими былъ провозглашенъ, разверзъ онъ пасть свою на сего невиннаго человѣка, ругая его безъ милости во всей публикѣ. Я не захотѣлъ тогда дѣлать исторіи съ симъ срамцомъ; занятъ будучи благодарностію и удовольствіемъ, что я самъ и многіе мои щедро взысканы были со стороны государыни. Радъ я, что онъ моего дому знать не будетъ. Но слыша, что онъ блеетъ и теперь неумолчно, намѣренъ я вынѣть брату его, который у меня бываетъ, а какъ кончатся праздники предупредить и государыню противъ злости на меня сего неистоваго человѣка. Подлое свое мщеніе началъ онъ на меня оказывать несообщеніемъ разныхъ бумагъ, какъ-то я свѣдавъ сего дня отъ старшаго моего сотоварища, что въ Вѣну посланъ вчера курьеръ съ инструкціею, дабы тамошній дворъ приступалъ къ конвенціи и гдѣ много нелѣпаго на счетъ короля Прусскаго насказали. Но Богъ съ ихъ дѣлами! Будетъ надобность, я поступлю какъ должно, а теперь меня заняли распоряженія по свадьбѣ [великаго князя Александра Павловича], которыя съ завтраго начинаются.

„Мало я сожалѣю о потерѣ всякой связи съ человѣкомъ неблагодарнымъ, котораго, какъ вамъ извѣстно, я вывелъ въ люди, а безъ меня

онъ бы назади Алопеуса остался; но мнѣ досадно, что и Петръ Васильевичъ [Завадовскій] невѣдомо почему тоже на меня негодуетъ. Ваше сіятельство знаете, какъ многія дѣла трактуются. Изъ первыхъ словъ примѣтивъ, что нѣтъ и въ мысли ему дать ни ленты, ни чина, я сдѣлалъ инструкцію о титулѣ графскомъ. Она пошла въ дѣло; но я и тутъ боюсь непріятностей для себя, ибо вопросъ настоялъ о Петрѣ Васильевичѣ и его дѣтяхъ, а у него родилася охота распространить сей титулъ и на братьевъ, и чрезъ Моркова сдѣлано о томъ предложеніе; но пусть такъ, хотя и побранятъ за лишнее, о чемъ и мысли не было. Сверхъ того, въ угодность Петру Васильевичу, я старался включить брата его кавалеромъ по второму классу Владиміра, и дѣло почти совсѣмъ рѣшено было, какъ вдругъ вздумалося Петру Васильевичу чрезъ генералъ-прокурора [А. Н. Самойлова] стараться достать ему Анненскую ленту. Признаюся, что я всѣ предвидѣлъ затрудненія; но Самойловъ увѣрялъ, что государыня приняла его записку. Я по сему поводу, дѣлая таковую же и о другихъ кандидатахъ, внесъ его имя; но за два дня до праздника снесены ко мнѣ всѣ бумаги съ подписью своеручною заготовить, а о кавалерахъ Анненскихъ возвращена записка безъ резолюціи въ числѣ отложенныхъ съ опасеніемъ, что ея величество сама написала кому слѣдовало и гдѣ Якова Васильевича [Завадовскаго] не было. Тутъ я опять обратился требовать для него ордена св. Владиміра; но въ отвѣтъ получилъ, что 2-ое сентября еще не послѣдній день и не преставленіе свѣта, слѣдовательно и обождать можно. Тоже сказано и Александру Николаевичу [Самойлову]. Петръ Васильевичъ считаетъ, что я не прилежно и не усердно старался, такъ какъ и скупость въ раздачѣ крестовъ по банку тому же приписываютъ; но я, право, не виноватъ и спокоенъ въ совѣсти моей. За симъ надобно вамъ сказать и о капитулѣ [графѣ И. А. Остерманѣ], что онъ своимъ жребіемъ и мною недоволенъ. Онъ желалъ имѣть деревню, три тысячи на столъ на мѣсяцъ и чинъ канцлерской. Кричатъ, что его служба ни во что не поставлена; сердятся, что Вейдемееру дали аренду безплатежную по смерть, а не деревню, и что не сдѣлали его правителемъ канцеляріи Совѣта; что одного только Брискорна произвели, а не дали многимъ его секретарямъ прибавокъ и крестовъ; что дано на всю коллегію десять тысячъ на раздѣлъ. Но я принужденъ былъ на него не кричать и не изъяснять разности моего тутъ положенія, чѣмъ и сдѣлалъ его потише и по ласковѣе.

„Недостало сихъ заботъ, нашла было на меня новая. Наканунѣ торжества, садяся въ карету, получилъ я письмо отъ фрейлины Нелидо-

вой съ приложеніемъ пакета государынѣ, который я и отдалъ; на письмѣ ея учинена резолюція собственноручная: увольняется, и велѣно 3-го сентября къ ней за печатью кабинетною доставить. Въ обѣдъ получилъ я отъ Нарышкина письмо, за куріозъ при семъ прилагаемое: оно того стоитъ, равно какъ на тоже письмо и мой отвѣтъ [314]). Хотя при представленіи приняли меня холоднѣе противъ обыкновеннаго, но Нарышкинъ сказывалъ, что весьма успокоился; да мнѣ и нужды нѣтъ. Впрочемъ, пишетъ вамъ корреспондентъ [Александръ Яковлевичъ Протасовъ], который, кажется, теперь покоемъ и жребіемъ, ему предстоящимъ, доволенъ.

„Теперь скажу о себѣ, что я намѣренъ посмотрѣть, какъ далѣе пойдетъ дѣло. Меня не занимаютъ бездѣлицами больше, и я радъ жить покойно. Изъ благодарности и пристойности мнѣ теперь надобно остаться на нѣкоторое время; а тамъ посмотримъ. Думаю я, однакоже, зимою съѣздить на мѣсяцъ въ Москву.

„Турки шумятъ о тарифѣ. Мы имъ будемъ отвѣчать твердо, но не провокируя разрывъ. Забылъ вамъ сказать, что и Поповъ сердится на меня, для чего ему не дали деревень. Прочіе же всѣ довольны [315]). Въ этотъ же день, т. е. 3-го сентября, графъ Безбородко, между прочимъ, писалъ В. П. Кочубею: „Торжество мира совершилось 2-го сентября, то есть вчера. Нѣтъ времени сообщить вамъ всѣ его подробности, а только скажу вкратцѣ, что въ разсужденіи меня наблюдено довольно пристойности. Мнѣ сказано было за нѣсколько дней, что праздникъ сей есть мой“. Перечисливъ затѣмъ пожалованныя ему награды, графъ Безбородко продолжаетъ: „Сіи послѣдніи [деревни] никому еще поимянно [не] назначены, для того, что ожидаютъ вѣдомостей; да и я не скучаю, бывъ доволенъ, что съ такимъ приличіемъ сохранены всѣ наружности“. Въ концѣ письма графъ Безбородко называетъ лицъ, получившихъ награды и добавляетъ: „Всѣ конгрессные Ясскіе пожалованы по моему представленію, такъ какъ и моя канцелярія и часть нашей коллегіи“ [316]). Въ письмѣ же къ матери, отъ 8-го сентября, графъ Безбородко объясняетъ такъ значеніе полученной имъ за Ясскій миръ масличной вѣтви, что она, „яко знакъ мирный, дана для ношенія на шляпѣ, которая цѣною стоитъ до 25,000 рублей“ [317]).

Самъ графъ Безбородко видимо былъ доволенъ наградами за свои труды по заключенію мира, но еще больше радовался тому, что „въ разсужденіи его наблюдено довольно пристойности“ [318]).

Черезъ недѣлю, 16-го сентября, графъ Безбородко просилъ Г. П. Милорадовича пріискать для него деревни, которыя ему обѣщаны были при празднованіи Ясскаго мира. „По сію пору вы, конечно, ознаком-

лися съ Польшею, намъ присвоенною, и для того въ состояніи найдется пособить мнѣ вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вы знаете, что въ день мирнаго торжества трактованъ былъ я и множество мнѣ принадлежащихъ весьма хорошимъ и пристойнымъ образомъ, и что въ числѣ награжденій, мнѣ сдѣланныхъ, положены мнѣ и деревни, о коихъ мнѣ сказано, что дадутъ ихъ въ сей новой землѣ. Прошу, по дружбѣ ко мнѣ, постараться выбрать тысячи три четыре душъ, чтобъ онѣ были значущія, а не дрянныя, не далекія; словомъ вы лучше вѣдаете, и напишите, ко мнѣ подробно. Вы можете открыть сіе Тимоѳею Ивановичу [Тутолмину].

XVI.

Сближеніе съ П. А. Зубовымъ. Третій раздѣлъ Польши. Курляндія. Сватовство Шведскаго короля. Комитетъ о перечеканкѣ мѣдной монеты.

Записка, поданная графомъ Безбородкою, 30-го іюня 1793 г., возстановила прежнія отношенія его къ императрицѣ. Въ предыдущей главѣ было замѣчено, что отвѣтъ государыни на эту записку давалъ графу чувствовать, что установившіеся при дворѣ новые порядки, направленные въ значительной мѣрѣ и къ облегченію его многосложныхъ трудовъ, должны оставаться неизмѣнными. Легко замѣтить также, что Екатерина желала считать и имѣть Безбородку своею правою рукою для всѣхъ важнѣйшихъ случаевъ и дѣлъ государственной жизни и, въ замѣнъ этого, ожидала отъ него уваженія къ неприкосновенности ея чувствъ и мыслей и, когда есть время, „наблюденія за исполненіемъ ея повелѣній". Такой именно характеръ и принимаютъ дальнѣйшія отношенія Безбородки къ императрицѣ и государственнымъ дѣламъ. Безбородко призывается къ участію въ важнѣйшихъ событіяхъ императорскаго дома и къ направленію крупныхъ дѣлъ государственной жизни.

Такъ, когда все приготовлено было къ бракосочетанію обожаемаго внука императрицы Екатерины, великаго князя Александра Павловича съ принцессою Баденскою, государыня назначила Безбородку шаферомъ къ невѣстѣ великаго князя, въ то время какъ шаферомъ августѣйшаго жениха былъ его родной братъ, великій князь Константинъ Павловичъ. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ ставитъ эту чрезвычайную милость императрицы къ Без-

бородкѣ въ связь съ обидою, причиненной ему Морковымъ. „Во время празднествъ по случаю мира, взбѣшенный тѣмъ, что въ спискѣ наградъ, прочтенныхъ съ престола, не упоминалось о пожалованіи ему земель, Морковъ пришелъ въ ярость, достойную грубаго мужика, свалилъ все на Безбородку, назвалъ его государственнымъ воромъ, лгуномъ и обманщикомъ, наговорилъ дерзостей Судіенкѣ, только что получившему орденъ св. Владиміра и, не довольствуясь этимъ, повторилъ всѣ свои ругательства въ присутствіи Завадовскаго, чтобъ тотъ передалъ графу Безбородкѣ. Императрица, узнавъ объ этой исторіи, разгнѣвалась на Моркова и выражаетъ свое неудовольствіе усугубленіемъ вниманія къ графу Безбородкѣ. Онъ держалъ вѣнецъ надъ головою великой княгини Елисаветы Алексѣевны при совершеніи брачнаго обряда. Вы знаете какъ дорожитъ графъ Безбородко внѣшними отличіями: ему очень польстило это“ [319]). Вѣроятно, этою же исторіею интересовался и графъ А. Р. Воронцовъ, которому сестра его, княгиня Дашкова, писала: „Въ послѣднемъ твоемъ письмѣ ты меня спрашиваешь, дружокъ, чѣмъ кончилась исторія Моркова съ Безбородкою. Мнѣ объ этомъ ничего неизвѣстно; только на балѣ у графа Николая Салтыкова, вице-канцлеръ обратилъ мое вниманіе на то, что они разговариваютъ между собою. Что же изъ этого, отвѣчала я? Видите ли, сказалъ онъ, прежде они не только не разговаривали, но и не кланялись другъ другу. Вотъ и все, что мнѣ извѣстно объ этомъ“ [320]).

Не прошло и недѣли послѣ радостнаго событія въ императорской семьѣ, какъ Безбородкѣ было пожаловано званіе оберъ-гофмейстера, 19-го октября 1793 года. Это званіе до Безбородки носилъ И. П. Елагинъ, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Екатерины II-й. Оно не было для Безбородки новымъ, такъ какъ оберъ-гофмейстерскія обязанности при торжественныхъ церемоніяхъ, на которыхъ присутствовала императрица, вмѣсто Елагина весьма часто исправлялъ Безбородко, будучи только гофмейстеромъ. Извѣстно, что Безбородко читалъ въ Казанскомъ и Никольскомъ соборахъ донесенія: о побѣдѣ при Кинбурнѣ, 17-го октября 1787 года, и о взятіи крѣпости Бѣлгорода, 14-го октября 1789 года [321]).

Полученіе Безбородкою оберъ-гофмейстерскаго званія произошло при непосредственномъ содѣйствіи всемогущаго Зубова. Желаніе императрицы сблизить фаворита съ заслуженнымъ секретаремъ исполнено съ той и другой стороны. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ о томъ къ графу С. Р. Воронцову, 6-го октября 1793 г.: „Графъ Безбородко написалъ къ графу Зубову письмо [322]), ходатайствуя о своемъ назначеніи и ссылаясь на свои заслуги. Этотъ послѣдній, человѣкъ молодой и соединяющій въ

себѣ всѣ званія покойнаго князя Потемкина (которому вчера была годовщина), пользуется безграничнымъ вліяніемъ" [323]).

Самъ графъ Безбородко о новомъ назначеніи, 20-го октября, сообщилъ графу С. Р. Воронцову лаконично, но за то сочувственно отозвался о горѣ Завадовскаго. „Смерть Елагина возвела меня на мѣсто оберъ-гофмейстерское, въ которомъ вчера я оставленъ.

„Скорѣе сего, конечно, дойдетъ до васъ извѣстіе печальное, что другъ нашъ графъ Петръ Васильевичъ потерялъ любимую свою дочь, отъ нарыва въ горлѣ скончавшуюся, ребенка, которымъ весьма его родъ занимался. Въ неутѣшномъ его и жены его состояніи я перетащилъ ихъ въ мой домъ, и теперь хотя и очень медленно, начинаютъ они приходить въ себя" [324]).

Друзья Безбородки неблагопріятно смотрѣли на его сближеніе съ фаворитомъ. А между тѣмъ это сближеніе вскорѣ отразилось и на усиленіи внѣ-придворнаго значенія Безбородки. Не далѣе какъ въ концѣ того же 1793 года, графъ Безбородко былъ избранъ въ „почетные благотворители С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта" [325]). Званіемъ такихъ „благотворителей" пользовались, не считая двухъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, только двѣнадцать государственныхъ сановниковъ, говоря документально „почтенныхъ знатными достоинствами особъ въ государствѣ". Ихъ обязанности состояли въ охраненіи интересовъ Совѣта и въ принятіи иногда на себя ходатайства по дѣламъ Воспитательнаго дома [326]), производившимся въ Сенатѣ, Сѵнодѣ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ послѣдствіи увидимъ, что С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ по своимъ дѣламъ обращался за помощью уже къ князю Безбородкѣ.

При дворѣ же, снискавъ прежнее расположеніе императрицы, Безбородко не могъ не обратить своего вниманія на великихъ князей Александра и Константина Павловичей и особенно сошелся, какъ самъ выражается, съ „новобрачнымъ дворомъ". Для „новобрачныхъ" графъ Безбородко устроилъ великолѣпный балъ. „Сегодня вечеромъ, — писала въ ноябрѣ 1793 года, княгиня Дашкова брату своему,—отправляюсь къ графу Безбородко, гдѣ будетъ тоже великій князь съ супругою" [327]) Балъ, данный графомъ Безбородкою, по отзыву бывшаго на немъ А. Я. Протасова, „былъ великолѣпенъ. Ихъ императорскія высочества остались весьма довольны, какъ баломъ и хозяиномъ, такъ, великолѣпными вещами, которыя они видѣли въ квартирѣ и любовались ими, а также и пиршенствомъ. Разошлись послѣ двухъ часовъ" [328]). Безбородко-же, 14-го января, 1794 года, писалъ объ этомъ къ племяннику, В. П. Кочубею: „Оба молодые великіе князья часто васъ вспоминаютъ, поручаютъ вамъ

кланяться и отзываются о васъ очень хорошо. Новобрачныхъ дворъ поставленъ теперь на весьма хорошую ногу. Обѣдать къ нимъ ходятъ всѣ знатнѣйшіе, пославъ напередъ сказать гофъ-фурьеру. Вчера я тамъ обѣдалъ съ графами Остерманомъ, Завадовскимъ и Стакельбергомъ. Всякій вечеръ составляютъ они бесѣду у государыни. Графъ Николай Ивановичъ [Салтыковъ] остался у нихъ по прежнему, Протасовъ также, графиня Шувалова изъ дамъ, кромѣ трехъ фрейлинъ, княженъ Голицыныхъ, да и весь дворъ ихъ хотя небольшой, однако собранъ изъ знати" [329]).

Въ концѣ февраля 1794 года, Безбородко вновь собрался посѣтить Москву, посмотрѣть какъ строился его „великолѣпный домъ", по плану архитектора Гваренги, и побѣседовать съ другомъ Воронцовымъ. По поводу предпринимаемой имъ поѣздки, графъ Безбородко 16-го февраля извѣщалъ графа Воронцова. „Пославъ письмо мое на прошедшей почтѣ къ вашему сіятельству, я вздумалъ воспользоваться зимнимъ настоящимъ путемъ поскакать въ будущую Середу, на первой недѣлѣ, то есть 22-го февраля, въ Москву, съ тѣмъ чтобы еще зимнимъ путемъ возвратиться. Два уваженія меня къ тому принудили: первое, что лѣтомъ можетъ быть не соберуся, а второе, что я продалъ свое Крымское владѣніе за хорошія деньги, пятьдесятъ тысячъ рублей, слѣдовательно, чтобъ употребить ихъ на окончаніе Московскаго дома. Слыша, что вы собираетесь на второй недѣлѣ ѣхать въ Андреевское, я ласкаю себя удовольствіемъ найти еще васъ въ Москвѣ, потому что въ Субботу, то есть 25-го, надѣюсь быть въ Москву" [330]).

Частыя отлучки графа Безбородки отъ двора въ Москву, ясно говорятъ что быть въ дали отъ двора онъ находилъ для себя болѣе удобнымъ; между тѣмъ есть свидѣтельство, что сближеніе съ Зубовымъ, на которое будто бы рѣшился Безбородко для усиленія придворнаго своего значенія, произошло именно въ такой формѣ, въ какой желала императрица. Безбородко вступилъ въ сношенія по дѣламъ съ Зубовымъ и за это получилъ завѣдываніе ими. Въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 28-го мая 1794 года, графъ Ростопчинъ говоритъ, что Безбородко, вступившій опять въ завѣдываніе дѣлами, нерѣдко принужденъ ходить къ Зубову съ бумагами, въ которыхъ тотъ иногда дѣлаетъ поправки. „Графъ Безбородко самъ по себѣ никогда не будетъ опасенъ для тѣхъ, кто захочетъ овладѣть исключительнымъ вліяніемъ: онъ слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ и въ тоже самое время слишкомъ увѣренъ въ своей полезности, чтобы стѣснять себя и хвататься за власть, которую онъ столько разъ имѣлъ въ рукахъ" [331]).

„Полезность" графа Безбородки, дѣйствительно была видна, во всѣхъ

государственныхъ вопросахъ. Такъ и въ описываемое время устранено было имъ затрудненіе, возникшее для Россіи, по Польскимъ дѣламъ, въ основѣ которыхъ лежала непосредственная мысль умнаго секретаря императрицы Екатерины II—занять Польшу Русскими войсками. Вотъ, что разсказывалъ графъ Безбородко другу своему Воронцову, по возвращеніи изъ Москвы, въ трехъ письмахъ, отправленныхъ одно за другимъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, о Польскихъ дѣлахъ. „Въ минувшее Воскресенье пріѣхалъ я въ Петербургъ, имѣвъ противу чаянія до Волдая въ санную, а оттуда на колесахъ покойную дорогу. На пріемъ я жаловаться не могу, такъ какъ и на все до сего происшедшее. Государыня любопытствовала видѣть планъ моего дома, и нашла его хорошимъ и огромнымъ. Дѣла засталъ я по нашей части весьма затруднительными. Польскія, которыя можно считать апанажемъ новыхъ нашихъ министровъ, расклеиваются возникшимъ недавно бунтомъ, въ коемъ бригадиръ Мадалинскій съ толпою реформированныхъ войскъ, къ коимъ, кажется, пристаютъ довольно, открылъ свои дѣйствія главнѣйше противу Пруссаковъ, тутъ же и противу насъ; а въ самое то время извѣстный Костюшко, забравшися въ Краковъ, объявилъ себя главнымъ начальникомъ вооруженной народной силы, обнародовалъ манифестъ точно по Французскимъ правиламъ, ни слова о королѣ не упоминая, учредилъ трибуналъ, и уже въ Краковѣ повѣсилъ одного изъ новыхъ кастеляновъ, яко партизана нашего. Теперь пошли войска наши и Прусскія, кои король отдалъ въ диспозицію г. Игельстрюма; но странно, что у насъ думаютъ, будто бы можно симъ воспользоваться противу Пруссіи. Костюшко въ манифестѣ своемъ велитъ не прикасаться границамъ Австрійскимъ и собственности подданныхъ императора Римскаго. Естьли не ускорятъ его захватить и взять Краковъ, то дѣло сіе весьма серіознымъ учиниться можетъ, ибо Варшава и вся почти Польша въ ферментаціи. Я видѣлъ письмо конфидентное Билера къ Попову, гдѣ онъ признается, что у насъ тамъ нѣтъ ни партіи, ни связи. Когда насъ съ вице-канцлеромъ спрашивали о мнѣніи по симъ дѣламъ, отъ насъ было сказано: скорѣе и не ставя въ шутку дѣло, при началѣ, самыми сильными мѣрами его утушить, а чтобъ Поляки впредь были не вредны, взять у нихъ въ Варшавѣ арсеналъ съ пушками, по взятіи Кракова себѣ же присвоить артиллерію, да словомъ и вездѣ Поляковъ сдѣлать безъ пушекъ и лишняго огнестрѣльнаго оружія, кромѣ положеннаго у нихъ по необходимости количества войска, сверхъ того не платить и за хлѣбъ. Кажется, что наши мѣры признаны насильственными, а между тѣмъ внушено Кобенцелю, что теперь бы было время имъ ввести свой

гарнизонъ въ Краковъ. Вы сами знаете, какъ посмотритъ на то король Прусскій, ежели они покусятся на подобный шагъ.

„Дворъ Вѣнскій наслалъ своему послу предписаніе приступить къ нашей конвенціи, ежели мы дадимъ ему актъ хотя письмомъ своеручнымъ государскимъ, обѣщая не препятствовать, а паче способствовать удовлетвореніемъ его (нашимъ соразмѣрнымъ) на счетъ Франціи; при невозможности же того одержать, ежели императоръ удовлетворитъ себя на счетъ Венеціи, а другая держава атакуетъ его, чтобъ мы составили защиту, распространяя заранѣе артикулъ для Порты учиненной и на короля Прусскаго, и для того, чтобъ мы держали до ста тысячъ человѣкъ войска въ Польшѣ. Морковъ старается выходить имъ по желанію, и сказывалъ мнѣ, что кромѣ послѣдняго все можно сдѣлать; но потребовать, чтобъ и Вѣнскій дворъ заранѣе въ запасъ согласился о Молдавіи и Валахіи. Но мнѣ кажется, что тутъ тянутъ дѣло, такъ какъ и въ Англійской негоціаціи, которая останавливается на двухъ пунктахъ, Витвортомъ предложенныхъ: первомъ, чтобъ и въ случаѣ войны съ Турками оставить имъ вспомогательный корпусъ, выговоря отъ нихъ взаимство пособія, и второмъ, чтобъ мы употребили наши силы морскія къ пресѣченію подвоза отъ Даніи и Швеціи съѣстныхъ и военныхъ припасовъ во Францію. Намъ велѣно дать мнѣніе, и я видѣлъ при разсужденіи, вчера бывшемъ, что нашъ заносчивый товарищъ, чѣмъ далѣе запутываетъ дѣла, тѣмъ паче онъ теряетъ голову; а при томъ выявилъ и сіе, что онъ и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ или вредѣ государства, инако не хочетъ говорить, какъ подлаживая времяннымъ затѣямъ, хотя, впрочемъ, сказалъ онъ мнѣ, что наше мнѣніе подпишетъ въ очищеніе и себя собственно. Мы на сихъ дняхъ подадимъ, и я вашему сіятельству его доставлю, а заранѣе только скажу, что послѣднее Англинское требованіе, касающееся до Даніи и Швеціи, для насъ суще невозможное, ибо флотъ нашъ далѣе сентября держаться въ морѣ не въ состояніи, а замедливъ при Зундѣ, гдѣ намъ искать портовъ, ежели и Датчане намъ непріятели? Обѣ сіи державы вооружаютъ каждая до 12-ти кораблей, а Швеція и армейской свой флотъ готовить приказала, изъ чего не трудно заключить, что обстоятельства для союзниковъ, а для насъ наипаче, не самыя выгодныя открыться могутъ.

„Я отправляю къ рейсъ-ефендію мой отвѣтъ съ отказомъ по тарифу и со внушеніемъ противъ Шведовъ и Французовъ. Здѣсь я долженъ помѣстить анекдотъ, до Моркова касающійся и доказующій его противу меня злость. По моемъ отъѣздѣ докладывано ему, по моему порученію, что Яковлевъ посланъ отъ меня первымъ драгоманомъ въ Царьградъ и

какъ теперь Пизанію велѣно сюда совсѣмъ возвратиться, то чтобъ уже Яковлеву полное его жалованье получать, онъ изволилъ со гнѣвомъ возразить: „Долго ли ему въ визиряхъ быть? Пора бы уже сей характеръ сложить“. Спустя нѣсколько дней, былъ онъ деконсентрированъ, когда государыня, по прочтеніи письма ко мнѣ рейсъ-ефендіева, сказала: Пошлите все это къ нему; онъ ихъ лучше знаетъ и съ ними велъ переписку. Хорошо, когда бы онъ скорѣе сюда воротился; однако буде зачѣмъ нельзя то пусть составитъ отъ себя отвѣтъ и сюда пришлетъ. Сверхъ того, я долженъ прибавить, что и въ самую болѣзнь вице-канцлера далеко было отъ того, чтобъ ему вдругъ помышлять ступить на главное мѣсто. Многія дѣла, правда, для выигранія времени велѣно было точно отложить до выздоровленія графа Остермана и до моего возвращенія, да и никакой функціи, ниже представленія иностранныхъ на него не возлагали, кромѣ пріему министровъ, когда они къ нему сами адресовалися. Графство его также au suspens, и всего примѣчательнѣе, что Зубовъ въ письмѣ своемъ къ графу Остерману говоритъ, что ея величество касательно меня предоставляетъ будущему своему соизволенію. О Морковѣ же не сказано ни словомъ. Не думайте, чтобъ я, основываясь на пустыхъ надеждахъ, хотѣлъ себя тѣмъ утѣшать и продолжать свою непріятную роль; вамъ извѣстна эпоха, до которой я откладываю, а какъ скоро дадутъ обѣщанныя за миръ деревни, тогда и рѣшу свой жребій; но сія дача еще тянется за разными справками“.

Во второмъ письмѣ графъ Безбородко писалъ: „Не знаю писалъ-ли я къ вашему сіятельству о безпокойствахъ, въ Польшѣ родившихся, о которыхъ я узналъ только въ день моего сюда возвращенія; но скажу впрочемъ, что съ самаго начала дѣла сіи показалися мнѣ весьма серьозны, хотя здѣсь ихъ ни во что ставили и льстили себя, что Поляки стремятся на Пруссаковъ, а противу насъ и подумать не смѣютъ. Между тѣмъ, начались ошибки, и разбитіе деташамента генералъ-маіора Тормасова Костюшкою, въ которыхъ послѣдній показалъ при искуствѣ своемъ и немалую уже силу партіи своей, начало немного открывать глаза. Таивъ дни три сіи вѣсти (хотя я въ тотъ же день свѣдалъ), разсудили за благо ее сообщить. Государыня призвала меня, требовала моего разсужденія и велѣла показать всѣ отправленныя повелѣнія. Въ сихъ послѣднихъ не нашелъ я ничего кромѣ подробностей, которыя, выходя изъ пера неискуснаго, скорѣе могли запутать мелочью начальника, чѣмъ разрѣшить его недоумѣніе. Съ того времени чаще стали со мною по дѣламъ, изъясняться хотя г. Морковъ большою частію все

мнѣ сообщалъ après coup. Между тѣмъ, дѣла приходили въ пущее замѣшательство, открылся мятежъ въ Самогиціи и части Литвы, а потомъ коснулося и до нашихъ границъ; по крайней мѣрѣ нашлися изъ новыхъ нашихъ подданныхъ бездѣльники, которые были съ мятежниками въ перепискѣ, иные же и на проповѣдь готовилися, а иные по оговору ихъ въ Варшавѣ бросилися было бѣжать, но пойманы и теперь въ Смоленскѣ судимы будутъ. Всего сего недовольно! Когда здѣсь, по письмамъ конфидентовъ, извѣщалися, что и въ Варшавѣ духи возмущены, были весьма спокойны и увѣрены, что Игельстромъ удержится, имѣя будто много войска съ собою. Слѣдствія оказали противное. Въ Варшавѣ, въ самый Великій Четвергъ, открылся бунтъ, въ 4 часа по утру. Наши были сюрпренированы. Поляки тотчасъ заняли арсеналъ и не дали баталіонамъ нашимъ собраться. Стрѣляли изъ оконъ, изъ пушекъ до улицамъ. Словомъ, Игельстромъ насилу спасся съ Апраксинымъ, Писторомъ и графомъ Зубовымъ, съ 30 офицерами и съ 1200 рядовыми, и то пособствуемы въ ретирадѣ своей 700 пѣхоты и 300 конницы Прусской, которые по выстрѣламъ, бывъ близко, прибѣжали и сдѣлали нѣкоторыя демонстраціи. Мы тутъ потеряли 3000 человѣкъ, множество офицеровъ, 40 пушекъ, всю архиву, сервизъ и немного денегъ, и больше ихъ нѣтъ у насъ. Въ самое то время войска, стоявшія противу Праги и въ самой Прагѣ, по сигналамъ бунта, собралися какъ могли. Провіантской генералъ-маіоръ Нивицкій хотѣлъ было ими подкрѣпить Игельстрома, но уже всякую удобность нашелъ отрѣзанную, и для того въ великомъ порядкѣ ретировался съ казною провіантскою, канцеляріею своею и съ людьми до 1800 человѣкъ къ Вагенбургу [къ мѣсту сбора повозокъ], потомъ съ обозомъ своимъ и далѣе къ Прусскимъ войскамъ. Мятежемъ предводительствовалъ генералъ Мокрановскій, сынъ вамъ извѣстнаго. Король волею или неволею присталъ тутъ же. Первые выстрѣлы началися изъ дому madame de Cracovie. Вы не повѣрите, какой конфузіи наполнены Игельстромовы донесенія. Что̀ знаемъ, то изъ рапортовъ Прусскихъ и Новицкаго. Ильгельстромъ потерялъ голову и просится прочь. Говорятъ, что Апраксинъ послалъ было трубача сдаваться, но по счастію сего трубача убили изъ окна. Хотятъ у него брать отвѣты. Сухтеленъ, Милашевичъ, бригадиръ Бауръ, и полковникъ князь Гагаринъ осталися въ полону. Сего недовольно. Въ тоже время въ Вильнѣ произошло также непріятное дѣло, доказующее наше невѣжество и оплошность. Генералъ Арсеньевъ, разставивъ команду свою по деревнямъ, самъ со многими штабъ и оберъ-офицерами жилъ при 272 человѣкахъ и 2-хъ пушкахъ въ Вильнѣ, надѣясь на гетмана Косаковскаго и его войско. 12-го апрѣля по полуночи войска и жители взбунтовалися и

кинулись, нашихъ частію побили, частію побрали, а гетмана и Арсеньева со всѣми офицерами почти сонныхъ взяли и въ монастырь въ заключеніе посадили. Дѣла дошли до ужаснаго разстройства. Поручена теперь команда князю Репнину, прибавлено войска и даны новыя наставленія. Государынѣ угодно было, чтобъ я вошелъ въ распоряженія; и теперь всѣ дѣла начали идти съ Совѣтомъ вмѣстѣ, а самыя секретныя и времени нетерпящія чрезъ насъ троихъ вмѣстѣ, разумѣя графа Салтыкова, графа Зубова и меня. Но много времени надобно, чтобъ все пришло въ порядокъ. Между тѣмъ, король Прусскій, по полученіи извѣстія о всемъ, оставивъ свою главную армію подъ командою фельдмаршала Мелендорфа, самъ особою своею рѣшился вступить въ Польшу съ другою арміею въ 40,000 человѣкъ и прислалъ сюда Нассау съ письмомъ къ государынѣ, требуя соглашенія о планѣ операціи. Нашелся прежній, дабы, по внушенію нашего третьяго члена [А. И. Моркова], который теперь гораздо уже глаже сталъ было дѣйствовать, чтобъ заключить короля Прусскаго по ту сторону Вислы, и то еще не допуская до Варшавы; но, наконецъ, приняли наше мнѣніе, чтобъ князю Репнину сперва обезпечить границы и потомъ очистить Литву, въ Самогиціи же съ пособіемъ Прусскимъ; а отъ короля требовано, чтобъ онъ прямо устремился на Варшаву, въ то время когда отражаемые отъ графа Салтыкова корпусы будутъ содѣйствовать утушенію мятежа отъ стороны Волыни и Бресца. Я убѣдилъ о Варшавѣ тѣмъ болѣе, что ежели и быть Польшѣ, то резиденцію оттуда вынесть должно въ Гродну или Вильну. Велѣно провіантъ, фуражъ и все брать безденежно, а только съ порядкомъ, имѣнія секвестровать, съ городовъ собирать поборы и контрибуціи, а въ нашихъ новыхъ земляхъ приказано описать всѣ имѣнія Чарторижскихъ, Понятовскихъ и всѣхъ къ бунту прилѣпившихся; войска Польскія, къ намъ перешедшія, стараться кассовать, ибо они оказалися очень невѣрны, зачали было бѣгать и грабить.

„Ваше сіятельство знаете по сіе время о бунтѣ или заговорѣ, въ Неаполѣ бывшемъ, гдѣ съ 300 человѣкъ, въ томъ числѣ немало и знатныхъ молодыхъ повѣсъ, согласилися было увезть короля, королеву съ фамиліею и министровъ, и предать ихъ въ руки Французскія. Заговоръ открылся, и теперь идетъ слѣдствіе. Въ тоже время открылося и другое дѣло, насъ прямо интересующее. У насъ въ Италіи есть одинъ эмигрантъ, знатный, получше какъ видно всѣхъ нашихъ Эстергазіевъ etc., который имѣетъ въ Парижѣ сношенія и даже шпіоновъ туда посылаетъ. Конфидентъ его возвратился и привезъ ему вѣрное извѣстіе, что одинъ Полякъ, именуемой Скорскій, съ двумя паспортами фальшивыми, одинъ подъ именемъ Прусскаго офицера и другой подъ названіемъ Пирамовичь, пріѣхалъ въ

Парижъ съ депешами отъ Костюшки. Для трактованія сихъ дѣлъ секретно уполномочены Robespierre, prieur deRaony, St. Just и министръ иностранныхъ дѣлъ Sorgues. Депеши Костюшки состоятъ въ томъ, что хотя и положено было по общему плану начать дѣйствія къ осени, когда Порта и другіе союзники будутъ готовы, но какъ государыня настоитъ на скорѣйшее уничтоженіе арміи Польской, которую однажды распустя собрать нельзя, а безъ нея и всякая революція неудобна, для того рѣшился онъ, Костюшко, открыть дѣло не отлагая. Онъ видитъ къ тому доброе начало, согласивъ болѣе 700 надежныхъ людей, которые не измѣнили ему секрета, прилагаетъ универсалы, кои вскорѣ опубликуетъ (и кои точно недавно обнародованы), проситъ не поставить въ худо, что долженъ для лучшаго успѣха пригласить короля à la tête de la revolution [во главѣ революціи], менажировать духовенство, яко сильное въ Польшѣ, и дворянство, чрезъ которое и дѣло сначала будетъ дѣлаться; но, что, давъ одинъ разъ хорошее теченіе, не трудно будетъ послѣ истребить всѣ сіи предразсужденія и установить совершенное равенство; что, хотя, онъ и станетъ дѣйствовать по силѣ открыто, но не меньше употребитъ способы сюрпренировать Россійскихъ по Польшѣ разсѣянныхъ, и нечаянно ихъ истреблять; что надѣется имѣть способы завести бунтъ въ Крыму и сжечь флотъ нашъ. Проситъ подвигнуть Порту скорѣе сдѣлать намъ диверсію, а при томъ, сверхъ присланныхъ ему милліона и трехъ сотъ тысячъ ливровъ, доставить еще до десяти милліоновъ. Говоритъ о Швеціи и Даніи, чтобъ и они не отлагали своихъ диверсій, и прибавляетъ, что онъ имѣетъ сношенія съ сими державами чрезъ Гамбургъ. Распространяется, что у насъ разстройство умножится еще болѣе въ случаѣ смерти государыни. Словомъ, сей злодѣй ничего не уступилъ, что только намъ вредно или предосудительно. Тутъ же намъ доставлены свѣдѣнія, что Швеція тревожится, дабы Порта не оказала себя рано и тѣмъ не осталася одна въ войнѣ на цѣлую кампанію, а мы, управяся тамъ, можемъ обратиться и въ другую сторону, и для того требуетъ, по крайней мѣрѣ, формальный концертъ между Франціею, Портою и Швеціею учиненъ былъ, къ которому надѣется она сверхъ Польши привлечь и Данію. Я забылъ сказать, что въ изъявленіяхъ Костюшки есть и то, что онъ въ доводахъ и примѣрахъ своихъ народу не можетъ упоминать о Французской революціи, опасаяся до времени суевѣрія націи, и что онъ не уклонится принять въ службу, конституціонистовъ. Тайный комитетъ принялъ всѣ его предложенія, обѣщалъ ему на первое время пять милліоновъ и письмами началъ переводить чрезъ Франкфуртъ, чрезъ домъ Бетмана, а иныя на Лейпцигъ, соглашается на употребленіе не только конституціонистовъ,

но и прямыхъ роялистовъ, полагая, что они, какъ голодные, рады имѣть хлѣбъ, а тѣмъ уменьшать число непріятелей Франціи. Говорятъ, что въ Генуѣ также произошла демократическая революція.

„За крайнимъ многодѣліемъ успѣю только сказать вашему сіятельству, что наши недостатки растутъ далѣе, и въ людяхъ не богаты. Некомплектъ такъ великъ, что взявъ и со ста душъ рекрута еще, арміи и флота не наполнимъ. Я теперь негоцирую одно дѣло у государыни и, кажется, съ успѣхомъ, которое, буде сдѣлается, ей пользу и честь принесетъ, и публикѣ будетъ угодно, и коли то исполнится, то въ постскриптѣ вамъ дамъ знать". Въ постскриптѣ письма, вверху котораго графъ Безбородко означилъ: для васъ единственно, онъ писалъ: „Дѣло, о которомъ я сказалъ, слава Богу, сдѣлано. Государыня согласилась ввѣрить главную команду надъ арміями графа Салтыкова и графа Суворова графу Румянцову съ полнымъ разрѣшеніемъ даже и на случай войны съ Турками. Ѣдетъ къ нему курьеръ секретно, такъ чтобъ здѣсь не свѣдали прежде, покуда онъ вступитъ въ командованіе. Прошу до тѣхъ поръ никому не сказывать".

Наконецъ въ третьемъ письмѣ, вѣроятно, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, графъ Безбородко сообщалъ графу А. Р. Воронцову, дальнѣйшій ходъ о Польскихъ дѣлахъ, поблагодаривъ предварительно за два письма его: „Хотя у насъ большихъ по дѣламъ перемѣнъ не видно; но, кажется, что дѣла настраиваются такъ, что добрымъ и скорымъ ихъ окончаніемъ ласкаться можно. Я одного только боюсь, чтобъ лишняя князя Репнина осмотрительность недовела до медленія. Костюшко, видя противъ себя весь соединенный корпусъ Денисова около десяти тысячъ и вблизи Прусскаго генерала Фаврата съ сильнымъ корпусомъ, не отважился идти къ Варшавѣ, ожидая приходу къ себѣ сильной помощи отъ Хелма. Странно, что графъ Салтыковъ, имѣвъ въ близости знатной отрядъ, не велѣлъ сихъ войскъ атаковать, извиняяся, что они бы ушли въ Цесарскую границу, а я не знаю, какой вредъ изъ того былъ бы; ибо сіе и защитило бы Вѣнскій дворъ и по неволѣ хотя немного дѣйствовать противу Поляковъ, или же обнажило бы явно его преклонность изъ подъ руки радоваться симъ заботамъ нашимъ. Какъ бы то ни было, Денисовъ отрѣзалъ Костюшку отъ Кракова и Вислы; лиша его способовъ къ продовольствію, держитъ четыре дни и ожидаетъ только прибытія обѣщанныхъ отъ Фаврата ему пяти баталіоновъ, чтобъ атаковать сего бунтовщика въ крѣпкомъ его лагерѣ въ то время, когда Фавратъ съ достальнымъ сдѣлаетъ движеніе на Краковъ; но я боюся, что такое положеніе исчезнетъ какъ дымъ. Фавратъ медлитъ, какъ видно

ожидая прибытія короля, который хочетъ присутствовать при взятьѣ Кракова и быть близко нашей атаки. Отъ Хелма идутъ Поляки и уже, хотя далеко, однако на Вислѣ показалися. Ежели дней пять-шесть потеряютъ, то Костюшко, соединяся съ Хелмскими и будучи въ двадцати тысячахъ, пойдетъ къ Варшавѣ безпрепятственно, а тамъ и составитъ армію, хотя не весьма выученную, до пятидесяти тысячъ; а въ то время сами изволите судить, легко ли и скоро ли можно развязать сіи хлопоты. Другое, боюся, чтобъ осторожныя князя Репнина приказанія не ускорили заставить Денисова идти Прусскими границами въ Митаву. Не меньше не нравится мнѣ и робость Тимоѳея Ивановича Тутолмина, который, не смотря на войска наши впереди и въ силахъ собирающіяся, боится Минской губерніи, въ которой и бывшихъ Польскихъ войскъ нѣтъ, а отъ жителей и при маломъ числѣ да хорошемъ присмотрѣ бояться нѣтъ причины. Словомъ, всякъ тащитъ въ свою сторону что можетъ; по счастью только что есть у насъ офицеры весьма храбрые и достойные, какъ то и недавно полковникъ Дѣевъ, бывъ атакованъ всею Виленскою конфедераціею, разбилъ ее и взялъ семь пушекъ. Ежели Денисову съ нашими и съ Пруссаками удастся побить Костюшку, то дѣло и очень близко конца. Будемъ между тѣмъ мы безъ всякой комуникаціи, не имѣя уже болѣе недѣли ни откуда почты. Полангена Пруссаки еще не въ состояніи занять, для того, что третьяго году, уничтоживъ крѣпость въ Мемелѣ, къ нашей сторонѣ почти совсѣмъ войска не имѣютъ; наши же полки около Бовска и Янищекъ собираются. О нашихъ единовѣрныхъ имѣемъ мы несомнѣнныя извѣстія, что они крайнею злобою дышутъ на Поляковъ и весьма обращаются отъ уніи; да и заграничные къ намъ расположены по прежнему, отъ шляхты же Польской, дай Богъ, побольше избавиться. . .

„На сихъ дняхъ вздумалося князю Репнину прислать два странныя представленія: первое, чтобъ составить Запорожцовъ изъ бывшихъ Уманскихъ, Бѣлоцерьковскихъ и Побережскихъ казаковъ, учиня общую кличь, а потомъ пустить ихъ на Польшу, гдѣ ихъ число и паче умножится; и второе, не приказано ли ему будетъ при случаѣ составить конфедерацію, которая объявила бы Костюшку и всѣхъ вообще бунтовщиками и прочее? Идеи сіи показалися très-lumineuses [очень блестящими]. Бывъ ими встревоженъ, объяснялся я сперва съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ [Салтыковымъ]; но, нашедъ въ немъ слабость ему свойственную въ томъ, что и самъ, встрѣчая неудобность, не взялся остановить сіи мѣры, я рѣшился представить все самъ государынѣ. Прежде чѣмъ у нея былъ, видѣлся я съ графомъ Зубовымъ, съ которымъ часто меня

сводятъ на конференціи, въ коихъ третій нашъ отнюдь не участвуетъ. Я долженъ ему отдать справедливость, что онъ весьма уважилъ, когда я сталъ говорить относительно перваго, что ежели въ 1790 году хотѣли употребить подобное крайнее средство, то самая уже крайность нашего положенія того требовала. Мы были въ войнѣ съ Шведами и Турками, ожидая ея отъ Англіи и Пруссіи. Поляки, на то время весьма сильные, противу насъ были готовы. Надлежало потому искать способовъ къ ихъ истребленію независимо отъ нашихъ операцій; да и тутъ входили еще особенные покойника виды. Теперь мы не въ такомъ крайнемъ положеніи. Украина, Подолія и Волынь наши. Слѣдовательно, было бы возмутить свой собственной народъ, помнящій времена Хмельницкаго и склонный къ казачеству. Тутъ сдѣлалася бы военная нація и тѣмъ опаснѣе, что и Малороссія заразилася бы тотчасъ тѣмъ же духомъ, а за нею и его губернія. Отъ чего и вышла бы новаго рода революція, въ которой, по крайней мѣрѣ, принуждены будемъ возстановлять гетманство, дозволять многія нелѣпыя свободы, и словомъ терять то, чѣмъ смирно и тихо на вѣки бы владѣли. Что же касается до конфедераціи, то извѣстно, что мы не одни въ прекращеніи бунта дѣйствуемъ, но съ союзникомъ, не зная, еще какой конецъ будетъ Польшѣ; на что же себя связывать подобными узлами, да и какая польза, когда мы видимъ безсиліе сихъ мѣръ, и познаемъ, что никогда мы себѣ изъ Поляковъ друзей не сдѣлаемъ? Онъ согласился съ моими заключеніями. Государыня весьма уважила силу ихъ, и дѣло тѣмъ кончено, чтобъ отнюдь сей кличи не созывать; а какъ въ арміи графа Румянцова (отъ котораго нѣтъ еще отвѣта, принялъ ли) назначены и два полка конные гренадерскіе, то въ случаѣ усилія бунта расположить ихъ далѣе внутри Польши при прочихъ нашихъ войскахъ и дозволить къ нимъ вербовать изъ Поляковъ, и когда дѣло кончится, тогда ихъ приводить самою отдаленною нижнею частію Екатеринославской губерніи на Тамань и Кубанскую сторону гдѣ Иванъ Васильевичъ [Гудовичъ] весьма ими доволенъ; конфедерацію же формальную не дѣлать, а дозволить взять убѣжище подъ покровъ оружія всѣмъ Полякамъ до возстановленія тишины, и отнюдь никакими постановленіями и обѣщаніями себя не вязать.

„Ваше сіятельство по дружбѣ ко мнѣ всегда не лишали меня вашихъ добрыхъ совѣтовъ. Они мнѣ теперь весьма нужны въ слѣдующемъ, хотя, мы еще не рѣшилися, что будетъ съ Польшею, и разные о томъ идутъ толки; напримѣръ Кобенцель и Витвортъ говорятъ, чтобъ намъ, утуша мятежъ, оставить Поляковъ жить и устроиться какъ хотятъ, довольствуяся только спокойно нашимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. Пруссаки

помышляютъ о новомъ раздѣлѣ, какъ мы видимъ изъ перлюстраціи самой секретнѣйшей. У нихъ разныя мнѣнія; одни говорятъ, чтобъ раздѣлить все по пристойности, ничего между собою не оставляя, хотя и будетъ безпосредственное сосѣдство, для того что ежели и останется между нами une lisière [раздѣляющая полоса], то мы, конечно, преимущественнѣе тамъ будемъ владычествовать, постава, можетъ быть, еще и владѣтеля своего дома, да и ссоры скорѣе выходить будутъ по интригамъ, кои обѣ стороны для перевѣса у сего маленькаго двора употребятъ, кромѣ того что все еще будетъ ихъ надежда—на худое время для возобновленія имени и притязаній Польскихъ на счетъ кого либо изъ насъ; ибо и наши и ихъ подданные шляхта долго не забудутъ, что они Поляки. Другіе полагаютъ такую lisière [полосу] выгоднимъ для удаленія шикановъ по сосѣдству бываемыхъ, а оба не хотятъ, чтобы императору что нибудь досталося. Мнѣ кажется, что для насъ первое сходнѣе, потому что нельзя ни какъ и думать, чтобъ Польша была спокойна и надежна. Второе, Пруссаковъ намъ бояться нѣтъ причины, естьли мы свою часть возьмемъ по препорціи такой же, какъ и послѣдній разъ; и третіе, что границы тутъ съ ними будутъ въ такомъ положеніи, что ихъ укрѣпить весьма легко, затрудняся входъ и безъ того неудобный; по торговлѣ же съ ними и шикановъ не случится, ибо тутъ даже дороги непроѣздимыя. Я заключаю, что, ежели мы возьмемъ себѣ Курляндію съ Семигаліею, остальную часть Литвы, часть Хелмскаго воеводства съ остаткомъ Волыніи, получая, такимъ образомъ, два новыя порта Либау и Виндау, города Вильно, Ковно, Гродно, Бѣлый-Штокъ, Брестъ, Владиміръ и Хелмъ, то мы и сильны и безопасны будемъ. Король Прусскій пусть возьметъ Самогицію, Мазовію съ Варшавою и большую часть воеводства Подляшскаго, а императоръ Краковъ съ остаткомъ воеводства того-жъ имени, воеводства Сендомирское, Люблинское и малую часть Хелмскаго. Сказалъ я выше, что съ королемъ Прусскимъ наша граница легка въ укрѣпленію; а хотя съ Австрійцами она не такова, а открытіе; но, первое, положеніе наше топографическое даетъ намъ болѣе способовъ импозировать владѣніямъ Австрійскимъ въ Польшѣ, нежели они нашимъ; второе, видимъ, что они никогда съ Берлинскимъ дворомъ не уживутся, а потому можемъ надѣяться, что ежели они станутъ отдаляться отъ нашего союза, мы обезпечимъ себя таковымъ съ Пруссіею, и особливо ежели впередъ умѣримъ наши затѣи послѣ такихъ чрезвычайныхъ пріобрѣтеній. Потомъ считаю я, когда, не уничтожая Польскаго имени и бытія, надобно будетъ удовольствоваться какою нибудь замѣною убытковъ, тогда, отлагая попеченіе о Курляндіи, ограничить себя направленіемъ границъ въ Литвѣ

и присоединеніемъ остальной части Волынія, а королю Прусскому получить только нѣкоторыя мѣста изъ Мазовіи, коихъ онъ и давно желаетъ. Но тутъ во первыхъ, взять у Поляковъ всѣ орудія; второе, обезоружить ихъ войска и не позволять имѣть болѣе какъ что нужно имѣть для Полиціи; третіе, вывесть резиденцію изъ Варшавы въ Гродно или Бѣлый-Штокъ; четвертое, не возобновлять Вильно, которую у насъ положено истребить огнемъ. Сіи четыре пункта и на такой случай я полагаю, когда бы уже нельзя было помышлять ни о какомъ территоріальномъ пріобрѣтеніи. Къ сему можно присовокупить перенесеніе на Россію права верховной власти на Курляндію. Трактаты союзные почитать рушенными, да и оставляя только уступку въ силѣ всѣ выгоды по уступочному договору позволенныя имѣнить comme non avenues [какъ неприлѣпимыя]. . . . .

„Графъ Зубовъ столько резонабеленъ, что онъ, конечно, примется содѣйствовать что полезно государству. Мой старшій товарищъ [графъ И. А. Остерманъ] почти одного со мною мнѣнія; но бѣда дѣйствуетъ много animosité [вражда] противу Пруссіи, которую Аркадій Ивановичъ [Морковъ], не смотря на уменьшеніе своей кичливости, поддуваетъ и подкрѣпляетъ. Онъ все хочетъ недать ничего королю Прусскому, хотя и себѣ не взявъ ничего, бредитъ о возможности составить союзъ съ Польшею и пустить ее на Пруссію, чтобъ, отнявъ у нея земли, сію шальную республику усилить. Надобно будетъ бороться съ подобными безразсудностями; но дабы я могъ сильнѣе сражаться, ваше сіятельство меня просвѣтите и наставьте вашимъ дружескимъ совѣтомъ.

„Турки еще смирны, даже и первыя имѣвъ вѣсти о началѣ бунта. Я стараюся отдалять воспаленіе огня, и по многимъ мелкимъ хлопотамъ успѣлъ я дать конецъ. Надѣемся, однакожъ, быть готовы на всякой случай.

„Заключу мое долгое посланіе сообщеніемъ вамъ нашихъ работъ по финансамъ. Совѣтъ полагаетъ необходимымъ умножить доходы: 1, 30-ю копѣйками, въ подушному окладу прибавляемыми; 2, хлѣбнымъ сборомъ, разумѣя только въ привилегированныхъ провинціяхъ вмѣсто тридцати копѣекъ по штатной цѣнѣ по два четверика, а въ 12-ти губерніяхъ, хлѣбородныхъ, вмѣсто половины сей прибавки по четверику; 3, накладкою на мѣщанъ по 80-ти копѣекъ; 4, нѣкоторою накладкою на заводы; 5, удвоеніемъ цѣны гербовой бумаги и канцелярскихъ сборовъ кромѣ пошлинъ; 6, сдѣланіемъ новой ревизіи; 7, продажею всѣхъ земель по порядку и оброчныхъ статей, обращая сіе яко капиталъ въ банкѣ и назначая проценты его ассигнаціонному банку за разныя суммы, отъ него взятыя; 8, обложеніемъ губерніи Екатеринославской. Причисляя къ сему накладу,

сдѣланную на вино и доходы съ новыхъ губерній, можно, кажется, считать отъ шестьнадцати до осьмнадцати милліоновъ прибавки, о чемъ я впредь пространнѣе къ вамъ напишу. Между тѣмъ, взяли еще бумагъ двадцать милліоновъ, положа на заплату ихъ съ прежними излишними съ будущаго года по два милліона на годъ, сими деньгами расплатиться по всѣмъ казеннымъ и частнымъ долгамъ, изъ коихъ послѣднихъ по одному Черноморскому флоту болѣе полутора милліона. Кажется, все сіе будетъ сдѣлано"[332]).

Послѣдующія событія, совершившіяся въ Польшѣ, графъ Безбородко изложилъ въ письмахъ своихъ къ другу, графу Воронцову, который, живя въ уединеніи, въ дали отъ дѣлъ, не могъ отрѣшиться отъ знанія того, что волновало и интересовало все Русское образованное общество. Отъ 15-го іюля, графъ Безбородко, поблагодаривъ графа за письма и приложенія, писалъ: „Что касается до дѣлъ Польскихъ, двѣ причины убѣждали бы предпочесть совершенное ея уничтоженіе всякому иному распоряженію. Первое, что какое въ ней ни сдѣлаете правленіе недѣятельное, ни на мѣсяцъ ручаться нельзя, чтобъ оно не было превращено въ активное или покрайней мѣрѣ для сосѣдей безпокойное. Какъ же за симъ караулить? Содержать войска? Но двадцать тысячъ ихъ мало, въ нынѣшнее наипаче время, гдѣ затвердили правило вооружать цѣлый народъ. Больше того посылать и крайне убыточно, и опасно. Второе, сѣмя Якобинское столько утвердилося въ Полякахъ, что нельзя оставить ихъ нераздѣленныхъ подъ наблюденіемъ государей, которые сами въ томъ интересованы, чтобъ нелѣпое равенство и мнимая вольность, наконецъ, всего въ свѣтѣ не опрокинули. Вѣрьте, что ежели сіи правила утвердятся въ Польшѣ, то немного времени надобно, чтобъ сіе несчастіе до насъ распространилося. Смежныя наши провинціи весьма сходны въ языкѣ и съ Польшею; съ нихъ начнется, а отъ нихъ легко и скоро пойдетъ, до чего, Боже, не допусти! Тутъ можно пожертвовать всѣми другими политическими уваженіями; ибо всякое государство найдетъ свою опору противъ безпокойнаго сосѣда въ крѣпостяхъ, сильныхъ своихъ вооруженіяхъ, союзахъ и самомъ соперничествѣ между сосѣдями. Словомъ, не надобно только спать; а инако никакимъ бдѣніемъ и, можно сказать, никакимъ человѣческимъ предусмотрѣніемъ ни отвратить, ни поправить нельзя. Государыня чувствовала сію истину и съ резигнаціею располагалася предпочтительно на раздѣлъ, въ случаѣ же крайнихъ затрудненій на распоряженіе сходное нашимъ мыслямъ, и желала для того отдалить всякій поводъ къ разрыву съ Турками. Короля Прусскаго самыя сокровенныя мысли знали мы, вамъ извѣстнымъ сред-

ствомъ. Онъ желаетъ удовлетворенія, но хочетъ, чтобъ мы первые вызвалися, закинувъ въ письмѣ къ ея величеству, чтобъ совѣтовать и изъясняться о предохраненіи себя впредь отъ подобныхъ неспокойствъ. Государыня ему отвѣчала весьма дружески, изъявляя готовность свою à discuter nos intérêts communs et à s'entendre amicalement etc [обсудить наши общіе интересы и придти къ дружественному соглашенію]. По его секретнымъ отзывамъ видно было, что онъ не удаленъ былъ и отъ допущенія Вѣнскаго двора къ новому раздѣлу, разумѣя, однакоже, чтобъ части, которыя оба императорскіе двора себѣ назначатъ, были сразмѣрны съ тою, что̀ и ему достанется; оказывалъ нетерпѣливость, чтобъ мы вызвалися первые, говоря, что мы partie principale attaquée [главная аттакуемая сторона] и, наконецъ, видно было, что по слуху о будущемъ въ семъ мѣсяцѣ сеймѣ Курляндскомъ, принимая намѣреніе дворянства тамошняго вступить подъ верховную власть Россіи, располагался онъ взять сіе за поводъ къ предъявленію своихъ притязаній и тѣмъ открыть негоціацію. Между тѣмъ, дѣла шли кое какъ изрядно, какъ то я скажу ниже, и казалося бы, что все благопріятствовало доброй сего дѣла развязкѣ.

„Вашему сіятельству странно покажется грамматика изъ прежняго параграфа, что все я говорилъ болѣе въ conjonctif, а не въ indicatif и много употребилъ бы; но инако нельзя. Со вчерашняго дня встрѣтилося новое явленіе, которое, сколько мнѣ видится, должно весь планъ нашъ разстроить. Императоръ, незапно, при самомъ неудачномъ теченіи дѣлъ въ Нидерландахъ, при весьма худомъ послушаніи Брабандіи и при неудовольствіи многими генералами, отъ команды отосланными, въ томъ числѣ и графомъ Кауницомъ, рѣшился ѣхать въ Вѣну и уже туда отправился. Симолинъ пишетъ, что одна знатная и вѣрная особа сказала, что императоръ принужденъ на два мѣсяца отлучиться въ Вѣну для крайнихъ надобностей, въ числѣ коихъ дѣла Итальянскія и Польскія главнѣйше требуютъ его временнаго тамъ присутствія. Фицгербертъ пишетъ къ Витворту, увѣдомляя его о пріѣздѣ курьера Англійскаго въ Лондонъ съ проектомъ союзнаго договора: „Вчера получилъ я письмо отъ герцога Іоркскаго, что императоръ скоропостижно рѣшился ѣхать въ свою столицу. Думаютъ, что сія его поѣздка принесетъ добро положенію общихъ дѣлъ. Впрочемъ, вы, конечно, по получаемымъ отъ двора депешамъ и сами найдетеся въ состояніи дать сей поѣздкѣ истолкованіе въ прямомъ видѣ“. Надобно знать, что въ самое то время ѣхали въ Брюссель Кобенцелевы курьеры съ разными отъ насъ сообщеніями по дѣламъ Польскимъ и съ нотою нашею отвѣтною, о коей я вамъ писалъ и гдѣ мы избѣжали

запутать себя новыми противъ Прусскаго короля истолкованіями и распространеніями союзнаго договора. Надобно и то знать, что капитулъ нашъ не хитрецъ въ своемъ ремеслѣ; вмѣсто чтобъ непріятность для посла нашей ноты покрыть глубокимъ молчаніемъ и помаваніемъ головы, какъ то мы видимъ, что покойный канцлеръ Черкасскій отличался, вздумалъ въ конференціи отъ себя прибавить: comme une idée lumineuse [какъ блестящую мысль], что не встати было теперь дѣлать какія либо обнадеживанія на счетъ короля Прусскаго, когда онъ намъ съ большими силами помогаетъ. Я тогда же счелъ сіе пустословіе неполезнымъ; но Кобенцель съ того времени заключилъ себя въ пассивномъ положеніи, въ какомъ онъ никогда не былъ, ограничивая себя въ однихъ простыхъ сообщеніяхъ необходимаго вице-канцлеру. Со мною же съ 12-го мая по сіе время, то есть пять недѣль, не видался, провождая часто время въ конференціяхъ съ нашимъ младшимъ членомъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что у нихъ до пятнадцати тысячъ войска въ движеніи къ границамъ Польскимъ изъ Венгріи. Я предвижу, что тутъ начнутся великія clabauderies [дрязги, пустословія], и что надобно будетъ хлопотать съ Англіею и съ Турками. Я не говорю о Шведахъ. Да и хлопоты я разумѣю въ перепискѣ и переговорахъ, а не въ томъ, чтобы заводить войну, отъ которой всемѣрно отгребаться станемъ, хотя и къ ней приготовимся. Но между тѣмъ мои мысли въ томъ состоятъ, чтобы ускорить и списаться съ королемъ Прусскимъ, а планъ поведенію своему сдѣлать такой, чтобъ хотя умѣрить виды корыстные, а ограничиться только въ томъ, чего требуетъ достоинство, но отвратить крайность и не подвергнуть себя непріятностямъ подобнымъ съ прежними. Послушаютъ ли моего мнѣнія или нѣтъ, я не знаю; но ваше сіятельство отдадите мнѣ справедливость, что когда я совѣтую дѣлить остатокъ Польши, то не входятъ у меня тутъ личные, корыстные расчеты; равно какъ я, при невозможности, совѣтовалъ заранѣе добрымъ образомъ отъ упорнаго въ такомъ притязаніи настоянія отстать, то и тутъ ни humeur [личное настроеніе], ниже другая персональность не дѣйствуютъ. Я прошу васъ дать мнѣ знать, что̀ вы о поведеніи Вѣнскаго двора заключаете; а о получаемыхъ впредь оттуда извѣстіяхъ или сообщеніяхъ не умѣдлю васъ извѣщать.

„Военныя дѣла наши хотя нѣсколько тупо, однако довольно изрядно идутъ. Кажется, главное достигнуто, что не вспыхнулъ бунтъ въ губерніяхъ нашихъ. Въ двухъ изъ нихъ хотя народъ добрый, благочестивый и насъ любящій, но поставилъ вмѣстѣ 14,000 наличнаго Польскаго войска, котораго и теперь еще не могутъ успѣть разоружить, ожидая Суворова съ войсками, на котораго фельдмаршалъ, повидимому болѣе другихъ по-

лагается. Напротивъ того, въ Минской народъ ненадеженъ и шляхта самые бунтовщики, такъ что теперь только, при входѣ туда войскъ, перестали они истреблять мелкія команды и посылать отъ себя рекрутъ и подводы въ Литву. Войска собралися по немногу, и генералъ Кнорингъ взялся съ корпусомъ идти къ Вильнѣ. Курляндію оберегаютъ три полка пѣхоты и три конницы, пришедшіе изъ Риги, гдѣ во всей губерніи осталися только два баталіона и 4 эскадрона. Генералъ Дерфельденъ, лучшій, конечно, у насъ генералъ, идучи изъ Волыніи къ Литвѣ, расположился прежде очистить все разстояніе между Вислы и Буга и, наведя страхъ даже самой Варшавѣ, чтобъ не послала подкрѣпленія Костюшкѣ, тогда уже идти въ Брестъ. Онъ атаковалъ при Хелмѣ многочисленнаго непріятеля, подъ командою генералъ-поручика Зайончика и генераловъ-маіоровъ: Гаумана и Загурскаго, разбилъ ихъ совершенно, взялъ много пушекъ и болѣе тысячи плѣнныхъ, пошелъ къ Люблину съ тѣмъ, чтобъ дать способъ нашему корпусу Денисова перейти на правый берегъ Вислы и съ нимъ соединиться. Мы много отъ сего искуснаго, честнаго и скромнаго генерала ожидаемъ. Между тѣмъ, Костюшко, усиленный почти всѣми воеводствами коронными, имѣя настоящаго войска до шестьнадцати тысячъ и почти столько же мужиковъ, вооруженныхъ косами, бердышами, копьями и топорами, преслѣдуя Денисова, порядочно отступавшаго для соединенія съ другимъ корпусомъ, въ Варшавѣ и близости ея бывшимъ, сближился къ Денисову и Прусскому генералу Фаврату, съ отрядомъ стоявшему недалеко. Король Прусскій, получивъ отъ Денисова курьера, хотя сперва и полагалъ ожидать еще дней пять новыхъ войскъ, прибылъ форсированнымъ маршемъ въ соединеніе съ нашими, и 26-го мая на разсвѣтѣ пошли атаковать Костюшку, навстрѣчу имъ шедшаго. У него пріучены мужики атаковать первые подъ пушками своими, и они прямо было пустилися на нашу и Прусскую батареи, сближаяся даже на картечный выстрѣлъ, отчего зачали разстраиваться; а кавалерія наша и Прусская, подъ командою втораго сына королевскаго, довершила ихъ разстройство. Тутъ начался бой между регулярными войсками, и наши отдаютъ справедливость Пруссакамъ, что весьма хорошо и порядочно стрѣляютъ. Костюшко, прежде чѣмъ побитъ былъ, три раза перемѣнялъ позицію, и надлежало обоимъ союзнымъ корпусамъ маневрировать, чтобъ его вытѣснить изъ выгодной позиціи. Король самъ все учреждалъ, имѣя при себѣ и нашего генералъ-квартирмейстера Пистора, будучи, подъ всѣмъ огнемъ непріятельскимъ. Когда Костюшко выжитъ былъ изъ третьей его позиціи, гдѣ былъ онъ прикрытъ отъ фланговъ двумя деревнями, спереди и сзади лѣсомъ, то и началъ уже скоропостижно ретиро-

ваться. Наши преслѣдовали его много далѣе, чѣмъ Пруссаки и далѣе заняли лагерь; а Костюшко, получивъ между тѣмъ извѣстіе, что Дерфельденъ идетъ къ Вислѣ, началъ наклонять движенія свои на сію рѣку, повидимому въ намѣреніи дать способъ разбитымъ отъ Дерфельдена соединиться съ нимъ, и потомъ искать пройти къ Варшавѣ, въ чемъ, кажется, станутъ ему препятствовать и вновь его атакуютъ, собравшися только съ провіантомъ. Уронъ нашъ состоитъ въ 2 убитыхъ офицерахъ, болѣе ста нижнихъ чиновъ, въ одномъ маіорѣ и 14 офицерахъ и до 300 нижнихъ чиновъ раненыхъ; немного болѣе потеряли Пруссаки имѣвъ къ тому причиною, что одинъ изъ полковъ ихъ въ самомъ сильномъ огнѣ находился. Поляки потеряли убитыми одними болѣе 2,000 (Варшавская газета говоритъ 1,500), въ томъ числѣ двухъ генераловъ: Водзицкаго и Грохольскаго; подъ Костюшкою, по газетѣ Варшавской, убита лошадь тоже и подъ начальникомъ бунта Мадалинскимъ. Въ полонъ взяты наши, 1 полковникъ, 1 маіоръ, 3 офицера и болѣе 500 военно-служащихъ настоящихъ, а мужики у насъ отпускаются по отборѣ оружія; напротивъ того, Пруссаки, удерживая и мужиковъ, взяли 2 офицеровъ и 1,000 нижнихъ чиновъ; изъ 17 пушекъ Польскихъ 13-ть отбила наша кавалерія, а Прусская 4; мы взяли 2 знамя. Отъ короля присланъ былъ сюда съ извѣстіемъ графъ Линденау, его адъютантъ и оберъ-шталмейстеръ. Король на другой день у себя пожаловалъ сына своего генераломъ-маіоромъ, своему генералъ-поручику Фаврату и генералъ-маіору Эльсенеру—красные орлы, принцу Евгенію Виртембергскому—чернаго орла, Денисову—краснаго орла, множество наградилъ чинами, а иныхъ ordre pour le mérite; двумъ баталіонамъ пожаловалъ маршъ гренадерскій. Наканунѣ баталіи почтилъ своимъ посѣщеніемъ Денисова и имѣлъ у него завтракъ. Теперь уже къ сему корпусу пріѣхалъ самъ Ферзенъ и принялъ главную команду. Предъ баталіей явился изъ Вѣны и Лукезини. Сей плутъ, говорятъ, склонялъ короля, чтобъ прежде чѣмъ идти къ Варшавѣ, [овладѣть] par un coup de main [внезапнымъ образомъ] Краковымъ, для чего уже сближалися отъ Силезіи туда и войска. Ваше сіятельство и тутъ свои соображенія сдѣлать можете.

„Оставя часть военную, поговорю нѣсколько о казенной. Ваше сіятельство не повѣрите, до какого мы дошли истощенія. Тутъ и на самыя нужныя издержки едва двадцать милліоновъ достанетъ. Столь много запущено долговъ. Я изъяснялся по сей матеріи пространнѣе. Вѣрьте, что ежели согласятся только умѣрить расходы, то теперь время прибавить и доходы. О доходѣ съ купечества развѣ не изволите знать, что теперь онъ состоитъ въ 685,000 рублей? Жидовъ полагаютъ въ двойной платежъ. Я

теперь лишь кончилъ сію работу и для того усталъ; напишу не замедля. Съ графомъ Зубовымъ я стараюся быть на хорошей ногѣ; да онъ и самъ отъ нашего младшаго, кажется, остороженъ. Но не повѣрите, что онъ никакой твердости не имѣетъ и никакъ не думаетъ подкрѣплять представленія, гдѣ польза общая требуетъ. Въ семъ случаѣ похожъ онъ много на графа Николая Ивановича" [Салтыкова] [333]).

Совмѣстныя дѣйствія Россіи и Пруссіи обѣщали, по видимому, скорый конецъ Польскихъ дѣлъ, какъ неожиданное обстоятельство заставило Прусскія войска возвратиться въ отечество. „Въ Пруссіи Польской сдѣлался почти повсемѣстный бунтъ,—извѣщалъ графъ Безбородко графа Воронцова, въ началѣ сентября,—и король вмѣсто, чтобъ взять mesures de vigueur [строгія мѣры], снялъ осаду Варшавскую, отозвався письмомъ весьма пристойнымъ; отдѣлилъ корпусъ для усмиренія бунта, а другой оставляетъ для озабоченія Варшавы. Сіе тѣмъ прискорбнѣе, что фельдмаршалъ, собравъ корпусъ подъ командою графа Суворова, послалъ было его съ тѣмъ, чтобъ, перешедъ Бугъ, простерть операціи до Вислы, по удобности же и до самой Варшавы, и Суворовъ скорымъ маршемъ дошелъ до Бресца. Въ Литвѣ все покоряется оружію нашему, да и самое впаденіе Поляковъ въ Минскую губернію тѣмъ меньше значитъ, что: первое, кромѣ нѣсколько шляхтичей никто, а паче крестьяне не пристали; второе, что весь впадшій корпусъ генералъ-міоромъ княземъ Циціановымъ истребленъ, множество побито; генералъ Грабовскій и другой земской генералъ-маіоръ, 65 штабъ и оберъ-офицеровъ и до полутора тысячи не мужиковъ, а войска; взяты артиллерія и казна ихъ, хотя небольшая. Динабургское дѣло было слѣдствіе оплошности коменданта, но войска вездѣ мало. Вѣрьте, что и самымъ большимъ наборомъ армія и флотъ не наполнятся. О провіантѣ на сей годъ отложено по короткости времени и неурожаю. Я о сей матеріи особо изъяснюся.'

„Король Прусскій прислалъ полную мочь Тауенцину и письмо весьма дружеское къ государынѣ. Я съ нимъ изъяснялся коротко, стараясь привлечь его довѣренность; но, по словамъ Алопеуса, много будетъ трудности. Намъ они сами указываютъ на Нѣманъ и Курляндію; а объ Австрійцахъ говорятъ, что ихъ за Вислу несходно пускать, то есть, чтобъ ни Кракова, ни Сендомира не дать. Австрійцы стали медленны, по нашему. Мы будемъ ихъ защищать до крайности. Мерси умеръ. Спѣшу ѣхать во дворецъ и кончу" [434]). Съ появленіемъ на театрѣ войны графа Румянцова и графа Суворова при дворѣ императрицы Екатерины II явилась прочная увѣренность, что Варшава падетъ. Намекъ на это находимъ въ письмѣ Безбородки къ его другу, отъ 25-го сентября; онъ пи-

салъ въ немъ графу А. Р. Воронцову: „Дѣла наши идутъ не лучшимъ образомъ. Я не считаю за большую потерю отступленіе отъ Варшавы; ибо содѣйствіе отряженнаго отъ фельдмаршала корпуса графа Суворова-Рымникскаго можетъ довести къ концу усмиреніе Польши, и, конечно, Варшава имъ взята будетъ, хотя бы и зимою. Но все сіе на какой конецъ? Мы начинаемъ уже сполна ощущать, что союзниковъ согласить нельзя. Пруссаки навѣрное рѣшилися, чтобъ не давать ни Кракова, ни Сандомира Австрійцамъ; а сіи, настоя на оба помянутыя мѣста, повели свою черту, захватывая даже Прагское предмѣстье и потомъ, перейдя Бугъ по рѣкѣ Наревѣ, берутъ себѣ всю Подлясію, часть воеводства Новогродскаго, все Брестское, остатокъ Болыніи, Хелмъ и Люблинъ, такъ что и намъ мало, а Пруссакамъ кромѣ Варшавы едва что̀ и достанется. Они ведутъ дѣло къ оставленію Польши in statu quo по послѣднему раздѣлу, заранѣе внушаютъ намъ о надобности въ конфедераціи и множество антравовъ вводятъ въ переговоры, кои еще и не начались. Я твержу, что и намъ заранѣе должно рѣшиться, на случай затрудненія, на отверженіе всякаго раздѣла. Государыня думаетъ, что можно твердостію всѣхъ согласить. Дай Богъ, чтобъ ея желаніе сбылося; нехудо быть въ запасѣ. Морковъ и теперь считаетъ обратить къ намъ Поляковъ въ союзъ и дружбу и напустить на Пруссаковъ; но ни вы, ни я сему не вѣримъ“ [335]).

Совершенное пораженіе повстанцевъ графомъ Суворовымъ, 8-го сентября, при Брестѣ или Тересполѣ, а за тѣмъ и самаго Костюшку въ 55 верстахъ отъ Варшавы Прусскими войсками, дало счастливый оборотъ дѣламъ Польскимъ. Графъ Безбородко, 18-го октября, писалъ объ этихъ побѣдахъ графу А. Р. Воронцову: „Бывъ нѣсколько занятъ при отправленіи почтъ послѣднихъ, я не могъ написать самъ, а предоставилъ Дмитрію Прокофьевичу (Трощинскому) и г. Обрѣскову дать знать вашему сіятельству о счастливомъ поворотѣ дѣлъ Польскихъ, сперва знаменитою побѣдою графа Суворова-Рымникскаго, 8-го сентября, при Брестѣ или Тересполѣ, которая весь переворотъ и сдѣлала, а потомъ совершеннымъ разбитіемъ Костюшки, въ 55-ти верстахъ отъ Варшавы, между Козеницъ и Маціовицъ, гдѣ генералъ-поручикъ Ферзенъ оказалъ великое искуство и храбрость, взялъ всю ихъ артиллерію въ 22-хъ пушкахъ, самаго Костюшку и съ нимъ генералъ-поручика Сѣраковскаго, генералъ-маіоровъ: Каминскаго и Княжевича, штабъ и оберъ-офицеровъ 170 и болѣе двухъ тысячъ рядовыхъ, и положилъ на мѣстѣ великое множество, такъ что кромѣ мужиковъ сначала разбѣжавшихся и нѣсколько конницы, прочее все на мѣстѣ осталося. Со дня на день ожидаемъ извѣстій подробныхъ о сей побѣдѣ и о слѣдствіи ея; а между тѣмъ графъ Суворовъ, по

предписанію фельдмаршала, 7-го или 8-го октября, изъ Бреста выступилъ къ Варшавѣ, приказалъ Ферзену дождаться въ его дистанціи сближенія, а генералу Дерфельдену въ Бѣломъ-Штокѣ велѣлъ онъ идти туда же, сплавивъ суда къ Закрочиму, гдѣ Пруссаки имѣютъ сильной отрядъ, чтобъ, ставъ близъ Праги, имѣть способы переправить надобное число войска за Вислу. Мы тамъ имѣть будемъ болѣе тридцати тысячъ хорошаго войска, съ которымъ Суворовъ не потеряетъ времени напрасно, а особливо имѣя несомнительно перспективу за взятіе Варшавы сдѣлаться фельдмаршаломъ. Въ Литвѣ спокойно, и почта наша ходитъ исправно; но въ Пруссіи безпокойство продолжается, и развѣ наши успѣхи ихъ прекратятъ. Поляки отправили въ Грауденцу до пятнадцати тысячъ корпусъ, для отраженія котораго пошли войска даже изъ Берлина. Ваше сіятельство можете представить, что, сдѣлавъ одни болѣе чѣмъ съ пособіемъ Прусскимъ, мы, конечно, возбудили зависть въ сихъ союзникахъ нашихъ. У насъ положено по взятіи Варшавы не задерживаться въ ней, но наказавъ сей городъ и забравъ правительство все военноплѣннымъ, взять квартиры по сію сторону Вислы первою линіею, и второю по нашей чертѣ, а изъ-за того при негоціаціи оказать крайнюю до самой невозможности твердость. Отвѣтъ нашъ уже посланъ Вѣнскому двору, а на сихъ дняхъ учиненъ онъ будетъ и Берлинскому. Я не думаю, чтобъ они пошли на крайность и скорѣе предпочтутъ сблизиться къ нашему плану. Между тѣмъ, конечно, надобно болѣе остерегаться двора Берлинскаго, ибо онъ и теперь уже выходитъ почти изъ войны Французской. Онъ отозвалъ двадцать тысячъ помочнаго корпуса, а потомъ когда дворъ Англинскій далъ ему знать, что онъ не станетъ давать ему субсидій инако какъ ежели онъ оставитъ свои войска на диспозиціи Англіи, то король приказалъ половину войскъ своихъ обратить въ Мархію, Шлезію и Пруссію, а другую половину расположить въ Везельскихъ и Франковскихъ своихъ владѣніяхъ. Ежели намъ дадутъ свершить свой планъ по дѣламъ Польскимъ, то я первый совѣтовать буду дать помочной и сильной корпусъ нашъ, съ условіями, однакожъ, приличными и съ обезпеченіемъ со стороны Порты и Швеціи.

„Рекрутской наборъ былъ такъ необходимъ, что безъ него истинно мы бы очутилися безъ арміи и флота, по страшному некомплекту. Вѣрьте, что заимствуя отъ новыхъ губерній и Бѣлой Россіи десять тысячъ и обратя нѣсколько тысячъ плѣнныхъ Поляковъ въ гарнизоны внутренніе и штатныя команды, едва только можемъ наполнить армію, а здѣшній флотъ еще съ нѣкіимъ уменьшеніемъ. Наборъ въ новыхъ областяхъ идетъ съ успѣхомъ потому что они и при Польскомъ владѣніи были тому подвер-

жены, разумѣя не на Великороссійскомъ пагубномъ и разорительномъ основаніи, но на такомъ какъ вездѣ водится, то есть по кантонамъ, по очереди и съ срокомъ, такъ какъ и теперь у нихъ сдѣлано. За Брацлавскую и Изяславскую губерніи я отвѣчаю, что они насъ на Поляковъ не промѣняютъ, считая ихъ смертельными врагами. Я не знаю, дошло ли до васъ свѣдѣнія, что въ силу обнародованнаго отъ нашего архіерея mandement pastoral [епископскаго посланія], въ одной Брацлавской губерніи двѣсти семьдесятъ тысячъ душъ обоего пола обратилися отъ уніи добровольно и всеохотно къ нашей церкви. У нихъ есть одно только сѣмя безпокойства, а именно несклонность къ помѣщикамъ и нѣкоторая надежда быть казаками, каковыми многіе изъ предковъ ихъ бывали при Хмельницкомъ.

„При разсужденіи о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, у моего товарища младшаго все бродило въ головѣ, чтобъ воспользоваться тѣмъ, когда бы, по взятіи Варшавы, за Вислою въ теченіи зимы скопилося новое или старое гнѣздо Польское, обратить его на Пруссію. Неужели онъ думаетъ, чтобъ тамъ не узнали сего и не взяли бы мѣръ вопреки? Впрочемъ, по допросамъ явившагося въ нашей границѣ и къ фельдмаршалу присланнаго пана Деболи Бавардовскаго, отнюдь не видно, чтобъ Вѣнской дворъ или король Прусскій думали какія либо ихъ двоякія связи въ обманъ нашъ, а вездѣ только оказываются слабость, трусость et les pas de clerc [неумѣлыя выходки], сношенія же Костюшки были только съ Декоршемъ [посланникомъ Франціи въ Константинополѣ]. По словамъ Деболія, и король, и Игнатій Потоцкій видѣли уже суетность ихъ надежды, но одинъ страхъ народный ими импозировалъ. Онъ говоритъ, что денежные ихъ ресурсы отъ ограбленія церквей были уже при истощеніи; зачалъ было внушать о переговорахъ, о наслѣдствѣ младшему великому князю на Польшу и прочее, но ему о томъ молчать приказано“.

Въ особой припискѣ къ письму, графъ Безбородко сообщилъ любопытныя извѣстія объ отношеніяхъ къ нему императрицы и графа Зубова. „Зная, что вы по дружбѣ ко мнѣ интересуетесь во мнѣ лично, скажу, что собственно обращеніемъ со мною государыни и ея довѣренностію я весьма долженъ быть доволенъ; но вы вѣдаете, сколько она привыкла менажировать близкихъ своихъ, кои ко мнѣ, конечно, не лучше расположены. Изъ сего выходитъ, что я видя, какъ нашъ универсальный министръ [графъ Зубовъ] многое на себя исключительно захватываетъ, когда уклоняюся отъ дѣла, то она жалуется, что отъ нея устраняются, что не хотятъ ей пособлять и прочее [336]). Я всѣ способы употреблялъ, чтобъ для пользы самой службы быть сколько можно въ тѣсномъ согласіи, но по

скрытности сего юнаго человѣка, при внушеніяхъ многихъ его близкихъ, кромѣ самой наружности не могъ того достигнуть. Теперь, когда дѣла доходятъ до развязки, заранѣе готовятъ предувѣрить публику и внушеніями, и награжденіями, что онъ все то сдѣлалъ, что въ другой разъ дѣла поворотилъ въ славу и пользу государства. Богъ съ нимъ! Я не завидую и увѣренъ, что въ публикѣ точнѣе знаютъ. Мой младшій товарищъ [А. И. Морковъ] также своего ремесла не забываетъ; а по сему поводу, при одномъ со стороны государыни внушеніи о свойствахъ графа Зубова и прочемъ я не упустилъ изъяснить, что бываютъ люди, любящіе внушать въ надобномъ имъ видѣ. Государыня поняла мои слова, дала чувствовать, что она человѣка разумѣетъ и увѣряла, что говоря съ нимъ о дѣлахъ, ни онъ ни она не дадутъ и повода къ какимъ либо интригамъ. Самойлова разобрали: при гордости и тщеславіи мечется во всѣ стороны. О Дмитріѣ Прокофьевичѣ [Трощинскомъ] отзывается государыня наилучше, и онъ очень на хорошей ногѣ. Поповъ ведетъ себя смирно и достойно, даже лучше чѣмъ Самойловъ, хотя и ему вѣрить трудно. Пассекъ и Кутузовъ во всенижайшихъ слугахъ графа Зубова“ [337]).

Въ концѣ октября Русскими войсками была взята Прага. Радостное это событіе вызвало графа Безбородку написать къ графу А. Р. Воронцову, 9 ноября, о храбрости Русскихъ войскъ. „Ваше сіятельство признаете, что не напрасно поручили фельдмаршалу Румянцову дирекцію Польскихъ дѣлъ и ненапрасно выбралъ онъ графа Суворова исполнителемъ своихъ распоряженій. Сей послѣдній, сдѣлавъ движеніе изъ Бреста къ Варшавѣ, на пути очищалъ землю отъ сѣмени мятежнаго; 15-го октября, въ пяти миляхъ отъ Праги, разбилъ корпусъ Польскій, взявъ въ полонъ генералъ-маіора Бишевскаго, 2-хъ полковниковъ, 50 офицеровъ и болѣе 1000 плѣнныхъ и побивъ гораздо того больше; наконецъ, пришелъ къ Прагѣ, укрѣпленной двойнымъ ретраншементомъ съ редутами особыми. Съ 23-го на 24-ое октября взялъ онъ всѣ сіи укрѣпленія штурмомъ съ такимъ устройствомъ, что онъ болѣе полутора часа не продолжался; но нельзя было удержать разъяренныхъ солдатъ, чтобъ они не сдѣлали жестокаго въ городѣ кровопролитія. До двадцати тысячъ Поляковъ побито въ укрѣпленіяхъ и въ городѣ, великое множество потонуло въ Вислѣ; ибо онъ успѣлъ мостъ, подъ пушками Варшавскими бывшій, разрушить. Десять тысячъ взято въ полонъ при трехъ генералахъ-маіорахъ: Мейнѣ, Гауманѣ и Крупчевскомъ, а командовавшій генералъ-поручикъ Зайончекъ ушелъ въ Варшаву. Восемьдесятъ четыре пушки намъ досталися, и все сіе кровопролитное дѣло происходило подъ глазами Варшавы. Курьеръ его отправленъ съ мѣста побоища.

„Вчера прислалъ баронъ Паленъ изъ Риги полученную имъ на эстафетѣ изъ Кенигсберга копію письма Прусскаго кригсъ-комисара при арміи графа Шверина, близъ Вислы, къ оберъ-президенту королевства Прусскаго, гдѣ, описывая взятіе Праги точною провдою, дополняетъ, что графъ Суворовъ по совершеніи дѣла послалъ сказать въ Варшаву, что видѣли они случившееся въ Прагѣ и что равный предлежитъ имъ жребій, ежели не сдадутся. По нѣкоторымъ пересылкамъ прибыли изъ города депутаты, которые и подписали 27-го октября (7 ноября) капитуляцію; но онъ кригсъ-комисаръ не знаетъ, въ какой силѣ. А другой корреспондентъ барона Палена пишетъ просто, что 27 октября городъ Варшава сдался Россійскому оружію на дискрецію. Кажется, сіе не подвержено уже сомнѣнію; но прежде двухъ дней курьера и прямою дорогою имѣть нельзя, а официіальный отъ фельдмаршала развѣ на будущей недѣлѣ пріѣдетъ.

„Такимъ образомъ приходятъ къ окончанію дѣла Польскія безъ соучастія Прусскаго. Я твержу, чтобъ сею минутою пользоваться и спѣшить негоціаціею, начавъ ее тѣмъ, чтобъ взять все, что намъ въ удѣлъ слѣдуетъ. Пруссаки оставили теперь Австрійцамъ все Сендомирское воеводство, кои жмутся около Кракова; но я думаю, что ихъ и оттуда выжить можно, лишь бы они только были plus traitables [болѣе сговорчивы] съ нами; а то бѣда, что, при ихъ слабости, при оскудѣніи талантовъ до того, что въ самой перепискѣ ихъ генераловъ видимъ сущихъ скотовъ, все еще думаютъ, что они при Карлѣ Пятомъ. Фельдмаршалъ не можетъ ихъ выжить изъ Волыніи, и посолъ нашъ очень оплошно исполняетъ его порученія. Когда дойдетъ формальная вѣсть, то я напишу къ вамъ вновь; а между тѣмъ готовимъ précis historique [историческій очеркъ] всего бунта Польскаго, чтобъ умы людскіе пріуготовить къ тому, чему быть должно. Я здѣсь одно только скажу, что мы рѣшилися волею или неволею довести союзниковъ до раздѣла по нашему плану.

„Секретно положено, по полученіи формальнаго о Варшавѣ извѣстія, послать графу Суворову чинъ фельдмаршала, такъ чтобъ здѣсь когда уже свѣдали, когда уже послѣ подробной реляціи отправлены будутъ къ графу Румянцову всѣ награжденія. Команда генеральная останется до конца Польскихъ дѣлъ у стараго фельдмаршала, а по окончаніи новое росписаніе выдетъ. Графу Румянцову полагаютъ дать въ новыхъ провинціяхъ знатную какую-либо поссесію. Всего страннѣе, что графъ Николай Ивановичъ [Салтыковъ] не въ конфиденціи по симъ двумъ пунктамъ и думаетъ еще, что Суворова сдѣлаютъ только генераломъ-адъютантомъ; но когда меня спросили, я сказалъ прямо, что, взявъ сто-

лицу, естьли бы меня не сдѣлали фельдмаршаломъ, не смотря на старшинство домосѣдовъ, я бы счелъ за несправедливость. Какъ дѣло уже рѣшено было, то и неудивительно, что апробовали мои мысли. О сдѣланныхъ награжденіяхъ Ферзену и прочимъ Обрѣсковъ вамъ пришлетъ списокъ. Костюшку вѣкъ не выпустятъ, онъ же еще и гордъ и, сказываютъ, надѣется хорошаго пріема и случая dessiller les yeux à l'Impératrice sur toutes les choses [открыть глаза императрицѣ на все вообще]: точныя его слова; однако ошибается" [338]).

Вѣсть о взятіи Варшавы незамедлила прибыть въ Петербургъ; уже 13-го ноября, графъ Безбородко объявилъ Совѣту,—какъ записано въ его протоколѣ [339]), „что ея императорское величество, получивъ хотя еще не формальное, но, однакожъ, вѣрное извѣстіе о покореніи города Варшавы оружіемъ ея, указать изволила, чтобъ по сему обстоятельству разсуждаемо было въ Совѣтѣ, и чтобъ ея величеству представлено было мнѣніе, какія бы вслѣдствіе того надлежало теперь учинить распоряженія". Распоряженія Совѣта и объ успѣхахъ Русскаго оружія по взятіи Варшавы, графъ Безбородко изложилъ въ письмѣ своемъ, отъ 16-го ноября, къ графу А. Р. Воронцову. „Послѣ отправленія моего къ вамъ письма въ тотъ же вечеръ мы получили о Варшавѣ подтвержденіе, но неофиціальное, а чрезъ маіора Потулова, свиты графа Зубова, находившагося при генералѣ Дерфельденѣ, который возвратился къ графу Валеріану Александровичу [Зубову]. Сей маіоръ поѣхалъ изъ Варшавы 2-го ноября. Войска наши вступили туда 29-го октября, и 30-го генералъ-маіоръ Исленьевъ отправленъ къ фельдмаршалу. Въ сію ночь или завтра мы его ожидаемъ. Образъ сдачи Варшавы на дискрецію полную, безъ сомнѣнія, извѣстенъ вашему сіятельству, равно какъ и то, что Игнатій Потоцкій былъ главнымъ тутъ актеромъ, вооруживъ народъ, предложивъ новому начальнику Вавржецкому съ войскомъ или сдаться, или идти вонъ изъ города, и не допустивъ забрать ни короля, ни плѣнныхъ нашихъ. И такъ Вавржецкій съ Понятовскимъ, Зайончикомъ и Мокрановскимъ въ десяти тысячахъ ушли при сорока орудіяхъ, а новый примасъ Колонтай, укравъ сорокъ тысячъ червонныхъ и конфискованые алмазы, бѣжалъ къ границамъ Галиціи, гдѣ судя по расположенію Цесарцовъ, конечно, будетъ принятъ. Графъ Суворовъ, по рѣдкой своей досужливости, заранѣе переправилъ Ферзена съ его корпусомъ, и сей послѣдній уже началъ настигать бѣгущихъ, отбивъ у нихъ 9-ть пушекъ и забравъ нѣсколько войска. Понятовскій прислалъ съ переговоромъ; но Ферзенъ требуетъ чтобъ, положа оружіе, отдался военноплѣннымъ. Съ другой стороны устранившійся къ Прусскому кордону Зайончикъ разбитъ Пруссаками.

На семъ дѣлѣ остановилися, но мы ихъ навѣрное переловимъ. Взятіе Праги было главнымъ побужденіемъ къ сдачѣ Варшавы: они тутъ потеряли убитыми своихъ генераловъ-поручиковъ Ясинскаго, который первый взбунтовалъ въ Литвѣ, захвативъ Арсеньева и повѣсивъ Геймана, Косаковскаго и Швейковскаго въ Вильнѣ, Грабовскаго, еще двухъ генераловъ-маіоровъ и сто пушекъ.

„Въ ожиданіи прибытія г. Исленьева, въ Совѣтѣ положено для выигранія времени дать графу Суворову прямо повелѣніе: 1, какъ сдача на дискрецію спасаетъ только лице и собственныхъ невинныхъ, но оставляетъ завоевателямъ полное право пользоваться ихъ завоеваніемъ, для того графъ Суворовъ, въ удовлетвореніе убытковъ, и долженъ взять съ города контрибуцію, по разсмотрѣнію своему, деньгами и товарами, наипаче же потребными для войскъ. (Онъ, сказываютъ, уже и полагалъ милліонъ червонныхъ или два милліона ефимковъ); 2, Арсеналъ и все оружіе, всѣ запасы, казна словомъ сказать все коронѣ принадлежащее долженствуетъ быть взято, и пушки доставлены быть въ наши новыя пріобрѣтенія; 3, соблюдая собственность королевскую при немъ, взять, однакожъ, всѣ регаліи, какія найдутся, тоже гетманскія булавы, знамена, бунчуки, печати, маршальскіе жезлы и прочее тому подобное и прислать сюда. (Все сіе положено отправить, по полученіи, въ Москву, для храненія въ Оружейной Палатѣ); 4, взять весь архивъ ихъ и доставить въ Петербургъ; 5, взять также публичную библіотеку, Залусскаго именуемую; 6, верховное управленіе, покуда войска тамъ останутся, производить, по праву завоеванія, графу Суворову именемъ ея императорскаго величества, отрѣша всѣ революціонныя мѣста и возставя магистратъ и суды нижніе, какъ прежде были; 7, короля, на первое время, препроводить въ Гродну, гдѣ уже князь Репнинъ и наше правленіе находятся, а потомъ и о дальнемъ его жребіи рѣшить; 8, разобрать виновныхъ въ бунтѣ 6-го апрѣля, а главнѣйшихъ его виновниковъ выслать подъ стражею въ Россію, да и прочихъ безпокойныхъ и подозрительныхъ сюда же отправить; 9, не позволять протестацій, и чинящихъ или пріемлющихъ ихъ брать подъ стражу и сюда прислать; 10, какъ желательно, чтобъ графъ Суворовъ могъ удержать Варшаву, покуда наши переговоры успѣхъ возъимѣютъ, то пропитаніе войскъ и возложить на его попеченіе, дозволяя нужную въ прибавокъ закупку сдѣлать изъ Прусскихъ магазиновъ; но буде бы Пруссаки, оставя Краковъ занять Австрійцамъ, сами хотѣли войти въ Варшаву, въ такомъ случаѣ, по исполненіи всего повелѣннаго, можетъ онъ сей городъ оставить и между Буга и Вислы расположиться въ квартиры. Фельдмаршалу сіи повелѣнія сообщатся съ особымъ курьеромъ.

„За симъ полагаемъ мы стать крѣпко на чертѣ нашей, устроять за нею все нужное и, по получени на сихъ дняхъ ожидаемыхъ отвѣтовъ отъ союзниковъ, предложимъ имъ ультиматъ нашъ. Ваше сіятельство можете быть увѣрены, что мы покажемъ твердость до самой крайности, и надѣемся, что наши союзники гораздо подумаютъ, какъ сходнѣе дѣло кончить.

„Тугутъ прислалъ на штафетѣ къ послу новыя инструкціи по дѣламъ Французскимъ, изъявляя необходимость продолженія войны, требуя, чтобъ въ новомъ Польскомъ раздѣлѣ кондиція sine qua non была внесена о содѣйствіи Пруссаковъ; чтобы, по окончаніи Польскихъ дѣлъ, отправили на Рейнъ сорокъ тысячъ, къ которымъ соединятъ они столько же своихъ, прибавя еще въ десяти тысячахъ корпусѣ принца Конде, и уговоря короля Прусскаго дать тутъ-же корпусъ двадцатитысячный по трактату; а составя, такимъ образомъ армію во сто десяти тысячахъ подъ главною командою графа Суворова, дѣйствовать на Рейнѣ, обѣщая продовольствіе нашихъ снять на свой коштъ. Проектъ довольно химерическій; но я думаю, не слѣдуетъ его отвергать, а ласкать имъ, присоединя тутъ разныя для нашей осторожности условія. Впрочемъ, когда по сей матеріи у насъ что положится, я подробнѣе вамъ напишу. Тугутъ говорилъ и паки о Польскихъ дѣлахъ, чтобъ рѣшительное о нихъ положеніе отсрочить до окончанія Французской войны, дабы тогда всякому взять свой удѣлъ comme un salaire des peines portées dans cette guerre [какъ вознагражденіе за понесенныя въ эту войну лишенія]. Я было готовился уже отпѣть послу [графу Разумовскому, въ Вѣну], что намъ и безъ Французскихъ дѣлъ принадлежитъ награда въ Польшѣ за Польскія дѣла; но онъ былъ столь остороженъ, что никакъ не сообщилъ подобнаго внушенія. Впрочемъ, мы будемъ на всѣ стороны готовиться и съ нынѣшнимъ наборомъ и способомъ, не имѣя при томъ прежней военной администраціи, кое-какъ успѣемъ. Взятіе Варшавы будетъ праздновано молебномъ, при коемъ прочтется краткій precis [очеркъ] по Польскимъ дѣламъ о всѣхъ происшествіяхъ“ [340]).

Отъ графа Румянцова-Задунайскаго, 19-го ноября пріѣхалъ къ императрицѣ генералъ-маіоръ Исленьевъ „съ донесеніемъ, что 29-го октября, Польскій столичный городъ Варшава покоренъ Россійскимъ оружіемъ; при чемъ Исленьевъ поднесъ государынѣ ключи онаго города“. На другой день, 20-го ноября, по приглашенію, собрались въ большой церкви дворца: члены Св. Сунода, придворные и военные чины и иностранные министры, а въ первомъ часу вошла въ церковь императрица. По прибытіи ея, графъ Безбородко прочелъ „Объявленіе о причинахъ войны съ

Польшею"; послѣ чтенія отправленъ былъ благодарственный молебенъ съ пушечною пальбою.

Графъ Безбородко въ „Объявленіи" выставилъ, что причинами войны съ Польшею было непріязненное поведеніе Поляковъ, съ 1788 года, различныя оскорбленія достоинству ея величества, разрушеніе трактатовъ и правъ республики ручательствомъ Россіи обезпеченнымъ. Отсюда проистекъ раздѣлъ Польскихъ областей, который не образумилъ Поляковъ. Заключеніе сейма Гродненскаго „ознаменилася изданіемъ различныхъ предосудительныхъ установленій, доказавшихъ расположеніе ихъ къ безпокойствамъ и къ нанесенію вреда Россіи, отъ которой не только тишина и благосостояніе, но и самобытіе Польши зависѣло. Варшавское избіеніе, совершившееся 6-го апрѣля, побудило Россію оградить собственные предѣлы и прекратить мятежъ. Разбитіемъ на всѣхъ пунктахъ мятежниковъ, былъ низложенъ бунтъ въ Польшѣ и разрушены ковы злоумышленныхъ" [341]).

Устройство Польскихъ земель, присоединенныхъ къ Россіи, говоря точнѣе Литовскаго края, императрица Екатерина II, ввѣрила князю Н. В. Репнину, одному изъ знаменитыхъ потомковъ фамиліи Репниныхъ, извѣстному дипломатическими, административными и военными заслугами. Князь Репнинъ, естественно, при первомъ приступѣ къ дѣлу, не могъ не столкнуться со многими общественными вопросами, которые требовали зависящей отъ его положенія въ краѣ дѣятельности и высочайшаго разрѣшенія на тѣ или другія мѣры. Для болѣе точныхъ дѣйствій въ трудной работѣ по управленію неуспокоеннымъ краемъ, Репнинъ прибѣгалъ къ ближайшему секретарю императрицы за совѣтомъ и просилъ у него разъясненій въ трудныхъ вопросахъ. Такъ, 25-го и 26-го ноября 1794 года, графъ Безбородко, отправилъ къ Литовскому генералъ-губернатору, два знаменательныя письма: одно о значеніи Россіи среди Европейскихъ державъ и о мѣрахъ обращенія съ завоеванными у Польши провинціями, а другое о переговорахъ съ императоромъ относительно раздѣла Польскихъ провинцій. Первое есть подробная записка объ отношеніяхъ Россіи къ великимъ державамъ и съ наставленіемъ для генералъ-губернатора въ Литвѣ, въ способѣ управленія краемъ и обращенія съ мѣстными жителями. Безбородко соглашаясь въ основныхъ взглядахъ съ Репнинымъ, держится принципа равноправности и уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ, господствовавшимъ издавна въ краѣ, недавно присоединенномъ къ Россіи.

Письмо свое Безбородко, вѣроятно, „изъ пріязни" и по просьбѣ князя Репнина писалъ къ нему, что можно заключать изъ начала его:

„Съ должнымъ признаніемъ, соотвѣтствуя довѣренности вашего сіятельства, имѣю честь сообщить вамъ все, мнѣ представляющееся по настоящимъ дѣламъ, прося только оставить оное въ собственномъ знаніи вашемъ и принять не инако, какъ знакомъ особенной откровенности“. Затѣмъ, онъ продолжаетъ: „Вскорѣ по начатіи въ Польшѣ мятежа, когда приняты были мѣры къ утушенію онаго, разсуждаемо было, къ какому концу доведетъ сіе дѣло. Опыты прошедшаго времени доказали, что помышлять сдѣлать для себя друзьями Поляковъ, и особливо послѣ раздѣла 1792 года, есть вещь невозможная. При всякомъ случаѣ, когда у насъ война съ Турками, скорѣе очутятся они на сторонѣ Пруссаковъ и станутъ вредить намъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько въ прошедшую войну. Малая обширность земли сей не могла уже быть достаточнымъ барьеромъ между нами и сосѣдями нашими; инако съ Австрійцами учинилася уже у насъ и безпосредственная смежность. Кромѣ того и часто état intermédiaire [посредствующее государство] въ существѣ бываетъ не иное что, какъ химера, особливо же, гдѣ первый дойти можетъ. Тутъ представляется и та невыгода, что образъ мыслей въ Полякахъ, наипаче въ молодыхъ, содѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; что вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздразнить нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ; что, напротивъ того, безпосредственное сосѣдство съ Австрійцами для насъ нимало не опасно: для того, что сіи двѣ державы никогда соединиться между собою не могутъ по непримиримому ихъ соперничеству и зависти; Россія же, порознь каждаго изъ нихъ сильнѣе, конечно, имѣетъ весь поводъ надѣяться, что всегда одного на своей сторонѣ имѣть будетъ. Сіи разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель и вслѣдствіе того удалена уже была всякая мысль о составленіи конфедераціи или собственной нашей партіи въ Польшѣ, которая означала бы тѣмъ законную участь, хотя г. Тугутъ, весьма хитро отвлекая насъ отъ раздѣла, то совѣтовалъ. Сочтено у насъ, что, поставя сію землю однажды вверхъ дномъ, испровергнувъ ея правленіе, и [отнявъ] всю почти оружіемъ, заставимъ и по неволѣ другихъ съ нами сообразиться.

„Сдѣлано было по сему за временное весьма осторожное внушеніе союзникамъ; они не отвергнули доводовъ, впрочемъ неоспоримыхъ, но въ первомъ разѣ сильно замахнулися, такъ что намъ весьма малой удѣлъ оставили. Король Прусскій затѣялъ присвоить себѣ остатокъ воеводства Краковскаго, все Сендомірское и потомъ даже границу по теченію Вислы до Заврочима, оттуда же по Нареву на рѣку Нѣманъ, противу самой Гродны, потомъ Нѣманомъ внизъ до нынѣшней Прусской границы; от-

туда, переходя чрезъ Нѣманъ и дѣля съ нами Самогитію, до вершины рѣки Виндавы и до устья ея, охватывая частицу, и лучшую еще, Курляндіи и увѣряя насъ, что мы, имѣемъ предѣломъ Нѣманъ, владѣя Гродною, Вильною и Ковною, частью Самогитіи и почти всею Курляндіею, превратя сію изъ фіефа въ настоящее подданство, несравненно выиграемъ. Дворъ Вѣнскій въ другомъ образѣ на нашъ счетъ распорядилъ свое увеличеніе. Присвояя Краковъ и Сандоміръ, по рѣку Пилицу, отъ устья ея велъ черту по Вислѣ и Нареву, сходно съ Прусскою; а дошедъ до вершины Нарѣва, тамъ прямую линію до нынѣшней нашей границы, захватывая уже весь остатокъ Волыни, воеводство Брестское, да и часть Новгородскаго. Въ несходствѣ таковомъ съ нашими видами положено у насъ: первое, назначить одинъ разъ черту и ея непремѣнно держаться и именно, съ южной стороны отъ Буга въ Вислу впадающаго, по теченію его вверхъ до Бреста-Литовскаго; оттуда прямѣйшею по удобности линіею на рѣку Свислочь, потомъ на устье ея въ Нѣманъ, Нѣманомъ до настоящей границы Прусской и потомъ по той же старой границѣ Прусской. Вкратцѣ сообщено сіе обѣимъ дворамъ и, ожидая на сихъ дняхъ курьера изъ Берлина, получимъ уже предварительную исповѣдь, что и король Прусскій, въ разсужденіи присвоенія нами всея почти Самогитіи, сколь ни отяготительно то для его торговли, ни мало не прекословитъ. Но что касается до предѣловъ съ Австрійскою монархіею, онъ долженъ соображать ихъ съ безпечностію своихъ владѣній. Не сходно ему было бы и вовсе впускать между Силезіею и Вислою Цесарцевъ; но онъ и тутъ, желая споспѣшествовать дѣлу, радъ найти mezzo termino, и именно поставить границею рѣку Нару, и тѣмъ почти все Сендомірское воеводство оставить Австрійцамъ, намекая, что они, получая Люблинъ, Хелмъ и другія мѣста, могутъ еще прибавить себѣ и остатокъ Волыніи. Ваше сіятельство изволите тутъ видѣть наклонность къ сближенію въ переговорахъ; да я думаю, что еще и далѣе можно выторговать, но надобно ожидать отвѣта изъ Вѣны. Предварительныя, между тѣмъ наставленія дошли уже къ графу Кобенцелю, изъ коихъ мы видимъ: 1, требованіе, чтобъ король Прусскій продолжалъ свое содѣйствіе въ войнѣ Французской, полагая сіе кондиціею sine qua non въ новомъ Польскомъ раздѣлѣ; 2, домогательство, чтобы мы, по совершенномъ утушеніи Польскаго мятежа, дали имъ сорокъ тысячъ войска, къ коимъ присовокупить столько же Австрійскаго и наипаче Венгерской конницы, сверхъ того десяти-тысячный корпусъ принца Конде и двѣнадцати-тысячный вспомогательный Прусскій (о коемъ мы имѣемъ отъ короля, по взятіи Варшавы, увѣреніе, что онъ его удержалъ при арміи Австрійской) и

тѣмъ составя армію болѣе ста тысячъ, подъ главною командною Россійскаго генерала, дѣйствовать отъ Рейна далѣе, по возможности, и снимая на себя продовольствіе войскъ нашихъ; 3, чтобъ земли по новому разделу въ Польшѣ были наградою новыхъ усилій союзничьихъ противу Франціи. Было тутъ прибавлено, чтобъ, до окончанія дѣлъ Французскихъ не дѣлать въ Польшѣ рѣшительныхъ постановленій; но графъ Кобенцель вѣдая, что съ подобнымъ внушеніемъ весьма бы его не хорошо отпотчивали, пропустилъ сей пунктъ при сообщеніи своей инструкціи.

„Намѣреніе у насъ взято: начать порознь конференціи, и кто податливѣе окажется съ тѣмъ прежде заключить конвенцію. Вѣроятнѣе, что Прусскій дворъ скорѣе на наши виды согласится, ежели мы будемъ умѣть за него хорошо приняться. Конча съ нимъ однажды, Вѣнскій дворъ увидитъ и поневолѣ неизбѣжную нужду, тому же послѣдуетъ, и особливо, когда, съ одной стороны, соглашеніемъ можетъ надѣяться и пособія отъ насъ требуемаго, буде наши обстоятельства дозволятъ, и взаимной податливости на виды его въ той сторонѣ, гдѣ другому нашему союзнику нѣтъ ущерба; съ другой же представитъ себѣ въ противномъ случаѣ потерю съ нами связи, для него нужной, и сближеніе съ непримиримымъ его соперникомъ. Между тѣмъ, мы будемъ себя весь будущій годъ держать вездѣ на готовѣ, оказывая повсюду крайнюю твердость, которою удалося уже намъ въ 1790 и 1791 годахъ обратить въ стыдъ и поношеніе усиліе Пруссаковъ и министерства Англійскаго, за Турокъ вступающихся. Ваше сіятельство признаете, конечно, что много тутъ предстоитъ труда и усилія, но безъ нихъ большія дѣла не дѣлаются; а въ политикѣ, какъ и въ войнѣ, часто многое (хотя впрочемъ съ разсмотрѣніемъ) и на отвагу брать должно, лишь бы только знать всему мѣру и конецъ.

„Миръ съ Французами не такъ еще близокъ, какъ газеты предвѣщаютъ; а кампанія 1795 года будетъ имѣть мѣсто—хорошо ли, худо. Въ Англіи уже очень скучаютъ войною, и г. Питтъ начинаетъ сильно терять кредитъ въ націи, но все еще сохраняетъ большинство голосовъ. Положеніе всѣхъ дворовъ самое странное, но наше несравненно всѣхъ выгоднѣе, и имъ не воспользоваться былъ-бы грѣхъ непростительный. Что принадлежитъ до черты нашего владѣнія, которое на сей разъ, яко временное будетъ управлятся, ваше сіятельство получаете полное разрѣшеніе. Я увѣренъ, что и съ Берлинскимъ дворомъ тутъ не выйдетъ никакое недоразумѣніе, ибо онъ великое къ намъ оказываетъ уваженіе и ссориться не станетъ. Жалѣю только, что къ управленію подъ вами дѣлъ выбраны не такіе люди, кои могли бы дать важность Россійскому правительству. Въ старину не такъ дѣлали. Когда хотѣли, чтобъ Малая Рос-

сія обрусѣла и привыкла къ соединенію, то послѣ гетмана Апостола сдѣлано было верховное правленіе, въ которомъ членами посажены не русапеты и тому подобные, но генералъ-порутчикъ князь Шаховскій, генералъ-маіоръ князь Барятинскій и гвардіи маіоръ Шиповъ, да трое изъ тамошнихъ генеральныхъ старшинъ; въ трибуналъ—одинъ бригадиръ и два полковника вмѣстѣ съ тамошними чинами. Отъ сего выходило взаимное уваженіе; а въ Литвѣ, правду сказать, есть много людей гораздо починовнѣе, чѣмъ тогда въ Малой Россіи были. Тутъ вся надежда, что ваши добродѣтели дополнятъ недостатокъ и что вы особою своею заставите ихъ любить Россійскую власть и правленіе. Я согласенъ съ мыслями вашего сіятельства, что въ новыхъ областяхъ не только права, но даже и обряды добрые должны оставлять неприкосновенными. Люди къ старому очень привязаны. Всякая подать меньше для нихъ тягостна, чѣмъ потеря того, что̀ они за привиллегіи свои почитали. Власть самодержавная будетъ въ полной силѣ и святости съ Литовскимъ Статутомъ столько же, сколько же и съ Уложеніемъ ни нравамъ, ни времени несообразнымъ. Искать педантически единообразія была бы такая же химера, какъ предполагать и равенство между людьми. Всякая претензія имѣетъ мѣсто для себя особливое въ моральномъ или физическомъ отношеніи; для сего-то я настоялъ и при раздѣлѣ 1793 года, чтобъ жителямъ тамошнимъ оставлены были ихъ права и привилегіи; да, я думаю, тоже сохранится и при новомъ раздѣлѣ.

„О королѣ Польскомъ ваше сіятельство получаете также монаршія приказанія. Графъ Суворовъ не нашелся при занятіи Варшавы въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ. Графъ Петръ Александровичъ [Румянцовъ-Задунайскій], примѣтивъ то въ самомъ началѣ, далъ ему знать, что завоеванная столица есть принадлежность завоевательницы, и что потому правленіе долженствуетъ быть производимо чрезъ поставляемыхъ губернатора въ городѣ и коменданта въ за̀мкѣ и прочее; но новый фельдмаршалъ слишкомъ тронутъ жалостію къ королю, коего вы больше всѣхъ насъ знаете и попустилъ ему мѣшаться въ дѣла. Посланы отсюда подробныя наставленія, которыя откроютъ глаза заблуждающимся. Между тѣмъ, горячка въ Полякахъ дѣйствовать не престаетъ. Гетманъ Ржевусскій прислалъ сюда курьеромъ своего адъютанта съ планомъ правленія Польскаго и заранѣ торгуется о власти гетманской. Одинъ Потоцкій видитъ инако дѣло: онъ считаетъ разрушеніе Костюшки и взятіе Варшавы концомъ всего и полагаетъ тутъ конецъ и своего гражданства въ Польшѣ, почитая, что онъ незазорно себя оставить можетъ Россіяниномъ. Ваше сіятельство извините пространство письма моего. Тесня все, что̀ мнѣ

на мысль пришло, я слѣдовалъ моей къ вамъ нелицемѣрной преданности“ [342]).

Въ другомъ письмѣ, отъ того же 26-го ноября, относительно переговоровъ съ Австріею по раздѣлу Польскихъ провинцій, Безбородко писалъ: „Сегодня по утру получилъ графъ Кобенцель чрезъ нарочнаго, по Кіевской дорогѣ посланнаго отъ Тугута, увѣдомленіе, что другой курьеръ везетъ ему чрезъ Варшаву прямо новыя наставленія для окончанія нашей негоціаціи. Тутъ точно говорится, что, сколь ни прискорбно имъ настояніе наше о сокращеніи ихъ удѣла въ Польшѣ, рѣшились они, однакожъ, въ доказательство своего уваженія къ союзу съ Россіею, постановить границею съ нами рѣку Бугъ, въ Вислу впадающую, присвояя себѣ, кромѣ Кракова и Сандоміра, еще землю, между Буга и Вислы лежащую. Я думаю, что съ сею послѣднею легко будетъ ихъ помирить, а я боюся только одного Кракова. Повторяются тутъ же задачи о пособіи въ продолженіи и окончаніи Французской войны, обязывая къ тому же и короля Прусскаго. На сей недѣлѣ и отъ него ожидаемъ извѣстій. А теперь опасаются не столько трудностей по негоціаціи предлежащихъ, сколько того, чтобъ графъ Александръ Васильевичъ [Суворовъ], заранѣе и не наставленный, не нанесъ намъ безпокойствъ съ неугомонными Поляками. Онъ совсѣмъ иное понятіе взялъ о королѣ и о прочихъ. Дай Богъ, чтобъ наставленія, отъ фельдмаршала посланныя и тѣ, что недавно пошли отсюда, подоспѣли въ пору и открыли ему свѣтъ, да и чтобъ онъ нашелся въ возможности исполнить все, ему тутъ поручаемое, конечно, и осторожность и въ запасъ силы надобна“ [343]).

За откровенное письмо графа Безбородки князь Репнинъ „несказанно“ былъ благодаренъ ему, а за услугу отплатилъ услугою—онъ назначилъ брата его, графа Илью Андреевича приставомъ къ королю Польскому; о послѣднемъ князь отозвался: „Но когда онъ точно выѣдетъ изъ Варшавы и какъ учреждено будетъ его путешествіе, того еще не знаю. хотя графъ Александръ Васильевичъ [Суворовъ] и пишетъ, что немедленно приступитъ къ его отправленію“ [344]).

Въ видахъ же пріязни и „нелицемѣрной готовности угодное дѣлать“ графу Безбородкѣ, который просилъ князя Репнина прислать брата его въ Петербургъ „съ актомъ отреченія королевскаго“, который почитался нужнымъ для формальнаго окончанія всей негоціаціи по Польскимъ дѣламъ, князь Репнинъ находилъ „что совсѣмъ мала и непристойна его чину настоящая посылка“ [345]).

Въ это-же именно время, т. е. въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца 1794 года, въ сношеніяхъ между союзными державами, раздѣляв-

шими Польшу, возникъ вопросъ о судьбѣ Станислава-Августа, короля Польскаго. Пока онъ самъ не сложилъ съ себя короны, онъ, съ точки зрѣнія международнаго права, оставался главою Польскаго государства, а слѣдовательно и государство, переставшее существовать фактически, продолжало существовать, такъ сказать, юридически. Императрица Екатерина II понимая это, первая вызвалась расположить короля къ добровольному отреченію отъ Польской короны, обѣщавъ устроить его участь. Король, 15-го ноября, 1794 года, подписалъ актъ отреченія, а 29-го ноября, съ подробностями объ этихъ событіяхъ, графъ Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову: „Считая, что ваше сіятельство по сіе время уже въ Москву пріѣхали, ласкаю я себя, что письмо мое скорѣе рукъ вашихъ дойдетъ. Вы, уже, конечно, извѣстны о подробностяхъ покоренія Варшавы. Оно сдѣлалося очень легко и хорошо, но нашъ начальникъ нѣсколько не нашелся въ разсужденіи короля, да и вышедшіе изъ неволи господа Ашъ и Билеръ подумали, что въ число нашихъ видовъ входило возвращеніе королю власти и участія большаго въ правленіи. Я сожалѣю, что не вняли моимъ настояніямъ, послѣ разбитія Костюшки повтореннымъ, чтобъ снабдить графа Суворова запасными наставленіями на случай взятія Варшавы. Фельдмаршалъ Румянцовъ, по прибытіи къ нему перваго вѣстника, писалъ къ графу Суворову, что сдача Варшавы на дискрецію оружію Россійскому дѣлаетъ сей городъ уже завоеваніемъ нашимъ, и потому правленіе въ немъ должно производиться именемъ завоевательницы чрезъ поставленныхъ отъ графа Суворова ad inerim въ городѣ губернаторами генераловъ, а въ замкѣ начальство чрезъ коменданта Россійскаго; что въ разсужденіи особы короля полагаетъ, что когда прежде еще совмѣстно съ королемъ Прусскимъ предпринята была осада сея столицы, то натурально, что высокіе союзники назначили, хотя, на первое время, какъ поступить съ симъ государемъ, и генералъ Ферзенъ могъ быть заранѣе въ томъ наставленъ (ничего никто и не думалъ), что онъ отсылая его, графа Суворова, къ тѣмъ инструкціямъ, кои отъ двора дадутся, одно примѣчаетъ, что его величество не можетъ уже участвовать въ правленіи; что употребляя всевозможное человѣколюбіе, должно однакоже различать злыхъ отъ тѣхъ, кои невинны или страхомъ вовлечены и что первыхъ, конечно, слѣдуетъ забрать и требовать отъ двора рѣшенія; что доходы, контрибуціи и пропитаніе для войска долженъ онъ сбирать безъ большаго уваженія къ возмутителямъ, того отнюдь не заслуживающимъ, и чтобъ арсеналъ и всякое оружіе препрово-

дилъ онъ въ новыя пріобрѣтенія для снабженія пограничныхъ мѣстъ. Не прежде, какъ тогда уже апробовали мое давнее представленіе и за нѣсколько дней по первымъ вѣстямъ о Варшавѣ истребованное у Совѣта мнѣніе, отправили къ фельдмаршалу Суворову подробныя приказанія о сборѣ контрибуціи, о правленіи верховномъ властію военною, о присылкѣ сюда регалій, знаковъ чиновъ, архивовъ государственныхъ и библіотеки Залусскаго, и словомъ о всемъ подобномъ и въ томъ числѣ, чтобъ и короля препроводить въ Гродну до дальнѣйшаго приказанія. Когда готовилися сіи приказанія, пріѣхалъ отъ графа Суворова бывшій волонтеромъ великой княгини, камергеръ, князь Голицынъ съ письмомъ Польскаго короля весьма непристойнымъ. Онъ говоритъ: Войска ваши, наконецъ, торжествовали надъ всѣми усиліями, и успѣхи сіи новую придаютъ вамъ славу. Оная еще умножена будетъ, естьли вы обратите сіи успѣхи на сохраненіе Польши и составленіе ея благоденствія. Я не могу скрыть, что оружіе ваше разрушило до конца армію и всю военную силу Польскую, но нація все остается, и для васъ славнѣе и полѣзнѣе, чтобъ три милліона слишкомъ народа благословили ваше къ нимъ добродѣяніе. На сіе ему весьма сухо отвѣтствовано, что дѣла рѣшены будутъ, какъ только польза и спокойство государства востребуютъ, а что до него касаеться, то фельдмаршалъ Суворовъ предложитъ ему поѣздку въ Гродну, необходимую для его собственной безопасности, гдѣ онъ и о дальнѣйшемъ увѣдомленъ будетъ. Я забылъ, что въ письмѣ онъ прибавилъ, что многія изъ Варшавы и Мазовецкаго княжества бѣгутъ къ королю Прусскому, и что оставляетъ онъ судить государынѣ, сходно-ли то въ ея интересахъ. Здѣсь сіе релевировано, какъ каверза, дабы насъ ссорить съ Пруссіею, и въ разговорѣ пересказано Тауенцину. Графу Суворову сказано, чтобъ онъ его непремѣнно послалъ въ Гродну, а и тамъ сдѣланы распоряженія къ содержанію его честному, но отдаляя отъ всякихъ интригъ. Между тѣмъ, для преслѣдованія вышедшихъ изъ Варшавы, посланы отъ графа Суворова генералы: Ферзенъ и Денисовъ. Они настигли Поляковъ, заставили до двѣнадцати тысячъ положить оружіе, полонили новаго генералиссимуса Вавржецкаго, двухъ генераловъ порутчиковъ, 4-хъ генераловъ-маіоровъ и взяли всю остальную артиллерію, въ 82-хъ пушкахъ состоящую, такъ что у насъ теперь Польскихъ пушекъ завоевано около трехъ сотъ. У жителей Варшавскихъ также отобрано все оружіе. Изъ возмутителей ушли только Мадалинскій да Зайончикъ, да Колонтай канцлеръ, который въ день Прагскаго дѣла, правивъ казною, укралъ и увезъ до со-

рока тысячъ червонныхъ, на полтораста тысячъ алмазовъ конфискованныхъ и въ Галицію скрылся. Юзефъ Понятовскій, попущеніемъ нашихъ, также убрался въ Австрію. Впрочемъ, вездѣ покойно.

„Негоціаціи наши начинаютъ шевелиться. На сихъ дняхъ ждемъ курьера изъ Берлина, а предварительно сказано Нассау и Алопеусу, что король Прусскій, дѣлая для насъ все угодное, ни мало неприкословитъ, чтобъ мы не только уже всю Курляндію, но и всю Самогицію кромѣ уголка, за Нѣманомъ лежащаго, себѣ присвоили; но, впрочемъ, ожидаетъ, что мы его убѣждать не станемъ на пользу Вѣнскаго двора, гдѣ ему предстоитъ великая опасность. Дабы, однакожъ, и тутъ явить свою податливость, оставляетъ онъ имъ Сендомиръ, а себѣ удерживаетъ Краковъ съ землею по рѣку Ниду. Я думаю, что онъ и еще мягче будетъ. Вѣнскій дворъ также сдѣлалъ послу предварительное увѣдомленіе, что онъ на нашъ планъ согласенъ и, сколько ни отяготительно имъ назначеніе нашего удѣла, не прекословитъ, однакожъ, чтобъ Бугъ былъ между нами предѣломъ, настоя притомъ наусильнѣйше на отдачу ему Кракова. Тутъ затѣяли они, однакожъ, не легкія условія: 1, чтобъ мы употребили всѣ способы обязать короля Прусскаго къ продолженію войны съ Французами. 2, чтобъ мы дали имъ и Англіи въ помощь сорокъ тысячъ войска, къ коимъ они присовокупятъ столько же своего и особливо Венгерскаго; а присоединя къ нимъ десятитысячный корпусъ принца Конде и двадцати-тысячный помощный Прусскій, которому король, по взятіи нами Варшавы, велѣлъ остаться въ арміи и составя армію во сто десяти тысячахъ, подъ главною командою Россійскаго генерала (и намекая партикилярно фельдмаршала Суворова) дѣйствовать ею на Рейнѣ, условившися съ нами о планѣ и перенимая на себя провіантъ и фуражъ нашего войска, 3, чтобъ обезпечить ихъ пособіемъ на всякой случай по извѣстнымъ ихъ видамъ. Ваше Сіятельство легко себѣ представите, что мы тутъ не рѣшимся инако, какъ сколько того польза и самая необходимость требовать будутъ. Въ Курляндіи герцогъ и его шайка работаютъ, чтобъ мы приняли ихъ по конституціи и съ феодальнымъ правомъ; но мы далеко отъ сего отстоимъ и, кажется, рѣшилися Говена употребить къ нужнымъ переговорамъ и внушеніямъ.

„О пожалованіи графу Зубову старому ордена св. Александра вы знаете. Положено дать голубыя ленты: адмиралу Сенявину и графу Строгонову и велѣно было завтра имъ повѣстку сдѣлать; но государыня недомогаетъ простудою, а я не выѣзжалъ, бывъ занятъ, и потому не знаю, не отложатъ ли на другой день. Фельдмаршалу Румянцову собираются дать большое награжденіе, состоящее въ поссесіи какой либо знатной

въ новыхъ провинціяхъ и въ указѣ Сенату, чтобъ ему на иждивеніе соорудить домъ и воздвигнуть монументъ. Должно отдать ему справедливость, что онъ умѣетъ править дѣлами, и что ему обязаны всѣмъ переворотомъ толь славнымъ и счастливымъ. Князь Репнинъ давно бы зимовалъ на квартирахъ. Но должно и ту отдать справедливость, что никто не пустится столько подавать ѳиміаму случайнымъ, какъ нашъ верховный полководецъ. Онъ пишетъ, напримѣръ, къ графу Зубову, что ему достоитъ слава наибольшаго участія въ дѣлахъ, что онъ ему былъ главнѣйшій споспѣшникъ и прочее. Жаль, что пристойность не вмѣстѣ съ большимъ талантомъ.

„Пожалованіе графа Суворова, по общей истинѣ дѣло приличное, сбило съ пути всѣхъ его старшихъ, ихъ женъ, сестеръ, дѣтей и пріятелей. Зная, что я былъ въ секретѣ и почитая, что я сколько могъ и поджигалъ къ тому, трактуютъ меня худо. Всего удивительнѣе, что и Морковъ считаетъ сіе не у мѣста, говоря, что всякъ долженъ почитать наградою самое себя употребленіе; но себя онъ исключаетъ изъ подобнаго правила. Нашъ капитулъ [графъ И. А. Остерманъ] слабѣетъ отъ дня въ день болѣе, часто занемогаетъ, наипаче слабостью желудка, трясетъ сильно головою, худо слышитъ и худѣетъ. Сіе еще болѣе примѣтно съ тѣхъ поръ, какъ нелегкое его перенесло въ такой большой домъ, котораго онъ ни натопить, ни освѣтить не въ состояніи. Дай Богъ ему жить и долго. Я никакъ не думаю, чтобъ Морковъ могъ добиться до первенства; но я и самъ его не желаю, а развѣ только на нѣсколько недѣль, чтобъ, прибавя себѣ трактамента, перенести его на почтовый департаментъ, да послѣ и остаться оберъ-гофмейстеромъ и членомъ Совѣта.

„Сожалѣю, что сею зимою мнѣ въ Москвѣ быть не удается и потому не могу имѣть удовольствія васъ видѣть. У меня бродитъ въ мысли, чтобъ, ежели дѣла кончатся и мои деревни мнѣ въ руки придутъ, поѣхать лѣтомъ въ Москву, побывать у васъ въ Матренинѣ, а потомъ въ новыхъ губерніяхъ объѣхать почты, для того что съ новымъ пріобрѣтеніемъ должны будутъ перемѣниться всѣ наши главнѣйшія внѣшнія дороги, для близости и многихъ выгодъ“ [346]).

Приведенныя письма графа Безбородки: къ графамъ Воронцовымъ и къ князю Репнину свидѣтельствуютъ, что отъ него уже не скрывали Польское дѣло и что онъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе.

Еще положительнѣе подтверждаетъ это соображеніе его записка объ отдѣленіи части Польши для Пруссіи. Въ послѣднихъ числахъ ноября Прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Гольцъ, представилъ карту Поль-

ши, гдѣ былъ отмѣченъ участокъ, желаемый Пруссіею. 2-го декабря Безбородкою, по порученію Екатерины, была составлена записка, въ которой читаемъ слѣдующее: ея императорскому величеству всеподданнѣйше докладываемо о домогательствахъ Прусскаго министра, графа Гольца, получить отвѣтъ на предъявленное со стороны короля, его государя, желаніе, касающееся до пріобрѣтенія имъ части земли отъ Польши, чертою на картѣ означенною, и до введенія войскъ его въ ту часть. По расмотрѣніи всѣхъ бумагъ и разныхъ свѣдѣній по сей матеріи, ея величество указала въ высочайшемъ своемъ присутствіи и подъ собственнымъ ея усмотрѣніемъ протянуть черту на картѣ Польской для показанія того удѣла, который предназначается въ Всероссійской имперіи въ удовлетвореніе убытковъ ея и вслѣдствіе общихъ видовъ обоихъ союзниковъ дворовъ поставить Польшу въ такое положеніе, чтобы она, служа барьеромъ между окружающими ее, не могла, однакожъ, сама собою безпокоить ихъ; въ лучшее же объясненіе монаршей воли, описавъ нѣкоторыя мѣста и урочища по той чертѣ, ея величество изволила утвердить оную своеручною припискою [347]).

Новый третій раздѣлъ Польши былъ рѣшенъ совершенно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польское дѣло, служившее однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ международной нашей политики, какъ казалось, кончилось съ большою выгодою для Россіи. Императрица Екатерина II находила справедливымъ наградить, по обычаю своему, щедро лицъ, принимавшихъ въ дѣлѣ по усмиренію Польскаго мятежа, дѣятельное и непосредственное участіе. На эти мысли наводитъ письмо графа Безбородко къ графу А. Р. Воронцову по поводу предстоящаго торжества, отъ 29-го декабря. „Много бы я хотѣлъ написать къ вашему сіятельству, но истинно нѣтъ времени, по причинѣ праздника и заботъ, касающихся до произвожденій и награжденій за подвиги. Тѣ и другіе будутъ довольно огромны, и я велѣлъ заранѣе для васъ заготовить росписи, ибо уже большая часть подписаны. Другъ нашъ графъ Петръ Васильевичъ [Завадовскій] входитъ послѣднимъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Немалаго мнѣ труда и усилія стоило, чтобъ для сихъ господъ вообще сдѣлано было по справедливости имъ принадлежащее.

„Негоціація наша съ Вѣнскимъ дворомъ кончена по нашему желанію, и мы подписали конвенцію о его и нашемъ удѣлахъ. Пруссакъ о Краковѣ и слышать не хочетъ, взявъ все ad referendum [на донесеніе], дая чувствовать, что съ нами нетрудно ему согласиться. Будьте увѣрены, что покажемъ не только дѣятельность и твердость, но даже и зубы. Уже графъ Суворовъ самъ собою рѣшился Варшаву не кидать до самаго

конца. Вообще, тамъ всѣ дѣла поправлены, и я о семъ около новаго года, по отдѣлавшися, напишу подробнѣе, а теперь кончу, обнимая васъ отъ всего сердца". Въ припискѣ письма онъ прибавилъ: „Морковъ подымаетъ горы, будто честь его требуетъ какого либо для него оказательства, ибо всѣ его оглашаютъ въ упадкѣ; но по сію пору ничто не успѣваетъ" [348]).

За труды по Польскому дѣлу, 1-го января 1795 года, Безбородкѣ было пожаловано 50,000 рублей единовременно и по 10,000 рублей пожизненной пенсіи, „въ изъявленіе отличнаго нашего,—какъ выражалась въ рескриптѣ Екатерина,—благоволѣнія къ усердной вашей службѣ и ревностнымъ трудамъ въ исправленіи разныхъ дѣлъ и должностей, по особой нашей довѣренности, на васъ возлагаемыхъ, споспѣшествующимъ пользѣ государственной и приращенію доходовъ" [349]). Въ этотъ же день, извѣщая о томъ мать свою, Безбородко писалъ: „Усердное приношу съ новымъ годомъ поздравленіе, желая, чтобъ Богъ сохранилъ васъ на долгое время и укрѣплялъ въ трудѣ къ истинному для меня обрадованію. Графъ Илья Андреевичъ [Безбородко] пожалованъ въ генералы-поручики въ армію; Аполлону Павловичу [Кочубею]—чинъ дѣйствительнаго камергера, въ отставку; а Виктору Павловичу [Кочубею] также камергерскій чинъ, оставляя его въ прежней министерской должности" [350]).

Окончивъ дѣла по Польскому раздѣлу, графъ Безбородко намѣревался посѣтить Москву, что и сообщилъ онъ Воронцову, 7-го февраля. „Теперь я занимаюся и день и ночь, чтобъ скорѣе все отправить и самому выѣхать, что въ будущую Пятницу, то есть 13-го февраля, надѣюся исполнить. Къ ея величеству послалъ я мои мысли по дѣламъ Персидскимъ. Я опасаюся, что они не понравятся, ибо я на чисто сказалъ, сколько химерична тамошняя бывшая система. Вы знаете, что я очень прилежалъ къ дѣламъ того края, но право не видѣлъ никакого слѣду къ большимъ успѣхамъ. Мною тутъ, конечно, не руководствовало никакое пристрастіе, или ненависть къ покойному; ибо я, конечно, много и премного ему былъ обязанъ, да и для переду лично для себя потерялъ не мало; но не могъ я ничего сказать противу справедливости. Я на вашъ, графа Николая Ивановича [Салтыкова] и Петра Васильевича [Завадовскаго] судъ отдаю все сіе дѣло. Въ Москвѣ болѣе пяти дней не останусь и радъ буду скорѣе васъ обнять отъ искренняго сердца" [351]). Не уѣзжая еще изъ Петербурга, въ виду, вѣроятно, заботъ о союзѣ съ Англіею, графъ Безбородко, 9-го февраля, написалъ знаменательное письмо къ Лондонскому нашему послу, о положеніи военныхъ силъ въ Россіи. „Наконецъ, ежели можно положиться на слова г. Витворта, союзъ нашъ съ Англіею ула-

женъ, какъ то ваше сіятельство усмотрите изъ депеши къ вамъ отъ графа Остермана. Вслѣдствіе сего Алексѣй Наумовичъ [Сенявинъ] имѣетъ предварительное повелѣніе сдѣлать очень хорошее вооруженіе, а именно: восемь 74-хъ пушечныхъ и четыре 66-ти пушечныхъ кораблей самыхъ надежныхъ съ 6-ю лучшими фрегатами для посылки въ помощь Англіи; да здѣсь пріуготовятъ на всякій случай отъ 15-ти до 18-ти кораблей, кромѣ гребнаго флота. Оба адмирала, то есть, Сенявинъ и Чичаговъ, назначаютъ надъ помочною эскадрою начальникомъ вице-адмирала Ханыкова, какъ знающаго Англійскій языкъ, человѣка испытаннаго, ибо онъ былъ любимый и собственный капитанъ адмирала Грейга, хотя онъ намъ весьма нуженъ былъ для гребнаго флота, гдѣ онъ въ годъ болѣе и лучше построилъ, чѣмъ многіе въ три года, и съ нимъ контръ-адмираловъ: Макарова и Тета. Лучшіе капитаны и въ томъ числѣ Сенявинъ и Мейснеръ туда же пошлются; но оба адмирала жалуются, что матеріалы къ вооруженію прескверные, что ни веревки, ни паруса порядочнаго и заготовлять не съумѣли. Словомъ, часть сія была запущена до крайности. Все, однакоже, ничто въ сравненіи карабельнаго флота Черноморскаго. Тамъ все до такого бѣдственнаго дошло состоянія, что и сказать стыдно и жалко. Ваше сіятельство удивитесь, когда узнаете, что князь Потемкинъ, по крайней мѣрѣ, умѣлъ хотя гнилые карабли выводить въ морѣ въ большомъ числѣ и что онъ при всемъ прочемъ имѣлъ великое въ разсужденіи людей проницаніе. Онъ худо отзывался о М[ордвиновѣ], сіе относя къ личному гоненію, по его смерти возстановленъ М[ордвиновъ], въ главномъ начальствѣ надъ флотомъ и адмиралтействомъ. Теперь выходитъ дѣло, что сей человѣкъ, при наружномъ видѣ Англичанина и твердаго въ своихъ правилахъ, дѣлаетъ вещи странныя и, конечно, вскорѣ очутится пребогатымъ человѣкомъ. Все втрое становится тамъ, долговъ накопилося съ суммою потребною на необходимыя пристройки до девяти милліоновъ рублей; кораблей, вмѣсто положенныхъ 20-ти по штату, всѣхъ только 9-ть, когда Турки назначали у себя имѣть 25 линейныхъ на одно Черное море. Гребной флотъ тутъ не существуетъ, кромѣ гнилыхъ остатковъ князя Потемкина и нѣсколько десятковъ Запорожскихъ лодокъ, на кои покойникъ втащилъ осадныя орудія. Рибасъ, хотя, также кармана своего не забываетъ, но гораздо скромнѣе нашего природнаго адмирала и всѣми образами хочетъ увильнуть отъ сообщества съ нимъ. Въ бытность М[ордвинова] здѣсь держаны были конференціи семи здѣшнихъ флагмановъ съ нимъ о штатахъ, на коихъ наши доказывали ему всѣ оплошности, и иные бралися за гораздо меньшія деньги сдѣлать больше, подчиня Черноморское адмиралтейство коллегіи; но тутъ я ду-

маю, помѣшало самолюбіе и охота присвоять себѣ ежели не точную команду, то, по крайней мѣрѣ, опеку надъ всѣмъ тамошнимъ краемъ и всѣмъ, что въ немъ есть. Вотъ вамъ состояніе нашей морской силы.

„Во многомъ не лучше и сухопутная, кромѣ храбрости войска и остатка еще дисциплины, а всего болѣе крайняго послушанія нижнихъ чиновъ, которое покойникъ было разрушилъ, но по смерти его само собою и паки возстановилося. Кавалерія наша гораздо лучше стала, разумѣя полки Малороссійскіе и прочіе Украинскіе. Оная одна рѣшила все сраженіе Брестское, которое было началомъ всѣхъ успѣховъ. Полкъ Глуховскій карабинарный, по признанію самихъ Польскихъ генераловъ, въѣхалъ въ батарею, одну изъ главныхъ, и быстрымъ ударомъ взялъ оную. Казаки еще не совсѣмъ избаловалися, хотя ихъ старшины многіе уже въ камеръ-юнкерскій видъ претворилися. Но нѣтъ никакого хозяйства. Старикъ генералъ-кригскомисаръ больше всѣхъ трудится, чтобъ распутать глупости Михаила Потемкина и снабдить армію, сберегая казну какъ можно; напротивъ того, провіантская часть до того дошла, что кромѣ экстраординарной суммы, посылаемой фельдмаршалу и князю Репнину на заграничныя войска, канцелярія сверхъ штатныхъ дѣлъ до 6-ти милліоновъ въ годъ издерживаетъ. Одинъ только добрый Гудовичъ умѣлъ, взявъ на себя продовольствіе войскъ Кубанскихъ и Кавказскихъ, въ три года своей команды сберечь сумму цѣлаго года, то есть болѣе шести сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ, расходы такъ идутъ, что сдѣлавъ прибавку въ прошломъ году, ничего не останется, а въ концѣ года и въ началѣ недостатокъ очутится, не говоря о внѣшнихъ и внутреннихъ долгахъ. Расходы двора также безмѣрны. Одно содержаніе Браницкой до двухъ сотъ тысячъ рублей въ годъ простирается, а, хотя, по моему совѣту, государыня и предлагала ей въ собственность на выборъ домъ въ Петербургѣ или мой, или вашъ, за Фонтанкою, или графини Шуваловой, или генералъ-маіора Попова, что былъ оберъ-маршала Голицына, вновь отдѣланный съ сервизомъ и прочимъ; но она всемѣрно отъ сего подарка отдѣлывается. Содержаніе графа Николая Ивановича Салтыкова столько же стоитъ; прибавьте къ сему разные другіе столы. Словомъ, отпуская по три милліона въ Придворную Контору на годъ, не стало уже давно сихъ денегъ, и она около двухъ милліоновъ въ долгу очутилася. Я того не боюся, что новые недостатки навлекутъ намъ новыя заботы; но положилъ, ежели и паки ко мнѣ пристанутъ о средствахъ къ наполненію ихъ, убрать ихъ безъ стыда, ибо всему есть мѣра, а то уже кажется не минуетъ.

„Торговля наша хотя и хорошо идетъ, но какъ для нея, такъ на

иначе для таможенной части надобенъ человѣкъ, а не полоумный стихотворецъ, который никакихъ чистыхъ государственныхъ понятій не имѣетъ; судите же, что намъ за прибыль будетъ изъ такихъ славныхъ и огромныхъ пріобрѣтеній, каковыя мы теперь себѣ заготовили и гдѣ продукты рѣки, порты и, словомъ, все голодные дни обѣщаетъ.

„Наша часть идетъ кое-какъ получше другихъ, какъ то вы сами лучше видите; но безъ внутреннихъ ресурсовъ и она не такъ пойдетъ. Ожидаемъ изъ Берлина новыхъ отвѣтовъ на наше и Австрійское о Краковѣ настояніе. Что же касается до нашихъ предѣловъ, оные отъ обоихъ нашихъ союзниковъ приняты за благо, и мы, конечно, не въ накладѣ. Кочубей, безъ сомнѣнія, вамъ часто пишетъ. Онъ продолжаетъ вести дѣла хорошо, и здѣсь ему отдаютъ справедливость; надѣюсь, что онъ свою дорогу благополучно свершитъ. Кажется, что съ той стороны и вида нѣтъ къ разрыву; связь же наша съ Англіею еще и болѣе тому способствовать будетъ.

„Здѣсь навезли Поляковъ, которые подъ разнаго рода стражами содержатся. Костюшко, Игнатій Потоцкій и другіе допрашиваны. Первый былъ энтузіастъ, честный человѣкъ, но весьма ограниченъ; второй же прямо государственный человѣкъ, хотя не послѣдній плутъ. Всѣ они заражены конституціею 3-го мая и наслѣдною монархіею. По окончаніи дѣлъ, положено отпустить ихъ на свѣтъ и дать полную всѣмъ амнистію. Король въ Гроднѣ и почти условился о своемъ жребіи, а герцогъ Курляндскій здѣсь оченъ хорошо ласкается, и мы его продержимъ, покуда надобно; а Курляндцы хотятъ отъ него избавиться и просятъ принятія подъ державу Россіи, просто на томъ основаніи, какъ Лифляндія и Малороссія". Въ припискѣ къ письму, графъ Безбородко, сказавъ, что священнику Смирнову прибавлено жалованье и дано награжденіе, закончилъ ее такъ: „Людей, упоминаемыхъ въ извѣстныхъ письмахъ, никакъ отыскать не могли; да теперь уже и генеральная амнистія заготовлена, которая на первой недѣлѣ и выйдетъ" [352]).

Екатерина щедро наградивъ, по своему обычаю, великія услуги, оказанныя Безбородкою по дѣлу о присоединеніи къ Россіи земли отъ бывшей Польши, не остановилась на этомъ, а поручила его дознанной опытности довершить и устройство Польскихъ земель въ существеннѣйшихъ отношеніяхъ,—возсоединеніе уніатовъ, населявшихъ пріобрѣтенный отъ Польши край, и составленіе акта объ обезпеченіи герцога Курляндіи, отошедшей къ Россіи по третьему раздѣлу Польши.

Къ внутреннимъ распоряженіямъ по Литовскому краю, къ началу 1795 года, относится введеніе въ обращеніе въ Литвѣ Русскихъ ассигнацій.

По представленію сдѣланному княземъ Репнинымъ, которое мною не найдено, императрица рескриптомъ, отъ 8-го февраля 1795 года, повелѣла принимать доходы слѣдуемые въ казну съ таможенъ и такъ называемыя кварты со староствъ [плата взимаемая съ пользовавшихся владѣніемъ коронныхъ имѣній, во время существованія Рѣчи Посполитой, на содержаніе войскъ] дозволено принимать въ ассигнаціяхъ, но по курсу звонкой монетой, а жалованье войску выдавать ассигнаціями по ихъ нарицательной цѣнѣ; но какъ разность цѣнности ассигнацій и звонкой монеты была до того велика, что за бумажный рубль давали только 66 коп. звонкою монетою, то князь Репнинъ письмомъ къ графу Безбородкѣ, обратилъ вниманіе его на убытки, которые при этомъ должны нести военные люди, особенно нижніе чины. Графъ Безбородко, отъ 10-го марта 1795 года, на это отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ: „По содержанію письма вашего сіятельства, я смѣло могу васъ увѣрить, что здѣсь и не полагалось инако опубликовать объявленія, кромѣ того, что отъ васъ прислано, и что подъ именемъ ажіо разумѣлася только разность въ монетѣ, а, впрочемъ, конечно, считаютъ, что пошлины и отъ староствъ кварты будутъ собираемы серебромъ или золотомъ, развѣ бы ваше сіятельство сами нашли со временемъ неопредолимыя затрудненія, какъ напримѣръ и здѣсь случилось, что по не имѣнію вовсе ефимковъ, принуждены были дозволить, подъ именемъ заклада, взносить за ефимокъ сперва по два рубли, а послѣ и по 2 руб. 50 коп. Таковый недостатокъ въ серебрѣ и золотѣ не дозволилъ сдѣлать никакого точнаго постановленія въ пользу войскъ; но, впрочемъ, зависѣть будетъ отъ вашего сіятельства ежели у васъ случатся деньги въ сборѣ золотомъ или серебромъ, обратить ихъ на жалованье, а на прочіе расходы измѣщатся бумагами, трудность доставать монету умножилася еще и паче и тѣмъ, что ни займовъ сдѣлать, ниже переводить порядочно нельзя. Внутри государства мѣнять трудно, ибо хотя г. генералъ-прокуроръ и успѣлъ въ Москвѣ обмѣнять 400,000 рублей, съ платежомъ по 40 на сто; но вдругъ ажіо 5 процентами еще поднялся. Теперь г. генералъ-кригскомисаръ намѣренъ разослать людей въ разныя мѣста, въ томъ числѣ и на Вятку, но я не думаю, чтобъ сія операція пошла далеко.

„По дѣламъ съ союзниками, сосѣдями нашими, скоро ожидаемъ рѣшительнаго отвѣта изъ Берлина. Миръ съ Франціею у короля Прусскаго не такъ близокъ; но, впрочемъ, надобно да и пора, на всѣ стороны оказать видъ готовности, не маня себя надеждою, что отъ одной части можно подкрѣплять другую, ибо огонь, буде возгорится, то конечно, со всѣхъ сторонъ, а инако вездѣ спокойно останется“ [353]).

Возсоединеніе уніатовъ поручено было Безбородкѣ совмѣстно съ митрополитомъ Гавріиломъ и генералъ-губернаторомъ новоприсоединенныхъ областей Тутолминымъ. Въ именномъ указѣ, объявленномъ Св. Синоду 13 апрѣля 1795 г., повелѣвалось: Для управленія православными монастырями и церквами во вновь присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, часть ихъ отдѣлить къ смежнымъ губерніямъ: Екатеринославской, Кіевской, Могилевской и Полоцкой, а надъ остальными устроить особое епархіальное управленіе [354]). Тогда же назначенъ былъ преосвященный Викторъ, коадъюторъ Кіевской митрополіи, архіепископомъ Минскимъ, Изъяславскимъ и Брацлавскимъ. Въ вѣдѣніи его находилось въ трехъ означенныхъ губерніяхъ 40 монастырей и болѣе 250 приходскихъ церквей. Ему дана была подробная инструкція, какъ относительно вообще управленія епархіей, такъ особенно касательно отношеній къ уніатамъ и католикамъ. Въ тоже время данъ былъ указъ генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы свѣтское начальство оказывало, въ чемъ слѣдуетъ, помощь и защиту желающимъ принять православіе, а Св. Синоду,—чтобы онъ приготовилъ отъ имени архіепископа Минскаго увѣщаніе къ жителямъ присоединиться къ православной церкви [355]). Но еще раньше обнародованія увѣщанія, многіе уніаты изъявили желаніе присоединиться къ православію. Послѣ увѣщанія число ихъ простиралось болѣе милліона, съ 2328 церквами. Донося объ этомъ Св. Синоду, архіепископъ Викторъ выражалъ трудность одному управлять такою обширною, и по пространству и по числу паствы, епархіей, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся на присоединеніе и множества другихъ уніатовъ, и просилъ потому отдѣлить часть отъ его епархіи, для образованія новой, назначить ему викарія, учредить въ епархіи нѣсколько монастырей и снабдить вновь присоединенныя церкви Богослужебными книгами. Всѣ эти представленія поручено было разсмотрѣть митрополиту Гавріилу, графу Безбородкѣ и Тутолмину. Безбородко и Тутолминъ подали мнѣніе вмѣстѣ. Оно состояло въ томъ, чтобы послать въ эти области даромъ церковныя книги, чтобы, если не опредѣлять новыхъ архіереевъ, то послать на время викарія Кіевскаго митрополита, и чтобы основать въ каждой изъ новыхъ губерній, Минской, Изъяславской и Брацлавской, по одному мужескому и одному женскому монастырю, а при нихъ учредить и семинарію. Митрополитъ Гавріилъ находилъ, что книги можно послать по сбавленной цѣнѣ; что же касается посылки Кіевскаго викарія, то это неудобно, а лучше назначить Виктору викарнаго архіерея. Касательно монастырей митрополитъ соглашался съ мнѣніемъ Безбородки и Тутолмина [356]). Мнѣнія эти тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода А. И. Мусинъ-

Пушкинъ, какъ видно, представлялъ императрицѣ и, вѣроятно, по указанію ея, дѣлалъ помѣтки, какъ поступить. Рѣшено было: книги послать по сбавленной цѣнѣ только на первый разъ; назначить особаго епископа Брацлавскаго и кромѣ того викарнаго Житомірскаго въ пособіе Виктору; мнѣніе о монастыряхъ принять.

Записка графа Безбородки, хотя и получила нѣкоторыя измѣненія подъ перомъ митрополита Гавріила, тѣмъ не менѣе она послужила къ устройству уніатовъ въ Бѣлоруссіи при Екатеринѣ II. Для нашего же труда собственно важенъ самый фактъ, что такое спеціальное дѣло поручено было императрицею Безбородкѣ, а не кому другому.

Кстати припомнимъ здѣсь мнѣніе Безбородки о Польскихъ бунтовщикахъ и эмигрантахъ, свидѣтельствующее о его высокопатріотическихъ чувствахъ. По волѣ Государыни, 19 апрѣля 1795 года, представлены были „вѣдомости объ имѣніяхъ въ губерніяхъ Минской, Изъяславской и Брацлавской и въ отдѣляемыхъ отъ нихъ частяхъ къ другимъ смежнымъ намѣстничествамъ, принадлежавшихъ подъ разными титулами Полякамъ, участвовавшимъ въ послѣднемъ бунтѣ, такожъ отлучившимся внѣ предѣловъ имперіи Всероссійской“. Совѣтъ, разсматривая эти вѣдомости, шестью пунктами положительно опредѣлилъ, какъ должно быть поступлено съ имѣніями, принадлежащими бунтовщикамъ, и выразилъ мысль, что „всѣ участвовавшіе въ бунтѣ дѣломъ, или совѣтомъ, или иными пособіями“, нарушивъ присягу, оказались прямыми измѣнниками, а потому должны лишиться всего благопріобрѣтеннаго ими имѣнія въ пользу казны, на основаніи общихъ государственныхъ законовъ; но что касается до наслѣдственныхъ имѣній, принадлежавшихъ преступникамъ, Совѣтъ признавалъ ихъ неподлежащими конфискаціи, въ виду того, что какъ публикованнымъ при возвращеніи помянутыхъ областей къ Россіи плакатомъ присвоены обитателямъ ихъ безъ изъятія всѣ права и выгоды, каковыми древніе Россійскіе подданные пользуются; а въ жалованной отъ ея императорскаго величества Россійскому дворянству грамотѣ, апрѣля 21-го 1785 года писано въ ст. 23: „благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдается законному его наслѣднику или наслѣдникамъ“, то означенныя наслѣдственныя имѣнія преступниковъ должны отданы быть наслѣдникамъ ихъ, буде они сами въ винѣ не участвовали, да и внутри предѣловъ Россійскихъ находятся: ибо если оные внѣ государства были и остаются, не могутъ правами подданныхъ пользоваться и оными защищаться“.

Безбородко, какъ истинный юристъ, вникнувъ глубже въ дѣло, обратилъ вниманіе Совѣта на духъ закона Екатерины, выраженный въ гра-

мотѣ, данной Россійскому дворянству. При подписаніи протокола, въ тотъ же день, 19 апрѣля, онъ подалъ особое мнѣніе, писанное дословно его рукою, въ которомъ выразилъ свое несогласіе.

„По общимъ государственнымъ законамъ положено: обличеннаго въ бунтѣ и измѣнѣ лишать имѣнія его, въ чемъ и Статутъ Литовскій, Кіевскому, Брацлавскому, Подольскому и Волынскому воеводствамъ присвоенный, такимъ образомъ согласуетъ, что точно и именно въ немъ сказано: „хотя сынъ за отца терпѣть и за вину его отвѣтствовать не долженъ, однакожъ къ имѣнію измѣнника, въ казну конфискуемому, никакого права не имѣетъ, исключая добра матери его, буде она въ преступленіи не участвовала. Ея императорскому величеству угодно было издать жалованную грамоту Россійскому дворянству и въ ней 23-ею статьею ограничить, въ случаѣ преступленія, конфискацію имѣнія на одни благопріобрѣтенныя, исключая изъ того всѣ наслѣдственныя; но должно тутъ вникнуть въ прямой разумъ и намѣреніе законодателя. Грамота сія исчисляетъ знаменитыя заслуги Россійскаго дворянства, пособствовавшаго возведенію имперіи на настоящую степень славы и величія и, опредѣляя многія милости и преимущества, въ знакъ монаршаго признанія, означаетъ, между тѣмъ, въ 23-ей статьѣ, и помянутое различіе между наслѣдникомъ и особою преступника пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Тутъ явно намѣреніе законодателя, что если въ родѣ какомъ-либо найдется такой извергъ, который забылъ бы присягу вѣрности, то въ пользу несчастныхъ дѣтей его служитъ уваженіе заслугъ дѣдовъ, прадѣдовъ и отдаленныхъ предковъ ихъ, кои служили вѣрно государю. Но Поляки, въ послѣднемъ мятежѣ участвовавшіе, какія имѣютъ предъ имперіею Россійскою заслуги въ предѣлахъ ихъ, когда непосредственно за учиненіемъ клятвы на подданство и объявленіемъ, что будутъ они пользоваться правами и преимуществами Россійскими, тотчасъ въ явной измѣнѣ оказались? Заключаю по тому, что сила жалованной дворянству Россійскому грамоты на нихъ не простирается, и что въ семъ пунктѣ надлежитъ слѣдовать собственнымъ ихъ законамъ, по волѣ ея величества въ сихъ губерніяхъ употребляемымъ“ [357]).

Другимъ важнымъ дѣломъ было окончательное опредѣленіе издержекъ Россіи на семью герцога Курляндіи, отошедшей въ составъ Русскихъ владѣній. По этому дѣлу была учреждена коммиссія, и Безбородко былъ однимъ изъ первыхъ ея членовъ de jure и первымъ членомъ и работникомъ de facto. Ходъ работъ по присоединенію къ Россіи Курляндіи, графъ Безбородко разсказалъ въ двухъ письмахъ своихъ; въ нихъ же онъ разсказалъ и о дальнѣйшихъ переговорахъ по разграниченію

Польскихъ земель по отношенію къ Пруссіи и Австріи. Не писавъ Воронцову болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ первомъ письмѣ, отъ 9 марта, онъ выразилъ, что „разныя обстоятельства, а особливо отлагая ото дня въ день, чтобѣ дѣла хотя нѣсколько болѣе объяснилися, довели мою медленность даже до сего дня. Я начну, отступивъ гораздо назадъ. Вамъ извѣстны были, съ одной стороны, замашка Австрійцевъ захватить себѣ удѣлъ, даже съ нашимъ предосужденіемъ, и съ другой, упрямство Прусское уступить Краковъ и Сендомиръ Цесарцамъ, простирая даже свои притязанія на бо̀льшую часть Самогиціи и уголъ Курляндіи. Конференціи не прежде мы начали, какъ когда получили изъ Вѣны, что они отступаютъ отъ своихъ къ нашему удѣлу притязаній, и Бугъ полагаютъ съ нами границею. Въ тоже время посредствомъ интерцедентовъ изъ Вѣны, узнали мы, что Тауенцинъ предлагалъ мысль, дабы отдать Сендомиръ Австріи, а Краковъ удержать за Пруссіею, и король было рѣшился на сію мѣру; но Гогвицъ, ненавидя Австрійцевъ, уговорилъ Бишофсвердера и еще двухъ генераловъ подать мнѣніе, утверждая опасность для Пруссіи военными резонами со стороны уступки двухъ помянутыхъ воеводствъ, не представляя оной отнюдь въ уступкѣ Курляндіи и Самогиціи по Нѣманъ; а чтобъ еще болѣе подкрѣпить сію мысль, писалъ въ Вѣну къ Лукезинію, дабы и онъ сходныя тому королю подалъ представленія. Письмо Лукезиніево и въ самомъ дѣлѣ подѣйствовало надъ королемъ, такъ что онъ рѣшительное далъ приказаніе Тауенцину настоять на свое требованіе касательно Кракова и Сендомира, но дать выразумѣть, что у насъ съ нимъ никакаго спора о границахъ быть не можетъ. Подъ такими видами продолжались наши переговоры, въ коихъ мы оказали большую твердость въ пользу Вѣнскаго двора, гдѣ посолъ сего двора явилъ, что онъ не новъ въ дѣлахъ и бралъ сильное преимущество надъ молодостію и неопытностію г. Тауенцина; но дѣло не доведено къ общему соглашенію, а кончено секретными актами съ Вѣнскимъ дворомъ. Первымъ, коимъ оба императорскіе двора постановили свои удѣлы, и оные другъ другу гарантировали, предполагая остающуюся за тѣмъ часть Польши предоставить Пруссіи, когда она приступитъ къ сему раздѣлу. При семъ условлено, чтобы мы держали Варшаву со всѣмъ княжествомъ Мазовецкимъ и Подляхіею, покуда король Прусскій приметъ или согласится съ нами. Вторымъ, приступилъ Вѣнскій дворъ къ секретной о раздѣлѣ конвенціи, генваря 12-го 1793 года, касательно насъ, обѣщая тоже исполнить и въ разсужденіи короля Прусскаго, какъ скоро онъ согласится съ нынѣшнимъ раздѣломъ. Третьимъ, самымъ секретнѣйшимъ, оба дворы положили casus foederis [заключить союзъ] противу Берлинскаго двора, почитая, въ

одномъ отъ него на которую либо изъ двухъ державъ нападеніи, дѣйствовать противу онаго точно такъ всѣми силами, какъ о войнѣ съ Портою въ секретномъ артикулѣ положено, разумѣя и индемнизацію. Тутъ же обѣщаютъ оба дворы и именно, естьли по войнѣ съ Франціею императору не удастся возвратить поссесіи свои, Венеціянами нѣкогда отторгнутыя, съ нашей стороны способствуя добрыми услугами, оборонять императора всѣми силами въ случаѣ войны отъ него за то отъ Пруссіи и отъ Турковъ. Во вторыхъ, полагаютъ, на случай войны съ Портою, стараться произвесть въ дѣйство извѣстный планъ, въ письмахъ государыни съ Іосифомъ II постановленный, а, по крайней мѣрѣ, доставить Молдавію, Валахію и Бессарабію въ пользу великаго князя или великой княжны Россійской наслѣдственно. Все сіе произведено въ дѣйство наисекретнѣйше, такъ что никто не знаетъ, что конвенціи сдѣланы и ратификаціи размѣнены. (Впервыя еще обѣ стороны, избѣгая другъ предъ другомъ себя именовать, подписали акты односторонно, и не было тутъ споровъ о первенствѣ). Теперь положено ожидать изъ Берлина отвѣта на посланныя отъ насъ вновь увѣщанія, а затѣмъ и сообщить первый актъ чрезъ Алопеуса и князя Рейса, маня приступленіемъ Вѣнскаго двора къ конференціи 12-го генваря 1793 года, держася, между тѣмъ, крѣпко въ Варшавѣ. Дождаться отвѣта и потому прежде нужно, что Тауенцинъ, какъ человѣкъ добрый и миролюбивый, сколько намъ вѣрно извѣстно, предложилъ вновь своему двору необходимость искать средства къ сближенію обоюднаго упрямства, и намъ дѣлалъ нѣкоторыя внушенія, чтобъ Австрійцевъ учинить податливѣе на какія либо уступки. Надобно при томъ знать, что въ депешахъ къ нему, кои онъ намъ сообщалъ, всегда твердитъ король Прусскій, что инако онъ предпочитаетъ оставить вещи, какъ по раздѣлу 1793 года они были. Я было настоялъ, чтобъ сдѣлать съ Пруссаками предварительную конвенцію, въ коей, оставя ихъ самихъ негоцировать съ Австрійцами о границѣ между ними, положить между нами и Пруссіею точные предѣлы, потому наипаче что Тауенцинъ твердитъ, что между нами бы можно было кончить, не имѣя никакаго спора, но я не знаю, для чего сіе не произведено въ дѣйство.

„Теперь начнется дѣло присоединеніемъ Курляндіи къ Россіи. Сеймъ начался 5-го марта, а къ 25-му присланы будутъ депутаты съ принесеніемъ подданства безпосредственнаго, съ отверженіемъ феодальнаго правленія и съ прошеніемъ утвердить ихъ права и привиллегіи по примѣру Лифляндіи. Герцогъ самъ послалъ къ своимъ оберъ-ратамъ рескриптъ, чтобы депутаты къ нему явилися, что онъ и самъ актъ подпишетъ. Говорятъ, что онъ, ненавидя своихъ племянниковъ, небрежетъ о

преимуществѣ герцогства; да и ближніе его говорятъ, что онъ только желаетъ остаться по смерть правителемъ; но и сего не надобно. Дворъ Прусскій не оказываетъ ни малѣйшей заботы по сему пункту и никакихъ нигдѣ подвиговъ вопреки не сдѣлалъ.

„Вслѣдъ за симъ (но не прежде, какъ Курляндія присягу учинитъ и правленіе введетъ) послѣдуетъ сообщеніе нашей конвенціи Прусскому королю; а между тѣмъ откроется удобность или пустота Прусскихъ стараній о примиреніи съ Франціею. Въ случаѣ невозможности таковаго мира, должно, и кажется несомнительно, ожидать, что Пруссаки проглотятъ сію пилюлю, особливо же ежели Цесарцы станутъ внимать нашему совѣту, чтобы, хотя, нѣсколько для спасенія достоинства Прусскаго сдѣлать уступку, напримѣръ, маленькаго угла между Вислы и Буга, держася точныхъ границъ Люблинскаго воеводства, и также поравнять кривизны со стороны Кракова, и притомъ не укрѣплять Кракова. Я тогда почту дѣла совершенно, славно и счастливо конченными, и останется жить только съ умомъ и покоемъ; да и я пойду въ отпускъ, то есть учреждать новыя дороги и почты.

„Но буде король Прусскій успѣетъ въ собственномъ мирѣ своемъ съ Франціею, сколько бы онъ ни былъ мало для него выгоденъ и непроченъ, въ такомъ случаѣ слѣдствія пагубныя неизбѣжимы. Я увѣренъ, что онъ первый шагъ тогда сдѣлаетъ декларацiею, что онъ желаетъ оставить Польшу въ ея состояніи по послѣднему раздѣлу и пригласитъ Поляковъ составить конференцію подъ его собственною защитою въ углу Польши, подъ его властію нынѣ состоящемъ. Ваше сіятельство себѣ легко представить можете, съ какимъ успѣхомъ распространится безпокойство. Галиція вся наполнена Польскими эмигрантами, и тамъ всѣ головы готовы къ бунту, да и не встрѣтятъ много затрудненій; ибо, правду сказать, трудно найти болѣе слабости, какъ въ Вѣнскомъ кабинетѣ, и незначимости, какъ въ императорѣ. Въ Варшавѣ, хотя, со стороны войскъ нашихъ имѣютъ бдѣніе, поколику до себя касается, и конечно, графъ Суворовъ скорѣе всю Варшаву истребитъ до основанія, чѣмъ дастъ своихъ сюрпренировать; но тутъ кроется всегда гнѣздо мятежное. Богъ знаетъ, для чего попускаютъ жить Іосифу Понятовскому среди самой Варшавы. Онъ ходитъ безъ орденовъ, въ прежнемъ революціонномъ плащѣ, угощаетъ и содержитъ множество офицеровъ, бывшихъ при уничтоженной арміи, а сіи дозволяютъ себѣ болтать на счетъ нашъ. Полиція г. Буксгевдена очень бдительна, но графъ Суворовъ взялъ на себя слишкомъ видъ большой кротости. Безпокойныхъ изъ черни высылаютъ за кордонъ Прусскій, гдѣ ихъ пишутъ въ солдаты, хотя Буксгевденъ представлялъ, чтобъ ихъ

лучше для страху посылать въ Кіевъ, для употребленія въ дальніе гарнизоны и работы; офицеровъ же никакъ не усмромляютъ. Того только и ждать, что вспыхнетъ огонь, а король готовъ пристать къ революціи, и я бы совѣтовалъ его изъ Гродны, до рѣшенія дѣла, взять куда либо ближе. Вообще дѣла послѣ взятія Варшавы пошли страннымъ ходомъ. Наши новые министры и правители, въ полномъ удостовѣреніи, что добрый оборотъ дѣлъ есть ихъ единственная работа, зачали насъ худо трактовать, такъ что мы не знаемъ уже ничего, что тамъ дѣлается. Суворовъ себя исключаетъ самъ изъ зависимости фельдмаршала стараго, а сей послѣдній и самъ удаляется отъ распоряженій по той части. Князь Репнинъ весьма малодушествуетъ и видитъ всякую бѣду втрое. Денегъ вовсе нѣтъ, разумѣя серебро и золото; и я не понимаю, какъ мы выдемъ, ежели дойдетъ дѣло до разрыва съ Пруссаками. Войска ихъ, конечно, мы знаемъ, что мало теперь значатъ и наши отчасти голыя и босыя ихъ несравненно лучше; но съ бумагами ни хлѣба, ни прочаго не достанешь; а, кажется, что и весьма отъ того далеки мы, чтобъ думать о покоѣ. Прибавить къ сему надобно, что Шведы начинаютъ нѣсколько подымать тонъ, а Турки сколько ни смирны, но не останутся спокойны, когда общій огонь возгорится.

„Съ Англіею, кажется, мы заключимъ трактатъ союзный, оборонительный, въ которомъ сія держава согласилася уже дать намъ безпредѣльную гарантію на настоящія наши владѣнія, и на тѣ даже, которыя мы послѣ пріобрѣсти можемъ. Корпусъ трактата составленъ въ общей силѣ, но въ сепаратныхъ артикулахъ мы даемъ ей на настоящую кампанію морскую помощь въ 12-ти корабляхъ и 6-ти фрегатахъ; а они обѣщаютъ намъ не только помогать противу Шведовъ, но casus foederis [заключеніе союза] простираютъ и на Порту. Тутъ же включено условіе, чтобъ по окончаніи дѣлъ Польскихъ, когда мы будемъ безопасны отъ сосѣдей, нашихъ, дать съ нашей стороны въ общемъ дѣлѣ и сухопутное пособіе по соглашенію съ ними, и Австрійцамъ. Витвортъ надѣется, что сей трактатъ пойдетъ въ дѣло, и теперь меньше онъ сердитъ на раздѣлъ Польши.

„Часъ отъ часу труднѣе становится дѣлатьдѣла, и мое положеніе весьма было бы непріятно, ежели бы я не принялъ систему удаляться отъ всего кромѣ того, чѣмъ уже меня насильно обременить захотятъ. Дай Богъ, чтобъ все шло хорошо и чтобъ никто не имѣлъ нужды поправлять разстроеннаго; а впрочемъ на многое смотрѣть весьма непріятно.

„Морковъ таковъ всегда какъ былъ. Онъ писалъ однажды къ Разумовскому, чтобъ онъ внушилъ Тугуту, на случай разрыва съ королемъ

Прусскимъ, сколько было бы полезно озаботить его у себя заведеніемъ безпокойствъ Польскихъ его подданныхъ. Разумовскій партикулярно ему отвѣчаетъ, что мысль сія показалася Тугуту странною, что онъ подобныя операціи и вездѣ, наипаче же въ нынѣшнее время, считаетъ опасными, а здѣсь и сугубо, представляя себя и насъ въ равномъ положеніи релятивно нѣкоторыхъ нашихъ провинцій, que l'intimité de deux cours impériales, la fermeté de leur ton, la promptitude des mesures et la valeur de leurs forces [что тѣсная дружба между обѣими императорскими дворами, твердость ихъ дѣйствій, быстрота мѣръ и доблесть ихъ войскъ] всего болѣе подѣйствуютъ надъ королемъ Прусскимъ и его всякой разъ обуздаютъ. Я всякой разъ государынѣ тоже твердилъ, говоря, что ея честь и сила не позволяютъ прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, въ которыхъ еще то уважить надобно, что Поляки болѣе всѣхъ Россіи неприятели. Впрочемъ, графъ Зубовъ держитъ его не на высокомъ тонѣ.“ Въ письмѣ, отъ 19-го марта, графъ Безбородко, исключительно писалъ о дѣлахъ Курляндіи. „Настоящую почту не хочу я пропустить безъ увѣдомленія васъ, что сеймъ въ Курляндіи окончень безусловнымъ присоединеніемъ Курляндіи къ Россіи, подъ безпосредственное правленіе, уничтожая ленную бывшую княжескую систему, и съ принесеніемъ подданства назначены депутатами главнымъ г.Говенъ и съ нимъ еще пять особъ и одинъ секретарь. Города также подписали актъ покоренія. Герцогъ не ожидая прибытія депутатовъ, прислалъ самъ собою добровольно актъ разрѣшенія Курляндцевъ отъ присяги, отрицанія отъ всякихъ государскихъ правъ, участія въ правленіи и поверженія въ волю и протекцію государыни своей и семейства своего участи. Говенъ игралъ большую роль, такъ что всѣ безъ изъятія къ нему прилѣпилися. Поздравляю ваше сіятельство симъ событіемъ. Вы всегда его прорекали и не спускали съ глазъ, а нѣкогда и рукъ; но теперь пускай его другіе себѣ присвояютъ, а мы и тѣмъ довольны будемъ, что доброе дѣло само собою свершилося. О далъ бы Богъ, чтобы и прочее такъ легко и плавно сгладилося“ [358]).

Вслѣдъ за тѣмъ, 29-го мая, 1795 года, императрица подписала на имя особой коммиссіи рескриптъ, въ которомъ изображено было слѣдующее: „Пріемля за благо мнѣніе, намъ представленное отъ нашихъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, графовъ: Остермана, Безбородки и Самойлова, генерала-поручика барона фонъ-деръ-Палена и тайнаго совѣтника Моркова, повелѣваемъ, съ герцогомъ Курляндскимъ постановить надлежащій актъ, на основаніи онаго съ тѣмъ однакожъ, чтобъ пенсіи, положенныя прежде сестрѣ, брату, женѣ и дѣтямъ сего послѣдняго, производимы были впредь изъ 100,000 талеровъ, ежегодно помянутому гер-

цогу опредѣленныхъ [359]), и чтобъ уже за настоящимъ распоряженіемъ всякаго рода притязанія со стороны его мѣста имѣть не могли. Проектъ таковаго акта внесть предварительно на усмотрѣніе наше" [360]).

Раздѣлъ уничтоженной Польши между ея сосѣдями не приведенъ былъ къ полному окончанію и еще существовали дипломатическія недоразумѣнія, которыя могли повернуть дѣло такъ или иначе. Между Пруссіею и Россіею, съ 1795 года, начались видимыя неудовольствія, которыя по соображеніямъ прозорливыхъ дипломатовъ, при неблагопріятномъ поворотѣ обстоятельствъ, могли угрожать разрывомъ. Пруссія успѣла заключить съ Франціею 5-го апрѣля, 1795 года, перемиріе, а по поводу этого графъ Суворовъ, по своей привычкѣ высказался темными и двухсмысленными остротами: „Такъ какъ крысы, мыши, кошки находятся безпрестанно въ движеніи въ семъ домѣ, и ни на минуту не даютъ мнѣ покою, посему я намѣреваюсь какъ, наискорѣе, перемѣнить квартиру". Съ другой стороны, Прусскій генералъ, принцъ Гольштейнъ-Бекъ, сообщилъ князю Репнину, что въ Прусскомъ войскѣ, по поводу празднованія этого мира будетъ происходить пальба, которая можетъ подать поводъ къ ложнымъ объясненіямъ. Словомъ, нашлись зловѣщія слухи и толки, подобные тѣмъ, какіе предшествовали бывшему мятежу, а потому вынудили князя Репнина снестись съ графомъ Безбородкою и просить у него разъясненій. Въ письмѣ своемъ, отъ 11-го іюня 1795 года, Безбородко успокоивалъ Репнина на счетъ Пруссіи, но указывалъ, что если можно ожидать недоразумѣній, то скорѣе со стороны Австріи, которая близка къ столкновенію съ Пруссіею и хочетъ, чтобы Россія заявила себя на сторонѣ первой противъ послѣдней. „Считая,—писалъ графъ Безбородко,— что ваше сіятельство были увѣдомлены вообще о положеніи дѣлъ, я васъ не безпокоилъ моими письмами, да и тѣмъ еще болѣе, что всего менѣе можно назвать то положеніе дѣлъ яснымъ и удобнымъ къ вѣрнымъ заключеніямъ. Сія неизвѣстность продолжается и нынѣ. Поведеніе обоихъ нашихъ союзниковъ самое странное, наипаче же со стороны Австрійцевъ. Сами прежде спѣшили сдѣлать сообщеніе нашихъ условій Берлинскому двору, хотя я не находилъ большой нужды въ такой поспѣшности; но когда и повелѣнія уже отъ насъ были посланы въ Вѣну для доставленія въ Берлинъ, вдругъ отвѣчали, что еще войска у нихъ не собраны въ Богеміи, крѣпости не снабжены потребнымъ; словомъ—ничто не готово, и для того полагаютъ обождать нѣсколько времени. Пусть такъ; но въ тоже время хотятъ, чтобъ мы за нихъ ссорились съ Берлинскимъ дворомъ, чтобъ учинили ему сильныя представленія, даже и деклараціи, и чтобъ, предвидя иногда и рѣшимость Прусскую на

военныя дѣйствія противу ихъ границъ, дали запасныя повелѣнія нашимъ генераламъ дѣйствовать по ихъ реквизиціи, и прочія неумѣстныя вещи. Кабинетъ Вѣнскій не похожъ нынѣ на тотъ, коимъ былъ при Кауницѣ, когда, надобно признаться, что было можно учиться у нихъ, какъ понимали и раздробляли дѣло. Теперь онъ сталъ похожъ на многіе, ему современные. Король Прусскій на настоящее время весьма далекъ отъ того, чтобъ доброю волею съ нами ссориться; и онъ, конечно, испытаетъ скорѣе многія средства сладить съ нами. Можно и въ томъ быть увѣреннымъ, что у него нѣтъ точныхъ постановленій по Польскимъ дѣламъ съ Французами, которымъ теперь довольно заботъ и дома. Одно, что могло бы подать поводъ къ подозрѣнію въ противномъ, есть, что новый Французскій эмиссаръ въ Константинополѣ, Вернилакъ, подалъ Портѣ меморіалъ, приглашая ее въ союзъ съ Франціею и Швеціею, предвѣщая согласіе къ тому же и Пруссіи, чтобъ заставить насъ **возстановить бытіе Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ каковыхъ она послѣ раздѣла 1793 года осталася.** Мысль, которую иногда и Берлинскій дворъ давалъ разумѣть на случай дальняго несогласія въ новомъ подѣлѣ. Турки не внемлятъ доселѣ такимъ предложеніямъ. Миръ Пруссіи и постыдное Шведское посольство въ Парижъ не почитаютъ они за достаточное убѣжденіе спѣшить признаніемъ республики Французской, откладывая оное до того времени, что которая либо изъ первѣйшихъ державъ то сдѣлаетъ, и ясно разумѣя тутъ или насъ, или Австрію, или Англію. Нѣтъ сомнѣнія, что министерство нынѣшнее Турецкое,—прямо многихъ основательнѣе,—нынѣшній годъ, по крайней мѣрѣ, проведетъ въ недѣйствіи, но за будущій никто не поручится, а сіе и заставляетъ насъ помышлять заранѣе о мѣрахъ въ подкрѣпленію нашихъ плановъ. Ваше сіятельство знаете наши средства: людей, конечно, мы получимъ, хотя и съ тягостію народною; но гдѣ взять деньги, въ коихъ и теперь уже часъ отъ часу встрѣчается болѣе трудности, особливо же за пресѣченіемъ займовъ внѣшнихъ. По счастію, всѣ насъ считаютъ еще сильнѣе, чѣмъ мы въ самомъ существѣ находимся, и такое доброе мнѣніе нѣсколько поможетъ выдти изъ хаоса, ежели мы только осмотрительно и скромно поступать станемъ.

„Сосѣдство Швеціи намъ ни мало не опасно. Флотъ ихъ далеко отъ значущаго состоянія. Данія ни мало не расположена на податливость къ ихъ видамъ, а ясно оказываетъ къ намъ наклонность, наипаче же со времени сближенія нашего съ Англіею. Съ будущимъ курьеромъ я доставлю вашему сіятельству копію союзнаго трактата съ Англіею, по которому уже наша эскадра отправилась въ море. Другая же, въ 19-ти корабляхъ, осталась здѣсь въ запасъ“ [381]).

Присоединение къ Россіи земель отъ Польши по третьему раздѣлу усилило блескъ Екатерининскаго царствованія, которое и безъ того было богато присоединеніями. Но съ этимъ присоединеніемъ, естественно, не могли не явиться затрудненія въ сношеніяхъ Россіи съ другими державами, особенно съ участниками по раздѣлу. И въ отстраненіи этихъ затрудненій является всеобъемлющій и неутомимый, какъ мы видѣли, умъ графа Безбородки. Но тѣмъ не менѣе положеніе его при дворѣ было второстепенное; всѣ дѣла были въ рукахъ Зубова. Графъ Безбородко видѣлъ и сознавалъ свое ненормальное положеніе и выжидалъ случая оставить службу. О положеніи своемъ при императрицѣ онъ высказался въ откровенномъ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, отъ 27-го іюня. „Отлагая изо дня въ день, по неизвѣстности нашихъ дѣлъ, нашелся я предъ вами въ проступкѣ, что такъ долгое время молчалъ; но я, впрочемъ, всегда былъ увѣренъ, что ваше сіятельство, вѣдая мою искреннею къ вамъ приверженность, не вмѣните того въ худо и всегда сохраните вашу ко мнѣ дружбу. Александру Яковлевичу [Протасову] я радъ отъ всего сердца оказывать всѣ отъ меня зависящія услуги, и жалѣю, что они съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ [Салтыковымъ] отчасти перетонили. Надлежало начать съ того пункта, что ежели Александру Яковлевичу жить здѣсь при великомъ князѣ [Александрѣ Павловичѣ], или и въ другой какой должности, то надобно имѣть мѣсто гдѣ пристроить свое семейство; отъ сего и произошла бы дача дома и нѣкоторое пособіе на заведеніе. Буде же, паче чаянія и сказали бы, что въ немъ при великомъ князѣ нѣтъ нужды, то дали бы ему также на заведеніе, да и мѣсто генералъ-губернаторское. Вмѣсто того, графу Салтыкову, чтобъ имѣть человѣка подручнаго при должности, въ которой и самъ сей главный приставникъ ничего не значитъ, а Александру Яковлевичу для того, чтобъ, по его собственнымъ словамъ, сдѣлать перевѣсъ Головиной своею женою при маленькомъ и вовсе непримѣчаемомъ дворѣ, вздумалося пойти съ пункта желанія получить во дворцѣ обширнѣйшія комнаты, когда зачали весьма чувствовать, что есть лишніе избыточные при дворѣ люди, и когда, какъ извѣстно, государыня думаетъ, что умножать подъ крылышкою дворцовою живущихъ есть умножать сплетни. Отъ сего и вышло, что ничѣмъ дѣло кончилося; да, я боюся, что и по возвращеніи его небольшая надежда остается. Начальникъ его весьма поставилъ себя не на хорошей ногѣ. Намъ и всѣмъ не очень пріятно; но подобную ему незначимость и непріятность переносить едвали бы кто изъ насъ въ состояніи. Наши департаменты хотя и подчинены нѣкоему вліянію универсальнаго нашего человѣка, но, по крайней мѣрѣ, безъ нашего совѣта

важнаго не дѣлаютъ, и теченіе дѣлъ чрезъ наши руки происходитъ; а по военной части росписаніе арміи, генераловъ, заготовленія и всякія важныя распоряженія такъ производятся, что военный министръ [графъ Н. И. Салтыковъ] узнаетъ ихъ, когда и къ нему за извѣстіе указъ присланъ.

„Впрочемъ, вообще всѣ дѣла, наипаче внутреннія, захвачены симъ новымъ и всемочнымъ господиномъ. Кромѣ иностранныхъ дѣлъ, я уже съ полгода не видалъ ни одной реляціи ни графа Румянцова, ни Суворова, ни Репнина, хотя воля государыни и теперь есть, чтобъ я былъ въ связи дѣлъ, и хотя она, меня трактуя изрядно, часто оказываетъ желаніе, чтобъ я и по другимъ дѣламъ трудился: какъ то при распоряженіяхъ о губерніи Минской, она мнѣ точно поручила всѣхъ ихъ начертать по разности того края и по сходству съ Малороссійскими губерніями. Но какъ о семъ первомъ намѣстничествѣ указы у меня выпущены, то уже о другихъ самоизвольно истребованы были всѣ бумаги отъ Тутолмина, и ни о чемъ уже болѣе я не вѣдаю. Равно и о раздачѣ деревень давно пожалованныхъ ея величество думала, что я собралъ вѣдомости и отъ меня требовала, чтобъ я вступилъ въ распоряженіе сего дѣла; но по донесеніи моемъ, что вѣдомости и всѣ свѣдѣнія взяты графомъ Зубовымъ, дѣло сіе кончилося комплиментами, что скоро все учредится къ удовольствію насъ, интересованныхъ. Обѣщали было и подлинно къ завтрашнему дню [28 Іюню, дню возшествія на престолъ] совершить наши желанія; но вчера мнѣ государыня сказала, что никакъ нельзя было успѣть, а въ Іюлѣ она все рѣшитъ. Медленію сему причиною, что еще не кончена покупка большихъ имѣній князя Александра Любомирскаго [для графа П. А. Зубова], за которыя соглашенось уже заплатить пять милліоновъ рублей серебромъ; но надобно устроить платежъ сей страшной суммы, раздѣляемой на переводъ долговъ Любомирскаго Голландскихъ и внутреннихъ, и на разные сроки. Ваше сіятельство можете догадаться, для кого сіе имѣніе готовится. Фортуна ужасная! Кромѣ двухъ уѣздныхъ городовъ, изъ массы исключаемыхъ, считается 12-ть мѣстечекъ, множество селъ, заведеній и сорокъ тысячъ душъ, однихъ коренныхъ поселянъ, не включая тутъ чиншовую шляхту, Волоховъ и Жидовъ; болѣе милліона десятинъ самой плодоносной земли по Бугу, Кодымѣ и до Днѣстра простирающуюся съ лѣсами. Говорятъ, что и въ Курляндіи дано будетъ знатное имѣніе; по крайней мѣрѣ, государыня отзывалася, что за присоединеніе Курляндіи ей надобно наградить въ томъ участвовавшихъ, именуя его въ началѣ; но я заранѣе знаю, что я тутъ не буду стоять на мѣстѣ, какъ и въ Польскомъ раздѣлѣ, хотя вы болѣе всѣхъ знаете,

имѣлъ ли я въ сихъ двухъ дѣлахъ участіе. Моя теперь вся забота, чтобъ получить пожалованныя за миръ деревни, и по сей причинѣ переношу я мое положеніе, хотя сама государыня провокируетъ къ объясненію съ нею, вызываяся, что она не знаетъ, для чего я примѣтнымъ образомъ уклоняюся отъ дѣлъ, не смотря, что она меня всякой день свободно и охотно къ себѣ допускаетъ. Получа деревни, спустя нѣсколько времени, объяснюся съ нею о прямыхъ причинахъ, и ежели не понравится ничто, то и остальныхъ дѣлъ избавлюся, ограничa себя на нѣкоторое время въ дворскомъ и министерскомъ моемъ качествѣ. Я наскучилъ вамъ, говоря о себѣ; но вы сами тому причиною, дружески всегда во мнѣ интересовавшися. О нашемъ пріятелѣ Морковѣ скажу, что онъ таковъ, какъ былъ, наглъ, безпредѣленъ въ своихъ желаніяхъ, презрителенъ ко всѣмъ, даже и къ тѣмъ, кои вели его на путь счастія; уже никогда онъ не исправится. Подалъ онъ записку, чтобъ ему дали до 5000 душъ, считая то еще и за малое. Я ему получить ихъ желаю, думая, что удѣлъ его и для меня маштабомъ служить можетъ, хотя мое желаніе собственно противъ его поумѣреннѣе. Онъ у Зубова не имѣетъ отличнаго кредита и по скрытности сего послѣдняго никакой отнюдь intimité [дружбы], но сама государыня его отличаетъ; а изъ за сего и видно, что онъ, при своихъ дарованіяхъ, бывши и частнымъ человѣкомъ, столько же бы успѣлъ, какъ и дурнымъ его поведеніемъ противъ друзей своихъ, коихъ онъ не инако называетъ какъ такими, что заграждали ему путь къ возвышенію. Со мною онъ наружно обходится хорошо. По дѣламъ же его голосъ не даетъ никакаго перевѣса.

„Безъ хлопотъ намъ не обойтися, что ни дѣлать. Король Прусскій не знаетъ нашей конвенціи съ императоромъ, для того, что Вѣнской дворъ отложилъ ея сообщеніе до собранія своихъ войскъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, къ концу оно послѣдуетъ и, конечно, родитъ распри. Я слышу, что положено у насъ собрать и сей годъ со ста душъ рекрута, взять даже съ Малороссіи, умножить армію и за тѣмъ негасировать. Графъ Румянцовъ пишетъ, что при содѣйствіи Цесарскомъ намъ надобно собрать двадцать тысячъ между Либавы и Полангена, оставя до 6000 резервовъ между Митавы и Риги, тридцать тысячъ въ Ковнѣ и по пятьнадцати тысячъ въ Гроднѣ и Брестѣ съ нѣкоторымъ резервомъ въ землѣ позади сихъ корпусовъ, не трогая отнюдь войскъ, противу Турковъ стоящихъ; говоритъ, что Бугъ въ Вислу текущій и Нѣмень оградить судами вооруженными и полагаетъ, что порты наши будутъ охранены флотами, корабельнымъ и галернымъ, а Финляндія сухопутными, для обороны достаточными, силами. Войска Прусскія, нельзя сказать, чтобъ онъ

въ велико ставилъ. Магазины уже вездѣ заготовляютъ, но денегъ нигдѣ нѣтъ, и мы со всѣми податями новыми столько же бѣдны, какъ были, или еще и больше.

„Здѣсь шумъ дѣлаетъ извѣстное вамъ происшествіе съ провіантскими деньгами. Воры пойманы въ Гамбургѣ и сюда привезены. Одинъ изъ нихъ великій бездѣльникъ, по прозванію Нѣжинцовъ, бывшій у Фалѣева на конторѣ для посылокъ, и потомъ чрезъ графиню Браницкую сдѣлавшійся провіантъ-мейстеромъ, много въ допросахъ болтаетъ про старыя и новыя провіантскія штуки по арміи и по губерніи Екатеринославской, а сіе въ большую заботу ввергаетъ Василія Степановича Попова, съ котораго и безъ того спала честь по причинѣ усилій его входить во многіе комнатные расчеты". Въ припискѣ къ письму графъ Безбородко прибавилъ: „28-ое прошло безъ малѣйшаго произвожденія. Бароцція мы пристроимъ къ хорошему мѣсту, то есть обратя его жалованье въ пенсію и давъ ему другое по мѣсту. Но требованіе его, чтобъ обмѣнять его Полоцкую деревню на Подольскую, весьма неудобно. Вы знаете, что фельдмаршалъ Румянцовъ на старости не избѣгъ того же дурачества, которое многіе старики, особливо отъ свѣта отставшіе, дѣлаютъ. Боже насъ сохрани отъ того подъ старость. Свадьба его, однакоже, еще не совершилася" [362]).

Военныя предпріятія и дипломатическія издержки, неизбѣжныя при разрѣшеніи Польскихъ затрудненій, неблагопріятно отозвались на денежныхъ дѣлахъ нашего Отечества. Финансовое положеніе Россіи, въ связи съ разными политическими ошибками Зубовской партіи и съ видами на будущія международныя отношенія, Безбородко изображаетъ въ письмѣ въ Лондонъ, отъ 11-го іюля 1795 года, къ графу Воронцову. „Съ возвращеніемъ г. Смирнова, ваше сіятельство получаете отвѣтъ на депеши ваши. Мнѣ не остается, какъ только присовокупить здѣсь, по поводу письма вашего къ Аркадію Ивановичу Моркову, что я не вижу ни малѣйшаго неудовольствія противу васъ и увѣренъ, что никто тому не содѣйствуетъ; а что̀ касается до господъ Французовъ, то ихъ кредитъ у насъ гораздо упалъ. Я сожалѣю, что теперь только вообще холоднѣе всякое доброе дѣло и всякаго въ томъ участника трактуютъ, не одобряя людей, чего бы требовала и самая польза службы.

„Безъ войны съ королемъ Прусскимъ, по всѣмъ признакамъ, мы не обойдемся. Положеніе наше съ нимъ скоро объяснится, хотя Вѣнскій дворъ самъ причиною медленности, ибо по сію пору откладываетъ сообщеніе нашихъ трактатовъ. По всему видно, что и у нихъ не Кауницъ управляетъ кабинетомъ. Ежели успѣхъ войны зависитъ только отъ людей,

то мы себя имъ ласкать можемъ. Армія наша усилится новымъ наборомъ со ста душъ и прибавкою войска, наипаче для пѣхоты. Генералами мы не щеголяемъ, но видѣли и полководцевъ обоихъ сосѣдей нашихъ: люди также незавидные. Хлѣбъ у насъ сей годъ хорошъ, и магазины будутъ изобильные. Но гдѣ взять денегъ? Съ 60 милліонами дохода мы бѣднѣе теперь несравненно, чѣмъ были съ сорока въ 1784 году. Серебро не входитъ, а и остатокъ ежегодно убываетъ: ибо граница открыта, и контрабанда едва ли не превышаетъ тотъ перевѣсъ, что думали сдѣлать послѣднимъ запрещеніемъ. Надобно было, къ несчастію, чтобъ, въ угодность негодныхъ Поляковъ, въ 1792 году, принятъ былъ поганый проектъ одного здѣсь бродяги, нѣкоего Алтести, объ открытіи сухопутныхъ таможенъ самыхъ воровскихъ, и чтобъ опорочена была самая полезная операція, тѣмъ болѣе достойная уваженія, что ее единогласно одобряли три весьма несогласныя особы, а именно: покойные князья: Потемкинъ и Вяземскій, и графъ Александръ Романовичъ [Воронцовъ]. Прибавьте къ сему хищенія, почти разбойническія, по многимъ частямъ, коихъ уже едвали кто въ нашъ вѣкъ и поправить можетъ. Я не знаю, какъ мы выпутаемся, или, лучше сказать, тѣ, кто дѣла въ руки свои захватили. Критическое положеніе настоящее, конечно, затруднительнѣе того, изъ котораго мы вышли въ 1791 году. Какъ обнадеживаютъ на сихъ дняхъ новыми штатами арміи, то я, по изданіи оныхъ, не премину вамъ доставить вѣрныя свѣдѣнія о числѣ войскъ и росписаніи арміи и корпусовъ. Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, слышите, что военная наша администрація идетъ не лучшимъ порядкомъ. Болѣе 50 тысячъ растаскано людей наличныхъ отъ полковъ, а и въ наличныхъ, сколько духовыхъ, роговыхъ и прочихъ музыкантовъ и пѣвчихъ! Провіантскій департаментъ самый пакостный. Коммисаріатъ еще посредственъ, но бѣднаго старика Дурнова едва и на то станетъ, чтобъ дурачества покойнаго Михайла Потемкина распутать.

„Со стороны Турецкой я покоенъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ имѣетъ еще здоровую голову и довольно большой кредитъ. Но флотъ Черноморскій никуда не годится. Хваленый нашъ М[ордвиновъ] болѣе свои дѣла дѣлаетъ. При князѣ Потемкинѣ было что-нибудь хотя въ полгнилое, но теперь по истинѣ вычесть въ ноль; а у Турокъ къ будущей кампаніи скопится до 25 линейныхъ кораблей.

„Кочубей продолжаетъ хорошо служить, и его трудами довольны. Ведетъ себя прямо благородно. Но что пользуетъ ему собственно его рвеніе? Онъ успѣлъ кончить четыре большія дѣла, а ему и втораго Владиміра сочли дать рано. За бераты и прочее собирать доходы гнушается,

и даже столовыхъ денегъ не имѣетъ, кои даны были Булгакову, по причинѣ, что онъ молодъ; дѣлаетъ даже расходы по службѣ изъ своего кармана, въ подрывъ послѣднему своему имѣнію. Я увѣренъ, что ежели встрѣтится мѣсто гдѣ-либо знатнѣе или пріятнѣе, оно достанется негодяю Головину, или же незнающему Стакельбергу, или тому подобному

„Я много васъ обезпокоилъ непріятными вещами; теперь дозвольте сдѣлать вамъ дистракцію дѣлами, для васъ посторонними, но и тутъ утрудить васъ моими собственными просьбами. Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ. Случай раззореній Французскихъ благопріятствовалъ мнѣ достать нѣсколько отличныхъ штукъ, наипаче изъ школы Фламандской. Я получилъ три картины изъ коллекціи Орлеанскаго герцога, три изъ Шоазелева и нѣсколько изъ другихъ. Дошли ко мнѣ также и весьма добрыя картины Италъянскія. Словомъ, съ моимъ жаркимъ стараніемъ, съ помощію пріятелей и съ пособіемъ до ста тысячъ, издержанныхъ мною менѣе трехъ лѣтъ, составилъ я хорошую коллекцію, которая и числомъ, и качествомъ превзошла Строгоновскую. Отъ сего вышелъ другой расходъ, что я долженъ былъ построить большую картинную галлерею, въ которую жду еще нѣсколько картинъ изъ Варшавы и штуки четыре изъ Италіи.

„Ваше сіятельство соединяете въ себѣ и вкусъ, и знаніе, и искусство поступать съ хозяйскою бережливостію. Не встрѣтится ли способъ въ Англіи найти что-либо хорошее къ умноженію моей галлереи, и буде найдете, нельзя-ли условиться и дать мнѣ знать, и по крайней мѣрѣ каталогъ прислать съ вашими примѣчаніями, чтобъ я могъ вамъ доставить тысячъ десятокъ или и до пятнадцати невдругъ, а напримѣръ мѣсяца въ четыре? Но я долженъ сказать, что, имѣя Орлеанскаго Теньера, Мериса и Жерарда Доу, также и другихъ Фламандцевъ и, можно сказать, рѣдкіе пейзажи, болѣе жаденъ на Итальянскія, а изъ пейзажей развѣ бы Клода-Лоррена, котораго у меня нѣтъ; но, напротиву того, есть у меня Сальваторъ Роза, какого и въ Эрмитажѣ нѣтъ, и къ которому Строгоновъ и профессора часто съ визитою пріѣзжаютъ. Извините мое многорѣчіе и вѣрьте, что я вамъ желаю здоровья и добра, сколько можетъ кто желать по искренней дружбѣ къ вамъ привязанный“ [363]).

Заботы о пріобрѣтеніи рѣдкихъ картинъ не отвлекали Безбородку отъ государственныхъ дѣлъ и переписки съ друзьями. 13 августа Безбородко извѣщалъ графа А. Р. Воронцова о близости Польскаго раздѣла. Поблагодаривъ за полученное письмо графа и сказавъ, что у него „скопилось нѣсколько дѣлъ“, которыя не позволяютъ писать ему подробно, сообщилъ: „Вы угадали, что высадка Англійская на берега Бретанскіе

недобромъ кончится. Дѣло само по себѣ трудное и рѣдко удачное, притомъ худо комбинированное; ибо, не дѣйствуя нигдѣ, индѣ дали время и способъ Французамъ туда притянуть большія силы. Какой дурной успѣхъ имѣло, вы то изъ газетъ увидите. О сей матеріи объявится при первомъ случаѣ. Берлинскому двору трактатъ нашъ сообщенъ и его весьма поразилъ. Алопеусъ, однако же, надѣется, что дѣло кончено будетъ приступленіемъ, хотя и невольнымъ, короля Прусскаго къ раздѣлу.

„О деревняхъ, кажется, рѣшится въ семъ мѣсяцѣ несомнительно; и естьли такъ выйдетъ, какъ сдѣлано изъ отмѣтокъ государыни у графа Зубова росписаніе, то со мною поступятъ прямо отлично; ибо, исключая двухъ фельдмаршаловъ (да и тѣмъ немного болѣе меня опредѣляютъ), я предпочтенъ тутъ всѣмъ нашей степени, не исключая и самаго графа Николая Ивановича [Салтыкова]. Съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ также изрядно, да и очень, обойдутся. Моркову государыня назначила было не болѣе 2200 душъ; но графъ Зубовъ пособилъ ему, что теперь, думаю, получитъ 3000, да и хорошія. Но онъ все недоволенъ будетъ, имѣвъ претензію поравняться съ нами, а не то, чтобъ гораздо меньше насъ получить. Какъ скоро указы выдутъ, поспѣшу прислать росписи.

„Покупка имѣній Любомирскаго совсѣмъ не для того покупалася, какъ мы думали. Его деревни всѣ порубежныя и наполненныя людьми смѣлыми. Ими хотѣли замѣнить тѣхъ казаковъ, которыхъ князь Потемкинъ сдѣлалъ изъ однодворцевъ. Но сія покупка, кажется, рушилася, совсѣмъ, да и лучше. Бароццій сдѣланъ пограничнымъ комисаромъ и ѣдетъ въ Каменецъ, по видимому весьма доволенъ“ [364]).

Пожалованіе деревень, о которыхъ интересовался графъ Безбородко, послѣдовало, 19 августа 1795 года. Въ росписи деревень, „пожалованныхъ въ потомственное владѣніе“, Безбородко былъ поименованъ четвертымъ, послѣ графовъ: Зубова, Румянцова и Суворова. Ему пожаловано было въ Брацлавской губерніи, староство Хмѣльницкое, въ которомъ числилось 4981 душа“ [365]).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1795 года, были окончены дѣла Польскія подписаніемъ конвенціи. Графъ Безбородко писалъ по поводу этихъ дѣлъ, къ графу Воронцову, отъ 20-го октября, 1795 года. „Скорый отъѣздъ почты сегодняшней не позволяетъ мнѣ распространиться болѣе, какъ только что отвѣтъ отъ короля Прусскаго полученъ, силою котораго онъ уступаетъ Краковъ съ большою половиною оставшагося воеводства сего имени; требуетъ онъ изъ того воеводства себѣ линіи на рѣку Пильцу, границею у насъ для сего положенною: словомъ, разность весьма мало

значущая, и мы потому дождемся только Вѣнскаго курьера, а за тѣмъ и кончимъ дѣло непремѣнно. Король Прусскій, соглашаясь на участіе въ платежѣ долговъ Польскихъ и пенсіи отставному королю, требуетъ, чтобъ мы между тѣмъ подробно изъяснилися съ нимъ по сей матеріи и нашъ планъ сообщили, что мы и сдѣлаемъ.

„Англія, опасаясь войны отъ Гишпаніи, предлагаетъ намъ еще новые трактаты, требуя въ помощь 18-ть кораблей, сверхъ данныхъ ей 12-ти; то знатная субсидія. Ваше сіятельство, конечно, съ нами согласитеся въ неудобности сего, но при томъ и въ томъ не поспоримъ, что есть средство уничтожить подобное требованіе добрымъ и ласковымъ манеромъ, показавъ добрую волю и невозможность и замѣняя то мѣрами для насъ же самихъ необходимыми, то есть обѣщая на будущее лѣто вооруженіе запасное въ Балтійскомъ морѣ; нужды же нѣтъ за то сердиться и однажды пріобрѣтенную дружбу превращать въ остуду. Я только одно скажу, что часъ отъ часу труднѣе дѣла становится дѣлать; а вы и то изволите знать, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи была ли бы мнѣ нужда въ нихъ мѣшаться, ежели бы не убѣждали къ тому обязанность отечеству и благодарность государынѣ за многія и свѣжія еще ея благодѣянія.

„Мнѣ очень жаль, что графъ Семенъ Романовичъ [Воронцовъ] продолжаетъ горячиться по дѣламъ Англійскимъ; о сей матеріи я напишу съ будущимъ случаемъ обширнѣе, такъ какъ и о вновь объявляемомъ проектѣ набора рекрутъ отъ Малороссіи, когда уже точно положено сдѣлать только обыкновенный съ 500 душъ по одному наборъ. Военный жаръ, кажется, совсѣмъ простылъ, кромѣ Аркадія Ивановича [Моркова], который теперь же бы послалъ двѣсти тысячъ побить Прусаковъ, Англичанъ и Французовъ; но для чего самъ не идетъ полководцемъ по примѣру того рейсъ-еффендія, котораго, по разрывѣ конгресса въ Бухарестѣ, послали противъ Каменскаго и который, потерявъ армію, самъ ретировался для лучшей безопасности въ Царьградъ? Денегъ мало, и что будутъ дѣлать при подачѣ росписанія, не вѣдаю; а знаю, что я въ декабрѣ поѣду въ Москву и тамъ буду имѣть удовольствіе васъ видѣть“ [366]).

До отъѣзда въ Москву графъ Безбородко еще разъ писалъ графу Воронцову, отъ 11-го октября, о политическихъ дѣлахъ и придворныхъ новостяхъ. „По полученіи отъ Вѣнскаго двора даннаго послу его разрѣшенія, въ минувшій Понедѣльникъ, имѣли мы съ обоими союзными министрами конференцію, на которой, Богу благодареніе, окончили дѣла Польскія, и въ Воскресенье, то-есть 14-го октября, положили подписать конвенціи, въ сочиненіи которыхъ Аркадій Ивановичъ [Морковъ] съ графами Кобенцелемъ и Тауенциномъ занимаются. Король Прусскій согла-

сился уступить Краковъ императору; что же касается до положенія точной черты къ западу отъ Кракова, то есть по Силезіи, обѣ стороны вышлютъ на мѣсто тотчасъ коммиссаровъ, кои подъ медіаціею нашею назначатъ границу, каковая прилична и надежна для безопасности обоихъ сосѣдей. Мы должны въ два мѣсяца отъ размѣна ратификацій, то есть къ 1-му февраля, очистить Пруссія новыя земли отъ войскъ нашихъ. Краковъ отдается императору, 1-го декабря сего года, а разграниченіе коммиссаровъ окончится также 1-го февраля; до того же времени Прусскія войска остаются въ той части, которая подлежитъ разграниченію. О долгахъ королевскихъ и республики, хотя еще генерально только положено; но кажется, такимъ образомъ рѣшится: 1, по Гродненскому раздѣлу положено изъ бывшихъ долговъ республики Польской платить намъ съ королемъ Прусскимъ 6|10 пополамъ, а республикѣ оставлено 4|10. Теперь полагается, оставя условіе Гродненское въ силѣ въ общую нашу съ Пруссіей тягость, прочія 4|10 снять всѣмъ нынѣ участвующимъ въ раздѣлѣ по мѣрѣ доходовъ съ удѣловъ ихъ, или намъ половину, а другую на Австрійцевъ и Пруссаковъ; 2, королю Польскому по Гродненскому же условію опредѣлить триста тридцать тысячъ червонныхъ на годъ, изъ коихъ половина на его содержаніе, а другая останется въ общемъ нашемъ распоряженіи на уплату собственныхъ его долговъ, до шести сотъ тысячъ рублей простирающихся; 3, такимъ образомъ, общерасположить и Саксоніи апанажи. Наконецъ, согласятся всѣ три двора уничтожить существованіе des sujets mixtes [смѣшанныхъ подданныхъ, т. е. подданныхъ разныхъ государствъ] назнача два или три года имъ на продажу имѣнія и на выборъ отечества. Симъ образомъ совершается дѣло большое, въ которомъ ваше сіятельство лучше всѣхъ вѣдаете, мало ли я имѣлъ участія, когда проповѣдывалъ сей конецъ отъ самаго перваго извѣстія о несчастномъ Варшавскомъ происшествіи и когда сперва долженъ былъ бороться и съ невѣжествомъ вице-канцлера и съ странными мыслями Аркадія Ивановича [Моркова], хотя оба сіи господа заранѣе уже кричатъ, что это ихъ дѣло и заботятся, наградятъ ли ихъ за оное. Какъ скоро подпишутъ актъ, я тотчасъ отправлю къ Виктору Павловичу [Кочубею] за извѣстіе съ письмами отъ здѣшнихъ къ Австрійскому и Прусскому министрамъ краткое извѣщеніе, которое и будетъ самымъ надежнымъ calmant [успокоивающимъ] для господъ Османли, да и весьма уронитъ акціи господъ Французовъ.

„Должно отдать справедливость графу Тауенцину. Не имѣя привычки въ дѣлахъ, награждаетъ онъ то крайнею умѣренностію и самымъ благороднымъ образомъ мыслей. Интервенты его, даже въ Вѣнѣ откры-

ваемые, доказываютъ, что онъ ни одной не очернилъ вещи, хотя онъ иногда о людяхъ судитъ и не очень для нихъ ласкательно и отъ начала до конца проповѣдывалъ, что надобно отстать отъ Кракова, что здѣсь очень легко рѣшатся на крайность въ случаѣ упорства, что сколько публика удалена отъ Вѣны противъ Французовъ, столько всѣ, особливо юноши, горятъ желаніемъ помѣряться съ какой либо Европейскою державою и болѣе всего съ Пруссіею и что, сдѣлавъ уступку одинъ разъ они насъ на долго пріобрѣтутъ друзьями. Лукезини съ вредными его совѣтами не успѣлъ противъ здѣшняго молодаго министра, который при томъ еще и весьма связанъ дружбою съ Гогвицемъ, женатымъ на родной сестрѣ Тауенцина. Алопеусъ и тутъ премного трудился; но дай Богъ, чтобъ уважали его заслугу и не подвели его подъ рубрику учиненіемъ ему не очень богатаго награжденія.

„По Англійскимъ дѣламъ требуется отъ насъ мнѣніе, которое мы составимъ, такъ какъ намъ кажется свойственнѣе съ интерессами нашими, наипаче же чтобъ, не дѣлая почти ничего или очень мало, удерживать сей дворъ сколько можно лучше къ намъ расположеннымъ. Что̀ касается до Вѣнскаго двора, надобно, чтобъ онъ былъ въ крайности, когда по раздѣлу Польскому отсталъ отъ всѣхъ тѣхъ требованій на счетъ короля Прусскаго по Французскимъ дѣламъ, кои тутъ же привязалися и запутали было всю негоціацію.

„Со Швеціею мы очень холодны, да и нельзя съ негодяемъ регентомъ инако быть. Теперь, кажется, рѣшилася свадьба короля Шведскаго съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою, которая очень не хороша, вмѣсто того что великая княжна большая, по наружнымъ и душевнымъ ея качествамъ безъ сомнѣнія, первая принцесса въ Европѣ. Жаль, что генеральша Ливенъ не мужчина: она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ.

„Прибывшія сюда принцессы Саксенъ-Кобургскія всѣ три очень изрядны, и при томъ очень хорошъ тонъ. Большая черноволосая была бы весьма хороша, если бы ея ротъ отвѣтствовалъ верхней части лица; средняя весьма видная blonde [блондинка], но въ физіономіи имѣетъ много германизма, третья chataigne [темнорусая]; этой только наступилъ 15-й годъ, довольна видна и пріятнѣе другихъ. Я думаю только, что она скоро толстѣть станетъ. Выборъ—еще не сдѣланъ.

„Я не имѣлъ духу писать къ графу Семену Романовичу [Воронцову] послѣ passe droit [обхода очередью], сдѣланнаго особѣ Тутолмина, который и безъ того награжденъ былъ. Всего страннѣе, что болѣе затрудняліся, когда дѣло шло о пожалованіи людей военныхъ за подвиги, чѣмъ

нынѣ, гдѣ можно было все наровнять безобидно. Упреждая видно жалобы, очень начинаютъ и часто поговаривать по сооруженію весьма жаркихъ иногда его настояній въ пользу Англіи, что онъ порочитъ наши дѣла, а защищаетъ ихъ. Я думаю, однакожъ, что время и обстоятельства многое перемѣнятъ; а графъ Семенъ Романовичъ [Воронцовъ] очень хорошо сдѣлаетъ, если противъ всѣхъ сихъ непріятностей вооружится терпѣніемъ до того времени, когда собственныя его дѣла дозволятъ инако рѣшаться. Впрочемъ, я зимою съ вами увижуся непремѣнно и на словахъ болѣе о семъ поговоримъ.

„Жребій набору рекрутскаго не минулъ Малую Россію. Не упустилъ я сдѣлать самый твердый шагъ представленіемъ весьма сильнымъ и подробнымъ, но г. Зубовъ умѣлъ, видно, завременно такъ пріуготовить, что мои представленія не принесли иного плода кромѣ большаго на меня неудовольствія, хотя и не оказаннаго со стороны сего молодаго человѣка пріобрѣли мнѣ не малое недоброжелательство. По крайней мѣрѣ видѣлъ онъ, что я всегда болѣе скажу, чѣмъ всѣ тѣ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; но видно, что онъ то и знаетъ, когда всякіе способы употребляетъ дѣло держать отъ меня подалѣе. Правду сказать, я на него и не налегаю, а конча нынѣшнее Польское дѣло, еще болѣе оставлю имъ простору. Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] очень занемогъ, однакожъ, поправляется. Болѣзнь его дала мѣсто Грибовскому входить со многими дѣлами и, хотя, по обычаю, хвалятъ его общимъ израженіемъ, но частые вопросы о здоровьѣ Дмитрія Прокофьевича доказываютъ, что сей новый его замѣнить не въ состояніи. Я бы, однакожъ, желалъ ему лучшаго здоровья или, лучше сказать, большей съ собою осторожности“ [367]).

Къ описываемому времени должно отнести труды графа Безбородки по разслѣдованію о пропавшихъ изъ Заемнаго Банка ассигнаціяхъ, по порученію государыни. „Передъ Рождествомъ,—пишетъ Болотовъ,—случилась покража ассигнацій изъ Заемнаго Банка однимъ кассиромъ, который похитилъ болѣе чѣмъ на 600,000 рублей ихъ“. Деньги эти, по разсказу Болотова, были „будто бы какія-то резервныя и, будучи однажды пересчитаны совѣтникомъ и запечатаны казенною печатью и надписаны, что считаны, такъ всегда и свидѣтельствовались, и всѣ думали, что онѣ цѣлы“. Кассиръ, поддѣлавъ казенную печать, всѣ ихъ вынулъ и вмѣсто ихъ положилъ и запечаталъ мягкія бумаги, а „самъ далъ, было, стречка, но былъ пойманъ и открылось, — добавляетъ Болотовъ, — что тутъ такая-же исторія, какъ Нѣженцева, и были переводы симъ деньгамъ и связи. Безбородко же короче писалъ объ этомъ графу А. Р. Воронцову, въ концѣ декабря 1795 года, передъ отъѣздомъ въ Москву. „Ваше

Сіятельство увидите въ письмѣ Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго] странное происшествіе по Заемному Банку, весьма встревожившее общаго нашего друга [П. В. Завадовскаго]. Не называютъ по имени кассира, похитившаго такую сумму; но, кажется, что тамъ все были Нѣмцы, по рекомендаціи покойнаго Шмидта опредѣленные. Обрѣзковъ пишетъ только, что ничего новаго въ политической части нѣтъ. Кажется, что генералъ-прокуроръ не подалъ своей табели, испугавшись тревоги банковой. Курьеръ, въ Англію отправленный, повезъ экспедицію, еще при мнѣ заготовленную, о содержаніи которой разскажу при первомъ свиданіи" [368]).

Для разслѣдованія пропажи денегъ въ банкѣ былъ назначенъ знаменитый поэтъ нашъ Г. Р. Державинъ, но онъ оказался слѣдователемъ, по словамъ Екатерины II, „жестокосердечнымъ", не смотря на то, что доносъ направленъ былъ Мятлевымъ на Завадовскаго, который, по словамъ участника въ дѣлѣ, сенатора И. А. Алексѣева, „такъ былъ пораженъ, что не только упалъ духомъ, но, наконецъ, лежалъ въ постелѣ и даже жизнь его считали въ опасности"; ободрился и поднялся съ постели только тогда, когда возвратился изъ Москвы Безбородко [369]), куда уѣхалъ онъ 24 декабря, на 29 дней, какъ извѣщалъ объ этомъ князя Репнина И. А. Алексѣевъ [370]). Усердіе Державина въ настоящемъ дѣлѣ не понравилось императрицѣ. Имъ производимое слѣдствіе называли совершенною инквизиціею. Она поручила переслѣдовать дѣло Зубову и Безбородкѣ. Безбородко же жилъ въ это время въ Москвѣ, откуда нарочно былъ вызванъ въ Петербургъ. Болотовъ сообщаетъ нѣсколько словъ о пребываніи Безбородки за это время въ Москвѣ, гдѣ прожилъ онъ недѣли три или четыре: всѣ его угощали, поѣлъ всѣхъ стерлядей, дороги были ужины. Носился слухъ, что онъ отбивался отъ министерства и хотѣлъ въ отставку, но трудно было вѣрить; поѣхалъ опять въ Петербургъ" [371]). Друзья Завадовскаго полагали всю надежду на лучшій исходъ дѣла по пропажѣ на графа Безбородку. По поводу этого, Трощинскій писалъ въ Москву, Воронцову: „О, когда бы хотя графъ Александръ Андреевичъ скорѣе сюда возвратился! Онъ бы хотя совѣтами здравыми могъ принести ему [Завадовскому] отраду и утѣшеніе, которыхъ онъ ни откуда теперь не видитъ" [372]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ, 25-го февраля 1796 года, графъ Безбородко въ письмѣ своемъ къ графу А. Р. Воронцову, упоминаетъ о банковой пропажѣ. „Послѣ отправленія моего послѣдняго къ вашему сіятельству письма, графъ Петръ Васильевичъ [Завадовскій], продолжая выѣзжать, оправился весьма въ своемъ здоровьѣ и гораздо покойнѣе сталъ и веселѣе. Дѣло самое, кажется, поправляется. Они слушали на

сихъ дняхъ проектъ доклада и, по многимъ съ его стороны твердымъ настояніямъ, я надѣюся, подадутъ единогласное мнѣніе. Наглость Державина не стоитъ никакого уваженія; Мятлевъ весьма уроненъ, или по крайней мѣрѣ, себя такъ чувствуетъ, видя, что его происки были безуспѣшны, и что онъ только придавалъ худаго мнѣнія себѣ у публики. Взысканіе полагаютъ они съ конторъ, которыя, давая деньги, брали лишніе проценты, тоже съ маклера Шпальдинга, обличеннаго въ совершенномъ съ воромъ участіи и съ другихъ почти завѣдомо торговавшихъ, въ числѣ коихъ есть извѣстный Буше". Конецъ письма этого, графъ Безбородко посвятилъ своей роли, которую онъ игралъ по дѣламъ внутреннимъ, сказавъ, нѣсколько словъ и о политикѣ. „Впрочемъ, ничего въ теченіи праздниковъ не случилося новаго, кромѣ скуки отъ множества церемоній. Графъ Валеріанъ Зубовъ поѣхалъ въ свою экспедицію. Я никакихъ бумагъ, до нея касающихся, не видалъ, такъ какъ и по финансамъ ничего не знаю. Теперь все въ однихъ рукахъ, и я ни мало не скучаю, продолжая время свое свободно и покойно. По иностраннымъ дѣламъ только и есть примѣчательнаго, что Лондонскій дворъ рѣшился сдѣлать Вѣнскимъ, буде сей согласится, внушеніе письменное въ Базелѣ чрезъ своего резидента Бартелемію о мирѣ, требуя, чтобъ Бартелемій потребовалъ отъ своихъ вѣрителей наставленія: 1, хотятъ ли они мира, 2, гдѣ и какимъ образомъ собрать конгресъ, или инако производить переговоры и 3, основаній, на коихъ они полагаютъ открыть сію негоціацію. Ежели императоръ не согласится на сей шагъ, то Англійскій резидентъ и одинъ долженъ то исполнить. Между тѣмъ готовятся на кампанію. Чтò мы тутъ сдѣлаемъ, не знаю, и кажется, что самое лучшее было бы ничего не дѣлать; но вы все лучше сами вѣдаете и объемлете, можемъ ли мы оставаться спокойны (я разумѣю собственный нашъ произволъ). А Аркадій Ивановичъ [Морковъ] считаетъ, что мы дурно дѣлаемъ, что мало еще движемся дѣломъ самимъ. Онъ меня увѣрилъ, будто бы дѣло шло о пожалованіи графа Семена Романовича [Воронцова] и здѣшняго главнаго [графа Зубова] полными генералами; но сіе не сдѣлалося и, кажется, ему трудно тамъ и провѣдать, что либо. Чтò до меня касается, то я всѣми образами и самъ отъ дѣлъ уклоняюся, находя, что въ нынѣшнемъ положеніи полезнымъ я быть не могу, а отправлять ихъ en subalterne ни съ чиномъ, ни съ службою моею прежнею не сходно. Вы не можете себѣ представить, какъ всѣ люди, кои что нибудь прежде значили, авилированы или, паче сказать, сами себя унижаютъ. Вотъ какъ вы ошиблися въ заключеніяхъ своихъ послѣ смерти покойника [князя Потемкина], который, по край-

ней мѣрѣ, не былъ частнымъ людямъ тяжелъ и который, захвативъ одну или двѣ части, не искалъ быть универсальнымъ" [373]).

Дѣло о пропавшихъ изъ Заемнаго Банка ассигнаціяхъ окончательно было рѣшено при Павлѣ, а теперь оно послужило для императрицы поводомъ принять рѣшительныя мѣры къ устройству государственныхъ финансовъ. Къ этому весьма важному труду императрица признала нужнымъ и теперь призвать на все пригоднаго Безбородку.

Князь П. А. Зубовъ, 28 апрѣля 1796 года представилъ императрицѣ обширный „планъ" объ улучшеніи государственныхъ финансовъ. Въ началѣ „плана" Зубовъ говоритъ, что за послѣднее время въ Остаточномъ Казначействѣ оказывался ежегодный дефицитъ въ 8.000,000 рублей, а „внутреннихъ долговъ изъ однаго до другаго года скопилось 36,973,711 руб. 97 копѣекъ". Главными причинами дефицита, по мысли Зубова, были долги и недостатокъ внутренняго кредита къ государственнымъ предпріятіямъ и нуждамъ, вызываемый преимущественно нашими потерями по внѣшней торговлѣ. Для радикальнаго поправленія финансовъ по „плану" необходимо слѣдовало прежде всего уплатить долги, а затѣмъ создать оборотный капиталъ. То и другое достигалось перечеканкой мѣдной монеты и новымъ направленіемъ внѣшней торговли.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „планѣ" всей мѣдной монеты выпущено было въ обращеніе 76.437,946 р. 58 к., изъ которой, по предположеніямъ Зубова, въ обращеніи оставалось не болѣе 50.000.000. Ее предполагалось перечеканить въ 4-ре года такъ, чтобы стоимость пуда мѣди равнялась 32-мъ рублямъ вмѣсто прежнихъ 16-ти рублей, чрезъ что было бы получено новаго чистаго капитала 50.000,000 рублей, т. е. сумма, равная для восполненія всѣхъ потребностей по государственному дефициту и запасный капиталъ въ 42.000,000 рублей. Князь Зубовъ, подробно выясняя выгоды отъ перечеканки мѣдной монеты, признаетъ эту операцію необходимою для увеличенія въ народномъ обращеніи размѣннаго капитала и для приведенія денежно-бумажной цѣнности къ уравненію съ цѣнностью металической. Съ 1786 года т. е. со времени перевѣса бумажекъ надъ металическою монетою въ государственномъ обращеніи, по мысли автора „плана" нашъ курсъ упалъ слишкомъ до 50 % на100. Но такъ какъ этому упадку, при другихъ причинахъ, больше всего содѣйствовалъ характеръ нашей внѣшней торговли, именно обладаніе ввоза надъ вывозомъ и ежегодная переплата иностранцамъ звонкой монеты, то необходимо было внѣшнюю нашу торговлю преобразовать радикально. Для преобразованія внѣшней торговли князь Зубовъ предполагалъ три мѣры: а, увеличеніе по количеству и возвышеніе по цѣнѣ отпускаемыхъ

нами за границу произведеній; б, предоставленіе всякому желающему права, на выгодныхъ для него условіяхъ, получать деньгами золото и серебро изъ монетныхъ дворовъ и в, взиманіе съ привозимыхъ иностранныхъ товаровъ пошлины золотомъ и серебромъ [374]).

Передавъ сущность Зубовскаго „плана" не буду останавливаться на его соображеніяхъ: о состояніи нашего курса, до переполненія въ обращеніи ассигнацій; о раззорительности для казенныхъ подрядчиковъ неаккуратной уплаты со стороны правительственныхъ учрежденій; о выгодѣ отъ перечеканки мѣдной монеты; о ловкости, съ какою иностранцы захватили въ свои руки нашъ денежный рынокъ; о размѣрѣ заработковъ ревизской души, приводившей къ убѣжденію въ недостаточности имѣвшейся на лицо мѣдной монеты, для удовлетворенія необходимымъ потребностямъ, по совершенію разнообразныхъ денежныхъ сдѣлокъ; замѣчу лишь, что императрица десять дней читала „планъ" князя Зубова, и только 8 мая, утвердила его со всѣми приложеніями своею обычною резолюціею: „Быть по сему" [375]).

Въ томъ же день, т. е. 8 мая 1796 года Екатерина подписала указы: 1, Сенату объ учрежденіи по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ особаго комитета подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ государыни, „для скорѣйшаго приведенія", какъ сказано въ указѣ, „въ дѣйство предполагаемыхъ нами способовъ, посредствомъ которыхъ не только всѣ внутренніе долги, безъ всякихъ новыхъ налоговъ и отягощеній, выплачены, но и знатныя пособія къ лучшему утвержденію къ казнѣ довѣрія и къ легчайшимъ изворотамъ въ нуждахъ государственныхъ поданы, да и вообще оные [финансы] къ пользѣ и славѣ имперіи нашей обращены быть могутъ" [376]). и 2, вновь учрежденному комитету. Въ этомъ послѣднемъ Екатерина признала главныя положенія Зубовскаго „плана основанными на истинныхъ и прочныхъ правилахъ" и цѣлію комитета постановила „скорѣйшее, точнѣйшее и наилучшее осуществленіе представленныхъ Зубовымъ соображеній, или, какъ сказано въ указѣ „распоряженій". 11 мая 1796 года, комитету данъ былъ указъ объ учрежденіи при немъ Счетной Экспедиціи для удобнѣйшаго и вѣрнѣйшаго исчисленія всѣхъ внутреннихъ долговъ [377]).

Въ этотъ же день, 11-го мая, Безбородко, сообщая Г. П. Милорадовичу о разныхъ распоряженіяхъ по почтовому вѣдомству, писалъ, между прочемъ, о маскарадѣ, устроенномъ имъ, и, комитетѣ: „7 мая данъ у меня на 500 человѣкъ слишкомъ маскарадъ, который оба великія князья съ ихъ супругами почтили присутствіемъ. Ужинъ былъ на 284 куверта, и все столь огромно, изобильно и странно [поразительно],

что еще и поднесь говорятъ о немъ". О балѣ, данномъ Безбородкою, упомянулъ въ письмѣ Страховъ къ графу Воронцову. Онъ говоритъ, что праздникъ „былъ и пышенъ и великолѣпенъ; сказываютъ, что недоставало одного—птичьяго молока", что „шесть сотъ человѣкъ сидѣли за столами и ужинали, что многіе, которые бывали во Франціи въ королевскихъ чертогахъ, удивлены были видѣть въ домѣ графскомъ тѣ самыя вещи, кои въ оныхъ за рѣдкость показываны были" [378]). О комитетѣ Безбородко упомянулъ только, что „у насъ устроена коммисія по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ, въ которую наименованъ первымъ я, вторымъ генералъ-прокуроръ, третьимъ князь Зубовъ, потомъ оба директора банковъ, графъ Румянцовъ и Мятлевъ, и правитель кабинета Поповъ, а правителемъ нашей канцеляріи—Ермоловъ. Дай Богъ успѣть! Но я знаю, какъ трудно доставать деньги, по себѣ, оставшися послѣ бала своего при одномъ червонцѣ и при 50-ти рубляхъ разнаго серебра и отлагая еще на годъ Московское новоселіе" [379]).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Безбородко вновь писалъ Г. П. Милорадовичу, жалуясь на безденежье. „Податель сего, корнетъ Калиневскій, урожденецъ Стародубскій, заѣхавъ сюда съ намѣреніями пристроиться въ Петербургѣ, благую часть избралъ возвратиться вспять, чтобы достать мѣсто въ вашемъ департаментѣ. Я его снабдилъ ордеромъ къ вамъ, а въ дополненіе симъ прошу прилежно помѣстить его, какъ и къ чему найдете способнымъ, лишь бы онъ служа имѣлъ хлѣбъ. Какъ онъ курьеръ не самый скорый, то я не стану много писать тутъ, а скажу только, что нынѣшній годъ выбрался самый тяжелый для моихъ финансовъ. Бытность въ Москвѣ родила желаніе поспѣшить тамошнимъ домомъ. Я обратилъ туда тогда-же полугодовой доходъ, Осипомъ Степановичемъ мнѣ привезенный, и всѣ плоды негоціацій. Картинки, какъ вамъ извѣстно, ѣдятъ немало денегъ, да и строеніе здѣшнее не меньше того востребовало. Не довольно деревень, чтобъ только имѣть ихъ для счету душъ, а доходъ, видя на бумагѣ, полагать его къ возврату на тоже хозяйство, какъ-то я весьма сего опасаюся по Хмѣльницкой экономіи; но то вѣрно, что ежели меня еще годъ такъ на сухо оставятъ, то придется жить деревнями, то есть зачать ихъ продавать по маленьку. Отъ Осипа Степановича также давно нѣтъ писемъ. Прощайте! И вы рѣдко пишете". Въ особой припискѣ Безбородко отмѣчаетъ: „Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ я живу помонастырски, и еще скучнѣе годъ отъ году" [380]).

Занятія комитета, во исполненіе высочайшихъ повелѣній, начались съ 13-го мая 1796 года. Комитетъ началъ „соображать всѣ части государственныя къ лучшей пользѣ" финансоваго дѣла, обсуждалъ мѣры по

продовольствію неурожайныхъ губерній хлѣбомъ, занимался разъясненіемъ городническихъ злоупотребленій и опредѣленіемъ вознагражденія для частныхъ торговыхъ лицъ за понесенные ими убытки, обсуждалъ правила для устройства дорогъ и почтовыхъ становъ, вообще разсматривалъ всѣ вопросы, клонящіеся для улучшенія финансовъ.

Безбородко присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ комитета, которыхъ было 41, а послѣднее 1-го ноября 1796 года. Что же касается до непосредственнаго участія Безбородки въ занятіяхъ комитета, то оно проявилось только при разрѣшеніи двухъ вопросовъ. Протоколомъ 12-го іюля, между прочимъ, Безбородкѣ поручено было выписать иностранныя монеты для опредѣленія ихъ пробы и для образца въ таможняхъ при пріемѣ пошлинъ". Исполняя это порученіе, Безбородко представилъ въ комитетъ монеты изъ Лондона, Стокгольма, Голландіи и Копенгагена. Кромѣ того, 2-го августа, Безбородко читалъ въ комитетѣ „записку относительно выдачи жалованья Московской Дорожной Экспедиціи, за 1794 и 1795 годы" [381]).

Пока тянулись занятія комитета, императрица Екатерина II жила уединенно, и вся политика ея кабинета сосредоточивалась на двухъ пунктахъ: на поддержкѣ Французскихъ эмигрантовъ, которыхъ революція гнала во всѣ части свѣта, а между прочимъ [и притомъ въ значительномъ количествѣ] въ Россію, и на сближеніи съ враждебнымъ дотолѣ Россіи Шведскимъ дворомъ. Дружественныя наши отношенія къ нему видимо крѣпли вслѣдствіе предположеннаго бракосочетанія Шведскаго короля Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною. Послу нашему въ Стокгольмѣ Будбергу удалось разстроить сватовство молодаго короля съ Мекленбургскою принцессою и предложить въ невѣсты Русскую великую княжну, внучку императрицы. Вслѣдствіе этого, 14-го августа 1796 года король, подъ именемъ графа Гаги, и герцогъ-регентъ, подъ именемъ графа Вазы, прибыли въ Петербургъ съ блестящею свитою и поселились въ домѣ, который занималъ Шведскій чрезвычайный посланникъ баронъ Стедингъ. Весь Петербургъ пришелъ въ движеніе. Сама государыня была озабочена встрѣчею гостей и писала къ Петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: „Николай Петровичъ, держи ухо востро" [382]). Прекрасная, умная и любезная великая княжна Александра Павловна, съ дѣтства привыкшая считать Шведскаго короля своимъ суженымъ, видѣла въ пріятной личности его осуществленіе завѣтныхъ ожиданій и привязалась къ нему со всей горячностію молодаго сердца. Вопросъ о бракѣ казался окончательно рѣшеннымъ. Король сватался и получилъ согласіе. Въ честь его давались

безпрестанно пиры то при дворѣ, то у вельможъ. Государыня сама назначала дни, въ которые графы: Остерманъ, Безбородко, Самойловъ и Нарышкинъ должны были устроивать балы, обѣды и ужины. Праздникъ, данный Безбородкою, 28-го августа [383]), по словамъ участвовавшаго на немъ Державина, стоилъ 40,000 рублей. Поэтъ посвятилъ ему нѣсколько стиховъ:

Что есть гармонія во устроеньи міра,
Пространство, высота, сіянье, звукъ и чинъ?
Не то ли и чертогъ, воздвигнутый для пира,
Для зрѣлища картинъ
Въ твоемъ, о Безбородко, домѣ?
Я въ солнцахъ весь стоялъ въ пріятномъ сердцу громѣ.

По словамъ Терещенки, весь этотъ блескъ, богатство, и особенно изящество вкуса изумляло гостей; онъ свидѣтельствуетъ, что король пораженный этимъ сказалъ: „Это волшебный дворецъ [384])“.

Празднества оставалось заключить торжественнымъ обрученіемъ и сговоромъ. Исполненіе этихъ церемоній возложено было на ближайшихъ къ государынѣ лицъ: князя Зубова и графа Моркова, изъ которыхъ послѣдній былъ прежде нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. По словамъ Карабанова, „безпокойный его нравъ, находя возможность величаться и мстить въ Петербургѣ Стокгольскимъ непріятелямъ, все дѣло испортилъ [385])“ и помѣшалъ совершиться этому браку, къ которому почти все уже было готово. 10-го сентября въ тронной залѣ, въ присутствіи всей императорской фамиліи, вельможъ и дипломатическаго корпуса, произошла неожиданно-непріятная развязка. Юная великая княжна, въ брачной одеждѣ, явилась въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ сестеръ, великихъ князей и ихъ супругъ. Наконецъ, появилась и сама императрица во всемъ своемъ величіи; недоставало только появленія въ тронной залѣ короля-жениха, котораго долгое отсутствіе стѣсняло всѣхъ. Ему, за часъ до пріѣзда во дворецъ, графъ Морковъ представилъ брачный договоръ, въ которомъ Густавъ нашелъ условія, о коихъ онъ не согласился съ имратрицею, а потому и отказался подписать договоръ. Усовѣщевать короля были посланы графъ Безбородко, и многіе другіе вельможи, но Густавъ отказался рѣшительно подписать договоръ, найдя въ немъ противное законамъ своей страны [386]).

О посольствѣ Безбородки къ королю Карабановъ разсказываетъ слѣдующее: „За рѣшительнымъ отвѣтомъ посланъ былъ графъ Безбородко и долго не возвращался. Екатерина, горя нетерпѣніемъ, приказываетъ графу

Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину туда же слѣдовать. Безбородко встрѣтился съ нимъ на дворцовой лѣстницѣ и сказалъ: „А ужъ дѣло испорчено! Король отвергъ, чтобы великая княжна осталась въ Греческомъ законѣ“. Безбородко и Морковъ вошли въ кабинетъ, а Пушкинъ остался у дверей. Ростопчинъ, въ своихъ Запискахъ, дополняетъ приведенный разсказъ и пишетъ, что Екатерина, выслушавъ отъ Моркова докладъ объ отказѣ короля Шведскаго принять брачныя условія, не могла выговорить ни слова и съ отворенным ртомъ оставалась нѣсколько минутъ, доколѣ камердинеръ ея, Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, припасъ и подалъ выпить ей стаканъ воды. Оправившись, она встала съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ и два раза ударила Моркова тростью, а Безбородкѣ сказала: „Я проучу этого мальчишку“, потомъ сбросила съ себя мантію и измученно опустилась въ кресла... [387]).

На другой день Екатерина признавалась, что ночь съ 27 на 28 іюня 1762 года [то есть въ Петерговскомъ дворцѣ, передъ воцареніемъ], была для нея несравненно легче проведенной съ 10 на 11 сентября 1796 года [388]).

XVII.

Труды графа А. А. Безбородки по должности секретаря императрицы Екатерины II и „Канцелярія“ его.

Извѣстно, что Безбородко первоначально опредѣленъ былъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ на высочайшее имя. Изъ современной „росписи чиновныхъ особъ“ узнаемъ, что лица, состоявшія у принятія челобитенъ, числились „при собственныхъ ея величества дѣлахъ“, которыя какъ бы подраздѣлялись на двѣ отдѣльныя канцеляріи: а, „собственныхъ ея величества дѣлъ“, и б, „принятія челобитенъ“. Когда Безбородко опредѣлился ко двору, составъ секретарей государыни былъ небольшой, именно товарищами его въ то время были: по „собственнымъ ея величества дѣламъ“, тайный совѣтникъ и сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ и гофмейстеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ; „у принятія челобитенъ“— тайный совѣтникъ, таможенной канцеляріи членъ, Сергѣй Матвѣевичъ Козьминъ, статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Пастуховъ и генералъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Послѣдній вскорѣ полу-

чилъ новое назначеніе и затѣмъ отпущенъ былъ въ „безсрочный вояжъ“, хотя и числился долгое время въ штатѣ секретарей [389]).

При каждомъ изъ названныхъ лицъ находились особые чиновники, составляя какъ бы отдѣльную канцелярію, которая зависѣла отъ своего секретаря. Въ послѣдствіи число секретарей и состоящихъ при нихъ чиновниковъ измѣнялось; но Безбородко сохранилъ званіе секретаря, какъ при Екатеринѣ II, такъ и при Павлѣ I. Между этими секретарями распредѣлены были государственныя учрежденія, дѣла которыхъ восходили на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти. Доклады секретарей императрицѣ происходили ежедневно во все время ея царствованія. Почти одинаковъ былъ и порядокъ этихъ докладовъ. Весьма интересныя свѣдѣнія о занятіяхъ и вообще о ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II, за первые годы ея царствованія, находимъ въ одномъ изъ ея писемъ, адресованныхъ къ г-жѣ Жоффренъ.

„Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра,—говоритъ Екатерина,—читаю и пишу одна до 8, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла. Всякій, кому нужно говорить со мною, входитъ по-очередно, одинъ за другимъ. Такъ продолжается до 11 часовъ и долѣе. Потомъ я одѣваюсь. По Воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество людей. Поговоривъ полчаса или $^{3}/_{4}$ часа, я сажусь за столъ. По выходѣ изъ-за стола является несносный генералъ [vilain général], чтобы читать мнѣ наставленія: онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до 5 часовъ съ половиною. Тогда я отправляюсь въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ случится, до ужина, который кончается ранѣе 11 часовъ. Затѣмъ, я ложусь, и на другой день повторяется тоже самое, какъ по нотамъ“ [390]).

О занятіяхъ и ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II за послѣдніе годы ея царствованія подробно разсказываетъ въ своихъ Запискахъ Грибовскій, опредѣленный въ должность секретаря въ началѣ 1795 года. Зимнее время государыня проводила въ среднемъ этажѣ дворца, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома, гдѣ нынѣ экзерциргаузъ, а на лѣто переѣзжала сначала въ Таврическій дворецъ, а потомъ, и всегда инкогнито, въ Царское Село. Въ Зимнемъ дворцѣ императрица занимала немного комнатъ. Малая лѣстница вела въ комнату, обращенную окнами къ малому дворику. Въ этой комнатѣ, „за ширмами, на случай скораго отправленія приказаній государыни“, стоялъ письменный столъ съ приборомъ, за которымъ работали секре-

тари и другіе чины. Изъ этой комнаты былъ входъ въ уборную, обращенную окнами на дворцовую площадь и снабженную уборнымъ столикомъ. Изъ уборной одна дверь, направо, вела въ бриллiантовую комнату, а другая, налѣво, въ спальню, гдѣ государыня „обыкновенно дѣла слушала“.

Въ послѣдніе годы жизни своей Екатерина II вставала уже не въ 6, а въ 8 часовъ утра и до 9 часовъ занималась письмомъ въ своемъ кабинетѣ, выпивая одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ она возвращалась въ спальню, и здѣсь „у самаго почти входа изъ уборной садилась на стулъ, подлѣ стѣны, имѣя передъ собою два выгибныхъ столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ это время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровый шлафрокъ или капотъ, а на головѣ бѣлый же флеровый чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный [391]). Государыня, занявъ свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и вышедъ, звалъ кого приказано было. Въ то время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полицiймейстеръ и секретари, въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; а для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлю особые дни.

Грибовскій сообщаетъ и о поклонахъ, какіе дѣлалъ Безбородко, входя съ докладомъ къ императрицѣ. Разсказавъ о Суворовѣ, который при входѣ, прежде дѣлалъ три земныхъ поклона предъ иконою Казанской Богоматери и, потомъ, одинъ поклонъ императрицѣ, Грибовскій прибавляетъ: „Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою“ [392]).

Безбородко началъ свою службу при Екатеринѣ въ качествѣ докладчика по челобитнымъ. Въ нашемъ распоряженіи находится огромное количество писемъ его къ генералъ-прокурорамъ: князю А. А. Вяземскому и Н. А. Самойлову и къ оберъ-прокурорамъ Св. Синода: И. И. Мелиссино, П. П. Чебышеву, С. В. Акчурину, А. И. Наумову и А. И. Мусину-Пушкину, къ которымъ Безбородко, по волѣ императрицы, пересылалъ челобитныя, какъ жалобы на присутственныя мѣста, состоявшія подъ вѣдѣніемъ Сената и Синода, или какъ просьбы.

Какъ ни незначительны письма Безбородки къ названнымъ лицамъ по своему содержанію и какъ ни оффиціально-лаконичны они по изложенію, во всякомъ случаѣ, они даютъ возможность сказать, что всеподданнѣйшія просьбы, подаваемыя Екатеринѣ въ періодъ времени съ начала 1776 года до второй половины 1792 года, разсматривались и докладывались

ей исключительно Безбородкою. Только съ августа 1792 года челобитныя нерѣдко посылались при письмахъ Зубова, Грибовскаго, Трощинскаго и особенно Державина. На послѣдняго, кажется, преимущественно была возложена эта обязанность, пока онъ не получилъ новаго назначенія [393]).

Въ своей перепискѣ по челобитнымъ съ генералъ-прокурорами и оберъ-прокурорами Безбородко является простымъ исполнителемъ воли Екатерины, у которой подданные искали защиты и милосердія. А волею государыни требовалось: или чтобы просители, не смотря на санъ и званіе, были удовлетворены „немедленно и по закону", или—чтобы дѣло челобитчика было „разсмотрѣно по законамъ въ общемъ собраніи Сената", или чтобы оно было рѣшено „безъ очереди, немедленно", и нерѣдко „къ извѣстному числу".

Въ лаконическихъ письмахъ Безбородки историкъ Екатерининскаго царствованія найдетъ обильный матеріалъ словесныхъ распоряженій монархини, уму которой удивлялась тогда Европа. Они помогутъ ему также охарактеризовать дѣйствія тогдашнихъ государственныхъ учрежденій за вторую половину ея царствованія.

Недолго Безбородко ограничивался докладомъ челобитенъ. Увлеченная отчетливостью его устныхъ объясненій и выработанностію письменнаго изложенія, государыня начала возлагать на него самыя разнообразныя дѣла, и Безбородко, естественно, занялъ положеніе главнаго секретаря императрицы и сдѣлался докладчикомъ дѣлъ отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Безбородко писалъ отцу своему: „Меня вся публика и дворъ видятъ яко перваго ея [императрицы] секретаря, потому что чрезъ мои руки идутъ дѣла Сената, Синода, Иностранной Коллегіи, не выключая и секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ [Екатерины]". Не состоя на службѣ въ этихъ учрежденіяхъ, Безбородко не могъ имѣть ближайшаго и непосредственнаго вліянія на сущность дѣлъ докладываемыхъ Екатеринѣ; но кто знаетъ значеніе и вліяніе докладчиковъ на тѣ лица, которымъ они докладываютъ, кто знаетъ, что отъ докладчика весьма часто зависитъ не только направленіе дѣла въ ту или другую сторону, но и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, тотъ конечно не будетъ смотрѣть на Безбородку, какъ на простаго предъявителя разныхъ сообщеній отъ одной власти другой.

Близость и довѣріе, которыми Безбородко пользовался у Екатерины, естественно вели къ тому, что опытный, свѣдующій и трудолюбивый секретарь долженъ былъ получить при докладахъ рѣшительное вліяніе на

характеръ рѣшеній государыни. Подлинныя бумаги свидѣтельствуютъ, что дѣло именно такъ и было. Множество сохранившихся резолюцій, указовъ и рескриптовъ, писанныхъ рукою Безбородки и только подписанныхъ императрицею, наводитъ прямо на мысль, что она совѣтовалась съ нимъ касательно тѣхъ или другихъ распоряженій, соглашалась съ его мнѣніями и поручала ему самому выразить на бумагѣ эти мнѣнія, которыя потомъ и подписывала.

Ежечастныя сношенія императрицы Екатерины II съ довѣреннымъ ея секретаремъ, какъ нельзя лучше, обрисовываются собственноручными записками государыни, адресованными графу Безбородкѣ. Такихъ записокъ сохранилось 145, писанныхъ на лоскуточкахъ бумаги, на старыхъ конвертахъ и вообще на бумагѣ негодной; большая часть записокъ безъ обозначенія времени и настолько запискилаконичны, что доискаться, въ настоящее время, причины появленія ихъ, едва ли возможно.

Большая часть бумагъ Екатерины II, а именно до 1789 года, напечатана уже въ „Сборникѣ", издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ [394]), а бумаги за послѣдующіе годы приготовлены къ печати. Мнѣ необходимо потому обратить вниманіе читателей на тѣ только записки государыни, которыя хотя сколько нибудь обрисовываютъ отношенія монархини къ секретарю ея. Вотъ нѣкоторыя изъ записокъ, расположенныя здѣсь въ томъ порядкѣ, какъ хранятся онѣ въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

„Я послала къ тебѣ въ разныя времена конфиденціальныя записки, кои я не читала, думая, что выѣдешь; буде нужно, то пришли ихъ ко мнѣ къ прочтенію".

„Сіе письмо надѣюсь на почту не пошлете".

„О продолженіи вашей болѣзни много сожалѣю. Тысячу и одну вещь я имѣю съ тобою переговорить ежедневно".

„Я не знаю пріѣдешь ли сегодня, только мнѣ есть кое что говорить съ тобою".

„Напрасно горячишься, на умѣ не было тебя обижать или досадить, а писала я по одной довѣренности къ тебѣ, что на умъ пришло и жалѣю о томъ, что ты сіе принялъ въ иномъ разумѣ".

„Я разучилась писать; прикажите составить примѣрный отвѣтъ".

„Прикажите сей пакетъ истребить или сжечь, ежели бы случилась въ томъ необходимость".

„Прошу прочесть для любопытства".

„Пожалуй пріѣзжай ко мнѣ".

„Сіе мною не читано и для того, прошу прочесть со мною“.

„Когда все хорошо тогда и я довольна [395])“.

Постоянныя сношенія императрицы съ секретаремъ ея, естественно, должны были повліять и на канцелярію Безбородки, которая, дѣйствительно, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе расширялась соотвѣтственно увеличенію круга предметовъ, входившихъ въ область занятій канцеляріи; а къ началу 1780 года въ канцеляріи этой сосредоточились почти всѣ дѣла, восходившія на утвержденіе или рѣшеніе императорской власти. Долго и утомительно было бы перечислять акты, вышедшіе изъ канцеляріи Безбородки по докладамъ его Екатеринѣ о дѣлахъ, касавшихся разныхъ вѣдомствъ. Но нельзя умолчать, что въ архивѣ кабинета его императорскаго величества хранятся исходящія книги всѣхъ секретарей, бывшихъ при императрицѣ Екатеринѣ и императорѣ Павлѣ, и наибольшее число связокъ принадлежитъ дѣламъ „канцеляріи графа А. А. Безбородки“, на которыхъ наклеены ярлыки съ надписью „докладчиковъ Трощинскаго и другихъ“. 12 связокъ [съ № 39 по 51 включительно] содержатъ въ себѣ 50 книгъ, которыя даютъ наглядное понятіе о трудахъ Безбородки, какъ секретаря Екатерины и какъ докладчика по разнымъ дѣламъ. Эти исходящія книги свидѣтельствуютъ, что чрезъ его руки проходили дѣла всѣхъ учрежденій, составляющихъ государственный механизмъ, и что чрезъ него государыня переписывалась со всѣми лицами, которымъ были ввѣрены въ управленіе какія либо части.

Труды Безбородки совершенно сливаются съ трудами его канцеляріи. Пользуясь, поэтому, сохранившимися бумагами этой послѣдней, на основаніи разнаго рода актовъ, можно опредѣлить порядокъ разнообразныхъ сношеній императорской власти при Екатеринѣ II съ различными учрежденіями государства, равно и отправленія многосложной дѣятельности, обнаруженной Безбородкою, по должности секретаря Екатерины.

Сношенія верховной власти съ государственными учрежденіями, при Екатеринѣ, производились: а, чрезъ манифесты, непосредственно исходившіе отъ верховной власти, б, чрезъ именные указы, объявляемые на имя учрежденія, или на имя начальствующаго надъ нимъ, въ формѣ рескриптовъ [396]), в, чрезъ утвержденіе всеподданнѣйшихъ докладовъ, и г, чрезъ письма секретарей на имя разныхъ лицъ.

По исходящимъ книгамъ канцеляріи Безбородки, актовъ, подписанныхъ государыней, насчитывается 14,572 и 9,651 письмо, подписанное Безбородкою и объявлявшее волю Екатерины [397]). По разнымъ случаямъ, изъ числа 24,223 документовъ, изготовленныхъ въ канцеляріи Безбородки, 894 акта напечатаны въ 1-мъ Полномъ Собраніи Законовъ

Россійской Имперіи [398]). Это положительно свидѣтельствуетъ о юридическихъ познаніяхъ Безбородки и позволяетъ повторить слова академика Н. Г. Устрялова, что „рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки“ [399]).

Не входя въ разсмотрѣніе всей массы документовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Безбородки, позволимъ себѣ, однако, сказать нѣсколько словъ о значеніи этихъ актовъ. Само собою разумѣется, что существеннѣйшіе и важнѣйшіе изъ документовъ, т. е. законодательные, вошли въ составъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, нумера коихъ нѣтъ надобности перечислять въ настоящемъ трудѣ. Вообще же всѣ разсматриваемые мною акты, какъ напечатанные въ Полномъ Собраніи Законовъ, такъ и не вошедшіе въ него, по административному своему значенію, представляютъ слѣдующіе результаты секретарскихъ трудовъ графа Безбородки.

а. Къ числу важнѣйшихъ государственныхъ актовъ перваго отдѣла, принадлежатъ манифесты, которые, съ 1776 до второй половины 1792 года, составлялись исключительно въ канцеляріи Безбородки и всецѣло принадлежали его перу.

б. Ко второму отдѣлу принадлежатъ „именные высочайшіе указы“, данные разнымъ государственнымъ учрежденіямъ или лицамъ. Я видѣлъ въ архивахъ множество этихъ актовъ, написанныхъ рукою Безбородки; но здѣсь ограничусь только замѣчаніемъ, что въ одномъ Сенатскомъ архивѣ хранится 387 указовъ, писанныхъ собственноручно графомъ Безбородкою на имя этого учрежденія. Содержаніе этихъ актовъ, не напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, можно охарактеризовать нѣсколькими словами: ими даруются разнымъ лицамъ монаршія милости и, какъ кажется, всѣ они были написаны въ секретарской комнатѣ, за ширмами, о которой говоритъ Грибовскій, такъ сказать, на лету, тотчасъ по изъявленіи монаршей воли. Громадное число этихъ указовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ государственнымъ архивамъ и относящихся къ разнымъ общественнымъ дѣятелямъ, начиная отъ князя Потемкина и княгини Дашковой и кончая какимъ-нибудь совершенно неизвѣстнымъ чиновникомъ, свидѣтельствуетъ, что до второй половины 1792 года щедроты великой Екатерины шли чрезъ руки Безбородки. Вотъ почему, между прочимъ, съ нимъ старались сблизиться, или у него искали покровительства всѣ, кто только искалъ милостей царскихъ. А кто ихъ не искалъ? Къ чести Безбородки должно сказать, что онъ искренно желалъ добра ближнимъ и охотно дѣлалъ его по правилу, которое усвоилъ себѣ, подъ вліяніемъ домаш-

няго воспитанія, съ самаго дѣтства: „не желать того другимъ, чего себѣ не желаешь“, какъ выразился онъ однажды въ письмѣ къ своему отцу.

Ко второму же отдѣлу актовъ слѣдуетъ причислить и рескрипты Екатерины, данные на имя разныхъ лицъ, которымъ ввѣрены были въ управленіе отдѣльныя части государственнаго строя. Исходящія книги канцеляріи Безбородки приводятъ къ убѣжденію, что чрезъ эту канцелярію императрица сносилась со всѣми государственными людьми тогдашняго времени. По громадному количеству оставшихся копій съ рескриптовъ можно безошибочно заключить, что Безбородко былъ посвященъ Екатериною во всѣ государственныя тайны. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, которые изъ этихъ рескриптовъ принадлежали перу самого Безбородки, такъ какъ подлинные рескрипты отсылались къ тѣмъ лицамъ, которымъ они назначались, и весьма часто эти лица передавали присутственнымъ мѣстамъ копіи, а у себя оставляли подлинники, которые, такимъ образомъ, хранятся въ семейныхъ архивахъ ихъ наслѣдниковъ.

в. Что касается до третьяго отдѣла актовъ, а именно до всеподданнѣйшихъ докладовъ, восходившихъ на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти отъ различныхъ государственныхъ учрежденій и подчиненныхъ имъ лицъ, то въ нихъ Безбородко является истиннымъ знатокомъ законовъ, которые въ царствованіе Екатерины представляли непроходимый лабиринтъ даже для людей, посвященныхъ въ отечественную юрисируденцію. Безбородко представлялъ императрицѣ эти доклады съ марта 1778 по октябрь 1791 года т. е. до отъѣзда въ Яссы, излагалъ ихъ, объяснялъ и писалъ на нихъ резолюціи, которыя Екатерина только подписывала. Множество докладовъ съ такими резолюціями, написанными рукою Безбородки, хранятся въ архивахъ: Сенатскомъ, Синодскомъ и другихъ учрежденій, именно въ книгахъ „именныхъ высочайшихъ указовъ“. Сама же императрица, по большей части, писала резолюціи лаконическія, напримѣръ: „быть по сему“, и т. п. Преимущественнымъ содержаніемъ докладовъ, покрытыхъ резолюціями, писанными Безбородкою, были тяжебные и уголовные предметы, которые влекли за собою лишеніе дворянства, чиновъ и ссылку на поселеніе или въ каторжную работу. Доклады эти какъ нельзя лучше рисуютъ нравственное состояніе тогдашняго дворянства и будущему изслѣдователю дадутъ богатый матеріалъ для нравственной статистики нашего общества за время Екатерины II-й.

До опредѣленія Безбородки на должность секретаря, резолюціи на докладахъ, иногда очень обширныя, писала сама императрица. Иногда,

судя по почерку, я замѣчалъ резолюціи, писанныя Козьминымъ, Тепловымъ и еще рѣже Елагинымъ и Олсуфьевымъ. Съ поступленіемъ Безбородки обязанность эта легла на него всею своею тяжестію. Причиною тому была, безъ сомнѣнія, полная удовлетворительность Безбородкинскихъ резолюцій, исправлять или измѣнять которыя государыня не находила нужнымъ.

Неизвѣстный авторъ въ „Запискѣ о Сенатѣ и государственномъ устройствѣ", составленной въ 1801 году, подтверждаетъ это мнѣніе, говоря, что покойная императрица [Екатерина], принимая бумаги, меморіи и доклады генералъ-прокурора, ихъ оставляя у себя, разсматривала сама, ввѣряя ихъ докладу покойнаго князя Безбородки, а сей послѣдній, посовѣтуясь иногда съ людьми довѣріе самой императрицы заслуживающими, дѣлалъ на то иногда свои возраженія и примѣчанія" [400]). По поводу дѣятельности Безбородки по челобитчиковымъ дѣламъ Гарновскій, въ февралѣ 1788 года писалъ Попову: „Графъ просилъ государыню, чтобы его отъ должности принятія челобитенъ уволить и, по примѣру предмѣстниковъ его опредѣлить въ Сенатъ. Государыня изволила отвѣтствовать на сіе „хорошо посмотримъ". Когда слухъ объ увольненіи Безбородки распространился по городу, то многіе сожалѣли и говорили: „Графъ предобрый человѣкъ, пропали челобитчики" [401]).

Представленные факты, слѣдовательно, должны опровѣргнуть смыслъ словъ Грибовскаго, который пишетъ: „Всѣ сенатскіе доклады по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, коихъ рѣшеніе отъ государыни зависѣло, онъ, Д. П. Трощинскій, разсматривалъ и по онымъ указы заготовлялъ, которые графъ Безбородко только къ подписанію ея подносилъ" [402]). Очевидно, эти слова Грибовскаго должно относить къ послѣднимъ двумъ годамъ царствованія Екатерины. Грибовскій, опредѣленный въ секретари во второй половинѣ 1795 года, не могъ и знать, проходили-ли чрезъ руки Безбородки доклады императрицы до 1795 года. Въ 1791—1793 годахъ резолюціи на докладахъ, представляемыхъ Екатеринѣ, нерѣдко писались Храповицкимъ [403]); но помѣты, гдѣ и когда высочайше конфирмованъ докладъ, съ 11 октября 1791 года, т. е. съ отъѣзда Безбородки въ Яссы, писались рукою Зубова, и только съ 1794 года и во все остальное время царствованія Екатерины II и Павла I всеподданнѣйшіе доклады исключительно шли чрезъ руки Трощинскаго, и имъ писаны резолюціи, которыя нерѣдко измѣнялись, исправлялись и дополнялись императорскою рукою, особенно рукою Павла, въ его царствованіе.

г. Къ документамъ четвертаго разряда, посредствомъ которыхъ верховная власть сносилась съ государственными учрежденіями, принa-

длежать письма секретарей императрицы къ разнымъ лицамъ. По своему содержанію письма этого рода, исшедшія изъ канцеляріи Безбородки, весьма разнообразны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ объявлялась извѣстному учрежденію или лицу, для свѣдѣнія, исполненія или руководства воля Екатерины. Въ другихъ письмахъ сообщались высочайшія распоряженія объ опредѣленіи, увольненіи, перемѣщеніи, правахъ и награжденіи чинами, отличіями и деньгами разныхъ служащихъ лицъ. Иныя, наконецъ, вызывались частными обстоятельствами, о которыхъ императрица узнавала раньше, чѣмъ учрежденіе и о которыхъ, вмѣстѣ съ высочайшею резолюціею по нимъ, давалось учрежденію знать. Разумѣется, большая часть этихъ писемъ носитъ дѣловой, канцелярскій характеръ; но есть между ними и такія, которыя имѣютъ историческій интересъ. Таковы особенно тѣ письма, въ которыхъ выражаются замѣчанія Екатерины на всеподданнѣйшіе доклады, несогласные съ ея взглядами, и въ которыхъ изъясняются причины этого несогласія. Всѣ письма Безбородки какъ секретаря Екатерины II, къ разнымъ лицамъ, даютъ чувствовать близость его къ императрицѣ и полное довѣріе, которымъ онъ у нея пользовался. Особенно это слѣдуетъ сказать о цѣломъ рядѣ секретныхъ бумагъ, писанныхъ отъ лица императрицы собственноручно довѣреннымъ ея секретаремъ. Многія изъ нихъ не подлежатъ обнародованію. Изъ писемъ, содержаніе которыхъ уже лишилось всякой жгучести и даже щекотливости, мы можемъ указать на письмо Безбородки къ Новгородскому митрополиту Гавріилу, которому первый секретарь Екатерины II передаетъ сокровенныя мысли государыни по уніатскому дѣлу, такъ что считаетъ нужнымъ въ припискѣ замѣтить: „Ея величество желаетъ, чтобъ сіе, по волѣ ея, вашему преосвященству подаваемое объясненіе осталось единственно въ собственномъ вашемъ знаніи“. Вообще же, въ письмахъ этихъ Безбородко является, какъ бы посредникомъ между верховною властію и государственными учрежденіями, повѣреннымъ сокровенныхъ думъ императрицы и ближайшимъ исполнителемъ ея кабинетныхъ предположеній и предначертаній.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ актахъ, принадлежащихъ Безбородкѣ, рѣдко встрѣчаются помарки, исправленія и дополненія Екатерины, которая всегда внимательно читала подаваемыя къ ея подписи бумаги; но нельзя того же сказать о подписанныхъ ею бумагахъ, вышедшихъ изъ подъ пера другихъ ея секретарей. Особенно обильна поправками и исправленіями первая половина и послѣдніе годы ея царствованія.

Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, Безбородкѣ передавались на разсмотрѣніе разныя инструкціи, уставы и положенія и поручалось со-

ставленіе важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ и историческихъ записокъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ было сказано въ началѣ настоящаго труда. Здѣсь можно упомянуть о запискѣ, озаглавленной: „О городахъ Гадячѣ и Зеньковѣ“, составленой по высочайшей волѣ, какъ легко замѣтить изъ начала ея: „вашему императорскому величеству угодно бы вѣдать обстоятельства, касающіяся до уѣздныхъ городовъ Черниговскаго намѣстничества Гадяча и Зенькова“. Можно принять за вѣрное, что записка составлена въ 1781 году, когда учреждалось Черниговское намѣстничество и эти два города назначены были уѣздными [404]).

Изъ этого очерка государственныхъ трудовъ Безбородки за время Екатерины II-й, вѣроятно далеко не полнаго, видно, что онъ не оставался безъ дѣла и не потерялъ расположенія Екатерины до послѣднихъ дней ея жизни, будучи необходимъ для нея и постоянно находясь при ней даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда она жила въ Царскомъ Селѣ. Слѣдовательно, несправедливъ разсказъ Грибовскаго, что Безбородко „будто-бы не имѣя никакой надобности являться ко двору, а только для поддержанія кредита въ публикѣ, ежедневно являлся въ спальнѣ государыни, для того только, чтобы показать ей письмо, полученное имъ изъ Константинополя отъ племянника своего В. П. Кочубея“. Еще менѣе вѣроятенъ разсказъ, что Безбородко, будто-бы, ежедневно посылалъ пустую свою карету къ царскому подъѣзду, чтобы видѣла публика, „что онъ при дѣлахъ“. Послѣдній разсказъ, по моему мнѣнію, явно спутанъ съ извѣстіемъ, записаннымъ у Храповицкаго: „Сказывали [Екатерина] камердинеру, что во время поѣздки моей къ вице-канцлеру пріѣзжалъ графъ Безбородко, видно съ полученными имъ письмами изъ арміи; но тутъ увидѣли придворную карету, въ какой давно онъ ѣздилъ, и мылили за то голову Ребиндеру“ [405]).

Въ исчисленныхъ многосложныхъ трудахъ Безбородки немалое участіе принадлежитъ его канцеляріи, а потому справедливость и полнота разсказа требуютъ сообщить и о ней хотя краткія свѣдѣнія.

Канцелярія Безбородки, по личному составу своему, была больше чѣмъ канцеляріи всѣхъ другихъ секретарей взятыя вмѣстѣ. Но и въ ней находилось всего только отъ 4 до 9 человѣкъ. Этимъ и объясняется, что онъ собственноручно писалъ большое число исходящихъ бумагъ. Правителями канцеляріи, или, говоря языкомъ „списка чиновнымъ особамъ“ „старшими чиновниками состоявшими при графѣ Безбородкѣ“, были: Сергѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій и Николай Ефремовичъ Ефремовъ. Малиновскій былъ первый опредѣленный къ Безбородкѣ изъ Кабинета, въ 1777 году, и числился старшимъ чиновникомъ

до 1784 года, т. е. до опредѣленія Трощинскаго. Малиновскій и при Трощинскомъ продолжалъ службу при Безбородкѣ до 1796 года“ [406]).

Съ поступленіемъ Д. П. Трощинскаго, скучная работа составленія указовъ о пожалованіи чиновъ и опредѣленій на должности, работа, которую до тѣхъ поръ производилъ самъ Безбородко, перешла въ руки Трощинскаго. Безбородко отзывался о немъ императрицѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что онъ „былъ ему сущимъ и полезнымъ помощникомъ во всѣхъ, на немъ лежащихъ, дѣлахъ, въ которыхъ, по множеству, трудности и важности ихъ, безъ пособія его, не могъ-бы онъ успѣть“ [407]). Въ 1791 году передъ отъѣздомъ въ Яссы, Безбородко представилъ императрицѣ Трощинскаго и потомъ испросилъ у нея разрѣшенія, чтобы, во время его отсутствія, дѣла его канцеляріи докладывались ей правителемъ канцеляріи его, Трощинскимъ. Корсаковъ, авторъ статьи „Преданіе изъ вѣка Екатерины Великой“, объясняетъ представленіе Безбородкою Екатеринѣ Трощинскаго ея предложеніемъ, вызваннымъ готовностью облегчить для Безбородки труды понедѣльничныхъ докладовъ. Разсказавъ, какъ понедѣльничный проситель, не могшій нѣсколько разъ поймать Безбородку послѣ его воскресныхъ развлеченій для объясненій по важному дѣву, вскочилъ за нимъ въ карету, когда графъ отправлялся во дворецъ, Корсаковъ продолжаетъ: „Анекдотъ сей разошелся вскорѣ по городу и, дойдя до ушей императрицы, заставилъ ее провести нѣсколько веселыхъ минутъ; между тѣмъ она чувствовала, что старѣющемуся ея секретарю точно была нужда въ помощникѣ, который бы облегчилъ хотя нѣсколько обязанности ея вѣрнаго и заботливаго сановника. Любезный графъ! сказала однажды вѣнчанная мать Россіи своему секретарю; чувствую, что бремя дѣлъ вамъ не по лѣтамъ. Мнѣ сказывали, что у васъ есть исправный правитель канцеляріи Трощинскій; дозволяю вамъ иногда присылать его ко мнѣ вмѣсто себя съ докладомъ, а особенно по Понедѣльникамъ. Графъ былъ очень радъ возложить часть своего бремени на человѣка ему преданнаго, и въ первый за тѣмъ Понедѣльникъ Д. П. Трощинскій отправленъ былъ съ докладомъ“ [408]).

Гречъ объ этомъ же самомъ обстоятельствѣ разсказываетъ подробнѣе. „Однажды государыня [передаетъ онъ] прислала за Безбородкою изъ Царскаго Села. Гонецъ засталъ его среди оргіи. Безбородко приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и отправился Государыня спросила у него: готова-ли такая-то бумага? Готова ваше величество, отвѣчалъ Безбородко и, вынувъ изъ-за пазухи другую какую-то бумагу, прочиталъ, чего требовала государыня. Хорошо, сказала она, только мнѣ хотѣлось бы пройти самой эту бумагу съ перомъ.

Подайте ее. Онъ упалъ на колѣни и признался въ обманѣ. Наконецъ, государынѣ надоѣла эта геніальная Lüderlichkeit [распущенность], и она очень деликатно дала графу Безбородкѣ чувствовать, что онъ старѣетъ, что ему трудно вставать рано и просила присылать къ ней, вмѣсто себя, какого нибудь изъ своихъ секретарей. Графъ выбралъ коллежскаго совѣтника Д. П. Трощинскаго" [409]).

Разсказъ Греча совершенно согласуется съ преданіями о необыкновенной памяти и о быстрой сообразительности, которыя приписываются Безбородкѣ всѣми современниками. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что этотъ разсказъ сильно отзывается анекдотичностью; но я привелъ его, какъ отголосокъ той популярности, которою пользовался Безбородко въ обществѣ. Впрочемъ, подобный же случай разсказывается и про Веницеева, правителя канцеляріи М. Н. Кречетникова, въ бытность послѣдняго намѣстникомъ въ Калугѣ [410]).

Трощинскій понравился Екатеринѣ и, по возвращеніи Безбородки изъ Яссъ, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и опредѣленъ секретаремъ императрицы. Наградой этой Трощинскій остался недоволенъ, что легко видѣть изъ письма графа Безбородки къ А. Р. Воронцову, которому онъ писалъ: „Ваше сіятельство меня знаете и, конечно, мнѣ отдадите справедливость, что я всякому радъ дѣлать услуги, коль же паче тѣмъ, кои, служа подъ моимъ руководствомъ, доставляютъ мнѣ облегченіе. Все, что ни случалось съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ до сего времени, служитъ тому истиннымъ доказательствомъ. Когда уже при многихъ затрудненіяхъ, родившихся отъ извѣстныхъ коварныхъ внушеній, мои представленія не имѣли удачи, я въ прошломъ году, при мирѣ, минутою нѣкоего особаго ко мнѣ уваженія воспользовался, чтобъ испросить ему чинъ и прибавку жалованья. Вѣрьте, что, ежели бы, хотя, малый былъ слѣдъ стараться о перемѣнѣ креста, я бы того не упустилъ; но я видѣлъ такое отвращеніе, что не могъ и начала къ тому сдѣлать, и особливо послѣ попытки о Ганѣ. По сей неудачѣ планъ мой былъ: перемѣну ему креста искать произвесть въ дѣйство при первомъ случаѣ до мирнаго торжества; а буде бы сіе ускорило, въ то время усилить мое ходатайство, хотя пожертвовавъ собственными моими выгодами, чтобъ кромѣ того замѣнены они были какою либо отличною наградою въ его пользу; такъ какъ и на случай отдаленія праздника [Ясскаго мира] помышлялъ я исполнить вашъ совѣтъ, чтобъ ему требовать перемѣны креста чрезъ Сенатъ. Да я бы и прежде то сдѣлалъ, ежели бы упрежденъ былъ заранѣе. Я считалъ, что онъ, успокоившися послѣ первыхъ непріятныхъ ощущеній, не дастъ больше уваженія, какъ

сколько сіе дѣло и вообще достойно. Но сего дня прислалъ онъ мнѣ письмо со вложеніемъ просьбы къ государынѣ объ увольненіи его отъ службы. Сами изволите вѣдать, сколько меня подобное нечаянное происшествіе должно озаботить, и могу ли я прежде то исполнить, покуда найду одного или двухъ человѣкъ на его мѣсто, хотя раздѣляя одно при мнѣ, а другое въ правленіи почтовомъ? Умалчивая, что трудно мнѣ вдругъ приступить и съ докладомъ къ государынѣ, я сожалѣю, что моей доброй волѣ и доброму расположенію толь мало отдаютъ справедливости. Онъ довольно упрямъ, нежели бы могъ чьего послушать совѣта, кромѣ нѣчто вашего. Нельзя ли употребить сіе средство письмомъ вашимъ къ нему, покуда можно было бы и лично его сдѣлать? Предаю въ волю вашу" [411]).

Слѣдовательно не справедливъ разсказъ Н. И. Греча, что Екатерина украсила грудь его звѣздою подъ предлогомъ, что она не привыкла работать съ секретаремъ безъ звѣзды и, затѣмъ, узнавъ, что Трощинскій небогатъ, пожаловала ему 3000 душъ крестьянъ. Но при всѣхъ милостяхъ императрицы, при полномъ расположеніи ея, Трощинскій никогда не измѣнялъ начальнику и покровителю своему, графу Безбородкѣ, и былъ всегда въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ.

Грибовскій отчасти объясняетъ характеръ отношеній Трощинскаго и Безбородки и ихъ согласную житейскую тактику. Онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что Трощинскій никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны Перекусихиной, ея племянницы, Торсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденія и имянинъ графъ твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни не оставлялъ. Люди сіи, не смотря на запрещеніе говорить государынѣ о комъ бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнѣніе о ея министрѣ и его партіи [412]).

Біографу Трощинскаго предстоитъ немалый трудъ собрать множество написанныхъ имъ указовъ, которые хранятся въ государственныхъ архивахъ; всѣ, они по слогу, ясности изложенія и лаконизму, могутъ считаться лучшими произведеніями дѣловаго слога Екатерининскаго царствованія; въ этомъ отношеніи труды его неуступаютъ произведеніямъ его начальника—Безбородки. Если и странно, что человѣкъ простаго происхожденія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, выучившійся и Русской грамотѣ по собственному сознанію, у дьячка [413]), былъ первымъ сотрудникомъ трехъ самодержцевъ, Екатерины, Павла и Алексан-

дра: то это обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ величайшую честь природному уму и служебной опытности Трощинскаго [414]).

Въ 1793 году, когда Трощинскій былъ назначенъ въ секретари къ Екатеринѣ, его мѣсто по управлении канцеляріею графа Безбородки заняль Ефремовъ, человѣкъ, какъ увидимъ ниже, весьма близкій къ Безбородкѣ. Ефремовъ служилъ въ Безбородкинской канцеляріи съ 1783 года и оставался въ ней до смерти Безбородки.

Къ именамъ правителей канцеляріи Безбородки присоединимъ и перечень лицъ, служившихъ въ канцеляріи подъ ихъ начальствомъ. Это были: Андрей Васильевичъ Сахаровъ, Александръ Ивановичъ Казариновъ, Левъ Денисовичъ Сожи, Иванъ Емельяновичъ Зубовъ, Петръ Петровичъ Богдановъ, Андрей Алексѣевичъ Карцевъ, Акимъ Өедоровичъ Цитовскій, Егоръ Егоровичъ Фуксъ и Генрихъ Шторхъ [415]).

Наконецъ, при канцеляріи графа Безбородки находилось нѣсколько лицъ знатныхъ фамилій молодыхъ людей, прикомандированныхъ „для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи". Такими прикомандированными были: В. П. Кочубей, впослѣдствіи князь; Миклашевскій, племянникъ Безбородки, графъ Е. Ө. Комаровскій и другіе. Послѣдній изъ этихъ лицъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ слѣдующее: „Въ 1787 году назначенъ былъ я находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи, и въ полку не служилъ, а считался при графѣ Безбородкѣ". Упомянувъ за тѣмъ о поѣздкѣ своей въ Лондонъ, Комаровскій продолжаетъ: „Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ посланнику нашему С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ, я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородки, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня въ свое покровительство. На другой день мнѣ сказывали чиновники при посольствѣ, что, когда графъ Воронцовъ распечаталъ и прочиталъ привезенныя мною депеши, онъ сказалъ: „Комаровскій привезъ старыя газеты; видно графу Безбородкѣ хотѣлось познакомить его съ Лондономъ" [416]).

XVIII.

Домашняя жизнь въ Петербургѣ.

Изображая до настоящей главы общественную дѣятельность Безбородки, приходилось мимоходомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, коснуться его домашней жизни. Между тѣмъ, очеркъ домашней жизни необходимое дополнительное звено въ біографіи каждаго лица, а въ отношеніи къ Безбородкѣ представляетъ значительную долю своеобразнаго интереса.

Въ Петербургѣ, съ 1784 года, Безбородко, обыкновенно, проводилъ зиму въ собственномъ домѣ, на Почтамской улицѣ [417]), а лѣто въ деревнѣ Полюстровѣ, которую онъ купилъ въ 1782 году у капитана Алексѣя Григорьевича Теплова, за 22.500 рублей [418]).

Городской домъ Безбородки, изукрашенный драгоцѣнными рѣдкостями искусствъ, славился картинной галлереей и считался однимъ изъ богатѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ домовъ столицы. Безбородко, и по природѣ, и по образованію, любилъ знаніе и искусство, и мы уже видѣли, какъ онъ, прибывъ въ Петербургъ, охотно сближался съ людьми, выдававшимися на поприщѣ того или другаго, какъ онъ самъ участвовалъ въ научной работѣ и какъ онъ неизмѣнно покровительствовалъ ученымъ, поэтамъ и художникамъ. Въ 1783 году, по мысли Н. А. Львова, онъ заказалъ Левицкому, для своего дома, который отстраивался, портретъ Екатерины во весь ростъ. Императрица изображена на немъ въ бѣлой туникѣ и парчевой мантіи, подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ маковыхъ цвѣтовъ. Художественное произведеніе Левицкаго Державинъ описалъ въ одѣ „Видѣніе Мурзы“:

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персахъ поясъ златъ,
Изъ черноогненна виссона;
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила Вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто-бы уснулъ [419]).

Со времени покупки дома, Безбородко пользовался всякимъ случаемъ достать какое нибудь рѣдкое произведеніе искусства. Академія Художествъ, 14-го мая 1794 года, оцѣнила дѣятельность Безбородки, какъ поощрителя искусствъ избраніемъ его въ „почетные художествъ любители за любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художествамъ", какъ сказано въ пергаменной грамотѣ, полученной имъ на это званіе отъ Академіи [420]). Въ слѣдующемъ 1795 году, отъ 11-го іюля, Безбородко писалъ къ графу С. Р. Воронцову: „Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ". Разумѣется, мы бы ошиблись, если бы приняли эти слова въ буквальномъ смыслѣ. Безбородко и прежде не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе рѣдкостей искусства, статуй, картинъ и т. п. Избраніе его въ „почетные художествъ любители", вызванное его давнею и всѣмъ извѣстною благородною привычкою, еще болѣе усилило ее и обратило въ страсть. Дѣйствительно, онъ составилъ замѣчательнѣйшую картинную галлерею. Въ то время лучшею частною картинною галлереею въ Россіи считалась Строгоновская. Но Безбородкѣ удалось довести свое собраніе до такого состоянія, что оно, по его словамъ, превосходило Строгоновскую галлерею „и числомъ, и качествомъ". Въ его спальнѣ было 22 картины одного Вернета; затѣмъ въ его галлереѣ былъ Сальваторъ Роза, которымъ не обладалъ даже Императорскій Эрмитажъ. Нѣкоторыя картины изъ Безбородкинской галлереи украшаютъ въ настоящее время залы Императорской Академіи Художествъ, въ которую онѣ были пожертвованы графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородко [421]).

Дача, на которой жилъ Безбородко лѣтомъ, извѣстна нынѣ подъ именемъ Кушелевки-Безбородки [422]). Она находится на Невѣ, противъ теперешняго Смольнаго монастыря или, вѣрнѣе, института. По плану Гваренги, Безбородко построилъ здѣсь роскошный домъ и развелъ при немъ садъ, славившійся барскими затѣями и прихотями, на удовлетвореніе которыхъ богатый хозяинъ не щадилъ денегъ. Нѣсколько воспоминаній о дачѣ Безбородки передаетъ словоохотливый Гарновскій въ письмахъ своихъ къ Попову. Онъ разсказываетъ, что графъ Безбородко много долженъ, что „онъ, подражая князю, пустился въ строеніе дачи и прочія, доходамъ его не соразмѣрныя, издержки" [423]). Одна изъ уцѣлѣвшихъ прихотѣй и до сихъ поръ украшаетъ запустѣвшій садъ: въ глубинѣ его находится храмъ Сивиллы съ колоссальною статуею древне-языческой предвѣстницы будущаго. По словамъ Георги, составителя описанія С.-Петербурга, статуя Сивиллы изображаетъ императрицу Екатерину II [424]). Статуя, вѣсомъ въ 200 пудъ, по словамъ тогдашней газеты [425]), отлита изъ мѣди,

въ октябрѣ 1788 года, при Императорской Академіи Художествъ, а модель для нея была сдѣлана извѣстнымъ тогдашнимъ академикомъ Рашетомъ, во вкусѣ древнихъ Греческихъ статуй [426]). На дачѣ и въ саду до 1873 года находились и другіе остатки прежней роскоши, какъ напримѣръ: громадный бюстъ Безбородки, вылитый изъ мѣди. Теперь отъ него остался одинъ гранитный пьедесталъ, похитить который едва ли возможно. Безъ сомнѣнія, въ честь же Безбородки и проспектъ, идущій „отъ Мурипской до Полюстровской дороги“, въ С.-Петербургѣ, названъ Безбородкинскимъ [427]). Въ Москвѣ, за Землянымъ городомъ, въ Рогожской части, также находится переулокъ Безбородкинскій, какъ свидѣтельствуетъ Рубанъ, въ описаніи Москвы [428]).

Естественно думать, что Безбородко неодинаково держалъ себя при дворѣ, у себя дома на оффиціальныхъ пріемахъ и у себя же дома въ интимномъ кругу людей близкихъ и короткихъ знакомыхъ. „Являясь къ императрицѣ во Французскомъ кафтанѣ, при всемъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго“,—разсказываетъ о Безбородкѣ Терещенко,—„онъ иногда не замѣчалъ осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на своихъ башмакахъ; былъ простъ, нѣсколько неловокъ и тяжелъ; въ разговорахъ то веселъ, то задумчивъ“ [429]). Мы хорошо знаемъ, что Безбородко не родился придворнымъ и воспитаніе получилъ не такое, которое пріучаетъ постоянно и во всѣхъ мелочахъ наблюдать за своею внѣшностію; но, съ другой стороны, совершенное пониманіе своего положенія и Малороссійская хитрость, при видимой простоватости, заставляли его соображать своеличное настроеніе съ предметомъ разговора, а свои слова, имѣвшія огромное значеніе словъ сановника, довѣреннаго императрицы, съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое они должны были производить на собесѣдниковъ. Такъ именно и понималъ Безбородку тогдашній посолъ въ С.-Петербургѣ дюкъ-де-Серра Капріола, который отозвался о немъ, какъ „о министрѣ, соединяющемъ въ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ“. Графъ Ростопчинъ говоритъ, что Безбородко имѣетъ „привѣтливый видъ и вѣжливое обращеніе“. Такимъ же Безбородко былъ и въ своихъ открытыхъ оффиціальныхъ пріемахъ: на балахъ, праздникахъ и торжественныхъ обѣдахъ, которые онъ устраивалъ въ своемъ домѣ по разнымъ обстоятельствамъ и на которые нерѣдко, съ императрицею во главѣ, собирались всѣ знатнѣйшіе и образованнѣйшіе русскіе и иноземные люди, проживавшіе въ Петербургѣ. Разница тутъ была только одна: роскошью и блескомъ Безбородко отвлекалъ вниманіе гостей отъ своей неловкости и заставлялъ славить свою привѣтливость и свой вкусъ. А какъ рос-

кошно жилъ вельможа-холостякъ, можно судить по тому, что онъ на обыкновенные расходы тратилъ въ мѣсяцъ по 8,000 рублей, а въ важнѣйшихъ случаяхъ устраивалъ вечера, обходившіеся въ 50,000 рублей.

Совсѣмъ иначе держалъ себя Безбородко въ кругу людей близкихъ, именно родныхъ, друзей и короткихъ знакомыхъ, съ которыми онъ оставался послѣ парадныхъ обѣдовъ. Обѣды же его были парадны въ смыслѣ многолюдства. По разсказамъ современниковъ, заимствованнымъ изъ семейныхъ преданій покойнаго князя, онъ былъ истинный хлѣбосолъ и баринъ славнаго XVIII вѣка.

Кстати вспомнить здѣсь разсказъ И. И. Дмитріева, который пишетъ, что Безбородко, за труды и усердіе къ его дѣламъ, управляющему его имѣніями и земляку Судіенкѣ подарилъ новопожалованную ему Екатериною деревню Журавки [430]), и въ то же время величалъ его въ письмахъ своихъ къ графу А. Р. Воронцову „лѣнивцемъ славнымъ“ [431]).

Въ интимномъ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ Безбородко былъ развязенъ, веселъ, увлекателенъ и откровененъ. „Зять мой Алексѣй Николаевичъ [Астафьевъ],—пишетъ графъ Комаровскій,—служилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ; я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда я пожелаю. Кромѣ знатныхъ гостей, обыкновенное общество состояло изъ особъ, живущихъ у графа и нѣсколькихъ человѣкъ короткихъ знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе слышать разговоръ графа Безбородки. Онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, въ особенности о фельдмаршалѣ [графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ], при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ, читая, схватывалъ смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна. Мнѣ случалось видѣть, что привезутъ ему отъ императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобы для него не безпокоились и продолжали бы разговаривать, между тѣмъ онъ только что переворачивалъ листы и иногда вмѣшивался въ бесѣду гостей своихъ, не переставая въ то же время читать бумаги. Если то, что онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, онъ намъ сообщалъ содержаніе онаго. Я слышалъ отъ графа Моркова, что онъ не могъ никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородко читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостію, и такъ вѣрно и скоро постигать смыслъ оныхъ“ [432]).

Сохранившіеся портреты Безбородки вполнѣ оправдываютъ высказанное графомъ Комаровскимъ: улыбающееся, живое и пріятное лицо графа, съ вкрадчивыми глазами, овладѣвало обществомъ. Прибавимъ, что Безбородко, совершенно владѣвшій литературной Великорусской рѣчью на письмѣ, устно говорилъ съ сильнымъ Малороссійскимъ акцентомъ, который въ ушахъ Великоруссовъ отзывается шутливостію звуковъ, даже независимо отъ содержанія рѣчи.

Послѣ отца, умершаго 2-го марта 1780 года, ближайшими родственниками Безбородки оставались: мать-старуха, братъ Илья Андреевичъ и три сестры: Анна Андреевна въ замужествѣ за П. П. Галецкимъ, Ульяна Андреевна—за П. В. Кочубеемъ и Татьяна Андреевна—за Я. Л. Бакуринскимъ. Каждая изъ сестеръ и братъ имѣли по нѣсколько человѣкъ дѣтей, которыя выучены и выведены въ люди, какъ и отцы ихъ, попеченіями для однихъ брата, зятя, а для другихъ дѣдушки или дядюшки.

Безбородко „чрезвычайно любилъ уроженцевъ Малой Россіи и, зная хорошо ихъ смѣтливость и способность къ дѣламъ, постоянно покровительствовалъ имъ. Пріемная его была вѣчно наполнена пріѣзжими изъ Полтавы и Чернигова, добрыми, полными своего особеннаго юмора Малороссами, являвшимися въ столицу искать мѣстъ, или опредѣлять дѣтей на службу. Съ каждымъ изъ посѣтителей вельможа говорилъ какъ нельзя дружелюбнѣе, каждому помогалъ своимъ кредитомъ, своимъ совѣтомъ, если въ томъ настояла надобность. Даже, когда одинъ изъ названныхъ посѣтителей серіозно обратился къ сановнику-хозяину съ просьбою опредѣлить его въ должность театральнаго капельмейстера, „чтобы палочкой махать, да по шести тысячъ брать“, снисходительный сановникъ только ласково улыбался и объяснялъ просителю, что для маханья палочкой въ оркестрѣ и полученія шести тысячъ нужно знать музыку хотя немножко. Такая доступность была причиною, что имя Безбородки было для всякаго Малоросса любимымъ и какъ бы родственнымъ именемъ. Работая однажды у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной комнатѣ топанье ногъ и протяжное зѣванье съ разными переливами голоса. Осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидалъ толстаго земляка съ добродушной физіономіей, явно соскучившагося нѣсколькими минутами необходимаго ожиданія. Вельможа улыбался, глядя изъ-за двери, какъ посѣтитель, не привыкшій ждать никого, все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучивши окончательно, принялся ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно заняла Малоросса, и онъ долго

гонялся за ней изъ угла въ уголъ; улучивъ затѣмъ минуту, когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою. Ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбилась въ дребезги. Гость поблѣднѣлъ и потерялся, а Безбородко, вышедъ въ пріемную и ударивъ по плечу Малоросса, ласково сказалъ: „Чи поймавъ“ 433)?

Какъ ни странны и ни оригинальны приведенные разсказы, но они и устно, и письменно единогласно свидѣтельствуютъ, что Безбородко имѣлъ доброе сердце и никогда не отказывалъ просителямъ, а, напротивъ, всегда обнадеживалъ ихъ, хотя нерѣдко и забывалъ ихъ просьбы. Онъ имѣлъ привычку повторять послѣднія слова просителей: „Не оставьте! Не забудьте“! На просьбу одного просителя о дѣлѣ, которое должно было рѣшиться на другой день, „не забыть“, Безбородко отвѣчалъ: „Не забуду, не забуду“. „Да вы, графъ, забудете“, слезно замѣчалъ ему проситель. „Забуду, забуду“, подтверждалъ Безбородко, любезно отпуская просителя 434). Иногда онъ успокоивалъ просителей словами: „Будьте, батюшка, благонадежны“, которыя обыкновенно произносились настоящимъ Малороссійскимъ выговоромъ.

Масса одолѣвавшихъ Безбородку просителей вынуждала его скрываться отъ нихъ, или не сказываться дома. Но и въ этихъ случаяхъ хитрые Малороссы изобрѣтали возможность выразить ему свои нужды и получить покровительство сильнаго вельможи. Такъ, одинъ изъ его земляковъ, нѣсколько разъ не заставъ Безбородку дома, забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко крайне былъ удивленъ, найдя въ каретѣ посѣтителя; но, узнавъ дорогой причину посѣщенія и самое дѣло, по которому землякъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлалъ ему угодное 435).

За всѣ свои хлопоты и старанія о нуждающемся человѣчествѣ Безбородко желалъ одного, „чтобы люди могли быть признательнѣе, нежели мы ихъ иногда находимъ“, какъ выразился онъ въ одномъ письмѣ къ отцу 436).

Безбородко былъ большой охотникъ слушать пѣніе и особенно пѣніе Русскихъ пѣсенъ. Въ его время, въ Петербургѣ, жилъ мастеръ этого дѣла Иванъ Гавриловичъ Рожковъ 437). О пѣвцѣ, котораго хотѣли похвалить, обыкновенно тогда говорили, что онъ поетъ какъ Рожковъ 438). Безбородко каждую недѣлю приглашалъ Ивана Гавриловича въ свой домъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ и своимъ посѣтителямъ удовольствіе послушать очаровательнаго пѣвца. Сановнику, наслаждавшемуся пѣніемъ

лучшихъ Итальянскихъ примадоннъ, на придворной сценѣ, и не жалѣвшему для нихъ десятковъ тысячъ, дѣлаетъ величайшую честь, что онъ приручалъ у себя въ домѣ такъ часто и родное искусство пѣнія въ лицѣ доморощеннаго артиста-торговца.

Нельзя умолчать, также, что Безбородко былъ большой охотникъ до картъ. Онъ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за зеленымъ столомъ [439]). Въ картежной игрѣ Безбородко не былъ счастливъ, что можно заключать изъ писемъ къ нему А. И. Моркова, который напримѣръ, отъ 5-го апрѣля 1782 года, говоритъ: „Сожалѣю, что вы такъ худо ведете свои дѣла въ картахъ. Съ этой стороны я гораздо васъ спокойнѣе. Какъ въ день гульденовъ шесть выиграю, такъ вся Гага мнѣ завидуетъ. Женщины здѣсь прескверныя и по большей части мошенницы: воруютъ въ игрѣ такъ, что глазомъ мигнуть нельзя". Въ другой разъ, отъ 14-го (23-го) декабря того же 1782 года, Морковъ, поздравляя Безбородку съ новымъ годомъ, пишетъ: „Позвольте мнѣ при семъ поднести вамъ маленькій календарь, весьма покойный не для чиселъ, но для веденія карточныхъ счетовъ [440]).

Относительно картъ существуетъ разсказъ, что Безбородко просилъ у Екатерины позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей Петербургской дачѣ. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности, началъ дѣлать ошибки (ренонсы), а хозяинъ-графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечными выстрѣлами. Шутка эта такъ раздражила вспыльчиваго медика, что едва не кончилась ссорой [441]).

Безбородко не былъ женатъ, „бывъ чуждъ всякихъ обязательствъ и самаго въ нихъ намѣренія", какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу. Между тѣмъ, нашлось указаніе, что когда-то существовало „охлажденіе между Безбородкою и старшимъ Воронцовымъ за то, что свадьба графа Безбородки съ Прасковьей [?] разстроилась". Разстройство же приписывалось А. Я. Протасовымъ графу Воронцову [442]). Тѣмъ не менѣе онъ отнюдь не держался въ сторонѣ отъ прекраснаго пола; напротивъ, онъ былъ большимъ его поклонникомъ. Императрица Екатерина нерѣдко выражала ему о томъ недовольство; такъ напримѣръ подъ числомъ 3 іюля 1781 года у Храповицкаго отмѣчено неудовольствіе о томъ, „что Безбородко на дачѣ своей празднуетъ; посылали сказать въ его канцелярію, чтобы, по пріѣздѣ, скорѣе пришелъ. Онъ почти не показывается, а до него всякій часъ дѣло" [443]). Императрица, „узнавъ, что графъ подарилъ Итальянской пѣвицѣ Давіа 40.000 руб., со-

чла нужнымъ выслать ее изъ столицы“ [444]). Есть свидѣтельство, что указывались лица, получавшія мѣста черезъ Давію и Ферьери, какъ писалъ графъ С. Р. Воронцовъ изъ Пизы брату своему [445]). Есть мнѣніе, что пѣсня:

Радость! выслушай два слова:
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь? [446]) и т. д.

была сочинена на его счетъ, по поводу его ухаживаній за извѣстной тогдашней пѣвицей Е. С. Урановой, которая и пѣла ее на сценѣ. Уранова была влюблена въ актера Сандунова и готовилась выйти за него замужъ. Безбородко же, употребивъ всѣ возможныя хитрости къ тому, чтобы сблизиться съ нею и не достигнувъ цѣли, намѣревался будто бы похитить упрямую артистку. „Лизинька,—писалъ Гарновскій,—ни накакія обѣщанія графу не поддается“ [447]). Уранова, узнавъ объ этомъ, въ порывѣ отчаянія, рѣшилась на смѣлый поступокъ. Играя, однажды, въ присутствіи императрицы, на эрмитажномъ театрѣ оперу „Федулъ съ дѣтьми“, Уранова превзошла себя. Екатерина была въ восхищеніи и, по окончаніи послѣдней аріи, бросила ей свой букетъ. Уранова схватила его, прижала къ сердцу и, подбѣжавъ къ аванъ-сценѣ, упала на колѣни и закричала: „Матушка-царица, спаси меня“! Можно судить, какое впечатлѣніе произвела на зрителей эта неожиданная сцена. Императрица съ участіемъ обратилась къ пѣвицѣ. Уранова тотчасъ же подала государынѣ заранѣе приготовленную просьбу, гдѣ были подробно изложены всѣ интриги Безбородки противъ счастія влюбленныхъ [448]).

Въ это время Безбородко находился въ Москвѣ. Разгнѣванная государыня уволила директоровъ театра: Соймонова и Храповицкаго отъ должностей за содѣйствіе „къ сближенію, какъ сказано въ „Лѣтописи Русскаго театра“, воспитанницы театральнаго училища Урановой съ графомъ Безбородкою“ [449]). Храповицкій же чистосердечно разсказалъ объ этомъ событіи въ своемъ Дневникѣ, подъ 11 февраля 1791 года: „Въ вечеру играли въ Эрмитажѣ „Ѳедула“, и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ послана записка къ Трощинскому, чтобы заготовить указъ объ увольненіи насъ отъ управленія театрами. Трощинскій въ полночь былъ у меня для совѣта объ указѣ“ [450]).

Жалоба подана была Урановою 11-го февраля; черезъ день, 13-го, Безбородко возвратился въ Петербургъ; а на слѣдующій день, 14-го, по словамъ Храповицкаго, „вѣнчали Лизу въ маленькой придворной церкви“; при чемъ, по словамъ Пантеона, императрица пожаловала новобрач-

нымъ богатые подарки". О Безбородкѣ въ Пантеонѣ замѣчено, что „Екатерина жестокимъ образомъ распекла страстнаго графа"; но затѣмъ никакаго другаго болѣе чувствительнаго вліянія на положеніе Безбородки жалоба Урановой не имѣла, можетъ быть потому, что первый приливъ гнѣва Екатерины успѣлъ отойти. Между тѣмъ, авторъ „Vie de Catherine II" разсказываетъ, что государыня обошлась съ нимъ весьма строго: она выдала ее за-мужъ на его счетъ [451]). Въ этомъ случаѣ судьба очевидно поблагопріятствовала любимцу счастія, устроивъ жалобу Урановой въ его отсутствіе. Впрочемъ, и условія жалобы, и характеръ отзыва о ней, сдѣланнаго Храповицкимъ въ Дневникѣ, показываютъ, что жалоба случилась неожиданно, и что связь Безбородки съ Урановой не выходила изъ ряда установившихся къ ней отношеній. Въ Пантеонѣ разсказывается, что недѣлю спустя послѣ свадьбы, Сандунова играла въ большомъ театрѣ какую-то всѣми любимую тогда оперу. Безбородко, по обыкновенію, сидѣлъ въ ближайшей къ сценѣ ложѣ. Когда нужно было пѣть лучшую арію, Сандунова ловко вынула изъ ридикюля кошелекъ съ деньгами, выступила къ оркестру, подняла кошелекъ къ верху и, устремивъ на Безбородку свои большіе лукавые глаза, съ саркастической улыбкой запѣла:

Перестаньте льститься ложно
И думать такъ безбожно,
Въ любовь къ себѣ склонить.
Тутъ нужно не богатство,
Но младость и пріятство...
Еще что-то такое....

Весь театръ разразился единодушными аплодисментами. Умный Безбородко хохоталъ и хлопалъ больше и громче всѣхъ и первый потребовалъ повторенія. На другой день онъ послалъ Сандуновой шкатулку съ дорогими вещами. Подарокъ былъ принятъ; но Сандунова сочла болѣе благоразумнымъ оставить Петербургъ и перейти на Московскую сцену. Прощаясь съ Петербургскою публикою, мужъ ея такъ объяснялъ цѣль переѣзда въ Москву:

Гдѣ-бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моей Лизетѣ милліоны [452]).

Нельзя умолчать, однако, что вся эта исторія случилась въ такое именно время, когда Безбородко находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ актрисою Ольгою Дмитріевною Каратыгиною.

Съ 1789 года, на домашнихъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ, куда допускались приближеннѣйшія къ государынѣ особы [453]), стала являться въ балетныхъ роляхъ и обращать на себя всеобщее вниманіе ученица Театральнаго училища, О. Д. Каратыгина, дочь училищнаго эконома Дмитрія Васильевича Каратыгина [454]). Безбородко, постоянно посѣщавшій эрмитажныя собранія, прельстился молодой артисткой и, впослѣдствіи имѣлъ отъ нея дочь Наталью Александровну Верецкую [455]). Каратыгина въ 1790-хъ годахъ оставила сцену и поселилась у Безбородки. Впослѣдствіи, она вышла за мужъ за правителя его канцеляріи Николая Ефремовича Ефремова, который получилъ за нею домъ и значительную сумму денегъ.

Привязанность Безбородки къ О. Д. Каратыгиной продолжалась до его смерти. Дочь ихъ, а по оффиціальнымъ бумагамъ, „воспитанница князя Безбородки", прекрасно воспитанная, богатая и хорошенькая собой, Наталья Александровна вышла, 21-го мая 1806 года, замужъ, за гвардейскаго полковника Якова Петровича Савельева. Объ отцѣ своемъ, канцлерѣ—князѣ она сохранила самыя свѣтлыя воспоминанія. Въ одномъ изъ писемъ ея, къ князю В. П. Кочубею, она такъ говоритъ о своемъ отцѣ: „Въ ономъ же письмѣ изволите упоминать и о благодѣтелѣ моемъ, князѣ Александрѣ Андреевичѣ. О семъ священнѣйшемъ для меня имени я не могу слышать равнодушно, и по мѣрѣ моего возраста, я болѣе и болѣе чувствовала мою въ немъ потерю и сиротство, лишась въ немъ всего, что было для меня священнѣйшаго" [456]). Въ замужествѣ она прожила 20-ть лѣтъ, скончалась въ 1826 году и погребена въ фамильномъ склепѣ Савельевыхъ, въ Толшевскомъ монастырѣ, Воронежской епархіи [457]).

Было и такое время въ жизни Безбородки, когда онъ искалъ отдыха отъ своихъ трудовъ, или развлеченія отъ ихъ надоѣдливаго однообразія, въ увеселительныхъ сборищахъ. Н. И. Гречъ передаетъ объ этихъ похожденіяхъ слѣдующія подробности: „Безбородко былъ тоже, что нынѣ Вронченко, только въ большемъ размѣрѣ. Каждую Субботу послѣ обѣда надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ [458]) и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, посѣщалъ онъ самые неблагопристойные дома. Зимою, по Воскресеньямъ, бывалъ онъ всегда въ маскарадѣ у Ліона [459]). Въ 8 часовъ его будили, окачивали холодною водою, одѣвали, причесывали, и полусонный онъ ѣхалъ во дворецъ съ докладами; но, предъ входомъ въ кабинетъ Екатерины, онъ стряхивалъ съ себя ветхаго человѣка, становился умнымъ, серіознымъ, дѣльнымъ министромъ" [460]).

Напрасно-бы мы стали заподозрѣвать справедливость подобныхъ извѣстій, или дѣлать по нимъ заключенія объ особенно-низкой нравственности замѣчательнаго государственнаго человѣка. Таково было время и нравы. Графъ Ростопчинъ, отлично знавшій Безбородку, называетъ его „большимъ поклонникомъ прекрасному полу". Любовь къ прекрасному полу была „въ модѣ", и ею отличались едва ли не всѣ придворные, пожилые современники Безбородки. Такъ, по крайней мѣрѣ, строго-нравственный полководецъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, перечисляетъ всѣхъ „придворныхъ любезниковъ", къ которымъ причисляетъ и Безбородку, и даетъ ей такое отеческое наставленіе: „Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай. Это И. И. Шуваловъ, графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый князь Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры, старый графъ Чернышевъ и другіе" [461]).

Сардинскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-Парело, говоря о графѣ Безбородкѣ, замѣчаетъ: „Для завершенія безпристрастной характеристики описываемаго министра, слѣдовало-бы, можетъ быть, прибавить кое-что о женщинахъ. Но такъ какъ онѣ не отвлекаютъ его отъ важныхъ дѣлъ, и власть ихъ надъ нимъ ограничивается протекціею нѣкоторыхъ личностей, не значительныхъ для хода политической машины; то зачѣмъ указывать на слабости [462]).

XIX.

Кончина императрицы Екатерины II.

Неудачно веденные переговоры о бракѣ великой княгини Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ IV сильно огорчили Екатерину: она давно лелѣяла мысль объ этомъ бракѣ, ожидала отъ него много добра и пользы для Россіи и Швеціи и наконецъ казалось дожила до исполненія своего завѣтнаго желанія. Чѣмъ тверже были надежды Екатерины, тѣмъ сильнѣе обнаруживался гнѣвъ ея, когда онѣ не осуществились. Легко вообразить, какъ это раздраженіе подѣйствовало на ея здоровье, которое и безъ того уже было въ разстроенномъ

состоянiи. Головныя боли у нея съ этихъ именно дней стали учащаться, и закрылись на ногахъ раны, которыми она давно страдала. Послѣднее обстоятельство было однимъ изъ важнѣйшихъ, если дать вѣру не напечатанному объ этомъ разсказу А. М. Тургенева, написанному имъ на поляхъ экземпляра „Записокъ Грибовскаго", принадлежавшаго Ю. В. Толстому. „Платонъ Зубовъ,—пишетъ Тургеневъ,—рекомендовалъ Екатеринѣ грека Ламбро-Качони, который взялся вылѣчить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Лѣченiю этому лейбъ-медикъ Рожерсонъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствiяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ iюлѣ закрылись, а въ ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексiи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки за Петергофомъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что съ этихъ именно поръ Екатерина не могла скрывать все болѣе и болѣе усиливавшихся припадковъ болѣзни и часто жаловалась на нихъ. Въ грустномъ и болѣзненномъ настроенiи прожила государыня до ноября. Въ 7-мъ часовъ утра, 5-го ноября Екатерина сообщила Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной, пришедшей, по обыкновенiю, будить императрицу, что она давно такой прiятной ночи не проводила, одѣлась, кушала кофе, ушла въ гардеробъ, въ которомъ оставалась обыкновенно не болѣе десяти минутъ. На этотъ разъ прошло съ полчаса, а императрица не посылала за докладчиками по дѣламъ. Камердинеръ Тюльникъ, осмотрѣвъ шубы и муфты императрицы, которыя она сама всегда вынимала и надѣвала для прогулки, и найдя все на мѣстѣ, обождалъ нѣсколько минутъ, а за тѣмъ пошелъ въ гардеробъ. „Отворивъ дверь,—разсказываетъ графъ Ростопчинъ въ Запискахъ своихъ,—камердинеръ нашелъ императрицу, лежавшею на полу, но не всѣмъ тѣломъ, потому что мѣсто, бывъ узко, и дверь затворена, то она не могла спуститься на полъ. Приподнявъ ея голову, увидалъ глаза закрытыми, цвѣтъ лица багровый, и [услышалъ] хрипоту въ горлѣ. Призвавъ къ себѣ на помощь камердинеровъ долго не могли они поднять тѣла по причинѣ тягости и отъ того, что одна нога подвернулась, наконецъ, употребивъ еще комнатныхъ служителей, съ великимъ трудомъ перенесли ее въ опочивальню, но, не будучи въ состоянiи поднять тѣла на кровать, положили на полу, на сафьянномъ матрасѣ" [463]). Въ то время, какъ на пораженную ударомъ императрицу обращены были всѣ усилiя медицинской науки, къ наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, утромъ изъ дворца, а потомъ, когда болѣзнь императрицы стала дѣлаться

кое-кому извѣстною въ городѣ, и изъ Петербурга, полетѣли въ Гатчину гонцы съ увѣдомленіемъ о постигшемъ императрицу несчастіи.

Въ 8¹/₂ часовъ вечера того же 5-го ноября, великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою прибылъ въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались встрѣтить его чины Синода и Сената и высшіе государственные сановники. Графъ Безбородко, какъ первый секретарь Екатерины, ожидалъ наслѣдника въ кабинетѣ императрицы, прочіе чины двора—въ другихъ комнатахъ. Выказавъ искреннее соболѣзнованіе о постигшемъ августѣйшую родительницу несчастіи и узнавъ отъ медиковъ, что всѣ пособія будутъ напрасны, великій князь отправился въ кабинетъ государыни и тамъ „съ графомъ Безбородкой дѣятельно занимался сженіемъ бумагъ и документовъ, что возбуждало въ придворныхъ страхъ, и всѣ говорили о томъ, что новый государь занятъ съ графомъ Безбородкой разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ“ [464]). Великій князь Павелъ Петровичъ, какъ наслѣдникъ престола, игралъ первую роль въ послѣднія минуты своей умиравшей родительницы — императрицы. На немъ же, поэтому, лежала и обязанность осмотрѣть ея кабинетъ и взять изъ него тѣ бумаги, которыя должны были оставаться въ тайнѣ. При этомъ разборѣ, понятно, присутствіе бывшаго перваго секретаря Екатерины, который несъ эту должность съ 1776 года, и на котораго всѣ привыкли смотрѣть, какъ на перваго министра кончавшейся императрицы.

Князь Зубовъ, послѣдній фаворитъ императрицы, находился при сожженіи въ качествѣ какъ-бы случайнаго лица и на столько пораженъ былъ неожиданностію происшествія, что потерялся окончательно. По словамъ графа Растопчина, онъ былъ первый извѣщенъ о постигшемъ Екатерину ударѣ, первый и потерялъ разсудокъ и не далъ дежурному лекарю пустить императрицѣ кровь, хотя объ этомъ убѣдительно просили его Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ. Кровь была пущена, но уже спустя часъ, именно когда пріѣхалъ докторъ Рожерсонъ, и она хорошо пошла. По другому поводу, именно разсказывая о событіяхъ слѣдующаго уже дня, Растопчинъ пишетъ, что „отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться неможетъ“.

Само собой разумѣется, что, при такомъ положеніи обстоятельствъ графъ Безбородко считалъ своею непремѣнною обязанностію посвятить Павла Петровича въ дѣла его матери, которыми онъ такъ долго и съ такимъ успѣхомъ завѣдывалъ. Извѣстно, что великій князь во взглядѣ на государственныя дѣла и на управленіе Россіею совершенно расходился съ своею родительницею и крайне рѣзко порицалъ ея политику и

жизнь. Столько же извѣстно, что и Екатерина не была особенно расположена къ Павлу и что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ ней лицъ были посвящены въ тайну предположеннаго ею устраненія его отъ престола и предоставленія его любимому внуку Александру Павловичу [465]). Когда же на престолъ вступилъ Павелъ, а не Александръ, при дворѣ составилось секретное убѣжденіе, что виновникомъ этого обстоятельства былъ графъ Безбородко. О дѣлѣ этомъ, покрытомъ непроницаемою тайной императрицына сердца и государственнаго кабинета, упоминаютъ однако историческіе источники. Въ Запискахъ Энгельгардта, — надобно сказать, не всегда вполнѣ точныхъ,—читаемъ: „Говорятъ, что императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ государя [Павла] въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично. Правда-ли то, неизвѣстно. Многіе, бывшіе тогда при дворѣ, меня въ томъ увѣряли“ [466]). Тоже утверждаетъ и Державинъ въ объясненіяхъ на свои сочиненія. „Сколько извѣстно,— говоритъ онъ,—было завѣщаніе, сдѣланное императрицею Екатериною, чтобы послѣ нея царствовать внуку ея Александру Павловичу“.

Въ изданныхъ сочиненіяхъ Державина, академикъ Я. К. Гротъ весьма вѣрно относитъ слова эти къ послѣдней строфѣ выписанныхъ мною стиховъ оды: „На восшествіе на престолъ императора Александра I-го“:

«О радость! Духъ восторгъ объемлетъ...
Се вижу въ облакахъ она (Екатерина)
Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Се, небо нынѣ посылаетъ
„Вамъ внука моего въ цари!
„Внимать вы прежде не хотѣли
„И презрѣли мою любовь:
„Вы сами отъ себя терпѣли;
„Я нынѣ васъ спасаю вновь“.

Какъ ни прозрачно въ представленныхъ стихахъ виднѣется указаніе на существовавшее завѣщаніе Екатерины въ пользу Александра Павловича, но еще яснѣе это указаніе въ первоначальной редакціи этихъ стиховъ, сохранившихся въ тетради, оставшейся послѣ Державина. Въ этой первоначальной редакціи поэтъ говоритъ устами покойной императрицы

еще рѣшительнѣе въ смыслѣ произведеннаго ею распоряженія относительно передачи престола внуку:

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Назначивъ внука вамъ въ царя
„Но вы внимать мнѣ не хотѣли;
„Забывъ мою къ себѣ любовь,
„Напасти безъ меня терпѣли;
„Я нынѣ васъ спасаю вновь [467]).

Въ связи съ содержаніемъ этихъ стиховъ, Державинъ въ Запискахъ своихъ передаетъ слѣдующій знаменательный фактъ изъ времени своей службы при Екатеринѣ: „Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги касательно до великаго князя, то, какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не прислалъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла, осыпанъ онъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ. Впрочемъ, съ достовѣрностію о семъ здѣсь говорить не можно; а иногда другіе, имѣющіе лучшія основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту“ [468]).

А. М. Тургеневъ, въ собственноручныхъ замѣткахъ на поляхъ записокъ Грибовскаго, выражаетъ одно недоразумѣніе по поводу Безбородкинскаго участія въ дѣлѣ предпринятаго Екатериною устраненія отъ престола великаго князя Павла Петровича. „Здѣсь нельзя согласить, пишетъ онъ, того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однакожъ, внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ, соврожденныхъ Малороссамъ: онъ не Сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе“ [469]).

Сюда же относится и разговоръ, написанный въ концѣ прошлаго вѣка подъ названіемъ „Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ“. Неизвѣстный авторъ изображаетъ царство мертвыхъ, куда прилетаютъ Русскія почившія души, чтобы здѣсь, во исполненіе воли Зевеса, поступить подъ на-

чальство Екатерины, сопричисленной богами къ ихъ сонму. Извѣщенная о печальномъ положеніи дѣлъ въ Россіи прибывшею, въ видѣ гусара, внучкою своею Александрою Павловною, выданною, послѣ нея уже, за Венгерскаго палатина и отравленною въ Офенѣ, Екатерина требуетъ въ свои чертоги уже обитавшаго въ царствѣ мертвыхъ графа Безбородку, напоминаетъ этому „недостойному рабу“ своему, что онъ почтенъ былъ отъ нея степенью перваго въ имперіи достоинства, осыпанъ благодѣяніями, отличаемъ уваженіемъ и богатствомъ, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него по смерти Екатерины долженъ былъ осуществиться важный планъ, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой ея кончины, возвести на императорскій Россійскій престолъ ея внука Александра, что сей актъ подписанъ былъ ею и участниками тайны. „Ты измѣнилъ моей довѣренности,—упрекаетъ Екатерина Безбородку,— не обнародовалъ его послѣ моей смерти. Я увѣрена, сколь была любима моими родственниками и больше всего подданными: они бы его исполнили. Ты забылъ милость мою, промѣнялъ общее и собственное свое благо на пустое титло князя, сдѣлалъ Россіи рану, которую цѣлый вѣкъ лѣчить потребно. Чтò молчишь, несправедливый человѣкъ? Чѣмъ загладишь сей поступокъ? Россія стонетъ, угнетаемая Павломъ, и я еще имѣю столько снисхожденія говорить о семъ съ ея орудіемъ [съ орудіемъ ея злосчастія]“. Упавъ на колѣна, Безбородко признаетъ себя виноватымъ въ необнародованіи повелѣнія Екатерины, но оправдывается неожиданностію ея кончины, измѣною подписавшихся подъ завѣщаніемъ особъ, неизвѣстностію завѣщанія народу и страхомъ предъ нѣкоторою неумолимою строгостью Павла. „Еще до пріѣзда въ Петербургъ изъ Гатчины наслѣдника, я,—говоритъ Безбородко Екатеринѣ,—собралъ Совѣтъ, прочелъ актъ о возведеніи внука твоего. Тѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи; а кто въ первый разъ о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія онаго. Первый, подписавшійся за тобою къ оному, митрополитъ Гавріилъ подалъ голосъ въ пользу Павла, и прочіе ему послѣдовали“. Разсказавъ далѣе, какъ онъ, до пріѣзда Павла въ Петербургъ, написалъ къ народу увѣреніе, что вступающій на престолъ клянется блюсти всѣ дарованныя разнымъ классамъ права и преимущества, и какъ присяга Павлу начата именно послѣ данной имъ самимъ присяги вѣрно соблюдать означенныя права, Безбородко продолжаетъ: „Вы еще не знаете, государыня, что значитъ воля Павла: выключить изъ службы, лишить достоинства и имѣнія, заключить въ крѣпость, это—малѣйшее его наказаніе за малую вину, которая въ твоемъ милосердомъ правленіи не заслуживала выговора. Вѣчная ссылка въ Камчатку, за Китай, въ Японію, въ

Алеуту — вотъ удѣлъ большей части моихъ собратій! Не очень давно, извѣстные тебѣ своею справедливостію князь Сибирскій и Турчаниновъ пострадали за то только, что сукно, ставленное на армію, Павлу показалось посвѣтлѣе немного даннаго образца—лишились знаковъ, имѣнія, дворянства, и теперь учатъ ихъ ловить соболей за Байкаломъ. И такъ, государыня, лишеніе чиновъ, ссылка или самая смерть моя была-ли сильна удержать стремленіе Павла къ престолу, давно имъ желаемому? Болѣе же сего я сдѣлать ничего не могъ. Правда, ежели судить строго, я, конечно, долженъ умереть, исполняя волю твою. Знаю и то, что дѣла мои и совѣсть мою судить будетъ Великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце умѣетъ отличать невольное преступленіе отъ умышленнаго". Когда Безбородко всталъ, Екатерина недовѣрчиво замѣтила ему, что „она больше свѣдуща о всѣхъ дѣлахъ, нежели какъ онъ думаетъ", отослала его и приказала позвать Гавріила. Напомнивъ ему объ увѣреніяхъ, которыми онъ клялся „во всей силѣ исполнить, утверждая, что, отрекаясь мірскихъ суетъ, за ничто вмѣняетъ ссылку, заточеніе и самую смерть" и выслушавъ отъ него указанія „на время, на обстоятельства и на Павла", Екатерина и его удалила, съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не показывался въ ея чертогахъ" [470]).

Разговоры разныхъ великихъ людей въ Елисейскихъ поляхъ были обыкновенною литературною формой XVIII вѣка, но эта форма служила средствомъ для выраженія накопившихся въ обществѣ понятій, стремленій и убѣжденій. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, а особенно въ связи съ другими письменными извѣстіями, „Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ" даетъ чувствовать, что признаніе за Безбородкою главнаго участія въ передачѣ Павлу бумагъ Екатерины, устранявшихъ его отъ престола, раздѣлялось большимъ кружкомъ общества.

Существуютъ и живыя, устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ, что когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то графъ указалъ Павлу на пакетъ, перевязанный черною лентою съ надписью: „Вскрыть послѣ смерти моей въ Совѣтѣ". Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается актъ объ устраненіи его отъ престола, актъ, который былъ будто-бы писанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и императрицы, никто не зналъ, вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость Безбородки, который однимъ движеніемъ руки отстранилъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

Другое устное извѣстіе утверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію-же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный пакетъ Павлу, котораго встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ, есть преданія, идущія отъ Безбородки, о томъ, что бумаги по этому предмету [манифесту о престолонаслѣдіи] были подписаны важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцовымъ-Задунайскимъ. Немилость къ первому и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто-бы именно вслѣдствіе этого [471]).

Вотъ всѣ данныя, какія удалось мнѣ собрать о дѣятельности графа Безбородки въ отношеніи къ духовному завѣщанію Екатерины. Въ нихъ есть противорѣчія, но они касаются только разныхъ подробностей, а сущность факта одинакова. Такимъ образомъ, въ настоящее время, пока не откроется какихъ нибудь новыхъ документовъ, которые снимутъ съ Безбородки обвиненіе въ нарушеніи воли покойной императрицы, приходится допустить, что онъ, уступая силѣ обстоятельствъ, доставилъ возможность Павлу получить приготовленный Екатериною актъ устраненія его отъ престола и вступить на престолъ въ слѣдъ за нежелавшей этого покойною его родительницею.

На другой день, по пріѣздѣ изъ Гатчины, Павелъ Петровичъ приказалъ вице-канцлеру графу Остерману опечатать и представить ему бумаги графа Моркова, а Ростопчину съ графомъ Самойловымъ запечатать кабинетъ усопшей императрицы его собственною часовою печатью, врученною Ростопчину.

Придворный архивъ канцеляріи церемоніальныхъ дѣлъ хранитъ записку о кончинѣ Екатерины. Въ этой запискѣ касательно обстоятельствъ 6-го ноября читаемъ слѣдующее: „6-го ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, государь великій князь наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру графу Безбородку и государственному генералъ-прокурору графу Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы, потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто“ [472]).

Здѣсь нѣтъ ни указанія, ни намека на передачу Безбородкою Павлу Петровичу таинственныхъ документовъ. Поэтому, не останавливаясь болѣе на покрытомъ завѣсою непроницаемости историческомъ фактѣ, обратимся къ изложенію дальнѣйшихъ дѣлъ одареннаго счастливою судьбою и придворной изворотливостью государственнаго человѣка.

Въ роковой день 6-го ноября „графъ Безбородко, по словамъ Ростопчина, болѣе 30 часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250,000 руб. дохода и единой проситъ милости—быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія". Безбородко не забылъ, однако, въ предполагаемую для него критическую минуту, и о прочихъ преданныхъ ему подчиненныхъ. Прося за себя, Безбородко настойчиво ходатайствовалъ и о томъ, чтобы Ростопчинъ просилъ великаго князя, въ знакъ его заслугъ отечеству, объ отправленіи въ Сенатъ указа, подписаннаго государыней восемь дней тому назадъ, о пожалованіи его усердному помощнику Д. П. Трощинскому чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. „Тутъ я,—продолжаетъ Ростопчинъ,—получилъ повелѣніе увѣрить графа Безбородку, что наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошлое, и что считаетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ; указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ, что и было мною исполнено. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ, который приказалъ не отсылать указа въ Сенатъ. Подозвавъ за тѣмъ графа Безбородку, наслѣдникъ престола приказалъ ему заготовить указъ о восшествіи на престолъ, а въ 5 часовъ по полудни наслѣдникъ велѣлъ мнѣ спросить у графа Безбородки, нѣтъ-ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ, и хотя обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія, и не требовали поспѣшнаго доклада, но графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ мнѣ приказалъ наслѣдникъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью графа Безбородки, который не только по надписямъ узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. При выходѣ графа Безбородки съ бумагами, наслѣдникъ сказалъ ему, показывая на меня: вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня ничего нѣтъ скрытнаго. Когда же графъ Безбородко, окончивъ, вышелъ изъ кабинета, то наслѣдникъ былъ еще въ удивленіи и объяснялся весьма лестно на его счетъ, примолвивъ: этотъ человѣкъ для меня — даръ Божій! Спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ [473]).

Между тѣмъ, агонія, продолжавшаяся 36 часовъ безъ малѣйшаго перерыва, „въ четвергъ 6-го ноября, въ 9 часовъ 45 минутъ вечера".

прекратилась, а съ нею кончились и славные дни одного изъ счастливѣйшихъ царствованій въ Русской землѣ и одной изъ умнѣйшихъ и добрѣйшихъ властительницъ въ мірѣ. Глубокая скорбь поразила дворъ и Россію.

Лишь только императорская фамилія окончила свое послѣднее прощаніе съ славной покойницей, присутствовавшія знатныя особы, вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, графъ Безбородко и Самойловъ, а также и придворные служители и служительницы, принесли свои поздравленія его величеству, новому императору, а также и ея величеству императрицѣ [474]).

XX.

Восшествіе на престолъ императора Павла I и первые мѣсяцы царствованія его.

Манифестъ 6 ноября 1796 года Русскому народу объявилъ, что „къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ-лѣтнемъ царствованіи, преселилась въ вѣчность императрица Екатерина II", и что на престолъ взошелъ ея сынъ и наслѣдникъ императоръ Павелъ I-й [475]).

Обласканный новымъ государемъ, Безбородко не преставалъ оплакивать монархиню; ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Ростопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера. Болотовъ въ своихъ Запискахъ говоритъ: „Къ числу наиболѣе о кончинѣ покойной императрицы плакавшихъ и искренно сокрушавшихся принадлежалъ первѣйшій ея министръ, извѣстный графъ Безбородко. Сей человѣкъ и имѣлъ къ тому причины. Будучи монархинею сею извлеченъ изъ ничтожества, удостоенъ величайшей милости и довѣренности, осыпанъ, такъ сказать, съ головы до ногъ безчисленными благодѣяніями, возведенъ на высочайшую почти степень достоинства и славы, обогащенъ до избытка и содержимъ такъ, что онъ, при всей своей многотрудной должности, могъ однако наслаждаться и всѣми пріятностями жизни, пользоваться прямо счастливою жизнію, натурально долженъ былъ чувствовать, сколь много потерялъ онъ чрезъ кончину августѣйшей своей благодѣтельницы и производительницы всего счастія его. Онъ и изъявилъ непритворныя чувствованія свои та-

кими слезами, такимъ сокрушеніемъ и горестью и такимъ надрываніемъ даже себя печалію и рыданіями, что самъ государь объ немъ наконецъ соболѣзновалъ и самъ нѣсколько разъ утѣшать и уговаривать его предпринималъ. Но всѣ сіи утѣшенія и уговариванія и не только сіе, но и самыя милости, оказанныя ему уже новымъ монархомъ, и оставленіе его не только при прежней должности, но и самое повышеніе его на степень высочайшую по государѣ и въ чинъ генерала-фельдмаршала, не могли и не въ состояніи были никакъ утолить горести и печали его. Онъ только твердилъ непрестанно, что онъ лишился матери, благодѣтельницы, зиждительницы всего его счастія и блаженства и такой монархини, которую онъ никакъ позабыть не можетъ, и что всѣ его слезы и рыданія далеко недостаточны къ тому, чтобы могли составить жертву его благодарности... На увѣренія государя, что и онъ будетъ къ нему милостивъ, отвѣтствовалъ онъ, что о семъ не сомнѣвается онъ нимало; но самому ему не можно уже такъ государю служить, какъ служилъ онъ покойной императрицѣ. Почему жъ такъ? спросилъ государь, удивившись. Потому, отвѣчалъ Безбородко, что всѣ мои лучшія лѣта уже миновали; и теперь я уже одряхлѣлъ, состарѣлся и не въ силахъ переносить столько тягости и трудовъ, сколько нужно будетъ при служеніи вашему величеству, и сколько бъ я хотѣлъ переносить самъ, по моему усердію къ вамъ и ревности къ службѣ. Возложенная на меня вице-канцлерская должность уже слишкомъ для меня тяжела, и бремя сіе превосходитъ всѣ мои силы и возможности, почему и прошу объ увольненіи меня отъ оной".

Въ этомъ случаѣ Безбородко говорилъ совершенную правду: ему трудно было служить при новомъ императорѣ. Прежде служба шла легко и свободно: доклады начинались съ 10 часовъ по полудни. Теперь приходилось вставать въ 5 часовъ утра и быть готовымъ по первому зову явиться къ монарху. Но какъ императору Павлу извѣстно было, что Безбородко исправлялъ много лѣтъ должность перваго секретаря покойной императрицы, и „ему довѣдомы были всѣ государственныя дѣла, особенно по сношеніямъ нашего двора съ иностранными, и что, наконецъ, онъ отличался необыкновенною памятью, то государю былъ онъ крайне нуженъ: ему не хотѣлось съ нимъ разстаться и его отпустить. Потому государь старался его всячески удержать и шутя сказалъ ему: Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Андреевичъ, я тебя никакъ отъ себя не отпущу. Ты останься при мнѣ, трудись по силѣ своей и возможности и будь, по крайней мѣрѣ, моею архивою. Ты мнѣ нуженъ, а чтобъ тебя облегчить, то я избавлю тебя отъ вице-канцлерской должности" [476]).

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ Гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими заправляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимицы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ государю: Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера государя, а, быть можетъ, въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ государѣ [477]). Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мь часовъ утра должны были являться къ государю. Роскошная и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами [478]). Не слѣдуетъ, конечно, забывать и той придворной ловкости, которою владѣлъ Безбородко: умѣвшій держаться на высотѣ, по крайней мѣрѣ, видимаго первостепеннаго придворнаго значенія, онъ и въ царствованіе Павла не переставалъ искать сближенія съ людьми, пользовавшимися наибольшимъ довѣріемъ государя. Гельбигъ передаетъ, будто Безбородко, чтобы поддержать значеніе свое у монарха, вступилъ въ связь съ любимцемъ Павла Кутайсовымъ, и будто Кутайсовъ, убѣжденный, что имъ руководитъ человѣкъ умнѣе его, говорилъ и дѣлалъ только то, что̀ Безбородко ему совѣтовалъ. На эту связь намекаетъ въ своихъ Запискахъ и Дмитріевъ, упоминая, что Кутайсовъ былъ тогда еще только гардеробмейстеромъ. Кромѣ того, Безбородко былъ близокъ съ Ростопчинымъ, и особенно съ Нелидовой, которая давно его отличила отъ царедворцевъ, стоявшихъ близко къ трону. Назначенная въ 1777 году фрейлиною къ великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, двадцатилѣтняя, бойкая и остроумная воспитанница Смольнаго монастыря

сдѣлалась душею Гатчинскаго двора и довѣренною особою, какъ наслѣдника престола, такъ и его супруги. Чрезъ 15 лѣтъ особенная внимательность, коею пользовалась фрейлина великой княгини со стороны цесаревича, была неблагопріятно оглашена во „Французскомъ Монитерѣ", въ 1792 году, и тогда-же графъ Безбородко вручилъ Екатеринѣ II письмо Нелидовой, которымъ она испрашивала себѣ дозволеніе возвратиться на житье въ Смольный. Она получила это дозволеніе уже по новому ходатайству слишкомъ черезъ годъ. Съ воцареніемъ своего рыцарскаго обожателя, Нелидова тотчасъ явилась при дворѣ. Ея вліяніе на измѣнчиваго государя было довольно могущественно и благотворно. О довѣріи и уваженіи, какое питала Нелидова къ Безбородкѣ, свидѣтельствуетъ ея письмо, въ которомъ, по поводу государева желанія удалить отъ должности В. С. Попова, она выражается такъ: „Но если ему совершенно необходимо дать преемника, то посовѣтуйтесь объ этомъ съ Безбородкою; его честность можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго" [479]).

9 Ноября 1796 года, Павелъ возвелъ Безбородку „въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ, получая жалованье и столовыя деньги по сему чину, сходно какъ въ штатѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ положено" [480]).

Очутившись, такимъ образомъ, вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, „говорили и писали около сего времени, что при государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ—министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали", и что Безбородко, какъ „первый министръ", долженъ былъ являться къ государю „всякое утро" [481]). Тоже подтверждаетъ и Завадовскій въ письмѣ къ А. Р. Воронцову, говоря, что „государь къ графу Александру Андреевичу безпредѣльно милостивъ; онъ теперь одинъ и полный министръ, представленіямъ его внемлетъ отлично" [482]).

Почтенный вниманіемъ и милостями новаго монарха, Безбородко не переставалъ оплакивать кончину Екатерины. Глубоко горестное настроеніе Безбородки отразилось и въ письмѣ къ матери, которое онъ отправилъ 9 Ноября 1796 года. „Въ минувшій Четвергъ, 6-го ноября, въ исходѣ десятаго часа, понесъ я величайшую потерю кончиною государыни императрицы, которая по самые послѣдніе дни жизни своей сохраняла ко мнѣ свою милость и довѣренность, и которую привыкъ я почитать своею матерью. Оплакивая сіе печальное событіе, одно только въ немъ облегченіе имѣю, что новый императоръ удостоилъ меня таковыхъ

же уваженій, возлагая на меня важнѣйшія дѣла, изъявивъ публично высочайшую свою милость пожалованіемъ меня въ первый классъ, то-есть въ рангъ генерала—фельдмаршала, оставляя меня при всѣхъ мѣстахъ. Я желаю, чтобъ силы мои были достаточны воздать его благоволенію усердною службою“ [483]). Объ этомъ же горестномъ событіи графъ Безбородко написалъ, 11-го Ноября, и къ графу С. Р. Воронцову. „Среди жестокой простуды, причинившей мнѣ жабу и желчь, сраженъ я былъ еще сильнѣйшимъ ударомъ. Въ Среду, по утру, сказали мнѣ, что государыня наша въ обморокѣ. Прискакавъ сейчасъ безъ памяти, нашелъ я, что апоплексическій ударъ уже скончалъ теченіе сего великаго человѣка и что только дыханіе оставалося, безъ всякихъ уже чувствъ. Мы всѣ употребляли средства, но вотще. Предъ вечеромъ ее администровали, какъ было можно. Къ ночи пріѣхалъ ея преемникъ. Сколько ни силилися возбудить въ ней хотя мало памяти, но не предуспѣли. Въ Четвергъ, въ исходѣ 10 часа вечера ея величество скончалася въ присутствіи ихъ высочествъ, моемъ, графа Самойлова и ея врачей и комнатныхъ. Присяга новому императору учинена въ палатѣ безъ всякаго народа, во дворцѣ, въ Сенатѣ, по мѣстамъ и по полкамъ гвардіи.

„Ваше сіятельство знаете, чѣмъ я ей долженъ, и потому судить можете о моей печали; хожу какъ слѣпъ и что̀ со мною будетъ—не знаю. Императоръ удостоилъ меня отличной довѣренности и почтилъ третьяго дня возведеніемъ меня въ первый классъ. Я желалъ бы быть въ силахъ воздать его милостямъ. Усердіемъ не оскудѣваю, но здоровье далеко отъ того отстало. Государь воздалъ вамъ справедливость, пожаловавъ васъ полнымъ генераломъ, и внесено въ списокъ военный. Онъ весьма милостиво на счетъ васъ отзывается“ [484]).

Съ первыхъ же дней воцаренія, Павелъ занялся торжественнымъ погребеніемъ своихъ родителей, Екатерины и Петра III, соединивъ ихъ гробы вмѣстѣ [чѣмъ онъ желалъ, быть можетъ, напомнить „о наслѣдственныхъ прирожденныхъ правахъ своихъ“] и приготовленіями къ своей коронаціи. Графъ Безбородко, по словамъ Трощинскаго, „въ чрезвычайной церемоніи не участвовалъ“, за болѣзнію [485]). 9-го же ноября Павелъ возложилъ на Безбородку труды по финансовому комитету, учрежденному Екатериною въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни. Указомъ, даннымъ Совѣту и писаннымъ Безбородкою, повелѣно разсмотрѣть „планъ, касающійся до передѣла мѣдной монеты“, приглася „къ общему разсужденію изъ Сената генералъ-поручика Соймонова, тайнаго совѣтника Васильева и Храповицкаго, да изъ экспедиціи по казенному управленію тайнаго совѣтника князя Алексѣя Куракина и, сообразя дѣло сіе со

всѣми обстоятельствами къ пользѣ имперіи и къ сохраненію ея кредита, представить намъ немедленно мнѣніе по сей матеріи, дабы мы могли по тому изъявить дальнѣйшую нашу волю" [486]). Теперь, повидимому, можно было надѣяться, что реформа по перечеканкѣ мѣдной монеты приметъ иное, болѣе благопріятное для дѣла, направленіе; но вышло не такъ. На другой же день собрался Совѣтъ для обсужденія проекта, и вице-канцлеръ объявилъ ему, что „относительно замѣченнаго въ планѣ однимъ изъ главнѣйшихъ основаній 5-го предложенія о томъ, что перелитіе мѣдной монеты въ 32 рубля изъ пуда не понизитъ курса, но, уравнявъ количество ассигнацій, способствовать можетъ къ возвышенію онаго, соизволилъ его величество примѣтить, не удобнѣе ли бъ было привесть передѣлываемый пудъ мѣди въ 25 руб., о чемъ онъ, вице-канцлеръ, изъяснялся съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ перваго класса графомъ Безбородкомъ, который находитъ, что, для лучшаго сбереженія кредита ассигнацій и нашего съ иностранцами курса, нужно мѣдную монету оставить въ настоящемъ достоинствѣ, дѣлая изъ пуда 16, а не 25 или 24 рубля, и что вообще возвращеніе всякой монеты въ ея истинную и должную цѣну и доброту и удерживаніе ея въ семъ достоинствѣ непремѣнно и скоро подѣйствуетъ какъ надъ исправленіемъ казеннаго кредита, такъ и надъ возвышеніемъ курса". Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Безбородки, которое и было утверждено Павломъ, 17-го ноября 1796 года [487]). Такъ безрезультатно кончилось задуманное предпріятіе, которое должно было, по мнѣнію князя Зубова, поправить разстроенные финансы. Нѣтъ нужды вдаваться ни въ оцѣнку проекта Зубова, ни въ оцѣнку дѣйствій комитета; но въ послѣднемъ отношеніи не излишне замѣтить, что если эти дѣйствія представляются вялѣе и нерѣшительнѣе, чѣмъ требовали того обстоятельства дѣла, то главная причина заключалась, кажется, во взглядѣ на монетную реформу предсѣдателя комитета Безбородки. Изъ мнѣнія его, заявленнаго вице-канцлеру, видно, что онъ не соглашался съ проектомъ Зубова въ самомъ его существѣ. Безбородко, умный, смѣтливый, распорядительный и дѣятельный, тотъ самый Безбородко, который былъ всегда пригоденъ на все, оказалъ очень мало вліянія на ходъ дѣла о монетной реформѣ. Когда обстоятельства измѣнились и онъ откровенно высказалъ взглядъ свой по настоящему дѣлу, то взглядъ этотъ не только принятъ Совѣтомъ, но и утвержденъ императоромъ. Ясно, что въ данномъ случаѣ, какъ почти и вездѣ, Безбородко былъ правъ.

22-го ноября, императоръ писалъ Безбородкѣ, что, по его волѣ, „отправленъ съ полнымъ наставленіемъ архитекторскій помощникъ Мил-

леръ, для построенія деревянной церкви во имя святаго архистратига Михаила и всѣхъ безплотныхъ силъ при Московскомъ домѣ Безбородки", „который мы для временнаго нашего пребыванія въ той столицѣ занять предположили", при чемъ поручалось предписать Пестелю „о надлежащемъ пособіи къ исполненію того, равно какъ и объ отпускѣ изъ почтовыхъ доходовъ 15,000 рублей [488]). Исполнителемъ распоряженій Павла въ Москвѣ назначенъ былъ гофмейстеръ князь С. С. Гагаринъ, которому предписывалось „приложить всемѣрное стараніе къ тому, чтобы все къ окончанію наискорѣе приведено было: кухни и конюшни сдѣлать въ Лефортовскомъ дворцѣ", который „отдѣлать, соединя съ дворцомъ покрытымъ корридоромъ", и „плацъ-дармъ предъ домомъ исправить во всемъ по плану" [489]), но безъ употребленія въ работы солдатъ. Остальныя затѣмъ распоряженія касались заготовленія хозяйственныхъ предметовъ и починки дворцовъ.

Упомянутый домъ Безбородки почитался по величинѣ и по внутреннимъ украшеніямъ первымъ и наилучшимъ домомъ во всей Москвѣ. Въ 1785 году онъ былъ купленъ казною у наслѣдниковъ великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина и, 3-го іюля 1787 года, подаренъ Екатериною Безбородкѣ. Павелъ купилъ его для своей коронаціи; впослѣдствіи онъ назывался Слободскимъ дворцомъ, отъ Нѣмецкой слободы, въ которой находился. Онъ сгорѣлъ въ 1812 году [490]). Теперь на этомъ мѣстѣ находится Техническое Училище Воспитательнаго Дома. О необыкновенной роскоши этого дворца свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любителей и лучшихъ знатоковъ изящнаго за то время, Польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій. Находясь въ Россіи, онъ велъ Записки, гдѣ говоритъ: „7-го числа король осматривалъ домъ министра графа Безбородки. Во всей Европѣ не найдется другаго подобнаго ему въ пышности и убранствѣ. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья; послѣдніе и покойны, и чрезвычайно богаты. Это зданіе цѣнятъ въ 700,000 руб. Графъ Безбородко, который самъ показывалъ королю всѣ комнаты, сказалъ, что онъ построилъ этотъ зáмокъ въ девять лѣтъ. Петербургскій его домъ, который богаче драгоцѣнными картинами, не можетъ равняться съ Московскимъ въ великолѣпіи убранства. Многіе путешественники, имѣвшіе случай видѣть Сенъ-Клу въ то время, когда онъ совсѣмъ отдѣланъ былъ для Французской короны, утверждаютъ, что въ украшеніи Безбородкина дворца и болѣе пышности, и болѣе вкуса. Золотая рѣзьба на стульяхъ работана въ Вѣнѣ [491]), а лучшія бронзы куплены у Французскихъ эмигрантовъ. Въ обѣденномъ залѣ находится парадный буфетъ, котораго уступы установлены множествомъ прекрасныхъ сосудовъ, золо-

тыхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и т. д. Обои чрезвычайно богаты; нѣкоторыя изъ нихъ выписаны, другія дѣланы въ Россіи. Китайскія мебели прекрасны“ [492]).

Совершивъ торжественное погребеніе вѣнценосныхъ родителей и продолжая производить дѣятельныя распоряженія къ коронаціи, Павелъ занялся установленіемъ отношеній своихъ къ иностраннымъ государствамъ. Эти отношенія были опредѣлены въ циркулярныхъ нотахъ, присоединенныхъ къ дипломатическому увѣдомленію о вступленіи на престолъ. Дружественнымъ державамъ объявлялось, что новый императоръ намѣренъ со всѣми сохранять миръ и доброе согласіе, и хотя готовъ соблюдать существующіе договоры, однако-же, для блага своей державы, признаетъ необходимымъ не принимать участія въ войнѣ между Австріею и Франціею. Причины, побудившія государя отступиться отъ политики его матери, графъ Остерманъ объяснялъ въ циркулярной нотѣ такимъ образомъ: „Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ нужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже, хотя Россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь не менѣе за тѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія“ [493]).

Такимъ образомъ, съ воцареніемъ Павла, были прерваны всѣ приготовленія для войны за границею. Рекрутскій наборъ, уже объявленный при Екатеринѣ 17-го сентября 1796 года [494]), былъ отмѣненъ; эскадрамъ, находившимся въ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, повелѣно плыть назадъ въ свои порты; войскамъ же, дѣйствовавшимъ противъ Персіи, подъ командою графа Зубова, предписано возвратиться въ предѣлы Россіи, и запрещено возводить крѣпости на Персидской границѣ.

Радикально измѣнивъ внѣшнюю политику покойной императрицы, остановивъ всѣ ея воинственныя предпріятія, Павелъ внесъ новое направленіе и въ устройство внутреннихъ дѣлъ отечества. Въ первый же мѣсяцъ царствованія Павелъ измѣнилъ законы Екатерины по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи и возстановилъ въ нихъ присутственныя мѣста, „кои, по тамошнимъ правамъ и привиллегіямъ, существовали до

1783 года“ [495]). Указъ объ этомъ, обнародованный 28-го ноября 1796 года, былъ принятъ Лифляндскими и Эстляндскими нѣмцами съ неописанною радостію. Зная любовь Павла къ Безбородкѣ и силу Безбородки у императора, „ландраты, ландмаршалъ и все рыцарство и земство герцогства Лифляндскаго“ выразили Безбородкѣ особенное уваженіе, избравъ его „въ корпусъ Лифляндскаго дворянства“ и поднесли ему грамоту на это дворянство, подписанную 20-го апрѣля 1797 года. „Безбородко и его законные потомки могли пользоваться всѣми прерогативами, вольностями, правами и обычаями Лифляндскаго дворянства“ и употреблять ихъ соотвѣтственно постановленіямъ страны. Такъ какъ „графъ Безбородко благоволилъ принять это, какъ знакъ преданности и высокопочитанія Лифляндскаго рыцарства и земства, то мы также имѣемъ твердую увѣренность, что онъ, какъ включенный въ составъ здѣшняго дворянства собратъ его и благосклонный патріотъ, будетъ стараться, сколько наилучше возможно, споспѣшествовать благу нашего отечества и сохраненіе нашихъ привиллегій и правъ страны при всѣхъ встрѣчающихся случаяхъ сильнѣйше поддерживать“ [496]).

Отношенія Павла къ Безбородкѣ за первые мѣсяцы царствованія императора ярко обрисовываются разсказомъ, который находимъ въ Запискахъ, оставленныхъ правдивымъ повѣствователемъ о жизни Павла, И. В. Лопухинымъ. Разсказъ относится къ дѣлу о похищеніи изъ Заемнаго Банка [кассиромъ Кельбергомъ, его женою и другими соучастниками] ассигнацій. „Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни императрицы, остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя я забылъ“ [497]).

„Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ, сказалъ мнѣ государь, а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности военнаго губернатора С.-Петербургскаго. Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семъ дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оный признанъ равно виновнымъ съ нѣсколькими другими и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ ко второму военному губернатору объ исполненіи. Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ одного исключить, или

очень меньше наказать предъ другими, было-бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству. Всего лучше казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ приговоренныхъ, на содержаніе въ Смирительномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, если угодно государю, скрытнѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія. Съ такими мыслями возвратился я къ государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и графомъ Безбородкой, и скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самымъ кабинетомъ, и, подошелъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: что я сдѣлалъ? Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. Какъ же, сказалъ государь, всѣхъ? Они виноваты! Да и онъ виноватъ,—отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ и также говорилъ съ нимъ тихо. Я оставался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, государь, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать: Чтожъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ. Я подошелъ. Государь продолжалъ: Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого только мастерства) на житье въ бывшій городокъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря. А прочихъ-то, докладывалъ я, съ коими онъ равно виноватъ, куда-же? Въ ссылку по приговору, отвѣчалъ государь. Воля ваша, сказалъ я, только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ. Да онъ-же почти и невиноватъ, выговорилъ при томъ Безбородко. Какъ-же, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ, и государю казнь его подписать дали? На сіе государь мнѣ съ гнѣвомъ сказалъ: Полно, братецъ, перестань! Замолчавъ отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько-же съ Безбородкою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: Ну, чтожъ ты думаешь сдѣлать? Я сдѣлаю то что̀ ваше величество приказать изволите; а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ. Нѣтъ, сказалъ Государь, этакъ нельзя: я прикажу Архарову [496]).

Потрясенія, испытанныя Безбородкою по случаю неожиданной смерти Екатерины, не прошли даромъ для его уже ослабленнаго трудами и тревогами жизни здоровья. У него обнаружилась желчная лихорадка. Самъ Безбородко писалъ къ своей матери, 24-го декабря 1796 года: „Наконецъ, слава Богу, я совершенно освободился отъ сильной болѣзни,

желчной лихорадки, меня державшей, и теперь уже близко двухъ недѣль выѣзжаю повседневно. Милостію его императорскаго величества я столько былъ взысканъ, что онъ не только всегда о моемъ здоровьѣ присылалъ освѣдомляться, но и самъ удостоилъ меня во время болѣзни моей своего высочайшаго посѣщенія" [499]).

Едва успѣлъ Безбородко оправиться отъ своей болѣзни, а можетъ быть еще и въ то время, какъ онъ лежалъ въ постели, на него возложена была важная дипломатическая работа по устройству Мальтійскаго ордена, переговоры съ которымъ начались еще при Екатеринѣ II. Она, послѣ перваго раздѣла Польши, совмѣстно съ Австріею и Пруссіею, поддерживала орденъ, хотя и не довѣряла ему. Еще въ 1773 году, подъ вліяніемъ политики Екатерины, Польскій сеймъ составилъ актъ, которымъ на Мальтѣ учреждено было великое пріорство и 6 командорствъ, съ отпускомъ на содержаніе 120,000 злотыхъ съ Острожскаго имѣнія, отошедшаго къ Россіи по первому раздѣлу Польши. Это побудило великаго магистра Эммануила Рогана, для окончательныхъ переговоровъ, назначить при Екатеринѣ полномочнаго министра въ лицѣ своего бальи графа Литты, Миланскаго уроженца, находившагося тогда въ Россійской службѣ контръ-адмираломъ. Удачно начатые имъ переговоры прекратились за смертію Екатерины, но тотчасъ возобновились при Павлѣ, который съ юныхъ лѣтъ оказывалъ сочувствіе всѣмъ стариннымъ рыцарскимъ учрежденіямъ, а особенно Іерусалимскому ордену. Графъ Литта, именемъ великаго магистра, ходатайствовалъ о возстановленіи существовавшаго на Волыни Мальтійскаго пріорства. Тронутый-ли несчастнымъ положеніемъ ордена, у котораго Французы отняли всѣ имѣнія и доходы во Франціи, или изъ давняго сочувствія къ его идеѣ и цѣлямъ [500]), Павелъ въ декабрѣ 1796 года назначилъ графа Безбородку и князя Куракина полномочными для заключенія съ графомъ Литтою конвенціи. Въ одной изъ депешъ своихъ къ великому магистру, графъ Литта прямо высказался о князѣ Куракинѣ, что „Мальтійскій орденъ долженъ быть ему вполнѣ благодаренъ; онъ его творецъ въ Россіи, и онъ будетъ постоянно его поддерживать и ему пособлять". Разумѣется, графъ Литта судилъ только по тому, что видѣлъ, и о вліяніи, какое на Куракина имѣлъ Безбородко, знать не могъ. О Безбородкѣ онъ отзывается менѣе сочувственно. „Графъ Безбородко имѣетъ большое вліяніе, принадлежащее ему по его полезнымъ познаніямъ и глубокому просвѣщенію. Вполнѣ знакомый со всѣми дѣлами имперіи, вслѣдствіе весьма продолжительнаго управленія, и со всѣми государственными нуждами, онъ болѣе употребляемъ по распоряженіямъ и

устройству, относящимся до внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ по дѣламъ иностраннымъ“ [501]).

Быстрое веденіе переговоровъ и щедроты Павла, по выраженію историка Мальтійскаго ордена А. Ѳ. Лабзина, многократно изумлявшая вселенную, превзошли ожиданія самого магистра ордена [502]). Въ одинъ мѣсяцъ переговоры были окончены и конвенція подписана въ С.-Петербургѣ 4 (15) января 1797 года [503]), и въ томъ же году къ конвенціи были присоединены „прибавочныя статьи“, которыя почти всѣ писаны Безбородкою.

Донося о заключеніи конвенціи, графъ Литта просилъ великаго магистра наградить графа Безбородку и князя Куракина крестами; „а въ грамотахъ“,—добавляетъ онъ,—которыя ваше преимущество отправите на имя графа Безбородко и князя Куракина, съ назначеніемъ имъ креста благочестія, я умоляю васъ назвать ихъ кавалерами большаго креста, съ опущеніемъ выраженія „почетный“ [504]), и присовокупить, если возможно, наименованіе почетнаго члена высочайшаго главнаго орденскаго совѣта. Это наименованіе, которое, мнѣ кажется, ваше преимущество можете ввергнуть въ частномъ письмѣ, не можетъ имѣть послѣдствій, а здѣсь будетъ весьма пріятно принято и выставитъ въ лучшемъ свѣтѣ милости, оказываемыя вашимъ преимуществомъ“ [505]).

Совѣтъ графа Литты не былъ принятъ вновь выбраннымъ 4 (17) Іюля 1797 года великимъ магистромъ, барономъ Фердинандомъ Гомпешомъ которымъ была подписана 7 августа 1797 года „булла“ на имя Безбородки. Въ ней просто сказано: „Твое къ ордену нашему особенное благоволеніе и превеликая благосклонность, которыми ты себя у насъ въ самой высшей степени по истинному достоинству заявилъ, внушаютъ намъ и побуждаютъ насъ, чтобы мы полноту твоихъ достоинствъ взаимнымъ одѣяли усердіемъ, и придали бы еще побужденіе къ усиленію любви твоей; и потому, собственнымъ нашимъ отъ истиннаго сознанія нашего побужденіемъ и по единодушномъ досточтимаго совѣта нашего обсужденіи, содержаніемъ настоящаго письма сообщаемъ тебѣ право, чтобы ты могъ постоянно носить на шеѣ золотой крестъ, по обычаю нашему устроенный“ [506]).

29-го ноября поднесенъ былъ императору Павлу титулъ протектора и старинный крестъ „славнаго Лавалетта“, а ранѣе были привезены знаки для Безбородки и другихъ лицъ. Государь принялъ кавалерами большаго креста Безбородку и князя Куракина [507]). Безбородкѣ присланъ большой крестъ, осыпанный бриллiантами. Въ день торжественной аудіенціи,—сообщалъ П. В. Завадовскій графу А. Р. Воронцову,—послѣ обѣда,

былъ съѣздъ ко двору, и государь большіе знаки сего ордена надѣлъ на князя А[лександра] Андреевича и на большаго князя Куракина [508]).

Новый 1797 годъ принесъ Безбородкѣ новыя милости щедраго къ нему монарха. „На сихъ дняхъ удостоился,—писалъ Безбородко къ матери 6-го января,—получить разные опыты особливаго его императорскаго величества ко мнѣ благоволенія. На другой день [Новаго года] государь подарилъ мнѣ пребогатую звѣзду и крестъ, бриліантовые, ордена святаго Андрея, которые онъ самъ отъ самой первой своей свадьбы носить изволилъ; а сегодня пожаловалъ Якова Леонтьевича [Бакуринскаго] совѣтникомъ и Малороссійскимъ губернаторомъ. Дай Богъ, чтобы я былъ въ силахъ усердными трудами заслужить его милости“ [509]).

Не смотря, однако, на такія щедрыя милости и явные знаки особаго благоволенія государя къ Безбородкѣ и къ ближнимъ ему лицамъ, развившіеся болѣзненные припадки изнуряли его здоровье, и у него невольно являлась мысль, для сбереженія своихъ силъ и продленія жизни, оставить дѣла и службу. „Ваше сіятельство,—писалъ онъ въ Москву къ графу Воронцову, отъ 13-го января 1797 года,—извините меня благосклонно, что я долго не писалъ къ вамъ. Многія на то были причины, а болѣе, что не все еще установилось по нашему департаменту. Теперь, по крайней мѣрѣ, донесу вамъ, что Польскія дѣла послѣ завтра совершенно кончатся подписаніемъ конвенціи о долгахъ, кои Пруссаки согласилися платить по нашему плану, то есть ровно съ нами по $^2/_5$, а Австрійцы $^1/_5$, пенсію же королю поровну. О Микстахъ также соглашенось, и по сію пору политика наша идетъ тихо, безъ всякой особливой предилекціи. Съ Англіею хотятъ возобновить торговый трактатъ; но дѣло Шведское еще тянется, и о дозволеніи имѣть приватную церковь все происходитъ затрудненіе; но и тутъ государь твердъ и не отступитъ отъ того, что его достоинство взыскиваетъ. Многое оставляю до свиданія.

„Милостями его величества не могу нахвалиться. Кромѣ его довѣренности, онъ не оставилъ около меня никого безъ награжденія. Сегодня, по полученіи первой реляціи на имя его Кочубея, пожаловалъ его тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Кочубей и самъ рѣшился остаться еще на нѣсколько въ Царьградѣ, чтобъ при новомъ правленіи утвердить въ Туркахъ уваженіе надлежащее.

„Ваше сіятельство всегда отъ меня слышали, что я хотѣлъ удалиться отъ перваго мѣста нашей коллегіи. Съ сими мыслями былъ я при вступленіи его величества на престолъ. Я ему обѣщалъ посвятить себя на услуги его. На третій день угодно было ему предложить мнѣ канцлерское мѣсто, вмѣсто котораго я представилъ просто возведеніе меня въ

первый классъ, прося его величество, чтобъ онъ Остермана наименовалъ канцлеромъ. Тогда же я напамятовалъ, что князь Репнинъ насъ обоихъ старѣе, и онъ его тутъ же пожаловалъ. Графъ Остерманъ, по привычкѣ своей, искалъ играть первую ролю, и тутъ вышли недоразумѣнія, кои невиннымъ образомъ старику не въ лучшее обратилися; словомъ, что я, противъ воли моей и въ крайнюю тягость, очутился первенствующимъ въ департаментѣ de fait, а вижу, что скоро принужденъ буду и титуломъ тѣмъ-же учиниться. Сколько я ни желаю заслужить милости государевы, но признаюсь, что мнѣ прискорбно, что сіе удаляетъ меня отъ моего вида жить покойно въ Москвѣ, и что предвѣстіе Моркова, что я брошенъ теперь въ пространное море плаванія, сбывается" [510]).

Въ тотъ же день, т. е. 13-го января, Безбородко извѣстилъ мать о наградахъ пожалованныхъ государемъ „любимому ея внучку", В. П. Кочубею. „Къ 20-му февраля ожидаютъ здѣсь короля Польскаго, съ которымъ ѣдетъ и графъ Илья Андреевичъ, а потомъ отправится въ Москву, чтобъ присутствовать при коронаціи его величества" [511]).

Но не задолго еще до пріѣзда въ Россію Станислава-Августа Понятовскаго, на Безбородку были возложены труды по вопросу о Польшѣ. 15-го января 1797 года, Россія заключила съ Австріею и Пруссіею конвенцію объ окончательномъ раздѣлѣ Польши. Безбородко можетъ быть названъ главнымъ работникомъ съ Русской стороны въ устройствѣ этой конвенціи. За труды по заключенію этого дипломатическаго акта, государь не замедлилъ вновь выразить Безпородкѣ свое расположеніе и вниманіе.

19-го января 1797 года ему пожаловано званіе сенатора, о чемъ въ лестныхъ для него выраженіяхъ говорилось въ именномъ указѣ: „Графу Безбородкѣ повелѣваемъ присутствовать въ Сенатѣ нашемъ, когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ на него дѣлъ время имѣть будетъ" [512]). Безбородко воспользовался даннымъ ему правомъ и ни въ одномъ изъ засѣданій Сената не присутствовалъ. Къ этому результату пришелъ я послѣ тщательнаго просмотра всеподданнѣйшихъ докладовъ Сената, съ 1797 года по 6-е апрѣля 1799 года, день кончины Безбородки. Ни на одномъ изъ докладовъ и протоколовъ нѣтъ подписи Безбородки, какъ присутствовавшаго. Можно думать, что государь, назначая Безбородку сенаторомъ, не желалъ и требовать отъ него обычной работы, соединенной съ этою должностію; пожалованіе это выражало лишь особенное расположеніе къ нему Павла и увеличивало только его содержаніе.

Между тѣмъ, давнишніе переговоры Россіи съ Англіею по торговымъ дѣламъ, почти улаженные, 4-го ноября 1796 года, въ квартирѣ Безбородки, по случаю его болѣзни, теперь приведены были къ пол-

ному окончанію. 10-го (21-го) февраля 1797 года [513]) заключенъ съ Англіею новый торговый договоръ, при главномъ и дѣятельнѣйшемъ участіи въ составленіи его Безбородки и безъ всякаго участія со стороны только что возведеннаго въ канцлеры графа Остермана. Кромѣ Безбородки упомянутый актъ подписали: князь Куракинъ, Соймоновъ и Англійскій посланникъ Витвортъ. Нельзя не замѣтить, что хотя этотъ договоръ касался только торговли, однако послѣ онъ получилъ весьма важное политическое значеніе по 10-й статьѣ, которая касалась спорнаго пункта о правахъ нейтральнаго флага [514]).

По поводу заключенія этого трактата графъ Безбородко, вѣроятно, въ началѣ января 1797 года, писалъ въ Лондонъ, къ графу Воронцову: „Изъ отправленія сегодняшняго ваше сіятельство увидите рѣшимость государеву принять участіе въ войнѣ дачею императору Римскому помощнаго корпуса, который уже и собирается при Брестѣ, и наклонность дѣйствовать и далѣе, ежели только нашъ сосѣдъ не зашевелится поусильнѣе. А чтобъ вы могли судить о нашемъ съ онымъ положеніи, прилогаю копію рескрипта, къ князю Репнину отправленнаго, для вашего собственнаго свѣдѣнія.

„Ваше сіятельство имѣете теперь сильные аргументы на убѣжденіе Англіи быть щедрою, ежели общее добро того востребуетъ; для помощи же вамъ прилагаю партикулярно два проекта трактата: 1, каковъ былъ врученъ въ ноябрѣ 1796 года г. Витвортомъ, немножко похожій на ихъ дипломатику, и 2, каковъ составленъ былъ нами на конференціи 4-го ноября того года, держанной за моею болѣзнію въ домѣ моемъ, но который не кончился за послѣдовавшимъ на другой день ударомъ блаженныя памяти императрицы. Перемѣните его поближе къ настоящему положенію. Лучше, чтобъ заранѣе все было у насъ подъ руками, а безъ того уйдетъ много времени, котораго терять не должно.

„Занятъ будучи отправленіемъ въ Берлинъ и Вѣну, не въ силахъ писать больше, при крайне упадшемъ здоровьѣ, не выходя изъ лекарствъ и чувствуя, что если года два такъ останусь, то конецъ моимъ страданіямъ и всей охотѣ къ художествамъ.

„Забылъ сказать вамъ, что въ Литвѣ и Курляндіи будемъ мы держать войска тысячъ до семидесяти. Турки для насъ добры, особенно же ежели Англія охранитъ ихъ отъ страха Бонапарта содержаніемъ морской силы въ Средиземномъ морѣ. Король Шведскій, что про него ни говорятъ напрасно, ведетъ себя скромно и ищетъ съ нами политически сблизиться, предпочитая съ нами союзъ выгоднѣе Франціи, или, лучше сказать, по-

лезнѣе получать малыя субсидіи, да ничего не дѣлать, чѣмъ болѣе, да служить орудіемъ безпокойства другихъ" [515]).

Время наконецъ приближалось къ коронаціи, торжество которой Павелъ хотѣлъ совершить какъ можно скорѣе. 23-го февраля Безбородко увѣдомлялъ своего друга, графа А. Р. Воронцова, жившаго тогда въ Москвѣ: „Иванъ Григорьевичъ Долинскій, отъѣзжая, желалъ имѣть мое письмо. Я тѣмъ пользуюсь, чтобы увѣрить ваше сіятельство, что у насъ нѣтъ ничего новаго послѣ отправленнаго отъ меня къ вамъ письма чрезъ посредство г. Пестеля. Бумаги, обѣщанныя вамъ, не готовы, но вы на сихъ дняхъ получите. Со дня на день ожидаемъ ратификаціи по Польскимъ дѣламъ. Король также на сей недѣлѣ пріѣдетъ и вслѣдъ за нимъ потащимся въ Москву. Я завидую графу Петру Васильевичу [516]), что онъ скорѣе меня уѣдетъ и васъ увидитъ.

„Податель сего просилъ деревень, и письмо его ко мнѣ прислано. Я постараюсь о его пользѣ, хотя теперь и не такъ легко, какъ сначала, подобныя просьбы успѣваютъ. Не случилось мнѣ написать къ вашему сіятельству, что покойная императрица, за недѣлю предъ кончиною своею и въ послѣдній день, что я ее видѣлъ, много со мною говорила о намѣреніи своемъ всѣ деревни дворцовыя и экономическія раздать въ аренды заслуженнымъ; но не инако, какъ произведя въ одной за другою губерніяхъ камеральныя описанія и раздѣлъ, да и не съ публичнаго торга, а за заслуги, безъ потери казенной. Какъ вы думаете о семъ пунктѣ? О дворцовыхъ и помышлять теперь нельзя, ибо къ раздачѣ отдѣлено до 150,000 душъ, и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, остальныя пятьдесятъ тысячъ отдѣлены для апанажа, да и изъ экономическихъ отдѣляется пятьдесятъ тысячъ на командоріи орденовъ" [517]).

Въ мартѣ все было готово къ коронаціи, а 1-го числа, предъ отъѣздомъ въ Москву, Павелъ на нѣсколько дней переѣхалъ въ Павловскъ. Государя сопровождали немногія, самыя приближенныя къ нему лица, при чемъ Безбородко былъ приглашенъ ѣхать съ государемъ въ одной каретѣ" [518]). Въ концѣ марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье [519]). Нѣтъ сомнѣнія, что Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному пріему высочайшихъ особъ, избравшихъ его Московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. „За недѣлю до коронаціи,—писалъ Безбородко къ матери,—когда ихъ величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: его величество—портретъ на голубой лентѣ, а государыня императрица—перстень съ ея

портретомъ“ [520]). Тоже повторилъ Безбородко въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, но съ подробностями: „Послѣ обыкновеннаго, бываемаго предъ коронаціею, торжественнаго въѣзда въ Москву, въ Субботу Вербную, по окончаніи всенощной, предъ ужиномъ, государь, бывъ доволенъ домомъ моимъ и всѣми, тутъ мною учиненными, пріуготовленіями, почтилъ меня своимъ портретомъ весьма богатымъ, который и ношу на голубой лентѣ; императрица же вручила мнѣ перстень съ ея портретомъ“ [521]).

На коронаціи, 5-го апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ „чинѣ дѣйствія коронованія“ сказано: „Его императорское величество соизволилъ указать подать императорскую корону, которую дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса графъ Безбородко подалъ митрополитамъ, а они поднесли его величеству на подушкѣ“ [522]). Сличая „чины коронованія“ двухъ предшествовавшихъ государынь, я замѣтилъ, что въ коронацію Елисаветы Петровны корону подалъ ей первенствующій архіерей, который и возложилъ ее на главу государыни; а при коронаціи Екатерины корону подалъ первенствующему архіерею канцлеръ [графъ Воронцовъ], и государыня сама возложила ее на свою голову. Можетъ быть, повелѣніемъ, даннымъ именно Безбородкѣ, вручить корону іерархамъ для передачи, Павелъ хотѣлъ выразить предъ церковью и предъ народомъ, что корону эту, по волѣ Всевышняго, ему доставилъ передающій ее святителямъ старѣйшій при дворѣ и въ государствѣ сановникъ. При такомъ предположеніи, вполнѣ понятными становятся тѣ преимущественныя, такъ сказать, исключительныя милости, которыми осыпалъ его въ это время государь. Князь Куракинъ, сообщая, что въ коронацію, кромѣ командорствъ, роздано было 105 лицамъ болѣе 82,000 душъ [523]), прибавляетъ къ этому, что больше всѣхъ получилъ Безбородко.

Болѣе подробное и очень любопытное сообщеніе о полученныхъ Безбородкою и близкими ему лицами въ день коронаціи Павла наградахъ сохранилось въ собственноручныхъ письмахъ его къ графу С. Р. Воронцову и къ матери. Перваго Безбородко, 6-го апрѣля, извѣстивъ о пожалованіи Воронцову ордена св. Апостола Андрея и имѣній въ Россійской Кареліи, писалъ: „Что до меня касается, то милости при семъ случаѣ отъ его величества на меня столь избыточно изліялися, что я признаюсь вамъ въ моемъ смущеніи, ибо онѣ превосходятъ всякую мѣру“. Перечисливъ за тѣмъ милости, приведенныя въ письмѣ къ матери, съ большими подробностями, въ особой припискѣ къ письму, онъ добавилъ: „День коронаціи ознаменованъ былъ прочтеніемъ его величествомъ на тронѣ, призвавъ всю фамилію, акта о порядкѣ въ наслѣдованіи престола,

котораго оригиналъ положенъ на святой трапезѣ первопрестольной нашей церкви; а копія, государемъ же подписанная, отдана Сенату. Здѣшняя столица ему полюбилася, представляя еще многое наше природное, что въ Петербургѣ уже нѣмчизна и француцщина вовсе истребили". Въ письмѣ къ матери князь Безбородко разсказывалъ: „По крайней усталости, въ которую привели меня заботы, какъ по пріуготовленіямъ, такъ и въ самый праздникъ, не въ состояніи былъ я писать и увѣдомить васъ о всѣхъ тѣхъ милостяхъ и щедротахъ, которыми государю угодно было взыскать весь домъ нашъ. Учиненнымъ съ трона въ Грановитой Палатѣ провозглашеніемъ о сдѣланныхъ по сему случаю разнымъ особамъ награжденіяхъ, пожалована мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Орловской губерніи, вотчина Дмитровская, по духовной покойнаго князя Кантемира записанная блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ, въ которой десять тысячъ душъ слишкомъ и тридцать тысячъ десятинъ земли въ Воронежской губерніи, по рѣкѣ Битюгу. Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ его величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ свѣтлости, и жалуя, сверхъ того, еще шесть тысячъ душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу. Графъ Илья Андреевичъ получилъ кавалерію св. Александра Невскаго и въ Литвѣ 1350 душъ. Якову Леонтьевичу [Бакуринскому] и Григорію Петровичу [Милорадовичу] пожалованы деревни въ Малой Россіи, въ копіяхъ указовъ, при семъ вложенныхъ, означенныя.

„Послѣ обѣда, когда ея величество, государыня императрица, въ своей аудіенцъ-залѣ, для раздачи милостей отъ нея, по дозволенію государя-супруга, ею пожалованныхъ, указала допустить предъ себя дамъ, то въ числѣ первѣйшихъ пожалованы были вы, милостивая государыня матушка, статсъ-дамою ея величества и дамою большаго креста ордена святыя великомученицы Екатерины, которые знаки доставляются вамъ при письмѣ всемилостивѣйшей государыни, ея собственною рукою писаннымъ. Большая дочь графа Ильи Андреевича пожалована фрейлиною ея величества. Всѣ сіи милости тѣмъ вящшую имѣютъ цѣну, что я никогда не просилъ объ нихъ, а сдѣланы собственными подвигами государя и государыни. Я васъ отъ всего сердца тѣмъ поздравляю. Богъ да сохранитъ васъ до самыхъ позднихъ лѣтъ, при наилучшемъ здоровьѣ. Въ день коронаціи, между прочими, имѣлъ я удовольствіе видѣть и пріятелей

своихъ, взысканныхъ разными милостями, какъ-то: графа Петра Васильевича [Завадовскаго] и графа Семена Романовича [Воронцова], получившихъ голубыя ленты, а послѣднему и деревня. Осипу Степановичу [Судіенкѣ] чинъ тайнаго совѣтника и въ Малороссіи деревни, и многимъ другимъ".

Еще большія подробности о наградахъ разсказаны Безбородкою въ письмѣ къ Г. П. Милорадовичу, отъ 8-го апрѣля: „Теперь я вамъ скажу постепенно, дабы пріуготовить васъ къ рѣдкому примѣру милости его величества, и потому еще, что ни время, ни обстоятельства не могли мнѣ доставить случай хотя нѣсколько заслужить оныя. Я зналъ, что въ день коронаціи назначены мнѣ были деревни въ Орловской губерніи, покойнымъ княземъ Сергіемъ Кантемиромъ блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II духовною записанныя, болѣе 10 т. душъ, съ прибавкою 30 т. десятинъ самой плодоносной земли въ Воронежской губерніи. Когда, по прочтеніи генералъ-маіоромъ Ростопчинымъ воинскихъ награжденій, Дмитрій Прокофьевичъ [Трощинскій] началъ читать статскую моимъ именемъ, и пошелъ [я] къ трону благодарить государя, то вдругъ онъ началъ читать оригинальный указъ въ Сенатъ, который его величество удержалъ меня слушать. Я былъ тутъ пораженъ, услышавъ, что государь возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя титулъ свѣтлости, и жалуетъ еще мнѣ на выборъ 6 т. душъ. Теперь вы сами судите, какова моя при семъ случаѣ чувственность. Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что я сіи 6 т. душъ не выберу въ Малороссіи, ни около Хмѣльника, ниже самихъ Водянокъ, которыя покойный и мною весьма оплакиваемый предобрый войтъ совѣтовалъ; а назначу, буде можно, сотъ нѣсколько душъ около Москвы, дабы содержать преогромный здѣшній домъ, а остальныя въ Воронежѣ по той же рѣкѣ Битюгу, гдѣ мнѣ и земли даны и гдѣ прямо рай земной. Дому Московскаго также не хочу продать, приведенъ будучи щедротами двухъ монарховъ сряду до такого избытка, что, имѣя сорокъ тысячъ душъ, въ состояніи и деньги сколотить, и жить безъ нужды, и цѣлое имѣніе оставить тѣмъ, кому оно по наслѣдству по мнѣ принадлежать должно. Сообщите о семъ Якову Леонтьевичу" [524]).

Въ оффиціальныхъ документахъ, относящихся до этихъ милостей, мы находимъ нѣкоторыя подробности и обращаемъ вниманіе читателя на выраженія, употребленныя въ трехъ указахъ, данныхъ 5-го апрѣля. Въ первомъ говорилось: „во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды"; въ другомъ: „въ изъявленіе къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, на пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемымъ"; третьимъ указомъ родъ графа Без-

бородки повелѣвалось внести „въ число родовъ графскихъ Россійской имперіи“. Далѣе въ рескриптѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя матери Безбородки, Евдокіи Михайловны, при которомъ посланъ былъ Екатерининскій орденъ, сказано: „Отмѣнное его императорскаго величества, нашего любезнаго государя и супруга, благоволеніе къ усердію и доброй службѣ сына вашего, графа Александра Андреевича, даетъ вамъ право на особливое благоволеніе наше“ [525]).

Всѣ милости, дарованныя Павломъ Безбородкѣ и его роднѣ, породили отзывы, неблагопріятные для самого Безбородки и ему близкихъ людей. Графъ Ростопчинъ рѣзко осуждаетъ Безбородку за его чрезмѣрную доброту. Въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 9-го апрѣля, онъ пишетъ: „Привыкши говорить съ вами откровенно, я не скрою отъ васъ, что князь Безбородко сдѣлалъ большія неловкости. По проискамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу, да великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ Л***, распутной женщинѣ, а мужъ ея получить орденъ св. Александра Невскаго. Вообще всѣ эти господа ведутъ себя дурно. Можно быть эгоистомъ, но не должно огорчать людей, которые, по чувству ли чести, или по глупости, поступали, какъ добрые простяки, относительно тѣхъ, кому считали себя обязанными“ [526]).

Вскорѣ послѣ коронаціи Безбородко озаботился выборомъ для себя земель. Онъ обратился съ слѣдующею просьбою къ князю А. Б. Куракину, 10-го апрѣля 1797 года: „Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе; а прошу васъ только предостеречь, чтобъ назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность; ибо, получивъ милости монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было бы мнѣ дать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою либо жадностію. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что его величество опредѣлить изволитъ; выборомъ же, вамъ предоставляемымъ, исполняю токмо его волю. Я раздѣлилъ [имѣнія] на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но, впрочемъ, повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты его величества и на ваше стараніе. Тутъ причитается весьма малый излишекъ, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однакоже и въ семъ какъ угодно“ [527]).

Изъ „перваго нумера“, о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи волости: Тайнинскую и Братовщинскую съ 1,560 душами и въ Воронежской губерніи, именно въ Бобровскомъ уѣздѣ, пять селъ съ 4,540 кре-

стьянами. Желаніе Безбородки относительно Московской губерніи князь Куракинъ выполнить не могъ и на его просьбѣ написалъ: „Поелику его величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что мною лично уже исполнено“.

12 Апрѣля, въ указѣ, данномъ Сенату, были поименованы данныя Безбородкѣ восемь селъ въ Бобровскомъ уѣздѣ съ 6,072 душами и съ землею въ количествѣ 15 десятинъ на каждую душу, и сверхъ того 30,000 десятинъ земли по рѣкѣ Битюгу въ Воронежской губерніи.

Прося за себя, Безбородко не отказывался ходатайствовать и за другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по его же просьбѣ состоялись и нѣкоторыя другія назначенія наградъ. Извѣстно, что Безбородко считалъ правиломъ своей жизни дѣлать добро, по возможности, всякому, о комъ онъ помнилъ или кто обращался къ нему съ просьбою, не говоря уже о родныхъ. Въ этомъ отношеніи любопытны два письма Безбородки къ тому-же князю Куракину, касавшіяся Н. А. Львова и Янпина. О Львовѣ, 23-го апрѣля 1797 года, Безбородко писалъ: „Нѣсколько дней собирался я трудить ваше сіятельство изустнымъ моимъ предстательствомъ въ пользу Николая Александровича Львова, но за болѣзнію вашею не могъ то исполнить. Позвольте симъ просить васъ всепокорно объ употребленіи вашего милостиваго старанія при докладѣ о назначеніи пожалованныхъ ему деревень, чтобъ онъ могъ получить землю, въ запискѣ упоминаемую. Изъ нея 12,000 десятинъ въ Петровскомъ уѣздѣ были уже ему назначены и отмежеваны по силѣ рескрипта 1785 года, покойному князю Потемкину даннаго, но потомъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не вошли въ его владѣнія; а между тѣмъ указъ о продажѣ земель остановилъ все дѣйствіе. Я совершенно полагаюся на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу охоту къ дѣланію добра людямъ“. Во второмъ письмѣ, отъ 2-го іюля того-же года, князь Безбородко писалъ о Яншинѣ: „Ваше сіятельство, по склонности своей дѣлать добро, благодѣтельствовали г. Яншину въ его положеніи. Теперь отецъ его, коллежскій совѣтникъ, ищетъ подъ покровительствомъ вашимъ помѣщенъ быть по какой-либо приличной службѣ, не имѣя отнюдь ни малѣйшихъ видовъ корысти. Смѣю поручить его въ милость вашу и прошу принять благосклонно искреннія увѣренія въ моей вамъ преданности и истинномъ почтеніи“ [528]).

Великое нравственное значеніе имѣютъ эти письма, которыми государственный сановникъ, стоящій на самой вершинѣ счастія и силы, какія только доступны подданному, охотно проситъ о другихъ лицахъ, не только родныхъ, но даже и постороннихъ.

XXI.

Канцлерство.

Въ началѣ апрѣля 1797 года 72-лѣтній графъ Остерманъ, недавно произведенный въ канцлера, подалъ императору всеподданнѣйшее прошеніе объ отставкѣ. На просьбу графа Остермана, 21-го апрѣля, послѣдовалъ рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Съ крайнимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего желаніе ваше получить увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ по причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ". Графъ былъ уволенъ съ полнымъ „трактаментомъ", имъ получаемымъ, и, кромѣ того, ему былъ подаренъ серебряный сервизъ, находившійся у него „по мѣсту канцлера".

Въ тотъ же самый день, когда получилъ увольненіе графъ Остерманъ, т. е. 21-го апрѣля, Сенату данъ былъ указъ о пожалованіи канцлерскаго званія князю Безбородкѣ. Въ указѣ о назначеніи этомъ говорилось лаконически: „Всемилостивѣйше повелѣваемъ князю Безбородку быть нашимъ канцлеромъ" [529]).

Если вспомнимъ, что писалъ Безбородко о графѣ Остерманѣ графу С. Р. Воронцову болѣе чѣмъ два мѣсяца назадъ, именно 1-го февраля, то и увольненіе графа Остермана и занятіе его мѣста Безбородкою окажутся дѣломъ самымъ естественнымъ. Государь, желавшій возвести на степень канцлера Безбородку, по указанію его, назначилъ канцлеромъ графа Остермана, а Безбородку наградилъ чиномъ перваго класса, но довѣрялся Безбородкѣ безусловно; графъ-же канцлеръ былъ почти совсѣмъ устраненъ отъ управленія политическими дѣлами. Между тѣмъ, старикъ канцлеръ-графъ, по привычкѣ, усвоенной имъ при Екатеринѣ, стремился разыгрывать, хотя только кажущуюся, первенствующую роль, а государь рѣшительно не желалъ продолженія извѣстной ему комедіи. Естественно потому должны были явиться недоразумѣнія, которыя и были причиною, что Безбородко „противъ воли", какъ онъ выражался, „въ крайнюю тягость, очутился первенствующимъ въ департаментѣ „de fait", и, наблюдая за впечатлѣніями императора, ясно понималъ, что скоро, вмѣстѣ съ департаментомъ, къ нему перейдетъ отъ графа Остермана и самое канцлерство. Такъ именно и случилось. Потому напрасно было бы думать, что со стороны Безбородки въ отношеніи къ графу Остерману велась какая либо интрига: графъ Остерманъ не владѣлъ вполнѣ своимъ мѣстомъ и при Екатеринѣ, будучи вице-канцлеромъ; но Екатерина его берегла,

какъ стараго сановника, къ которому привыкла, а за него для Екатерины думалъ и работалъ до совершенства, понимавшій ея мысли и желанія, Безбородко. Тоже продолжалось и при Павлѣ; но, не имѣя къ престарѣлому сановнику близкихъ отношеній и не отличаясь терпѣніемъ, императоръ пожелалъ предоставить важнѣйшее государственное мѣсто тому самому лицу, которое давно уже направляло къ пользѣ и внутреннія, а особенно внѣшнія дѣла отечества.

Если бы, дѣйствительно Безбородко обнаружилъ противъ старика графа Остермана какую-нибудь непріязнь, интригу, это не могло бы остаться для Остермана неизвѣстнымъ, и онъ, безъ сомнѣнія, не замедлилъ-бы заявить въ Москвѣ, въ этой „столицѣ бриллiантовыхъ видѣній временъ Екатерины,—какъ называетъ Москву миссъ Вильмотъ,—въ этомъ убѣжищѣ опальныхъ, гдѣ подобные сановники облегчали свою душу смѣлыми заявленіями своихъ неудовольствій", и гдѣ жилъ графъ Остерманъ. Миссъ Вильмотъ, по поводу встрѣчи съ нею въ Москвѣ графа Остермана, говоритъ о немъ только, что „блестящій призракъ бывшаго канцлера являлся разукрашенный разноцвѣтными орденскими лентами въ Московскихъ салонахъ и разъѣзжалъ въ каретѣ, запряженной не иначе какъ восьмью лошадями" [580]).

Черезъ пять дней по возведеніи Безбородки въ канцлера, Павелъ вновь оказываетъ ему свое благоволѣніе. 26-го апрѣля, государь, будучи уже въ Петербургѣ, пожаловалъ Безбородкѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе „порожнее мѣсто въ Москвѣ, купленное въ прошломъ году у генералъ-маіора Львова, у Яузы, у Николы въ Воробинѣ", что было выражено въ рескриптѣ данномъ на имя Московскаго генералъ-губернатора Измайлова" [531]). Въ другомъ рескриптѣ, данномъ на имя Безбородки съ тотъ же день, 26-го апрѣля, ему было уплачено 670,000 руб., за его Московскій домъ „со всѣми въ домѣ имѣющимися уборами, исключая только серебряные буфетъ и фухлеты" [532]). Деньги эти повелѣвалось выдать изъ капиталовъ Главнаго Почтоваго Правленія, кои хранились въ Заемномъ Банкѣ, а Кабинету уплатить ихъ Почтовому вѣдомству въ теченіи 8-ми лѣтъ, начиная уплату съ 1798 года" [533]).

Въ первыхъ числахъ мая 1797 года императоръ Павелъ отправился въ Литву для обозрѣнія областей, присоединенныхъ къ Россіи послѣ третьяго раздѣла Польши. Во все время путешествія Павелъ былъ доволенъ и веселъ. „Одинъ случай,—пишетъ Ѳ. П. Лубяновскій,—разгнѣвалъ государя, но и тотъ окончился смѣхомъ, по милости таракана. Его величество желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты и дѣлать

какія бы то ни было приготовленія для путешествія государя. Въ Смоленской губерніи, въ слободѣ Пневѣ, государь замѣтилъ на мосту, по неубраннымъ щепамъ, свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, и о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ князю Безбородкѣ написать что-то весьма нелегкое. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу: Намъ здѣсь рады, сказалъ пришедшему. Столько-ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко! А что съ нимъ? поинтересовался государь. Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку; боится какъ огня таракановъ; выскочилъ изъ избы и, какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ. Въ погоню за нимъ и сюда привести! Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте!" [534]).

Въ разсказѣ А. И. Ханенки, передаваемое Ѳ. П. Лубяновскимъ обстоятельство представляется въ иномъ видѣ и обрисовываетъ необыкновенную гибкость Безбородки, которою онъ, можетъ быть, всего лучше поддерживалъ свою завидную близость къ императору. Ханенко пишетъ, что государь, во время слѣдованія чрезъ Смоленскую губернію, замѣтилъ „множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Опрошенные государемъ, они сказали, что высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ, по случаю царскаго проѣзда, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный императоръ, въ присутствіи окружавшихъ его придворныхъ и находившагося при немъ государя-наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній. Какъ вы думаете, сказалъ государь, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолвствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ: Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышете однимъ со мною духомъ. Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося также въ свитѣ государя. Великій князь-наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить государя. Будьте благонадежны, отвѣчалъ Безбородко, обыкновеннымъ своимъ Малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату государя. Ну вотъ, Александръ Андреевичъ! обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ дѣло, прибавилъ: Какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять? Достодолжно и достохвально, государь, отвѣчалъ князь Безбородко,

тѣмъ-же Малороссійскомъ выговоромъ. Великій князь-наслѣдникъ и всѣ были поражены такимъ его отвѣтомъ. Вотъ видите, воскликнулъ государь, что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались? Подождавъ немного, князь Безбородко продолжалъ: Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ Смоленской Уголовной Палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе. Государь на это согласился, и сей-же часъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ Палатѣ, а государь отправился въ путь. Безбородко же съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши вдали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и съ зерцаломъ, вышелъ изъ экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ его, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ имъ дѣлѣ; что въ противномъ случаѣ онъ и вся Палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ императора. По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги, не по случаю проѣзда государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, былъ оправданъ“ [535]).

Оффиціальнымъ путемъ дѣло разрѣшилось весьма просто, какъ и слѣдовало ожидать. Въ именныхъ указахъ, объявленныхъ Сенату, находятся два рескрипта Павла, писанные рукою Д. П. Трощинскаго и относящіеся до разсказаннаго событія. Одинъ изъ нихъ данъ на имя Смоленскаго военнаго генералъ-губернатора Философова, а другой на имя генералъ-прокурора, отъ 5-го мая 1797 года. Въ нихъ говорится, что государь, проѣзжая чрезъ слободу Пневу, увидалъ новый мостъ. Узнавъ потомъ, что на постройку его употреблено двѣ недѣли времени и до 2,000 руб. денегъ, государь тотчасъ-же велѣлъ выдать строющимъ его ямщикамъ изъ своей казны 2,500 руб. и отыскать виновнаго, который, вопреки его повелѣніямъ, отягощалъ „ненужными работами“ крестьянъ, а потому и повелѣлъ взыскать съ него деньги [536]).

Въ заключеніе разсказа о путешествіи, слѣдуетъ упомянуть, что князь Безбородко дѣйствительно боялся таракановъ; объ этомъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ В. С. Хвостовъ, принимавшій участіе въ заготовленіи удобствъ для путешествовавшаго по Литвѣ императора Павла и его свиты, какъ предводитель одного изъ мѣстныхъ дворянствъ. По маршруту ночлегъ былъ назначенъ въ Ямбургѣ, государь, измѣнивъ

маршрутъ, повелѣлъ приготовить ночлегъ въ Запольѣ, куда къ вечеру и прибылъ съ великими князьями и со свитою. „Я,—разсказываетъ Хвостовъ,—приказалъ одному изъ четырехъ бывшихъ при мнѣ дворянъ доложить князю Безбородкѣ, зная, что онъ боялся таракановъ, что не угодно ли ему проѣхать въ Чирковицы, гдѣ ему приготовлена квартира въ господскомъ домѣ“ [587]).

По возвращеніи государя въ Петербургъ, не находимъ слѣдовъ внѣшней государственной дѣятельности Безбородки за цѣлый рядъ мѣсяцевъ, хотя онъ не переставалъ работать по внутреннимъ, обыкновеннымъ дѣламъ, о которыхъ будетъ сказано въ особомъ мѣстѣ. Однако нельзя не упомянуть здѣсь, что Безбородко въ это именно время былъ боленъ и, противъ него, если вѣрить графу Ѳ. В. Ростопчину, составлялся заговоръ, при помощи Нелидовой. Канцлеръ, страдавшій запущенною простудою и проводившій весь іюнь мѣсяцъ въ городѣ для леченія сильнѣйшей рожи на ногѣ, послужилъ предметомъ желчной рѣчи графа Ростопчина, который 18-го іюня 1797 года, писалъ въ Лондонъ къ графу С. Воронцову: „Жаль, что ему [императору] не даетъ покоя...., которая вмѣшивается въ дѣла, суетится, сплетничаетъ, окружаетъ себя Нѣмцами и дозволяетъ негодяямъ себя обманывать. На дняхъ она выхлопатала г-ну Шуазель-Гуфье двѣ тысячи душъ за то, что онъ поднесъ ей нѣсколько рисунковъ и наговорилъ притворныхъ любезностей. Она, для большей увѣренности въ успѣхѣ, вступила въ союзъ съ Нелидовою, которую справедливо ненавидѣла и которая сдѣлалась близкимъ ея другомъ съ 6-го ноября прошлаго года. Насъ трое или четверо нетерпимыхъ этими особами; ибо мы служимъ одному только императору, я этого не любятъ. Онѣ желали-бы устранить князя Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ К[уракинымъ], глупцомъ и пьяницей, поставивъ во главѣ всего военнаго вѣдомства князя Репнина, и управлять всѣмъ чрезъ своихъ приверженцевъ“ [588]).

Самъ Безбородко не проговаривается объ этомъ ни въ одномъ изъ цѣлаго ряда своихъ писемъ къ роднымъ, писанныхъ въ эти мѣсяцы. Можно здѣсь замѣтить, что въ случаѣ болѣзни, или вообще свободы отъ служебныхъ занятій, Безбородко обыкновенно отдавался влеченіямъ родственныхъ чувствъ и начиналъ усиленную переписку съ близкими людьми. Къ этому періоду времени принадлежитъ одно письмо его, отправленное въ Лондонъ, о болѣзни. 17-го іюня, князь Безбородко писалъ: „Будучи боленъ съ Москвы сильною простудою и насморкомъ, который кинулся въ голову и при томъ рюматизмомъ, проѣхалъ я такимъ образомъ всю дорогу и, наконецъ, здѣсь насилу расплатился рожею на лицѣ, а при томъ

прежестокою артритическою болью въ правой ногѣ. Въ такомъ состоянiи получилъ я письмо вашего сiятельства съ Англiйскимъ курьеромъ. Изъ отвѣта его императорскаго величества увидите одобренiе вами сдѣланнаго шага и потому самое дружественное расположенiе государя къ королю Великобританскому и его державѣ. Я признаюся вашему сiятельству, что мы обще съ другомъ нашимъ графомъ Петромъ Васильевичемъ [Завадовскимъ] безпокоилися весьма, услыша о рѣшимости вашей удержать эскадру, вѣдая сколько теперь во всякой части наблюдается строго точность въ исполненiи приказанiй, одинъ разъ посланныхъ.

„Прiятели наши Θедоръ Васильевичъ [Ростопчинъ] и Дмитрiй Прокофьевичъ [Трощинскiй] раздѣляли наше сомнѣнiе и безпокойство. Я и всѣ мы были обрадованы резолюцiею его величества. А теперь занимаюся запаснымъ расположенiемъ нашихъ инструкцiй для особы, которая на конгресъ назначается“ [539]).

Что-же касается до родственной переписки, то она началась еще раньше отъѣзда Безбородки съ государемъ въ Литву.

Одной изъ его племянницъ сдѣлалъ предложенiе Волынскiй губернаторъ. 27-го апрѣля Безбородко, извѣщая объ этомъ сватовствѣ мать свою, писалъ ей: „Получивъ на сихъ дняхъ отзывъ отъ г. губернатора Волынскаго Михаила Павловича Миклашевскаго [540]) о желанiи его сочетаться бракомъ съ вашею любезною внучкою, а моею племянницею Настасьею Яковлевною Бакуринскою, долгомъ почитаю донести о томъ вамъ, милостивая государыня-матушка, а равно увѣдомить и ея родителей, прося вашего на то позволенiя и благословенiя. Вы сами изволите знать сего человѣка, въ котораго благосостоянiи принималъ я всегда участiе. Онъ еще весьма не изъ пожилыхъ, въ знатномъ чинѣ и мѣстѣ, человѣкъ, впрочемъ, добронравный; самъ онъ не преминетъ отозваться, а получа отпускъ и прiѣхать“. Въ слѣдъ за тѣмъ, 6-го iюля, Безбородко въ письмѣ же къ матери выражаетъ заботу о своемъ братѣ: „Не пишу теперь къ графу Ильѣ Андреевичу, не зная, возвратился ли онъ въ Стольное изъ Гринева, а сверхъ того со дня на день ожидая извѣстiя, къ которому времени назначится отъѣздъ посла Турецкаго изъ Царяграда, по полученiи котораго надобно будетъ графу Ильѣ Андреевичу прiѣхать на малое время сюда для полученiя своей инструкцiи и слѣдованiя на встрѣчу тому послу на Днѣстръ въ Дубоссары“ [541]).

27-го августа Безбородко писалъ къ своему племяннику Г. П. Милорадовичу: „Считая, что вы теперь постоянно живете въ Черниговѣ, къ вамъ влагаю письмо къ Татьянѣ Андреевнѣ [Бакуринской] и къ вамъ адресую посылки, къ ней и къ матушкѣ слѣдующiя, прося доставить

ихъ по надписямъ. Изъ чего вы взяли, что вы не имѣете чина 4 класса? Генеральный судья считается въ семъ классѣ не заурядъ, но навсегда. Вы опредѣлены не въ должность, а сказано вамъ быть судьею генеральнымъ, слѣдовательно вы на Русскомъ языкѣ и полное превосходительство; а только когда васъ пошлютъ министромъ, то я вамъ сего титула не дамъ, ибо у насъ ниже тайнаго совѣтника excellence' не именуютъ. Насилу я выздоровѣлъ и не знаю, на долго-ли? Мнѣ жить покойно; да, правду сказать, и время такое въ Европѣ, что надобно быть очень безпокойнымъ министромъ, чтобъ захотѣть туда впутаться. Лишь бы у насъ дома шло хорошо, то всѣ прочіе въ дуракахъ останутся, а мы все людьми будемъ. Правду сказать, и масса большая: не скоро кто опрокинетъ, и много лѣтъ надобно. Въ Москвѣ зачинаю я домъ строить огромнѣе прежняго. Планъ дѣлаетъ Гваренги, и какъ вы охотникъ снимать планы, то, по отдѣлкѣ, пришлю для образца. Коллекція моя знатно умножается ожидаемыми изъ Италіи и привезенными изъ Голландіи преславными. Я досталъ превели..... [542]), котораго одинъ плутяга хотѣлъ для меня купить за тысячу гиней, а мнѣ онъ достался за 300 гиней, и которому всѣ приходятъ кланяться. Да еще получилъ четырехъ Вернетовъ, одинъ другаго лучше. Тутъ же пріѣхали двѣ мѣдныя группы славнаго Жирардона, которыя Кольбертомъ были представлены Людовику XIV. Одна представляетъ похищеніе Плутономъ Прозерпины, а другая такое же Оретія Бореемъ на булечныхъ [543]) піедесталахъ. Прощайте: спѣшу ѣхать въ Гатчино, и вѣрьте моей къ вамъ искренней преданности".

Черезъ двѣ недѣли, 11-го сентября 1797 года, Безбородко пишетъ тому-же Г. П. Милорадовичу. „Не любя ссоръ нигдѣ, а болѣе между роднею, я уже нѣсколько времени слышалъ съ сожалѣніемъ о такой распрѣ у Павла Екимовича [?] съ Яковомъ Леонтьевичемъ [Бакуринскимъ] и давно собирался писать къ вамъ о примиреніи ихъ. Дальнѣе продолженіе того можетъ только сдѣлать обоимъ вредъ; а потому вы, яко служака добрый, и не оставьте постараться ихъ сблизить и отнять всякій поводъ ко взаимнымъ негодованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ году я не могу провожать государя до Чернигова [544]); а въ моемъ отсутствіи, ссорясь, они лишь только навлекутъ на себя неудовольствіе, а на всѣхъ насъ предосужденіе. Я на васъ совершенно надѣюся и нетерпѣливо жду отъ васъ отвѣта. Что выдетъ изъ вашего хваленаго Хмѣльника? Сущая Малороссійская маетность. Хлѣба купи, да вино кури, а продавъ вино, опять хлѣба купи, и такъ далѣе. Хозяйскіе обороты, изъ коихъ никогда не родятся деньги: на оборотъ же ни жить, ни строиться нельзя. Мнѣ досталися въ Сѣвскомъ и Кромскомъ уѣздѣ десять тысячъ

душъ, хотя безземельныя, но за то хорошо, что, по росписанію, должны давать 66,000 руб. доходу, и я уже половину ихъ получилъ, а въ мартѣ бери другую. Воронежскія и безъ устройства 6,400 душъ даютъ 50,000 руб., а ежели я устрою хозяйство, то, думаю, пойдетъ и вдвое. Николай Карадыкинъ изъ своихъ 600 душъ беретъ безъ хлопотъ 8,000 рублей при грамотѣ отъ своихъ крестьянъ на языкѣ, ими не понимаемомъ, ибо они Мордва. Если бы я не располагалъ Хмѣльницкаго староства на двѣ части дочерямъ графа Ильи Андреевича, я бы его давно съ рукъ сжилъ. Евдокимъ Степановичъ [Судіенко] получилъ отставку и весьма добрымъ манеромъ, съ полнымъ жалованьемъ, съ правомъ мундира, а сверхъ того за его долговременную службу государь прислалъ ему кавалерію Св. Александра Невскаго. Онъ считаетъ себя пресчастливымъ, уподобляясь Прусскому капитану временъ Фридриха Вильгельма, у котораго полонъ ротъ хлѣба, но, по выбитіи зубовъ, нечѣмъ ѣсть. На немъ сбылось писаніе: не видѣхъ праведника оставленна, ниже наслѣдія его просяща хлѣба. И паки, за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ. Сіе послѣднее я и на себѣ отчасти видѣлъ. Помните сей дурной день прошлаго года, когда думали, что будетъ Шведскій сговоръ? Нетерпѣливо ожидаю пріѣзда Виктора Павловича [Кочубея], ибо Коллегія наша опустѣла; работать нѣтъ человѣка за отправленіемъ графа Панина въ Берлинъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ подъ конецъ проявилось много писарей такихъ, какъ въ старые годы у насъ бывали, то есть неписьменныхъ. Принужденъ большею частію самъ работать, а уже силъ мало стаётъ“ [545]).

Въ тотъ же день, т. е. 11-го сентября, Безбородко писалъ матери о своихъ племянникахъ Бакуринскихъ: „По желанію Татьяны Андреевны отправляются дѣти ея, которыя съ симъ будутъ имѣть честь предстать предъ вами и донесутъ о здоровьѣ моемъ и графа Ильи Андреевича съ его сыномъ. Впрочемъ, отъ Татьяны Андреевны и Якова Леонтьевича будетъ зависѣть, къ какой службѣ предназначать они дѣтей своихъ и сюда прислать ихъ, а я въ обязанность и въ удовольствіе себѣ поставлю споспѣшествовать ихъ добру“.

Извѣстіями же о родныхъ наполнены и два дальнѣйшія письма Безбородки къ матери, отъ 19-го и 25-го сентября. „Яковъ Леонтьевичъ по прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ награжденіемъ чина тайнаго совѣтника, а на его мѣсто опредѣленъ Малороссійскимъ губернаторомъ Михаилъ Павловичъ [Миклашевскій]. Радуюсь, что сіе дѣло по вашему желанію совершилося и усердно желаю, чтобъ толь близкое пребываніе внуковъ вашихъ служило къ вашему утѣшенію“. Въ другомъ письмѣ, Безбородко сообщалъ: „Курьера настоящаго отправилъ я къ

графу Ильѣ Андреевичу съ тѣмъ, что ему уже время сюда пріѣхать для полученія инструкціи и разныхъ распоряженій, дабы зимою могъ онъ назадъ возвратиться и въ мартѣ поспѣть на Днѣстръ, гдѣ близко Бендеръ назначено размѣнять обоихъ пословъ. Григорій Петровичъ Милорадовичъ, 22-го сентября, пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ. Теперь моя забота состоитъ въ томъ, чтобъ и Яковъ Леонтьевичъ, при первомъ удобномъ случаѣ, могъ получить повышеніе чина, ему по справедливости слѣдующее" [546]).

Къ 18-му октября относится замѣчательное ходатайство Безбородки, касающееся извѣстнаго профессора Московскаго Университета и сотрудника Новикова по распространенію новыхъ идей и книгъ въ Россіи, Шварца. Безбородко писалъ о немъ князю А. Б. Куракину: „Мы бы его охотно у себя помѣстили, если бы здоровье и домашнія обстоятельства не убѣждали его предпочтительно искать пристроенія въ Лифляндіи. Впрочемъ, онъ самый честный и благонравный человѣкъ". На это ходатайство князь Куракинъ отвѣчалъ сообщеніемъ, что „надворный совѣтникъ Шварцъ опредѣленъ совѣтникомъ Лифляндскаго губернскаго правленія" [547]).

Выздоровѣвъ и явившись при дворѣ, съ возвращеніемъ императорской фамиліи, Безбородко попрежнему занялъ обычное мѣсто въ довѣріи и совѣтахъ государя. Замыслы противъ него не оставили слѣдовъ, и въ это время, 12-го ноября, тотъ же графъ Ростопчинъ уже писалъ своему другу, что „князь Безбородко продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ и старается, по обыкновенію своему, какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Если онъ не перестанетъ собирать картины, то его галлерея, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; ибо она уже стоитъ ему около 250,000 руб. и содержитъ нѣсколько образцовыхъ произведеній" [548]).

Изъ писемъ самого князя Безбородки, за конецъ ноября мѣсяца, видна, дѣйствительно, справедливость словъ графа Ростопчина, что замыслы противъ него не оставили слѣдовъ и что онъ „продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ". Въ письмахъ, адресованныхъ къ графу Панину и графу А. Р. Воронцову, князь Безбородко говоритъ подробно о дѣлахъ съ Франціею. Въ письмѣ, отъ 9-го сентября, онъ сообщалъ Панину: „Изъ доставленныхъ съ настоящимъ курьеромъ рескриптовъ, одинъ по дѣлу съ Французами, ваше сіятельство получите, конечно, поздно, ибо, судя по реляціи вашей, отъ 25-го августа, вы уже могли далеко довести оное; но, впрочемъ, вы, милостивый государь мой, такъ осторожно и искусно сію негоціацію распорядили, что къ тому ничего прибавлять не-

нужно. А могу васъ увѣрить, что его императорское величество совершенно ваше поведеніе при дворѣ тамошнемъ одобрять изволитъ. Вѣнскій дворъ сдѣлалъ къ намъ отзывъ, что, предполагая не инако мириться, какъ на точномъ основаніи прелиминарій, слѣдовательно разумѣя тутъ цѣлость Германской имперіи, ежели встрѣтитъ упорство со стороны Французовъ, намѣренъ разорвать переговоры и возобновить военныя дѣйствія; что онъ отъ насъ директно противъ Французовъ никакой помощи не требуетъ, а единственно желаетъ, чтобъ мы удержали короля Прусскаго отъ принятія дѣятельнаго противъ нихъ участія какъ представленіемъ, такъ, въ случаѣ рѣшимости его, и силою.

„Государь имѣетъ непремѣнное намѣреніе, сохраняя впрочемъ безпристрастіе между обоими своими союзниками, не допускать однакожъ одному вредить другому. Рескриптъ его къ вашему сіятельству то доказываетъ; а чтобъ вамъ доставить болѣе свѣдѣній къ исполненію монаршей воли, сообщаю, для собственнаго вашего свѣдѣнія, копію рескрипта, къ графу Разумовскому посланнаго.

„Курьеръ сей отправленъ къ г. Алопеусу и князю Горчакову по дѣламъ касающимся войскъ принца Конде. Я прошу ваше сіятельство наставить его куда ему ѣхать".

Вслѣдъ затѣмъ, 30-го сентября, князь Безбородко вновь писалъ графу Панину: „Въ сію ночь прибылъ г. Цизмеръ. Депеши имъ привезенныя не возвратилися еще ко мнѣ; но какъ существо оныхъ не перемѣняетъ принятаго его императорскимъ величествомъ плана, то я поспѣшаю отправить къ вашему сіятельству настоящаго курьера. Завтра учиню ему сообщеніе [данное], г-ну Гребену, сходное рескрипту къ вамъ посылаемому и потомъ ѣду въ Гатчино, гдѣ станемъ ожидать новыхъ отъ васъ извѣстій по поводу данныхъ предъ симъ предписаній. Ваше сіятельство получаете на первый разъ достаточныя наставленія. Дальнѣйшія будутъ зависѣть отъ слѣдствій. А только должно отдать вамъ справедливость, что вы въ объясненіяхъ вашихъ съ графомъ Гекведомъ отзывалися какъ здѣсь желали и какъ существо дѣлъ требовало. Г. Цезмеръ немедленно къ вамъ возвратится" [549]).

Къ Воронцову-же по поводу этихъ-же событій, въ тотъ-же день, князь Безбородко писалъ: „Теперь я долженъ релевировать два ваши сомнѣнія: одно, касающееся до войскъ принца Конде, другое до связи нашей съ Австріею. Французы весьма равнодушно на первое взираютъ, да еще и рады были, что мы беремъ сію армію въ свою службу и землю, выведя ее изъ близости, ибо тамъ все она имъ омбражи дѣлала. Что до втораго касается, мы, конечно, не кинемся на Французовъ за Австрійцевъ; да сіи послѣд-

ніе и сами намъ теперь сказали, что, ежели воспалится вновь война, они отъ насъ никакой помощи не требуютъ, а единственно домогаются, чтобъ мы удерживали короля Прусскаго отъ дѣятельнаго участія, и въ случаѣ рѣшимости его приняли fait et cause всѣми силами. Сіи обѣщанія имъ учинены, и должно сказать, что императрица и тутъ много Австрійскому двору помогла. Графу Панину посланы весьма сильныя приказанія. Я долженъ не забыть тутъ же примолвить, что въ дѣлахъ сихъ нашъ Алопеусъ сильно проплутовался, ибо сдѣлалъ сюда донесеніе, будто бы Англійскій полковникъ при Австрійской арміи Клифортъ дѣлалъ ему внушенія объ опасности, чтобъ Вѣнскій дворъ не воспользовался при успѣхѣ намѣренія Франціи удержать земли до Рейна, удовлетворя Пруссіи чѣмъ либо другимъ изъ Германіи, присвоеніемъ себѣ Баваріи или части ея, которое [донесеніе] я тогда же узналъ, что пахнетъ Прусскимъ духомъ; а теперь въ Вѣнѣ, гдѣ, какъ вы знаете, проворны читать чужія письма, получена отъ Клифорта депеша министру, объясняющая, что всѣ внушенія учинены были Алопеусомъ самимъ. За сіе еще и милостиво, но довольно сильно велѣно его побранить и запретить въ подобныя дѣла мѣшаться. Вообще здѣсь не любятъ Берлинскій дворъ, но и прочіе не могутъ тѣмъ похвалиться; къ Вѣнскому двору еще болѣе есть наклонность, а паче къ Англіи. Съ первымъ надѣются вступить и въ союзъ родства, который тѣмъ меньше сомнителенъ, что Кобенцель ко мнѣ пишетъ о готовности императорской согласиться, вопреки прежнихъ обрядовъ, на сохраненіе вѣры подъ двумя только условіями: первое, что ежели бы за ишествіемъ фамиліи досталося супругу великой княжны быть королемъ Венгерскимъ, то ей нельзя не перемѣнить закона, и второе, чтобъ обѣщано было взаимство подобное и въ пользу эрцгерцогинь, которыя могли бы выходить за великихъ князей. Я прошу ваше сіятельство сохранить сіе про себя одного и вообще мое письмо истребить". Въ другомъ письмѣ, отъ 23-го ноября, князь Безбородко писалъ: „Извѣщая ваше сіятельство о мирѣ Австрійскомъ, я самъ не зналъ тогда его условій, хотя по обинякамъ г. Тугута и секрету въ разсужденіи графа Разумовскаго можно было о многомъ догадываться. Австрійцы миръ для себя сдѣлали довольно выгодный. Они, кромѣ Итальянскихъ замѣнъ, согласилися съ Французами на завладѣніе послѣдними всего почти лѣваго берега Рейна, не выключая и Майнца, а себѣ выговорили архіепископство Сальцбургское и часть Баваріи по рѣку Иннъ. Предположили удовлетвореніе курфирсту Баварскому, герцогу Виртембергскому, Гессенскому, принцу Оранскому и маркграфу Баденскому въ Германіи, и какъ видно на счетъ имперскихъ городовъ и духовныхъ владѣній, тоже замѣну и тремъ духовнымъ

курфирстамъ; а въ разсужденіи короля Прусскаго постановили, что какъ ему возвращаются Зарейнскія его владѣнія, то онъ никакой компензаціи требовать права не имѣетъ. Сіе постановлено въ секретныхъ артикулахъ, которые Кобенцель мнѣ сообщилъ при письмѣ своемъ офиціальномъ, а самъ отправился въ Растатъ, дабы на конгрессѣ безъ характера дережировать миссіею императорскою и всѣмъ дѣломъ. Ваше сіятельство сами лучше знать изволите, сойдетъ ли такой миръ спокойно; ибо сколько ни говорять про миролюбіе и правоту новаго короля Прусскаго, но интересы его введутъ и его дворъ въ претензіи. Вѣнскій дворъ и теперь уже избавилъ себя отъ сосѣдства съ Франціею, и не выйдетъ ли отъ сего тѣснѣйшее сближеніе между ними? Всего страннѣе, что Вѣнскій дворъ, сообщая намъ свой миръ, требовалъ нашего мнѣнія, представляя свою готовность, ежели мы его не почитаемъ за полезный или сходный для Нѣмецкой имперіи, рушить оный, но съ предварительнымъ условіемъ, чтобъ мы всѣми силами вошли въ дѣло противъ Французовъ. Мы, конечно, не вступаемся, а скорѣе и сами станемъ стараться помириться съ Франціею, сожалѣя только, что начатое и къ концу доведенное дѣло испорчено. На графа Панина я надѣялся напрасно, ибо онъ причиною разрушенія сей негоціаціи. Онъ слишкомъ почерпнулъ правила графа Моркова и теперь, узнавъ отъ Англійскаго въ Берлинѣ министра, что дворъ Лондонскій новую коалицію на Французовъ предлагаетъ, пошелъ было и самъ на про[ломъ], но сіе худо принято; ибо должно отдать справедливость государю, что онъ понимаетъ всю невозможность и всю ненадежность подобныхъ мѣръ. Англичане предлагали намъ прислать имъ войска двѣнадцать тысячъ для защищенія береговъ ихъ. Судите, время ли, и что такое число значило бы? Отказали имъ преучтиво и дружески. Словомъ, политика наша бредетъ, по крайней мѣрѣ, не завязывается далѣе; но я желалъ бы, чтобъ наши финансы были лучше. Въ расходахъ мы себя не умѣрили; ресурсовъ, Зубовымъ заготовленныхъ, принять было вовсе нельзя, а когда сочлися, то безъ налогу и безъ реформы даже въ войскѣ, особливо же въ расположеніи квартиръ, обойтися нельзя. Матерія сія составитъ особливое къ вамъ письмо“ [550]).

Какъ всегда, такъ и теперь, при первомъ случаѣ, который серьезно требовалъ усидчивости, Безбородко не отказывался отъ нея, не смотря на ослабѣвшія отъ болѣзни силы, ни на сознательное желаніе какъ можно болѣе беречь себя. Такъ, 2-го декабря, Безбородко шлетъ въ Лондонъ къ графу Воронцову большое, весьма важное и любопытное дипломатическое письмо: „По связи нашей съ Лондонскимъ дворомъ, чтобъ поставить ваше сіятельство въ удобность изъясниться по настоящимъ дѣламъ Ав-

стрійскимъ съ Французами, угодно было его императорскому величеству позволить мнѣ извѣстить васъ о сообщеніи Вѣнскаго двора и о нашемъ на то отвѣтѣ.

„Графъ Кобенцель, извѣщая меня о заключеніи мира и чувствуя его невыгоды, какъ для себя на будущее, по крайней мѣрѣ, время, такъ еще и болѣе для союзниковъ и ставя однако сущую необходимость, именемъ двора своего, спрашиваетъ мыслей его величества и предъявляетъ готовность рушить сіе постановленіе, если государь императоръ обѣщаетъ составить общее дѣло.

„Ваше сіятельство собственнымъ своимъ проницаніемъ объемлете, настала-ли возможность рѣшиться на послѣднюю мѣру, когда Вѣнскій дворъ ускорилъ уже совершеніемъ своего трактата, не смотря на то, что шесть недѣль до того назадъ, на предложеніе его, дабы, въ случаѣ продолженія войны, его величество принялъ на себя удержать короля Прусскаго отъ всякаго содѣйствія Французамъ, не требуя уже отъ Россіи иной помощи, со стороны его величества сдѣлана была согласная тому отповѣдь, и какъ въ Берлинѣ учинены были весьма ясныя и сильныя внушенія, такъ и самые переговоры, у графа Панина съ г. Кальяромъ бывшіе, остановлены. Можно ли было за таковою на миръ рѣшимостію императора Римскаго оказать свое сопротивленіе, когда Австрійскій дворъ, не говоря уже о разныхъ по Нѣмецкой землѣ несходственныхъ настоящему времени распоряженіяхъ, навлекъ намъ собственно немалую заботу, доставляя Французамъ удобность владычествовать надъ Портою и ею намъ наносить вредъ при всякомъ случаѣ? По сему уваженію, благоразуміе требовало, чтобъ мы отвѣтъ нашъ Вѣнскому двору ограничили въ слѣдующей силѣ: что если его Римско-императорское величество предпочелъ для своей безопасности ускорить миромъ съ Французами, то государь императоръ, и по человѣколюбію, съ каковымъ отъ начала своего царствованія преподавалъ совѣты къ прекращенію настоящей пагубной войны, и по особливому доброхотству къ союзнику своему, желаетъ только, дабы миръ сей содѣлался прочнымъ и слѣдствія условій его не влекли съ собою новыхъ безпокойствъ; что дружескія нашего двора расположенія извѣстны наипаче изъ прекращенія собственныхъ нашихъ переговоровъ съ Франціею и изъ послѣднихъ сильныхъ внушеній, въ Берлинѣ сдѣланныхъ, для отвращенія короля Прусскаго отъ подкрѣпленія Французовъ противъ императора и противу цѣлости Германской имперіи, въ сохраненіи коея императоръ казался съ нами единомышленнымъ; что теперь остается ожидать на назначенномъ между интересованными конгресѣ общей развязки, дабы дальнѣйшіе поступки свои государь императоръ могъ учредить, какъ то до-

стоинство его востребуетъ; что между тѣмъ, по тѣсной дружбѣ съ императоромъ и по сходству взаимныхъ интересовъ, не можетъ его величество не учинить ему примѣчанія, коль невыгодно для обоихъ союзниковъ нынѣшнее сосѣдство Французовъ съ Портою, когда первымъ дается полная удобность употребить послѣднюю орудіемъ для своихъ вредныхъ замысловъ; что по сіе время одна изъ главныхъ цѣлей связи между двумя императорскими дворами была удерживать Турковъ въ предѣлахъ и обезпечить цѣлость владѣній своихъ взаимнымъ гарантированіемъ; что его величество, конечно, удаленъ отъ всякихъ притязаній, кои могли бы дать поводъ къ отстудѣ съ Портою, ограничивая всѣ свои къ ней отношенія въ простомъ исполненіи договоровъ и являя ей во всемъ пріязнь; но, что ежели бы, паче чаянія, сія держава, обольщенная или устрашенная Французами, рѣшилась, съ помощію ихъ, на непріязненныя противу Россіи дѣйствія, въ такомъ случаѣ его величество, надѣясь на добрую вѣру союзника своего въ исполненіи обязательства, кое дядя, родитель его и онъ самъ на себя воспріяли, ожидаетъ отъ него и связи, и удостовѣренія, что въ отраженіи подобныхъ непріятельскихъ покушеній составитъ онъ общее дѣло и при настояніи случая предъявитъ такое же расположеніе, какъ государь императоръ сдѣлалъ равное объявленіе въ Берлинѣ въ пользу Вѣнскаго двора. Сіе есть истинное существо нашего отвѣта, и мы надѣемся, что Лондонскій дворъ не найдетъ тутъ ничего, что̀ бы съ доброю вѣрою и съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ не согласовало“ [551]).

Въ это самое время потребовались труды Безбородки и по дѣламъ Польши. Развѣнчанный король Станиславъ-Августъ особенно былъ близокъ къ Безбородкѣ, который познакомился съ нимъ во время Крымскаго путешествія Екатерины [въ первыхъ числахъ марта 1787 года, въ Хвостовѣ]. Король питалъ къ Безбородкѣ „уваженіе и довѣрялъ ему больше, чѣмъ другимъ Русскимъ вельможамъ“. Въ Запискахъ своихъ онъ оставилъ воспоминаніе о гостепріимствѣ князя Безбородки, у котораго онъ обѣдалъ. „15 декабря 1797 года король былъ на обѣдѣ у князя Безбородки. Чрезвычайная пышность! Воображеніе повара, который, между прочимъ, приготовилъ и славную Сарданапалову бомбу съ эпикуровымъ соусомъ, изобрѣтенную кухмистеромъ Фридриха II, истощило все свое богатство. Подавали вина всякаго рода и самыя лучшія; вездѣ курились драгоцѣннѣйшія благовонія, и всѣ десертныя блюда накрыты были хрустальными колоколами, съ прекрасными Этрурскими фигурами здѣшней фабрики“ [552]).

Недолго прожилъ въ Россіи Польскій эксъ-король; онъ скончался отъ апоплексіи 12 февраля 1798 года въ Мраморномъ дворцѣ, оставивъ огромное число придворныхъ чиновъ и прислуги, неоплаченныхъ жало-

ваньемъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. По поводу этого обстоятельства, въ рескриптѣ на имя князей Безбородки и Куракина и барона Васильева, императоръ Павелъ выразилъ, между прочимъ: „Нашли мы сходственнымъ съ человѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ Станислава-Августа разныхъ чиновъ и служителей". Нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Понятовскаго Безбородко былъ занятъ разборомъ прошеній отъ чиновъ и служителей покойнаго короля, кои были подаваемы на имя государя, и по его повелѣнію препровождаемы къ князю-канцлеру. Вся же тяжесть этого дѣла легла на барона Васильева, который занималъ тогда должность государственнаго казначея. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, Безбородкѣ не суждено было увидѣть конецъ своихъ трудовъ по этому человѣколюбивому дѣлу императора Павла.

Труды по устройству дѣлъ покойнаго эксъ-короля Польскаго были щедро вознаграждены съ наступленіемъ весны 1798 года: 1-го марта, императоръ Павелъ пожаловалъ своему канцлеру „въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и состоящія при нихъ изъ числа Астраханскихъ ловель воды" [553]).

Синеморскими водами Безбородко владѣлъ съ 1785 года; тогда онѣ были отведены ему Астраханскою канцеляріею, по повелѣнію Екатерины, которая, въ видахъ заселенія края Русскими, раздавала земли многимъ сановникамъ, близкимъ къ князю Потемкину, „властителю Юга Россіи". Авторъ статьи „Объ Астраханскомъ и Каспійскомъ рыболовствѣ" говоритъ, что графъ Безбородко и князь Вяземскій были первыми помѣщиками Астраханскихъ ловель, которыя, какъ извѣстно, составляютъ неисчерпаемый источникъ богатства" [554]).

Но всѣ милости, дарованныя Безбородкѣ новымъ императоромъ, мало утѣшали князя, а какъ бы пугали его. Этотъ страхъ легко замѣчается въ письмахъ его къ графамъ Воронцовымъ. Къ старшему, за это время, т. е. въ началѣ 1798 года, въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца онъ писалъ: „Шведская свадьба здѣсь непріятна. Императоръ, казалося бы, взиралъ на нее равнодушно; но съ другой стороны его поджигаютъ. Мнѣ нѣсколько разъ императрица давала чувствовать, что я будтобы съ лишнею флегмою смотрю на сіе событіе. Вчера прислали меня спросить, какимъ образомъ дѣлается запрещеніе на вывозъ хлѣба въ Швецію. Я отвѣчалъ, что сіе дѣлается, когда по скудости или дороговизнѣ для всѣхъ запрещается, а частно одну націю сему подвергнуть нельзя, да они же могутъ получать и чрезъ третьи руки. Что выйдетъ,—не вѣдаю; но Адмиралтейству, сказываютъ, секретно велѣно пріуготовить гребной флотъ. Каменскому, который здѣсь налицо, сказаны также какія-то приказанія.

выйдутъ одни демонстраціи не къ времени и не у мѣста. Ежели хотятъ что либо подобное производить, то я жалѣю, что нѣтъ здѣсь Моркова, который бы въ семъ дѣлѣ удобнѣе меня могъ употребиться.

„Явился у насъ нѣкто Вутъ, вамъ, конечно, извѣстный коммиссіонеръ Гоповъ. Онъ свои дѣла хорошо дѣлаетъ, скупивъ всѣ долги на Полякахъ, да и Богъ съ нимъ; но вздумалъ насъ учить финансамъ, открывъ себѣ чрезъ графа Николая [Петровича Румянцова] доступъ у ея величества, а тѣмъ добился и къ государю; подалъ планы неудобные, напримѣръ: 1, фиксировать рубль серебряный въ 140 копѣекъ указомъ навсегда, хотя и теперь онъ дешевле; 2, умножить разработку мѣди и, выводя самый нелѣпый счетъ на милліонъ и двѣсти тысячъ пудовъ, когда нынѣ только выдѣлывается 160,000 пудовъ, обѣщаетъ симъ способомъ реализировать всѣ полтораста милліоновъ бумагъ; 3, учитъ, какъ дѣлать тарифы и, напавъ на Англійское пиво и дѣланный сахаръ, чуть ли не сими двумя пунктами ограничиваетъ свою науку; 4, говоритъ, чтобъ заплатить внутренніе долги, хотя прибавя еще бумагъ; 5, совѣтуетъ старыя ассигнаціи обмѣнить на новыя, дабы узнать ихъ прямое число, и прочее весьма неважное и мало сообразное. Баронъ Васильевъ не былъ съ нимъ согласенъ, и по моему несчастію навязалъ мнѣ сего человѣка. Я возразилъ на многіе его проекты и видѣлъ, что государь имѣетъ довольно чистое понятіе о вещахъ, до финансовъ касающихся, кромѣ предубѣжденій нѣкоторыхъ. Намъ съ Вутомъ дано было преніе предъ императоромъ и императрицею. Кажется, что я удержу отъ всякихъ мѣръ несообразныхъ; но ея величество недовольна, что я не понимаю пользъ, г. Вутомъ предлагаемыхъ. Вообще она меня хотя очень хорошо трактуетъ, но не столько имѣетъ прежней intimité. Я всему сему очень радъ, лишь бы она употребила свою инфлюенцію на испрошеніе мнѣ свободы. Сей Вутъ есть весьма маленькій человѣкъ въ сравненіи Сенполя, а совершенное ничто въ разсужденіи, какъ мы знали покойнаго Шувалова, когда онъ еще меньше блажилъ". Въ письмѣ, отъ 24-го января, князь писалъ: „Свидѣтеля всему, здѣсь происходящему, ваше сіятельство въ рукахъ своихъ имѣете. Онъ нѣсколько подозрителенъ, потому что прежнимъ временемъ слишкомъ былъ недоволенъ, а теперь не въ накладѣ остался; но вамъ не трудно будетъ соображеніемъ постигнуть вещи въ прямомъ ихъ видѣ.

„Кочубей попался было въ непріятное положеніе. Охота говорить правду и нѣсколько учить, общая ему съ графомъ Семеномъ Романовичемъ [Воронцовымъ], понудила его въ письмѣ ostensible сказать многое противу распоряженій или затрудненій въ полуденномъ краѣ, и о нуждѣ

имѣть человѣка съ властію, кредитомъ и умомъ для сего края. Я долженъ былъ его письмо показать, по собственному усильному настоянію. Огонь былъ большой, но когда со мною говорить стали, я его защищать не уклонился и тѣмъ нѣсколько сдѣлалъ и противу себя видъ холодности; жаль только, что она недолго осталася, а я уже было началъ учреждать свой планъ, какъ убраться, въ чемъ я не слѣдовалъ бы ни графу Ивану Андреевичу [Остерману], ни графу Николаю Ивановичу [Салтыкову], которымъ всегда лучше казалось быть высланнымъ, чѣмъ самимъ выйдти.

„Вице-канцлеръ [князь А. Б. Куракинъ] нашъ также попался въ нѣкоторой родъ неудовольствія, пустившись слишкомъ въ разговоры и внушенія съ Прусскимъ министромъ. Ему сдѣлано строгое подтвержденіе говорить о чемъ либо. Онъ рѣшился проситься прочь, далъ мнѣ на руки письмо; но кажется, что оно не пойдетъ въ дѣло, ибо когда императрица хотѣла о семъ предварить, то сказано, чтобъ онъ оставался въ своемъ мѣстѣ непремѣнно. Я бы и радъ тому былъ, если бы не нашла на него великая охота возобновить дѣдушкину сѣверную систему, что у насъ не слишкомъ желаютъ, развѣ тогда, когда увидимъ, что уже Вѣнскій дворъ совсѣмъ на другой сторонѣ. Вообще, по части политической наши отношенія идутъ изрядно, хотя и есть много скорости, и хотя работать некому, ибо во всей коллегіи пишутъ Лошкаревъ, да я.

„По внутреннимъ дѣламъ вы вѣдаете все происшедшее. Генералъ-прокуроръ имѣетъ обычай и тѣмъ угождать, чтобъ проектъ за проектомъ выдавать, хотя и выходятъ иногда большія несообразности. Я слышу, что банковое учрежденіе онъ хочетъ поправлять, а не знаю какъ. Вутъ сдѣлался настоящимъ учителемъ въ матеріи финансовъ, и съ нимъ борется одинъ только человѣкъ честный и твердый, баронъ Васильевъ. Я думаю, что этотъ Вутъ насъ далеко заведетъ, а самъ въ накладѣ не останется. О деревнѣ графа Бутурлина поручилъ я Осипу Степановичу [Судіенко] съ вами согласиться". Къ графу С. Р. Воронцову князь Безбородко писалъ 19-го марта, 1798 года: „Пользуясь возвращеніемъ въ Лондонъ курьера г. Витворта, чтобъ увѣдомить ваше сіятельство кратко, что Вѣнскій дворъ, вступая съ Берлинскимъ въ безпосредственное сношеніе по настоящимъ дѣламъ, хотя основанное, впрочемъ, на той недовѣренности и зависти, которыя оба сіи двора не покидаютъ взаимно даже и тогда, когда ихъ цѣлость требовала бы хотя на сіе время откровеннѣйшаго и дружественнѣйшаго поведенія,—предложилъ Прусскому двору окончить ихъ недоразумѣнія подъ медіаціею его императорскаго величества. Предложеніе сіе у насъ принято съ удовольствіемъ. Его величество ожидаетъ

только равнаго отзыва отъ короля Прусскаго, а между тѣмъ пріуготовляются нужныя инструкціи, чтобъ дѣло сіе производить и доводить къ желаемому концу въ Берлинѣ для отвращенія медленности и для скорѣйшаго уличенія и уничтоженія всякихъ затѣй, коихъ, по образу мыслей наглаго г. Гогвица [Гаугвица], нельзя не ожидать. Съ нашей стороны, не на семъ одномъ ограничится негоціація. Мы совершенно согласны съ Лондонскимъ дворомъ въ томъ, что надобно, да и время, положить преграду дальнѣйшимъ Французскимъ замысламъ. Берлинскій дворъ отозвался, хотя не очень ясно, ощущая таковую же пользу и нужду новаго соединенія между разными державами; но въ переговорахъ о взаимныхъ у него спорахъ, до индемнизаціи касающихся или, лучше сказать, до захвата чужаго, станемъ мы настоять, чтобы между имперіей Всероссійскою, короною Великобританскою, обоими нашими союзниками на твердой землѣ, пріобща къ тому и Данію (въ разсужденіи Зунда, для насъ важную), заключенъ былъ союзъ, на правахъ оборонительныхъ основанный, и къ тому клонящійся, чтобъ по крайней мѣрѣ сохранить державы въ цѣлости ихъ мѣрами надежными. По волѣ государевой сказано отъ меня о сей матеріи въ довѣренности г. Витворту. Но что касается до требованной на сей разъ помощи противу десанта Французскаго, ваше сіятельство сами признаете, что тѣ же настоятъ происшествія и тѣ же собственную нашу безопасность интересующія уваженія; наипаче же когда мы видимъ, что Франція уступкою Венеціанскихъ береговъ получаетъ вящшую удобность распоряжать Турками и ихъ подкрѣплять и что она нимало не теряетъ изъ виду возмущать Поляковъ.

„Что касается до существа инструкціи на негоціацію, между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами будущую, я могу въ крайней довѣренности сказать вашему сіятельству, что мы всему предпочтительнѣе желали бы, дабы отвращены были всякія притязанія обоихъ ихъ на счетъ Нѣмецкой земли, оставляя въ ней и внутреннюю цѣлость всѣхъ владѣній; да и можно бы королю Прусскому согласиться, получая ни за что удовлетвореніе прещедрое въ раздѣлѣ Польскомъ. Вѣнскій дворъ также бы съ Ляхова, какъ говорятъ, торгу могъ бы удовольствоваться хотя и несоразмѣрными пріобрѣтеніями въ Италіи; а еще бы лучше сдѣлалъ, еслибъ, въ замѣну замашекъ своихъ на Германію, уговорилъ Французовъ оставить въ его пользу острова Корфу съ товарищи. Но трудно на сіе надѣяться. Въ такомъ случаѣ наше дѣло будетъ, чтобъ они сколько можно меньше брали и сколько можно менѣе разрушали существованіе нынѣшнихъ вещей. Не легко, конечно, будетъ намъ успѣвать, но мы

имѣемъ надежду на самую необходимость, которая убѣдитъ обоихъ союзниковъ нашихъ предпочесть мирное распоряженіе новой ссорѣ.

„Здоровье мое худо и отъ дня въ день оказываетъ признаки старости и упадка силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Ожидаю нетерпѣливо пріѣзда моего племянника [В. П. Кочубея, изъ Константинополя], чтобъ онъ могъ пособить мнѣ въ дѣлахъ, которыя на силу отправляю. При томъ хочется остатокъ вѣка пожить для себя въ старой столицѣ, къ которой я имѣю большую предилекцію. Прощайте, живите спокойно и здорово; сохраните ко мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ непоколебимости моей къ вамъ преданности“ 555).

Къ описываемому времени относится участіе Безбородки и въ генеральныхъ собраніяхъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Еще съ 1793 года онъ числился „почетнымъ благотворителемъ“, а потому и былъ приглашаемъ на генеральныя собранія Совѣта, происходившія 20-го марта и 1-го апрѣля 1798 года, когда обсуждалось дѣло Московскаго купца Ларина. По украденнымъ у Ларина билетамъ Совѣтъ „ошибочно“ выдалъ г-жѣ Цыгоровой 80,000 руб. Изъ всеподданнѣйшаго доклада „генеральнаго собранія“, представленнаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, видно, что 10-ть голосовъ, въ томъ числѣ и князь Безбородко „усматривали въ этомъ дѣлѣ подлогъ и ошибку“, а потому и полагали: изслѣдовать предварительно подлогъ и имѣніе виновныхъ взять въ казну, и если его „недостаточно на удовлетвореніе Воспитательнаго Дома, тогда обратиться уже къ положенію дѣла, въ ошибкѣ заключающагося“. Два противные голоса полагали, „что выданныя по билетамъ вкладчика Ларина деньги должно взыскать съ тѣхъ, которые опредѣленіе о выдачѣ оныхъ подписали“. Собраніе рѣшило вопросъ по большинству голосовъ, и 9-го апрѣля докладъ его, подписанный 12-ю лицами,—между которыми Безбородко подписался вторымъ,—послѣ графа Сиверса, представленъ императору Павлу. Государь повелѣлъ поступить согласно съ представленіемъ большинства голосовъ „генеральнаго собранія“. До окончанія этого процесса, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, Безбородко не дожилъ 556).

Съ наступленіемъ лѣта, Безбородко, по волѣ императора, отправился въ Москву, о чемъ онъ и писалъ 1-го мая къ своей матери. Сказавъ предварительно, что „никакимъ образомъ не можно было пристроить къ мѣсту сына Ивана Васильевича Городинскаго“, который просрочилъ отпускомъ и чрезъ то потерялъ право „на опредѣленіе къ дѣлу“, и обѣщавъ ей отыскать „время и случай къ тому удобный“, Безбородко продолжаетъ: „Его величество, отправляяся въ Москву и Казань, повелѣть изволилъ мнѣ, чтобъ я за три дня въ Москву отправился и тамъ для

близости остался, покуда государь изъ Казани въ Ярославль прибудетъ, а тамъ поспѣшилъ бы къ его возвращенію въ Петербургъ; посему я завтра ѣду и надѣюся сюда обратно чрезъ шесть недѣль быть". Въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову находимъ большія подробности. „Изъ отправленія сегодняшняго ваше сіятельство увидите готовность нашу на помощь. Морская не умедлитъ отправиться, сухопутная хотя также готовится, но вы сами знаете, что тутъ еще предлежатъ два уваженія, первое, чтобъ удостовѣриться если и не въ полномъ содѣйствіи короля Прусскаго, такъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не пойдетъ противъ коалиціи; второе, что мы имѣя людей не можемъ безъ довольныхъ пособій дѣйствовать далѣе предѣловъ нашихъ. Пространнѣе о семъ изъяснимся, когда время настанетъ; а между тѣмъ стараемся въ Берлинѣ убѣждать въ необходимости скораго принятія мира. Его императорское величество, въ Среду, то-есть, 5-го мая, изволитъ ѣхать въ Москву и Казань, а оттуда, чрезъ Ярославль, къ 15-му іюня возвратится въ столицу здѣшнюю. Государю угодно было, чтобы я, по моему разстроенному здоровью, отъѣхалъ прежде въ Москву и потомъ, до пріѣзда его въ Ярославъ, остался тамъ, получая всѣ дѣла и къ нему пересылая, а къ 15-му іюня воротился сюда. Я радъ, что увижу графа Александра Романовича, къ которому нарочно поѣду. Воспользуюся также симъ временемъ, чтобы заложить новый домъ въ Москвѣ на прекрасномъ и первомъ въ Москвѣ мѣстѣ, въ концѣ Воронцовскаго поля, на Яузѣ, у самаго Бѣлаго города лежащемъ, которое досталъ отъ княгини Хованской покойный князь Потемкинъ, а послѣ его купила блаженныя памяти императрица. Везу съ собою Гваренги, сочинившаго огромный планъ. Дай Богъ прежде сооруженія дома получить покой и свободу самому смотрѣть за строеніемъ и всѣми дѣлами своими" [567]).

Еще за годъ до закладки дома на мѣстѣ, пожалованномъ императоромъ Павломъ, князь Безбородко писалъ о предположеніяхъ своихъ по постройкѣ дома графу А. Р. Воронцову: „Домъ я располагаюся строить, и самый огромный, которому Гваренги и планъ уже сдѣлалъ; и собирался уже велѣть подряжать матеріалы, чтобъ зимою ихъ свозить; но вдругъ случилося, что Николай Никитичъ Демидовъ предложилъ мнѣ свой домъ, обѣщая весьма сходною уступить цѣною. Я жду описи и плана. Для меня онъ былъ бы всего сходнѣе: 1, что тутъ есть садъ, для разведенія коего потребенъ вѣкъ моего длиннѣе; прикупя же къ нему мѣсто графа Разумовскаго, я могу цѣлой паркъ устроить, привыкши жить хорошо; 2, что, надстроя этажъ большой или парадной надъ домомъ, въ два года буду я имѣть то, чего бы мнѣ тамъ лѣтъ шесть ожидать, а между тѣмъ

есть гдѣ поселиться на первое время; 3, что близко васъ, и 4, что починка и перестройка сія дешевле новаго будетъ стоить". Страсть къ колосальнымъ постройкамъ и неудобства, оказавшіяся въ домѣ Демидова, убѣдили князя Безбородку приступить къ новой постройкѣ. Въ концѣ ноября мѣсяца, онъ вновь извѣщалъ графа А. Р. Воронцова: „Демидова домъ никакъ мнѣ не показался, ибо развѣ сломать его, да вновь строить. Я рѣшился пуститься на новое зданіе, которое, по крайней мѣрѣ, потомству покажетъ, что въ нашъ вѣкъ и въ нашей землѣ знали вкусъ. Весною его начнутъ" [558]).

Объ этомъ „огромномъ планѣ" необходимо сказать нѣсколько словъ. Онъ справедливо можетъ быть названъ „великолѣпно-роскошнымъ". Безбородко былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ изящнаго и однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ любителей комфорта. Джіакомо Гваренги былъ также однимъ изъ даровитѣйшихъ того времени художниковъ-архитекторовъ. Талантливый артистъ вполнѣ уловилъ утонченныя желанія князя и въ своемъ планѣ удачно совмѣстилъ блескъ, достойный неизмѣримаго богатства и совершеннѣйшаго вкуса, и удобства, требуемыя самою взыскательною и вмѣстѣ самою покойною семейною жизнію. Гваренги начертилъ великолѣпныя гостиныя, залы, скульптурную и картинную галлерею, нумизматическій кабинетъ, библіотеку, театръ, и даже указалъ на то, что̀ должно было находиться въ домѣ по требованіямъ вкуса и роскоши. Домъ спланированъ былъ двухъ-этажный, съ огромнымъ садомъ и съ 25-ю жилыми покоями въ каждомъ изъ обоихъ этажей. Какъ на образчикъ того совершенства, какимъ обладало артистическое произведеніе Гваренги, достаточно указать на развалины, которыми предполагалось украсить садъ. Онѣ представляютъ не грубый видъ гротовъ, въ какомъ обыкновенно воспроизводили ихъ архитекторы того времени, а настоящія классическія руины въ Греческомъ и Римскомъ стилѣ. Смерть Безбородки прекратила работы по возведенію дома, когда еще не былъ оконченъ даже фундаментъ къ нему, и я былъ бы лишенъ всякой возможности сообщить что либо о предположенномъ для дома планѣ, если бы копіи съ его рисунковъ не были изданы впослѣдствіи, въ Миланѣ, почитателями архитектора Гваренги [559]). Достаточно всмотрѣться въ изданные рисунки Гваренгинскаго плана, чтобы заключить о величіи и красотѣ зданія, которое, если бы было создано, несомнѣнно сдѣлалось-бы памятникомъ, достойнымъ изученія.

Въ Москву князь Безбородко выѣхалъ изъ Петербурга 2-го мая 1798 года. Въ концѣ того же мѣсяца, 29 числа, князь „сожалѣя сердечно", что при настоящей бытности въ Москвѣ не могъ видѣть графа А. Р.

Воронцова, писалъ ему: „Причиною тому отчасти сильные знои, которые съ нуждою переношу, такъ что и возвратный мой путь учреждаю по часамъ, гдѣ будетъ меньше дѣйствіе солнечное; отчасти же, что, почитая меня мало способнымъ къ дальнимъ вояжамъ, въ томъ видѣ и въ Москвѣ оставили, и могли бы причесть, что я нарочно уклонился отъ путешествія изъ одной лѣни, когда по той же дорогѣ въ оба пути до 300 верстъ сдѣлалъ.

„Графъ Петръ Васильевичъ [Завадовскій] мнѣ изъяснялъ свое желаніе [выдти въ отставку]. Императрица весьма не охотно о семъ слышитъ. Е. И. Нелидова тоже мнѣ говорила. Я знаю, что нѣтъ большой пріятности продолжать службу, когда она не въ пользу государству. Его при томъ тяготятъ и домашнія обстоятельства: графиня его ведетъ себя такъ, что при его нравѣ и правилахъ удивительно, какъ онъ сіе переноситъ. Естьли онъ прямо и твердо рѣшился, то я угодное ему сдѣлаю, употребя сперва у императрицы настояніе, а потомъ и далѣе шагъ учиню; тоже самое скажу и о Дмитріѣ Прокофьевичѣ [Трощинскомъ]. Видно, что мнѣ остаться надобно на нѣсколько времени изолированнымъ, но дай Богъ только не надолго; ибо я чувствую, что мнѣ всякій трудъ уже несносенъ, да и вы меня знаете, слѣдовательно увѣрены, что я никакой цѣны не привязываю къ мнимой значимости, предпочитая всему на свѣтѣ жизнь праздную, только не уединенную. Я было располагалъ столкнуть съ рукъ почтовый департаментъ, поставя Дмитрія Прокофьевича [Трощинскаго] въ немъ президентомъ; но какъ онъ теперь о семъ уже и слышать не хочетъ, я приложу стараніе, чтобъ племянникъ мой получилъ сіе мѣсто; не по иному виду, а только чтобъ нашелся человѣкъ меня замѣнить и свободить изъ неволи. Желалъ бы я, чтобъ онъ такъ понравился, чтобъ ему ежели не мѣсто мое, такъ, по крайней мѣрѣ, работа моя досталася, чѣмъ и ласкалъ я себя; но теперь имѣю великое сомнѣніе. Онъ немного слишкомъ смѣло представлялъ вещи въ своемъ видѣ, за что на него и посердилися, да, кажется, и теперь импрессія остается; ибо находятъ, что онъ очень prolixe, а Тамара короче, то есть какъ я, что и вѣкъ бы не писалъ. Прибавьте къ тому, что Обрѣсковъ, зазнавшися и думая быть универсальнымъ человѣкомъ, боится его имѣть близко и радъ ему вредить, какъ онъ не мало показалъ свои расположенія и въ разсужденіи Дмитрія Прокофьевича, ему прямо благотворившаго. На дорогѣ у него стоитъ графъ Сергѣй Петровичъ [Румянцовъ], котораго вы совсѣмъ инако цѣните, нежели графъ Петръ Васильевичъ [Завадовскій], а я и на дѣлѣ испыталъ, когда по отбытіи графа Панина, оставя ему всѣ дѣла, принужденъ былъ все пе-

редѣлывать самъ. Еще надобно прибавить, что хотя нашъ вице-канцлеръ не меньше моего желалъ бы выйдти изъ дѣлъ, но у него братъ, который всѣми рессорами держать его усиливается; и многое, сверхъ того, постороннее тутъ встрѣчается. Лишь бы дѣло обошлося безъ войны, а я не перестану караулить, какъ выйти или уйти. Кочубея ожидаю въ Воскресенье. Онъ отпущенъ изъ Царяграда съ большимъ отличіемъ. Послѣ отпускной визиты, на другой день, султанъ прислалъ свой имянной рескриптъ къ визирю, что какъ Россійскій министръ поведеніемъ своимъ и стараніями о сохраненіи дружбы и добраго согласія между обоими имперіями заслужилъ особое уваженіе, для того вручить ему чрезъ рейсъ-ефендія табакерку съ вензелемъ имени султанскаго, на память, какъ даръ султанскій; при чемъ рейсъ-ефендій объявилъ ему, что имъ извѣстенъ обычай Европейскій отличать знатнѣйшихъ министровъ портретами государскими, но поелику сіе противно закону Магометанскому, не терпящему живописи лицъ, для того замѣняется портретъ вензелемъ, который у нихъ самою вышнею честію и нечѣмъ священнымъ почитается. Капитанъ-паша, самый сильный фаворитъ, съѣхавшися съ нимъ въ Балканахъ, въ лагерѣ, удержалъ его сутки, уговаривалъ остаться въ его квартирѣ при атакѣ Видина и въ немъ запершагося Пазванъ-Оглу, отъ чего онъ уклонился по политическимъ уваженіямъ. Онъ очень хорошо кончилъ свою миссію.

„Изволите меня спрашивать о Беклешевѣ. Сей достойный человѣкъ пользовался кредитомъ не малое время. Большимъ усердіемъ потерялъ его. Причли ему въ вину, будто бы онъ хочетъ учить и вразумлять. Приписали въ непристойность, что онъ, доставляя вѣдомость о бѣжавшихъ, взялъ эпохою къ тому введеніе устава. Жаль, что его потеряли. Онъ кромѣ военной службы былъ бы лучшій генералъ-прокуроръ и на многое годился бы.

„Баловъ здѣсь довольно, въ томъ числѣ и я даю одинъ 7-го іюня на моемъ мѣстѣ въ построенныхъ изъ досокъ и палатокъ галереяхъ и залахъ, закладывая въ тотъ день новый домъ, который будетъ мнѣ служить самымъ пріятнымъ упражненіемъ, а когда свершить удастся, то останется славнымъ зданіемъ. Я скупилъ всѣ мѣста и имѣю болѣе 20 десятинъ земли. Домъ будетъ на 80 саженяхъ длины, 15 глубины, а съ флигилемъ на 40 саженяхъ ширины, съ садомъ регулярнымъ передъ домомъ и англійскимъ къ низу. Одно сіе строеніе замѣняетъ непріятности моихъ прочихъ упражненій.

„Въ Берлинѣ негоціація частію идетъ успѣшно, ибо оба двора согласилися не требовать для себя ничего изъ Германіи; епископства тѣ

только упразднить, кои нужны для составленія или замѣны духовныхъ курфиршествъ, и словомъ оба они довольно безкорыстны; но другая часть негоціаціи, касающаяся до коалиціи, идетъ худо. Берлинскій дворъ, или паче Гогвицъ, хотятъ оставаться нейтральными, а Французы не унимаются. Я увѣренъ, что они готовятъ экспедицію на Черное море, дабы заставить Турковъ или соединенно противу насъ дѣйствовать, или по крайней мѣрѣ самимъ навезти всякаго сброда и потомъ подать руку чрезъ Молдавію въ Польшу и противу насъ возбудить. Сіе послѣднее у нихъ крѣпко въ головѣ сидитъ. Вѣнскій дворъ намъ признался, что они ему предлагали, оставя себѣ свое первое пріобрѣтеніе, предположить корону Польскую эрцгерцогу Карлу съ женитьбою на принцессѣ Саксонской; а король Прусскій также говоритъ, что они ему оставляютъ все кромѣ Варшавы, отдѣля и отъ насъ что либо, лишь бы возставить Польшу. Мы ждемъ теперь отъ князя Репнина извѣстій пополнительныхъ. Съ Вѣнскимъ дворомъ мы довольно на хорошей ногѣ и лучше гораздо, чѣмъ съ Пруссаками. Кобенцель имѣетъ департаментъ ad interim, сохраняя и посольское жалованье и твердя намъ, что онъ, конечно, возвратится, да и не очень на свое дворское положеніе надеженъ" [560]).

Въ Москвѣ прожилъ князь Безбородко, какъ и предполагалъ, около двухъ мѣсяцевъ. Закладка дома, дѣйствительно, праздновалась 7-го іюня великолѣпно и закончилась фейерверкомъ, который воспѣтъ пѣвчимъ хора и Московскаго Уѣзднаго Суда регистраторомъ нѣкимъ Симскимъ. Онъ въ „Акростихахъ" на этотъ случай выражается между прочимъ:

> Если князь здѣсь будетъ обитати,
> Какъ тѣнь, исчезнутъ всѣ несчастія съ бѣдами [561]).

Послѣднія четыре строчки „Стиховъ" выражаютъ тогдашнія чувства Москвичей къ князю Безбородкѣ:

> Какъ огнь стремится вверхъ къ началу всѣхъ красотъ:
> Такъ жители Москвы любовію стремятся
> Къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь! Стремленья-жъ прекратятся
> Тогда, какъ смерть дней ихъ косой нить пресѣчетъ.

Отпраздновавъ закладку дома, Безбородко, 9-го іюня, отправился обратно въ Петербургъ и вскорѣ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего племянника и воспитанника В. П. Кочубея, котораго онъ представилъ императору Павлу въ Павловскѣ. Объ этомъ представленіи онъ писалъ къ своей матери: „Вчера, то есть 13-го іюня, по утру благополучно прибылъ я въ Павловскъ, гдѣ ихъ императорскія величества до Петрова дня

пребыванія имѣть изволятъ. Викторъ Павловичъ, по дозволенію государскому, сегодня по утру изъ Петербурга сюда пріѣхалъ и удостоился весьма милостиваго и отличнаго пріема. Его величество приказалъ ему на нѣсколько дней здѣсь остаться" [562]). Въ разговорахъ съ Кочубеемъ императоръ Павелъ выражалъ ему желаніе сблизить его съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Приглашая за тѣмъ Кочубея часто бывать у великаго князя, императоръ Павелъ повторилъ ему, „что онъ желаетъ, чтобы онъ былъ у великаго князя то, что и у него князь Безбородко, и что, такимъ образомъ, намъ слѣдовало бы составить une espèce de quatuor" [нѣчто въ родѣ квартета]. Кстати упомянемъ здѣсь, что племянникъ Кочубей привезъ своему дядѣ изъ Турціи портфель, краснаго сафьяна, борты его вышиты золотомъ; на верхней его сторонѣ, подъ крышкою, вышито также золотомъ: Constantinople, 1798, а на нижней вышита буква B, подъ княжескою короною, помѣщенная въ медаліонѣ. Портфель этотъ принесенъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ Н. В. Кристлибомъ [563]).

Пріѣздъ племянника Кочубея, нѣтъ сомнѣнія, радовалъ князя Безбородку; онъ видѣлъ въ немъ дѣятельнаго и вѣрнаго помощника себѣ. Какъ ни благодаренъ былъ Безбородко императору Павлу за новый знакъ милости къ его питомцу, но изъ послѣдующихъ писемъ князя замѣтно, что онъ все болѣе тяготился службою и искалъ покоя. Къ графу А. Р. Воронцову, 2-го іюля, изъ Петергофа, князь Безбородко писалъ: „Благодарю вашему сіятельству за участіе, пріемлемое въ моемъ здоровьѣ, вѣдая, что вы то дѣлаете по истинной и непремѣнной ко мнѣ дружбѣ. Болѣзнь моя, которую считать надобно съ октября прошлаго года, умноженная чувствительностію, происшедшею въ ноябрѣ, потомъ Московскимъ пребываніемъ и, наконецъ, до конца доведенная послѣднимъ путешествіемъ, хотя и оставила меня, но такъ разстроила, что я въ себя прійдти не могу, продолжая пресильныя лѣченія, и попеременно, то въ рукахъ, то въ ногахъ, боль чувствуя, особливо въ первыхъ до того, что инако и писать уже не могу, какъ дрожащею рукою. Такое положеніе здоровья, натурально имѣющее вліяніе и надъ душевными способностями, выводитъ меня изъ состоянія быть полезнымъ для службы, такъ что я ни о чемъ иномъ не мыслю, какъ дождаться весны и поѣздки государевой въ Москву и опять по дивизіямъ, а тутъ и проситься на покой. Я увѣренъ, что вы одобрите мое намѣреніе, и хотя мы въ образѣ жизни не всегда и не во всемъ согласны, но, конечно, признаете, что я, живучи погородски въ Москвѣ, веселѣе, покойнѣе и здоровѣе проживу остатокъ вѣка своего, чѣмъ оставаться въ столицѣ здѣшней въ дѣлахъ,

въ которыхъ я кромѣ безполезной для самыхъ дѣлъ заботы для себя [ничего иного] не предвижу, и, конечно, полезнымъ быть не могу.

„Я ничего почти новаго вамъ сообщить не нахожу со стороны нашей политики. Австрійцы всегда отъ насъ много требуютъ, какъ то и въ прежнее время бывало, декларацій, угрозъ, демонстрацій и самыхъ дѣйствій. Вы, конечно скажете, что намъ нѣтъ ни нужды, ни прибыли на то соглашаться; но я желалъ бы, чтобъ ихъ отдѣлывали colle belle parole, а не съ сердцемъ. Между прочимъ требовали они, сами помирившися, чтобъ мы не сближалися съ Французами, представляя, что нашъ разрывъ для насъ не опасенъ; но сами видятъ, что на ихъ границѣ духъ мятежа Польскаго уже очутился. Недовольные Поляки, въ Молдавіи и Хотинскомъ уѣздѣ живущіе, уже нѣсколько покушеній на Буковину сдѣлали и болѣе скопляются и вооружаются. У Турковъ въ Болгаріи и Босніи есть много ушедшихъ Поляковъ. Между сими и тѣми, что у Бонапарта въ арміи легіонъ Польскій составляютъ, имѣется сношеніе. Что изъ сего выйдетъ—мнѣ вамъ нѣтъ нужды объяснять, и чѣмъ то можно отвратить инымъ, какъ не миромъ съ Франціею, которая сама того ищетъ, и въ Копенгагенѣ уполномочила Гривеса войти въ переговоры съ нашимъ министромъ? Не сдѣлавъ сего мира, я боюся, что Польша возставится; да и какъ по акту инсургенціи, вновь въ Молдавіи сдѣланному, полагаютъ они равенство и правила Французскія основаніемъ, кто поручится, что и наши порубежныя провинціи (я разумѣю мѣщанство и чернь, а отчасти и мелкое дворянство) къ тому не пристанутъ? Вотъ и конецъ всему. Для сего я настоялъ, чтобъ, посылая графа Панина въ Берлинъ, снабдить его полною мочью и самымъ проектомъ трактата съ республикою Французскою, тѣмъ паче что и вновь Берлинскій дворъ того настоятельно требуетъ по желанію самыхъ Французовъ. Сіе секретно и сдѣлано; авось либо Богъ дастъ мнѣ подъ конецъ министерства еще миромъ отвратить бурю, которая теперь была бы гораздо посильнѣе.

„Впрочемъ, по образу какъ теперь идутъ дѣла политическія (а во внутреннія я вовсе не мѣшаюся) можетъ всякъ департаментомъ править; но вѣрьте, что я не отъ персональныхъ какихъ либо уваженій сбираюся прочь, ибо мнѣ, принаравливая по прежнимъ примѣрамъ, какъ вы иногда меня и бранивали, весьма бы легко было оставаться и еще съ прибылью для себя; истинно, однакожъ, разслабленіе и ощущеніе, что не могу быть полезнымъ для службы, суть главныя причины моей рѣшимости. Когда же мнѣ удастся однажды достигнуть до цѣли моей, то вѣрьте, что я не похожъ буду ни на графа Остермана, ни на графа

Самойлова, которые никакъ не привыкаютъ быть людьми приватными; я весьма обживуся внѣ двора, къ которому я всегда не прилѣплялся". Въ особой припискѣ, князь Безбородко дополнилъ: „Перепугался было я за графа Семена Романовича [Воронцова], когда онъ за имяннымъ указомъ удержалъ Макарова съ эскадрою при адмиралѣ Дунканѣ по причинѣ мятежа; но послѣ обрадовался, получивъ извѣстіе больной, что дѣло хорошо съ рукъ сошло, и еще похвалили. Я думаю, миръ обойдется и безъ конгреса, да и безъ медіаціи. Должно отдать справедливость государю, что онъ за сею пустою честью не гоняется. Намъ покой всего нужнѣе".

Черезъ мѣсяцъ, 29-го іюля въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, князь Безбородко выражалъ, что леченіе не помогаетъ его болѣзни при дѣлахъ и занятіяхъ и ищетъ спасенія въ „покоѣ моральномъ и физическомъ". „Отправивъ недавно вашему сіятельству одного курьера, спѣшу теперь послать и другаго. Содержаніе депешъ, съ нимъ слѣдующихъ, безъ сомнѣнія будетъ пріятно двору тамошнему и послужитъ къ вящщему утвержденію связи самой свойственной. Ничего новаго не нахожу дополнить со стороны политики, кромѣ что Турки, утѣсняемые бунтомъ Пазванъ-Оглу, который весьма не шутка, и бывъ устрашены затѣями Французскими, приступаютъ къ намъ съ настояніями о союзѣ съ приступленіемъ Англіи и Пруссіи. Мы не откажемся ее вовлечь въ нашу систему, но послѣдняя держава ни для насъ, ни для нихъ ненадежна. Затѣмъ требуютъ помощи. Мы и сію дать не отречемся, ежели они согласятся флотъ нашъ Черноморскій на настоящій разъ и на войну пропустить изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно въ Черное; а на такой случай вице-адмиралъ Ушаковъ имѣетъ запасное повелѣніе идти съ 14-ю кораблями, кромѣ меньшихъ судовъ, чрезъ каналъ и Дарданеллы и дѣйствовать по условію съ Турками. Ежели нашъ Черноморскій флотъ очутится въ Архипелагѣ, а Англійскій также будетъ съ нами въ Средиземномъ морѣ, тогда, конечно, рѣшительная поверхность будетъ на сторонѣ нашей, а дальнія слѣдствія во вредъ Французовъ, кои могутъ ли выдти изъ подобнаго положенія, ваше сіятельство сами лучше объемлете. Не смотря на прилежное лѣченіе, столь худо успѣваю, что долженъ терять надежду оправиться совершенно, развѣ покой моральный и физическій тутъ присоединится. Прощайте и сохраните дружбу къ человѣку, искренно намъ преданному". [564]). Не смотря на болѣзнь свою, видимо развивавшуюся, князь Безбородко не оставлялъ дѣлъ и ревностно трудился по сношенію съ нашими дипломатами, находящимися при иностранныхъ дворахъ. Три знаменательныхъ письма отправилъ онъ, 14-го и 30-го іюля и 15-го августа, къ графу Панину. Въ первомъ письмѣ, князь, посылая

копію съ рескрипта князю Репнину, писалъ: „Считая, что князь Николай Васильевичъ [Репнинъ] до полученія сего отъѣхалъ въ Вѣну, отправилъ я къ нему оригинальное письмо его императорскаго величества, но въ запасъ, на случай буде бы онъ еще оставался въ Берлинѣ, по волѣ государевой, прилагаю здѣсь точную копію, дабы ваше сіятельство могли собственно для себя вѣдать содержаніе его и самую ту копію вручить его сіятельству.

„Рѣшимость наша вамъ извѣстна будетъ изъ сегодняшняго отправленія, а я дополню только, что съ настоящимъ курьеромъ, котораго прошу нимало не задержать, отправляется рескриптъ къ графу Семену Романовичу [Воронцову] въ Лондонѣ, о внушеніи министерству Аглинскому, чтобъ на случай, если ли бы нужно было съ нашей стороны дѣятельнѣйшее пособіе, снабженъ былъ г. Витвортъ полною мочью на заключеніе такого точно трактата субсиднаго, какой въ концѣ 1796 года былъ проекти[ро]ванъ, ибо безъ денегъ мы не можемъ далѣе сдѣланнаго идти, имѣя на своемъ попеченіи и короля Прусскаго. Полкамъ, въ помощный корпусъ назначеннымъ, уже даны приказанія идти къ Бресту, а по полученіи извѣстій о разрывѣ, вступить въ Галлицію, продолжая путь и далѣе на дѣйствія". Въ письмѣ отъ 30-го іюля Безбородко писалъ: „На другой день послѣ подписанія указовъ, отъ 28-го іюля, къ князю Николаю Васильевичу [Репнину] и къ вашему сіятельству, князь Александръ Борисовичъ [Куракинъ] сообщалъ мнѣ по дружбѣ и довѣренности ваше къ нему письмо. Содержаніе его тѣмъ мнѣ было пріятнѣе, что подаетъ большую надежду къ успѣху негоціаціи извѣстной. Я не сдѣлалъ никакого оффиціальнаго изъ того употребленія, а воспользовавшися тогда же дошедшимъ увѣдомленіемъ объ отъѣздѣ графа Кобенцеля чрезъ Берлинъ, испросилъ у его императорскаго величества дополнительный указъ, отъ 29-го того же мѣсяца, изъ котораго изволите видѣть желаніе его видѣть дѣло сіе оконченнымъ; да и подлинно оно необходимо, чтобъ намъ имѣть больше развязанныя руки, когда уже рѣшилися мы при новомъ разрывѣ явиться на сцену сперва стороною помощною, а потомъ, смотря по нуждѣ и возможности, и одною изъ главнодѣйствующихъ. Эскадра наша въ Англію отправленная усилена еще 5-тью кораблями, такъ что она въ 15-ти линейныхъ корабляхъ и 4-хъ фрегатахъ состоитъ, по мѣрѣ чего и Лондонскій дворъ положилъ умножить свою морскую силу въ Средиземномъ морѣ. Корпусъ въ шестьнадцати тысячахъ пѣхоты и 2000 казакахъ, при довольно сильной артиллеріи, подъ командою генерала Розенберга, пойдетъ при первомъ извѣстіи въ Галлицію и далѣе къ Рейну на содѣйствіе Австрійской арміи. Кромѣ арміи на границахъ Литовскихъ и Курляндскихъ, для

наблюденія на мѣсто пребыванія вашего, естьли только Польша останется спокойна, соберутся уповательно войска, чтобъ съ Розенберговымъ корпусомъ составить армію въ шестидесяти тысячахъ, а ежели дадутъ намъ со стороны Англіи субсидію, по примѣру 1796 года, то мы и всѣми силами поведемъ дѣйствія. Турки весьма были испуганы замыслами Французскими, заговорили о нашей помощи и о союзѣ съ приступленіемъ къ тому Англіи и Пруссіи. Мы имъ предложили готовность морской помощи, требуя нѣкихъ предварительныхъ удостовѣреній въ пропускѣ на сей разъ нашего флота чрезъ Дарданеллы въ Средиземное море и безпрепятственномъ его возвращеніи въ Черное. Естьли это соглашеніе будетъ, то вице-адмиралъ Ушаковъ имѣетъ запасныя приказанія идти съ 14-ю кораблями для обороны Турецкихъ владѣній или, иначе сказать, для дѣйствій противу Французовъ; когда же сей флотъ будетъ въ Архипелагѣ, тогда присутствіе его и Аглинскаго, по крайней мѣрѣ, въ 20-ти корабляхъ состоящаго, рѣшатъ нашу тамъ поверхность, а по крайней мѣрѣ предпріятія Бонапарта учинятъ тщетными. Вотъ что нашелъ я достойнымъ свѣдѣнія вашего; впрочемъ, мы увѣрены, что ваше сіятельство, зная интересы наши и соображая сколь нужно быть намъ спокойными со стороны Пруссіи, наилучше для пользы дѣлъ нашихъ изворотитеся. Я не пишу къ князю Николаю Васильевичу [Репнину] полагая болѣе, что онъ уже уѣхалъ въ Вѣну, и что скоро буду имѣть честь его здѣсь видѣть“.

Наконецъ въ третьемъ письмѣ, отъ 18-го августа, Безбородко сообщалъ графу Панину: „По случаю оказаннаго Портою Оттоманскою желанія: вопервыхъ, заключить съ нами оборонительный союзъ съ особенными постановленіями, настоящему времени сообразными, съ приступленіемъ къ нему короля Аглинскаго и другихъ державъ, и второе, о скорѣйшемъ доставленіи ей помощи отдѣленіемъ знатной части нашего Черноморскаго флота, его императорское величество, принявъ за благо оба сіи предложенія, снабдить изволилъ г. Тамару полными наставленіями; а между тѣмъ усматривая пользу для общаго дѣла, когда Черноморская наша эскадра, въ 12-ти линейныхъ корабляхъ состоящая, перешедъ каналъ, найдется въ удобности установить съ Англійскими морскими въ томъ морѣ силами, предписалъ вице-адмиралу Ушакову стараться содѣйствовать сими послѣдними, ограничивая, однакожъ, свою дистанцію не далѣе какъ наравнѣ съ Египтомъ. Вслѣдстіе таковаго плана отправляется къ графу Семену Романовичу [Воронцову] сей нарочный съ сообщеніемъ ему во всемъ пространствѣ о нашихъ съ Портою переговорахъ и данныхъ г. Тамарѣ новыхъ рѣшительныхъ предписаній для принятія потомъ съ Лондонскимъ дворомъ общихъ на тотъ край мѣръ. Увѣдомляя ваше сіятельство о су-

ществѣ настоящаго въ Англію отправленія, я прошу покорно приказать скорѣе сего курьера далѣе препроводить. Между тѣмъ, что [бы] доставить вамъ полное свѣдѣніе о нашихъ распоряженіяхъ, имѣю честь дополнить, что на случай буде бы Французы, высадкою на берегъ твердой земли Турецкой въ Европѣ, покусилися произвести революцію въ областяхъ Оттоманскихъ, или же подкрѣпить силою бунтъ Пазванъ-Оглу, дабы послѣ открыть себѣ путь на возмущеніе Поляковъ, у насъ назначена армія подъ командою графа Гудовича, до семидесяти тысячъ простирающаяся, которая по соглашенію съ Портою, переправяся за Днѣстръ, пойдетъ тотчасъ къ Дунаю для подкрѣпленія Турокъ и преграды неріятелю усилиться далѣе. Мѣсто ихъ войскъ заступлено будетъ девизіею Московскою, подъ командою графа Салтыкова, дабы обуздать Поляковъ и сохранить связь съ Галлиціею. Сверхъ того, въ нашихъ Черноморскихъ портахъ вооружена резервная эскадра для наблюденій на берега Турецкіе и приготовлена флотилія на случай, буде бы Французы по буйству своему сдѣлали высадку между Дарданеллъ и Салоника, чтобы сія флотилія могла перевезти довольно войска, которые высадя и сами между Варны и канала могли бы явиться и сами тамъ, гдѣ ихъ едва ли и ожидать могутъ. Естьли не дойдетъ до исполненія сихъ мѣръ, а Англичан- обѣщаютъ намъ деньги по примѣру 1796 года, мы тогда обратимъ армію нашу по прежнему плану въ соединеніе съ помочнымъ корпусомъ.

„Литовская и Лифляндская дивизіи останутся въ Литвѣ, а на Прусскихъ границахъ, для удержанія въ покоѣ зимою, и на всякій случай, что ваше сіятельство конечно не лишнимъ почтете. Какъ скоро все сіе установится, вы получите наставленія о сообщеніи самымъ дружескимъ тономъ всего потребнаго Берлинскому двору“ [565]).

Въ другомъ письмѣ, въ тотъ же день, т. е. 15 августа 1798 года, князь Безбородко сообщилъ графу Воронцову въ Лондонъ: „Сегодняшняя экспедиція столь обширная, что никакаго дополненія не требуетъ. Ваше сіятельство тутъ увидите, что мы далеко распространяемъ нашимъ союзникамъ помощь. Надобно же вырости такимъ уродамъ, какъ Французы, чтобъ произвести вещь, какой я не только на своемъ министерствѣ, но и на вѣку своемъ видѣть не чаялъ, то есть: союзъ нашъ съ Портою и переходъ флота нашего чрезъ каналъ. Послѣднему я радъ, считая, что наша эскадра пособитъ общему дѣлу въ Средиземномъ морѣ и сильное дастъ Англіи облегченіе управиться съ Бонапарте и его причетомъ; но что касается до сухопутнаго войска, я бы желалъ, чтобъ не удалось Французамъ двинуться отъ ихъ поссессій новыхъ близъ Албаніи: ибо мы бы тогда могли побольше отрядить въ Нѣмецкую землю, разумѣя, коли вы деньги

выходите. Въ Польскихъ провинціяхъ войска очень много назначено подъ командою графа Салтыкова и князя Репнина, кои и край удержатъ въ тишинѣ, и короля Прусскаго поставятъ въ контенансъ.

„Ваше сіятельство изъ Турецкаго трактата увидите, что наше Черноморское вооруженіе не слишкомъ страшно, хотя 50-ти и 46-ти пушечные корабли съ большою артиллеріею и въ линіи на баталіи ложатся. Мы еще подкрѣпимъ сію эскадру двумя новыми 74 пушечными кораблями, и такъ мы будемъ въ одномъ 84 пушечномъ, въ 4-хъ семидесяти-пушечныхъ, въ 4-хъ шестидесятишести-пушечныхъ, и того въ девяти настоящихъ корабляхъ, въ трехъ 50 пушечныхъ корабляхъ, которые вымудрилъ князь Потемкинъ, и двухъ 46 пушечныхъ большихъ фрегатахъ, то есть, всего въ 14 линейныхъ судахъ, кромѣ двухъ легкихъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Вотъ все, что у насъ есть живое и здоровое. Изъ оставшихъ трехъ кораблей большихъ, двухъ 50-ти пушечныхъ, четырехъ 46-ти пушечныхъ, и двухъ фрегатовъ, кромѣ легкихъ судовъ, лучшія, то есть двѣ трети, составятъ резервную эскадру, а прочіе останутся, какъ qardes-côtes. Пріуготовлена у насъ и флотилія, которая можетъ на крайній случай, буде бы Французы двинулись къ Турецкой столицѣ, чтобъ въ ней произвесть революцію, пойти къ Варнѣ или далѣе къ сторонѣ канала и тамъ высадить войско, но дай Богъ до сего не доходить. Деньги меня болѣе всего безпокоятъ, при крайней дороговизнѣ, при худомъ курсѣ, при большихъ издержкахъ и многомъ, чего и изъяснить нельзя. Если мы съ честью и добромъ выйдемъ изъ всего сего, то велика милость Божія.

„Ожидаемъ теперь Кобенцеля съ дня на день. Не пишу о прочихъ перемѣнахъ въ нашемъ внутреннемъ министерствѣ, въ чемъ я не имѣю ни малаго участія существеннаго, а вижу только одно доброе (что изъ сего вычту): перемѣну или поправленіе новаго банка, возложенное на меня, графа Петра Васильевича [Завадовскаго] и барона Васильева, человѣка честнаго, твердаго и знающаго, съ пріобщеніемъ тутъ и бывшаго генералъ-прокурора князя Куракина. По крайней мѣрѣ дальнее зло прекратится и убавится общая жалоба“ [566]).

Упомянутая Безбородкою эскадра Ушакова, 23-го августа, уже вступила въ Босфоръ и бросила якорь у Буюкъ-дерэ. Турки съ восторгомъ приняли Русскаго адмирала [567]).

Между тѣмъ, не прекращавшаяся, а напротивъ усиливавшаяся болѣзнь Безбородки побудила его неотложно рѣшиться на оставленіе служебныхъ занятій. Принявъ такое рѣшеніе, онъ призналъ лучшимъ для дѣла указать государю на преемника себѣ и передать канцлерство да-

внишнему своему другу, Лондонскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, которому, 22-го сентября, онъ и написалъ объ этомъ: „Полагая, что Викторъ Павловичъ [Кочубей] пишетъ къ вашему сіятельству во всемъ пространствѣ, я сокращаюся въ немногихъ строкахъ, имѣя къ тому причиною и мое вовсе разстроенное здоровье. Года два почти, то есть съ послѣднихъ мѣсяцевъ предъ кончиною блаженныя памяти императрицы, простудившися и запустивъ болѣзнь, столь сильно вкоренилась во мнѣ желчь, что, при малѣйшемъ физическомъ или моральномъ непріятномъ приключеніи, она во мнѣ производитъ самыя непріятныя слѣдствія. Ваше сіятельство одни меня вылечить можете, принявъ мѣсто, вамъ на первое время предлагаемое, чтобъ послѣ занять мое. Государь говоритъ, что не станетъ васъ женировать въ образѣ жизни вашей; да правду сказать, и я съ сей стороны пользуюся выгодою весьма обширною. Викторъ Павловичъ останется у васъ помощникомъ и сотрудникомъ, а я вамъ обязанъ буду несказанною благодарностію, что доставите мнѣ способъ полечить себя и пожить по своей волѣ послѣдніе годы или дни моего вѣка; такъ какъ заранѣе васъ прошу и самою дознанною ко мнѣ вашею дружбою заклинаю не говорить мнѣ ни слова въ удержаніе меня у дѣлъ или въ службѣ. Много ли или мало я въ томъ потрудился, а быть не просто свидѣтелемъ, но и участникомъ многаго, къ чести государства и его прибыли совершившагося. Несправедливо ли, чтобъ мое желаніе добрымъ было увѣнчано успѣхомъ? Я разумѣю желаніе покоя“.

Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, именно 6-го октября, князь, по обычаю своему, извѣстилъ графа А. Р. Воронцова о ходѣ политическихъ дѣлъ, къ которымъ присоединились еще какія то „происшествія“, сокрушавшія его, что они не позволяютъ ему вылечиться. Отправляя письмо свое съ Протасовымъ, назначеннымъ сенаторомъ въ Москву, Безбородко писалъ: „Я не стану васъ многимъ затруднять, предоставляя ему при случаѣ увѣдомить васъ о всемъ, что онъ видѣлъ или слышалъ; а тутъ только и главнѣйшее скажу вамъ вкратцѣ о нашихъ политическихъ дѣлахъ. Вы знаете, что экспедиція Бонапарта исчезла какъ дымъ, и что теперь надобно быть совершенно безопаснымъ со стороны какихъ либо предпріятій на Черное море или на Польскія провинціи. Сейчасъ получено новое извѣстіе изъ Константинополя, что шефъ эскадры Англійской, въ отсутствіи Нельсона блокирующій Александрійскій портъ, способомъ мелкихъ судовъ и брандеровъ, при сильномъ вѣтрѣ введенныхъ скоропостижно въ гавань, предуспѣлъ истребить и остальные стоявшіе тамъ 4 Французскіе корабля, 8 фрегатовъ и до 150 транспортныхъ судовъ. Бонапартъ стоитъ при Каирѣ, который почти безъ жителей взялъ, безпрерывно

гарселированъ Арабами и Мамелуками, потерялъ много людей; курьеры его перехватываются, и Порта намъ сообщаетъ его депеши. Манифестъ Порты будетъ скоро напечатанъ. Онъ достоинъ по стилю своему поставленъ быть на счетъ лучшей канцеляріи Европейской. Сочинялъ его нашъ первый драгоманъ Фон[тонъ]. Негоціація о союзномъ трактатѣ съ Портою производится съ полнымъ жаромъ. Флотъ нашъ уже пошелъ въ Архипелагъ, и вице-адмиралъ Ушаковъ имѣетъ подъ своею командою вице-адмирала Турецкаго съ 6-ю кораблями, 10-ю фрегатами и 30-ю легкими судами; а у нашего 9 линейныхъ кораблей, пять 50-ти пушечныхъ фрегатовъ, кои въ линіи дерутся, и нѣсколько мелкихъ судовъ. Путь ихъ направленъ, чтобъ истребить торговлю и навигацію Французскую и, овладѣвъ островами Венеціанскими, связать дѣйствія съ адмираломъ Нельсономъ, охраня же берега Итальянскія способствовать блокадѣ Мальты, а Нельсонъ блокируетъ Тулонъ и прочее въ Средиземномъ морѣ.

„Императоръ дѣлаетъ сильныя въ Италіи пріуготовленія, а въ Германіи полагаетъ на первое время дѣйствовать оборонительно. Тутъ и нашъ корпусъ присоединяется. Король Прусскій помышляетъ войти въ коалицію, и со стороны императора предлагается ему, что, согласясь только, обоимъ не брать ничего въ Германіи. Вѣнскій не только не споритъ, но и помогать радъ, чтобъ король Прусскій возстановилъ штатгалтера, или же еще сдѣлалъ и пріобрѣтеніе на счетъ Франціи и Голландіи. Ваше сіятельство можете по сему судить, что настоящее политическое положеніе весьма не худо; но желалъ бы я, чтобъ и о прочемъ также сказать было можно. Что же касается до меня, то, при всемъ благопоспѣшномъ изворотѣ въ моемъ департаментѣ, сокрушаютъ меня происшествія со многими, которыхъ не отвратить, ни имъ пособить нельзя, и которыя причиною, что я по сію пору вылѣчиться не въ состояніи“ 568).

О томъ, что отвѣчалъ графъ Воронцовъ Безбородкѣ на выше приведенное предложеніе послѣдняго, можно догадываться по письму князя-канцлера, полученному Воронцовымъ 2-го ноября 1798 года. „Пользуясь твоимъ письмомъ чрезъ Н. В. Назаревскаго, я съ нимъ ознакомился, и бесѣда его во утѣшеніе мнѣ, ибо напиталъ я душу мою всѣми свѣдѣніями, каковы хотѣлъ имѣть о тебѣ и твоемъ семействѣ. Если въ чемъ услуги мои могутъ быть ему полезны, я готовъ ходатайствовать. Но до сего не дойдетъ дѣло, поелику новый вице-канцлеръ самъ его знаетъ довольно. Сожалѣю, мой другъ, что немощи одолѣваютъ тебя. Въ свою мѣру и на меня возлегла рука разрушающей насъ старости. Припадковъ болѣзненныхъ еще не дознаю, а признаки преломленія брен-

наго человѣчества уже во мнѣ видимы. Впрочемъ, долготою вѣка и пресѣченіемъ онаго не прельщаюсь, ни мятусь, полагая, что для умершихъ то и другое совершенно ничто. Прости мнѣ, что я тебя уговаривалъ взглянуть на Роджерсонову картину. Сердечное побужденіе превозмогало надо мною. Желалось еще разъ въ мою жизнь тебя увидѣть. Но когда къ тому ты заперъ дверь, исповѣдую, не обинуясь, твое благоразуміе, что изъ покойной пристани не сунулся на зыбь. Подминистерство у насъ новое. Не попрекай молодостію въ большихъ званіяхъ. Въ Римѣ Сципіонъ, въ Англіи Питъ превзошли старѣйшихъ. Производство въ дѣйствительные тайные совѣтники не малочисленно. Всѣ чины — монета безъ внутренняго вѣса. Я пребываю безъ перемѣны въ моихъ прежнихъ желаніяхъ—отойти отъ большаго свѣта и водвориться въ деревню, гдѣ я нѣсколько и мотовато соорудилъ себѣ пристанище на дни послѣдніе и послѣ смерти. Подъ симъ разумѣй: домъ, садъ, церковь и гробъ. Обстоятельства непредвидимыя остановили только шагъ, а не мою рѣшимость. Должность эта по инымъ, а отнюдь не по моему желанію пришла: и прескучна, и презаботлива. Предмѣстникъ мой, по своему честолюбію и легкомыслію, какъ по другимъ частямъ, такъ и въ сей, насадилъ довольно спекулятивныхъ затѣевъ, а запачканное бѣлье для всякой прачки тяжкій трудъ. И такъ, мой другъ, я удерживаюсь, выглядывая случай отпроситься съ благопристойностію, и если услышишь о моемъ удаленіи, принимай яко слѣдствіе моего стремленія къ покою, а буде достанется испить и не отъ сей чаши, то и та судьба, лишь бы не отняла покоя несносна мнѣ не будетъ.

„По окончаніи воспитанія, совѣтую прислать сюда твоего сына на время, чтобъ увидѣлъ свое отечество, своихъ родныхъ и со всѣми познакомился. Подвигъ для переду ему весьма нужный. Но доживу ли я до сего благополучія, чтобъ обнимать сына съ тѣми чувствами, которыя къ отцу его имѣю? Про дѣла скажутъ тебѣ депеши министровъ, а я возвѣщу тебѣ, что братъ твой совершенно здоровъ и благоденствуетъ въ своемъ уединеніи. Вчера полученное письмо отъ него сіе содержитъ. Прощай, милый другъ“ 569).

Въ тотъ день, когда графъ Воронцовъ читалъ предыдущее письмо Безбородки, отъ 1-го ноября 1798 года, Безбородко пишетъ ему новое, въ которомъ жалуется и на опасное развитіе своихъ болѣзненныхъ припадковъ и на многія моральныя непріятности, причемъ знакомитъ его съ положеніемъ тогдашняго денежнаго курса въ Петербургѣ, направленнаго будто бы вышедшими указами о новомъ банкѣ: „Ваше сіятельство меня извините, что страдая самымъ сильнымъ ревматизмомъ, который

почти отнимаетъ все дѣйствіе правой руки, да и чувствую при томъ такіе во всей правой сторонѣ симптомы, которые скорое разрушеніе состава моего предвѣщаютъ, при многихъ моральныхъ непріятностяхъ, которыя, хотя до меня принадлежатъ, но интересуютъ другихъ; а я въ двадцать лѣтъ моей службы, при весьма большомъ государѣ, привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ. Дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, что въ рескриптахъ увидите. О новомъ банкѣ вышли указы, которыми публика, кажется, довольна. По крайней мѣрѣ, зло весьма значительнымъ образомъ уменьшено. Даны способы къ промѣну, и кредитъ удержанъ. Промѣнъ хотя не начатъ, но уже облигаціи вошли въ цѣну, и потеря, вмѣсто десяти, теперь менѣе пяти процентовъ; а съ новаго года, я думаю, они будутъ au pair съ ассигнаціями и выше мѣди. Казна тутъ выиграетъ около тридцати пяти милліоновъ, кои обратятся на истребленіе ассигнацій, а сверхъ того Ломбардъ или, лучше сказать, весь составъ Воспитательнаго Дома получаетъ въ пособіе, въ теченіи 25 лѣтъ, по четыреста тысячъ на годъ. Ломбардъ-то и былъ одною изъ причинъ сей худой операціи“ [570]).

Сдержанность Безбородки въ объясненіяхъ касательно состоянія внутреннихъ дѣлъ, дошедшая до замѣчательной фразы только что приведеннаго письма „дѣла нынѣшнія не требуютъ дальнихъ распространеній сверхъ того, чтò въ рескриптахъ увидите“; упоминаніе о „многихъ моральныхъ непріятностяхъ“ и о томъ, что „въ двадцать лѣтъ своей службы, при весьма большомъ государѣ“, Безбородко „привыкъ видѣть всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ“; намекъ на „зыбь“, въ которую графъ Воронцовъ благоразумно „не сунулся изъ покойной пристани“, и также сорвавшееся съ пера признаніе, что еслибы „пришлось испить чашу удаленія отъ дѣлъ, и та судьба, лишь бы не отымала покоя, несносна“ ему „не будетъ“. Все это приводитъ къ предположенію, что въ числѣ обстоятельствъ, побуждавшихъ Безбородку искать удаленія отъ дѣлъ, кромѣ болѣзненности и усталости, имѣла мѣсто и тяжесть тогдашняго придворнаго и вообще Петербургскаго положенія, которая зависѣла отъ крутаго нрава государя. Въ то время жизнь въ Петербургѣ доходила до мучительной нестерпимости. Сравнивая общественное настроеніе съ злыми морозами наступившей жестокой зимы, Ѳ. П. Лубяновскій говоритъ: „Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно — возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ вла-

сти, силы и страха; въ тайнѣ, между четырехъ глазъ — затмѣніемъ свыше" [571]).

Но болѣзненная старость и тревожное положеніе при дворѣ какъ будто теряли для Безбородки всякое значеніе, коль скоро ему приходилось вступать въ привычную сферу политики. Императоръ Павелъ, принявъ близкое участіе въ дѣлахъ Европы и ставъ душею новаго союза противъ Франціи, рѣшился поддержать общее дѣло монарховъ. Безбородко ревностно трудился надъ устройствомъ и упроченіемъ этого союза, и перо его, удержавшееся отъ политическихъ сужденій въ предыдущемъ письмѣ къ графу Воронцову, снова принялось за самыя подробныя изображенія политическихъ плановъ, внушеній, совѣтовъ и предложеній. Отъ 25-го ноября князь-канцлеръ писалъ въ Лондонъ: „Ваше сіятельство желали отъ меня увѣдомленія о бывшихъ между графомъ Панинымъ и г. Кальяромъ переговорахъ. Они началися по желанію Французовъ, когда уже прелиминаріи Леобенскія [752]) подавали несомнѣнную надежду мира, а конференціи въ Лилѣ также были въ дѣйствіи. Вы сами признаете, что намъ однимъ оставаться назади было несходно; ибо Французы имѣютъ не одинъ способъ вредъ намъ причинить, если бы мы нашлись въ войнѣ съ ними и по замиреніи съ другими. Сіи переговоры ведены были къ тому, чтобъ возставить доброе согласіе и переписку, но въ намѣреніи не возобновлять торговаго трактата, а еще меньше входить въ какія либо политическія сближенія. Они были близко конца; но когда миръ съ союзникомъ нашимъ началъ становиться сомнительнымъ, а при томъ пошло тѣснѣйшее сношеніе съ Берлинскимъ дворомъ у Директоріи, государь приказалъ суспендировать и гласно свою негоціацію да и въ Берлинѣ учинили королю Прусскому декларацiи, такія точно, какихъ и въ послѣднее царствованіе Вѣнскій дворъ не получилъ бы отсюда. Угодно было графу Кобенцелю слѣпить миръ, совсѣмъ не сходный съ нашими ожиданіями, а потому и не наша вина; а наше дѣло предохранять себя отъ дальней опасности и обезпечить себя покоемъ нужнымъ и для того, чтобъ поправить свои финансы послѣ безпрерывныхъ хлопотъ. Кто знаетъ, что можетъ быть и скоро обстоятельства произведутъ въ системѣ нашей перемѣну, хотя его величество настоящую предпочитаетъ той, которая до 1780 года дѣйствовала. Всегда, однакожъ, мы будемъ хороши съ землею, гдѣ вы пребываете, а не соединимся съ Французами".

Черезъ нѣсколько дней, именно 6-го декабря, Безбородко вновь пишетъ графу Воронцову замѣчательное письмо: „Пользуясь курьеромъ, отправленнымъ отъ кавалера Витворта для предварительнаго донесенія

двору о мѣрахъ сильныхъ и рѣшительныхъ, которыя съ нашей стороны въ настоящей войнѣ предпринимаются, и полагая, что, по распоряженіи всего, пошлется къ вашему сіятельству нашъ курьеръ, спѣшу васъ увѣдомить, что сегодня я получилъ отъ его императорскаго величества полныя приказанія по сей матеріи:

1, „Съ г. Витвортомъ заключить зачатый субсидный трактатъ, по которому сорокъ пять тысячъ войска изъ дивизій Литовской и Лифляндской обратятся въ содѣйствіе противу Французовъ, какъ только рѣшится король Прусскій пойти на Голландію и отнять у Французовъ присвоеннаго ими къ сторонѣ Нидерландовъ и вообще за Рейномъ, гдѣ мы не удалены предложить ему и виды пріобрѣтенія; да и отъ графа Кобенцеля имѣемъ увѣреніе, что, исключая три духовныя курфиршества, не позавидуютъ они его Прусскому величеству, ежели онъ достанетъ себѣ что либо изъ земель, Французами присвоенныхъ по трактату Кампо-Форміо. Сіи субсидіи полагаемъ мы (по разсчету съ уменьшеніемъ противу шестидесятитысячнаго числа на 45,000) имѣть девятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; на приготовленіе-же войскъ и на всякіе чрезвычайные расходы, по разсчету, также пропорціи въ прежнемъ проектѣ положенной, которыя Англія выплатитъ намъ послѣ мира. Но не можемъ обойтися безъ настоянія на сумму, для подъема единовременно нужную, а ограничивая оную по тому-же разсчету вмѣсто трехъ сотъ тысячъ въ 225,000 фунт. стерл., согласимся получить оную и въ теченіи года по срокамъ.

2, „Согласны мы съ планомъ Англіи, чтобъ искать возвратить Францію въ прежніе ея предѣлы и соединить Нидерланды съ Голландіею, да и вообще на разныя, отъ ея предъявленныя распоряженія, и въ слѣдствіе того наступимъ на императора Римскаго, чтобъ онъ дѣйствовалъ и короля Сицилійскаго подкрѣпилъ теперь же, не отлагая.

3, „Заключимъ теперь-же съ дюкомъ Серра-Капріола конвенцію, силою которой его императорское величество дастъ королю обѣихъ Сицилій девять полныхъ баталіоновъ инфантеріи съ двумя ротами полевой артиллеріи и съ двумя стами казаками, не требуя ничего, какъ только перевоза ихъ на судахъ Неапольскихъ въ Италію, и довольствуя ихъ провіантомъ и фуражемъ; а при томъ и флотомъ нашимъ Черноморскимъ будемъ содѣйствовать операціямъ въ Италіи и сохранять связь съ морскими его Британскаго величества силами.

„Сказавъ, такимъ образомъ, кратко наше намѣреніе, я представляю вашему сіятельству завременно въ Лондонѣ приватно о семъ изъясниться и расположить, чтобъ согласное тому и тамъ рѣшеніе не умѣдлило. Я для

сего отложилъ па десять дней свою поѣздку въ Москву, а по поднесеніи трактата и сдѣланіи къ вамъ, въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Неаполь и Константинополь всѣхъ отправленій, пущуся въ путь, чтобъ освѣжить голову мою, весьма ослабѣвающую, крайнее имѣя удовольствіе увидѣть нашего любезнаго графа Александра Романовича, въ дружеской его бесѣдѣ воспользоваться его добрыми совѣтами, которые не одинъ разъ были мнѣ лучшіе путеводители и спасительны для государства. Между 20-го и 25-го января мѣсяца надѣюся возвратиться въ С.-Петербургъ" [573]). Вслѣдъ за тѣмъ, 12-го декабря, по поводу трактата, заключаемаго съ Англіею, князь писалъ Панину: „Пользуюся курьеромъ, котораго Витвортъ отправляетъ въ Лондонъ для предваренія двора его, что мы надѣемся на сихъ дняхъ съ нимъ совершить запасный субсидный трактатъ, посредствомъ коего можно дать его Прусскому величеству 45,000 войска, ежели онъ рѣшится дѣйствовать къ сторонѣ Галлиціи и прочее. Ваше сіятельство получите вскорѣ отсюда съ г-мъ Цизмеромъ пространныя и рѣшительныя наставленія вообще по дѣламъ настоящимъ; а по сей разъ спѣшу вамъ только сказать, что его императорское величество рѣшился дать помощь королю Сицилійскому 9-ю баталіонами инфантеріи съ двумя ротами артиллеріи и нѣкоторою частію казаковъ, которыхъ король перевозъ на себя пріемлетъ; кромѣ того, что и флотъ Черноморскій будетъ общими операціями въ Италіи способствовать. Вамъ теперь предлежитъ трудъ согласить короля Прусскаго на мѣры, достоинству его сходныя, съ которыми и самое увеличеніе его монархіи можетъ быть сопряжено. По отправленіи къ вамъ и въ другія мѣста курьера поѣду на мѣсяцъ для своихъ дѣлъ въ Москву" [574]).

Такой обширный и величественный планъ выработанъ былъ княземъ Безбородкою для дѣйствій противъ революціонерной Франціи. Но творцу этого плана не было суждено увидѣть его осуществленіе. Трактатъ съ Португаліею касательно „дружбы, мореплаванія и торговли" [575]); заключенный десять лѣтъ назадъ и возобновленный 16-го декабря 1798 года, былъ послѣднимъ дипломатическимъ актомъ, писаннымъ и подписаннымъ Безбородкою.

Разстроенное здоровье канцлера-князя вынуждало его удаляться отъ дѣлъ и искать отдохновенія въ дали отъ двора, въ любимой имъ Москвѣ; зная, что дѣла въ рукахъ вѣрныхъ и достойныхъ людей. О поѣздкѣ своей онъ сообщилъ графу Воронцову, въ Лондонъ, 21-го декабря: „Окончивъ всѣ экспедиціи въ Вѣну, Берлинъ и Лондонъ, отдалъ я ихъ на руки Виктору Павловичу [Кочубею] для отсылки, а самъ сегодня послѣ обѣда отправляюсь въ Москву, на мѣсяцъ, чтобъ освѣжить себя въ большомъ упадкѣ силъ моихъ. Викторъ Павловичъ, конечно, васъ увѣдомитъ о

всѣхъ распоряженіяхъ, а я приношу вашему сіятельству поздравленіе мое съ командорствомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Скоро по возвращеніи моемъ надѣемся имѣть отвѣтъ и отъ васъ, и отъ графа Панина" [576]).

Неоднократно приходилось намъ встрѣчаться въ настоящемъ трудѣ съ лестными, блестящими отзывами о Безбородкѣ, принадлежащими тогдашнимъ дипломатамъ-иностранцамъ. Но и Русскіе посланники при Европейскихъ дворахъ, и другія лица, близко знавшія князя Безбородку, высоко цѣнили его дипломатическія дарованія. По поводу отправленія князя Регнина въ Берлинъ, съ коронаціи короля Фридриха Вильгельма III, Лубяновскій сообщаетъ, что „остановка была за секретною инструкціею, за которою не одинъ разъ я ходилъ къ канцлеру-князю Безбородкѣ. Находилъ я канцлера въ 6 часовъ утра каждый разъ въ безпрекословной преданности лихому парикмахеру. Въ послѣдній разъ, какъ только завидѣлъ меня сквозь облако пудры: „за инструкціею? Пишу послу,—сказалъ мнѣ съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ,—вчера лишь получилъ приказаніе отъ его величества; надобно было дождаться отвѣта изъ Вѣны". Дѣйствительно, между тѣмъ, какъ художникъ трудился надъ волосами его, онъ продолжалъ писать карандашемъ на колѣняхъ и написанные листы бросалъ на полъ. Удивлялись въ свое время быстротѣ и легкости князя Безбородки въ работѣ, но въ этомъ, кажется, немного чудеснаго, когда съ хорошею памятью все напередъ порядочно обдумано. Переломъ въ дѣловомъ слогѣ у насъ отъ князя Безбородки" [577]). Графъ Комаровскій, разсказывая въ своихъ Запискахъ о пріемѣ сдѣланномъ въ Вѣнѣ великому князю Константину Павловичу [578]), ѣхавшему въ армію Суворова въ Италію, сообщаетъ мнѣніе посла нашего въ Вѣнѣ о дипломатическихъ талантахъ князя Безбородки. „Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда нашего къ Вѣнской арміи. За нѣсколько дней предъ выѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, великій князь послалъ меня, по волѣ императора, спросить у графа Безбородки: кому и какіе должно будетъ дѣлать подарки при Вѣнскомъ дворѣ? Я не могу не отдать и при семъ случаѣ полной справедливости необыкновенной памяти, великимъ познаніямъ и свѣдѣніямъ графа о всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать, какъ будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ Вѣнскихъ вельможъ, кто изъ нихъ чѣмъ примѣчателенъ, кто и въ какое время наиболѣе оказалъ услугъ двору нашему, такъ что я около часа слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Онъ познакомилъ меня со всѣми вельможами, которыхъ я увижу въ Вѣнѣ. Потомъ онъ сѣлъ и написалъ своею рукою списокъ всѣмъ, которымъ должно

дать подарки, и какіе именно. Табакерку съ портретомъ его высочества, осыпанную брилліантами, назначивъ въ какую цѣну, сказалъ онъ, должно подарить тому, кто будетъ присланъ на встрѣчу великаго князя; вѣроятно это будетъ или князь Эстергази, или князь Лихтенштейнъ, ибо сіи суть двѣ знатнѣйшія фамиліи въ Австріи. Графъ, конечно, и о прочихъ дворахъ имѣлъ такія-же свѣдѣнія. Когда я получилъ отъ великаго князя приказаніе дѣлать подарки, его высочество приказалъ мнѣ показать данный мнѣ графомъ Безбородкою списокъ послу нашему, графу Разумовскому. Тотъ, прочивавъ его, воскликнулъ: „Этотъ геній знаетъ всѣхъ иностранныхъ сановниковъ, никогда не выѣзжая изъ Россіи, лучше, нежели я, который 15-ть лѣтъ слишкомъ живу здѣсь“ [579]).

При такомъ близкомъ знакомствѣ съ лицами иностранныхъ дипломатическихъ корпусовъ, съ такою, можно сказать, всеобъемлющею памятью, Безбородко, въ бесѣдѣ съ молодыми дипломатами-соотечественниками, имѣлъ полное право сказать: „Не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла“ [580]).

XXII.

Послѣдніе мѣсяцы жизни. Предсмертная болѣзнь и кончина.

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ убѣжденію, что для сбереженія остатка силъ непремѣнно должно разстаться съ служебными занятіями. Обратиться съ просьбою объ увольненіи прямо къ государю было не особенно ловко, послѣ множества полученныхъ отъ него милостей. Чрезъ постороннее же лицо просить увольненія, безъ предварительной подготовки къ этому впечатлительнаго императора, было столько-же опасно. Опытный князь-канцлеръ и въ настоящемъ случаѣ поступилъ вполнѣ дипломатически. Въ описываемое время особенно близкимъ къ императору Павлу царедворцемъ былъ и особеннымъ его довѣріемъ пользовался князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Къ нему Безбородко, около 10-го декабря 1798 года [581]), и обратился съ письмомъ, которое можно назвать второю исповѣдью князя Безбородки, если первою считать ту, которую онъ представилъ покойной Екатеринѣ въ

трудные дни своего ослабѣвшаго значенія при дворѣ. И эта исповѣдь вполнѣ характеризуетъ прекрасныя качества князя Безбородки, какъ сановника и человѣка. «Давно не имѣлъ я чести васъ видѣть и для того дозвольте обременить васъ письмомъ, прибѣгая къ дружеской вашей помощи въ такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ спокойство и благосостояніе мое въ самой высшей степени. Вы мнѣ отдадите справедливость, что я хотя мало имѣлъ способовъ и случаевъ, но никогда не уклонялся тамъ, гдѣ могъ, друзьямъ своимъ сдѣлать что-либо угодное. Поступите и со мною такимъ же образомъ, какъ я всегда отъ добраго сердца вашего надѣялся. Никогда я не скрывалъ предъ вами моего желанія, еще при жизни покойной государыни существовавшаго, чтобъ остатокъ дней моихъ прожить въ Москвѣ спокойно. Смерть ея, застигшая [меня] въ тяжкой болѣзни, поставила меня въ иное положеніе. Государю угодно было, чтобъ я остался при немъ. Я повиновался волѣ его; онъ осыпалъ меня преизбыточно почестями и щедротами. Ласкалъ я себя, что хотя нѣсколько могу ихъ заслужить моими трудами, но вижу крайнюю свою къ тому неспособность. Два года протекшіе были для меня исполнены болѣзней. Лѣченіе нынѣшняго года разслабило меня до самой крайности, такъ что, вѣрьте,—ибо я не привыкъ вещей черными видѣть,—ощущаю я часто такіе симптомы, которые мнѣ весьма неотдаленный конецъ предвѣщаютъ. Скоростію работы и понятіемъ награждалъ я прежде природную лѣнь свою; но теперь природное только и осталось, а память и другія дарованія совсѣмъ исчезаютъ. Хотя стыдно, но долженъ признаться, что, работая иногда длинныя пьесы, впадаю я часто въ повторенія и другіе недостатки, каковые, по преданіямъ Жилблаза, подъ конецъ ощущены были въ сочиненіяхъ преосвященнаго Гренадскаго. Мнѣ кажется, что полная свобода, свѣжій воздухъ умѣреннѣйшаго климата и лѣченіе у водъ могли-бы еще поддержать безвременную старость, не по лѣтамъ меня постигшую? Пускай сіе почтете и воображеніемъ; но простительно человѣку, для сохраненія своего, отвѣдать разные опыты. Для сего намѣренъ я принести его величеству формальную просьбу, а васъ, милостивый государь мой, прошу въ то время употребить ваше ходатайство, чтобъ я желаемое мною увольненіе и дозволеніе выѣхать на нѣкоторое время въ чужіе края получилъ. Вы за меня легко поручиться можете, что я великій неохотникъ не только до интригъ, гдѣ много бываетъ безпокойства и заботы, но даже и до всѣхъ дѣлъ; слѣдовательно, я не заслуживаю никакого сомнѣнія или подозрѣнія, и въ чужихъ краяхъ, и въ Россіи живучи, кромѣ своего здоровья, покоя и удовольствія ни о

чемъ не намѣренъ помышлять. По дружбѣ ко мнѣ, не оставляйте отдалять всякія непріятности, которыя клеветами злыхъ людей, на томъ и счастіе свое основывающихъ, или воображеніемъ противъ меня, наилѣнивѣйшаго, преспокойнѣйшаго въ свѣтѣ существа, воздвигнуты быть могутъ. Но, между тѣмъ, покуда сей рѣшительный шагъ учиню, намѣренъ я попроситься на мѣсяцъ въ Москву, для учрежденія своихъ домашнихъ дѣлъ. Возвратяся, примусь за васъ во всей силѣ, уповая, что вы не упустите случая заранѣе сдѣлать въ мою пользу внушеніе и пріуготовить, чтобы мое желаніе скорѣе и какъ лучше сбылось, и чтобъ я вамъ по конецъ дней моихъ покоемъ и удовольствіемъ обязанъ былъ. Не подумайте, чтобъ я имѣлъ тутъ причины какого либо неудовольствія на одного или другаго человѣка. Я привыкъ всегда себя и должность поставлять въ зависимость отъ одного государя, а конечно выше всякой посторонней инфлюенціи. Нѣтъ иныхъ причинъ моему исканію, кромѣ сказанныхъ выше, и у меня одно правило: коль скоро чувствую, что я для службы не могу полезнымъ быть, оставить ее; а не такъ какъ многіе, что Богъ ихъ и не сдѣлалъ прочными для службы, да они тутъ свои выгоды находятъ, такъ ея и держатся, не заботясь ни о славѣ государства, ни о его пользѣ, и ни о чемъ, что на насъ налагаетъ долгъ сыновъ отечества. Ввѣряя вамъ жребій свой, я ласкаю себя имѣть удовольствіе васъ видѣть и на досугѣ о сей-же матеріи побесѣдовать, но завременно прошу васъ и дружбою заклинаю никакихъ не употреблять способовъ къ отвращенію меня отъ принятаго намѣренія, исповѣдуясь предъ вами, что естьли я не достигну того заслуженнымъ мною образомъ, то, хотя и съ неудовольствіемъ, выйти изъ службы предпочту дальнѣйшему въ ней пребыванію» [582]).

Получивъ увольненіе на мѣсяцъ, Безбородко въ концѣ декабря уѣхалъ въ Москву.

Намекъ на другихъ, употребленный княземъ Безбородкою въ приведенномъ письмѣ къ Лопухину, объясняется письмами графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, отъ 22-го декабря, и В. П. Кочубея къ графу А. Р. Воронцову, отъ 2-го января 1799 года. «Князь Безбородко,—писалъ Ростопчинъ,—уѣхалъ вчера въ Москву. Онъ предполагаетъ пробыть тамъ до 20-го января. Это его конекъ, и вы знаете, какъ онъ пристрастенъ къ мелочамъ. Кочубей управляетъ коллегіею въ его отсутствіе. Такъ какъ Безбородкѣ болѣе нечего желать, а лѣнь имъ овладѣваетъ: то, для благовиднаго предлога, онъ прикидывается недовольнымъ, говоря, что пришлетъ изъ Москвы письмо съ просьбою объ отставкѣ, или подастъ такую просьбу по возвращеніи сюда. Не

думаю, чтобъ его намѣреніе было окончательнымъ; ибо одно управленіе Почтою составляетъ статью, не дозволяющую оставленія службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ. Ему хотѣлось-бы, чтобъ императоръ либо принялъ его просьбы, либо вновь призвалъ его торжественно, по милованіи нѣкотораго времени. Но какъ въ просвѣщенной публикѣ всему находятъ причины, то все это мнимое неудовольствіе князя Безбородки взвалили на меня, приписывая мнѣ виды на должность вице-канцлера, канцлера и прочее» [583]).

Болѣе подробно по поводу оставленія службы княземъ Безбородкою писалъ Кочубей. Попросивъ въ началѣ письма графа А. Р. Воронцова не говорить князю Безбородкѣ о содержаніи письма, онъ писалъ въ немъ: «Дружба, соединяющая васъ, безъ сомнѣнія вмѣнила ему въ обязанность сообщить вамъ о своемъ положеніи и о своихъ предположеніяхъ въ будущемъ. Хотя я бы и желалъ, чтобы онъ продолжалъ служить для пользы дѣла, хотя, съ этой точки зрѣнія, я часто принимался дѣлать ему представленія, я прекратилъ ихъ, я сталъ на его сторону, лишь только замѣтилъ въ немъ, по причинамъ ли нездоровья, весьма основательнымъ, или вслѣдствіе отвращенія, твердую рѣшимость оставить службу. Я ему болѣе не противорѣчилъ, но я осмѣливался иногда говорить объ его поведеніи и представляю вамъ судить объ этомъ. Незадолго до своего отъѣзда, основательно или нѣтъ, вообразилъ себѣ, что императоръ того мнѣнія, что князь на него въ досадѣ, онъ пересталъ почти ѣздить ко двору, такъ что одни утверждали, что онъ не въ милости, другіе, что онъ недоволенъ.

«Какъ бы то ни было, тѣмъ не менѣе вѣрно то, что все это должно было произвести дурное впечатлѣніе на императора и что это удаленіе естественно предоставило другимъ случай воспользоваться тѣмъ и втереться въ дѣла можетъ быть болѣе, нежели было бы то желательно. Наконецъ, онъ рѣшился написать къ Лопухину, давая ему понять, что думаетъ удалиться и проч. и проч. Г. Лопухинъ мнѣ говорилъ объ этомъ и, сожалѣя объ утратѣ его, нисколько не скрывъ отъ меня, насколько было досадно, что онъ употребилъ средства, которыя необходимо должны прогнѣвать императора.

„Онъ упомянулъ также объ этого рода неудовольствѣ, говоря, что онъ никогда не былъ худо принятъ при дворѣ, что это онъ себѣ только вообразилъ и что стоило ему захотѣть, онъ былъ бы принятъ лучше, чѣмъ кто либо. Ростопчинъ и Кутайсовъ холодно высказывали мнѣ почти то же самое; что же касается до генералъ-прокурора, то онъ присовокупилъ, что князь Безбородко говорилъ всѣмъ о своемъ отъѣздѣ

въ Москву, тогда какъ императоръ ничего о томъ не зналъ и лишь только общій говоръ сообщилъ ему о томъ. Г. Лопухинъ выводилъ заключеніе относительно его намѣренія удалиться, что онъ могъ бы достигнуть этой цѣли безостановочно и что самъ онъ охотно бы въ этомъ случаѣ ему помогъ, но, снова повторялъ онъ, не слѣдовало выказывать раздраженія" [584]).

Не придавая значенія замѣчаніямъ графа Ростопчина, очевидно увлекшагося не въ мѣру и навязывающаго князю Безбородкѣ свои предположенія, кстати приведемъ два письма Завадовскаго къ графу А. Р. Воронцову, которому откровенно писалъ онъ по поводу поѣздки князя-канцлера въ Москву. «Не подаютъ воды тѣмъ,—писалъ въ концѣ декабря Завадовскій,—кои сами у источника. Такъ и нечего мнѣ писать, когда видишь князя. Характеръ и образъ его жизни (про тебя слово), весьма подвинулъ его назадъ. Настоящая отлучка и больше поможетъ людямъ весьма досужимъ. Заключеніе, что дарованія могутъ только замѣняться равнымъ талантомъ—очень ошибочно въ настоящее время. Оправдается пословица: и не святые горшки лѣпятъ. До возвращенія князя не жди отъ меня писемъ. По его довѣренности, я имѣлъ нѣкоторое свѣдѣніе, что въ свѣтѣ дѣлается, я одинъ и безъ всякой конфесіи пребуду» [585]). Въ другомъ письмѣ, отъ 1 января 1799 года, Завадовскій писалъ: «Князь съ тобою, то и скорѣе чрезъ него обо всемъ увѣдомленъ будешь, нежели отъ меня. Лица новыхъ министровъ мною не видимы, и съ отъѣзда его ничего не знаю и не любопытствую» [586]).

Предпринятая поѣздка въ Москву произвела весьма пагубное вліяніе на разстроенное здоровье канцлера. Въ письмѣ къ Лопухину, отъ 7-го января 1799 года, князь о своей болѣзни отзывался въ такихъ выраженіяхъ: «По искренней моей къ вамъ и всему дому вашему привязанности, вы, конечно, увѣрены, что я весьма обрадованъ былъ извѣстіями о милостяхъ государскихъ, наканунѣ Новаго года вамъ и Катеринѣ Ивановнѣ [женѣ князя Лопухина] оказанныхъ. Продолженіе вашего благосостоянія и преуспѣваніе во всемъ по желаніямъ вашимъ будутъ всегда служить къ крайнему для меня удовольствію. Болѣзненные мои припадки продолжаются во всей силѣ и отъ часу болѣе и убѣдительнѣе мнѣ предвѣщаютъ весьма неотдаленное совершенное мое разрушеніе. Не смотря на все, 16-го въ вечеру или 18-го по утру, выѣду отсюда и надѣюся въ пять дней васъ увидѣть. Настоящая моя поѣздка не похожа на прежнія, хотя у себя и принимаю людей. Я привыкъ съ вами говорить чистосердечно и потому не могу скрыть

сожалѣнія объ отставкѣ графа Разумовскаго, которая для службы есть большая потеря. Я не великаго мнѣнія о его моральныхъ качествахъ, но способностей его не замѣнитъ г. Колычевъ. Послѣдняя отправленная къ нему экспедиція, конечно бы исправила его, если онъ иногда казался приверженнымъ системѣ двора Вѣнскаго. Если же бы п угодно было перемѣнить его, то никто не могъ быть лучше, какъ графъ Морковъ, который, при большихъ знаніяхъ, умѣлъ бы удержать и честь, и интересы двора, да и въ случаѣ нужды, Тугуту, Колоредо и всѣмъ спѣсивымъ Вѣнцамъ сдѣлать хорошее поученіе. Все же лучше нынѣшняго посла былъ бы и графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Богъ ему проститъ, что онъ меня не жалуетъ и много мнѣ надѣлалъ неприличныхъ досадъ; но я, гдѣ идетъ дѣло о публичномъ, свое отлагаю въ сторону и считаю, что у двора мелочныя его интриги не годятся, а уѣзжай онъ, дѣла не испортимъ, смотря за дѣлами, хотя пускай, по слову его, творитъ сплетни между бабами Нѣмецкими и имъ подобными. Прошу все сіе сохранить для себя, ибо я не мыслю говоренья противъ сдѣланнаго». Въ заключеніе письма князь Безбородко «въ милость» князя Лопухина поручалъ нѣкоего Пятскаго и просилъ «пособить ему въ исканіи» [587]).

По пріѣздѣ князя Безбородки изъ Москвы въ Петербургъ, Завадовскій не замедлилъ извѣстить, 9-го января, графа А. Р. Воронцова: «Пріѣзжающему, говорятъ, нѣсколько подстрижены крылья, однакожъ, онъ бываетъ въ близкомъ обществѣ» [588]). Изъ двухъ другихъ писемъ Завадовскаго, отъ 15-го и 18-го января, къ тому же графу А. Р. Воронцову, видно, что поѣздка въ Москву имѣла на князя-канцлера весьма важное вліяніе. Въ первомъ письмѣ Завадовскій говоритъ: «На разслабленіе княжескаго тѣла, о которомъ говоришь въ послѣднемъ письмѣ, съ великимъ прискорбіемъ для души моей. Сегодня, завтра предвижу раставаться съ нимъ и, по свычкѣ во всю жизнь, убиваюсь сердечною чувствительностію. Противъ своего состава, и отъ натуры крѣпкаго, онъ самъ вседневно воевалъ, доколѣ невоздержанность въ нохотяхъ не повергла въ изнуреніе, въ которомъ его видишь. Умъ небесный еще въ немъ блещетъ, но бренная храмина валится. Человѣкъ чудное твореніе! Своею головою можетъ легко двигать пространнымъ бременемъ дѣлъ, а къ управленію себя не имѣетъ силы. Его положеніе движетъ равно философскую, какъ и простую рефлексію. Курсъ леченія, ни порядочно, ни до чистаго конца, никогда не выдержанъ. Соблюдалъ правила неподвижно въ единой невоздержности. Прибавте къ тому, что онъ отъ природы пылкихъ чувствъ; ненастье моральное

дѣйствуетъ на его духъ, разливая купную муку и на всѣ нервы тѣла его. Нѣсколько уже времени онъ не выходитъ изъ такого положенія. Проскакиваютъ бодрыя слова, которыя и ты слышишь; но сколько терзается внутренне, я то лучше знаю. Крайней и приличной времени рѣшимости не можетъ ни принять, ни удержать; а отъ того и пуще нить своей жизни самъ укорачиваетъ. Здѣсь разумѣется вліяніе его уже прешедшимъ. Съ отъѣзда его не удалось мнѣ услышать, чтобъ хотя словомъ былъ помянутъ. Нечему дивиться. Всѣмъ жребій одинаковъ: чѣмъ сильнѣе огонь, тѣмъ гаснетъ скорѣе. Также и то обычайное слѣдствіе, что паденіе большаго дуба подавляетъ и всѣ грибы подъ нимъ росшіе. А во мнѣ увеличитъ меланхолію пріѣздъ князя, ибо не могу видѣть равнодушно его западъ, и когда о томъ думаю, кровь приступаетъ къ сердцу. Тяжело разстаться съ товарищемъ своего вѣка. Одно воображеніе ломитъ духъ, а на яву сей жестокости не вынесутъ мои усердныя къ нему чувства. Боже, отврати ударъ». Въ концѣ письма графъ Завадовскій прибавилъ: «Ты столько меня испугалъ, говоря о состояніи князя, что и въ сѣтованіи и со страхомъ ожидаю его возвращенія. По крайней мѣрѣ уговори, чтобъ онъ безъ всякой нужды не скакалъ курьеромъ» [589]). Въ другомъ письмѣ, отъ 18-го января, графъ Завадовскій писалъ: «Послѣ изъясненія, что̀ въ предыдущемъ твоемъ имѣлъ, изъ мыслей моихъ не выходитъ изнеможеніе князя Александра Андреевича. Холодная дорога. буде и безъ большой скачки, пуще ослабитъ его. Здѣшняя же полоса подыметъ въ свою мѣру опять моральныя въ немъ чувства. По словамъ твоимъ и его, я понимаю намѣреніе спасаться водами. И я признаю то средствомъ больше по посуламъ надежды, нежели достовѣрнымъ къ обрѣтенію пользы. Увидѣвъ его, лучше о томъ соображу. Осипъ Степановичъ [Судіенко] описывалъ мнѣ его положеніе не въ томъ градусѣ, въ какомъ ты находилъ, и сіе нѣсколько облегчило отъ скорби мой духъ. Но я считаю, что онъ самъ чувствуетъ свой упадокъ, когда отсѣкъ многія статьи своихъ тщеславныхъ затѣевъ, противъ которыхъ, моимъ и всякаго здравымъ разсужденіемъ, непомѣрно оскорблялся: ибо въ разговорахъ по сей матеріи первая теза, что того разумѣетъ себѣ врагомъ, кто подумаетъ отводить его отъ великолѣпныхъ зданій, каковыхъ въ Россіи ни одинъ приватный человѣкъ не имѣлъ. По нашему платье не по таліи — ни къ чему; а онъ на то не смотритъ, лишь бы издавало блескъ. у всякаго, мой другъ, свой точущій червякъ» [590]).

Князь Безбородко, 1-го февраля, писалъ матери: «Недѣля уже

тому, что я благополучно возвратился изъ Москвы, не смотря на жестокую стужу и еще несовсѣмъ оправившееся мое здоровье. Отъ сильныхъ морозовъ сидимъ всѣ запершися, такъ что я, кромѣ одного раза во дворецъ, никуда еще не могъ выѣхать. Графъ Андрей Ильичъ вчера, по особливой его императорскаго величества милости, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Въ Воскресенье представленъ онъ будетъ благодарить. Для успѣшнѣйшаго ученія и лучшаго воспитанія располагаюся я отправить его въ Вѣну, гдѣ онъ, считаяся при посольствѣ, останется года три, а тамъ примется за службу» [591]). Графъ Ростопчинъ въ письмѣ, отъ 4-го февраля, въ Лондонъ, также упомянулъ о возвращеніи князя Безбородки изъ Москвы. «Князь Алек[сандръ] Андр[еевичъ] изъ Москвы возвратился и хотя ему и есть лучше, но онъ признаетъ себя больнымъ и мало показывается» [592]). Затѣмъ, 16-го февраля, Ростопчинъ вновь упомянулъ въ письмѣ къ Воронцову: «Князь Безбородко боленъ дѣйствительно тѣломъ, но еще болѣе воображеніемъ, почитая себя въ опасности» [593]).

Отличая и жалуя всю родню Безбородки, государь не забылъ и удрученнаго болѣзнями своего канцлера. 18-го февраля 1799 года, указомъ Кабинету, повелѣвалось отпустить пожалованные ему 100,000 рублей [594]). Поводомъ къ пожалованію 100,000 руб. были труды князя Безбородки по предстоящему обрученію великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ Іосифомъ, Палатиномъ Венгерскимъ. Кромѣ того, императрица и эрцгерцогъ подарили князю по табакеркѣ съ ихъ портретами [595]).

Въ Воскресенье, 20-го февраля, не смотря на сильнѣйшую боль въ ногахъ, князь Безбородко явился во дворецъ и участвовалъ въ церемоніи обрученія» [596]). Болѣзненное состояніе князя, замѣченное государемъ, надо думать, побудило императора, 2-го марта, вновь написать къ послу нашему въ Лондонѣ: «Крайность, въ каковой я нахожусь по болѣзни князя Безбородки, заставляетъ меня опять прибѣгнуть къ вамъ и просить васъ, не только для меня, но и для государства и всей Европы, принять на себя призывъ мой, на что не отвѣта, а пріѣзда ожидаю» [597]).

По случаю-же этого торжества канцлеръ далъ обрученной четѣ великолѣпный балъ, о которомъ не замедлилъ Завадовскій извѣстить графа А. Р. Воронцова, 4-го марта. «Княжій удивилъ гостей убранствомъ дома и въ качествѣ и количествѣ, каковой начинки ни одинъ богачъ во вселенной въ своемъ жилищѣ не имѣлъ» [598]). Конецъ своего письма Завадовскій посвятилъ описанію болѣзни князя-канцлера, въ

трогательно-сердечныхъ выраженіяхъ: «Ахъ, мой другъ! Князь Александръ Андреевичъ своимъ изнеможеніемъ убиваетъ меня жестоко: отъ дня въ день видимо гаснетъ его жизнь, и о продолженіи оной теряю надежду. Пачкаетъ его одинъ Блокъ, приписывая ощущаемые припадки гемороиду. Между тѣмъ, онъ въ непрестанной одышкѣ и выкидываетъ изъ горла кровь, терпя въ груди непрестанную и боль, и жаръ. По робости его душевной, было бы убить его, ежели сказать, сколько онъ опасенъ, даже и отъ того трепещетъ, когда ему говорю, чтобъ позвалъ на совѣтъ Круза или другихъ докторовъ. Я вижу всѣ признаки водяной въ груди, которой помочь трудно. При всей своей слабости, онъ на ногахъ, одѣтъ бываетъ и по восьми робертовъ за вистомъ; охотно разглагольствуетъ. Ходить по горницѣ не дозволяетъ одышка, и больше сидитъ. Дѣлъ не любитъ и чувствителенъ по онымъ, и къ самымъ даже бездѣлицамъ. По тщетному предположенію собирается въ іюнѣ ѣхать къ водамъ. Сомнѣваюсь, чтобъ протянулась на столько его жизнь. Настоящій видъ его поражаетъ меня, и я въ страхѣ вседневномъ, что угаснетъ какъ свѣча, какъ обыкновенно кончаются водяною. Съ пріѣзда его сюда я считалъ,—ты въ немъ ошибаешся, а теперь познаю весьма превѣрными твои заключенія. Представь себѣ мое страданіе, каково мнѣ быть непрестанно съ любимымъ человѣкомъ и ожидать, что сего дня или завтра его не станетъ. Уже начинаютъ помышлять и о замѣнѣ [599]).

Развивавшуюся болѣзнь князя Безбородки графъ Ростопчинъ такъ описалъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, за это время: «Здоровье канцлера въ опасномъ состояніи: дыханіе весьма коротко и думаютъ, что есть въ груди вода; кровь поминутно поднимается въ голову и идетъ гортанью и носомъ. Совсѣмъ тѣмъ больной на ногахъ; боли чувствуетъ мало, но безпокоенъ весьма духомъ» [600]). Болѣзнь вынудила князя Безбородку вручить князю Лопухину просьбу объ отставкѣ, написанную, какъ я слышалъ, въ Москвѣ, въ присутствіи графа Александра Романовича Воронцова, при чемъ просилъ князя Лопухина сейчасъ-же поднесть ее императору Павлу.

Изложивъ свою дѣятельность при Екатеринѣ [601]), Безбородко такъ описываетъ въ просьбѣ, свои труды при императорѣ Павлѣ: «При самой кончинѣ блаженныя памяти государыни императрицы, угодно было вашему императорскому величеству употребить меня не только по департаменту, гдѣ я находился, но и по другимъ дѣламъ. Возведя меня на первую степень чиновъ государственныхъ, щедроты ваши упредили мои заслуги. Краткость времени и болѣзненные припадки, коими одержанъ я былъ

въ послѣднее время прошедшаго царствованія, соединяясь съ усиліями, которыя я при семъ случаѣ дѣлать быть долженъ, совершенно разстроили мое здоровье; но если силы, время и обстоятельства не дозволяли мнѣ заслужить столь великія монаршія милости, ревность моя не осталася втунѣ. Въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и разныхъ казенныхъ распоряженіяхъ, какъ вашему величеству извѣстно, имѣлъ я немалое участіе. Всѣ, учиненныя отъ меня, представленія по дѣламъ политическимъ и другимъ были чужды всякихъ иныхъ уваженій, кромѣ вашей славы и пользы. Охотно продолжалъ-бы я усердную мою службу, если-бы тѣлесныя немощи, произведя въ дѣйство ихъ и надъ душевными дарованіями, не ослабили до крайности память и другія способности, къ доброму и успѣшному дѣлъ производству необходимо-нужныя. Въ таковомъ положеніи дерзаю прибѣгнуть къ тому-же самому великодушію, съ каковымъ благоволили вы взыскать меня не по мѣрѣ службы моей и, повергая себя къ священнѣйшимъ стопамъ вашимъ, прошу всеподданнѣйше, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было меня, по болѣзненному состоянію, уволить отъ всѣхъ дѣлъ и для пользованія здоровья моего всемилостивѣйше дозволить отлучиться въ чужіе краи» [602]).

Была-ли просьба Безбородки объ отставкѣ поднесена Павлу, документально неизвѣстно. Мнѣ разсказывали, что была. Въ такомъ случаѣ можно справедливо думать, что императоръ, жалѣя разстаться съ своимъ канцлеромъ, или догадываясь по внѣшнему виду князя о скорой его смерти, медлилъ исполненіемъ его желанія. Послѣднее обстоятельство подтверждается посмертными письмами канцлера-князя къ графамъ Воронцовымъ. Исполненный надеждъ на поправленіе здоровья своего заграничнымъ путешествіемъ, князь 10-го марта писалъ братьямъ Воронцовымъ, подробно излагая планъ поѣздки своей. «Когда посланъ былъ къ вамъ курьеръ, я,—писалъ онъ въ Лондонъ,—по крайней слабости моего здоровья, не писалъ; теперь, хотя и вовсе не оправился, но не хочу отлагать сего пріятнаго для меня долгу. Здоровье мое такъ уже разстроилось, что едва ему и пособить можно; нельзя, однакожъ, не искать хотя и невѣрные способы. Я рѣшился ѣхать къ водамъ Карлсбадскимъ и въ Эгру, оттуда заѣхать въ Вѣну, потомъ побывать въ Пирмонтѣ и, ежели лучше будетъ, назадъ возвратиться. Вотще будутъ многіе дѣлать свои спекуляціи, что я уѣзжаю будто бы по досадѣ, что мой кредитъ упалъ и проч. Я никогда не хотѣлъ быть при дворѣ сильнымъ и могущимъ человѣкомъ, а скорѣе быть полезнымъ. Мое состояніе при дворѣ нимало не перемѣнилось

относительно меня собственно. Иной бы на моемъ мѣстѣ и довольствовался тѣмъ, что онъ многое для себя и своихъ выходить можетъ; но я иногда чувствителенъ, когда въ общемъ не такъ идетъ, какъ бы я желалъ для блага и чести государства. И тутъ бы я не запнулся дѣлать представленія, а тѣмъ предохранить свое доброе имя; но немощь, какъ выше сказано, уже одолѣла до крайности. Вотъ истинная причина моего удаленія отъ дѣлъ, а не та, что̀ индѣ представляютъ. Вы меня знали и въ прежнее, и въ нынѣшнее правленіе и потому въ искренности моей не усумнитесь.

«Выѣхать полагаю я 26-го апрѣля, а между тѣмъ расположилъ я такъ, чтобъ ваше сіятельство, ежели рѣшитеся пріѣхать сюда на министерство, нашли бы мой домъ къ вашимъ услугамъ, занявъ его на все время вашего пребыванія. Вы въ немъ превыгодно помѣститеся, ибо найдете не мало и уютныхъ покоевъ для вашего уединенія; а сверхъ того я оставлю въ немъ свои картины и разныя любопытныя вещи, покуда домъ мой Московскій посмѣетъ. Я еще и радъ, чтобъ все то подъ вашими глазами осталося, тѣмъ паче, что для меня будетъ оберегаться хорошая часть моего имущества, какъ наилучше. Прощайте; я надѣюся еще одинъ или два раза писать къ вамъ съ курьеромъ, пребывая вамъ искренно преданнымъ». Въ письмѣ къ графу Александру Романовичу, съ которымъ онъ недавно видѣлся въ деревнѣ его, подъ Москвою, князь извѣщалъ и его о своихъ сборахъ за границу. «Я получилъ письмо вашего сіятельства въ прошедшее Воскресенье. Не вѣрьте тѣмъ, что̀ пишутъ будто-бы я было оправился въ моемъ здоровьѣ, и отнесите къ привычкѣ у насъ, что о всякомъ больномъ говорятъ, особливо въ глаза: у васъ цвѣтъ лучше, вы сегодня го̀раздо свѣжѣе, и прочее тому подобное. Но что до меня касается, я только что хуже становлюся. Съ пріѣзда моего я ни у кого здѣсь не обѣдалъ, и былъ на той же діэтѣ, что и въ Москвѣ; а и на четырехъ балахъ, то есть у себя, у графа Петра Васильевича [Завадовскаго], у посла и у графа Шереметева, только что лишнюю имѣлъ транспирацію, такъ какъ и на сговорѣ; но ни діэта, ни лекарства не пользуютъ. Вчера пустили мнѣ много крови піявицами, не чувствую себѣ, однако же, легче. Новая болѣзнь во всѣхъ нервахъ, а правая рука поминутно то нѣмѣетъ, то по суставамъ ея чувствую une espèce d'engourdissement; видно, уже надобно думать о продолженіи дней, а не о возстановленіи. Бывъ увѣренъ въ отпускѣ, готовлюсь, ежели Богъ живаго сохранитъ, отправиться отсюда 26-го апрѣля. Въ Москвѣ не останусь болѣе шести дней, а тамъ чрезъ Малороссію по-

ѣду въ Карлсбадъ и далѣе, назначивъ дорожнымъ экипажамъ пріѣхать въ Кіевъ. Я надѣюся, что до моего еще отъѣзда будетъ отвѣтъ графа Семена Романовича, хотя мой отъѣздъ ничего общаго не имѣетъ; ибо я надѣюся, что, видя мое худое состояніе, меня и задерживать не станутъ.

«Осипъ Степановичъ [Судіенко] разсердился на меня за нескорое возвращеніе моего управителя и еще его компаніона, а потому и не пишетъ; да я же не знаю, оставилъ ли онъ Баранову мои деньги и записки, но мнѣ право было не до его порученій. Накопилося дѣла и очень много непріятностей, которое надобно было окончить. О дѣлахъ вообще предоставляю впредь писать къ вамъ, а теперь съ нуждою рука ворочается. Прощайте и вѣрьте, что я вамъ всегда преданъ» [603]).

Позволеніе, данное императоромъ князю Безбородкѣ отправиться заграницу, извѣстно сдѣлалось только 11-го марта, какъ это можно заключить по письму племянника князя - канцлера, графа Кочубея, извѣстившаго объ этомъ, въ тотъ же день, графа А. Р. Воронцова: «Когда князь Безбородко получилъ позволеніе ѣхать на воды, императоръ тотъ часъ же отправилъ курьера съ письмомъ, написаннымъ собственноручно и запечатаннымъ въ его кабинетѣ къ графу Семену», приглашая его снова пріѣхать въ Петербургъ. Сообщивъ за тѣмъ, что его дядя собирается выѣхать въ Москву 26-го апрѣля, о состояніи его болѣзни онъ отозвался: «Его здоровье дѣйствительно дурно и онъ хорошо сознаетъ это для того, чтобы беречь себя. Уже двѣ недѣли онъ соблюдаетъ самый строгій образъ жизни и желательно, чтобы онъ имѣлъ достаточно власти надъ собой, дабы продолжать его» [604]).

Состояніе болѣзни князя Безбородки за это время описалъ и графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 12-го марта. «Здоровье канцлера замѣтно ухудшается. Медикъ его Блокъ заявилъ роднѣ объ опасности. Больной подозрѣваетъ ее и безпокоится. Онъ спитъ мало, и при томъ сидя; постоянно томится неутолимой жаждой и впадаетъ въ оцѣпенѣніе. Ему хотѣлось бы покончить скорѣе» [605]). Быстрое развитіе болѣзни не позволило Безбородкѣ ѣхать за границу, куда его готовился провожать племянникъ его, Кочубей [606]). Во время сборовъ, 12-го марта, съ княземъ случились два параличныхъ удара, одинъ за другимъ. Графъ Завадовскій, 14-го марта, извѣстилъ о постигшемъ горѣ князя графа А. Р. Воронцова, которому писалъ: «Третьяго дня князь Александръ Андреевичъ, отъ своей чувствительности по дѣламъ, схватилъ параличъ: ушиблены ощутительно память, языкъ и правая рука, хотя рѣчь не вовсе пропала, но съ трудомъ со-

*

бираетъ и произноситъ слова. Доктора находятъ ударъ еще легкимъ и помочь весьма обѣщаютъ. Могутъ произвесть облегченіе; но чтобъ тронутую голову выправили заново, того и чаять не смѣю. Тянутъ жизнь иные и долго послѣ таковыхъ припадковъ, но какую? Видъ прежалостный, и тѣмъ поразительнѣйшій, что самъ себя чувствуетъ. Другъ друга видѣть не можемъ, не залившись слезами. Надобно же, по моему несчастію, дожить мнѣ здѣсь, чтобы и сія лютая сцена совершилась въ моихъ глазахъ. Не можешь вообразить, какъ я страдаю [607]). Въ свою очередь и сестра графа Воронцова, княгиня Е. Р. Дашкова, извѣстила брата своего о постигшемъ князя Безбородку ударѣ. «Мнѣ тоже сообщаютъ,—писала она въ мартѣ мѣсяцѣ, — что съ Безбородкою случился вторично ударъ паралича» [608]).

Изъ словъ подкамердинера Безбородки, Степана, отпущеннаго на волю и служившаго впослѣдствіи по найму у Ѳ. П. Лубяновскаго, которымъ записаны были его разсказы, узнаёмъ, что во время своей болѣзни Безбородко «былъ спокоенъ, но задумчивъ, любилъ уединяться; одинъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій входилъ къ нему безъ доклада». Однажды Степанъ отворилъ ему дверь кабинета. Графъ въ удивленіи на порогѣ остановился. Помилуйте, князь Александръ Андреевичъ, какое малодушіе! говорилъ Завадовскій: князь на колѣняхъ молился. Услышавъ голосъ гостя, вскочилъ, отиралъ слезы и извинялся» [609]).

Положеніе больнаго князя, за послѣдніе дни марта мѣсяца, такъ описалъ графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу Воронцову, отправленномъ въ Лондонъ. «Здоровье князя-канцлера очень плохо. Память и языкъ ослабѣли чрезвычайно. Правая рука поражена. Больной понимаетъ вполнѣ свое положеніе и не обольщается вовсе. Онъ почти ничего не говоритъ, и когда убѣждается, что не въ силахъ вспомнить о чемъ нибудь, слезы видны въ глазахъ его. Стараются доставить ему всевозможное спокойствіе. Онъ отчаевается даже въ состояніи ли будетъ ѣхать на воды. Доктора Блокъ и Крузе опасаются вторичнаго удара. Вчера и сегодня ему получше: онъ довольно хорошо спалъ, тверже на ногахъ и неровными шагами съ полчаса прохаживается по комнатѣ. Мысль о кончинѣ не покидаетъ его; онъ глядитъ въ зеркало и трогаетъ себѣ ротъ рукою, желая убѣдиться не перекосило ли его» [610]).

«Когда болѣзнь Безбородки усилилась такъ, что онъ слегъ, да никого изъ чужихъ притомъ у него не было,—передаетъ Ѳ. П. Лубяновскій со словъ подкамердинера Степана, — «то князь читалъ нерѣдко со слезами небольшую не Русскую книжку, съ картинкою—Распятіемъ, и пряталъ ее подъ подушку, когда кто входилъ къ нему. Увидѣвъ у

меня «Подражаніе Іисусу Христу», на Французскомъ языкѣ, съ тѣмъ же изображеніемъ, Степанъ сказалъ, что точно такую же книжку князь Александръ Андреевичъ любилъ читать, пока могъ, на смертномъ одрѣ» [611]).

Состоянію больнаго князя-канцлера графъ Завадовскій посвятилъ два письма, посланныя имъ въ Лондонъ къ графу Воронцову. Болѣзнь князя, въ письмѣ отъ 25-го марта, онъ описалъ такими словами: «Князь А[лександръ] А[ндреевичъ] еще существуетъ въ своемъ страдательномъ положеніи. Правая нога отнялась при второмъ ударѣ. Языкомъ не владѣетъ, а разумѣетъ всякій разговоръ. Вниманіе и нѣсколько память держатся. Исповѣдь, причастіе и соборованіе масломъ имѣлъ, по своему единственно настоянію. Третьяго дня, и докторы и всѣ мы ожидали его кончины. Но вчера видъ его весьма меня ободрилъ, и я получилъ надежду, что жизнь протянется. Со времени удара ни одинъ день не былъ лучше вчерашняго. На сей разъ могу считать, что оправится, хотя возвратиться въ прежнее состояніе и думать нельзя: болѣзнь такого рода, что и минута опровергнетъ всю надежду». Вслѣдъ за тѣмъ, въ письмѣ, отъ 29-го марта, къ графу Воронцову, Завадовскій писалъ: «Знаю изъ письма твоего, отъ 17-го, что уже обитаешь въ своемъ домѣ, но еще не вѣдаешь о горшемъ состояніи князя А[лександра] А[ндреевича], о чемъ я тебя въ двухъ извѣщалъ послѣднихъ письмахъ. Послѣ двухъ ударовъ паралича, по сей день безъ движенія и безъ языка; не владѣетъ ни рукою, ни ногою правой стороны; переносятъ съ мѣста на мѣсто какъ дитя на рукахъ; въ тяжкомъ разслабленіи самъ собою не можетъ двигаться. По указаніямъ лѣвой руки понимаемъ его волю; а языкъ со втораго удара сталъ безгласенъ. Въ первые дни, хотя съ трудомъ, могъ еще нѣсколько словъ произносить. Память и разумѣніе въ головѣ его не пресѣкались: всякаго узнаетъ и внимаетъ простираемыя къ нему рѣчи. Когда ободряемъ его увѣреніями, что болѣзнь пройдетъ и возвратятся убитыя части: на сіе, помавая головою и маханіемъ руки, изъявляетъ свое удостовѣреніе, что наши слова тщетны и что самъ лучше свой конецъ чувствуетъ. Я неотступно при немъ, и когда наединѣ, то больше мнѣ толкуетъ свое чувствованіе. Всякому видѣть его жалко, а для меня такая мука, каковой въ мою жизнь не имѣлъ. Впрочемъ, сонъ имѣетъ и пищу легкую принимаетъ вседневно, но не выходитъ изъ непрестаннаго унынія. Лекаря лучшіе за нимъ ходятъ и обнадеживаютъ, опираясь на многіе примѣры, что можетъ оправиться, и получатъ свое дѣйствіе ушибенные члены. Я впервое такъ близко къ одержимому сею немощію, слѣдственно,

безъ всякаго понятія о семъ недугѣ и не отрицаю, что можетъ придти въ состояніе лучшее противъ бѣдственнаго настоящаго; но чтобы получить опять всѣ способности прежняго быта, того уповать претитъ мнѣ моя очевидность.

«Предъ вторымъ ударомъ духъ его былъ въ примѣтной алтераціи: самъ спросилъ попа и исповѣдывался, пошелъ въ церковь, отслушалъ всю обѣдню и причастился. При сихъ обрядахъ я былъ принятъ, и онъ во все время стоялъ на ногахъ съ нетерпѣливостію совершить оное. Послѣ того часовъ чрезъ пять пришелъ пароксизмъ, коего дѣйствіе распространилось въ ногу. Въ изнеможеніи послѣднимъ—потребовалъ, чтобъ его отсоборовать масломъ и по исполненіи впалъ въ такое безсиліе и страданіе, что наступившую ночь всѣ считали концомъ его жизни.

«Я не знаю, сдѣлалъ ли онъ распоряженіе какое, на случай смерти, формальное: кое о чемъ говаривалъ со мною предъ отъѣздомъ и по возвращеніи изъ Москвы. Въ нынѣшнемъ же состояніи своемъ, въ первыхъ дняхъ онъ на словахъ завѣщалъ по статьямъ незначущимъ, а только для побочной своей дочери укрѣпилъ Бѣлорусское и въ Новороссіи имѣнія. Молва, однакожъ, носится о его духовной. Въ теперешнемъ положеніи я не вижу, чтобъ какая либо суета касалась его мысли, и живетъ, такъ сказать, не чувствуя своей жизни» [612]).

За послѣдніе дни болѣзни князя-канцлера, племянникъ его, Кочубей, находился безотлучно при своемъ дядѣ, и для друзей больнаго и своихъ велъ «журналъ послѣднихъ дней жизни князя Безбородки». Документъ этотъ по важности и достовѣрности сообщаемыхъ въ немъ извѣстій о послѣднихъ дняхъ земной жизни канцлера-князя Безбородки не можетъ быть пропущеннымъ въ настоящемъ трудѣ. «Понедѣльникъ, 21-го [марта]. Позвавъ меня съ собою въ диванную, сказалъ, стоя посреди комнаты, выговаривая съ трудомъ: долгъ заповѣди нарушилъ и, вынулъ изъ кармана бумажку, на которой написано было: Иванъ Базилевскій, повторилъ нѣсколько разъ имя сіе. Я ему сказалъ, что я понимаю, что онъ хочетъ, чтобъ сей человѣкъ былъ удовольствованъ; утвердивъ знакомъ головы отвѣтъ мой, прибавилъ неоднократно съ трудомъ: «Бога ради, а послѣ выговорилъ: Иванъ Ивановичъ Базилевскій», и заставилъ меня приписать на бумажкѣ Ивановичъ.

«Послѣ сего, ходя довольно долго по комнатѣ и дѣлая большія усилія, наконецъ, произнесъ имя Величко-Босовскій и, смотря какъ я пишу, поправлялъ ошибки мои: сперва по, а потомъ мо и заставилъ меня поставить Б., что также дѣлалъ, когда при многихъ труд-

ностяхъ назвалъ Будьковы и Сидорохины хутора, какъ то на самой бумагѣ явствуетъ; вслѣдъ за симъ, паки ходя, а иногда садяся, повторилъ: Бога ради и не забудьте и, когда я отвѣчалъ ему, что все сдѣлано будетъ, то онъ успокоившися вышелъ въ кабинетъ.

«Во время тяжкія сцены сея, хотѣлъ я, чтобы прекратить заботы его, выйти изъ комнаты и позвать графа Петра Васильевича; но какъ только примѣтилъ онъ движеніе мое, то выговорилъ фуй, подошелъ ко мнѣ скорыми шагами и удержалъ меня за руку.

«Въ тотъ же день послѣ обѣда, возвратяся изъ дому въ седьмомъ часу, засталъ я его паки въ той же диванной, ходившаго по комнатѣ и ищущаго камердидеру своему изъясниться. Лишь увидѣлъ только меня, указалъ тотчасъ камердинеру, чтобъ онъ вышелъ, а самъ, взявъ меня за руку, вошелъ въ мой кабинетъ. Тутъ, указывая на ротъ свой, значительно покривившійся, жестами искалъ дать мнѣ чувствовать, что ему хуже и что онъ не надѣется долго прожить. Я старался всячески успокоить его, но онъ рукою всегда показывалъ мнѣ убѣжденіе свое о скорой кончинѣ; послѣ сего началъ паки съ большею ажитаціею ходить, досадуя, что не можетъ изъяснить мыслей своихъ; наконецъ, пріостановяся у стола, выговорилъ Ермолай, потомъ послѣ нѣкотораго времени Ѳедоръ. Я тутъ, выразумѣвъ, что онъ хочетъ говорить о дворовыхъ людяхъ и объ отпускѣ ихъ на волю, сказалъ ему: Вы говорите о дворовыхъ людяхъ; вы хотите, чтобъ они были отпущены; все сдѣлано будетъ по волѣ вашей; но успокойтеся.

«Онъ головою изъяснилъ мнѣ, что я его понялъ. Послѣ сего паки, иногда ходя съ большимъ усиліемъ, иногда присаживаяся, назвалъ мальчика, котораго я записалъ; тамъ Марку, а послѣ Степана. Тутъ я, помня, что намѣреніе его всегда было отпустить всѣхъ своихъ дворовыхъ людей, и чтобъ не истощить его и предварить желаніе его, сказалъ: всѣхъ людей на волю. Онъ головою сдѣлалъ знакъ утвердительной и, сказалъ да, да; чрезъ нѣсколько времени за симъ выговорилъ: прикащиковъ. Я спросилъ: всѣхъ? Онъ отвѣчалъ, съ большимъ трудомъ, словомъ всѣхъ.

«На сіе время пришелъ графъ Петръ Васильевичъ, который началъ уговаривать его, чтобъ онъ не безпокоился, а послѣ и я старался уговорить его, чтобъ онъ вышелъ въ кабинетъ, что онъ и исполнилъ. Но, по маломъ времени, паки вставъ, показалъ мнѣ рукою, чтобъ я за нимъ шелъ.

«Пришедъ въ кабинетъ мой, возобновилися прежнія ажитаціи. Онъ сказалъ мнѣ священный долгъ, что я при немъ и записалъ; послѣ

попа не забудьте; Зарубаева; вольныхъ людей. На сіе отвѣчалъ я: Все сдѣлано будетъ по желанію вашему; будьте спокойны; вы убиваете себя воображеніемъ вашимъ. Приходъ Блока прекратилъ сію сцену. Онъ вышелъ въ кабинетъ, гдѣ приложили ему на шею Шпанскія мухи.

«Вторникъ 22-го. По утру, въ началѣ шестаго часа, былъ я у него освѣдомиться о его состояніи и вышедъ вскорѣ едва легъ въ постель, какъ въ седьмомъ въ началѣ прибѣжалъ меня звать камердинеръ. Пришедъ въ комнату я приближался къ постели его. Онъ мнѣ сказалъ раза два или три Наталью Александровну. Я отвѣчалъ: знаю, ту что у Николая Ефремовича живетъ? Да, да, возразилъ онъ, прибавя: пожалуйста. Вы хотите, сказалъ я, чтобъ о ней имѣли попеченіе? Да, да, и знакъ головы подтвердительный. Будьте спокойны: все нужное о ней попеченіе имѣть будутъ. Сѣвъ послѣ сего, онъ немного спустя, при П. Я. Сахновскомъ, указалъ мнѣ правую сторону кровати. Приближася къ ней, онъ показалъ рукою комодъ. Я позвалъ камердинера, чтобы оный отворилъ, что, будучи сдѣлано, подана ему записная книжка, изъ которой, когда вышелъ камердинеръ, вынулъ онъ бумагу и, раскрывъ ее, я тотчасъ увидѣлъ письмо къ государю; а онъ, указавъ мнѣ, что оно конфирмовано, держалъ, чтобъ я оное читалъ, переворотя даже страницу. Когда прочелъ я его, то отдалъ мнѣ его, а записную книжку указалъ положить въ комодъ; но когда подошелъ я къ комоду и положилъ на откидную онаго доску письмо сіе, то онъ, видно вздумавъ, что я положить его въ комодъ же хочу, тотчасъ началъ мнѣ указывать, чтобъ я его удержалъ и когда увидѣлъ что я прячу оное въ карманъ, то головою опробовалъ сіе и рукою слѣлалъ жестъ, чтобъ я оное хранилъ.

«Послѣ обѣда выходилъ въ диванную и, посадя меня возлѣ себя, выговорилъ: прачки. Я ему сказалъ, что сіе сдѣлано уже, что все по приказанію его, наканунѣ данному, исполнится, что мною сдѣланъ реестръ и, вынувъ оный изъ кармана, показывалъ слово прачки, примѣчая также и на другія имена. Онъ, приклоня нѣсколько разъ голову, сказалъ: хорошо и тотчасъ вышелъ. А позже вышелъ такимъ же образомъ въ гостинную гдѣ, сѣвъ на кресло, выговорилъ нѣсколько разъ Черномовъ, и возвратился потомъ въ кабинетъ. По настоянію жестами, чтобъ я сего не забылъ, надобно думать, что сей Черномовъ есть кто нибудь изъ людей, кои по землямъ или иначе, процессы съ нимъ имѣли. Среда 23-го. Не забудь поповъ. Вазы отдать» [613]).

За тѣмъ, въ письмѣ, отъ 1-го апрѣля, Кочубей къ графу А. Р. Воронцову такъ описалъ положеніе больнаго. «Я пишу вамъ, графъ, съ надорваннымъ сердцемъ. Положеніе князя оставалось тѣмъ же въ теченіи пяти дней, т. е. правая рука и нога продолжали быть парализованы, безъ всякаго измѣненія и языкъ не владѣлъ. Съ третьяго дня, его начала крайне безпокоить рана, образовавшаяся внизу спины, около кости, называемый anus. Эта рана причиняетъ ему ужасныя страданія, которыя даже не могутъ быть облегчены, ибо вся тяжесть тѣла лежитъ на этой ранѣ. Но что всего ужаснѣе, это то, что вчера доктора согласились, что весьма полезно поддерживать эту рану въ видахъ истоки матеріи, между тѣмъ какъ она грозила бы гибелью, если бы натура отказала въ такомъ очищеніи; тутъ образовалась бы гангрена. Мы ждемъ съ величайшимъ безпокойствомъ, чтобы этотъ вопросъ разрѣшился окончательно, но понадобится можетъ быть еще нѣсколько дней для этого. При всемъ томъ, графъ, слабость князя чрезвычайная». [614]).

Новый ударъ, ожидаемый докторами, повторился съ княземъ 3-го апрѣля, а когда наступило 6-ое апрѣля князь уже лежалъ безъ чувствъ. Въ этотъ день Ростопчинъ писалъ въ Лондонъ, къ графу Воронцову, о близости смерти его друга: «Другъ вашъ приближается къ концу своей жизни. Надежды нѣтъ. Богъ съ нимъ. Добрыя его дѣла превосходятъ слабости, отъ добраго же сердца произтекшія. Люди всѣ въ слезахъ. Россія будетъ имъ гордиться; но онъ ея не любилъ, яко сынъ любитъ мать» [615]).

Въ этотъ же день, 6-го апрѣля, и Завадовскій спѣшилъ извѣстить графа А. Р. Воронцова о смерти друга его. «Сего числа, въ 12-ть часовъ утра, пресѣклась жизнь князя Александра Андреевича. Четыре раза претерпѣлъ параличъ, и послѣдній ударъ былъ за двое сутокъ предъ смертію. Страдательное состояніе его, чрезъ цѣлый мѣсяцъ, для меня была душевная пытка. Въ послѣднія сутки стѣсненіе дыханія возбуждало непрерывную хрипоту, сопровождавшую глубокимъ литаргомъ, доколѣ вся жизненная теплота погасла въ немъ безъ малѣйшаго терзанія. Впервое въ мою жизнь я предстоялъ болящему до послѣдней минуты. Отошедъ отъ тѣла, пишу сіе. Мои чувства преогорчены, и воспоминаніе на вѣкъ. Не въ состояніи болѣе промолвить» [616]).

Всегда внимательный къ князю Безбородкѣ, императоръ Павелъ приказалъ ежедневно доносить себѣ о состояніи его здоровья и нерѣдко самъ посѣщалъ больнаго. Дежурный адъютантъ, 6-го апрѣля, справившись, по обыкновенію, о положеніи страдавшаго канцлера, явился для

доклада императору Павлу въ Михайловскій дворецъ. Въ немъ тогда производились лѣпныя и вообще внутреннія работы, которыя государь въ это время показывалъ одному изъ иностранныхъ посланниковъ. Что князь? спросилъ императоръ. Государь, отвѣчалъ адъютантъ, Россія лишилась Безбородки! У меня всѣ Безбородки, съ досадой возразилъ Павелъ. Что было на сердцѣ царя, когда онъ произносилъ эти слова, сказать невозможно. Афоризмъ, произнесенный Павломъ при извѣстіи о смерти Безбородки, носитъ на себѣ очевидный характеръ дипломатической тенденціи, имѣвшей цѣлію внушить чужеземному представителю, осматривавшему новый царскій дворецъ въ Россіи, сильную вѣру императора въ геніальность его министровъ. Но его подданные, знаменитые Русскіе люди, судили о князѣ Безбородкѣ иначе: я разумѣю исторіографа Карамзина, законовѣда-администратора Сперанскаго и дипломата графа Моркова. Первый въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 3-го іюня 1825 года, писалъ: «Графъ Воронцовъ давалъ мнѣ читать письма Безбородки къ графамъ Воронцовымъ о временахъ Екатерины и Павла. Онъ былъ хорошій министръ, если и не великій; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи, то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: нѣтъ совершеннаго» [617]). Сперанскій же отозвался, что «въ Россіи, въ XVIII столѣтіи, было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній,—прибавилъ онъ, не имѣлъ характера» [618]). Дипломатъ графъ Морковъ, въ письмѣ къ графу Воронцову, отозвался о князѣ-канцлерѣ такъ: «Безъ сомнѣнія, князь Безбородко во многихъ отношеніяхъ составляетъ для всѣхъ утрату, но я не знаю, внушаетъ ли онъ кому либо состраданіе. Мнѣ кажется, не сравнивая вполнѣ, можно къ нему приложить то, что было сказано въ Mercure de France по поводу смерти Потемкина. Редакторъ статьи, перечисливъ различныя черты счастья и блеска, наполнявшихъ жизнь его героя, прибавляетъ, что смерть его была послѣднимъ лучемъ счастливой звѣзды, подъ которою онъ родился» [619]).

Послѣ мнѣній, высказанныхъ о князѣ Безбородкѣ историкомъ, юристомъ и дипломатомъ, нельзя не остановиться и на тогдашнихъ поэтическихъ образахъ, въ которыхъ личность князя-канцлера отразилась по поводу его смерти. Пѣвецъ вѣка Екатерины и конца прошлаго столѣтія, Державинъ, отозвался на смерть его двумя стихотвореніями, или точнѣе говоря эпитафіями: 1, На смерть князя А. А. Безбородко и 2, На гробъ его.

1.

Онъ мнѣ творилъ добро,
Быть можетъ, что и лихо;
Но умеръ человѣкъ; не входитъ въ небо зло.
Творецъ! Мольбѣ моей вонми:
Въ объятіе Свое, въ сіянье тихо,
И слабости его прими.

2.

За сердце и за умъ
Онъ былъ почтенъ двумя царями;
Любимъ, осѣтованъ друзьями.
И не народный шумъ,
Не погребальный блескъ, не звукъ, ему хвала—
Дѣла [620]).

Другой современникъ Безбородкинской смерти, не стяжавшій себѣ ни имени, ни славы на страницахъ народной поэзіи, написалъ интересную, хотя и не запечатлѣнную признаками геніальнаго творчества, оду, въ которой живо выразилъ внутреннія и внѣшнія характеристическія черты почившаго сановника. Я разумѣю А. Павловскаго и его: Стихи на кончину князя Безбородки [621]).

Не смотря на растянутость, Стихи отличаются выразительностію и правдивостію, что легко замѣтить въ приведенныхъ здѣсь нѣсколькихъ строфахъ:

Полъ-вѣка цѣлаго, и вящше, онъ сіялъ,
Всегда отечества о счастіи смышлялъ,
Всегда онъ сильну мысль клонилъ къ тому предмету,
Чтобъ честь Россіи зрѣть преизумленну свѣту.

Далѣе поэтъ указываетъ на то, какъ Безбородко «содержитъ въ обширной памяти своей все то, что самодержецъ предписалъ въ законахъ, какъ благоговѣйно умѣлъ онъ исполнять свой долгъ при каждомъ мановеніи монаршаго перста и быстрымъ теченіемъ дѣлъ оправдать павшій на него высокій выборъ». Затѣмъ, упоминаетъ, что покойникъ «имѣлъ почтенный видъ и поступь благородну, министра важность всю, душу вѣры полну, и что онъ находилъ веселье и радость въ ежечасномъ, щедромъ благотвореніи ближнему».

Стихи оканчиваются увѣреніемъ, что Безбородко взошелъ на высочайшую степень почестей преславною стезею собственныхъ заслугъ,

что онъ зналъ какъ идетъ свѣтъ, и зналъ пути, приводы, и что онъ былъ дѣйствительно великой человѣкъ».

Кстати привести и отзывъ о Безбородкѣ иностранца, высказанный по поводу его смерти въ сочиненіи, изданномъ спустя 16-ть лѣтъ. Spada въ своихъ «Русскихъ эфемеридахъ» посвящаетъ Безбородкѣ слѣдующія строки: «Этотъ министръ, одаренный могучимъ, блестящимъ и живымъ воображеніемъ, крайней легкостію въ работѣ, совершенной опытностію въ дѣлахъ, умомъ плодовитымъ на придумываніе средствъ, и отличавшійся познаніями и образованіемъ, возвысился въ чинахъ до перваго достоинства въ имперіи и окончилъ свою карьеру съ репутаціею самаго способнаго государственнаго человѣка своей страны. День смерти его былъ истиннымъ днемъ печали и горя для всѣхъ его родныхъ и для всѣхъ тѣхъ, кто былъ ему искренне преданъ» [622]).

Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко скончался отъ «ревматизма съ послѣдовательнымъ развитіемъ водяной» [623]) на 52 году своей жизни, 6-го апрѣля 1799 года, въ своемъ Петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Обрядъ погребенія былъ совершенъ 13-го апрѣля. Роскошная картинная галлерея, нынѣшняя Почтамтская церковь, гдѣ стояло тѣло почившаго князя, представляла печальный видъ. Всѣ картины, стѣны и окна были завѣшаны чернымъ сукномъ, украшеннымъ серебряными крестами и тускло освѣщались четырьмя свѣчами. Въ переднемъ углу, на катафалкѣ, вызвышался богатый гробъ съ прахомъ князя, а надъ гробомъ висѣлъ, сдѣланный именно для этого случая, богатый болдахинъ [624]), изъ малиноваго бархата съ золотымъ фигурнымъ подзоромъ на 8 столбахъ, съ страусовыми перьями.

Въ день погребенія князя, съ ранняго утра, Благовѣщенская церковь Александро-Невской лавры наполнилась массой народа. Императоръ со свитою, родные, сослуживцы, друзья и недруги умершаго князя провожали его тѣло. Обѣдню служилъ архіепископъ Казанскій Амвросій. «По отпѣтіи обѣдни,—какъ записано въ лаврской лѣтописи [625]),—надгробное слово сказывалъ Троицкой пустыни архимандритъ Амвросій [626]), знаменитый тогдашній проповѣдникъ, впослѣдствіи архіепископъ Тверскій. На отпѣваніи присутствовали, кромѣ преосвященнаго Казанскаго Амвросія, архіепископъ ПсковскійИриней и епископъ Тверскій Павелъ, провожавшіе тѣло «со архимандриты и протчимъ духовенствомъ» изъ дому въ лавру. По окончаніи отпѣванія, гробъ вынесли на лаврское кладбище и тѣло канцлера предали вѣчному покою.

Мѣсто, гдѣ погребено тѣло князя Безбородки, въ то время нахо-

дилось между алтаремъ Благовѣщенской церкви и зданіемъ придворныхъ залъ, изъ которыхъ съ 1819 по 1821 годъ сооружена была церковь во имя Сошествія Святаго Духа и, такимъ образомъ, часть лаврскаго кладбища, гдѣ находились могилы: князя А. А. Безбородки, князя А. А. Вяземскаго, И. И. Бецкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, очутились подъ кровлею, образовавъ довольно большое темное пространство между алтаремъ Благовѣщенской и Духовской церквей, называемое теперь палаткою.

Послѣ похоронъ князя Безбородки, графъ Завадовскій, въ письмѣ своемъ, отъ 15-го апрѣля, къ графу А. Р. Воронцову, излагая свои горестныя чувства по поводу печальной церемоніи погребенія князя, писалъ: «Еще не свободны отъ тяжкой горести мои чувства, чтобъ бесѣдовать съ тобою печальнымъ голосомъ. Уже тѣло друга нашего въ объятіяхъ земли: третьяго дни, въ Среду, погребенъ въ церкви Невскаго монастыря, въ томъ придѣлѣ, гдѣ князь Вяземскій и графъ Брюсъ положены. Въ запискѣ своеручной, карандашемъ начертанной для своей духовной, найденной въ его бумагахъ, онъ завѣщалъ погрести тѣло безъ всякой церемоніи и покрыть его могилу только простымъ камнемъ; а деньги, чего стоили бы погребальные обряды, употребить на богоугодное дѣло. Но государь императоръ указалъ, не взирая на сіе, похоронить по его знаменитому сану. Потому весьма великолѣпны похороны были, и свыше всѣхъ, что я видѣлъ надъ людьми приватными. Но не единымъ тщеславіемъ погребеніе его отличалось. Рѣдкое и несравненное было то, что всѣхъ состояній люди, наполнявшіе улицы отъ его дома до Невскаго, плачемъ и сердечнымъ сожалѣніемъ провожали гробъ его. Смерть праведнаго съ похвалами, и развѣ едина зависть къ его счастію сего не чувствовала.

«Въ запискѣ, о которой выше упоминаю, начерталъ коротко нѣкоторые артикулы: 1, всему имѣнію остается, по праву, братъ его наслѣдникомъ; 2, Польское отдаетъ въ ровныя части двумъ дочерямъ брата своего; 3, чтобъ долги уплатить безъ продажи имѣнія; 4, картинъ не продавать; 5, полагаетъ исполнить по духовной тебѣ и Осипу Степановичу [Судіенко], и удовольствовать по тяжебнымъ дѣламъ просителей. Намѣреніе видно имѣлъ распорядить законно, для чего и дѣлалъ нотиціи. Но болѣзнь разрушила его помыслы. До удара ласкался жизнію и занимался дорогою и созданіемъ, въ свое отсутствіе, Московскаго дома, полагая въ чужихъ краяхъ пріобрѣтать еще больше вещей на украшеніе онаго; а когда свойства душевныя въ немъ поражены были, то остатокъ своего чувства влеченъ былъ къ вѣрѣ, не побуж-

даясь никакимъ инымъ хотѣніемъ. Прежде паралича, побочной своей дочери утвердилъ Бѣлорусское и часть въ Новороссіи имѣнія. Въ приближеніи втораго удара, надиктовалъ Кочубею свободу своей челяди и возвратилъ спорныя земли. Больше сего ничѣмъ не распорядилъ. Приватные долги доселѣ всѣ еще неизвѣстны; но какъ доходы его простираются свыше трехъ сотъ тысячъ, а наличныхъ денегъ, которыя приготовилъ для строенія дома и на свой вояжъ, состоитъ нѣсколько сотъ тысячъ, то и удобно уплачивать долгъ, не касаясь къ имѣнію. И въ томъ не оставилъ большой заботы обогащенному брату. Ты мнѣ говаривалъ, сколько покойника Москва любила. Не можешь себѣ представить до какой степени восходило о немъ сожалѣніе и здѣсь, въ гнѣздѣ самыя обильныя зависти. Не первый онъ постояннымъ благоволеніемъ фортуны сопровождаемъ былъ и въ жизни, и ко гробу; но другаго никого отъ вельможъ нашего вѣка употребить ему нельзя, съ стороны любви и привязанности, изъявленныхъ публикою въ его болѣзнь и по кончинѣ. Симъ стяжаніемъ онъ превзошелъ вознесенныхъ и богатыхъ и удивляетъ самую зависть. Не было человѣка, написалъ Маркъ Аврелій, толико счастливаго, чтобъ при погребеніи его не нашелся радующійся въ предстоящихъ. Изреченіе философа не оправдалось ни единою душею отъ погребавшихъ нашего друга. Но что во всемъ томъ, погребли и забудутъ; для насъ живущихъ остается всяческая суета, а покойникъ, есть-ли подумать, отошелъ въ пору для себя. Въ теченіе болѣзни мнѣ, присутствующему безвыходно, являлъ сердечную чувствительность, и вся горькая сцена еще не отходитъ отъ моихъ глазъ. Сна не имѣю и позыва къ пищѣ. Усиливаюсь приложить уже тщетную печаль, но и борьба душевная также въ накладъ здоровью. Разставшись съ послѣднимъ милымъ человѣкомъ, не имѣю кому бы излить душу и, пребывая одинъ какъ палецъ, дѣлаюсь жертвою полнаго унынія». Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля, Завадовскій писалъ о кончинѣ и погребеніи Безбородки въ Лондонъ, къ графу С. Р. Воронцову: «На сей разъ душу имѣю преогорченную кончиною князя Александра Андреевича. Хотя нравъ и склонности наши не были одинаковы, но свычка и пріязненное обращеніе въ теченіи непрерывномъ больше тридцати лѣтъ дѣйствуютъ на мое сердце наимучительнѣйше. Составъ тѣлестный отъ нѣкотораго времени разрушался въ немъ примѣтно, почему и былъ отпущенъ къ водамъ. Снаряжаясь въ путь, получилъ параличъ. Первый ударъ повредилъ правую руку, языка не лишилъ вовсе, а только притупилъ; другимъ и сіи части, равно нога и весь правый бокъ поражены были жестоко; третій и четвертый меньше

въ наружности, а больше внутренне убивали въ немъ жизненныя силы. Память и вниманіе оставались въ немъ. Безгласнымъ будучи, всякой разъ лѣвою рукою и поматываніемъ головы давалъ знать о своемъ хотѣніи и что самъ чувствуетъ свою кончину. Въ послѣдніе двадцать часовъ поверженъ былъ въ летаргическій сонъ, въ которомъ угасъ, какъ свѣча. Я былъ присутственъ ему безвыходно во всю болѣзнь и до минуты смертной. Три раза прощался со мною и оказывалъ въ теченіи своего недуга наибольшую свою ко мнѣ чувствительность. Въ глазахъ моихъ совершался конецъ столь близкаго мнѣ человѣка. Ни при чьей смерти я не присутствовалъ, и впервой на вѣку моемъ вытерпѣлъ душевную пытку прелютую.

«Порядочнаго распоряженія по себѣ не оставилъ, кромѣ двухъ тысячъ душъ, укрѣпленныхъ побочной его дочери. Въ бумагахъ найдена его руки карандашемъ записка для духовной моей. Въ ней изображается: 1, наслѣдникъ его имѣнія родной братъ; 2, Польское имѣніе предопредѣляетъ раздѣлить на двухъ племянницъ, дочерей братнихъ; 3, картинъ не продавать, долги выплатить безъ продажи недвижимаго; 4, погребсти тѣло просто, не дѣлая пышной церемоніи; а деньги, чтобъ на то употребить, обратить на богоугодное дѣло, и исполнителями въ томъ своей воли полагалъ твоего брата, да Судіенкова. Сію нотацію я считаю дѣломъ въ прежнихъ припадкахъ, наводившихъ ему сомнѣніе о жизни, а порядочно совершить не хотѣлъ, чтобъ не видѣть недовольныхъ. До паралича, въ упованіи еще жить, весьма занимался вояжемъ и построеніемъ въ свое отсутствіе наивеликолѣпнѣйшаго дома въ Москвѣ.

«Государь императоръ, не взирая на завѣщаніе, указалъ похоронить церемоніально, и ни одинъ не стяжалъ общаго сожалѣнія до такой степени по своей смерти, съ каковымъ провожденъ во гробъ покойникъ. Все сіе, и горькое, и утѣшительное, чувствуютъ не мертвые, а живущіе, и то не надолго. Лишь погребенъ, и забудутъ!

«Превознесенное состояніе подвигаетъ на себя всегда жало зависти. Покойникъ любилъ богатство и страстенъ былъ къ блеску онаго во всякомъ родѣ: домъ его начиненъ, какъ пирогъ, рѣдкими и драгоцѣнными убранствами въ такомъ количествѣ, что приватные всей Европы не идутъ въ уподобленіе. Народное тщеславіе и во всемъ прочемъ необычайное преуспѣяніе кололи завистливые глаза, по обыкновенному свойству людей, чтобъ злорѣчить другаго въ томъ, чего сами имѣть не можемъ. Безъ благоволенія фортуны и случаевъ благопріятствовавшихъ никто не вошелъ въ первую знать; но опричь сихъ, покойникъ

имѣлъ свою собственность ущедренную отъ природы, какъ-то: умъ дѣловый и острое понятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей, для государственнаго человѣка нужныхъ, которыя удерживала всегда присутственными мыслямъ память его преудивительная. Къ его головѣ трудно прибрать равную, чтобъ также былъ премягкой нравъ и незлобивое сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему» [627]).

XXIII.

Труды по должности секретаря императора Павла I и „Канцелярія князя Безбордки“.

Черезъ 10-ть дней по смерти князя Безбородки, изданы были два высочайшіе указа, касавшіеся «канцеляріи» покойнаго. Кругъ дѣятельности княжеской канцеляріи съузился сравнительно съ кругомъ графской канцеляріи, принадлежавшей лучшему для Безбородки времени царствованія Екатерины: такъ какъ различныя вѣтви докладовъ верховной власти по дѣламъ при императорѣ Павлѣ разошлись по разнымъ рукамъ, и на долю Безбородки остались доклады и переписка лишь по особымъ и чрезвычайнымъ порученіямъ, какъ по внѣшнимъ, такъ и особенно по внутреннимъ дѣламъ государства. Но и при такомъ съуженіи круга занятій, и притомъ только въ два съ половиною года, которые Безбородкѣ суждено было секретарствовать при императорѣ Павлѣ, канцелярія князя наработала не мало. Изъ сохранившихся въ архивѣ кабинета его императорскаго величества исходящихъ журналовъ: именныхъ указовъ и писемъ Безбородки къ разнымъ должностнымъ лицамъ, съ объявленіемъ высочайшей воли, видно, что за Павловское время въ его канцеляріи составлено 164 именныхъ указа, изъ которыхъ 46 указовъ, какъ законодательные, напечатаны въ 1-мъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи [628]). Остальные 118 актовъ, а равно письма Безбородки, появлявшіяся, какъ кажется, всякій разъ непосредственно послѣ изъявленія государемъ высочайшей воли, указываютъ на близость къ Безбородкѣ императора, о которой приходилось упоминать неоднократно, и на чрезвычайныя милости, которыя отъ щедротъ монарха изливались на его любимцевъ чрезъ посредство довѣреннаго секретаря.

При императорѣ Павлѣ сношенія верховной власти съ различными государственными учрежденіями, сравнительно съ сношеніями въ царствованіе Екатерины II, получили весьма незначительную перемѣну. Государь ежедневно давалъ пароль на разводѣ, гдѣ онъ и объявлялъ высочайшія повелѣнія по военной части, получавшія силу именныхъ указовъ. Важнѣйшіе Сенатскіе доклады, особенно по уголовнымъ дѣламъ, императоръ Павелъ, за время Безбородки, т. е. въ первые два съ половиною года, читалъ самъ, и самъ же, собственною своею рукою, писалъ на нихъ резолюціи. Понятно, что такія чтенія вызывали со стороны энергическаго и впечатлительнаго монарха усиленное вниманіе и приводили его въ самое близкое соприкосновеніе съ ходомъ дѣлъ въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. При этомъ императоръ неизбѣжно долженъ былъ усматривать и замѣчать недостатки въ разныхъ частяхъ управленія обширнѣйшей страны и сознать необходимость въ устраненіи ихъ и въ приведеніи государственнаго управленія въ стройную систему. Естественно было государю, по предмету размышленій и заботъ означеннаго свойства, обратиться за совѣтомъ къ многоопытному своему секретарю и канцлеру, князю Безбородкѣ. Этимъ только обстоятельствомъ возможно объяснить появленіе на свѣтъ замѣчательной Записки о потребностяхъ Имперіи Россійской, иначе Записки для составленія законовъ Россійскихъ, которая открыта была послѣ смерти князя Безбородки.

Пока извѣстно объ этой Запискѣ не много: 4-го сентября 1855 года, графъ Д. Н. Блудовъ препроводилъ къ управлявшему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи «копію съ записки князя А. А. Безбородки, своеручно писанной передъ концомъ его жизни, о потребностяхъ имперіи Россійской». На копіи выше заголовка неизвѣстною рукою написано: «Cette par pièce a été faite par le difunt prince Bezborodko en 1799». Въ письмѣ-же графа Блудова Записка была озаглавлена: «Записка для составленія законовъ Россійскихъ», и съ этою цѣлію передана во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ она теперь и хранится.

Записка эта, по ея содержанію, ставитъ императора Павла I и князя Безбородку въ связь съ императоромъ Александромъ I и графомъ Сперанскимъ, съ императорами Николаемъ I и Александромъ II. Много прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Записка вышла изъ-подъ пера князя Безбородки, а потому и устарѣла; но для своего времени, для царствованія Павла, она чрезвычайно любопытный и важный документъ [639]).

Въ Запискѣ Безбородко объясняетъ основанія самодержавной власти въ Россіи, права дворянства и мѣщанства и потребности сельскаго состоянія и, наконецъ, устройство и потребности высшаго судопроизводства въ Россіи. Записка не представляетъ окончательно обработаннаго трактата, а есть только черновой набросокъ мыслей канцлера по вопросу, предложенному ему на объясненіе съ государемъ; но и въ этомъ видѣ Записка носитъ на себѣ слѣды юридической, политической и общественной опытности канцлера и даже стилистическаго совершенства, внесеннаго Безбородкою въ языкъ нашихъ дѣловыхъ бумагъ гораздо ранѣе Сперанскаго. Она можетъ служить и нагляднымъ оправданіемъ того, почему Павелъ имѣлъ право не соглашаться на увольненіе Безбородки отъ дѣлъ при жизни послѣдняго, если бы его просьба объ отставкѣ и была поднесена императору княземъ Лопухинымъ: Безборооко былъ нуженъ Павлу.

Понятны, послѣ того, милости императора Павла, дарованныя канцеляріи князя Безбородки чрезъ 10 дней по смерти послѣдняго: этими милостями императоръ выражалъ свое уваженіе къ достоинствамъ ея покойнаго начальника.

По должности императорскаго секретаря, у князя Безбородки было 14-ть сотрудниковъ, или, говоря языкомъ Павловскихъ указовъ, „находящихся при дѣлахъ князя Безбородки". Въ числѣ этихъ 14-ти лицъ только одинъ чиновникъ оставался отъ канцеляріи Екатерининскаго времени: Н. Е. Ефремовъ, человѣкъ близкій Безбородкѣ по сердечнымъ связямъ, на которыя въ своемъ мѣстѣ было указано. Всѣ другіе 13-ть служащихъ были люди новые [630]).

Двумя именными высочайшими указами, данными Сенату 16-го апрѣля 1799 года, лица, составлявшія канцелярію покойнаго князя Безбородки, были награждены чинами и опредѣлены къ новымъ мѣстамъ, или оставлены при прежнихъ съ причисленіемъ къ другимъ секретарямъ. Изъ нихъ „статскій совѣтникъ Ефремовъ былъ опредѣленъ въ Ассигнаціонный Банкъ на первую вакансію совѣтника", а до поступленія въ „комплектъ" повелѣно было производить ему получаемое имъ жалованье [631]). Статскій совѣтникъ Терентій Чернышъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и причисленъ къ „Герольдіи для опредѣленія впредь". Коллежскіе совѣтники: Бѣляевъ, Коробановъ, Донауровъ и Плещеевъ были причислены также къ Герольдіи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Татищевъ, Лепохинъ, Пини, Вѣсткинъ, Миллеръ, Хапенко, Нартовъ и Нелидовъ были оставлены при прежнихъ должностяхъ

съ причисленіемъ къ другимъ секретарямъ. Всѣ эти лица были произведены въ слѣдующіе чины чрезъ одинъ и два чина [632]).

Ни одно изъ названныхъ лицъ, числившихся къ канцеляріи князя Безбородки, не оставило по себѣ никакого замѣтнаго слѣда. Это были люди усердные, но самые обыкновенные, а потому и можно заключить, что всѣ важныя государственныя бумаги секретарю Безбородкѣ и при импереторѣ Павлѣ, какъ и при императрицѣ Екатеринѣ, приходилось составлять самому и писать собственноручно.

Награды, пожалованная Павломъ чинамъ канцеляріи князя Безбородки, вызвали графа Ѳ. В. Ростопчина увѣдомить объ этомъ своего друга Воронцова, которому онъ, между прочимъ, писалъ: „Бывшіе при князѣ Безбородкѣ получили повышенія“ [633]), а наканунѣ этого письма, 18-го апрѣля, Ростопчинъ отправилъ къ нему же огромное письмо, въ которомъ, разсказывая важнѣйшія обстоятельства изъ своихъ отношеній къ покойному князю, ссылается на эти обстоятельства, какъ на причины, побудившія его перемѣнить „свое мнѣніе о человѣкѣ, къ которому онъ чувствовалъ уваженіе и признательность“. Жолчность рѣчи, съ какою Ростопчинъ говоритъ о князѣ Безбородкѣ, обязываетъ остановиться на его словахъ и разсмотрѣть ихъ подробно. Ростопчинъ пишетъ: „Вы будете горевать о князѣ Безбородкѣ. Онъ васъ любилъ и былъ къ вамъ привязанъ. Вы тоже любили его, потому что цѣнили его умъ и сердце; но вы потеряли его изъ виду. Вотъ моя исторія съ нимъ. Передаю ее единственно для васъ. Вы повѣрили мнѣ вашу [автобіографію графа С. Р. Воронцова], которую я отослалъ обратно съ курьеромъ. Прочтите мое письмо и бросьте его въ огонь. Судите меня строго. Я увижу по тону вашихъ писемъ, находите ли вы меня виновнымъ, или продолжаете считать благороднымъ человѣкомъ, какимъ я былъ и буду во всю мою жизнь.

„По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, я рѣдко видѣлъ графа Безбородку. Онъ жилъ съ своими пріятелями, дѣвками и разною сволочью. Онъ вспомнилъ, что вы поручали меня его благоволенію. Самойловъ просилъ обо мнѣ. Онъ далъ мнѣ занятія на конгрессѣ [Ясскомъ], вмѣсто Самойлова. Онъ послалъ меня курьеромъ въ Петербургъ. Онъ писалъ къ Зубову, но изъ этого ничего не выходило. Самойловъ пріѣхалъ, сталъ хлопотать, и я былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры. Я хранилъ чувство благодарности къ графу Безбородкѣ. Однако же въ исторіи моего изгнанія, при покойной государынѣ, онъ оставилъ меня безъ поддержки. Впрочемъ, тутъ онъ не могъ ничего сдѣлать. Возвратившись изъ ссылки и удостоившись довѣрія государя [тогда великаго князя], я съ прискор-

*

біемъ замѣтилъ, что государь ненавидитъ графа, предубѣжденный противъ него многими изъ своихъ приближенныхъ. Онъ до такой степени былъ вооруженъ противъ Безбородки, что я часто страшился послѣдствій, которыя могли бы оказаться по восшествіи на престолъ. Въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ я боролся противъ этого предубѣжденія. Я упросилъ государя присутствовать на праздникѣ, который былъ данъ Безбородкою императрицѣ въ бытность здѣсь короля Шведскаго. Тутъ произошло примиреніе между хозяиномъ дома и великимъ княземъ. При самомъ восшествіи на престолъ, когда императрица лежала въ предсмертныхъ мукахъ, графъ Безбородко взялъ меня за руки и умолялъ, заливаясь слезами, выхлопотать ему отпускъ, такъ какъ ему ничего не надо при 220,000 руб. доходу. Онъ ожидалъ опалы или чего нибудь худшаго. Я успокоилъ его. Вы знаете, что онъ получилъ въ коронацію. Государь совѣтовался со мною, чѣмъ наградить его за подарокъ дома. Мнѣ пришла мысль о княжескомъ достоинствѣ, и государь благодарилъ меня. И такъ, съ 6-го ноября по 5-е апрѣля, Безбородко получилъ 16,000 душъ, приносившихъ ему 180,000 руб. годоваго дохода, 80,000 десятинъ земли, стоящихъ, по крайней мѣрѣ, 800,000 руб. (такъ какъ треть оныхъ состоитъ въ лѣсахъ Воронежской губ.), портретъ государя, первый и единственный доселѣ пожалованный; мать его сдѣлана статсъ-дамой и получила орденъ св. Екатерины большаго креста; наконецъ даны повышенія и награды всѣмъ его родственникамъ и приближеннымъ, которые всѣ остались при немъ, не смотря па происки Куракиныхъ, домогавшихся удалить его и замѣстить княземъ Репнинымъ. Меня заставили выдти въ отставку. Онъ высказалъ холодность, неискренность и заочно осуждалъ мои дѣйствія, говоря: Онъ самъ виноватъ. Какъ могъ не дѣлать того, что дѣлаютъ всѣ, и не кадить государю и другу его, Нелидовой. Я возвратился. Государь былъ возбужденъ противъ него. Я старался все уладить. Князь очень сердился на маленькаго плута Обрѣзкова. О его дѣйствіяхъ доложено было государю, но вмѣсто того, чтобъ наказать плута, бравшаго взятки, и котораго, по буквѣ закона, можно было посадить въ крѣпость, его произвели въ сенаторы, дали ему 2,000 руб., и какъ никто лучше князя не умѣлъ пользоваться минутой, то онъ досталъ мѣсто и повышеніе Кочубею, что не стоило большаго труда: потому что государь заботился, какъ бы загладить непріятность, которую мнѣ сдѣлали весною. Онъ вызвалъ Пестеля, чтобъ дать ему назначеніе въ Москвѣ. Государь, недовольный тѣмъ, что въ продолженіи пяти дней Безбородко не доставлялъ ему бумагъ, прогнѣвался и назначилъ Пестеля здѣшнимъ почтдиректо-

ромъ, вмѣсто Беклешова. Тогда князь сообразилъ, что я покровительствовалъ этому плуту и въ раздраженіи выразился: этого бы и Обрѣзковъ со мною не сдѣлалъ. Это меня очень огорчило. Я написалъ вамъ о томъ тогда-же. Но я ссылаюсь на Кочубея, измѣнилъ ли я хотя въ чемъ нибудь мои отношенія къ его дядѣ. Вотъ все, что происходило между нами, и вотъ причина, побудившая меня перемѣнить мнѣніе о человѣкѣ, къ которому я чувствовалъ уваженіе и признательность. Я встрѣтилъ въ немъ ненасытную страсть къ наживѣ и пріобрѣтенію. Онъ не брезгалъ никакимъ добромъ. Онъ набралъ картинъ и бронзъ отъ мошенника Вута, пріѣхавшаго раззорять нашу страну своими проектами, которыхъ достойнымъ образчикомъ служитъ послѣдній Банкъ. Князь получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя никакихъ пошлинъ и раздѣляя барыши пополамъ съ Соймоновымъ, достойнымъ висѣлицы. Онъ промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь брилліантъ. Наконецъ, всѣ эти налоги, которые возбудили такой сильный ропотъ въ народѣ и нисколько не уменьшили государственныхъ долговъ, придуманые имъ, а у него одинъ эполетъ стоитъ 50,000 рублей. Судите и произнесите приговоръ“ [634]).

Существенная часть этого отзыва заключается въ послѣднихъ строкахъ, всѣ же предыдущія строки несправедливы и во многихъ мѣстахъ ясно говорятъ объ увлеченіи автора. Изслѣдованіе мое о князѣ Безбородкѣ за время царствованія Павла вполнѣ опровергаетъ слова Ростопчина, будто Безбородко ему былъ обязанъ почестями и милостями, дарованными Павломъ. Что же касается до фактической стороны послѣднихъ строкъ письма Ростопчина, нѣкоторыхъ изъ его заявленій отрицать нельзя и нѣтъ надобности. Безбородко, дѣйствительно, бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми сомнительной честности и постоянно заботился объ увеличеніи своего состоянія. На доставленіе раскольниками припасовъ въ домъ Безбородки мнѣ не удалось отыскать никакихъ указаній ни въ архивѣ Св. Сѵнода, ни въ другихъ архивахъ. Точно также я нигдѣ не могъ найти подтвержденія на то, будто бы Безбородко велъ торговлю запрещенными товарами. Но есть въ приведенномъ отзывѣ и прямая клевета. Нигдѣ, ни въ документахъ, ни въ натурѣ Безбородки, вполнѣ обнаружившейся для читателя изъ множества его интимныхъ писемъ, нельзя найти основанія къ тому, чтобы утверждать, будто Безбородко „промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь брилліантъ“. Напротивъ, многіе изъ разсказанныхъ фактовъ свидѣтельствуютъ, что онъ интересы отечества ставилъ выше своихъ личныхъ, и, зная его вліяніе на дѣла, можно смѣло говорить, что

если бы онъ торговалъ отечественными интересами, онъ могъ бы увеличить свое состояніе въ нѣсколько разъ болѣе и не оставилъ бы не только громадныхъ, но и никакихъ долговъ. Точно также ни съ какой точки зрѣнія нельзя обвинить Безбородку въ томъ, что будто онъ придумывалъ разные налоги и носилъ 50-ти тысячный эполетъ: налоги требовались безчисленными нуждами государства, а его положеніе и его собственные доходы съ заслуженныхъ неутомимою, усердною и многополезною государственною дѣятельностію имѣній легко позволили бы ему надѣть по эполету и во 100 тысячъ каждый. Поэтому, не вдаваясь въ подробнѣйшее опроверженіе несправедливостей Ростопчина, достаточно замѣтить, что приведенный желчный отзывъ его проникнутъ очевидной страстностью, проистекавшею изъ сильнаго желанія автора во взаимныхъ съ Безбородкою недоразумѣніяхъ за послѣднее время свалить свою вину на покойника. Что соображеніе это вполнѣ состоятельно—это всего лучше доказывается другими отзывами того же самаго графа Ростопчина въ перепискѣ съ тѣмъ же графомъ С. Р. Воронцовымъ, высказанными при другихъ случаяхъ, прежде и послѣ злополучнаго его отзыва. Въ 1792 году, онъ писалъ, что его „спасеніе въ домѣ графа Безбородки“ [635]); что онъ почитаетъ „его бесѣду чтенію самой назидательной книги“ [636]). Въ день смерти князя, пораженный приближавшеюся неизбѣжною кончиною Безбородки, Ростопчинъ писалъ: „Добрыя его дѣла превосходятъ слабости, отъ добраго же сердца проистекавшія. Люди всѣ въ слезахъ. Россія будетъ имъ гордиться“ [637]). А черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, какъ было отправлено желчное письмо, именно 23-го сентября 1799 года, Ростопчинъ писалъ къ Воронцову: „Но если Россія могла произвести Бестужевыхъ, Воронцовыхъ, Безбородковъ, Румянцовыхъ и Суворовыхъ, то ей нечего довѣрять свои дѣла иноземцамъ“ [638]). Очевидно, Ростопчинъ теперь смотрѣлъ на Безбородку не такъ, какъ около полугода назадъ и, безъ сомнѣнія, отрекся бы отъ своей желчной рѣчи на счетъ Безбородки.

Черезъ три мѣсяца послѣ смерти князя Безбородки была открыта другая его собственноручная Записка для составленія духовнаго завѣщанія [639]). Ее нашелъ князь Лопухинъ, которому, вѣроятно, было поручено разобрать бумаги покойнаго канцлера. Записка написана карандашемъ, помѣчена 1799 годомъ и, за отсутствіемъ формальнаго духовнаго завѣщанія, для котораго она и предназначалась, какъ матеріалъ, послужила органомъ выраженія предсмертныхъ желаній покойнаго князя.

Князь Лопухинъ, препровождая Записку для духовнаго завѣщанія, найденную имъ въ бумагахъ князя Безбородки, къ Александру Андреевичу

[Беклешеву] писалъ ему, 27-го іюля 1799 года слѣдующее: „Между бумагами покойнаго князя Безбородки найдена Записка, писанная его рукою, „для составленія завѣщанія“, которую для присоединенія къ прочимъ бумагамъ, доставленнымъ къ вашему высокопревосходительству отъ меня, при семъ препровождаю. О сей Запискѣ я имѣлъ счастіе докладывать его императорскому величеству“ [640]).

Записка эта сдѣлалась извѣстною по содержанію раньше іюля 1799 года. Такъ, еще 21-го мая, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, въ числѣ Петербургскихъ новостей, сообщалъ въ Лондонъ графу Воронцову: „Теперь несомнѣнно, что графъ Кочубей ничего не получитъ изъ наслѣдства своего дяди“ [641]).

Кромѣ поименованныхъ записокъ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится собственноручная же князя Безбородки Записка о Сенатѣ. Въ ней изложены основанія, на которыхъ должно быть организовано это высшее государственное учрежденіе“ [642]).

Разсказъ мой о жизни канцлера-князя Безбородки конченъ. Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ геніально-умный человѣкъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родственникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный сановникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Нельзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувствію къ наукѣ и искусствамъ и по заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздою, къ которой пристально будутъ присматриваться соотечественники.

XXIV.

Памятники.

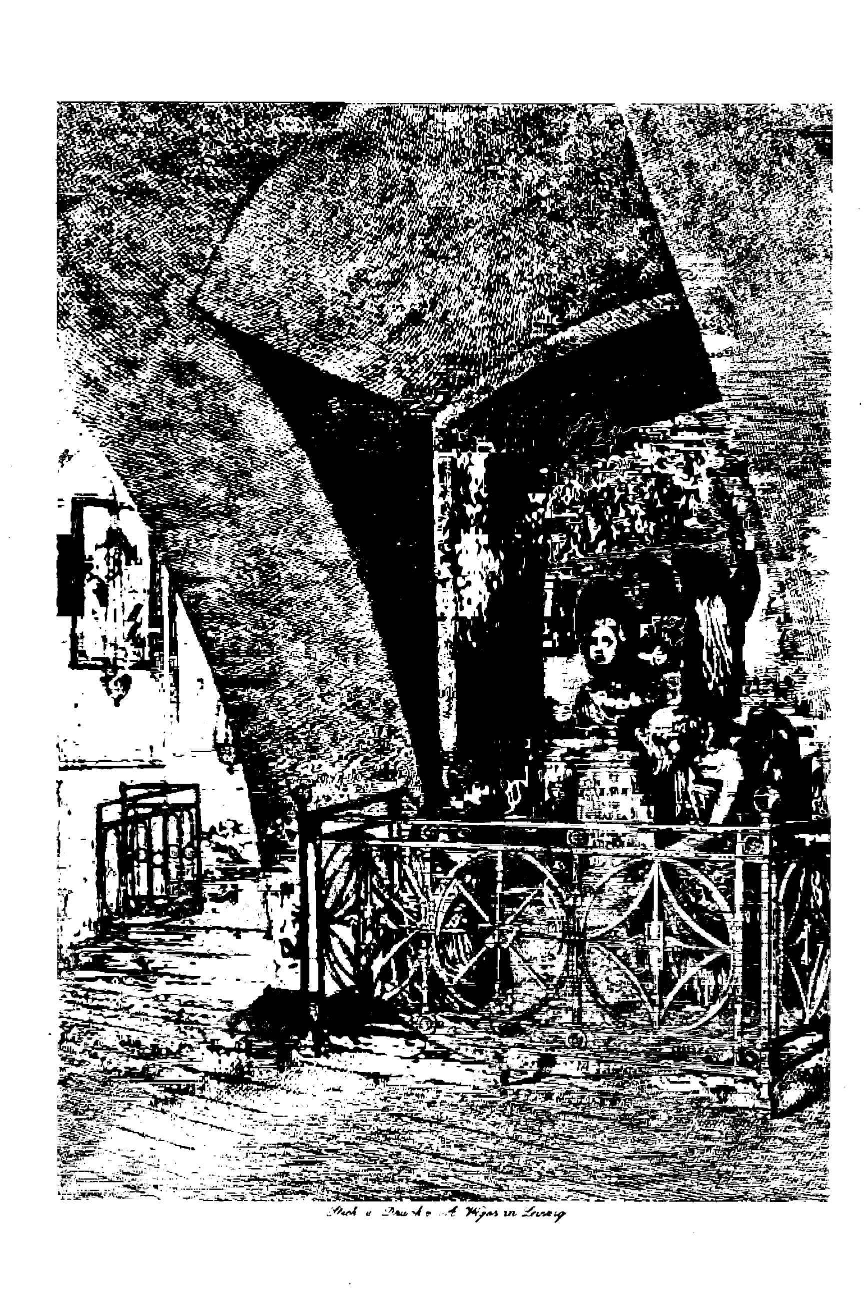
Памятники Безбородкѣ разнообразны. Прежде другихъ къ нимъ слѣдуетъ причислить надгробный памятникъ. Затѣмъ, къ памятникамъ Безбородки относятся учрежденія, приведенныя его наслѣдниками въ исполненіе послѣ смерти канцлера, или по его собственной мысли, или въ его память, но независимо отъ его воли. Наконецъ, слѣдуютъ всенародные памятники, сооруженные государствомъ, на которыхъ, во имя своихъ заслугъ, занялъ мѣсто и князь Безбородко.

1.

На могилѣ.

Могила князя Безбородки украшена великолѣпнымъ и по мысли и по выполненію бронзовымъ памятникомъ. Этотъ памятникъ воздвигнутъ князю Безбородкѣ роднымъ братомъ его, графомъ Ильею Андреевичемъ, и представляетъ группу, состоящую изъ трехъ частей. На небольшомъ возвышеніи поставлена колонна съ бюстомъ покоющагося подъ ней князя А. А. Безбородки. На колоннѣ надпись: Родился 1747 года 14-го марта; скончался 1799 года 6-го апрѣля. За бюстомъ стоитъ геній мира, въ полный человѣческій ростъ; въ лѣвой рукѣ, поднятой къ верху, онъ держитъ масличную вѣтвь, а правой указываетъ на бюстъ. У подножія колонны помѣщены два сидящіе генія: одинъ изъ нихъ освѣщаетъ свѣтильникомъ надпись, высѣченную подъ бюстомъ; за нимъ видна груда книгъ, на которыхъ изображенъ поющій пѣтухъ. Съ другой стороны колонны стоитъ геній и одною рукою закрываетъ глаза, а другою опирается на колонну съ бюстомъ. На нижней, мраморной плитѣ, высѣчена надпись: Построенъ сей памятникъ благодарнымъ братомъ [643]). Вверху, на стѣнѣ, съ правой стороны [отъ зрителя] прикрѣплена мраморная доска съ слѣдующею надписью: Александръ Андреевичъ Безбородко князь Имперіи Россійскія съ титломъ свѣтлости и графъ Римскія, дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, родился въ городѣ Глуховѣ, марта 17-го дня 1747 года. Трудомъ и дарованіями пріобрѣлъ довѣренность государей, въ царствованіе Екатерины II и Павла I, управлялъ внутренними и внѣшними дѣлами, возведенъ ими на высшую степень достоинства: былъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ Совѣта, сенаторомъ, [оберъ]-гофмейстеромъ, кавалеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ и Бальи Святаго Іоанна Іерусалимскаго. Скончался апрѣля 6-го дня, 1799 года. Памятникъ обнесенъ отличной работы мѣдною рѣшеткою.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что лаврскіе сторожа, при спросѣ о могилѣ князя Безбородки, обыкновенно указываютъ не на памятникъ, поставленный на могилѣ его, а на другой, именно на памятникъ, поставленный за алтаремъ Духовской церкви, по дорогѣ къ новому кладбищу. Но это—памятникъ не князя Безбородки, а брата его, графа Ильи Андреевича Безбородки. Онъ воздвигнутъ вдовою покойнаго, графинею Анною Андреевною, и обозначаетъ мѣсто, что подъ вновь возведенною стѣной, Благовѣщенской церкви похороненъ графъ. На это указываетъ и слѣдующая над-

Stich u. Druck v. A. Wigand in Leipzig

пись, высѣченная на вызолоченной доскѣ памятника: „Графу Ильѣ Андреевичу Безбородко, погребенному въ семъ храмѣ [Св. Духа], за лѣвымъ клиросомъ, до построенія еще онаго, противъ гроба брата его, канцлера, свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородко, коего прахъ покоится тамъ же за стѣною“.

Рисунокъ памятника и планъ Благовѣщенской церкви Троицкой Александро-Невской лавры, съ малою разницею, въ которой погребено тѣло князя, приложены къ настоящему труду.

II.

Къ числу дѣяній, довершенныхъ за князя Безбородку близкими ему людьми, принадлежатъ: а, учрежденіе гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородки, нынѣ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородки; б, возобновленіе Думницкаго монастыря и в, сліяніе съ фамиліею князя Безбородки фамиліи Кушелева.

а. Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородки.

Въ 7-мъ пунктѣ „Записки для составленія духовнаго завѣщанія“ поручалось наслѣдникамъ Безбородки изъ доходовъ съ его имѣній „отлагать и вносить въ Ломбардъ въ первые пять лѣтъ [послѣ его смерти] по 10 тысячъ рублей ежегодно, а въ слѣдующія за ними восемь лѣтъ по 20-ти тысячъ ежегодно же. Проценты съ этого капитала назначались на содержаніе богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, гдѣ угодно будетъ правительству приказать“.

До 1805 года 7-й пунктъ Записки оставался безъ исполненія, а въ этомъ году графъ Илья Андреевичъ Безбородко обратился для осуществленія его со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ императору Александру I. Выразивъ въ своемъ прошеніи волю свѣтлѣйшаго брата, графъ Безбородко изъявляетъ сожалѣніе, что эта воля, „по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ“, до сего времени не могла быть приведена въ исполненіе, но что теперь онъ сразу вноситъ, за прошедшія шесть лѣтъ, всю сумму съ причитающимися на нее процентами; а въ остальныя семь лѣтъ обязуется вносить по 20 тысячъ рублей. Но какъ въ Запискѣ покойнаго князя не сказано было, на какое именно богоугодное заведеніе употреблять проценты, и въ какой губерніи или мѣстности, то графъ

Безбородко выразилъ желаніе, чтобъ жертвуемыя имъ суммы были употреблены въ „Малороссіи—отчизнѣ покойнаго князя“, и именно на устройство училища высшихъ наукъ, въ которомъ Малороссія нуждается. Вмѣстѣ съ этимъ графъ Безбородко уступалъ въ пользу предполагаемаго училища мѣсто съ садомъ и приготовленнымъ матеріаломъ для постройки зданія въ городѣ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи. Кромѣ того, обязывался за себя и за своихъ наслѣдниковъ, на вѣчныя времена, ежегодно вносить въ пользу училища по 15-ти тысячъ рублей, исправный взносъ которыхъ обезпечивали 3,000 душъ крестьянъ въ Малороссіи. До окончательнаго же устройства всего этого дѣла онъ отвѣчалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ. Составивъ, такимъ образомъ, капиталъ, необходимый для существованія предполагаемаго училища, графъ Безбородко просилъ, чтобы это училище было открыто въ городѣ Нѣжинѣ на уступленномъ имъ мѣстѣ, и чтобы оно называлось: Гимназіею князя Безбородко высшихъ наукъ [644]).

По словамъ князя Ивана Михайловича Долгорукова, г. Нѣжинъ избранъ былъ мѣстомъ для гимназіи потому, что „князь Безбородко очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ и въ немъ перестать жить такъ, какъ Разумовскій скончался въ Батуринѣ“ [645]). По мнѣнію же Кукольника, автора статьи о „Лицеѣ князя Безбородки“, причиною избранія г. Нѣжина было то, что около этого города находились села: Веркіевка и Носовка, которыми графъ Безбородко обезпечивалъ исправный взносъ 15-ти тысячъ руб., назначенныхъ имъ на вѣчныя времена въ пользу училища, и кромѣ того изъ этихъ селъ весьма удобно было доставлять необходимые для училища разные матеріалы и запасы [646]).

Прошеніе графа Безбородки было весьма благосклонно принято императоромъ Александромъ I, въ то время особенно заботившимся о распространеніи просвѣщенія въ Россіи. Въ томъ же 1805 году, 29-го іюля, послѣдовала высочайшая резолюція: „Быть по сему, а училищу именоваться гимназіею высшихъ наукъ князя Безбородко“.

При изложеніи исторіи учрежденія гимназіи князя Безбородки необходимо упомянуть и о третьемъ лицѣ, принимавшемъ горячее участіе въ устройствѣ названнаго училища, о племянникѣ князя и графа Безбородковъ, графѣ [впослѣдствіи князѣ] В. П. Кочубеѣ. Кочубей всячески заботился, чтобы училище было „дѣйствительно достойно великаго имени, коему памятникъ сей сооружается“ [647]).

Вслѣдъ за утвержденіемъ прошенія графа Безбородки, данъ былъ Сенату указъ, чтобы: 1, поставить въ главномъ залѣ училища бюсты обоихъ учредителей его, съ надписью, что „сіе сдѣлано отъ насъ имъ въ память. Бюсты сіи будутъ залогомъ общей признательности къ столь

похвальному подвигу, предпринятому къ благу отечества"; 2, отпечатать и издать во всеобщее свѣдѣніе прошеніе графа Безбородки, и 3, приведеніе въ исполненіе его воли возложить на Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Графъ Безбородко ревностно принялся за приготовленія къ постройкѣ разрѣшеннаго училища, но не дожилъ до его открытія, которое состоялось въ 1820 году. 19-го апрѣля этого года утвержденъ штатъ гимназіи князя Безбородки, а 4-го сентября начался въ ней курсъ ученія [648]).

Въ 1834 году „гимназія высшихъ наукъ" получила новое, болѣе широкое устройство и переименована въ „Лицей князя Безбородки". Въ 1874 году домъ лицея передѣланъ и расширенъ, а въ 1875 году лицей преобразованъ въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородко. Для института графиня Л. А. Мусина-Пушкина, урожденная Кушелева-Безбородко, уступила свой, прилегающій къ лицею, участокъ земли.

б. Возобновленіе Думницкаго монастыря.

Вторымъ дѣломъ посмертной благотворительности князя Безбородки было возстановленіе закрывшагося Думницкаго Рождество-Богородицкаго монастыря [649]), который находится въ 10-ти верстахъ отъ принадлежавшаго покойному князю, по наслѣдству отъ отца, села Стольнаго. Семья Безбородковъ „многими лѣты благодѣтельствовала" этому монастырю „снабдѣніемъ"; но щедрѣе другихъ былъ къ нему князь Безбородко. Послѣ многихъ частныхъ, временныхъ вспомоществованій монастырю, онъ, наконецъ, рѣшился возобновить его совершенно.

О времени основанія монастыря нѣтъ никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что онъ построенъ на мѣстѣ явленія чудотворной иконы Божіей Матери, и что въ 1695 году гетманъ Мазепа соорудилъ въ немъ деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и снабдилъ ее „утварью и сосудами". Послѣ Мазепы, въ разныя времена, въ немъ сооружены были еще двѣ деревянныя церкви, а въ 1779 году—возведенъ и каменный храмъ во имя Мѵрликійскаго Святителя и Чудотворца Николая.

Деревянныя строенія монастыря, съ теченіемъ времени, естественно, все болѣе и болѣе ветшали, монастырь же не имѣлъ возможности чинить ихъ на свои средства. Потому епархіальное начальство предполагало перевести братію въ какой нибудь другой монастырь, а Думницкій монастырь упразднить. Вотъ этотъ-то случай и подалъ поводъ Безбородкѣ совершенно возобновить монастырь.

*

Намекъ на такое намѣреніе Безбородки можно видѣть въ письмѣ его къ матери, отъ 14-го мая 1793 года, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Отъѣзжая отсюда Григорій Петровичъ [Милорадовичъ] донесетъ вамъ о моемъ здоровьѣ. Я поручилъ ему письмо мое къ преосвященному о Думницкомъ монастырѣ, по которому, надѣюся, оставитъ онъ его въ покоѣ“ [650]). Смерть не позволила князю исполнить своего намѣренія на счетъ Думницкаго монастыря, но покойный оставилъ о немъ наслѣдникамъ свою непремѣнную волю, которая и приведена въ исполненіе братомъ его, графомъ И. А. Безбородкою. Монастырь былъ совершенно возобновленъ на средства графа И. А. Безбородки. Выстроены въ немъ двѣ каменныя церкви: одна большая, трехпрестольная, другая трапезная и колокольня. Монастырь обнесенъ каменною, въ 1000 арш. длины, оградою, келліи для настоятеля и братіи устроены также каменныя. Прежнія ветхія деревянныя зданія передѣланы и обращены на разныя монастырскія потребы. Все, устроенное въ немъ, по словамъ самого графа Безбородки, „превосходило монастыри втораго класса“. Кромѣ того, чтобы монастырь имѣлъ возможность своими средствами поддерживать новыя зданія, графъ жертвовалъ монастырю, на вѣчныя времена, ежегодно, по 400 руб. и по 100 руб. для общей братской трапезы.

Въ 1811 году графомъ Безбородкою внесено въ Московскій Воспитательный домъ 22 тысячи рублей въ вѣчное обращеніе, чтобы проценты съ этого капитала шли въ пользу Думницкаго монастыря. Пожертвованіе это удостоилось высочайшаго утвержденія, и 14-го іюля 1811 года данъ Святѣйшему Сvноду высочайшій указъ о возведеніи Думницкаго монастыря изъ 3-го класса во 2-й, съ тѣмъ, чтобы проценты съ означеннаго капитала шли въ дополненіе къ штатному жалованью, которое монастырь получалъ по степени третьеклассна го.

Устроивъ, такимъ образомъ, монастырь, графъ не считалъ себя, однако-же, главнымъ виновникомъ дѣла, но вездѣ выставляетъ на первомъ планѣ своего брата — князя Александра Андреевича, что и означено на доскѣ, которая вдѣлана въ стѣну храма [651]). Изъ этой надписи видно, что еще при жизни графа Безбородки главнымъ возобновителемъ и устроителемъ Думницкой обители считали не его, графа, а его брата—князя. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и письмо графа И. А. Безбородки къ графу В. П. Кочубею, въ которомъ онъ пишетъ: „Извѣстный вамъ монастырь Думницкій, въ близости Стольнаго, всегда покровительствуемый родителями моими и покойнымъ княземъ, по намѣренію его и бабушки вашей сей монастырь отстроить по ветхости онаго, какъ деревяннаго строенія, каменнымъ, исполнилъ я, какъ вамъ извѣстно, при-

ступивъ, по смерти покойнаго брата, къ начатію строенія каменнаго, и во всемъ построенъ оной такъ, что зданіе сіе соотвѣтствуетъ иждивенію, употребленному на оное, и во всемъ окончено" [652]).

Главный, правый, изъ предѣловъ храма устроенъ во имя св. мученика Александра Пресвитера, „въ память", какъ говорится въ письмѣ, „покойнаго князя". Наконецъ, въ монастырскомъ сѵнодикѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ имя не графа Иліи, или его родителей, а князя Александра. Очевидно, что братія монастыря считали и считаютъ князя Безбородку главнымъ виновникомъ того благосостоянія, которымъ теперь пользуется ихъ монастырь [653]).

в. Присоединеніе фамиліи князя Безбородко къ фамиліи графа Кушелева.

Учрежденіе Лицея и возобновленіе Думницкаго монастыря служатъ осуществленіемъ идей самого покойнаго князя Безбородки. Теперь переходимъ къ такимъ обстоятельствамъ, которыхъ Безбородко предвидѣть не могъ.

Князь Безбородко, какъ извѣстно, не былъ женатъ. Братъ его, графъ Илья Андреевичъ, имѣлъ сына и двухъ дочерей; но сынъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ потомства. Такимъ образомъ, родъ Безбородковъ пресѣкся въ мужескомъ колѣнѣ; оставалось только поколѣніе женское. Изъ дочерей, старшая была въ замужествѣ за адмираломъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ, младшая за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Императоръ Александръ I, снисходя на просьбу вдовы графа Безбородки, и согласно съ завѣщаніемъ послѣдняго, главнымъ же образомъ, „въ знаменованіе особенной признательности и уваженія къ отличному служенію покойнаго князя Александра Безбородко, на пользу и къ славѣ отечества всю жизнь посвятившаго", изъявилъ свое соизволеніе, чтобы внукъ отъ старшей ихъ дочери, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ [654]), принялъ еще фамилію Безбородко и потомственно именовался графомъ Кушелевымъ-Безбородко: „да знаменитая заслугами фамилія сія",— какъ сказано въ указѣ, данномъ Сенату, въ день кончины свѣтлѣйшаго князя, 6-го апрѣля 1816 года, — „съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угаснетъ, но, паки обновяся, пребудетъ навсегда въ незабвенной памяти Россійскаго дворянства" [655]). Такимъ образомъ, прямые потомки Безбородковъ суть графы Кушелевы-Безбородки [656]), а потому старшему въ родѣ Кушелевыхъ-Безбородковъ было предоставлено право носить званіе попечителя Лицея князя Безбородко; а теперь предо-

ставлено право носить званіе почетнаго попечителя Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко графу А. И. Мусину-Пушкину, мужу графини Л. А. Мусиной-Пушкиной, урожденной Кушелевой-Безбородко; за смертію же гр. Мусина-Пушкина званіе это присвоено сыну его.

Черезъ два года по обнародованіи указа о сліяніи фамиліи Кушелева съ фамиліею Безбородки, именно въ іюлѣ 1818 года, графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко подалъ въ Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената прошеніе объ утвержденіи новаго герба, составленнаго имъ изъ гербовъ двухъ соединенныхъ фамилій.

Герольдія, разсмотрѣвъ ходатайство графа и найдя, что „представленный отъ него гербъ составленъ изъ двухъ высочайше утвержденныхъ гербовъ согласно правиламъ геральдики, и во внесеніи онаго въ гербовникъ законнаго препятствія нѣтъ", опредѣлила: „поднести рисунокъ на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе".

Изъ дѣла Правительствующаго Сената, которымъ я пользовался, не видно, когда именно представленіе это высочайше конфирмовано, но извѣстно, что графы Кушелевы-Безбородки имѣютъ именно этотъ соединенный гербъ.

Не касаясь герба графовъ Кушелевыхъ, необходимымъ считаю представить описаніе герба князя Безбородки, который, нынѣшнимъ лѣтомъ, по желанію графа А. И. Мусина-Пушкина, нынѣ умершаго, вылѣпленъ для Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородки и помѣщеннаго на зданіи института.

Составъ герба свѣтлѣйшаго князя Безбородки таковъ: въ щитѣ, раздѣленномъ на четыре части, находится въ рединѣ краснаго цвѣта малый щитокъ, имѣющій въ правой части два, одно надъ другимъ стоящія золотыя знамя съ тремя кистями безъ жезловъ, а въ лѣвой—мечъ, обращенный остріемъ внизъ съ золотымъ ефесомъ и двумя золотыми полумѣсяцами, у которыхъ рога обращены въ противоположныя стороны; въ верхнемъ золотомъ полѣ, находятся произрастающіе половинные черные Россійскій и Римскій императорскіе орлы, зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ соединенные и золотыми коронами покрытые, во второмъ [лѣвомъ] лазоревомъ полѣ серебряное вдоль распростертое крыло, въ третьемъ [правомъ] полѣ такого же цвѣта серебряная пчела, а въ четвертомъ [нижнемъ] черномъ полѣ золотое пламя; надъ щитомъ графская корона, на которой видны три открытые турнирные шлема, подложенные краснымъ цвѣтомъ, изъ которыхъ средній золотой, а другіе два голубые, украшенные клейнодами, обвѣшанные наметами, представляющими съ правой сто-

роны золото и голубой цвѣтъ, а съ лѣвой—серебро и лазоревый цвѣтъ; надъ среднимъ [шлемомъ], покрытымъ графскою короною, находится Римскій императорскій орелъ; надъ шлемомъ по правую сторону стоящимъ и покрытымъ короною [дворянскою] золотое знамя съ тремя висячими кистями и жезломъ, а [надъ шлемомъ] по лѣвую сторону—съ голубою и красною перевязкою подобное вышеупомянутому знамя. Щитодержатели, съ обѣихъ сторонъ—скифы, съ непокрытыми головами, въ красномъ верхнемъ и въ черномъ исподнемъ платьѣ и съ висящими на плечахъ звѣриными кожами; оба они держатъ одною рукою щитъ, а въ другой рукѣ, по правую сторону [стоящій] имѣетъ обращенную внизъ золотую стрѣлу, другой же, по лѣвую сторону находящійся, держитъ масличную вѣтвь. Внизу щита видна на свиткѣ бумаги надпись, или девизъ: Labore et zelo.

Весь этотъ гербъ долженъ быть покрытъ горностаевою мантіею и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству [657]).

III.

Князю Безбородкѣ, украшавшему своимъ умомъ и своими дѣлами два царствованія Екатерины Великой и Павла I-го, удалось занять мѣсто на двухъ всенародныхъ памятникахъ, воздвигнутыхъ Россіею: а, тысячелѣтнему историческому существованію Россійской имперіи и б, императрицѣ Екатеринѣ II-й.

а. Тысячелѣтію Россіи.

8-го Сентабря 1862 года, въ древнемъ Великомъ Новгородѣ воздвигнутъ памятникъ совершившемуся тогда тысячелѣтію государственнаго или гражданскаго существованія Россіи. Въ верхней части памятника стоитъ ангелъ, изображающій православную вѣру. Въ одной рукѣ онъ держитъ крестъ, а другою простираетъ къ преклоненной предъ нимъ на колѣно женщинѣ—Россіи. Подножіемъ для этихъ двухъ фигуръ служитъ шаръ, означающій державу. Вокругъ шара стоятъ фигуры знаменитѣйшихъ великихъ князей, царей и перваго императора—Петра Великаго. Ниже шара въ сплошномъ барельефѣ изображено 108 замѣчательныхъ людей Русской земли. Изъ числа царственныхъ особъ, управлявшихъ Россіею, на памятникѣ тысячелѣтія возсѣдаетъ на тронѣ Екатерина II, предъ нею преклоняетъ колѣно князь Потемкинъ, а за ея трономъ стоитъ Безбородко. Послѣдній изображенъ въ Павловской формѣ совершенно сходно съ извѣстнымъ портретомъ его работы Лампи.

Такимъ образомъ, на памятникѣ тысячелѣтію Россіи изображеніе Безбородки, какъ сподвижника Екатерины, по формѣ одѣянія, не соотвѣтствуетъ эпохѣ, къ которой онъ отнесенъ. Но если взять фигуру его въ общеисторическомъ отношеніи, то, разумѣется, на памятникѣ Тысячелѣтію Россіи Безбородко долженъ явиться не въ Екатерининской, а именно въ Павловской формѣ, когда завершилась смертію его государственная дѣятельность.

6. Императрицѣ Екатеринѣ II.

24-го Ноября 1873 года, въ С.-Петербургѣ открытъ памятникъ Екатеринѣ Великой. Главную часть памятника составляетъ величественная, изящная фигура самой императрицы. Въ правой рукѣ императрица держитъ скипетръ, а въ лѣвой—вѣнокъ, заслуженный ея дѣлами. Вокругъ пьедестала, на которомъ стоитъ Екатерина, размѣщены 9-ть бронзовыхъ фигуръ, въ человѣческій ростъ, ея знаменитыхъ сподвижниковъ. Цоколемъ памятника служатъ четыре тумбы, высѣченныя изъ краснаго гранита. Вокругъ памятника разведенъ скверъ.

На памятникѣ Екатеринѣ II Безбородко изображенъ, по портрету Лампи, сидящимъ рядомъ съ И. И. Бецкимъ и разсматривающимъ какой-то планъ. Въ лѣвой рукѣ его лорнетка, данная ему единственно по желанію строителя памятника, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Безбородко не носилъ никакихъ окулистическихъ инструментовъ. Подъ фигурою его подпись: „Кн. Безбородко“, а не „графъ“, хотя княжескій титулъ, какъ было говорено, Безбородко получилъ при императорѣ Павлѣ, 5-го апрѣля 1797 года.

Приведемъ здѣсь о памятникѣ Екатеринѣ II и въ частности о фигурѣ Безбородки подробность, сообщенную мнѣ архитекторомъ его. Когда памятникъ былъ готовъ въ гипсѣ, и когда государь императоръ Александръ Николаевичъ осматривалъ его съ графомъ А. П. Бобринскимъ, управлявшимъ министерствомъ путей сообщенія, его величество обратилъ вниманіе на фигуру Безбородки и изволилъ замѣтить строителю, что онъ ошибся, изобразивъ Безбородку съ Георгіевскою звѣздою, которая украшала его грудь, потому, замѣтилъ государь,—„что онъ не былъ въ большихъ генеральскихъ чинахъ“. Затѣмъ государь приказалъ графу Бобринскому составить для строителя памятника списокъ орденовъ, которые должны были украшать грудь каждаго изъ сподвижниковъ императрицы Екатерины II.

Оба памятника, на которыхъ помѣщены изображенія князя Безбородки,—работы талантливаго скульптора-художника и писателя М. О. Микѣшина.

Примѣчанія.

1. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. I, столб. 493.

2. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, хранящ. въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, за 1785 г., май и 1786 г., 1 апрѣля.

3. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 404.

4. Копіи съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу, обязательно указаны и переданы мнѣ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, для пополненія труда моего.

5. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 2 февраля.

6. Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Фридриха фонъ-Смитта. С.-Петербургъ, 1866 г., ч. 1, стр. 190.

7. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 64. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи. Соч. А. Вейдемейера. С.-Петербургъ, 1846 г., т. I, ч. 2, стр. 49. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 463.

8. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, хранящ. въ Импер. Публичной Библіотеки, за 1788 г., 19 февраля.

9. Тамъ-же, за 1788 г., 6 марта.

10. Черезъ недѣлю по заявленіи Испанскимъ министромъ «о двоякости въ поведеніи Англіи», иностранные министры на конференціи, 15 марта, именно: «Римско-императорскій посолъ, графъ Кобенцель, и министры: Французскій—графъ Сегюръ и Неаполитанскій дюкъ Серра-Капріола объявили вице-канцлеру, что по многимъ нелѣпымъ рѣчамъ давно примѣтили они, что Испанскій министръ г. Нормандесъ въ умѣ поврежденъ, и потому совѣтовали ему, чтобы, для поправленія своего здоровья, просилъ объ увольненіи своемъ отсюда, что сему совѣту онъ и послѣдовалъ, но получа увѣдомленіе о соизволеніи короля на увольненіе его, весьма на нихъ озлился и обругалъ графа Сегюра и дюка Серра-Капріола. А какъ опасаются они, чтобы г. Нормандесъ, въ такомъ состояніи будучи, не вышелъ иногда изъ предѣловъ благопристойности, то и просили вице-канцлера доложить о семъ ея императорскому величеству, для узнанія ея величества мнѣнія, что съ нимъ дѣлать; графъ же Сегюръ присовокупилъ, что нужно бы было заарестовать его въ особомъ домѣ, до прибытія новаго Испанскаго министра. На другой день, 16 марта, вице-канцлеръ увѣдомилъ

Французскаго министра, графа Сегюра, что о вчерашнемъ разговорѣ съ нимъ и его товарищами докладывалъ государынѣ императрицѣ, что ея величество отозваться изволила, что пересказанное ими, министрами, дѣло почитаетъ для здѣшняго двора постороннимъ и не желаетъ въ оное мѣшаться; но совѣтуетъ, чтобы они употребили въ семъ случаѣ нужную осторожность, дабы каковою либо строгостію совсѣмъ не свести съ ума г. Нормандеса. Впрочемъ же, изволитъ ея императорское величество думать, что прежде употребленія предполагаемыхъ имъ, графомъ Сегюромъ, мѣръ, надобно, чтобы разстройство ума означеннаго министра и опасность оставить его на волѣ дѣйствительно доказаны были, какъ аттестатомъ доктора, такъ и свидѣтельствомъ находящихся здѣсь Испанцевъ и подпискою еще кого нибудь изъ обрѣтающихся здѣсь иностранныхъ посланниковъ. На слѣдующій день, 17 марта, графъ Сегюръ, сообщилъ графу Остерману, что «соотечественники г. Нормандеса и посланникъ дюкъ Серра-Капріола, полагаясь на увѣренія докторскія, не согласились ни на заарестованіе, ни къ высылкѣ его отсюда; но онъ, графъ Сегюръ, не будучи въ томъ совершенно удостовѣренъ, рѣшился отправить отъ себя къ Испанскому въ Берлинѣ министру г. Гальвезу съ прошеніемъ, чтобы поспѣшилъ пріѣздомъ сюда, если онъ къ здѣшнему посту дѣйствительно назначенъ, какъ этотъ слухъ носится, а для того и желалъ бы онъ, графъ Сегюръ, знать будетъ ли г. Гальвезъ здѣсь принятъ въ министерскомъ званіи прежде полученія имъ кредитивной грамоты.

Съ своей стороны и Испанскій министръ Нормандесъ, на конференціи, 19 марта, сказалъ вице-канцлеру, «что къ великому огорченію своему узналъ онъ», что графъ Кобенцель, графъ Сегюръ и дюкъ Серра-Капріола съ Испанскимъ секретаремъ посольства Маканазомъ и Испанскимъ консуломъ Коломбіемъ имѣли собраніе, на которомъ, въ разсужденіи приписываемой ему, министру, болѣзни, положили писать, да и Французскій министръ и писалъ уже къ г. Гальвезу о поспѣшеніи сюда пріѣздомъ, что сія столь чувствительная обида побудила его къ означеннымъ товарищамъ своимъ отозваться письмами, въ коихъ спрашиваетъ ихъ, по какому праву поступили они на вышеозначенный подвигъ и кто ихъ къ тому уполномочилъ и что Цесарскій посолъ и Французскій кратко отвѣтствовали, что въ поступкахъ своихъ неповинны никому давать отвѣта, кромѣ своихъ государей. Сверхъ того, г. Нормандесъ присовокупилъ, что онъ слышалъ, будто означенное письмо отправлено съ дозволенія ея императорскаго величества. Вице-канцлеръ, убѣждая г. Нормандеса въ неосновательности сего послѣдняго слуха, сказалъ, что онъ его уполномочиваетъ именемъ его вездѣ оный опровергать, и что здѣшній дворъ въ такое постороннее для него дѣло не мѣшается; впрочемъ же, совѣтовалъ ему, чтобы онъ воздержался отъ словесныхъ съ помянутыми министрами изъясненій и спокойно ожидалъ рѣшенія двора своего». Рѣшеніе Испанскаго двора не замедлило послѣдовать. 7 іюня, 1788 года, министръ Нормандесъ увѣдомилъ вице-канцлера, что онъ получилъ увольненіе отъ здѣшняго поста и на его мѣсто назначенъ г. Гальвезъ. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 15, 16, 17, 19 и 22 марта и 7 іюня.

11. Дневныя Записки Коллегіи Иностр. Дѣлъ, за 1788 г., 8 марта.

12. Записка графа А. А. Безбородки о мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію границъ Русскихъ, Лифляндскихъ и Финляндскихъ, съ приложеніемъ выписки изъ прежнихъ плановъ и росписаній, на случай диверсіи со стороны Шведской, см. Приложенія, № I.

13. Мнѣніе графа А. А. Безбородки на проектъ Капниста «Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ», см. Приложенія, № II.

14. Съ собственноручнаго подлинника императрицы Екатерины II, хранящ. въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранн. Дѣлъ, Отд. X, № 56.

15. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г., т. 15, стр. 689, 690.

16. Тамъ-же, т. 15, стр. 702.

17. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 63 и 65.

18. Сочиненія Державина, съ объясн. примѣч. академика Я. К. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1871 г., т. VI, стр. 640 и 641.

19. Судя по времени, о которомъ идетъ рѣчь, Якобій могъ быть вытребованъ изъ Иркутска и по другимъ обстоятельствамъ. Къ протоколу Совѣта, 14-го февраля 1788 года, «приложенъ указъ Иркутскому генералъ-губернатору Якобію, отъ 13 февраля, съ требованіемъ его въ Петербургъ, для удобнѣйшаго рѣшенія разныхъ его, до того края относящихся, представленій и для нужныхъ распоряженій». Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 2, столб. 641, прим.

20. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г., т. 15, стр. 702.

21. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 74 и 75.

22. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. IX, стр. 117 и 118.

23. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 126.

24. Сочиненія Державина, съ объясн. примѣч. академика Я. К. Грота. Изд Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1871 г., т. VI, стр. 642 и 643.

25. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 552.

26. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 404.

27. Тамъ-же, стр. 287.

28. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 3 апрѣля.

29. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 405.

30. Тамъ-же, стр. 288 и 290.

31. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 5, 9 и 26 апрѣля и 23 и 25 мая.

Въ текстѣ XI главы, на стр. 16, цифра примѣчанія не выставлена. Примѣчаніе 31-ое должно быть поставлено надъ словомъ: «перехватываютъ», напечатанное на 9 строкѣ, снизу.

32. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 86.

33. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 291 и 292.

34. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 10 іюня.

35. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 90.

36. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 20 іюня.

37. Записка графа А. А. Безбородки о веденіи войны съ Швеціею, читанная въ Совѣтѣ, 20 іюня 1788 года, см. Приложенія, № III.

38. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 292 294.

39. Копіи съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу.

40. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 23 іюня.

41. Тамъ-же, доношеніе И. М. Симолина, отъ 2 (13) іюня, 1788 г.

42. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 294 и 295.

43. Тамъ-же, стр. 295.

44. Европа въ концѣ XVIII вѣка. Ст. академика С. М. Соловьева. Русскій Вѣстникъ, за 1862 г., т. 39, стр. 441.

45. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 1 іюля.

46. Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Фридриха фонъ-Смитта. С.-Петербургъ, 1866 г., ч. 1, стр. 231 и 232.

47. Дневныя Записки Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, за 1788 г., 8-го іюля.

48. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 295 и 296.

49. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 104.

50. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 296.

51. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 106.

52. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 296 и 297.

53. Упоминаемыя въ этомъ письмѣ приложенія не найдены. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 297 и 298.

54. Копіи съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу. Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Фридриха фонъ-Смитта. С.-Петербургъ, 1866 г., ч. 1, стр. 232 и 233.

55. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 298 и 299.

56. Копіи съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу.

57. Приложенныя къ письму бумаги не нашлись. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 299.

58. Тамъ-же, стр. 300.

59. Тамъ-же, стр. 407 и 408.

60. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 171.

61. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 300.

62. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 175.

63. Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ,

1874 г., стр. 176. «Письма импер. Екатерины II гр. Нессельроду, посланн. въ Берлинѣ», напеч. Г. Θ. Штендманомъ въ его «Отзывѣ объ историч. изслѣд. професс. А. С. Трачевскаго: Союзъ князей и Нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II», стр. 70—79. См. отчетъ о 21-мъ присужденіи наградъ графа Уварова.

64. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 301.

65. Тамъ-же, стр. 411 и 412.

66. Тамъ-же, стр. 302 и 303.

67. Тамъ-же, стр. 303.

68. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 204.

69. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 303.

70. Записка графовъ: И. А. Остермана и А. А. Безбородки, объ условіяхъ для заключенія мира съ Турціею и о политикѣ Россіи по отношенію къ Европейскимъ державамъ, читанная въ Совѣтѣ, 16 декабря 1788 года, см. Приложенія, № IV.

71. Архивъ Государств. Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 639 и 640.

72. Тамъ же, столб. 656.

73. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 304 и 305.

74. Примѣчанія графа А. А. Безбородки мною не отысканы.

75. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 305.

76. Тамъ-же, стр. 412.

77. Дѣйствія Русскаго флота въ войнѣ съ Шведами. въ 1788—1790 гг. Соч. В. Ф. Головачева. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 51 и 61.

78. Европа въ концѣ XVIII вѣка. Ст. академика С. М. Соловьева. Русскій Вѣстникъ, за 1862 г., т. 39, стр. 432.

79. Храповицкій въ Дневникѣ своемъ, подъ 28 апрѣля 1788 г., записалъ, что Екатерина требовала у членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ мнѣнія о помощи г. Данцигу въ его худыхъ обстоятельствахъ. «Графъ Безбородко мнѣ сказалъ, что за неимѣніемъ денегъ помочь нечѣмъ». Стр. 78.

80. Записка, писанная собственноручно Безбородкою карандашемъ, съ помѣтою на ней князя В. П. Кочубея: «Къ 1788 или началу 1789 г.»; хранится она въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, по моей описи № 1399.

81. Во Франціи тогда созывались государственные чины.

82. Европа въ концѣ XVIII вѣка. Ст. академика С. М. Соловьева. Русскій Вѣстникъ, за 1862 г., т. 39, стр. 443.

83. Изъ донесеній Русскаго посланника въ Парижѣ И. М. Симолина вице-канцлеру графу И. А. Остерману. Русскій Архивъ, за 1875 г., кн. 2, столб. 410—418.

84. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 299.

85. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 162.

86. Уже изъ Москвы, женатый графъ Мамоновъ, предлагалъ импер. Екатеринѣ II все бросить и къ ней вернуться; съ женою своею онъ жилъ неладно. Изъ неизданныхъ бумагъ. Примѣчаніе П. И. Бартенева. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр., 290 и 295.

87. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 413—415.

88. Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общества, т. XXVI, стр. 495.

89. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г., т. 15, стр. 242, 244, 245, 261—264, 479, 485, 691; т. 16, стр. 210, 225, 226.

90. Тамъ-же, т. 16, стр. 403, 406, 407, 410, 413. Записки Одесскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей, т. VIII, стр. 240 и 250. Кромѣ выше указанныхъ источниковъ, я пользовался почтеннымъ трудомъ професс. А. Г. Брикнера: «Война Россіи съ Швеціею въ 1788—1790 годахъ», напеч. въ Журналѣ Министер. Народнаго Просвѣщ., за 1869 г., т. 141—144.

91. Записка графа А. А. Безбородки о необходимости заключенія мира съ Швеціею и Турціею, черезъ посредство Берлинскаго двора, и о невозможности союза съ Франціею, см. Приложенія, № V.

92. Записка графа А. А. Безбородки о путяхъ и способахъ, какими должны быть ведены переговоры съ Берлинскимъ дворомъ, при посредствѣ котораго возможно заключить миръ съ Швеціею и Турціею, см. Приложенія, № VI.

93. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 305.

94. Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Фридриха фонъ-Смитта, С.-Петербургъ, 1866 г., ч. I, стр. 264.

95. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 415—417. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 166—169.

96. Тамъ-же, стр. 417.Въ изданіи: Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 157 и 158, письмо это отнесено къ 1788 году.

97. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 170—174. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 418—420.

98. Записка графа А. А. Безбородки о главныхъ предметахъ для военныхъ дѣйствій корабельнаго и галернаго флотовъ и арміи въ войну противъ Шведовъ, читанная въ Совѣтѣ, 11 февраля, 1790 г., см. Приложенія, № VII.

99. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г.. т. I, ч. 1. столб. 763.

100. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1872 г., кн. V, стр. 2. Potemkin. Halle und Leipzig, 1804, p. 186.

101. Графъ Егоръ Алекс. Игельстромъ передалъ Императорскому Русскому Историческому Обществу бумаги предка своего, барона Отто-Генриха Игельстрома. Общество обязательно позволило мнѣ воспользоваться этими бумагами для пополненія труда моего о князѣ Безбородкѣ. Бумаги барона Игельстрома, по заключенію Верельскаго мира, хранятся въ картонахъ: VI, VII и VIII. Для легчайшаго отысканія ихъ въ картонахъ, я нашелъ необходимымъ указывать въ примѣчаніи картонъ и № каждаго документа. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, картонъ VIII, док. 18.

102. Тамъ-же, карт. VIII, док. 13.

103. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 421—423. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 181—185.

104. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 331 и 339, 3 мая и 1 іюля. Въ матеріалахъ, собранныхъ мною, записки этой не находится.

105. Записка эта мною не отыскана. О ней упомянуто въ изданіи: Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 799.

106. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VI, папка 1, док. 43.

107. Тамъ-же, карт. VI, папка 1, док. 44.

108. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 341.

109. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VI, папка 1, док. 45—47.

110. Тамъ-же, карт. VI, папка 1, док. 46.

111. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 342, 22 и 23 іюля.

112. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VI, папка 1, док. 10.

113. Тамъ-же, карт. VII, док. 18.

114. Тамъ-же, карт. VII, док. 2.

115. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 342.

116. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VI, папка 2, док. 5.

117. Тамъ-же, карт. VI, папка 2, док. 10.

118. Тамъ-же, карт VI, папка 2, док. 5.

119. Тамъ-же, карт. VI, папка 2, док. 10.

120. Тамъ-же, карт. VIII, док. 15 и 17.

121. Тамъ-же, карт. VI, папка 2, док. 10.

122. Potemkin. Halle und Leipzig, 1804, p. 186. Секретарь императрицы Екатерины II, Храповицкій, говоритъ, что «на разсвѣтѣ пріѣхалъ курьеръ», 5 августа. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 343.

123. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 14.

124. Тамъ-же, карт. VIII, док. 19.

125. Тамъ-же, карт. VIII, док. 12.

126. Тамъ-же, карт. VIII, док. 11.

127. Тамъ-же, карт. VIII, док. 20.

128. Къ числу награжденныхъ за участіе по заключенію Верельскаго мира, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма графа Безбородки, принадлежало немного лицъ. «Изъ удостоенныхъ вашимъ превосходительствомъ,—писалъ графъ Безбородко, — чиновъ пожалованы: господа: полковникъ Мерлинъ, Фризевъ, баронъ Стакельбергъ и Кудеръ—орденомъ Св. Владиміра; первый—третьей, а послѣдніе—четвертой степени и сверхъ того, г. Кудеръ—въ надворные совѣтники, а господа Фризевъ и Стакельберъ—преміеръ-маіорами; оба ваши адъютанты и г. Зильберганшъ [?] произведены чинами. Господа: генералъ-маіоръ Бергманъ, бригадиръ Мамоновъ, полковникъ Миллеръ и гвардіи капитанъ-поручикъ Северинъ получаютъ отъ ея императорскаго величества, въ знакъ милости ея, подарки, вещи, въ коихъ каждаго подписано имя». Бумаги барона Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 22.

129. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 21 [копія], а док. 23 [подлинникъ].

130. Тамъ-же, карт. VIII, док. 34.

131. Черновое письмо барона Игельстрома князю Потемкину, въ бумагахъ барона Отто Генриха Игельстрома, карт. VII, док. 27.

132. Императрица Екатерина II вычеркнула слѣдующія слова: désire faire en tout plaisir au Roi. Elle désire se lier [желаетъ во всемъ угодить королю.

Она желаетъ соединиться]. Бумаги барона Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 33.

133. Императрица Екатерина II вычеркнула слѣдующія слова: Je Vous assure Mon Cher Baron, foi de Gentilhomme, que l'Impératrice n'est pas éloignée d'assister le Roi dans ses affaires particulières. Mais souvenez Vous ce que je Vous ai dit la dessu[s], qu'il faut cultiver son amitié et consolider les liens établis, et cela suppose des preuves préalables. Avec combien de mauvaise grâce Vos cy-devant bons amis ne Vous ont ils pas assisté, malgrés le traité que Vous aviez fait avec eux, et dont ils ont tiré plus de profit que Vous. Ne Vous attendez pas de pareilles procédés de notre part. Une fois bon et legitime allié, le secours pécuniaire suivera de près et de bonne grâce. [Увѣряю васъ, любезный баронъ, честью дворянина, что императрица не прочь помочь королю въ его частныхъ дѣлахъ. Но вспомните о томъ, что я говорилъ вамъ по сему предмету, что должно поддерживать ея дружбу и упрочивать установившіяся связи, а для того необходимы предварительныя доказательства. Какъ неохотно ваши бывшіе друзья помогали вамъ, не смотря на трактатъ, который вы съ ними заключили и изъ котораго они извлекли болѣе выгоды, нежели вы. Не ожидайте подобнаго образа дѣйствій съ нашей стороны. Разъ мы [будемъ] добрыми и законными союзниками, денежная помощь будетъ произведена немедленно и охотно]. Бумаги барона Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 33.

134. Средина замѣтки, напечатанная разрядкой, начиная со словъ: «il conseille» и кончая словами: «contre la Russie et qui» перечеркнута карандашемъ, крестъ на крестъ и пополямъ четвертки бумаги, поперегъ.

Собственноручная замѣтка императрицы Екатерины II объ Энгенштромѣ слѣдующаго содержанія: «Le Ministre Suèdois Engenstrom à Varsovie continue sous main à mettre en usage des insinuation [s] ennemie [s]; il conseille à ses anciens Amis de ne pas abandonner leur liaison avec le Roy de Prusse et de ne pas se jetter sur nos propositions. La décence ne devrait pas permettre au Roy de Suéde de laisser ici un ministre qui s'est permis à parler de grandes impertinences et à en imprimer contre la Russie et qui [il] aura de la peine à changer de ton et de conduite en ayant trop fait contre nous. A la suite de sa conduite on fait courir le bruit ici que la Paix avec Son Maître sera de courte du é[e] et qu'il recommencera la Guerre avec la Russie. [Шведскій посланникъ въ Варшавѣ Энгенштромъ продолжаетъ подъ рукою пускать въ ходъ враждебныя уловки. Онъ совѣтуетъ своимъ старымъ друзьямъ не нарушать союза съ Прусскимъ королемъ и не слишкомъ гнаться за нашими предложеніями. Чувство приличія не должно бы дозволять Шведскому королю оставлять здѣсь посланникомъ человѣка, который дозволилъ себѣ высказывать большія дерзости относительно Россіи и разглашать ихъ печатно и которому трудно будетъ перемѣнить тонъ и поведеніе послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ противъ насъ. Вслѣдствіе его поведенія здѣсь разносится слухъ, что миръ съ его государемъ будетъ не продолжителенъ и что война съ Россіей возобновится]. Бумаги бар. Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 32.

135. Бумаги бар. Отто-Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 31.

136. Подлинная роспись, утвержденная императрицею Екатериною II, хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, въ кн. именныхъ высоч. указовъ, кн. № 170, ук. № 38, стр. 84.

137. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 478 и 479.

138. Письма князя А. А. Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 годъ, см. Приложенія, VIII, пис. 2.

139. Бумаги барона Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 2.

140. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 348.

141. Бумаги бар. Отто Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 9.

142. Тамъ-же, карт. VII, док. 27. Разсказъ Гельбиха напечатанъ: «Minerva», 1799, t. III, p. 467, примѣчаніе.

143. Императрица Екатерина II зачеркнула карандашемъ слѣдующія слова въ письмѣ барона Игельстрома къ бар. Армфельду: (qu'elles soyent à jamais effacées des registres de sa mission) ont fait naître le soupçon que ses insinuations sur notre Cour n'ont pas toujours eu ce caractère de vérité, qu' on devait leur supposer, et l' Impératrice ne peut attribuer qu' à elles le changement qui s'est manifesté dans les sentimens du Roi à son égard. Or il est impossible que par un présent qui marque un suffrage tacite, Elle approuve une conduite qui est, à juste titre, envisagée par le public comme une cause coopérante au funeste évènement de la guerre. D'ailleurs, entre nous soit dit, je ne crois pas que le Roi le puisse desirer puisque (Vous en conviendrez Vous-même) Mr de Nolken recevant un présent de l' Impératrice, le Roi sera obligé par bienséance d'en faire un pareil au Comte Rasoumovsky. Laissons tomber cela, mon cher ami. Le Baron de Nolken, professant en son particulier ce respect senti qui est dû à Sa Majésté Impériale, pourra à l'avenir se frayer des occasions, où Elle sera bien aise de lui prouver le cas qu' Elle fait de ses talens et de ses mérites. [да будутъ они [послѣдніе годы миссіи Нолькена] вычеркнуты изъ страницъ его миссіи. Они породили подозрѣніе, что отношенія его къ нашему двору не всегда имѣли тотъ характеръ правоты, который должны были въ нихъ предполагать, и императрица имъ только можетъ приписать перемѣну, происшедшую въ расположеніи къ ней короля. Слѣдовательно, невозможно, чтобы подаркомъ, означающимъ видимое одобреніе, она хотѣла выразить одобреніе его поведенію, которое совершенно справедливо разсматривается обществомъ какъ одна изъ причинъ содѣйствовавшихъ печальному событію послѣдней войны. При томъ же, скажу между нами, я не думаю, чтобы король могъ желать того (вы въ томъ убѣдитесь сами), (ибо если) Нолькенъ получитъ подарокъ отъ императрицы, король будетъ обязанъ изъ приличія сдѣлать тоже въ отношеніи Разумовскаго. Оставимъ это, мой другъ. Баронъ Нолькенъ, заявляя съ своей стороны о глубокомъ уваженіи, которымъ онъ обязанъ въ отношеніи ея императорскаго величества, можетъ впослѣдствіи найти случай, когда она пожелаетъ воспользоваться его дарованіями и заслугами]. Бумаги барона Отто-Игельстрома, карт. VIII, док. 30.

144. Бумаги барона Отто-Генриха Игельстрома, карт. VIII, док. 29. Въ числѣ бумагъ находится письмо графа Безбородки къ барону, слѣдующаго содержанія: J'ai l'honneur de vous envoyer deux lettres que j'ai reçu es

de Mr de Pahlen, l'une après l'autre. Votre Excelence verra par le contenu que le prompt départ de Mr de Stal est indispensable pour tranquilliser tant soit peu le Roi et Mr. d'Armfeld. Je ne puis pas écrire à ce dernier cette fois-ci, mais Votre Excellence m'obligera infiniment si Elle voudra bien dire dans un apostille, que nous nous empressons de régler vos instructions et qu'en peu de jours on enverra un courrier à Mr. de Pahlen, avec lequel je me reserve l'honneur d'écrire à Mr d'Armfeld. Vous ferez bien, Monsieur, aussi, s'il vous plaira, de tranquilliser de même Mr. de Pahlen, que par le même courrier il aura la réponse à toutes ses dépêches. J'ai prévenu de tout cela S. M. I. et Elle trouve qu'il faut expédier tout de suite Mr de Stal. Mr de Ivochtchinsky [?] vous fera parvenir un passeport pour lui. Ce Vendredi. [Имѣю честь препроводить къ вамъ два письма, которыя я получилъ отъ г. Палена, одно вслѣдъ за другимъ. Ваше превосходительство увидитъ по (ихъ) содержанію, что немедленный отъѣздъ г. Сталя необходимъ для того, чтобъ хоть сколько нибудь успокоить короля и г. Армфельда. Я не могу писать сему послѣднему въ этотъ разъ, но ваше превосходительство безконечно меня обяжете, если вамъ будетъ угодно сказать, въ припискѣ, что мы поспѣшимъ составить ваши инструкціи и что въ непродолжительномъ времени будетъ присланъ курьеръ къ г. Палену, съ которымъ я буду имѣть честь писать къ г. Армфельду. Вы хорошо сдѣлаете, милостивый государь, если пожелаете успокоить также г. Палена [на счетъ того], что съ тѣмъ же курьеромъ онъ получитъ отвѣтъ на всѣ свои депеши. Я предупредилъ обо всемъ этомъ ея имп. вел. и она находитъ, что должно тотчасъ отправить г. Сталя. Г. Ивощинскій вамъ доставитъ для него паспортъ. Пятница]. Упоминаемыхъ въ письмѣ бумагъ гр. Панина въ бумагахъ Игельстрома не нашлось. Карт. VII, док. 22.

145. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 343.

Необходимо упомянуть здѣсь о разсказахъ: а, П. Ѳ. Карабанова, Русская Старина, 1872 г., Т. V, стр. 144 и б, анекдотѣ, напечатанныхъ въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, за 1851 г., № 24, о Безбородкѣ, за время Шведской войны. Карабановъ пишетъ: «Въ 1788 году, въ послѣднюю Турецкую войну при Екатеринѣ, контръ-адмиралъ Войновичъ, родомъ изъ Черногоріи, за отличі представленъ былъ къ награжденію орденомъ св. Георгія 3-го класса. Безбородко, 22-го октября 1788 г., поднося императрицѣ грамату для подписанія, не замѣтилъ, что въ попыхахъ, по ошибкѣ, Войновичъ въ ней названъ графомъ. Безбородко, признавая себя виновнымъ, сталъ на колѣни, а Екатерина сказала: „Мы оба неправы; гдѣ рука, тутъ и голова: должны согласиться“. Разсказъ этотъ слѣдуетъ считать положительно вымышленнымъ, такъ какъ отецъ Марка Ивановича Войновича, Иванъ Войновичъ, состоялъ въ нашей службѣ и имѣлъ титулъ графа. Въ Мѣсяцесловѣ съ росписаніемъ чиновныхъ особъ на 1782 г. [стр. 52-я], о Войновичѣ напечатано: „Въ Архипелагѣ подполковникъ, графъ Иванъ Войновичъ, генеральный консулъ“. Сынъ его, Марко Войновичъ, въ чинѣ контръ-адмирала, дѣйствительно, 22-го октября 1788 года, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія. Сост. В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, С.-Петербургъ, 1869 г., стр. 9, № 88-й.

Въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ напечатано: „Императрица Екатерена II, во время Шведской войны, получила отъ султана Турецкаго письмо, наполненное угрозами и похвалами, въ которомъ повелитель правовѣрныхъ, полагая, что императрица, въ одно и то же время, не можетъ вести двухъ войнъ, требовалъ уступки себѣ части завоеванныхъ Россіею отъ Турціи земель, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною [?]. Государыня послала за княземъ Безбородкою, бывшимъ тогда государственнымъ канцлеромъ [?], прочла ему письмо и приказала изготовить на него отвѣтъ.

— Отвѣтъ уже готовъ, ваше величество, отвѣчалъ Безбородко.

— Какъ же это такъ? воскликнула изумленная императрица: письма этого кромѣ меня никто не читалъ.

— Позвольте приказать, ваше величество, подать сюда Псалтырь, продолжалъ Безбородко.

Принесли Псалтырь, князь отыскалъ въ немъ 51-й псаломъ царя-пророка и прочиталъ изъ него слѣдующее: „Что хвалишися въ злобѣ сильне? Беззаконіе весь день. Неправду умысли языкъ твой, яко бритву изощренну сотворилъ еси лесть. Возлюбилъ еси злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца, восторгнетъ тя и преселитъ тя отъ селенія твоего и корень твой отъ земли живыхъ. Узрятъ праведніи и убоятся, и о немъ возсмѣются и рекутъ: се человѣкъ, иже не положи Бога Помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею. Азъ же, яко маслина плодовита въ дому Божіи, уповахъ на милость Божію во вѣкъ и вѣкъ вѣка".

— Прекрасно, князь, сказала Великая Екатерина. Лучшаго отвѣта на это письмо я не желаю: прикажите переписать». Разсказъ этотъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

146. Исторія паденія Польши. Соч. академика С. М. Соловьева. Москва, 1863 г., стр. 357, приложеніе 2-е.

147. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 47.

148. Шапелль, Французскій поэтъ XVII вѣка, положившій начало легкой любовной Французской поэзіи новаго времени въ изданной имъ, совмѣстно съ Башомономъ, поэмѣ „Relation d'un voyage fait en France". Сочиненія и письма Хемницера по подлинн. его рукописямъ, съ біограф. ст. и прим. академика Я. К. Грота. С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 12 и 13.

Гарновскій заподозривалъ Львова въ неискренности къ Безбородкѣ, о чемъ можно догадываться изъ письма перваго къ Попову, которому писалъ: «Чтобъ убавить спѣси у г. Львова, разсѣявшаго здѣсь о себѣ слухи, будто-бы онъ у графа Александра Андреевича ворочаетъ всѣми дѣлами, а во время болѣзни его и ея императорскому величеству докладываетъ, то г. Судіенковъ, какъ я слышалъ, отъ него самолично, писалъ, между прочимъ, къ Трощинскому: Сказываютъ, что г. Львовъ правитъ у васъ всѣми дѣлами, отпишите, пожалуйте, какими именно? Г. Судіенковъ, проговоря сіе, сказалъ: Мнѣ кажется, что это Трощинскаго такъ сильно огорчитъ, что онъ употребитъ всѣ способы къ удаленію Львова отъ дѣлъ». Записки М. Гарновскаго. Русской Старина, за 1876 г., т. 15, стр. 21.

149. Ода была написана еще въ 1780 г., а теперь была помѣщена въ рукопись стихотвореній, поднесенныхъ императрицѣ Екатеринѣ II.

150. Сочиненія Державина, съ объяснительн. примѣчаніями академика Я. К. Грота. Изданіе Импер. Академіи Наукъ, т. V, стр. 367, 368, 370, 410, 429, 433, 434, 847, 869, 872; т. VI, стр. 653; т. VII, стр. 687, 692.

151. Тамъ-же, т. I, стр. 665 и 666.

152. По объясненію самаго Державина, приводимому издателемъ его Сочиненій, академикомъ Я. К. Гротомъ, «подъ гудкомъ разумѣется здѣсь Гудовичъ, Тамбовскій генералъ-губернаторъ, бывшій начальникомъ Державина, человѣкъ ума посредственнаго, но вознесенный счастіемъ»; а подъ хохломъ—графъ Безбородко и вообще Малороссіяне, «знатныя роли счастливо игравшіе». Соч. Державина съ объяснительн. прим. академика Я. К. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ, т. I, стр. 254 и 255.

153. Тамъ-же, т. I, стр. 629—631.

154. Тамъ-же, т. I, стр. 778, 779.

155. Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біограф. статьею и примѣч. акад. Я. К. Грота. С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 11, 14, 24, 25.

156. Тамъ-же, стр. 17.

157. Изъ записокъ С. Н. Глинки. Русскій Вѣстникъ, за 1866 г., т. 61, стр. 256.

158. Приводимъ здѣсь этотъ рескриптъ вполнѣ: «Нашему генералъ-маіору Безбородку. Находившемуся членомъ въ главномъ почтовыхъ дѣлъ правленіи, статскому совѣтнику Денису фонъ-Визину, уволенному, по его прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, повелѣваемъ производить по смерть изъ почтовыхъ доходовъ половинное его жалованье съ прибавочнымъ окладомъ, пожалованнымъ отъ насъ ему въ 1 день іюня 1779 г. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, марта 10 дня, 1782 г.». Этимъ рескриптомъ фонъ-Визину жаловалась ежегодная пенсія въ 1250 рублей.

159. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣч. и указат., составленными академиками Я. К. Гротомъ и П. П. Пекарскимъ. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 467—469.

160. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 2 столб. 729.

161. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 199—201.

162. О Радищевѣ. Ст. М. Шугурова, въ Русскомъ Архивѣ, за 1872 годъ, т. I, столб. 935 и 936. Графъ Безбородко относился къ Радищеву снисходительно по дружбѣ сего послѣдняго съ графомъ А. Р. Воронцовымъ.

163. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 344, 11-ое августа.

164. Подлинная записка приложена при протоколахъ Совѣта, хранящихся въ Архивѣ Государств. Совѣта, за 1790 г., ч. 2, стр. 70. Она напечатана въ изданіи: Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 2, столб. 737.

165. Теперь заштатный городъ съ маленькой крѣпостью, въ Киренскомъ округѣ, Иркутской губерніи, при рѣкѣ Илимѣ.

166. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Русскій Вѣстникъ, за 1858 г., т. 18, стр. 416.

167. Новиковъ и Московскіе Мартинисты. Соч. М. Н. Лонгинова. Москва, 1867 г., стр. 308. Записки И. В. Лопухина. Москва, 1860 г., стр. 36.

168. Копія съ этого письма обязательно сообщена мнѣ Н. Ѳ. Дубровинымъ.

169. Записки И. В. Лопухина. Москва, 1860 г., стр. 36 и 37.

170. Объ этомъ и князь Прозоровскій, отъ 7 іюня 1792 г., писалъ императрицѣ Екатеринѣ II: «Когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, то извѣщены-ль они были изъ Петербурга, или свои сдѣлали догадки, что будто ваше императорское величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, но Иванъ Лопухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись вдвоемъ, ночью сожгли множество бумагъ, что мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домѣ Тургенева одинъ человѣкъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи». Лѣтописи Русской Литературы и Древностей. Изд. Н. Тихонравовымъ. Москва, 1863 г., т. V, отд. II, стр. 44.

171. Изъ дипломатической переписки XVIII вѣка. Статья Д. И. Иловайскаго. Русскій Архивъ, за 1868 годъ, столб. 825 и 826.

172. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу, 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII, пис. 4.

173. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 480. Храповицкій въ своемъ Дневникѣ, подъ 30 января 1791 г., отмѣтилъ: «Уѣхалъ графъ Безбородко въ Москву на двѣ недѣли», а подъ 13 февраля у него записано: «Графъ Безбородко пріѣхалъ передъ полуднемъ, но во дворцѣ не былъ».

174. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу, 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII, пис. 5.

175. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящіяся въ Кабинетѣ Его Импер. Величества, кн. за январь, 1791 года.

176. Записки И. В. Лопухина. Москва, 1860 г., стр. 36.

177. Стихотвореніе М. Михайлова, поднесенное графу А. А. Безбородкѣ по случаю пожалованія ему графскаго достоинства. Его сіятельству, высокопочтеннѣйшему господину; тайному совѣтнику, Римскія имперіи графу и кавалеру Александръ Андреевичу Безбородкѣ, на всерадостнѣйшее сего достоинства пожалованіе, всеусерднѣйшее приношеніе, которое подноситъ и посвящаетъ бывшей камеръ-цалмейстерской конторы регистраторъ Михайла Михайловъ, въ протчемъ:

„Хоть поздо подношу, но тѣмъ твердится нынѣ
„Сколь ты любезенъ графъ Второй Екатеринѣ!"

Ода.

Какой пріятный слухъ плѣняетъ?
Мой умъ и сердце восхищаетъ;
Мнѣ музы вдругъ гласятъ трубой
Тѣмъ паче мысли ободряя,
Чтобъ я спѣшилъ то пѣть скоряя
Чѣмъ ты обрадованъ герой!
За лиру принялся мою
Къ тебѣ мой духъ неутомленный
Толь сладкимъ чувствомъ напоенный
Стремлю и радостно пою.

* * *

Надежда, радость, мать едина
Великая Екатерина!
Простерши свой Монаршій взоръ,
Душей и сердцемъ веселится,
Что Безбородко графомъ зрится
Сней весь его поздравилъ дворъ,
Теперь О! музы вы со мною,
Звончай направя мирный строй,
Гремите радосной трубою
Сколь сей обрадованъ герой!

* * *

Давъ графство Римской императоръ!
Желаетъ, чтобъ ты былъ сенаторъ,
Согласна съ нимъ и мать и другъ!
Довѣренность къ тебѣ являя
И милости не умоляя,
Стремитъ императрица духъ.
Рукою тоже подтверждаетъ,
Ко общей пользѣ и твоей,
Что трудъ похвальный привлекаетъ
Сколь щедрою къ тебѣ быть Ей!

* * *

Возвышенъ будешъ троекратно,
За всѣ толь ревностны труды
Екатеринѣ то пріятно,
Чѣмъ сладостнѣй твои плоды;
Ты ими удовлетворяешъ
Себѣ и счастье умножаешь.
Твой слухъ въ Европѣ всей гремитъ
И эхой наполняетъ море;
Корабль и кормщикъ зрится въ горѣ,
Но духъ твой ихъ и тамъ бодритъ.

* * *

Взводя по мѣрѣ мысли кротко,
Взлетелъ бы къ музамъ на Парнасъ
И о тебѣ, графъ Безбородко!
Пѣлъ съ ними громче безъ прикрасъ,
Лишь только бъ истина любезна
Являла правду сколь полезна
Геройская душа твоя!
Но то доказано тобою
Въ дѣлахъ военною трубою,
Славнѣй, чѣмъ лира есть моя.

* * *

Ликуй Петрополь градъ высокій,
Нева теки ты въ понтъ глубокой
Играйте вы струи въ брегахъ,
Давъ знать Малороссіи южной
Сколь Безбородко, ей содружной,
Обрадованъ здѣсь въ сихъ годахъ,
Хвалу Всевышнему приноситъ,
За даръ ниспосланный ему,
И духъ простерши къ небу проситъ
Всѣхъ благъ Отечеству своему.

* * *

О! Боже буди препрославленъ
Сугубо нынѣ я возставленъ
Тобою нашъ уваженъ родъ
Іосифъ! и Екатерина!
Сладчае райскаго мнѣ крина
Съ святѣйшими струями водъ,
Которыми меня питаютъ
Съ тобою Творче мой и Богъ!
И сердце жаромъ распаляютъ
Щедроты ихъ ко мнѣ въ залогъ.

* * *

Греми, стремись теперь ты лира
Къ создателю пространна мира
Торжественной воспѣть трубой,
Глася сей промыслъ вожделенный,
Въ знакъ радости не утомленный,
И чтобъ внималъ то и герой!
Что я произношу безъ лести
Ему съ богинею теперь
Во славу имени и чести!
Мнѣ къ графу днесь отверста дверь.

* * *

Чтожъ мнѣ къ сему еще прибавить
Скажи хозяинъ дорогой!
Но что? Мой долгъ теперь поздравить
Тебя графъ Римскій и герой!
Съ такимъ желаніемъ сердечнымъ,
Чтобъ Богъ васъ и блаженствомъ вѣчнымъ
За добродѣтель наградилъ,
Которой ты плодами сѣешь
И больше сней совсѣмъ успѣешь
Сколь ты Екатеринѣ милъ.

Заключеніе.

Прости третично дерзновенье,
Что я въ честь вашу написалъ
И напрягая все стремленье
Къ тебѣ герою съ симъ предсталъ.
Вотъ жертва та, что посвящаю
Тобой обрадованъ быть чаю,
Колико здѣсь несчастенъ я;
Но буди Богъ души свидѣтель,
Чтобъ я забылъ васъ благодѣтель
И сколь велика честь твоя.

Съ подлинника, находящ. въ Сборникѣ принадл. библіотекѣ Д. П. Трощинскаго, нынѣ хранящ. у меня [по каталогу книгопрод. Өедорова, № 4326], стр. 37—40.

128. Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ главнаго народнаго училища города Св. Петра. Журналъ этотъ выходилъ съ апрѣля 1785 г. по мартъ (включительно) 1787 г.

129. Растущій виноградъ, за 1786 г., августъ, стр. 18—25.

180 Предположеніе о томъ, что Дараганъ былъ студентъ, я основываю на 2-ой строфѣ, въ которой онъ называетъ свою музу „несовершеннолѣтнею".

181. Ода посвященная графу А. А. Безбородкѣ Козьмою Дараганомъ. Ода его сіятельству, тайному совѣтнику, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ второму присутствующему, надъ почтами въ государствѣ главному директору, коммиссіи о дорогахъ члену, святаго Александра Невскаго и святаго Равноапостальнаго князя Владиміра первой степени кавалеру, графу Александру Андреевичу Безбородко, милостивому государю. Сочинилъ Козьма Дараганъ. Сіятельнѣйшій графъ, высокомилостивой государь. Я, нижайшій, намѣреваясь предстать лица вашего сіятельства, лицу славою добродѣтелей и благодѣяній ліющихся на всѣхъ подъ кровъ вашего сіятельства прибѣгающихъ, озаряющему, какъ небесное свѣтило лучами, всю Россію, не зналъ что принесть, чрезъ чтобы засвидѣтельствовать глубочайшее свое почтеніе и искреннее къ вашему сіятельству усердіе, какъ только плоды моихъ трудовъ, и если бы не былъ я извѣстенъ, что изволите принимать всякаго съ отмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ, а особливо любителей ученія, и такъ ваше сіятельство, удостойте милостиваго вашего возрѣнія и благосклоннѣйшаго принятія сіе мое усердное приношеніе, и что я при искреннемъ моемъ усердіи, есть-ли позволите ваше сіятельство назваться, есмь и буду навсегда, вашего сіятельства, высокомилостиваго государя, всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Козьма Дараганъ.

Ода.

На верхъ прекрасный горъ Парнасскихъ,
Я нынѣ тщуся возлетѣть;
Среди великолѣпій райскихъ,
Гдѣ вѣчная весна цвѣтетъ;
Гдѣ токъ прозрачной Ипокрены,
Течетъ безъ всякой перемѣны,
Пріятной составля шумъ.
Томимыхъ жаждой напаяя,
Священныхъ музъ увеселяя,
Прочь прогоняя тучи думъ.

* * *

Неутомимыми крылами,
Быстропарящаго орла,
Взвиваяся подъ облаками,
Взоръ простирая на поля.
Стремись моя любезна лира,
Стремись ты отъ предѣловъ міра,
Превыспреннихъ коснуться мѣстъ:
Хоть важность дѣла запрѣщаетъ,
И гибкость духа уклоняетъ,
Твоихъ несовершенныхъ лѣтъ.

* * *

Военнымъ воспаленна жаромъ,
Не Марса будешь ты воспѣвать,
Въ сраженіи которой яромъ,
Обыкъ бездушныхъ повергать.
Не кровію мечь обагренный,

Надъ выю смертнаго взнесенный,
Лишающій его главы;
Презрѣнна жалость гдѣ природа,
Свергаетъ звѣрство тьмы народа,
Топя ихъ въ собственной крови.

* * *

Что въ томъ? что стихотворцы лирой,
Гласили въ древни времена,
Царей увѣнчанныхъ порфирой
Побѣдоносы имена.
Кто выше всѣхъ, и кто всѣхъ болѣ,
Богъ правящій судьбой по волѣ,
Возвелъ на тронъ царей земныхъ:
На толь, чтобъ въ брани кроволитной,
Для славы только не насытной,
Губить жизнь подданыхъ своихъ?

* * *

Носящихъ Божескіе лики
Не пышность славитъ ихъ державъ?
Но будутъ тѣмъ они велики,
Храня покой народныхъ правъ.
Во время Генриха Траяна,
Въ дни царствія Веспасіана
Чрезъ что златой казался вѣкъ?
Лицо Астреи тамъ сіяло
И всяку честь то превышало
Имѣлъ чтобъ счастье человѣкъ.

* * *

Что въ книгахъ древности читаемъ,
Того событіе мы зримъ,
Въ Екатеринѣ созерцаемъ,
Залогъ сей искренно хранимъ.
О коль блаженны всѣ народы!
Спокойны всякой непогоды,
Хранящіе законъ Ея,
Написанъ нѣжными перстами,
Реченный тихими устами,
Для пользы общей, не себя.

* * *

Се тако Богъ благоволилъ
Избранный свой народъ спасти,
Принять Моѵсею жезлъ позволилъ,
Сквозь море Чермно провести.
Се Божій знакъ благостыни,
Зримъ въ образѣ Екатерины!
Прославитъ Россовъ племена,
Гдѣ кроткій взоръ Ея ни блещетъ,
Вездѣ щедротъ обилье мещетъ,
Незлобива, права, славна.

* * *

Сколь много чувствують отрады,
Веселостью наполнивъ духъ,
Всѣ села и различны грады,
Увидѣвъ предъ собою вдругъ,
Что Фебъ простря свои зеницы
Во всѣ пространныя границы,
Начнетъ пріятностью дыхать:
Но въ дни златы Екатерины,
Во дни прохладны и обильны,
Россія счастливѣй стократъ.

* * *

На зыблющеесь водъ пространство,
Страшились Россы лишь взглянуть:
Но нынѣ ищутъ тамъ богатство,
Безбѣдно продолжая путь.
Куда не обратимъ мы очи,
На встокъ, на западъ иль къ полночи,
Вездѣ Россійски зримъ слѣды,
Повсюду спѣшною ногою,
Стрегомые Ея рукою,
Проходятъ, не вкусивъ бѣды.

* * *

Но что за звуки ударяютъ
Внезапно въ отдаленный слухъ?
И что за страхи поражаютъ
Надеждой ободренный духъ?
Не сила-ль Вышняго чудесна?
Пучина тамъ, какъ твердь небесна
Врагамъ ужасный мещетъ громъ!
Тамъ тучи море покрываютъ,
Изъ коихъ молніи сверкаютъ.
Не небо-ль свой преноситъ домъ?

* * *

О духъ плененный возвышайся,
Въ безоблачную высоту!
Съ гремящей славой сопрягайся,
Спустись на моря широту!
Увидь и тамъ среди пучины
Великія Екатерины
Блескъ молніи и тучей громъ,
Кой мещетъ на враговъ противныхъ,
И славясь въ чудесахъ предивныхъ,
На морѣ зиждетъ громовъ домъ.

* * *

Пылая ревностью, стремится
Во слѣдъ за ратнымъ селянинъ,
Кипитъ онъ съ нимъ соединиться,
Нося усердный духъ единъ.
Онъ безоружный съ вооруженнымъ,
Единымъ сердцемъ воспламененнымъ,

Идетъ сразиться за тебя.
Но ты безъ крови побѣждаешь,
Однимъ приходомъ злость сражаешь,
Спокойство мирныхъ дней любя.

* * *

Поля широки не вмѣщають,
Екатерина! войскъ твоихъ:
И гдѣ лишь звѣзды обитають,
И тамъ цвѣтетъ геройство ихъ.
Но что же тьмы людей стѣснило?
Что въ дворъ Петровъ единъ вмѣстило?
Любезный ликъ Твоихъ добротъ:
Которы красно процвѣтали,
Плоды преcладки обѣщали,
Великихъ дѣлъ намъ и щедротъ.

* * *

Плутонъ въ разсѣлинахъ подземныхъ,
Скрывая свой драгой металлъ,
Безъ всѣхъ сопротивленій вредныхъ
Подъ скиптръ Ея себя отдалъ.
Свѣтящеесь сребро и злато,
Разсыпавъ блескъ вездѣ богато,
Россію славитъ безъ рѣчей;
Счастливой вѣкъ, дѣянья громки,
Тебя прославятъ и потомки,
Съ кончаньемъ солнечныхъ лучей.

* * *

Въ слѣдъ подвигамъ монаршимъ славнымъ,
Ты первый Безбородко течешь,
Почтенный именемъ избранный,
Едино правило блюдешь:
Чтобъ бѣднымъ счастіе доставить,
Блаженство дать и въ нихъ возставить,
Науки, тишину, покой.
Для благоденственной судьбины,
Обходишь неудобствъ стремнины,
Водя своею ихъ рукой.

* * *

Лишенъ всегдашняго покою,
Снося неимовѣрный трудъ,
Для общихъ благъ своей рукою,
Творишь правдивый всѣмъ ты судъ.
Что о тебѣ здѣсь ни сказалъ,
Все то ты свѣту показалъ,
Великими на немъ дѣлами.
Служа отечеству безъ лести,
Безсмертной графъ достигъ ты чести!
Украшенной ея вѣнцами.

* * *

Усердно чтишь ты добродѣтель!
Святый законъ ея хранишъ.
О тебѣ Всевышній содѣтель,
Какъ о Давидѣ говоритъ:
„Избранна мужа въ Росскомъ родѣ,
„Въ моемъ возлюбленномъ народѣ
„Нашелъ по сердцу моему:
„Его возвышу и прославлю,
„Его министромъ я поставлю
„Народу Росскому, всему.

* * *

Свѣтъ въ мрачной древности чудился,
Седьми вселенскимъ мудрецамъ;
И чудно, сколь онъ не трудился,
Но только седьмь оставилъ намъ,
А если бъ нынѣ таковаго
Прибавить можно къ нимъ осьмаго,
И тѣмъ вселенну бъ удивилъ;
Но сей не столько будетъ чуденъ,
Сколь первый былъ намъ многотруденъ,
Кой самъ достигнувъ, путь открылъ.

* * *

Коль нѣтъ мужей подобныхъ болѣ;
Ликурговъ нѣтъ! Солоновъ нѣтъ!
То что, узрѣвъ въ семъ нѣжномъ полѣ
Изъ первыхъ мудру, скажетъ свѣтъ?
Премудрая Екатерина!
Ты первая, и Ты едина!
Второй премудрый мужъ по ней!
Премудрый мужъ графъ Безбородко!
Прости, что время мнѣ коротко,
Я слабъ о славѣ пѣть твоей.

* * *

О Боже! сихъ мужей любезныхъ
Россіи всей, ты награди,
И сколько дѣлъ ихъ преполезныхъ
Къ концу благому приведи.
Доколѣ міръ не разрушится,
Доколѣ твердь не обвалится,
Дотолѣ ты ихъ жизнь продли.
Въ трудахъ ихъ силы бъ не слабѣли;
Но крѣпость прежнюю-бъ имѣли,
Внемли прошенію, внемли.

* * *

Когда языкомъ не возможно
Сихъ чувствій точно изъяснить;
То сердца искренность не ложно
Свою горячность съединить.
Въ тебѣ я счастьемъ буду ставить,

Когда тебя достойна славить.
Имѣть я буду столько силъ.
Такимъ усердьемъ всѣ пылаютъ,
Да Парки дни твои сравняютъ
Съ безсчетнымъ множествомъ свѣтилъ.

Съ подлин., находящ. въ Сборникѣ принадлеж. библіотекѣ Д. П. Трощинскаго, нынѣ принадлежащаго мнѣ [по каталогу книгопрод. Өедорова, № 4326], стр. 51—58.

182. Историческое обозрѣніе 2-го кадетскаго корпуса. С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 148 и 149. Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. Сост. полковн. Н. Мельницкій. С.-Петербургъ, 1857 г., т. I, ч. 1, стр. 110—113. 1-ое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 17,051.

183. Поднесенный кадетами экземпляръ стиховъ съ рисункомъ фейерверка, переплетенный въ атласный розовый переплетъ, обязательно доставленъ мнѣ П. А. Ефремовымъ.

184. Изданіе Агафонова обязательно указано мнѣ академикомъ Ант. Ант. Шифнеромъ.

Кромѣ пяти изданій, перечисленныхъ въ главѣ XIII [стр. 107—109], нашлась и шестая книга, посвященная графу А. А. Безбородкѣ. Книга эта обязательно указана мнѣ графомъ Г. А. Милорадовичемъ, въ то время, когда глава XIII была напечатана. Книга имѣетъ заглавіе: Миръ Европы или проектъ всеобщаго замиренія. На слѣдующей страницѣ подробнѣйшее заглавіе: Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительномъ перемиріи, или проектъ всеобщаго замиренія, сопряженнаго купно со отложеніемъ оружій на двадцать лѣтъ между всѣми политическими державами. Переведено съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковымъ, въ 1788 году, въ теченіе солнце чрезъ небесные знаки [Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ и Козерогъ]. Печатано съ дозволенія указнаго у Вильковскаго, въ С.-Петербургѣ, 1789 года. На слѣдующемъ листѣ посвященіе графу А. А. Безбородкѣ, съ подробнымъ титуломъ его. Въ письмѣ, подписанномъ буквами Р. Ц. [т. е. Романъ Цебриковъ], переводчикъ выражаетъ, что «чувствованія благодарности за благотворенія, оказанныя» Безбородкою „прежде родному“ его „брату, яко» его «воспитателю, а послѣ собственно и» ему «побудили» Цебрикова посвятить трудъ Безбородкѣ. Книга имѣетъ XXXIII стр. «предувѣдомленія отъ издателя» и 185 стр. занимаетъ «проектъ всеобщаго замиренія».

185. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 307.

186. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 358.

187. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 307.

188. Дневникъ А. Н. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 358.

189. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 423—426. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 177—181.

190. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 497 и 498.

191. Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. Русскій Архивъ, за 1865 г. столб. 770, пис. II.

192. Автобіографія князя С. Р. Воронцова напеч. въ изд.: Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII. Переводъ автобіографіи напеч. въ Русскомъ Архивѣ, за 1876 г., № 1, стр. 47—50.

193. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 361 и 364.

194. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 426. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 204 и 205.

195. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 364 и 365. Русскій Архивъ, за 1879 г., кн. 2, стр. 206.

Черезъ годъ бюстъ Фокса былъ присланъ императрицѣ, которая, какъ свидѣтельствуетъ Храповицкій, 6-го мая 1792 года: «Предъ обѣденнымъ столомъ всѣхъ водили на колонаду и показывали, какъ бронзовый бюстъ Фокса поставленъ между Цицерона и Демосѳена; а мнѣ сказали, что Питтъ тому завидуетъ». Тамъ-же, стр. 397 и 398. Зависть Питта, по поводу бюста Фокса, подробно изложена въ письмѣ графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ. Русскій Архивъ, за 1879 годъ, кн. 2, стр. 205 и 206.

196. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества, связ. № 497, ук. № 362.

197. Собственноручныя письма князя Безбородки къ Н. А. Львову обязательно доставлены мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ.

198. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 203 и 204.

199. Фердинандъ, сынъ Испанскаго короля Карла III, род. 1751 г., умеръ 1825 г., былъ женатъ на Австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Каролинѣ, извѣстной своею связью съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, который очаровывалъ многихъ и умѣлъ Неаполитанцевъ склонить на сторону Россіи.

200. Потемкинъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, настаивалъ на необходимости мирволить новому королю Прусскому. Екатерина относилась къ нему съ предубѣжденіемъ, даже писала, «что не можетъ унижать передъ королемъ Прусскимъ своего достоинства, безъ котораго «ни жизни, ни короны ей не нужно. Что оскорбленіе короля Прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ прилично, за сіе прошу меня не осуждать: ибо я бъ недостойна была своего мѣста и знанія, еслибъ я сего чувства въ душѣ своей не имѣла». Примѣч. П. И. Бартенева.

201. Подлинные документы, на основаніи которыхъ составлена глава «Ясскій миръ», хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. IX, въ трехъ картонахъ, подъ № 13, 14 и 15.

202. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 206 и 207.

203. Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXVI, стр. 307 и 308.

204. Тамъ-же, стр. 498.

205. Записка графа А. А. Безбородки о высылкѣ изъ Россіи Французскаго повѣреннаго Женета, см. Приложенія, № IX.

206. Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго общества, т. XXVI, стр. 308.

207. Тамъ-же, стр. 426 и 427. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 211 и 212.

208. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., № 1, стр. 82.

209. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. 1, ч. 1, столб. 893 и 894.

210. Четыре рескрипта даны были князю Потемкину: 1, 30 Іюня 1789 г., 2, 19-го Марта 1790 г., 3, 18-го Іюля и 4, 12-го Августа 1791 г. Копіи съ нихъ хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. IX, карт. 13—15.

211. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 378.

212. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, связка № 450, ук. № 539. Храповицкій упоминаетъ, подъ 18-мъ октября 1791 г., что «Зубовъ ходилъ докладывать съ бумагами изъ Безбородкинской канцеляріи и послалъ къ генералъ-прокурору письмо для свѣдѣнія, что поручены ему всѣ дѣла Безбородки. Но тутъ родился тотчасъ вопросъ: какія дѣла? Когда объ нихъ публиковано? И имѣлъ ли самъ Безбородко тогда право объявлять именные указы»? Дневникъ, стр. 378 и 379.

213. Записки Мертваго. Русскій Архивъ за 1867 г., стр. 67.

214. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Сочин. Терещенки. С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II. стр. 178.

215. Осьмнадцатый Вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1869 г., кн. III, стр. 392 и 393.

216. Этого донесенія я не нашелъ въ числѣ бумагъ, относящихся къ Ясскому миру и хранящихся въ трехъ картонахъ, 13—15, въ Московскомъ Главн. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

217. Поповъ, въ докладѣ отъ 18-го октября 1791 г., говоритъ, что когда они Турокъ стали приглашать къ продолженію коннфереренціи по заключенію мира, остановившихся за смертію князя Потемкина, то рейсъ-эфендій отвѣчалъ: „Еслибы Великая Екатерина надъ нами царствовала, то ко всякому благому дѣлу приступилъ бы я самъ собою, безъ наималѣйшаго опасенія; но при Селимѣ самая малая неосмотрительность будетъ стоить головы". См. Приложенія, № X.

218. Это суевѣріе дало поводъ рейсъ-эфендію, на первой конференціи, 30-го октября, заявить, что „Систовскій конгресъ начался въ Четвертокъ, благополучное окончаніе котораго подаетъ надежду думать, что и сей начатый въ подобный день будетъ имѣть желанный успѣхъ". Генералъ-поручикъ А. Н. Самойловъ замѣтилъ ему, „что добрая воля и искреннее желаніе исполнить волю государей предпочтительнѣе дней". См. Приложенія, № X.

219. Russische Günstlinge, 1809, p. 397—410.

220. Протоколы конференцій по заключенію Ясскаго мира, съ 30 октября по 29-е декабря, 1791 года, см. Приложенія, № X.

221. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 213—215.

222. Какъ ни подробны Безбородкинскія донесенія о конференціяхъ, но въ

нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ здѣсь будутъ представляемы любопытныя и характерныя выдержки и изъ протоколовъ засѣданій, которые, при Безбородкѣ, писались на Французскомъ языкѣ, а при князѣ Потемкинѣ—на Русскомъ.

223. Слѣдовательно несправедливъ Гельбигъ, который пишетъ, что Безбородко „въ самомъ концѣ переговоровъ сказалъ Турецкимъ уполномоченымъ, что у него есть одно условіе, безъ котораго онъ никакимъ образомъ не можетъ подписать миръ", т. е. онъ требовалъ 12 милл. піастровъ [Русскій Архивъ, 1865 г., 416]. Этого условія, равно какъ и условія о Закубанскихъ народахъ [какъ выяснится далѣе], дѣйствительно не было ни въ ультиматумѣ, ни въ прелиминарныхъ статьяхъ мирнаго договора; но они оба были внесены въ полный проектъ трактата, который былъ первымъ прямымъ документомъ, или настоящимъ началомъ Безбородкинскихъ переговоровъ съ Турецкими уполномоченными.

224. Копіи съ рескриптовъ императрицы Екатерины II къ графу А. А. Безбородкѣ—обязательно доставлены мнѣ П. И. Бартеневымъ.

225. Къ донесенію Безбородки было приложено прошеніе вдовы умершаго князя Кантакузина. Результатъ ходатайства Безбородки записанъ Храповицкимъ въ Дневникѣ его, подъ 4-мъ декабря 1791 года: „Приказали мнѣ заготовить, по представленію графа Безбородки, указъ о пожалованіи деревень княгинѣ Кантакузиной". Стр. 385.

226. Въ числѣ этихъ приложеній находится и бумага, полученная Безбородкою отъ Попова изъ Яссъ. Поповъ увѣдомлялъ гр. Безбородку, что крестъ, высланный Безбородкою покойному Потемкину для священника Трофима Куцинскаго, врученъ Поповымъ преосвященному архіепископу Амвросію, а этимъ послѣднимъ возложенъ на Куцинскаго, произведеннаго въ санъ протоіерея. Съ бумагою этою, препровождались Поповымъ къ Безбородкѣ, а имъ императрицѣ «аттестаты», данные находившемуся при казацкихъ войскахъ священнику Филоѳею Владевичу, мужественно предшествовавшему казачей колоннѣ по лѣстницѣ на штурмѣ Измаильскомъ и, «тѣмъ заслужившему равное награжденіе».

227. Суворовъ и паденіе Польши. Соч. Фридриха фонъ-Смитта. С.-Петербургъ, 1866 г., ч. II, стр. 29. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 216—222.

228. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 237 и 238.

229. Храповицкій, подъ 19-мъ ноября 1791 г., записалъ: „Съ перомъ въ рукахъ проходилъ письма къ графу Безбородку. Тутъ ея величество апробуетъ, что, вмѣсто разсмотрѣнія на конференціяхъ статьи за статьею, графъ рѣшился предложить всѣ статьи трактата; утверждено и то, что графъ, слѣдуя примѣру князя, будетъ самъ переписываться съ визиремъ". Дневникъ, стр. 383.

230. Первый—о пресѣченіи вражды и о постановленіи взаимной амнистіи; второй—о подтвержденіи прежнихъ договоровъ.

231. Россія требовала съ Турціи 24.000 мѣшковъ или 12.000.000 піастровъ, съ тѣмъ чтобы сумма эта выплачена была въ 4 года равными частями, а именно: по 6.000 мѣшковъ, или по 3.000,000 піастровъ ежегодно, начиная съ 1792 и оканчивая 1796 годомъ.

232. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 223—229.

233. Тамъ-же, стр. 229—231.

234. Великій визирь Юсуфъ-паша въ своемъ письмѣ, отъ „23-й луны Реббіуль Евваля 1206-го", т. е. отъ 13 ноября 1791 года, поздравляетъ Безбородку съ пріѣздомъ въ Яссы и выражаетъ надежду на добрый исходъ мирнаго дѣла, такъ какъ онъ слышалъ, что Безбородко „доброжелателенъ, благоразуменъ, проницателенъ и справедливъ". Ибрагимовичъ въ своей запискѣ говоритъ, что «онъ пріѣхалъ въ Шумлу 10-го ноября 1791 г. и былъ принятъ на другой день, въ 9 часу поутру, по предварительной повѣсткѣ, учиненной со стороны Тешрифатчи-эфендія", и пошелъ онъ со своимъ приставомъ и приданнымъ для охраненія его муджіи къ Портѣ. Представленъ онъ былъ прежде Кегаю-бею, „коимъ принятъ былъ ласковымъ образомъ, и который много распрашивалъ о графѣ Безбородкѣ, а потомъ Тешрифатчи-эфендіемъ представленъ былъ верховному визирю, въ присутствіи множества чиновниковъ и прочихъ людей. Визирь, принявъ у него самъ письмо и при отданіи достоинствамъ графа и справедливости, навѣдывался о его здравіи, и въ такомъ дальнемъ пути не былъ ли обезпокоенъ. За симъ сказалъ Ибрагимовичу, что, разсмотря письмо и изготовя свой отвѣтъ на него, его отправитъ, а между тѣмъ, чтобъ онъ отдохнулъ. По выходѣ отъ него, былъ онъ у Кеседаря-рейсъ-эфендія, а потомъ, бывъ паки позванъ къ визирю, пересказалъ ему о добромъ и искреннемъ расположеніи графа Безбородко къ скорому и счастливому окончанію порученной ему мирной негоціаціи. Визирь, взявшись за бороду, отвѣчалъ, что онъ, доживъ до старости лѣтъ, ни о чемъ болѣе теперь столько не помышляетъ, какъ о доставленіи обѣихъ имперій рабамъ Божіимъ тишины и спокойствія". При отправленіи Ибрагимовича, визирь „учинилъ" ему подарки: цвѣтокъ изъ дорогихъ камней, 8 кусковъ матерій и 150 Турецкихъ червонныхъ.

235. Часть этихъ извѣстій была получена изъ Букареста подполковникомъ Бароцци, а другая была привезена въ Яссы изъ Константинополя ассессоромъ Фродингомъ. Извѣстія были изложены и тѣмъ и другимъ въ отдѣльныхъ запискахъ, поданныхъ ими Безбородкѣ. Отъ Бароцци въ документахъ сохранилось три записки. Въ первой изъ нихъ, отъ 3 ноября, 1791 г., сообщался слухъ изъ Константинополя, будто по порученію Англійскаго посланника при султанскомъ дворѣ, первый его драгоманъ сообщилъ Портѣ, что Англійскій король „въ настоящую минуту только о томъ и заботится", какъ бы упрочить дружбу Австріи съ Пруссіей и что дружба эта непремѣнно послужитъ къ выгодамъ Порты. Въ разговорѣ, происшедшемъ по этому поводу, Англійскій драгоманъ будто бы услышалъ слѣдующія слова отъ одного изъ представителей Порты: „Любезный Пизани! Опытъ открылъ намъ больше, нежели вы думаете, и въ будущемъ мы постараемся сами рѣшать свои дѣла". Затѣмъ, въ запискѣ сообщалось, что Польскій посолъ прислалъ Портѣ бумагу съ желаніемъ республики заручиться отъ султана гарантіей, въ которой онъ обѣщалъ бы, въ случаѣ нападенія, по заключеніи мира между Россіею и Турціею на Польшу, которой нибудь державы, открыто воспротивиться этому, и что въ Валахіи скоро ничего не останется, такъ какъ пшено, ячмень и все что только крестьяне добываютъ съ своей земли, немедленно отбирается у нихъ Турецкими войсками. Во второй запискѣ, отъ 4-го ноября, сообщалось, что заключеніе мира можно считать рѣшеннымъ, такъ какъ Порта не дала Польскому послу никакого удовлетворительнаго отвѣта на его предложеніе, изложенное въ первой запискѣ, и не задержала его, когда онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ. Юсуфъ-паша въ обѣихъ запискахъ представляется интригующимъ

противъ заключенія мира. Наконецъ, въ третьей запискѣ Бароцци, отъ 11 ноября говорилось, что союзъ, заключенный между Россіею и Швеціею, надѣлалъ много шуму въ Константинополѣ. Порта не хотѣла этому вѣрить и обратилась съ вопросомъ къ посланникамъ Венеціи и Голландіи, увѣрившихъ ее, что извѣстіе вѣрно, и что есть даже статьи очень выгодныя для Россіи и невыгодныя для Порты. Судя по этому, Шведскій посолъ играетъ роль не изъ завидныхъ. Султанъ послалъ ему сказать, черезъ своего перваго драгомана, что даритъ Шведскому королю 70 тысячъ кило [мѣръ] пшена, за которымъ онъ можетъ прислать, когда угодно, въ Воло [мѣстность, изобилующая пшеномъ]. Одинъ Турецкій министръ сказалъ нашему другу, что это сдѣлано для того, чтобы не оставаться въ долгу у короля Шведскаго за бриліантъ въ 100 т. піастровъ, подаренный имъ султану по заключеніи договора о союзѣ". Въ запискѣ Фродинга передавалось: „Въ Константинополѣ весь народъ вздыхаетъ о мирѣ съ Россіею; оный бы уже давно взбунтовался, но счастіе султанское, что имѣетъ строгихъ и расторопныхъ людей и начальниковъ, а особливо капитанъ-пашу, янычаръ-агу и стамбулъ-эфендія, которые знаютъ удерживать народъ и удовольствовать ихъ. Султанъ съ фаворитомъ своимъ Кучюкъ-гусейномъ занимаются приготовленіемъ доналма или публичнаго праздника и иллюминаціи, который данъ будетъ по случаю избавленія отъ родинъ султанши. Народъ поговаривалъ, что этотъ праздникъ имѣть будетъ двойную радость, ибо надѣются, что въ тоже время заключенъ будетъ миръ съ Россіею. 28 октября и 2 ноября, по новому стилю, графъ Потоцкій имѣлъ конференцію съ Рашидъ-эфендіемъ; слухъ пущенъ былъ, будто бы трактуютъ о новомъ коммерческомъ трактатѣ, но люди изъ сарайля [сераля] увѣряли, что въ сихъ конференціяхъ Польскій и Прусскій министры обѣщали Портѣ къ будущей веснѣ новую диверсію противъ Россіи, прося Порту, чтобъ она какъ можно старалась продолжать дѣла и сыскать способъ продлить перемиріе. Также сказываютъ, что они увѣряли Порту, будто-бы государыня обѣщалась будущею весною послать 25 или 30 тысячъ войска во Францію.. О семъ тоже часто говорено было самимъ Французскимъ посломъ. Съ Французскихъ, подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Московск. Архивѣ М. И. Д., карт. IX, св. 13.

226. Пакетъ шелъ отъ Дюка-Серра-Капріола и заключалъ въ себѣ инструкція графу Людольфу по улаженію нашихъ отношеній съ Турціею. Предлогомъ послужила доставка денегъ нашимъ плѣннымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, проживавшимъ въ Константинополѣ. 29 ноября Безбородко отправилъ къ графу Людольфу двухъ курьеровъ: маіора Кирѣева и капитана Кирико, при письмѣ къ великому визирю, въ которомъ онъ „при настоящемъ сближеніи совершеннаго примиренія между высокою имперіею Всероссійскою и блистательною Портою Оттоманскою" въ полной надеждѣ на дружбу его сіятельства „и въ соотвѣтствіе тому, какъ и въ разсужденіи отъ Турецкой стороны подобное" Русскіе наблюдали и наблюдаютъ взаимство, просилъ визиря приказать препроводить упомянутыхъ курьеровъ съ безопасностью по мѣсту ихъ назначенія и обратно.

227. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 231 и 232.

228. Въ письмѣ къ П. А. Зубову, отъ 21 ноября, Безбородко, отказывая ему къ опредѣленіи къ себѣ драгомана Пизани, между прочимъ, пишетъ: „Кажется, наша негоціація на путь свой поставлена, хотя много работы и много скуки и хлопотъ еще надобно, чтобъ ее докончить".

239. Т. е. протоколы конференцій 5, 6 и 7-й, бывшихъ 22, 25 и 29 ноября.

240. Копіи съ письма къ графу Лудольфу и инструкцію, данную полковнику Бароцци, я не отыскалъ.

241. Въ дѣлахъ главнаго Московскаго архива Минист. Иностр. Дѣлъ не нашлось перевода съ письма визиря, при которомъ Безбородкѣ были присланы подарки, но сохранилась слѣдующая роспись подаркамъ: 1, цвѣтокъ, бриліантами осыпанный, съ тремя вѣтвями, работанный въ Голландіи; 2, шаль-ризай, съ красными полосами; 3, желтая шаль съ цвѣтами; 4, бѣлая шаль съ цвѣтами; 5, шаль безъ цвѣтовъ, называемая хасанъ-шлей; 6, бѣлая шаль безъ цвѣтовъ; 7, голубая шаль; 8, сувай, Индѣйская матерія, съ золотомъ, вишневаго цвѣта; 9, сувай Индѣйская съ частыми золотыми полосками; 10, билдаръ Индѣйскій съ золотомъ; 11, другой такой же съ золотомъ; 12, сувай зеленая съ цвѣтами; 13, Алепская сувай, съ цвѣтами; 14, сувай вишневаго цвѣта; 15, пепенъ Цареградскій съ золотомъ: 16, четари, Индѣйская матерія; 17, мехтеръ-ханъ, Индѣйская матерія; 18, такая же матерія, называемая гези; 19, двѣ стклянки лучшаго розоваго масла; 20, двѣ банки розовой воды.

242. Въ особомъ рескриптѣ къ графу Безбородко, отъ 13 ноября 1791 года, императрица выяснила поводъ, вызвавшій въ ней желаніе видѣть Мошкова въ Парижѣ: „Какъ король Шведскій мнѣ предлагаетъ отозвать изъ Парижа нашихъ министровъ (его и моего) и я на то согласилась; вице-канцлеру, однако-бы, хотѣлось на мѣсто Симолина оставить повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ; Дубровскаго же къ тому не находитъ никакъ способнымъ, паче же по цифирной переписи, а Мошковъ съ вами уѣхалъ, то спросите у Мошкова, не поѣдетъ-ли онъ паки въ Парижъ? И если онъ хочетъ, и вы можете быть безъ него, то отправьте его сюда".

243. По отъѣздѣ Мошкова, мѣсто его занялъ знаменитый впослѣдствіи графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Объ этомъ онъ писалъ графу С. Р. Воронцову, 25 декабря, 1791 года: „Г. Самойловъ, назначенный быть первымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, пригласилъ меня въ сотрудники. Я поѣхалъ съ нимъ въ качествѣ секретаря. Графъ Безбородко прибылъ, одобрилъ этотъ выборъ и, по отъѣздѣ г. Мошкова, мнѣ поручено составленіе журнала или протокола конференціи".

Что же касается до опредѣленія, которыя изъ протоколовъ конференцій, бывшихъ въ Яссахъ, принадлежатъ перу Ростопчина, это можно видѣть изъ письма его къ тому же Воронцову, отъ 29 декабря, 1791 года. Сообщивъ въ немъ, что Безбородко хотѣлъ послать его въ Варшаву, съ извѣстіемъ о заключеніи мира, Ростопчинъ прибавляетъ: „Но когда я благодарилъ его, онъ былъ настолько добръ, что выбралъ для меня болѣе пріятное порученіе: онъ черезъ пять дней посылаетъ меня къ императрицѣ съ тремя послѣдними протоколами, объясняя при томъ, что они ведены мною". Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 84 и 87. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 41.

244. Курьеръ изъ С.-Петербурга отъ императрицы былъ отправленъ 19 ноября, какъ означено на самыхъ рескриптахъ, а не 20-го.

245. Архивъ князя Воронцова. Москву, 1879 г., кн. XIII, стр. 232—234.

246. Крестъ этотъ предназначался священнику Филоѳею Владевичу, аттестатъ котораго былъ препровожденъ Безбородкою Екатеринѣ, при донесеніи изъ Яссъ отъ 12 ноября. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д., Отд. IX, кар. 14, сохранился собственноручный рескриптъ Екатерины о крестѣ: „Сему священнику послать крестъ

*

на Георгіевской лентѣ на шею, какъ священникамъ дается, и оный послать къ В. С. Попову. Я думаю что посланному кресту подобный есть у камердинеровъ моихъ".

247. Въ сочиненіи Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II, переведенномъ съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ въ Кобленцѣ въ 1799 году, между прочимъ сказано: „Графъ Безбородко получилъ подъ Херсономъ помѣстье, гдѣ было соляное озеро, отдаваемое имъ на откупъ за 15,000 рубл. въ годъ. Потому говорили, будто бы князь Потемкинъ получалъ доходы съ соляныхъ озеръ Крыма, доставлявшихъ годично 300,000 руб. и составлявшихъ почти весь доходъ Крыма. Вотъ почему вдругъ Потемкинъ и Безбородко сдѣлались друзьями". Стр. 166 и 167.

248. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Вел., св. № 444, ук. № 663.

249. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 85. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 42 и 43.

250. Въ протоколѣ записано, что «графъ [Безбородко] просилъ Турецкихъ уполномоченныхъ, вставшихъ при его появленіи, сѣсть».

251. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 87. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII стр. 46 и 47.

252. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 462 и 463.

253. Протоколъ 14-ой конференціи, она-же 12-ая. См. Приложенія, № X.

254. Выписки при письмѣ не сохранилось.

255. Списокъ бояръ Молдавскихъ, желающихъ переселиться въ Россію, составленный графомъ А. А. Безбородкою, см. Приложенія, № XI.

256. 1-ое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 17,008.

257. «При торжественномъ подписаніи мирнаго договора—сообщалъ Безбородко Я. И. Булгакову, въ Варшаву, отъ 29-го декабря,—присутствовали, въ числѣ зрителей, господа гетманъ полный коронный Ржевусскій и генералъ артиллеріи Потоцкій съ прочими своими одноземцами; а когда Турецкіе полномочные вошли въ комнату мою для поздравленія меня съ миромъ, то спрашивали о сихъ господахъ. Должно отдать нашимъ Полякамъ справедливость, что они съ нами наравнѣ миру рады. Я не знаю такъ-ли ваши довольны будутъ». Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 463, пис. 35.

258. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 481.

259. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 238—242.

260. Тамъ-же, стр. 242 и 243.

261. Тамъ-же, стр. 243—245.

262. Тамъ-же, стр. 245—248,

263. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изданіе Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 388.

264. Указъ Кабинету былъ данъ 6-го января 1792 г.

265. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Велич., св. № 445, ук. № 42.

266. Архивъ князя Воронцова. Москва. 1879 г., кн. XIII, стр. 248—252.

267. Въ подлинникѣ эта часть письма вырвана.

268. Въ подлинникѣ эта часть письма вырвана.

269. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 463—465.

270. Съ подлинника, обязательно сообщеннаго мнѣ генералъ-маіоромъ Н. Ѳ. Дубровинымъ.

271. Съ подлинника, обязательно доставленнаго мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ.

272. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 465.

273. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 389.

274. Въ этихъ наградахъ, по словамъ Храповицкаго, графъ Безбородко проигралъ. Въ Дневникѣ своемъ, подъ 31-е января, 1792 г.. онъ записалъ: „Пожалованъ графу Александру Андр[еевичу] Безбородкѣ орденъ св. Андрея и 50 тысячъ руб.; Самойлову тотъ же орденъ и 30 тысячъ руб., но на послѣдняго въ то число надѣть, а къ первому посланъ послѣ, то и вышелъ Самойловъ старшимъ кавалеромъ".

275. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Велич., связка № 445, ук. № 94.

276. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 389.

277. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ., въ архивѣ Кабинета Его Импер. Велич, св. № 445, ук. № 135.

278. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 254.

279. Тамъ же, стр. 202.

280. 1-ое Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, № 17,024.

281. Исходящія книги канцеляріи князя Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Велич., св. № 445, ук. № 42.

282. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 88 и 89. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 48 и 49; кн. IX, стр. 231.

283. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 88 и 89. Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII и IX, стр. 48 и 49, и 231.

284. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 393, 12-го марта, 1792 г.

285. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г,, кн. XII, стр. 75—77.

286. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 90 и 91.

287. Записки князя Ѳедора Николаевича Глинки. Русскій Архивъ, за 1874 г., т. I, столб. 1302.

288. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 395.

289. Съ совершенной копіи, хранящ. въ Диканьскомъ архивѣ кн. С. В. Кочубея.

290. Вѣроятно, по поводу этого обстоятельства, Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ, 3 апрѣля, 1792 г.: „По дѣламъ Польскимъ въ Совѣтѣ сдѣлано возраженіе, хотя былъ уже готовъ манифестъ и росписаніе войскъ работы Моркова и Попова: они 29-го марта подосланы были въ Совѣтъ для объясненія, но Совѣтъ написалъ свой протоколъ вопреки. Пошатнулись, было, и графъ Воронцовъ, и Завадовскій; но всѣхъ удержалъ графъ Безбородко, и такъ 29-го марта были сердиты". Архивъ Госу-

дар. Совѣт., т. I, ч. I, столб. 906, засѣд. 29-го марта, въ которомъ графомъ Безбородкою, по высочайшему повелѣнію, предложены были: «проекты деклараціи по дѣламъ Польскимъ и рескрипты къ генераламъ Каховскому и Кречетникову» и повелѣно держать „сіи бумаги въ самой вышней тайнѣ". Совѣтъ на замѣчаніе о тайнѣ въ протоколъ свой занесъ слѣдующее: „Совѣтъ, пріемля съ должнымъ благоговѣніемъ монаршую довѣренность, ссылается на все прошедшее теченіе дѣлъ, что все, препоручаемое разсужденію его, сохраняемо было въ немъ въ тайнѣ, и ни одно дѣло изъ Совѣта не вышло въ знаніе тѣхъ, отъ которыхъ оно скрыто быть долженствовало".

291. Точно также смотрѣли на Зубова и лица, раздѣлявшія образъ мыслей Безбородки. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 14 апрѣля 1793 года, говоритъ: „Какъ видно, г-нъ Зубовъ укоренился, и мнимые успѣхи обезпечиваютъ ему его пребываніе. Онъ чрезвычайно гордится послѣднимъ раздѣломъ Польши, ибо онъ начертилъ планъ дѣйствій, которому г. Каховскій соблаговолилъ послѣдовать". Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 99.

292. Въ этомъ же смыслѣ писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову, отъ 13 февраля 1792 года: „Поповъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, отдавая отчетъ о предначертаніяхъ князя Потемкина, память котораго, хотя и ненавистная всѣмъ, имѣетъ еще сильное вліяніе на мнѣнія двора; къ нему нельзя примѣнить пословицу: morta la bestia, morte il venino». [У мертвой змѣи не остается яда]. Въ письмѣ же, отъ 28 сентября 1792 года, Ростопчинъ такъ характеризуетъ Попова относительно Безбородки: „Этотъ Поповъ преданъ графу Безбородкѣ, на сколько негодяй можетъ быть преданнымъ. Онъ примѣнился къ графу, по невозможности предуспѣянія въ партіи Зубова, вслѣдствіе непріятностей, понесенныхъ послѣднимъ отъ князя Потемкина и въ которыхъ Поповъ служилъ орудіемъ". Русскій Архивъ, 1876 г., т. I, стр. 91, 95.

293. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 254—258.

294. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 399.

295. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 259.

296. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 403 и 409.

297. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 94—98.

298. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII.

299. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 417. Графъ Завадовскій въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, отъ 30-го ноября 1793 года, по поводу просьбы объ отставкѣ Воронцова, писалъ ему: „Государыня, прочитавъ прошеніе, весьма замялась. Первое слово было: поэтому и Безбородко станетъ проситься?" Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 99.

300. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу, 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII.

801. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 268 и 269.

802. Тамъ-же, стр. 270.

803. Тамъ-же, стр. 271—273.

804. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 99. Архивъ князя Воронцова, Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 66 и 67.

805. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 351—353. пис. 218.

806. Подлинная Записка, писанная собственноручно графомъ Безбородкою, на двухъ золотообрѣзанныхъ листахъ и сшита шелкомъ, хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

807. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 432.

808. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 104. Архивъ князя Воронцова. Москва. 1876 г., кн, VIII, стр. 74.

809. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г,, кн. XIII, стр. 301.

810. Тамъ-же, кн. V, стр. 209.

811. Тамъ-же, кн. XIII, стр. 260—263.

812. Тамъ-же, кн. XIII, стр. 275—277.

813. Подлинная роспись хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, кн. № 175, ук. № 49, стр. 68. Похвальной грамоты я не доискался ни въ государственныхъ, ни въ частныхъ архивахъ, документами которыхъ пользовался для настоящаго труда. Деревни же были пожалованы Безбородкѣ, 18 августа 1795 года, въ Брацлавской губерніи; въ нихъ числилось 4981 душа.

814. Нелидова всеподданнѣйшую просьбу препроводила при письмѣ къ графу Безбородкѣ, и умоляла его представить ее государынѣ и завѣряла, что услугу эту она будетъ считать «милостію». Просьба и письмо Нелидовой, на Французскомъ языкѣ, хранятся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ, отд. II, связка № 120, докум. №№ 83, 84 и 85. Здѣсь же хранится и письмо императрицы къ графу Безбородкѣ, слѣдующаго содержанія: «Прикажи сказать Нелидовой, что я получила ея письмо и тебѣ поручила спросить въ монастырѣ, принимаютъ ли паки оттудова вышедшихъ и на какомъ основаніи?» Письмо графа Безбородки къ Нарышкину мною не отыскано.

815. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 278—282.

816. Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества, т. XXVI, стр. 499.

817. Тамъ-же, стр. 482.

818. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 16 сентября 1793 года [№ 74, стр. 1752], о денежныхъ наградахъ по случаю празднованія Ясскаго мира напечатано слѣдующее: «1793 года, сентября 16 дня, послѣдовалъ отъ ея импер. велич. указъ о выдачѣ изъ почтовыхъ доходовъ пожалованныхъ нѣкоторымъ чинамъ С.-Петербургпочтамта 7,000 рублей и на канцелярію гр. Безбородки 10,000 руб.»

Награды, полученныя графомъ Безбородкою за заключеніе Ясскаго мира, впослѣдствіи для князя Александра Борисовича Куракина послужили предлогомъ испрашивать, чрезъ посредство государыни, «явнаго свидѣтельства одобренія и благоволенія», со стороны покойнаго императора Александра I. Князь Куракинъ, по заключеніи Тильзитскаго мира, получилъ отъ императора Александра I рескриптъ, въ которомъ

государь благодарить князя за труды и, между прочимъ, писалъ: «Не замедлю выразить вамъ, явнымъ образомъ, сколько я вами доволенъ». Не получая 6 недѣль явной благодарности, князь въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 13 (25) августа 1807 года, изъ Вѣны писалъ, что за такія заслуги государству, трудившіеся получали весьма важныя вознагражденія; при чемъ указалъ на князя Безбородку, который за Ясскій трактатъ получилъ Андреевскую ленту и весьма значительныя имѣнія. Сѣтуя за тѣмъ на невознагражденіе его, князь пишетъ: «Почему же мнѣ, трудившемуся надъ Тильзитскимъ трактатомъ, подписавшему его, связавшему съ нимъ на всегда мое имя, быть менѣе счастливому, чѣмъ князь Репнинъ и [князь] Безбородко и чѣмъ генералъ Игельстремъ, и не получить, какъ они, по этому случаю, явное свидѣтельство одобренія и благоволенія моего августѣйшаго покровителя». Русскій Архивъ, за 1869 г., т. I, стр. 409 и 410, письмо XXIII.

319. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 107 и 108.

320. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1872 г., книга V, стр. 202.

321. Подлинный указъ, данный Прав. Сенату, о пожалов. гр. Безбородкѣ званія оберъ-гофмейстера, хранится въ Архивѣ Прав. Сената, кн. высоч. повелѣній, № 175, ук. № 107, стр. 213. С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1787 г., № 84, стр. 1137 и за 1789 г., № 84, стр- 1319.

322. Письмо графа А. А. Безбородки къ П. А. Зубову мною не отыскано.

323. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 108.

324. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 282 и 283.

325. Матеріалы для Московскаго Воспитательнаго Дома. Москва, 1863 г., стр. 43.

326. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго. Истор. изслѣд. А. П. Пятковскаго. Русская Старина, за 1875 г., февраль, стр. 360—365.

327. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1872 г., кн. V, стр. 226. Графъ Завадовскій разсказываетъ, что графы: Салтыковъ и Безбородко дали балы исключительно для великихъ князей. Тамъ-же, кн. XII, стр. 95.

328. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1880 г., кн. XV, стр. 14.

329. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 500.

330. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 284. Постройку дома гр. Завадовскій осуждалъ, высказавъ гр. Воронцову такую мысль по этому поводу: „Графъ Александръ поѣхалъ недѣли на три въ Москву; сооружаетъ тамъ безъ пути великолѣпный домъ, въ которомъ или никогда, либо мало достанется ему жить". Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 105.

331. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. I, стр. 116.

332. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., книга XIII, стр. 284—300.

333. Тамъ-же, стр. 301—308.

334. Тамъ-же, стр. 308 и 309.

335. Тамъ-же, стр. 310 и 311.

336. Въ письмѣ, отъ 29 апрѣля, 1794 года, Завадовскій, сообщилъ, между прочимъ гр. А. Р. Воронцову, что однажды императрица сказала гр. Безбородкѣ, „что къ нему въ важныхъ нуждахъ прибѣгаютъ, то не можетъ жаловаться, что къ нему нѣтъ возрѣнія". Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 112.

337. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., книга XIII, стр. 311—315..

338. Тамъ-же, стр. 315—317.

339. Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1. столб. 991.

340. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 318—321

341. Объявленіе о причинахъ войны съ Польшею, читанное графомъ А. А Безбородкою, 20 ноября 1794 г., см. Приложеніе, № XII.

342. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XVI, стр. 57—61.

343. Тамъ-же, стр. 61 и 62.

344. Тамъ-же, стр. 70.

345. Тамъ-же, стр. 318, 326 и 327.

346. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 321—326.

347. Исторія паденія Польши. Соч.. С. М. Соловьева. Москва, 1863 г., стр. 292.

348. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 327.

349. Подлинный указъ хранится въ Почтовомъ Департ., въ кн. именныхъ высочайшихъ указовъ, съ 1771 по 1797 годы, стр. 51.

350. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 482.

351. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 328.

352. Тамъ-же, стр. 328—332.

353. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XVI, стр. 149 и 150.

354. 1-е Полное Собр. Законовъ Росс. Имперіи, № 17,113.

355. Дѣло Св. Сунода, 1794 г., № 143.

356. Мнѣніе графа А. А. Безбородки и Т. И. Тутолмина, о возсоединенныхъ уніатахъ въ губерніяхъ присоединенныхъ къ Россіи по третьему разряду Польши, см. Приложенія, № XIII.

357. Подлинная записка приложена при протоколѣ Совѣта, 19 апрѣля 1795 года, хранящ. въ Архивѣ Государств. Совѣта, за 1795 годъ, стр. 90. Въ изданіи Архивъ Государ. Совѣта. С.-Петербургъ, 1869 г., она не напечатана.

358. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 335—342.

359. Петръ Биронъ, послѣдній герцогъ Курляндіи, сынъ и наслѣдникъ Эрнеста-Іоганна-Густава Бирона, бывшаго временщикомъ при императрицѣ Аннѣ, отрекся отъ своихъ правъ на Курляндію и продалъ всѣ свои коронныя и частныя имѣнія Русскому правительству за 2.010,000 талеровъ. Независимо отъ этой суммы, Петру Бирону Екатериною была дарована ежегодная пожизненная пенсія въ 100,000 талеровъ, около половины коихъ онъ предоставилъ на выдачу пенсій, назначенныхъ имъ въ прежнее время роднымъ, бывшимъ придворнымъ и слугамъ. Русскій Вѣстникъ, за 1870 годъ, май, стр. 47 и 51. 1-ое Полн. Соб. Зак., № 17,341.

360. Дѣло Кабинета Его Импер. Велич., связка № 445, ук. № 351. Рескриптомъ на имя графа Безбородки, отъ 3 іюля 1795 года, повелѣвалось уплатить изъ почтовыхъ доходовъ 3000 рубл. князю Репнину, за наемъ у него дома въ С.-Петербургѣ, для пребыванія герцога Курляндскаго, съ 1 января по 1 іюля 1795 года. Тамъ-же, связка № 445, № ук. 371.

361. Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества, т. XVI, стр. 206—208.

362. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 342—346.

363. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 347—350.

364. Тамъ-же, стр. 350 и 351.

365. Тамъ-же, стр. 354.

366. Тамъ-же, стр. 357 и 358.

367. Тамъ же, стр. 359—362.

368. Памятникъ протекшихъ временъ. Соч. А. Т. Болотова. Изд. П. С. Киселева. Москва, 1875 г., стр. 10.

369. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 383.

370. Тамъ-же, т. XVI, стр. 354.

371. Тамъ-же, т. XVI, стр. 401 и 402.

372. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 387, пис. 14.

373. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 333 и 334.

374. Авторъ „Плана", кн. П. А. Зубовъ, озабочиваясь и о внѣшнемъ видѣ новой монеты, рекомендовалъ избрать для нея лучшіе рисунки, въ родѣ тѣхъ, по которымъ выбивались монеты на Барнаульскомъ Монетномъ Дворѣ. Высказавъ это замѣчаніе, онъ прибавляетъ, что относительно вѣса мѣдная монета—тѣмъ лучше, чѣмъ она—легче.

Неизвѣстный авторъ монографіи: „Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ" [Русская Старина, за 1876 г., т. III, кн. XII, стр. 694], слишкомъ рѣзко говоритъ о Зубовскомъ „Планѣ", и, къ сожалѣнію, приводитъ изъ него существенныя цифры не вѣрно. Онъ пишетъ: „Для изысканія мѣропріятій къ ея пополненію наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ князя Зубова, рѣшившая вопросъ очень просто, и съ тѣмъ вмѣстѣ, отнюдь не удовлетворительно. До того времени нарицательная цѣнность мѣдной монеты была на 22% ниже ея металлической стоимости: изъ пуда мѣди, стоившаго въ продажѣ 22 р., чеканили монеты только на 16 р. Коммисія удвоила нарицательную цѣнность — и курсъ на ассигнаціи упалъ до 46, даже до 50%. Кромѣ того, въ той-же коммисіи былъ поднятъ и едва не утвержденъ вопросъ о чеканкѣ золотой и серебряной монеты изъ металловъ, выписываемыхъ изъ-за границы".

Къ этимъ соображеніямъ, авторъ статьи: «Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ» сдѣлалъ еще слѣдующее примѣчаніе: «Сохранилась длинная и не особенно толковая записка—финансовый проектъ князя Платона Зубова. Въ ней юный финансистъ противорѣчитъ себѣ почти на каждой страницѣ. По его соображеніямъ, удвоеніе стоимости ходячей мѣдной монеты, посредствомъ ея перечеканки, должно было обогатить казну безъ всякаго обремененія народа. Эту перечеканку онъ предполагалъ произвести изъ мѣдныхъ денегъ, доставленныхъ частными владѣльцами монеты на монетные дворы. Онъ при этомъ упустилъ изъ виду даже возвышеніе стоимости мѣди въ торговлѣ».

375. Копія съ «Плана» князя П. А. Зубова хранится въ Архивѣ Госуд. Совѣта. Къ нему приложены: «Начертаніе, какимъ порядкомъ предполагается перепечатать мѣдную монету въ новое достоинство» и «Штаты» проектированной Главной Монетной Экспедиціи, въ С.-Петербургѣ и 6-ти Монетныхъ Дворовъ».

376. 1-е Полное Собр. Законовъ Росс. Имперіи, № 17,455. Чтенія въ Импер.

Обществѣ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ, издаваемыхъ О. М. Бодянскимъ, при Московск. Университетѣ. Москва, 1863 г., кн. III, стр. 182 и 183.

377. 1-е Полное Собраніе Законовъ Россійск. Имперіи, № 14,457.

378. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., т. XIV, стр. 478 и 479. Объ этомъ маскарадѣ упоминаетъ Державинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. В. Капнисту, именно въ письмѣ, отъ 11 мая, 1796 года: «У графа А[лександра] Андреевича, въ прошлую Среду былъ маскарадъ, гдѣ двое великихъ князей съ фамиліями присутствовали, и до 600 человѣкъ званныхъ». Сочиненія Державина съ объяснит. примѣч. академика Я. К. Грота. С.-Петербуръ, 1871 г., т. VI, стр. 37.

379. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу, 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII.

380. Тамъ-же, см. Приложенія, № VIII.

381. Подлинные протоколы комитета хранятся въ Архивѣ Государ. Совѣта, въ особой папкѣ.

382. Изъ бумагъ Н. П. Архарова. Русскій Архивъ, за 1864 г., столб. 462, пис. LXXX.

383. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того времени [1796 г., 5 сентября, № 72, стр. 1703] о балѣ, данномъ Безбородкою, напечатано такъ: «Въ прошедшій Четвертокъ, 28 августа, ея величество съ ихъ императорскими высочествами и супругами ихъ, и со знаменитыми путешественниками, графами Гага и Ваза, удостоили всемилостивѣйшаго посѣщенія оберъ-гофмейстера, графа Александра Андреевича Безбородко, въ городскомъ его домѣ. По прибытіи въ два часа пополудни, ея величество съ помянутыми высочайшими особами и съ прочими знатными обоего пола изволила обѣдать. По окончаніи стола и по собраніи приглашенныхъ къ балу, начался оный въ пятомъ часу по полудни. Въ осьмомъ часу ея величество возвратилась въ Таврическій дворецъ, а его императорское высочество, государь цесаревичъ, въ Павловское. Въ одинадцатомъ часу, ея высочество, государыня великая княгиня, съ прочими особами императорской фамиліи, съ вышеупомянутыми путешественниками и другими гостями изволила ужинать за разными столами, послѣ чего балъ въ присутствіи ихъ продолжался до третьяго часа пополуночи». Вейдемейеръ въ сочиненіи своемъ: Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи [С.-Петербургъ, 1846 г., ч. 2, стр. 150] пишетъ, что Безбородко, для пріема государыни, которой тяжело было всходить по лѣстницѣ, устроилъ въ домѣ своемъ отлогій скатъ».

384. Терещенко въ сочиненіи своемъ: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управ. иностранн. дѣлами въ Россіи [С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II, стр. 189] описываетъ убранство комнатъ кн. Безбородки, какъ очевидецъ. Онъ говоритъ: «Великолѣпный домъ его блисталъ чрезмѣрнымъ богатствомъ. Лѣстницы были устланы Азіатскими коврами; стѣны убраны изящнѣйшими картинами; потолки горѣли люстрами и перекрестнымъ огнемъ алмазовъ; софы были обиты атласомъ съ золотыми кистями и окна украшены шелковыми занавѣсами; вазы съ цвѣтами, осыпанныя перлами, изумрудами и другими драгоцѣнностями». Авторъ сочиненія: Представители власти въ Россіи послѣ Петра I [С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 230], В. В. Андреевъ, разсказываетъ, что въ домѣ Безбородки, въ 1795 и 1796 годахъ, стояли, во время празднествъ, горы золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ, въ 6 футовъ вышиной и 3 фута въ ширину.

385. Историческiе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Θ. Карабановымъ. Русская Старина, за 1872 г., т. 5, стр. 462.

386. Памятники новой Русской исторiи. Изд. В. Кашпиревымъ. С.-Петербургъ, 1871 г., кн. I, стр. 327.

387. Послѣднiй день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованiя Павла I. Изъ записокъ гр. Ростопчина. Русскiй Заграничный Сборникъ, за 1858 г., кн. V, стр. 1. Русская Старина, за 1872 г., т. 5, стр. 462.

388. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 147.

389. Мѣсяцесловы съ росписью чиновныхъ особъ, съ 1776 по 1795 годъ.

390. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. I, стр. 261.

391. Кто былъ на выставкѣ портретовъ историческихъ лицъ XVIII и XIX столѣтiй, устроенной Обществомъ Поощренiя Художниковъ, въ С.-Петербургѣ, тотъ, конечно, обратилъ вниманiе на портретъ императрицы, изображенной именно въ этомъ нарядѣ.

392. Записки А. М. Грибовскаго. Москва, 1847 г., стр. 45.

393. Въ архивахъ: Прав. Сената и Кабинета я имѣлъ возможность видѣть, за 1792 и 1793 годы, большое число писемъ, подписанныхъ Г. Р. Державинымъ, по поводу челобитенъ.

394. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. VII, X, XIII, XVII, XXIII, и XXVII.

395. Собственноручныя письма, записки и резолюцiи императрицы Екатерины II, адресованныя графу А. А. Безбородки, хранятся въ Государ. Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ, отд. II, № 120, докум. №№: 51, 72, 107, 118, 125, 177, 194, 200, 207 и 221.

396. Разницу между рескриптомъ и именнымъ указомъ, данными одному и тому же лицу, я нахожу только во внѣшней формѣ. Рескриптъ начинается обращенiемъ къ лицу, которое называется по имени и отечеству, а указъ — обращенiемъ къ занимаемой лицомъ должности. Князь Александръ Алексѣевичъ! начинала Екатерина и излагала свои мысли въ рескриптѣ; господинъ генералъ-прокуроръ, обращалась она къ князю и писала ему указъ.

397. Исходящiя книги канцелярiи князя Безбородки раздѣляются на два разряда и имѣютъ заглавiя: а, «журналъ именныхъ высочайшихъ указовъ канцелярiи Безбородки» и б, «журналъ исходящимъ письмамъ Безбородки, которыми сообщаются ея императорскаго величества повелѣнiя разнымъ особамъ и по разнымъ дѣламъ». По такимъ же книгамъ канцелярiи А. В. Храповицкаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ секретарей Екатерины, насчитывается тѣхъ и другихъ актовъ 759—подписанныхъ императрицею 247 и его писемъ 512.

398. Таблица статей 1-го Полнаго Собранiя Законовъ Росс. Имперiи, составленная мною на основанiи бумагъ канцелярiи графа Безбородки, за время царствованiя Екатерины II, не помѣщается здѣсь по сухости ея.

399. Русская исторiя. С.-Петербургъ, 1849 г. ч. II, стр. 231, изд. 4.

400. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 456.

401. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г. т. 15, стр. 703 и 711.

402. Въ одномъ Сенатскомъ архивѣ мною насчитано болѣе 300 докладовъ

по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, съ резолюціями гр. Безбородки; нѣкоторые изъ нихъ, какъ примѣрные, помѣщены въ 1-мъ Полномъ Собр. Законовъ.

403. Въ подтвержденіе этихъ словъ можно привести письмо Екатерины II къ Храповицкому, отъ 11 мая 1788 г.: «Чтобы сенатскіе доклады, отъ 1767 по 1786 годы были присланы отъ Безбородки къ Александру Васильевичу Храповицкому». Русскій Архивъ, за 1872 г., кн. 2, столб. 2076.

404. 1-ое Полное Собр. Законовъ, № 15,229.

Историческая записка графа А. А. Безбородки объ уѣздныхъ городахъ: Гадячѣ и Зѣнковѣ, см. Приложенія, № XIV.

405. По словамъ же Гарновскаго: «Графу Александру Андреевичу, который для загородной ѣзды пользовался всегда придворною каретою запрещено употреблять оную». Русская Старина, за 1876 г., т. 16, стр. 215. Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 130. Ребиндеръ завѣдывалъ придворною конюшнею.

406. Исходящія книги канцеляріи кн. Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинетѣ Его Импер. Велич., св. №№ 441 и 447, ук. №№ 544 и 10.

407. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. III, стр. 5.

408. Молодикъ, за 1844 г. Изд. Бецкаго, стр. 267—270. Разсказъ этотъ съ разнообразными мотивами повторенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управл. иностранными дѣлами. Соч. А. Терещенко. С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II, стр. 188; 2, Москвитянинъ, за 1842 г., т. I, стр. 94; 3, Лицей князя Безбородки. С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 26 и 27; 4, Русская Старина, за 1872 г., т. V, стр. 677.

409. Записки Н. И. Греча. Русскій Архивъ, за 1873 г., стр. 331.

410. Москвитянинъ, за 1842 г., т. I, стр. 478.

411. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 209 и 210.

412. Записки А. М. Грибовскаго. Москва, 1847 г., стр. 86.

413. Жизнь графа Сперанскаго. Соч. графа М. А. Корфа. С.-Петербургъ, 1861 г., ч. I, стр. 89 и 90.

414. Въ іюлѣ 1798 года, Безбородко, докладывая императору Павлу прошеніе Трощинскаго объ увольненіи отъ должности секретаря, по болѣзни, называетъ его «наилучшимъ своимъ помощникомъ, несшимъ труды непрерывно и отличавшимся, совершенною честностію и безкорыстіемъ». Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. III, стр. 5. Впослѣдствіи Трощинскій достигъ званія министра юстиціи; затѣмъ, выйдя въ отставку, переѣхалъ на жительство въ свое село Кибинцы и здѣсь скончался 26-го февраля 1829 года, 76 лѣтъ отъ роду.

415. Свѣдѣнія о составѣ канцеляріи гр. Безбородки заимствованы изъ Мѣсяцеслововъ съ росписью чиновныхъ особъ, съ 1774 по 1796 годъ.

416. Осьмнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1868 г., т. I, стр. 316.

417. Домъ этотъ купленъ Безбородкою, въ 1783 году. За смертію Безбородки, домъ перешелъ по наслѣдству въ руки графа И. А. Безбородки, по смерти котораго, въ 1815 году, онъ сдавался въ наемъ, и въ немъ жили: князь А. Б. Куракинъ, О. П. Козодавлевъ и А. С. Шишковъ. Записки И. И. Мартынова. Памятники новой Русской исторіи. Изд. В. Кашпиревымъ. С.-Петербургъ, 1872 г., т. II, отд. II, стр. 127. Въ настоящее время въ немъ помѣщается Почтовый Департаментъ,

пріемную комнату котораго украшаетъ портретъ князя Безбородки, вмѣстѣ съ портретами другихъ лицъ, начальствовавшихъ надъ почтовымъ вѣдомствомъ. Остатки прежней роскоши виднѣются въ каждой комнатѣ.

418. Купчая была совершена 1-го февраля 1782 г.; хранится она въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

419. Соч. Державина, съ объяснит. прим. акад. Я. К. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ. т. I, стр. 162 и 163. Въ настоящее время портретъ этотъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ и украшаетъ Ларинскую залу. Между тѣмъ, въ каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., сост. П. Н. Петровымъ, подъ № 391, сказано, что онъ принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа, № 279.

420. Подлинная грамота хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

421. Дѣло Канцеляріи Императорской Академіи Художествъ, за 1862 г., № 91.

422. На планѣ г. С.-Петербурга, за 1799 годъ, изданномъ Цыловымъ, въ 1853 году, изъ частныхъ загородныхъ построекъ показана одна дача гр. Безбородки.

423. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г., т. 15, стр. 246.

424. Описаніе столичнаго города С.-Петербурга. Соч. I. Г. Георги. С.-Петербургъ, 1794 г., ч. I, стр. 156.

425. С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1788 г., № 82, стр. 1203, 13 октября.

426. На статуѣ находится надпись: «Rachette fecit 1789. Отливалъ и отдѣлывалъ Импер. Академіи Художествъ мастеръ Василій Можаловъ. Въ Архивѣ Импер. Академіи Художествъ есть дѣло объ уплатѣ денегъ за напечатаніе въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ «извѣстія объ отлитіи статуи Сибеллы». Дѣло 1788 г., № 24.

427. Алфавитный указатель проспектовъ, улицъ, линій и переулковъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, приложенный къ «Описанію С.-Петербурга». Соч. Ив. Пушкарева. 1839 г., т. I, стр. 1. Права гражданства этотъ проспектъ получилъ въ 1803 г., 22 іюня, когда состоялся именный указъ, объявленный С.-Петербургскому военному губернатору министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о постановленіи по улицамъ, площадямъ, мостамъ и домамъ надписей. 1-е Полное Собр. Законовъ Росс. Имперіи, № 20,810, в, общее прилож. къ LX т.

428. Описаніе импер. столичнаго города Москвы. Собр. въ 1775 г., и изданн. въ свѣтъ Г. Н. С. В. Г. Рубаномъ. С.-Петербургъ, MDCCLXXXII, стр. 35 и 92.

429. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. С.-Петербургъ, 1837 г., т. II, стр. 190.

430. Взглядъ на мою жизнь. Записки И. И. Дмитріева. Москва, 1866 г., стр. 207.

431. Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общества, т. XXI, стр. 371.

432. Осмнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1868 г. кн. I, стр. 349 и 350.

433. Разсказы о старинѣ. Ст. А. Ханенки. Русскій Архивъ, за 1868 г., столб. 1078 [напеч. 107].

434. Разсказъ этотъ сообщенъ мнѣ П. И. Савваитовымъ, который слышалъ его А. С. Норова.

435. Разсказы о старинѣ. Ст. А. Ханенки. Русскій Архивъ, за 1868 г., столб. 1078 [напеч. 107].

436. Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общества, т. XXVI, стр. 278.

437. Рожковъ, Иванъ Гавриловичъ, изъ Тульскихъ купцовъ, сынъ извѣстнаго въ то время торговца лошадьми и придворнаго поставщика Гаврилы Рожкова.

438. Записки Современника. С. И. Жихарева. С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 366.

439. Russie anecdotique, bibliographique, biographique, historique, etc. Par le comte André Rastoptchine. Bruxelles, 1874, p. 42.

440. А. И. Морковъ. Ст. П. И. Бартенева. Русская Бесѣда, за 1857 г., кн. IV, стр. 32 и 33.

441. Разсказы П. Ѳ Карабанова. Русская Старина, за 1872 г., т. 5, стр. 771, ст. 138.

442. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1880 г., кн. XV, стр. 24 и 25.

443. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 101 и 102.

444. Записки Л. Н. Энгельгардта, Москва, 1867 г., стр. 49, прим. 82.

445. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. IX, стр. 32.

446. Полный новѣйшій пѣсенникъ. Собр. И. Гурьяновымъ. Москва. 1835 г., ч. 1, стр. 25, пѣсня 13.

447. Записки М. Гарновскаго. Русская Старина, за 1876 г., т. 16, стр. 440.

448. Воспоминаніе о Московскомъ театрѣ при Медоксѣ. Пантеонъ Русскаго театра, за 1840 г., кн. 2, стр. 97 и 98. Разсказъ этотъ перепечатанъ въ изд. «Собраніе разсказовъ, повѣстей и разныхъ статей». С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 637.

449. Лѣтопись Русскаго театра. Соч. Пимена Арапова. С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 99 и 108 и примѣч.

450. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. Н. П. Барсукова. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 358. Тоже подтверждаютъ и «Выдержки изъ старой записной книжки». Графиня Хотекъ разсказываетъ, что Сандунова «заколдовала сердце старика-графа Безбородки, такъ что она, во время придворнаго спектакля, жаловалась на преслѣдованія сѣдаго волокиты». Выдержки изъ старой записной книжки. Русскій Архивъ, за 1873 г., стр. 1986.

451. Vie de Catherine, II. Paris, 1797, t. II, p. 132.

452. Пантеонъ Русскаго театра, за 1840 г., кн. 2, стр. 99. Лѣтопись Русскаго театра. Сост. Пименъ Араповъ. С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 108.

453. Mémoires ou souvenirs et anecdotes, par M. le Comte de Ségur. Paris, 1842, t. III, p. 236 и 237.

454. Свѣдѣнія эти обязательно сообщены мнѣ талантливымъ нашимъ артистомъ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ. Что же касается до оффиціальныхъ извѣстій о семействѣ Д. В. Каратыгина и сценической дѣятельности его дочери, то они истреблены, въ 1810 году, пожаромъ въ Большомъ Театрѣ, гдѣ помѣщался архивъ Театральной дирекціи за старые годы.

455. Фамилія Верецкой дана ей была въ воспоминаніе первой деревни, пожалованной импер. Екатериною II гр. Безбородкѣ.

456. Съ подлинника, хранящ. въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

457. На могильномъ памятникѣ фамиліи Савельевыхъ, съ южной стороны, выбита слѣдующая надпись: «1830 года, сей памятникъ воздвигнутъ лейбъ-гвардіи

полковникомъ и кавалеромъ Яковомъ Петровичемъ Савельевымъ, надъ усопшими: матерью его, Елизаветой Яковлевой, урожденной Болговской, родившуюся въ 1748 году, скончавшуюся въ 1813 году; женою, Натальей Александровной, урожденной Верецкой, родившуюся въ 1790 году, скончавшуюся въ 1826 году». Свѣдѣнія эти обязательно доставлены мнѣ секретаремъ Воронежской консисторіи А. Н. Касаткинымъ.

458. Эти слова Греча напоминаютъ отзывъ Терещенки, который пишетъ, что Безбородко любилъ ходить по городу въ старомъ темнозеленомъ и долгополомъ сюртукѣ, въ загрязненныхъ сапогахъ, съ небрежно-повязаннымъ платкомъ на шеѣ, въ смятой шляпѣ и съ тростью въ рукѣ. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управ. иностранн. дѣлами въ Россіи. С.-Петербургъ, 1837 г., т. II, стр. 189, 190.

459. Заведеніе Ліона помѣщалось въ домѣ гдѣ нынѣ купеческое собраніе, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

460. Записки Н. И. Греча. Русскій Архивъ, за 1873 г., столб. 330 и 331.

461. Письма и записки князя Суворова-Рымникскаго. Русская Старина, за 1866 г., стр. 948.

Суворовъ въ письмахъ своихъ къ Д. И. Хвостову, къ дочери и къ другимъ лицамъ нерѣдко упоминалъ имя графа Безбородки. Всѣ почти изрѣченія Суворова о графѣ Безбородкѣ, благодаря его манерѣ выражаться отрывисто и аллегорически, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, для меня, непонятны. Тѣмъ не менѣе, я представлю здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, такъ какъ онѣ, какъ отзывы современника, весьма любопытны. Въ письмѣ къ Хвостову, 8 августа 1791 г., изъ Кюменьгорода Суворовъ говоритъ о какомъ-то тріумвиратѣ, между Репнинымъ, Орловымъ-Чесменскимъ и Безбородкою: «Непріятно, слухъ уменьшаетъ побѣду к[нязя] Н[иколая] В[асильевича] Р[епнин]а, перевѣсу нѣтъ; армія побьетъ визиря — онъ генералиссимусъ; г[рафъ] А[лексѣй] Г[ригорьевичъ] О[рловъ]-Ч[есменскій] Ѳ—ъ паче какъ миръ, г[рафъ] А[лександръ] А[ндреевичъ] Б[езбородк]о, канцлеръ, вотъ тріумвиратъ». Въ письмѣ къ нему же, 10 сентября, называетъ Безбородку нелѣпымъ и любящимъ отдѣлываться обѣщаніями: «О моей грамотѣ не принимайте и забудьте, будетъ какая нелѣпая какъ г[рафъ] А[лександръ] А[ндреевичъ] Без[бородко]; о вензелѣ Наташи не упоминайте, будетъ вязать обѣщаніями...». Въ письмѣ къ нему же, 20 сентября, приписываетъ гр. Безбородкѣ двуличіе и полагаетъ, что онъ по наказу князя Потемкина, препятствуетъ ему быть генералъ-адъютантомъ, получить Финляндскую дивизію и сдѣлаться губернаторомъ Финляндскимъ: «Между тѣмъ, знаю, что г[рафъ] Безбо[родко] мнѣ сюда преграждалъ, такъ нынѣ, по наказу кн[язя] П[отемкина] «дивизіею погодить его обременять, онъ потребенъ на важнѣйшее». Безб[ородко] повременитъ лучше съ Губствомъ отводъ; всѣ здѣшніе, кромѣ Бр—а Ком—а не были Губ — и, и въ семъ одномъ лицѣ прилично временить — не въ двуличіи, въ чемъ Безб[ород]ко изобилуетъ и въ покровѣ простоты Зав[адовскій] его замѣняетъ». Въ письмѣ, 10 декабря, изъ Вильманстранда, представляетъ Безбородку единомышленникомъ Турчанинова, недоброжелателя Суворова; совѣтуетъ Хвостову стараться увѣрить императрицу въ безпредѣльной преданности его и «менажировать» Безбородку, хотя онъ, съ своими пріятелями, не былъ врагомъ фельдмаршала: „П. И. Т[урчанин]овъ] совершенно съ г[рафомъ] Безб[ородко] и сей сильнее всѣхъ, близокъ будетъ къ Бестужеву, коль паче и по достоинству и всѣ къ нему прильнутъ. Через Трощ[инскаго] е. в. увѣрять долженъ П. А. З[убовъ] о моей безпредѣльной преданности

и весьма г[рафа] Без[бородку] менажировать. Вотъ что Т. И. Т. Каковъ Кахо—ій, я бы могъ сказать: слабъ, но ордонасъ у васъ и г[рафъ] Без[бородко] въ корридорѣ!... Г[рафъ] Без[бородко] и его пріятели мнѣ не были враги... Но жаль г. Н. И. и коли мѣсто его креатура г[рафъ] Без[бородко]. Въ письмѣ, 12 декабря, 1791 г., Суворовъ писалъ: „Графъ А. А. Безбородко не столько хитръ, но больше мудръ", какъ Потемкинъ „и не такъ предателенъ, при рѣшимостяхъ частыя пройдутъ двуличія, къ чему несумнѣнно склонны будутъ его креатуры; сіе-то и опасно по военному департаменту, если его инфлюенція оныкъ осилѣетъ; медлительнѣе Панина и слабозрачнѣе Бестужева, хорошо колибъ онъ сталея Остерманомъ отцемъ". Позднѣе, Суворовъ совершенно порицалъ Безбородку: „Самъ нашъ Ал. Ан. червь иногда кусаетъ вреднѣе змѣи. При его мелкоуміи, онъ уже нынѣ возвышеннѣе князя Потемкина, который съ лучшими достоинствами, въ своей злобѣ былъ откровеннѣе, и паки великодушнѣе его; могъ быть лучше препобѣжденъ". Въ письмѣ къ О. М. Рибасу, 5 августа 1794 г., писалъ: „С. В. fut pour moi dès le commencement, mais il le soutint foiblement à la manière de sa province , . . [Г. Б. сначала былъ за меня, но поддерживалъ слабо по обычаю своихъ земляковъ]. Въ письмѣ къ нему же, изъ Бѣлой-церкви, около этого же времени, писалъ: „Sous le grand C. B. travaille le A. Mor [подъ начальствомъ великаго гр. Безбородки работаетъ А. Морковъ]. Въ письмѣ къ Хвостову, 1796 г., писалъ: „Гр. Алекс. Андр. лѣнивъ и роскошенъ... не тѣ годы". Русская Старина, за 1872 г., т. 6, стр. 413, 420, 421, 424 и 425. Русск. Архивъ, за 1866 г., столб. 987 и 1004. Графы Панины. С. П. Б. 1863 г., стр. 31. Нельзя не вспомнить здѣсь извѣстнаго разсказа Столыпина, который былъ очевидцемъ пріема фельдмаршаломъ, графомъ Суворовымъ, представителей нашей дипломатіи: вице-канцлера, гр. Остермана и гр. Безбородки. „Разъ за столомъ,—пишетъ Столыпинъ,—раскладывалъ я горячее, фельдмаршалъ спросилъ: чей это экипажъ? Я взглянулъ въ окно, доложилъ: графа Остермана. Фельдмаршалъ выскочилъ изъ за стола и выбѣжалъ на крыльцо, такъ поспѣшно, что я, находясь ближе его къ двери, не могъ его предупредить; лакей графа Остермана только что успѣлъ отворить дверцу у кареты, какъ онъ вскочилъ въ нее, благодарилъ Остермана за сдѣланную ему честь посѣщеніемъ, и, поговоря минутъ десять, простился съ нимъ. Столыпинъ замѣчаетъ, что „Остерманъ былъ въ то время вице-канцлеромъ Иностранной Коллегіи, но оною не управлялъ". „Черезъ нѣсколько дней,—продолжаетъ Столыпинъ, — сидя за обѣдомъ, фельдмаршалъ спросилъ: чей это экипажъ? Я отвѣчалъ: графа Безбородки. Онъ не всталъ изъ за стола; а когда графъ Безбородко вошелъ въ столовую, онъ велѣлъ подать стулъ, и поставить подлѣ себя, и сказалъ ему: Вамъ, графъ Александръ Андреевичъ, еще рано кушать, прошу посидѣть. Безбородко, поговоривъ съ четверть часа, откланялся; фельдмаршалъ не всталъ его провожать". Москвитянинъ, за 1845 г., т. III, стр. 5.

462. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 323.

463. Чтенія Императорскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей, издав. при Московскомъ университетѣ, Ѳ. М. Бодянскимъ. Москва, 1864 г., кн. II, стр. 171—184. Русскій Заграничный Сборникъ. Paris, 1858 г., т. V, стр. 1—18.

464. Изъ Записокъ Н. А. Саблукова. Русскій Архивъ, за 1869 г., № 11, столб. 187.

465. Саблуковъ замѣчаетъ: «Говорили съ увѣренностію, что 1-го января

1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ». Русскій Архивъ, за 1869 г., столб. 1883; за 1871 г., столб. 2072.

466. Записки Л. Н. Энгельгардта. Москва, 1867 г., стр. 195.

467. Академикъ Я. К. Гротъ, подробно разъясняя выписанную строфу, между прочимъ, пишетъ: «Этотъ варіантъ былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ [1863 г., № 2, столб. 112] по доставленному А. Н. Аѳанасьевымъ рукописному сборнику покойнаго Д. И. Языкова, почти совершенно согласно съ находящеюся въ бумагахъ поэта редакціею».

468. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями академика Я. К. Грота. С.-Петербургъ, 1871 г., т. VI, стр. 635.

469. Экземпляръ Записокъ Грибовскаго съ замѣтками, написанными на поляхъ его А. М. Тургеневымъ, обязательно сообщенъ мнѣ Ю. В. Толстымъ.

470. Рукописное сочиненіе: Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ, обязательно сообщено мнѣ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ.

471. О вторичномъ погребеніи императора Петра III-го. Русскій Архивъ, за 1871 г., столб. 2072.

472. Осмнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1868 г., кн. II, стр. 641.

473. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 165—169.

474. Осмнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1868 г., кн. II, стр. 642.

475. 1-е Полн. Собраніе Законовъ Россійской имперіи, № 17,530. Гр. Ростопчинъ въ своей запискѣ: Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія Павла I, пишетъ, что великій князь Павелъ Петровичъ, подозвавъ гр. Безбородку, приказалъ ему заготовить манифестъ о восшествіи на престолъ. Это повелѣніе было отдано, когда импер. Екатерина еще не испустила духа. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 166. Подлинный манифестъ хранится въ Архивѣ Прав. Сената. Онъ весь писанъ рукою Д. П. Трощинскаго, надо думать, подъ диктовку гр. Безбородки.

476. Любопытные и достопамятные дѣянія и анекдоты государя импер. Павла Петровича. Изъ Записокъ А. Т. Болотова. Русскій Архивъ, за 1864 г., столб. 619—621.

477. Взглядъ на мою жизнь. Записки И. И. Дмитріева. Москва, 1866 г., стр. 149 и 150.

478. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 г., т. I, стр. 19.

479. Екатерина Ив. Нелидова. Русскій Архивъ, за 1873 г., столб. 2160—2167. Осмнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Москва, 1869 г., т. III, стр. 438, письмо 17.

480. Подлинн. указъ хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ кн. именныхъ высоч. указовъ, за 1796 г., мѣсяцъ ноябрь. Гр. Ростопчинъ писалъ гр. Воронцову, отъ 10-го ноября, 1796 г., что Безбородко «возведенъ въ первый классъ, съ званіемъ фельдмаршала». Русскій Архивъ, за 1876 г., т. II, стр. 82.

481. Изъ Записокъ А. Т. Болотова. Русскій Архивъ, за 1864 г., столб. 640 и 678.

482. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 179.

483. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 483.

484. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 365 и 366.

485. Тамъ-же, кн. XII, стр. 397.

486. Архивъ Государ. Совѣта, книги протоколовъ, за 1796 и 1797 годы, стр. 8.

487. Тамъ-же, книги протоколовъ, за 1796 и 1797 годы, стр. 17 и 18.

488. Исходящія книги канцеляріи кн. Безбородки, хранящ. въ Архивѣ Кабинета Его Импер. Величества, св. № 446, ук. № 58. Рескриптъ на имя Безбородки объ отпускѣ 15,000 руб. на сооруженіе церкви послѣдовалъ 9-го декабря, 1796 г. Пестель управлялъ Московскимъ почтамтомъ и былъ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ въ Москвѣ.

489. Исходящія книги канцеляріи кн. Безбородки, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Величества, св. № 446, ук. № 80. Гельбихъ разсказываетъ, что «однажды Безбородко стоялъ съ государемъ у окна одной комнаты въ своемъ домѣ, изъ которой можно было обозрѣть дорогой садъ, разведенный передъ нимъ. Государь, который на все смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія, выразилъ мысль, что это мѣсто годно бы было для плаца, на которомъ превосходно было бы обучать солдатъ. Это было сказано безъ намѣренія. Но когда государь, проснувшись, подошелъ къ окну, то нашелъ садъ обращеннымъ въ плацъ-парадъ. Безбородко во время ночи приказалъ вырубить деревья и кусты». Русскій Архивъ, за 1865, столб. 841. За Гельбигомъ этотъ же разсказъ повторилъ Андреевъ въ сочиненіи: Представители власти въ Россіи, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 269 и 270. Но послѣ приведеннаго здѣсь рескрипта, тотъ и другой оказываются неправы.

490. Изъ Записокъ графа Г. Ѳ. Комаровскаго. Русскій Архивъ, за 1867 г., столб. 233.

491. Письма графа А. А. Безбородки къ графу Андрею Кириловичу Разумовскому, см. Приложенія, № XV.

492. Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго Польскаго короля, Станислава Августа-Понятовскаго. Вѣстникъ Европы, за 1808 г., ч. XXXIX, іюнь, № 11, стр. 133 и 134.

493. Депеша гр. С. Р. Воронцову. Исторія войны 1799 года. Соч. Д. Милютина. С.-Петербургъ, 1857 г., т. I, стр. 10. Изданіе 2-е.

494. 1-е Полное Собр. Законовъ Росс. Имперіи, № 17,507.

495. Тамъ-же, № 17,584.

496. Подлинный дипломъ, о включеніи князя Безбородки въ число Лифляндскаго дворянства, хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина, въ селѣ Стольномъ, Черниговской губерніи.

497. Въ 1-мъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, № 17,612, напечатана высочайшая резолюція на приговоръ Прав. Сената о наказаніи главнаго виновника и соучастника въ похищеніи суммъ изъ Заемнаго Банка.

498. Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Москва, 1860 г., стр. 62—63.

499. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 483.

500. Исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Соч. А. Лабзина. С.-Петербургъ, 1801 г., ч. 1, стр. 215—217.

501. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. II, стр. 229.

502. Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Соч. А. Лабзина. С.-Петербургъ, 1801 г., ч. V, стр. 216.

503. 1-е Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 17,708.

504. Croix de dévotion, di devozione, въ договорѣ между Россіею и Мальтійскимъ орденомъ 4 [15] января 1797 г. крестъ этотъ названъ «крестомъ благочестія». 1-е Полн. Собр. Зак., № 17,708, ст. XXIV. Кресты благочестія и милости [di devozione e di grazia] давались лицамъ, принадлежащимъ къ ордену и даже иновѣрнымъ. Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ., т. II, стр. 203, прим. 14.

505. Почетные [ad honores], тоже что кавалеры di grazia. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. II, стр. 230.

506. Подлинная грамота, на пожалованіе князю Безбородкѣ Мальтійскаго креста, хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина, въ селѣ Стольномъ, Черниговской губерніи.

507. Исторія ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Соч. А. Лабзина. С.-Петербургъ, 1801 г., ч. V, стр. 242 и 244. Въ бумагахъ, хранящихся въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, находится списокъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена, писанный рукою князя Безбородки.

508. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 209.

509. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 484.

510. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 369 и 370.

511. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 484.

512. Подлинный указъ хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ кн. именныхъ высоч. указовъ, за январь мѣсяцъ 1797 г.

513. 1-е Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, № 17,796.

514. Исторія войны 1799 года. Соч. Д. Милютина. С.-Петербургъ, 1857 г., т. I, стр. 28; т. III, стр. 50, ст. 17.

515. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 368 и 369.

516. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій.

517. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 371.

518. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. II, стр. 82.

519. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1872 г., т. I, стр. 158.

520. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 485.

521. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII.

522. Чинъ дѣйствія коронованія государя императора Павла I, стр. 8.

523. Шишковъ объясняетъ такую щедрость импер. Павла съ государственно-политической стороны. Онъ пишетъ: «Графы Безбородко и Кушелевъ, доброхотствовавшіе мнѣ, выпросили при раздачѣ или, лучше сказать, при расхватѣ деревень, и на мою долю 250 душъ, предоставляя мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ, выбрать ихъ

въ людномъ мѣстѣ. Причиною сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость Павла I: напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, онъ думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній». Записки, мнѣнія и переписка адмирала Шишкова. Берлинъ, 1870 г., т. I, стр. 22.

524. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 372 и 373 Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ, 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 годъ, см. Приложенія, № VIII.

525. Три подлинные указа хранятся въ Архивѣ Прав. Сената, въ книгахъ именныхъ высоч. указовъ, за 1797 г., кн. № 191, ук. №№ 12, 13 и 16. Подлинное письмо импер. Маріи Θеодоровны къ Евдокіѣ Михайловнѣ Безбородкѣ хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина, въ селѣ Стольномъ, Черниговской губерніи.

526. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. II, стр. 84.

527. Съ подлинника, обязательно сообщеннаго мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

528. Подлинный указъ, объ отведеніи земель кн. Безбородкѣ, въ Воронежской губ., хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ книгахъ именныхъ высоч. ук., кн. № 191, ук. № 182.

Подлинныя письма кн. Безбородки: 1, о Н. А Львовѣ и 2, о Япшынѣ обязательно доставлены мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ. Онѣ хранятся въ Архивѣ Прав. Сената.

Въ подтвержденіе заключительныхъ словъ XX главы, можно привести разсказъ Ржевской. Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова, въ Запискахъ своихъ, говоритъ о Безбородкѣ, что онъ дѣйствительно старался радѣть человѣчеству. «Я никогда не искала, — читаемъ въ Запискахъ, — его [императора Павла] милостей, не желала ихъ и не сокрушалась, будучи лишена ихъ. Быть можетъ, въ душѣ я даже слишкомъ презирала ихъ. Князь Безбородко помѣстилъ мое имя въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградѣ [при коронаціи Павла]. Императоръ вычеркнулъ его, и мнѣ передали слова, сказанныя имъ по этому поводу: она черезчуръ горда». Русскій Архивъ, за 1871 г., стр. 1—52.

529. Подлинные именные высоч. указы, хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената, за 1797 г., кн. № 191, ук. № 280. Въ соч.: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи [С.-Петербургъ, 1837 г., ч. 2, стр. 160, ст. XXI], вѣроятно, по опечаткѣ, днемъ увольненія гр. Остермана означено 27-го, а не 1-го апрѣля.

530. Письма изъ Россіи въ Ирландію. Русскій Архивъ, за 1873 г., столб. 1858—1860.

531. Съ копіи, хранящ. въ архивѣ Кабинета Его Импер. Величества, св. № 446, ук. № 246.

532. Вѣроятно, это—горки, которыя украшаются золотой, серебряной и хрустальной посудой, употребляемою въ парадные дни для сервировки обѣденныхъ столовъ.

533. Съ копіи, хранящ. въ Архивѣ Кабинета Его Импер. Величества, св. № 446, ук. № 247.

534. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1872 г., т. I, стр. 159 и 160.

535. Разсказы о старинѣ А. Ханенки. Русскій Архивъ, за 1868 г., столб. 1079 и 1080.

536. Подлинные рескрипты хранятся въ Архивѣ Прав. Сената, въ кн. именныхъ высоч. указовъ, за 1797 г., май, кн. № 192, ук. № 280.

537. Записки Василія Семеновича Хвостова. Русскій Архивъ, за 1870 г., столб. 590.

538. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 2, стр. 86.

539. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 375.

540. Письма князя Безбородки къ Михаилу Павловичу Миклашевскому, см. Приложенія, № XVI.

541. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 485 и 486.

542. Въ подлинникѣ нѣсколько словъ вырвано.

543. На булечныхъ, т. е. на деревянной мозаикѣ. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797., см. Приложенія, № VIII.

544. Путешествіе импер. Павла I въ Черниговъ не состоялось; государь въ 1798 г. ѣздилъ въ Казань.

545. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ, 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 г., см. Приложенія, № VIII.

546. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 486, пис. 58 и 59.

547. Съ подлинн., обязательно сообщенныхъ мнѣ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ; они хранятся въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ.

548. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 2, стр. 87.

549. Подлинныя собственноручныя письма князя Безбородки къ гр. Панину обязательно сообщены мнѣ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изъ Лондона, по обязательному содѣйствію предсѣдателя Импер. Русскаго Историческаго Общества, сенатора, А. А. Половцова.

550. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 376—379.

551. Тамъ-же, кн. XIII, стр. 380—382.

552. Вѣстникъ Европы, за 1808 г., т. XXXIX, іюнь, № 11, стр. 157 и 158.

553. Подлинный указъ хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ кн. именныхъ высоч. указовъ, за 1798 г., мартъ, ук. № 202.

554. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издав. Н. В. Калачевымъ. С.-Петербургъ, за 1860 г. [1859 г.], кн. V, стр. 63 и 64.

555. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 383—389.

556. Подлинные доклады по С.-Петербургскому Опекунскому Совѣту хра-

нятся въ Архивѣ Прав. Сената, въ книгахъ именныхъ высоч. ук., за мартъ и апрѣль мѣсяцы. Матеріальныхъ пожертвованій въ пользу Воспитательнаго Дома кн. Безбородко не дѣлалъ, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго списка благотворителей.

557. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 487. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 390 и 391.

558. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 377 и 379.

559 Fabbriche e disegni di Giacomo Quarenghi, architetto di S M. L'Imperatore di Russia, cavaliere di Malta et di S. Wolodomiro, illustrate dal cav. Giulio suo figlio. Milano, Presso Pavlo Tosi, MDCCCXXI. Въ этомъ изданіи помѣщено описаніе дворца его сіятельства князя Безбородки [palazzo di s. e. il principi Besborodko], а къ описанію приложены четыре гравюры.

560. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 392—395.

561. Передъ отъѣздомъ въ Москву кн. Безбородко подалъ просьбу Св. Сѵноду о дозволеніи матери его, въ селѣ Стольномъ, „по глубокой старости и болѣзнямъ", построить въ своемъ домѣ церковь, во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины. Св. Сѵнодъ, опредѣленіемъ 3 мая, разрѣшилъ имѣть церковь. 22 мая, кн. Безбородко отправилъ къ матери письмо, въ которомъ говоритъ: „Для комнатной вашей церкви сосуды, Евангеліе и крестъ съ кадильницею, серебряные, съ украшеніями, при семъ въ ящикѣ посылаются". Дѣло Св. Сѵнода, 1798 г., № 192. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 487.

Стихи, поднесенные кн. Безбородкѣ Симскимъ, переписаны въ тетрадь, въ четвертку, на заглавномъ листѣ которой слѣдующая надпись: „Его свѣтлости, высокопревосходительному господину канцлеру, дѣйств. тайному совѣтнику, сенатору, надъ почтами въ государствѣ главному директору и орденовъ св. Александра Невскаго, св. Равноапостольнаго князя Владиміра и св. Анны кавалеру, князю Александру Андреевичу Безбородку, пѣвческаго хора, Московскаго Уѣзднаго Суда регистратора, Василія Симскаго, усерднѣйшее приношеніе".

562. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 487.

563. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIV, стр. 123. Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки, за 1877 годъ. С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 116.

564. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 400—402; 403 и 404.

565. Съ собственноручныхъ подлинниковъ князя Безбородки обязательно доставленныхъ мнѣ, изъ Лондона, княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

566. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 405 и 406.

567. Исторія войны 1799 года. Соч. Д. Милютина. С.-Петербургъ, 1857 г., т. I, стр. 69 и 70.

568. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIII, стр. 407, 408 и 409.

569. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 440 и 441. По мнѣнію редактора журнала: „Русскій Архивъ", П. И. Бартенева, письмо это принадлежитъ не кн. Безбородкѣ, а скорѣе не графу-ли Завадовскому. Современная копія письма хранится въ Диканьскомъ архивѣ кн. С. В. Кочубея вмѣстѣ съ другими копіями писемъ кн. Безбородки къ братьямъ гр. Воронцовымъ.

570. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. ХШ, стр. 410.

571. Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1872 г., кн. 1, столб. 144.

572. Леобенскій договоръ былъ подписанъ 7 [18] апрѣля, 1797 г., между Франціею и Австріею.

573. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. ХШ, стр. 411 и 412; 412—414.

574. Съ собственноручнаго подлинника, обязательно сообщеннаго мнѣ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изъ Лондона.

575. 1-е Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, № 18,779.

576. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. ХШ, стр. 414.

577. Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1872 г., кн. 1, стр. 170 и 171.

578. Во время этого путешествія великій князь Константинъ Павловичъ прожилъ въ Вѣнѣ, съ 15 по 19 апрѣля 1799 г.

579. Записки графа Е. Θ. Комаровскаго. Русскій Архивъ, за 1867 г., столб. 526 и 527.

580. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 г., т. I, стр. 20.

581. Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, за 1862 г., кн. Ш, смѣсь, стр. 185—187.

582. Тамъ-же, кн. Ш, стр. 185—187.

583. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 1, стр 90. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VШ, стр. 189 и 190.

584. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIV, стр. 100—102.

585. Тамъ-же, кн. XII, стр. 211.

586. Тамъ-же, кн. XII, стр. 212.

587. Подлинное письмо кн. Безбородки къ кн. Лопухину хранится въ витринѣ Московскаго Городскаго и Румянцовскаго музеевъ.

588. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 212.

589. Тамъ-же, кн. XII, стр. 214 и 215.

590. Тамъ-же, кн. XII, стр. 215 и 216.

591. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVI, стр. 488.

592. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VШ, стр. 191.

593. Тамъ-же, кн. VШ, стр. 194.

594. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Кабинета Его Импер. Велич., въ книгахъ именныхъ высоч. указовъ, за 1799 г., № 28.

595. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VШ, стр. 195.

596. С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1799 г., № 16, 25 февраля.

597. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. X, стр. 250.

598. Тамъ-же, кн. XII, стр. 218.

599. Тамъ-же, кн. XII, стр. 219.

600. Тамъ-же, кн. VШ, стр. 196 и 197.

601. Эта часть, изложенная кн. Безбородкою, объ отставкѣ, была приведена мною въ предъидущихъ главахъ, гдѣ требовали обстоятельства дѣла.

602. Всеподданнѣйшее прошеніе князя Безбородки, поданное императору Павлу I, объ увольненіи отъ службы и о дозволеніи ѣхать за границу, см. Приложенія, № XVII.

603. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г. кн. XIII, стр. 415—417.

604. Тамъ-же, кн. XIV, стр. 107.

605. Тамъ-же, кн. VIII, стр. 198.

606. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 3, стр. 65.

607. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1872 г., кн. XII, стр. 220.

608. Тамъ-же, кн. V, стр. 274.

609. Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1873 г., кн. 1, столб. 171—172.

610. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 3, столб. 65.

611. Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, за 1872 г., кн. 1, столб. 172. О болѣзни кн. Безбородки въ одной изъ своихъ записокъ къ Капнисту Львовъ говоритъ: „Писать-же самъ ничего я не могу: кромѣ глазной болѣзни, я такъ боленъ болѣзнію князя Александра Андреевича, что отъ утра до вечера бываю у него. Глупъ я, это я чувствую, никогда не умѣлъ разсудкомъ разорвать связь сердечную. Состояніе его меня чрезвычайно безпокоитъ". Сочиненія и письма Хемницера по подлинн. его рукописямъ, съ біограф. статьею и примѣч. акад. Я. К. Грота. С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 42.

612. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 221 и 222

613. Тамъ-же, кн. XIV, стр. 203—206.

614. Тамъ-же, кн. XIV, стр. 108.

615. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 3, стр. 66.

616. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 223.

617. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣч. и указателемъ Я. К. Грота и П. П. Пекарскаго. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 397.

618. Жизнь графа М. М. Сперанскаго. Соч. графа М. А. Корфа. С.-Петербургъ, 1861 г., т. II, стр. 378.

619. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1879 г., кн. XIV, стр. 262.

620. Сочиненія Державина съ объяснит. прим. акад. Я. К. Грота. Изд. Импер. Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1866 г., т. III, стр. 377 и 378.

621. Стихотвореніе на смерть князя А. Безбородки. Соч. А. Павловскаго. „Стихи на кончину его свѣтлости, канцлера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса, сенатора, надъ почтами главнаго директора, и многихъ орденовъ кавалера, князя Александра Андреевича Безбородко, послѣдовавшую 1799 года, апрѣля 6 числа. Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія цензуры, печатано въ типографіи Шнора, 1805 года".

На оборотѣ заглавнаго листа означено: „Предлагаются стихи на кончину его свѣтлости князя Безбородко точно такъ, какъ они были написаны въ свое время. Нужно-ли перемѣнять ихъ по обстоятельствамъ нынѣшнимъ?"

Теченія вѣковъ въ объятности вмѣщенна,
Природы рвется связь, издревле потрясенна.
Трудамъ и рвеніемъ гремящій сынъ временъ,

Глубокоумственный ихъ зритель перемѣнъ,
Кто разумомъ своимъ отъ юныхъ дней постигъ
Какъ лучше проводить летящей жизни мигъ,
Весь вѣкъ свой посвятить для чести, славы Россовъ,
Примѣрнымъ быти въ ихъ политикѣ колоссомъ,
И подъ признательной владыкъ своихъ зѣницей
Въ потомство звукъ свой лишь блистающій зарницей,
Преръдкій человѣкъ, прещедрый даръ небесъ,
Князь Безбородко—благъ тьмочисленныхъ творецъ,
Судьбины позванъ бывъ вседѣйствующей силой,
Дохнулъ—и бытію свой отдалъ долгъ унылой!
Полъ-вѣка цѣлаго, и вящше, онъ сіялъ,
Всегда отечества о счастіи смышлялъ,
Всегда онъ сильну мысль клонилъ къ тому предмету,
Чтобъ честь Россіи зрѣть преизумленну свѣту.
На Богдыхановъ мочь луны и льва сосѣдствы
Быстро смотря, онъ зналъ таинственны тѣ средствы,
Какъ бы всѣхъ царствъ балансъ въ Россіи утвердить,
Какъ ихъ движенію пружины заводить,
Гдѣ выгодный дать миръ, гдѣ сыпать ужасъ бранный.
Умѣлъ онъ заключать трактаты вѣчно-славны.
Въ обширной памяти онъ все то содержалъ,
Что Самодержецъ намъ въ законахъ предписалъ.
Онъ всѣ великіе характеры имѣлъ.
Онъ славный подвигъ свой свершаючи, умѣлъ
Благоговѣть—монархъ коль перстомъ помоваетъ;
То свято исполнять, что долгъ повелѣваетъ;
Въ грядущи бытности мысль зоркую склонять,
Тогда же мѣру имъ и вѣсъ опредѣлять;
Высокимъ разумомъ, отечества для славы,
Сосѣдни дружбою согласовать державы;
Какъ солнце межъ свѣтилъ—въ Совѣтахъ отличаться,
Правительства пружинъ о крѣпости стараться;
Теченьемъ быстрымъ дѣлъ тотъ выборъ оправдать,
Кой бремя должностей благоволитъ взлагать;
Блистать и словъ, и дѣлъ, и духа высотой;
Плѣнять сердца своихъ желаній чистотой.
Имѣть почтенный взоръ, и поступь благородну,
Министра важность всю, и душу вѣры полну;
Горѣть, дышать живой патріотизма страстью;
Все къ счастія метѣ [1]) вести своею властью;
Веселье въ томъ себѣ и радость находить,
Чтобъ ближнему всякъ часъ щедро благотворить.
Онъ былъ всеобщаго почтенія, любви,
Бесѣдъ, усердія, громчайшія молвы
Предметъ;—и могъ себѣ желать того достойно,
Чтобъ чтить его сердецъ въ незлобіи спокойно.
Онъ, собственныхъ заслугъ, преславною стезей,
На высочайшую степень взошелъ честей.
Онъ зналъ, какъ идетъ свѣтъ, и зналъ пути природы;
Съ разборчивостью пилъ Пермесски свѣтлы воды.
Онъ былъ дѣйствительно великій человѣкъ.
Такого мужа мы лишилися на вѣкъ!

[1]) Отъ слова: Meta.

Истина сія въ вѣкъ будетъ на глазахъ,
Что дивенъ, славенъ тотъ, премудръ, великъ монархъ,
Который таковыхъ министровъ избираетъ,
И, движа ихъ умы, въ срединѣ самъ пылаетъ.
Гдѣ жъ князь? Предъ Божескимъ животворящимъ зракомъ
Сокрытъ священнымъ намъ невѣдѣнія мракомъ!...
Все зданіе вселенныя не вѣчно;
Уноситъ время все съ собою быстротечно:
Князь былъ!... но жадная, все рѣжуща, коса
Закрыла ужъ его пресвѣтлые глаза;
Горящій разума его погаснулъ лучъ
Среди волненія въ Европѣ бурныхъ тучъ.
Погасли съ нимъ и блескъ честей его сіянье,
Любовь къ Отечеству, къ несчастнымъ состраданье.
Пресѣкъ свой меценатъ къ вамъ, музы, сладкій гласъ!
Осиротѣлъ Арей, Осмида и Парнасъ!
Урономъ таковымъ имѣя грудь стѣсненну,
Россія для него зритъ вѣчность отворенну.
Соотчичи его, и ближнихъ славный родъ,
Лобзаютъ во слезахъ его сокрывшій гробъ.
Усердный патріотъ лишь руки воздымаетъ;
„Ты нуженъ намъ, о князь!“, онъ съ чувствомъ восклицаетъ.
И сердце слышитъ--тамъ—гдѣ мечъ и умъ Осмиды
Дѣлятъ между собой Россійски Аристиды,
Гдѣ счастье нѣжитъ тьмы рукой его сиротъ,
Немолкныхъ воплей гласъ отъ рода идетъ въ родъ:
„Сей благодатель всѣхъ заслуги почиталъ,
„Цѣнилъ достоинствы, и щедро награждалъ;
„Былъ всѣмъ Отецъ!... былъ, такъ сказать, вѣтвисто древо,
„Подъ листьемъ коего, томимый знойнымъ небомъ,
„Прохладу путникъ пьетъ, какъ сладку благодать:
„Счастливъ, кто въ сѣнь сію могъ въ вѣкъ свой прибѣгать!
Стонъ, скорбь и вопль, и плачъ на части сердце рветъ;
Россія, цѣлая Россія слезы льетъ!
Кого лишились мы? Россійска Кауница!
Того, котораго монаршая десница
Какъ щитъ, какъ столпъ, какъ твердь престола отличала,
И персты растворя, щедротой осыпала.
Великій государь! о! ты, что держишь громъ
Разящій зависть, злость, коварство и враговъ,
Что съ непостижными бесѣдуешь судьбами,
Что милосердіемъ сіяешь предъ царями,
Что бдительностію своею все объемлешь,
Что съ мудростью временъ преобращеньи внемлешь,
Что зоркой мыслію правленья вѣсишь сферы,
И пишешь имъ пути движенія и мѣры,
Что быстротой очесъ провидишь промышленьи,
И наши съ благостью пріемлешь поклоненьи,
Что гласомъ Божества и злобѣ жизнь даришь,
Что благоденствіе ничтожеству творишь!
Монархъ премудростью и милостью сіяющъ!
Прости, что слабый гласъ, уныніе являющъ,
Дерзаетъ вознестись къ престолу твоему!
Сраженну скорбію предѣловъ нѣтъ уму.

*

Бгаговоли воззрѣть, какъ, падша на колѣны,
Россія предъ тобой льетъ чувствы сокрушенны;
И межъ свѣтилъ, тобой въ отечествѣ горящихъ,
Поставь на степень ту смыслъ паче блестящій,
Гдѣ вмѣсто князя бы болѣзни, пустоты
Сердецъ рыдающихъ смягчилъ, какъ Богъ. А ты,
Пронзенная его кончиною Россія!
Благословляй, молча, небесъ судьбы святыя;
И, раздѣляя скорбь съ грядущими вѣками,
Гласи потомства въ слухъ съ стенаньемъ и слезами:
„Померкъ!.. и здѣсь сокрытъ!.. тотъ быстрый, сильный умъ,
„Что славы моея всегда былъ полонъ думъ;
„Что Россовъ общею душею обладалъ,
„Но глубину души единъ царевы зналъ!

Изъ сборника стихотвореній, принадлеж. Д. П. Трощинскому и купленнаго мною у книгопродавца Ѳедорова; по каталогу его № 4175, стр. 85—88.

622. Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques. St. Pétersbourg, 1816, t. II, p. 40—42.

623. Гельбихъ, въ сочин. своемъ: Russische Günstlinge, говоритъ, что кн. Безбородко былъ жертвою «водяной болѣзни», развившейся вслѣдствіе «его пиршествъ».

Митрополитъ Евгеній, въ письмѣ своемъ къ В. И. Македонцу, разсказывая о похоронахъ генералиссимуса князя Суворова-Рымникскаго, между прочимъ, пишетъ, что надъ гробомъ его стоялъ «препышный, малиноваго бархату, съ золотымъ подзоромъ фигурнымъ балдахинъ, на 8 столбахъ. Сей балдахинъ дѣланъ былъ еще для князя Безбородки и оставленъ въ Невскомъ [монастырѣ]». Выдержки изъ дружескихъ писемъ Евгенія Болховитинова къ Воронежскому жителю В. И. Македонцу съ прим. и послѣсловіемъ Н. Я. Сѣвернаго. Русскій Архивъ, за 1870 г., столб. 778.

Авторъ «Богатырей» Чаевъ разсказываетъ: когда поѣздъ съ прахомъ генералиссимуса подъѣхалъ къ воротамъ [Троицкимъ] лавры, то многіе толковали, «что балдахинъ былъ высокъ, ворота низки. Не пройдетъ. Пройдетъ! Онъ вездѣ пройдетъ громко отвѣчалъ старый ундеръ, съ грудью, увѣшанною орденами и медалями. Балдахинъ тронулся, и въ самомъ дѣлѣ, прошелъ свободно въ ворота». Приведенный разсказъ нисколько не теряетъ своей правдоподобности, потому что балдахинъ уже проходилъ чрезъ ворота съ прахомъ князя Безбородки: толпа объ этомъ не вѣдала.

624. Въ статьѣ: «Воспоминаніе о коронаціи импер. Александра I» напечатано ошибочно, что «на коронаціи его присутствовалъ графъ А. А. Безбородко». На коронаціи былъ братъ его, гр. И. А. Безбородко. Памятники новой русской исторіи. Изд. В. Кашпирова. С.-Петербургъ, 1871 г., отд. 2 стр. 73.

625. Вотъ содержаніе записи о погребеніи князя Безбородки, внесенной въ лѣтопись Троицкой Александро-Невской лавры. «Сего 799 года апрѣля 13 дня въ Невской лаврѣ было погребеніе представльшагося свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородки, и тогожъ числа, поутру, въ 9 часовъ, былъ выносъ покойнаго съ большею церемоніею. Были въ ходу: преосвященнѣйшій Ириней, архіепископъ Псковскій и Павелъ, епископъ Тверскій, со архимандриты и протчимъ духовенствомъ. Обѣдню служилъ преосвященнѣйшій архіепископъ Казанскій. По отпѣтіи обѣдни, надгробное слово сказывалъ Троицкій архимандритъ Амвросій. По отпѣтіи провода, погребено тѣло при Благовѣщенской церкви, въ палаткѣ, къ стѣнѣ, по правую сторону». Митрополитъ Гавріилъ,

который завелъ эту лѣтопись, на заглавномъ листѣ ея написалъ: «Въ сей книгѣ Невскому намѣстнику записывать обстоятельства, заслуживающія вниманія, особливо которыя будутъ относиться къ Невскому монастырю, и записанное каждую треть года представлять намъ». Со смертію его веденіе лѣтописи прекратилось. Послѣднею записью была вышеприведенная запись о похоронахъ князя Безбородки. Подъ нею сдѣлана отмѣтка: «Отъ сего времени описаніе важныхъ происшествій прекратилось». Лѣтопись хранится въ лаврской библіотекѣ [по каталогу, по порядку, № 18, по отдѣлу рукописей № 17] подъ заглавіемъ: «Историческое повѣствованіе о началѣ Александро-Невскаго монастыря, или лѣтопись Александро-Невской лавры». Въ монастырѣ ведется и другая книга, въ которой записываютъ фамиліи лицъ, погребаемыхъ на его кладбищѣ. Она озаглавлена: «Всеобщій хронологическій списокъ особъ, погребенныхъ въ Александро-Невской лаврѣ, съ показаніемъ: кто когда скончался, и гдѣ погребенъ». Подъ 6-мъ числомъ апрѣля 1799 года, № 797, по порядку погребенія [стр. 61] записано: «Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, сенаторъ и кавалеръ—въ галлереѣ Благовѣщенской церкви». Въ Исторіи Россійской Іерархіи [С.-Петербургъ, 1856 г. ч. III, стр. 255] повторена таже запись съ пропускомъ нѣкоторыхъ словъ, но мѣсто погребенія названо «галлера». Въ сочиненіи «Описаніе Свято-Троицкой Александроневской лавры» [С.-Петербургъ, 1842 г., стр. 71]—«галлера» названа «палаткою». Я удерживаю названіе «палатки», какъ общеизвѣстнаго названія, знакомаго всей монастырской братіи и употребляемаго въ оффиціальныхъ бумагахъ. «Всеобщій хронологическій списокъ» хранится въ ризницѣ лавры.

626. Амвросій [Протасовъ], въ январѣ 1799 г., произведенъ въ архимандрита. Скончался въ санѣ Тверскаго архіепископа, 17 іюля 1831 года. Въ изданныхъ его «Словахъ и рѣчахъ» [С.-Петербургъ, 1856 г.], проповѣди, произнесенной при погребеніи князя Безбородки, нѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ нигдѣ не удалось отыскать этой проповѣди ни въ печатномъ, ни въ рукописномъ видѣ.

627. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1877 г., кн. XII, стр. 223—225, 226—228.

628. По безсодержательности, таблица статей, составленныхъ въ канцеляріи кн. Безбородки и напечатанныхъ въ 1-мъ Полн. Собр. Законовъ, здѣсь не помѣщается.

629. Записка князя Безбородки о потребностяхъ имперіи Россійской, см. Приложенія, № XVIII.

Можетъ быть, Ѳ. П. Лубяновскій намекаетъ на эту Записку въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, сообщая: «Двѣ бумаги были особенно для меня замѣчательны: о государственныхъ фондахъ и о раздѣленіи внутренняго управленія въ государствѣ на министерства, о чемъ, вѣроятно, и тогда уже думали. Не жаловалъ князь Александръ Андреевичъ ни министерствъ, ни министровъ; боялся отъ того въ самодержавномъ правленіи какого-то ущерба въ единой власти, а болѣе всего самолюбія съ властью въ рукахъ и безотчетностью». Русскій Архивъ, за 1872 г., т. I, столб. 171.

630. Дѣло Кабинета Его Импер. Велич., св. № 446, ук. №№ 11 и 47.

631. По ходатайству кн. Безбородки Ефремовъ получилъ, 1 января 1797 г., 200 душъ крестьянъ, а 18 декабря—пенсію въ 750 руб. изъ почтовыхъ доходовъ.

632. Дѣло Кабинета Его Импер. Велич., св. № 446, ук. №№ 11 и 47.

633. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., т. 3, стр. 70.

634. Тамъ же, 67—69.

635. Архивъ князя Воронцова. Москва, 1876 г., кн. VIII, стр. 56. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 1, стр. 92.

636. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 1, стр. 101, пис. 8, отъ 14/25 апрѣля, 1793 года.

637. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 3 стр. 66.

638. Тамъ же, стр. 89.

639. Записка князя Безбородки для составленія духовнаго завѣщанія его, см. Приложенія, № XIX.

640. Съ подлин., хранящ. въ Госуд. Архивѣ Министер. Иностран. Дѣлъ, шкафъ 3, карт. 85. Изъ собранія матеріаловъ для біографіи кн. Безбородки сенатора А. А Половцова.

641. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Русскій Архивъ, за 1876 г., кн. 3, стр. 54.

642. Записка князя Безбородки о Сенатѣ, см. Приложенія, № XX.

643. Авторъ сочиненія: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, А. Терещенко [С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II, стр. 196, 197 и 338], въ описаніи памятника говоритъ, что „геній съ лѣвой стороны освѣщаетъ факеломъ открытую хартію и указываетъ на слова: «Миръ съ Турками въ 1791 году». Третій держитъ въ одной рукѣ вѣнецъ, а другою закрываетъ слезы. У самаго подножія мавзолея изображенъ орелъ съ опущенными крыльями и княжескій щитъ съ словами: Eabore et zelo» [трудомъ и рвеніемъ]. Теперь этихъ частей на памятникѣ уже нѣтъ, хотя другія его части сохранились превосходно.

Пушкаревъ, въ своемъ Описаніи С.-Петербурга [С.-Петербургъ, 1839 г., ч. I, стр. 143] пишетъ: «Князь Безбородко изваянъ изъ бронзы. Граціи вѣнчаютъ любимца своего вѣнкомъ безсмертія, указывая на развернутые листы».

Князь А. Васильчиковъ въ сочиненіи своемъ: Liste alphabétique de portraits Russes [St.-Pétersbourg, 1875, t. I, p. 78 — 80] представляетъ описаніе гравюры памятника князю Безбородкѣ, сохранившейся въ собраніи князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Описаніе таково: „Гравюра на мѣди in folio. Представлена внутренность грота, посреди котораго на пьедесталѣ, со ступеньками, стоитъ бюстъ князя Безбородки. На пьедесталѣ написано: „Род. 1747. Скончался 1799". Крылатый геній вѣнчаетъ бюстъ. На ступенькахъ видны двѣ аллегорическія фигуры, изъ которыхъ одна обнимаетъ пьедесталъ, а другая держитъ свѣтильникъ. Внизу пьедестала гербъ князя съ небольшой лентой, падающей на ступеньки, на ней надпись: Надгроб. монум. вѣтлѣйш. к. Безбородко. Еще ниже большая драпировка съ фестонами, она образуетъ двѣ картуши съ двумя столбцами текста, изъ нихъ первый начинается словами: „Значеніе. Скромныя добродѣтели. Трудолюбіе и Ревность" и оканчивается: «возродить благотворное пламя». Второй начинается словами: „Между тѣмъ тихій геній..." и оканчивается: „Сей памятникъ поставилъ благодарный братъ его графъ Ил. Безбородко". Гравюры этой я не имѣлъ случая видѣть.

644. Содержаніе всеподданнѣйшаго прошенія графа И. А. Безбородки помѣщено въ 1-мъ Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи, № 21,852, стр. 1142—1143, и въ изданіяхъ: а, „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи". Соч. А. Терещенко. С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II, стр. 191—194 и б, „Лицей князя Безбородки". Ст. Кукольника. С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 13—14.

645. „Славны бубны за горами". Чтенія въ Импер. Обществѣ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1869 г., кн. II, стр. 311.

656. Лицей князя Безбородки. С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 13—14.

657. Учрежденіе гимназіи высшихъ наукъ въ г. Нѣжинѣ. Русская Старина, за 1870 г., т. II, стр. 298—304.

658. Лицей князя Безбородки. С.-Петербургъ, 1859 г., стр. 56.

659 При составленіи статьи о возобновленіи Думницкаго монастыря, я пользовался: а, Краткими замѣчаніями о Думницкомъ монастырѣ, рукописною тетрадью, обязательно доставленною мнѣ членомъ Черниговской Консисторіи, протоіереемъ А. И. Страдомскимъ; б, Черниговскими Губернскими Вѣдомостями, за 1857 г., № 9; в, Прибавленіями къ Черниговскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ, за 1862 годъ, №№ 1—3; и г, Дѣломъ Св. Прав. Сѵнода, 1781 г., № 488.

Думницкій Рождество-Богородицкій монастырь обыкновенно называютъ Домницкимъ; но это несогласно съ универсалами: 16 Мая 1699 г. и 5 Іюня 1770 г. Въ нихъ читаемъ: „На мѣстѣ, прозываемомъ Думница, и обитель Думницкая“. Такое названіе дано обители, конечно, отъ близъ протекающей рѣчки Думницы.

660. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XXVI, стр. 481. Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ въ то время былъ Іероѳей [Малицкій], впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій, скончавшійся 2 сентября 1799 года.

661. Вотъ содержаніе этой надписи: «Во славу Святыя, Единосущныя и Животворящія Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, сей трехпрестольный храмъ Рождества Пресвятыя Богородицы, Святаго Мученика Иліи Египтянина, Февраля въ 16 день и Святаго Мученика Александра Пресвитера, Марта въ 14 день празднуемыхъ, въ третьеклассномъ Рождество-Богородичномъ Домницкомъ монастырѣ начатый основаніемъ 1800 г. Августа 26 дня, зданіемъ-же въ лѣто отъ Рождества Христова 1806, при державѣ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего, Императора Александра Павловича всея Россіи, при Супругѣ Его, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и Матери Его Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и Супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, при Благовѣрныхъ Государяхъ и Великихъ Князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ, при Благовѣрной Государынѣ Великой Княжнѣ Маріи Павловнѣ и Супругѣ Ея и Благовѣрныхъ Государыняхъ и Великихъ Княжнахъ Екатеринѣ Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ, совершенно оконченъ благолѣпіемъ и всѣмъ потребнымъ снабденъ, по предположенію въ Бозѣ почивающихъ канцлера свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородко и родителей его, спомоществовавшихъ и благотворившихъ сей обители, господина генеральнаго судіи Андрея Безбородко и супруги его превосходительства статсъ-дамы Ея Императорскаго Величества и ордена Св. Великомученицы Екатерины большаго креста кавалера Евдокіи Михайловны Безбородко, коштомъ и попеченіемъ его сіятельства, г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера, графа Иліи Андреевича Безбородко. Освященъ сей трехпрестольный храмъ къ Божественному жертвоприношенію, по благословенію Св. Правительствующаго Сѵнода, Преосвященнѣйшимъ Михаиломъ, Архіепископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ и кавалеромъ, вышепомянутаго 1806 года, индикта девятаго, мѣсяца Октября, настоящій средній престолъ 28 числа въ день воскресный, а придѣльные два 29 числа, въ понедѣльникъ при игуменѣ сей обители Іоасафѣ. Сія Домницкая обитель новыми каменными зда-

ніями, т. е., какъ сей святый храмъ, такъ трапезная церковь, колокольня, ограда и кельи настоятельская и братскія для монастыря подобными постройками совершенно сооружены и всѣмъ потребнымъ снабдены коштомъ и попеченіемъ изъ вышепомянутыхъ фундаторовъ его сіятельства графа Иліи Андреевича Безбородко; для репараціи и поддержанія оныхъ церквей и прочихъ строеній, опредѣлена отъ его сіятельства завѣщаніемъ на вѣчное время денежная сумма, которую и получаетъ обитель сія, ежегодно, изъ Столинскаго его превосходительства дому».

652. Съ подлинника, хранящ. въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

653. Въ сочиненіи «Житія святыхъ», изложенномъ по руководству Четіи Миней и Пролога [С.-Петербургъ, 1863 г., стр. 89, Мартъ] священникомъ Константиномъ Стратилатовымъ, подъ 13 Марта, въ сказаніи о Святомъ Мученикѣ Александрѣ Пресвитерѣ въ Пиндѣ, читаемъ слѣдующее: «Откуда былъ родомъ сей Святый Мученикъ Александръ, не извѣстно. Извѣстно только, что онъ жилъ въ царствованіе Максимиліана и былъ Пресвитеромъ въ г. Пиндѣ, находящемся въ Македоніи. Здѣсь онъ многихъ обратилъ ко Христу и этимъ навелъ на себя гнѣвъ и зависть идолопоклонниковъ. Сіи, схвативъ его, сначала склоняли ласками, а потомъ страхомъ мученій принуждали отречься отъ Христа и принести жертву идоламъ, но, видя непреклонность его, отсѣкли ему голову».

Въ настоятельскихъ келіяхъ Думницкаго монастыря находятся портреты, очень хорошей работы, Андрея Яковлевича, Александра Андреевича, Иліи Андреевича Безбородковъ и супруги послѣдняго съ двумя дочерьми. На первомъ портретѣ надпись: «Малороссійскій генеральный судья Андрей Яковлевичъ Безбородко»; на второмъ: «Свѣтлѣйшій канцлеръ Александръ Андреевичъ Безбородко».

654. Графъ А. Ѳ. Растопчинъ пишетъ, что послѣ смерти графа Ильи [Андреевича Безбородки], его фамилія перешла Кушелеву. Russie anecdotique, bibliographique, biographique, historique, littéraire, statistique, etc. Bruxelles, 1874, p. 41—42.

655. Подлинн. хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, въ кн. именн. высоч. ук. кн. № 366, стр. 281, ук. № 106.

656. Въ семействѣ Кушелевыхъ память князя Безбородки весьма чтилась и его заслугами они гордились. Такъ, графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, въ письмѣ къ государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ Февралѣ 1826 года, прося объ опредѣленіи сына своего, камергера графа Александра Григорьевича, въ какую-либо высшую придворную должность, писалъ: „его императорское величество наградитъ мое служеніе въ Бозѣ почивающагося его родителя и вашего, также и дѣда его, князя Безбородко, служившаго съ похвалою бабкѣ его и родителю». Сынъ графа Григорія Кушелева, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, въ память своего дѣда, назвалъ одну изъ мызъ своего громаднаго Финляндскаго имѣнія, Выборгской губерніи, Якимварскаго кирхшпиля его именемъ—„Мыза Безбородковская“. Имѣніе это теперь принадлежитъ графинѣ Мусиной-Пушкиной, урожденной графинѣ Кушелевой-Безбородко. Изъ бумагъ семейнаго архива графа А. И. Мусина-Пушкина.

657. Въ „Общемъ Гербовникѣ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи“, начатомъ въ 1797 году [ч. I, № 29] находится одинъ графскій гербъ Безбородковъ, а княжескаго герба въ немъ нѣтъ. Дѣло Прав. Сената [неоконченное] 1818 г., № 31/35.

Приложенія.

I. Записка графа А. А. Безбородки о мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію Русскихъ границъ, Лифляндскихъ и Финляндскихъ, съ приложеніемъ выписки изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны Шведской, читанная въ Совѣтѣ, 20-го марта 1788 года.

Осторожности ограниченныя въ здѣшней части приняты быть должны такія, чтобъ оную обезпечить нетокмо противу Шведскаго нечаяннаго нападенія, но и на случай какихъ либо покушеній со стороны короля Прусскаго. Хотя многія изъ мѣръ, тутъ представляемыхъ, требуютъ времени, но необходимо за нихъ приняться и по крайней мѣрѣ впредь отвратить подобные недостатки, каковы нынѣ встрѣчаются. Для охраненія Балтійскаго моря и береговъ Россійскихъ по волѣ ея императорскаго величества пріуготовляется десять кораблей, четыре фрегата и нѣсколько легкихъ судовъ для крейсированія въ шкерахъ здѣшнихъ. Не безнужно пріуготовить одинъ бомбардирскій корабль, который, хотя и не высылать, но имѣть въ запасѣ. Сверхъ того держать въ готовности, по крайней мѣрѣ, двадцать галеръ; но какъ на оныя необходимо отъ 3,000 до 3,600 сухопутныхъ войскъ потребно, то о сей матеріи сказано будетъ ниже, говоря о части сухопутной.

Стараться поспѣшить отдѣлкою судовъ, кои для опыту на Шведскій образецъ по чертежамъ, отъ г. Левенера доставленнымъ, построить велѣно, и сіи суда въ число легкой флотиліи, буде окажутся способны, обратить. Назначить мѣста для крейсированія флота, соображая то съ удобностію для примѣчанія за Шведскими движеніями и для защищенія нашихъ пристаней и береговъ отъ незапнаго покушенія. Хотя же флотъ сей и раздѣленъ будетъ на разныя небольшія эскадры; но тѣмъ не меньше надобно, чтобъ, для предводительства онымъ, наименованъ былъ одинъ изъ адмираловъ, дабы какъ всю связь дѣла могъ вести вмѣстѣ, такъ и въ случаѣ дѣйствій военныхъ соединенно надъ морскими силами начальствовать. Нужно пріуготовить безъ огласки транспортныя суда, коими бы въ случаѣ долговременнаго пребыванія въ морѣ флота и посылки на галерахъ войскъ къ берегамъ Шведскимъ подвозы дѣлать было возможно. Излишне казалось бы напоминать, что Адмиралтейство обязано стараться имѣть довольное число провіанта и прочей провизіи, да и вообще

всякихъ припасовъ и снарядовъ, ибо сіе и безъ того къ его попеченію относится. То же разумѣется о нужной осторожности въ портахъ Кронштадтскомъ и Ревельскомъ; но понеже, какъ извѣстно, состояніе послѣдняго есть самое худое, то и нужно, и надо не отлагая, приняться за его исправленіе, не разумѣя тутъ какихъ либо огромныхъ построеній, а единственно самыя необходимыя починки и исправленія, тоже не оставить безъ примѣчанія и Балтійскаго порта.

По части сухопутной, первое и главное дѣло есть крѣпости въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи привесть колико возможно въ оборонительное состояніе, для чего нужно знать—есть ли въ каждой изъ нихъ довольная крѣпостная артиллерія съ неминуемо потребнымъ числомъ для услуженія оной, и ежели окажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оной нѣтъ или вовсе недостаточно, въ такомъ случаѣ нельзя ли снестися съ Морскимъ Департаментомъ, что какъ оный снабдѣваетъ флотъ пушками изъ Каррона выписываемыми или дѣлаемыми по Карронской методѣ на Александровскомъ пушечномъ заводѣ, то и не можетъ ли онъ удѣлить изъ отборныхъ прежнихъ пушекъ такія, кои еще употребить, хотя съ починкою въ нихъ раковинъ, не трудно. Коммисаріатъ долженъ непремѣнно въ каждую крѣпость доставить оружіе на полный комплектъ гарнизона, тамъ назначаемаго; а и того паче стараться войска полевыя снабдить оружіемъ, аммуниціею и одѣяніемъ. Но поелику въ гарнизонахъ пограничныхъ числится большой некомплектъ, такъ что для наполненія однихъ Остзейскихъ потребно до десяти тысячъ человѣкъ, для того нужно приняться за способъ, Совѣтомъ прежде еще представленный, чтобъ на таковое укомплектованіе пограничныхъ гарнизоновъ обратить излишнихъ церковниковъ. Тутъ можно взять въ уваженіе прямыя нужды, съ которыхъ начинать, и кажется, что послѣ Остзейскихъ идутъ рядомъ: Бѣлорусскіе, Астраханскіе и Сибирскіе. Въ оба послѣдніе могли бы быть обращены и такіе церковники, кои имѣютъ семейства. Псковскій, Великолуцкій и Смоленскій не могутъ уже теперь почитаться ни пограничными, ни требующими необходимаго укомплектованія. Въ Балтійскомъ портѣ и Аренсбургѣ не положены гарнизоны, а какъ сіи мѣста заслуживаютъ немалое уваженіе, то, вмѣсто наполненія гарнизонныхъ баталіоновъ въ Санктпетербургѣ, можно обратить туда столько, чтобъ, по крайней мѣрѣ, по баталіону въ каждомъ мѣстѣ составить. Генералъ-провіантмейстеръ обязанъ сдѣлать свои распоряженія о заготовленіи магазейновъ по числу войскъ, въ семъ краѣ предполагаемыхъ, особливо же не оставить безъ примѣчанія о сѣнѣ, которое въ Финляндіи для войскъ потребно и коего полученіе весьма трудно.

Прилагаются при семъ выписки изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны Шведской.

Если бы показалася необходимая нужда въ прибавкѣ войскъ, оная инако не представляется возможною какъ развѣ: 1, изъ полковъ въ Московской губерніи и Бѣлоруссіи имѣющихся взять до тысячи человѣкъ пѣхоты; 2, изъ здѣшней губерніи и обоихъ Бѣлорусскихъ намѣстничествъ, такожъ изъ Рижскаго, Ревельскаго и Выборгскаго взять людей на настоящее военное время по примѣру прочихъ соразмѣрное число и оными дополнить полки и Егерскій корпусъ, а ежели надобно и вновь составить баталіоны; 3, можно собрать нѣкоторое число и изъ вольныхъ; 4, по недостатку въ конницѣ взять одинъ изъ полковъ карабинерныхъ, въ Владимірской губерніи расположенныхъ; 5, подтвердить генералъ-губернатору Бѣлорусскому о формированіи хоругвъ Бѣлорусскихъ изъ мелкой шляхты, въ коихъ по штату около 500

человѣкъ потребно; 6, въ росписаніяхъ прежнихъ назначалося 4-ре полка Донскихъ казаковъ, кромѣ Калмыкъ, Башкирцевъ и Черкесъ; теперь не можно ли заимствовать, въ прибавку имѣющемуся здѣсь одному полку Донскому, еще одинъ; а затѣмъ Башкирцевъ, Калмыкъ и Черкесъ до 2,000. Гвардія входила также въ счетъ, какъ росписаніемъ видно. По росписанію полагаемо было полевой артиллеріи 40 орудій. Надобно, чтобъ Артиллерійскій Департаментъ далъ ясное свѣдѣніе, сколько у него здѣсь есть и какого калибра пушекъ, или сколько для наполненія сего числа прибавить нужно, тоже о людяхъ, лошадяхъ, понтонахъ, шанцовыхъ инструментахъ и прочемъ. Хотя годнаго оружія и есть здѣсь въ запасѣ, но какъ обыкновенно Калмыки и Башкирцы немногіе имѣютъ порядочное вооруженіе, то весьма полезно было бы, если бы артиллерія теперь на Систербецкихъ заводахъ заготовила сабель, сходныхъ съ употребляемыми у нихъ, и пикъ тысячи на три или на четыре, дабы можно было невооруженнымъ роздать. Когда сей наборъ сдѣлается, то и не будетъ недостатка въ отдѣленіи 3,000 человѣкъ на галерахъ, и армія для Шведовъ болѣе нежели достаточна сдѣлается, да и во время покушенія короля Прусскаго, при извѣстномъ обращеніи другихъ нашихъ войскъ, сіи мѣры не малое принесутъ пособіе и облегченіе. Нужно послать генерала въ Финляндію для осмотра всего, поправленія что надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и не оказывая безпокойства и опасенія.

По части политической, съ Датскимъ дворомъ заранѣе о всемъ снестися и согласиться о дѣйствіяхъ ихъ въ пользу нашу на сухомъ пути и на морѣ. Графа Разумовскаго наставить, какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ случаѣ покушеній и возможности, стараться возбудить въ Финляндіи и въ Швеціи волненіе, чего ради онъ долженъ будетъ, при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ, употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей сторонѣ, умножать число ихъ пріобрѣтеніемъ новыхъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противу Швеціи замыслы, что мы желаемъ ей покоя и возстановленія ея вольности, и что собственная течества ихъ польза наилучшимъ для нихъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную короля ихъ рѣшимость на какое либо предпріятіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ бѣдствій и тягостей, съ войною сопряженныхъ, послѣдованія ея конечно самыя вредныя для Швеціи быть могутъ.

Выписки изъ плана князя Григорья Александровича Потемкина, 1784 года.

I. Армія Шведская, по положенію государственному, состоитъ всего въ сорока тысячахъ, въ которой, частію отъ недостатка аммуниціи лошадей, частію же и людей, полагать можно не по комплекту восьмую часть, и такъ остается тридцать пять тысячъ, которыхъ всѣхъ перевезти въ Финляндію противъ насъ имъ не можно, а необходимо должны они оставить въ Швеціи, какъ для наблюденія движеній Датскихъ, отъ стороны Норвегіи и съ моря, такъ и ради сохраненія внутренней тишины, по меньшей мѣрѣ десять тысячъ. Затѣмъ остается двадцать пять тысячъ, и таковое число убудетъ по непривычкѣ стоять въ лагерѣ. А какъ они всѣ хлѣбопашцы, то уже отсутствіемъ лучшихъ работниковъ

*

отъ семей явится недостатокъ и въ хлѣбѣ, котораго доставить имъ и безъ того трудно будетъ во время войны. Соображая вышеписанныя обстоятельства и локальное положеніе земли, гдѣ театру войны быть должно, составляется дѣйствующая противъ ихъ армія, на рапортиціи перваго нумера изображенная, и коръ-де-резервъ, отъ котораго можно подкрѣплять сіи войска, также и производить поиски на Швецію моремъ.

II. Противъ Швеціи, при малѣйшей демонстраціи съ ихъ стороны, объявить должно войну. Назначенный корпусъ къ переходу за Кимень заранѣе долженъ стать наготовѣ. Датчане не должны остаться неутральными. Сими озаботивъ Шведовъ, удержимъ большую часть силъ ихъ на границахъ Норвежскихъ, а тогда Финляндія безъ труда достанется въ руки. Флоты: нашъ и Датскій на морѣ Шведовъ, конечно, не найдутъ; то, посадя войска, должно устремиться прямо на военный ихъ портъ, но чтобы ни стало истребить ихъ флотъ за одинъ разъ и слѣдовательно на вѣки.

III. Хотя въ репортиціяхъ и назначены новыя войска, но я объ нихъ готовлю подробное описаніе съ показаніемъ пользы и экономіи. Къ Шведской сторонѣ назначенъ одинъ полкъ Башкиръ. Не безполезно бы было нѣсколько нарядить Калмыкъ и вызвать также волонтеровъ Черкесъ. Дѣйствіе флота много поспѣшествовать можетъ, то и нужно сему быть въ знатномъ числѣ. Назнача на всѣ стороны войска, я кратко упомянулъ о ихъ опредѣленіи, большой же операціи планъ, представлю если повелѣно будетъ.

Записка эта напечатана въ изданіи: «Архивъ Государ. Совѣта», С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 547—551. Тамъ-же, стр. 551—552, напечатаны выписки изъ плана кн. Потемкина.

II. Мнѣніе графа А. А. Безбородки на проектъ Капниста: Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ, въ началѣ 1788 года.

Въ Малой Россіи считается казаковъ, карабинерные полки содержащихъ, и бывшихъ за монастырями поселянъ, наполняющихъ Малороссійскій гренадерскій полкъ, около пяти сотъ тысячъ душъ. Если, по плану г. Капниста, навербовать изъ нихъ до 5,000 человѣкъ, то, по его же расчету, убудетъ изъ податей 25,000 душъ, деньгами же 30,500 рублей; рекрутъ примѣрно по мирному времени полагая до 200 человѣкъ въ годъ. Чтобъ сей ущербъ замѣнить представляются слѣдующія средства: 1, Относительно рекрутъ. Въ вѣдомствѣ директоровъ домоводства трехъ губерній Малороссійскихъ имѣются поселяне, такъ называемые, бывшіе свободные въ раздачѣ: урядовые, бобровники, птичники, стрѣлки и волкогоны, да сверхъ того купленные у графа Разумовскаго въ Гадяцкомъ замкѣ. Ихъ будетъ болѣе 20,000 душъ, а потому причисля ихъ, по примѣру бывшихъ монастырскихъ, для комплектованія войскъ тамошнихъ, ущербъ уже всякій въ людяхъ отвращенъ будетъ.

2, Что до денегъ касается, въ настоящее военное время, при недородѣ хлѣба, ущербъ 30,500 рублей наполненъ быть не можетъ; но, какъ въ Малой Россіи поселяне казенные и за монастырями бывшіе платятъ въ годъ по 1 руб. по 70 копѣекъ, а казаки только 1 руб. по 20 копѣекъ, имѣя еще и разныя предъ первыми

выгоды, то, по благополучному войны окончаніи и по краткомъ отдохновеніи, уравненіе сихъ почти съ одного состоянія людей податей учинится необходимо, а симъ казна болѣе, нежели втрое ущербъ свой наградитъ непремѣнно, ибо, уравняя казаковъ съ прочими казенными поселянами въ платежѣ, болѣе 100,000 рублей доходъ умножится.

Хотя подобные полки вольные, набираемые и съ душъ казачьихъ, но надобно смотрѣть, чтобы отнюдь то не имѣло вида прежняго гетманства, и для того невмѣстнымъ почитается требованіе о нераздробленіи войска, яко несходное съ порядкомъ; тоже о выборѣ старшинъ сотенныхъ обществомъ, и объ отрѣшеніи ихъ по общей просьбѣ. Сіе уже издавна и въ Малой Россіи не существовало. Государь императоръ Петръ Великій ввелъ порядокъ, въ 1715 году, для произвожденія въ чины Малороссійскіе, такъ что въ сотники и полковую старшину выбирали полковники съ ихъ штабомъ и сотниками и представляли гетману, а сей утверждалъ выборъ патентомъ или универсаломъ своимъ; сотенную же старшину опредѣлялъ полковникъ. Генеральная старшина и полковники жалованы были отъ императорскаго величества. Сверхъ сего, нужно, чтобы чины хотя и казачьяго именованія были назначены штатомъ въ извѣстномъ числѣ, дабы послѣ ихъ не наиножилося, какъ въ послѣднее время въ Малороссіи то сдѣлалося, и особливо нѣтъ нужды въ именованіяхъ никакой должности неимѣющихъ, какъ-то: бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей.

Сколько возможно нуженъ въ семъ войскѣ порядокъ, дабы не вышло изъ него столь же непрочное, какъ и прежнее, которое, наконецъ, кромѣ почтъ и магазейновъ, нигдѣ не употреблялося.

Князь Григорій Александровичъ формируя, какъ регулярные казачьи полки изъ разныхъ нерегулярныхъ войскъ, такъ и изъ разныхъ поселянъ на подобіе Донскихъ казаковъ, а потому и дабы сохранить всевозможное единообразіе не повелѣно-ли будетъ: планъ г. Капниста съ сими примѣчаніями и съ вѣдомостями о числѣ людей послать къ нему на разсмотрѣніе, увѣдомя о соизволеніи вашего императорскаго величества знать его мнѣніе, и положить штатъ для сего войска.

Съ собственноручнаго подлинн., хранящ. въ Государственномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, отд. X, № 56.

III. Записка графа А. А. Безбородки, о веденіи войны съ Швеціею, читанная въ Совѣтѣ, 20-го іюня 1788 года.

По внезапности сей новой войны, силы наши сухопутныя не могутъ здѣсь надежнымъ образомъ обезпечить всю нашу границу къ сторонѣ Шведскихъ областей: ибо мы имѣемъ на сей разъ только войска въ числѣ 13,000 (въ полѣ подъ ружьемъ); но въ походѣ подъ ружьемъ и того будетъ меньше. Потому, во первыхъ, мыслить остается: учинить королю Шведскому въ видимыхъ намѣреніяхъ его диверсію, къ чему удобенъ есть вооруженный нашъ флотъ. Онымъ можемъ, не теряя времени, атаковать флотъ Шведскій, и, если Богъ благословитъ наши морскіе успѣхи высадить на немъ имѣющіяся сухопутныя войска, на Шведскіе берега. Тогда непремѣнно король принужденъ бы былъ войска свои изъ Финляндіи, гдѣ онъ себя, по извѣстіямъ, весьма усилилъ, обратить во спасеніе атакуемымъ отъ десанта нашего,

я чрезъ то самое облегчена сдѣлается наша оборона въ Финляндіи, въ которую, и границы, преимущественно должно вывести наши войска, сколько ихъ отдѣлять можемъ, и обнять самые важные посты, наблюдая удобность во всякихъ случаяхъ ихъ соединенія, понеже растягивать ихъ повсюду претитъ самое количество, и тотъ воинскій резонъ, что сквозь нить тонкую вездѣ непріятель прорваться не найдетъ себѣ трудности. А сверхъ того берега Эстляндскіе и Финляндскіе самымъ пребываніемъ флота нашего въ Балтійскомъ морѣ обезпечены будутъ.

Вслѣдствіе сего Совѣтъ полагалъ, какъ скоро разрывъ послѣдуетъ, то, не теряя времени ни мало, сдѣлать слѣдующія распоряженія.

1. Адмиралу Грейгу предписать соединиться съ эскадрою, въ команду адмирала Чичагова прежде назначенною, и, оставя тягости въ Ревелѣ, идти прямо искать непріятельскаго флота, атаковать оный и, если Богъ поможетъ, разбить его, преслѣдовать до самой Карлскроны, стараясь не токмо суда Шведскія истребить, но и самый городъ Карлскрону, и въ чемъ адмиралтейскія и другія строенія, заведенія и запасы раззорить до основанія: при чемъ дозволить ему, по усмотрѣнію, произвести поиски и на другія побережныя мѣста.

2. По разбитіи флота непріятельскаго, при отдаленіи адмирала Грейга, для предпріятій на Карлскрону или иныя мѣста, оставить небольшую эскадру для лучшаго обезпеченія Эстляндскихъ береговъ, не допущая непріятеля къ высадкѣ войскъ на оныхъ, и въ случаѣ удобности для сдѣланія поиска на плавающія тутъ Шведскія суда.

3. Три сто-пушечные корабли, буде они прошли Зундъ, могутъ соединиться съ эскадрою Датскою, ежели сія корона не отречется исполнить обязательства свои въ нашу и ея собственную пользу. Составя симъ образомъ новый флотъ въ девяти корабляхъ и двухъ фрегатахъ, тѣмъ меньше оставлять его слѣдуетъ въ недѣйствіи, что на нашихъ корабляхъ имѣется пять сотъ сухопутнаго войска; а ежели бы Данія согласилася, по нашему примѣру, посадить на своя суда сухопутныхъ войскъ, считая хотя по одному человѣку, то, имѣя человѣкъ тысячу, возможно было бы прямо и скоропостижно пуститься на Готенбургъ, гдѣ не найдутъ сильнаго сопротивленія, ибо и по послѣднимъ графа Разумовскаго извѣстіямъ, тамъ только три фрегата вооружаются; но вредъ великій понесутъ Шведы раззореніемъ сего мѣста, истребленіемъ купеческаго мореходства и торговли, и препятствіемъ желѣзному торгу, который главнѣйше отъ сего мѣста производится. Ежели сей поискъ удастся, то вслѣдъ за нимъ стараться произвесть и другой на Марштрандъ. Къ умноженію легкихъ судовъ, кои для сего предпріятія востребуются, послужатъ выписаные изъ Англіи два вооруженные катера. Бомбардирскія же можно потребовать отъ Даніи; но если сто-пушечные корабли не прошли Зунда, въ такомъ случаѣ могутъ они возвратиться сюда для усиленія флота, адмираломъ Грейгомъ предводимаго.

4. Навстрѣчу контръ-адмиралу Повалишину въ Бергенъ, или другой Норвежской портъ, послать повелѣніе, дабы онъ попадающіяся ему Шведскія суда бралъ, и потомъ соединился съ треия сто-пушечными кораблями и Датскою эскадрою, буде сія корона подастся на подобное распоряженіе; а тутъ уже и найдетъ приказаніе какъ поступать далѣе и куда слѣдовать: и есть ли до прибытія сея эскадры поискъ на Готенбургъ и Марштрандъ не былъ бы совершенъ, то оная соединенно ли съ сто-

пушечными нашими кораблями, и съ Датскою эскадрою, или же и безъ нее тотъ поискъ произвесть и потомъ въ Балтійское море идти должна будетъ.

5. Планъ вышеписанный сообщить двору Копенгагенскому, представляя всю пользу усильныхъ дѣйствій, дабы непріятеля скорѣе понудить къ миру, и требуя отъ Даніи надлежащаго пособія, настоять, во первыхъ, чтобъ она флотъ свой поспѣшила вооружитъ и по возможности умножить, второе, чтобъ свои Норвежскія войска тотъ часъ, по разрывѣ, ввела въ Швецію, ибо прилегая, къ Норвегіи, Шведская земля открыта и укрѣпленій значущихъ не имѣетъ; и третіе, чтобъ хотя малый корпусъ собрала къ исканію для демонстраціи и для отвлеченія непріятеля, который ничего почти не оставилъ къ оборонѣ сея провинціи, хотя многіе нужные для него запасы оттуда заимствуются.

6. Какъ посредствомъ морскихъ дѣйствій обезпечатся берега наши; а при первыхъ успѣхахъ флота нашего, и при содѣйствіи Даніи, ни мало не будетъ сомнительна наша поверхность, то войска сухопутныя, коихъ, по весьма малому ихъ числу, ибо кромѣ баталіоновъ и эскадроновъ гвардіи, здоровыхъ на лицо считается только 13,528 человѣкъ, употребить на оборону противу наступленій со стороны Шведовъ, усиля сколько возможно корпусъ въ Финляндіи. Назначить коего ея императорскому величеству угодно главнымъ командиромъ всѣхъ назначаемыхъ противу Шведовъ войскъ, и давъ ему надлежащія наставленія предоставить, по усмотрѣнію его, корпусы и отряды одинъ отъ другаго усиливать; а при открытіи удобности и дѣйствія оружія, переносить въ непріятельскую землю, наипаче же, есть ли Богъ благословитъ предпріятія съ морской стороны до такой степени, что непріятель принужденъ будетъ знатнѣйшую часть силъ своихъ обратить на защищеніе важнѣйшихъ его владѣній, атакуемыхъ или угрожаемыхъ нападеніемъ.

7. Для удобнѣйшаго снабдѣнія полковъ и гарнизоновъ оружіемъ, а въ случаѣ и для набираемыхъ изъ вольныхъ и другими образами, снять съ назначеннаго для посылки въ Средиземное море оружія половинное число; а другая половина, до времени, на судахъ оставлена будетъ.

8. Патенты арматерамъ, на захватъ Шведскихъ судовъ, давать съ должными осторожностями и наставленіями, сходственными неутральнымъ постановленіямъ.

По мнѣнію Совѣта, средство сіе нанесетъ великій вредъ и раззореніе Шведскому мореходству купеческому, которое довольно многочисленно; для нашей же торговли Шведскіе арматеры никакого почти вреда или, по крайней мѣрѣ, весьма малый сдѣлать могутъ, поелику наша торговля не есть активная, а производится другими народами.

9. При самомъ началѣ военныхъ дѣйствій опубликовать манифесты, одинъ въ государствѣ, съ объявленіемъ произшедшаго, и другой къ жителямъ королевства Шведскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, изъясняя старанія, со стороны Россіи употребленныя, сохранить миръ и дружбу съ Швеціею, противныя тому и собственной вольности Шведской предосудительные поступки короля, вынужденное принятіе оружія противу него, отдѣленіе націи отъ него, твердое намѣреніе не присвоять себѣ ни пяди земли, ниже какого либо удовлетворенія, есть ли жители королевства Шведскаго и Великаго Княжества Финляндскаго удалятся отъ участія въ войнѣ и, собрався на сеймъ вольный, подъ охраненіемъ ея императорскаго величества, возстановить свободу и форму правленія, тому сообразную, чѣмъ и отдалятъ навѣки причины къ ссорѣ и

разрыву, грозя при томъ огнемъ и мечемъ пріемлющимъ оружіе и отъ сего миролюбиваго приглашенія отдаляющимся.

10. Составить для прочихъ дворовъ декларацію, а съ Вѣнскимъ и Бурбонскими дворами изъясниться искреннымъ образомъ и ихъ интересовать въ дѣлѣ семъ, иначе же послѣдніе, буде бы Англія рѣшилася вмѣшаться въ оное дѣятельно.

11. По департаменту иностранныхъ дѣлъ принять мѣры къ сохраненію сношеній и связей съ благонамѣренными къ намъ въ Швеціи, подая имъ способы составить партію какъ въ Швеціи, такъ и Финляндіи, чего ради не безнужны будутъ и денежныя издержки.

Что принадлежитъ до принятія мѣръ въ здѣшней сторонѣ, на вящщее себя обезпеченіе, и на дѣйствія, есть ли бы война сія нечаянная въ теченіи настоящаго года не могла окончена быть, Совѣтъ ссылается на мнѣніе свое, въ 19 день іюня положенное, присовокупляя къ тому, что умноженіе войскъ при будущемъ наборѣ прибавкою людей въ ротахъ, обращеніе сюда полковъ пѣхотнаго и четырехъ карабинерныхъ извнутри Россіи, составленіе двухъ, по крайней мѣрѣ, баталіоновъ въ каждомъ полку гвардіи въ полной къ походу готовности, и укомплектованіе пограничныхъ гарнизоновъ, да и скорѣйшее приведеніе крѣпостей въ надежное къ оборонѣ состояніе суть необходимы.

Копія съ записки приложена при протоколахъ Совѣта, за 1788 годъ, хранящихся въ архивѣ Совѣта [стр. 390—399]. Въ изданіи: «Архивъ Государств. Совѣта». С.-Петербургъ, 1869 г. [т. I, ч. 1, столб. 571] объ ней только упомянуто. Въ концѣ записки рукою Вейдемейера отмѣчено: «Оригиналъ [т. е. протокола и записки] не возвращенъ отъ его с. графа Александра Андреевича».

IV. Записка графовъ: Остермана и Безбородки объ условіяхъ для заключенія мира съ Турціею и о политикѣ Россіи по отношенію къ Европейскимъ державамъ, читанная въ Совѣтѣ, 16-го декабря 1788 года.

Что миръ съ Турками и по внутреннимъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ Всероссійской имперіи есть необходимо нуженъ, и что тѣ самыя обстоятельства требуютъ со стороны нашей и усерднаго старанія, и всевозможной податливости, о томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Почему, не распространяяся о пользѣ и нуждѣ мира, здѣсь начертаны будутъ только мысли открытія негоціаціи онаго, образа производства его и условій, на каковыхъ онъ основанъ быть можетъ. Господинъ генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій предувѣдомленъ уже рескриптомъ отъ 16 октября 1786 года, что въ случаѣ оказательства удобности къ возстановленію мира, будетъ онъ снабдѣнъ полною мочью и наставленіями на заключеніе онаго. Для скорѣйшаго достиженія мира надобно, чтобъ негоціація объ ономъ открыта была или въ стану войскъ нашихъ, или въ стану войскъ Австрійскихъ. На случай первый, какъ сказано выше, предназначенъ уже помянутый генералъ-фельдмаршалъ. На случай послѣдній, надобно послать въ Римско-императорскую армію эмиссара скромнаго, искуснаго и надежнаго съ полными же мочью и наставленіями. Поспѣшность и со-

кровенность нужны тутъ въ самой высшей степени. Податливость и снисхожденіе всего вѣрнѣе обнадежить могутъ успѣхомъ. Оныя должны служить основаніемъ нашего ултимата. Здѣсь нѣтъ надобности говорить о степеняхъ обыкновенныхъ въ негоціаціи, которыя войдутъ въ составъ подробныхъ наставленій полномочнымъ; а скажемъ только крайнюю черту, въ чемъ, по мнѣнію нашему, мирный договоръ съ Портою состоять долженъ. Первая часть онаго долженствуетъ содержать въ себѣ кондиція sine qua non, заключающіяся подъ симъ единымъ оглавленіемъ, чтобъ намъ ничего не потерять и не уступить изъ того, что мы дѣйствительно имѣли или имѣемъ. Тутъ разумѣется точное утвержденіе прежнихъ трактатовъ и конвенцій, начиная съ Кайнарджскаго, такожъ безпрекословное владѣніе Крыма, Тамана и Кубанской стороны по рѣку сего имени. Вторая часть мирнаго договора долженствуетъ заключать въ себѣ статьи, касающіяся до удовлетворенія за нанесенное оскорбленіе и награжденія убытковъ, съ войною сопряженныхъ. Надлежитъ настоять непремѣнно, чтобъ освобожденіе министра Булгакова и препровожденіе до границы предшествовало всѣмъ переговорамъ мирнымъ, какъ то уже неоднократно всѣмъ дворамъ объявлено. Сіи настоянія всего удобнѣе произвести въ дѣйство теперь же, сообща Вѣнскому двору нашу готовность вступить въ негоціацію, какъ скоро Порта сей пунктъ удовлетворенія, намъ принадлежащаго, доставитъ; но если бы нужна была поспѣшность въ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ декларація, визиремъ подписанная, что посланникъ освобожденъ, и что велѣно его препроводить до границъ, со всѣми подобающими ему почестями, долженствуетъ дана быть прежде открытія переговоровъ; приступя, между тѣмъ, со стороны Порты тотчасъ къ исполненію того. Пріобрѣтеніе сосѣдственныхъ непріятельскихъ земель служило бы всего удобнѣе къ награжденію убытковъ; но для сего потребны завоеванія. Никто добровольно не отдастъ своего, у него не отнятаго, и никогда почти не случается, чтобъ и при рѣшительной поверхности одной и крайнемъ упадкѣ другой стороны миръ могъ сдѣлаться на условіи uti possidetis; а надобно много изъ завоеваннаго возвратить, чтобъ удержать малое: мы сами то не одинъ разъ испытали, что уваженіе къ разнымъ обстоятельствамъ служило убѣжденіемъ къ податливости и снисхожденію. Въ 1739 году осторожность противу Шведовъ заставила ускорить миромъ, учиня многія жертвы изъ не малыхъ нашихъ тогдашнихъ завоеваній. Въ послѣдней войнѣ нашей, славной и побѣдоносной, съ Турками, положеніе внутреннее и внѣшнее было причиною, что мы умѣренными удовольствовалися пріобрѣтеніями. Желательно было бы, чтобъ Очаковъ прежде открытія негоціаціи достался въ наши руки; ибо мы тогда могли бы настоять всемѣрно, дабы уступка сея крѣпости съ ея уѣздомъ и положеніе границъ по рѣку Днѣстръ выговорены были въ замѣну убытковъ нашихъ и въ цѣну возвращенія части Молдавіи, арміею Украинскою занятой. Впрочемъ, при упорствѣ крайнемъ Турковъ, остается заранѣе опредѣлить настоять ли на сей пунктъ и за оный продолжать ли войну, съ разными тягостями неизвѣстностями сопряженную. Третія часть мирнаго договора заключаетъ въ себѣ артикулы, служащіе къ прекращенію происшедшихъ у насъ съ Портою недоразумѣній, нынѣшнюю войну воспричинствовавшихъ, и къ упрежденію подобныхъ на времена будущія. Сіи недоразумѣнія состояли въ слѣдующемъ: 1, Чтобъ ушедшій къ намъ Молдавскій господарь Александръ Маврокордато возвращенъ былъ. Какъ обыкновенно въ мирныхъ трактатахъ полагается генеральная амнистія, распространяемая на всѣхъ, противу одной или другой стороны до того времени преступившихъ, то требованіе Порты само со-

бою изчезнетъ; а удостовѣреніе ея, что впредь подобные перебѣщики не примутся, утвердится возобновленіемъ договоровъ о семъ пунктѣ весьма ясныхъ. 2, Споръ о количествѣ соли изъ Кинбурнскихъ озеръ, происходящій изъ неясности весьма неискусно сдѣланной конвенціи въ 1773 году, всего лучше рѣшится артикуломъ Очаковскимъ; но буде бы, паче чаянія, сія крѣпость не досталася во владѣніе наше, въ такомъ случаѣ можно прибѣгнуть къ средству, которое готовъ былъ г. генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій предложить Портѣ, если бы она разрывомъ не ускорила, то есть дѣлить пополамъ соль, изъ тѣхъ озеръ добываемую. 3, Споръ о консулахъ такимъ образомъ разрѣшенъ быть можетъ, что здѣшній дворъ выговоритъ себѣ право послать оныхъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ до войны они аккредитованы и отъ Порты приняты были, и хотя неоспоримо, что въ трактатахъ нашихъ сказано вездѣ содержать ихъ, гдѣ для пользы торговли разсуждено будетъ за благо; но сіе самое вносится обыкновенно и во всѣ торговые договоры съ Европейскими державами; принято же за правило не зазирать ни единой державѣ, если оная по военнымъ ея резонамъ въ какомъ либо военномъ портѣ или городѣ оныхъ ни отъ кого не пріемлетъ. Разсмотрѣніе прямой въ томъ надобности и дружественное предварительное сношеніе и объясненіе министра Россійскаго съ министерствомъ Порты всего лучше упредятъ въ подобныхъ случаяхъ всякое недоразумѣніе и ссоры. 4, Порта требовала, чтобъ и ея консулы или агенты въ нашихъ городахъ и портахъ пріемлемы были. Если она не выговорила для себя таковаго взаимства, сіе происходило отъ извѣстнаго ея обычая не держать ни при одномъ христіанскомъ правительствѣ никакихъ довѣренныхъ людей. Предъ разрывомъ фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій представлялъ, чтобъ на сіе согласиться, ибо онъ не находилъ никакого неудобства или опасности отъ пребыванія сихъ Турецкихъ довѣренныхъ людей. Можетъ быть, что Порта о семъ пунктѣ и совсѣмъ теперь вызываться и настоять не будетъ, употребя оный въ прежнее время для умноженія своихъ претензій и затрудненія дѣла, рѣшившися оное окончать войною. 5, Она требовала, чтобъ торговыя суда, подъ Россійскимъ флагомъ чрезъ каналъ идущія, осматриваемы были, дабы на оныхъ не были увозимы ея подданные, и дабы не провозили заповѣдныхъ товаровъ. На сіе не можно согласиться, какъ на противное коммерческому трактату. Все, что можно ей сказать къ ея успокоенію, есть, что министръ нашъ въ Константинополѣ и консулы по разнымъ мѣстамъ Турецкаго владѣнія будутъ наблюдать, дабы отъ торгующихъ Россійскихъ подданныхъ не происходило никакихъ злоупотребленій, и не виновные осталися безъ должнаго по справедливости наказанія. Равнымъ образомъ, силою коммерческаго трактата долженствуютъ отвержены быть привязки Порты о не вывозѣ изъ ея земель кофію, масла и прочаго. 6, Въ предъявленныхъ со стороны сея державы притязаніяхъ предъ самымъ разрывомъ, заключалося и то, чтобъ ея подданные въ Россіи точно такъ, въ разсужденіи торговыхъ выгодъ, трактуемы были, какъ Россійскіе въ Турецкихъ владѣніяхъ. Требованіе сіе надлежитъ отразить, что равенство или взаимство по торговымъ трактатамъ состоитъ въ томъ, чтобъ подданные одной державы въ областяхъ другой, по выгодамъ коммерціи, трактуемы были наравнѣ съ прочими народами, наивящше благопріятствуемыми, ибо каждая земля имѣетъ свои обряды и установленія, что когда съ Турками въ Россіи въ пошлинахъ и тому подобномъ поступаютъ наравнѣ съ націями фаворизованными, то уже взаимство соблюдено, и они далѣе сего требовать не имѣютъ права, и что

касательно до частныхъ жалобъ со стороны правительства здѣшняго наблюдаемо будетъ, дабы всякъ охраненъ былъ отъ обидъ и получалъ въ просьбахъ его скорое и справедливое удовлетвореніе. 7, О Закубанскихъ народахъ надобно внести въ трактатъ, чтобъ Порта ихъ, какъ своихъ подданныхъ, воздерживала отъ набѣговъ и грабительствъ, въ предѣлахъ Россійскихъ производимыхъ, и въ случаѣ оныхъ доставляла награжденіе убытковъ, наказуя своевольныхъ; но при томъ казалося бы не излишнимъ предложить алтернативу другую, что если она находитъ себя не въ состояніи или затрудненіи исполнить сіе, то чтобъ оставила право Россіи наказывать сихъ своевольныхъ и возвращать захваченное у подданныхъ сей послѣдней, и таковое усмиреніе Закубанцевъ не почтено бъ было въ поводъ къ ссорамъ дальнѣйшимъ и разрыву. 8, Самый затруднительный пунктъ споровъ съ Портою есть дѣло о части Грузіи, владѣемой царемъ Иракліемъ. Сей владѣтель былъ вассалъ Персидскій, въ 1776 году вступилъ въ покровительство Порты, но въ 1783 году заключеннымъ договоромъ призналъ надъ собою верховную власть Всероссійскихъ императоровъ. Порта привязывала къ артикулу сему верховную важность, такъ что всѣ употребленныя съ здѣшней стороны старанія недовольны были ее отвратить отъ онаго. Въ 1786 году царь Ираклій сдѣлалъ съ пашею Ахалцыхскимъ соглашеніе. При началѣ нынѣшней войны, войска Россійскія, для охраненія его бывшія, оттуда вышли, и съ того времени мы никакихъ извѣстій о Грузіи не имѣемъ. Если Порта настоять будетъ на сей пунктъ, какъ непремѣнный для нее, то неужели для онаго разорвать мирные переговоры? Все, что можно представить для сохраненія достоинства двора здѣшняго въ семъ дѣлѣ, состоять можетъ въ томъ, чтобъ сказать въ трактатѣ, что царь Ираклій съ его владѣніемъ долженъ остаться въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ въ 1774 году при заключеніи мира, а какъ Порта простираетъ свои настоянія, чтобъ мы не присвояли себѣ ничего изъ Адербежана, то инаго способа къ рѣшенію сего не видимъ, какъ написать, что границы Россійской имперіи и Порты Оттоманской съ Персидскимъ государствомъ имѣютъ оставаться, какъ оныя по послѣднимъ трактатамъ каждой съ Персіею положены. Впрочемъ, по третьей части мирнаго договора казалось бы возможнымъ сложить на г. генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, чтобъ онъ, по начальству его въ томъ краѣ и по мѣстному знанію, старался оный распорядить, какъ лучше, и къ достиженію успѣха благонадежнѣе. Для лучшаго объясненія составленъ здѣсь проектъ трактата, который долженствуетъ служить ултиматомъ. Какъ скоро представляемое тутъ высочайшаго ея императорскаго величества рѣшенія удостоено будетъ, то и заготовить, во первыхъ, рескриптъ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому, съ подробнымъ наставленіемъ, какъ открыть негоціацію, какимъ образомъ производить оную, какія степени полагать въ податливости и снисхожденіи; во вторыхъ, предписать ему, что если миръ негосированъ будетъ въ станѣ Австрійскомъ, то чтобъ онъ мысли и примѣчанія свои, особливо по третьей части мирнаго договора, ему не умедлилъ сообщить; но притомъ должно наблюдать осторожность, чтобъ негоціація шла въ одномъ мѣстѣ, дабы въ производствѣ ея не встрѣчалися помѣшательства и противурѣчія, и дабы непріятель, видя наши отзывы и изъясненія, въ разныхъ вдругъ сторонахъ чинимыя, не возмнилъ, что мы ищемъ мира по сущей нуждѣ, и чрезъ то и не возвысилъ своихъ кондицій; въ третьихъ, если неугодно ея императорскому величеству, чтобъ отсюда въ армію Австрійскую отправленъ былъ полномочный, то можно дать

*

знать послу князю Голицыну, чтобъ онъ увѣдомилъ Римско-императорское министерство, что мы готовы трактовать съ Турками о мирѣ, какъ скоро они освободятъ посланника Булгакова; что князь Потемкинъ-Таврическій уполномоченъ на сію негоціацію, и что отъ нихъ зависитъ, по освобожденіи, какъ выше сказано, министра Россійскаго, прислать въ лагерь князя Потемкина-Таврическаго ихъ полномочнаго; въ четвертыхъ, Вѣнскому двору сообщить вкратцѣ наши главнѣйшія условія. Если миръ, на условіяхъ вышеизображенныхъ, съ Портою заключенъ будетъ, то по нынѣшнему внутреннему и внѣшнему положенію мы довольно выгодно изъ настоящихъ заботъ выйдемъ; ибо, освободяся сильнаго непріятеля, можемъ, въ случаѣ нужды, главнѣйшія силы наши, совокупно съ Австрійскими, обратить противъ короля Прусскаго. Отнюдь не разумѣемъ мы, чтобъ желать или искать войны съ симъ государемъ; но вниманіе наше долженствуетъ устремиться на окончаніе со славою и пользою войны Шведской и на возвращеніе инфлюенціи нашей въ Польшѣ, недавно уменьшенной. Король Прусскій унизитъ тогда тонъ свой, а со стороны Порты отнюдь не надлежитъ опасаться диверсіи; ибо Турки по образу ихъ умствованія, сдѣлавъ одинъ разъ миръ, за чужія дѣла не разорвутъ его скоро. Но какъ весьма случиться можетъ, что Порта на условія вышеозначенныя отнюдь не согласится, а продолженіе войны съ Турками, Шведами и Польскія дѣла могутъ послужить королю Прусскому къ умноженію съ его стороны непристойныхъ и оскорбительны поступковъ, да и къ принятію на дѣлѣ участія въ войнѣ настоящей, то, для упрежденія подобнаго событія и удобнѣйшаго обузданія короля Прусскаго, представляется еще и другое средство, чтобъ императору оставить свободу сдѣлать особенный миръ съ Турками, дабы онъ, облегча себя отъ войны съ сими послѣдними, былъ, такъ сказать, на стражѣ противъ короля Прусскаго, по примѣру, какъ покойный дядя сего послѣдняго, по его съ нами бывшимъ союзнымъ обязательствамъ, долженствовалъ быть во время прежней войны Турецкой противъ Вѣнскаго двора, и чтобъ, въ случаѣ вредныхъ Берлинскаго двора покушеній, могъ обратить силы свои на обереженіе общихъ союзничьихъ интересовъ. Какъ скоро императоръ предъуспѣетъ заключить особенный миръ съ Портой, то война съ нею на насъ однихъ останется. Правда, что судя по славнымъ успѣхамъ, которые оружіе Россійское имѣло въ прошедшую войну съ Турками, по умноженію войскъ и по усиліямъ и иждивеніямъ, на сооруженіе флота Черноморскаго употребленнымъ, имѣя уже Крымъ въ рукахъ нашихъ, въ самой же близости къ границѣ города и крѣпости, служащія хранилищемъ всѣхъ снарядовъ и запасовъ, надлежало бы ласкаться надеждою, что мы въ состояніи пріобрѣсть и теперь поверхность надъ непріятелемъ нашимъ; но дабы въ толь важномъ обстоятельствѣ, въ которомъ честь и благосостояніе имперіи интересованы въ высочайшей степени, не учинить обманчивыхъ разсчетовъ, необходимо нужно, во первыхъ, представить себѣ, что слѣдующая кампанія не будетъ сходствовать съ нынѣшнею. Мы имѣли противу себя сильный Турецкій флотъ, стѣны Очаковскія, многолюднымъ гарнизономъ защищаемыя, и нѣсколько толпъ Турецкихъ, Татарскихъ и Запорожскихъ при Рябой Могилѣ. Императоръ, ведя свои дѣла подлинно неудачно и большимъ его силамъ несоразмѣрно, приносилъ намъ однакожъ ту пользу, что держалъ всю визирскую армію противъ себя. Во будущемъ году всѣ силы Турецкія уже противу насъ однихъ обратятся. Во вторыхъ, для сего нужно написать обоимъ фельдмаршаламъ, изъясняя настоящее положеніе наше и требуя отъ нихъ подробнаго объясненія, что каждый изъ нихъ подъ начальствомъ своимъ имѣетъ.

достаточно ли, по ихъ мнѣнію, того на отпоръ и пораженіе непріятеля, всѣмъ ли снабдѣны, или же нужно имъ пособіе и какое именно? Въ третьихъ, истребовать отъ нихъ плана, по которому полагаютъ они употребить силы, имъ ввѣренныя, противу непріятеля. Въ четвертыхъ, принять во уваженіе настоящее расположеніе арміи Украинской, дабы оная, въ случаѣ особеннаго мира императорскаго, при обращеніи со стороны визиря всей его арміи, не была притѣснена; а притомъ и съ Вѣнскимъ дворомъ изъясниться, что если Хотинъ не можетъ одержанъ быть императоромъ, то не удобнѣе ли его оставить на нашу стражу, дабы Турки, по возвращеніи имъ сея крѣпости, не воспользовалися тѣмъ къ притѣсненію арміи нашей. Въ пятыхъ, взять мѣры по границѣ нашей, дабы оная отъ набѣговъ Польскихъ могла быть предохраняема. Въ шестыхъ, не упустить способовъ, какіе могутъ открыться къ прекращенію войны Шведской образомъ сходнымъ съ достоинствомъ и безопасностію нашими, хотя употребить добрыя услуги посторонниxъ державъ. Что касается до связи съ Бурбонскими дворами, о которой Вѣнскій дворъ въ сообщеніи своемъ намъ настоянія свои подтверждаетъ, оная, для обезпеченія обоихъ императорскихъ дворовъ, весьма полезна и нужна; ибо, имѣя съ императоромъ систему на сухомъ пути, надобно свое равенство или преимущество утвердить и на водахъ. Не можно остаться безъ союза съ одною или съ другою изъ первѣйшихъ морскихъ державъ. На настоящее время соединеніе морскихъ нашихъ силъ съ таковыми же Франціи и Гишпаніи доставитъ намъ рѣшительную поверхность. Исключить ли Англію изъ случая союза или не исключать, зависитъ отъ собственнаго ея поведенія. Если она свое единомысліе съ королемъ Прусскимъ не распространитъ такъ далеко, чтобъ ему способствовать дѣйствіями противу насъ посредственными или безпосредственными, то мы не можемъ постановить союзъ нашъ съ исключеніемъ ея. Противное тому заставитъ и насъ отложить на сторону всякое уваженіе, наблюдая, съ одной стороны, взаимство въ разсужденіи Франціи, съ другой, осторожность, чтобъ Американскія и Остъ-Индскія дѣла поставлены были наравнѣ съ нашими Азіатскими внѣ всякаго союза.

Подлинная записка, переписанная рукою писаря и исправленная графомъ Безбородкою, приложена къ протоколамъ Совѣта, хранящимся въ Архивѣ Госуд. Совѣта. Въ изданіи: «Архивъ Госуд. Совѣта» [С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, столб. 641 — 649] она напечатана съ „Проектомъ договора вѣчнаго мира и дружбы между Имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою“, столб. 650—653.

V. Записка графа А. А. Безбородки о необходимости заключенія мира съ Швеціею и Турціею, чрезъ посредство Берлинскаго двора, и о невозможности союза съ Франціею, 1790 года.

Происшествія во Франціи дѣйствительно отдаляютъ всякую возможность соединенія нашего съ Бурбонскимъ дворомъ, которое одно бы только могло противувѣсить союзу Пруссіи съ Англіею и Голландіею; по крайней мѣрѣ, надолго о томъ помышлять не должно. И такъ, въ настоящее время, наипаче надлежитъ стараться о приласканіи Берлинскаго двора, пользуяся путемъ чрезъ г-на Алопеуса у любимца королевскаго отверстымъ. Удержать сей дворъ отъ дѣланія намъ пакостей не можемъ

мы ничѣмъ иным, какъ употребленіемъ его къ примиренію насъ съ Швецією и поданіемъ большой надежды къ дальнѣйшему нашему сближенію съ нимъ. На семъ основаны быть долженствуютъ инструкціи Алопеусу; но какъ для положенія плана нашего къ прекращенію войны съ Швецією надобны время и размышленіе, то неугодно ли будетъ вашему величеству теперь приказать: 1, къ Алопеусу послать письмо отъ вице-канцлера, дозволяя ему, подъ видомъ собственнаго его прошенія, воспользоваться водами ближними къ Берлину, а въ случаѣ надобности и другими; 2, ему же написать секретно, апробуя его сношеніе съ Бишофсвердеромъ [Прусскимъ министромъ, и по Масонству первымъ любимцемъ короля] и составя такимъ образомъ сію депешу, чтобъ она могла сему любимцу показана быть? Тутъ можно обѣщать вскорѣ доставить королю Прусскому дружественное изъясненіе условій, на каковыхъ мы въ Сѣверѣ миръ возстановить желаемъ, изъ коихъ его величество усмотритъ вмѣстѣ, съ одной стороны, неограниченную къ нему откровенность и большую надежду на его искренность и добрыя услуги, съ другой-же — удаленіе наше искать разрушенія королевства Шведскаго. Сверхъ того, слегка подана будетъ перспектива и дальняго сближенія, говоря, что пособіе, королемъ Прусскимъ оказываемое въ прекращеніи войны нашей съ Швеціею, или въ томъ соучастіе, будутъ самыми надежнѣйшими предшественниками возстановленія той тѣсной дружбы, которая между нами и дядею его толико лѣтъ счастливо пребывала. Кстати коснуться можно въ депешѣ, что, къ сожалѣнію, происшедшее въ Польшѣ и Даніи не могло служить средствомъ къ сближенію обоихъ дворовъ; и что мы не обинуясь скажемъ, что, послѣ первыхъ короля Прусскаго отзывовъ о вѣроломномъ и нагломъ короля Шведскаго поступкѣ, мы въ доброй были надеждѣ на его дружбу, и минута сближенія нашего весьма не удалена была. Происшествіями въ Даніи и Польшѣ она весьма отдалилася, особливо когда мы видѣли, что, и отставъ отъ намѣренія нашего вступить въ союзъ съ Польшею, гдѣ не было у насъ никакихъ видовъ противъ Берлинскаго двора, а единственно война Турецкая была той цѣлію, не удержали мы подвиговъ Прусскихъ, противу насъ употребленныхъ; что г. Алопеусъ вскорѣ получитъ дальнѣйшія предписанія по симъ матеріямъ. Можно здѣсь объяснить и о нашихъ связяхъ съ императоромъ, что онѣ есть совершенно оборонительныя, и что Тешенскій миръ въ нихъ предохраненъ въ полной силѣ; что потому изъ того для Берлинскаго двора ничего вреднаго и предосудительнаго выдти не можетъ.

Собственноручный подлинникъ хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

VI. Записка графа А. А. Безбородки о путяхъ и способахъ, какими должны быть ведены переговоры съ Берлинскимъ дворомъ, при посредствѣ коего возможно было бы заключить миръ съ Швеціею и Турціею, 1790 года.

Къ принцу Гессенскому отвѣтъ составить будетъ нужно; но впрочемъ ему нельзя быть ни пространну, ни рѣшительну, ибо нѣтъ надобности, чтобъ Данія знала объ нашихъ намѣреніяхъ; да и какъ видно, что сей принцъ единственно по настоянію Герцберга дѣйствуетъ, то и не можно намъ много тутъ изъясняться.

Вся негоціація ведена быть должна посредствомъ Алопеуса. Онъ долженъ будетъ получить пространную инструкцію, въ которой должно ему будетъ изъяснить степени нашихъ желаній и, по мѣрѣ того, нашей податливости на сближеніе съ Берлинскимъ дворомъ. Тутъ первое наше требованіе простираться будетъ къ примиренію насъ со Швеціею. Въ случаѣ несогласія короля Шведскаго ни на какое намъ удовлетвореніе (наипаче же упорства его соединить войну сію съ тою, что мы съ Портою имѣемъ), чтобъ непрепятствовано было Даніи содѣйствованію намъ для понужденія короля Шведскаго; и сіе нужно рѣшить теперь же, дабы мы могли знать, оставлять ли намъ часть флота въ Копенгагенѣ, на случай продолженія войны. Второе наше требованіе касаться будетъ до примиренія нашего съ Турками. Мы скажемъ не обинуяся, наши кондиціи, основанныя на прочномъ возобновленіи прежнихъ договоровъ, на положеніи рѣкъ Днѣстра границею Россіи, а Дуная—Порты Оттоманской, оставляя Молдавію, Валахію и Бессарабію независимою областью подъ вѣдѣніе христіанскаго государя, тамъ владычествующаго, и на отреченіи Порты отъ Грузіи, для того, что она и прежде не къ ней, но къ Персіи принадлежала. Ежели король Прусскій согласится миръ намъ доставить на сихъ условіяхъ, мы не можемъ уклониться отъ возобновленія союза съ нимъ. Да, я признаюся, что, соображая критическое и опасное состояніе дѣлъ нынѣшнихъ, ненадежно полагаться долгое время на силу и вліяніе Бурбонскихъ дворовъ; съ другой же, для выгоднаго и славнаго такого для Россіи рѣшенія кризиса, не только не считаю предосудительнымъ возобновленіе союза съ Пруссіею, но ежели бы король Прусскій хотѣлъ сорвать что и отъ Польши, тому нельзя противиться: во первыхъ, что нѣтъ силы, а во вторыхъ — пускай онъ то дѣлаетъ безъ нашего соучастія и пускай Польша на него вооружается; мы тогда можемъ пріобрѣсть нашу тамъ силу и вліяніе. Добрая вѣра требуетъ, чтобы мы въ разсужденіи императора поступили съ тою искренностію, съ каковой его поступки, прямо дружественные, обязываютъ. Покуда мы станемъ негоцировать съ королемъ Прусскимъ, надобно хранить тайну и никакъ не открываться; но коль скоро дѣло сближится къ рѣшимости, можно будетъ ему откровенное сдѣлать сообщеніе, со всѣми тѣми увѣреніями, коими только можно успокоить въ разсужденіи нашей связи съ нимъ (которая, конечно, натуральнѣе другой и прочнѣе той, кою изъ насъ критическое положеніе Франціи вынуждаетъ), увѣривъ его, что мы никогда на противное интересамъ Австрійской монархіи не поддадимся и что, при нападеніи на него, всегда возможнымъ образомъ общее съ нимъ составимъ дѣло. У насъ имѣется съ нимъ декларація о Польшѣ; но сіе условіе сдѣлано было прежде, нежели война отъ Шведскаго короля подъята и прежде, нежели сама Польша почти намъ непріязненною учинилася, прежде, нежели король Прусскій съ его союзниками воспричинствовалъ отпаденію. Да и тогда мы чувствовали, что, безъ участія Бурбонскихъ дворовъ, не можно намъ помышлять о войнѣ съ другими союзниками. Гишпанія отъ вступленія въ связи совсѣмъ уклонилась; Франція отъ Польскихъ дѣлъ сперва отказывалася потомъ хотя и дала видъ своей на то податливости, но на сей разъ она въ политикѣ Европейской не существуетъ. Вспомнить надобно, что императоръ чистосердечно намъ сказалъ послѣ, когда король Прусскій хотѣлъ ввесть войска въ Голштинію, что онъ о войнѣ и мыслить не можетъ, покуда не кончена будетъ Турецкая. Съ нашей стороны резоны будутъ еще сильнѣе и не меньше справедливы. Надобно притомъ непремѣнно королю Прусскому представить, что добрая вѣра и союзъ нашъ съ

императоромъ требуютъ, чтобъ онъ вышелъ изъ настоящей войны съ честію и потому представить на соглашеніе между нимъ и Портою о нѣкоторыхъ его выгодахъ, кои, конечно, большаго страха Берлинскому двору и сдѣлать не могутъ; напримѣръ, ежели Хотинъ съ уѣздомъ и нѣкоторыя сближенія границъ въ другой сторонѣ пріобрѣтены будутъ. Но заранѣе надобно отвлечь Берлинскій дворъ отъ несообразнаго Герцбергова плана, который не можетъ отнюдь императоромъ принятъ быть.

Собственноручный подлинникъ хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

VII. Записка графа А. А. Безбородки, о главныхъ предметахъ для военныхъ дѣйствій корабельнаго и галернаго флотовъ и арміи въ войну противъ Шведовъ, читанная въ Совѣтѣ 11-го февраля, 1790 года.

Во флотѣ положено имѣть фрегатовъ 14. Изъ нихъ дѣйствительно имѣется при эскадрѣ вице-адмирала Козлянинова 3, при флотѣ 8, въ резервной эскадрѣ 2, посланные для содержанія поста въ Паркалаутѣ, итого 13, за тѣмъ остается одинъ. Адмиралтейство не имѣетъ уже къ новымъ вооруженіямъ достаточнаго числа людей, такъ что и изъ числа назначенныхъ въ резервную эскадру 5 кораблей на одинъ не достанетъ; но хотя бы сей фрегатъ и могъ быть наполненъ матросами вольнонаемными; то, однакожъ, во первыхъ, прибавка одного фрегата не усилитъ гребнаго флота, и второе, свойство фрегата есть такое, что онъ весьма рѣдко гдѣ можетъ наряду съ гребными судами обращаться и большею частію не пройдетъ между шкерами.

Принцъ Нассау подъ именемъ фрегатъ разумѣетъ тѣ суда, которыя Шведы употребляютъ при галерномъ ихъ флотѣ, и какъ будучи гораздо легче нашего гребнаго фрегата Марка, сильнѣе вооружены и меньше воды требуютъ для плаванія. Суда сего рода у насъ не построены, хотя нетолько въ теченіи десяти лѣтъ съ лишкомъ послѣ прибытія мастера Катасанова, нарочно въ Швецію посыланнаго, да и послѣ свѣдѣній, Датскимъ капитаномъ Левенерномъ доставленныхъ, было довольно времени для построенія ихъ. Правда, что замѣняются они шебеками, изъ коихъ меньшаго рода, сообразныя употребленію въ шкерахъ, отданы принцу Нассау, большія же, о 32 пушкахъ, назначены въ эскадру резервную, по сущей необходимости, ибо адмиралъ Чичаговъ долженъ свои катеры взять въ походъ, слѣдовательно и не осталося бы при постѣ столь важномъ ни одного легкаго судна; непріятель же дѣйствовалъ въ томъ мѣстѣ противу нашихъ, подкрѣпляя шебекою полугалеры и канонерскія лодки, да и вообще, ежели резервная эскадра не будетъ имѣть легкихъ судовъ, то нетолько уже должно отложить поиски, въ даль отъ нея предполагаемые; но даже не въ состояніи найдется производить самые нужные крейсы для охраненія Финскаго залива, береговъ нашихъ, и транспортовъ, а непріятель, имѣя свободное сообщеніе между Стокгольмомъ и Гангутомъ, станетъ дѣлать намъ разныя пакости. Сверьхъ того, суда, вновь вооружаемыя, не могутъ такъ скоро доставлены быть, чтобъ принцъ Нассау отлагалъ въ ожиданіи ихъ надлежащее со стороны содѣйствіе сухопутной арміи. Мушкатеры изъ Москвы и баталіоны егерскіе изъ Бѣлоруссіи, назначенные для наполненія шебекъ и легкихъ судовъ, еще не прибыли, и прежде 10-го или 15-го іюля

сія эскадра не поспѣетъ; а между тѣмъ непріятель всякое утѣсненіе и вредъ сухопутнымъ войскамъ при недѣйствіи гребнаго нашего флота причинить не упуститъ.

Оставляя потому на распоряженіе предводителя арміи, какое пособіе и содѣйствіе ему нужно со стороны галернаго нашего флота, необходимо, однакожъ, теперь же принять мѣры и къ дальнѣйшему сего мореходнаго вооруженія подкрѣпленію, имѣвъ правиломъ, чтобъ не ослабить и прочихъ частей, не меньше для безопасности нашей надобныхъ, и вслѣдствіе того:

1-е, Тотчасъ нанять сколько можно матросовъ, дабы наполнить недостатокъ въ Адмиралтействѣ и симъ воспользоваться для вооруженія еще одного фрегата, который послужитъ въ подкрѣпленіе резервной эскадры и въ замѣну тѣхъ судовъ, кои отъ нея нынѣ же, для усиленія команды принца Нассау, отдѣлятся.

2-е, Изъ вооруженныхъ четырехъ большихъ шебекъ двѣ, да изъ десяти легкихъ судовъ, здѣсь и въ Олонецкой губерніи построенныхъ, четыре отрядить къ принцу Нассау, поспѣша всемѣрно ихъ вооруженіемъ и отправленіемъ, обратя на оныя какъ войско, наемныхъ матросовъ, такъ и солдатъ, сколько можно, да и людей, отъ губерній назначенныхъ. Прочія же остающіяся суда сохранятся, по сущей необходимости, для резервной эскадры, которая и сама послужитъ къ пособію и облегченію операцій принца Нассау.

3-е, Отправить, какъ наискорѣе, полупрамъ въ Кронштадтъ, для починки присланный, буде еще не посланъ.

4-е, Снестися заранѣе съ предводителемъ арміи о двухъ полкахъ, изъ Бѣлоруссіи идущихъ, какъ онъ признаетъ за лучшее ихъ къ себѣ отправить, сухимъ ли путемъ или водою; въ послѣднемъ случаѣ нужно будетъ, чтобъ, вопреки имѣющимся у насъ въ порту галеръ, по ветхости ихъ довольно ненадежныхъ къ оснащенію, выбрать только самыя надежныя, дополня ихъ большими канонерскими шлюпками, и уготовить все то для ожидаемыхъ полковъ.

5-е, Дать точное повелѣніе заблаговременно, сколько къ будущему году построить судовъ легкихъ и какого именно рода, которыя были бы надежны для дѣйствія нетолько противу Шведовъ, но и противу другихъ народовъ въ Балтійскомъ морѣ, въ случаѣ войны съ ними.

6-е, Отправленіе оберъ-интенданта Баллея въ Выборгъ сдѣлать, какъ на настоящее время нужное и полезное.

Остается здѣсь сказать, что, въ облегченіе Адмиралтейству, можно бы часть строенія судовъ сложить на здѣшнюю и Олонецкой губерніи верфь.

Собственноручная записка графа Безбородки, представленная Совѣту, 11 февраля 1790 г., хранится въ Диканьскомъ Архивѣ князя С. В. Кочубея. Въ изданіи: «Архивъ Госуд. Совѣта» [С.-Петербургъ, 1869 г., т. I, ч. 1, ст. 763], о ней только упомянуто. См. примѣч. Г. Ѳ. Штендмана къ письму импер. Екатерины II кн. Потемкину въ Сборникѣ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXVII, стр. 450 и другія. Неизданныя письма, въ копіяхъ, Нассау-Зигена хранятся въ семейномъ архивѣ кн. П. П. Вяземскаго.

VIII. Письма князя Безбородки къ Милорадовичамъ: 1, Григорію Петровичу; 2, Петру Степановичу, и 3, Андрею Степановичу, съ 1787 по 1797 годъ.

1. Къ Григорію Петровичу.

1.

1787 г., 28 іюня, изъ Царскаго Села.

Государь мой, Григорій Петровичъ. Бывъ увѣдомленъ, что сговоръ вашъ съ племянницею моею совершился, желаю сердечно вамъ благополучно окончить намѣреніе ваше, и чтобъ союзъ сей навсегда служилъ къ удовольствію вашему.

Естьли вы заботитеся срокомъ къ возвращенію вашему, то совѣтую отложить всякое безпокойство. Я объявилъ, что вы остаетеся при мнѣ, и слѣдовательно можете продлить пребываніе ваше въ Малороссіи столько, сколько вамъ надобно, на устроеніе домашнихъ вашихъ дѣлъ. Будьте увѣрены, что я всегда и во всякомъ случаѣ пребуду съ искреннимъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою графъ А. Безбородко.

2.

1790 г., 8 сентября, изъ С.-Петербурга.

Приложенное при семъ за нужное считаю послать вамъ на эстафетѣ для того, чтобъ увѣдомить матушку о всемилостивѣйшемъ пожалованіи меня, въ день мирнаго торжества, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Прошу васъ покорно доставить мое письмо, а, впрочемъ, вѣдая вашу къ себѣ дружбу, увѣренъ и въ участіи, которое вы примете по случаю возведенія моего на степень по статской службѣ non plus ultra. Прилагаю вамъ короткую роспись, для того, что, за многодѣліемъ и праздничнымъ счетамъ, ни церемоніала, ни росписи большой, въ аудіенцъ-галлереѣ, съ трона, читанной, никакъ списать не успѣли. Кланяяся любезной вашей супругѣ, прошу поклониться сестрѣ моей и Якову Леонтьевичу.

При письмѣ были приложены три росписи, писанныя рукою графа А. А. Безбородки, слѣдующаго содержанія:

I. Росписаніе дней для празднованія мирнаго:

8 Сентября. Воскресенье. Служба, молебенъ, строй войска, а на Невѣ—галернаго флота, съ пальбою; публичная аудіенція, на тронѣ, Сенату, и всему народу, разумѣя, кто входъ имѣетъ во дворецъ, бросаніе жетоновъ въ народѣ, и награжденіе, иллюминація во всемъ городѣ.

10, Вторникъ. Балъ при дворѣ и ужинъ по билетамъ кавалеровъ и дамъ 5-ти классовъ первыхъ.

12, Четвергъ. Быки жареные и вино для народа, а при дворѣ обѣдъ для

знатныхъ чиновъ, къ которому всѣ армейскіе и флотскіе генералы и полковники служащіе приглашаются; иллюминація въ городѣ.

15, Воскресенье. Обѣдъ штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи.

17, Маскарадъ дворянству и купечеству.

23, Фейерверкъ, иллюминація въ Лѣтнемъ саду и въ городѣ.

II. 8 Сентября, 1790 года, въ день мирнаго торжества пожалованы слѣдующія милости и награжденія:

По росписи, читанной съ трона, въ большой галлереѣ.

Генераламъ: графу Салтыкову и графу Мусину-Пушкину богатыя бриліантовыя шпаги, кресты и звѣзды ордена св. Андрея.

Въ память заслугъ покойнаго адмирала Грейга медаль съ его изображеніемъ.

Адмиралу Чичагову похвальная грамота, богатая бриліантовая шпага, и серебряный сервизъ.

Адмиралу Крузу богатая бриліантовая шпага, и въ потомственное владѣніе 15 гаковъ, прежде на аренду ему пожалованные.

Генералъ-поручику Игельштрому чинъ генералъ-аншефа, богатая шпага, и похвальная грамота.

Генералъ-поручику Михельсону бриліантовый крестъ и звѣзда ордена св. Александра.

Вице-адмиралу, принцу Нассау-Зигенъ богатая шпага и сервизъ.

Генералъ-поручику Левашову кавалерія св. Александра.

Генералъ-поручику Нумсену кавалерія св. Александра и бриліантовая шпага.

Вице-адмиралу Повалишину бриліантовая шпага и 600 душъ, въ Бѣлоруссіи, потомственно.

Генералъ-маіорамъ: барону Ферзену, шпага и 5000 рублей.

Денисову 500 душъ, въ Бѣлоруссіи, потомственно.

Хрущову 5000 рублей, Сухтелену 300 душъ, въ Финляндіи, потомственно.

Реку орденъ св. Владиміра 2 класса и 4000 рублей.

Арбеневу, Кнорингу, Палену, Раутенфельду, Бергману, и гвардіи маіору Корсакову орденъ св. Владиміра 2 степени.

Контръ-адмиралу Одинцеву тоже.

Контръ-адмиралу графу Литте бриліантовая шпага.

Контръ-адмиралу Ханыкову 4000 рублей.

Разнымъ заслуженнымъ, по статутамъ, малые кресты Георгія и Владиміра.

Всей арміи Финляндской солдатамъ медали, на красной, съ чернымъ, лентѣ. Увѣчнымъ отъ ранъ, въ пенсію, полное жалованье.

Флотамъ, корабельному и галерному, принадлежащее имъ по регламенту за баталію и призы въ награжденіе, а сіе составитъ болѣе осьми сотъ тысячъ рублей.

Адмиралтейской коллегіи вице-президенту, графу Чернышеву бриліантовые крестъ и звѣзда св. Андрея.

Генералу Салтыкову графское достоинство.

Гофмейстеру, графу Безбородкѣ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Адмиралу Баршу орденъ св. Александра.

Генералъ-кригскомисару Потемкину крестъ и звѣзда бриліантовые св. Александра.

Генералъ-поручикамъ, правящимъ за генераловъ-губернаторовъ: Архарову и Тутолмину первый классъ ордена св. Владиміра.

Кавалергардскому корнету Зубову орденъ св. Александра.

Генераламъ-маіорамъ: Ревельскому губернатору Врангелю, артиллеріи Мерлину ордены св. Владиміра 2 класса.

III. По особымъ указамъ 8 Сентября пожалованы:

Статскіе совѣтники: Судіенковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Зубовъ въ сенатскіе оберъ-прокуроры.

Въ статскіе совѣтники: Третьяковскій, Борзовъ и Трощинскій, и сему послѣднему прибавлено къ нынѣшнему его окладу по 675 рублей.

Кавалеромъ ордена 3 класса св. Владиміра: Совѣта секретарь, стат. совѣт. Вейдемееръ, съ прибавкою, сверхъ его оклада, по 600 рублей.

Множество при главнокомандовавшихъ, управлявшіе дѣлами, тоже и при графѣ Безбородкѣ ассесоръ Ефремовъ кавалеромъ 4 ст. Владиміра.

На Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ канцелярскимъ чинамъ десять тысячъ рублей.

На канцелярію графа Безбородко десять тысячъ рублей.

Адмиралу Кутузову и тайному совѣтнику Стрекалову, сверхъ жалованья, каждому, на столъ по 300 рублей на мѣсяцъ.

Дѣйствительному стат. совѣт. Моркову, по смерть, въ Могилевской экономіи, до 1200 душъ.

Богатыя табакерки, съ портретомъ ея величества, членамъ Сената: графу Брюсу, графу Остерману, князю Вяземскому, графу Воронцову, Стрекалову и Завадовскому, а князю Вяземскому и графу Остерману, сверхъ того, и перстни.

Табакерка съ бриліантами дѣйст. стат. совѣт. Васильеву и 6000 руб.

Перстень дѣйств. ст. совѣт. Храповицкому и 6000 руб.

Перстень генералъ-маіору Турчанинову и 6000 руб.

Разнымъ трудившимся, по надобностямъ военнымъ, особамъ денежные подарки.

3.

1790 г., 11 ноября.

Покорно васъ, государь мой, прошу приложенное доставить по надписи. Разныя заботы не дозволили мнѣ писать пространнѣе на сей разъ, а только прошу поклониться отъ меня супругѣ вашей...

4.

1791 г., 25 января, изъ С.-Петербурга.

Прошу покорно васъ, государь мой, любезный племянникъ, доставить мое письмо къ матушкѣ. Долго я сбирался сдѣлать походъ въ Москву по курьерски; но ожиданіе Василія Степановича Попова, съ обстоятельною реляціею объ Измаилѣ, меня удерживало. Теперь жду его съ минуты на минуту, а между тѣмъ имѣю уже дозво-

леніе ея величества, учиня отвѣты на бумаги, кои онъ привезетъ, слетать на двѣ недѣли въ древнюю столицу, гдѣ я себѣ, на старость, уготовляю преогромный и превыгодный домъ. Вояжъ мой будетъ веселъ. Генералъ Левашовъ, мой добрый сосѣдъ, и старинный пріятель и камарадъ, Осипъ Степановичъ, Никол. Матв. Карадыкинъ и Кокушкинъ со мною скачутъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, такъ что меньше 3 дней мы доѣдемъ. Къ 15 февраля надѣюся возвратиться въ Петербургъ. Обрадованъ я третьяго дня полученіемъ своеручнаго письма отъ брата моего. Слава Богу, что рана его не будетъ имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій. Впрочемъ, его поведеніе и случай, съ нимъ происшедшій, дѣлаютъ честь и ему и намъ. Прощайте, поклонитеся отъ меня сестрѣ, Александрѣ Павловнѣ и Якову Леонтьевичу, и вѣрьте, что моя къ вамъ привязанность и почтеніе непремѣнны.

5.

1791 г., 8 февраля, изъ Москвы.

Уже съ недѣлю какъ я здѣсь отдыхаю, а послѣ завтра и паки на работу возвращаюся въ Петербургъ. Я еще и не помню когда такъ спокойно и весело прожилъ, какъ сіи короткіе дни. Публика здѣшняя меня приняла ласково. Всѣ лучшіе дали для меня званые обѣды, а графъ Кирила Григорьевичъ нарядный балъ. Въ Дворянскомъ клубѣ было собраніе до двухъ тысячъ обоего пола особъ. Дѣла свои по дому и деревнямъ учредилъ, и теперь ѣду мира дожидаться въ болотахъ Петербургскихъ и Царскосельскихъ. Прошу мои письма доставить въ Стольное. Буде къ вамъ отъ г. Пестеля, или отъ моего здѣсь комиссіонера г. Рубановскаго доставленъ будетъ ящикъ съ чеканнымъ серебромъ, для новой церкви въ селѣ Ветовомъ, то прошу послать оный къ г. Городинскому, а мнѣ вѣрьте въ искренней къ вамъ привязанности и отличномъ почтеніи.

6.

1791 г., 25 марта, изъ С.-Петербурга.

Извѣщая матушку о пожалованіи брату моему военнаго ордена св. Георгія третьяго класса, и ордена святой Анны, я прошу васъ, государь мой, любезный племянникъ, доставить мое письмо. Въ почестяхъ, моему брату оказанныхъ, я тѣмъ сугубое принимаю участіе, что онъ по всей справедливости ихъ заслужилъ; а посему и для него онѣ должны служить къ вящему удовольствію. Для любопытства вашего, прилагаю записку всѣхъ сегодня пожалованныхъ.

Записка, писанная рукою графа А. А. Безбородки, слѣдующаго содержанія: 26 Марта 1791 учинены за прошедшую кампанію слѣдующія награжденія:

Генералъ-фельдмаршалу, князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, велѣно Сенату вновь заготовить похвальную грамоту, и сверхъ того соорудить ему, на иждивеніи государственномъ, въ столицѣ-ли или въ деревнѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, домъ со всѣмъ убранствомъ, и предъ домомъ воздвигнуть монументъ съ изображеніемъ побѣдъ и завоеваній, подъ его руководствомъ учиненныхъ.

Генералу, графу Суворову-Рымникскому чинъ подполковника гвардіи Преображенскаго полка, похвальная грамота, и медаль съ его изображеніемъ, на память заслугъ его въ потомствѣ.

Частнымъ командирамъ: Генералъ-поручику Потемкину большой крестъ военнаго ордена, втораго класса.

Генералъ-поручику Самойлову большой крестъ св. Владиміра 1-го класса.

Генералъ-маіору Рибасу шпага съ бриллiантами и 600 душъ, въ потомственное владѣніе.

Начальникамъ колоннъ: генераламъ-маіорамъ: Кутузову, графу Безбородкѣ, Ласси и Арсеньеву военные ордена третьяго класса, сверхъ того графу Безбородкѣ орденъ св. Анны, а Ласси аренда въ Лифляндіи, безъ платежа. Генералъ-маіору Мекнобу большой крестъ св. Владиміра 2 степени и аренда безъ платежа.

Генералъ-маіору Львову орденъ св. Анны.

Донскаго войска бригадиру Орлову саблю съ алмазами.

Екатеринославскихъ казаковъ атаману, бригадиру, Платову, и Черноморскому кошевому, бригадиру, Чепегѣ, гвардіи секундъ-маіору Моркову, полковникамъ: графу Дамасу, Рибасу и принцу де-Линю военные ордена третьяго класса, а Моркову сверхъ того чинъ бригадира.

Бригадиру Вестфалену, полковникамъ: графу Мелину, Тизенгаузену и войсковому судьѣ Головатому орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Полковнику Зубову чинъ бригадира и гвардіи Измайловскаго полка секундъ маіора.

Полковникамъ: Гусарскому Волкову и Донскому Мартынову, да при арнаутахъ подполковнику Никорицѣ сабли богатыя.

Полковникамъ: князю Лобанову, Хвостову, Золотухину, Гудовичу; Французскому дюку Де-Ришелье военные ордена 4 класса.

Полковникамъ: Митусову и Французскому графу Ланжерону золотыя шпаги.

Разнымъ штабъ-офицерамъ военные и св. Владиміра кресты, и шпаги золотыя, а всѣмъ отличившимся штабъ и оберъ-офицерамъ, произведя ихъ чинами, велѣно дать золотые кресты, по примѣру Очаковскихъ; ундеръ же офицерамъ и рядовымъ серебряныя, на Георгіевской лентѣ медали.

Генералъ-маіору Попову большой крестъ св. Владиміра 1-го класса.

Въ генералъ-поручики изъ генераловъ-маіоровъ пожалованы: Иванъ Мертенсъ, Григорій Бригманъ, Романъ Томиловъ, Леопольдъ Бухольцъ, Иванъ Толстой, Савва Мавринъ и въ сенаторы, Москов. губерн. Петръ Лопухинъ, губернаторы: Уфимскій Пеутлингъ, Пермскій Колтовскій, Ревельскій Врангель, Петръ Соймоновъ и въ сенаторы; въ армію фонъ-Трейденъ, Дунинъ, баронъ Ферзенъ, Кутузовъ, Леванидовъ и гвардіи маіоръ Татищевъ.

Въ генералъ-маіоры изъ бригадировъ: Ратаевъ въ коменданты, Аблеуховъ, князь Прозоровскій, Окуневъ къ штатскимъ дѣламъ, князь Куракинъ, Тормасовъ, баронъ Беервицъ, Депрерадовичъ, Будбергъ, Повало-Швейковскій, Юшковъ, Шереметевъ, Милашевичъ.

7.

1791 г., 11 ноября, изъ Яссъ.

Прошу покорно васъ, государь мой, любезный племянникъ, отправить вложенное по надписи. Я здоровъ, и теперь, за крайними заботами, не успѣваю писать ни къ матушкѣ, ни къ вамъ. Надѣюсь, что Павелъ Якимовичъ, не столькими дѣлами утружденный, васъ будетъ по временамъ извѣщать. Кланяюсь вамъ обоимъ...

8.

1792 г., 20 августа, изъ Царскаго Села.

Прилагаемыя при семъ письма прошу доставить по надписямъ; но долженъ васъ предостеречь, что ежели графъ Илья Андреевичъ въ Малороссіи, то можете послать къ нему, по почтѣ; буде же онъ въ Польшѣ, въ такомъ случаѣ, сдѣлайте мнѣ одолженіе, чужестранной почтѣ не подавайте, а пошлите при случаѣ проѣзда курьера, или какъ лучше и вѣрнѣе. Новаго ничего у насъ нѣтъ, а только сыро и холодно. Прощайте и пишите часто, что у васъ случается курьезнаго.

9.

1792 г., 25 сентября.

Поздравляю васъ, государь мой, любезный племянникъ, [съ] чиномъ коллежскаго совѣтника, въ 22 день сентября вамъ пожалованнымъ. Трудно будущее предугадывать, а еще меньше за его ручаться; но я, при удостоеніи васъ, не упустилъ доложить ея величеству, что въ случаѣ ваканціи почтъ-директорства Петербургскаго по старости г. Гана, весьма легко случиться могущей, вы преимущественно всякому достойны заступить его мѣсто. Оно для васъ очень выгодно будетъ, ибо кромѣ способа надежнѣйше успѣвать далѣе по службѣ, при достаточномъ содержаніи, вамъ легко будетъ устроить и воспитаніе дѣтей вашихъ, а особливо сыновей, чтобъ ихъ имѣть не Французами, не Нѣмцами, но хорошими Русскими. Письмо мое, думаю, васъ еще застанетъ въ Черниговѣ. Не знаю также, найдетъ ли васъ въ Стольномъ или въ Черниговѣ Викторъ Павловичъ, который скоро отсюда отправится, и скоро поѣдетъ въ Царьградъ, гдѣ ему предназначивается мѣсто министерское. Прощайте, кланяйтеся отъ меня Александрѣ Павловнѣ, и вѣрьте моей нелицемѣрной къ вамъ привязанности.

10.

1792 г., 20 декабря.

Благодарю вамъ наипризнательнѣйше за ваши старанія о доставленіи моего кандитера, который въ своемъ ремеслѣ здѣсь совершенно первый, но и для кармана человѣческаго изрядный дуэтъ поютъ онъ да Дорининетъ. Издержанныя вами двѣсти восемьдесятъ пять рублей прикажите, силою влагаемаго при семъ письма, потребовать изъ моей экономіи. 20 декабря ѣду я въ Москву для того, что государынѣ угодно

дабы я 25 января непремѣнно уже былъ здѣсь, для нужныхъ распоряженій по случаю предположеннаго бракосочетанія великаго князя, по которому назначается миропомазаніе будущей великой княгини 2 февраля, 3 сговоръ, а 13 и свадьба. Тутъ надобно много старой братіи вонъ выслать, и ее пережаловать, новую набрать сызнова. Ратификаціи по Польскому раздѣлу размѣнены. Сверхъ 4000 червонныхъ каждому полномочному, наградили насъ Пруссаки табакерками съ огромною и широкою своею персоною, такими, что, положа въ сравненіи съ Вѣнскими, онѣ сущія курфистскій, а не королевскій подарокъ. Дювалъ оцѣнилъ графа Остермана въ 3300 рублей, мою въ 4900, Моркова въ 3500, а Кобенцелеву въ 3800. Не разшибся же его величество. Послѣ завтра мѣняемъ мы ратификаціи на тройной союзъ съ императоромъ и Англіею. Говорятъ, и тутъ будутъ денежные подарки, а послѣ и вещи, но не табакерки. Я бы всего лучше счелъ картины; но все хорошо. Сію минуту купилъ я преславную коллекцію картинъ у одного претугаго Швейцарца, похожую на ту, что я досталъ изъ Орлеанскаго кабинета, и которая возвысила мою галлерею уже очень далеко.

Дядьку графа Андрея Ильича я вамъ рекомендую, и прошу его помѣстить съ его выгодою. Унгебауера до отъѣзда моего въ Москву къ вамъ пошлю и тогда еще обстоятельно напишу по почтамъ, а между тѣмъ прошу писать ко мнѣ чаще и увѣдомлять о вашихъ произшествіяхъ. Домашнимъ вашимъ кланяюся.

Въ Москвѣ насъ будетъ много. Со мною ѣдутъ Василій Ивановичъ Левашовъ, Василій, Петръ и Терентій Петровичи, а можетъ быть и Львовъ, а съ Осипомъ Степановичемъ Дмитрій, царскій старый войтъ. Пестель, сказываютъ, изволитъ дуться за вашу протестацію. Коменданту прошу также кланяться.

P. S. Австрійцы бьютъ Французовъ не на шутку. Дай Богъ миръ, авось либо болѣе повеселимся и будемъ богатѣе.

Снеситеся съ Городинскимъ, и не оставьте ему пособить, а то плутяги тамошніе мнѣ досаждаютъ. Утащили всѣ мнѣ, пожалованные, доходы, да еще и теперь шиканы дѣлаютъ. Я надѣюся на вашу дружбу, что вы, гдѣ можно, о моей пользѣ стараться будете, и иногда станете увѣдомлять о моихъ деревняхъ невиданныхъ.

11.

1793 г., 20 января, изъ Москвы.

Надѣяся на вашу ко мнѣ дружбу и на самую справедливость вашу, прошу васъ всепокорно охранять меня противъ вашихъ земляковъ, драгихъ юнаковъ, Эрцыговачей, Угричичевъ, Требинскихъ, а болѣе всѣхъ извѣстныхъ Новала и стараго Данила, которые, по привычкѣ называть наша земля, наше небо, ищутъ присвоить и отъ дачъ моихъ Боромскихъ къ ихъ деревнямъ: Мохнагу, Чутовку и Плехочу. Потачку, Подкоморье Пиратинскаго Савицкаго вы увидите изъ записки на Малороссійскомъ языкѣ, и тамошнею ортографіею не писались, такъ что ни Обрѣсковъ, ни Ефремовъ, ни Кокушкинъ и прочесть, не только разумѣть, не могутъ. Я совершенно на васъ полагаюся, что вы найдете способы меня защитить; а я и самъ не прочь былъ бы миролюбно раздѣлаться.

Есть у меня еще честные сосѣди, свои и вамъ, по Александрѣ Павловнѣ, изъ

коихъ, за расходомъ, человѣка два, три осталося господа Базилевскіе. Родной изъ нихъ, то есть Андрей нехорошъ, а двоюродный Иванъ и совершенно сумазбродный: и отъ сей чесэной братіи меня оберегите, какъ можете.

Викторъ Павловичъ говорилъ мнѣ и писалъ, чтобъ при вакансіи, въ Кіевѣ, стараться васъ перевесть. Я не упущу ни случая, ни удобности, ибо инако вы закоснѣете на судействѣ по примѣру сѣрыхъ [вырвано] и желтыхъ головъ, изъ которыхъ во младенчествѣ я и самъ помню [вырвано] пана Горленка, съ тою еще разницею [вырвано] тогда во всю мочь съ валу съ [вырвано] дули, а теперь и съ мож[вырвано] волять. Завтра рано возвращаюся въ Петербургъ, проживъ больной четыре недѣли здѣсь и насилу оправившись, пребывая вамъ всегда искренне привязаннымъ.

12.

1793 г., 16 сентября.

По сію пору вы, конечно, ознакомилися съ Польшею, нами присвоенною, и для того въ состояніи найдетеся пособить мнѣ вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вы знаете, что въ день мирнаго торжества трактованъ былъ я и множество мнѣ принадлежащихъ весьма хорошимъ и пристойнымъ образомъ, и что въ числѣ награжденій, мнѣ сдѣланныхъ, положены мнѣ и деревни, о коихъ мнѣ сказано, что дадутъ ихъ въ сей новой землѣ. Прошу, по дружбѣ ко мнѣ, постараться выбрать тысячи три, четыре душъ, чтобъ онѣ были значущія, а не дрянныя, недалекія, словомъ вы лучше вѣдаете; и напишите ко мнѣ подробно. Вы можете открыть сіе Тимофею Ивановичу, а впрочемъ вѣрьте, что я всегда искренне вамъ привязанъ. Gatt befohlen, mein lieber Herr [Да сохранитъ васъ Богъ, дорогой мой господинъ]. Теперь я занятъ—распоряжаю свадьбу царскаго дома и для того не успѣваю писать болѣе.

13.

1793 г., 28 ноября.

Между многочисленными народами, ищущими употребиться въ Почтовомъ Департаментѣ, наипаче же въ новыхъ губерніяхъ, сей вручитель г. ротмистръ Липинскій заслуживаетъ особое уваженіе, первое, потому, что онъ, кажется, человѣкъ изрядный и проворный, второе, что онъ хорошей фамиліи тамошней, и третіе, что графиня и графъ Браницкій его рекомендуютъ усильно, а я, по дружбѣ съ ними, готовъ, гдѣ можно, сдѣлать имъ угодное. Я поручаю вамъ г. Липинскаго, прося помѣстить его, гдѣ пристойно и выгодно, и о томъ представить ко мнѣ въ свое время. Больше теперь не пишу, зная что не скоро дойдетъ; а надѣюсь васъ скоро видѣть здоровыхъ, и Tausend und mehr Complimenten von gutem Hertzen zu machen [тысячу и болѣе комплиментовъ сдѣлать отъ добраго сердца].

14.

1794 г., 25 февраля.

Отлагая до другаго времени писать къ вамъ по дѣламъ почтовымъ, здѣсь намѣренъ я утрудить васъ по моимъ собственнымъ. Г. Городинскій пишетъ ко мнѣ, что за болѣзнію и отлучкою бывшими Тимофея Ивановича господа начальники Брацлавскіе почти отняли у меня три селенія, для того, что онѣ подгородныя и даже съ хуторами, словомъ хотятъ лишить меня 600 душъ и хорошихъ, кои отнюдь не мѣщане, а хлѣбопашцы, слѣдовательно, на что они въ городѣ, и безъ того обширномъ для уѣзднаго. Я надѣюся на Тимоѳея Ивановича, и думаю, неужели меня хуже другихъ трактовать станутъ; но право никто сего дѣла поправить лучше не можетъ какъ вы, ежели собралися уже ѣхать въ новыя губерніи. Зная вашу ко мнѣ дружбу, нѣтъ нужды много распространяться, ибо вы на мѣстѣ отъ г. Городинскаго все узнаете лучше, а при доброй диспозиціи Тимоѳея Ивановича найдете, что говорятъ и чего просятъ; почему не утруждаю повтореніемъ просьбъ моихъ по сей матеріи. Sat sapienti. Не оставьте дать добрые совѣты и по хозяйству.

На кого изъ двухъ вамъ жаловаться въ Черниговѣ? На Андрея ли Ивановича, или на Якова Леонтьевича [Бакуринскаго] за сдѣланное затрудненіе Грохольскому въ отдачѣ нашедшихся по новой ревизіи лишнихъ душъ. Я надѣюся, что сіе дѣло поправится; однакожъ намъ всѣмъ представленіе Черниговское много заботы надѣлало; и ежели бы по нему поступить, то и я бы тысячъ двухъ лишился. По счастію, недавно по дѣлу наслѣдниковъ покойнаго Бакунина и графини Бальменъ государыня отозвалася, что когда кому пожалована цѣлая часть, то и долженъ ее получить, какъ часть, буде лишнее найдется, приращать, а буде и недостатокъ учинится, то не прибавляется. Инако бы большая была перебивка.

Прощайте и вѣрьте, что я вамъ искренно преданъ. Александрѣ Павловнѣ кланяюся.

Ганъ отъ лѣтъ и женитьбы оглупѣлъ и вовсе прядетъ на тонкую. Смотрите чтобъ не дошло скоро дѣло васъ выписывать. Я бы желалъ, однакожъ, чтобы сія скаря—гаргара промаячила до зимы будущей. Коменданту скажите мое челобитье. Домъ мой отдѣланъ и теперь въ городѣ первый.

15.

1794 г., 8 іюня, изъ Царскаго Села.

Сего вручителя поручаю въ милость вашу, прося пристроить его хорошо, за что не только я, но и его протекторъ Александръ Николаевичъ Самойловъ будемъ вамъ благодарны. О Щейбѣ толь усиленныя просьбы, что инако съ нимъ и раздѣлаться нельзя, какъ развѣ вамъ его отдать въ Черниговъ, дабы онъ подъ глазами меньше шалилъ, а съ Поляками быть ему трудно, ибо и самъ онъ Полякъ, да я думаю и не лучшій, хотя между ними, вопреки мнѣнія покойнаго Василья Андреевича Борковскаго, я не зналъ ни одного добраго. Хорошо, что вы не успѣли кончить устройства почтъ въ новыхъ губерніяхъ. Панглосъ говаривалъ: все къ лучшему. Я видѣлъ,

что и для Россіи по сію пору шло все къ лучшему. Кто знаетъ? Авось либо ваша команда и гораздо далѣе распространится: но сіе держите за собою мѣсяца на три. Пруссы, ваши пріятели, люди добрые, но ежели любить Нѣмцевъ, то всегда помнить надобно, что и Австрійцы тѣже Нѣмцы, да еще и коренные. Благодарю за фарфоръ изъ Корца [?], и прошу поразвѣдать о стеклѣ въ Чудновѣ хорошо-ль, дешево-ль и можно все-ли достать, да и къ кому адресоваться. Мнѣ хочется мой домъ Московскій набить всѣмъ нужнымъ. Прощайте и вѣрьте моей искренней къ вамъ привязанности. Александрѣ Павловнѣ кланяюся.

P. S. Викторомъ Павловичемъ у двора весьма довольны. Онъ ведетъ дѣла преблагородно и такъ искусно, какъ человѣкъ весьма бывалый.

16.

1794 г., 1 августа, изъ Царскаго Села.

Сегодня ѣдетъ къ вамъ Осипъ Степановичъ, имѣющій коммисію по почтамту Екатеринославскому, о коей онъ вамъ сообщитъ, почему я и почитаю излишнимъ писать къ вамъ оффиціально. Что касается до подробнаго распоряженія въ новыхъ губерніяхъ, я думаю лучше теперь ограничиться самымъ необходимымъ; а прочее оставить до времени, какъ волненіе нынѣшнее утишится. Дастъ Богъ намъ иную границу, авось либо иныхъ и сосѣдей, тогда удобнѣе все устроимъ, а между тѣмъ вы приготовляйтеся, старайтесь собрать свѣдѣнія, и ежели будетъ время и на мѣстѣ входите въ разныя обстоятельства. На зиму, по первому пути, позовемъ васъ, и тогда все установится.

На сей разъ обременяю васъ просьбою моею собственною. Вы обѣщали мнѣ дать знать о стеклѣ Чудновскомъ, чего я и ожидаю, разумѣя, что вы тутже обстоятельно меня извѣстите и о цѣнѣ разныхъ вещей. Я тамъ намѣренъ заказать преогромную коллекцію разнаго сорта графиновъ, рюмокъ и стакановъ. Какъ бы вы думали, по числу столовой моей галлереи Московской, на 180 человѣкъ. Въ Московской фарфоровой фабрикѣ уже я заказалъ себѣ такой величины сервизъ, не богатый, но чистый. Другой сервизъ, мнѣ пожалованный, въ прошломъ году, дѣлается на здѣшней мануфактурѣ съ успѣхомъ, и весьма великолѣпный. Сіе для того нужно, что Московскую публику, въ случаѣ бала, не удовольствуешь серебромъ, по ея многочисленности. Ежели дѣла благополучно кончатся, и мнѣ зимою можно будетъ отлучиться въ Москву, то я или съ вами отсюда поѣду, или васъ, туда выписавъ, въ Петербургъ завезу. Впрочемъ, Осипъ Степановичъ вамъ все разскажетъ. Прощайте и вѣрьте, что я вамъ искренно привязанъ. Александрѣ Павловнѣ кланяюся; тоже и Татьянѣ Андреевнѣ съ Яковомъ Леонтьевичемъ прошу сказать мой усердный поклонъ.

P. S. Нельзя ли изъ Чудновской фабрики прислать двѣ или три вещи сюда, для образца.

17.

1794 г., 7 октября.

Губернскій секретарь Нестюковъ [къ] вамъ явится, для полученія мѣста, по департаменту, вамъ ввѣренному. Онъ человѣкъ очень хорошій, способный и надежный; почему и прошу васъ оказать ему пособіе въ помѣщеніи выгодномъ. Случай теперь

весьма будетъ удобный, когда мы намѣрены и на долю почты поворотить вашею стороною. О стеклѣ теперь не пишу, а пришлю я чрезъ письмо къ вамъ и Осипу Степановичу; тоже и реестры. Прощайте и вѣрьте моей къ вамъ искренней и не поколебимой привязанности.

18.

[1795 г.], суббота.

Дѣло, кажется, учинено будетъ, что касается до чина; о чемъ и было докладывано. Я думаю, въ Понедѣльникъ или Вторникъ указъ подпишутъ, какъ сказалъ мнѣ гр[афъ] Пл[атонъ] Алекс[андровичъ] Зубовъ, который и поднесетъ его самъ; а я теперь переправляю почтовыя бумаги и все также ко Вторнику изготовляю, дабы вы на будущей недѣлѣ могли отъ ... ъ убраться.

19.

[1795 г.]

Не позабудьте попросить его превосходительство Тимофея Ивановича объ актуаріусѣ Плаксевскомъ, чтобъ онъ могъ получить милостивое произвожденіе при назначеніи его къ какому либо мѣсту, о чемъ я и самъ персонально просить еще буду.

20.

1796 г., 11 мая.

Курьера вашего я, наконецъ, возвращаю. Видно, что вамъ съ княземъ Репнинымъ не ужиться, хотя, кажется, вы оба держитесь Берлинской системы. Онъ безперерывно насылаетъ сюда жалобы на присылаемыя отъ васъ къ г. Фонъ-деръ-Текъ Трурукъ-Бирбрауеръ-Бренштейну приказанія и разныя ваши сообщенія, говоря, что вы и его подъ свои ордера подбираете. Между тѣмъ, здѣсь было напали, что ни Осипъ Степановичъ, ни вы ничего по сію пору не содѣлали въ Вознесенской губерніи, и туда не пріѣхали. Извинять мнѣ хозяйствомъ, требовавшимъ личнаго присутствія, было нельзя, ибо вы знаете, что здѣсь о всемъ судятъ инако. Я не хочу тутъ показывать, сколь мнѣ непріятно было слышать чрезъ третьи руки отъ Моркова и тому подобныхъ, многія непристойныя насчетъ обоихъ васъ изъясненія, что подъ видомъ службы живутъ только дома, да богатѣютъ. Богъ съ ними, на нихъ смотрѣть не должно, но дѣло свое дѣлать надобно. А теперь, во избавленіе васъ отъ кн. Репнина, и въ облегченіе ваше, такъ рѣшилъ, что въ Курляндію и Литву пошлю Николая Александровича Львова, покуда тамъ особый почтамтъ учредится, съ тѣмъ, чтобъ онъ, съ вами съѣхавшись въ Брестѣ, постановилъ о чемъ слѣдуетъ, и о томъ пришлю обстоятельныя наставленія, какъ скоро выхожу указы. Будьте впрочемъ увѣрены, что я о пользѣ вашей буду стараться, и васъ вездѣ охранять не премину. Прусаковъ безъ расчету возить письма никто не понудитъ. Съ Ганомъ здѣсь никто не сладитъ. Сталъ еще глупѣе съ тѣхъ поръ, какъ женился, и упрямъ такъ, что не знаю что и дѣлат съ нимъ. Естьли бы его можно было сжить съ рукъ, и васъ перевесть

сюда (позже тутъ надолго съ Малороссіей проститься), тогда бы я совсѣмъ инако расположилъ почтамты, ибо въ Черниговѣ оный не былъ бы кстати. Унгебауера не ждите, до васъ ему не дойти, а долгу у него немного, а помощниковъ своихъ пріискивайте сами, и пишите ко мнѣ, я тогда, по вашему представленію, могу сдѣлать распоряженіе о жалованьѣ ихъ. При назначеніи Львова пришлю къ вамъ нарочнаго и напишу обстоятельнѣе обо всемъ. Поѣздки въ Вѣну и Берлинъ для соглашенія я такъ хочу учредить, чтобъ вы, не смотря на пруссоманію, въ первое мѣсто, а Львовъ въ Бранденбургію путешествовалъ. Прощайте, и вѣрьте моей искренней къ вамъ привязанности.

P. S. 7 мая данъ у меня на 500 человѣкъ слишкомъ маскарадъ, который оба великіе князья съ ихъ супругами почтили присутствіемъ. Ужинъ былъ на 284 куверта и все столь огромно, изобильно и странно, что еще и поднесь говорятъ о немъ.

У насъ устроена коммисія по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ, въ которую наименованъ первымъ я, вторымъ генералъ-прокуроръ, третьимъ князь Зубовъ, потомъ оба директора банковъ: графъ Румянцовъ и Мятлевъ, и правитель Кабинета Поповъ, и правитель нашей канцеляріи Ермоловъ. Дай Богъ успѣхъ, но я знаю, какъ трудно доставать деньги, по себѣ, оставшися послѣ бала своего при одномъ червонцѣ, и при 50 рубляхъ разнаго серебра и отлагая еще на годъ Московское новоселье.

Отъ князя Репнина и его почтъ, я и самъ хотѣлъ бы руки умыть, а потому и вы не жалѣйте, развѣ о многофамильномъ нѣмцѣ, которому тамъ не легко будетъ.

21.

1796 г., 18 іюля, изъ Царскаго Села.

Податель сего корнетъ Калиновскій, урожденецъ Стародубскій, заѣхалъ сюда съ намѣреніями пристроиться въ Петербургѣ, благую часть избралъ возвратиться вспять, чтобы достать мѣсто въ вашемъ департаментѣ. Я его снабдилъ ордеромъ къ вамъ, а, въ дополненіе, симъ прошу прилежно помѣстить его, какъ и къ чему найдете способнымъ, лишь бы онъ, служа, имѣлъ хлѣбъ. Какъ онъ курьеръ не самый скорый, то я и не сталъ о многомъ писать тутъ, а скажу только, что нынѣшній годъ выбрался самый тяжелый для моихъ финансовъ. Бытность въ Москвѣ родила желаніе поспѣшить тамошнимъ домомъ. Я обратилъ туда тогда же полугодовой доходъ, Осипомъ Степановичемъ мнѣ привезенный, и всѣ плоды негоціацій. Картинки, какъ вамъ извѣстно, ѣдятъ не мало денегъ, да и строеніе здѣшнее не меньше того востребовало. Не довольно деревень, чтобъ только имѣть ихъ для счету душъ, а доходъ, видя на бумагѣ, полагать его къ возврату на тоже хозяйство, какъ то я весьма сего опасаюся по Хмельницкой экономіи: но то вѣрно, что ежели меня еще годъ такъ насухо оставятъ, то придется жить деревнями, то есть зачать ихъ продавать помаленьку. Отъ Осипа Степ. также давно нѣтъ писемъ. Прощайте! и вы рѣдко пишите.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ я живу по монастырски, и еще скучнѣе годъ отъ году.

22.

1797 г., 8 апрѣля, изъ Москвы.

Большія заботы, по случаю благополучно совершившаго каронованія и миропомазанія его императорскаго величества и ея величества, не дозволяли мнѣ отправить къ вамъ прежде сію эстафету. Прилагаю теперь пакетъ къ матушкѣ, который прошу васъ всеприлежно взять трудъ доставить самолично, и быть вѣстникомъ тѣхъ большихъ, и можно сказать всякую мѣру превосходящихъ, милостей монаршихъ, которыхъ она и домъ нашъ удостоенъ. Она пожалована статсъ-дамою ея величества и дамою большаго креста ордена святыя Великомученицы Екатерины, котораго знаки препровождаетъ государыня императрица письмомъ, собственною ея рукою писаннымъ. Дочь графа Ильи Андреевича пожалована фрейлиною; самъ онъ кавалеромъ святаго Александра Невскаго, и деревнями, въ Литвѣ, 1349 душъ. Вамъ даны 412 душъ по ревизіи 1782 года. Но не то, что вы просили, ибо монастырскихъ вовсе трогать запрещено, а изъ полковничьихъ Холявинъ съ товарищи. Якову Леонтьевичу дано также 432 души изъ тѣхъ же маетностей и, сколько помню, Дырчинъ, Макишевъ, да еще Сусляна и прочее. Осипу Степановичу чинъ тайнаго совѣтника и въ Малороссіи безмала 600 душъ, Дмитрію Прокофьевичу 1200 душъ въ Россіи, Обрѣскову чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и лента 2 класса, Пестелю орденъ 2 класса и 300 душъ, Карадыкину орденъ 1 класса и 600 душъ, Львову орденъ 2 класса и 600 душъ, Евдокиму Степановичу [Простоквашину] орденъ 1 класса, разумѣется, всѣ—святыя Анны. Копію указовъ о статсъ-дамахъ, фрейлинахъ и записку о дамахъ, орденами пожалованныхъ, прилагаю. Великое и никогда еще неслыханное множество награжденій при семъ случаѣ учинено, изъявляющихъ прямо щедрость государскую. Теперь я вамъ скажу о себѣ постепенно, дабы пріуготовить васъ къ рѣдкому примѣру милости его величества, и потому еще, что ни время, ни обстоятельства не могли мнѣ доставить случая хотя нѣсколько заслужить оную. Послѣ обыкновенно бываемаго предъ коронаціею торжественнаго въѣзда въ Москву, въ Субботу Вербную, по окончаніи всенощной, предъ ужиномъ, государь бывъ доволенъ домомъ моимъ и всѣми тутъ мною учиненными пріуготовленіями, почтилъ меня своимъ портретомъ, весьма богатымъ, который и ношу на голубой лентѣ, императрица же вручила мнѣ перстень съ ея портретомъ. Я зналъ, что въ день коронаціи назначены мнѣ были деревни, въ Орловской губерніи, покойнымъ княземъ Сергіемъ Кантемиромъ блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II духовною записанныя, болѣе десяти тысячъ душъ, съ прибавкою тридцати тысячъ десятинъ самой плодоносной земли, въ Воронежской губерніи. Когда, по прочтеніи генераломъ Ростопчинымъ росписи воинскихъ награжденій, Дмитрій Прокофьевичъ началъ читать статскую моимъ именемъ, и я пошелъ къ трону благодарить государя, то вдругъ онъ началъ читать оригинальный указъ въ Сенатъ, который его величество удержалъ меня слушать. Я былъ тутъ пораженъ, услышавъ, что государь возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя титулъ свѣтлости, и жалуетъ еще мнѣ на выборъ шесть тысячъ душъ. Теперь вы сами судите, какова моя при семъ случаѣ чувствительность. Оба указа обо мнѣ прилагаю въ копіяхъ, прося васъ прочесть оные матушкѣ. Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что я сіи шесть тысячъ душъ не выберу ни въ Малороссіи, ни около

Хмельника, ниже самихъ Водяногъ, которые покойный и мною весьма оплакиваемый престарый войтъ совѣтовалъ, а назначу, буде можно, сотъ нѣсколько душъ около Москвы, дабы содержать преогромный здѣшній домъ, а остальныя въ Воронежѣ, по той же рѣкѣ Битюгу, гдѣ мнѣ и земли даны, и гдѣ прямо рай земной. Дома Московскаго также продавать я вовсе не намѣренъ. Приведенъ будучи щедротами двухъ монарховъ съ ряду до такого избытка, что, имѣя сорокъ тысячъ душъ, въ состояніи и деньги сколотить, и жить безъ нужды, и цѣлое имѣніе оставить тѣмъ, кому оно по наслѣдству по мнѣ принадлежать должно. Сообщите о всемъ Якову Леонтьевичу и коменданту, и вѣрьте, что я всегда вамъ искренно привязанъ.

P. S. Къ матушкѣ при семъ приложены три пакета, одинъ съ портретомъ, другой гдѣ и письмо ея величества съ орденомъ, а третій мой собственно.

Къ настоящему письму приложены копіи съ слѣдующихъ документовъ:

1. Указъ нашей Придворной Конторѣ. Всемилостивѣйше пожаловали мы къ ея императорскому величеству, нашей любезнѣйшей супругѣ, въ статсъ-дамы: графиню Мнишекъ, урожденную Замойскую, графиню Каменскую, урожденную княжну Щербатову, Нарышкину, урожденную Закревскую, Еропкину, урожденную Леонтьеву, княгиню Долгорукову, урожденную графиню Бутурлину, Безбородку, урожденную Забѣло и княгиню Радзивилъ, урожденную Пржеждзецкую. Павелъ. Въ Москвѣ, 5 апрѣля, 1797 года.

2. Указъ нашей Придворной Конторѣ. Всемилостивѣйше пожаловали мы къ ея императорскому величеству, нашей любезной супругѣ, во фрейлины, дѣвицъ: Обрѣскову, княжну Волконскую, графиню Катерину Воронцову, графиню Безбородку первую, княжну Варвару Гагарину, баронессу Васильеву, Марью Измайлову и Васильчикову, повелѣвая считать ихъ сверхъ комплекта. Павелъ. Въ Москвѣ. 5 апрѣля, 1797 года.

3. 5 апрѣля, въ день императорскаго коронованія и миропомазанія, по высочайшему дозволенію его императорскаго величества, пожалованы отъ ея императорскаго величества, дамами ордена святыя Великомученицы Екатерины: Большаго креста: ея королевское высочество, вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Кассельская, урожденная принцесса Прусская, родная тетка ея величества государыни императрицы. Оберъ-гофмейстерина, графиня Анна Алексѣевна Матюшкина. Статсъ-дамы: графиня Анна Родіоновна Чернышева; графиня Дарья Петровна Салтыкова; графиня Настасья Владиміровна Салтыкова; княгиня Настасья Александровна Репнина и Евдокія Михайловна Безбородкова. Меньшаго креста, статсъ-дамы: графиня Катерина Васильевна Скавронская; графиня Катерина Петровна Шувалова; графиня Елисавета Васильевна Зубова; графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина; госпожа Ренне; Софія Ивановна Де-ла-Фонъ, графиня Анна Павловна Каменская; Марина Осиповна Нарышкина; Елисавета Михайловна Еропкина; княгиня Катерина Александровна Долгорукова; княгиня Радзивилъ; камеръ-фрейлины: Анна Степановна Протасова и Катерина Ивановна Нелидова; супруги генералъ-аншефскія и того ранга: княгиня Настасья Васильевна Долгорукова; графиня Анна Васильевна Остерманъ; Евдокія Ильинишна Кутузова; Варвара Андреевна Обрѣскова; Глафира Ивановна Ржевская и княгиня Наталья Ивановна Куракина; супруги генералъ-лейтенантовъ и того ранга: княгиня Прасковья Ивановна Голицина; Катерина Ильинишна Кутузова; Дарья Александровна Валуева; графиня Наталья Александровна Буксгевденъ; Катерина Николаевна Лопухина; Наталья Ѳедотовна Плещеева, супруга генералъ-адъютанта его величества.

4. Указъ нашему Сенату. Во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды нашего дѣйст. тайн. сов. перваго класса, графа Безбородка, пожаловали мы ему, въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ Орловской губ., поступившую въ казенное вѣдомство, по указу, отъ 2 іюля 1780 г., вслѣдствіе завѣщанія покойнаго бригадира, князя Кантемира вотчину Дмитровскую съ принадлежащими къ ней селеніями, землями и угодьями, да изъ казенныхъ порозжихъ земель, въ Воронежской губ., по Битюгу лежащихъ, тридцать тысячъ десятинъ, повелѣвая Сенату нашему предписать, куда слѣдуетъ, объ отдачѣ того и заготовить жалованную грамоту къ нашему подписанію. Павелъ. Москва, апрѣля 5 дня, 1797 года.

5. Указъ нашему Сенату. Въ изъявленіе особливаго нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ нашего дѣйст. тайн. сов. перваго класса, графа Безбородка, на пользу государственную и намъ въ благодарность подъемлемымъ, всемилостивѣйше возводимъ мы его въ княжеское Всероссійской имперіи достоинство, присвояя къ оному титулъ свѣтлости; да сверхъ того жалуемъ ему, князю Безбородку, въ вѣчное и потомственное владѣніе шесть тысячъ душъ изъ деревень казеннаго вѣдомства, предоставляя оныя на его выборъ. Повелѣваемъ Сенату заготовить на княжеское достоинство дипломъ, а на деревни жалованную грамоту и поднесть къ нашему подписанію. Павелъ. Въ Москвѣ, апрѣля 5, 1797 года.

Первые три документа писаны собственноручно княземъ Безбородкою, а послѣдніе два—рукою писаря.

23.

1797 г., 27 августа.

Считая, что вы теперь постоянно живете въ Черниговѣ, къ вамъ влагаю письмо къ Татьянѣ Андреевнѣ и къ вамъ адресую посылки, къ ней и къ матушкѣ слѣдующія, прося доставить имъ по надписямъ. Изъ чего вы взяли, что вы не имѣете чина 4-го класса. Генеральный судья считается въ семъ классѣ не заурядъ, но навсегда. Вы опредѣлены не въ должность, а сказано вамъ быть судьею генеральнымъ, слѣдовательно вы на Русскомъ языкѣ и полное превосходительство, а только когда васъ пошлютъ министромъ, то я вамъ сего титула не дамъ, ибо у насъ ниже тайнаго совѣтника excellence не именуютъ.

Насилу я выздоровѣлъ, и не знаю на долго ли? Мнѣ жить покойно, да, правду сказать, и время такое въ Европѣ, что надобно быть очень безпокойнымъ министромъ, чтобъ захотѣть туда впутываться. Лишь бы у насъ дома шло хорошо, то всѣ прочіе въ дуракахъ останутся, а мы все людьми будемъ. Правду сказать, и масса большая, не скоро кто опрокинетъ, и много лѣтъ надобно.

Въ Москвѣ зачинаю я домъ строить огромнѣе прежняго. Планъ дѣлаетъ Гваренги, и какъ вы охотникъ снимать планы, то, по отдѣлкѣ, пришлю для образца. Коллекція моя знатно умножается ожидаемыми изъ Италіи и привезенными изъ Голландіи преславными. Я досталъ превеликую бочку, которую одинъ плутяга хотѣлъ для меня купить за тысячу гиней, а мнѣ она досталася за 300 гиней, и которой всѣ приходятъ кланяться. Да еще получилъ 4 Вернетовъ, одинъ другаго лучше. Тутъ же

пріѣхали двѣ мѣдныя группы славнаго Жирардена, которыя Кольбертомъ были представлены Людовику XIV. Одна представляетъ похищеніе Плутономъ Прозерпины, а другая такое же Оретія Бореемъ, на булечныхъ пьедесталахъ. Прощайте, спѣшу ѣхать въ Гатчино, и вѣрьте моей къ вамъ искренней привязанности.

24.

1797 г., 11 сентября.

Не любя ссоръ нигдѣ, а болѣе еще межъ роднею, я уже нѣсколько времени слышалъ съ сожалѣніемъ о таковой распрѣ у Павла Якимовича съ Яковомъ Леонтьевичемъ, и давно собирался писать къ вамъ о примиреніи ихъ. Дальнее продолженіе того можетъ только сдѣлать обоимъ вредъ; а потому вы, яко служака добрый, и неоставьте постараться ихъ сблизить и отнять всякій поводъ ко взаимнымъ негодованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ году я не могу провожать государя до Чернигова, а въ моемъ отсутствіи, ссорясь, они лишь только навлекутъ на себя неудовольствіе, а на всѣхъ насъ предосужденіе. Я на васъ совершенно надѣюся и нетерпѣливо жду отъ васъ отвѣта.

Что выйдетъ изъ вашего хваленаго Хмелника? Сущая Малороссійская маетность. Хлѣба купи да вино кури, а продавъ вино, опять хлѣба купи и такъ далѣе. Хозяйскіе обороты, изъ коихъ никогда не родятся деньги: на оборотьхъ же ни жить, ни строиться нельзя. Мнѣ достались въ Сѣвскомъ и Кромскомъ уѣздѣ десять тысячъ душъ, хотя безземельныя, но за то хороши, что по росписанію должны давать 60,000 рублей доходу, и я уже половину ихъ получилъ, а въ мартѣ бери другую. Воронежскія еще и безъ устройства 6,400 душъ даютъ 50,000 рублей; а ежели я устрою хозяйство, то думаю пойдетъ и вдвое. Николай Карадыкинъ изъ своихъ 600 душъ беретъ, безъ хлопотъ, 8,000 рублей при грамотѣ отъ своихъ крестьянъ на языкѣ, имъ непонимаемомъ, ибо они Мордва. Естьли бы я не располагалъ Хмельницкаго староства на двѣ части дочерямъ графа Ильи Андреевича, я бы его давно съ рукъ сжилъ.

Евдокимъ Степановичъ получилъ отставку и весьма добрымъ манеромъ, съ полнымъ жалованьемъ, съ правомъ мундира, а сверхъ того за его долговременную службу государь прислалъ ему кавалерію св. Александра Невскаго. Онъ считаетъ себя пресчастливымъ, уподобляяся Прусскому капитану времени Фридриха Вильгельма, у котораго полонъ ротъ хлѣба, но по выбитіи зубовъ нечѣмъ ѣсть. На немъ сбылося писаніе: не видѣхъ праведника оставленна, ниже наслѣдія его просяща хлѣба. И паки: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадетъ. Сіе послѣднее я и на себѣ отчасти видѣлъ. Прощайте, пишите къ намъ и вѣрьте моей къ вамъ искренней привязанности.

Помните сей дурной день прошлаго года, когда думали, что будетъ Шведскій сговоръ.

P. S. Нетерпѣливо ожидаю пріѣзда Виктора Павловича, ибо коллегія наша опустѣла, работать нѣтъ человѣка, за отправленіемъ графа Панина въ Берлинъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, подъ конецъ, проявилось много писарей такихъ, какъ въ старые годы у насъ бывало, то есть не письменныхъ. Принужденъ большею частію самъ работать, а уже силъ мало стаетъ.

Къ Петру Степановичу.

1.

1791 г., 3 сентября.

Милостивый Государь мой, Петръ Степановичъ. Предоставляю любезному сыну вашему, а моему племяннику, изустно объявить вамъ, милостивый государь мой, тѣ обстоятельства, которыя убѣдили меня совѣтовать ему и г. Лашкевичу отложить хожденіе ихъ по дѣлу извѣстному въ Сенатѣ и прибѣгнуть къ средствамъ, которыя съ благословеніемъ родительскимъ удобнѣе могутъ возстановить фамильное спокойствіе. Я ласкаю себя доброю надеждою, что ваше превосходительство не вмѣните въ худо моего поступка, но припишете оный моему усердію къ дому вашему и особливому уваженію, которое всегда соблюдалъ къ особѣ вашей. Въ крайнее поставляю себѣ удовольствіе, когда извѣщусь, что всѣ въ дѣлѣ семъ участвующіе будутъ каждый удовольствованы сходно ихъ желаніямъ. Пребуду, впрочемъ, съ отличнымъ уваженіемъ, вашего превосходительства, покорнымъ слугою графъ А. Безбородко.

Къ Андрею Степановичу.

1.

1791 г., 3 сентября, изъ С.-Петербурга.

Милостивый Государь мой, Андрей Степановичъ. Вѣдая издавна образъ мыслей вашихъ и сколько вы удалены были отъ хлопотъ и тяжбъ, заранѣе я увѣренъ, что ваше превосходительство одобрите предложеніе, мною учиненное, нашему племяннику Григорію Петровичу, чтобъ дѣла его съ бабкою его Настасіею Степановною прекратить миролюбно, тѣмъ болѣе, что и сама она къ тому весьма наклонна, какъ письмомъ своимъ ко мнѣ отзывается. Я отдаю на собственный вамъ судъ, милостивый государь мой. великой непріятности подвергается нашъ племянникъ, бывъ обязанъ тягаться съ родною бабкою, которая его прежде родительски любила, и не найдутся ли тутъ люди, кои скажутъ, что тяжба сія имѣетъ въ виду отчужденіе родной сестры отъ достоянія ея, и присвоеніе того въ свою пользу. Правда, что затруднительность положенія Григорія Петровича умножается обязанностію въ разсужденіи отца его; но я думаю, милостивый государь мой, когда Петръ Степановичъ проститъ дочь свою и обѣщаетъ благословить бракъ ея, все дѣло можетъ къ общему интересованныхъ сторонъ удовольствію окончиться. Ваше превосходительство всѣхъ болѣе можете способствовать, ваша справедливость при обязанностяхъ родства даетъ вамъ къ тому и право, и способы. Я раздѣлю съ вами утѣшеніе когда то сбудется. Пребывая съ искреннимъ почтеніемъ, вашего превосходительства, вѣрнымъ и покорнымъ слугою графъ А. Безбородко.

P. S. Мой планъ къ примиренію былъ бы таковъ, чтобъ Петръ Степановичъ простилъ дочь, и благословилъ бракъ, бабушка Григорія Петровича приняла его въ

прежнюю милость. и обезпечила свое имѣніе за внуками, а за тѣмъ бы Петръ Степановичъ съ тещею и братьями ея возстановилъ, и чтобъ все сіе въ одинъ день разомъ совершилось. Ваше превосходительство болѣе всѣхъ совѣтами въ томъ помочь въ состояніи. Я видалъ бумагу, рукою госпожи Полуботковой написанную, въ рукахъ у Григорія Петровича, на ней бы можно и весь миръ основать.

Собственноручныя письма кн. Безбородки къ Григорію Петровичу обязательно сообщены мнѣ графомъ Г. А. Милорадовичемъ, въ семейномъ архивѣ котораго онѣ и хранятся; письма къ Петру и Андрею Степановичамъ напеч. въ изданіи: «О родѣ дворянъ и графа Милорадовичъ». Кіевъ, 1871 г., стр. 46, 59 и 60.

IX. Записка графа А. А. Безбородки о высылкѣ изъ Россіи Французскаго повѣреннаго Женета, 1791 года.

О соглашеніи короля Французскаго на предложенную ему конституцію, безъ сомнѣнія, получитъ Женетъ депешу отъ Монморена, или съ курьеромъ, или съ завтрешнею почтою. По поводу сего, осмѣлюся доложить вашему императорскому величеству. что, хотя вице-канцлеръ третьяго дня и сообщалъ мнѣ свое разсужденіе, чтобъ, не принимая самого Женета, принять, однакожъ, пакетъ, буде онъ пришлетъ съ подобнымъ тому сообщеніемъ, но я не могу быть одного съ нимъ мнѣнія. Положимъ, что о семъ странномъ соглашенія короля на конституцію надлежитъ предварительно государямъ снестися; какъ его разумѣть: добровольнымъ ли, или вынужденнымъ у невольника въ цѣну, хотя, малой свободы, да и сообразить съ происшествіями и полномочіями, отъ него другимъ данными. Съ нашей, однакожъ, стороны отклонить всякое сообщеніе есть способъ самый сходственный, и именно: въ персонѣ Женета, и его неистовомъ поведеніи, оказанномъ чрезъ протестацію на самое вѣжливое внушеніе, вице-канцлеромъ сдѣланное, и для того не повелите ли ваше величество, чтобъ вице-канцлеръ не только не допустилъ къ себѣ Женета, но и приказалъ пакета его не принимать, объявивъ послу, и всѣмъ интересованнымъ въ дѣлѣ министрамъ, что онъ, послѣ происшедшаго у него съ Женетомъ, не можетъ имѣть съ нимъ дѣла. Ежели бы, паче чаянія, случилося, что дѣла во Франціи осталися и въ той же разстройкѣ, то, по крайней мѣрѣ, дворъ ихъ долженъ будетъ прислать инаго человѣка на смѣну шалуну; а можетъ быть надобно будетъ, когда сей уѣдетъ, согласиться съ другими принять ли новаго. Надобно также дать знать Симолину о всемъ семъ происшествіи не только для сообщенія министерству, сколько, чтобъ онъ, посредствомъ товарищей своихъ и знакомыхъ, могъ объяснить прямыя причины.

Собственноручная записка графа А. А. Безбородки хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

*

X. Протоколы конференцій по заключенію мира Россіи съ Турціею, въ Яссахъ, съ 30 октября по 29 декабря, 1791 года.

А. При главноуполномоченномъ, князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ.

1. Протоколъ конференціи, бывшей въ Четвергъ, 30 октября.

Турецкіе полномочные, первый, Рейсъ-Ефенди Есеидъ-Абдуллалъ-Ефенди. вторый, Орду-Кадиссы Есеидъ-Ибрагимъ-Исмей-Бей и третій, Рузнамеджи Сеидъ-Мухамедъ Дури Ефенди, въ провожденіи трехъ секретарей, драгомана Порты и многочисленной свиты, прибыли въ домъ, назначенный для конференціи, въ половинѣ перваго часа пополудни.

Русскіе полномочные: генералъ-поручикъ Самойловъ, генералъ-маіоръ де-Рибасъ и статскій совѣтникъ Лашкаревъ, такъ и секретари и переводчикъ конференціи ожидали прибытія ихъ въ особо пріуготовленной комнатѣ.

Когда переводчикъ конференціи съ драгоманомъ Порты сличили взаимно переводы полномочій съ оригиналами, то Турецкіе полномочные вышли въ конференцъ-залу одною, а Русскіе другою дверью въ одно время, и по взаимнымъ учтивостямъ, когда всѣ приняли мѣста, генералъ-поручикъ Самойловъ сдѣлалъ Турецкимъ полномочнымъ краткое привѣтствіе, говоря, что приступая къ толь важному и спасительному дѣлу съ неограниченнымъ усердіемъ, наилучшею волею и чистосердечіемъ надѣемся мы, что ихъ превосходительства будутъ соотвѣтствовать въ полной мѣрѣ нашимъ чувствованіямъ, и что соединенными силами помянутое дѣло приведено будетъ къ окончанію, къ славѣ обѣихъ державъ и къ чести участвующихъ въ ономъ.

Рейсъ-Ефенди. Систовскій конгрессъ начался въ Четвертокъ; благополучное окончаніе онаго подаетъ надежду думать, что и сей, начатый въ подобный день, будетъ имѣть желанный успѣхъ.

Генералъ-поручикъ Самойловъ. Добрая воля и искреннее желаніе исполнить волю государей предпочтительнѣе дней.

Рейсъ-Ефенди. Позвольте мнѣ сказать вамъ на сей случай краткое привѣтствіе,—и, вынувъ изъ кармана бумагу, читалъ, на Турецкомъ языкѣ, рѣчь наполненную разными учтивостями къ полномочнымъ и изъявленіемъ желанія окончить мирное дѣло; по окончаніи которой драгоманъ Порты прочелъ оную на Французскомъ языкѣ.

Генералъ-маіоръ де-Рибасъ сказалъ на помянутую рѣчь: Наши чувствованія суть тѣ же; разность только въ томъ, что вы объяснили оныя пространно и краснорѣчиво, а мы изъявляемъ ихъ кратко, но не менѣе отъ добраго сердца.

Спросилъ драгомана Порты—сличены ли переводы полномочій съ оригиналами, и когда сей отвѣтствовалъ, что то исполнено было, въ присутствіи нашего переводчика, первый секретарь полномочныхъ Турецкихъ, вставъ съ своего мѣста, читалъ полномочія султанскія, тремъ полномочнымъ Турецкимъ данныя, одно за другимъ, а драгоманъ Порты прочелъ переводы оныхъ на Французскомъ языкѣ. По окончаніи помянутаго чтенія, прочтены были, съ нашей стороны, чрезъ секретаря конференціи полная мочь, покойному князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому

данная и высочайшій рескриптъ, полученный генералъ-поручикомъ Самойловымъ, отъ 14-го октября сего года. Предъ чтеніемъ рескрипта генералъ-маіоръ де-Рибасъ предъувѣдомилъ Турецкихъ полномочныхъ о содержаніи онаго. Рейсъ-Ефенди отвѣтствовалъ, что сей рескриптъ есть подтвержденіе полномочія, покойному фельдмаршалу данпаго, и утвержденіе избранныхъ имъ полномочныхъ.

Переводчикъ конференціи прочиталъ переводы полномочія и рескрипта по Французски, а драгоманъ Порты по Турецки.

Рейсъ-Ефенди. Мы уповаемъ, что, начавъ дѣла наши въ сей комнатѣ, мы и окончимъ въ оной ко взаимному удовольствію; сверхъ того, полное имѣемъ увѣреніе, что, при дѣлѣ, намъ предстоящемъ, величіе и польза дворовъ нашихъ сохранены будутъ съ обѣихъ сторонъ въ совершенной ненарушимости, тѣмъ паче, что ея императорское величество избрала особъ столь благоразумныхъ и достойныхъ.

Генералъ-поручикъ Самойловъ. Сіе есть наше единственное желаніе и для того при дѣлѣ, толь важномъ, всякія затруднительныя мѣлочи, единственно къ продолженію времени служащія, должны быть изгнаны изъ нашихъ бесѣдованій.

Рейсъ-Ефенди. Когда будетъ съ обѣихъ сторонъ добрая воля, то немного встрѣтится затрудненій.

Послѣ сего Турецкіе полномочные спросили—могутъ ли быть подписаны секретарями копіи съ полномочій, слѣдующія для размѣна, и когда имъ было отвѣтствовано, что приличнѣе сдѣлать сіе самимъ полномочнымъ, то они и подписали ихъ, что и наши съ своей стороны исполнили.

Драгоманъ Порты вручилъ копія съ полномочій своихъ министровъ каждому изъ нашихъ, а нашъ переводчикъ отдалъ таковыя же Турецкимъ полномочнымъ.

Генералъ-поручикъ Самойловъ спросилъ послѣ сего о назначеніи дня для вторичнаго собранія.

Рейсъ-Ефенди отвѣтствовалъ: какой угодно.

Генералъ-маіоръ де-Рибасъ. Поелику дѣло идетъ, кромѣ пользы нашихъ государей, и о благосостояніи нѣсколькихъ милліоновъ людей, чѣмъ оное совершится скорѣй, тѣмъ будетъ спасительнѣе *).

Рейсъ-Ефенди. Что касается до насъ, то мы, не имѣя здѣсь никакого другаго дѣла, почитаемъ всѣ дни равными.

Наши полномочные отвѣтствовали единогласно, что они готовы не только всѣ дни, но и всѣ часы употребить для скорѣйшаго окончанія спасительнаго онаго дѣла.

Рейсъ-Ефенди. Но дѣла требуютъ иногда разстановки для учрежденія оныхъ, и для того всякій разъ, при разставаніи, назначать дни для будущаго собранія.

Генералъ-маіоръ де-Рибасъ. Лучше ихъ опредѣлить, и какъ по преждесдѣланному отъ ихъ превосходительствъ отзыву, казалось три дня въ недѣлѣ. Понедѣльникъ, Четвергъ и Суббота были для нихъ пріятны, то не угодно ли назначить сіи дни.

Рейсъ-Ефенди. Но случаются обстоятельства, гдѣ иногда собраніе нужно отложить, а иногда прибавить.

---

*) Противъ этой рѣчи де-Рибаса графъ Безбородко написалъ карандашемъ: „Будто раздѣлена польза государей отъ ихъ подданныхъ“?

Наши полномочные. Мы готовы каждый день, какъ уже мы объявили; но поелику вамъ угодно назначеніе дней каждый разъ, то да будетъ первое послѣ сего собраніе въ Субботу, 1-го ноября.

Турецкіе полномочные согласились на сіе и просили, дабы не ожидать другъ друга, съѣхаться въ Субботу, ранѣе назнача къ тому время, въ 10 часовъ по полуночи, чтобы открыть конференцію въ половинѣ 11-го часа.

Генералъ-поручикъ Самойловъ. Всякаго рода церемоніи надобно отложить въ сторону.

Турецкіе полномочные одобривъ сіе, требовали внесенія въ журналъ, что всякіе этикеты при будущихъ собраніяхъ уничтожаются. Подписали: Александръ Самойловъ; Іосифъ де-Рибасъ; Сергѣй Лашкаревъ.

2, Протоколъ конференціи, 1 ноября 1791 года, въ Субботу, въ половинѣ одиннадцатаго часа.

Засѣданіе открылъ генералъ-поручикъ Самойловъ, говоря, что сдѣланное въ прошедшую конференцію положеніе объ уничтоженіи при трактованіи мирнаго дѣла всѣхъ церемоній, дабы оное существовало надежно, долженствуетъ быть записано въ протоколѣ образомъ акта.

Рейсъ-Ефенди сказалъ, что то положеніе записано въ ихъ протоколахъ, на что генералъ-маіоръ де-Рибасъ говорилъ, что, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, не лучше ли соблюсть одинаковость и въ самихъ выраженіяхъ, и предложилъ выслушать изготовленный, по соглашенію полномочныхъ, проектъ помянутаго положенія, которое и прочелъ.

Драгоманъ Порты перевелъ оное своимъ министрамъ; и когда оно было сличено и повѣрено, то обѣ стороны согласились принять сіе положеніе за правило и хранить его всегда постоянно, размѣнявъ взаимно между собою копіи.

Положеніе сіе состоитъ въ слѣдующемъ: Принявъ въ разсужденіе обще съ ихъ превосходительствами, полномочными министрами блистательной Порты Оттоманской, поелику церемоніи, употребляемыя при дѣлахъ, суть излишны, и даже удобны иногда остановить теченіе оныхъ, и побуждаясь взаимною ревностію къ пользѣ обѣихъ имперій, согласились единогласно съ той и другой стороны, что во время мирныхъ трактованій будетъ поступаемо наидружественнѣйшимъ образомъ, безъ всякихъ церемоніальныхъ обрядовъ, какъ во взаимныхъ посѣщеніяхъ, такъ и въ конференціяхъ, разумѣя, однакожъ, при томъ, что сіе партикулярное положеніе, сдѣланное между нами, и записанное въ протоколъ съ той и съ другой стороны, не можетъ служить примѣромъ для переду.

Генералъ-поручикъ Самойловъ предъявилъ, что, приступая къ настоящему дѣлу, онъ и сотоварищи его полагаютъ, что оное долженствуетъ быть начато всеобщею и взаимною амнистіею всѣмъ сдѣлавшимъ каковое либо преступленіе противу двухъ высокихъ договаривающихся сторонъ.

Рейсъ-Ефенди отвѣчалъ, что всякій миръ начинается обыкновенно прощеніемъ и забвеніемъ прошедшаго, а потому они и сами полагаютъ амнистію первоначальнымъ шагомъ въ мирномъ трактованіи, и для того ожидаютъ лишь мнѣнія отъ насъ, дабы устроить сей артикулъ.

Россійскіе полномочные предположили проектъ положенія сей статьи, съ которой, по выслушаніи и одобреніи, обѣщали сообщить имъ копію, присовокупляя,

что по выслушаніи оныхъ будетъ дѣлано взаимное соглашеніе о прибавкѣ или отмѣнѣ нѣкоторыхъ выраженій, если бы, паче чаянія, встрѣтилось какое сомнѣніе.

Полномочные Турецкіе согласились на сіе, и генералъ-маіоръ де-Рибасъ, прочтя 1-ю статью мирнаго трактата, на Французскомъ языкѣ, вручилъ оную драгоману Порты для перевода на Турецкій.

Между тѣмъ, принесенъ былъ сдѣланный у насъ Турецкій переводъ помянутой статьи, которую переводчикъ конференціи прочитавъ, отдалъ драгоману Порты, для врученія министрамъ своимъ.

Рейсъ-Ефенди, наклоня обоихъ сотоварищей своихъ, читалъ имъ тихо вышеупомянутый переводъ, дѣлая на оный свои замѣчанія, потомъ взявъ перо, поправлялъ оный и вручилъ драгоману, для сообщенія нашимъ полномочнымъ.

Первое его замѣчаніе было, что въ сообщенной отъ насъ статьѣ мирнаго трактата, между титлами султана не поставлено шагинъ-шахъ, титулъ, принадлежащій султану.

Россійскіе полномочные сказали на сіе, что титулъ шагинъ-шаха, означающій царя-царей, который они требуютъ для его величества султана Оттоманскаго, на нашемъ языкѣ употребленъ быть не можетъ; и что титло, данное султану въ нашемъ трактатѣ въ равенствѣ съ ея императорскимъ величествомъ, прилично величайшему монарху; впрочемъ, во всемъ касающемся до титуловъ надлежитъ держаться въ точности трактата Кайнарджійскаго.

Турецкіе полномочные, вынувъ изъ кармановъ тетради, говорили, что въ трактатѣ Кайнарджійскомъ, который они имѣютъ въ рукахъ на своемъ языкѣ, султанъ наименованъ шагинъ-шахомъ. Но что вопреки того Всероссійская императрица не имѣетъ въ помянутомъ трактатѣ титула величества-узема, состоящаго теперь въ Турецкомъ нашемъ переводѣ трактуемаго артикула, а сказано только—великая императрица Всероссійская.

Генералъ-маіоръ де-Рибасъ толковалъ на Французскомъ языкѣ общее мнѣніе его съ генералъ-поручикомъ Самойловымъ и статскимъ совѣтникомъ Лашкаревымъ, что слово величество, majesté, заимствуетъ начало свое отъ слова великій, grand; слѣдовательно надлежало бы сказать великость grandeur; но какъ титло grandeur приписывается въ Европѣ дюкамъ и архіереямъ, то для титулованія коронованныхъ главъ употребляется слово величество-majesté, который титулъ не только императоры, но и всѣ короли Европейскіе имѣютъ, съ тою только разницею, что императоры именуются императорскимъ величествомъ просто.

Но поелику полномочные Россійскіе на сей разъ не имѣли трактата при Кайнарджи, учиненнаго на Турецкомъ языкѣ, для справки, о титулахъ обоихъ государей, то предложили объ отложеніи сего разговора до будущаго засѣданія, не останавливая, однакожъ, разсмотрѣнія сдѣланныхъ отъ Рейсъ-Ефендія замѣчаній.

Второе замѣчаніе Рейсъ-Ефендія состояло въ слѣдующемъ: въ сообщенной ему 1-ой статьѣ мирнаго трактата, въ пунктѣ о нечиненіи другъ другу вреда изображены сіи слова: «да не воздвигнетъ единъ противъ другаго ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ какого либо дѣйствія непріязненнаго, или противности». Рейсъ-Ефенди прибавилъ къ сему: «противу трактата».

Россійскіе полномочные объяснили, что сіи слова ограничиваютъ смыслъ, ибо, говорили они, желаніе ихъ есть сохранить дружбу и спокойствіе съ

обѣихъ сторонъ, не только по силѣ трактата, но и во всѣхъ случаяхъ вообще, коихъ иногда предвидѣть теперь не можно, а сіи два слова, пространство смысла ограничивающія, дѣлаютъ двоесмысліе, чего они желаютъ искренно избѣгать всегда; однакоже, дабы удовлетворить нѣкоторымъ образомъ желанію Рейсъ-Ефендія и не заниматься долго надъ сими словами, Россійскіе полномочные положили поставить такъ: «да не воздвигнетъ единъ противу другаго ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ какого либо дѣйствія непріязненнаго или поступка трактату противнаго». И хотя Турецкіе министры на сіе и согласились, однакоже, просили отложить и сей пунктъ до будущаго засѣданія.

Когда дѣло дошло до освобожденія плѣнныхъ, то Рейсъ-Ефенди сказалъ: но между содержимыми въ башнѣ въ Константинополѣ имѣется, кромѣ плѣнныхъ, много другихъ людей, въ неволю попавшихся.

Статскій Совѣтникъ Лашкаревъ. Освобожденіе сіе распространяется на всѣхъ вообще на войнѣ ли взятыхъ, или въ другихъ случаяхъ, въ неволю впадшихъ.

Рейсъ-Ефенди То-есть по случаю войны, и сіе надобно изъяснить.

Статскій совѣтникъ Лашкаревъ. Всѣ на войнѣ по подозрѣніямъ, по оклеветаніямъ и насильственно впадшіе въ неволю, въ теченіи бывшей войны и по поводу ея должны получить свободу.

Рейсъ-Ефенди. Мы на сіе согласны, но должно также означить, что прощеніе изгнаннымъ и ссылочнымъ, въ трактуемомъ артикулѣ упоминаемое, дано будетъ тѣмъ только, кои были изгнаны или посланы въ ссылку въ теченіи бывшей войны и по поводу ея.

Статскій совѣтникъ Лашкаревъ. Точно такъ, сказавъ положительно, что каждый изъ таковыхъ будетъ жить въ своемъ отечествѣ въ прежнемъ состояніи своемъ, какъ будто войны совсѣмъ не было.

Рейсъ-Ефенди сказалъ, что, соглашаясь на постановленіе 1-ой статьи мирнаго трактата, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, въ которыхъ надѣется онъ согласиться съ нами при первомъ свиданіи, просилъ для лучшаго выраженія помянутой статьи на своемъ языкѣ взять оную къ себѣ.

Россійскіе полномочные согласились на сіе и конференція была окончена въ часъ пополудни.

Подписали: Александръ Самойловъ; Іосифъ де-Рибасъ; Сергѣй Лашкаревъ.

Б. При главноуполномоченномъ графѣ А. А. Безбородкѣ.

Protocole de la 1 conférence du 10 Novembre.

Elle commençat à onze et fini à deux heures après midi.

La conférence a été ouverte par nos plénipotentiaires qui proposèrent la lecture du pleinpouvoir donné par sa majesté impériale à son exc. monsieur le comte de Besborodko pour traiter avec les plénipotentiaires Turcs.

Протоколъ 1-ой конференціи 10 ноября.

Конференція началась въ одиннадцать, а окончилась въ два часа пополудни.

Конференцію открыли наши уполномоченные, предложивъ прочесть полномочіе, данное ея императорскимъ величествомъ его сіятельству графу Безбородкѣ, на веденіе переговоровъ съ Турецкими уполномоченными.

Ils y consentirent.

Le secrétaire Russe en a fait la lecture en russe et le premier dragoman Russe celle de la traduction turque. •

Nos plénipotentiaires annoncèrent la lecture des pleinpouvoirs donnés par son excellence à eux-mêmes, pour confirmer le choix que le feu prince maréchal en avait fait.

Le secrétaire Russe les a lus en Russe et le premier dragoman Russe les a lus en Turc.

Ensuite les plénipotentiaires Russes en ayant contresigné les copies les firent remettre aux plénipotentiaires Ottomans par le premier dragoman Russe.

Nos plénipotentiaires dirent, que pour preuve de sincérité de leur part et pour éviter toutes longueurs, ils allaient leur remettre les articles du traité de paix avec un article séparé d'après lesquels la paix doit être faite.

Il leur furent remis.

Les plénipotentiaires Turcs demandèrent, attendu que les cérémonies et les étiquettes étoient bannies, à passer dans une autre chambre, pour les examiner en particulier.

Ils y sont allés.

Après quoi les plénipotentiaires Turcs envoyèrent leur dragoman accompagné du second secrétaire pour inviter nos plénipotentiaires à passer dans

---

Тѣ на это согласились.

Русскій секретарь прочелъ бумагу по Русски, а первый Русскій драгоманъ по Турецки.

Наши уполномоченные объявили о чтеніи полномочій, которыя его сіятельство далъ имъ самимъ, для подтвержденія выбора, сдѣланнаго покойнымъ княземъ фельдмаршаломъ.

Русскій секретарь прочелъ ихъ по Русски, а первый Русскій драгоманъ по Турецки.

Затѣмъ Русскіе уполномоченные, скрѣпивъ копіи, передали ихъ черезъ перваго Русскаго драгомана Оттоманскимъ уполномоченнымъ.

Наши уполномоченные сказали, что въ доказательство искренности съ своей стороны и во избѣжаніе всякихъ проволочекъ, они передадутъ имъ статьи мирнаго договора и еще одну сепаратную статью, на основаніи которыхъ долженъ быть заключенъ миръ.

Статьи были переданы.

Такъ какъ здѣсь устранялись всякія церемоніи и этикетъ, то Турецкіе уполномоченные заявили, что перейдутъ въ другую комнату, чтобы разсмотрѣть наединѣ эти документы.

Они вышли.

Затѣмъ Турецкіе уполномоченные прислали своего драгомана въ сопровожденіи втораго секретаря пригласить нашихъ уполномоченныхъ перейти изъ залы совѣщаній

une chambre autre que celle destinée pour les conférences, ce qui fut fait sans difficulté; et après une conversation particulière d'environ une demie-heure, les plénipotentiaires respectifs rentrèrent dans la salle et la conférence recommençat.

Les plénipotentiaires Ottomans, en faisant mettre sur la table par leur dragoman l'article séparé sur l'indemnisation, ont dit, qu'ils le rendaient parce qu'il avait été abandonné dans les conférences de Galacz sur l'armistice, que dans le protocole Turc il était dit, qu'il y avait eu des pourparlers à ce sujet, après lesquels il avait été abandonné.

Les nôtres après avoir protesté contre leur refus, voulurent savoir, entre qui ces pourparlers ont eu lieu.

Surquoi les Turcs répondirent que c'était entre le prince Repnin et Wassif-Efendi, et que ce n'est qu'après qu'on avait abandonné cet article que l'armistice fut conclue entre les deux empires.

Quand à l'article 6 concernant le Cuban, ils prétendirent, qu'il était entièrement contraire au dernier acte passé entre la Russie et la Porte, et ils proposèrent de procéder à la délibération des autres articles.

Nos plénipotentiaires désirèrent de savoir de quel dernier acte il était question.

Il leur fut répondu de celui de la Crimée conclu en 1783.

De notre côté on leur objectat, que pour ne pas confondre les matières on parlerait d'abord de l'article sur l'indemnisation et qu'ensuite on négocierait sur le reste.

въ другую комнату, что и было безпрекословно исполнено. Послѣ частнаго совѣщанія, продолжавшагося около получаса, уполномоченные обѣихъ сторонъ вернулись въ залу и конференція началась.

Оттоманскіе уполномоченные, велѣвъ своему драгоману положить на столъ сепаратную статью о вознагражденіи, сказали, что возвращаютъ ее, такъ какъ она была устранена на конференціяхъ въ Галацѣ о заключеніи перемирія; что въ Турецкомъ протоколѣ было сказано, что послѣ происходившихъ объ этомъ переговоровъ. статья была устранена.

Наши, протестовавъ противъ ихъ отказа, пожелали узнать, между кѣмъ происходили эти переговоры.

Турки отвѣчали, что между княземъ Репнинымъ и Вассифъ-Ефенди, и что перемиріе между обѣими имперіями было заключено лишь послѣ того, какъ эта статья была устранена.

Касательно же 6-й статьи, о Кубани, они утверждали, что она совершенно противорѣчитъ послѣднему акту, заключенному между Россіей и Портой, и поэтому предлагали перейти къ обсужденію другихъ статей.

Наши уполномоченные пожелали узнать, о какомъ послѣднемъ актѣ говорилось.

Имъ отвѣчали, что о Крымскомъ, заключенномъ въ 1783 году.

Наши возразили, что, не желая смѣшивать вопросовъ, они предлагаютъ говорить сначала о статьѣ вознагражденій, а потомъ обсуждать остальное.

Les plénipotentiaires Turcs y consentirent.

La dessus les nôtres continuèrent, que malgré qu'il ajoutaient foi au contenu du protocole Turc, puisque leurs excellences le disaient, il ne saurait leur servir d'autorité ni d'argument, vû que la même chose ne se trouvait pas dans celui du prince Repnin; que d'ailleurs ils étaient informés que quand Wassif-Efendi fut envoyé auprès du prince Repnin, il lui demandat, s'il avait un pleinpouvoir, et que le prince lui déclarat solennellement, qu'il n'en avait point; mais qu'il était simplement muni des ordres du feu prince maréchal de n'entrer en aucun pourparler avant que les préliminaires de la paix ne fussent acceptés et signés.

Les plénipotentiaires Turcs voulurent savoir: quels étaient nommément les ordres donnés au prince Repnin.

Il leur fût répondu par les nôtres: qu'ils contenaient uniquement les trois premiers articles énoncés dans les préliminaires, savoir:

1° La confirmation du Traité de Kainardji et de tous les actes et conventions passés depuis entre les deux empires.

2° De la nouvelle frontière jusqu'au Dniester, et

3° De la rentrée de la Moldavie et de la Wallachie sous la domination Turque avec des conditions favorables pour elles.

Wassif-Efendi, en convenant sur le premier et le second articles, dit que

---

Турецкіе уполномоченные на это согласились.

Затѣмъ наши сказали, что хотя вполнѣ вѣрятъ содержанію Турецкаго протокола, такъ какъ слышатъ объ этомъ отъ ихъ превосходительствъ, но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ служить для нихъ ни авторитетомъ, ни доказательствомъ, и что въ протоколѣ князя Репнина совсѣмъ не то говорится; сверхъ того имъ извѣстно, что когда Вассифъ-Ефенди, присланный къ князю Репнину, спросилъ его, имѣетъ ли онъ полномочіе, князь торжественно заявилъ, что полномочій онъ не имѣетъ, а снабженъ просто приказаніями покойнаго князя фельдмаршала не входить ни въ какіе переговоры прежде, чѣмъ будутъ приняты и подписаны предварительныя условія мира.

Турецкіе уполномоченные спросили, въ чемъ именно заключались приказанія, данныя князю Репнину.

Наши отвѣчали, что они заключали въ себѣ единственно три первыя статьи, поименованныя въ предварительныхъ условіяхъ, а именно:

1, подтвержденіе Кайнарджійскаго договора и всѣхъ актовъ и конвенцій, заключенныхъ съ того времени между обоими государствами,

2, о новой границѣ у Днѣстра, и

3, о возвращеніи Молдавіи и Валахіи подъ власть Турокъ, на выгодныхъ для первыхъ условіяхъ.

Вассифъ-Ефенди, соглашаясь съ двумя первыми статьями, сказалъ, что по-

le dernier contenait des expressions trop vagues par rapport aux conditions favorables à accorder à la Moldavie et à la Wallachie, et qu'il désirait, qu'on exprimât, que ces conditions seraient les mêmes que celles accordées par le Traité de Kainardji.

Le prince Repnin y consentit.

Wassif-Efendi, selon les instructions qu'il disait avoir, parlat de forteresses, d'une lisière le long du Dniester et de différentes choses; entre autres il fit mention lui même le premier d'une indemnisation.

Le prince Repnin lui signifiat, que n'ayant ordre que de traiter sur les trois susdits points, il ne pouvait rien répondre sur les autres et qu'il les remettait aux conférences des plénipotentiaires.

Après quoi un de nos plénipotentiaires, pour achever de les persuader, leur donnat sa parole d'honneur, que tout ce qu'on venait de leur avancer, était d'autant plus vrai qu'il en avait été témoin lui-même.

Malgré tout cela les plénipotentiaires Turcs soutinrent, que dans le protocole envoyé au grand vizir de la part de Wassif-Efendi, il était positivement marqué, que le prince Repnin avait répondu, que cet article était abandonné.

Un de nos plénipotentiaires répliquat: que ce n'est pas nous qui avons dicté ni écrit ce protocole et qu'encore une fois, il ne saurait nous servir d'autorité ni d'argument; que nous ne pouvons pas reprendre cet article; que nous

---

слѣдняя заключаетъ въ себѣ слишкомъ неопредѣленныя выраженія относительно выгодныхъ для Молдавіи и Валахіи условій, и желалъ, чтобы было обозначено, что эти условія будутъ тѣ же, какія имъ были предоставлены по Кайнарджійскому договору.

Князь Репнинъ на это согласился.

Вассифъ-Ефенди, ссылаясь на данныя ему, по его словамъ, инструкціи, говорилъ о крѣпостяхъ, о границѣ вдоль Днѣстра, и многомъ другомъ; между прочимъ самъ же онъ, первый, упомянулъ о вознагражденіи.

Князь Репнинъ отвѣчалъ, что, слѣдуя приказанію обсуждать только три первыя вышеупомянутыя статьи, не можетъ ничего сказать о другихъ, и представляетъ ихъ обсужденію конференціямъ уполномоченныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ *), желая окончательно убѣдить ихъ, далъ имъ честное слово, что все то, о чемъ имъ только что говорилось, тѣмъ болѣе достовѣрно, что онъ самъ былъ тому свидѣтелемъ.

Не смотря на то, Турецкіе уполномоченные настоятельно утверждали, что въ протоколѣ, посланномъ великому визирю отъ Вассифа-Эффенди, было положительно выражено, что князь Репнинъ сказалъ, что эта статья устранена.

Одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ возразилъ, что мы не диктовали и не писали этого протокола, и что для насъ онъ не можетъ служить ни авторитетомъ, ни

---

*) На подлинномъ рукою гр. Безбородки помѣчено: „Это былъ генералъ Рибасъ“.

es prions de donner par écrit leurs remarques la dessus; et que nous n'avons pas crû, que cet article rencontrerait un aussi violent obstacle de la part de leurs excellences.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent, que cet article n'était point lun article de paix et qu'ils le laissaient sur la table, n'ayant rien à dire là-dessus et le regardant comme non avenu.

Les nôtres leur observèrent, qu'à tous les traités de paix on ajoutait des articles séparés, qu'ainsi ils le regardaient déjà comme étant entre leurs mains, et vû qu'il leur a été remis par écrit et dans la conférence ils doivent donner leur réponse de la même manière.

Les Turcs s'obstinèrent à vouloir laisser le papier sur la table, soutenant toujours avec entêtement, que cet article avait déjà été une fois abandonné; mais promirent cependant d'y faire leurs observations par écrit.

Nos plénipotentiaires, persistant avec fermeté de vouloir regarder le dit article entre les mains des ministres Ottomans, ajoutèrent, qu'ils pouvaient en faire après ce que bon leur semblerait.

Les plénipotentiaires Turcs insistèrent toujours avec rigueur de regarder le susdit article comme étranger au corps du Traité de Paix.

Les nôtres leur prouvaient, qu'ils avaient tort de s'entêter là-dessus, disant, que le Traité de Sistow et tant d'autres en fournissaient des exemples; et qu'il n'était pas convenable de leur part d'employer dans une négociation so-

---

доказательствомъ, что мы не можемъ взять эту статью обратно, а просимъ ихъ дать свои замѣчанія на нее письменно, что мы не ожидали встрѣтить относительно этой статьи такого сильнаго сопротивленія со стороны ихъ превосходительствъ.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали, что такъ какъ это не есть статья мирнаго договора, то они и оставляютъ ее на столѣ, не имѣя ничего сказать по поводу ея и считая ее несостоявшеюся.

Наши имъ замѣтили, что ко всѣмъ мирнымъ договорамъ всегда присоединяются сепаратныя статьи; что они смотрятъ на нее какъ на бывшую уже въ ихъ рукахъ, и такъ какъ она передана имъ письменно и на конференціи, то они обязаны дать такимъ же образомъ и свой отвѣтъ на нее.

Турки настаивали на томъ, чтобы оставить статью на столѣ, упрямо повторяя, что эта статья уже была однажды устранена; однако обѣщали дать письменный отвѣтъ на нее.

Наши уполномоченные, твердо настаивая на томъ, чтобы сказанная статья осталась въ рукахъ Оттоманскихъ уполномоченныхъ, прибавили, что потомъ они могутъ поступить съ нею какъ имъ будетъ угодно.

Но Турецкіе уполномоченные не отступали отъ своего мнѣнія, что сказанная статья не входитъ въ составъ мирнаго договора.

Наши доказывали имъ, что они напрасно упрямятся и говорили, что какъ Систовскій договоръ, такъ и многіе другіе могутъ служить въ этомъ примѣромъ; что

lennelle un procédé également contraire à toute forme usitée en pareilles occasions, qu'aux égards que l'on se doit réciproquement.

Les ministres Ottomans reprirent, qu'ils continuaient toujours de regarder ces deux articles comme non avenus; qu'ils y répondraient cependant par écrit et qu'ils fixeraient le jour pour la prochaine conférence, afin de négocier sur les autres articles.

Nos plénipotentiaires continuèrent; que, comme leurs excellences s'étaient engagés de leur répondre par écrit sur l'article concernant les peuples au delà du Cuban et qu'elles leur avaient observé préalablement, que cet article était contraire à l'acte sur la Crimée passé entre les deux empires en 1783, en attendant cette réponse, ils leur observeront aussi préalablement, que l'impératrice avait fait dans le courant de cette guerre des conquêtes de forteresses, de villes, de peuplades entières au delà du Cuban; qu-il n'était point dit dans cet article, que sa majesté impériale voulut étendre ses frontières; mais qu'il y est nommément exprimé, que le Cuban resterait comme frontière entre l'empire de Russie et ces peuples; qu'à l'occasion de ces conquêtes ces peuples avaient prêté le serment d'obéissance, de fidélité et de vasselage; que l'impératrice, sur le rapport qui lui en a été fait, les avait absoues du dit serment, en les laissant libres complétement; que sa majesté impériale n'exigeait par cet article de la Porte Ottomane que de la réciprocité, pour qu'elle les reconnaisse libres et indépendans, comme l'impératrice l'a fait elle-même, car elle ne garde rien au delà du Cuban.

этотъ образъ дѣйствій въ такомъ важномъ дѣлѣ одинаково противится, какъ обще принятымъ въ подобныхъ случаяхъ формамъ, такъ и тому уваженію, которымъ обѣ обязаны другъ другу.

На это Оттоманскіе уполномоченные снова возразили, что по прежнему считають эти двѣ статьи несостоявшимися, но дадутъ на нихъ письменный отвѣтъ и назначатъ день для будущей конференціи, чтобы обсуждать другія статьи.

Наши уполномоченные сказали затѣмъ, что такъ какъ ихъ превосходительства обязались отвѣтить имъ письменно на статью, относящуюся къ народамъ за Кубанью, заявивъ предварительно, что статья эта противорѣчитъ Крымскому акту, заключенному между обѣими имперіями въ 1783 г., то, въ ожиданія ихъ отвѣта, они, въ свою очередь, предварительно имъ замѣтятъ, что императрица въ продолженіи этой войны покоряла крѣпости, города и цѣлыя племена за Кубанью; что въ статьѣ вовсе не было сказано о желанія ея величества расширить свои предѣлы, но ясно выражено, что Кубань будетъ служить границей между Русской имперіей и этими народами; что вслѣдствіе этихъ завоеваній, эти народы присягнули ея величеству въ повиновеніи, вѣрности и подданствѣ, но императрица въ отвѣтъ на представленный ей объ этомъ рапортъ, разрѣшила ихъ отъ этой присяги, предоставивъ имъ полную свободу; что вышеупомянутой статьей ея императорское величество требовала отъ Оттоманской Порты только взаимнаго признанія за этими народами той же свободы и независимости, какія и она сама признала за ними, такъ какъ не оставляетъ за собой ничего изъ Закубанскихъ земель.

Les plénipotentiaires Turcs dirent là dessus, qu'ils allaient confirmer tous les anciens actes passés entre les deux empires, et nommément celui sur la Crimée, dans lequel il était expressément dit, que l'impératrice se désistait de tous les droits sur cette partie du Cuban; que sa majesté impériale, en dégageant ces peuples du serment de fidélité, l'avait fait dans l'intention de suivre l'engagement contracté par le dit acte de 1783, et que par conséquent cet article devenait contradictoire.

Après quoi les nôtres repliquèrent; qu'il ne leur appartenait point d'interpréter les intentions des souverains; mais que pour justifier celle de l'impératrice ils leur devaient observer, que dans le temps qu'elle expédiait les ordres par lesquels elle affranchissait ces peuples, elle ignorait absolument la signature des préliminaires; qu'alors sa majesté impériale se trouvait dans la véritable possesion de tous ces pays, qu'elle était maîtresse absolue d'Anape, de Sudjuck-Kalé etc., que c'était par le principe de magnanimité et de grandeur d'âme, qu'elle les avait absoues de leur serment, non pour les mettre sous le joug d'une autre puissance; mais pour les rendre libres et heureux, afin de les engager par là à la reconnaissance qui les empêcherait de faire des incurrsion sur le territoire Russe, comme ils le faisaient autrefois, et de les faire servir de frontière à ses états.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: qu'ils s'en tenaient aux traités existans entre les deux empires; mais qu'il ne savaient pas...

Турецкіе уполномоченные въ отвѣтъ на это сказали, что подтвердятъ всѣ прежніе акты, заключенные обѣими имперіями, а именно Крымскій актъ, въ которомъ обращено особое вниманіе на то, что императрица отказывается отъ всякихъ правъ на эту часть Кубани; что ея императорское величество, освобождая эти народы отъ клятвы въ вѣрности, сдѣлала это съ цѣлью исполнить обязательство, данное актомъ 1783 г.; слѣдовательно, эта статья заключаетъ въ себѣ противорѣчіе.

Наши отвѣчали, что имъ вовсе не подобаетъ истолковывать намѣренія монарховъ, но въ оправданіе мотивовъ императрицы, они должны замѣтить ихъ превосходительствамъ, что когда она издала указъ объ освобожденіи вышеупомянутыхъ народовъ, ей былъ совершенно неизвѣстенъ фактъ подписи предварительныхъ условій. Въ то время ея императорское величество была полной владѣтельницей этихъ земель, равно какъ Анапы, Суджукъ-Кале [Сухумъ-Кале] и др.; что она освободила ихъ отъ данной присяги, руководясь единственно благородствомъ и великодушіемъ, но вовсе не для того, чтобы подчинить ихъ игу какой нибудь другой державы. Намѣреніе ея величества было дать имъ свободу и счастье, и тѣмъ получить права на ихъ признательность, которая не допустила бы ихъ вторгаться въ предѣлы Россіи, какъ это они дѣлали прежде, и образовать, такимъ образомъ, изъ земель ихъ границу своихъ владѣній.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали, что придерживаются существующихъ между обѣими имперіями договоровъ, но не знали...

(Ici le dragoman Turc a été interrompût par un regard subit du Reis-Efendi).

Nos plénipotentiaires, afin de les engager à prendre l'article séparé en question et de les y faire répondre par écrit, pour dernier effort leur firent entendre avec une éspèce de ressentiment, que de ne pas le garder entre leurs mains, serait choquer l'usage et la bienséance qui se pratiquaient en pareilles occasions et que cela pourait mettre de la froideur dans les conférences qui avaient été si amicales jusqu'à ce moment.

Les Turcs dirent, qu'ils ne voulaient pas le prendre et qu'ils le regardaient comme non avenu.

Là dessus les plénipotentiaires Turcs ayant fait le mouvement de se lever, les nôtres saisirent ce moment pour quitter brusquement leurs places; ils leur tournèrent le dos et s'en allèrent les premiers, sans les avoir salués.

Le papier contenant l'article séparé en question restat sur la table.

Protocole de la 2-de conférence du 13 Novembre.

Puisqu'à la 1-re conférence on s'était séparé sans fixer le jour pour la seconde, nos plénipotentiaires la firent proposer aux plénipotentiaires Turcs pour le 13, c'est à dire pour jeudi. Ils y consentirent. On la fixa pour ce jour, et elle fut commencée à onze et fini à une heure après-midi.

Тутъ Турецкаго драгомана остановилъ внезапный взглядъ Рейсъ-Ефенди.

Наши уполномоченные, чтобы заставить ихъ взять сепаратную статью, о которой шла рѣчь, и получить на нее письменный отвѣтъ, употребили послѣднее усиліе: они съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ дали имъ замѣтить, что не оставить у себя сказанной статьи, значитъ нарушить обычай, и всякія правила приличія, всегда соблюдаемыя въ подобныхъ случаяхъ, что это можетъ поселить нѣкоторую холодность на конференціяхъ, имѣвшихъ доселѣ столь дружелюбный характеръ.

Турки повторили, что не возьмутъ статьи и считаютъ ее несостоявшеюся.

При этомъ они поднялись; наши, воспользовавшись минутой, быстро встали съ своихъ мѣстъ, и, повернувшись спиной къ Турецкимъ министрамъ, ушли первые, не поклонившись.

Сепаратная статья осталась на столѣ.

Протоколъ 2-й конференціи, 13 ноября.

Такъ какъ на первой конференціи разошлись, не опредѣливъ дня второй, то наши уполномоченные предложили Турецкимъ назначить ее на 13-е число, т. е. въ Четвергъ. Тѣ на это согласились. Ее назначили на этотъ день, и она началась въ одиннадцать, а кончилась въ часъ по полудни.

A l'entrée des plénipotentiaires Turcs dans la salle des conférences pendant tout le temps qu'on servait, selon l'usage turc, les rafraîchissemens, les nôtres pour soutenir la froideur, à laquelle les plénipotentiaires Ottomans avaient donné lieu dans la conférence précédente, ont jugé à propos de garder un morne silence, et de ne leur faire aucune prévenance ni politesse usitées ordinairement dans ce court intervalle et même après la sortie de la suite turque; nos plénipotentiaires s'obstinèrent à garder ce froid silence pendant plusieurs minutes, jusqu'à ce que l'inquiétude des Turcs ne les ait forcés de le rompre par la proposition de procéder à l'examen des articles.

C'est l'article 1-r sur l'armistice qui fut mis en délibération de leur part. Ils annoncèrent, qu'étant déjà convenus, dans une des conférences précédantes sur les sens de cet article ils n'y avaient porté que quelques changemens dans les mots.

Il fût répondu par nos plénipotentiaires, qu'on s'en tient droit au consentement sur ce sujet de son excellence le Reis-Efendi lui-même; qu'on regardait cet article comme convenu et arrêté et que par conséquent de notre côté on n'y ferait aucun changement.

Les Turcs repliquèrent, qu'à la vérité on était convenu du sens de l'article; mais qu'il fallait encore convenir des mots.

Les nôtres s'y prêtèrent et aussitôt les dragomans respectifs commencèrent a confrontation de l'article dans les trois langues.

При входѣ Турецкихъ уполномоченныхъ въ залу совѣщаній, во все время, когда по Турецкому обычаю подавались напитки и сласти, наши, чтобы поддержать то охлажденіе, поводъ къ которому подали Турецкіе уполномоченные на прошлой конференціи, сочли умѣстнымъ хранить суровое молчаніе и не выказывать имъ никакой предупредительности и любезности, обыкновенно принятыхъ во время этого краткаго промежутка; даже послѣ удаленія Турецкой свиты, наши уполномоченные въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ продолжали хранить это холодное молчаніе, пока безпокойство Турокъ не заставило ихъ прервать его предложеніемъ приступить къ разсмотрѣнію статей.

Съ ихъ стороны была внесена 1-ю статья о перемиріи. Они объявили, что, придя уже къ соглашенію, на одной изъ предшествовавшихъ конференцій, относительно смысла этой статьи, они сдѣлали въ ней лишь нѣкоторыя измѣненія въ словахъ.

Наши уполномоченные отвѣчали, что будутъ руководствоваться изъявленіемъ на нее согласія его превосходительства, самаго же Рейсъ-Ефенди, что эта статья будетъ считаться конченной и рѣшенной, и что по этому съ нашей стороны въ ней не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій.

Турки возразили, что въ дѣйствительности соглашеніе послѣдовало лишь относительно смысла статьи, но что слѣдовало еще уговориться относительно словъ.

Наши согласились, и тотчасъ же драгоманы обѣихъ сторонъ стали сличать статью на трехъ языкахъ.

La première remarque était touchant les mots russes: преемникъ и наслѣдникъ, rendus en français par ceux de successeur et héritier au trône, où ils supposaient un pléonasme, mais après qu'on leur eut prouvé, qu'ils n'étaient point synonimes, on passa outre.

Les plénipotentiaires Turcs touchèrent au mot; en vertu employé dans la phrase: en vertu du renouvellement d'une amitié sincère etc. Ils proposèrent en sa place le mot: en considération; mais après ils consentirent à laisser le premier.

Une discussion bien plus intéressante que les précédentes fut mise sur le tapis; c'est celle sur les titres de souverains respectifs.

Le dragoman Turc fit une observation, comme venant de sa part, sur le titre de son souverain, en disant, qu'il n'était pas rendu de la même manière dans la traduction française, comme il l'était dans celle faite en langue turque, et demanda qu'on se tint à ce dernier, c'est-à-dire, qu'on préférat le titre de Sa Majesté Impériale le Grand Seigneur Ottoman à celui de Sa Hautesse le Sultan Ottoman.

De notre côté il lui fut répondu, que le mot de Hautesse étant reçu dans la langue française, on s'en était servi dans la traduction: mais que dans l'original russe ce titre se trouvait être tel qu'il était traduit en langue turque; ce qui satisfit parfaitement le dragoman.

Первое замѣчаніе было сдѣлано касательно Русскихъ словъ: преемникъ и наслѣдникъ, которыя были переведены по Французски словами Successeur et Héritier au trône, что они считали плеоназмомъ, но когда имъ было доказано, что это вовсе не синонимъ, то это было оставлено.

Турецкіе уполномоченные коснулись слова: en vertu, употребленнаго въ выраженіи: en vertu du renouvellement d'une amitié sincère и пр., и предложили замѣнить его словомъ en considération; но затѣмъ согласились оставить первое.

Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ гораздо интереснѣе предъидущихъ, именно о титулѣ государей обѣихъ сторонъ.

Турецкій драгоманъ сдѣлалъ замѣчаніе, какъ исходящее отъ него лично, относительно титула своего государя, говоря, что этотъ титулъ не переданъ во Французскомъ переводѣ такъ, какъ на Турецкомъ языкѣ, и требовалъ, чтобы придерживаться послѣдняго, т. е. чтобы титулъ его императорское величество повелитель Оттомановъ предпочитался бы титулу его высочество (Hautesse) Оттоманскій султанъ.

Съ нашей стороны ему отвѣчали, что такъ какъ слово Hautesse принято во Французскомъ языкѣ, то потому и было употреблено въ переводѣ, но что въ Русскомъ подлинникѣ этотъ титулъ переданъ такъ же, какъ и на Турецкомъ языкѣ, что вполнѣ удовлетворило драгомана.

Nos plénipotentiaires exigèrent pour réciprocité, qu'on ajoutat au titre de Sa Majesté Impériale le mot d'Usema, qui veut dire Grande Souveraine.

Les plénipotentiaires Turcs parurent d'abord ne pas y consentir, en disant que pareil titre n'avait point été donné à sa majesté impériale dans le titre de Kainardji; mais quand on leur eut représenté qu'il fallait dans tous les cas observer saintement la réciprocité, ils cédèrent et l'on s'empressa d'insérer dans l'article ce titre de Sa Majesté Impératrice et Grande Souveraine de toutes les Russies.

Et pour écarter toute discussion inutile sur des mots, nos plénipotentiaires leur observèrent, que la langue turque étant si riche, chaque mot pourrait prêter à des disputes et à des interprétations et qu'il était impossible d'y trouver des synonimes parfaits dans le français; c'est pourquoi ils s'étaient déterminés de se tenir tant que l'on pourrait aux mêmes mots déjà préalablement employés dans le texte turc du Traité de Kainardji.

Les plénipotentiaires Turcs y consentirent volontier, en ajoutant, qu'ils ne faissaient ces remarques, qu'afin que la traduction du traité soit faite avec élégance et le plus exactement possible dans les trois langues.

Il fût proposé par les nôtres d'échanger chaque article réciproquement signé par les plénipotentiaires avec sa traduction, aussitôt qu'il en aura été convenu, et qu'on commencerait les conférences par cet échange.

Наши уполномоченные потребовали на основаніи взаимности, чтобы къ титулу ея императорскаго величества было прибавлено слово: усема, что означаетъ великая государыня.

Турецкіе уполномоченные, повидимому, сначала на это не соглашались, говоря, что въ Кайнарджійскомъ договорѣ вовсе не было дано такого титула ея императорскому величеству, но когда имъ представили, что необходимо во всемъ свято соблюдать взаимность, то они уступили, и въ статью тотчасъ же былъ включенъ этотъ титулъ: ея величество императрица и великая государыня всея Россіи.

А чтобы устранить всякій безполезный споръ о словахъ, наши уполномоченные имъ замѣтили, что такъ какъ Турецкій языкъ столь богатъ, то каждое слово можетъ дать поводъ къ спорамъ и толкованіямъ, и что не возможно найти точные синонимы во Французскомъ языкѣ, то поэтому они рѣшились придерживаться по возможности тѣхъ терминовъ, какіе первоначально были употреблены въ Турецкомъ текстѣ Кайнарджійскаго договора.

Турецкіе уполномоченные охотно на это согласились, присовокупивъ, что они сдѣлали эти замѣчанія лишь потому, чтобы переводъ договора былъ сдѣланъ изящно и какъ можно точнѣе на всѣхъ трехъ языкахъ.

Наши предложили обмѣниваться каждой статьей, обоюдно подписанной уполномоченными, вмѣстѣ съ переводомъ, какъ только по оной послѣдуетъ соглашеніе и начинать конференціи этимъ обмѣномъ.

*

Les plénipotentiaires Turcs furent satisfaits de cette proposition et on en convint respectivement, ainsi que de tout le contenu de l'article 1-r.

Après quoi on procéda à l'examen de l'article 2.

Les Turcs commencèrent par argumenter sur les mots tels que celui de la convention explicatoire. Ils désirèrent de savoir la raison pour laquelle on avait donné cette dénomination à cet acte. Et quand on leur eut dit, que cette dénomination lui fut donnée à Constantinople, où l'acte avait été conclu, ils passèrent outre.

Ici parmis les actes mentionnés en l'article 2 dans la dénomination de l'acte de l'incorporation de la Crimée, du Taman et du Cuban à l'empire de Russie, l'expression de l'incorporation parut les avoir choqués. Ils prétendirent qu'on devait simplement le nommer acte sur la Crimée de 1783, puisqu'on le connaissait chez eux sous ce titre.

Les nôtres semblèrent être étonnés des difficultés qu'ils apportaient sur une dénomination aussi juste et fondée sur la nature des choses mêmes, en tant qu'il était question dans cet acte et de la Crimée et du Taman et du Cuban et que cette dénomination était d'autant plus essentielle et indispensable, qu'il fallait absolument pour la solidité d'une paix qui doit être éternelle, écarter toute espèce d'équivoque et de malentendu; que dans la traduction il leur était indifférent, qu'on fit quelques changements dans les mots; mais quand à ceux qui expriment les choses, qu'ils n'y changeraient pas une seule syllabe

---

Турецкіе уполномоченные были довольны этимъ предложеніемъ; обѣ стороны на это согласились, равно какъ и относительно содержанія всей 1-й статьи.

Затѣмъ приступлено къ разсмотрѣнію 2-й статьи.

Турки заспорили относительно такихъ словъ, какъ напр. пояснительная конвенція. Они пожелали знать, на какомъ основаніи было присвоено такое названіе этому акту. Но когда имъ было сказано, что это названіе дали ему въ Константинополѣ, гдѣ этотъ актъ былъ заключенъ, то они оставили этотъ вопросъ.

Въ числѣ актовъ, упомянутыхъ во 2-й статьѣ, въ названіи акта о присоединеніи Крыма, Тамани и Кубани къ Русской имперіи, выраженіе о присоединеніи видимо имъ не понравилось. Они утверждали, что слѣдовало его просто назвать актомъ о Крымѣ 1783 г., такъ какъ у нихъ онъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ.

Наши выразили удивленіе по поводу дѣлаемыхъ имъ возраженій относительно названія столь вѣрнаго и основаннаго на существѣ самаго дѣла, такъ какъ въ этомъ актѣ говорится о Крымѣ, о Тамани и о Кубани, и что это названіе тѣмъ болѣе существенно и необходимо, что для прочности мира, который долженъ быть вѣчнымъ, непремѣнно слѣдуетъ устранить всякое двусмысліе и недоразумѣніе; что для нихъ безразлично, сдѣлаютъ-ли въ переводѣ нѣкоторыя измѣненія въ словахъ, но что касается словъ, выражающихъ сущность дѣла, то они не измѣнятъ въ нихъ ни одной іоты.

Les plénipotentiaires Turcs se virent obligés d'avouer la véritable raison pour laquelle ils attaquèrent cette dénomination, et ils dirent, qu'ils parleraient franchement.

Que cette article ne consistant que dans l'incorporation de la Crimée et du Taman, et dans la démarcation de la frontière par la rivière du Cuban, ils désiraient que le sens de cette dénomination ne dise rien de plus.

Ils ajoutèrent de plus, qu'il était positivement dit dans le texte en leur langue, que la rivière du Cuban servirait de frontière, et que l'impératrice renonçait à tous les peuples qui demeurent au delà de cette rivière; que parconséquent le mot de l'incorporation du Cuban étant trop général et trop vague il fallait en chercher un plus convenable à la chose.

Ici ils proposèrent de nommer cet acte: acte de l'incorporation de la Crimée et du Taman et de la rivière du Cuban servant de frontière à l'empire de Russie.

Les plénipotentiaires Russes y consentirent en ajoutant, qu'ils ne prétendaient point de glisser dans les actes des mots qui pourraient prêter à des équivoques; que le bût de sa majesté impériale était de consolider avec la sublime Porte Ottomane une paix éternelle; et qu'ils n'avaient nulle intention de se ménager aucun mot qui aurait pu par la suite les autoriser à quelque prétention injuste et qui pourrait troubler la parfaite intimité et l'inalterable amitié que sa majesté l'impératrice se propose d'établir à jamais avec sa majesté impériale le grand seigneur.

Турецкіе уполномоченные были вынуждены открыть настоящую причину, по которой они возстали противъ этого названія и заявили, что они выскажутся откровенно.

Что такъ какъ въ этой статьѣ говорится лишь о присоединеніи Крыма и Тамани, и о демаркаціи границы рѣкою Кубанью, то они желаютъ, чтобы смыслъ этого названія не выражалъ бы собою ничего больше.

Кромѣ того они прибавили, что такъ какъ въ текстѣ на ихъ языкѣ положительно сказано, что рѣка Кубань будетъ служить границею, и что императрица отказывается отъ всѣхъ народовъ за этой рѣкой; что потому выраженіе о присоединеніи Кубани—слишкомъ обще и неопредѣленно, и необходимо подъискать другое, болѣе соотвѣтственное выраженіе.

Тутъ они предложили назвать его актомъ о присоединеніи Крыма и Тамани и рѣки Кубани, составляющей границу Русской имперіи.

Русскіе уполномоченные на это согласились, присовокупляя, что они вовсе не намѣрены вставлять въ акты такія слова, которыя могли бы пораждать двусмысліе; что цѣль ея императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобы упрочить вѣчный миръ съ высокой Оттоманской Портой; что они вовсе не намѣрены выгораживать себѣ какое нибудь слово, которое впослѣдствіи могло бы имъ дать право на какое нибудь несправедливое притязаніе и нарушить искренній союзъ и непоколебимую дружбу, которыя ея величество императрица предполагаетъ упрочить навсегда въ отношеніи его императорскаго величества султана.

A ces mots la joie brillait sur les physionomies des plénipotentiaires Turcs; toute leur contenance prouvait la satisfaction intérieur que ces assurances excitèrent en eux. Ils confirmèrent aussitôt les expressions sur lesquelles ils avaient fait des difficultés. Ils ne désirèrent plus autre chose, qu'on permit d'insérer pour la clarté dans les actes, les dates turques avec les dates russes.

On en convint ainsi que de tout l'article 2 en général, en réitérant, qu'on l'échangerait avec le premier dans la conférence prochaine qui fut fixée à après demain samedi le 15 Novembre.

En se quittant nos plénipotentiaires ajoutèrent, que de la manière dont on se prenait de part et d'autre il y avait tout lieu d'espérer que cet ouvrage salutaire et glorieux serait achevé sans tarder.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent, qu'ils étaient venus ici avec ces mêmes espérances.

Ils envoyèrent dire ce même jour dans l'après diner, que voulant expédier un courier au grand vizir, ils priaient nos plénipotentiaires de remettre à lundi 17, la conférence fixée d'abord au samedi 15 de ce mois.

Protocole de la 3-me conférence du 17 Novembre.

Elle fut commencée à onze et finie à trois heures et demie après midi.

A l'ouverture de la conférence nos plénipotentiaires, d'après la convention

---

При этихъ словахъ радость засіяла на лицѣ Турецкихъ уполномоченныхъ и весь ихъ видъ обнаруживалъ внутреннее довольство, возбужденное въ нихъ этими увѣреніями. Они тотчасъ утвердили тѣ выраженія, противъ которыхъ они прежде возражали. Они желали только, чтобы имъ было дозволено, для большей ясности актовъ, помѣчать Турецкое времясчисленіе вмѣстѣ съ Русскимъ.

На это согласились, равно какъ и относительно всей вообще 2-й статьи, повторяя, что обмѣняются ею, а также и 1-ю статьею на слѣдующей конференціи, которая назначена на послѣзавтра, въ Субботу, 15 ноября.

При разставаньи, наши уполномоченные прибавили, что, по образу дѣйствія обѣихъ сторонъ, можно вполнѣ надѣяться кончить безъ замедленія это полезное и славное дѣло.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали, что они явились сюда воодушевляемые той же надеждой.

Въ тотъ же день въ послѣ обѣденное время они прислали сказать, что, желая отправить курьера къ великому визирю, они просятъ нашихъ уполномоченныхъ отложить конференцію до Понедѣльника, 17 числа, которая сначала была назначена на Субботу, 15 числа сего мѣсяца.

Протоколъ 3-й конференціи, 17 ноября.

Начата въ одиннадцать, окончена въ три часа тридцать минутъ по полудни.

При открытіи конференціи, наши уполномоченные, согласно условію на прошлой

faite dans la précédente, proposèrent l'échange des deux articles déjà arrêtés. Ils furent confrontés, signés et échangés de part et d'autre.

Après quoi on procéda à l'examen de l'article 3.

Il fut demandé de notre côté, si les plénipotentiaires Turcs n'avait point quelques observations à faire sur la traduction.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: que quoique cet article ait été décidé par les préliminaires, ils déclaraient, qu'ils avaient des ordres de son altesse le grand vizir de faire des réquisitions amicales pour la sûreté réciproque des deux empires, ajoutant que lors de la signature des préliminaires il y avait eu des pourparlers à ce sujet, et que le prince Repnin avait promis, qu'on aurait égard à ces réquisitions; qu'ainsi il faisaient consister cette sûreté réciproque dans la possession par la sublime Porte de quelque terrain de l'autre côté du Dniester.

Les nôtres repliquèrent, qu'ils étaient disposés à se prêter à tout ce qui pourrait contribuer à la sûreté réciproque, déclarant toutefois, que le prince Repnin avait dit alors à Wassif-Efendi, que ses ordres n'étaient point arbitraires, et que par conséquent ayant été choisis pour la confection du traité de paix, ils ne pouvaient point se départir d'un seul mot de ce qui était dit dans les préliminaires et dans l'ultimatum de sa majesté impériale qui portent qu'irrévocablement la frontière de l'empire de Russie s'étende jusqu'au Dniester; ce qui fera que tout le côté gauche de cette rivière appartiendra en en-

---

конференціи, предложили обмѣнъ обѣихъ, уже рѣшенныхъ, статей. Онѣ были сличены, подписаны и обмѣнены сторонами.

Затѣмъ приступлено къ разсмотрѣнію 3-й статьи.

Съ нашей стороны былъ предложенъ вопросъ, не пожелаютъ ли Турецкіе уполномоченные сдѣлать какія либо замѣчанія относительно перевода.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали: что хотя эта статья постановлена предварительными условіями, но они заявляютъ, что имѣютъ приказанія его свѣтлости великаго визиря сдѣлать дружескія представленія, клонящіяся къ взаимной безопасности обѣихъ имперій и прибавили, что при подписываніи предварительныхъ условій, велись касательно этого переговоры, и что князь Репнинъ обѣщалъ, что эти представленія будутъ приняты во вниманіе, что они находятъ, что эта обоюдная безопасность заключается въ обладаніи Высокою Портою извѣстной территоріи по другой сторонѣ Днѣстра.

Наши возразили, что они готовы подчиняться всему, что можетъ способствовать взаимной безопасности, но заявляютъ, что князь Репнинъ сказалъ тогда Вассифу-Ефенди, что его приказанія вовсе не произвольны; что поэтому они, будучи избраны для составленія мирнаго договора, не могутъ поступиться ни единымъ словомъ изъ того, что сказано въ предварительныхъ условіяхъ и ультиматумѣ ея императорскаго величества, которые гласятъ, что граница Россійской имперіи простирается неизмѣнно до Днѣстра, такъ что весь лѣвый берегъ этой рѣки всецѣло будетъ принад-

tier à la Russie comme le côté droit appartiendra en entier à la Porte Ottomane.

Les plénipotentiaires Turcs objectèrent: que le prince Repnin avait fait espérer à Wassif-Efendi, que l'impératrice ne se refuserait pas de répondre à des réquisitions amicales que la sublime Porte ferait sur cet article, ajoutant que dans le texte turc des préliminaires il était dit, que la frontière s'étendra et non pas qu'elle s'étende jusqu'à ce fleuve.

Ici nos plénipotentiaires remarquèrent, que dans le texte il était nommément dit, que la frontière s'étende et que quand même il y aurait le mot s'étendra, la chose n'en aurait pas moins de force, que d'ailleurs ils ne s'étaient pas assemblés pour chicaner sur les mots, mais pour traiter de l'esprit de la chose.

Les Turcs reprirent, que sans contredit les préliminaires étaient reçus de part et d'autre; mais que le prince Repnin avait dit à Wassif-Efendi, qu'ils pourraient faire des réquisitions amicales sur cet article et qu'ils n'en parlaient ici que pour le contentement et la satisfaction réciproque.

De notre côté il fut répondu, que sa majesté impériale avait toujours des égards aux réquisitions amicales de la sublime Porte; mais que quant à cet article, il n'y avait personne qui peut toucher à ce qui a été arrêté depuis deux ans, convenu dernièrement à Pétersbourg entre les ministres des cours amies de la Porte, ensuite conclu dans les préliminaires et finalement exprimé

лежать Россіи, равно какъ правый берегъ всецѣло будетъ принадлежать Оттоманской Портѣ.

Турецкіе уполномоченные возразили, что князь Репнинъ подалъ надежду Вассифу-Ефенди, что императрица не откажетъ снизойти на дружескія представленія, которыя сдѣлаетъ Высокая Порта относительно этой статьи, и присовокупили, что въ Турецкомъ текстѣ предварительныхъ условій было сказано, что граница будетъ простираться, но не сказано, что она простирается до этой рѣки.

Здѣсь наши уполномоченные заявили, что именно въ текстѣ было сказано, что граница простирается, и что ежели бы было даже употреблено выраженіе будетъ простираться, то все таки дѣло не теряло бы своей силы; что впрочемъ они собрались здѣсь не для того, чтобы придираться къ словамъ, но для обсужденія сущности дѣла.

Турки возразили, что предварительныя условія, безъ сомнѣнія, были приняты обѣими сторонами, но что князь Репнинъ сказалъ Вассифу-Ефенди, что они могутъ дѣлать дружескія заявленія относительно этой статьи, и что они говорятъ здѣсь объ этомъ лишь для взаимнаго удовлетворенія и удовольствія.

Съ нашей стороны отвѣчали, что ея императорское величество всегда относится со вниманіемъ къ дружескимъ заявленіямъ Высокой Порты; но что относительно этой статьи, никто не можетъ перерѣшать того, что уже было рѣшено два года назадъ, условлено недавно въ Петербургѣ между министрами дружескихъ съ

dans les éclaircissemens que leurs excellences avaient reçu de la part du suprême plénipotentiaire, que par conséquent il ne dépendait pas d'eux de s'écarter d'une seule syllabe, ni d'arbitrer sur le contenu de l'article.

La dessus les Turcs proposèrent de la manière la plus éfficace d'établir une sûreté réciproque en leur cédant quelque terrain sur la rive gauche du Dniester.

Les nôtres repliquèrent qu'encore une fois, quand même cela serait un pied de terre, il leur serait impossible d'arbitrer là dessus; qu'il était décidé et arrêté par les préliminaires, que tout ce côté de la rivière devait appartenir à l'empire de Russie en entier; que de notre côté on n'éntendait par les mots de sûreté réciproque, la sûreté du commerce et des biens des sujets respectifs; qu'aussi sa majesté impériale les protégerait et qu'elle espérait, que le grand seigneur en ferait autant sur toutes les limites de deux empires.

Les plénipotentiaires Turcs repartirent, que ce n'était pas le commerce qui faisait la sûreté réciproque; qu'il n'en était que la suite.

Nos plénipotentiaires répondirent qu'ils ne comprenaient donc pas de quelle autre sûreté il pouvait être question, car ces messieurs savaient, que dans le courant des guerres les grands fleuves n'avaient jamais servi d'obstacle aux armées de sa majesté impériale; que ne pouvant plus traiter sur cet article que par manière de conversation particulière et amicale, ils leur obser-

---

Портою дворовъ, затѣмъ включено въ предварительныя условія и окончательно выражено въ разъясненіяхъ, полученныхъ ихъ превосходительствами отъ главноуполномоченнаго; что, слѣдовательно, они не могутъ отъ этого уклоняться ни на одну іоту, ни обсуждать содержаніе статьи.

Турки на это заявили, что самое дѣйствительное средство, для достиженія обоюдной безопасности, состоитъ въ уступкѣ имъ какого нибудь участка земли на лѣвомъ берегу Днѣстра.

Наши возразили, что они повторяютъ еще разъ, что будь это даже пядь земли, имъ нельзя обсуждать этого; что предварительными условіями было рѣшено и постановлено, что весь этотъ берегъ рѣки долженъ всецѣло принадлежать Русской имперіи; что съ нашей стороны, подъ словами взаимная безопасность, подразумѣвается свобода торговли и имущества подданныхъ обѣихъ сторонъ; что поэтому ея императорское величество будетъ имъ покровительствовать и надѣется, что султанъ сдѣлаетъ то же на всѣхъ границахъ обоихъ государствъ.

Турецкіе уполномоченные возразили, что торговля не составляетъ взаимной безопасности, а лишь проистекаетъ изъ нея.

Наши уполномоченные отвѣчали, что они поэтому не понимаютъ, о какой это другой безопасности можетъ быть рѣчь; тѣмъ болѣе, что этимъ господамъ извѣстно, что во время войнъ, большія рѣки никогда не составляли преграды для армій ея императорскаго величества; что такъ какъ они болѣе не могутъ обсуждать этой статьи иначе, какъ лишь въ характерѣ частной и дружеской бесѣды, то замѣтятъ

vaient, qu'une grande rivière étant une limite naturelle entre deux empires, elle n'était point à comparer à une lisière de terrain qui ne pouvait pas être d'une assez grande espace pour servir de sûreté aux sujets respectifs; que d'ailleurs la barrière la plus sûre entre eux doit être le lien indissoluble d'une amitié sincère, mais qu'un fleuve obviérait avec plus de sûreté aux altercations qui surviennent ordinairement entre les peuples trop rapprochés par leur position locale.

Les plénipotentiaires Turcs dirent là dessus, que l'empire de Russie et l'empire Ottoman n'étaient pas à comparer avec les autres; qu'ils étaient trop vastes pour avoir besoin d'épargner l'un et l'autre du terrain; mais qu'on ne cherchait que la sûreté réciproque; qu'ainsi ils espéraient que l'impératrice aurait égard à cette réquisition amicale de là Sublime Porte.

Les nôtres répondirent, qu'on n'avait pas besoin de demander du terrain pour la sûreté réciproque de deux empires, et qu'ils leur répétaient, qu'un fleuve n'était point un assez grand obstacle, mais que pour la sûreté des individus respectifs, habitans limitrophes, il suffirait de donner réciproquement des ordres rigoureux aux gouverneurs et commandans sur les frontières, afin qu'ils veillent à faire toujours regner le bon ordre, la tranquillité et la justice.

Les plénipotentiaires Turcs répliquèrent, qu'ils ne disconvenaient pas, qu'en vertu des préliminaires la Porte abandonnait ce pays à la Russie; mais qu'ils désiraient seulement de trouver un moyen, qui, sans choquer le sens des

---

имъ, что большая рѣка, составляя естественную границу между двумя государствами, не можетъ быть сравниваема съ какимъ нибудь рубежемъ, который не можетъ быть на столько великъ, чтобы обезопасить подданныхъ обѣихъ сторонъ; что хотя надежнѣйшимъ оплотомъ между ими должны служить неразрывные узы искренней дружбы, но что рѣка устранила бы гораздо вѣрнѣе тѣ распри, которыя обыкновенно возникаютъ между народами слишкомъ близкими по своему мѣстному положенію.

Турецкіе уполномоченные на это отвѣтили, что Русское и Оттоманское государства не могутъ быть сравниваемы съ прочими, что они слишкомъ обширны для того, чтобы нуждаться въ сбереженіи земли, что здѣсь они добиваются только взаимной безопасности и потому надѣются, что императрица обратитъ вниманіе на это дружественное представленіе Высокой Порты.

Наши отвѣчали, что для взаимной безопасности обоихъ государствъ нѣтъ надобности испрашивать земли, и что они повторяютъ имъ, что рѣка вовсе не составляетъ такой значительной преграды; что для безопасности лицъ обѣихъ сторонъ, пограничныхъ жителей,—достаточно, чтобы обоюдно были даны строжайшія приказанія губернаторамъ и пограничнымъ начальникамъ заботиться, чтобы всегда царствовалъ порядокъ, спокойствіе и справедливость.

Турецкіе уполномоченные возразили, что они не оспариваютъ того, что въ силу предварительныхъ условій, Порта предоставила этотъ край Россіи, но что они желаютъ только найти какое нибудь средство, которое, не нарушая значенія предва-

préliminaires, peut arranger cette affaire d'une manière amicale, à l'avantage réciproque des deux empires.

Nos plénipotentiaires répondirent, que les expressions de cet article des préliminaires, touchant la cession de ces pays, sont si claires et nettes qu'on ne saurait rien y ajouter ni diminuer.

Les plénipotentiaires Turcs dirent, qu'on pouvait trouver un milieu à toute chose; qu'ils priaient les nôtres de reflêchir encore une fois sur cet article; et qu'étant venus pour la confection de la paix; ils tâcheraient de prouver, avec quelle sincérité ils cherchaient à la conclure.

Les nôtres répondirent: que quant à la sincérité du désir de la paix, ils l'avaient manifesté ainsi que leur loyauté, en remettant à leurs excellences les articles de paix à la fois; qu'elles avaient eu le temps de faire leurs réflexions et de préparer leurs réponses; qu'ils l'avaient fait dans l'intention de ménager le temps et de savoir au juste, ce que l'empire de Russie aurait à attendre de cette négociation; qu'ainsi ils demandaient une réponse précise sans délai, ne pouvant pas s'empêcher de témoigner leur étonnement sur des difficultés qui s'élevaient par rapport à un article déjà accepté et ratifié par la signature du grand vizir.

Les plénipotentiaires Turcs dirent, que puisque les nôtres leur avaient donné tous les articles à la fois, ils y avaient répondu de même.

Il fut répondu de notre côté, que cet article ne souffrait aucune difficulté.

рительныхъ условій, могло бы уладить это дѣло дружественнымъ образомъ, къ обоюдной пользѣ обоихъ государствъ.

Наши уполномоченные отвѣтили, что выраженія въ этой статьѣ предварительныхъ условій, относительно уступки этихъ земель, столь ясны и опредѣленны, что тутъ ничего ни прибавить, ни убавить.

Турецкіе уполномоченные сказали, что во всемъ можно найти средину; что они просятъ нашихъ подумать еще разъ объ этой статьѣ; что, явившись для заключенія мира, они постараются доказать, какъ искренне они желаютъ заключить его.

Наши отвѣчали, что они заявили какъ искреннее желаніе мира такъ и свою прямоту, вручая сразу ихъ превосходительствамъ статьи мира и давъ имъ время обдумать и приготовить свои отвѣты; что они сдѣлали это съ цѣлью сберечь время и навѣрно узнать, чего можетъ ждать Русская имперія отъ этихъ переговоровъ; что поэтому они требуютъ дать безотлагательно опредѣленный отвѣтъ и не могутъ не выразить своего удивленія по поводу возникающихъ затрудненій относительно статьи, уже принятой и ратификованной подписью великаго визиря.

Турецкіе уполномоченные сказали, что какъ наши вручили имъ сразу всѣ статьи, такъ точно и они отвѣтили на нихъ.

Съ нашей стороны быто заявлено, что эта статья не допускаетъ никакихъ возраженій.

*

Les Turcs répliquèrent, qu'ils y réfléchiraient et proposèrent de procéder aux articles subséquents.

Les nôtres dirent, qu'ils ne voyaient pas de raison pour s'écarter de la forme convenue à l'égard d'un article qu'ils croyaient incontestable.

Les plénipotentiaires Turcs reprirent: c'est à dire donc que selon les préliminaires il est regardé comme reçu.

Les nôtres répondirent, qu'ils déclaraient à leurs excellences qu'ils l'avaient toujours regardé comme tel dans toute sa force, dans toute l'étendue du sens et des mots et qu'ils ne passeraient pas à la discussion des autres articles que préalablement celui-ci n'ait reçu les mêmes formes que les deux articles précédens.

Les Turcs répliquèrent, qu'ils avaient proposé un milieu pour l'arrangement de cette affaire; mais puisqu'ils trouvaient de l'opposition, ils demandaient à passer à l'article sur les fortifications.

Les nôtres soutinrent avec fermeté ce qu'ils avaient avancé.

Là dessus les plénipotentiaires Turcs demandèrent à passer dans une autre chambre pour déliberer entre eux sur l'article en question.

Ils y allèrent.

En rentrant les plénipotentiaires Turcs dirent, qu'ils déclaraient avec beaucoup de franchise, que le grand vizir, d'après l'amitié qui le liait au feu prince maréchal, avait conçu des espérences, qu'une partie du terrain au delà

Турки отвѣтили, что они подумаютъ и предложили перейти къ послѣдующимъ статьямъ.

Наши сказали, что они не видятъ повода уклоняться отъ условленной формы относительно статьи, которая признается ими безспорною.

Турецкіе уполномоченные возразили: слѣдовательно, на основаніи предварительныхъ условій, эта статья считается принятою.

Наши отвѣтили, что они заявляютъ ихъ превосходительствамъ, что они всегда ее признавали принятою во всей ея силѣ, во всей обширности ея значенія и словъ, и что они не приступятъ къ обсужденію другихъ статей, пока эта статья не будетъ предварительно облечена въ тѣ же формы, какъ и двѣ предшествующія статьи.

Турки возразили, что они предложили средину для того, чтобы уладить это дѣло, но такъ какъ они встрѣчаютъ оппозицію, то просятъ перейти къ статьѣ объ укрѣпленіяхъ.

Наши твердо стояли на томъ, что ими было высказано прежде.

Тогда Турецкіе уполномоченные пожелали выйти въ другую комнату, для совѣщанія между собою относительно упомянутой статьи.

Они удалились.

По возвращеніи, Турецкіе уполномоченные сказали, что заявляютъ вполнѣ откровенно, что великій визирь, въ виду той дружбы, которая соединяла его съ покойнымъ княземъ фельдмаршаломъ, возъимѣлъ надежду, что часть територіи по дру-

du Dniester serait cédé à la Sublime Porte, qu'il leur avait prescrit d'en parler aux conférences; qu'ils s'étaient acquitté de ce devoir; et que n'y ayant pas eu de réussite, ils se voyaient obligés d'en rendre compte à son altesse, en lui annonçant, qu'on ne bâtirait pas des forteresses sur le territoire cédé à l'empire de Russie, comme il avait été arrêté par la convention explicatoire de 1779, qu'on laisserait ce terrain dans le même état dans lequel la Porte Ottomane l'avait abandonné.

Les nôtres répondirent, qu'ils n'entraient pas dans le contenu de leur rapport au grand vizir; mais que quant à la convention explicatoire elle a été passée en 1779; que les conditions à l'égard des forteresses étaient réciproques entre les deux empires; que les circonstances d'alors n'étaient pas les mêmes qu'en ce moment-ci et que la dite convention n'avait aucun rapport à la solemnité de ce III article; que toute dilation était contraire au bien des deux empires et qu'il pourrait en resulter des suites fâcheuses; que par conséquent il fallait se décider à cet égard sans délai.

Les plénipotentiaires Turcs repartirent; qu'on parlait dans la convention explicatoire du terrain entre le Bog et le Dniepre en général.

(Ici la convention explicatoire à été lue par les plénipotentiaires Turcs et leur premier dragoman et traduite par ce dernier).

Les nôtres dirent: qu'ils déclaraient encore une fois, qu'ils ne pouvaient pas traiter sur l'article en question, mais qu'ils observaient en forme de con-

---

гую сторону Днѣстра будетъ уступлена Высокой Портѣ, и что онъ предписалъ имъ переговорить объ этомъ на конференціяхъ; что, исполнивъ эту обязанность и не имѣя успѣха, они вынуждены доложить объ этомъ его свѣтлости и извѣстить, что на уступленной Русской имперіи територіи не будетъ построено крѣпостей, какъ это уже было постановлено пояснительною конвенціею 1779 г., и что этотъ край останется въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ оставленъ Оттоманской Портой.

Наши отвѣтили, что они не входятъ въ содержаніе рапорта ихъ къ великому визирю; что же касается пояснительной конвенціи, то она была заключена въ 1779 году; что условія касательно крѣпостей были взаимны между обоими государствами; что тогдашнія обстоятельства не были тѣ же, что нынѣ, и что сказанная конвенція не имѣетъ никакого отношенія къ торжествености этой III статьи; что всякая проволочка противится благу обоихъ государствъ и можетъ за собою повлечь прискорбныя послѣдствія; что поэтому необходимо придти къ немедленному рѣшенію.

Турецкіе уполномоченные возразили, что въ пояснительной конвенціи говорилось вообще о територіи между Бугомъ и Днѣстромъ.

(Тутъ пояснительная конвенція была прочитана Турецкими уполномоченными и ихъ первымъ драгоманомъ, и переведена послѣднимъ).

Наши сказали, что они заявляютъ еще разъ, что не могутъ обсуждать сказанной статьи, но замѣтятъ, въ видѣ бесѣды, что пояснительная конвенція состоя-

versation, que la convention explicatoire a eu lieu en pleine paix, et qu'il était question à présent de garder par le droit des armes une partie des conquêtes faites sur l'empire Ottoman et d'en céder une autre par l'effet de la modération ordinaire de l'impératrice.

Les Turcs reprirent: ainsi donc la convention explicatoire ne sera pas comprise dans la confirmation des traités.

Nos plénipotentiaires répondirent: qu'elle serait confirmée, excepté à l'égard des articles qu'on annullerait ou qu'on ajouterait dans le cours de la présente négociation; que quant à la lettre à écrire au grand vizir, ils répétaient, qu'ils n'y entraient pour rien; mais qu'ils ne pouvaient pas commencer à discuter sur aucun autre article avant d'avoir arrêté celui en question.

Les plénipotentiaires Turcs répliquèrent: que l'envoi de leur lettre au grand vizir ne devait être regardé que comme un moyen pour faire avancer leur ouvrage salutaire.

Les nôtres dirent là dessus: qu'ils n'acceptaient ni ne rejettaient ce moyen; mais qu'ils regardaient les conférences comme suspendues, ne pouvant absolument pas procéder aux autres articles avant d'avoir arrêté celui-ci, qui est un de ceux qui doivent servir de base au traité.

Les Turcs répondirent: qu'ils se rapportaient au grand vizir par la raison qu'il avait été assuré d'avance de la réussite de leur présente réquisition mais que ceci ne devait point arrêter le cours de la négociation.

лась во время полнаго мира, и что въ настоящее время идетъ вопросъ объ удержанiи, по праву оружiя, части сдѣланныхъ у Оттоманской Порты завоеванiй и о возвращенiи другой, по обычной умѣренности императрицы.

Турки возразили: слѣдовательно, пояснительная конвенцiя не будетъ подтверждена договорами.

Наши уполномоченные отвѣтили, что она будетъ подтверждена за исключенiемъ тѣхъ статей, которыя будутъ уничтожены или прибавлены въ теченiе настоящихъ переговоровъ; что относительно письма къ великому визирю, они повторяютъ, что они тутъ вовсе непричастны, но что они не могутъ начать обсужденiе какой нибудь другой статьи, не рѣшивъ предварительно настоящей.

Турецкiе уполномоченные отвѣтили, что отправленiе ими письма къ великому визирю нужно разсматривать лишь какъ средство для ускоренiя этого спасительнаго дѣла.

Наши на это сказали, что они не могутъ ни принять, ни отклонять это средство, но что считаютъ конференцiя прiостановленными, такъ какъ не имѣютъ возможности приступить къ другимъ статьямъ, не рѣшивъ предварительно этой, какъ одной изъ тѣхъ, которыя должны служить основою договора.

Турки отвѣтили, что они входятъ съ представленiемъ къ великому визирю потому, что онъ былъ заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ ихъ настоящаго ходатайства, но что это вовсе не должно задерживать хода переговоровъ.

Nos plénipotentiaires dirent, qu'ils se verraient également obligés d'écrire, que les conférences avaient été suspendues par rapport à l'article III, qui avait déjà été arrêté et signé à la conclusion des préliminaires.

Les Turcs persistèrent á dire, que ce n'étaient pas eux, qui voulaient suspendre les conférences.

Nos plénipotentiaires répétèrent, qu'ils ne concevaient pas, comment on pouvait faire autant de difficultés par rapport à un article arrêté et signé; que vu ceci, quelle réponse pouvaient ils espérer du grand vizir.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: qu'écrire au grand vizir pour l'informer, qu'on n'avait pas eu égard à leur réquisition amicale, n'était pas suspendre les conférences; qu'ils désiraient au contraire, qu'en attendant sa réponse, on procédât aux autres articles.

Ce discours, reprirent les nôtres, doit nécessairement répandre des doutes sur la suite de la négociation; qu'il leur paraissait, que s'étant acquitté des ordres du grand vizir et voyant de la fermeté de notre part fondée sur les préliminaires, ils devaient se rendre et procéder à la confection du traité de paix.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: qu'ils ne suspendaient pas les conférences; qu'ils étaient prêts à les continuer.

Les nôtres dirent: qu'ainsi on metterait dans le protocole, que l'article III a été sanctionné.

Les Turcs repliquèrent: qu'ils écriraient au grand vizir tout ce qui s'était

---

Наши уполномоченные сказали, что и они тоже вынуждены донести, что конференціи была прерваны по поводу III статьи, которая была постановлена и подписана еще при заключеніи предварительныхъ условій.

Турки все стояли на томъ, что ни они желаютъ пріостановить конференціи.

Наши уполномоченные повторили, что не понимаютъ, какъ можно ставить столько затрудненій относительно статьи рѣшенной и подписанной, и на какой, въ виду этого, можно расчитывать отвѣтъ отъ великаго визиря.

Турецкіе уполномоченные отвѣтили: что извѣщать великаго визиря о томъ, что ихъ дружественное заявленіе не было уважено, еще не значитъ прерывать конференцій; что они напротивъ желаютъ, чтобы въ ожиданіи отъ него отвѣта, было приступлено къ другимъ статьямъ.

Эти слова, возразили наши, должны необходимо посѣять сомнѣнія относительно дальнѣйшаго хода переговоровъ; что по ихъ мнѣнію, исполнивъ приказанія великаго визиря и встрѣтивъ съ нашей стороны твердость, основанную на предварительныхъ условіяхъ, они должны подчиниться и приступить къ составленію мирнаго договора.

Турецкіе уполномоченные отвѣтили, что они не пріостанавливаютъ конференцій и готовы ихъ продолжать.

Наши сказали: слѣдовательно, въ протоколъ будетъ занесено, что III статья утверждена.

Турки отвѣтили, что они доложатъ великому визирю обо всемъ, что произошло

passé aujourd'hui; qu'ils étaient forcé de le faire, ainsi que de lui demander ses ordre à l'égard des fortifications.

Noss plénipotentiaires dirent: qu'ils pouvaient lui ajouter, que cela n'avait pas été accepté ni ne le serait jamais; que toute restriction sur la bâtisse des forteresses serait contraire au droit de propriété et à d'autres raisons qu'ils ne leur diraient qu'après que ce III article serait arrêté.

Les plénipotentiaires Turcs reprirent: ceci est donc sans aucune restriction?

Oui, répondirent les nôtres. L'Impératrice l'a déclaré dans son ultimatum; les puissances amies de la Porte en sont informées, et ni le feu prince maréchal de son vivant, ni personne au monde ne pourrait rien changer à l'égard des frontières et des forteresses.

Les plénipotentiaires Turcs dirent: qu'ils n'avaient ni voulaient avoir aucune connaissance de ce qui était convenu avec les cours de Londres, de Berlin et de la Haye; que la Sublime Porte ne les avait jamais chargé de ses intérêts, et qu'ils étaient venus seuls sans aucune médiation.

Il fut répliqué par les nôtres; qu'aussi ils n'en accepteraient certainement pas; que cependant ces cours s'étaient assés données pour amies de la Sublime Porte.

Les Turcs répondirent: qu'ils ne voulaient pas en entendre parler et proposèrent de remettre conférence à jeudi.

сегодня; что они вынуждены это сдѣлать и испросить у него инструкцій по вопросу о крѣпостяхъ.

Наши уполномоченные сказали, что они могутъ еще донести ему, что это не было и никогда не будетъ принято; что всякое ограниченіе въ постройкѣ крѣпостей шло бы въ разрѣзъ съ правомъ собственности и другими основаніями, которыя они выскажутъ лишь послѣ рѣшенія этой III статьи.

Турецкіе уполномоченные спросили: стало быть это условіе не допускаетъ никакого ограниченія?

Да, отвѣтили наши. Императрица объявила объ этомъ въ своемъ ультиматумѣ, дружественныя Портѣ державы извѣщены объ этомъ, и ни покойный князь фельдмаршалъ при своей жизни, ни кто бы то ни было въ мірѣ не могъ бы ничего перерѣшить касательно границъ и крѣпостей.

Турецкіе уполномоченные сказали, что они не имѣли и не желаютъ имѣть никакихъ свѣдѣній о томъ, что было условлено съ Лондонскимъ, Берлинскимъ и Гаагскимъ дворами; что Высокая Порта никогда имъ не ввѣряла своихъ интересовъ, и что они явились сюда одни, безъ всякаго посредничества.

Нашими было возражено, что они вѣроятно и не приняли бы таковаго, но что тѣмъ не менѣе эти дворы достаточно высказали себя друзьями Высокой Порты.

Турки отвѣчали, что не хотятъ объ этомъ слышать и предложили отсрочить конференцію до Четверга.

Nos plénipotentiaires leur firent sentir, que cette conférence avait été absolument perdue, et que si jeudi cette affaire n'était pas décidée, on n'accepterait plus de conférence; que même aujourd'hui on en avait parlé uniquement par égard pour leurs excellences; qu'ils en parleraient encore, quant à la syntaxe et aux mots; mais qu'il fallait absolument, qu'à la prochaine conférence cet article soit échangé d'après la forme reçue.

Les Turcs répondirent: qu'ils remettaient à conférer là dessus à jeudi qu'il ne fallait pas leur en vouloir pour leur opposition; qu'ils avaient des ordres précis du grand vizir à cet égard, et que chacun était obligé de penser à soi; que par conséquent ils devaient préalablement en écrire à son altesse.

Nos plénipotentiaires dirent: que les conférences étaient donc suspendues.

Les Turcs répliquèrent: non; elles ne le sont pas; que ce n'était pas en précipitant qu'on finissait les affaires.

Les nôtres leur répondirent, que les dilations pouvaient les faire rompre tout à fait, et que les préliminaires leur étant connus depuis longtemps, ils auraient pu être sûrs d'avance, que toute proposition sur cet article serait inutile; qu'ils leur déclaraient pour la dernière fois, qu'ils ne s'en départiront absolument pas.

Les plénipotentiaires Turcs dirent: qu'ils se rendraient jeudi à la conférence, pour négocier sur l'article en question.

Les nôtres répliquèrent; que c'était pour la signature et pas autrement.

Là dessus les plénipotentiaires respectifs se séparèrent.

Наши уполномоченные обратили ихъ вниманіе на то, что эта конференція пропала совершенно даромъ, и что ежели въ Четвергъ это дѣло не будетъ рѣшено, то они болѣе не примутъ конференціи; что даже сегодня о дѣлѣ говорилось единственно въ угоду ихъ превосходительствамъ; что они, пожалуй, говорили бы еще о немъ, по отношенію къ синтаксису и этимологіи; но что на слѣдующей конференціи нужно непремѣнно обмѣняться этой статьей по принятой формѣ.

Турки отвѣтили, что они откладываютъ переговоры объ этомъ до Четверга; что не слѣдуетъ обижаться за ихъ оппозицію; что относительно этого они имѣли точныя инструкціи великаго визиря, и что каждый долженъ заботиться о себѣ; что поэтому они должны сперва извѣстить объ этомъ его свѣтлость.

Наши упалномоченные сказали: значитъ, конференціи прерваны.

Турки возразили: нѣтъ, онѣ не прерваны; но вѣдь и опрометчивостью не рѣшаются же дѣла.

Наши имъ отвѣтили, что проволочками можно совершенно прекратить ихъ; что такъ какъ предварительныя условія имъ давно извѣстны, то они могутъ быть заранѣе увѣрены, что всякое предложеніе относительно помянутыхъ условій будетъ безполезно; что они заявляютъ имъ въ послѣдній разъ, что они безусловно не отступятся отъ этого.

Турецкіе уполномоченные сказали, что они явятся въ Четвергъ на конференцію, для переговоровъ о сказанной статьѣ.

Наши возразили, что развѣ для подписанія ея, но не иначе.

При этомъ уполномоченные обѣихъ сторонъ разошлись.

Protocole de la 4-me Conférence du 20 Novembre.

Elle fut commencée à onze et finie à trois heures et un quart après midi,

Les plénipotentiaires Turcs ouvrirent la conférence en proposant de comparer le IV article avec le traité de Kainardji.

Les nôtres demandèrent à savoir de ce qui en était par rapport au III.

Les nôtres répondirent, qu'ils en avaient écrit au grand vizir.

Nos plénipotentiaires reprirent, qu'ils espéraient qu'ils lui auraient également écrit par rapport aux autres articles, et ils désirèrent de savoir; vers quel temps à peu près ils en attendaient une réponse positive, en leur observant, que dorénavant ils ne pourraient plus leur en donner ad referendum.

Les plénipotentiaires Turcs répliquèrent, qu'ils avaient fait savoir hier par notre dragoman, qu'ils avaient des instructions suffisantes sur les autres articles et que ce n'était que par rapport au III qu'ils avaient écrit à son altesse, pour se conformer aux ordres positifs qu'elle leur avait donné à cet égard.

Mais encore une fois, reprirent les nôtres, vers quel terme pouvons nous attendre sa réponse?

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: qu'ayant écrit avant hier au soir ils se flattaient de la recevoir dans huit ou dix jours.

Les nôtres dirent, que puisque leurs excellences avaient des instructions

---

Протоколъ 4-й конференціи, 20 ноября.

Началась въ одиннадцать, кончилась въ три часа пятнадцать минутъ по полудни.

Турецкіе уполномоченные открыли конференцію, предлагая сличить IV статью съ Кайнарджійскимъ договоромъ.

Наши пожелали узнать, что постановлено относительно III статьи.

Турки отвѣтили, что писали объ этомъ къ великому визирю.

Наши уполномоченные выразили надежду, что они ему тоже сообщили и относительно другихъ статей и пожелали узнать, чрезъ сколько приблизительно времени они ожидають отъ него положительнаго отвѣта, прибавляя, что впредь они болѣе не могутъ предоставлять имъ права ad referendum.

Турецкіе уполномоченные возразили, что они вчера сообщили чрезъ нашего драгомана о томъ, что они имѣютъ достаточныя инструкціи относительно прочихъ статей, и что они писали къ его свѣтлости лишь по отношенію къ III, согласно положительныхъ приказаній, данныхъ имъ въ этомъ отношеніи его свѣтлостью.

Мы еще разъ спрашиваемъ, возразили наши, къ какому сроку мы можемъ ожидать его отвѣта?

Турецкіе уполномоченные отвѣтили, что написавъ вечеромъ третьяго дня, они льстятъ себя надеждой получить отвѣтъ черезъ недѣлю или полторы.

Наши сказали, что такъ какъ ихъ превосходительства имѣютъ достаточныя

suffisantes sur les autres articles, ils espéraient avec l'aide de Dieu de terminer la négociation entre le 10 et le 14 du mois prochain, car on n'aura plus d'ordres à demander au grand vizir; qu'ils voulaient savoir la façon de penser de leurs excellences à cet égard.

Les Turcs répliquèrent, qu'ils espéraient, qu'avant la réception de la dite réponse, et même plutôt, ils auront terminé leurs affaires.

Nos plénipotentiaires dirent: qu'assurément il fallait se presser réciproquement, vu que le sort de tant d'individus en dépendait; sans parler du désir sincère de leurs cours respectifs pour rétablir la bonne amitié et la parfaite harmonie entre elles; et que même les différentes parties du gouvernement avaient besoin d'être averties à temps de la marche des affaires pour les arrangemens intérieurs et nécessaires dans les deux empires.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent, que leurs souhaits étaient également sincères; mais que malgré qu'ils connaissaient parfaitement les préliminaires, ils avaient été forcés de communiquer au grand vizir, ce qui regardait le III article.

Les nôtres observèrent: que celui-ci étant la base de la paix, était regardé, vu les préliminaires, comme déjà arrêté; qu'on n'en changerait rien et qu'ainsi on pourrait procéder aux autres.

Les dragomans respectifs comparèrent ici l'article IV.

Nos plénipotentiaires exigèrent, que les habitans de la Moldavie aient le

---

инструкціи относительно другихъ статей, то они надѣются съ Божіей помощью кончить переговоры между 10 и 14 числомъ будущаго мѣсяца, потому что болѣе не нужно будетъ испрашивать повелѣній у великаго визиря, и что они желали бы знать мнѣніе объ этомъ ихъ превосходительствъ.

Турки возразили, что они надѣются окончить дѣла до полученія сказаннаго отвѣта и даже ранѣе.

Наши уполномоченные сказали, что, конечно, необходимо взаимно поторопиться, такъ какъ отъ этого зависитъ участь столь многихъ людей, не говоря уже объ искреннемъ желаніи ихъ обоюдныхъ дворовъ, возстановить между собою добрую дружбу и полное согласіе; что о ходѣ дѣлъ необходимо во время сообщить даже разнымъ правительственнымъ мѣстамъ для принятія внутреннихъ мѣръ, необходимыхъ въ обоихъ государствахъ.

Турецкіе уполномоченные отвѣтили, что ихъ желанія столь же искренни; но не смотря на то, что имъ вполнѣ извѣстны предварительныя условія, они были вынуждены извѣстить великаго визиря по отношенію къ III статьѣ.

Наши замѣтили, что эта статья, составляя основу мира, въ виду предварительныхъ условій, считается какъ бы уже рѣшенной, что въ ней не измѣнятъ ничего и что поэтому можно перейти къ другимъ статьямъ.

Тутъ драгоманы обѣихъ сторонъ сличили IV статью.

Наши уполномоченные потребовали, чтобы жители Молдавіи пользовались бы

*

droit de vendre leurs biens meubles et immeubles; que ceci regardant la propriété des sujets devait être absolument stipulé.

Les Turcs prétendirent, qu'ils ne puissent vendre les biens meubles et immeubles qu'aux seuls natifs du pays.

Les nôtres répondirent, que chaque pays avait ses loix; que la Moldavie devait avoir les siens; que de notre côté on ne voulait pas y toucher et que ces ventes devaient se faire d'après elles.

Les plénipotentiaires Turcs reprirent: que pour cela le terme d'une année pouvait leur suffir.

Il fut observé de notre côté q'une année de plus ou de moins n'était pas une différence sensible pour la Sublime Porte, et l'on insista, pour que les deux années fussent accordées.

Les Turcs objectèrent, que dans le traité de Kainardji on ne leur avait accordé que deux années d'affranchissement et une année d'émigration.

Nos plénipotentiaires ne voulurent pas consentir, qu'on restreignit les sujets Moldaves à ne vendre leurs biens qu'à des compatriotes.

Les Turcs observèrent, qu'il ne leur était pas indifférent, qu'un étranger puisse venir acheter leurs biens.

Les nôtres leur remarquèrent: que si le hospodar de Moldavie était mal disposé vis à vis de celui qui se proposerait d'acheter des biens en Moldavie, il pourrait lui faire des chicanes, en cherchant à lui prouver qu'il est étranger?

правомъ продажи своего движимаго и недвижимаго имущества, и что такъ какъ это относится къ праву собственности подданныхъ, то должно быть непремѣнно постановлено.

Турки потребовали, чтобы какъ движимое, такъ и недвижимое имущество можно было продавать однимъ лишь уроженцамъ края.

Наши отвѣтили, что въ каждой странѣ есть свои законы, и что въ Молдавіи они должны быть тоже; что съ нашей стороны не желаютъ ихъ касаться, и что продажи должны совершаться по этимъ законамъ.

Турецкіе уполномоченные отвѣтили, что для этого достаточно годичнаго срока.

Съ нашей стороны было заявлено, что одинъ годъ больше или меньше не составляетъ чувствительной разницы для Высокой Порты, причемъ настивали на предоставленіи двухъ лѣтъ.

Турки возразили, что по Кайнарджійскому договору имъ было предоставлено два года на освобожденіе отъ подданства и одинъ годъ на выселеніе.

Наши уполномоченные не хотѣли согласиться на стѣсненіе Молдавскихъ подданныхъ правомъ продажи имущества однимъ лишь своимъ землякамъ.

Турки заявили, что для нихъ не безразлично, чтобы иностранецъ могъ покупать имущество.

Наши имъ замѣтили, что ежели Молдавскій господарь будетъ нерасположенъ къ лицу, желающему пріобрѣсти имѣніе въ Молдавіи, то онъ можетъ ему дѣлать разныя стѣсненія, желая ему доказать, что онъ иностранецъ.

Les plénipotentiaires Turcs répliquérent, qu'ainsi au lieu d'habitans de la Moldavie, on dirait, sujets de l'Empire Ottoman.

Les nôtres objectèrent, que cela ne serait pas conforme au projet du traité.

Les Turcs ripostèrent, que notre demande l'était encore moins aux autres traités.

Nos plénipotentiaires consentirent d'insérer dans l'article, selon leur proposition, que les Moldaves ne vendraient leurs biens qu'à des sujets de la Porte Ottomane et proposèrent de partager le différent, en demandant un an et demi au lieu de deux pour la sortie des émigrans.

Les Turcs repartirent, qu'au contraire, il fallait plutôt en diminuer qu'augmenter le terme; que quand les limites étaient éloignées on avait accordé un an, mais qu'à présent étant plus rapprochées ils n'avaient besoin que d'un terme de six mois.

Nos plénipotentiaires répondirent, que cette considération de la proximité des limites ne changeait rien à la chose; qu'on ne savait pas d'ailleurs, s'il y aura des émigrans ou non; mais qu'en tout cas le terme d'une année n'était pas suffisant pour l'arrangement de leurs affaires.

Les Turcs dirent, que puisqu'ils avaient consenti à se conformer à ce qui avait déjà été stipulé préalablement, ils accorderaient une année.

Les nôtres remarquèrent, que cela n'intéressait pas la Russie, puisque cette demande regardait des sujets de la Sublime Porte; que c'était par un principe d'humanité qu'ils insistaient absolument sur le terme d'un an et demi-

---

Турецкіе уполномоченные возразили, что поэтому вмѣсто: жителямъ Молдавіи,— можно бы сказать: подданнымъ Оттоманской имперіи.

Наши замѣтили, что это не согласуется съ проектомъ договора.

Турки отвѣчали, что наше требованіе еще болѣе не согласно съ другими договорами.

Наши уполномоченные согласились включить въ статью, по ихъ предложенію, что Молдаване могутъ продавать свое имущество однимъ лишь подданнымъ Оттоманской Порты, и предложили сократить спорное время на половину, требуя полтора года вмѣсто двухъ лѣтъ для выхода переселенцевъ.

Турки возразили, что слѣдовало бы напротивъ уменьшить, а не увеличивать срокъ; что когда границы отстояли дальше, предоставленъ былъ одинъ годъ; нынѣ же, такъ какъ онѣ находятся ближе, будетъ достаточно шестимѣсячнаго срока.

Наши уполномоченные отвѣтили, что эта близость границъ вовсе не измѣняетъ сущности дѣла, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, найдутся-ли переселенцы, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ годичный срокъ недостаточенъ имъ, для устройства ихъ дѣлъ.

Турки сказали, что такъ какъ они рѣшили сообразоваться съ тѣмъ, что уже первоначально было постановлено, то они предоставятъ одинъ годъ.

Наши замѣтили, что Россія въ этомъ не заинтересована, такъ какъ это требованіе относится къ подданнымъ Высокой Порты; что они, единственно по принципу гуманности, рѣшительно настаиваютъ на срокѣ въ полтора года.

Les plénipotentiaires Turcs proposèrent celui de quatorze mois à compter du jour de l'échange des ratifications.

Les nôtres y consentirent, en ajoutant, que les mots de vendre aux proches devaient être insérés dans l'article.

Les Turcs dirent; que celui qui pouvait vendre ses biens, pouvait aussi les donner à qui il le voulait.

Nos plénipotentiaires répondirent: que puisqu'ils avaient différé à la réquisition de leurs excellences par rapport à la restriction de ne vendre les biens qu'aux sujets du grand seigneur, pourquoi n'en feraient ils pas autant à l'égard de leur prétention.

Les Turcs y consentirent à condition qu'on ajouterait aux mots: proches, sujets de la Sublime Porte.

Les nôtres demandèrent à ce qu'il y fut ajouté encore; ou à quiconque ils voudront vendre leurs biens des sujets de la Porte, d'après les loix et coutumes du pays.

Les plénipotentiaires Turcs y consentirent.

Après quoi ils firent recopier l'article IV au net en langue turque, comme étant déjà arrêté, et l'on passa au V, qu'on fit comparer par les dragomans respectifs.

Nos plénipotentiaires dirent, que cette article portait sur les procédés envers le Czar de Kartalinie et de Kachetie, qu'il y fallait employer des termes

---

Турецкіе уполномоченные предложили срокъ въ четырнадцать мѣсяцевъ, считая со дня обмѣна ратификацій.

Наши на это согласились, прибавляя, что въ статью должны быть включены слова: продавать своимъ землякамъ.

Турки сказали: кто можетъ продавать свое имущество, можетъ и дарить его, кому пожелаетъ.

Наши уполномоченные отвѣтили, что такъ какъ они удовлетворили предложеніе ихъ превосходительствъ относительно ограниченія права продажи имущества однимъ лишь подданнымъ султана, то отчего же бы имъ не поступить такъ же въ отношеніи къ нашему требованію.

Турки на это согласились, съ условіемъ, чтобы къ слову: землякамъ были прибавлены слова: подданнымъ Высокой Порты.

Наши потребовали, чтобы было сказано еще: или кому они пожелаютъ продать свое имущество изъ подданныхъ Порты, на основаніи законовъ и обычаевъ страны.

Турецкіе уполномоченные на это согласились.

Затѣмъ они велѣли переписать на бѣло IV статью по Турецки, какъ уже рѣшенную, послѣ чего перешли къ V статьѣ, которую велѣно сличить драгоманамъ обѣихъ сторонъ.

Наши уполномоченные сказали, что такъ какъ въ этой статьѣ говорилось объ отношеніяхъ къ царю Карталинскому и Кахетинскому, то надлежало употребить вы-

les moins équivoques et qu'au lieu de dire, comme dans l'original Turc les habitans il fallait se servir du mot pays; qu'au lieu de dire Héraclius, on devait insérer le mot général de Souverain; et qu'il était nommément parlé dans notre projet du traité de paix, des Lesghis, comme des seuls qui faisaient des incursions dans ces pays; qu'il fallait absolument les nommer.

Les Turcs répondirent: qu'ils avaient préféré l'expression d'habitans à celle des pays, parce que par les incursions que l'on faisait, l'on incommodait plutôt les habitans que les pays; que quant à la nomination du Czar de Kartalinie et de Kachetie, ils ne la connaissaient pas; qu'ils remplaceraient volontier le mot d'Héraclius par celui de Souverain, qu'ils ne nommaient jamais autrement dans leurs firmans que Chan de Tiflis.

Les nôtres prétendirent, qu'on nommat les Lesghis absolument.

Les plénipotentiaires Turcs s'en défendirent, en disant, que ce n'était pas un peuple soumis à leur domination et que même il était indépendant.

Les nôtres dirent, que comme ils passaient par les Etats de la Porte, malgré notre parfaite confiance de ses bonnes intentions pour l'Empire de Russie, on désirait, qu'on donnat des ordres précis au pacha d'Ackalzik de veiller à ce que cela n'arrivat plus.

Les plénipotentiaires Turcs repartirent, qu'ils ne passaient jamais par leurs états à moins que le dit pacha ne les faisait venir, et que de ce côté on pouvait être dans une parfaite sécurité.

раженія наиболѣе точныя, и вмѣсто того, чтобы сказать, какъ въ Турецкомъ подлинникѣ—жители, необходимо употребить слово земли, вмѣсто Ираклій поставить общее слово государь; что въ нашемъ проектѣ мирнаго договора именно говорилось о Лезгинцахъ, какъ о единственномъ народѣ, совершающемъ набѣги на эти земли; что ихъ непремѣнно нужно поименовать.

Турки отвѣтили, что они предпочли сказать жители, а не земли, потому что совершаемые набѣги скорѣе относились къ жителямъ, а не къ странѣ; что титулъ царя Карталинскаго и Кахетинскаго имъ неизвѣстенъ; что слово Ираклій они охотно замѣнили бы словомъ государь, и что въ своихъ фирманахъ они никогда не называли его иначе, какъ Тифлисскимъ ханомъ.

Наши потребовали непремѣнно поименовать Лезгинцевъ.

Турецкіе уполномоченные воспротивились этому, говоря, что этотъ народъ вовсе имъ не подчиненъ, что онъ даже независимъ.

Наши сказали, что такъ какъ они проходятъ чрезъ владѣнія Порты, то не смотря на нашу полную увѣренность въ благорасположеніи ея къ Русской имперіи, было бы желательно, чтобы были даны точныя предписанія Ахалцыхскому пашѣ наблюдать, чтобы болѣе этого не повторялось.

Турецкіе уполномоченные возразили, что они никогда не проходили черезъ ихъ владѣнія, ежели только сказанный паша ихъ не призывалъ, и что съ этой стороны опасаться нечего.

Les nôtres répondirent, qu'ils n'avaient aucun doute sur le pacha; mais que des particuliers pourraient faire des instigations aux Lesghis, pour incommoder de leurs incursions les états du Czar de Kartalinie.

Les Turcs prétendirent, que dans l'original turc il était très clairement exprimé, qu'on enverrait des firmans ou des ordres très rigoureux, que d'aucune manière on n'incommoderait ces pays.

Nos plénipotentiaires demandèrent, pourquoi ils se refusaient à parler des Lesghis proprement, comme du seul peuple que enquiétait les dits pays.

Les Turcs allequèrent pour preuve que la Porte n'avait aucune autorité sur ce peuple, des incursions qu'il avait faites même sur le territoire Ottoman.

Là dessus un de nos plénipotentiaires dit, qu'il connaissait les Lesghis, qu'il les avait même battu et qu'instruit du local, il était moralement persuadé que le pacha d'Ackalzik les appelait souvent à lui et qu'ensuite il leur faisait faire des encursions. Un autre ajouta, que l'exhorte de l'article lui faisait espérer, que la Sublime Porte aurait soin de prévenir tout inconvénient à cet égard, d'autant plus que de pareils ordres avaient déjà été donnés précédemment.

Les plénipotentiaires Turcs, en répétant que ce peuple n'était pas sous leur domination promirent, qu'on donnerait les ordres les plus précis de ne pas inquiéter ces pays sous aucun prétexte quelconque.

Les nôtres répondirent, qu'ils répétaient que cette crainte des incursions

---

Наши сказали, что они нисколько не сомнѣваются относительно паши, но что отдѣльныя личности могутъ подстрекать Лезгинцевъ тревожить своими набѣгами Карталинскаго царя.

Турки утверждали, что въ Турецкомъ подлинникѣ весьма ясно сказано, что будутъ даны фирманы или строжайшія предписанія, что вовсе не будутъ тревожить этихъ земель.

Наши уполномоченные спросили, почему они отказываются сказать прямо о Лезгинцахъ, какъ объ единственномъ народѣ, который тревожитъ эти земли.

Турки, въ доказательство того, что Порта не имѣетъ никакой власти надъ этимъ народомъ, сослались на совершаемые ими набѣги на Оттоманскую территорію.

На это одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ заявилъ, что знаетъ Лезгинцевъ, что онъ ихъ даже разбивалъ, и знакомый съ мѣстностью, онъ нравственно убѣжденъ, что Ахалцыхскій паша часто призывалъ ихъ къ себѣ и затѣмъ заставлялъ дѣлать набѣги. Другой присовокупилъ, что представленія, сдѣланныя по поводу этой статьи, позволяютъ ему надѣяться, что Высокая Порта позаботится устранить всякія затрудненія въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что подобныя предписанія были уже даны и прежде

Турецкіе уполномоченные, повторяя, что этотъ народъ не состоялъ подъ ихъ владычествомъ, обѣщали, что будутъ сдѣланы самыя опредѣленныя предписанія, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не тревожить этихъ земель.

Наши отвѣтили, что они повторяютъ, что это опасеніе Лезгинскихъ набѣговъ

des Lesghis n'avait rien de commun avec les bonnes intentions de la Sublime l'Porte envers la Russie; mais qu'on craignait les instigations des particuliers et qu'ils insistaient dans leur demande dans la vue d'établir le plus solidement possible la bonne harmonie entre les deux Empires pour le présent et l'avenir.

Les Turcs repartirent, que c'était aussi dans cette vue, ne pouvant exercer aucune autorité sur un peuple entièrement libre, qu'on donnerait des ordres très rigoureux au pacha d'Ackalzik, de veiller à la sûreté des susdits pays; mais que s'il fallait absolument nommer les Lesghis, cela exigerait la restriction suivante: qu'en cas qu'il arrivait quelque démêlé entre le chan de Tiflis et ce peuple, la Porte n'en serait pas résponsable.

Nos plénipotentiaires dirent: que sans vouloir être à charge à la Porte, ni à découvert de ce côté là, ils voulaient absolument, qu'on éclaircit cet article, qui avait souvent donné lieu à bien de débats entre le ministre de Russie à Constantinople et la Sublime Porte.

Là dessus le Reis-Efendi ajouta: qu'il avait eu dans les conférences à Constantinople plusieurs fois des disputes et des débats sur le motif de refroidissement entre les deux cours.

Les nôtres répondirent, que cet article ne devait servir que pour obvier à tout différent à l'avenir, et que pour revenir au titre du czar de Kartalinie et de Kachetie, ils leur proposaient, de le nommer en leur manière, et que les Turcs le nomment à la leur: chan de Tiflis.

не имѣетъ ничего общаго съ благорасположеніемъ Высокой Порты по отношенію къ Россіи, но что они опасаются подстрекательства частныхъ лицъ и настаиваютъ на своемъ требованіи съ цѣлью водворить, какъ можно прочнѣе, доброе согласіе между обѣими имперіями въ настоящемъ и будущемъ.

Турки возразили, что въ тѣхъ же видахъ, не имѣя никакой власти надъ вполнѣ свободнымъ народомъ, они сдѣлаютъ строжайшее предписаніе Ахалцыхскому пашѣ заботиться о безопасности сказанныхъ земель; ежели же непремѣнно нужно поименовать Лезгинцевъ, то это потребовало бы оговорки, что въ случаѣ какой нибудь распри Тифлисскаго хана съ этимъ народомъ, Порта остается внѣ отвѣтственности.

Наши уполномоченные сказали, что, не желая быть въ тягость Портѣ, ни оставаться съ этой стороны беззащитными, они хотятъ непремѣнно разъяснить эту статью, часто возбуждавшую многіе споры между Русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ и Высокой Портой.

Рейсъ-Ефенди присовокупилъ, что на конференціяхъ въ Константинополѣ ему нѣсколько разъ приходилось участвовать въ пререканіяхъ и спорахъ по вопросу объ охлажденіи между обоими дворами.

Наши отвѣтили, что эта статья должна способствовать лишь къ устраненію всякаго несогласія въ будущемъ, и что, возвращаясь къ вопросу о титулѣ Карталинскаго и Кахетинскаго царя, они предлагаютъ, чтобы намъ называть его по нашему, а Турки пусть его называютъ по своему — Тифлисскимъ ханомъ.

Les plénipotentiaires Ottomans dirent, que les deux originaux devaient être absolument semblables.

Les nôtres répliquèrent, qu'ils ne connaissaient pas ce souverain sous le nom de chan de Tiflis; et puisqu'ils consentaient à accepter leur domination, qu'il fallait, qu'ils acceptent aussi la nôtre; qu'autrement cet article ne passerait pas.

Les Turcs alleguèrent pour raison, que ce souverain prenait lui même ce titre.

Nos plénipotentiaires répondirent, qu'ils n'en disputaient pas, mais qu'ils désiraient de savoir, si on le nommait à Constantinople dans les actes ministerielles Tiflis Chan.

Les Turcs répliquèrent, que jusqu'à présent on n'en avait jamais traité; mais que dans les notes du ministre de Russie, écrites en turc et signées par lui même, on le nommait ainsi.

Et dans les françaises? demandèrent les nôtres.

Aussi, répliquèrent les Turcs.

Un de nos plénipotentiaires leur dit: que lui même ayant été employé à a mission de Constantinople, il savait positivement, que de notre côté ni dans les traductions russes, ni dans les françaises on ne l'avait jamais nommé ainsi: que d'ailleurs la langue russe ne se prêtait point à leur manière de nommer ce souverain; qu'il serait également impropre de dire chan de Tiflis, que roi de

---

Оттоманскіе уполномоченные сказали, что оба подлинника должны быть вполнѣ тожественны.

Наши возразили, что этотъ государь имъ неизвѣстенъ подъ именемъ Тифлисскаго хана; что такъ какъ они согласились принять это названіе, то необходимо, чтобы и они приняли бы наше, иначе эта статья не пройдетъ.

Турки ссылались на то, что этотъ государь самъ принимаетъ этотъ титулъ.

Наши уполномоченные отвѣтили, что они не спорятъ объ этомъ, но желали бы знать, называютъ-ли его въ Константинополѣ въ министерскихъ бумагахъ Тифлисскимъ ханомъ.

Турки возразили, что объ этомъ пока еще никогда не было рѣчи, но что въ нотахъ Русскаго посланника, написанныхъ по Турецки и подписанныхъ имъ самимъ, его называли такъ.

А въ Французскихъ нотахъ? спросили наши.

Тоже, отвѣчали Турки.

Одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ имъ сказалъ, что ему, какъ состоявшему при Константинопольской миссіи, положительно извѣстно, что съ нашей стороны его такъ не называли никогда ни въ Русскихъ, ни во Французскихъ переводахъ, тѣмъ болѣе что Русскій языкъ не подходитъ подъ ихъ способъ названія этого государя; что сказать ханъ Тифлисскій было бы столь же неумѣстно, какъ и говорить король Лондонскій,

Londres, de Berlin etc; qu'en vertu de cette dénomination, on pourrait inquiéter tous les pays, qui ne seraient pas appartenans à la ville de Tiflis; et que notre but y était tout à fait contraire.

Comme il n'est pas question ici, poursuivit un autre de nos plénipotentiaires, de donner à ce souverain des états ni des pays, qu'on le nommerait simplement czar de Kartalinie.

Les Turcs après un faible débat sur les mots de czar et de chan, consentirent qu'on le nommat en russe czar de Kartalinie et qu'il conservat dans la langue turque le nom de chan de Tiflis.

Nos plénipotentiaires proposèrent ensuite de faire remplacer le mot Lesghis par celui des autres.

Les Turcs voulurent conserver le premier de ces mots, en y ajoutant, qu'en cas de démêlés entre le czar et les Lesghis, la Porte n'en répondrait pas.

Les nôtres dirent: que tout ce qui se disait sur ce chapitre ne regardait que le pacha d'Ackalzik.

Les plénipotentiaires Turcs observèrent, que le mot d'autres, étant trop général, avait aussi bien que celui de Lesghis besoin de restriction.

Les nôtres, ne voulant pas céder à l'opiniâtreté des Turcs, promirent de leur envoyer par le dragoman russe la réponse touchant ces mots.

Après quoi la conférence finit, et la prochaine fut arrêtée pour après demain samedi 22 de ce mois.

Берлинскій, и пр.; что въ силу этого названія, можно было бы тревожить всѣ земли, не принадлежащія къ городу Тифлису, а что наша цѣль здѣсь совершенно противоположна.

Такъ какъ здѣсь, продолжалъ другой изъ нашихъ уполномоченныхъ, вопросъ не въ томъ, чтобы одарять этого государя владѣніями или землями, то пусть его просто назовутъ царемъ Карталинскимъ.

Турки, послѣ слабаго пренія относительно словъ царь и ханъ, согласились называть его по Русски Карталинскимъ царемъ, а на Турецкомъ языкѣ удержать титулъ Тифлисскаго хана.

Наши уполномоченные затѣмъ предложили замѣнить слово Лезгинцы словомъ другіе.

Турки желали удержать первое слово съ той оговоркой, что въ случаѣ распри царя съ Лезгинцами, Порта останется внѣ отвѣтственности.

Наши сказали, что все сказанное по этому поводу, относится лишь къ Ахалцыхскому пашѣ.

Турецкіе уполномоченные заявили, что слово другіе, будучи слишкомъ обще, требуетъ тоже оговорки, равно какъ и слово Лезгинцы.

Наши, не желая уступить упрямству Турокъ, обѣщали имъ прислать отвѣтъ касательно этихъ словъ чрезъ Русскаго драгомана.

Послѣ чего конференція кончилась, а слѣдующая была назначена на послѣ завтра, въ Субботу, 22 числа сего мѣсяца.

Protocole de la 5-me conférence du 22 novembre.

Elle fut commencé à onze et finit à deux heures et demie après midi.

On commença la conférence par la confrontation des articles IV et V. arrêtés dans la précédante.

Les Turcs y ayant mis le mots des autres dans la phrase: que toutes les autres frontières resteront les mêmes; après quelques discussions de part et d'autre, ils furent obligés de l'y insérer, et ces deux articlès furent signés et échangés respectivement.

Les plénipotentiaires Turcs proposèrent la lecture d'un projet du VI article dans l'espérance, dirent-ils, que la sincérité avec laquelle ils avaient disposé les moyens pour la sûreté réciproque des frontierès, ne saurait que satisfaire les nôtres.

Après que le dragoman Turc en avait fait la lecture en sa langue, il en communiqua la traduction française. Les nôtres l'ayant parcouru dirent, que pour sentir toute la force du texte, il en fallait faire faire absolument une traduction en Russe. C'est pourquoi ils proposèrent de le remettre à la conférence prochaine, ou de leur envoyer leurs remarques là dessus par notre dragoman.

Les Turcs répondirent, que rien n'empêcherait de faire remarques sur cet article dans l'intervalle des conférences; que pour prouver leur sincérité et leur désir amical pour terminer cette négociation au gré et à la satisfaction récipro-

---

Протоколъ 5 конференціи, 22 ноября.

Началась въ одиннадцать, кончилась въ два часа тридцать минутъ по полудни.

Конференція началась сличеніемъ IV и V статей, рѣшенныхъ на прошлой конференціи.

Турки, употребивъ слово другія въ выраженіи: всѣ другія границы останутся тѣ же, послѣ нѣкоторыхъ преній съ той и другой стороны, должны были включить его, и обѣ эти статьи были обоюдно подписаны и обмѣнены.

Турецкіе уполномоченные предложили прочесть проектъ VI статьи, въ той надеждѣ, сказали они, что искренность, съ какою они изыскали средства для взаимнаго обезпеченія границъ, вполнѣ удовлетворитъ нашихъ.

Турецкій драгоманъ, прочитавъ проектъ на своемъ языкѣ, сообщилъ затѣмъ Французскій переводъ съ него. Наши, просмотрѣвъ его, сказали, что для полной оцѣнки подлинника, нужно непремѣнно перевести его на Русскій языкъ. Вслѣдствіе чего они предложили отложить разсмотрѣніе проекта до будущей конференціи, или же прислать имъ свои о немъ замѣчанія черезъ нашего драгомана.

Турки отвѣчали, что ничто не препятствуетъ представить замѣчанія относительно этой статьи и внѣ конференцій; что въ доказательство своей искренности и своего дружескаго желанія окончить эти переговоры полюбовно и къ взаимному удо-

que, ils y avaient exposé toutes les possibilités; qu'ils l'avaient même étendu, en y insérant le plus qu'ils pouvaient nous accorder, afin de ne plus être obligé d'y rien ajouter, ni d'en rien diminuer, et pour qu'on n'ait rien à discuter sur cet article. Ils ajoutèrent une infinité d'assurances d'amitié et de sincérité de la Sublime Porte envers l'Empire de Russie.

Nos plénipotentiaires y firent un compliment analogue au leur.

Après quoi on procéda à la confrontation de l'article VII.

Pendant cet intervalle un de nos plénipotentiaires demanda à nos secrétaires, s'ils avaient exprimé dans le protocole les assurances et les protestations de l'amitié et de la sincérité de la Sublime Porte envers l'Empire de Russie.

Il fut ensuite observé de notre côté, qu'on avait omis dans le texte turc la conclusion de l'article qui consiste dans la garantie de la Porte des captures que les Barbaresques pourraient faire sur nos marchands, conclusion qui faisait la base et toute la force de l'article; attendu que, depuis la dernière guerre, on avait vu des sujets Russes perdre leurs bâtimens et leurs cargaisons, sans avair jamais pu obtenir des dédomagemens da la Porte, malgré les fréquentes représentations à cet égard qui sont restés sans effet; que c'était pour obvier à ses inconvéniens pour l'avenir qu'on avait inséré cette conclusion dans l'article en question, d'autant plus que pareille chose avait déjà été accordée par l'Empire Ottoman à d'autres puissances avec la seule différence que notre prétention est exprimée dans des termes plus doux et plus modérés.

вольствію, они въ ней представили всѣ предположенія; что они даже расширили ее, показавъ въ ней самое большее, что они могутъ намъ предоставить, чтобы потомъ не было надобности что нибудь прибавлять или убавлять, и чтобы эта статья прошла безъ всякихъ споровъ. Къ этому они прибавили многія завѣренія дружбы и искренности Высокой Порты по отношенію къ Русской имперіи.

Наши уполномоченные отплатили имъ такой же любезностью.

За тѣмъ было приступлено къ сличенію VII статьи.

Во время этого перерыва, одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ спросилъ нашихъ секретарей, занесены ли ими въ протоколъ увѣренія и засвидѣтельствованія дружбы и искренности Высокой Порты по отношенію къ Русской имперіи.

Затѣмъ, съ нашей стороны было заявлено, что въ Турецкомъ подлинникѣ было пропущенъ конецъ статьи, состоящей въ гарантіи Портою захватовъ, какіе Варварійцы могутъ сдѣлать у нашихъ купцовъ, — конецъ, составляющій основу и всю силу статьи, такъ какъ со времени послѣдней войны случалось, что Русскіе подданные теряли свои суда и грузы, не имѣя никогда возможности добиться удовлетворенія отъ Порты, не смотря на неоднократныя по этому поводу представленія, которыя оставались безъ послѣдствій; что, для устраненія въ будущемъ этихъ затрудненій, и былъ прибавленъ этотъ конецъ въ сказанной статьѣ, тѣмъ болѣе, что тоже самое было даровано Оттоманской имперіей другимъ державамъ, съ той лишь разницей, что наше требованіе составлено въ болѣе мягкихъ и умѣренныхъ выраженіяхъ.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent: que ce qui manquait dans cet article, se trouvait dans le traité de Kainardji et dans la convention explicatoire.

Les nôtres objectèrent: que lors de la conclusion des dits traités il n'existait pas de commerce sur la mer Noire et la mer Blanche; que ce n'était que depuis ce traité qu'on passait par les Dardanelles; que malgré les promesses de la Porte on avait vu des bâtimens russes, des cargaisons pris et des gens faits esclaves et vendus; qu'ainsi l'expérience prouvait la nécessité de faire prendre à la Porte des engagements authentiques à cet égard; qu'étant occupés de l'établissement d'une paix durable, il fallait que la Porte confirmat solennellement la dite promesse toujours restée sans effet.

Les plénipotentiaires Turcs dirent: que rarement des bâtimens russes avaient été pris par des Barbaresques et que jamais ils n'avaient fait des prisonniers.

Mais puisque c'est arrivé, quoique rarement dites vous, répliquèrent les nôtres, cela peut arriver encore. Ils ajoutèrent, que M-r le Reis-Efendi avait été témoin lui même des réquisitions de notre ministre à Constantinople pour un bâtiment qu'on avait pris et dont l'équipage avait été mis aux fers; qu'ainsi il fallait faire en sorte que cela n'arrive jamais.

Les Turcs dirent: que la Sublime Porte promettait solennellement, que cela n'arrivera jamais; qu'on donnerait les ordres nécessaires pour cet effet.

Nos plénipotentiaires répondirent: qu'ils s'en tenaient à ce qu'ils avaient

---

Турецкіе уполномоченные отвѣтили: то, чего недостаетъ въ этой статьѣ, находится въ Кайнарджійскомъ договорѣ и пояснительной конвенціи.

Наши возразили, что во время заключенія упомянутыхъ договоровъ, торговля не существовала на Черномъ и на Бѣломъ [т. е. Мраморномъ] моряхъ; что только со времени этого договора суда стали проходить чрезъ Дарданеллы; что, не смотря на обѣщанія Порты, случалось, что Русскіе суда и грузы были захвачены, люди обращены въ рабство и проданы; что поэтому опытъ доказывалъ необходимость истребовать отъ Порты законныя въ этомъ обязательства; что, занятые установленіемъ прочнаго мира, нуждаемся, чтобы Порта торжественно подтвердила сказанное обѣщаніе, которое всегда оставалось неисполненнымъ.

Турецкіе уполномоченные сказали, что Варварійцы рѣдко захватывали Русскія суда и никогда не брали въ плѣнъ.

Но такъ какъ это случалось, хотя и рѣдко, какъ вы говорите, возразили наши, то можетъ и еще повториться. Они добавили, что г. Рейсъ-Ефенди былъ самъ свидѣтелемъ представленій нашего министра въ Константинополѣ касательно захваченнаго судна, экипажъ котораго былъ закованъ въ цѣпи; что поэтому надлежитъ поступить такъ, чтобы этого никогда не случалось болѣе.

Турки сказали, что Высокая Порта торжественно обѣщаетъ, что этого никогда не случится, и что съ этой цѣлью будутъ сдѣланы надлежащія распоряженія.

Наши уполномоченные отвѣтили, что они стоятъ на томъ, что̀ заявили, и что

dit, et que puisque leurs excellences les forçaient à parler clairement, ils leur demandaient: par quelle raison ils avaient accordé à la cour d'Autriche ce qu'ils nous refusaient dans ce moment, qu'ils laissaient juger leurs excellences, si la Russie dans les circonstances présentes ne méritait pas pour le moins autant d'égard que la dite cour.

Les Turcs répliquèrent, qu'on savait très bien, que ce privilège avait été accordé à l'Autriche en faveur de bons offices de la Russie; qu'à l'égard du commerce la Sublime Porte s'engageait et promettait de donner des ordres pour sa sûreté.

Nos plénipotentiaires reprirent: qu'il fallait ajouter, qu'en cas de non-exécution, la Porte payerait les domages et pertes de son trésor.

Les Turcs réitérèrent leurs assurances, que les marchands seraient dorénavant dédomagés de leurs pertes, et que la liberté serait accordée à tout sujet russe, qui tomberait dans l'esclavage des Barbaresques.

Les nôtres dirent, qu'il fallait absolument que la Porte garantit ces pertes et domages, car telle était la dernière volonté de l'impératrice, ou son amour pour ses peuples; qu'ainsi ils ne pouvaient rien y changer, et que c'était une condition sine qua non; que la Russie avait toutes les raisons pour elle: les droits qui par ses bons offices ont été accordés à l'Autriche; les engagements de la Porte dans le traité de Kainardji: de protéger le commerce également avec les nations les plus favorisées et la confirmation de ces promesses dans la

---

такъ какъ ихъ превосходительства вынуждаютъ ихъ высказаться откровенно, то они спрашиваютъ: на какомъ основаніи было предоставлено Австрійскому двору то, что намъ отказываютъ въ эту минуту; что они предоставляютъ ихъ превосходительствамъ посудить, не заслуживаетъ-ли Россія, при настоящихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ такого же вниманія, какъ и сказанный дворъ.

Турки возразили, что всѣмъ хорошо извѣстно, что эта привилегія была предоставлена Австріи во вниманіе къ добрымъ услугамъ Россіи; что по отношенію къ торговлѣ, Порта обязывается и обѣщаетъ издать предписанія для ея безопасности.

Наши уполномоченные сказали, что надлежитъ прибавить, что въ случаѣ ихъ неисполненія, Порта уплатитъ потери и убытки изъ своей казны.

Турки повторили свои увѣренія, что впредь купцы будутъ удовлетворяемы за свои убытки, и что будетъ предоставлена свобода каждому Русскому подданному, который попадетъ въ неволю къ Варварійцамъ.

Наши сказали, что Порта непремѣнно должна гарантировать эти потери и убытки, ибо такова послѣдняя воля императрицы, по любови ея къ своимъ народамъ; что поэтому они не могутъ здѣсь ничего перемѣнить и что это составляетъ условіе sine qua non; что Россія имѣетъ все за собой: права, которыя, вслѣдствіе ея добрыхъ услугъ, были предоставлены Австріи, обязательства Порты по Кайнарджійскому договору покровительствовать торговлѣ наравнѣ съ самыми дружественными съ нею государствами и подтвержденіе этихъ обѣщаній пояснительной конвенціей;

convention explicatoire; que l'expérience les mettait dans la nécessité de tenir ferme, sans quoi cet article deviendrait nul, et tel qu'il était auparavant; c'est à dire qu'on serait derechef obligé de prier, de représenter souvent et inutilement, comme cela s'était déjà vu tant de fois.

Les Turcs répondirent: que la Porte emploirait tout ce qui dépendrait d'elle pour faire rendre justice et donner satisfaction aux marchands russes, et pour que cela soit plus claire, qu'elle ajouterait que.....

Là dessus le Reis-Efendi prit le papier qui contenait l'article en question et commença à y ajouter quelques mots.

Pendant cet entrefait les nôtres dirent: que quant aux termes et aux expressions, l'impératrice avait ordonné d'éviter tout ce qui pourrait choquer la Porte; mais que l'expression de la garantie de la Porte était indispensable; d'autant plus que les sujets ne s'exposeraient pas à tant de risques, à moins qu'ils ne sentent toute la clarté de cette expression; que par conséquent il fallait comparer cet article dans les deux langues, et n'en rien changer, car le travail serait inutile.

Après que le Reis-Efendi eut fini d'écrire un projet pour la conclusion de cet article, notre dragoman en a lu la traduction suivante:

«Que si les firmans envoyés aux cantons barbaresques n'étaient pas mis en exécution, la Porte à la représentation du ministre ou du chargé des affaires de Russie, s'engagerait de faire restituer ou de faire payer toutes les pertes dans l'espace d'un mois ou plutôt; qu'elle promettait en même temps d'employer

---

что опытъ ставитъ ихъ въ необходимость непреклонно стоять на своемъ, иначе эта статья будетъ недѣйствительна какъ и прежде, то есть, что опять нужно будетъ просить, дѣлать частыя и безполезныя заявленія, какъ это уже столько разъ было.

Турки отвѣчали, что Порта сдѣлаетъ все, что отъ нея будетъ зависѣть, чтобы оказать правосудіе и дать удовлетвореніе Русскимъ купцамъ, а для большей ясности прибавляютъ, что....

Тутъ Рейсъ-Ефенди взялъ сказанную статью и сталъ приписывать къ ней нѣсколько словъ.

Въ это время наши сказали: относительно терминовъ и выраженій, императрица велѣла избѣгать всего, что могло бы оскорбить Порту, но выраженіе гарантіи Порты необходимо, тѣмъ болѣе, что подданные ея не станутъ подвергать себя такому риску, пока это не будетъ высказано самымъ опредѣленнымъ образомъ; что поэтому необходимо сличить эту статью на обоихъ языкахъ и ничего въ ней не измѣнять, иначе трудъ будетъ напрасенъ.

Послѣ того какъ Рейсъ-Ефенди кончилъ писать проектъ заключенія этой статьи, нашъ драгоманъ прочелъ слѣдующій переводъ съ него:

«Ежели фирманы, отправленные въ Варварійскія земли, не будутъ приведены въ исполненіе, Порта, по представленію Русскаго министра или повѣреннаго въ дѣлахъ, обязывается возвратить или уплатить всѣ убытки въ теченіе мѣсяца или и

tous les moyens possibles pour que les marchands russes ne souffrent aucune perte ni dommage».

Nos plénipotentiaires dirent là-dessus, qu'ils le prenaient pour en faire faire une traduction en russe, qu'ils en donneraient la réponse à leurs excellences par notre dragoman, et qu'ils proposaient de passer au VIII article, en y ajoutant, que par rapport au VII la clause de la restitution du propre trésor de la Porte, devait nécessairement y être insérrée.

Les Turcs répondirent que le sens de leur projet disait la même chose.

Les nôtres répliquèrent: qu'en supposant que nous le comprenions, les marchands avaient besoin d'expressions plus intelligibles, et puisque la Porte avait accordé cette garantie a l'Autriche et en de termes peut-être trop forts, pourquoi ne nous accorderait-elle pas la même garantie dans des termes plus doux.

Les plénipotentiaires Turcs reprirent, que le moindre matelot et commerçant connaissaient la distance des lieux et le calcule du temps et comprendraient facilement, que dans un mois de temps il n'y a que la Sublime Porte que puisse payer.

Les nôtres dirent: qu'assurement ils savaient cette distance mieux qui nous mêmes; mais que le matelot aussi bien que le ministre comprendraient bien plus facilement, quand il serait dit, que la Porte restituera tous les dommages et les pertes de son propre trésor.

Là-dessus les Turcs proposèrent encore une fois de passer ce terme.

ранѣе; въ то же время она обѣщаетъ принять всѣ зависящія мѣры, чтобы Русскіе купцы не несли никакихъ потерь и убытковъ».

Наши уполномоченные на это сказали, что возьмутъ этотъ проектъ, чтобы перевести его по Русски и сообщатъ ихъ превосходительствамъ отвѣтъ черезъ нашего драгомана, и что предлагаютъ перейти къ VIII статьѣ, а относительно VII прибавляютъ, что въ нее непремѣнно нужно включить оговорку о вознагражденіи изъ собственной казны Порты.

Турки отвѣчали, что смыслъ ихъ проекта выражаетъ тоже самое.

Наши возразили: положимъ, что мы понимаемъ его, но для купцовъ необходимы болѣе вразумительныя выраженія, а такъ какъ Порта предоставила эту гарантію Австріи, и притомъ въ выраженіяхъ быть можетъ даже слишкомъ сильныхъ, то отчего же она не дастъ намъ той же гарантіи, но въ выраженіяхъ болѣе мягкихъ.

Турецкіе уполномоченные возразили, что самый послѣдній матросъ и купецъ знакомы съ разстояніемъ мѣстъ и счисленіемъ времени, и легко поймутъ, что въ мѣсячный срокъ можетъ платить одна лишь Высокая Порта.

Наши сказали: конечно, разстояніе извѣстно имъ лучше, чѣмъ намъ самимъ; но какъ матросъ. такъ равно и министръ поймутъ гораздо легче, когда будетъ сказано, что Порта вознаградитъ всѣ убытки и потери изъ своей собственной казны.

Здѣсь Турки снова предложили не помѣщать этого выраженія.

Nos plénipotentiaires répéterent, qu'ils ne pouvaient pas arbitrer là-dessus et leur demandèrent, s'ils ne le sentaient pas eux mêmes par tout ce qui s'était passé dans le courant de la conférence.

Les Turcs dirent que l'intention de la Sublime Porte était de restituer dans un mois toutes les pertes; qu'ainsi on ne disputait donc que sur les mots.

Pourquoi donc, répondirent les nôtres, les mots, sur le sens desquels on est convenu, nous empêcheraient-ils d'aller plus loin.

Les plénipotentiaires Turcs repartirent: qu'ils prenaient Dieu pour témoin, qu'ils avaient déjà passé leurs instructions uniquement pour prouver la sincérité de la Sublime Porte.

Les nôtres répondirent, que sa majesté le Sultan et son ministère ne pourraient qu'applaudir à cette décision de leurs excellences, vu la position actuelle de la Russie vis à vis de la Sublime Porte et sa dernière stipulation à cet égard avec l'Autriche.

Les plénipotentiaires Turcs dirent, qu'ils faisaient serment d'avoir passé leurs instructions.

Les nôtres répliquèrent, qu'en ce cas cet article resterait indécis, jusqu'à ce qu'ils auraient reçu les ordres nécessaires sur tous les articles, vu qu'ils leur avaient été remis de notre part tous ensemble.

Les Turcs répétèrent, qu'à l'égard de ces mots leurs instructions n'étaient pas suffisantes.

Наши уполномоченные повторили, что они не властны рѣшать это, и спросили ихъ, не примѣчаютъ-ли они того же и сами изъ всего, что происходило въ теченіи конференціи.

Турки сказали, что Высокая Порта намѣрена вознаградить въ теченіи мѣсяца всѣ потери, что поэтому споръ идетъ лишь о словахъ.

Отчего же, отвѣчали наши, эти слова, относительно смысла которыхъ послѣдовало соглашеніе, мѣшаютъ намъ идти дальше.

Турецкіе уполномоченные возразили, что они призываютъ Бога во свидѣтели, что они уже выполнили данныя имъ инструкціи, единственно съ цѣлью доказать искренность Высокой Порты.

Наши отвѣтили, что его величество султанъ и его министерство могутъ лишь одобрить такое рѣшеніе ихъ превосходительствъ, въ виду теперешнихъ отношеній Россіи къ Высокой Портѣ и послѣдняго о томъ же договора съ Австріей.

Турецкіе уполномоченные сказали, что даютъ клятву въ выполненіи ими инструкцій.

Наши возразили, что въ такомъ случаѣ эта статья останется нерѣшенной до тѣхъ поръ, пока они не получатъ надлежащихъ инструкцій относительно всѣхъ статей, такъ какъ съ нашей стороны всѣ онѣ сразу были имъ вручены.

Турки повторили, что въ отношеніи этихъ словъ, ихъ инструкціи недостаточны.

Nos plénipotentiaires répondirent: que si ces messieurs voulaient faire à chaque article de pareilles objections, leur ouvrage ne finirait jamais; que ce n'était pas une négociation à marchander sur des mots, mais un traité solennel qui doit servir pour des siècles.

Les Turcs observèrent, que pour un mot il ne valait pas la peine de retarder l'échange de l'article.

Les nôtres objectèrent, qu'il serait bien douloureux d'être obligé d'envoyer des couriers pour chaque mot; qu'ils ne voyaient pas pourquoi la Sublime Porte n'accorderait pas à la Russie, ce qu'elle avait accordé à l'Autriche.

Les plénipotentiaires Turcs répliquèrent, que le commerce de l'Autriche avait été fondé sur celui de la Russie; qu'ils accordaient à cette dernière la même chose excepté un seul mot.

Les nôtres observèrent: qu'il était dit dans le traité avec l'Autriche, que l'Empéreur pourrait se servir de représsailles; mais que nous nous étions servis de termes infiniment doux.

Les Turcs répondirent: que ce qu'ils avaient ajouté à l'article était très clair et que même cela ne se trouvait pas dans le traité de Kainardji ni dans la convention explicatoire; que d'ailleurs l'acte conclu avec les Autrichiens ne l'avait été que par l'intervention de la Russie.

Nos plénipotentiaires dirent: qu'ils savaient que cela avait été confirmé dans le traité de Sistove; qu'ils ne parleraient pas des circonstances qui avaient

---

Наши уполномоченные отвѣтили, что если эти господа думаютъ дѣлать подобныя возраженія относительно каждой статьи, то дѣло никогда не кончится; что цѣль переговоровъ не торговля изъ-за словъ, но установленіе торжественнаго трактата, который долженъ существовать столѣтія.

Турки возразили, что изъ-за одного слова не стоитъ задерживать обмѣнъ статьи.

Наши возразили, что было бы весьма прискорбно въ случаѣ необходимости отправлять курьеровъ изъ-за каждаго слова; что они не понимаютъ, отчего бы Высокая Порта не предоставила Россіи того, что она даровала Австріи.

Турецкіе уполномоченные возразили, что торговля Австріи основана на торговлѣ Россіи, и что послѣдней они предоставляютъ то же самое, за исключеніемъ лишь одного слова.

Наши сдѣлали замѣчаніе: что въ торговлѣ съ Австріей значится, что императоръ можетъ прибѣгнуть къ возмездію; мы же употребили выраженія гораздо болѣе мягкія.

Турки отвѣтили, что сдѣланное ими прибавленіе къ этой статьѣ было весьма ясно, и что этого нѣтъ даже въ Кайнарджійскомъ договорѣ, ни въ пояснительной конвенціи; притомъ же договоръ съ Австрійцами былъ заключенъ лишь вслѣдствіе вмѣшательства Россіи.

Наши уполномоченные заявили, что имъ извѣстно о подтвержденіи этого Систовскимъ трактатомъ, что они не станутъ говорить объ обстоятельствахъ, которыя

amené le congrès de Sistove et celui de Jassy; mais qu'ils remarqueraient seulement à leurs excellences que la Russie méritait tout autant d'égards que l'Autriche.

Les plénipotentiaires Turcs répétèrent, qu'ils avaient passé leurs instructions; qu'ils prendraient cet article en considération et qu'ils feraient connaître leur façon de penser par notre dragoman.

Les nôtres répondirent: qu'ils priaient leurs excellences d'y refléchir avec toute l'attention possible, et de penser à ce que cet article soit clairement expliqué; qu'en attendant on le regarderait comme non arrêté.

Là-dessus la conférence finit et la prochaine fut fixée à mardi 25 novembre.

Protocole de la 6-me conférence, du 25 novembre.

Elle fut commencée à onze, et finie à midi et demi.

Nos plénipotentiaires proposèrent de parler de l'article, qu'on n'avait pas achevé dans la dernière conférence.

Les Turcs répondirent, que c'était de l'article VI, qu'il avait été question.

Les nôtres: que quant à ce VI article ils ne pouvaient pas l'accepter tel qu'il leur avait été proposé.

Les Turcs: qu'ils avaient fait leur possible, pour procurer par cet article

---

привели къ Систовскому и Ясскому конгрессу, но замѣтять лишь ихъ превосходительствамъ, что Россія вполнѣ заслуживаетъ того же вниманія, какъ и Австрія.

Турецкіе уполномоченные повторили, что они выполнили свои инструкціи; что они примутъ къ свѣдѣнію эту статью и сообщатъ свое мнѣніе черезъ нашего драгомана.

Наши отвѣтили, что они просятъ ихъ превосходительства обсудить это со всевозможнымъ вниманіемъ, и позаботиться, чтобы эта статья была ясно изложена, а пока она будетъ считаться нерѣшенною.

Тутъ конференція кончилась, а слѣдующая была назначена во Вторникъ, 25 ноября.

Протоколъ 6-й конференціи, 25 ноября.

Началась въ одиннадцать, кончилась въ половинѣ перваго.

Наши уполномоченные предложили переговорить о статьѣ не оконченной на послѣдней конференціи.

Турки отвѣчали, что здѣсь рѣчь идетъ о VI статьѣ.

Наши: что касается VI статьи, то они не могутъ принять ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была предложена имъ.

Турки: что они сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы достигнуть, въ

toute sécurité à nos frontières; qu'ils étaient portés à y ajouter tout ce que nos plénipotentiaires voudraient.

Les nôtres: qu'ils avaient dit leur façon de penser à cet égard, et que leurs excellences l'avaient vu dans l'article qui se trouvait dans le projet du traité de paix; qu'il semblait, qu'ils n'avaient pas de pleins pouvoirs pour en traiter, qu'ainsi cet article se traiterait entre notre suprême plénipotentiaire et le grand vizir.

Les Turcs: qu'ils avaient proposé des moyens, par lesquels on pouvait parvenir à la sûreté des frontières.

Les nôtres: qu'ils avaient déjà dit, qu'ils ne pouvaient pas les accepter; que jusqu'à présent ils n'avaient éprouvé que des contrariétés de la part de leurs excellences; qu'ils les priaient d'être persuadé de leur désir sincère d'achever cette négociation de paix; qu'ils avaint des ordres pour ne pas perdre du temps et qu'ils passeraient aux autres articles, en attendant la réponse du grand vizir, sur ceux qu'ils avaient mis en doute.

Les Turcs: que si on ne voulait pas perdre du temps, qu'ils objecteraient à nos plénipotentiaires, que c'est en écrivant qu'on en perdait considérablement.

Les nôtres: qu'ils devaient donc décider, qu'ils n'étaient pas ici pour négocier; qu'ils devaient avouer s'ils avaient ou s'ils n'avaient pas de pleins pouvoirs pour accepter ce qu'on leur proposait, afin qu'on puisse avoir recours à la source.

силу этой статьи, полной безопасности нашихъ границъ; что они готовы включить въ нее все, что пожелаютъ наши уполномоченные.

Наши: что они высказали свое мнѣніе на этотъ счетъ, съ которымъ ихъ превосходительства ознакомились въ статьѣ проекта мирнаго договора; что повидимому у нихъ нѣтъ полномочія для переговоровъ о ней, и что посему эта статья будетъ обсуждаться нашимъ главноуполномоченнымъ и великимъ визиремъ.

Турки: что они предложили способы, посредствомъ коихъ можно достигнуть безопасности границъ.

Наши: что они уже сказали, что не могутъ принять ихъ; что по настоящее время они встрѣчали одни лишь затрудненія со стороны ихъ превосходительствъ; что они просятъ ихъ быть увѣренными въ ихъ искреннемъ желаніи окончить эти мирные переговоры; что имъ предписано не терять времени, и что они перейдутъ къ другимъ статьямъ въ ожиданіи отвѣта великаго визиря относительно сомнительныхъ статей.

Турки: если не желательно терять времени, то они замѣтили бы нашимъ уполномоченнымъ, что его теряется довольно много при перепискѣ.

Наши: что наконецъ они должны же рѣшить, что они собрались здѣсь не для переговоровъ; что они должны сознаться, имѣютъ ли они или нѣтъ полномочія для принятія ихъ предложеній, для того чтобы можно было обратиться къ источнику.

Les Turcs demandèrent de quelle opposition les nôtres voulaient parler.

Les nôtres: qu'ils parlaient de toutes celles que partout ils avaient rencontré; qu'ils rougissaient même d'être forcé de parler du III article, accepté et signé dans les préliminaires, ensuite de l'article de barbaresques, etc...

Les Turcs: que quant à ce dernier, ils avaient déjà donné un projet dans la conférence précédente.

Les nôtres: qu'ils avaient demandé sur cet article des explications précises.

Les Turcs: qu'ils croiaient en avoir donné d'assez suffisantes, si ce n'est un seul mot qui y manquait.

Les nôtres: qu'ils ne l'accepteraient pas sans ce seul mot.

Les Turcs: que dans le contenu de cet article on ne disputait que des mots et non du sens.

Les nôtres: qu'ils n'exigeaient pas qu'ils passent outre leurs pouvoirs; qu'ils parleraient de l'article suivant, concernant les prisonniers et qu'ils laissaient à leurs excellences le choix ou de l'accepter conformément au projet de paix, ou bien de le transcrire du traité de Kainardji, sans rien y ajouter ni en rien diminuer.

Les Turcs sans répondre à la proposition précédente, dirent qu'ils convenaient que l'article III avait été accepté par les préliminaires, mais qu'ils ont été forcés d'en écrire au grand vizir, en vertu des ordres qu'il leur avait donnés.

Турки спросили, о какой оппозиціи наши говорятъ.

Наши: что они говорятъ о всѣхъ тѣхъ, которыя они встрѣчали повсюду; что они даже краснѣютъ, что были вынуждены говорить о III статьѣ, принятой и подписанной на предварительныхъ условіяхъ, затѣмъ о статьѣ о Варварійцахъ, и проч.

Турки: что касается послѣдней статьи, то они уже предложили проектъ ея на прошлой конференціи.

Наши требовали точныхъ разъясненій этой статьи.

Турки: что они полагаютъ, что уже дали достаточныя, за исключеніемъ одного лишь слова.

Наши: что они не принимаютъ статьи безъ этого слова.

Турки: что относительно содержанія этой статьи, споръ шолъ лишь о словахъ, а не о смыслѣ.

Наши: что они не требуютъ, чтобы они нарушали свои довѣренности; что они будутъ говорить о слѣдующей статьѣ относительно плѣнныхъ, предоставляя ихъ превосходительствамъ на выборъ: или принять ее согласно проекту мира, или же писать ее съ Кайнарджійскаго договора, ничего къ ней не прибавляя и ничего не исключая.

Турки, ничего не отвѣчая на это предложеніе, сказали, что признаютъ, что III статья была принята на предварительныхъ условіяхъ, но что они были вынуждены написать объ этомъ великому визирю, вслѣдствіе данныхъ имъ приказаній.

Les nôtres: qu'ils savaient bien, que leurs excellences devaient tous les égards possibles au grand vizir; mais que cependant on traitait ici aux noms respectifs des souverains; et que leurs sujets réciproques ne devaient point pâtir de la perte du temps.

Les Turcs: que pour avoir écrit au grand vizir, ils n'avaient nullement arrêté les conférences.

Les nôtres: qu'ils avaient les mêmes retards à craindre, touchant les autres articles; que si leurs excellences voulaient avouer, qu'ils n'avaient point de pleins pouvoirs suffisants, qu'on aurait recours à la source, d'où partent ces pouvoirs. Qu'autrement il serait inutile de remplir les protocoles par des raisonnements futiles.

Les Turcs: que ce qui restait n'était plus grande chose; et qu'ils désireraient de savoir ce que les nôtres avaient à leur déclarer par rapport à l'article VI.

Les nôtres: qu'ils l'accepteraient conformément au projet de paix.

Les Turcs demandèrent quel était le but de sa majesté impériale dans cet article; que si c'était la sûreté des frontières, qu'ils y avaient prévu, et qu'ils étaient prêts à y ajouter, ce que nos plénipotentiaires leur proposeraient.

Les nôtres: qu'ils ne trouveraient de la sûreté dans cet article qu'autant qu'ils l'accepteraient tel qu'il leur avait été communiqué dans le projet de paix, qu'il fallait donc l'accepter ou le rapporter à la décision du grand vizir.

Les Turcs: que son excellence le suprême plénipotentiaire leur avait de-

---

Наши: что имъ вполнѣ извѣстно, что ихъ превосходительства обязаны относиться къ великому визирю съ надлежащимъ уваженіемъ, но что тѣмъ не менѣе здѣсь происходятъ переговоры отъ имени ихъ величествъ, и что ихъ подданные вовсе не должны страдать изъ-за потери времени.

Турки: что докладомъ великому визирю они нисколько не задержали конференцій.

Наши: что они опасаются тѣхъ же замедленій относительно другихъ статей; что если бы ихъ превосходительства захотѣли сознаться, что у нихъ нѣтъ достаточныхъ полномочій, то они обратились бы къ самому источнику, откуда они получаются; что иначе напрасно наполнять протоколы пустыми разсужденіями.

Турки: то что остается не представляетъ уже такой важности, что они желали бы знать, что наши имѣютъ заявить касательно VI статьи.

Наши: что они принимаютъ ее согласно проекту мира.

Турки спросили, какая была цѣль ея императорскаго величества въ этой статьѣ; что ежели имѣлась въ виду безопасность границъ, то они предусмотрѣли это, и готовы прибавить то, что имъ предложатъ наши уполномоченные.

Наши: что въ этой статьѣ они будутъ видѣть гарантію безопасности лишь тогда, когда ее примутъ въ томъ видѣ, какъ она изложена въ проектѣ мира; что поэтому надлежитъ или принять ее, или представить на усмотрѣніе великаго визиря.

Турки: его сіятельство главноуполномоченный спрашивалъ ихъ въ своемъ от-

mandé dans sa réponse, quels étaient les moyens qu'ils avaient à proposer pour la sûreté des frontières; qu'ils avaient satisfait à cette demande en remettant à nos plénipotentiaires leur projet sur cet article, et que, s'il fallait se rapporter au grand vizir, la négociation serait arrêtée.

Les nôtres objectèrent que les couriers allaient assez vite; mais que sans doute il vaudrait beaucoup mieux s'ils le pouvaient accepter tout de suite.

Les Turcs: que cet article ne se trouvait pas dans les préliminaires.

Les nôtres: que si on ne s'était assemblé que pour parler de ce qui avait déjà été arrêté par les préliminaires, le congrès de Jassy serait inutile.

Les Turcs: que cet article étant de conséquence, il aurait dû entrer dans les préliminaires, comme base de la paix.

Les nôtres: que les préliminaires étaient la base pour entrer en négociation et non la base de la paix.

Les Turcs: que la base de la négociation était l'armistice et la base de la paix les préliminaires.

Les nôtres: qu'on n'avait pas besoin de disputer là-dessus; qu'ils laissaient l'article VI à la décision du suprême plénipotentiaire et du grand vizir, et qu'ils demandaient si le mot trésor avait été admis dans l'article VII.

Les Turcs demandèrent à traiter d'abord de l'article VI.

Les nôtres: qu'on le laisserait comme il avait été dit ci-dessus.

Le Turcs insistèrent que le VI fut négocié avant le VII.

вѣтѣ, какія средства они могли бы предложить для обезпеченія границъ; что они исполнили это требованіе, вручивъ нашимъ уполномоченнымъ свой проектъ этой статьи, и что если нужно отнестись къ великому визирю, то переговоры задержатся.

Наши возразили, что хотя курьерская ѣзда довольно быстра, но что безъ сомнѣнія было бы гораздо лучше, если бы они могли тотчасъ же принять ее.

Турки: что этой статьи не было въ предварительныхъ условіяхъ.

Наши: что если бы собрались только для переговоровъ о томъ, что уже было постановлено предварительными условіями, то Ясскій конгрессъ былъ бы безполезенъ.

Турки: что эта статья, по своей важности, должна была бы войти въ предварительныя условія, какъ основа мира.

Наши: что предварительныя условія составляютъ основаніе для вступленія въ переговоры, а не основу мира.

Турки: что основаніемъ для переговоровъ было перемиріе, а основаніемъ мира— предварительныя условія.

Наши: что нѣтъ надобности объ этомъ спорить; что VI статью они предоставляютъ на рѣшеніе главноуполномоченнаго и великаго визиря, и спрашиваютъ, включено ли слово казна въ VII статью.

Турки требовали обсудить сперва VI статью.

Наши: что они сдѣлаютъ такъ, какъ выше было сказано.

Турки настаивали, чтобы разсмотрѣть VI статью прежде VII.

Les nôtres: qu'ils l'acceptaient conformément au projet du traité de paix.

Les Turcs: qu'ils n'avaient pas montré de résistance relativement aux articles fondés sur les préliminaires, que quant à l'article VI, il était contraire aux préliminaires et même aux anciens traités.

Les nôtres: que par conséquent ils ne l'acceptaient pas?

Les Turcs: qu'ils avaient fait leur possible pour obvier à tous les inconvénients, touchant les frontières.

Les nôtres: qu'ils ne demandaient que l'acceptation; ou la nonacceptation.

Les Turcs: qu'ils avaient déjà donné toute satisfaction à cet égard.

Les nôtres: qu'ils leur avaient déjà répété plusieurs fois qu'ils ne pouvaient pas l'accepter d'après leur projet; qu'ils demandaient à ces messieurs s'ils voulaient l'accepter d'après le notre, ou non.

Les Turcs: qu'ils ne le pouvaient pas de cette manière.

A la bonne heure, répondirent les nôtres, et demandèrent ce qui en était du VII-me article. Là-dessus on répéta les expressions contenues dans la conclusion de cet article; ainsi que tous les arguments, tant de fois réitérés.

Les Turcs: que tous les articles étaient finis, tant les précédents que les suivants, et qu'on n'était arrêté que par ces deux.

Les nôtres: qu'on ne parlerait plus du VII, et qu'on traiterait du VI d'une autre manière.

Наши: что они принимаютъ ее согласно проекту мирнаго договора.

Турки: что они не оказывали сопротивленія относительно статей, основанныхъ на предварительныхъ условіяхъ; что же касается VI статьи, то она идетъ вразрѣзъ съ предварительными условіями и даже прежними договорами.

Наши: слѣдовательно они не принимаютъ ее?

Турки: они сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы устранить всѣ неудобства въ отношеніи границъ.

Наши: что они лишь требуютъ принятія или отказа.

Турки: что они уже дали полное удовлетвореніе въ этомъ отношеніи.

Наши: что они уже повторяли имъ нѣсколько разъ, что не могутъ принять ее согласно ихъ проекту; что они спрашиваютъ этихъ господъ, желаютъ ли они принять ее согласно нашему проекту, или нѣтъ.

Турки: что они не могутъ принять ее въ этомъ видѣ.

И прекрасно, отвѣчали наши, и спросили, что рѣшено на счетъ VII статьи. Здѣсь были вновь приведены выраженія, помѣщенныя въ заключеніи этой статьи, равно какъ и всѣ доводы, столько разъ повторенные.

Турки: что всѣ статьи окончены, какъ предшествующія, такъ и послѣдующія, и что остановка только въ этихъ двухъ.

Наши: что не будетъ больше рѣчи о VII статьѣ и что VI будетъ обсуждаться другимъ образомъ.

Les Turcs: qu'ainsi on devait regarder l'article VII comme non fini?

Les nôtres: que leurs excellences ne l'avaient pas accepté et que le protocole le disait.

Les Turcs: que c'était réciproque, et qu'ils avaient fait tout ce qu'il à dépendu de leur pouvoir.

Les nôtres: qu'il fallait que leurs excellences donnent une réponse décisive sur l'article VI et VII, qu'ils ne finiraient pas la conférence sans cela.

Les Turcs commençaient par dire qu'ils n'avaient pas refusé l'acceptation du III article qui se trouvait dans les préliminaires; que quant au VIII ils y avaient changé quelques petites choses; que si ce changement n'était pas pris en considération, ils se rapporteraient au traité de Kainardjy; que l'article IX, X, XI et XII étaient acceptés d'après le projet du traité de paix, et qu'i restait par conséquent à décider sur le VI et le VII.

Les nôtres: qu'ils n'avaient plus rien à traiter sur l'article VI, qu'il était abandonné au suprême plénipotentiaire; qu'il s'agissait de savoir, si celui, qui concerne les Barbaresques sera décidé ou non? que l'impératrice ne retirerait de tout le traité de paix que ce seul avantage pour les sujets de son empire; que l'article VI, restant seul à être décidé entre son excellence le suprême plénipotentiaire et le grand vizir, il paraît qu'il le sera d'autant plus facilement.

Les Turcs: que son excellence le suprême plénipotentiaire était le maître d'en écrire au grand vizir, mais que pour l'ordre il fallait arrêter le VI article avant le VII.

Турки: слѣдовательно VII статью нужно разсматривать какъ неконченную?

Наши: ихъ превосходительства не приняли ее, что сказано и въ протоколѣ.

Турки: что это было сдѣлано взаимно, и что они сдѣлали все, что было въ ихъ власти.

Наши: что необходимо, чтобы ихъ превосходительства дали рѣшительный отвѣтъ относительно VI и VII статей, иначе они не кончатъ конференціи.

Турки стали говорить, что они не отказывались принять III статью, которая находится въ предварительныхъ условіяхъ; что относительно VIII статьи они сдѣлали нѣсколько незначительныхъ измѣненій; что если это измѣненіе не будетъ принято во вниманіе, они сошлются на Кайнарджійскій договоръ; что статьи IX, X, XI и XII приняты согласно проекту мирнаго договора, и слѣдовательно остается лишь рѣшить VI и VII статьи.

Наши: что имъ нечего больше обсуждать VI статью, такъ какъ она предоставлена главноуполномоченному; что желательно было бы знать, будетъ ли рѣшена или нѣтъ статья относительно Варварійцевъ? Что изъ всего мирнаго договора императрица пріобрѣтетъ лишь эту единственную пользу для подданныхъ своей имперіи, что такъ какъ остается единственно VI статья, подлежащая рѣшенію его сіятельства главноуполномоченнаго и великаго визиря, то, повидимому, оно тѣмъ легче состоится.

Турки: его сіятельство главноуполномоченный властенъ сообщить объ этомъ великому визирю; но порядка ради слѣдуетъ рѣшить VI статью прежде VII.

Les nôtres: qu'ils manquaient déjà de mots pour répéter que le VI article étant refusé, qu'il serait décidé entre les supérieurs et qu'il fallait procéder au VII.

Les Turcs: que cependant le VI n'était pas fini, puisqu'on le laissait à la correspondance.

Les nôtres demandèrent si ces messieurs voulaient arrêter les conférences.

Les Turcs: qu'ils ne le voulaient et qu'ils ne le feraient pas, qu'à moins qu'on ne le fasse de notre côté.

Les nôtres: qu'ils le faisaient par le fait même, et qu'on pouvait inscrire dans le protocole comme on voudrait, mais qu'elles seront arrêtées, puisqu'ils refusaient de procéder au VII article.

Les Turcs: qu'ils écriraient pour avoir une réponse.

Les nôtres: qu'ils voulaient savoir oui ou non.

Les Turcs: qu'ils avaient déjà répondu, que ces deux articles étaient liés ensemble.

Les nôtres: qu'on ne parlerait donc absolument pas du VII avant que le VI ne fut arrêté.

Les Turcs: que quant au VIII et les autres, qu'on devait les regarder comme finis, et que pour ceux en question, qu'ils les finiraient comme ils l'avaient dit.

Les nôtres: que ce n'était point une réponse décisive; qu'il fallait déclarer, s'ils voulaient arrêter l'article VI tel qu'il leur avait été proposé par le projet

---

Наши: что имъ уже не достаетъ словъ, чтобы снова повторить, и такъ какъ VI статья отвергнута, то она будетъ рѣшаться верховными лицами, и что нужно перейти къ VII.

Турки: что вѣдь VI статья не кончена, такъ какъ она предоставляется личной перепискѣ.

Наши спросили, желаютъ ли эти господа пріостановить конференціи.

Турки: что они не желаютъ и не сдѣлаютъ этого, если это не будетъ сдѣлано въ нашей стороны.

Наши: что они дѣлаютъ это фактически и могутъ заносить въ протоколъ что угодно; но конференціи будутъ прерваны вслѣдствіе ихъ отказа приступить къ VII статьѣ.

Турки: что они доложатъ письменно, для полученія отвѣта.

Наши: что они желаютъ знать да или нѣтъ.

Турки: что они уже сказали, что обѣ эти статьи имѣютъ взаимную связь.

Наши: что поэтому вовсѣ не будетъ рѣчи о VII статьѣ, пока не будетъ рѣшена VI.

Турки: что VIII и другія статьи можно считать оконченными; что же касается статей, о которыхъ идетъ рѣчь, то они окончатъ ихъ такъ, какъ сказали.

Наши: что это вовсе не есть рѣшительный отвѣтъ: они должны заявить, желаютъ ли они утвердить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ предложена

*

de paix; et le VII en y ajoutant la phrase: que les pertes et les dommages seraient payés du trésor de la Sublime Porte.

Les Turcs: qu'ils écriraient au grand vizir, et qu'ils ne doutaient pas d'en recevoir bientôt la réponse.

Les nôtres: qu'il paraissait que ces messieurs ne voulaient rien finir.

A ces mots nos plénipotentiaires quittèrent leurs places et sortirent de la salle des conférences, sans leur rien dire.

Après quoi le dragoman Turc dit au nôtre, par ordre des plénipotentiaires Ottomans, qui étaient encore présents: qu'ils ne discontinuaient pas les conférences, et qu'ils se trouvaient encore dans la salle tous prêts à traiter d'affaires avec leurs amis, les plénipotentiaires de sa majesté l'impératrice; et voyant que les nôtres ne rentraient pas, ils s'en allèrent.

Protocole de la 7-me conférence du 29 novembre.

Les plénipotentiaires Turcs ouvrirent la conférence en annonçant, qu'ils avaient reçu la réponse du grand vizir; que son altesse les avait chargés de compliments sincères pour son excellence m-r le comte de Bezborodko et m-rs les plénipotentiaires; qu'ils avaient à déclarer relativement au III article, que lors des conférences tenues à Galatz, ils avaient reçu des promesses, qu'on aurait égard à leurs réquisitions amicales; qu'ils en avaient faits, pour obtenir

---

въ проектѣ мира, а VII статью съ прибавленіемъ фразы, что потери и убытки уплачены казною Высокой Порты.

Турки: что они письменно доложатъ великому визирю, и не сомнѣваются вскорѣ получить отвѣтъ.

Наши: что повидимому эти господа не желаютъ ничего кончить.

Съ этими словами наши уполномоченные встали съ мѣста и, ничего не сказавъ, удалились изъ залы совѣщаній.

Затѣмъ, вслѣдствіе приказанія Оттоманскихъ уполномоченныхъ, которые еще присутствовали, Турецкій драгоманъ сказалъ нашему: что они не прекращали конференцій; что они все еще присутствуютъ въ залѣ, вполнѣ готовые обсуждать дѣла съ своими друзьями, уполномоченными ея величества императрицы; но видя, что наши не возвращаются, они удалились.

Протоколъ 7-й конференціи, 29 ноября.

Турецкіе уполномоченные открыли конференцію заявленіемъ, что они получили отвѣтъ отъ великаго визиря; что его свѣтлость поручилъ имъ засвидѣтельствовать искреннее уваженіе его сіятельству, графу Безбородко, и гг. уполномоченнымъ; относительно III статьи они считаютъ нужнымъ объяснить, что во время Галацкихъ конференцій имъ было обѣщано принять во вниманіе ихъ дружественныя представленія; что предъявленное ими требованіе объ уступкѣ участка земли по другую сто-

de l'autre côté du Dniester une espace de terrain, et que cette demande a été rejetée. Que les préliminaires étant reçus et acceptés de leur part, cet article ne souffrirait aucune difficulté. Mais comme il était parlé dans les préliminaires des fortifications, que cela exigeait des éclaircissements et qu'ils allaient parler sur ce sujet.

Les plénipotentiaires Russes répondirent, qu'ils étaient sensibles au complimens du grand vizir et qu'ils ne manqueraient pas d'en faire part à son excellence le suprême plénipotentiaire. Quant au territoire que la Russie acquiert par ce traité de paix, qu'on avait déjà répété plusieurs fois, qu'ils se conformaient à l'ultimatum de sa majesté impériale, et qu'ils ne pouvaient arbitrer sur cet article. Que les pourparlers relativement aux fortifications leur étaient également impossibles, et que l'impératrice n'admettrait pas la moindre restriction à ses droits de propriété.

Les Turcs observèrent que la pacification veut dire un arrangement, qui établit l'harmonie et la sécurité réciproque, qui ne pourraient pas exister s'il y avait des fortifications de l'autre côté du Dniester.

Nos plénipotentiaires Russes répondirent, qu'ils ne pouvaient se départir d'un droit que l'impératrice avait acquise par ses armes, et que si ces m-rs refusaient de signer cet article, qu'ils leur annonçaient que dès cet instant même toute négociation serait rompue. Et que ce procédé serait conforme à leurs instructions, et aux ordres donnés.

рону Днѣстра было отвергнуто; что вслѣдствіе принятія ими предварительныхъ условій, эта статья не встрѣтитъ никакого затрудненія; но такъ какъ въ предварительныхъ условіяхъ говорится объ укрѣпленіяхъ, то этотъ вопросъ требуетъ разъясненій, о чемъ они и намѣрены переговорить.

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что они весьма признательны за вниманіе великаго визиря, и не преминутъ сообщить объ этомъ его сіятельству, главноуполномоченному. Что же касается территоріи, которую Россія пріобрѣтаетъ по этому мирному договору, то уже нѣсколько разъ было повторено, что они сообразуются съ ультиматумомъ ея императорскаго величества, и не въ правѣ перерѣшать этой статьи. Одинаково невозможны для нихъ и переговоры относительно укрѣпленій, и императрица не допуститъ ни малѣйшаго ограниченія своихъ правъ собственности.

Турки возразили, что умиротвореніе есть сдѣлка, водворяющая согласіе и взаимную безопасность, а это немыслимо, если по другую сторону Днѣстра будутъ существовать укрѣпленія.

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что они не могутъ отказываться отъ права которое императрица добыла оружіемъ, и что если Турецкіе уполномоченные отказываются подписать эту статью, то они объявляютъ имъ, что съ этого же момента всякіе переговоры будутъ прерваны, и что такой образъ дѣйствія будетъ согласоваться съ инструкціями и данными имъ приказаніями.

Les Turcs dirent, que les leurs portaient, de tâcher d'arranger cet article le plus amicalement possible.

Les nôtres répondirent, qu'ils ne s'étaient jamais refusés de discuter sur les autres articles, mais qu'il leur était expressément défendu de traiter celui là, qu'il était inutile de remplir le protocole, et que si ces m-rs avaient encore quelque chose à dire, qu'ils leur répondraient par un profond silence.

Les plénipotentiaires Turcs objectèrent, que dans le IV article des préiminaires il y avait une clause relative aux fortifications, qui en remettait la discussion aux plénipotentiaires respectifs.

Les nôtres répétèrent encore que c'était l'ultimatum de sa majesté impériale; qu'au lieu de répéter toujours la même chose, il valait mieux faire la lecture du protocole.

Les plénipotentiaires Turcs dirent à cela, qu'ils avaient toujours espéré, qu'on aurait quelque égard à la réquisition amicale de la Sublime Porte, mais puisqu'ils voyaient que leurs excellences se refusaient de condescendre à la demande qu'ils avaient réitérée tant de fois; qu'ils proposaient maintenant de procéder à l'échange de ce III article.

Nos plénipotentiaires répondirent, qu'il leur était toujours très agréable, quand il dépendait d'eux de donner des preuves des égards, qu'ils avaient pour les réquisitions de la Sublime Porte; mais que ces m-rs avaient également des devoirs à remplir. Et qu'à l'égard de certains articles leurs ordres étaient tel-

---

Турки сказали, что ихъ инструкціи предписываютъ имъ постараться уладить это по возможности самымъ дружественнымъ образомъ.

Наши отвѣтили, что они никогда не отказывались разсматривать другія статьи, но имъ положительно воспрещено обсуждать упомянутую статью; что было бы безполезно наполнять этимъ протоколъ, и что если эти господа намѣрены еще что нибудь сказать, то имъ отвѣтятъ глубокимъ молчаніемъ.

Турецкіе уполномоченные возразили, что относительно укрѣпленій въ IV статьѣ предварительныхъ условій сдѣлана оговорка, которая предоставляетъ обсужденіе этого вопроса уполномоченнымъ обѣихъ сторонъ.

Наши снова повторили, что таковъ ультиматумъ ея императорскаго величества, что вмѣсто того, чтобы повторять одно и тоже, было бы лучше прочесть протоколъ.

Турецкіе уполномоченные на это сказали, что они всегда надѣялись, что будетъ обращено нѣкоторое вниманіе на дружественное заявленіе Высокой Порты, но такъ какъ они видятъ, что ихъ превосходительства отказываются снизойти на ихъ просьбу, которую они возобновляли столько разъ, то они предлагаютъ теперь приступить къ обмѣну III статьи.

Наши уполномоченные отвѣчали, что они всегда весьма рады, когда имъ представляется возможность дать доказательства того вниманія, съ какимъ они относятся къ требованіямъ Высокой Порты, но что и Турецкіе уполномоченные должны тоже

lement précis, qu'il leur était impossible de les enfreindre dans la moindre des choses.

Les plénipotentiaires Turcs passèrent dans une autre chambre pour préparer cet article.

En rentrant dans la salle des conférences, les Turcs ont fait lire par leur dragoman le projet de l'article en turc, qui fut traduit verbalement en russe.

Les plénipotentiaires Russes observant que les articles I, II, III, IV et V étant finis, proposèrent de traiter du VI ou de l'abandonner à la correspondance du suprême plénipotentiaire et du grand vizir?

Les Turcs répondirent qu'ils en parleraient à présent.

Les nôtres remirent un projet de cet article en langue turque avec la traduction française, en disant qu'ayant été mécontents de celui que leurs excellences avaient donné dans la dernière conférence, ils avaient fait dresser celui-là qui pouvait répondre aux désirs réciproques.

Les Turcs répondirent après avoir fait la lecture du projet, que dans celui qu'ils avaient présenté, ils avaient ajouté quelques expressions pour donner plus de force à cet article, et parvenir mieux à l'établissement de la sécurité réciproque.

Les nôtres remarquèrent, que le mot de l'indépendance, qui faisait la principale clause de cet article, n'y étant pas, que cela produirait les mêmes discussions et donnerait lieu à des explications sans fin. Que cet article devait

---

исполнить свои обязанности. Въ отношенiи нѣкоторыхъ статей имъ даны столь точныя приказанiя, что совершенно невозможно нарушить ихъ въ чемъ бы то ни было.

Турецкiе уполномоченные вышли въ другую комнату для изготовленiя этой статьи.

Возвратясь въ залу совѣщанiй, Турки велѣли своему драгоману прочесть по Турецки проектъ статьи, который и былъ затѣмъ переведенъ буквально на Русскiй языкъ.

Русскiе уполномоченные, заявивъ, что I, II, III, IV и V статьи почти уже покончены, предложили разсмотрѣть VI статью, или же представить ее личной перепискѣ главноуполномоченнаго и великаго визиря.

Турки отвѣчали, что разсмотрятъ ее теперь.

Наши представили проектъ этой статьи на Турецкомъ языкѣ съ Французскимъ переводомъ, и сказали, что будучи недовольны проектомъ, предложеннымъ ихъ превосходительствами на послѣдней конференцiи, они велѣли составить этотъ проектъ, который можетъ соотвѣтствовать обоюднымъ желанiямъ.

Прочитавъ его, Турки отвѣтили, что въ представленномъ ими проектѣ они прибавили нѣсколько выраженiй, для того чтобы придать болѣе силы этой статьѣ и вѣрнѣе достигнуть водворенiя взаимной безопасности.

Наши заявили, что такъ какъ въ немъ нѣтъ слова независимость, которое составляетъ существенную оговорку въ этой статьѣ, то это можетъ возбудить такiе же споры и породить безконечныя разъясненiя; что эта статья должна быть предо-

rester à la correspondance entre le suprême plénipotentiaire et le grand vizir, et qu'ils s'étonnaient après être convenus sur tant de choses, de trouver si peu de complaisance de la part de ces m-rs. Mais qu'on pourrait passer à la discussion des autres articles.

Les Turcs proposèrent de donner plus de force et d'énergie aux expressions, afin d'établir mieux par là la sécurité réciproque.

Les nôtres répondirent, que cela n'était pas une réponse satisfaisante, qu'il fallait laisser cet article et parler des autres.

Les plénipotentiaires Turcs dirent, qu'ils acceptaient l'article VIII conformément au traité de Kainardjy et les autres d'après le projet de paix.

Les nôtres leur firent remarquer, qu'il y avait encore l'article VII.

Les Turcs répondirent, qu'on pourrait l'arranger avec le VI.

Les nôtres répétèrent, que celui ci ne pouvait pas l'être tant que ces m-rs n'admettront pas le mot de l'indépendance.

Les Turcs répondirent, qu'ils avaient accepté sans la moindre difficulté et dispute tous les articles qui se trouvaient dans les préliminaires, et quoique celui-ci n'y fut pas, cependant ils avaient fait tout ce qui était en leur pouvoir pour l'arranger d'une manière satisfaisante; qu'ils étaient prêts de tout ajouter, pour y parvenir, et qu'ils s'engageraient d'envoyer des firmans et des ordres en

---

ставлена личной перепискѣ между главноуполномоченнымъ и великимъ визиремъ; что достигнувъ соглашенія во многомъ, они съ удивленіемъ встрѣчаютъ такъ мало любезности со стороны этихъ господъ, но что тѣмъ не менѣе можно перейти къ обсужденію прочихъ статей.

Турки предложили придать болѣе силы и энергіи выраженіямъ, чтобы вѣрнѣе установить взаимную безопасность.

Наши отвѣтили, что это не есть удовлетворительный отвѣтъ, что слѣдуетъ оставить эту статью и говорить о другихъ.

Турецкіе уполномоченные сказали, что принимаютъ VIII статью согласно Кайнарджійскому договору, а прочія статьи согласно проекту мира.

Наши замѣтили имъ, что есть еще VII статья.

Турки отвѣтили, что ее можно рѣшить вмѣстѣ съ VI.

Наши повторили, что эта статья не можетъ считаться рѣшенной, пока Турецкіе уполномоченные не допустятъ слова независимость.

Турки отвѣчали, что они приняли безъ малѣйшаго затрудненія и спора всѣ статьи, находящіяся въ предварительныхъ условіяхъ, и хотя этой статьи тамъ нѣтъ, но они сдѣлали все, что было въ ихъ власти, дабы уладить ее удовлетворительнымъ образомъ; что они готовы прибавить все, чтобы достигнуть этой цѣли, и обязываются

conséquence. Et après cela, ajoutèrent-ils, ils se flattaient qu'ayant égard au zèle qu'ils y mettaient on n'insisterait pas sur le mot.

Les plénipotentiaires Russes répliquèrent, que le congrès de Jassy était assemblé non point pour traiter sur les préliminaires, mais pour prévoir et obvier à tous les inconvénients que pourraient survenir entre les deux empires. Qu'il fallait se rappeler que les peuples du Cuban par leurs incursions et brigandages ont donné lieu à la guerre présente, et que l'intention de l'impératrice, pour empêcher à l'avenir de pareils désordres et maintenir la tranquillité, était d'obtenir pour ces peuples l'indépendance de la Porte, les ayant absous de son côté du serment de fidélité, qu'ils lui avaient prêté. Afin que liés par la reconnaissance ils ne viennent plus troubler les frontières de ses états. Que les projets réciproques, n'ayant pas été acceptés, on remetterait encore cet article à la décision du suprême plénipotentiaire et du grand vizir. Ce qui n'était pas un obstacle pour discuter sur les articles suivants.

Les Turcs répondirent, que leurs intentions étaient d'assurer de toutes les manières possibles la tranquillité et la sécurité des frontières. Qu'ils étaient prêts d'insérer ce qu'on jugera pouvoir être capable d'y contribuer. Mais puisque m-rs les plénipotentiaires de Russie voulaient s'en rapporter au grand vizir, qu ils en étaient les maîtres et que dans l'attente de la réponse, on aura à discuter sur rien, vu que tout le reste était accepté par eux.

послать фирманы и приказанія, и поэтому они льстятъ себя надеждой, что въ виду выказываемаго ими усердія, наши не будутъ настаивать на словѣ.

Русскіе уполномоченные возразили, что Ясскій конгресъ собирался вовсе не для того, чтобы обсуждать предварительныя условія, но чтобы предусмотрѣть и устранить всѣ недоразумѣнія, какія могутъ произойти между обѣими имперіями; что необходимо припомнить, что племена обитающія по Кубани своими набѣгами и разбоями подали поводъ къ настоящей войнѣ; что съ цѣлью устраненія въ будущемъ подобныхъ безпорядковъ и охраненія спокойствія, императрица имѣла намѣреніе снискать для нихъ независимость отъ Порты, освободивъ ихъ съ своей стороны отъ присяги на вѣрноподданство, которую они принесли ей, въ тѣхъ именно видахъ, что племена эти, связанныя благодарностью, не станутъ болѣе тревожить границы ея владѣній; что такъ какъ обоюдные проекты не были приняты, то и эта статья будетъ тоже представлена на рѣшеніе главноуполномоченнаго и виликаго визиря, что однако не препятствуетъ обсуждать послѣдующія статьи.

Турки отвѣчали, что они намѣрены обезпечить всевозможными способами спокойствіе и безопасность границъ; что они готовы включить все, что будетъ признано годнымъ содѣйствовать этому; и такъ какъ Русскіе уполномоченные хотятъ отнестись объ этомъ къ великому визирю, то они властны это сдѣлать, но до полученія отъ него отвѣта не о чемъ будетъ разсуждать, такъ какъ все остальное было ими принято.

Les nôtres dirent, qu'il était indispensable que ces m-rs prennent en considération, qu'on ne pourra pas se passer du mot trésor, et qu'il fallait absolument que la Sublime Porte s'engagea à restituer de ses propres fonds les pertes et dommages faits aux sujets de l'empire de Russie par les corsaires, et puisque leurs excellences avaient écrit au grand vizir, ils devaient en avoir reçu une réponse et instruction sur tous les articles.

Les Turcs notifièrent, qu'ils écriraient pour le VI et VII articles ensemble.

Les nôtres répondirent, qu'ils se faisaient un devoir de conseiller à leurs excellences d'écrire relativement à tous les articles tant du traité de paix, que de l'article séparé, qu'ils les priaient également de vouloir bien se rappeler qu'il était décidé que tout l'ouvrage devait être achevé pour le 15 de décembre, et qu'il ne restait pas beaucoup de temps à perdre, qu'ils les priaient de prendre leurs mesures en conséquence. Que cela n'étant pas un obstacle pour procéder aux autres articles, ils leur proposaient lundi I-er du mois pour la conférence prochaine.

Les plénipotentiaires Turcs acceptèrent, en disant que le VI et le VII articles étant une fois finis, le reste n'était d'aucune conséquence.

Les nôtres répondirent, qu'il fallait cependant leur donner la forme requise.

Les Turcs en commentant assurément, qu'ils étaient même prêts d'ajouter tout ce qu'on voudra au VI et au VII articles.

Les nôtres dirent à cela, qu'il valait mieux pour éviter les disputes et les répétitions s'en rapporter à la décision du grand vizir.

La conférence finie à deux heures après midi.

Наши сказали, что Турецкіе уполномоченные должны принять во вниманіе, что слова казна, и что Высокая Порта должна непремѣнно обязаться вознаградить изъ нельзя обойти своихъ собственныхъ средствъ потери и убытки, причиненные корсарами подданнымъ Русской имперіи, и такъ какъ ихъ превосходительства уже писали великому визирю, то они должны получить уже отъ него отвѣтъ и инструкціи относительно всѣхъ статей.

Турки заявили, что они заодно напишутъ относительно VI и VII статьи.

Наши отвѣтили, что считаютъ долгомъ посовѣтовать ихъ превосходительствамъ написать какъ обо всѣхъ статьяхъ мирнаго договора, такъ равно и о сепаратной статьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить ихъ вниманіе на то, что постановлено окончить всѣ дѣла къ 15 декабря; что времени остается немного, и поэтому они просятъ ихъ принять соотвѣтственныя мѣры. Но такъ какъ это не препятствуетъ перейти къ другимъ статьямъ, то они предлагаютъ Понедѣльникъ, 1-го числа, для слѣдующей конференціи.

Турецкіе уполномоченные согласились на это, заявивъ, что такъ какъ уже покончено съ VI и VII статьями, то остальныя не имѣютъ уже большаго значенія.

Наши отвѣтили, что все-таки надо придать имъ надлежащую форму.

Турки, соглашаясь съ этимъ, увѣряли, что они готовы даже добавить къ VI и VII статьямъ все что угодно.

Наши на это сказали, что во избѣжаніе споровъ и повтореній, лучше обратиться за рѣшеніемъ къ великому визирю.

Конференція окончилась въ два часа пополудни.

Protocole de la 8-me conférence, du 1 décembre.

Les plénipotentiaires Russes ouvrirent la conférence en disant, que les articles VI et VII n'ayant pas été accepté par eux, tels que m-rs les plénipotentiaires Turcs l'avaient désiré ont été remis à la correspondance du suprême plénipotentiaire et du grand vizir, de manière qu'on traiterait l'article VIII.

Les plénipotentiaires Turcs présentèrent un papier, qui contenait les articles VI et VII, en disant qu'ils souhaitaient infiniment s'accorder là-dessus, et voir ce qu'il serait nécessaire d'ajouter pour y réussir.

Les nôtres leur demandèrent, s'ils avaient inséré dans ces articles tout ce qu'il y manquait d'après la discussion de la dernière conférence.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent qu'oui, et que cette addition consistait en des mots et moyens, qu'ils ont trouvé les plus convenables pour la satisfaction réciproque.

Les plénipotentiaires Russes répliquèrent, que cette addition ne répondait nullement à leurs vues, et qu'on leur avait déjà déclaré, que ces articles seront remis à la décision du suprême plénipotentiaire et du grand vizir.

Les plénipotentiaires Turcs insistèrent encore sur l'arrangement actuel du VI et VII articles.

Les plénipotentiaires Russes leur répondirent, qu'ils avaient déjà notifié

Протоколъ 8-й конференціи, 1 декабря.

Русскіе уполномоченные открыли конференцію заявленіемъ, что такъ какъ VI и VII статьи не были ими приняты въ томъ видѣ, какъ желали Турецкіе уполномоченные, то онѣ были предоставлены личной перепискѣ главноуполномоченнаго и великаго визиря, вслѣдствіе чего будетъ разсматриваться VIII статья.

Турецкіе уполномоченные представили бумагу, гдѣ были изложены VI и VII статьи, говоря, что они несказанно желаютъ придти къ соглашенію и узнать, что нужно къ нимъ прибавить для достиженія цѣли.

Наши спросили, включено-ли въ эти статьи все, чего въ нихъ не доставало, согласно преніямъ на послѣдней конференціи.

Турецкіе уполномоченные отвѣчали утвердительно, и сказали, что это прибавленіе состояло въ словахъ и средствахъ, которыя они признали наиболѣе соотвѣтственными для взаимнаго удовлетворенія.

Русскіе уполномоченные возразили, что это прибавленіе нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ видамъ, и что имъ уже было заявлено, что эти статьи будутъ представлены на усмотрѣніе главноуполномоченнаго и великаго визиря.

Турецкіе уполномоченные все еще настаивали на томъ, чтобы составить теперь же VI и VII статьи.

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что имъ давно было поставлено на видъ

depuis longtemps, qu'on ne pouvait faire le moindre changement à la clause insérée touchant les Algériens, par laquelle la Porte devait s'engager à payer de son trésor tous les dommages faits par les corsaires aux sujets de l'empire de Russie, et comme leurs excellences n'ont pas voulu consentir à cette réquisition indispensable, on laisserait le VI article, mais que s'ils désiraient, on passerait à l'arrangement du VII.

Les Turcs répondirent, qu'ayant écrit relativement au VI article, le VII exigeait aussi une notification particulière, et qu'alors on pourait les arranger tous les deux à la fois.

Les nôtres répliquèrent à cela, qu'ils supposaient qu'on avait écrit aussi relativement aux autres articles, qu'on prévenait m-rs les plénipotentiaires Turcs, qu'ils ne devaient s'attendre à aucune condescendance et qu'on sera toujours très suspect en traitant des affaires, afin d'éviter tout ce qui peut compromettre les négociations et porter la moindre atteinte à la dignité du ministère. Que les mots: l'indépendance dans le VI article et le payement du trésor dans le VII étaient absolument indispensables, et que ce dernier article étant d'une aussi grande importance que le III, devait être également accepté dans toute l'étendue du sens et contenu exprimé en termes clairs et énergiques.

Les plénipotentiaires Turcs demandèrent à passer au VIII article et aux suivants.

Les nôtres dirent, qu'ils prévenaient leurs excellences qu'on traitera de même

---

о невозможности сдѣлать малѣйшее измѣненіе въ оговоркѣ касательно Алжирцевъ, по которой Порта должна принять на себя обязательство уплатить изъ своей казны всѣ убытки, причиненные корсарами подданнымъ Россійской имперіи, и такъ какъ ихъ превосходительства не хотѣли согласиться на это необходимое требованіе, то VI статья не будетъ обсуждаться, но если имъ угодно, то можно перейти къ составленію VII статьи.

Турки отвѣтили, что такъ какъ они уже доложили письменно относительно VI статьи, то и VII требовала тоже особаго доклада, и что тогда можно будетъ составить обѣ статьи.

Наши на это возразили, что они предполагаютъ, что было доложено тоже и относительно другихъ статей; что они предупреждаютъ гг. Турецкихъ уполномоченныхъ не ожидать никакого снисхожденія, и что при разсмотрѣніи дѣлъ они всегда будутъ дѣйствовать съ большою осмотрительностью, чтобы избѣжать всего того, что можетъ повредить переговорамъ и нанести малѣйшее оскорбленіе достоинству министерства. Что слова: независимость въ VI и уплата казною въ VII статьѣ одинаково необходимы, и что эта послѣдняя статья, столь же важная, какъ и III, точно также должна быть принята во всей обширности своего значенія и составлена въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Турецкіе уполномоченные просили перейти къ VIII и послѣдующимъ статьямъ.

Наши сказали, что они предупреждаютъ ихъ превосходительства, что такъ же будетъ

de l'article séparé, et que ce n'est que d'après un plein consentement, et une conclusion satisfaisante qu'on pourra se flatter d'arriver au terme désiré des négociations.

Les Turcs répondirent, qu'ils avaient rempli les vues de m-rs les plénipotentiaires Russes, en s'accordant avec eux sur les articles contenus dans les préliminaires, que le VII n'y étant pas, ils avaient cherché les moyens pour l'arranger d'une manière satisfaisante, et quant au VI, que la Porte y était intéressée également en procurant par le moyen de cet article la sécurité et la garantie de frontières réciproques.

Les plénipotentiaires Russes repliquèrent, que l'article des Algériens n'était d'aucune importance pour la Porte et ne pouvait nullement lui être à charge, vu les moyens qu'elle a en son pouvoir, d'empêcher les brigandages de ces corsaires, et que c'est pour cette raison qu'on n'en avait pas fait mention dans les préliminaires. Que relativement aux frontières, il y avait différentes manières de les mettre à l'abri et qu'en cela les souverains suivaient leurs volontés. Que le VIII article était déjà prêt et arrangé tel, qu'il se trouve dans le traité de Kainardjy.

Les originaux furent confrontés, signés et échangés.

Les plénipotentiaires Russes proposèrent l'artile IX. Et après quelques légères discussions sur les mots, on convient et on l'échangea pareillement.

разсматриваться и сепаратная статья; и что лишь только послѣ полнаго соглашенія и удовлетворительнаго заключенія можно будетъ сказать, что достигнутъ желанный конецъ переговоровъ.

Турки отвѣтили, что они оправдали виды Русскихъ уполномоченныхъ, придя къ соглашенію съ ними относительно статей, находящихся въ предварительныхъ условіяхъ, и что такъ какъ въ нихъ нѣтъ VII статьи, то они желали найти способъ составить ее удовлетворительнымъ образомъ; что относительно VI статьи Порта одинаково заинтересована, достигая посредствомъ нея безопасности и обезпеченія обоюдныхъ границъ.

Русскіе уполномоченные возразили, что статья объ Алжирцахъ не имѣетъ для Порты никакого значенія и нисколько не можетъ быть ей въ тягость въ виду тѣхъ средствъ, какія находятся въ ея распоряженіи, чтобы воспрепятствовать разбоямъ этихъ корсаровъ, вслѣдствіе чего совсѣмъ и не упоминалось объ этомъ въ предварительныхъ условіяхъ. Что относительно границъ существуютъ различныя средства сдѣлать ихъ безопасными, и въ этомъ отношеніи государи слѣдуютъ своему собственному желанію. Что VIII статья уже готова, и составлена такъ, какъ и въ Кайнарджійскомъ договорѣ.

Подлинники были сличены, подписаны и обмѣнены.

Русскіе уполномоченные предложили IX статью. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ преній касательно словъ, послѣдовало соглашеніе и обмѣнъ ея точно такимъ же образомъ.

Ensuite on passa à l'article X des ambassadeurs.

Les plénipotentiaires Turcs demandèrent, qu'il fut inséré qu'il sera rendu aux ambassadeurs respectifs tous les honneurs qu'on accorde aux ambassadeurs des puissances les plus distinguées par les deux empires.

Les plénipotentiaires Russes ayant consenti, on échangea l'article X. Après ils proposèrent samedi le 6-me du mois pour la conférence prochaine, en disant qu'on y parlera des deux derniers articles du traité de paix et de l'article séparé.

La conférence finie à une heure après midi.

Protocole de la 9-me conférence, du 6 décembre.

Les plénipotentiaires Russes ouvrirent la conférence, en proposant de procéder à l'échange de l'article XI.

Ce qui fut exécuté.

Les plénipotentiaires Turcs demandèrent, quand et où il serait parlé de l'évacuation des troupes de la Moldavie et des pays conquis, qui doivent rentrer sous la domination de la Porte.

Les nôtres répondirent, qu'il y aura pour traiter de cela un article séparé

Затѣмъ перешли къ X статьѣ о посланникахъ.

Турецкіе уполномоченные потребовали прибавить, что посланникамъ обѣихъ сторонъ будутъ воздаваемы всѣ почести, предоставленныя посланникамъ державъ наиболѣе отличаемыхъ обѣими имперіями.

Вслѣдствіе согласія на это Русскихъ уполномоченныхъ, послѣдовалъ обмѣнъ X статьи. Затѣмъ они предложили назначить слѣдующую конференцію въ Субботу, 6 числа, и сказали, что на ней будутъ обсуждаться двѣ послѣднія статьи мирнаго договора и сепаратная статья.

Конференція кончилась въ часъ пополудни.

Протоколъ 9-й конференціи, 6 декабря.

Русскіе уполномоченные открыли конференцію, предложивъ приступить къ обмѣну XI статьи, что и было исполнено.

Турецкіе уполномоченные спросили, когда и гдѣ будетъ разсматриваться вопросъ объ очищеніи войсками Молдавіи и тѣхъ покоренныхъ земель, которыя должны возвратиться подъ владычество Порты.

Наши отвѣтили, что это будетъ обсуждаться въ особой статьѣ.

Турки сказали, что изъ нея можно образовать XIII статью договора и присоединить къ остальнымъ.

Les Turcs dirent, qu'on en pourrait faire l'article XIII du traité, en l'ajoutant aux autres.

Les plénipotentiaires Russes répondirent, que l'ordre dans les articles n'est qu'une formule, dont on conviendra, lorsque tout sera terminé par une fin heureuse. Et que les articles séparés avaient la même force que ceux du traité.

Les Turcs ayant répondu par un oui, demandèrent que cet article séparé fut inséré dans le corps du traité.

Les plénipotentiaires Russes assurèrent, qu'il y aurait sa place et qu'on pourra le mettre à la suite du IX, d'autant plus que les articles suivants ne regardent que des formalités.

Les Turcs voyant que le terme pour l'échange des ratifications était de six semaines, proposèrent de le réduire à cinq.

Les nôtres ayant accepté avec plaisir cette proposition, leur observèrent que par cette abréviation de terme, ils se rendaient eux-mêmes responsables du retard, que de leur côté, ils y consentaient d'autant plus que la clause de l'article portait: en six semaines, ou plutôt si faire se peut.

Après l'article fut échangé.

Les plénipotentiaires Russes dirent, qu'ayant reçu une fois la réponse relativement aux articles VI et VII, de même qu'à l'article séparé de l'indemnisation en argent, on espérait finir le tout, mais qu'en attendant, on traitera de l'évacuation des troupes.

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что очередь статей составляетъ одну лишь внѣшнюю форму, о чемъ условятся по благополучномъ окончаніи всего труда. Что касается отдѣльныхъ статей, то онѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ и статьи договора.

Турки согласились на это и потребовали, чтобы эта отдѣльная статья была включена въ текстъ договора.

Русскіе уполномоченные заявили, что она займетъ свое мѣсто, и ее можно будетъ поставить вслѣдъ за IX статьей, тѣмъ болѣе что послѣдующія статьи касаются однѣхъ лишь формальностей.

Турки замѣтивъ, что для обмѣна ратификацій назначенъ шестинедѣльный срокъ, предложили ограничить его пятью недѣлями.

Наши, съ радостью принявъ такое предложеніе, заявили, что сокращая срокъ, они принимаютъ на себя отвѣтственность въ случаѣ промедленія, но что съ своей стороны они согласны на это, тѣмъ болѣе что въ статьѣ было сказано: въ шесть недѣль, или даже и ранѣе, если это окажется возможнымъ.

Затѣмъ статья была обмѣнена.

Русскіе уполномоченные сказали, что когда получится отвѣтъ относительно VI и VII статей, а также относительно сепаратной статьи о денежномъ вознагражденіи, они надѣются все покончить, а пока перейдутъ къ сбсужденію вопроса о выводѣ войскъ.

Les Turcs donnèrent leur consentement, en disant que cet article séparé devait avoir pourtant un nombre et une place dans le corps du traité.

Les nôtres répondirent, que cet arrangement était réservé pour la fin, qu'alors tout serait mis en ordre; mais qu'à présent on discuterait simplement sur l'article.

Les Turcs demandèrent, pourquoi le terme pour la sortie des troupes et de la flottille était fixé au mois de mai?

Les plénipotentiaires Russes répondirent, que les vents, qui soufflent avec beaucoup de violence au temps de l'équinoxe dans le mois d'avril sont un obstacle insurmontable pour le départ de la flottille, et imposaient une nécessité absolue de fixer le terme proposé. Que la flottille se tiendra prête à l'embouchure du Danube, et mettra à la voile aussitôt que le temps le pourra permettre. Ce qui ne peut arriver avant le mois de mai.

Les Turcs observèrent, qu'il fallait en désignant le terme dater de l'échange des ratifications, et qu'alors en fixant le départ pour le mois de mai, on aurait quatre mois pour faire les préparatifs.

Les nôtres répondirent, que la saison devait servir de règle à cette convention, qu'on était en hiver, qu'on ne pouvait prévoir le commencement du beau temps, que rien n'étant conclu, on ignorait quand l'échange des ratifications pourait se faire.

Les Turcs dirent, que mars est le commencement du printemps et le temps auquel les vaisseaux sortent du port de Constantinople.

Турки изъявили на это согласіе, говоря, что эта отдѣльная статья должна однако имѣть свое мѣсто и очередь въ договорѣ.

Наши отвѣтили, что объ этомъ будетъ рѣчь при окончаніи дѣла, что тогда все будетъ приведено въ порядокъ, теперь же будетъ обсуждаться только ея содержаніе.

Турки спросили, почему срокъ для выхода войскъ и флота назначенъ на май мѣсяцъ?

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что вслѣдствіе сильныхъ бурь во время равноденствія въ апрѣлѣ, составляющихъ непреодолимое препятствіе къ отплытію флота, является крайняя необходимость назначить предложенный срокъ; что флотъ будетъ держаться наготовѣ у устьевъ Дуная, и выйдетъ въ море какъ только дозволитъ время, что однако не можетъ случиться ранѣе мая.

Турки заявили, что нужно было обозначить срокъ считая со времени обмѣна ратификацій, и что тогда, назначая эвакуацію на май, оставалось бы четыре мѣсяца на приготовленія къ ней.

Наши отвѣтили, что основаніемъ для этого должно служить время года: теперь зима, и нельзя предвидѣть, когда начнется хорошая погода, а такъ какъ еще ничего не окончено, то и неизвѣстно, когда можетъ произойти обмѣнъ ратификацій.

Турки сказали, что весна начинается въ мартѣ, и что въ это время суда выходятъ изъ Константинопольской гавани.

Les plénipotentiaires Russes les firent convenir, que ce n'est que le 23 d'avril que la navigation s'ouvrait et encore uniquement dans la mer Blanche pour des bâtiments marchands, qui se pressent de faire voile pour le gain particulier et des motifs de commerce.

Les Turcs répétèrent encore, que ce terme leur paraissait un peu long et qu'ils proposaient le 15 de mars pour l'évacuation des forces de terre et de mer.

Les plénipotentiaires Russes répondirent, que cette proposition n'était même pas à faire. Que dans ce temps toutes les rivières sont encore gelées, qu'il fallait avoir égard au train de l'artillerie et aux magasins, que l'herbe ne commençant à paraître qu'au mois de mai, on manquerait de fourage, que la marche des troupes ruinerait les habitans à cause des transports et des vivres qu'ils seraient obligés de fournir et que ces coups de force n'étaient permis qu'en temps de guerre.

Les plénipotentiaires Turcs proposèrent le 15 d'avril, et sur le refus qu'on leur fit, consentirent à désigner le 15 du mois de mai, pour le terme de l'évacuation des troupes.

Après quoi ils demandèrent à passer dans une autre chambre pour examiner cet article, dont ils remettaient l'échange à la conférence prochaine.

Étant rentrés, ils déclarèrent à nos plénipotentiaires qu'ils avaient ajouté seulement au contenu de l'article, que l'évacuation des troupes de terre et de la flottille se fera absolument le 15 de mai.

Les plénipotentiaires Russes donnèrent leur consentement à l'incluse de

---

Русскіе уполномоченные заставили ихъ сознаться, что навигація открывается только 23 апрѣля, и то единственно въ Бѣломъ [Мраморномъ] морѣ, для купеческихъ судовъ, которыя спѣшатъ выйти въ море изъ-за личной пользы и коммерческихъ расчетовъ.

Турки снова повторили, что этотъ срокъ имъ кажется немного долгимъ, и что они предлагаютъ 15 марта для эвакуаціи сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Русскіе уполномоченные отвѣтили, что это предложеніе невыполнимо; что въ это время всѣ рѣки еще покрыты льдомъ; что необходимо принять во вниманіе артиллерійскіе обозы и склады; что трава начинаетъ показываться лишь въ маѣ мѣсяцѣ; что не хватало бы фуража, и передвиженіе войскъ разорило бы жителей, такъ какъ на обязанности послѣднихъ лежала бы поставка перевозочныхъ средствъ и фуража, а такой насильный образъ дѣйствія дозволяется лишь въ военное время.

Турецкіе уполномоченные предложили 15 апрѣля, но получивъ отказъ, согласились назначить срокъ для эвакуаціи войскъ на 15 мая.

Затѣмъ они сказали, что перейдутъ въ другую комнату для просмотра этой статьи, а обмѣнъ ея они отложили до будущей конференціи.

Возвратясь, они заявили нашимъ уполномоченнымъ, что въ текстѣ статьи они сдѣлали только ту оговорку, что удаленіе сухопутныхъ войскъ и флота должно быть непремѣнно исполнено 15 мая.

Русскіе уполномоченные изъявили свое согласіе, чтобы включить это слово, и

ce mot, et dirent aux plénipotentiaires Turcs, qu'ils regardaient cet article comme séparé, jusqu'à ce que les trois qui restaient fussent terminés, et qu'alors on donnera à celui là dans le corps du traité une place convenable.

On convint que la conférence prochaine aura lieu lundi le 8-me du mois, et on se sépara à une heure et demi après midi.

Dans le cours de toute cette conférence les plénipotentiaires Turcs firent voir beaucoup de volonté à consentir à ce qui leur fut proposé de la part de nos plénipotentiaires.

Protocole de la 10-me conférence, du 8 décembre.

Les plénipotentiaires Russes ouvrirent la conférence, en présentant l'article de l'évacuation des troupes, tel qu'on en était convenu dans la conférence passée.

Les Turcs l'ayant examiné, signèrent, et l'échange se fit.

Après quoi les plénipotentiaires Russes dirent, que puisqu'ils touchaient à l'heureux moment de la conclusion de la paix, qu'ils avaient fait dresser un préambule ou l'exorde du traité et qu'ils le présentaient à leurs excellences.

Les Turcs objectèrent, qu'ils ne voyaient pas la nécessité de les nommer dans le traité, puisqu'ils le signeront eux-mêmes.

Les plénipotentiaires Russes prétendirent, qu'il était nécessaire de nommer les personnes, auxquelles la confection d'un ouvrage aussi salutaire a été confié.

сказали Турецкимъ уполномоченнымъ, что эта статья будетъ считаться отдѣльною до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены три оставшіяся статьи, и что тогда она займетъ соотвѣтственное мѣсто въ текстѣ договора.

Затѣмъ было условлено, что будущая конференція состоится въ Понедѣльникъ, 8 числа, и уполномоченные разошлись въ половинѣ втораго пополудни.

Въ теченіе всей этой конференціи Турецкіе уполномоченные обнаружили замѣтное расположеніе согласиться на все то, что было предложено нашими уполномоченными.

Протоколъ 10-й конференціи, 8 декабря.

Русскіе уполномоченные открыли конференцію, представивъ статью объ эвакуаціи войскъ, составленную согласно постановленію на прошлой конференціи.

Турки, разсмотрѣвъ ее, подписали, и произошелъ обмѣнъ.

Затѣмъ Русскіе уполномоченные заявили, что въ виду приближенія желаннаго момента заключенія мира, они велѣли изготовить вступленіе договора или начало его, и представляютъ его ихъ превосходительствамъ.

Турки возразили, что не видятъ надобности быть поименованными въ договорѣ, такъ какъ сами же будутъ его подписывать.

Русскіе уполномоченные сказали, что необходимо поименовать лицъ, которымъ ввѣрено исполненіе столь полезнаго дѣла.

Les Turcs proposèrent dans leur traité de nommer les plénipotentiaires Russes qui observaient le même procédé à leur égard, et se référant au traité de Kainardjy, ils prétendaient que les souverains désignant par les noms leurs plénipotentiaires cela devait être suffisant.

Les plénipotentiaires Russes leur prouvèrent par le traité de Kainardjy, que le prince Repnin, qui l'avait signé, se nommait pourtant dans l'exorde et que dans l'occasion présente on se conformera à ce qui a été fait.

Proposèrent de fixer le jour de la conférence prochaine, à la réception de la réponse du grand vizir relativement aux trois articles.

Les Turcs prièrent nos plénipotentiaires de remarquer, que toutes les fois, que la sincérité et la bonne volonté sont réciproques, les affaires ne tardent jamais à parvenir à la fin.

Les nôtres en convinrent en ajoutant, qu'aussi longtemps que la bonne harmonie et un parfait accord régneront entre les deux empires, personne n'osera les troubler et semer la discorde.

Les plénipotentiaires Turcs observèrent, qu'il fallait encore, pour que la paix fut stable, solide et durable, que les chefs, préposés au gouvernement des affaires, vivent dans une bonne intelligence entre eux.

Les nôtres répondirent, que ce congrès servait de base à leurs espérances et devait procurer, sans avoir duré longtemps, une paix conforme à leurs desirs réciproques. Que le congrès de Schistove avait traîné en longueur, parce qu'il y

---

Турки предложили поименовать въ своемъ договорѣ Русскихъ уполномоченныхъ, которые въ свою очередь поименовали бы ихъ. Ссылаясь на Кайнарджійскій договоръ, они утверждали, что этого должно быть достаточно.

Русскіе уполномоченные доказывали, что хотя Кайнарджійскій договоръ былъ подписанъ княземъ Репнинымъ, но не смотря на то князь былъ поименованъ во вступленіи, и сказали, что въ настоящемъ случаѣ будутъ согласоваться съ тѣмъ, какъ дѣлалось прежде. Затѣмъ они предложили назначить день будущей конференціи, по полученіи отвѣта отъ великаго визиря относительно извѣстныхъ трехъ статей.

Турки просили нашихъ уполномоченныхъ обратить вниманіе на то, что при обоюдной искренности и расположеніи, дѣло никогда не замедлитъ прійти къ окончанію.

Наши согласились съ этимъ, и присовокупили, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать доброе и искреннее согласіе между обѣими имперіями, никто не станетъ нарушать его и сѣять раздоръ.

Турецкіе уполномоченные замѣтили, что для прочности мира наобходимо еще, чтобы и начальники, вѣдающіе дѣлами, жили бы тоже въ добромъ согласіи между собою.

Наши отвѣтили, что этотъ конгресъ служитъ основаніемъ ихъ надеждамъ, и хотя продолжался недолго, но долженъ доставить миръ, соотвѣтствующій ихъ обоюднымъ желаніямъ; что Систовскій конгресъ долго тянулся, такъ какъ въ немъ при-

*

avait là des médiateurs plus occupés de leurs intérêts particuliers, que de ceux des parties contractantes, dont le bien et l'utilité n'étaient nullement le but de leurs démarches.

Les Turcs, ayant souri, dirent qu'il ne leur restait dorénavant qu'à prouver leur sincérité parfaite à l'égard de m-rs les plénipotentiaires Russes.

La conférence finit à midi et demi.

Protocole de la 11-me conférence, du 26 décembre.

Avant que la conférence fut commencée les dragomans de la Porte, conformément au désir de m-rs les plénipotentiaires Russes, vinrent prendre l'article séparé de l'indémnisation, que les plénipotentiaires Turcs avaient laissé sur la table, lorsqu'il leur fut remis conjointement avec les autres et s'étaient obstinés à ne pas l'accepter.

Les plénipotentiaires Russes ouvrirent la conférence en demandant si on traitera du VII article?

Les Turcs répondirent que oui.

Les nôtres observèrent que cet article était entièrement arrangé et qu'on laisserait subsister l'article VI du traité de commerce, en ajoutant le mot trésor qui y manquait.

Les plénipotentiaires Turcs ajoutèrent à l'article, qu'ils s'engageaient à

нимали участіе посредники, имѣющіе въ виду скорѣе свою личную пользу, чѣмъ интересы договаривающихся сторонъ, благо и польза которыхъ вовсе не составляли цѣли ихъ дѣйствій.

Турки, улыбнувшись, сказали, что имъ остается только доказать свою полнѣйшую искренность въ отношеніи гг. Русскихъ уполномоченныхъ.

Конференція окончилась въ половинѣ перваго.

Протоколъ 11-й конференціи, 26 декабря.

Передъ началомъ конференціи, согласно желанію гг. Русскихъ уполномоченныхъ, драгоманъ Порты взялъ сепаратную статью о вознагражденіяхъ, которую Турецкіе уполномоченные оставили на столѣ и не хотѣли взять, когда она имъ была передана вмѣстѣ съ другими статьями.

Русскіе уполномоченные открыли конференцію вопросомъ, будетъ-ли обсуждаться VII статья.

Турки отвѣчали утвердительно.

Наши замѣтили, что вопросъ по поводу этой статьи былъ окончательно рѣшенъ, и что VI статья торговаго договора остается въ прежней силѣ, со включеніемъ въ нее слова казна, котораго недоставало.

Турецкіе уполномоченные прибавили къ тексту статьи, что обязуются уплатить

rembourser tous les dommages faits par les corsaires aux sujets de l'empire de Russie, mais que le terme d'un mois destiné à cela leur paraissait trop court.

Les nôtres remarquèrent, qu'il fallait considérer le temps nécessaire, pour recevoir les nouvelles, faire les réclamations, obtenir et expédier des firmans, ce qu'il devait être indifférent pour la Porte de fixer un terme pour le payement.

Les Turcs répondirent, que ce terme à dater du jour de la nouvelle parvenue à la Porte n'était pas suffisant pour prendre les éclaircissements et arrangements nécessaires.

Les nôtres répliquèrent, que c'était purement une affaire de commerce, auquel l'incertitude est nuisible, qu'il se passera du temps avant que les firmans seraient expédiés. Que la Porte ajoutera foi et aura égard aux réquisitions du ministre de Russie, dont le premier soin sera de maintenir l'harmonie, et comme il est probable que la Sublime Porte sera obligé d'en venir rarement aux voies du payement, qu'on ne devait nullement faire attention au terme proposé, que sa majesté impériale était persuadé d'ailleurs, que cet article ne pouvait nullement être à charge à la Sublime Porte. Vu que le pouvoir qu'elle a sur les corsaires, les tiendra en respect et les obligera d'avoir tous les égards pour le pavillon marchand de Russie.

Les plénipotentiaires Turcs proposèrent un terme de 3 mois.

Les nôtres refusèrent en témoignant, qu'ils désiraient qu'on n'apporta

---

за всѣ убытки, причиненные корсарами подданнымъ Россійской имперіи, но заявили, что назначенный для этого мѣсячный срокъ кажется имъ слишкомъ короткимъ.

Наши замѣтили, что при этомъ надобно принять во вниманіе только то время, которое необходимо для того, чтобы получить извѣщеніе, заявить требованіе, и наконецъ получить и послать фирманы; Портѣ же назначеніе срока платежа не можетъ сдѣлать никакой разницы.

Турки отвѣчали, что такой срокъ, который считался бы со дня полученія Портой извѣщенія, недостаточенъ для того, чтобы навести справки и сдѣлать надлежащія распоряженія.

Наши возразили, что это чисто коммерческое дѣло, которому всякая неувѣренность наноситъ вредъ, что пройдетъ довольно времени, пока пошлютъ фирманы. Порта, конечно, повѣритъ и уважитъ требованія Русскаго министра, главная забота котораго будетъ состоять въ поддержаніи добраго согласія, и какъ по всей вѣроятности Высокая Порта рѣдко будетъ вынуждена прибѣгать къ уплатѣ, то вовсе не слѣдуетъ обращать вниманія на предложенный срокъ; сверхъ того, ея императорское величество убѣждена, что сказанная статья не можетъ вовсе стѣснять Высокую Порту, въ виду того, что власть, которую Порта имѣетъ надъ корсарами, будетъ сдерживать ихъ и заставитъ относиться съ уваженіемъ къ торговому флагу Россіи.

Турецкіе уполномоченные предложили назначить трехмѣсячный срокъ.

Наши отказали, говоря, что не желаютъ, чтобы были сдѣланы какія либо измѣ-

aucun changement à cet article, qu'ils avaient déjà notifié à leurs excellences les ordres positifs qu'ils avaient là-dessus. Que c'était l'ultimatum de sa majesté impériale, et que ce terme était uniquement pour rassurer les négociants, et dissiper leurs craintes sur l'indemnisation des pertes qu'ils pouvaient faire.

Les Turcs prièrent avec instance qu'on leur accorda un terme de deux mois.

Les nôtres consentirent disant, qu'en attendant que cet article fut préparé et échangé, on pouvait discuter d'autre chose.

Les plénipotentiaires Turcs répondirent, qu'on en était les maîtres.

Les nôtres dirent, qu'ils allaient discuter du VI article; qu'ils étaient persuadés que leur troisième plénipotentiaire Duri-Efendi avait rendu compte à ses collégues de sa conversation avec le suprême plénipotentiaire, de manière qu'il n'était pas nécessaire de répéter que l'article VI sera traité et arrangé conjointement avec l'article séparé de l'indemnisation en argent.

Les Turcs répondirent, que Duri-Efendi avait appri du suprême plénipotentiaire, que le VI article serait arrangé et non que l'article séparé avait de pair avec lui.

Les Russes observèrent, que jusqu'à ce moment cet article n'avait été reçu, ni ad referendum, ni ad deliberandum, et que cela ne serait qu'en sa considération qu'on conviendrait de l'article VI, que pour achever tout il ne restait

---

ненія въ этой статьѣ; что они уже заявляли ихъ превосходительствамъ о положительныхъ приказаніяхъ, которыя имъ были даны касательно этого; что это есть ультиматумъ ея императорскаго величества, и что такой срокъ назначается единственно для того, чтобы успокоить негоціантовъ и разсѣять ихъ опасенія относительно вознагражденія за потери, которыя они могутъ понести.

Турки стали настойчиво просить назначить двухмѣсячный срокъ.

Наши согласились, сказавъ, что пока приготовятъ статью и произойдетъ обмѣнъ, можно перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ.

Турецкіе уполномоченные представили это на ихъ усмотрѣніе.

Наши сказали, что приступятъ къ обсуденію VI статьи, и такъ какъ они убѣждены, что ихъ третій уполномоченный Дюри-Ефенди передалъ своимъ товарищамъ разговоръ его съ главноуполномоченнымъ, то и нѣтъ необходимости повторять, что VI статья будетъ обсуждена и рѣшена вмѣстѣ съ сепаратной статьей о денежномъ вознагражденіи.

Турки отвѣчали, что Дюри-Ефенди узналъ отъ главноуполномоченнаго лишь о разсмотрѣніи VI статьи, а не о томъ, что совокупно съ нею будетъ обсуждаться и сепаратная статья.

Русскіе возразили, что до настоящей минуты эта статья не была принята ни ad referendum, ни ad deliberandum, и на VI статью согласятся не иначе, какъ имѣя въ виду вышеупомянутую сепаратную; что вообще все дѣло оставалось лишь

plus que ces deux, et qu'il ne fallait pas croire qu'on omettra l'article séparé, ou qu'on en traitera légèrement.

Les plénipotentiaires Turcs dirent, qu'en prenant ce papier, ils avaient fait déclaré, que cette demande ne tirerait à aucune conséquence, que l'article séparé n'était pas tout à fait accepté à cause de cela, et que le grand vizir avait écrit à ce sujet au suprême plénipotentiaire.

Les nôtres répondirent, que le papier accepté ne voulait pas dire, que l'article l'était également, mais qu'on exigeait une négociation là-dessus, puisqu'il n'était pas regardé comme nul dans le traité qu'on en traitèrait ici ou ailleurs, mais qu'il aurait une pleine satisfaction et qu'on annonçait tout cela à leurs excellences afin que cela fut enregistré dans le protocole des conférences.

Les Turcs demandèrent à parler du VI article.

Les plénipotentiaires Russes dirent alors, qu'ils les priaient d'observer qu'après avoir cherché des moyens pour l'arrangement satisfaisant de cet article, ils n'en avaient trouvé que trois, pour établir la sûreté des frontières. Le premier était l'indépendance des sujets au delà du Cuban, pour les contenir par les motifs de la reconnaissance ce qui n'a pas été accepté. Le second les contenir par la crainte en employant de notre part les représailles. Mais que le mot ayant choqué, voici le troisième qu'on devait envisager comme l'ultimatum. Il faut que la Sublime Porte s'engage d'une manière solemnelle à mettre un frein à ces peuples et opposer en barrière à leurs entreprisses en s'en rendant responsable elle même.

за этими двумя статьями, но что не слѣдуетъ думать, что сепаратная статья будетъ опущена, или что ее затронутъ лишь слегка.

Турецкіе уполномоченные сказали, что взявъ бумагу, они заявили, что это не будетъ имѣть никакого значенія; что сепаратная статья поэтому вовсе не была принята ими, и что великій визирь писалъ касательно этого главноуполномоченному.

Наши отвѣтили, что хотя фактъ принятія бумаги еще не обозначаетъ, что и самая статья была принята, но тѣмъ не менѣе переговоры необходимы, такъ какъ она сохраняетъ по прежнему свое значеніе въ договорѣ; что гдѣ бы эта статья ни обсуждалась, по ней получится полное удовлетвореніе, о чемъ и доводится до свѣдѣнія ихъ превосходительствъ для занесенія въ протоколъ конференцій.

Турки просили приступить къ обсужденію VI статьи.

Русскіе уполномоченные просили ихъ обратить, въ такомъ случаѣ, вниманіе на то, что, для удовлетворительнаго рѣшенія этой статьи, они находятъ только три средства, которыя могутъ обезпечить безопасность границъ: 1, даровать независимость подвластнымъ Закубанскимъ народамъ, съ цѣлью сдерживать ихъ чувствомъ признательности, но это не было принято; 2, сдерживать ихъ страхомъ, по праву возмездія, но такъ какъ это выраженіе не нравится, то есть еще третье средство, которое должно считаться ультиматумомъ, именно: Высокая Порта должна торжественно обязаться обуздать эти народы и положить преграду ихъ посягательствамъ, принявъ на себя всякую за нихъ отвѣтственность.

Les Turcs demandèrent à passer dans une autre chambre pour délibérer.

Etant rentrés, ils proposèrent d'insérer dans l'article, que les procédés relativement aux recherches de moyens, pour obvier aux brigandages soient réciproques et observés de part et d'autre.

Les nôtres répondirent, qu'on ne pouvait nullement admettre la réciprocité dans cette occasion qu'elle aurait été à accepter, si on avait pour limitrophes des Turcs. Mais que les peuples étaient indisciplinés, sous aucune forme de gouvernement et ne pouvaient être envisagés que comme des brigands. Tandis que les habitants de notre côté sont des gens adoucis à la culture de la terre, cherchant à vivre dans la plus grande tranquillité, et que son excellence m-r le comte de Bezborodko avait déclaré au troisième plénipotentiaire de la Porte, que la différence de ces peuples était un obstacle pour consentir à cette réciprocité, qu'ils exigeaient. Et comment d'ailleurs pouvait on mettre de niveau des laboureurs ou des troupes réglées avec des voleurs de grand chemin?

Les Turcs répondirent, qu'ils savaient bien que la Russie n'avait pas de pareils sujets. Mais qu'il pouvait arriver que quelques individus mal intentionnés en passant la rivière vinrent troubler le repos et le commerce.

Les nôtres dirent, qu'en pareil cas la justice serait rendue sur le champ et les malfaiteurs punis d'une manière exemplaire.

Les Turcs prétendirent, que puisque de notre côté il n'y avait que des

---

Турки изъявили желаніе перейти въ другую комнату для совѣщанія.

Возвратясь, они предложили включить въ статью, что дѣйствія относительно изысканія средствъ для пресѣченія хищничества этихъ народовъ должны быть обоюдны и соблюдаемы обѣими сторонами.

Наши отвѣчали, что въ данномъ случаѣ нельзя допустить такой обоюдности дѣйствій; что согласиться на это можно бы было только тогда, когда пограничнымъ съ нами народомъ были бы Турки; этотъ же народъ не знаетъ закона, незнакомъ ни съ какой формой правленія, и представляетъ собою не больше, какъ хищническую орду, тогда какъ наши пограничные поселенцы занимаются хлѣбопашествомъ и желали бы жить какъ можно болѣе мирно; что его сіятельство, графъ Безбородко, заявилъ третьему уполномоченному Порты, что именно эта разница и составляетъ препятствіе къ согласію на требуемую обоюдность дѣйствій. Да и какимъ же образомъ можно поставить на одну доску земледѣльцевъ или правильно организованное войско съ разбойниками?

Турки отвѣтили, что имъ хорошо извѣстно, что въ Россіи нѣтъ подобнаго народа, но очень можетъ случиться, что какія нибудь злонамѣренныя личности, перейдя рѣку, станутъ тревожить общественное спокойствіе и торговлю.

Наши сказали, что въ такомъ случаѣ немедленно будетъ оказано правосудіе и злоумышленники будутъ наказаны примѣрнымъ образомъ.

Турки отвѣтили, что такъ какъ нашу границу населяютъ лишь земледѣльцы

soldats et des laboureurs, que c'était une raison de plus pour insérer cette clause.

Les nôtres dirent, que ces peuples étaient si vils à leurs yeux, qu'un turc même aurait de la répugnance à se mettre de niveau avec eux.

Les Turcs rémarquèrent, que dans les états de l'impératrice il y avait des peuplades Tartares, qui pouvaient également en quittant leur demeures porter le désordre dans les pays appartenants à la Porte.

Les nôtres leur observèrent, que ces peuplades étaient à une très grande distance des frontières Ottomanes, et que pour y parvenir ils devaient traverser une grande étendue de pays, en passant par plusieurs gouvernements, où l'on veille sans cesse au bon ordre et à la sûreté des habitants; que les arguments se puisent toujours dans le passé; que jamais la Sublime Porte n'a eu occasion de se plaindre des sujets de l'impératrice, tandis que la Russie en a eu de fréquentes contre les sujets de la Porte.

Les Turcs convinrent de la vérité de cet argument, mais cependant demandèrent une restriction en cas, que cela vint de la part des sujets de Russie.

Les plénipotentiaires Russes répondirent, qu'ils avaient déjà promis une pleine satisfaction, mais qn'ils voulaient mettre les habitants de ces contrées à l'abri des brigands qui passent la rivière, pénétrent dans le coeur du pays et enlèvent quelques fois des habitations entières. Qu'on devait considérer, que l'unique but de cette demande est d'assurer la sécurité des frontières, base de

---

и солдаты, то это тѣмъ болѣе служитъ основаніемъ для включенія въ статью требуемаго условія.

Наши отвѣчали, что вышеупомянутые народы такъ низко стоятъ въ ихъ глазахъ, что даже Турокъ побрезгалъ бы поставить себя съ ними подъ одинъ уровень.

Турки замѣтили, что во владѣніяхъ императрицы живутъ Татарскія племена, которыя въ свою очередь могутъ нарушить порядокъ во владѣніяхъ, принадлежащихъ Портѣ.

Наши замѣтили, что эти племена слишкомъ далеки отъ Оттоманскихъ границъ, и имъ пришлось бы, чтобы достичь до нихъ, переходить очень большія разстоянія, проходя чрезъ нѣсколько губерній, гдѣ постоянно заботятся о порядкѣ и общественной безопасности. Доводы заимствуются всегда изъ прошлаго: Высокой Портѣ никогда не приходилось жаловаться на подданныхъ императрицы, тогда какъ Россія не разъ случалось жаловаться на подданныхъ Порты.

Турки признали справедливость этого довода, но просили сдѣлать оговорку на тотъ случай, ежели бы виновными оказались Русскіе подданные.

Русскіе уполномоченные отвѣчали, что уже обѣщали дать полное удовлетвореніе, но хотѣли только оградить жителей этихъ пограничныхъ мѣстностей отъ хищниковъ, которые, переходя рѣку, проникаютъ вглубь страны и иногда грабятъ цѣлыя селенія; что надлежитъ имѣть въ виду, что это требованіе имѣетъ цѣлью обезпечить

la bonne harmonie, et que dans cette intention on ne pouvait soupçonner la Russie d'aucun projet ambiteux, capable de porter atteinte aux possessions de la Porte Ottomane, et qu'enfin ils priaient m-rs les plénipotentiaires de prendre en considération, que l'article VI, passant sans restriction, selon toute la force et valeur des expressions de son contenu, rapprocherait infiniment la négociation du terme désiré.

Les Turcs consentirent à accepter l'article et le préparer pour l'échanger dans la conférence du lendemain.

M-r le premier plénipotentiaire de Russie, sur la demande qu'il fit, si cet article était accepté ou non? ayant reçu une réponse affrmative de plénipotentiaires Turcs, sortit en les priant de l'attendre un moment, et étant rentré annonça son excellences m-r le comte de Bezborodko, qui vint dans la chambre des conférences, et ayant prié m-rs les plénipotentiaires Turcs, qui s'étaient levés à son arrivée de s'asseoir, leur déclara: Que sa majesté impériale ayant désiré d'établir la sûreté de ses frontières, voyant la bonne volonté avec laquelle m-rs les plénipotentiaires de la Sublime Porte avaient satisfait à ses demandes, se désiste de l'article de l'indemnisation et leur accorde la paix. Et que dès ce moment on pouvait la regarder comme signée.

Les plénipotentiaires Turcs, revenus de leur étonnement, répondirent transportés de joie qu'ils étaient pénétrés de cette marque de sa bonté, qu'ils ne pouvaient exprimer toute leur reconnaissance pour ce trait généreux, qu'ils ne

---

безопасность границъ, основаніе добраго согласія, но что Россію нельзя заподозривать при этомъ въ какомъ нибудь честолюбивомъ замыслѣ относительно Оттоманскихъ владѣній; наконецъ они просятъ гг. уполномоченныхъ принять во вниманіе, что ежели VI статья пройдетъ безъ всякаго ограниченія, сохранивъ всю силу и точный смыслъ выраженій, то это значительно приблизитъ переговоры къ желанному концу.

Турки согласились принять статью и приготовить ее къ обмѣну на завтрашней конференціи.

Господинъ первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ Турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ, принята-ли статья или нѣтъ, и, попросивъ ихъ обождать немного, вышелъ. Возвратясь, онъ объявилъ, что сейчасъ придетъ его сіятельство, графъ Безбородко. Войдя въ залу совѣщаній, графъ попросилъ сѣсть Турецкихъ уполномоченныхъ, вставшихъ при его появленіи, и заявилъ имъ, что ея императорское величество, принимая во вниманіе готовность, съ какою гг. уполномоченные Высокой Порты удовлетворили ея требованія относительно огражденія границъ Русскихъ владѣній отъ всякой опасности, отказывается отъ статьи о вознагражденіяхъ и даруетъ имъ миръ, который съ этого момента они могутъ считать подписаннымъ.

Турецкіе уполномоченные, едва опомнившись отъ изумленія, отвѣчали, внѣ себя отъ радости, что они глубоко цѣнятъ этотъ знакъ благоволенія ея величества, и не знаютъ, какъ выразить всю свою признательность за такой великодушный

pouvaient attendre, que de la magnanimité et grandeur d'âme reconnues de cette grande souveraine et de la noble façon de penser de son suprême plénipotentiaire, qu'ils osaient se flatter que la paix qu'ils allaient conclure serait éternelle conformément à leurs voeux.

On convint que le lendemain il y aurait une conférence pour procéder à l'échange des articles VI et VII et convenir de l'arrangement des autres en forme du corps de traité. Et que lundi, c'est-à-dire le 29, on mettera fin à tout signant la paix.

Au sortir de la chambre des conférences, les plénipotentiaires Turcs furent dans celle où était son excellence m-r le comte de Bezborodko et là lui exprimèrent encore en termes très vifs leur reconnaissance pour le procédé généreux de la grande souveraine, dont il venait de déclarer la volonté.

La conférence finit à deux heures et demie après midi.

Protocole de la 12-me conférence, du 27 décembre.

Les articles VI et VII, après avoir été confrontés, furent signés et échangés.

Les plénipotentiaires Russes firent voir aux Turcs le préambule ou l'exorde du traité de paix et la ratification du suprême plénipotentiaire qui devait être échangée avec celle du grand vizir, le dragoman de la Porte lut ces deux papiers.

поступокъ, котораго они могли ожидать только отъ повсюду извѣстнаго великодушія этой великой монархини и отъ благороднаго образа мыслей ея главноуполномоченнаго; что они льстятъ себя надеждой, что заключаемый миръ пребудетъ вѣчно неизмѣннымъ, согласно ихъ пламенному желанію.

Конференція была назначена на другой день, для обмѣна VI и VII статей и для условія относительно остальныхъ, которыя надлежало привести въ форму договора. Въ Понедѣльникъ же, т. е. 29-го, рѣшено было все покончить, подписавъ миръ.

Выйдя изъ залы совѣщаній, Турецкіе уполномоченные проходили чрезъ залу, гдѣ былъ въ это время его сіятельство, графъ Безбородко; они обратились къ нему съ самыми горячими выраженіями благодарности за великодушный поступокъ великой монархини, волю которой онъ только что объявилъ имъ.

Конференція кончилась въ два часа тридцать минутъ пополудни.

Протоколъ 12-й конференціи, 27 декабря.

Послѣ сличенія VI и VII статей, онѣ были подписаны и обмѣнены.

Русскіе уполномоченные показали Турецкимъ вступленіе мирнаго договора и ратификацію главноуполномоченнаго, которую надлежало обмѣнять на ратификацію великаго визиря. Драгоманъ Порты прочелъ обѣ бумаги.

On convint conformément à la volonté du suprême plénipotentiaire, qu'on fera savoir au grand vizir lors de l'échange des ratifications de sa majesté impériale et du grand seigneur la nomination de l'ambassadeur Russe auprès de la Sublime Porte, dont le choix sera également annoncé par le grand vizir au suprême plénipotentiaire. Que cette nomination de part et d'autre se trouverait dans une lettre cachetée, qu'on échangerait après les ratifications impériales.

Les plénipotentiaires Turcs prièrent les nôtres de faire en sorte, que tout fut prêt pour lundi, afin que la conférence de ce jour n'ait uniquement lieu, que pour signer la paix.

La conférence finit à une heure après midi.

Protocole de la 13-me conférence, du 29 décembre.

Le translateur du congrès avec le dragoman de la Porte, ayant collationné et confronté le traité de paix, m-rs les plénipotentiaires respectifs entrèrent dans la chambre de conférences.

Les nôtres demandèrent, si on fera l'échange des pleins pouvoirs en même temps avec le traité?

Les Turcs répondirent, qu'ils étaient les maîtres et que cela revenait au même.

Alors on fit premièrement la lecture du traité en langue russe et après

---

Согласно волѣ главноуполномоченнаго было условлено, тотчасъ по обмѣнѣ ратификацій ея императорскаго величества и султана, дать знать великому визирю о назначеніи Русскаго посланника въ Высокую Порту; о выборѣ же Портою посланника въ Россію, великій визирь сообщитъ съ своей стороны главноуполномоченному. Назначенія обѣихъ сторонъ должны находиться въ запечатанныхъ конвертахъ, которые будутъ обмѣнены послѣ ратификацій ихъ величествъ.

Турецкіе уполномоченные просили нашихъ устроить такъ, чтобы все было готово къ Понедѣльнику, чтобы на конференціи оставалось только подписать миръ.

Конференція кончилась въ часъ пополудни.

Протоколъ 13-й конференціи, 29 декабря.

Послѣ провѣрки и сличенія мирнаго договора переводчикомъ конгресса и драгоманомъ Порты, гг. уполномоченные обѣихъ сторонъ вошли въ залу совѣщаній.

Наши спросили, будетъ ли въ то же время сдѣланъ и обмѣнъ полномочій?

Турки отвѣчали, что предоставляютъ это вполнѣ ихъ усмотрѣнію, сами же не находятъ въ этомъ никакой разницы.

Тогда сначала прочли договоръ по-Русски, а затѣмъ драгоманъ Порты прочелъ

le dragoman de la Porte le lut en turque. Ce qui étant fini m-rs les plénipotentiaires respectifs ayant signé et opposé leurs cachets, on fit ouvrir les portes de la salle des conférences et en présence d'une foule de spectateurs son excellence le général de Samoilow échangea le traité avec le Reis-Efendi et prononça le discours suivant:

«Enfin nous avons touché à l'heureux moment, dans lequel avec l'aide du Tout-Puissant, guidés par notre chef son excellence m-r le comte de Bezborodko, nous avons pleinement exécuté la volonté suprême de notre très gratuite souveraine en signant une paix perpetuelle entre son empire et la Porte Ottomane. Son contenu sera de garantie, qu'elle sera solide et imperturbable. Nous sommes heureux par le choix, que sa majesté impériale a bien voulu fair de nous, pour la confection de cet ouvrage salutaire. Nous congratulons vos excellences en titre de nos amis avec un évènement d'une aussi grande utilité et importance pour deux empires aussi puissants et qui ne manquera pas de contribuer à votre réputation et gloire salaire de nos travaux».

Les Turcs répondirent, que la joie les empêchait d'exprimer à quël point cet évènement heureux les comblait d'admiration pour l'auguste personne de l'impératrice, qu'ils étaient pénétrés des procédés nobles et loyaux de son excellence m-r le comte de Bezborodko et de la noble façon d'agir de m-rs les plénipotentiaires.

Les plénipotentiaires Russes portèrent le traité à son excellence le suprême

---

по-Турецки. По окончаніи чтенія договора, гг. уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали его и приложили свои печати, потомъ велѣно раскрыть двери въ залу совѣщаній, и его превосходительство генералъ Самойловъ, въ присутствіи многочисленной публики, обмѣнялся договоромъ съ Рейсъ-Ефенди и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Наконецъ мы достигли счастливой минуты, когда съ помощью Всемогущаго, подъ руководствомъ нашего представителя, его сіятельства графа Безбородко, окончательно выполнили высочайшую волю нашей всемилостивѣйшей государыни, подписавъ вѣчный миръ между ея Имперіей и Оттоманской Портою. Содержаніе мирнаго договора ручается за его прочность и неизмѣнность. Мы считаемъ за высокое для себя счастіе, что ея императорскому величеству было благоугодно выбрать насъ для совершенія этого полезнаго дѣла, и поздравляемъ ваши превосходительства, какъ нашихъ друзей, съ событіемъ одинаково важнымъ и полезнымъ для обѣихъ столь могущественныхъ имперій: оно не преминетъ возвеличить вашу славу, въ возмездіе за ваши труды».

Турки отвѣчали, что радость не позволяетъ имъ выразить, до какой степени это счастливое событіе наполняетъ ихъ удивленіемъ къ августѣйшей особѣ императрицы; что они глубоко цѣнятъ благородный и честный образъ дѣйствій его сіятельства, графа Безбородко, и гг. уполномоченныхъ.

Русскіе уполномоченные отнесли договоръ къ его сіятельству, главноуполномо-

plénipotentiaire, qui le dépêcha dans le même moment à sa majesté impériale par le major aux gardes et chevalier Morcow.

Les plénipotentiaires Turcs, suivis de leurs secrétaires, vinrent chez son excellence m-r le comte de Bezborodko lui présenter leurs respects et répéter les protestations de reconnaisance.

ченному, который немедленно отправилъ его къ ея императорскому величеству съ маіоромъ гвардіи и кавалеромъ Морковымъ.

Турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи своихъ секретарей, явились къ его сіятельству графу Безбородко засвидѣтельствовать свое почтеніе и повторить выраженія благодарности.

Протоколы Ясской конференціи, изъ которыхъ первые два на Русскомъ, а тринадцать на Французскомъ языкѣ, списаны съ копій, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, картонъ IX, св. 13—15.

XI. Списокъ бояръ Молдавскихъ, желающихъ переселиться въ Россію, составленный графомъ А. А. Безбородкою, 1791 года.

1. Великій ворникъ и вистіарій, бывшій князь Матвѣй Кантакузинъ, отличающійся усердіемъ къ Россіи, котораго отецъ, дядя и тесть жертвовали жизнію за ихъ преданность къ имперіи единовѣрной. Самый богатый здѣсь помѣщикъ и рѣшительно въ Россію переселяющійся. Высочайшая милость, оказанная ему пожалованіемъ чина и деревень, принята была отъ всѣхъ здѣшнихъ съ крайнимъ восхищеніемъ.

2. Великій ворникъ и вистіарій настоящій, Скарлатъ Стурдза. Происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій подданныхъ Молдавскихъ. Человѣкъ отличнаго достоинства и къ службѣ способный. Всегда оказывалъ отличное усердіе къ Россіи и много трудился во время войны нынѣшней, имѣвъ особливое уваженіе отъ покойнаго фельдмаршала. Не смотря на то, что онъ женатъ на сестрѣ родной драгомана Порты, Мурузи, рѣшился непремѣнно переселиться въ Россію и требуетъ отъ меня открытаго листа съ названіемъ Россійско-императорскаго подданнаго. Многія онъ оказалъ услуги по мирной негоціаціи, особливо въ послѣдніе дни, когда дѣло шло о пріуготовленіи Турковъ кончить спорные артикулы, отвергнувъ всѣ настоянія шурина своего, чтобъ остался здѣсь для спасенія его. По справедливости достоинъ отличнаго предъ другими награжденія, напримѣръ пожалованіемъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ Полоцкой грберніи семисотъ или осьмисотъ душъ. Въ 1775 году покойному поставнику Аргію Бастанджіалу было пожаловано 800 душъ.

3. Ворникъ Георгій Гика.

4. Гетманъ Константинъ Гика.

Родственники несчастнаго господаря Гики.

Послѣдній учился въ С.-Петербургѣ. Оба усердные Россіи и служили въ землѣ во время войны. Не благоугодно ли будетъ пожаловать ихъ чинами статскихъ совѣтниковъ и отъ 400 до 500 душъ каждому въ Полоцкой губерніи?

5. Гетманъ Илья Катаржи. Зять несчастнаго Гики, человѣкъ способный къ службѣ и трудившійся при арміи въ разныхъ исправленіяхъ. Чинъ статскаго совѣтника и душъ 400 будетъ для него награжденіемъ довольнымъ.

6. Великій ворникъ и бывшій вистіарій Георгій Балшъ. Фамилія сія изъ первѣйшихъ отлично Россіи предана. Онъ человѣкъ достаточный и можетъ знатное сдѣлать населеніе въ Екатеринославской губерніи и Тавридѣ. Чинъ и награжденіе противъ вышенаписаннаго весьма было бы для него довольно.

7. Великій ворникъ Драке-де-Паста. По смерти господаря Гики былъ гонимъ Мурузіемъ и во все его правленіе находился въ тяжкой ссылкѣ въ соляныхъ окнахъ. Не имѣя дѣтей и будучи вдовъ, самъ не проситъ деревень, а желаетъ получить чинъ съ пенсіею по тысячѣ по двѣсти рублей, сообразно тому чину.

8. Отъ арміи подполковникъ и спаторъ Емануилъ Балшъ, бывшій въ С.-Петербургѣ съ покойнымъ княземъ Челаути. Въ службѣ усердный. Не благоугодно-ли будетъ его наградить чиномъ полковника, дозволяя ему набрать полкъ изъ переселяющихся Арнаутовъ, которые въ мирное время не получали бы жалованья, а упражнялись землеледѣліемъ, и сверхъ того дать ему въ Полоцкой губерніи душъ триста?

9. Ворникъ де-Апразъ, Николай Балшъ. Братъ двухъ вышеименованныхъ Балшей и другой зять несчастнаго Гики. Во время настоящей войны употребленъ былъ въ службу. Пожалованіемъ ему чина коллежскаго совѣтника и 250 душъ оная совершенно наградится.

10. Отъ арміи маіоръ и поршаръ Марко Гаюсъ. Человѣкъ отличнаго усердія. Покойный фельдмаршалъ произвелъ его въ чинъ и далъ медаль за ревностные его труды при арміи, а особливо за построеніе мостовъ на Днѣстрѣ и Прутѣ. Употребляется съ великимъ успѣхомъ при заготовленіи лѣсовъ и строеніи судовъ. Не угодно ли пожаловать его въ полковники и въ Бѣлоруссіи до двухсотъ душъ?

11. Капитанъ де-Лефечи Вартоломей. По его вѣрности въ разныхъ завѣдываніяхъ и исправленіяхъ употребленный, достоинъ чина отъ арміи капитана и душъ сто въ Бѣлоруссіи.

12. Вамывъ Алексѣй, эконожъ. Изъ знатнаго купечества, переселяется въ Россію съ довольнымъ капиталомъ. Онъ былъ также употребленъ въ разныя по службѣ исправленія. Проситъ чина титулярнаго совѣтника.

Съ собственноручнаго подлинника, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ, картонъ IX, св. №№ 13—15.

XII. Объявленiе о причинахъ войны съ Польшею, читанное графомъ А. А. Безбородкою, 20 ноября, 1794 года.

Непрiязненное поведенiе Поляковъ во время бывшей съ Турками войны, неистовства, образовавшiя сеймъ ихъ, отъ 1788 по 1791-й годъ продолжавшiйся, различныя оскорбленiя, достоинству ея императорскаго величества и ея имперiи на томъ сеймѣ нанесенныя, и наконецъ, разрушенiе трактатовъ и самыхъ древнихъ и коренныхъ правъ республики, ручательствомъ Россiи обезпеченныхъ, со введенiемъ коварствомъ и насилiемъ новой формы правленiя—у всѣхъ въ свѣжей памяти находятся. Не меньше и то извѣстно, что ея императорское величество, вмѣсто, чтобъ дать возчувствовать Полякамъ праведное свое негодованiе, имѣя полную къ тому свободу, по заключенiи мира съ Портою Оттоманскою, обратила силы свои на подкрѣпленiе благонамѣренной части въ народѣ, составившей Торговецкую конфедерацiю для возстановленiя прежней свободы и правъ республики. Войска ея вступили въ Польшу, и не смотря на лжи, отъ Поляковъ разсѣянныя, гнали ихъ предъ лицомъ своимъ дотолѣ, покуда король Польскiй по истощенiи, съ одной стороны, способовъ къ вооруженiю противу насъ народному, съ другой же ухищренныхъ внушенiй о переговорахъ на основанiи, которое могло бы между нами и союзниками нашими произвести недовѣренность, прибѣгнулъ къ послѣднему средству, приступивъ къ Торговецкой конфедерацiи, и бывъ въ томъ послѣдуемъ всѣми къ нему приверженными въ новой и незаконной перемѣнѣ.

Не было чистосердечно таковое приступленiе: ибо вслѣдъ за нимъ оказалися искры въ пеплѣ скрывавшiяся, кои, наконецъ, произвели и послѣднее пламя. Многiе изъ Поляковъ прилѣпилися къ правиламъ Французскихъ мятежниковъ, законъ Божiй, власть установленную и порядокъ до сего существовавшiй испровергнувшихъ. Предъосторожности военной и гражданской полицiи не были достаточны отвратить укорененiе и распространенiе зла сего. Ненависть къ Россiи и паче обнажаться стала даже угрозами истребить наши войска. Явно уже было, что предлежало или оставаться въ непрерывной почти войнѣ, содержа большiя и готовыя силы на усмиренiе своевольства, и тѣмъ себя изнуряя безполезно, или же искать иныхъ средствъ къ искорененiю подобнаго яда въ сосѣдствѣ. Сiи уваженiя убѣдили ея императорское величество внять предложенiямъ его величества, короля Прусскаго, который, равнымъ образомъ, предвидѣлъ вредъ отъ таковаго умовъ въ Польшѣ расположенiя произойти могущiй по сосѣдству областей своихъ, наипаче же въ такое время, когда вступалъ онъ въ войну въ пособiе общему нашему союзнику, его величеству, императору Римскому противу извергов Французскихъ, весь свѣтъ развратить ищущихъ. Отсюда проистекъ раздѣлъ Польскихъ областей, посредствомъ коего ея императорское величество возвратила къ имперiи своей земли, издревле къ ней принадлежавшiя, отторженныя отъ нея во времена смутныя съ таковымъ же коварствомъ, съ каковымъ зломышленные изъ Поляковъ готовилися и нынѣ на ущербъ Россiи, и населенныя народомъ съ нами единоплеменнымъ и единовѣрнымъ, благочестiя же ради угнетеннымъ.

Коль скоро мѣры сiи, необходимостiю вынужденныя, исполнилися, ея императорское величество уповая, что благоразумiе Поляковъ, видя отечество ограниченное

въ тѣснѣйшихъ предъ прежними предѣлахъ, заставитъ ихъ пещися объ одномъ спокойствіи толико нужномъ для спасенія оставшейся ихъ земли, дала мѣсто своему къ нимъ благорасположенію, оставляя имъ свободу устроить правленіе, положенію ихъ приличествующее, заключила съ республикою оборонительный союзъ, въ которомъ всѣ выгоды были на Польской сторонѣ, и содѣлала ихъ участниками даже тѣхъ преимуществъ, каковыми пользуются благоденствующіе, ея вѣрные подданные. Время, да и самое краткое, обнаружило, что не можно считать на благодарность Поляковъ. Заключеніе сейма Гроденскаго ознаменилося изданіемъ различныхъ предъосудительныхъ установленій, доказавшихъ расположеніе ихъ къ безпокойствамъ и къ нанесенію вреда державѣ, отъ коея не токмо тишина и благосостояніе, но и самое бытіе ихъ зависѣло.

Первые признаки таковыхъ злоумышленій открылися уходомъ войскъ Польскихъ подъ начальствомъ возмутителя Мадалинскаго, покусившихся непріязненно отчасти противу войскъ Россійскихъ, отчасти же противу границъ Прусскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ появился другой возмутитель, называемый Костюшко, со времени приступленія короля къ Торговецкой конфедераціи ушедшій изъ Польши, скрывавшійся въ чужихъ краяхъ и производившій съ извергами Французскими зловредныя сношенія и переписку. Начало бунта основалъ онъ съ пособіемъ и подкрѣпленіемъ обоюдныхъ подданныхъ, въ Галиціи обитавшихъ. Устроивъ мятежническое гнѣздо въ Краковѣ, яко мѣстѣ отъ Россійскихъ войскъ удаленномъ, злодѣй сей старался разливать ядъ свой по всей Польшѣ и Литвѣ; и даже дерзнулъ распространять оный въ предѣлы новоприсоединенныхъ къ Россіи областей, хотя и безъ успѣха: ибо всѣмъ извѣстно, что народъ Россійскій, въ сихъ областяхъ обитающій, и подъ самымъ игомъ Польскимъ сохранялъ свою приверженность къ вѣрѣ Православной и всегда питалъ любовь и усердіе къ монархамъ Всероссійскимъ; кольми же паче вступивъ подъ обладаніе ея величества, и тѣмъ предохраненъ бывъ отъ разврата, въ Польшу вкравшагося, соблюдалъ непоколебимую подданническую вѣрность. Первое сраженіе, въ окольчностяхъ Кракова происшедшее, гдѣ великое въ числѣ превосходство дало ему нѣкоторую удачу, ободрило его дерзость на разпространеніе мятежа, такъ что и въ самой столицѣ Польской число единомышленныхъ возмутителямъ и между самыми королю приверженными умножилося.

6-е апрѣля пребудетъ у всѣхъ въ памяти, яко день, въ который вѣроломство Поляковъ обнаружилося въ самой вышней степени измѣнническимъ покушеніемъ на истребленіе войскъ Россійскихъ, подъ покровомъ доброй вѣры союзнаго трактата спокойно и безопасно въ Варшавѣ бывшихъ. Всѣ отъ мала до велика участвовали въ произведеніи сего злодѣйства, нарушивъ и права общенародныя, самими варварами наблюдаемыя, нападеніемъ на домъ министра ея императорскаго величества, арестованіемъ резидента ея со всѣми чинами посольства, захватомъ министерскаго архива, разграбленіемъ пожитковъ въ домѣ семъ бывшихъ и удержаніемъ всѣхъ чиновъ въ заключеніи. Давъ мѣсто потомъ своей наклонности къ вредному ученію безбожныхъ и всякому гражданскому порядку противныхъ Якобинцевъ, устроили въ семъ городѣ правленіе, подобное тому, каковымъ сіи изверги владычествуютъ и нынѣ во Франціи, ознаменяя оное лютыми казнями, исполненными надъ знатнѣйшими въ республикѣ особами духовнаго и мірскаго чина.

Рука Господня не попустила неистовымъ Полякамъ воспользоваться плодами ихъ

вѣроломства. Вышедшія изъ Варшавы Россійскія войска собралися съ прочими ближними, составили силу, противу коея сіи злоумышленные наступить не отважилися, продолжая, между тѣмъ, возбуждать другіе города и провинціи на подобныя Варшавскому покушенію. Бдѣніе и мужество Россійскихъ военачальниковъ всемѣстно отвратили событіе того, кромѣ города Вильны: но и тутъ злодѣйское, противу самой малой части войскъ нашихъ, предпріятіе отищено было сильными пораженіями, отъ храбрыхъ нашихъ воиновъ возмутителямъ нанесенными.

Для огражденія собственныхъ предѣловъ и прекращенія мятежа въ толь близкомъ сосѣдствѣ, приняты были мѣры, наилучшими успѣхами сопровожденныя. Всякое со стороны Поляковъ покушеніе внести оружіе въ пограничныя наши области, обращалося самимъ имъ въ крайнюю гибель. Мятежники разбиты были: 26-го апрѣля при Полянѣ, недалеко Вильны, 21-го мая—при Ошмянѣ, 23-го—при Дубянкѣ, 26-го—за Вислою, при Щекочинѣ, подъ предводительствомъ главнаго мятежническаго начальника Костюшки, 28-го—при Хелмѣ, іюня 7-го—при Ивенцѣ, 14-го—при Соли, іюля 6-го—при Выгодѣ, 20-го—при Салатѣ, 22-го—при Солонимѣ, 31-го—при Вильнѣ, гдѣ войскомъ Россійскимъ взяты укрѣпленія и самый тотъ городъ, августа 20-го—при Олитѣ и потомъ при Любани, гдѣ вторгнувшійся въ предѣлы Минской губерніи Польскій корпусъ былъ отчасти истребленъ, отчасти же въ плѣнъ взятъ, при Ковнѣ, при Гроднѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ непріятель понесъ многое пораженіе, потерялъ свою артиллерію, запасы и прочее, что ему нужно было къ продолженію мятежа; Россійскія же войска очистили все пространство земли между Прусскихъ границъ, рѣки Нѣмана, и собственныхъ своихъ предѣловъ лежащее, и въ немъ спокойствіе утвердили.

При таковыхъ успѣхахъ войскъ, въ Литвѣ дѣйствовавшихъ, разные корпусы, отъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго отряженные и въ передъ на пораженіе мятежниковъ подвигнутые, соединившися подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго не однократныя надъ непріятелемъ одержали побѣды, наипаче же 8-го сентября при Брестѣ, истребивъ многочисленныя ихъ войска. Съ другой же стороны, корпусъ подъ командою генералъ-поручика барона Ферзена, за Вислою находившійся, по отступленіи Прусскихъ войскъ отъ Варшавы, учинивъ чрезъ сію рѣку переправу, вопреки всѣмъ отъ непріятеля затрудненіямъ, и атаковавъ 29-го сентября, при Мацеіовицѣ, главнаго возмутителя Костюшку съ отборными его войсками, разбилъ совершенно, завоевавъ артиллерію и взявъ помянутаго возмутителя со многочисленнымъ плѣномъ. Пользуяся толь рѣшительными поверхностями, предводители оружія Россійскаго спѣшили распространить оныя; и въ слѣдствіе того графъ Суворовъ-Рымникскій направилъ путь свой къ Варшавѣ и соединяся съ корпусомъ, отъ Гродны и Бѣлаго Стока шедшимъ, и не однократно на пути непріятеля поразившимъ, равно и съ войсками, чрезъ Вислу переправившимися, по разбитіи передовыхъ силъ, 15-го октября, достигнулъ предмѣстія Варшавскаго, Прага именуемаго, на правомъ берегу Вислы лежащаго, сильно укрѣпленнаго, многочисленною артиллеріею снабдѣннаго и знатнымъ числомъ войска обороняемаго. Мужество воинства Россійскаго, искусными начальниками предводимаго, преодолѣло тутъ всѣ трудности. Прага взята приступомъ, 24-го октября, и пораженіе, при семъ случаѣ непріятелю нанесенное, было столь убѣдительно для самой Варшавы, что сей городъ прибѣгнулъ прося пощады, и вручивъ жребій свой побѣдителямъ, сдался.

Сим образом низложен бунт в Польшѣ и разрушены ковы злоумышленных. Признавая в том Божію благодать, во всѣх намѣреніях и дѣлах ея императорскаго величества в теченіи тридцати трехлѣтняго ея царствованія непрерывно споспѣшествующую, всѣ вѣрные ея подданные да принесут Всевышнему достодолжное их благодареніе, и да прольют пред ним горячія их молитвы о ниспосланіи помощи его святой к совершенному окончанію дѣл сих в пользу и славу имперіи и к прочному утвержденію на будущія времена спокойствія и безопасности ея предѣлов.

С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1794 г., 24 ноября, пятница, № 94, стр. 2162—2166.

XIII. Мнѣніе графа А. А. Безбородки и Т. И. Тутолмина о возсоединенных Уніатах, в губерніях присоединенных к Россіи, по третьему раздѣлу Польши, 1795 года.

1. Книги отпустить, а ежели можно и прочія потребности, не требуя от прихожан денег.

2. По множеству церквей, ежели и не опредѣлять еще мѣстных архіереев, по крайней мѣрѣ, отрядить в Изславскую губернію викарія митрополія Кіевской, для удобнѣйшаго на мѣстѣ исправленія церковных дѣл. Архіереи мѣстные необходимо были бы нужны для ускоренія рукоположенія.

3. В Изславской губерніи и в Каменецкой области ни одного монастыря нѣт. Оные нужны для услуги при архіереѣ; и так, по крайней мѣрѣ, по одному, и именно: в Житомирѣ, и в Каменцѣ устроить первой степени, при коих и семинаріи заведутся. В Житомирѣ строющаяся Уніатская церковь к тому удобна, а в Каменцѣ—упраздненный Іезуитскій монастырь.

4. Тоже и в Минской губерніи сдѣлать один первоклассный монастырь, да и в Брацлавской один из готовых потому же устроить.

Автор «Исторіи возсоединенія западнорусских уніатов старых времен» [С.-Петербург, 1873 г., стр. 368 и 369], М. О. Коялович, говорит, что крайним предѣлом можно полагать время составленія этого мнѣнія от конца декабря 1794 по 2-ое апрѣля 1795 года, когда Св. Сѵнод составил доклад о кандидатах на епископство Брацлавское и викаріатство Житомирское. Тогдашній обер-прокурор Св. Сѵнода Мусин-Пушкин, в концѣ своих замѣток на этом мнѣніи написал: «По сим высочайшим резолюціям заготовить от Сѵнода доклад, как можно скорѣе», но числа, когда происходил доклад его Екатеринѣ, не выставил. Дѣло Св. Сѵнода, 1795 г., № 35, листы 2 и 3.

XIV. Историческая записка графа А. А. Безбородки, объ уѣздныхъ городахъ: Гадачѣ и Зѣнковѣ, 1784 года.

Вашему императорскому величеству угодно было вѣдать обстоятельства, касающіяся до уѣздныхъ городовъ Черниговскаго намѣстничества: Гадача и Зѣнкова.

Замокъ, или ключъ Гадацкій, блаженныя памяти, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ пожалованъ былъ боярину и гетману Малороссійскому Бруховецкому на гетманскій урядъ, и въ постановленныхъ съ нимъ статьяхъ, въ числѣ мѣстечекъ, къ тому замку принадлежащихъ, именованъ и городъ Зѣнковъ; но что въ городѣ Гадачѣ и тогда было полковое правленіе, а въ Зѣнковѣ сотенное, и что тамъ жили: полковники, сотники и другіе военные и гражданскіе чины, доказывается, что на тѣхъ же договорныхъ статьяхъ оные чины въ числѣ прочихъ подписалися. Въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ, да и во всѣхъ послѣдующихъ яснымъ образомъ предъохранено, чтобъ казаки, при своихъ свободахъ, правахъ и собственности осталися и порабощаемы не были.

Въ тоже самое время города Гадача мѣщанамъ дана его царскаго величества жалованная грамота, по ихъ челобитью, и по предстательству самаго означеннаго гетмана на права и вольности противъ другихъ городовъ. Бургомистры и рацгеры сего города въ числѣ прочихъ присутствовали на съѣздахъ при выборѣ гетмановъ, и какъ выборы такъ и статьи подписывали. Напротивъ того нѣтъ нималаго доказательства, чтобъ въ то время городъ Гадачъ принадлежалъ замку Гадацкому.

Послѣдующіе гетманы, раздавая недвижимыя имѣнія по своей волѣ, и присвоя себѣ всѣ почти коронныя деревни, дѣлали такія раздачи и въ замкѣ Гадацкомъ. Сіе послужило поводомъ, что гетману Апостолу, сверхъ замка Гадацкаго, какъ бы въ замѣну розданныхъ въ немъ другимъ деревень, даны многія маетности; и сей гетманъ ни къ чьей собственности ни въ Гадачѣ, ни въ Зѣнковѣ не касался; но неизвѣстнымъ образомъ мѣщане очутилися въ его подданствѣ.

Не смотря на все сіе городъ Гадачъ остался полковымъ городомъ до учрежденія губерній. Полковникъ съ его штабомъ, полковая канцелярія, судъ криминальный, судъ земскій и судъ подкоморскій, и двѣ сотни съ ихъ военнымъ и полицейскимъ управленіемъ тутъ всегда были. Дворянство и чиновники жили въ городѣ, а замокъ теперь называется родъ небольшой цитадели, въ городѣ же, гдѣ гетманскій домъ, его эконома жилище, и домовая его контора построены. Дѣло сіе имѣетъ много сходства съ дѣломъ о разности между городомъ и замкомъ Венденомъ.

Зѣнковъ былъ сотенное мѣстечко, однакожъ послѣ сдѣланъ повѣтовымъ или окружнымъ. Тамъ также были: судъ земскій и подкоморскій и двѣ сотни съ ихъ правленіями.

Въ Сенатѣ имѣется дѣло, по челобитью множества дворянъ и разночинцевъ, объ отнятіи у нихъ имѣній къ замку Гадацкому. Оно и доселѣ продолжается съ 1778 года. Отъ скорѣйшаго его рѣшенія зависитъ жребій сихъ городовъ и множества благородныхъ фамилій, и въ войскахъ служащихъ людей.

Но между тѣмъ ежели въ Гадачѣ и Зѣнковѣ были до самаго сего времени полковыя, окружныя и сотенныя правленія, и разные дворянскіе суды, ни что не

мѣшаетъ удержать тамъ мѣста уѣздныя, кромѣ магистратовъ, коихъ сдѣлать нѣтъ для кого, до времени. Въ Малой Россіи и вездѣ смѣшаны жилища. Но было, пишутъ, намѣреніе выгодамъ городовъ придать силу претензіями на завладѣніе цѣлымъ полкомъ Гадацкимъ.

Подлинная собственноручная записка графа А. А. Безбородки хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, по описи № 1633.

XV. Письма графа А. А. Безбородки къ графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, съ 1792 по 1794 годъ.

1.

1792 г., 8 октября, изъ С.-Петербурга.

Вручитель сего г. маіоръ Чернышъ, сынъ человѣка весьма коротко и издавна мнѣ знакомаго, пожелая побывать въ чужихъ краяхъ, пользуется настоящимъ отправленіемъ и благосклоннымъ къ нему расположеніемъ графа Григорія Ивановича Чернышева. Я покорнѣйше прошу ваше сіятельство принять его въ покровительство ваше, какъ человѣка хорошаго поведенія и на случай разлуки съ графомъ Чернышевымъ возвратить его въ Россію, когда случай имѣть будете отправить курьера по дѣламъ. Г. Чернышъ, будучи приватнымъ образомъ съ графомъ Чернышевымъ и по единому своему желанію, не имѣетъ нужды быть представленъ у двора, дабы не могли подумать, что онъ при немъ по случаю коммисіи, на него возложенной.

2.

1792 г., 8 октября, изъ С.-Петербурга.

Считая, что графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ не скоро къ вамъ пріѣдетъ я не пишу къ вашему сіятельству по дѣламъ, тѣмъ болѣе, что мы ждемъ отвѣта вашего на письмо, отъ вице-канцлера въ началѣ сентября отправленное. Графъ Кобенцель получилъ депешу въ непріятныхъ израженіяхъ по поводу извѣстнаго нашего изъясненія о субсидіяхъ денежныхъ. Я не знаю сообщило ли министерство тамошнее вашему сіятельству что либо по сей матеріи; но мы имѣемъ предварительное отъ государыни наставленіе какъ отвѣчать, и предварительное приказаніе, чтобы отповѣдь, Вѣнскому двору даемую, словесно сообщить вамъ въ пространствѣ. По извѣстной матеріи Алопеусъ тоже ничего не пишетъ, по причинѣ отдаленія арміи, да и натурально, что оба новые союзники прежде снестися пожелаютъ. Делегація Польская на будущей недѣлѣ сюда съѣдется, и мы, ее не задерживая болѣе трехъ недѣль, поспѣшимъ отправить обратно для созыву сейма.

3.

1793 г., 22 февраля, изъ С.-Петербурга.

По случаю отъѣзда г. Малча я собирался писать къ вашему сіятельству о многомъ; но между тѣмъ надобности его удержали на нѣсколько дней, и курьеръ сей прежде отправляется.

Племянникъ мой по сіе въ Вѣну прибылъ. Онъ всегда хвалился мнѣ вашимъ благосклоннымъ съ нимъ обхожденіемъ, почему я и теперь смѣю его поручить въ милость вашу, прося ему руководствовать, какъ во время пребыванія его тамъ, такъ и по предлежащему его путешествію въ Турецкую землю.

Онъ представитъ вамъ, милостивый государь мой, всеприлѣжную просьбу мою о благосклонномъ пособіи вашемъ въ пріисканіи для меня хорошаго повара, который былъ бы человѣкъ добронравый, не Французъ, и не великій расточитель. Ваше сіятельство много меня одолжите, если прикажете, заключа съ нимъ договоръ, прислать его сюда. Въ цѣнѣ и въ условіяхъ я совершенно на ваше усмотрѣніе полагаюся.

4.

1793 г., 28 марта, изъ С.-Петербурга.

Вслѣдствіе письма, къ вашему сіятельству отъ меня отправленнаго, съ гвардіи сержантомъ Энгельгардтомъ съ просьбами о разныхъ для меня исправленіяхъ въ Вѣнѣ, имѣю честь доставить при семъ кредитовъ на двадцать тысячъ Вѣнскихъ гульденовъ, въ распоряженіе ваше.

5.

1794 г., 20 февраля, изъ С.-Петербурга.

Г. Альфонсъ Миліотъ, Тосканскій уроженецъ, жившій долгое время въ Парижѣ, въ 1792 году въ Россію переселившійся, намѣренъ, по торговымъ своимъ дѣламъ, ѣхать въ Вѣну и Италію, почему и желалъ быть препорученнымъ въ покровительство ваше. Онъ мнѣ сталъ извѣстенъ по покупкамъ камеевъ и тому подобныхъ вещей, что онъ сдѣлалъ для двора ея императорскаго величества, и по тѣмъ кои, онъ также учинилъ для меня во Франціи, когда уже дѣла такошнія начали приходить въ разстройство; и хотя ни въ какомъ случаѣ онъ не уронилъ роли полезнаго для себя скупщика и перепродавца поселившися, особливо, въ Москвѣ и умѣя закупать рѣдкія и старыя вещи у наслѣдниковъ къ таковымъ древностямъ и рѣдкостямъ неохотниковъ и передачею ихъ послѣ любителямъ, за хорошія деньги, не могъ я, однакожъ, ему, какъ коммиссіонеру своему, отказать въ утружденіи вашего сіятельства моимъ въ пользу его ходатайствамъ, прося васъ, милостивый государь мой, извинить меня въ томъ благосклонно и вѣрить, что я навсегда останусь съ искреннею признательностію и отличнымъ почтеніемъ.

6.

Для лучшаго усмотрѣнія, какой высоты должны быть ножки подъ столиками, прилагаются планъ и профиль двухъ камеръ, въ которыя дѣлаются мебели, съ обозначеніемъ какой мѣры тѣ столы. Также планъ и профиль покажутъ высоту рамъ. Crachoirs не надобны.

Сверхъ того за нужное примѣчается, что въ спецификаціяхъ рѣщика и золотаря говорится: des listeaux, то чтобъ не вышли недоразумѣнія, ежели только одни будутъ скульптурные листы тѣхъ багетовъ, которымъ модели присланы, а надобно, чтобы были и тѣ карнизы, въ которые сіи листы вставляются. Въ составленіи того, чтобы они были не тяжелы, но при томъ довольно и важны, я полагаюся на вкусъ и усмотрѣніе вашего сіятельства.

Съ подлинниковъ, хранящ. въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. XV, № 522, листы: 74—79. Здѣсь же хранятся черновыя письма графа А. К. Разумовскаго къ графу А. А. Безбородкѣ, съ 1785 по 1799 годъ.

XVI. Письма князя А. А. Безбородки къ Михаилу Павловичу Миклашевскому, съ 1786 по 1798 годъ.

1.

1786 г, 1 декабря.

Востри саблю, уладь мушкетъ на весну, ступай на войну; въ твоемъ мѣстѣ я бы плакалъ, если бы меня не пустили, я на все бы плюнулъ, чтобы только поглядѣть на драку. Спроси у Дмитрія Ширая, какъ Мацура, Гудовичей управитель, тому только и завидовалъ паничамъ своимъ, щто ціеперь то шабли наглядятся, когда бы была на войнѣ.

2.

1787 г.

Радуюсь, что ты, наконецъ, къ войнѣ привыкаешь. Молодому человѣку ни лучше, ни пріятнѣе упражненія быть не можетъ. Сколько я иногда сожалѣю, что не пріютился путемъ къ сему ремеслу, которое всегда люблю и чту отлично. Мы и сами здѣсь воюемъ, но наша война противъ вашей миніатюрна. Воюйте здорово и счастливо и спѣшите кончить все, дабы тѣмъ дать скорѣе миръ, а мнѣ открыть способъ навострить лыжи, или по нашей пословицѣ сказать: дай Боже ноги. Сего требуетъ сохраненіе здоровья моего, изнуреннаго не столько трудомъ, который я люблю, сколько непріятностями другого рода, которыя я тѣмъ терпѣливѣе переношу, что чистъ въ совѣсти моей. Прощай, недосугъ. Желаю о тебѣ скоро слышать, что и ты не просто только глядѣлъ на дѣла другихъ, но и самъ участвовалъ.

3.

1789 г.

Мы считаемъ, что ты будешь съ крестомъ и съ золотою саблею, а по крайней мѣрѣ съ первымъ; и такъ дай намъ знать, когда получишь, дабы мы тому порадовались, тебѣ кантъ составили и пропѣть здѣсь могли. Окончай благополучно кампанію на славу и послѣ къ намъ пріѣзжай воспользоваться плодами побѣды.

4.

1797 г.

Ежели я вамъ совѣтовалъ въ женитьбѣ держатся правила, въ писаніи святомъ преподаннаго Іакову: да не поймеши себѣ жены отъ сыновъ чуждыхъ, то я еще двойную причину имѣю одобрить вознамѣреваемый вами бракъ на моей племянницѣ [Бакуринской].

Письма эти напечатаны въ Русской Бесѣдѣ, за 1856 г., т. I, стр. 13, 14 и 46.

XVII. Всеподданнѣйше прошеніе князя Безбородки, поданное императору Павлу I, объ увольненіи отъ службы и о дозволеніи ѣхать заграницу, 1799 года.

По титулѣ, на имя государя Павла Петровича.

Проситъ всеподданнѣйше канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, главный директоръ почтъ и кавалеръ разныхъ орденовъ, князь Александръ Андреевичъ сынъ Безбородко.

1.

Вступивъ въ службу, въ 1765 году, съ того времени продолжалъ я оную въ чинѣ Малороссійскаго Бунчуковаго товарища, управляя при покойномъ генералъ-фельмаршалѣ графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ генералъ-губернаторскою канцеляріею; въ 1767 году опредѣленъ членомъ Малороссійскаго Генеральнаго Суда; по объявленіи же войны Турецкой, въ началѣ 769 года, по собственному моему желанію, отправленъ въ походъ, гдѣ, командуя сперва Малороссійскимъ Нѣжинскимъ полкомъ, а потомъ, имѣя подъ начальствомъ моимъ Лубенскій, Миргородскій и Компанейскій полки, находился въ походахъ противъ непріятеля: на Бугѣ и между Буга и Днѣстра. По назначеніи графа Румянцова къ предводительству первою арміею, переведенъ я туда, и, будучи при немъ безотлучно, находился въ сраженіяхъ: 4 іюля, не доходя рѣчки Ларги, 5-го при атакѣ Турками авангарда праваго крыла, 7-го въ баталіи при Ларгѣ,

гдѣ я, по собственной моей охотѣ, былъ при передовыхъ корпусахъ, 21 при славной Кагульской баталіи, 1773 года за Дунаемъ и 18 іюня при штурмѣ наружнаго Силистрійскаго ретрашамента; да и послѣ того во всѣхъ походахъ до окончанія войны, исправляя при томъ возложенныя на меня отъ генерала-фельдмаршала многія секретныя и публичныя дѣла и коммиссіи и неся безпрерывный трудъ.

2.

Марта 22, 1774 года, пожалованъ я отъ арміи полковникомъ въ Кіевскій Малороссійскій полкъ. По прибытіи въ Москву для мирнаго торжества угодно было блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государынѣ, родительницѣ вашей, взять меня къ особѣ Ея для принятія прошеній и исправленія прочихъ дѣлъ. Въ самое краткое время имѣлъ я счастіе пріобрѣсти высочайшую Ея довѣренность до такой степени, что мнѣ поручены были собственныя ея бумаги, и вскорѣ на дѣлѣ учинился я первымъ ея секретаремъ, имѣя на себѣ большую часть важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Генваря 1-го, 1779 года, произведенъ я, по старшинству, въ бригадира; 5-го маія за труды мои въ развязкѣ настоявшихъ тогда съ Турками по Татарскимъ дѣламъ хлопотъ награжденъ 1400 душъ въ Бѣлоруссіи; 24 ноября 1780 года, по старшинству, вступилъ я въ генералъ-маіоры, а въ знакъ особливаго монаршаго благоволенія, за поданной мною меморіалъ по дѣламъ политическимъ, на которомъ съ того времени основана система и до нынѣ продолжающаяся, причисленъ къ министерству полномочнымъ для всѣхъ негоціацій; октября 23-го 1782 года пожалованъ кавалеромъ перваго класса святаго Владиміра, на ряду съ первѣйшими государственными чинами; августа 22-го 1783 года за труды мои въ приращеніи государственныхъ доходовъ, получилъ въ потомственное владѣніе 2700 душъ, въ Малороссіи; февраля 2-го 1784 года за участіе мое въ присоединеніи къ имперіи Всероссійской Крыма, Тамани и Кубани и въ окончаніи сдѣлки о томъ съ Портою Оттоманскою, пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ святаго Александра-Невскаго, вторымъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ съ трактаментомъ вице-канцлерскимъ и 3000 слишкомъ душъ, въ Малороссіи; октября 12 того же года получилъ отъ ея величества дозволеніе принять данное мнѣ отъ императора Римскаго графское достоинство, и при томъ милостивое своеручное ея письмо, изъявляющее большую ея ко мнѣ довѣренность; іюня 28-го 1786 года за труды мои по банковымъ распоряженіямъ награжденъ деревнями, въ Малороссіи, болѣе 4000 душъ; а 20 августа переименованъ гофмейстеромъ. Въ продолженіи послѣдней сугубой войны противу Турокъ, особливо же противу короля Шведскаго, понесъ я многіе труды, за которые въ день мирнаго Шведскаго торжества, пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; 1791 года въ октябрѣ, по полученіи извѣстія о кончинѣ генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, бывъ убѣжденъ въ сущей необходимости мира для государства, и видѣвъ, что негоціація о томъ веденная была весьма запутана, отложа на сторону всѣ тѣ невыгоды, которымъ отлучка моя отъ двора, гдѣ имѣлъ я непріятелей и завистниковъ, меня подвергала, представилъ я готовность мою отправиться въ Яссы, для руководства мирной негоціаціи, и въ случаѣ разрыва ея остаться въ арміи для возобновленія и окончанія ея при помощи военныхъ

дѣйствій. Благополучное совершеніе дѣла на меня возложеннаго съ честію и пользою отечества, признано было пожалованіемъ мнѣ ордена святаго Андрея и пятидесяти тысячь рублей серебромъ; а въ мирное торжество—похвальной грамоты, масличной вѣтви, для ношенія на шляпѣ, и деревнями, въ Подольской губерніи, 5000 душъ. По возвращеніи моемъ изъ Яссъ участвовалъ я въ Польскихъ дѣлахъ, наипаче же въ поправленіи случившихся непріятныхъ произшествій; а что въ двукратномъ раздѣлѣ Польскомъ былъ я первѣйшимъ участникомъ, ссылаюсь на подданныя мною ея величеству меморіалы. Генваря 1-го 1795 года, за умноженіе государственныхъ доходовъ многими милліонами рублей, получилъ я въ награжденіе пятьдесятъ тысячъ рублей съ ежегоднымъ пенсіономъ по смерть по десяти тысячъ рублей, изъ почтовыхъ доходовъ.

3.

При самой кончинѣ блаженныя памяти государыни императрицы угодно было вашему императорскому величеству употребить меня не только по департаменту, гдѣ я находился, но и по другимъ дѣламъ. Возведя меня на первую степень чиновъ государственныхъ, щедроты ваши упредили мои заслуги. Краткость времени и болѣзненные припадки, коими одержанъ я былъ въ послѣднее время прошедшаго царствованія, соединяясь съ усиліями, которыя я при семъ случаѣ дѣлать былъ долженъ, совершенно разстроили мое здоровье; но если силы, время и обстоятельства не дозволяли мнѣ заслужить толь великія монаршія милости, ревность моя не оставалася втунѣ. Въ возвышеніи государственныхъ доходовъ и разныхъ казенныхъ распоряженіяхъ, какъ вашему величеству извѣстно, имѣлъ я не малое участіе. Всѣ учиненныя отъ меня представленія по дѣламъ политическимъ и другимъ были чужды всякихъ иныхъ уваженій, кромѣ вашей славы и пользы. Охотно продолжалъ бы я усердную мою службу, естьли бы тѣлесныя немощи, производя въ дѣйство ихъ и надъ душевными дарованіями, не ослабили до крайности память и другія способности, къ доброму и успѣшному дѣлъ производству необходимо нужныя. Въ таковомъ положеніи дерзаю прибѣгнуть къ тому же самому великодушію, съ каковымъ благоволили вы взыскать меня не по мѣрѣ службы моей, и повергая себя къ священнѣйшимъ стопамъ вашимъ, прошу всеподданнѣйше,

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было меня, по болѣзненному моему состоянію, уволить отъ всѣхъ дѣлъ и для пользованія здоровья моего всемилостивѣйше дозволить отлучиться въ чужіе краи.

Всемилостивѣйшій государь!

Прошу ваше императорское величество о семъ учинить высочайшее рѣшеніе ваше. Къ поданію надлежитъ въ собственныя вашего величества руки. Писалъ самъ проситель, въ Санкпетербургѣ.

Князь Александръ Безбородко руку приложилъ.

Просьба эта заимствована изъ книги: «Жизнь, свойства, военныя и политическія дѣянія: Россійскаго императора Павла I, генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго и канцлера князя Безбородки». С.-Петербургъ, 1805 г. стр. 20—32.

XVIII. Записка князя Безбородки, о потребностяхъ имперіи Россійской, 1799 года.

Россія есть самодержавное государство. Обширность ея, составленіе изъ разныхъ языковъ и обычаевъ и многія другія уваженія сей единый образъ правленія дѣлаютъ ей свойственнымъ. Тщетны всякія вопреки того умствованія, и малѣйшее ослабленіе самодержавной власти навлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія.

Государь самодержавный, если онъ одаренъ качествами сана его достойными чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что они отъ того уклониться или избѣжать могутъ.

Престолъ въ Россіи есть наслѣдственный. Актъ, при коронованіи императора Павла I изданный, достаточно объясняетъ порядокъ онаго, и когда оный точно будетъ исполняемъ, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ встрѣтиться ни замѣшательства, ни безпокойствъ.

Россійскій императоръ долженъ быть Греческаго православнаго восточнаго закона, такъ какъ его супруга, его наслѣдникъ и его супруга; но что касается до супруговъ прочихъ великихъ князей Россійскихъ, оныя могутъ быть и другаго христіанскаго закона, а токмо никто наслѣдникомъ престола облаченъ быть не долженъ, кто не воспріиметъ православной вѣры.

Коронованіе императора есть обрядъ, посредствомъ коего государь, принося торжественное Богу благодареніе, исповѣдуя вѣру свою предъ алтаремъ и народомъ, воспринимаетъ залогъ благодати Божіей къ лучшему управленію своимъ царствомъ. Не было бы противно самодержавной власти, если бы государь, по изреченіи Сүмвола Вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя явили бы народу его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть въ слѣдующей силѣ.

Въ Россіи три суть состоянія народныя: дворянство, мѣщанство и поселяне. Всѣ они имѣютъ разныя выгоды и преимущества; но общія ихъ выгоды состоятъ: 1, въ одинаковомъ для каждаго охраненіи законовъ, и потомъ 2, въ одинаковой безопасности личной и со стороны собственности, 3, въ участіи въ управленіи по мѣрѣ того, какъ законы однажды имъ опредѣлили.

Дворяне имѣютъ свои привилегіи, означенныя въ грамотѣ 1785 года и провинціальныхъ законахъ, такъ что нѣтъ почти нужды распространять оные, а только, собравъ, сложить по порядку.

Мѣщане также въ грамотѣ ихъ 1785 года и въ разныхъ провинціальныхъ правахъ имѣютъ достаточно объясненныя ихъ выгоды.

Но что принадлежитъ до поселянъ, то состояніе ихъ требуетъ поправленія. Боже сохрани, чтобъ я тутъ разумѣлъ какую либо излишнюю вольность, которая подъ симъ невиннымъ названіемъ обращалася бы въ своеволіе и подавала поводъ къ при-

тязанію на какое либо равенство всеобщее и суще-химерическое. Я тутъ разумѣю: неоспоримо, что въ Россіи всѣ земли принадлежатъ, яко точная собственность, помѣщикамъ. Государь есть самъ помѣщикъ земель своихъ, дворцовыхъ, экономическихъ, государственныхъ и всѣхъ порозжихъ въ его имперіи. Не можетъ, слѣдовательно, никто пользоваться ими безъ нѣкотораго условія въ пользу хозяина ихъ. Условія бываютъ или добровольныя, или государственнымъ узаконеніемъ опредѣленныя. Отсюда и выходитъ, что земледѣлецъ или поселянинъ обязанъ удовлетворять хозяина земли или податью, или работою соразмѣрно цѣнѣ ея. Относительно работы нѣтъ нужды входить въ подробное слишкомъ расположеніе, а развѣ только повторить и нѣсколько объяснить манифестъ Павла I-го о крестьянской работѣ, 5 апрѣля 1797 г.; а что до оброковъ касается, предоставить соглашенію самихъ помѣщиковъ съ крестьянами; но притомъ нужно въ пользу сихъ послѣднихъ постановить слѣдующія статьи: 1, Крестьяне должны быть привязаны къ землѣ и состоять за тѣмъ, за кѣмъ или за предками его въ ревизіяхъ написаны. 2, Переводъ изъ одной деревни въ другую или на земли не можетъ инако имѣть мѣста, какъ съ вѣдома правленія и добровольно. 3, Продажа деревень не инако быть должна, какъ и съ землями; а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты; ибо рекруты должны служить, кому очередь по мірскому приговору приходитъ. 4, Движимость всякая составляетъ неотъемлемую собственность крестьянскую, а денежные капиталы не могутъ помѣщиками болѣе обременены быть, какъ то, что государь съ капиталовъ купеческихъ себѣ получаетъ. 5, Хотя нельзя избѣжать, чтобъ не употреблять крестьянъ въ дворовую службу, но и тутъ бы надобно, чтобъ или они возвращалися на пашню, или другихъ посылали на работу, или же становились вольными и имѣли право при новой ревизіи избрать себѣ службу или состояніе по манифесту Екатерины II, 17-го марта 1775 года. Симъ образуется прямая вольность поселянъ; а когда возстановятся расправы и прочее, что въ царствованіе Екатерины II было учреждено, съ нужными поправленіями, тогда спокойствіе сего класса надолго утвердится.

До сего времени никогда нашимъ нижнимъ классамъ не входилъ въ голову развратъ, подобный Французскаго мнимаго равенства, отъ того, что каждый изъ меньшаго предпочиталъ лично добиваться большаго. Отпущаемый на волю крестьянинъ или казенный поселянинъ старается быть купцомъ, а разбогатившійся купецъ — чиновникомъ или дворяниномъ. Полезно сіи желанія оставить въ ихъ силѣ, но затруднять событіе ихъ такъ, чтобы и тутъ польза государственная вмѣщалася. Платежъ податей крестьянскихъ до ревизіи новой при податяхъ съ капиталовъ и взносъ въ городовую казну нѣкоторой суммы для выходящихъ въ купцы весьма нужны и прибыточны. А что до дворянства касается, надобно, чтобъ или заслуги или большая польза, государству явно принесенныя, тутъ рѣшили. Нужны затрудненія и по воинской, и по статской службѣ ихъ.

Верховное въ Россіи правительство есть Правительствующій Сенатъ, императоромъ Петромъ Великимъ учрежденный. Въ Сенатѣ присутствуютъ дѣйствительные тайные и тайные совѣтники. Оные для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаями епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ.

Сенатъ раздѣляется на слѣдующіе департаменты: 1, который вѣдаетъ дѣла по-

литическія и исполнительныя, публикуютъ указы и словомъ (выписать изъ учрежденія о Губернскомъ Правленіи, распространяя болѣе); 2, департаментъ уголовныхъ дѣлъ; 3, департаментъ гражданскихъ дѣлъ; 4, департаментъ казенныхъ дѣлъ. Второй и третій департаменты могутъ быть раздѣлены на двое или болѣе. Полѣзно было бы имѣть таковыхъ департаментовъ два въ Москвѣ, два въ Кіевѣ.

Президенты первыхъ трехъ коллегій присутствуютъ въ Сенатѣ, въ трехъ случаяхъ: 1, когда императоръ пріѣзжаетъ; 2, когда дѣло, общаго положенія требующее, трактуется; 3, когда держится генеральный судъ уголовный самой верховной важности. Всѣ генералъ-губернаторы засѣдаютъ и голосъ имѣютъ въ Сенатѣ.

Въ каждомъ департаментѣ сидитъ чтыре или пять сенаторовъ. Сверхъ того, опредѣляется по два или болѣе референдаріевъ или статскихъ совѣтниковъ, 4-го или 5-го класса, кои докладываютъ дѣла и по докладѣ предлагаютъ свои заключенія Сенату, а сей утверждаетъ единогласно оные; буде же оные между собою несогласны, да вносятся въ Общее Собраніе, въ которомъ такія рѣшаются дѣла единогласно; а буде произойдетъ разногласіе, въ такомъ случаѣ дѣло вносится къ государю, дабы онъ его самъ державною властію своею рѣшилъ, какъ ближе и сходнѣе съ силою и разумомъ законовъ.

Для предохраненія правъ самодержавной власти, государственной пользы и соблюденія законовъ и правосудія опредѣляется генералъ-прокуроръ.

Для охраненія силы законовъ опредѣляется государственный законовѣдецъ или канцлеръ юстиціи.

Для вершенія дѣлъ, кои по теченіи обстоятельствъ выходятъ изъ общаго положенія, и гдѣ уваженіе по человѣчеству требуетъ смягченія законовъ, опредѣляется Высшій Совѣстный Судъ, въ которомъ предсѣдаетъ высшій совѣстный судья, а съ нимъ присутствуютъ два депутата дворянскіе, два мѣщанскіе и два поселянскіе.

Государь, не могучи объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обзираетъ оную по губерніямъ, чрезъ доверенныхъ его особъ, и именно одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые всѣ раздѣляются такъ, чтобъ каждые три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности.

Подъ вѣдѣніемъ Сената учреждается Генеральный Уголовный Судъ, въ которомъ президентъ бываетъ особа 2-го класса, двѣ особы 4-го или 5-го класса и двое депутатовъ дворянства, двое мѣщанскіе и двое поселянскіе.

Въ семъ судѣ судятся тѣ дѣла и особы, кои не входятъ въ суды губернскіе.

Все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ; въ немъ же приствуютъ четыре совѣтника 4-го и 5-го класса. Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ Общее Сената Собраніе и наконецъ утверждается самодержавною властію.

Буде указъ издаваемый, при первомъ его въ Сенатѣ прочтеніи, покажется вреднымъ, Сенатъ имѣетъ право внести представленіе единогласное къ государю; но въ случаѣ повторенія его воли, оный записывается и исполняется безъ всякихъ вновь представленій.

Дѣла уголовныя, гдѣ касается до смертной казни, натурально, не могутъ быть вершены безъ представленія государю, который, хотя, даетъ полную свободу теченію

правосудія, но власть имѣетъ, милуя человѣчество, простить или облегчить повиннаго.

Дѣла, касающіяся до оскорбленія величества, изслѣдуются уголовнымъ порядкомъ и судятся сперва въ Высшемъ Судѣ, а потомъ и общимъ судомъ Сената, Синода, президентовъ коллегій и первыхъ трехъ классовъ особъ; но дѣла сіи разумѣются такъ точно, какъ въ наказѣ Екатерины II-й онѣ ограничены; что же принадлежитъ до словъ поносительныхъ и писемъ, оныя хотя также уголовнымъ порядкомъ разбираются, но должны присылаемы быть на ревизію по порядку не токмо въ Сенатъ, но даже къ государю, котораго кротости и милосердію свойственно облегчать судьбу виновныхъ, и дерзкихъ не погублять, но исправлять.

Въ изслѣдованіи по симъ дѣламъ да истребятся всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя.

Хотя всѣ рѣшенія Сената исполняются, но въ дѣлахъ, гдѣ касается до лишенія чести дворянина, да не вершатся безъ доклада государю.

Копія съ записки хранится въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, въ дѣлѣ о бумагахъ, оставшихся послѣ смерти гр. Д. Н. Блудова.

XIX. Записка князя Безбородки, для составленія духовнаго завѣщанія, 1799 года.

Записка для моего духовнаго завѣщанія.

1. Хотя по мнѣ и долженъ быть природный и законный наслѣдникъ, братъ мой, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, а потомъ сынъ его, графъ Андрей Ильичъ Безбородко, но какъ на мнѣ остаются долги не малые, а сверхъ того, я дѣлаю нѣкоторыя особыя завѣщанія, для того и постановляю я по себѣ исполнителями моей духовной: графа Александра Романовича Воронцова и Осипа Степановича Судьенкова, прося ихъ исполнить отъ меня имъ поручаемое.

2. Сіе порученіе состоитъ: 1, въ уплатѣ долговъ, безъ продажи имѣнія, изъ доходовъ, которыхъ еще довольно останется для моего брата; 2, въ разборѣ моихъ процессовъ, не только нынѣ неконченныхъ, но и бывшихъ прежде, и въ полюбовной сдѣлкѣ съ людьми удовлетворя имъ деньгами, или возвратомъ; 3, въ исполненіи кодицилла, при духовной прилагаемаго.

3. Людей, мнѣ вѣрно служившихъ, и именно: Степана Шпартенкова, Степана Короткаго, повара Ѳедора Самка, оффиціанта Ермолая, прикащика Григорья и лакея стараго Григорья отпустить на волю; всѣмъ же имъ и прочимъ по кодициллу сдѣлать награжденіе.

4. Картины, какъ лучшее изъ движимаго имѣнія моего сокровище, сохранить безъ продажи на жизнь брата и племянника моего, ибо они могутъ безъ того обойтись.

5. Племянницамъ моимъ, графинямъ: Любови и Клеопатріи отдаю послѣ себя пополамъ вотчину мою, староствомъ Хмѣльницкимъ именуемую, въ ихъ потомственное владѣніе. Для первой изъ нихъ изготовленъ сервизъ столовый, у Венеціанскаго министра мною купленный, и даны отъ меня алмазныя вещи. Сверхъ того, надлежитъ ей получить приданое пристойное. Сестрѣ ея — тоже, и все то исправить изъ моего имѣнія.

6. Воспитательницѣ моей: Натальѣ Александровнѣ отдать Бѣлорусскія мои деревни, называемыя части: Будницкую и Веречинскую, да къ Новороссійской губерніи слободу Александровку на Камышеватой горѣ; ей же дать сервизъ, остающагося у меня серебра, на шестнадцать персонъ, приданое и денегъ тысячь тридцать рублей.

7. Изъ доходовъ моихъ отлагать въ первые пять лѣтъ по десяти тысячь, для того, что тутъ надобно разные долги платить, а потомъ по двадцати тысячь въ теченіи осьми лѣтъ, внося ихъ въ Ломбардъ, а изъ суммы сей и составить доходы на содержаніе богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, гдѣ угодно будетъ Правительству приказать.

8. Не употреблять на моемъ погребеніи никахъ излишнихъ обрядовъ, какъ-то катафалковъ, траурныхъ уборовъ, балдахиновъ и прочихъ оказательствъ пышности, но, прицѣнясь ко всему тому, лишнее противъ надобнаго раздать бѣднымъ.

Буде бы я не успѣлъ сего положить на бумагѣ порядочно, прошу постараться объ исполненіи. Я увѣренъ, что государь, которому я старался вѣрно служить, властію своею подкрѣпитъ дозволеніе исполнителямъ завѣщанія распорядить на нихъ возлагаемое.

Съ копіи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ Мининистерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. XI, № 1078. Изъ собранія матеріаловъ для біографіи кн. Безбородки сенатора А. А. Половцова.

XX. Записка князя Безбородки о Сенатѣ, 1799 года.

Подтвержденіе установленія Правительствующаго Сената.

Императорское величество председаетъ въ Сенатѣ.

Сенатъ составится изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ, коимъ сидѣть по рангамъ.

О засѣданіи въ Сенатѣ государевыхъ намѣстниковъ и главнокомандующаго въ столицѣ.

О засѣданіи въ Сенатѣ государственнаго казначея.

Въ какихъ случаяхъ первые председатели государственныхъ коллегій: иностранныхъ дѣлъ и обоихъ воинскихъ присутствуютъ въ Сенатѣ.

Присяга присутствующаго въ Сенатѣ.

Сенатъ управляетъ и рѣшаетъ по силѣ и словамъ законовъ.

Сенатъ обнародываетъ законы, указы, уложенія и проч.

О послушаніи Сенату.

О присылкѣ въ Сенатъ отвѣтовъ о принятіи повелѣній и проч.

О сообщеніи именныхъ указовъ въ Сенатъ.

О должности Сената.

Сенатъ отсылаетъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія до губерній надлежащія въ губернскія правленія.

О правѣ дѣлать представленія императорскому величеству.

О раздѣлѣ Сената на департаменты.

Объ опредѣленіи при Сенатѣ генералъ-прокурора; о чинѣ его.

Объ опредѣленіи при департаментахъ Сената сенатскихъ прокуроровъ; о чинѣ ихъ.

Объ опредѣленіи главныхъ стряпчихъ; главные стряпчіе 4 класса.

Объ опредѣленіи сенатскихъ стряпчихъ; сенатскіе стряпчіе 5 класса.

Объ опредѣленіи при департаментахъ двухъ статскихъ дѣйствительныхъ и двухъ статскихъ совѣтниковъ.

Присутствующіе въ Сенатѣ: генералъ-прокуроръ, сенатскіе прокуроры и главные стряпчіе опредѣляются отъ императорскаго величества.

Сенатскіе стряпчіе избираются генералъ-прокуроромъ и представляются императорскому величеству для утвержденія.

Сенатскіе дѣйствительные и статскіе совѣтники при департаментахъ избираются Сенатомъ и представляются императорскому величеству на утвержденіе.

Какому суду подлежатъ они.

О власти Сената въ отсутствіе императорскаго величества.

О Департаментахъ Сената.

Въ департаментѣ Сената засѣдаютъ пять особъ.

О дѣлахъ до перваго департамента надлежащихъ.

Жалобы на намѣстническія и губернскія правленія въ первый департаментъ.

Второй департаментъ имѣетъ уголовныя дѣла.

Дворянина не лишать дворянства, или чести, или жизни безъ Сената и конфирмаціи императорскаго величества.

Дѣла въ похищеніи казны не вѣршонныя вносить въ Сенатъ.

Жалобы на палату уголовнаго суда вносить во второй департаментъ.

Буде нѣтъ уголовныхъ дѣлъ, то уголовный департаментъ раздѣляетъ трудъ съ гражданскимъ.

Третій департаментъ имѣетъ гражданскія дѣла.

Жалобу на палату гражданскаго суда приносить въ третій департаментъ.

Четвертый департаментъ имѣетъ государственныя домостроительныя и казенныя дѣла.

Четвертому департаменту поручаются, какъ узаконенные сборы, такъ и бдѣніе, дабы съ народа запрещенные собираемы не были.

Четвертый департаментъ старается:

1, о собраніи,

2, о доставленіи и

3, о сохраненіи доходовъ.

Государственный казначей, сочиня погодно вѣрный перечень доходамъ и расходамъ, предложитъ четвертому департаменту.

Пятый департаментъ имѣетъ государственныя текущія дѣла.

Шестый департаментъ противъ втораго.

Седьмый департаментъ имѣетъ разныя дѣла противъ третьяго.

Осьмый департаментъ имѣетъ государственныя домостроительныя и казенныя текущія дѣла.

О департаментахъ вообще.

Раздѣленіе Сената на восемь департаментовъ есть временное. Къ перемѣнѣ же не приступать инако, какъ съ доклада императорскому величеству.

Департаменты Сената суть въ равной силѣ и достоинствѣ.

Рѣшеніе департамента Сената почитается рѣшеніемъ Сената.

Департаментъ Сената рѣшитъ по законамъ.

Департаментъ Сената посылаетъ указы въ подчиненныя ему мѣста.

Рѣшеніе департамента Сената объявляется при открытыхъ дверяхъ.

Обнародованіе производитъ первый и пятый департаментъ.

Дѣла, кои вновь поставленія или перемѣны требуютъ, разсматривать прежде въ департаментѣ.

Департаменты по дѣламъ производятъ сообщеніе между собою.

Департаментъ одинъ въ власть другаго не входитъ.

Департаментъ неперевершиваетъ ни своихъ ни другаго департамента рѣшеній.

Жалобу на Сенатъ приносить императорскому величеству.

Запрещается переносъ изъ Сенатъ въ дѣлѣ, по коему трехъ судовъ одинакое было рѣшеніе.

Запрещается переносить изъ Сената къ императорскому величеству въ дѣлѣ ниже тысячи рублей.

Рѣшенія Сената въ гражданскихъ дѣлахъ исполняются.

О переносѣ въ Сенатъ дѣлъ изъ палатъ.

Въ Сенатъ незваныя особы не ходятъ, и кому давать стулъ.

О реестрѣ настольномъ.

О докладѣ дѣлъ и подачѣ голосовъ.

Объ общемъ собраніи.

Постановленія и перемѣны уважать въ департаментѣ Сената; въ общемъ же собраніи чинить положеніе къ докладу императорскому величеству.

О правѣ чинить представленія императорскому величеству.

О дѣлахъ переносимыхъ изъ департаментовъ въ общее собраніе.

О генералъ-прокурорѣ, сенатскихъ прокурорахъ и стряпческой должности.

О должности вообще генералъ-прокурора, сенатскихъ прокуроровъ и стряпчихъ.

Должность генералъ-прокурора.

Что генералъ-прокуроръ въ Сенатѣ смотритъ за казною.

Буде законная или незаконная причина дѣло задержитъ, какъ поступать.

О генералъ-прокурорской книгѣ.

О предложеніи, заключеніи доношеніи отъ вице-генералъ-прокурора.

Предложеніи, заключеніи и доношеніи чинитъ осторожно и прочее.

Сенатской казнѣ быть подъ дирекціею генералъ-прокурора.

Чтобы генералъ-прокурору наблюдать при порученіи новыхъ узаконеній.

Какъ генералъ-прокуроръ злоупотребленія противныя узаконеніямъ долженъ будетъ отвращать.

По прошествіи прожданныхъ дней генералъ-прокуроръ велитъ прочесть для возобновленія въ памяти приличныя статьи узаконеній.

Десять статей о коихъ генералъ-прокуроръ долженствуетъ доносить Сенату.

Генералъ-прокуроръ смотритъ, чтобы власть одному мѣсту порученная, непереходила въ другое, и какъ ему поступать въ случаѣ медленія въ исполненіи.

Буде случится сомнѣніе, до котораго мѣста дѣло надлежитъ, или о указаніи, то выслушивать генералъ-прокурора и проч.

Буде которое дѣло случится частное и общественное, или частное и до казеннаго интереса касается, то выслушиваютъ заключеніе генералъ-прокурора.

Буде по дѣлу случится, что законъ не ясенъ, или закона нѣтъ, то выслушиваютъ заключеніе генералъ-прокурора.

Сенатскіе прокуроры опредѣляются въ помощь генералъ-прокурору.

Главные стряпчіе опредѣляются генералъ-прокурору для совѣта.

Генералъ-прокурору и главнымъ стряпчимъ никто рѣчи не перебиваетъ.

Департаменты Сената посредствомъ генералъ-прокурора и главныхъ стряпчихъ сносится и проч.

Генералъ-прокурору подчинены прокуроры и стряпчіе.

Генералъ-прокуроръ, бывъ око императорскаго величества, оному повиненъ доносить о неисправленіи кѣмъ должности.

Генералъ-прокуроръ имѣетъ всеобщее попеченіе о тюрмахъ и о содержащихся подъ стражею лицахъ.

О должности главнаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ и главнаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ.

Главные стряпчіе служатъ генералъ-прокурору совѣтомъ и именемъ его предлагаютъ заключенія.

Въ случаяхъ сомнѣнія, главные стряпчіе совѣтуются съ генералъ-прокуроромъ, буде же всѣ трое не одинаго мнѣнія, то голосъ генералъ-прокурора перевѣсъ даетъ.

О предметахъ стряпческой должности.

Главные стряпчіе имѣютъ право требовать сообщенія всякаго дѣла въ ихъ должности входящаго.

Главные стряпчіе по сообщеннымъ дѣламъ, и по дѣламъ въ коихъ бы по должности своей истицами, какія права имѣютъ.

Главные стряпчіе, какъ поступать имѣютъ въ тяжебныхъ и прочихъ дѣлахъ въ разсужденіи генералъ-прокурора.

Главнымъ стряпчимъ запрещается по дѣламъ до ихъ должности надлежащимъ подавать совѣты кому бы то ни было, или быть за кого ходатыми.

Главный стряпчій уголовныхъ дѣлъ, когда представитъ свои заключенія по начатому дѣлу, и когда ему представить доносъ или доносителя.

Главные стряпчіе выходятъ во время рѣшенія дѣла изъ присутствія.

Главные стряпчіе одинъ другаго мѣста заступаютъ, и чему подлежатъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ буде кого поклеплютъ.

О должности сенатскихъ прокуроровъ и сенатскихъ стряпчихъ.

Причины опредѣленія сенатскихъ прокуроровъ и сенатскихъ стряпчихъ въ департаменты Сената.

О должности сенатскихъ прокуроровъ.

Сенатскіе прокуроры суть помощники генералъ-прокурора.

Какъ сенатскіе прокуроры долженствуютъ отвращать злоупотребленія противныя узаконеніямъ.

По прошествіи предназначенныхъ дней, сенатскій прокуроръ велитъ прочесть для возобновленія въ памяти приличныя статьи узаконеній.

Десять статей, о коихъ сенатскій прокуроръ долженствуетъ доносить генералъ-прокурору.

Сенатскій прокуроръ смотритъ, чтобъ власть одному мѣсту порученная не переходила въ другое, и какъ ему поступать въ случаѣ медленій въ исполненіи.

Буде случится сомнѣніе, до котораго департамента Сената, или до какого мѣста дѣло подлежитъ, или о узаконеніи, то выслушиваютъ заключеніе сенатскаго прокурора и прочее.

Буде которое дѣло случится и частное и общественное, или частное и до казеннаго интереса касается, то выслушиваютъ заключеніе сенатскаго прокурора.

Сенатскіе стряпчіе опредѣляются сенатскимъ прокурорамъ, для совѣта.

Сенатскимъ прокурорамъ и стряпчимъ никто рѣчи не перебиваетъ.

Департаменты Сената посредствомъ сенатскихъ прокуроровъ и стряпчихъ сносятся съ вѣдома генералъ-прокурора и главныхъ стряпчихъ.

Сенатскіе прокуроры, бывъ помощники и око генералъ-прокурора, повинны доносить ему о неисправленіи кѣмъ должности.

Сенатскіе прокуроры и стряпчіе подчинены генералъ-прокурору.

Сенатскій прокуроръ имѣетъ попеченіе о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ и отправленіи людей подъ стражею содержащихся.

О должности сенатскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ и сенатскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ.

Сенатскіе стряпчіе служатъ сенатскому прокурору совѣтомъ [и именемъ его предлагаютъ заключеніе.

Въ случаяхъ сомнѣнія сенатскіе стряпчіе совѣтуются съ сенатскимъ прокуроромъ, и буде всѣ трое не одного мнѣнія, то сенатскій прокуроръ доложитъ генералъ-прокурору.

О предметахъ стряпческой должности и прочее.

Сенатскіе стряпчіе имѣютъ право требовать сообщенія всякаго дѣла въ ихъ должность входящаго.

Сенатскіе стряпчіе по сообщеннымъ дѣламъ, и по дѣламъ, въ коихъ они по должности истцами, какія права имѣютъ.

Сенатскимъ стряпчимъ запрещается подавать совѣты, кому бы то ни было, по дѣламъ до ихъ должности надлежащимъ, или быть за кого хожатыми.

Сенатскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ когда имѣетъ представить свои заключенія по начатому дѣлу, и когда ему представить доносъ, или доносителя].

Сенатскіе прокуроры и стряпчіе выходятъ во время рѣшенія изъ присутствія.

Сенатскіе стряпчіе одинъ другаго мѣсто заступаютъ, и чему подвержены по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, буде поклеплютъ невинныхъ людей.

О должности сенатскихъ совѣтниковъ.

Сенатскіе совѣтники докладываютъ дѣла по жеребью.

Порядокъ въ подачѣ голосовъ.

Должность сенатскихъ совѣтниковъ при случаѣ разногласія.

Записка о Сенатѣ писана собственноручно княземъ Безбороокою на десяти нумерованныхъ полулистахъ, кромѣ восьми статей, написанныхъ рукою писаря и напечатанныхъ въ прямыхъ скобкахъ, для легчайшаго отысканія ихъ [стр. 651], начиная со словъ: «и именемъ его предлагаютъ заключеніе», и до словъ: «Сенатскіе прокуроры и сенатскіе стряпчіе выходятъ во время рѣшенія изъ присутствія».

Записка хранится въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. XVI, № 165.

XXI. Письмо князя Безбородки къ Николаю Александровичу Львову, 9-го февраля, 1798 года.

Описываемыя вами готлисы и черныя бронзы производятъ во мнѣ желаніе, чтобъ духъ щедроты и премудрости осѣнилъ Осипа Степановича [Судіенко] и настроилъ его купить ихъ; а дѣломъ собственной вашей мудрости было бы выискать и тѣхъ, бѣлыми свѣчами освѣщающихъ, геніевъ, которыхъ алебраическій человѣкъ успѣлъ продать какому либо нескладному охотнику. Они бы мнѣ очень пригодилися, особливо же послѣ того, какъ я продалъ Московскія лишился и Петербургскихъ украшеній. Въ здѣшнемъ моемъ домѣ вы найдете многое новое. Напримѣръ: бывшая спальня обита, по теперешней модѣ, краснымъ бархатомъ, и въ нишѣ имѣетъ бюстъ императорскій, а на двухъ сторонахъ двери, два ихъ величествъ портреты. Передъ бюстомъ стоитъ, на цоколѣ сдѣланное, по вашему рисунку, прекрасное серебряное атланто, съ медалями Россійскихъ государей, на знакъ благодарности. Голубая гостинная, съ портретомъ покойной государыни, превратилась въ голубую бархатную; къ портрету ея сдѣлана, новая, великолѣпная рама, а на столѣ стоитъ пьедесталъ съ медалями ея царствованія, и въ ожиданіи покуда послѣдуетъ, что либо сообразное, держитъ на себѣ чашу, по вашему же рисунку, составленную славнымъ Бунцелемъ. Спальня превосходная, вмѣщающая 16 Вернетовъ, въ томъ числѣ Карадыкинскаго, котораго я оттягалъ въ слѣдъ за безцѣнною его лошадкою, которая долго странствовавъ подъ именемъ Гвида, у меня сложила инкогнито и настоящее названіе: Лука Жордано воспріяла. Она росписана въ плафонъ, совсѣмъ оригиналъ, много золота, но и чекъ акча вирды *). Галлерея моя умножилась нижеслѣдующими картинами:

1. Андрей дель-Сарто, Св. Фамилія, превосходная, и которую Мелиссино узналъ, что видѣлъ въ домѣ Дило, когда еще до Французской визиты сей господинъ былъ спѣсивъ такъ, что никогда со стѣны снять не дозволялъ, хотя она совсѣмъ цѣло сбережена.

2. Гвидо, La charité Romaine, превосходной красоты, и которую Мелиссино цѣнитъ, скромно, тысячъ до пяти. Куплено въ домѣ Перуджія-ди-Мононидо.

3. Тиціанъ, Іеродіада, имѣющая на головѣ блюдо со главою Крестителя, купленная, при самомъ бѣгствѣ Венеційскаго, въ домѣ Нобеля Фарсетти, знакомая многимъ.

*) По Татарски—много денегъ пошло.

6. *) Доминикино, Анжелика и Медера, очень хорошая, но нѣсколько поправленная, внизу, картина, изъ дому Канели.

7, 8, 9, 10. Четыре Батони, которыя Поляки называли барзо добры, и, прямо здѣсь, изъ самыхъ лучшихъ.

11. Богоматерь Гверчинова, весьма хорошая.

12. Жуліо Романо Моцениговъ, о коемъ разныя мысли: иные хвалятъ, а иные хулятъ. Козловскій, Гваренги и прочіе величаютъ, Мелиссино, Бартнянскій признаютъ оригиналомъ, въ родѣ отдѣланнаго эскиза; нѣмцы, кромѣ Гофа, почитаютъ чужимъ.

13. Этюдъ головы Ангела Корреджіемъ сдѣланнаго, для плафона, отъ всѣхъ высоко почитается. Строгоновъ говоритъ, чтобъ его, въ богатой рамѣ, поставя за стекломъ, держать въ самомъ парадномъ кабинетѣ.

Затѣмъ, второкласоныя—Тиціанъ, Святая Фамилія, которую принялъ было за Пальма Векіо, но Бартнянскій доказываетъ, что онъ въ Венеціи видѣлъ такихъ много оригиналовъ, когда по выходѣ Тиціана изъ Жоржановой школы, Signori Arlequini Pantaleoni въ запуски старалися имѣть Тиціановъ, наскоро и не такъ искусно написанныхъ.

Я забылъ сказать, что есть La femme adultère Павла Веронеза, превосходное, большое, купленное въ домѣ Саранцо, въ Венеціи; прочее же посредственно и весьма, но и первыхъ довольно, а все стоитъ, съ транспортомъ, двадцать тысячъ рублей.

Покойный король Польскій, котораго мы всѣ жалѣемъ, подарилъ мнѣ двѣ знаменитыя картины. Первую, большую Рубенса Le denier de St. Pierre, совершенный pendant, по величинѣ Грацій, но какой колеръ: Апостолы представлены въ видѣ рыбаковъ и въ костюмѣ Генуесскихъ крестьянъ, въ травеныхъ, голубыхъ и красныхъ шапкахъ, такое здоровое мужичье, что я радъ въ закладъ биться, что во всѣхъ вашихъ вотчинахъ не отыскать подобныхъ; а сзади, съ ведромъ, стоитъ первая мадамъ Rubens. Другая, превосходнѣйшаго Луки Жордана, Снятіе со креста, написанная во вкусѣ Карачіо, такъ что и вѣрить не хотѣли, чтобъ то былъ Лука. Тутъ Магдалина волосами желтыми и одеждою точно показалася родною сестрою Авроры Карадыкинской, кромѣ что было [найдено мною] и ее находилъ [такою] Гофъ.

Навязалъ на меня Мелиссино презряднаго Греза L'enfant gâté, и хорошаго Асселена, а я купилъ небольшаго, названнаго Робертъ, и отличнаго Кареля дю Жардена. Вотъ знаменитыя мои пріобрѣтенія, не говоря о черныхъ бронзахъ и мраморахъ. Забота моя, какъ строить Московскій домъ; но и тутъ я, по счастью, успѣть надѣюся, ибо Банкъ новый, не смотря на болтанье, къ которому скорость нынѣ требуемая и генералъ-прокуроромъ слишкомъ употребляемая, подала поводъ, возметъ, при разныхъ пособіяхъ оборотъ, что и кредитъ его поддержится и онъ дастъ способы во многомъ изворотиться.

Желаю вамъ успѣховъ добрыхъ въ вашихъ земляныхъ работахъ. Прошу писать часто и вѣрить, что я всегда и вездѣ сохраню непоколибимую преданность и благодарность.

---

*) Въ подлинномъ собственноручномъ письмѣ кн. Безбородки цифры: 4 и 5 пропущены.

Съ собственноручнаго подлинника, обязательно доставленнаго мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ. Письмо это не вошло въ текстъ біографіи кн. Безбородки, потому что нѣсколько словъ въ немъ я не могъ разобрать. Теперь документъ этотъ возстановленъ дословно, благодаря просвѣщенному содѣйствію: А. Ѳ. Бычкова, Д. Ѳ. Кобеко и Г. Ѳ. Штендмана.

Въ дополненіе къ письму князя Безбородки къ Н. А. Львову приводится переводъ описанія сокровищъ Петербургскаго дома князя-канцлера, изъ сочиненія Рейнерса: «St.-Petersburg, am Ende seines ersten Jahrhunderts» [St.-Petersburg, 1805, t. II, s. 354—360]. «Этотъ домъ,—пишетъ Рейнерсъ,—поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, своими четырьмя, стоящими при входѣ, колоннами, изъ полированнаго гранита, съ бронзовыми основаніями и капителями, мраморнымъ, на верху, балкономъ съ бронзовыми перилами, задняя часть коего выходитъ на Большую Исаакіевскую; онъ принадлежалъ, умершему, въ 1799 году, заслуженому государственному канцлеру, князю Александру Андреевичу Безбородкѣ. При громадныхъ средствахъ,—имѣя возможность легко пріобрѣтать все, что представляетъ почти ежедневно новаго для богатыхъ людей никогда неисчерпаемая роскошь,—покойный князь обладалъ большимъ вкусомъ и имѣлъ наклонность представлять съ подобающею важностію сильнаго и знаменитаго вельможу, котораго постъ онъ занималъ въ Россіи. Домъ его служитъ тому явнымъ доказательствомъ. Чѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ силы и значенія по службѣ, чѣмъ болѣе, вслѣдствіе значительныхъ подарковъ отъ государей, увеличивались его доходы, тѣмъ болѣе увеличивалъ и украшалъ онъ свое жилище. По свойству построекъ видно, какъ возникали одинъ салонъ за другимъ, одна галлерея за другою. Особенно красивы: столовая и танцовальная зала, и дѣйствительно великолѣпна большая парадная зала, съ колоннами подъ мраморъ, превосходно исполненная по проекту архитектора Гваренги. По обоимъ концамъ этой залы стоятъ двѣ большія мраморныя вазы, сдѣланныя въ Римѣ, съ барельефными фигурами. По обѣимъ сторонамъ другихъ стѣнъ возвышаются двѣ высокія, почти до потолка, этажерки, сверху до низу уставленныя рѣдчайшимъ Японскимъ и Китайскимъ фарфоромъ. Безбородкинскій домъ замѣчателенъ также своею, дорого стоющею, мебелью, которая въ бывшемъ Французскомъ королевствѣ украшала тамошніе лучшіе дворцы; въ началѣ революціи и терроризма она была вывезена и ее успѣлъ купить князь за большую сумму. Такъ здѣсь, между мебелью и комнатными украшеніями, видны: бюро, жирандоли, бронзовыя фигуры, для украшенія столовъ, вазы, урны, шелковыя тамбурныя занавѣси и шелковыя матеріи на креслахъ одного кабинета несчастной Маріи Антуанеты, изъ Малаго Тріанона; одна великолѣпная люстра, горнаго хрусталя, изъ Palais Royal герцога Орлеанскаго, въ Парижѣ; дорогая и чрезвычайно рѣдкая мебель, украшенная инкрустаціею изъ черепахи и мѣди, работы Шарля Буля *); красивыя бронзовыя статуи работы Гудона, и за тѣмъ, замѣчательная, по своей чрезвычайной величинѣ, сдѣланная въ Севрѣ, близъ Парижа, ваза, изъ голубаго фарфора, съ прекраснѣйшими украшеніями изъ

*) Въ этихъ дорогихъ бюро находятся, купленныя княземъ изъ наслѣдства, умершаго въ Петербургѣ, посдѣдняго Польскаго короля, великолѣпныя стопы; нѣсколько большихъ золотыхъ бокаловъ и сосуды, изъ перламутра и серебра. Вещи эти богато украшены гемами и камеями, оправленными въ золото и осыпаны во кругъ драгоцѣнными каменьями.

бронзы и бѣлаго бисквита. Не смотря на всѣ старанія, до сихъ поръ, не удалось сдѣлать на здѣшнихъ фарфоровыхъ заводахъ такой величины вазы. Такимъ образомъ, можетъ быть, ваза эта, единственная въ своемъ родѣ, не особенно дорого досталась князю, и именно онъ заплатилъ за нее 12,000 рублей. Рядомъ съ вышеупомянутымъ кабинетомъ, въ которомъ находится много дорогихъ мебелей, изъ имущества несчастной Французской королевы и отмѣнно хорошія фарфоровые сервизы, помѣщается бывшая парадная спальня умершаго князя, стѣны которой обиты краснымъ бархатомъ и отдѣланы великолѣпными бронзовыми украшеніями. За этой комнатой находилась обыкновенная спальня князя, въ которой онъ и умеръ. Чтобы почтить память усопшаго, нынѣшній владѣлецъ этого великолѣпнаго дома, поставилъ здѣсь, за хорошею рѣшоткою, на сдѣланномъ, подъ мраморъ, пьедесталѣ, чрезвычайно схожій бюстъ князя, изъ бѣлаго мрамора, работы Шубина *). Но что особенно замѣчательно въ этой комнатѣ—это находящіяся на стѣнахъ ея 16 Вернетовскихъ, лучшей работы, картинъ, по большей части изъ морскихъ видовъ: двѣ бури, отличной работы, видъ Неаполитанскаго залива и картина, представляющая солнце въ туманѣ и т. д.

«Изъ вышепомянутой большой танцовальной залы вступаешь въ преддверіе богатой картинной галлереи. Въ комнатѣ передъ галлерею заслуживаетъ особеннаго вниманія маленькій Амуръ, изъ бѣлаго мрамора, лукаво держащій у рта лѣвый указательный палецъ. Это одна изъ превосходныхъ работъ Фальконета, доставившая ему мѣсто въ Парижской Академіи Художествъ. Внизу помѣщена извѣстная надпись:

Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut ou doit l'être.

«С боку, на столѣ, здѣсь находится нѣсколько хорошо сохранившихся глиняныхъ сосудовъ осписанные Рафаелемъ; различныя Этрусскія вазы и другія рѣдкости.

«Въ составленномъ, на Французскомъ языкѣ, инспекторомъ этой галлереи, г. Гауфомъ **) но ненапечатанномъ, каталогѣ, помѣщены 330 описаній картинъ, къ которымъ отнесены 16 вышеупомянутыхъ картинъ Вернета, 6 штукъ, подражаніе барельефамъ, Якова Витта, 22 ландшафта, гвашью, 7 баталій Симони и 3, маленькія, но очень хорошія, миніатюры».

За этимъ описаніемъ у Реймерса помѣщено перечисленіе лучшихъ, по мнѣнію Гауфа и Реймерса, картинъ, между которыми встрѣчаются и упоминаемыя княземъ Безбородкою въ письмѣ къ Львову.

«Большая часть, — продолжаетъ Реймерсъ, — этого богатаго собранія картинъ досталась князю, частію изъ бывшей галлереи герцога Орлеанскаго и частію изъ другихъ Французскихъ кабинетовъ, во время революціонной войны, а также изъ наслѣдства послѣдняго Польскаго короля.

---

*) Тоже въ старой церкви Невской лавры, находящійся на могилѣ князя и недавно оконченный Рашетомъ, памятникъ поставленъ графомъ своему заслуженному брату. Онъ изъ мрамора и бронзы и стоитъ 15,000 рублей. Надпись: Labore et Zelo. Аллегорическія фигуры окружаютъ бюстъ покойнаго и указываютъ на его заслуги предъ государствомъ.

**) Г. Гауфъ, говоритъ Реймерсъ, лучшій реставраторъ старыхъ испортившихся картинъ, состоитъ въ этомъ качествѣ также и при галлереяхъ въ Эрмитажѣ, Павловскѣ и Гатчинѣ.

«Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что Безбородкинскій домъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и осмотра, который кромѣ этихъ сокровищъ и картинъ, большею частію первоклассныхъ, содержитъ въ себѣ еще много богатства: въ великолѣпныхъ золотыхъ и серебрянныхъ сосудахъ, въ драгоцѣннѣйшемъ плато, представляющемъ храмъ Геркулеса, съ хорошими колоннами изъ ланисъ-лазури и богато отдѣланномъ мраморомъ и золоченой, черезъ огонь, бронзою, и, наконецъ во множествѣ весьма дорогихъ облаченій для духовенства домашней церкви умершаго князя».

XXII. Записка князя Безбородки, о разборѣ дѣлъ криминальныхъ въ Малой Россіи, безъ обозначенія года.

Подъ названіемъ дѣлъ криминальныхъ въ Малой Россіи, по правамъ тамошнимъ, разумѣются такія преступленія, которыя, бывъ содѣяны противъ покоя и безопасности общей или и частной одного гражданина, по важности своей, подлежатъ изреченію смертной казни на содѣявшаго ихъ.

Преступленія сіи суть слѣдующія:

1-е. Оскорбленіе величества. По части первой статута великаго княжества Литовскаго дѣйствія въ оскорбленіи величества заключаются: 1-е, въ злоумышленіи на особу царствующую; 2-е, въ бунтѣ и возмущеніи противъ оной или государства; 3-е, въ согласіи съ непріятелями и пособіи имъ, во вредъ отечеству; 4-е, въ отдачѣ замка или крѣпости, храненію его ввѣренной, безъ нужды, и наконецъ 5-е, въ дѣланіи монеты, безъ позволенія государева.

Слѣдуя здравому разсужденію, паче же руководствуясь человѣколюбными и мудрыми начертаніями наказа комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія даннаго, два послѣднія дѣйствія не могутъ прямо причитаться къ оскорбленію величества, ибо сдача, безъ крайней нужды, замка или другаго поста, ввѣреннаго храненію, можетъ быть и безъ измѣны государю и отечеству, но дѣйствіемъ трусости или неискусства, а потому и относится къ преступленіямъ, военными артикулами точно изображеннымъ. Дѣланіе же монеты непозволенное, хотя и есть одно изъ преступленій главнѣйшихъ, порядокъ въ обществѣ разрушающихъ и прямо самое первое и главное воровство и обманъ; но къ оскорбленію величества тѣмъ менѣе всего причитаемо быть можетъ, какъ тутъ разумѣется явное вооруженіе противъ общества или главы онаго, а здѣсь и самый злодѣй къ покрытію злодѣянія своего заимствуетъ образъ монарха.

Судъ по симъ дѣламъ предоставленъ самому государю съ его Сенатомъ, а въ Литвѣ вмѣстѣ съ Сеймомъ; разборъ же предоставленъ, на основаніи права, обѣщая ни кого не винить и не казнить безъ доказательства и оправданія его. За преступленіе сіе положена казнь смертная, лишеніе чести и отнятіе всѣхъ имѣній преступника; а дабы злодѣяніе сіе и въ потомствѣ пребыло въ памяти омерзенія, установлено, чтобъ тѣ, отнятыя имѣнія, на вѣки, неотъемлемо, остались при коронѣ и никто бы ихъ просить не смѣлъ, опасаяся подвергнуть себя безславію. За ложное

въ подобныхъ винахъ донесеніе и поклепъ положена та же самая казнь, что и за преступленіе.

2-е. Смертное убійство положено повиннымъ казни смертной, развѣ бы оно было неумышленное; но подъ симъ именемъ разумѣется, напримѣръ, если кто стрѣляя неосторожно по звѣрю, птицѣ или въ цѣль, убьетъ другаго; второе, ежели въ строеніе что уронитъ; третіе, лошадью неостосторожно наѣдетъ и потопчетъ, а не то, что послѣдовало въ ссорѣ или въ дракѣ, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ положена казнь, ежели только, изувѣченнымъ не бывъ, «   » дней лежалъ или же въ теченіи того времени не выходилъ въ публичныя мѣста. Сверхъ того, наслѣдникамъ убитаго взыскивается въ имѣнія убійцы поголовный платежъ.

3-е. Лживые поступки, falsitas, напримѣръ, сочиненіе ложныхъ грамотъ и указовъ и подписаніе на нихъ руки государевой, его министровъ, судей и всѣхъ публичныхъ начальниковъ; поддѣланіе печатей, переправки въ крѣпостяхъ и другихъ актахъ; повреждение монеты обрѣзываніемъ и примѣшаніемъ въ металлы составовъ къ поврежденію его, разумѣя о тѣхъ, кои при дѣлѣ монетномъ опредѣлены, а поддѣлыватели всякихъ металловъ чрезъ мошенниковъ. За все сіе положена казнь смертная, а что до переправленныхъ крѣпостей, то хотя бы оныя и даны были пожде въ самомъ дѣлѣ, а нашлися бы послѣ переправленныя во вредъ другому, а въ пользу тому, кто ихъ переправилъ, сверхъ казни, уничтожаются они вовсе, и имѣніе, въ нихъ означенное, теряетъ преступникъ.

4-е. Зажигательство городовъ, замковъ и домовъ повинно смерти.

5-е. Насиліе, учиненное надъ замужнею, вдовою и дѣвицею, включая тутъ и увозъ насильный, безъ согласія той особы, хотя бы, и для сочетанія бракомъ законнымъ.

6-е. Воровство, раздѣляя оное на три статьи: первая, разбой; вторая, пристанодержательство для людей, смерти повинныхъ, и третіе, кража, ежели кто въ третій разъ въ оной прилучится или же пойманъ и приведенъ будетъ съ поличнымъ, по цѣнѣ болѣе четырехъ коп. стоющихъ.

Въ сихъ преступленіяхъ предоставлено судамъ разбирать не только по искамъ или жалобамъ, но и по инстигаціямъ со стороны уряда, то есть правленія.

Образъ въ разборѣ дѣлъ сихъ есть слѣдующій:

Исключая преступленія въ оскорбленіи величества, предоставленное суду государя, по всѣмъ другимъ, если жалоба отъ частнаго человѣка или инстигація отъ правленія будетъ на шляхтича, то сей послѣдній приглашается предъ судъ позывомъ, отъ имени государева, въ которомъ выражена, въ подробности, вся жалоба или доносъ и назначенъ срокъ, обыкновенно четверонедѣльный, называемый по Латински terminus postremus, то есть срокъ крайній. Позывъ вручается, чрезъ вознаго или самолично, или въ отсутствіи полагается въ домѣ обвиняемаго, что въ статутѣ называется положенъ на имѣніи. Если обвиняемый въ криминальномъ дѣлѣ въ срокъ не явится, то возный, по приказанію судей, оглашаетъ три дни имя его предъ судомъ, на площади и въ подобныхъ къ тому общихъ мѣстахъ, что благородный, имярекъ, будучи отъ суда № приглашенъ къ оправданію противъ жалобы и доносу такого-то въ таковомъ преступленіи, на срокъ не явился. Когда уже въ третій день, до окончанія перваго часа по полудни, онъ не явится, то судъ обвиняетъ его за неявку въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ о чести и жизни идетъ дѣло, а потому и даетъ

отверстымъ листомъ, на имя государево адресованнымъ и въ руки жалобщика отданнымъ, признаніе свое отвѣтчика за безчестнаго и выгнаннаго изъ государства, подвергая его всѣмъ обидамъ и безславію, безъ взысканія. Не можетъ уже онъ иначе и оправданія на себя взять, какъ прибѣгнуть ко престолу монаршему и получить охранительный листъ со срокомъ для явки въ тотъ же судъ къ оправданію. То же самое наказаніе, когда кто и въ судъ вступя, по первому позыву, отъ онаго уйдетъ. Но ежели явится, то сторона исковая начинаетъ уличать доводами своими въ правахъ точно изображенными, и когда всѣ оные предъявитъ, въ то время отвѣтчикъ оправданіями своими очищаетъ обстоятельства, до него касающіяся, оспариваетъ доказательства истцовы, пріемлетъ или отвергаетъ его свидѣтелей. По совершеніи сихъ двухъ частей процесса, судьи опредѣляютъ въ разсужденіи принятія свидѣтелей или другихъ доказательствъ, а потомъ по точности правъ издаютъ рѣшеніе свое, которое и объявляютъ обѣимъ сторонамъ, хотя бы одна изъ оныхъ и на смерть осуждена была; однако пользуется правомъ аппеляціи; но какъ скоро уже скажетъ неудовольствіе, то или отдается на поруки, или задерживается при судѣ до верховнаго рѣшенія. Самое то же наблюдается и со стороны инстигаторовъ, что о челобитчикахъ сказано.

Есть ли же преступникъ пойманъ будетъ на самомъ дѣлѣ преступленія, то всѣ сіи обряды не бываютъ, но онъ удерживается подъ стражею до крайняго опредѣленія; простолюдины же, дворянскаго достоинства не имѣющіе, да и всѣ безпомѣстные люди также прямо удерживаются.

Съ собственноручнаго подлинника, хранящ. въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отд. XIII, № 87.

Азбучный указатель

личныхъ именъ.

Крупныя цифры означаютъ нумера страницъ, а мелкія—примѣчанія и письма.

А.

Б.

*

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

*

Л.

М.

Н.

О.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

*

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Я.

Ѳ.

Дополненіе къ указателю.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
88	19 снизу	Энгштремъ	Энгенштромъ.
98.	4 сверху	Сентября	Января
—	7 снизу	депешахъ	болотахъ
138	9 сверху	когда	тогда
234	7 »	Верте	Вѣрьте
243	1 ›	Августа	Августа
256	19 снизу	Нивицкій	Новицкій
485	12 снизу	Глинки	Голицына
514	4 снизу	новь	вновь
633	13 сверху	Мадолинскій	Мадалинскій

Оглавленіе

ВТОРАГО ТОМА.

Примѣчанія

Приложения

Указатель

Гравюры:

Планъ

ПЛАНЪ

БЛАГОВѢЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ТРОИЦКОЙ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ,

СЪ МАЛОЮ РИЗНИЦЕЮ И ПАЛАТКОЮ, ВЪ КОТОРОЙ ПОГРЕБЕНО ТѢЛО

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА

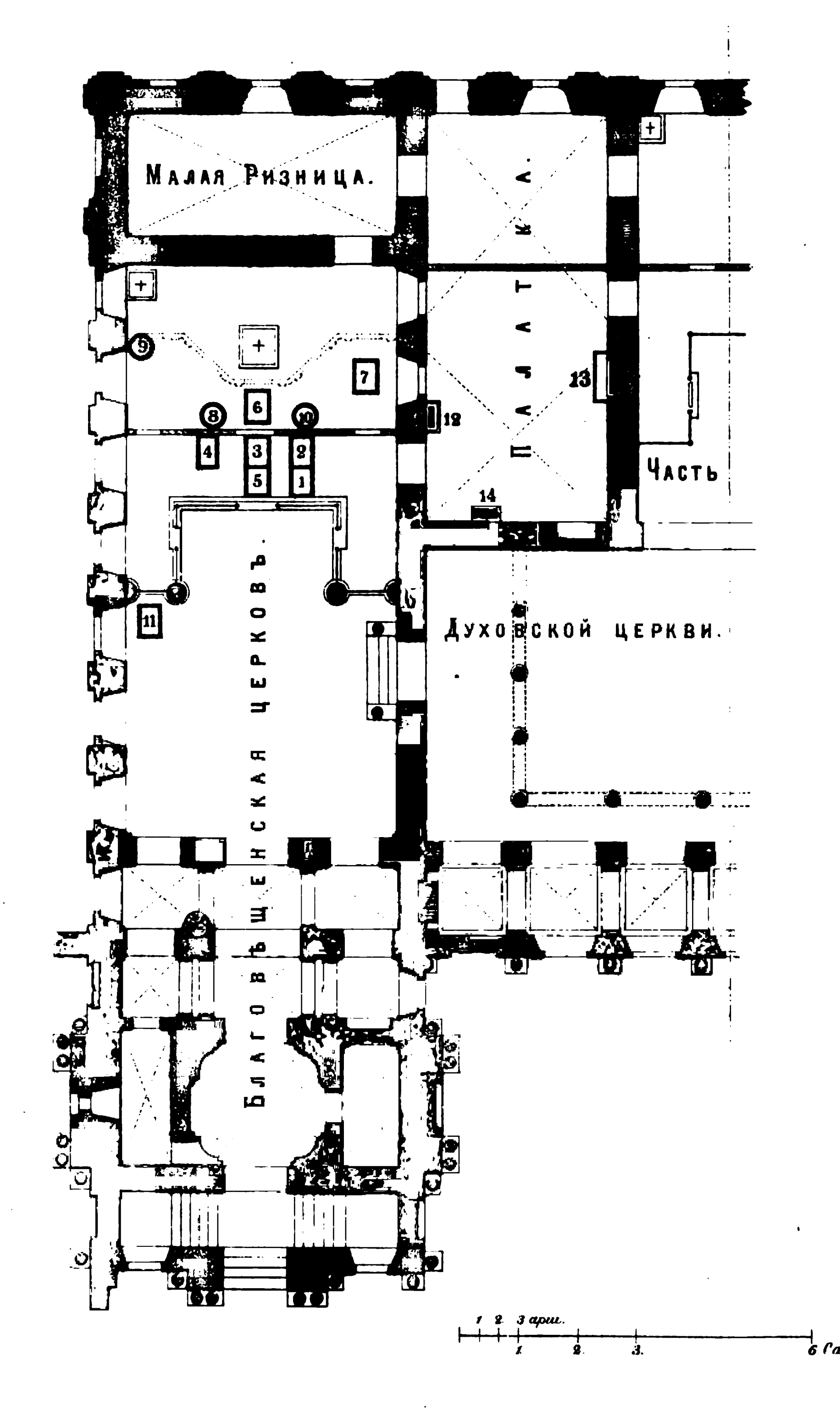
БЕЗБОРОДКИ.

Объясненіе плана.

1. Благовѣрная царевна, великая княжна Наталія Алексѣевна, дочь государя царя Алексѣя Михайловича, родилась 1673 г., августа 22, скончалась 1716 г., іюня 18; перенесена изъ церкви Воскресенія Лазаря, въ 1723 г., октября 24.
2. Благовѣрный царевичъ, великій князь Петръ Петровичъ, сынъ государя царя Петра Алексѣевича, родился 1715 г., октября 29, скончался 1719 г., апрѣля 25; перенесенъ изъ церкви Воскресенія Лазаря, въ 1723 г., октября 24.
3. Благовѣрная царица, великая княгиня Параскева Феодоровна, супруга государя царя Іоанна Алексѣевича, родилась 1664 г., октября 12, скончалась 1723 г., октября 13.
4. Благовѣрная царевна, великая княгиня Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, дочь государя царя Іоанна Алексѣевича, родилась 1691 г., октября 29, скончалась 1733 г., іюня 14.
5. Правительница Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгъ-Люненбургская, родилась 1718 г., декабря 7, скончалась 1746 г., марта 8.
6. Благовѣрная государыня, великая княжна Анна Петровна, дочь государя великаго князя Петра Феодоровича, родилась 1757 г., марта 8, скончалась 1759 г., марта 8.
7. Благовѣрная государыня, цесаревна великая княгиня Наталія Алексѣевна, супруга государя наслѣдника цесаревича Павла Петровича, родилась 1755 г., іюня 14, скончалась 1776 г., апрѣля 15.
8. Благовѣрная государыня, великая княжна Ольга Павловна, дочь государя наслѣдника цесаревича Павла Петровича, родилась 1792 г., іюля 11, скончалась 1795 г., января 15.
9. Благовѣрная государыня, великая княжна Марія Александровна, дочь государя наслѣдника цесаревича Александра Павловича, родилась 1799 г., мая 8, скончалась 1800 г., іюля 27.
10. Благовѣрная государыня, великая княжна Елисавета Александровна, дочь государя императора Александра I-го, родилась 1806 г., ноября 3, скончалась 1808 г., апрѣля 30.
11. Суворовъ, Александръ Васильевичъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій, скончался 6 мая 1800 г.
12. Бецкій, Иванъ Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, скончался 31 августа 1795 г.
13. Безбородко, свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ, канцлеръ, скончался 6 апрѣля 1799 г.
14. Ягушинскій, графъ Сергѣй Павловичъ, генералъ-лейтенантъ и дѣйствительный камергеръ, скончался 10 февраля 1806 г.

Примѣчаніе. Пунктированное точками на планѣ означаетъ: мѣстоположеніе существовавшаго, въ прежнее время, иконостаса.

Планъ.

Хром.-Лит. М. М. Осипова

[illegible]